

ВНѢШНІЙ БЫТЪ НАРОДОВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора и преподавателя при корол. Академіи Художествъ въ Берлинѣ.

ТОМЪ I.

ИСТОРІЯ ОДЕЖДЫ, ВООРУЖЕНІЯ, ПОСТРОЕКЪ И УТВАРІ

НАРОДОВЪ ДРЕВНЯГО МІРА.

Съ 1945 отдѣльными изображеніями по рисункамъ сочинителя.

ЧАСТЬ 2-я.

ЗАПАДНЫЕ НАРОДЫ.

Съ нѣмецкаго В. Чаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1874.

ВНѢШНІЙ БЫТЪ НАРОДОВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора и преподавателя при Берлинской Академіи Художествъ.

ТОМЪ I.

Съ 1945 отдѣльными изображеніями по рисункамъ сочинителя.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1874.

ИСТОРІЯ
ОДЕЖДЫ, ВООРУЖЕНІЯ, ПОСТРОЕКЪ и УТВАРИ
НАРОДОВЪ ДРЕВНЯГО МІРА.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Проессора и преподавателя при корол. Академіи Художествъ въ Берлинѣ.

Часть 2-я.

ЗАПАДНЫЕ НАРОДЫ.

Съ нѣмецкаго В. Чаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1874.

Рисунки доведены цензурою. Москва, 16 Октября 1874 г.

Отдѣлъ третій.

Древнѣйшіе народы Европы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Народы сѣверовосточной Европы

(и сѣверозападной Азіи) ¹.

Предварительныя замѣчанія.

Высшіеся между Чернымъ и Каспійскимъ морями хребты Кавказа образуютъ естественную границу между западной Азіею и равнинами сѣверовосточной Европы и внутренней Азіи. Они были для запада такимъ же великимъ „народораздѣломъ (Völkerscheide)“, какъ Гималай для Востока, и вмѣстѣ исконнымъ мѣстопробываніемъ многочисленныхъ независимыхъ племенъ. Большая часть этихъ племенъ вели дикую жизнь горныхъ охотниковъ и кочевыхъ пастуховъ (Herod. I. 203); только немногія изъ нихъ, жившія на плодородныхъ склонахъ горныхъ отроговъ, занимались земледѣліемъ и разведеніемъ овощей; тѣже, которыя поселились вдоль морскихъ береговъ, промышляли морскими разбоями и слыли у древнихъ за опасныхъ пиратовъ

¹ C. Ritter. Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten vor Herodotus, um den Kaukasus und an den Gestaden des Pontus. Berlin. 1820.—L. Heeren. Ideen über die Politik, den Verkehr und Handel, etc. Göttingen. 1824. I, 261—315.—L. Georgi. Alte Geographie. II Abthlg (Europa). Stuttgart. 1840. Стр. 262 и слѣд.—P. J. Schafarik. Slavische Alterthümer. Deutsch von Mosig von Aehrenfeld, herausg. von H. Wuttke. I Bd. Lpzg. 1843 (главный источник).—A. Hansen. Ost-Europa nach Herodot, mit Ergänzungen aus Hippocrates. Dorpat. 1844. — F. Kruse. Ur-Geschichte des esthnischen Volksstammes und der kais. russischen Ostseeprovinzen Liv—Esth — und Curland überhaupt, bis zur Einführung der christl. Religion. Nebst 1 Karte und 2 Lithograph. Moskau. 1846. — О Скивахъ: M. Duncker. Gesch. des Alterthums. II, 430 и слѣд. и въ особенности: K. Neumann, Die Hellenen im Skythenlande. Ein Beitrag zur alten Geographie. Ethnographie und Handelsgeschichte. Mit 2 Karten. Berlin. 1855.—Изданія съ рисунками: F. Dubois de Montpéreux, Voyage au Caucase etc. Atlas (III-e et IV-e serie. 1840—43). Neuchâtel en Suisse, et Paris.—Alexis Ouyaroff. Recherches sur les antiquités de la Russie méridionale et des côtes de la Mer Noir. Avec un atlas in-fol. Paris. 1855.—Ср. также: Bähr (J. K.), Die Gräber der Liven. Ein Beitrag zur nordisch. Alterthumskunde und Geschichte. Nebst 21 lithogr. Tafeln und 2 Holzschnitten. Dresden. 1850.—F. Kruse. Necrolivonica. Moskau. 1842.

(Herod. I, 203. Strab. XI, 2. Appian. Mithrid. с. 102) ¹. Къ приморскимъ племенамъ принадлежали жившіе близъ сѣвернаго берега Чернаго моря Геніохі, Ахеи, (Achaei), Абазги и Цехи (Zechi); а къ внутреннимъ, горнымъ племенамъ,—извѣстные уже и древнѣйшимъ греческимъ писателямъ, Керкетей или Черкесы (Hallanik. Mytilen. ed. Sturz. p. 19). Всѣ эти племена занимали нынѣшнюю Абхазію и Мингрелію, слѣдовательно жили на сѣверозападъ отъ древней Колхиды (Lazika), обнимавшей собою югозападные части Кавказа вмѣстѣ съ ихъ сѣверными возвышенностями, на которыхъ кочевало племя Суановъ (Suani). Съ востока примыкала къ Колхидѣ Иберія (Грузія), — страна, имѣвшая, благодаря своимъ горнымъ ходамъ, весьма важное значеніе въ торговыхъ сношеніяхъ древнихъ. Населеніе ея дѣлилось на горцевъ и жителей долинъ. Первые — безпокойные и войнолюбивые, жили набѣгами и грабежемъ; послѣдніе были большею частью земледѣльцы, подобно Мидянамъ и жителямъ Арменіи (Strab. XI). На востокъ отъ Иберіи до береговъ Каспійскаго моря простиралась страна, названная въ послѣдствіи Албанією (Ptol. V. 12). Изъ племенъ, ея населявшихъ, были особенно извѣстны Леги (Леки, Лезгины) и жившіе вдоль морскаго берега воинственные Албаны (Аланы?).

Обо всѣхъ этихъ племенахъ,—къ которымъ Страбонъ (XI) и Плиній (VI, 4) причисляютъ еще много другихъ,—древніе знали, однакожъ, весьма мало, почти одни только ихъ названія. Гораздо опредѣленнѣе были ихъ свѣдѣнія о кочевыхъ племенахъ, жившихъ къ сѣверу отъ Кавказскихъ горъ. Смутные слухи о нихъ доходили уже до Гомера и Гезіода ²; и тотъ и другой упоминаютъ о Гиппомолгахъ (конедоителяхъ), впрочемъ, какъ о народѣ полубаснословномъ. Гомеръ называетъ еще Киммеріянъ (Од. XI, 14. Ил. XIII, 5) ³, которые въ историческое время являются многочисленнымъ завоевательнымъ народомъ. Эсхилъ говоритъ о „дорогѣ Скивовъ“, которая проходитъ по „отдаленнѣйшей странѣ міра, близъ озера Меотиса“ (Азовскаго моря) и ведетъ „на край земли“ (Prometh. 1, 2, 416, 710). Онъ имѣлъ даже довольно вѣрныя свѣдѣнія и объ образѣ жизни Скивовъ; по его словамъ они „живутъ въ плетеныхъ хижинахъ, поставленныхъ на колеса, подобно повозкамъ, и носятъ за плечами дальнотрѣльные луки“.

Скиоскія племена стали извѣстны Грекамъ черезъ посредство торговыхъ сношеній съ черноморскимъ побережьемъ, заведенныхъ послѣдними въ 7 вѣкѣ до Р. Х. ⁴. Дальнѣйшее развитіе торговли и основаніе по берегамъ Чернаго моря греческихъ поселеній, быстро превратившихся въ богатые торговые города (Ольвія, Пантикапея, Фанагорія, Танаисъ и др.), дали Грекамъ возможность узнать и остальные племена восточной Европы, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы различать ихъ между собою по занимаемымъ ими мѣстностямъ. Всѣ добытыя о нихъ свѣдѣнія были собраны Геродотомъ, который дополнилъ ихъ своимъ личными наблюденіями и такимъ образомъ составилъ первое, и для того времени удовлетворительное, описаніе народовъ восточной Европы, ихъ быта и земель ими обитаемыхъ.

¹ О современномъ населеніи Кавказа, см. G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte IV, 8. seqq. — ² K. Neumann: Die Hellenen im Skythenlande. I. 114 и слѣд. —

³ Düncker. II, 452 и слѣд. — ⁴ L. Heeren. Ideen. etc. I (II), 300 sqq.

Упомянутыя Геродотомъ страны (границы которыхъ опредѣлять довольно трудно) представляли, по его словамъ, одну „необозримую равнину“, покрытую обширнымъ сплошнымъ лѣсомъ и прорѣзанную многоводными рѣками, текущими на далекихъ разстояніяхъ одна отъ другой. Однообразіе этой пустынной и лишь по близости рѣкъ пригодной къ земледѣлію равнины изрѣдка прерывается грядами небольшихъ возвышенностей (Herod. IV, seq.). Въ главныхъ своихъ чертахъ, это описаніе согласно съ дѣйствительностью ¹, и противорѣчитъ ей только въ отношеніи лѣсовъ, о которыхъ говоритъ Геродотъ ². Вѣсьма вѣроятно, что еще во времена греческихъ колоній средняя и южная Россія была покрыта густыми лѣсами, которые спускались глубоко къ югу и тамъ сливались съ лѣсами, сходящими съ сѣверныхъ склоновъ таврическихъ горъ; слѣдовательно охватывали мѣстности нынѣ довольно бѣдные лѣсомъ и вовсе безлѣсныя. Остальные пространства, за исключеніемъ плодородныхъ прибрежій большихъ рѣкъ (Днѣпра и др.), сохранили и до сихъ поръ свой первобытный характеръ безлѣсной степи.

Скудная производительность почвы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ восточной и сѣверной части Кавказа, совершенно неподдающейся воздѣлыванью, кладетъ на эти пространства отпечатокъ однообразія, которое нарушается лишь перемѣнами временъ года и потому самыми рѣзкими переходами. При господствующей сравнительно низкой температурѣ, которая естественно тѣмъ ниже, чѣмъ сѣвернѣе лежитъ мѣстность, растительность тамъ вообще кратковременна. Она начинается не ранѣ начала Іюня, когда вдругъ наступаетъ сильное тепло, и продолжается не дальше конца Сентября. Въ этотъ короткій промежутокъ времени, зеленые до того луга, покрываются пестрыми цвѣтами луковичныхъ растений. Вездѣ зацвѣтають крокусы, тюльпаны, гіацинты, и притомъ въ такомъ изобиліи, что глазъ утомляется не встрѣчая перерыва вновь и вновь выплывающимъ ему навстрѣчу разноцвѣтнымъ полосамъ. Къ тому же въ теченіи этихъ мѣсяцевъ всѣ ручьи и степныя рѣки высыхаютъ, а перепадающіе дожди хотя сильны, но коротки и не освѣжительны. Но уже въ началѣ Сентября вся цвѣтущая степь превращается въ совершенно безцвѣтную пустыню. Вскорѣ исчезаетъ даже и мелкая трава и дожди замѣняются страшными мятелями, опасными даже и самому поселенію.

По повѣйшимъ, на основаніи Геродотовыхъ извѣстій произведеннымъ изслѣдованіямъ ³ о топографическомъ распредѣленіи племенъ населявшихъ восточную Европу, — земли къ сѣверу отъ Кавказскихъ горъ были заняты кочевьями Савроматовъ или Сарматовъ (Herod. IV. 21. 57, 110), — народа, вѣроятно, арійскаго корня. Выйдя изъ средней Азіи, Сарматы распространились по всей равнинѣ между Дономъ и Волгой и далѣе къ востоку ⁴ на неопредѣленное пространство, отчего и всѣ эти страны до 2-го вѣка по Р. Х. стали извѣстны подъ именемъ Сарматіи ⁴. Сарматы были народъ воинственный

¹ K. Neumann, I, 18 и сл. — ² Ibid. стр. 75, 91, 98, 208 и слѣд. — ³ Главн. источникъ: J. Schafarik, Slavische Alterthümer I, 266; K. Neumann, Die Hellenen im Skythenlande I, passim; M. Duncker, II. 430 sqq. — ⁴ K. Neumann, op. cit. I, 13, 321 — ⁴ Греки называли племена жившія по сѣ стороны Дона (относительно Греціи) — «Скивами», а кочевавшіе между Дономъ, Волгою и Кавказомъ — «Сарматами». K. Neumann I, 101.

и превосходные наѣзники; женщины у нихъ ходили на войну и сражались на ряду съ мужчинами. Это послѣднее обстоятельство и послужило, кажется, главнымъ основаніемъ старинному греческому повѣрью о существованіи царства воинственныхъ женщинъ — амазонокъ ¹.

До прихода въ Европу Сарматскихъ племенъ (къ которымъ причислялось также племя Аорсовъ, проникшее во времена Плинія (IV, 18; VI, 15) до береговъ Дуная²), на востокъ отъ Танаиса кочевали многочисленныя орды Будиновъ и Гелоновъ (Herod. IV. 102, 108, 109). Они занимали, кажется, нынѣшнюю Волынскую губ. и частію лѣсистыя мѣстности Саратовской губ. и земли Войска Донского³. На сѣверъ отъ ихъ земли лежала, по словамъ Геродота, необитаемая пустыня въ 7 дней пути длиною. За пустыней, въ сѣверовосточномъ направленіи, начинались снова большіе лѣса и жили (вѣроятно между Волгой и Камой, и по Окѣ и Сурѣ)⁴ охотничьи и пастушескія племена Тиссагетовъ и Ырковъ (Тирковъ). Далѣе на сѣверъ, у подошвы высокихъ горъ, Геродотъ помѣщаетъ миролюбивыя племена Исседоновъ и Аргиппеевъ (лысыхъ). Эти послѣдніе, по всей вѣроятности башкирская или калмыцкая орда⁵, принадлежали, какъ полагаютъ,⁶ къ коренному Скиоскому племени, вѣтвью котораго могли быть и Исседоны.

Земли на западъ отъ Танаиса (Дона) до устьевъ Истра (Дунай) и къ югу до Чернаго и Азовскаго морей и крымскихъ степей были съ незапамятныхъ временъ заселены Скиоами. На крымскомъ полуостровѣ жили еще Тавры, народъ тоже скиоскаго происхожденія — крайне грубый и дикій и управляемый царями (Herod. IV. 119. Strab. XI. 2. Diod. III. 41). На западъ отъ земли Скиоовъ (не въ Седмиградіи ли?) обитали Агаѳирсы,⁸ Калипиды, Алазоны и др. (Herod. IV, 100); къ сѣверу отъ нихъ и западнѣе Танаиса — Меланхлены (черные плащи) и за ними, еще далѣе на западъ — по предположенію Геродота — Андрофаги или Людоѣды (Herod. IV, 18; 101; 106; 107). Меланхлены занимали можетъ быть югозападную часть нынѣшней Воронежской губерніи⁹. Изъ племенъ сосѣдившихъ съ Скиоами съ сѣвера, Нервы (въ нын. Подольской губ.) были самыми западными, а самыми восточными — Аримасы (одноглазые) — которыхъ самъ Геродотъ считаетъ баснословными (Herod. IV. 27) — кочевавшие вѣроятно близъ средняго Урала¹⁰. Обширныя пространства между восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря и западными отрогами Имауса были заняты Массакетами¹¹ (Herod. I. 215, 216. Strab. IX, 8). Въ одеждѣ и обычаяхъ этотъ народъ имѣлъ много общаго со Скиоами, и по всей вѣроятности происходилъ съ ними отъ одного корня, хотя можетъ быть и смѣшался отчасти съ сосѣдившими съ нимъ на югѣ племенами Саковъ¹². — О странахъ, лежавшихъ далѣе на сѣверовостокъ отъ обиталищъ перечисленныхъ народовъ, древніе не имѣли никакихъ свѣдѣній. Геродотъ (IV. 27, 28) и за нимъ нѣкоторые другіе писатели рассказываютъ, правда,

¹ Объ Амазонкахъ см. Duncker II, 432 и слѣд. K. Neumann I, 327. — ² K. Neumann I, 214. — ³ J. Schafarik. I, 186. K. Neumann. I, 91. — ⁴ J. Schafarik. I, 296. — ⁵ M. Duncker II, 439. — ⁶ K. Neumann I, 137. — ⁷ тамъ же стр. 200. Ср. J. Schafarik I, 267. — ⁸ Duncker. II, 441. — ⁹ K. Neumann I, 215. — ¹⁰ Тамъ же стр. 207. Ср. J. Schafarik. I, 194 и слѣд. — ¹¹ Ср. Duncker II, 570. K. Neumann I, 120. — ¹² Персы называли всѣхъ обитателей Тѣрана «Саками» т. е. кочевыми наѣзниками. K. Neumann I, 119.

о суровыхъ восьмимѣсячныхъ зимахъ и долгихъ ночахъ дальняго сѣвера; но ничего не говорятъ о его жителяхъ. По мнѣнію Грековъ, тамъ вплоть до крайняго моря жили Гипербореи — народъ, питавшійся плодами и незнавшій ни заботъ, ни болѣзней, ни старости (Herod. IV. 32. 36. Aeschyl. Prometh. v. 285. 802. Pind. Pyth. X. 37. Diod. II. 47. Mela de situ orbis. III. 5).

Образъ жизни перечисленныхъ племенъ обусловливался главнымъ образомъ природою страны, гдѣ они жили. Земледѣльческій бытъ могъ развиваться только въ мѣстностяхъ, пользовавшихся болѣе благопріятнымъ климатомъ, и на плодородныхъ горныхъ отрогахъ. Поэтому и здѣсь (какъ и въ передней Азіи) первые зачатки высшей культуры появились прежде всего по берегамъ моря и большихъ рѣкъ. Вскорѣ послѣ основанія Греческихъ колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря, этотъ берегъ сдѣлался и „одною изъ важнѣйшихъ житницъ переполненной населеніемъ Эллады“¹. Степное населеніе, напротивъ того, должно было поневолѣ оставаться кочевымъ. Постоянныя столкновенія отдѣльныхъ племенъ между собою развили въ нихъ воинственность, которая побуждала ихъ отваживаться на самыя смѣлыя предпріятія противъ странъ болѣе сильныхъ и богатыхъ, чѣмъ ихъ собственныя. Сама природа какъ будто поощрляла ихъ къ этимъ нападеніямъ, давши имъ въ помощь лошадей — этого вѣрнѣйшаго товарища на войнѣ. Туземное въ тѣхъ степяхъ и весьма тамъ распространенное, это животное было для Скиоскихъ и Сарматскихъ племенъ тѣмъ же, чѣмъ для Аравитянъ былъ верблюдъ². Еще и нынѣ лошади составляютъ главное богатство кочующихъ въ тѣхъ же степяхъ монгольскихъ племенъ,³ съ которыми впрочемъ древніе Скионы, на сколько мы о нихъ знаемъ, имѣли такъ много общаго, что ученые не затруднялись признать послѣднихъ за монголовъ и за предковъ нынѣшнихъ кочевниковъ⁴.

Хотя послѣ всѣхъ этихъ народовъ не осталось никакихъ вещественныхъ памятниковъ, тѣмъ не менѣе бытовая обстановка ихъ, особенно народовъ скиоскихъ и сарматскихъ, намъ достаточно извѣстна, благодаря открытымъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря остаткамъ греческихъ поселеній. По найденнымъ при этомъ многочисленнымъ издѣліямъ греческаго искусства, а отчасти также и по изображеніямъ Скиоовъ и Грековъ, сохранившимся на обломкахъ зданій, видно, что припонтійскіе Греки (вѣроятно уступая также и вліянію климата) заимствовали многое для своей одежды отъ Скиоовъ, но (такъ же какъ и въ малой Азіи) и съ своей стороны способствовали къ усовершенствованію одежды Скиоовъ, покрайней мѣрѣ тѣхъ племенъ съ которыми были въ болѣе частныхъ сношеніяхъ (ср. Herod. IV, 78). Одежда такъ наз. европейско-сарматскихъ и иллиро-оракійскихъ народовъ сохранилась

¹ K. Neumann I, —² Тамъ же стр. 244 и слѣд. —³ О нихъ ср. G. Klemm Allgem., Kulturgesch. der Menschheit III, 136. —⁴ Мнѣніе это было высказано уже Шафарикомъ (Slav. Alterth. I, 280) и нашло себѣ ревностнаго защитника въ Neumann'ѣ. (назв. соч.). Въ послѣднее время заявлено было однакожь сомнѣніе въ его справедливости (A. Schiefner. Sprachliche Bedenken gegen das Mongolenthum der Skythen. Abhandl. 1856), такъ что вопросъ о происхожденіи этого замѣчательнаго народа должно считать еще нерѣшеннымъ.

только въ изображеніяхъ на римскихъ памятникахъ позднѣйшаго времени. Что касается народовъ дальняго сѣвера, то мы не имѣемъ никакихъ указаній на ихъ бытъ, кромѣ остатковъ древнихъ могилъ, открытыхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. ¹ Но находка эта должна быть подвергнута болѣе обстоятельному изслѣдованію, чтобы на ней можно было основать какія либо выводы относительно состоянія культуры на сѣверѣ въ глубокой древности.

Одежда.

Жители степей должны были по неволѣ обратиться для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей къ разведенію домашнихъ животныхъ, которыя могли доставлять имъ и пищу и одежду. Поэтому рассказы позднѣйшихъ римскихъ писателей (Justin. II, 2) о томъ, что Скиоамъ было неизвѣстно употребленіе шерсти и что они одѣвались только въ шкуры дикихъ животныхъ—основаны, безъ сомнѣнія, на ложномъ представленіи объ образѣ жизни этихъ племенъ, или же на смѣшеніи ихъ съ другими сѣверными племенами, о которыхъ (именно о Будинахъ и Меланхленахъ) ² тоже самое рассказывалъ уже Геродотъ (I, 202. IV, 107, 109). О кочевыхъ же Скиоахъ Геродоту было извѣстно (отчасти можетъ быть и по личному наблюденію), что они носили одежду изъ выдѣланныхъ (дубленыхъ) кожъ, которыя они сшивали тонкими ремешками или крѣпкими шитками, причемъ употребляли шило (Herod. IV. 60, 64, 70, 74). Поэтому будетъ вѣрнѣе предположить, въ противоположность вышеприведенному рассказу римскаго писателя, что кожаная одежда древнихъ Скиоовъ какъ по виду, такъ и по способу изготовленія мало отличалась отъ той, какую носятъ пынѣшніе монгольскіе пастухи; ³ кажется даже весьма вѣроятнымъ, что кромѣ кожаной одежды древніе Скиоы носили также и овчинные тулупы и одежду изъ тканей или валяной овечьей шерсти. Такъ какъ они (подобно пынѣшнимъ монгольскимъ и арабскимъ кочевникамъ) презирали всякую ручную работу, то изготовленіемъ платья и обработкою шерсти занимались у нихъ, вѣроятно, преимущественно женщины или плѣнные рабы (Herod. II. 167; IV, 114).

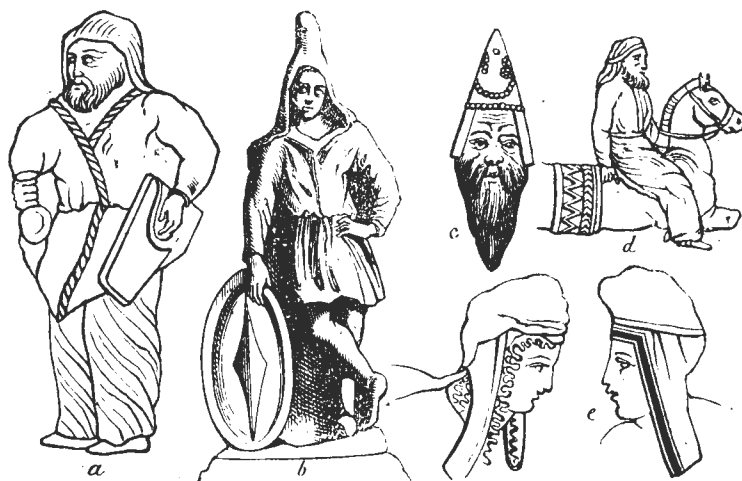
Сходство климатическихъ условій и образа жизни было причиною, что всѣ означенныя племена носили одинаковую одежду. Покрайней мѣрѣ, по свидѣтельству Геродота, племена Андрофаговъ, Аргипеевъ, Массагетовъ и др., жившія далеко другъ отъ друга, всѣ одѣвались по-скиоски; только оружіе и украшенія были у нихъ различны (Herod. I, 215. IV, 23, 105, 106). Скиоская

¹ См. J. K. Bähr. Die Gräber der Liven. Ein Beitrag zur nordischen Alterthumskunde (mit Abbild). Dresden 1850. — ² Можно предположить что Меланхлены (черные плащи) получили это названіе отъ темноцвѣтной одежды (кожаной); нѣкоторые изслѣдователи (напр. Kruse—Urgeschichte des esthnischen Volksstammes. стр. 21. 81) считаютъ ихъ вѣтвью эстонскаго племени, которое и до сихъ поръ еще одѣвается въ черные (шерстяные) кафтаны. — ³ Ср. объ этомъ K. Neumann I, 289 и G. Klemm Allgem. Culturgesch. III, 162 и слѣд.

одежда ¹, которую слѣдов. должно признать общою для большей части названныхъ племенъ, вполне соответствовала и образу ихъ жизни и климату ихъ странъ. Она изготовлялась изъ кожи и была въ собственномъ смыслѣ зимнею одеждою, вполне защищавшею всё тѣло, что и было нужно въ климатѣ, гдѣ холодъ перевѣшивалъ тепло. Лѣтней одежды Скифы не знали. (Hippokrat. § 97). ²

1. Мужская одежда Скифовъ, какъ ее представляютъ древніе памятники (фиг. 214 и 215), состояла изъ штановъ и кафтана съ длинными рукавами. Греки находили особенно странною первую часть скифской одежды, то есть — штаны, но ношеніе ихъ объясняли, очень справедливо, суровостью климата (Hippokrat. § 113); скифскіе же кафтаны, которые можетъ быть походили на бѣлые натертые мѣломъ кафтаны калмыковъ, ³ Геродотъ совершенно ошибочно считаетъ сшитыми изъ выдѣланной человѣчьей кожи (Herod. IV, 64). Кафтаны были различной длины, спереди зашивались и подпоясывались кожанымъ поясомъ; на поясѣ обыкновенно висѣла на ремнѣ чашка для питья (Herod. IV, 9, 10; Gelluis. noct. Attic. XVI. 3).

Фиг. 214.

На головѣ носили остроконечныя шапки, закрывавшія уши и затылокъ (Herod. VII. 64); обувались въ широкіе полусапоги, которые надѣвали сверхъ штановъ или подъ нихъ и около шиколки зашнуровывали (фиг. 214. a, b, c. фиг. 215. a, b).

2. О женской одеждѣ говорится, что она была отлична отъ мужской, но не указывается въ чемъ состояло это отличіе (Hippokrat. § 109). Можно полагать, что женская одежда была длиннѣе и шире мужской, и кромѣ

¹ Klemm, III, 162. — ² K. Neumann. I, 287 и слѣд. M. Duncker II, 442; Ср. G. Klemm. Allg. Culturgesch. III, 151. Taf. II. Fig. 3 und 4; Georgi, Beschreibung aller Nationen etc. Auflage. Fig. 76; 77; 84 и слѣд. Ср. Klemm loc. cit. —

³ О крашеніи одежду у Массagetовъ, упоминаемыхъ Геродотомъ (I, 203), было говорено выше.

того, наряднѣе и счита изъ менѣе грубой, можетъ быть шерстяной, матеріи. О сарматскихъ женщинахъ Геродотъ говоритъ прямо, что онѣ одѣвались и носили оружіе такъ же какъ и ихъ мужья (Herod. IV. III. 116). Если изображенія амазонокъ на греческихъ памятникахъ, особенно на вазахъ ¹ представляютъ дѣйствительно сарматскихъ женщинъ, то одежда Сарматовъ имѣла много общаго съ одеждою Скиоовъ, и еще болѣе съ одеждою малоазійскихъ народовъ, въ особенности Лидянъ и Фригійцевъ (ср. фиг. 179. а, b; фиг. 188. b, c). На амазонкахъ мы видимъ и фригійскую шапку съ лопастями (фиг. 214, e), и плотно обтягивающее тѣло верхнее платье, штаны, башмаки или полусапожки и широкія накидки, не говоря уже о малоазійскихъ полукруглыхъ щитахъ, лукахъ, сѣкирахъ и копьяхъ. Что касается противорѣчія, которое представляетъ узкая верхняя одежда амазонокъ съ широкою скиоскою одеждою, то оно разъясняется тѣмъ, что вѣроятно греческіе художники въ этомъ случаѣ слѣдовали не столько дѣйствительности, сколько своему собственному вкусу и одѣвали своихъ амазонокъ въ болѣе имъ, художникамъ, знакомую малоазійскую одежду, или даже и въ скиоскую, но уже измѣненную греческими колонистами и приспособленную ими для ихъ собственного употребленія ². Вѣдь представляли же современные греческіе, а позднѣе и римскіе, скульпторы тѣхъ же амазонокъ первые въ греческой, а послѣдніе въ римской одеждѣ, лишь слегка измѣненной ³.

Древніе Скиоы такъ же мало заботились объ украшеніи своей наружности, какъ и нынѣшніе монгольскіе кочевники ⁴. Общеупотребительныя у этихъ послѣднихъ паровыя бани были извѣстны и имъ. Въ баняхъ мылись преимущественно мужчины, которымъ онѣ замѣняли всякое другое умыванье (Herod. IV, 75). Женщины были не чистоплотнѣе мужчинъ: время отъ времени онѣ намазывали себѣ лицо и всё тѣло приготовленнымъ изъ можжевельника липкимъ тѣстомъ ⁵; когда на другой день тѣсто снимали—кожа оказывалась чистою и блестящею и притомъ хорошо пахла (Herod. IV. 76).

Собственно драгоценныя украшенія были въ употребленіи лишь у тѣхъ скиоскихъ племенъ, которыя жили вблизи золотоносныхъ мѣстностей (юго—и сѣверовосточныхъ горъ) или которыя были въ частыхъ сношеніяхъ съ греческими колоніями на сѣверномъ берегу Чернаго моря. По разсказамъ древнихъ, племена Массagetовъ, Исседоновъ, Аримасповъ и Аргипеевъ не только переправляли съ незапамятныхъ временъ огромныя количества золота въ переднюю Азію, ⁵ но и сами носили золотыя украшенія. У Массagetовъ, по

¹ Сравни. рисунки у Dubois de Montpéroux, Voyage au Caucase etc. IV série archéol. pl. XII, и у T. Hope. Costume of the ancients. I Tab. 27, 28, 36. См. также Köln в Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. Petersburg I, 25—42. По одному мѣсту въ Aristotel. mirab. auscult. c. 114 можно впрочемъ предполагать, что многія изъ находимыхъ при Черномъ морѣ вазъ были завезены туда изъ Греціи. Ср. Dubois de Montpéroux назв. соч. V стр. 181. — ² K. Neumann I, 502. — ³ Примѣръ этому представляетъ извѣстный флгалскій фризъ: Über die von den Herren Bronstedt, Cockerell, v. Haller u. s. w. neu aufgefundenen Basreliefs in dem Tempel des Apollo Epikurius. Mit 5 Kupf. Weimar. 1861. Ср. Müller. Denkmäler der alten Kunst. A. Taf. XXXI. No. 137, и J. Overbeck. Gallerie heroischer Bildwerke etc. Atlas. Taf. XXI. Fig. 8; Fig. 14 ff. — ⁴ Ср. Klemm III, 154. — ⁵ K. Neumann I, 294. — ⁵ Объ относящейся сюда легендѣ о стерегущихъ золото грифонахъ см. M. Duncker Gesch. d. Alterthum. II, 447 и слѣд. и ср. Herod. III, 116.

словам Геродота (II, 215), было такое изобиліе въ золотѣ и мѣди и такой недостатокъ въ серебрѣ и желѣзѣ, что вообще употреблялись только первые два металла, причемъ золото шло преимущественно на украшеніе головныхъ уборовъ, поясовъ и т. д.

Кромѣ Аримасповъ, въ землѣ которыхъ золото стерегли сѣинксы и грифоны (Herod. IV. 27), Геродотъ упоминаетъ еще объ Агаѳирсахъ, какъ о богатомъ народѣ, носившемъ золотыя украшенія (Herod. IV. 104). Агаѳирсы добывали свои богатства вѣроятно въ проходившихъ по ихъ странѣ базальтовыхъ горахъ (Карпатахъ), которыя были разрабатываемы въ послѣдствіи и Римлянами ¹. Какъ у Агаѳирсовъ, такъ и у Гелоновъ, Будинновъ и другихъ племенъ было кажется въ обычаѣ (какъ и нынѣ еще у нѣкоторыхъ монгольскихъ кочевниковъ) ² раскрашивать тѣло и даже волоса синею краскою разныхъ оттѣнковъ, смотря по званію и состоянію cadaго (Mela II, I. Virgil. Aen. IV, 146. Ammian. XXXI. 2).

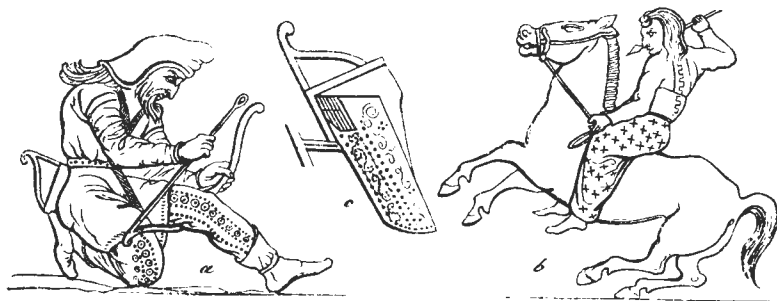
Не смотря на то, что Скионы старались не поддаваться никакимъ чужеземнымъ вліяніямъ, они все таки не могли остаться совершенно незатронутыми проникшею къ нимъ съ юга греческою цивилизаціею (Herod. IV. 76. Strab. VII). Разумѣется само собою, что она могла повліять только на племена жившія по сосѣдству съ греческими колоніями. Племена эти, хотя и раздѣленные на многія колѣна, составляли однакожъ родъ политическаго и религіознаго союза ³ и назывались „царскими скиоами“, въ отличіе отъ остальныхъ скиоскихъ племенъ, разрозненно кочевавшихъ во внутреннихъ и восточныхъ областяхъ Скиоіи. Деспотическая власть правившихъ ими царей, изъ которыхъ однакежъ всегда только одинъ былъ первенствующимъ (Herod. IV. 120), простиралась на всё скиоское населеніе. Скиоскіе цари были окружены полнымъ штатомъ придворныхъ и тѣлохранителей и держали по нѣскольку женъ. (Herod. IV. 71. 72. 78).

Эти-то вожди, превосходившіе остальную массу вѣроятно также и умственною развитостію, и поддались первые вліянію греческой культуры. Объ одномъ изъ нихъ, царѣ Скилѣ, рассказываютъ, что во время своего пребыванія въ городѣ Ольвіи, онъ жилъ въ богато-убранномъ дворцѣ и носилъ греческую одежду, но дѣлалъ всё это скрытно отъ своихъ единоплеменниковъ, передъ которыми являлся всегда одѣтымъ по-скиоски (Herod. IV. 78. 79). Изъ этого разсказа, равно какъ и изъ неудачной попытки образовавшагося въ Греціи скиоа Анахарсиса распространить между своими соплеменниками греческую образованность, попытки, стоившей ему жизни ⁴, можно съ большимъ вѣроятіемъ заключить, что, несмотря даже на родственныя связи нѣкоторыхъ скиоскихъ царей съ греческими фамиліями,—вліяніе греческой цивилизаціи въ Скиоіи не распространялось далѣе самихъ царей и небольшого круга ихъ приближенныхъ, да и у нихъ проявлялось въ одной внѣшности, въ богатствѣ наряда и обстановки. Что дѣйствіе его въ этомъ направленіи было на самомъ дѣлѣ весьма значительно, по крайней мѣрѣ у Скиоовъ

¹ L. Georgi Alte Geographie II. Abthlg. 258; 302.—² Budberg. Reisen eines Russen. Zerbst 1832. стр. 58.—³ L. Georgi. Alte Geographie. II Abthlg. 295 и слѣд. Duncker II, 443. K. Neumann I. 226 и слѣд.—⁴ Herod. IV, 76. Strab. VII.

таврического Херсонеса (нынѣшняго Крыма), доказываютъ раскопки тамошнихъ старинныхъ могилъ (кургановъ). Въ одной изъ такихъ могилъ, названной царскою могилою Кул-Обо, ¹ были найдены на двухъ скелетахъ, мужскомъ и женскомъ, два полныхъ царскихъ убора, вмѣстѣ съ оружіемъ и различною утварью. Такъ какъ по изяществу и оконченности отдѣлки вещи эти представляются несомнѣнно греческою работою лучшей поры искусства, форма же ихъ, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, рѣшительно не греческаго, а варварскаго происхожденія, ² то на основаніи этого и заключаютъ, что онѣ были изготовлены по крайней мѣрѣ въ 4 ст. до Р. Х., когда Скифы еще господствовали въ Херсонесѣ, а искусство въ Греціи уже достигло своего полного развитія ³.

Фиг. 215.

Судя по этимъ уборамъ, а также и по нѣкоторымъ изображеніямъ скифскихъ царей (на сосудахъ, найденныхъ въ тѣхъ же могилахъ), надобно предполагать, что одежда послѣднихъ была необыкновенно богата. Остатковъ ея, правда, до насъ не дошло; но уже по упомянутымъ изображеніямъ можно съ большою вѣроятностію заключить, что она дѣлалась не изъ кожи только, какъ у кочевыхъ Скифовъ, а изъ болѣе нѣжныхъ тканей, шерстяныхъ или полотняныхъ, и въ добавокъ была украшена небольшими золотыми блестками или бляшками, на манеръ описанной выше (часть I, стр. 286) малоазійской одежды (фиг. 215, а, b). Въ названной царской могилѣ было найдено множество такихъ бляшекъ самыхъ разнообразныхъ формъ. Всѣ онѣ украшены прекрасно сдѣланными рельефными изображеніями женскихъ головокъ, всад-

¹ Dubois de Monpéroux. Voyage au Caucase etc. V. 194—227. Atlas IV Serie, pl. 20 и слѣд.; L. Georgi Alte Geographie. II, 367 и слѣд. K. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande I, 503. — ² Dubois de Monpéroux, Voyage etc. V, 194. K. Neumann, I, 511. — ³ K. Neumann. I, 512. Эти и другія вещи, найденныя въ раскопкахъ близъ Керчи, показываютъ поразительное сходство, по крайней мѣрѣ въ основныхъ своихъ формахъ, съ украшениями и уборами древнихъ Ливовъ (K. Bähr, Gräber der Liven. Dresden. 1850) и еще болѣе съ древнескандинавскими и древнегерманскими. Это обстоятельство повидному подтверждаетъ догадку, что во всѣхъ этихъ странахъ была первоначально распространена одна общая культура, вышедшая изъ Азіи. Поэтому и упомянутыя находки могутъ быть приняты за образчики однородныхъ съ ними вещей, бывшихъ въ употребленіи у Массagetовъ, Исседоновъ и др. народовъ. Ср. впрочемъ K. Bähr назв. сочин. стр. IV; 28; 51 и слѣд. и о современныхъ нарядахъ сѣверныхъ народовъ, стр. 30 и слѣд.

никовъ, львовъ и т. п. Для прикрѣпленія бляшекъ къ одеждѣ, въ нихъ сдѣланы дырочки. ¹

Оба царскіе убора почти одинаковы и состоятъ изъ ожерелій, браслетовъ, ручныхъ и ножныхъ обручей и головныхъ украшеній въ родѣ діадемъ. Всѣ эти вещи сдѣланы изъ золота, очень прочно и массивно. По формѣ мужской діадемы (двѣ золотыя полосы, спаянныя вмѣстѣ и украшенныя цвѣтами и грифонами) можно заключить, что скиоская царская шапка была похожа на персидскую митру, можетъ быть только съ болѣе острою верхушкою, какъ у тѣхъ шапокъ, которыя представлены на нѣкоторыхъ фигуркахъ, найденныхъ въ тѣхъ же могилахъ (фиг. 214. с.).—Ожерелье (мужское) совершенно похоже на ожерелья персидскихъ царей позднѣйшаго времени. Оно имѣетъ форму витого разомкнутаго кольца, концы котораго украшены эмалью и фигурами скиоскихъ всадниковъ (фиг. 214. d) ². На правой рукѣ скелета были надѣты два обруча: одинъ powyше локтя, другой ниже его; на лѣвой рукѣ только одинъ—ниже локтя. Обручъ, надѣтый выше локтя—золотой; остальные два—изъ сплава серебра съ золотомъ (electrum). Кромѣ обручей, на обѣихъ рукахъ были еще браслеты изъ чистаго золота и превосходной работы ³; концы ихъ оканчиваются крылатыми сфинксами, которые держатъ въ лапахъ толстые золотые шнуры, служившіе вѣроятно застѣжками.

Украшенія, снятыя съ женскаго скелета, не только не уступаютъ мужскимъ въ цѣнности и отдѣлкѣ, но даже богаче ихъ. Ожерелье царицы состояло изъ двухъ колецъ—узкаго и широкаго; первое по концамъ украшено фигурами лежащихъ львовъ; послѣднее свито изъ тонкихъ золотыхъ проволокъ и обвѣшано небольшими золотыми флакончиками очень красивой формы, прикрѣпленными къ нему цѣпочками. Пониже ожерелья, на груди скелета, лежало украшеніе, довольно близко напоминающее наперсное украшеніе древнихъ Ассирійянъ. Оно состоитъ изъ пяти медальоновъ, соединенныхъ между собою цѣпочками, на которыхъ висятъ такіе же подвѣски въ видѣ флакончиковъ, какъ на ожерельи. На двухъ медальонахъ видна рельефомъ сдѣланная голова Минервы. Подвѣски покрыты черезъ одну синей и красной эмалью. Сверхъ этихъ украшеній при скелетѣ найдены остатки головнаго убора, ручныя обручи, почти ничѣмъ не отличающіеся отъ мужскихъ, и различныя туалетныя вещи, между прочимъ и бронзовое зеркало.

Оружіе, которое лежало отчасти подлѣ саркофага, отчасти въ самомъ саркофагѣ этой скиоской царской четы, носить на себѣ, такъ же какъ и украшенія, всѣ признаки настоящей греческой работы. Оно обдѣлано въ чистое золото и покрыто рельефными изображеніями. Особенною тонкостью исполненія отличаются рельефныя фигуры на небольшомъ овальномъ щиткѣ изъ чистаго золота. Онъ имѣетъ 8 дюймовъ и 3 линіи длины и 7 дюйм. 9 лин. ширины, толщиною равняется приблизительно пяти-франковой (серебряной) монетѣ, и вѣситъ около полутора фунта. Посрединѣ его представлены дельфины и разныя другія рыбы, а вокругъ нихъ головы медузы и бородатые

¹ Dubois de Montpéroux. Atlas. Serie. IV. Pl. 24, fl. 5—8.—² Тамъ же: Pl. 21, fig. 3.—³ Тамъ же: Pl. 20. fig. 4.

лица въ остроконечныхъ шапкахъ (фиг. 214. с.) ¹ Былъ ли этотъ щитъ просто украшеніемъ или вмѣстѣ служилъ и для защищенія тѣла отъ ударовъ—неизвѣстно; кажется, однакожь, что онъ не былъ принадлежностью собственно наряда. Вмѣстѣ съ щитомъ найдены были еще слѣдующія вещи: желѣзный мечъ, клинокъ котораго весь изъѣденъ ржавчиною и уцѣлѣла одна рукоять, украшенная золотыми листьями и такими же фигурками животныхъ (зайцевъ и лисицъ); плеть, съ окованной золотомъ ручкой; лукъ съ налучемъ, отъ котораго осталась, впрочемъ, одна только дощечка изъ сплава золота съ серебромъ, въ 19 дюйм. длины, съ рельефомъ представляющимъ тигра кидающагося на козу, и оленя въ борьбѣ съ грифономъ, въ присутствіи смотрящаго на нихъ льва ². Рядомъ съ лукомъ лежали наконечники двухъ копій и острія нѣсколькихъ стрѣлъ: первые изъ желѣза и почти въ 15 дюймовъ длины; послѣднія изъ бронзы и снабжены каждое тремя зазубринами. —

Если прибавить къ этому, что и въ другихъ мѣстахъ были найдены различные предметы вооруженія—между прочимъ бронзовые племы, ножи, и даже большой золотой щитъ, ³ то окажется, что вліяніе греческаго колоніальнаго населенія на сосѣднія съ нимъ скискія племена отразилось и на вооруженіи послѣднихъ, въ особенности на вооруженіи ихъ царей, которые свое простое первоначальное вооруженіе дополнили и усовершенствовали заимствованіями изъ греческаго.

1. Кромѣ Массагетовъ и тѣхъ немногихъ племенъ, которыя, живя вблизи золотоносныхъ мѣстностей, умѣли выдѣлывать золотыя вещи для украшенія себя и вѣроятно отдѣлывали золотомъ и свое оружіе (Герод. I, 215)—все остальные Скибы, не исключая и такъ называемыхъ „царскихъ“, отличались особенно простотою и несложностью своего вооруженія. Изъ древнихъ писателей не видно, чтобы у нихъ были въ употребленіи даже щиты,—оборонительное оружіе, встрѣчающееся почти у всѣхъ народовъ. Скибы, повидимому, считали ихъ ненужными, и для защиты тѣла отъ ударовъ довольствовались одною одеждою изъ толстой кожи. Если въ могилахъ и были найдены фигурки и изображенія скискихъ (или сарматскихъ) воиновъ, вооруженныхъ щитами (фиг. 214, b), то на дѣлѣ, это были вѣроятно щиты заимствованные отъ другихъ племенъ—припонтійскихъ или кавказскихъ. О скискихъ щитахъ и кирасахъ изъ лосей кожи упоминаютъ впервые позднѣйшіе римскіе писатели (Aelian. de nat. anim. II, 16); но они, какъ извѣстно, смѣшивали Скибовъ съ Сарматами, ⁴ принимая ихъ за одинъ народъ, и въ настоящемъ случаѣ имѣли вѣроятно въ виду вооруженіе сарматскихъ конныхъ кочевниковъ, уже успѣвшихъ въ ту пору распространиться по всей восточноевропейской равнинѣ.

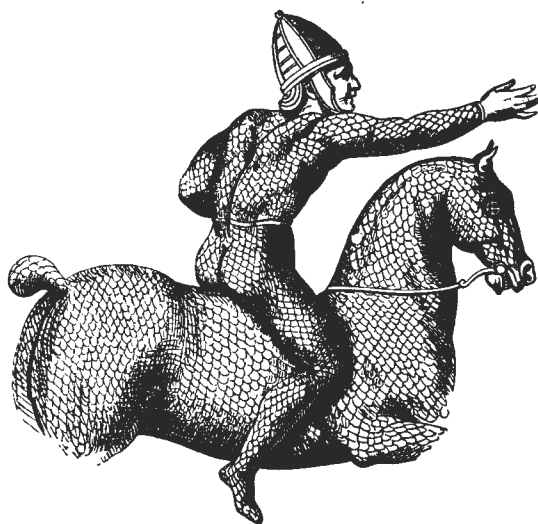
Сарматы дѣйствительно носили очень прочное и весьма искусно изготовленное вооруженіе, которое до того походило на паряанское, что Римляне на

¹ Dubois de Montpéroux. Atl. IV Série. Pl. 21. fig. 1.—² Тамъ же: Pl. 24. fig. 4.—
³ K Neumann. I, 509—511. ⁴ Plin. IV, 12, 25. Mela 1. 3. III, 4; ср. Diod. (II. 34) который выводитъ ихъ изъ Мидіи.

основаніи этого сходства считали Сарматовъ (и Скивовъ) и Парянь родственными племенами (Mela. III, 4. Tacit. Germ. с. 17).

Металлическое вооруженіе—доведенное у переднеазійскихъ народовъ до такого высокаго совершенства уже въ глубокой древности—является у Сарматовъ, въ эту позднѣйшую пору, въ видѣ чешуйчатой брони еще очень первобытной выдѣлки. Существующія изображенія (фиг. 216) и описанія объясняютъ и самый способъ ея изготовленія. Особенно точно и подробно описываетъ её Геліодоръ (Aethiop. IX. 15). По его словамъ, она состояла изъ мѣдныхъ или желѣзныхъ чешуй нашитыхъ на холстъ или кожу рядами, такъ что чешуи одного ряда прикрывали до половины чешуи слѣдующаго ряда, не оставляя нигдѣ промежутка. Не только всадникъ, но и конь его были съ головы до ногъ одѣты въ такую броню, которая, благодаря своей гибкости, нисколько не стѣсняла движеній и въ то же время плотно прилегала къ тѣлу. На ноги иногда надѣвали, сверхъ брони, металлическіе поножи, а голову покрывали шишакомъ, чаще всего кожанымъ съ металлическими полосами, а иногда и мѣднымъ или желѣзнымъ (фиг. 216). Съ этимъ описаніемъ соглас-

Фиг. 216.

ны и описанія другихъ авторовъ. По Амміану (XVII. 12. 2) и Павзанію (I. 21. 7), нѣкоторыя сарматскія племена носили брони, чешуи которыхъ были не металлическія, а роговыя.—Вообще нужно допустить, что Сарматы, распространяясь по восточноевропейскимъ землямъ, распались на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, различавшихся между собою и въ одеждѣ и въ обычаяхъ.—Тацитъ (Histor. I, 79), говоря о вооруженіи Сарматовъ, называетъ и небольшіе щиты, и замѣчаетъ при этомъ, что эти щиты мало употреблялись для обороны, не объясняя впрочемъ ихъ настоящаго назначенія. Страбонъ (VIII, 3) тоже упоминаетъ о небольшихъ (вѣроятно плетеныхъ) сарматскихъ щитахъ, обтянутыхъ кожей, и о шишакахъ изъ толстой кожи.

2. Главнымъ нападательнымъ оружіемъ Скивовъ и Сарматовъ былъ лукъ. Скиоскій лукъ, ¹ форму котораго древніе авторы сравнивали съ изгибомъ сѣвернаго берега Чорнаго моря ²—былъ составленъ, какъ говоритъ Амміанъ (XXII, 8, 37), изъ двухъ серповидныхъ кусковъ соединенныхъ прямою смычкою—вѣроятно изъ двухъ крѣпко связанныхъ вмѣстѣ роговъ козы или каменнаго барана. Поэтому онъ походилъ на луки нынѣшнихъ калмыковъ и другихъ монгольскихъ племенъ, а также и на луки гомеровскихъ героевъ (лукъ Пандароса) и вообще малоазійскихъ народовъ.—

Стрѣляя изъ лука, Скивы и Сарматы „притягивали тетиву не къ груди, какъ Аравитяне и другіе народы, а къ плечу“ и стрѣляли съ одинаковою ловкостью и съ праваго и съ лѣваго плеча. Искусство Скивовъ въ стрѣльбѣ изъ лука хвалитъ и Овидій, указывая при этомъ на ихъ обычай отравлять стрѣлы змѣиною желчью „дабы смертельную рану сдѣлать вдвое смертельнѣе“. Онъ же говоритъ о Сарматахъ, что „ихъ сила въ стрѣлѣ, въ полномъ колчанѣ и въ быстромъ, незнающемъ усталости конѣ“ (Ovid. de Pont. I. 2. IV. 7. Metamorph. X. 588 и слѣд. Ср. Plin. XI. 15).—Лукъ вмѣстѣ съ стрѣлами носили съ лѣвой стороны у пояса въ кожаномъ футлярѣ (саадакѣ) (фиг. 215. а. с.). Въ колчанѣ вкладывали обыкновенно пять стрѣлъ ³. Острія у скиоскихъ стрѣлъ были мѣдныя (Герод. IV. 81), а у сарматскихъ костяныя, но такъ же какъ и первыя съ зазубринами и нерѣдко отравлены (Ovid. de Pont. IV. 7. Paus. I, 21).

Кромѣ луковъ, большая часть скиоскихъ и сарматскихъ племенъ употребляли длинныя копья, дротики, короткіе мечи и (подобно Сагартіямъ, Индусамъ и др. народамъ) крѣпкіе арканы (Herod. IV. 70. 114. Ammian. XVII. 12, 2. Arrian. IV, 3. Ovid. de Pont. I. 4. Strab. VII, 3). У Массagetовъ были сверхъ того боевыя сѣкиры, обитыя металломъ палицы, кривые мечи и кинжалы. Ихъ шишаки были украшены золотомъ, также какъ и ихъ сѣдла и мѣдныя нагрудники ихъ лошадей (Herod. I. 215). Кнутъ или плеть употребляли повидимому всѣ скиоскія и сарматскія племена и не только для своихъ лошадей, но и для наказанія своихъ рабовъ (Herod. IV. 3)—какъ это было въ обычаѣ и у позднѣйшихъ Персовъ.

3. Войско Скивовъ состояло изъ конныхъ лучниковъ и обоза, къ которому, кажется, причислялись и пѣшіе воины (копейщики). Таковъ же былъ составъ войска и у Сарматовъ, у которыхъ—какъ уже было замѣчено—ходили на войну и женщины (Herod. IV. 110—117; 134. Ammian. XXXI. 2). И Скивы и Сарматы предпочитали для верховой ѣзды кобылъ, а жеребцовъ выкладывали, чтобы сдѣлать ихъ смиреннѣе и послушнѣе (Strabo VII. Plin. VIII. 66. Ammian. XVII. 12). Всѣ скиоскія племена слыли за очень храбрыхъ и воинственныхъ; (Herod. I, 202. 207. 215. II. 167) а Сарматы за „неприступныхъ варваровъ“ (Strab. IX. 2. Mela III. 4). Овидій (Trist. V. 7) такъ говоритъ о нихъ: „свирѣпые видомъ и голосомъ, обросшіе волосами и бородой, они—живое подобіе Марса“.

¹ Ср. Kunstblatt. Jahrg. 1848. Stuttgart. стр. 204. — ² К. Neumann. I. 290. —

³ О предполагаемомъ символическомъ значеніи этого числа ср. К. Neumann. I, 305 и слѣд.

Правильного военного устройства у нихъ, впрочемъ, не было. Перекочевывая съ мѣста на мѣсто, они жили грабежомъ и въ дикости нравовъ нисколько не уступали занимавшимъ до нихъ эти мѣстности скиѣскимъ племенамъ. Геродотъ (IV. 64—66. 127) рассказываетъ объ этихъ послѣднихъ, что „съ череповъ убитыхъ непріятелей они снимаютъ кожу и, выдѣлавъ её, привязываютъ къ поводьямъ своихъ лошадей, какъ доказательство своей храбрости; черепа же обдѣлываютъ, иногда украшаютъ золотомъ, и употребляютъ какъ чаши. Побѣды свои они празднуютъ попойками“.

Не менѣе дики были, повидимому, и такъ называемые „царскіе Скиѣы“¹, хотя у нихъ и существовали нѣкоторые военные обычаи, которые они уважали. Такъ напр. вступивъ съ какимъ нибудь племенемъ въ союзъ, они никогда не нарушали его (Herod. IV, 46. 70. 74. Mela II. 1.) Ихъ цари были вмѣстѣ и главными военачальниками и лично вели войско на войну (Herod. IV. 69. 120). О царяхъ босфорскихъ скиѣовъ рассказываютъ, что они были даже искусными тактиками и очень изобрѣтательны на разные военные хитрости. Одинъ изъ нихъ — Паризадъ I, по смерти даже обоготворенный, отправляясь на войну, запасался всегда тремя различными одеждами: въ одной онъ показывался своему войску передъ началомъ сраженія, другую — которая была извѣстна только вождямъ — надѣвалъ во время сраженія, а третью оставлялъ на случай пораженія (Polyän. VII. 37. Ср. Strab. VII. Diod. XVI. 52.).—Въ фигурахъ скиѣскихъ всадниковъ съ широкою перевязью черезъ плечо, нѣкоторые хотятъ видѣть скиѣскихъ царей, а въ перевязи — отличительный признакъ царскаго достоинства у Скиѣовъ² (фиг. 215. b.).

4. Такою же свирѣпостью, какъ обращеніе Скиѣовъ съ плѣнными и убитыми непріятелями, были проникнуты, едва ли даже не въ усиленной степени, и всѣ ихъ религіозные обряды. Геродотъ, который впрочемъ мало зналъ о религіи Скиѣовъ и потому невольно огречивалъ ее въ своемъ разсказѣ — говоритъ, что Скиѣы поклонялись Гестіи, Зевсу, Землѣ, Апполону и Афродитѣ, Ираклу и Аресу; царскіе скиѣы кромѣ того молились еще и Посидону. Но Гестія называлась у нихъ „Табити“, Зевесъ — „Панайосъ“, Земля — „Апіа“, Аполлонъ — „Этосиросъ“, Афродита — „Артимпаза“², Посидонъ — „Θαμιαζαδасъ“ (Herod. IV. 59. 127). Богамъ своимъ они приносили въ жертву животныхъ, обыкновенно лошадей; бога войны чествовали сверхъ того ежегодными жертвоприношеніями человѣческими, для чего каждый разъ убивали съ особенными обрядами по сту-одному человѣку изъ плѣнниковъ (Herod. IV. 59—62). Въ еще большихъ размѣрахъ производилась эта варварская рѣзня людей при погребеніи скиѣскихъ царей, о которомъ будетъ сказано ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что выраженія горести, которыми сопровождалась у Скиѣовъ погребальная церемонія, были крайне дики: иные обрѣзывали себѣ уши въ честь умершаго, другіе даже заставляли убивать себя ему въ жертву (Herod. IV. 72). Обрѣзываніе ушей было впро-

¹ Ср. Duncker II. 445. — K. Neumann II. 517. —² Сравни. Ritter. Vorhalle. стр. 57 и слѣд. С. Movers (Untersuchungen über die Religion etc. стр. 624) полагаетъ, что скиѣская Артимпаза соответствовала греческой Артемидѣ.

чемъ такимъ же обыкновеннымъ выраженіемъ печали у Скивовъ, какъ и обрѣзыванье волосъ. При первомъ взрывѣ горести они царапали себѣ въ кровь лицо и вонзали стрѣлу въ лѣвую ладонь (Herod. IV. 71). Такъ какъ Скивы, подобно южно-азійскимъ народамъ, считали всякое прикосновеніе и приближеніе къ трупѣ оскверненіемъ, то и у нихъ всѣ присутствовавшіе при погребеніи должны были очистить себя омовеніемъ, которое они и производили въ паровыхъ баняхъ (Herod. IV. 73).

Многіе изъ упомянутыхъ обычаевъ (съ которыми, какъ будетъ показано ниже, въ общемъ были сходны и обычаи Сарматовъ, не смотря на то что эти послѣдніе были огнепоклонники—Nimphiod. fragm. 14) — удержались почти безъ измѣненій еще и понынѣ у нѣкоторыхъ монгольскихъ номадовъ.¹ Поэтому можно, кажется, допустить, что и жрецы древнихъ Скивовъ были подобны нынѣшнимъ шаманамъ². И они также занимались гаданіемъ и предсказываніемъ будущаго (Herod. IV. 67), но особеннымъ уваженіемъ ни въ народѣ, ни у вождей его, не пользовались: за ложныя предсказанія ихъ нерѣдко сжигали, а иногда, по приказанію царя, истребляли и цѣлыя семейства ихъ, за исключеніемъ женщинъ (Herod. IV. 68. 69).—Одежда ихъ была вѣроятно такъ же произвольна, какъ и у нынѣшнихъ шамановъ.³

Постройки.

Кочевыя племена Скивовъ и Сарматовъ жили въ такихъ же подвижныхъ жилищахъ, какъ и номады аравійской пустыни. Но подъ вліяніемъ мѣстныхъ и климатическихъ условій съ одной стороны, характера и привычекъ народа съ другой—переносныя жилища Скивовъ и Сарматовъ приняли своеобразную форму крытыхъ повозокъ на колесахъ. Эти повозки, извѣстныя уже Эсхилу, который называетъ ихъ „скрипучими телегами, влекомыми волами“, могли имѣть нѣкоторое сходство съ кибитками нынѣшнихъ калмыковъ и киргизовъ⁴. Онѣ устроивались изъ жердянаго остова, покрытаго шкурами или войлоками (Herod. IV, 23. Iustin. II, 2) и поставленнаго на колеса. По описанію Гиппократъ (род. около 456 до Р. Х.), инныя повозки были четырехколесныя, другія шестиколесныя и перевозились на волахъ, которыхъ запрягали по два и по три въ каждую повозку. Плотнo укрытыя шерстяными пологами, двойными и тройными, онѣ давали надежную защиту отъ дождя, вѣтра и снѣга. Въ повозкахъ жили только однѣ женщины; мужчины же почти никогда не слѣзали съ своихъ лошадей (Hippokrat. de aere, aquis et locis. ed. Kuhn. Vol. XXI. p. 555 (§. 93.). Это послѣднее обстоятельство подтверждаетъ и Геродотъ (IV. 144), но только относительно Скивовъ; у Сарматовъ же, какъ уже замѣчено выше, женщины въ образѣ жизни ничѣмъ не отличались отъ мужчинъ.

¹ Ср. K. Neumann, I, 231. — ² G. Klemm. Allgem. Kulturgesch. III, 196 и слѣд. слѣд. E. Kruse. Urgeschichte des ethnischen Volksstammes. стр. 286.—³ Изображеніе шаманскаго наряда у Georgi. Beschreibung aller Nationen des russischen Reichs. Fig. 44: 45; 62; 63; 83; 86. Слѣд. также K. Bähr. Die Gräber der Liven, стр. 32. — ⁴ Сравн. описаніе этнхъ кибитокъ у G. Klemm III, 155; и у K. Neumann I, 272 и слѣд.

Хотя Геродотъ и говоритъ объ укрѣпленныхъ городахъ осѣдлыхъ Скиоовъ, однакожъ изъ его же замѣчаній видно, что эти города были ничто иное какъ собранія деревянныхъ жилищъ самого простаго устройства ¹. Такъ напр. городъ Гелоновъ, имѣвшій около 400 стадій (3 миль) въ окружности, состоялъ изъ простыхъ бревенчатыхъ построекъ (блокгаузовъ), обнесенныхъ деревянною же стѣною. Подоженный войсками Дарія, онъ сгорѣлъ до-тла (Herod. IV. 123).

Колоніальные греческіе города были построены, разумѣется, изъ камня. Архитектура и внутреннее устройство городскихъ домовъ были греческія, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, обусловленными мѣстными и климатическими вліяніями ². По развалинамъ этихъ городовъ видно, что они заключали въ себѣ богатые храмы, общественныя зданія и великолѣпные дворцы ³. Скиоскіе цари, поселявшіеся въ греческихъ колоніяхъ, жили тоже во дворцахъ греческой архитектуры. Дворецъ царя Скила въ Ольвіи былъ построенъ по греческому образцу изъ бѣлаго камня и окруженъ сфинксами и грифонами (Herod. IV. 78. 79).

У кочевыхъ Скиоовъ не было ни алтарей, ни капищъ, ни идоловъ. Только богу войны были устроены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подобія алтарей, въ видѣ огромной (около 3-хъ кв. стадій) кучи хвороста, на вершинѣ которой былъ воткнутъ желѣзный мечъ—символъ бога (Herod. IV. 59—63; ср. Clem. Alexand. Protrept. I, 56. Ammian XXXI, 2).

Еще грубѣе было идолослуженіе Исседоновъ и другихъ племенъ. Первые, по крайней мѣрѣ по свидѣтельству Геродота (IV. 26), поклонялись даже черепамъ своихъ умершихъ родственниковъ и приносили имъ ежегодно жертвы въ день смерти того, кому принадлежалъ черепъ. Въ деревянномъ городѣ Гелоновъ, большинство населенія котораго состояло изъ греческихъ переселенцевъ, были и храмы и алтари греческихъ боговъ, построенные изъ дерева и въ нихъ деревянные же идолы (Herod. IV. 108. 123).

Особеннымъ уваженіемъ пользовались у Скиоовъ и Сарматовъ могилы; а у царскихъ скиоовъ—преимущественно могилы ихъ царей, которыхъ они погребали исключительно въ странѣ Геррусъ (Gerrhus), по берегамъ рѣки того же имени, въ „большихъ“ четырехугольныхъ ямахъ⁴. Обряды, которыми сопровождалось погребеніе царей, были такъ же многосложны, какъ и безчеловѣчны. „Вынувъ изъ трупа внутренности, его наполняли разными пахучими веществами, зашивали и покрывали слоемъ воска. Приготовленный такимъ образомъ трупъ клали на повозку и объѣзжали съ нимъ жившія въ странѣ племена, которыя одно за другимъ присоединялись къ погребальному шествію и провожали его къ мѣсту погребенія. По прибытіи туда, трупъ на циновкѣ опускали въ могилу, надъ которой изъ копій и шестовъ устроивали

¹ Kruse (Ur-Geschichte des esthnischen Volksstamms, стр. 24 и слѣд.) говоритъ: «Дома Эстонцевъ жалки, малы, сколочены изъ бревенъ; они безъ трубъ, хотя и съ печами. Единственная комната, въ которой живетъ вся семья, освѣщается однимъ только окошкомъ, величиною въ квадратный футъ, да и то большею частью составлено изъ кусочковъ стекла слѣпленныхъ бумажными полосками. Вверху, вокругъ стѣнъ избушки, укрѣплены доски, на которыхъ разсыпанъ для сушки хлѣбъ въ зернѣ.»—² Ср. K. Neumann I, 406 и слѣд.—³ Dubois de Montpreux, Voyage au Caucase, passim.

Вейсъ II.

родъ навѣса. Затѣмъ начинались жертвоприношенія. Кромѣ лошадей, утвари, сосудовъ, которые посвящались умершему, въ честь его убивали одну изъ его женъ, его кравчаго, повара, конюшаго, главнаго слугу и докладчика, т. е. всѣхъ самыхъ приближенныхъ къ нему людей. И вещи и убитыхъ клали рядомъ съ трупомъ въ могилу, и потомъ всѣ присутствующіе насыпали надъ нею курганъ, стараясь насыпать его какъ можно выше (Herod. IV. 71).

Но за погребеніемъ слѣдовали еще поминки. „По истеченіи года снова собирались на могилу для еще болѣе ужаснаго обряда. Изъ оставшихся слугъ умершаго царя выбирали пятьдесятъ человѣкъ и убивали ихъ и вмѣстѣ съ ними убивали пятьдесятъ лошадей лучшей породы. Трупы тѣхъ и другихъ очищали отъ внутренностей, набивали соломой и затѣмъ, посадивъ человѣческія чучелы на лошадиныя и вогнавъ въ нихъ колья, чтобы они могли держаться стоймя, окружали ими могилу, словно отрядомъ заживооцѣпѣвшихъ всадниковъ“ (Herod. IV. 72).—При погребеніи простыхъ скивовъ, тѣло умершаго возили по близкимъ знакомымъ, которые, принимая его, устраивали пиръ, причемъ угощали и мертваго наравнѣ съ живыми. Тѣло зарывали однакожъ нераньше, какъ черезъ сорокъ дней послѣ смерти (Herod. IV. 73).

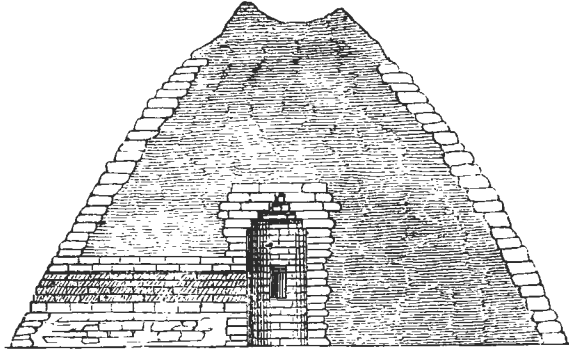
Отъ могилъ скиоскихъ царей остались только едва замѣтные слѣды ¹. Но за то по степямъ южной Россіи и средней Азіи разстѣно безчисленное множество большихъ и малыхъ могильныхъ насыпей (кургановъ), большаа часть которыхъ несомнѣнно оставлена кочевавшими въ этихъ мѣстностяхъ скиоскими и сарматскими племенами ². Хотя не мало этихъ кургановъ разрыто, однакожъ несравненно большее число ихъ, особенно изъ болѣе сѣверныхъ, остались еще нетронутыми. Въ нѣкоторыхъ курганахъ были найдены,—совершенно согласно съ показаніями Геродота о скиоскихъ могилахъ,—вмѣстѣ съ человѣческими скелетами и лошадиными костями, металлическія вещи: различная утварь, ³ украшенія и оружіе; въ иныхъ попадались также маленькія статуйки, однѣ грубой работы, другія болѣе искусно сдѣланныя.

Простая холмовидная насыпь, которою скиоскіе кочевники обозначали могилы своихъ умершихъ, была, какъ кажется, перенята припонтійскими Греками и перенесена, въ архитектурно-развитой формѣ, на сооруженныя ими гробницы. Выравненную поверхность насыпи они обкладывали камнями, а могильную яму замѣняли настоящимъ каменнымъ склепомъ. Греческія гробницы въ Херсонесѣ (гдѣ ихъ впрочемъ большею частью высѣкали въ скалахъ, чтобы не отнимать у земледѣленія пахатную землю, которой тамъ и безъ того было мало) ⁴—вообще не велики, хотя величина ихъ и различна. Склепъ одной, сильно обвалившейся могилы, которая была открыта Дюбуа де-Монперѣ ⁵ въ 1834, близъ Керчи, оказался 8 ф. длины и 3 ф. ширины при 3½ ф. глубины. Эта могила высѣчена въ известковой скалѣ третичной форма-

¹ Cp. P. v. Köppen. Alterthum und Kunst in Russland (Wiener Jahrbücher der Literatur 1822, стр. 3; J. Schafarik. Slavische Alterthümer I, 270, 516.—² K. Neumann. I, 236 и слѣд.—³ Если Геродотъ (IV. 71) замѣчаетъ, что Скивы кладутъ въ могилы только золотыя чаши, а не мѣдныя или серебряныя, то это едва ли можетъ служить доказательствомъ тому, что всѣ тѣ могилы, въ которыхъ были найдены и мѣдныя и серебряныя вещи, не суть скискія. Вѣдь Геродотъ дѣлаетъ свое замѣчаніе, описывая царское погребеніе.—⁴ K. Neumann. I, 403, 493.—⁵ Voyage au Caucase. Atlas. Serie IV. p. 19.

ции.—Такъ наз. Алтунъ-Обо—могильный холмъ въ 100 ф. вышины, сложенный изъ большихъ каменныхъ плитъ, отъ 3 до 4 фут. въ квадратѣ, на вершинѣ Митридатовой Горы (въ 4 верстахъ отъ Керчи), возвышающейся на

Фиг. 217.

323 ф.—имѣть въ поперечникѣ 150 фут; длина его склепа 60 ф., вышина 10 фут., ширина отъ 3 до 4 фут. (фиг. 217). Надъ кѣмъ былъ воздвигнутъ этотъ, единственный въ своемъ родѣ, памятникъ, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ онъ оказался совершенно пустымъ ¹.

Судостроеніе въ собственномъ смыслѣ производилось у однихъ только греческихъ колонистовъ и притомъ исключительно для торговыхъ цѣлей. Почти каждый изъ городовъ, основанныхъ греками по берегамъ Чернаго моря, имѣлъ болѣе или менѣе удобную гавань (Strab. XI. 2). Въ гавани древней Пантикапеи (нын. Керчь) было мѣсто для 30 кораблей; еще обширнѣе были гавани городовъ Пимфеи и Оеодосіи, изъ коихъ послѣдняя могла вмѣщать въ себѣ до 100 судовъ (Strab. VII, 4 и слѣд.).—Колоніальныя суда имѣли такое же устройство, какъ вообще торговыя греческія суда того времени; но, въ виду постоянно угрожавшей имъ опасности со стороны пиратовъ, они были вѣроятнѣе вооружены, чѣмъ тѣ. Легкія и узкія лодки пиратовъ (называвшіяся камарами: самага) обыкновенно соединялись въ цѣлыя флотиліи, нападали внезапно на купеческое судно, грабили его и захвативъ добычу быстро удалялись. Приставъ къ берегу, пираты поднимали свои камары на плеча и исчезали съ ними въ густыхъ лѣсахъ прибрежья (Strab. IX, 2. Appian. Mithrid. c. 102).

Утварь.

Домашній скарбъ кочевыхъ скиоскихъ и сарматскихъ племенъ заключался въ предметахъ самой первой необходимости. Его составляли—небольшое количество посуды для приготовленія пищи и сбереженія съѣстныхъ припасовъ

¹ Тамъ же: V, 188 и слѣд.

и напитков, нѣсколько простыхъ орудій, потребныхъ въ кочевомъ быту ¹, въ числѣ которыхъ, у племенъ знакомыхъ съ обработкою металловъ, былъ вѣроятно и кузнечный снарядъ самаго первобытнаго устройства ². Посуда была деревянная, глиняная и металлическая. Къ деревянной посудѣ принадлежали большія и малыя корыта для молока и масла, и глубокія и плоскія чашки изъ которыхъ ѣли (Herod. IV. 2. Hippocr. Op. cit. Strab. VII. 3). Глиняная и металлическая посуда употреблялась для варенія пищи. Иногда, за неимѣніемъ котла, мясо убитаго животнаго варили въ его собственной шкурѣ: изрѣзавъ мясо на куски, клали его въ шкуру, подливали воды и вѣшали надъ огнемъ, который поддерживали костями, которыя Скионы постоянно употребляли какъ топливо. (Herod. IV, 60—62). По замѣчанію Геродота глиняные сосуды Скионовъ были похожи формою на лезбійскія кратеры ³. Говоря о скионскихъ сосудахъ, Геродотъ упоминаетъ объ огромномъ котлѣ, который былъ вылитъ изъ мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ, собранныхъ по повелѣнію царя Аріанта со всей подвластной ему страны съ цѣлью узнать количество ея населенія. Котелъ этотъ, котораго стѣнки имѣли 6 дюймовъ толщины, а вмѣстимость равнялась 600 амфорамъ, былъ поставленъ въ окрестностяхъ Ексампея (Ехампраеус).

Любимымъ напиткомъ Скионовъ было кобылье молоко (Herod. IV, 2. Hippocr. de aere. ed. Kuhn XXI. p. 555; de morbis. ed. Föes, p. 508). Они приготовляли изъ него хмѣльное питье, до котораго были большіе охотники, такъ же какъ и до вина, которое привозилось къ нимъ вѣроятно Греками (Herod. IV. 66; Polyb. IV. 38); за неимѣніемъ того и другого пили растопленный снѣгъ и дождевую воду (Hippocrate). О ихъ обычаѣ носить у пояса чашку для питья и пить на попойкахъ изъ обдѣланныхъ череповъ убитыхъ непріятелей—было уже говорено выше. Геродотъ прибавляетъ къ этому, что убившіе большое число враговъ пользовались правомъ пить на попойкахъ изъ двухъ кубковъ разомъ (IV, 66); и еще—что при заключеніи союзовъ союзники пили изъ большой глиняной кружки (IV, 70).

Къ какой степени была развита ремесленность у охладныхъ Скионскихъ племенъ—на это нѣтъ никакихъ указаній. Точно также неизвѣстно, каково было внутреннее убранство ихъ жилищъ. Во всякомъ случаѣ можно предположить, что оно было такъ же незатѣливо, какъ у нынѣшнихъ Эстонцевъ, вся мебель которыхъ заключается въ большомъ столѣ, парѣ деревянныхъ лавокъ, сундукѣ, въ которомъ они берегутъ свое праздничное платье, и нѣсколькихъ кроватяхъ ⁴. У приморскихъ скионскихъ племенъ, промышлявшихъ, кромѣ морскихъ разбоевъ, еще рыбною ловлей, имѣлись, конечно, и нужныя для этой ловли орудія и снасти. Рыба тунецъ, водящаяся въ огромномъ количествѣ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ, составляла важную статью торговли

¹ Топоръ (ohle) нынѣшнихъ казыховъ, зубчатая коса, буравъ и родъ токарнаго станка, употребляемыя Монголами, принадлежать безъ сомнѣнія также къ этимъ первобытнымъ орудіямъ. См. G. Klemm, op. cit.—² Ср. K. Bähr. Die Gräber der Liven etc. стр. 40 и слѣд.—³ A. Zwick. Über die Gräber in den kaukasischen Don-und Wolga-Steppen, въ «Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russlands». V Bd. 6 Hft. 1853.—⁴ F. Kruse. Urgeschichte des esthnischen Volkstamms. стр. 25.

Скифовъ съ Греками. Её солили и цѣлыми корабельными грузами отправляли въ Грецію, гдѣ гастрономы платили за неё не малые деньги ¹. Необходимою снастью для ловли этой рыбы была острога о трехъ зубцахъ, похожая на трезубецъ, съ которымъ Греки и Римляне изображали Посейдона (Нептуна). ²

Что касается внутренняго убранства жилищъ скиоскихъ царей, бывшихъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Греками, въ особенности царей босфорскихъ, то оно было не только удобно, но даже пышно, особенно у послѣднихъ. Въ числѣ вещей, найденныхъ въ описанной выше царской могилѣ, ³ заключались также золотые и серебряные сосуды, которые по своему художественному достоинству ничѣмъ не уступаютъ тамъ же найденнымъ украшеніямъ. Кромѣ драгоценныхъ сосудовъ, были вырыты изъ разныхъ могилъ: глиняные и мѣдные сосуды, большею частію съ украшеніями, потомъ саркофаги—деревянные, съ прекрасною рѣзбою и позолотою, и мраморные, и наконецъ, множество самыхъ разнообразныхъ мелкихъ вещей, которыя показываютъ, что домашняя утварь припонтійскихъ грековъ была въ сущности та же, что и въ Греціи, и если отличалась отъ нея, то лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ, и настолько, насколько повліяло на образъ жизни греческихъ колонистовъ близкое сосѣдство съ ними скиоскихъ племенъ.

Послѣ Геродота до Птолемея, т. е. въ теченіе 600 лѣтъ исторія ничего не знаетъ о народахъ сѣверовосточной Европы. Отрывочныя свѣденія о нихъ, встрѣчаемыя у нѣкоторыхъ писателей этого промежутка времени ⁴, или повторяютъ уже сказанное Геродотомъ, или основаны на поверхностныхъ и часто превратно понятыхъ сообщеніяхъ купцовъ, вывозившихъ изъ сѣверныхъ странъ янтарь ⁵. Только по завоеваніи Римлянами придунайскихъ земель и послѣ покоренія ими Дакии при Траянѣ (106 по Р. Х.), мракъ покрывавшій сѣверовосточную Европу начинаетъ мало по малу рѣдѣть. Греческій географъ Птоломей (150 по Р. Х.) пытается внести нѣкоторый свѣтъ въ путаницу племенъ, которыя, послѣ многократныхъ передвиженій, вызванныхъ наплывомъ новыхъ пришельцевъ изъ Азіи, и раздробившись на многочисленные вѣтви, наконецъ успѣли на занятыхъ ими мѣстностяхъ, частью отлѣльно отъ своихъ предшественниковъ, частью смѣшавшись съ ними. По паденіемъ западной Римской Имперіи (476 по Р. Х.) сѣверовостокъ Европы снова исчезаетъ отъ взоровъ исторіи вплоть до 1100 г. когда, подобно звѣз-

¹ Cp. M. Köhler. *Tzetzis* ou recherches sur l'histoire et les antiquités des pêcheries de la Russie meridionale (Mém. de l'Académie impériale des sciences de St. Petersburg VI Ser. T. I. p. 347).—² Böttiger. *Der Dreizack* (in *Amalthæa oder Museum der Kunstmythologie* etc. II, 302).—³ Dubois de Montpéroux. *Voyage au Caucase*; A. Ouwaroff. *Recherches sur les antiquités de la Russie meridionale* etc.; K. Neumann I, 504.—⁴ Относящіяся сюда выдержки собраны у F. Kruse, *Urgeschichte des esthnischen Volksstammes*, стр. 298. § 2 и слѣд.; см. также J. Voigt *Geschichte Preussens* etc. Königsberg. 1827. I, 14.—⁵ О торговлѣ янтаремъ см. Voigt, тамъ же, стр. 80; Schaffarik, *Slav. Alterthümer*, I, 101, 258, 269; Kruse op. cit. стр. 67; ср. объ электроѣ (*Electron*—янтарь или сплавъ золота и серебра?) Гомера, у Ph. Buttmann *Mythologus* etc. Berlin 1829. II, 337, и у B. Friedreich, *Realien* etc. стр. 89, § 22.

дѣ на омраченномъ небѣ науки, появляется Песторъ—„отецъ русской исторіи“.¹

Птоломей (III, 5. V, 9) различаетъ двѣ Сарматіи: азіатскую и европейскую. Границами послѣдней онъ обозначаетъ: Вистулу (Вислу) на западѣ, сарматское (балтійское) море на сѣверѣ, сарматскія горы (западныя Карпаты) на югѣ, и Танаисъ (Донъ), отъ устья его вверхъ до „неизвѣстной земли“—на востокѣ. Поэтому европейская Сарматія заключала въ себѣ всё пространство нынѣшней Россіи между сѣверными берегами Чорнаго и Азовскаго морей, Дономъ и Балтійскимъ моремъ, и часть Польши и восточной Пруссіи по Вислу². Когда и при какихъ обстоятельствахъ заняли эти земли вышедшіе изъ своихъ первоначальныхъ жилищъ на Кавказѣ Сарматы; какія столкновенія происходили у нихъ со Скиоами, которыхъ они окончательно вытѣснили изъ занимаемыхъ тѣми мѣстностей; наконецъ, какая перетасовка племенъ была слѣдствіемъ ихъ распространенія на западъ,—всѣ это вопросы, разрѣшеніе которыхъ едва ли когда-нибудь будетъ возможно, по совершенному отсутствію какихъ бы то ни было указаній на жизнь этихъ племенъ въ теченіе цѣлыхъ шести столѣтій³. Лишь съ появленіемъ ихъ въ исторіи Европы начинаютъ выдѣляться изъ общей массы нѣкоторыя отдѣльныя группы, но и то въ неясныхъ, распыляющихся очертаніяхъ. Такъ продолжается до конца 4 вѣка, когда они снова и окончательно исчезаютъ, не оставивъ по себѣ никакихъ прочныхъ памятниковъ своего существованія.

Изъ множества племенъ, которыя, по Птоломею, населяли европейскую Сарматію и перечислены у него поименно, первыми появляются, кромѣ уже упомянутыхъ выше (стр. 2 и 4) Лорсовъ и Алановъ,—Язиги, Яксаматы и Роксолане. Изъ нихъ Язиги занимали западную окраину Сарматіи⁴. Оттѣсненные къ Тиссѣ и Дунаю, они заселяли, между 1 и 17 г. по Р. Х., нынѣшнюю Венгрію, сѣверную часть Польши и кромѣ того нѣкоторыя мѣстности Бессарабіи и Валахіи (Ovid. ex. Pont. IV. ep. 7).—На востокъ отъ нихъ, по берегу Азовскаго моря, жили малоизвѣстные Яксаматы (Mela I, 19; Ptolam. V, 9), а на берегу Чорнаго моря, близъ устья въ Днѣпра, Роксолане—сильное племя, уже за сто лѣтъ до Р. Х. дѣлавшее набѣги на владѣнія Римлянъ, которые, во избѣжаніе этого, согласились даже платить ему ежегодную дань (Plin. IV. c. 12. Tacit. hist. I, 79. Ptolam. III, 5).—Наконецъ, ранѣе всѣхъ другихъ слѣлавшееся извѣстнымъ древнему міру, племя Алановъ заняло всѣ земли, прежде принадлежавшія Скиоамъ, и распространилось отъ устья въ Дона до Волги на востокъ и до южныхъ склоновъ Бодинскихъ *) горъ (Bodinus-Gebirge) на сѣверѣ (Diod. II. 43)⁵. Кромѣ того, одна вѣтвь Алановъ кочевала, въ началѣ 3 ст., между Дономъ и Дунаемъ, а другая вѣтвь примкнула къ Вандамамъ, съ береговъ Одера вторгнувшимся въ Дакію (ок. 275 по Р. Х.): выгнанныя изъ Панноніи ок. 333 по Р. Х., эти двѣ вѣтви были увлечены общимъ движеніемъ народовъ далѣе

¹ J. Schaffarik, Slav. Alterth. I, 12.—² K. v. Spruner, Atlas Antiquus. Gothaе 1850. Tab. IX.—³ J. Schaffarik I, 336; K. Neumann, I, 312.—⁴ О топографическомъ распредѣленіи племенъ см. Schaffarik; L. Georgi Alte Geographie II, 302, 311, и F. Kruse, Urgeschichte etc. possim.—⁵ По мнѣнію Шафарика (I. 356), Алане сосѣдствовали на сѣверѣ съ новгородскими славянами.—*) Алаунскія или Валдайскія горы? Пер.

на западъ до Галліи, Испаніи, даже Африки, и скоро потерялись въ смѣсѣ тѣснѣвшихъ другъ друга племенъ.¹ Коренное же племя Алановъ оставалось на своихъ старыхъ мѣстахъ до позднѣйшей, византійской эпохи.

Изъ несарматскихъ племенъ, причисляемыхъ Птоломеемъ и другими писателями къ населенію европейской Сарматіи, самымъ многочисленнымъ было племя Венетовъ (Вендовъ). Оно было вѣтвью славянскаго племени, съ незапамятныхъ временъ осѣвшаго вокругъ „венетскаго залива“ и распространившагося впослѣдствіи по всей восточной Пруссіи и далѣе до нынѣшней Виленской губерніи и даже, какъ предполагаютъ², вверхъ по балтійскому побережью за Новгородъ. Какъ племя земледѣльческое и миролюбивое, Славяне почти неприимали дѣятельнаго участія въ передвиженіи племенъ, а только испытывали на себѣ его вліяніе, поэтому они появляются въ исторіи не ранѣе 6 вѣка по Р. Х. и притомъ какъ новый, дотошъ еще неизвѣстный народъ. Къ славянскому же племени относятъ³ и (уже извѣстныхъ Геродоту) Будиновъ, Гелонновъ и Невровъ (или Нуровъ).

Не малую долю населенія сѣверовосточной Европы составляли также племена кельтическаго и германскаго корня, которыя пришли туда гораздо ранѣе Сарматовъ, и размѣстившись между первоначальнымъ населеніемъ, разбили его на отдѣльныя, удаленныя одна отъ другой группы. Къ этимъ племенамъ принадлежали Певкины и Бастарны⁴, которыхъ Тацитъ (Germ. 46) принималъ за одинъ и тотъ же народъ, а Ливій (XL. 5, 57, 58; XLI, 19, 23) и другіе считали остатками тѣхъ Галловъ, которые около 200 л. до Р. Х. вторглись въ Малую Азію. Они занимали нынѣшнюю Седмиградскую область (Plut. Aemil. Paul. c. 12) и вмѣстѣ съ сосѣднимъ, вѣроятно славянскимъ, племенемъ Карпанъ (Carpiani)⁵ окружали съ запада и сѣвера границы образовавшейся впослѣдствіи римской провинціи—Дакіи, и, какъ можно предполагать о Бастарнахъ, вошли въ ея предѣлы.

Римская Дакія включала въ себѣ нынѣшній Темешварскій банатъ, Венгрію на востокъ отъ Тиссы, Трансильванію (гдѣ во время Геродота жили Агаѳирсы), южную часть Галиціи, Молдавію на западъ отъ Прута и Валахію⁶. Первоначальное населеніе ея было, вѣроятно, оракійскаго происхожденія и осталось свободнымъ отъ примѣси сарматскаго элемента, особенно въ южныхъ частяхъ провинціи. По смерти Траяна, сарматскія племена пытались было проникнуть въ Дакію, но были отбиты при преемникѣ Траяна, Адріанѣ (Aelii. Spart. Adrian. 6).—Далѣе къ сѣверу, за Вислой, и вѣроятно также въ нынѣшней Курляндіи, жило германское племя Сципировъ или Гирровъ (Plin. IV. (97)),⁷ сосѣдвшее съ „гладкостриженными“ Ариифеями Плинія (IV, 14) и Амміана (XXII, 8), съ обитателями Рифейскихъ горъ, вѣроятно также съ Эстіями (которыхъ хотѣли отождествить съ Меланхле-

¹ Schaffarik I, 352, § 9. L. Georgi II, 312. — ² J. Schaffarik. I, 39; 105; 119 и слѣд. — ³ Тамъ же: стр. 184—194. — ⁴ J. Schaffarik I, 118 и слѣд; особенно стр. 393. § 10. — ⁵ Тамъ же, стр. 213. — ⁶ Тамъ же, стр. 31, 467 и слѣд. L. Georgi, II, 254 и слѣд. О Дакіи см. Neigebauer, Dacien, etc.; о римскихъ памятникахъ въ Трансильваніи: J. v. Hahnenhauser. Die Alterthümer Daciens in dem heutigen Siebenbürgen, m. Abbildgn. Wien. 1775 и J. Ackner Die röm. Alterthümer etc. in Siebenbürgen (въ Jahrbuch der k. k. Centralcomission zur Erhaltung der Baudenkmale. Wien 1856. стр. 3 и слѣд.) — ⁷ J. Schaffarik I, 116.

нами Геродота) ¹ и вообще съ чудскими и финскими племенами заселявшими всю нынѣшнюю сѣверовосточную Россію ².

Изъ этихъ послѣднихъ Фенны или Финны были извѣстны уже Тациту, который говоритъ о нихъ слѣдующее (Germ. 46): „Финны отличаются чрезвычайною дикостью и живутъ въ ужасающей бѣдности. У нихъ нѣтъ ни оружія, ни лошадей, ни (постоянныхъ) жилищъ. Они ѣдятъ траву и корни, одѣваются въ звѣриныя шкуры, спятъ на голой землѣ. Единственную поддержку ихъ составляютъ стрѣлы, которыя они, по неимѣнію желѣза, заостряютъ костяными наконечниками. Мужчины и женщины одинаково живутъ охотой, ибо послѣднія всюду сопровождаютъ первыхъ и требуютъ своей доли въ добычѣ. У нихъ нѣтъ другого крова, кромѣ шалаша изъ вѣтвей. Въ него прячутъ они своихъ дѣтей, чтобы укрыть ихъ отъ дикихъ звѣрей и непогоды; онъ же убѣжище ихъ стариковъ и мѣсто отдыха мужчинъ. По такую жизнь они считаютъ счастливѣе, чѣмъ вздыхать за плугомъ, уставать за работою дома, накапливать богатство и сторожить его. Не заботясь ни о людяхъ ни о богахъ, они наслаждаются высочайшимъ благомъ—отсутствіемъ желаній“. Хотя по этому описанію и нельзя опредѣлить, какое именно финское племя имѣлъ въ виду Тацитъ ³, но, припоминая во первыхъ, рассказы Геродота и другихъ авторовъ о Меланхленахъ, или Черноплащникахъ, которые, безъ сомнѣнія, первоначально одѣвались тоже въ звѣриныя шкуры и только впоследствии замѣнили ихъ одеждами изъ (черной или темной) шерсти ⁴, во вторыхъ, замѣчанія нѣкоторыхъ авторовъ, писавшихъ ранѣе Тацита ⁵, о низкой степени культуры у народовъ балтійскаго побережья (напр. у Гуттоновъ и Остіевъ ѣздившаго туда около 360 до Р. Х. массагетъ Птолея (Plin. XXXVI, 11)), и наконецъ, принимая въ соображеніе удержавшееся до позднѣйшихъ временъ сходство въ обычаяхъ и бытѣ всѣхъ этихъ народовъ,—можно кажется не безъ основанія видѣть въ описаніи Тацита (къ какому бы племени дальняго сѣвера оно ни относилось) довольно характеристическую картину быта древнѣйшихъ обитателей не одного только балтійскаго побережья, но и всей сѣверной и сѣверовосточной Европы.

Кромѣ Фенновъ, Тацитъ говоритъ еще объ Эстіяхъ, Свевахъ, Венедяхъ (Вендахъ или Славянахъ) и о жившихъ къ югу отъ послѣднихъ—Певкинахъ или Бастарнахъ.

Эстии переняли обычаи и одежду отъ германскихъ Свевовъ, но, подобно Финнамъ, желѣзнаго оружія почти не употребляли, а замѣняли его деревянными палицами или дубинами (Tacit. Germ. 45). Свевы, напротивъ того, и въ обычаяхъ и въ одеждѣ были сходны съ Германцами, но отличались отъ нихъ тѣмъ, что свои длинные волосы зачесывали кверху и завязывали на макушкѣ въ узелъ, а вожди ихъ, кромѣ того, носили еще въ волосахъ различныя украшенія (Germ. 38). Певкины или Бастарны и жили и одѣвались совершенно такъ же, какъ и Германцы (Germ. 46); но Венеды, хотя и

¹ Какъ напр. F. Kruse, Urgechichte des esthnisch Volksstammes. Moskau. 1846 —
² J. Schafarik. I, 288, 14, § 1 и слѣд.—³ Ср. J. Schafarik I, 299. F. Kruse, op. cit. 348.—⁴ F. Kruse, ibid. 81, 273.—⁵ J. Voigt. Geschichte Preussens. I, 20 seqq.; 31 seqq.

строили себѣ постоянныя жилища, носили щиты и были неутомимы въ холмѣ, заняли однакожъ многое изъ быта сосѣднихъ съ ними Сарматовъ (Germ, 46). Къ этимъ краткимъ замѣткамъ Тацита о бытѣ и одеждѣ названныхъ народовъ не было сдѣлано никакихъ существенныхъ дополненій даже и въ позднѣйшее время; поэтому нѣтъ почти ни какой возможности опредѣлить, оказала ли на эти народы какое либо вліяніе греческая и римская торговля, ¹ путь которой, какъ можно заключить по найденнымъ монетамъ и другимъ предметамъ ², проходилъ черезъ обитаемыя ими страны. Начавшіяся при Домиціанѣ войны съ Даками отвлекли вниманіе Римлянъ отъ народовъ сѣверной Европы, но за то близко познакомили ихъ съ племенами, вошедшими впоследствии въ составъ Дакской провинціи. Изображенія представителей этихъ племенъ, сохранившіяся на триумфальныхъ аркахъ и колоннахъ, ³ воздвигнутыхъ въ память побѣдъ одержанныхъ римскими полководцами, въ связи съ письменными свидѣтельствами, хотя и отрывочными и неполными, служатъ самымъ достовѣрнымъ источникомъ нашихъ свѣденій о бытѣ тѣхъ „варваровъ“, съ которыми имѣли дѣло Римляне. Изъ нихъ оказывается, что относительно одежды и вооруженія эти варварскія племена распадалась

Фиг. 218.

на двѣ группы: одну составляли преимущественно племена сарматской вѣтви, а другую—Даки и родственныя имъ иллирійскія племена.

¹ L. Georgi. *Alte Geographie*. II. 285. — ² О торговлѣ янтаремъ, см. выше стр. 21; о предполагаемыхъ сношеніяхъ Индіи съ германскимъ побережьемъ и-т. д. С. Ritter, *Vorhalle*, стр. 182; и опроверженія этого предположенія у I. Schafarik I, 114. и F. Kruse 112, § 19 и слѣд. — ³ Важнѣйшія изъ нихъ: Колонна Траяна и арки Септимія Севера и Константина. Менѣе значенія имѣетъ, воздвигнутая въ память войны съ Маркоманнами, колонна Антонія, такъ какъ на ней представлено множество различныхъ варварскихъ племенъ, разобрать и охарактеризовать которыхъ едва ли былъ бы въ состояніи и самъ изобразившій ихъ художникъ. Лучшія изданія этихъ памятниковъ въ рисункахъ, суть: *Colonna Trajana cretta dal Senato e Popolo Romano all'Imperatore Trajano*

1. Одежда и вооруженіе европейскихъ сарматовъ (фиг. 218. с) были во многомъ сходны съ Пароянскими¹. Кромѣ длинныхъ и широкихъ штановъ, которые носили обѣ вышеназванныя группы племенъ, а также и Скиовъ (фиг. 214, а, b), одежда Сарматовъ состояла изъ куртки съ длинными рукавами, широкой доходившей до колѣнъ рубашки, накидки въ родѣ плаща и фригійской шапки (ср. фиг. 218, с), т. е. была во всемъ схожа съ одеждою передне-азійскихъ народовъ (покрайней мѣрѣ къ то время, когда Сарматы стали ближе извѣстны Римлянамъ) и если отличалась отъ нея, то можетъ быть только тѣмъ, что надѣвавшаяся сверхъ куртки рубашка, у Сарматовъ была съ одной стороны разрѣзана до пояса и кромѣ того имѣла короткіе, едва доходившіе до половины предплечья рукава (фиг. 218, с). Впрочемъ, Сарматы носили также и длинныя рубашки или совсѣмъ безрукавныя, или тоже съ очень короткими рукавами (фиг. 218, а, d).

Такія же длинныя и широкія рубашки носили и сарматскія женщины,² и сверхъ нихъ надѣвали верхнюю, болѣе короткую одежду, которая подпоясывалась или завязывалась на груди тесемками³, и была безъ рукавовъ также какъ и рубашка; голову онѣ накрывали высокимъ головнымъ уборомъ похожимъ на шлемъ.

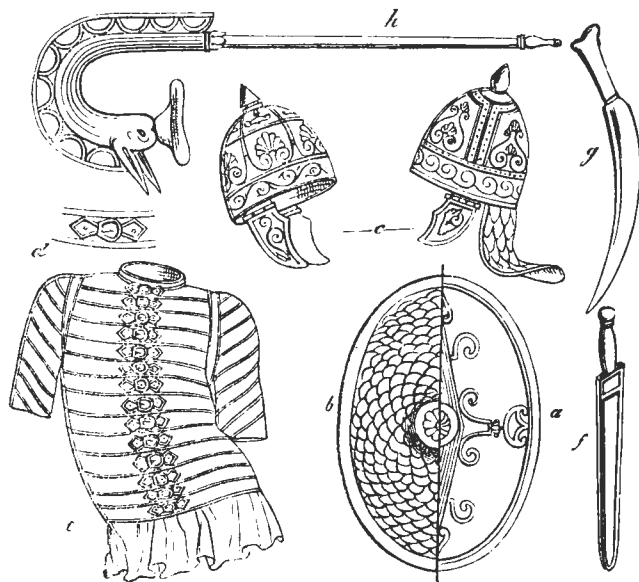
Еще болѣе рѣшительнымъ доказательствомъ мидійскаго или арійскаго происхожденія Сарматовъ, чѣмъ ихъ одежда, было, и осталось даже для позднѣйшихъ изслѣдователей, ихъ вооруженіе. Признавая его положительно за „пароянское“, эти изслѣдователи всё таки считаютъ его принадлежностью сарматскихъ племенъ въ отличіе отъ несарматскихъ (эти послѣдніе познакомились съ нимъ позднѣе и черезъ пришельцевъ изъ Азіи, тогда какъ у первыхъ оно было въ употребленіи съ давнихъ временъ).

О сарматскихъ кольчугахъ, которыя покрывали всего человѣка съ ногъ до головы, и о кольчугахъ для лошадей — было говорено выше (стр. 13, фиг. 216). Кромѣ такихъ кольчугъ у Сарматовъ были кольчужные панцири, защищавшіе одно туловище (фиг. 218, а) и кожаные кирасы (фиг. 218, d), цѣльные и составленные изъ крѣпкихъ ремней стянутыхъ на груди застежками (фиг. 219, d). Какъ металлическое, такъ и кожаное вооруженіе Сарматовъ отличалось искусною выдѣлкою, изъ чего можно заключить, что умѣнье добывать и обрабатывать всѣ нужныя для этой цѣли матеріалы Сарматскія племена вынесли съ собою изъ первоначальныхъ своихъ жилищъ и сообщили его населеніямъ тѣхъ странъ, которыми они завладѣвали распро-

Augusto nel suo foro in Roma. Nuovamente disegnata ed intagliata da Pietro Santi Bartoli etc. (Съ 1870 издается La Colonne Trajane, par Arosa et Frochner въ фотограф. рисункахъ in fol°. Пер.)—Veteris Arcus augustorum Triumphis insignes. Ex reliquiis quae Romae adhuc supersunt. Cum imaginibus triumphalibus restituti antiquis numis, etc. per I. Jac. de Rubeis aeneis typis vulgati. Romae 1690. fol. Подробнѣе у А. Lens Das Kostüm der meisten Völker des Alterthums et. Aus dem französischen übersetzt von G. H. Martini. Dresden 1784.—у Th. Hope Costume of the Ancients. I. London 1841.—¹ Изобраз. Пароянскихъ племенъ у Bellori: Veteres Arcus etc. Tab. 10; 11; 12, fig. 3; 21; 24; 31; 45 (Даки или Парояне—неизвѣстно). Ср. Th. Hope. Costume of the Ancients. Tab. 13.—² J. Schafarik. Slavische Alterthümer I, 366.—³ Эта послѣдняя форма женскаго верхняго платья, не попадаетъ на римскихъ памятникахъ, я относится вѣроятно къ позднѣйшему времени. Ср. ниже, фиг. 223.

страняясь по восточной Европѣ (ср. Раус. I, 20 (8)). Представленные на подножии Траяновой колонны трофеи изъ оружія дакескихъ и сарматскихъ воиновъ ¹ показываютъ даже, что и въ изобрѣтеніи и исполненіи украшеній эти варварскія племена нисколько не уступали ни своимъ соплеменникамъ, Мидянамъ и Персамъ, ни древнимъ Ассиріянамъ. На это можно было бы, конечно, возразить, что такъ какъ эти трофеи изваяны римскими художниками, руководившимися требованіями римскаго вкуса, то въ нихъ слѣдуетъ скорѣе видѣть образчики римскаго, а не сарматскаго искусства, если бы формы, какъ самого оружія, изъ котораго трофеи составлены, такъ и его украшеній, не были слишкомъ своеобразны для того, чтобы въ изобрѣтеніи и выполненіи ихъ можно было допустить произволъ со стороны художниковъ.

Фиг. 219.

Въ числѣ обороннаго оружія, помѣщеннаго въ названныхъ трофеяхъ овальный щитъ Сарматовъ занимаетъ главное мѣсто. Щиты эти были кожаные съ металлическими бляхами и полосами различной формы, которыя покрывали всю наружную поверхность щита (фиг. 219, а, б), къ задней же сторонѣ его были придѣланы двѣ скобы, въ которыя, беря щитъ на руку, продѣвали всю руку (фиг. 218. б). Этими щитами были вооружены одни только пѣшіе воины (фиг. 218. б, с) ².—Сарматскіе шлемы были тоже кожаные съ металлическими накладками и украшеніями; своею формой они походили на остроконечные шлемы нѣкоторыхъ нынѣшнихъ кавказскихъ пле-

¹ Bartoli, Colonna Trajana. Tav. 1 e 2. — ² Bartoli, Colonna Trajana. Tav. 31, 44, 50, 55, 70.

мень¹, и, подобно ассирійскимъ и малоазійскимъ шлемамъ, были снабжены нащечниками и назатыльникомъ (фиг. 218, a d; фиг. 219, c. Ср. фиг. 125, a—d, и фиг. 183, c—h).

Къ описанному выше (стр. 14) нападательному оружію Скивовъ и Сарматовъ, должно прибавить еще, слѣдуя изображеніямъ на римскихъ памятникахъ,²—короткіе и длинные мечи, которые носили на ремнѣ черезъ плечо (фиг. 218, a, d; фиг. 219 f); кривые ножи или кинжалы (фиг. 219, g), разнаго вида луки (фиг. 218, a, d), съ цилиндрическими или четыресто-

Фиг. 220.

ронными колчанами, отдѣланными совершенно такъ же, какъ ассирійскіе и малоазійскіе колчаны (фиг. 126, c—g; фиг. 183, p—q); тяжелыя деревянныя палицы (фиг. 218, b); наконецъ, военныя трубы, своеобразной формы (фиг. 219, h)³ и полевые значки или штандарты, тоже весьма странной формы. Эти штандарты⁴ имѣютъ видъ шеста съ висѣющимъ на немъ четырехугольнымъ лоскутомъ, или толстаго жгута съ змѣиною головою, прикрѣпленнаго къ древку. Голова дѣлалась вѣроятно изъ дерева, а тѣло изъ кожанаго мѣшка, набитаго соломой и т. п. и перевитаго веревками (фиг. 220).

Такъ какъ изъ всѣхъ сарматскихъ племенъ Римляне чаще всего воевали съ Язигами, Роксоланами и Аланами, то, по всей вѣроятности, и на своихъ триумфальныхъ памятникахъ они представляли только эти три народа.—О Яксаматахъ римскіе авторы рассказываютъ, что у нихъ конное войско состояло изъ однихъ только женщинъ, вооруженныхъ арканами, а мужчины сражались пѣшие и были вооружены луками (Mela I, 19). Роксоланы, по словамъ Тацита (Hist. I, 79), были дикіе и отважны, и такъ же неповоротливы въ пѣшемъ бою, какъ стремительны и неустойчивы въ конномъ натискѣ. Одолѣть ихъ можно было только при дождливой погодѣ или оттепели, когда размокшая почва замедляла быстроту ихъ лошадей. Тогда, говоритъ Тацитъ, не помогали имъ ни ихъ копыя, ни ихъ длинныя, двуручныя мечи, а панцири становились даже помѣхой, потому что были тяжелы, и упавшій или опрокинутый непріятелемъ воинъ съ трудомъ могъ подняться на ноги. Панцири эти были желѣзные или изъ толстой кожи; ихъ носили одни только вожди и знатные воины.—Эти извѣстія дополняются замѣтками Діона Кассія (LXXI, 13, 16)—о жестокомъ обращеніи Язиговъ съ плѣнными, и Амміана (XVII, 12)—о ихъ броняхъ сдѣланныхъ изъ рога и о военныхъ обычаяхъ Алаевъ (XXXI, 2). Арріанъ, въ своемъ разсужденіи о способѣ веденія войны съ Алашами, замѣчаетъ, что они сражаются безъ всякой брони, вооруженные одними только длинными копьями. Сличая всѣ эти отрывочныя извѣстія о

¹ Ср. Fincke. Abbildung und Beschreibung von alten Waffen etc. der Sammlung von Sievelyn Meyrik. Berlin, Pl. 134: Rockstuhl, Musée d'armes rares anciennes et orientales de S. M. l'Empereur des toutes les Russies. Petersbhr. 1841. Pl. 17, 18, 91, 132.—² Bartoli Col. Trajana. Tav. 1, 2: 58 No. 229.—³ Th. Hope (The Costume of the ancients. Pl. 17, fig. 5) принимаетъ ихъ за дакійскіе штандарты, однакожъ безъ всякаго основанія, такъ какъ они не соответствуютъ сдѣланному древними авторами описанію полевыхъ значковъ или штандартовъ.—⁴ Bartoli. Tav. 2, 58, No. 227, 229.

сарматских племенах съ фигурами варваровъ на римскихъ памятникахъ вообще и въ особенности на Траяновой колоннѣ, можно принять, что фигуры въ длинной одеждѣ, въ шлемахъ и панцыряхъ и вооруженные луками (фиг. 218 а, d) ¹ представляютъ Яксаматовъ, тяжеловооруженные всадники (фиг. 216)—знатныхъ воиновъ ² изъ племени Язиговъ и Роксоланъ, невооруженные но вполне одѣтые фигуры—Сарматовъ вообще, (фиг. 218, с) и наконецъ, полуодѣтые и одними щитами вооруженные воины (фиг. 218. b)—Аланъ, или, что кажется правдоподобнѣе, союзныхъ съ Сарматами (Иллиро—) Даковъ.

Фиг. 221.

2. Одежда (иллиро—) дакскихъ племенъ была нѣсколько отлична отъ сарматской. Отличіе состояло во первыхъ въ томъ, что вмѣсто мягкаго фригійскаго колпака Сарматовъ, (Иллиро—) Даки носили родъ клобука; во вторыхъ въ томъ, что у нихъ одежда была уже и плотнѣе прилегала къ тѣлу чѣмъ сарматская рубашка: она имѣла видъ кафтана, который (какъ можно догадываться по изображеніямъ) былъ распашной и сдерживался поясомъ (фиг. 221. d); наконецъ, ихъ плащъ былъ шире и длиннѣе сарматскаго и обшитъ по краямъ бахрамой или мѣхомъ ³ (ср. фиг. 221, а, с. d и фиг. 218, b). Даже и общія тѣмъ и другимъ племенамъ—штаны и кожаная обувь были у Даковъ уже чѣмъ у Сарматовъ.

Но и отдѣльныя вѣтви (иллиро—) дакійскаго населенія одѣвались не одинаково, хотя здѣсь различіе заключалось лишь въ томъ, что одни носили

¹ Впрочемъ, по одеждѣ и вооруженію они довольно близко напоминаютъ ассирійскихъ лучниковъ (см. выше, фиг. 128. d).—² Такихъ всадниковъ представлено на всей колоннѣ только 13. См. Bellori. Colonna Trajana. Tav. 22; 27; 46.—³ Повѣрье объ обращеніи людей въ волковъ (объ оборотняхъ), живущее и понынѣ въ Бѣлоруссіи, и упоминаемое уже Геродотомъ, какъ существовавшее у Невровъ, думали объяснить обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ одеждою изъ волчьихъ шкуръ. См. опроверженіе у Шафарика I, 197.

только штаны и обувь, оставляя туловище голымъ (фиг. 218, b), другіе къ этому костюму прибавляли еще плащъ, (фиг. 221. c), т. е. одѣвались почти какъ нынѣшніе далматійскіе Морлаки ¹, третьи наконѣцъ, надѣвали подъ плащъ рубашку (фиг. 221, d) или, вмѣсто нея, родъ длиннаго распахнутаго кафтана (фиг. 221, a). и т. д.

Фиг. 222.

Частыя вторженія Сарматскихъ племенъ въ дакійскія области, особенно въ сѣверныя, и войны, которыя должны были вести съ ними Даки иногда одни,

Фиг. 223.

иногда въ союзѣ съ Римлянами (Plin. IV, 25; ср. Tacit. Annal. XII, 29), оказали между прочимъ вліяніе и на одежду Даковъ. Судя по изображеніямъ

¹ Ср. Dobrowski Slavin. Botschaft aus Böhmen an alle slavischen Völker oder Beiträge zu ihrer Charakteristik etc. Von W. Hanka. Prag. 1834. стр. 39, 53.

на римскихъ памятникахъ, знатные Даки и сами цари Даковъ не только носили длинную верхнюю одежду Сарматовъ при своемъ народномъ костюмѣ (фиг. 221, b), но и совсѣмъ одѣвались по-сарматски. Покрайней мѣрѣ на памятникахъ они представляются одѣтыми такъ же, какъ и сарматскіе вожди, одежда которыхъ отличается отъ одежды простыхъ сарматовъ только большею полнотою и большею нарядностью (фиг. 222. a—c).¹

Дакскія женщины носили такую же длинную и широкую одежду, какъ и сарматскія, съ тою только разницею, что у ихъ одежды, какъ верхней, такъ и нижней, были длинные рукава, которые у локтя онѣ перевязывали лентою или перехватывали обручемъ. Верхнюю одежду подпоясывали поясомъ или концами плаща, связанными узломъ подъ грудью (фиг. 223. c). Голову, какъ замужніе такъ и дѣвицы, повязывали платкомъ; дѣти тоже носили на головѣ повязку (фиг. 223, a).

Что касается вооруженія дакійскихъ племенъ, то, какъ показываетъ трофей на трояновой колоннѣ², оно было такое же, какъ и у Сарматовъ. Характерично впрочемъ отсутствіе на трофее латы и поножей, которые конечно не могли бы быть опущены ваявшимъ трофей художникомъ, если бы онъ не имѣлъ на это достаточнаго основанія. По всему вѣроятію это вооруженіе, неизбѣжное у Сарматовъ, не было въ употребленіи у Даковъ. На трофее оно замѣнено одеждой въ родѣ рубашки, съ наброшеннымъ поверхъ нея плащомъ.

П о с т р о й к и.

Распространеніе Сарматскихъ племенъ конечно не могло способствовать развитію строительной дѣятельности у народовъ восточной Европы, если даже и предположить у нихъ зачатки такой дѣятельности. Сарматы и послѣ переселенія своего въ Европу не измѣнили своего исконнаго кочевого быта и не знали другихъ жилищъ, кромѣ своихъ кибитокъ (см. выше стр. 16).³ Всюду, куда ни проникалъ этотъ народъ, незнавшій, по словамъ Амміана (XXXI, 2), „ни храмовъ, ни алтарей и поклонявшійся только одному богу войны въ образѣ обнаженнаго меча“, онъ являлся скорѣе разрушителемъ, чѣмъ строителемъ; поэтому, если онъ и встрѣчалъ на своемъ пути какія нибудь осѣдлыя поселенія, то они неизбѣжно становились жертвою его жестокости. Впрочемъ и у тѣхъ осѣдлыхъ племенъ, которыя остались не трону-

¹ Съ извѣстными фигурами дакійскихъ или сарматскихъ царей на римскихъ триумфальныхъ памятникахъ (Col. Trojana Tav. 29. fig. 168; T. 41, fig. 195; T. 55, n. 220, и Arcus Veteres, Tab. 10, 24, 45) слѣдуетъ сравнить минимую статую дакійскаго царя Децебала, срисов. у A. Lenz, Tab. 72 и Th. Nore Tab. 19. — ² Ср. Bartoli. Col. Trajana, Tab. 58, № 227. Этотъ трофей оказывается несарматскимъ (а потому навѣрно дакійскимъ), потому что онъ противопоставленъ несомнѣнно сарматскому трофею. — ³ Страбонъ (VII, 3) называетъ «живущими на повозкахъ Скивами и Сарматами» полубаснословныхъ Гипомолговъ, Галактофаговъ, Абіевъ, и болѣе извѣстныхъ ему Тиригетовъ, Япиговъ, Ургіевъ и Роксоланъ. Съ этимъ согласны и Mela (III, 4), Тацитъ (Germ. 46) и, относительно Аланъ, Амміанъ (XXXI, 2) и Діонисій (Perieg. 308). Даже и Агаэпрсы (народъ несарматскаго племени) жили, по свѣдѣтельству Мелы (II, 10) на повозкахъ, равно какъ и «Амаксобинъ», которые отъ этого и получили свое названіе.

тими вторженіемъ Сарматовъ, не было кажется никакихъ построекъ, кромѣ уже упомянутыхъ бревенчатыхъ хижинъ, такъ какъ несмотря на отдаленность, общее передвиженіе народовъ отражалось и на нихъ, заставляя ихъ переходить съ мѣста на мѣсто. Такъ напр. часть племени Невровъ уже рано вынуждена была пуститься въ дальнія странствованія (Herod. IV, 105); точно также и Будины (Herod. IV. 123), несмотря на то, что жили въ „деревянныхъ городахъ“, блуждали по странѣ, какъ „народъ неосѣдлый“ (Herod. IV, 109). Несарматскія племена Певкиндѣвъ и Бастарновъ, хотя и строили себѣ постоянныя жилища по германскому обычаю (Tacit. Germ. 46), но „не занимались ни земледѣліемъ, ни судоходствомъ, ни скотоводствомъ“, а какъ „отважные конники“, которые могли выставить царю Персею (около 170 до Р. Х.) по найму до 20000 всадниковъ (Liv. XLIV, 26. Plut. Aem. Paul. c. 12), „знали только одно искусство—вести войну и бить непріятеля“ (Plut. Aem. Paul. 9, 12. Appian. bell. mithrid. Polyb. XXVI. 9.). Судя по всему этому, должно полагать, что строительное искусство всѣхъ народовъ восточной Европы не шло далѣе постройки необходимыхъ для безопасности загородей и самыхъ простыхъ деревянныхъ жилищъ, въ томъ видѣ, какъ они представлены отчасти на Траяновой колоннѣ¹, отчасти на колоннѣ Антонина, о чемъ будетъ сказано ниже².

Таково же было, вѣроятно, состояніе строительнаго искусства и у племенъ, населявшихъ Дакію. При завоеваніи этой области Римляне нашли, правда, въ ней нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ, изъ коихъ „Сармизегетуза“ считался даже „древнею“ резиденціею „искуснаго въ военномъ дѣлѣ“ царя Децебала (Dio Cass. LXVIII, 9), но, по всей вѣроятности, и въ немъ не было никакихъ другихъ зданій, кромѣ такихъ же простыхъ деревянныхъ построекъ какъ и въ другихъ городахъ, отъ которыхъ онъ можетъ быть отличался только тѣмъ, что былъ окруженъ насыпями и рвами.³

Архитектурнымъ постройкамъ Даки научились отъ Римлянъ, и прежде всего крѣпостнымъ постройкамъ, которыя, судя по множеству развалинъ, существующихъ и понынѣ въ области бывшей Дакіи⁴, были у нихъ многочисленны и обширны⁵. Затѣмъ, по завоеваніи Даки Римлянами, помѣръ того какъ она заселялась римскими переселенцами и принимала римскіе нравы, появились и распространились въ ней и другого рода зданія, общественныя и частныя, соотвѣтствовавшія потребностямъ развитой, римской жизни.

У т в а р ь.

Намъ извѣстно, что какъ Сарматскія, такъ и Дакскія племена умѣли не только выдѣлывать для себя оружіе, но и съ нѣкоторымъ искусствомъ укра-

¹ Ср. Tab. 18, № 136. Tab. 39.—² См. слѣдующ. главу (Жилища).—³ Ср. рисунокъ у Bartoli. Colonna Trajana, Tab. 92.—⁴ Ср. приведенный выше (стр. 23, прим.). Jahrbuch der k. k. Centralcommission etc., стр. 3 seqq.—⁵ О такъ наз. «Траяновомъ валѣ» и «железныхъ воротахъ» см. J. v. Hohenhausen, Die Alterthümer Daciens, стр. 25. и I. Schafarik, I, 520 seqq.; о «Траяновомъ мостѣ», подробнѣе описанномъ у Dio. Cass. (LXVIII. 13) ср. L. Georgi, Alte Geographie I, 256 и рисунокъ у Bartoli, Col. Traj. tav. 74, № 259.

шать его. Были ли они такъ же искусны и въ изготовленіи красивой утвари— этого мы положительно рѣшить не можемъ ¹, но вѣроятнѣе, кажется, предположить, что и въ художественной ремесленности, такъ же какъ и въ художественномъ строительствѣ, учителями ихъ были Римляне ².

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Народы сѣверной, средней и западной Европы. ³

Предварительныя замѣчанія.

Населеніе, которое мы будемъ разсматривать, занимало всё пространство западной Европы, кромѣ Италіи. По принятому съ историческихъ временъ географическому дѣленію материка на народныя области, оно заселяло на сѣверѣ скандинавскія земли (южную Швецію и Данію) и острова: Британію и Гибернію (Англію, Шотландію и Ирландію), затѣмъ всю страну между Вислой и Рейномъ и къ югу за Альпы, т. е. Германію и Гельвецію

¹ По свидѣтельству Діона Кассія (LXVIII, 14) Децебалъ обладалъ большими сокровищами, состоявшими преимущественно въ золотѣ; они были измѣнически выданы Траяну.—² Находимыя еще и до сихъ поръ въ седмградскихъ рудникахъ римскія орудія показываютъ, что «золотыя копи Даніи» были разрабатываемы и Римлянами, которые часть добытаго въ нихъ металла перерабатывали въ различныя драгоценныя вещи и украшенія, наивъ это можно заключить по найденнымъ въ прежнихъ римско-дакійскихъ земляхъ древностямъ. См. вышеназванный *Jahrbuch der Centralcommission* etc. I. 13, 16 seqq. —

³ Литература этого предмета чрезвычайно обширна. Очень много свѣдѣній разбросано въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, въ изданіяхъ обществъ и т. д.—Общія сочиненія: F. Monе. *Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa*. Darmstadt. 1822.—L. Diefenbach. *Celtica*, I und II. Versuch einer genealogischen Geschichte der Kelten (II. Abtheilung die iberischen und britischen Kelten enthaltend). Stuttg. 1840.—J. Schafarik. *Slawische Alterthümer*. Leipzig. 1843 I. p. 347. sqq.—F. Gérard. *Histoire des races humaines d'Europe depuis leur formation jusqu'à leur rencontre dans la Gaule*. Bruxelles. 1849.—Chr. Kefersteine. *Ansichten über die keltischen Alterthümer, die Kelten überhaupt und besonders in Deutschland*. Halle. 1846, 1851.—W. Wachsmuth. *Allgemeine Culturgeschichte*. I. (Leipzig. 1850) p. 268 sqq.—Chr. Brandes. *Das ethnographische Verhältniss der Kelten und Germanen nach den Ansichten der Alten und den sprachlichen Ueberresten*. Lpzg. 1857 (съ обширнымъ перечнемъ сочиненій).—О Галліи (и Британіи): *Mémoires de la société royale des antiquaires de France*. Paris 1817—1844. — E. Breton et de Jaufröy. *Introduction à l'histoire de France, ou description physique, politique et monumentale de la Gaule jusqu'à l'établissement de la monarchie*. Paris. 1838.—A. Martin. *Histoire morale de la Gaule depuis les temps les plus reculés jusqu'à la chute de l'empire romain*. Paris. 1848.—H. Moke. *La Belgique ancienne et ses origines gauloises, germanique et franque*. Gand. 1855.—L'abbé Cochet. *La Normandie souterraine ou notices sur des cimetières romains et des cimetières francs explorés en Normandie*. 2 Edit. Paris. 1855. (съ обширными литературными указаніями). Сюда же относятся нѣкоторыя мѣста у P. Herbé: *Costumes français civiles, militaires et religieux etc. depuis les Gaulois jusqu'en 1834, d'après les historiens et les monuments*. Paris. 1840.—O Британія и Галлія. *Archaeologia Britannica*. Oxford. 1707 ff.—A. Passi. *Grossbritanniens Urzeit*. Landshut. 1841.—W. Betham. *The Gaels and Cymry or an inquiry into the origin and history of the Irish Scotti, Britains and Gauls*. Lond. 1843.—A. de Courson. *Histoire*

(Швейцарію), даѣе всѣ земли къ западу отъ Рейна, т. е. всю Галлію (Францію), и наконецъ, къ югу отъ этой послѣдней — полуостровъ Иберію (Испанію и Португалію.) О первоначальной, вообще дикой и суровой природѣ всей этой области (за исключеніемъ Испаніи) мы можемъ судить по извѣстіямъ древнихъ писателей ¹ лишь приблизительно, такъ какъ они относятся ко времени, когда населеніе уже значительно измѣнило характеръ страны. Но о Скадиनावіи нѣтъ даже и такихъ намековъ. А между тѣмъ, судя по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, ² она-то именно и принадлежала къ тѣмъ землямъ сѣверной Европы, до которыхъ позднѣе всѣхъ коснулась рука человека. Еще въ эпоху своего историческаго существованія она была покрыта сплошными пихтовыми и сосновыми лѣсами. Въ Швеціи они росли по склонамъ широкаго горнаго хребта, который тянется по срединѣ полуострова

des peuples Bretons dans la Gaule et dans les îles Britanniques: langue, coûtume, moeurs et institutions. Paris. 1846.—A. Giles. History of the ancient Bretons from the earliest period to the invasion of the Saxon. Lond. 1847. D. Wilson. The archaeological and prehistoric annals of Scotland. Edinb. 1851.—J. Strutt. Angleterre ancienne ou tableau des moeurs, usages, armes etc. des anciens habitants de l'Angleterre. Paris. 1789.—H. Smith. Selections of the ancient costume of Great Britain and Ireland. Lond. 1814.—R. Meyrick and H. Smith. Costume of the original Inhabitants of the British Island. Lond. 1821.—Th. Wright. The Celt, the Roman and the Saxon; a history of the early inhabitants of Britain. With a map and woodcuts. Lond. 1852.—**О Скадиनावіи.** Nordisk Tidsskrift for Oldkyndighed. (т. е. сѣверный археологическій журналъ.) Kopenhagen. 1832. — Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, herausgegeben von der Gesellschaft für nordische Alterthumskunde. Kopenhagen. 1837.—J. A. Worsaae. Danmarks oldtid oplyst ved Oldsager og Gravhøie. Kopenh. 1843.—переведенное также на нѣмекій языкъ von N. Bertelsen. (Kopenh. 1844.)—A. Munch. Die nordisch-germanischen Völker, ihre ältesten Heimatsitze, Wanderzüge und Zustände, übersetzt von F. Claussen. Lübeck. 1853.—F. Klec. Steen-Bronce-og Jern-culturens Minder, efter vüste fra et almindelig cultuurhistorisk Standpunct; Nordens nuvaerende Folke-og Sprogceiendommeligheder. Kiøbenh. 1854.—J. A. Worsaae. Afbildninger fra det Kongelige Museum for nordiske Oldsager i Kjøbenhavn. Kjøbenh. 1854 (обширное собраніе рисунковъ).—K. Weinhold Altnordisches Leben. Berlin. 1856. **О Германіи.** Изъ множества отдѣльныхъ сочиненій: E. Förstemann. Neue Mittheilungen aus dem Gebiete historisch-antiquarischer Forschungen (des «Thüringisch-Sächsischen Vereins».) Halle 1834 sqq; Сюда же относятся: R. Schröter u. F. Lisch. Friderico-Franciscum oder grossherzogl. Alterthumssammlung aus der altgermanischen und slavischen Zeit Mecklenburgs zu Ludwigslust, Lpzg. 1873; F. Lisch. Erläuterungen zu den Abbildungen des Friderico-Franciscums. Lpzg. 1837.—G. Klemm. Handbuch der germanischen Alterthumskunde. Dresden. 1836.—L. v. Ledebur. Das königliche Museum vaterländischer Alterthümer. Berlin. 1838.—J. Clements. Die nordgermanische Welt oder unsere geschichtlichen Anfänge. Kiel. 1840.—K. Preusker. Blicke in die vaterländische Vorzeit, Sitten, Sagen, Bauwerke und Geräthe zur Erläuterung des öffentlichen Volkslebens u. s. w. 3. Abthlgn. Lpzg. 1841—1844.—Ch. Wagener. Handbuch der vorzüglichsten, in Deutschland entdeckten Alterthümer aus heidnischer Zeit. Beschrieben und versinnlicht durch 1388 lithograph. Abbildungen. Weimar. 1842. съ ничтожной критикой, но съ обширнымъ указаніемъ литературы и т. п.) K. Barth. Deutschlands Culturgeschichte 2. Ausg. Erlangen. 1841—1846.—G. Klemm. Culturgeschichte des christlichen Europa. I. Lpzg. 1851. (какъ продолженіе его «Allgemeine Culturgeschichte.» Bd. IX.) **О Гельвеціи** (и ю. г.): H. Schreiber. Taschenbuch für Geschichte und Alterthümer in Suddeutschland. Freiburg. 1839 sqq.—A. Jahn. Der Kanton Bern, deutschen Theils, antiquarisch-topographisch beschrieben mit Aufzählung der helvetischen und römischen Alterthümer u. s. w. Bern und Zürich. 1850. (здѣсь же и даянѣйшая литература.). B. Brosi. Die Kelten und Althelvetier. Solothurn. 1851.—J. Keller. Die Heidengräber in der Schweiz и ия. др.—¹ для нѣмецкаго ср. указанія на древніе и новѣйшіе источники у L. Georgi. Alte Geographie, II, именно для Британіи р. 120 sqq; для Галліи р. 67. sqq; для Германіи р. 143 sqq. и ниже.—² A. Munch. Die nordisch-germanischen Völker (1853) p. 1—4. A. Worsaae. Danemarks Vorzeit p. 7. sqq.

съ сѣвернаго конца до южнаго, и спускались вплоть до песчаныхъ береговъ, покрытыхъ скудными пашнями. Такіе же густые лѣса покрывали и всю Дакію, но такъ какъ они прерывались обширными плодородными луговинами, хотя и перестѣченными множествомъ болотъ, то эта страна представляла болѣе удобствъ для поселенія, чѣмъ негостепріимные горные лѣса далекаго сѣвера.

Относительно природы всего менѣе измѣнилась Британія. Почти такую же, какъ теперь, только лѣсистѣе, нашли ее Римляне. Весь островъ, до крайняго сѣвера, представлялъ большую, мѣстами холмистую, равнину, частью покрытую необозримыми ландами, частью плодородной землей. Ни частые туманы и дожди, господствующіе тамъ и по нынѣ, ни отсутствіе вредныхъ и хищныхъ звѣрей, не укрылись отъ наблюдательности Римлянъ. Температуру острова, именно южной его части, они нашли умѣренною и благопріятною, какъ для земледѣлія, такъ и для разведенія плодовыхъ деревьевъ.

Галлію Римляне изображаютъ страною въ высшей степени „бурною, непривѣтливою, холодною“, съ суровой зимой, а нѣкоторыя ея области (напр. Аквитанію) песчаными и неплодными. Тѣмъ не менѣе, судя по другимъ извѣстіямъ, ея южныя провинціи отличались большимъ плодородіемъ. Впрочемъ, при вступленіи Римлянъ въ Галлію, она была почти вся воздѣлана и только одни густые лѣса и еще невысохшія болота, попадавшіяся мѣстами, свидѣтельствовали о первоначальной ея суровости.

Дикій характеръ страны, поросшей непроходимыми лѣсами, изрѣзанной горными кряжами и стремительными рѣками, покрытой безчисленными болотами и песчаными заносами, характеръ, первоначально общій вѣроятно всѣмъ этимъ землямъ,—видѣтъ, кажется, не сохранился такъ долго, какъ въ Германіи¹. Разказы Римлянъ о тѣхъ частяхъ ея, куда они успѣли проникнуть, до того переполнены разными ужасами, что даже приписывая въ расчетъ ихъ преувеличеніе относительно напр. роста и толщины нѣкоторыхъ деревьевъ², или совершенной недоступности внутреннихъ мѣстностей и т. п. все-таки приходится допустить дѣйствительно необыкновенную суровость и дикость этой природы. Никогда не отваживаясь на основательное изслѣдованіе внутренней Германіи, но зная по слухамъ о ея дремучихъ лѣсахъ, о ея суровомъ климатѣ, сильныхъ буряхъ и постоянныхъ туманахъ, Римляне представляли еѣ себѣ обиталищемъ мрака и унынія.

Было ли первоначальное населеніе всѣхъ этихъ странъ коренное — какъ бы можно было заключить по нѣкоторымъ, весьма однакожъ одностороннимъ признакамъ,³ — и если такъ, то къ какой изъ человѣческихъ породъ оно принадлежало — это вопросы, на которые еще не отвѣтила наука, да и врядъ ли они когда-нибудь могутъ быть разрѣшены съ точностью. Зато съ величай-

¹ Ср. G. Klemm. Handbuch der germanischen Alterthumskunde. p. 1 — 24. —

² Такъ, между прочимъ, Плиній (Hist. natur. XVI, 2) рассказываетъ о дубахъ Герцинскаго лѣса, будто ихъ корни, снѣтаясь между собой, образовали настоящія ворота, столь высокія, что цѣлый эскадронъ конницы могъ пройти подъ ними, и проч. — ³ M. Vacher de Perthes: Antiquités celtiques et antédiluviennes. etc. Paris 1849; то же F. Lisch. Jahrbücher des Vereins für mecklenburg. Geschichte und Alterthumskunde. XII. p. 400; XIV. p. 302 sqq.

шей вѣроятностью утверждаютъ, что Европа, „эта обширная къ сѣверозападу направленная оконечность Стараго Свѣта“¹ была первоначально населена пришельцами изъ Азіи, прародины дѣятельныхъ (активныхъ) человѣческихъ расъ². Все доказываетъ, что эти переселенцы состояли главнымъ образомъ изъ кочующихъ кавказскихъ и скиво-сарматскихъ племенъ³. Постоянно тѣсняемые бухарскими ордами, напавшими на нихъ съ востока, они двигались въ различныя времена и по различнымъ дорогамъ. Хотя нельзя съ достовѣрностью опредѣлить ни времени, ни направленія ихъ движенія на западъ, мы все-таки можемъ предположить, что оно совершалось по двумъ, какъ бы самую природою указаннымъ, главнымъ путямъ — сѣверному и южному. Последний шелъ вдоль сѣвернаго берега Африки и былъ проложенъ съ незапамятныхъ временъ арабскими племенами, которыя придерживаются его и до сихъ поръ. Сѣверный путь тянулся отчасти черезъ равнины восточной Европы, еще въ VI вѣкѣ населенныя Сарматами, отчасти по сѣверной Россіи и черезъ море спускался въ среднюю Европу.

Кажется, по южному, быть можетъ первоначальному пути заселилась Испанія. Большую часть ея населенія составляли такъ-называемые Иберы. Съ ними пришли „Персы“ и другія кочевыя племена и широкимъ потокомъ разлились по полуострову. Въ 1100 до Р. Х., во время основанія финикійскихъ колоній на западѣ⁴, имъ уже принадлежали значительныя области. Они проникли также въ южную Галлію до самой Роны и заняли острова Корсику, Сардинію и Сицилію⁵. Хотя, по всей вѣроятности, въ древнія времена въ населеніе испанскаго материка не разъ проникали элементы чуждыхъ племенъ и чуждаго развитія⁶, тѣмъ не менѣе оно постоянно сохраняло свои національныя особенности и какъ своимъ характеромъ, такъ и языкомъ рѣзко отличалось отъ всѣхъ позднѣйшихъ пришельцевъ⁷.

По второму великому пути, который, какъ было замѣчено выше, вѣроятно шелъ частью прямо на западъ, частью черезъ сѣверъ, устремился потокъ народовъ, извѣстныхъ уже древнимъ Грекамъ (Herod. II, 33) подъ именемъ Кельтовъ.⁸ Но имъ предшествовали другія племена низшей культуры, приходившія вѣроятно изъ сѣверной Азіи скандинавскимъ берегомъ и моремъ, или же по прусскому берегу Балтики⁹. Эти народы, очевидно финскаго или чуждаго происхожденія, поселились съ незапамятныхъ временъ въ богатой заливами Скандинавіи, по берегу Нѣмецкаго моря, и въ своихъ безчисленныхъ развѣтвленіяхъ вѣроятно распространились по средней и западной

¹ C. Ritter. Erdkunde. Asien I. (Berlin. 1832) p. 16 sqq. — ² Cp. G. Klemm. Allgem. Kulturgeschichte. IV. p. 7, въ особенности p. 230 sqq. — ³ C. Ritter. p. 69: «Бухарская низменность лежитъ въ самомъ центрѣ материка. Въ физическомъ отношеніи это — переходная форма отъ Азіи къ Европѣ. Между южной подошвою Уральскихъ горъ и сѣвернымъ склономъ Кавказа она заслуживаетъ названія великихъ воротъ переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу». — ⁴ См. C. Movers. Das phönizische Alterthum II (Geschichte der Colonien). Berlin. 1850 p. 588 sqq. Тамъ же приведены и сказанія о заселеніи Испаніи азіатскими выходцами, очевидно, стояція въ связи съ финикійскими колоніями страны. — ⁵ W. Wachsmuth. Allgemeine Kulturgeschichte. Lpzg. 1850. I p. 268 sqq. — ⁶ C. Brandes. Kelten und Germanen p. 68 sqq. — ⁷ W. v. Humboldt. Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens. Berlin. 1821. p. 179. sqq. — ⁸ Cp. C. Brandes. Kelten und Germanen. p. 65. — ⁹ A. Munch. Die nordisch-germanischen Völker p. 6.

Европѣ до Пиренеевъ и даже далѣе къ югу ¹. Трудно сказать, какимъ образомъ эти племена были вытѣснены или истреблены нахлынувшими Кельтами. По всей вѣроятности, дѣло не обошлось безъ кровавой борьбы. Но и самое переселеніе Кельтовъ уходитъ за предѣлы исторіи ². Одно кажется достовернымъ, что оно было особенно сильно и постоянно въ V и VI вѣкахъ до Р. Х. Вообще надобно предполагать, что Кельты были народъ необыкновенно склонный къ переселеніямъ. Безпрерывно подвигаясь впередъ, прежде всего на западъ и югъ, они постепенно распространились почти по всѣмъ вышеупомянутымъ странамъ, заняли Германію (кажется, за исключеніемъ средней) ³ и проникли внутрь Швейцаріи ⁴. Другія массы, тѣснимыя къ западу съ своимъ авангардомъ, Гаелами или Гаделами — заняли немедленно всю Галлію ⁵. Отвѣтвленія ихъ, съ примѣсю кимврскихъ ордъ, шедшихъ вмѣстѣ съ ними или по ихъ слѣдамъ, направились въ Бельгію, откуда, при новомъ натискѣ племенъ, они перебрались черезъ каналъ на Британскіе острова. ⁶ Съ другой стороны, этотъ западный потокъ углубился въ самое сердце Испаніи. Изъ столкновенія Кельтовъ съ Иберами, уже давно укоренившимися на полуостровѣ, ⁷ образовалось, именно въ галло-испанскихъ пограничныхъ областяхъ, смѣшанное населеніе, которое поэтому до послѣдняго времени называли „Кельтиберами“, намекая на племенные элементы, вошедшіе въ его составъ ⁸. Не менѣе значительны были обратныя движенія Кельтскихъ племенъ на востокъ. Объ ихъ размѣрахъ уже въ III вѣкѣ до Р. Х. ясно свидѣтельствуетъ вышеупомянутое вторженіе галльскихъ ордъ въ сѣверныя области Малой Азіи (ч. I. стр. 317). Съ давнихъ поръ они переступили берега Вислы и, кромѣ того, наводнили западную Венгрію и всю Чехію ⁹.

Почти до 300 года до Р. Х. ¹⁰ продолжались эти передвиженія кельтскаго племени, вѣроятно, съ теченіемъ времени, раздробившагося на многочисленныя племенные союзы, можетъ быть еще постоянно воевавшіе между собою, какъ вдругъ на востокъ обнаружилось новое движеніе народовъ ¹¹.

Толпы Германцевъ, вытѣсненные изъ предполагаемой ихъ родины между Волгой и Ураломъ ¹² на самый берегъ Балтійскаго моря и поселившія-

¹ J. Schafarik: Slavische Alterthümer I p. 290. F. Kruse. Ur-geschichte des estnischen Volksstammes, p. 86. sqq. K. Weinhold. Altnordisches Leben p. 12 sqq. —

² J. Wachsmuth. Allgemeine Kulturgeschichte. I p. 269; cp. Z. Movers p. 589. —

³ См. ниже: Постройки. — ⁴ A. John. Der Kanton Bern II т. д. p. 3. sqq. C. Brandes Kelten und Germanen p. 202. — ⁵ Греки первоначально называли Галлію Keltike; во время римскаго господства — Galatia или, придерживаясь римскаго произношенія, Gallia или Galloi. Протомай соединилъ старое имя съ новымъ въ названіи «Kelto-Galatia» C. Brandes. Kelten und Germanen p. 13. sqq; cp. p. 98, p. 256. — ⁶ C. Brandes. Ibid. p. 19, 23, 38, sqq. p. 49, 57, 63, 92. — ⁷ C. Brandes. Ibid. p. 67. — ⁸ Ibid. p. 131. —

⁹ Подробности объ этихъ переселеніяхъ см. у J. Schafarik. Slavische Alterthümer I p. 380 (4) sqq. W. Wachsmuth. Allgemeine Kulturgeschichte I p. 296. p. 272 sqq. C. Brandes. Kelten und Germanen p. 151. sqq. — ¹⁰ A. Munch. Nordisch-germanische Völker p. 19; cp. p. 139. — ¹¹ Связывать его съ вытѣсненіемъ Кимвровъ Сянами (M. Dunker. Geschichte des Alterthums II p. 452 sqq) едва ли возможно въ настоящее время! — ¹² A. Munch. Die Nordisch-germanischen Völker p. 10: о спорномъ Сяноскомъ или Сарматскомъ происхожденіи Германцевъ ibid. p. 12, 56. Тоже C. Brandes. Kelten und Germanen p. 167. О переселеніи этого народа въ особенности J. Schafarik: Slavische Alterthümer. I 401 sqq; особенныя указанія на относящіяся къ нему легенды: «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft» VIII (Lpzg. 1851) 2 Heft. p. 389 sqq. L. Georgi Alte Geographie II sqq. p. 151. C. Brandes. p. 230.

ся здѣсь еще во времена Писея (360 г. до Р. Х.) подъ именемъ „Гуттоновъ и Тевтоновъ“ (Plin. Hist. nat. XXXVII 11) ¹, двинулись теперь противъ кельтскихъ переселенцевъ съ рѣшительно воинственными намереніями ². Направляясь частью по прямой дорогѣ вдоль прусскаго берега, частью изъ Финляндіи чрезъ Швецію, или прямо изъ глубины сѣвера ³, они, кажется, заняли сначала всю Дакію и сѣверную Германію. Родственные Кельтамъ по своему азіатскому происхожденію, но издавна разлученные съ ними, Германцы существенно отличались отъ нихъ правами ⁴ и, благодаря своему болѣе совершенному нравственному развитію, безъ сомнѣнія скоро успѣли взять надъ ними верхъ и утвердиться въ центрѣ Европы. Постоянно увеличивавшимися массами они проникли за Альпы и распространились по всей средней Европѣ отъ Вислы и Сарматскихъ горъ до Рейна ⁵. Кельты же, по крайней мѣрѣ ихъ главная масса, должны были ограничиться странами къ западу отъ Рейна, Галліей, сѣверной Испаніей и Британскими островами. Не смотря на то, что Рейнъ, въ эту раннюю эпоху, представлялъ сильную преграду для дальнѣйшихъ стремленій германскаго племени къ западу, ему удалось переступить его. Отдѣльныя толпы проникли въ Бельгію и поселились здѣсь среди галльскихъ племенъ, уже достигшихъ значительной осядлости. ⁶ Вѣроятно, вслѣдствіе враждебныхъ столкновеній между Галлами и Германцами въ разное время происходившихъ на этой границѣ, произошло и здѣсь такое же смѣшеніе обоихъ племенъ, какое, въ болѣе раннюю эпоху, имѣло мѣсто въ южной Франціи и Испаніи между Кельтами и Иберами ⁷.

Такимъ образомъ, самостоятельное развитіе собственно Кельтскаго племени, согласно требованіямъ его воинственной и неусидчивой природы, должно было ограничиться въ сущности предѣлами Галліи и Британіи. Разнообразныя отношенія отдѣльныхъ племенъ другъ къ другу, ⁸ и особенности, объясняемыя мѣстными условіями, сильно способствовали раздробленію кельтскаго или галло-британскаго племени на множество отдѣльныхъ группъ. Тоже самое произошло и среди Германовъ, хотя, разумѣется, позже. И у нихъ появилось безчисленное множество народныхъ союзовъ, изъ которыхъ каждый носилъ особое имя и управлялся особеннымъ главою или королемъ; всѣ эти союзы жили въ постоянной враждѣ между собою, то отставая принадлежашія имъ земли, то стараясь увеличить ихъ насчетъ сосѣднихъ ⁹.

¹ F. Kruse Urgeschichte des ethnischen Volkstammes p. 311. A. Munch p. 14, 36, sqq. C. Brandes. p. 5. — ² K. Weinhold. Altnordisches Leben, p. 20 sqq. — ³ A. Munch. Nordisch-germanische Völker p. 12. K. Weinhold. p. 22, sqq. — ⁴ Указаніе этаго національнаго различія составляетъ главнымъ образомъ содержаніе не разъ упомянутого сочиненія C. Brandes 'a (Kelten und Germanen), въ которомъ, само собою разумѣется, не оспаривается родство обоихъ племенъ. (p. 198.) — ⁵ C. Brandes. p. 4. ⁶ G. van Kampen. Geschichte der Niederlande. Hamburg. 1831. I p. 18 sqq. — ⁷ A. Munch. p. 12. C. Brandes. p. 17, 73, 76 sqq. 80, 93. — ⁸ Ср. C. Brandes p. 82, 139 sqq. 199, 256, 268—271. Что касается, въ особенности, британскихъ острововъ и Галліи, см. между прочимъ W. Wachsmuth: Allgemeine Kulturgesch. I p. 275 sqq. ⁹ C. Brandes. 199, 233. Какъ на примѣръ изъ позднѣйшихъ временъ можно указать между прочимъ, на кровопролитныя войны среди германскихъ племенъ (Херусковъ при Арменіи и Маркомановъ при Марбодѣ).—

Таково было положеніе разноплеменнаго населенія западной Европы, когда Римъ, уже не разъ тѣснимый имъ на своихъ границахъ ¹, рѣшительно вооружился противъ него. Ни борьба съ Испаніей, продолжавшаяся почти безпрерывно съ 218 г. до Р. Х. вплоть до окончательнаго покоренія полуострова при Августѣ (25 до Р. Х.) ², ни внутренніе безпорядки, разразившіеся тогда въ самой Римской имперіи, ни войны послѣдней съ Востокомъ, — ничто не помѣшало Риму высылать вооруженные отряды противъ Сѣвера Европы ³. Сначала войны были направлены на области между Апенниннами и Альпами, или провинціи, присоединенныя впоследствии къ Имперіи, на Лигурию и Цисальпинскую Галлію ⁴. Но когда, въ 59 году до Р. Х. управленіе этими землями было поручено народнымъ приговоромъ Цезарю, у послѣдняго возникъ планъ совершеннаго покоренія Галліи. Въ силу этого приговора, Цезарь получилъ власть и надъ галльскими областями, доставшимися Римской имперіи во время испанскихъ войнъ. Онѣ лежали къ западу отъ „морскихъ“ и „пеннинскихъ“ Альпъ до Средиземнаго моря и Пиренеевъ и образовали впоследствии отдѣльную провинцію подъ названіемъ *Narbonensis* или *Gallia braccata* ⁵. Эти области послужили исходною точкою для широкихъ предпріятій Цезаря. Вскорѣ здѣсь вокругъ него собралось многочисленное войско. Благопріятствуемый съ одной стороны междоусобными войнами галльскихъ вождей, опустошавшими Галлію, съ другой — опираясь на свое неодолимое мужество и рѣдкій военный тактъ, Цезарь быстро и неуклонно подвигался впередъ. Въ то время, какъ его полководецъ, Помпей Крассъ, побѣдоносно расправлялся на западѣ Франціи съ упорными Аквитанцами, самъ онъ пробрался вдоль лѣваго берега Рейна до Бельгіи и даже за Рейнъ, сѣвернѣ Лаа, въ чисто пѣмецкую область. Но не думая здѣсь утвердиться, Цезарь снова вернулся въ Бельгію, а потомъ направился въ Британнію, сначала съ небольшимъ, а черезъ годъ съ довольно значительнымъ флотомъ. Всѣ южныя земли (до Темзы и даже далѣе къ сѣверу) подпали его власти. Успѣшно подавивъ попытку Галловъ освободиться отъ римскаго владычества подъ предводительствомъ Верцингеторикса, и посредствомъ римскихъ гарнизоновъ укрѣпивъ завоеванныя земли за своимъ государствомъ, Цезарь возвратился въ Италію, послѣ почти 9-ти лѣтней войны (58—50 до Р. Х.) ⁶. По окончательное покореніе Галліи еще далеко не было совершено. Многія отдѣльныя племена, именно сѣверозападные, были затронуты лишь мимоходомъ, другихъ вовсе не коснулось римское оружіе. Лишь при Августѣ, когда и послѣднія были побѣждены, можно было приступить къ основательной организаціи страны (27 до Р. Х.). Теперь она была точно раздѣлена на четыре провинціи: Галлію нарбонскую (*G. narbonensis*), луг-

¹ Th. Mommsen. *Römische Geschichte*. 2 Aufl. Berlin 1856 p. 300 sqq; p. 304 sqq. —

² Объ Испаніи тамъ же p. 543 sqq. — ³ О постепенномъ распространеніи римскаго владычества вообще см. сжатый фактический обзоръ у А. Becker'a: *Handbuch der römischen Alterthümer* и т. д., продолжаемый J. Marquardt'омъ. Ч. III. Abth. I (Lpzg. 1851); для вышеупомянутой цѣли въ особенности p. 80 — 108. Сверхъ того, С. Brandes: *Kelten und Germanen* I. cit. и Th. Mommsen. *Römische Geschichte*. — ⁴ Th. Mommsen. I p. 543 sqq. — ⁵ А. Becker: *Handbuch der römischen Alterthümer*, III (1). p. 87, not 3. — ⁶ Основательный, подробный обзоръ этого похода въ настоящее время можно найти въ сочиненіи: N. Köchly u. W. Rüstow, *Einleitung zu C. Julius Cäsar's Commentarien über den gallischen Krieg*. Gotha. 1857.

дунскую (*G. Iugdunensis*), бельгійскую (*Belgica*) и Аквитанію (*Aquitania*)¹.

При имп. Клавдіи (43 г. по Р. Х.) началось окончательное покореніе Британіи, продолжавшееся, благодаря отчаянному сопротивленію туземнаго населенія, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, до Веспасіана, при которомъ римскій полководецъ Агрикола дошелъ до Каледоніи (78—84 по Р. Х.) и утвердилъ римское господство на всей южной половинѣ острова (нын. Англіи). Завоеванная страна была ограждена отъ вторженія сѣверныхъ независимыхъ племенъ колоссальною стѣною и, послѣ многократныхъ попытокъ къ освобожденію, обращена въ римскую провинцію подъ назв. *Britannia superior* и *inferior* и включена въ составъ имперіи, что послѣдовало однакожъ не ранѣе 197 г. по Р. Х.

Собственно Германія оставалась пока внѣ завоевательныхъ движеній Римлянъ, и самыя племена Германцевъ, особенно сѣверныя, были имъ мало извѣстны. Только жившее по лѣвому берегу Рейна смѣшанное галло-германское населеніе знали они нѣсколько ближе, такъ какъ часть занимаемой этимъ населеніемъ страны была уже покорена Цезаремъ и присоединена къ римскимъ владѣніямъ подъ именемъ *Germania prima* и *secunda*, въ отличіе отъ собственной Белгіи. Знакомство Римлянъ съ германскими племенами началось со времени перехода этихъ послѣднихъ черезъ Рейнъ при Аріовистѣ (71 — 57 до Р. Х.). Первое столкновение, окончившееся пораженіемъ Германцевъ, произошло въ Галліи. Затѣмъ, между 12 и 9 гг. до Р. Х. Друзъ успѣшно воевалъ съ при-Эльбскими и при-Везерскими племенами; Тиверій покорилъ племя Сикамбровъ, а Домицій Агенобарбъ проникъ къ племенамъ, жившимъ въ восточной Германіи. — Казалось уже, что Германія, угрожаемая со всѣхъ сторонъ, должна будетъ уступить силѣ римскаго оружія, — какъ неудача Вара (разбитаго Арминіемъ въ тевтобургскомъ лѣсу) разомъ лишала Римъ всего, что было имъ добыто продолжительной борьбой; а затѣмъ зависть Тиверія помѣшала Германику продолжать успѣшно начатое имъ вторичное покореніе за-рейнскихъ племенъ. Такимъ образомъ, Германцамъ удалось, частію личнымъ мужествомъ, частію благодаря счастливому для нихъ стеченію обстоятельствъ, отстоять по крайней мѣрѣ свои собственные земли по Рейнъ и Эльбу на западѣ, а на югѣ по Дунай, который и сталъ съ тѣхъ поръ границею между римскими владѣніями и обширными пространствами собственно Германіи (*Germania magna*).

До галльскаго похода Юлія Цезаря, тогдашній образованный міръ имѣлъ весьма смутныя представленія о заальпійскихъ варварахъ. Своимъ описаніемъ войны съ Галлами Цезарь не только положилъ начало точному, основанному на тщательномъ наблюденіи дѣйствительности, изученію этихъ племенъ и ихъ страны, но и представилъ въ немъ полную и подробную ихъ картину. Его примѣръ нашолъ себѣ болѣе или менѣе талантливыхъ подражателей, которые присоединялись къ римскимъ легіонамъ и сопровождали ихъ въ походахъ съ цѣлю наблюдать и описывать. Собранныя такимъ путемъ свѣденія, хотя и несовсѣмъ свободныя отъ невѣрностей, много способствовали

¹ A. Becker, *Nachbuch* III (1) p. 88.

къ расширенію географическихъ и этнографическихъ познаній, пока наконецъ не явился Тацитъ (род. около 53 г. по Р. Х.). То, что сдѣлалъ Цезарь для узнанія Галліи, было сдѣлано Тацитомъ — даже еще въ большей мѣрѣ — для узнанія Британіи (въ его жизнеописаніи Агриколы, его тестя) и Германіи (въ описаніи нравовъ Германцевъ). Но онъ не нашолъ себѣ продолжателей: появившіяся послѣ него замѣтки большею частью очень поверхностны или содержатъ въ себѣ одни только извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, можетъ быть даже преднамѣренно извращающія настоящее положеніе дѣлъ.¹

Но какъ Цезарь и Тацитъ, такъ и другіе описывали лишь то, что было въ ихъ время, представляли болѣе или менѣе вѣрную картину современнаго имъ положенія того или другаго племени, не касаясь его прошедшаго. Какъ ни ревностно старались нѣкоторые римскіе и греческіе учоныя точнѣе распространять этнографически и топографически увеличивавшуюся съ каждымъ новымъ завоеваніемъ массу племенъ и народовъ (въ одной Галліи насчитывали до 400 племенъ покоренныхъ Цезаремъ²), и какъ ни много было сдѣлано въ этомъ отношеніи Птолемеемъ, — ни самъ Птоломей, ни его предшественники не могли дать себѣ удовлетворительнаго отчета ни о происхожденіи этихъ племенъ, ни о передвиженіяхъ ихъ, ни о возникновеніи и развитіи у нихъ культуры. Связывая то что было у нихъ передъ глазами съ извѣстными имъ легендами о странствованіяхъ Діониса, Геркулеса и т. п., они признали за всѣми этими народами одно общее происхожденіе изъ Азіи, отмѣтили ихъ различія по языку, нравамъ и другимъ внѣшнимъ признакамъ и на этомъ успокоились. Указанное уже Цезаремъ племенное различіе между Кельтами (Галлами и Бритами) и Германами, хотя и было ими допущено (однакожъ не безъ долгихъ колебаній), равно какъ и принято въ соображеніе этнографическое отношеніе къ этимъ племенамъ племени Иберовъ — но объ условіяхъ, при которыхъ или въ силу которыхъ внѣтальійская Европа была заселена, они едва ли даже догадывались, хотя отъ этихъ условій много зависѣла общность, по крайней мѣрѣ внѣшней, культуры западноевропейскаго населенія.

Новѣйшему времени было предоставлено открыть и разъяснить оставленные самими этими племенами памятники какъ ихъ постепеннаго распространенія по Европѣ, такъ и той степени культуры, на которой они стояли въ періодъ ихъ переселеній. Эти памятники — могилы и содержащіяся въ нихъ вещи.

Изъ показаній этихъ нѣмыхъ свидѣтелей давноминувшаго, мы узнаемъ,³ что древнѣйшіе, первобытнѣйшіе слои европейскаго населенія не переходя-

¹ Ср. F. Kruse. Ur-Geschichte. стр. 214 и слѣд. A. Munch, стр. 38 слѣд. C. Brandes, стр. 199 и слѣд. — ² Appian, De bell. civ. II, 150. — ³ Ср. A. Munch, Die nordisch — germanischen Völker (1853), стр. 4 и слѣд.; A. Weinhold, Altnordisches Leben, стр. 5 и слѣд.; J. B. Sorterup, Kurze Uebersicht der Alterthümer aus dem heidnischen Zeitalter im Kopenhagener Museum für nordische Alterthümer. Kopenhagen, 1846, и особенно, Введеніе въ J. A. Worsaae, Afbildninger fra det kong. Museum for nordiske Vedlager i Kjøbenhavn, 1854, — кромѣ другихъ весьма многочисленныхъ сочиненій по этому предмету.

ли за самыя первоначальныя ступени культуры—т. е. вели жизнь пастушескую и охотничью; тогда какъ разлившіяся по нимъ кельтическія племена обладали высокою степенью технического образованія уже при первомъ своемъ столкновеніи съ германскими племенами, и еще болѣе при своей встрѣчѣ съ Римлянами. Хотя упомянутые памятники древности и не опредѣляютъ точно эпохъ заселенія Европы, однако ихъ вѣдннее различіе по группамъ и временамъ служить хорошимъ средствомъ къ общему обозначенію этихъ эпохъ. Мы видимъ, что бронза, въ болѣе или менѣе искусственной обработкѣ, составляетъ главный признакъ кельтскаго племени; камень и кости, въ грубомъ или даже украшенномъ видѣ, характеризуютъ до-кельтское населеніе; а желѣзо (рядомъ съ бронзой и камнемъ) свойственно особенно послѣ-кельтскому (быть можетъ, только германскому) населенію. Оттого весь доисторическій періодъ дѣлится на три большія эпохи, замѣтно сливающиміяся другъ съ другомъ: финно-чудскій или „каменный“ вѣкъ, кельтскій или „бронзовый“ и послѣ-кельтскій (галльскій и германскій) или „желѣзный“.

Когда Римляне, при Цезарѣ, впервые познакомились съ этими народами, они уже застали у нихъ болѣе или менѣе развитую культуру. Цезарь замѣтилъ различныя степени развитія даже у Бриттовъ, сохранившихъ болѣе другихъ племенъ свою первобытность. Не говоря о мало извѣстныхъ ему племенахъ на сѣверѣ острова, о національности и нравахъ которыхъ онъ не беретя и судить, даже у обитателей восточнаго побережья онъ встрѣтилъ быть, мало отличавшіяся отъ галльскаго ¹. Какъ замѣчено выше, сѣверъ Британіи, съ его дикими ордами, сталъ извѣстенъ съ походовъ Агриколы. А между тѣмъ романизация галльскаго Запада Европы, занятого тогда Римлянами, сдѣлала такіе успѣхи, что когда писалъ Тацитъ, тамъ уже не могло быть и рѣчи о томъ древнемъ бытѣ, слѣды котораго засталъ еще Цезарь. ² Такимъ образомъ, въ этомъ періодѣ одни германскія племена представляютъ намъ въ общихъ чертахъ картину первобытной жизни и нравовъ, да и то лишь тѣ изъ нихъ, которыя, въ своихъ болотахъ и дѣтвенныхъ лѣсахъ, остались въ сторонѣ отъ вліянія ³ галло-римской культуры. Впрочемъ, хотя Германцы поздно вошли въ кругъ народныхъ движеній на Западѣ Европы и напали на Кельтовъ какъ послѣдній слой населенія, все-таки они успѣли подчиниться по вѣднности кельтскому вліянію и постепенно приняли общій культурный характеръ этой послѣдней эпохи древняго міра, по крайней мѣрѣ въ отношеніи вѣднностей быта.

Съ тѣхъ поръ какъ возбудился живой интересъ къ изученію доисторическаго быта сѣверной и западной Европы, именно съ начала нашего вѣка, вырыта изъ земли почти необозримая масса древностей, всего болѣе въ Скандинавіи, потомъ въ Германіи, Франціи и Англіи. Почти все достояніе древнѣйшаго населенія, созданное изъ прочнаго матеріала, изъ камня, кости и металла, лежитъ теперь у насъ передъ глазами, собранное въ общественныхъ или

¹ C. Brandes, p. 20 sqq.—² Тамъ же p. 146 sqq., 160 sqq.. см. выше.—³ Тамъ же, p. 31 sqq., 50 sqq., 77, 79, 108 sqq., 139 sqq.,

частныхъ музеяхъ и изданное въ рисункахъ, частью еще отрывочно, частью уже въ правильной системѣ. Въ то же время вошли въ кругъ научныхъ изслѣдованій разсыянные въ этихъ странахъ, большею частью колоссальныя, каменные памятники доисторической эпохи, на которые долго не обращали вниманія. Наконецъ, подверглись научной, и нерѣдко весьма тщательной, разработкѣ письменныя и монументальныя свидѣтельства Грековъ и Римлянъ о всей культурѣ первобытнаго населенія Европы. Не смотря, однакожъ, на всё это, до сихъ поръ еще не удалось изъ массы добытаго матеріала выдѣлить и опредѣлить съ нѣкоторою достовѣрностью внѣшне-бытовыя особенности свойственныя каждой народности, не говоря уже о ея мелкихъ развѣтвленіяхъ. Сліянія эпохъ, полное отсутствіе письменныхъ свидѣтельствъ до Римлянъ, а потому и трудность топографіи племенъ, наконецъ, постоянное внѣшнее сходство между древностями, особенно каменными и бронзовыми,—вотъ, кажется, непреодолимые препятствія къ рѣшенію этого вопроса.—Дѣлались попытки опредѣлить хотя внѣшнія черты различія между бытомъ древнихъ Германцевъ и Кельтовъ, но и онѣ привели къ шаткимъ результатамъ. Такъ какъ здѣсь пришлось ограничиться древностями, найденными въ Скандинавіи (особенно въ Даніи) и между Эльбой и Вислой, т. е. въ земляхъ, гдѣ передъ Германцами жили Кельты, то, при большомъ сходствѣ этихъ древностей (изъ камня и бронзы) съ такими же древностями Англіи, Франціи и другихъ странъ, изученіемъ ихъ можно было дойти только до нѣкоторыхъ предположеній и весьма рѣдко до основательныхъ выводовъ. Только съ желѣзнаго вѣка становится возможнымъ опредѣлить съ нѣкоторою достовѣрностью внѣшнебытовыя различія отдѣльныхъ народовъ, благодаря дошедшимъ до насъ римскимъ извѣстіямъ, относящимся къ той же эпохѣ. Но древности этого вѣка большею частью уже носятъ на себѣ совѣтъ ной, иногда совершенно римскій отпечатокъ, иногда онѣ—дѣйствительно римскія издѣлія. Такимъ образомъ и здѣсь, несмотря на возможность по виду могилъ, гдѣ ихъ обыкновенно находятъ, опредѣлить время, къ которому эти могилы относятся, всё-таки трудно различить древнѣйшее туземное отъ позднѣйшаго чужого, наноснаго. Наконецъ, должно замѣтить, что этотъ оставившій по себѣ вещественныя памятники желѣзный вѣкъ тянется, притомъ безъ большихъ измѣненій, до 1000 года по Р. Х. И такъ, для возможно вѣрнаго описанія внѣшней обстановки быта разсматриваемыхъ народовъ въ періодъ ихъ самостоятельнаго развитія, еще мало затронутого римскимъ вліяніемъ, мы должны пользоваться: 1) древнѣйшими свидѣтельствами Римлянъ (т. е. для Галловъ, Бриттовъ и Германцевъ—Цезаремъ и специально для послѣднихъ—Плиніемъ и Тацитомъ); 2) изъ всѣхъ древностей, найденныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, преимущественно предметами каменнаго и бронзоваго вѣковъ.

Одежда.

Изображеніе самыхъ раннихъ ступеней развитія внѣшняго быта, которое мы пытались представить во Введеніи нигдѣ не встрѣчаетъ такого полного подтвержденія, какъ въ разборѣ вышеупомянутыхъ памятниковъ. Первона-

чальные типы, очерченные тамъ лишь примѣрно, по внѣшнему быту такъ называемыхъ дикарей нашего времени, оказываются здѣсь дѣйствительно первобытными. Въ свою очередь первые представляютъ наглядное поясненіе послѣднихъ.

Предметы древнѣйшаго времени, каменнаго вѣка, и по внѣшности, и по своей цѣли, соответствуютъ тѣмъ, которые понинѣ въ употребленіи у народовъ сравнительно низкой степени развитія, у обитателей южно-американскихъ лѣсовъ, у Австралійцевъ, у менѣ развитыхъ первобытныхъ племенъ Африки, въ особенности у кочевниковъ полярныхъ странъ. Въ древнѣйшемъ періодѣ это—отчасти грубыя орудія изъ камня, кости и дерева, отчасти, какъ уже было замѣчено, болѣе или менѣ искусно сдѣланные охотничьи и рыболовные снаряды. Къ нимъ примыкаютъ болѣе тщательно выработанныя орудія и вооруженіе, изобличающія извѣстный прогрессъ; они, въ свою очередь, поразительно сходны съ употребительными нынѣ у островитянъ Южнаго океана.—Это сходство¹ даетъ возможность судить каково было культурное состояніе первоначальнаго населенія Европы. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что это населеніе, подобно Феннамъ (стр. 24), описаннымъ у Тацита, по развитію стояло нисколько не выше нынѣшнихъ дикарей и точно также устраивало свою внѣшнюю обстановку, точно также употребляло для одежды сырыя произведенія земли, лыко, лѣству, звѣриныя шкуры, и т. д.—О степени ремесленной снаровки, достигнутой европейскимъ населеніемъ въ эти будто-бы первобытныя времена, можно судить по обработкѣ этихъ же каменныхъ снарядовъ. Многіе изъ нихъ доказываютъ, что съ этой стороны механическія приспособленія были доведены до необыкновеннаго совершенства². Трудно сказать, насколько касались они платья. Но, судя по инструментамъ въ родѣ шила и ножицъ, а также кривымъ каменнымъ орудіямъ (см. ниже), очевидно служившимъ къ скобленію и сдиранію кожи, должно предполагать, что уже и въ то отдаленное время звѣриныя шкуры употреблялись не всегда необдѣланными, а что ихъ умѣли прилаживать къ тѣлу посредствомъ кройки и сшиванья.

Кельты осѣлись на этой грубой народной массѣ, уже давно проживши свой каменный вѣкъ. Имъ уже была знакома обработка металловъ (бронзы и золота). Они принесли съ собою умѣнье валять, прясть и ткать шерстяныя (а, можетъ быть, и полотняныя) матеріи,—умѣнье, распространенное на ихъ азіатской родинѣ задолго до ихъ перекочевки. Сверхъ того, они привели многочисленныя стада полезныхъ животныхъ. При всѣхъ этихъ благоприятныхъ условіяхъ, Кельты положили основаніе, въ занятыхъ ими земляхъ, ремесленной техникѣ, которая стала развиваться съ тѣхъ поръ и среди прежняго населенія. Такъ какъ въ могилахъ встрѣчаются, съ одной стороны, каменные и бронзовые снаряды, оружіе и т. д., съ другой—остатки и кожаного, и тканого и валенаго платья, то выходитъ, что даже въ бронзовомъ вѣкѣ отчасти

¹ Много сравненій этихъ древностей съ оружіемъ, снарядами и проч. полярныхъ кочевниковъ, Австралійцевъ, островитянъ Южнаго океана и др. въ копенгагенскихъ журналахъ, посвященныхъ сѣверной древности (*Antiquaires du Nord*, *Antiquarisk Tidsskrift*, *Jahresberichte der nordischen Alterthumsgesellschaften*, и т. д.).—См. еще G. Klemm: *Werkzeuge und Waffen*, Lpz. 1854.—² S. A. Worsaae: *Dänemarks Vorzeit*, p. 18 sqq.

прибѣгали къ грубому, первобытному приготовленію одежды и вооруженія. Но въ то же время множество бронзовыхъ предметовъ, а также и болѣе отчетливая отдѣлка каменныхъ вещей, нерѣдко совершенно сходныхъ съ первыми, ясно указываютъ на взаимодѣйствіе между ремесленностью каменнаго и вторгающагося въ него бронзоваго вѣковъ. Находимыя нынѣ украшенія и военныя принадлежности доказываютъ почти художественное развитіе Кельтовъ, особенно относительно орнаментовки. Изъ нихъ видно, что внѣшняя роскошь, свойственная большей части азіатцевъ, была достояніемъ и кельтскихъ кочевниковъ. Можно даже заключить съ достовѣрностью, что послѣдніе, задолго до переселенія въ Европу и до вытѣсненія ихъ Германцами, знали всѣ тѣ промыслы, которые Римляне замѣтили особенно у Галловъ, благопріятствуемыхъ богатой природой, и въ меньшей степени у сѣверныхъ Бриттовъ, стѣсненныхъ мѣстными условіями. Изъ всего этого, а также изъ доказанной находками въ могилахъ любви народа къ блестящимъ металлическимъ украшениямъ и изъ постоянного употребленія металлическихъ орудій, оружія, утвари, несомнѣнно вытекаетъ, что на европейской почвѣ съ раннихъ поръ искали и находили металлы, скрытые природой въ горахъ и рѣкахъ.

Съ незапамятныхъ временъ главнымъ источникомъ, откуда Кельты сѣверной Европы добывали мѣдъ и олово, необходимыя для ихъ бронзовыхъ издѣлій, была, кажется, Британія—этотъ загадочный „Оловянный островъ“ Геродота (III, 115). Весьма вѣроятно, что отсюда олово доставлялось, моремъ или длиннымъ сухимъ путемъ, обитателямъ бѣдной металлами Скандинавіи и сѣверной Германіи. Что касается горнаго дѣла въ Британіи, то его существованіе задолго до вторженія Римлянъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ и свидѣтельства Римлянъ, и доказанная торговля Финикіянъ съ островомъ (Cäsar: bell. gall. V, 12 и выше стр. 317). Правда, Цезарь еще не могъ дать удовлетворительнаго отчета о произведеніяхъ этой земли (Cicero ad Att. IV, 16). Онъ и его ближайшіе преемники менѣе дорожили ею, какъ мало полезною, чѣмъ богатою произведеніями Галліей или Гельвеціей. Но вслѣдъ затѣмъ итальянскіе купцы начали привозить отсюда разные продукты, въ числѣ которыхъ важнѣйшимъ было именно олово, а также золото, серебро и даже желѣзо (Diod. V, 22. Strab. IV, 5. Mela, III, 6). Все это, съ прибавкой кожъ, рабовъ и превосходныхъ охотничьихъ собакъ, вымѣнивалось на мелкіе предметы роскоши, на ожерелья, браслеты, шейныя цѣпи, золотые и янтарные сосуды и сбрую, изукрашенную слоновою костью. И уже Тацитъ, болѣе свѣдущій, чѣмъ Цезарь, зная металлическія богатства Британіи, указывалъ, въ этомъ смыслѣ, на выгоду ея приобрѣтенія (Tacit. Agric. c. 12).

Въ Галліи Римляне нашли мѣстами болѣе или менѣе развитое горнозаводство, особенно у прибрежнаго населенія, промышленности котораго, вѣроятно, помогала давняя торговля съ итальянскими и британскими купцами¹, а отчасти и греческія колоніи въ родѣ Массаліи (Марсель), основанной Фокейцами около 578 г. до Р. Х.² Оппъ пзъ южныхъ и восточныхъ племенъ

¹ Ср. Cäsar: bell. gall. III, 13; IV, 2.—Diod. V, 22, 26.—Strab. IV, 1—4.—Am-
mian, XV, II.—² A. Bruckner: Historia reipublicae Massiliensium. Götting. 1826.

добывали золото (Strab, VI, 12, 3), другія—серебро (Glin. XXXIII, 33). Мѣстами умѣли промывать золотоносный песокъ нѣкоторыхъ рѣкъ (Diod. V, 27) и разрабатывать разсѣянные по странѣ залежи мѣди, свинца и желѣза по правиламъ горнаго дѣла (Cäsar, bell. gall. VII, 22. Plin. XXXIV, 2, 49. Strab. IV, 2). Были рудники и въ богатой золотомъ провинціи Narbonensis (Нарбонской), и въ изобилующей желѣзными жилами Аквитаніи (Cäsar, bell. gall. III, 21. Plin. IV, 33. Strab. IV, 2). Въ Lugdunensis (Лугдунской Галліи), у Мандубіевъ, занимались даже серебрениемъ; (Plin. XXXIV, 17); а Эдуи считались богачами, приверженными къ пышности (Tacit, Annal. III, 43, 46). За исключеніемъ нѣкоторыхъ племенъ, или мало развитыхъ, или задержанныхъ въ ходѣ своей цивилизаціи безплодною природою, уже Цезарь (bell. gall. II, 14, 15) засталъ первобытные нравы только у немногихъ народцевъ Бельгика, напримѣръ у Нервиевъ, жившихъ впрочемъ охладѣлыми земледѣльцами. Да и у нихъ это означало не неспособность къ ремесламъ, а сознательное отвращеніе отъ всякой роскоши, какъ источника изнѣженности. Зато у болѣе образованныхъ, именно у галльскихъ Кельтовъ одежда отличалась отдѣлкой, нарядностью и пестротой (Strab. IV, 4. Appian, IV, 12). Ея главною особенностью были длинные штаны—напоминавшіе азіатское происхожденіе народа, почему Римляне и назвали Нарбонскую область, заселенную Галлами, Gallia braccata (шароварная Галлія. Mela, II, 5. Ср. Plin. III, 4, 31). Такъ какъ даже въ позднѣйшія времена главнымъ богатствомъ Галловъ считались стада овецъ (Plin. VIII, 74; XXI, 31), то вѣроятно, что эти стада преимущественно и доставляли имъ матерьялъ для одежды (Strab. IV, 4). Впрочемъ нѣтъ основанія отрицать, что уже задолго до знакомства съ римскою промышленностью Галлы воздѣлывали ленъ и приготавливали изъ него холстъ (Strab. IV, 2. Ср. Cäsar, bell. gall. III, 13). Сверхъ того, само собой разумѣется, что всѣ кельтскія племена, уже въ древнѣйшій періодъ своей промышленности, выдѣлывали изъ звѣриныхъ шкуръ разное мѣховое и кожаное платье и вообще многосторонне пользовались животными продуктами.

Множество бронзовыхъ древностей, находимыхъ въ Скандинавіи (впрочемъ только въ Даніи) и сѣверной Германіи съ остатками шерстяныхъ тканей и кожаныхъ вещей, свидѣтельствуютъ, что и здѣсь жили Кельты задолго до прихода Германцевъ. А открытыя въ иныхъ мѣстахъ плавили, со всѣми необходимыми формами, первыми сплавами и еще необработанными бронзовыми массами ¹, а также изслѣдованіе состава послѣднихъ ² доказываютъ затѣмъ, что покрайней мѣрѣ большая часть этихъ древностей была сдѣлана на мѣстѣ. Это обстоятельство, въ связи съ упомянутымъ болѣшимъ сходствомъ между разсматриваемыми древностями и остатками бронзового періода во Франціи, Англіи, сѣверной Испаніи и вообще повсюду, гдѣ

¹ G. Klemm: Handbuch der germanischen Alterthumskunde, p. 151 sqq. Antiquarisk Tidskrift, 1843 sqq., p. 171 sqq.—A. Worsaae: Dänemarks Vorzeit, p. 35 B. Sörterup: Kurze Uebersicht der Alterthümer u. s. w., p. 23.—A. Worsaae: Abbildninger, p. 20, 39, Fig. 159—161.—² Подробности объ этомъ въ Sitzungsberichten der Wiener Akademie (philosophisch-historische Klasse). Bd. XVI. p. 169 sqq.—F. Lisch: Jahrbücher u. s. w. IX, p. 317 sqq.

жили Кельты ¹, свидѣтельствуется, что до-германское (кельтское) население стояло на подобной же ступени развитія, какъ и Галлы. Трудно сказать, насколько была развита ремесленность у Германцевъ, когда они стали вытѣснять Кельтовъ. Но извѣстно, что до позднѣйшаго времени у нихъ преобладала страсть къ войнѣ, охотѣ и скотоводству, что даже Римляне восхваляли ихъ отвращеніе ко всякой изнѣживающей роскоши и т. д. (Tacit. Germ. с. 5, 18). Отсюда можно заключить, что они занимались ремеслами лишь настолько, насколько въ нихъ нуждалась ихъ воинственная натура, которая притомъ была закалена противъ всякихъ вліяній климата. Весьма вѣроятно, что Германцы заимствовали у Кельтовъ, при военныхъ столкновѣніяхъ съ ними, большую часть тѣхъ ремеселъ, о которыхъ Римляне упоминали потомъ, какъ объ ихъ самостоятельныхъ изобрѣтеніяхъ. Впрочемъ, какъ кажется, они первые въ этой землѣ начали добывать и ковать желѣзо въ обширныхъ размѣрахъ, постепенно оставляя бронзу (Tacit. Germ. с. 6) ². Лутарь (стр. 21), который имъ доставляло море, служилъ Германцамъ матеріаломъ для разныхъ украшеній (Tacit. Germ. с. 45); а одежду они приготовляли прежде всего изъ шкуръ дикихъ звѣрей, затѣмъ изъ кожъ своихъ овецъ и рогатаго скота, всего менѣе изъ растеній (за исключеніемъ конопли). Вѣроятно, гораздо позднѣе, когда стали усиливше и занялись земледѣліемъ, наряду съ охотой и скотоводствомъ (Cäsar: bell. gall. IV, 1. Tacit. Germ. с. 14, 26), они начали заботиться и объ обработкѣ льна ³, которая вмѣстѣ съ тканьемъ и пряденьемъ, сдѣлалась главнымъ занятіемъ женщинъ (Tacit. Germ. с. 17. Plin. XIX, 1, 2). Вообще, кажется, однѣмъ женщинамъ и дозволялось носить холщевое платье (Tacit. Germ. с. 17. Ср. Cäsar: bell. gall. VI, 21. Mela, III, 3). Мужчины довольствовались частью грубо сотканной или сваляной матеріей изъ пеньки и шерсти, частью рогожами, сплетенными изъ лыка, и звѣринными шкурами; или же подобно нѣкоторымъ племенамъ въ Британіи и Галліи, ходили даже на воздухѣ въ весьма скудной одеждѣ, а можетъ быть и совсѣмъ нагими (Cäsar: bell. gall. IV, 1; V, 14; VI, 21. Tacit. Germ. с. 20. Herodian, III, 14).

Итакъ, оставивъ въ сторонѣ сырыя произведенія, звѣринныя шкуры и т. д., вообще всего болѣе употреблявшіяся въ самыя древнѣйшія времена, мы видимъ, что болѣе выработанная форма одежды, усвоенная Кельтами, вѣроятно, задолго до ихъ поселенія въ Европѣ (стр. 37), сохранилась въ первоначальномъ видѣ лишь у нѣкоторыхъ изъ ихъ племенъ. Сюда должно отнести именпо тѣхъ Кельтовъ (напримѣръ, осѣвшихъ въ южной Галліи), которымъ самыя свойства мѣстности помогали поддерживать ихъ ремесленность. Другія отрасли этого племени, загнанныя на менѣе выгодную почву, или, подобно Бриттамъ, поставленные въ неблагопріятныя условія, вѣроятно въ силу этого спозаранку принуждены были постепенно отказаться отъ реме-

¹ Ср. между прочимъ A. Worsaa: Dänemarks Vorzeit. p. 18. О немногихъ характеристическихъ различіяхъ (впрочемъ только въ орнаментѣ) см. тамъ же, p. 35.—A. Munch: Die nord-germanischen Völker, p. 7 sqq.—² G. Klemm: Handbuch, p. 17 sqq. 150 sqq.—Ср. K. Weinhold: Altnord. Leben, p. 92 sqq.—³ W. Volz (Beiträge zur Kulturgeschichte. Der Einfluss des Menschen auf die Verbreitung der Hausthiere und Kulturpflanzen. Leipzig, 1852, p. 139) говоритъ: «Нѣмцы уже съ раннихъ поръ обрабатывали коноплю, какъ прядильное растеніе. Ленъ былъ введенъ позднѣе, вѣроятно изъ Галліи, а можетъ быть и Римлянами».

сленности за недостаткомъ матеріала и одѣваться въ звѣриныя шкуры, или, какъ бы возвратившись къ дикому образу жизни, позабыть всё тѣ искусства, которыми вполне владѣли ихъ предки. Германцы ¹ если и на- талкивались на старо-кельтскую одежду, у тѣхъ Кельтовъ, съ которыми они вели войны, то уже въ силу своей природы не могли тотчасъ усвоить её во всей цѣлости. Какъ уже было замѣчено, они удержали свои первобытныя кожанныя и т. под. одѣянія. Даже позднѣе только самыя знатныя и богатые среди нихъ носили особенную, хотя все еще крайне простую, одежду. И только вслѣдствіе сношеній съ романизованными Галлами ² и Римлянами, они начали употреблять галльское или римское платье, полнѣе покрывающее тѣло (Tacit. Germ. c. 17).

Нѣтъ сомнѣнія, что способъ употребленія звѣринныхъ шкуръ и другихъ примитивныхъ покрововъ былъ одинаковъ у всѣхъ упомянутыхъ выше народовъ; именно, они просто обертывали ими тѣло, какъ это еще и нынѣ дѣла- ютъ дикари (стр. 10 и 11). Въ самой грубой формѣ, и притомъ до позднѣй- шаго періода, такія обертки или накидки употреблялись преимущественно у крайне невѣжественныхъ племенъ сѣверной Британіи—у Каледонцевъ и Ме- атовъ (Cäsar: bell. gall. V, 14. Mela, III, 6. Herodian, III, 14. Dio. Cass. LXXVI, 12); но уже гораздо отдѣланнѣе и похожее на настоящую одежду были онѣ у болѣе развитыхъ племенъ этого острова, а также на пра- вомъ берегу Рейна, у чистыхъ Германцевъ, не подвергшихся смѣшенію съ Галлами. Тацитъ (гл. 17) прямо говоритъ о послѣднихъ: „прибрежные жите- ли носятъ шкуры дикихъ звѣрей самымъ простымъ способомъ ³; но дальше отъ берега тщательно выдѣлываютъ ихъ, мѣстами даже покрываютъ кусками пестрыхъ шкуръ, привозимыхъ изъ-за далекаго моря⁴, и затѣмъ, прибавляетъ, что „всѣ они носятъ *sagum* ⁵ (плащъ изъ продолговатаго куска матеріи), ³ застегивая его пряжкой, а за неимѣніемъ ея—терновыми иглами“. Далѣе Тацитъ указываетъ на отличительныя черты одежды ихъ знатныхъ и бога- чей, говоря, что „она не длинна и не покрыта складками какъ у Сарматовъ или Пароянъ“ а имѣетъ видъ узкаго кафтана, плотно обтягивающаго тѣло и обрисовывающаго всё члены“; что „мужская одежда ничѣмъ не отли- чается отъ женской“, только послѣдняя чаще всего холщевая, и т. д. При такомъ описаніи почти непонятно, какъ могли еще сомнѣваться насчетъ покроя этой одежды ⁵. Строго придерживаясь Тацита, должно сказать, что даже и въ его время одежда богачей была крайне проста и нисколько непо- хожа на одежду Галловъ или Кельтовъ. Въ противоположность широкой, плащеобразной одеждѣ изъ шкуръ, которую носили бѣдные ⁶, она состояла

¹ Cp. J. Koller: Über die Kleidung der alten Germanen (no Germania media, Paul Hachenberg'a) въ Deutsches Museum (Wien, 1813, III, 386 sqq.) F. Schlegel'я.—

² Cp. Dio Cass. XLVI, 55, о названіи Gallia togata. — ³ Иногда вся одежда состоя- ла изъ двухъ шкуръ, которыя покрывали грудь и спину доходя до коленъ, и сдержива- лись на плечахъ застѣжками, а у поясины стягивались веревкою; къ этому надѣвали шапку тоже изъ шкуры. И одежду и шапку носили мѣхомъ наружу. Cp. Col. Anton. Tab. 68.—⁴ Подробности о немъ см. ниже, въ «римской одеждѣ». — ⁵ Cp. G. Klemm: Handbuch der germanischen Alterthumskunde, p. 54, гдѣ упоминаются и изслѣдованія P. Cluve- rii (Germaniae antiquae libri III. Lugd. Bat. 1616 fol.), относяшіяся къ 17 вѣку. — ⁶ Кромѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ Tacit. (Germ. 17. Hist. II, 22) и Pomp. Mela (III, 3) указываютъ на то, что бѣдняки ходили нагими.

изъ одной только узкой рубашки, сшитой, вѣроятно, изъ грубой шерстяной матеріи; она была несомнѣнно безрукавная, доходила до колѣнъ и подпоясывалась, какъ и женская одежда, которая, какъ увидимъ ниже, всегда была безъ рукавовъ и доходила по крайней мѣрѣ до колѣнъ. Изъ этого описанія, которое даетъ основаніе принять, что древніе Германцы не носили ни штановъ, ни обуви ¹, оказывается, что одежда Германцевъ, повидимому довольно близко походила на нарядъ, встрѣчающійся на нѣкоторыхъ этрусскихъ статуэткахъ и т. д. ².

Столь же обстоятельны свѣдѣнія, сообщенныя Тацитомъ объ одеждѣ Германокъ, и именно о холщевой, которая, впрочемъ, встрѣчается лишь какъ исключеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что она походила на рубашку; но, по словамъ Тацита, она „была окаймлена пурпуромъ“: слѣдовательно на Германокъ уже дѣйствовали чужеземные, и именно римскіе, обычаи. Изъ дальнѣйшаго описанія, что онѣ оставляли „руки, плечи и ближайшія къ рукамъ части груди обнаженными“, ясно, что одежда ихъ, совершенно походила на древнѣйшую (арабскую и греческую) женскую рубашку (ср. фиг. 102, а, в фиг. 181, d) ³, она была открыта съ боковъ, по крайней мѣрѣ отъ плечъ до пояса, и полотнища, покрывавшія грудь и спину, пристегивались на плечахъ пряжкой или аграфомъ. Это подтверждается и нѣкоторыми римскими статуями, напри-

Фиг. 224.

¹ Точными извѣстіями доказывається, что Германцы начали носить штаны гораздо позднѣе. Такъ Галль Аполлинарій Теодосій, родившійся около половины 5 вѣка по Р. Х., разсказывая объ узкихъ кафтанахъ, дорогихъ плащахъ, украшенныхъ золотомъ, и т. д., бывшихъ въ его время въ модѣ у знатныхъ германцевъ, ни разу не упоминаетъ о штанахъ. Павелъ Діаконъ (Hist. Longob. IV, 22) писалъ въ 8 вѣкѣ, что Лонгобарды только начинаютъ носить шаровары, перенивъ ихъ у Римлянъ, у которыхъ они уже давно были въ употребленіи. Въ перечнѣ лонгобардскихъ королей Салерискаго Монаха говорится, что король Аделоальдъ (616—626) первый надѣлъ шаровары. Даже въ одномъ констанскомъ уставѣ объ одеждѣ 1390 года прямо воспрещается «плясать или показываться публично въ одномъ камзолѣ (in ainen blossen wamsel)» и приказывается «закрывать срамныя мѣста спереди и сзади, чтобы ихъ не было видно (sin scham hinten und vornen decken müg, dass man die nit sehe)». Далѣе, въ одной С. Галленской хроникѣ сказано, что на Рейнѣ заимствовали обычай носить шаровары (Hussecken) у Англичанъ, прибывшихъ въ Эльзасъ въ 1365 году. См. переводъ О. Абеля: Paulus Diakonus und die übrigen Geschichtschreiber der Longobarden (въ Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit и т. д. VIII Jahrg.), Berlin, 1849, II: des Paulus Diakonus Geschichte der Longobarden, p. 81, Anmerk. 3. Поэтому-то мужской трунъ, найденный въ 1817 году въ фридебергскомъ торфяномъ болотѣ, въ общинѣ Эльзель (въ восточной Фрисландіи), и отнесенный къ древнимъ временамъ, могъ принадлежать лишь весьма поздней эпохѣ, ибо онъ былъ въ полномъ одѣяніи. Кромѣ волосянаго валянаго кафтана безъ рукавовъ и т. д., (совершенно сходнаго съ мужскимъ платьемъ въ родѣ рубашки, описаннымъ выше по Тациту), на немъ было исподнее платье изъ той же матеріи, стяннутое поясомъ и кожаная, довольно нарядная, обувь, зашнурованная вокругъ ногъ. Подробности см. у G. Klemm'a: Handbuch der german. Alterthumskunde, p. 56.—² Ср. Th. Nore: Costume of the Ancients I, Taf. 40.—³ Сюда относится также все сказанное въ слѣдующей главѣ о «женской одеждѣ».

мѣръ мнимою ¹ статуею Туснельды (фиг. 224), и изображеніями неримскихъ женщинъ на Антониновой колоннѣ ². Статуя Туснельды указываетъ также на оригинальную обувь. Это—родъ сандаліи, состоящей изъ толстой подошвы, охватывающей только внѣшніе края ноги, и ремня у подъема. Къ ремню прикрѣплено много шнурковъ, которые, кажется, переплетались съ подошвой правильными рядами.

Мужская одежда у болѣе образованныхъ Галловъ и близкихъ къ нимъ по образу жизни племенъ южной Британіи (Caesar: bell. gall, V, 12, 14) ³ отличалась отъ одежды сосѣднихъ Германцевъ не только одними длинными шароварами, свойственными имъ съ древнѣйшихъ временъ (стр. 7 и слѣд.), но еще болѣе тѣмъ, что дѣлалась постоянно изъ пестрыхъ, узорчатыхъ матерій. Какъ Римляне называли Галлію по характеристической одеждѣ ея населенія *braccata*, (отъ *bracca*: штаны), такъ точно и римскіе писатели обыкновенно называютъ Галловъ, по носимой ими одеждѣ,—*sagati braccatique* (одѣтые въ плащи и штаны, или „плащники и штанники“) (Cic. pr. Font. II. Juven. VIII, 234. Plin. III, 4. Mela, II, 5). Но особенно поражала Римлянъ пестрота галльской одежды. По словамъ Діодора (V, 30), который именно поэтому называетъ ее крайне „странною“, она состояла, кромѣ длинныхъ шароваръ, изъ кафтана въ пестрыхъ клѣткахъ, совершенно въ азіатскомъ вкусѣ, и изъ клѣтчатой же накидки въ родѣ плаща ⁴. Сверхъ того (по тому же свидѣтельству), послѣдній былъ то изъ толстой, то изъ тонкой матеріи, смотря по времени года; а кафтанъ иногда опоясывался дорогимъ поясомъ съ пряжкой, нерѣдко украшеннымъ золотомъ и серебромъ. Знатные, которыхъ Страбонъ (IV, 4) особенно упрекаетъ въ „тщеславіи и пышности“, носили еще разныя металлическія украшенія. И безъ того пестрая одежда нерѣдко прошивалась у нихъ золотыми полосками или, всего вѣроятнѣе, маленькими золотыми пластинками и блестками, въ родѣ тѣхъ, которыми азіатскіе народы издавна любили украшать свои пестрыя и узорчатая матерія. Виргилій (*Aeneid.* VIII, 658) имѣлъ право примѣнить къ Галламъ слова, сказанныя имъ о Фригійцахъ:

«У нихъ золотистые волосы и золотая одежда;
«Свѣтлыми полосами блещетъ ихъ боевой нарядъ и золотомъ
Увиты ихъ бѣлыя, какъ молоко, шен».

¹ C. W. Goetting: *Thusnelda — Arminius Gemahlin und ihr Sohn Thumelicus in gleichzeitigen Bildnissen nachgewiesen.* Jena. 1843. M. Abbildgn.—² P. S. Bartoli: *Columna Cochlis M. Aurelio Antonino Augusto dicata.* Romae. 1706. Tab. 92, 119, 124, 127.—³ О позднѣйшей (романизованной) одеждѣ Галловъ ср. собраніе изображеній римскихъ памятниковъ у J. Maillet et P. Martin: *Recherches sur les costumes, les mœurs, les usages etc. des anciens peuples.* Paris. 1809. (И въ нѣмецкомъ изданіи: *Galerie der Sitten, Geräthschaften u. s. w. der vornehmsten Völker des Alterthums und der Franzosen bis in das 17 Jahrhundert.* Strassburg und Paris. 1812), Tom. II, pl. LXXIII sqq. Затѣмъ въ некоторыхъ свѣдѣніяхъ, впрочемъ отчасти въ необработанномъ видѣ, у F. Herbe: *Costumes français civils, militaires et religieux etc.*, и др. Для древней одежды Британцевъ ср. R. Meyrick and H. Smith: *Costume of the Original Inhabitants of the British Islands.* Сверхъ того, R. Planché: *British Costume. A complete History of the dress of the Inhabitants of the British Islands.* London. 1849, p. 1—16.—⁴ C. A. Büttiger: *Kleine Schriften, herausgegeben von J. Sillig.* (2 Ausg.) III, 33: «Ueber die herrschende Mode der gewürfelten Stoffe», особенно стр. 38 и слѣд.

Независимо отъ этой исключительной пышности, распространенной, кажется, всего болѣе среди нарбоннскихъ вельможъ (Arrian, VI, 12), должно принять, что штаны, плащъ и кафтанъ были въ употребленіи у всѣхъ вообще наиболѣе развитыхъ племенъ Галліи; только покрой кафтана не у всѣхъ былъ одинаковъ. Такъ напр. у Белговъ, по словамъ Страбона (IV, 4), онъ былъ спереди открытъ и доходилъ только до половины бедра, т. е. былъ, вѣроятно, похожъ на куртку. Плащи отличались у нихъ толщиной и прочностью, такъ какъ ихъ приготовляли изъ грубой и короткой шерсти тамошнихъ овецъ. Правда, и позднѣе, притомъ даже на полѣ битвы, попадались иногда люди въ однихъ передникахъ (Diod. V, 30. Strab. IV, 4. Suet. Caes. c. 80. Livius XXXV, 21); но у болѣе образованныхъ племенъ, уже при походахъ Цезаря, такіе случаи встрѣчались весьма рѣдко. Верцингеторксъ, набирая войско чтобы отложиться отъ Римлянъ, не только вооружалъ, но и одѣвалъ всѣхъ стекавшихся къ нему (Cäsar, bell. gall. VII, 31). Вообще въ то время даже у Германцевъ, смѣшанныхъ съ Галлами, галльская одежда была такъ общеизвѣстна, именно подъ именемъ „галльской“¹, что Цезарь осмѣлился проскользнуть черезъ лагерь Эбуроновъ, переодѣвшись Галломъ (Suet. Caes. 58).

Фиг. 225.

Еще болѣе, чѣмъ на сѣверо-западѣ, эта одежда была распространена въ земляхъ къ югу отъ Дуная, давно пройденныхъ Кельтами (Галлами), именно въ Швейцаріи, Винделикии и Норикѣ, а позже²—даже въ южной Германіи,

¹ Переселявшіеся въ Галлію Убин, Вангіоны и др. также приняли галльскія шаровары. Ср. Cäsar; bell. gall. IV, 3. Lucan, I. 430. Tacit. Germ. c. 28, и проч.—² Во всякомъ случаѣ гораздо позже Цезаря (bell. gall. I, 31). Лишь при Марбодѣ осылись Маркоманны въ Богеміи, откуда они распространились потомъ до Дуная. Также и Гермундуры жили въ сѣвосточной Богеміи; уже отсюда они расселились по Рейну и Майну, до Дуная. Квады тоже довольно поздно стали соседями Маркоманновъ. См. L. Georgi: Alte Geographie, II, 207, 209, 210.

у Квадовъ, Маркоманновъ, Гермундуровъ и др. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что послѣдніе находились въ постоянныхъ сношеніяхъ какъ съ Римлянами, такъ и съ Галлами сѣверной Италіи (транспаданской и циспанданской; Tacit. Germ. с. 41). Если принять въ соображеніе, что именно населеніе этихъ странъ, въ союзѣ съ Сарматами, Пароянами и др. вело такъ называемую „маркоманнскую“ войну съ Римомъ, и что галльская одежда первоначально мало отличалась отъ сарматской, то станетъ очевидно, что изъ варваровъ, представленныхъ на колоннѣ, поставленной въ память этой войны Маркомъ Авреліемъ (174 г.), нѣкоторые одѣты въ галльскую одежду, такъ какъ одежда нѣкоторыхъ мужскихъ фигуръ совершенно соответствуетъ вышеприведенному описанію галльской одежды (ср. фиг. 225, а, b).

О женской одеждѣ у Галловъ (и Бриттовъ) нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Только Діонъ Кассій (LXII, 2.) сообщаетъ, что она состояла (впрочемъ только у знатныхъ Британокъ) изъ пестраго или узорчатаго ши-

Фиг. 226.

рокаго нижняго платья, которое падало длинными складками, и изъ короткаго плаща. Быть можетъ по-галльски одѣты тѣ женскія фигуры на упомянутой колоннѣ, платье которыхъ не вполне походитъ ни на сарматское или дакійское (оно встрѣчается и здѣсь и на Траяновой колоннѣ, фиг. 223, а—с), ни на одежду Германокъ, описанную выше по Тациту и др. (стр. 49). На нѣкоторыхъ монетахъ Адріана ¹, провинціи Галлія и Британія олицетворяются въ видѣ женщинъ, одѣтыхъ въ длинные подпоясанныя рубашки; но у второй рубашка съ короткими рукавами, а у первой совсѣмъ безъ рукавовъ.

¹ Снимки см. у A. Lens'a: Das Kostüm der meisten Völker des Alterthums. Uebers. von H. Martini. Tab. 52, Fig. VII u. VIII.

Украшенія.

Самая простая и естественная форма самоукрашенія, по которой различались между собой не только Галлы, Бритты и Германцы, но и ихъ отдѣльныя племена, состояла въ способѣ носить волосы. Полудикіе обитатели сѣверной Британіи, отрѣзанные отъ всякихъ изыѣживающихъ вліяній со стороны (Diod. V, 21), носили волосы совершенно свободно и не знали стрижки; но бороду брили всю, оставляя только усы (Cäsar: bell. gall. V, 14). Болѣе образованные Бритты, кажется, съ раннихъ поръ заимствовали прическу у Галловъ. Діодоръ, точнѣе другихъ описывающій галльскій нарядъ, рассказываетъ о Галлахъ, что они употребляли искусственныя средства чтобы свои отъ природы свѣтлые волосы сдѣлать еще свѣтлѣе. Онъ говоритъ, что „они постоянно смачиваютъ себѣ голову известковой водой, со слѣзъ къ затылку, отчего волосы, становясь жестче, поднимаются, какъ лошадиная грива, и придаютъ Галламъ видъ пановъ или сатировъ¹. Широкіе и густые усы, словно сито закрываютъ имъ ротъ; впрочемъ нѣкоторые совершенно сбываютъ бороду, другіе только отчасти, знатные же почти всегда брѣютъ бакенбарды“. Здѣсь Діодоръ лишь намекаетъ на разные способы носить волосы у Галловъ; Тацитъ же опредѣленно говоритъ объ этомъ разнообразіи у Германцевъ. Описанную имъ своеобразную прическу Свевовъ, мы уже привели выше; о Хаттахъ онъ замѣчаетъ, что у нихъ (Tacit. Germ. c. 31), стало общимъ обычаемъ то, что у другихъ Германцевъ было лишь рѣдкимъ проявленіемъ смѣлости—именно не стричь волосъ и бороды до тѣхъ поръ, пока не удастся убить врага, и т. д. Вообще о всѣхъ Германцахъ Тацитъ говоритъ (Tacit. Germ. c. 19), что потеря волосъ считается у нихъ позоромъ; а по Клавдіану (Eutrop. I)—короткіе волосы означали у нихъ подчиненность. И Германцы, подобно Галламъ, патирали волосы особеннымъ мыломъ, чтобы они казались еще золотистѣе, чѣмъ были отъ природы (Plin. XXVIII, 51), и за это, равно какъ и за свою тонкость, волосы Германцевъ были въ такомъ почетѣ у Римлянъ, что тѣ очень часто пользовались ими для своихъ париковъ (Martial. XIV, 26, 27. Ovid. Amor. I. El. XIV, 45. Herodian. IV, 7). Изъ того факта, что Калигула, при своей мнимой побѣдѣ надъ Германцами, выдавая рослыхъ Галловъ за Германцевъ, выкрасилъ имъ волосы (Suet. Calig. c. 47), видно, что Германцамъ былъ свойственъ красновато-золотистый цвѣтъ волосъ.

Кромѣ этой естественнѣйшей формы самоукрашенія, общей всѣмъ народамъ сѣверной, средней и западной Европы, у нѣкоторыхъ племенъ, именно у полудикихъ жителей Каледоніи, существовалъ еще другой, тоже не менѣе первобытный способъ украшенія тѣла — татуированье. Всѣ Каледонцы, отъ мала до велика, выцарапывали себѣ на кожѣ различныя фигуры и затирали ихъ приготовленной изъ вайды (синильника) тѣлою краской², вслѣдствіе чего, вѣроятно, и получили отъ Римлянъ названіе „раскрашенныхъ—

¹ Мы видѣли, что впоследствии галльскія провинціи раздѣлялись на Gallia braccata, гдѣ носили шаровары, и Gallia togata, въ которой была принята римская одежда. Но было еще названіе: Gallia comata (подосатая), по длиннымъ волосамъ, которыми отличалось ея населеніе. Ср. Dio Cass. XLVI, 55.—² A. Böttiger: Kleine Schriften, p. 33 sqq.

picti" (Cäsar. bell. gall. V. 14. Mela, III, 6 Herodian. III, 14). Подобное же расписываніе тѣла, но вѣроятно только одною краскою, безъ нарѣзовъ, было въ обычаѣ и у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ: что въ этомъ отношеніи сообщаетъ Геродотъ (стр. 556) о восточныхъ Будинахъ и др., то же рассказываетъ и Тацитъ (Germ. с. 43) о загадочныхъ „Гаріяхъ“, жившихъ къ сѣверо-востоку отъ Маркоманновъ.

Прочее убранство у всѣхъ разсматриваемыхъ народовъ заключалось въ металлическихъ украшеніяхъ на платьѣ, отчасти уже упомянутыхъ выше, и главнымъ образомъ въ отдѣльныхъ вещахъ, назначенныхъ для ношенія непосредственно на тѣлѣ. Какъ ни разнообразны были эти вещи по матеріалу и работѣ, но основная форма ихъ, кажется, была одна и таже и у Бриттовъ, и у Галловъ, и у Германцевъ—именно, форма кольца или обруча.

У Бриттовъ, съ которыми познакомился Цезарь, а потомъ еще болѣе П. Светоній, Агрикола и др., было въ обычаѣ носить желѣзные, и изрѣдка золотые обручи на шеѣ, вокругъ талии и на лодыжкахъ, и сверхъ того, одинъ перстень на среднемъ пальцѣ, „по галльскому обычаю“ (Plin. XXXIII, 6. Herodian. III, 14. Ср. особенно С. Brandes: *Kelten und Germanen*, p. 34). Знатныя женщины щеголяли еще золотыми шейными цѣпами и т. д. (Dio Cass. LXII, 2, ex. Xiphil.). — Богаче были украшенія у Галловъ, какъ это видно уже по вышеприведеннымъ словамъ Virgilія (стр. 50): мужчины и женщины носили у нихъ, кромѣ перстня на пальцѣ (какъ сказано о Бриттахъ), толстыя золотыя кольца или обручи на шеѣ и на запястьѣ и сверхъ того (совершенно въ древне-азіатскомъ вкусѣ) широкіе браслеты, тоже золотые (Diod. V, 27. Strab. IV, 4).—У Германцевъ, украшенія были повидимому немногочисленны и просты. Ни Тацитъ, ни другіе современные ему писатели не называютъ ни одной вещи, которую бы можно было принять за особенное, характеристическое украшеніе, употребляемое Германцами. Если первый и говоритъ, что у Хаттовъ было въ обычаѣ носить желѣзное кольцо (неизвѣстно, на рукѣ или на пальцѣ), то тотчасъ же прибавляетъ: „такое кольцо считается въ народѣ позорнымъ знакомъ; его носятъ только самые храбрѣйшіе, какъ оковы¹, отъ которыхъ они освобождаются, какъ только поразятъ врага“ (Tacit. Germ. с. 31). Сказанное Тацитомъ объ этихъ, болѣе извѣстныхъ ему, племенахъ еще лучше примѣняется къ Германцамъ, жившимъ далѣе отъ Рейна и Дуная, въ глубинѣ страны. Должно замѣтить, что хотя въ здѣшнихъ чисто германскихъ могилахъ и попадаетъ много костяныхъ и металлическихъ гребенокъ, но до сихъ поръ еще не было найдено ни одного зеркала, тогда какъ металлическія зеркала были уже издавна извѣстны Грекамъ и Римлянамъ². Если изъ

¹ Объ этомъ обычаѣ ср. J. Hanus: Ueber die alterthümliche Sitte der Angebinde bei Deutschen, Slaven und Litauern. Prag. 1855, p. 40 (2). — ² Ср. G. Klemm: Handbuch der germanischen Alterthumskunde, p. 64. — Его же: Kulturgeschichte des christlichen Europas, I, 11 sqq.—A. Worsaae: Afbildninger и т. д., p. 19 sqq. — Въ римскихъ могилахъ на Рейнѣ и во Франціи они встрѣчаются чаще. Ср. A. L'Abbé Cochet: La Normandie souterraine etc., p. 67, 107 sqq., 123. Зеркалообразная пластинка, найденная у Spago въ шаровидной могилѣ и принятая за большую расплюснутую булаву, принадлежитъ очень позднему времени. См. F. Lisch: Jahrbücher и т. д. IX, 332, съ рисун. О подобныхъ булавахъ упоминаетъ и G. Klemm.

этого и не слѣдуетъ прямо, что у Германцевъ совершенно не было никакихъ украшеній, то всё таки видно, что они вообще придавали мало цѣны нарядамъ. Вѣроятно не выдѣлывая ихъ сами, они довольствовались тѣмъ, что доставалось имъ сначала отъ Кельтовъ, путемъ войны или мѣновой торговли, а потомъ отъ римскихъ купцовъ ¹. Поэтому-то нынѣ можно рѣшительно утверждать ², „вовсе не будучи кельтоманомъ“, что находимыя въ германскихъ земляхъ бронзовыя, золотыя и изрѣдка серебряныя украшенія бронзоваго вѣка принадлежать по преимуществу прежнему, кельтскому населенію.

Фиг. 227.

Въ числѣ этихъ древностей, замѣчательныхъ по разнообразію формъ, ³ значительное мѣсто занимаютъ украшенія, служащія къ прикрѣпленію и пристегиванью одежды. Сюда относится прежде всего самый простой и, вѣроятно, древнѣйшій ихъ видъ—булавки, которыми закалывали плащи, накидки и т. под. Сначала несомнѣнно подражаніе терновымъ шипамъ, зао-

¹ G. Klemm: Handb. d. germ. Alterthumskunde, p. 140 sqq. См. также F. Lisch: Ueber Verbreitung römischer Alterthümer in den Ostseeländern въ Jahrbücher, IX 397.—² K. Weinhold: Altnordisches Leben, p. 16 sqq., особенно p. 21.—³ Чтобы избѣжать подробныхъ сравнительныхъ указаній, которыя, по своему изобилію и разбросанности, повели бы къ безконечнымъ цитатамъ, ограничимся здѣсь напоминаніемъ объ изображеніяхъ и т. д. помѣщенныхъ въ трудахъ, названныхъ въ началѣ главы.

страннымъ спичкамъ и т. д., которыя первоначально были въ употребленіи повсюду, а у Германцевъ даже во времена Тацита (*Germ.* с. 17), онѣ постепенно превращались сначала въ булавки съ красивыми головками (фиг. 227, m. l.), потомъ въ застѣжку или аграфъ (фиг. 227. k.), или сокращались въ настоящую пуговицу (фиг. 227, n). Изъ этихъ же булавокъ выработались также часто находимые въ могилахъ застѣжки, пряжки и крючки, въ разнообразныхъ формахъ которыхъ можно очень удобно прослѣдить вышеупомянутый постепенный переходъ отъ простаго устройства (фиг. 227, w, x) къ болѣе сложному (фиг. 227, u, v). Нѣсколько двойныхъ кружечковъ изъ спирально свитой проволоки, одни гладкіе, другіе конусообразно приподнятые въ серединѣ, со шпильками и безъ нихъ (фиг. 227, i), найденныхъ преимущественно въ германскихъ могилахъ, можно тоже принять за пряжки, но вѣроятнѣе, что они служили для украшенія женскихъ волосъ ¹.

Несомнѣнно къ головному убору относится множество длинныхъ булавокъ. По украшеніямъ, онѣ вообще одного разряда съ описанными булавками и застѣжками ², кромѣ того, что у нѣкоторыхъ головка замѣнена перекладинкой, на концахъ которой иногда прикрѣплены подвѣски ³. Сюда относятся также бронзовые, а иногда золотые обручи въ видѣ діадемы (фиг. 227, a, b) ⁴; широкія, то гладкія, то завитыя, кольца, обыкновенно съ овально согнутыми и особенно разукрашенными концами (фиг. 227, c, d, e); наконецъ, по всей вѣроятности, и множество мелкихъ пластинокъ, глиняныхъ, янтарныхъ и металлическихъ бусъ, просверленныхъ камушковъ и т. под. вещей, которыя часто попадаются среди другихъ украшеній, и по всей вѣроятности вплетались въ волосы. Многія изъ нихъ, конечно, нашивались на шнурки и были носимы какъ ожерелья и мониста. Подобныя мониста, и притомъ въ нѣсколько нитокъ, найдены даже въ древнѣйшихъ могилахъ каменнаго вѣка ⁵. Уже выше было упомянуто, что на шеѣ носили обыкновенно мѣдныя или золотыя кольца. Такія кольца, совершенно похожія на головныя обручи, были тоже найдены (сравни. фиг. 227, c—d). По нѣкоторымъ древностямъ можно предполагать, что на груди носили металлическія бляхи, небольшія и крупныя, похожія на воротникъ (фиг. 227 t;).

Еще разнообразнѣе, чѣмъ головныя и шейныя обручи, были браслеты или запястья. Отчасти они были открытые, или замкнутые, гладкіе, или витые (фиг. 227, t, g, o), а иногда составленные изъ нѣсколькихъ

¹ Cp. G. Klemm: *Handbuch d. germ. Alterthumskunde*, p. 61 sqq., Taf. II, Fig. 8.—Его же: *Kulturgeschichte des christlichen Europa*, I, 14.—A. Warsaas: *Abbildninger*, p. 47, Fig. 190. Cp. относящіяся сюда французскія древности. L'Abbé Cochet: *La Normandie souterraine*, p. 279.—² A. Warsaas: *Abbildninger*, p. 46, Fig. 183—187.—

³ Онъ же, p. 45, Fig. 182.—⁴ Въ 1835 году, близъ Шнейера, всего на глубинѣ полутора фута, вырыли оригинальный головной уборъ. Онъ золотой: форма его — заостренная кегля; вышина — одинъ футъ; вѣсъ — 26 лотовъ. Все его украшеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ линий. Внутри онъ стянута мѣднымъ кольцомъ. См. *Kunst-Blatt*, Jahrgang 1835, N 55, p. 232.—⁵ A. Warsaas: *Abbildninger*, p. 15, Fig. 68.—Cp. G. Klemm: *Kulturgeschichte des christlichen Europa*, I, 13 sqq.

различно закрученныхъ проволокъ, ¹. Отчасти они имѣли форму спирали и закрывали всё предплечіе, или руку отъ локтя по кисть, или только половину ея (фиг. 227, q). Иногда они походили на упомянутые двойные кружки и покрывали руку только съ одной стороны (фиг. 227, h); иногда охватывали её, какъ широкое кольцо, то гладкое, то покрытое украшеніями и кромѣ того нерѣдко обвѣшанное колечками, кружочками и другими подобными подвѣсками (фиг. 227, p.).

Наконецъ, въ могилахъ были найдены перстни, большею частью свитые спирально (фиг. 227, r, s), но также и гладкіе и т. д. Рѣже встрѣчаются серьги и (мѣдныя) позные браслеты; послѣдніе попадаются на скелетахъ ².

Большое разнообразіе этихъ украшеній въ отношеніи матеріала и отдѣлки, вмѣстѣ съ различіемъ одежды по сословіямъ, которое, какъ было уже не разъ замѣчено выше, существовало у Галловъ, Бриттовъ и Германовъ, показываютъ, что у всѣхъ этихъ племенъ уже издавна присвоивалось наряду или костюму также и представительное (церемониальное) значеніе. Письменные свидѣтельства по этому предмету вообще очень скудны, особенно по отношенію къ частной жизни упомянутыхъ племенъ; они нѣсколько полнѣе, когда касаются ихъ религіознаго и общественнаго быта.

Такое, такъ сказать, символическое обозначеніе нарядомъ извѣстныхъ отношеній и положеній, свойственныхъ частному быту, не могло не быть крайне грубымъ у народовъ, стоявшихъ на низшей ступени нравственнаго развитія, каковы были обитатели Британіи. Если вѣрить дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, у нихъ господствовало еще и въ позднѣйшее время самое полнѣйшее смѣшеніе половъ (у дикихъ Каледонцевъ и Меатовъ, даже между родителями и дѣтьми). Болѣе развитыя племена хотя и признавали въ этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія, установленныя обычаемъ, но настоящей семейственной связи не было и у нихъ (ср. *Cäs. bell. gall.* V, 14. *Strab.* IV. 5. *Herodian.* III, 14. *Dio Cass.* LXXVI 12 sqq.) — Не то видимъ мы у Галловъ. Не смотря на то что и они были также склонны къ распутству и даже предавались противоестественнымъ порокамъ, они все-таки уважали женщину. Они признавали бракъ, для котораго существовала у нихъ общепринятая форма договора, причемъ однакожъ отцу семейства предоставлялась неограниченная власть надъ жизнью и смертію всѣхъ членовъ его семьи. Было также въ обычаѣ, чтобы отецъ не знался съ своимъ сыномъ до тѣхъ поръ, пока онъ не возмужаетъ и не станетъ способенъ носить оружіе. Извѣстенъ еще обычай Галловъ погребать мертвыхъ со всевозможною пышностію. Такая значительная опредѣленность житейскихъ отношеній заставляетъ предполагать, что Галлы умѣли не менѣе опредѣленно обозна-

¹ Особенно изящный экземпляръ такого запястья (золотой и массивный) изображенъ въ *Memoirs illustrativ of the History and Antiquities of the Country and City of Lincoln*, London. 1850, p. XXXIII. — ² Обо всѣхъ этомъ ср. особенно G. Klemm: *Kulturgeschichte des christlichen Europa*, I, 12, 16, гдѣ много мелкихъ свѣдѣній. Серьги, изображенныя у A. F. Lisch'a: *Jahrbücher* и т. д. IX, 388 sqq., принадлежать къ очень позднему времени и (какъ онъ самъ предполагаетъ) иностраннаго (не могометанскаго-ли?) происхожденія.

чать ихъ и внѣшними отличіями въ одеждѣ (ср. *Cäs. bell. gall.* VI, 18, 19, *Strab.* IV, I, 4. *Diod.* V, 28, 32). ¹—Высокое уваженіе, которымъ пользовались женщины у древнихъ Германцевъ, и вытекавшая изъ этого уваженія нравственность ихъ семейной жизни засвидѣтельствованы Тацитомъ (с. 19) и Цезаремъ (*bell. gall.* VI, 12), который противопоставляетъ ее распущенности Галловъ. Тацитъ хвалитъ „неприкосновенное цѣломудріе“ германскихъ женщинъ и распространенное во всемъ народѣ единожество; ему нравится ихъ обычай дарить невѣстѣ не какія нибудь безполезныя вещи, а „выѣзжаннаго коня, щитъ, дротикъ и мечъ“; онъ одобряетъ и наказаніе, которому подвергаютъ они женщинъ, нарушившихъ супружескую вѣрность: оно состояло въ томъ, что виновной остригали волосы и раздѣвъ её до нага гоняли по деревнѣ, стегая бичами. Изъ него же узнаемъ мы, что Германки не рѣдко сражались рядомъ съ своими мужьями или шли за ними на смерть; что трупы павшихъ въ битвѣ погребали или сжигали обыкновенно вмѣстѣ съ оружіемъ (*Germ.* с. 27); что мальчики до тѣхъ поръ должны были ходить нагишомъ и переносить всякія лишенія, пока не достигали возмужалости и не получали въ знакъ своей способности владѣть оружіемъ, щитъ и копье (*Germ.* с. 20). ² Всѣ сказанное приводитъ несомнѣнно къ заключенію, что у Германцевъ даже и въ такое отдаленное время частная жизнь была уже настолько развита, что успѣла выработать извѣстныя внѣшнія формы ³, въ которыхъ болѣе или менѣе опредѣленно выражались ея различныя отношенія.

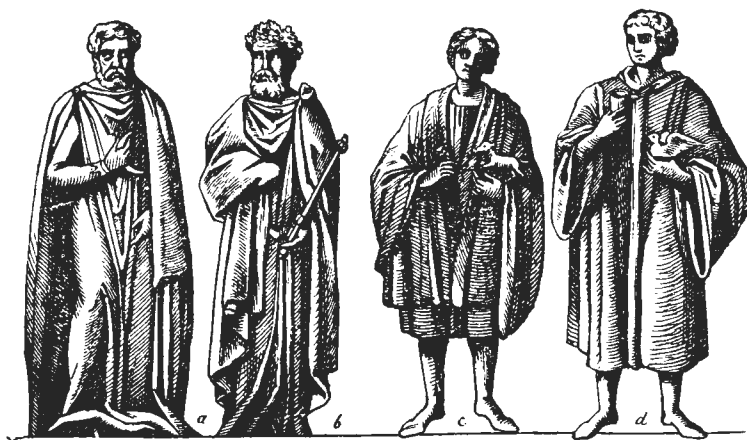
Это очевидно относительно обрядности ⁴, какъ у Бриттовъ и Галловъ, такъ и у Германцевъ, обуславливалась ли она самою религіей, или была созданиемъ ея представителей. Религіозныя воззрѣнія первыхъ двухъ народовъ нашли себѣ опору въ друидизмъ, а у Германцевъ, въ отличавшемся отъ послѣдняго и по формѣ и по положенію жречества. Друидизмъ, какъ кажется возникшій въ Британіи, и уже оттуда перенесенный къ Галламъ, развился до цѣльнаго правильно организованнаго учрежденія. Германское же жречество, вытекшее изъ патріархальныхъ условій быта, не представляло столь прочнаго единства ⁵. Друидство, обладавшее многими тайноученіями и обширной символической явленій природы, было для цѣлой Британіи и Галліи средоточіемъ всякаго научнаго развитія. Германское жречество преслѣдовало яс-

¹ Страбонъ (IV, I), хваля простоту образа жизни Массалиотовъ, сообщаетъ, что у нихъ приданое невѣсты не должно было превышать суммы во 100 золотыхъ; къ этому прибавлялось (обязательныхъ по закону) 5 золотыхъ на одежду и столько же на уборы и украшенія. Любопытно другое замѣчаніе о нихъ того же писателя; онъ рассказываетъ (IV, 4), что мужчины у нихъ принимаютъ шѣры чтобы не растолстѣть, и что молодой человѣкъ, для тѣла котораго обыкновенной длины поясъ оказывался короткимъ, подвергался наказанію.—² Ср. G. Klemm: *Handbuch der german. Alterthumskunde* p. 86 (Note).—³ Ср. между прочимъ, A. Munch: *Die nordisch — germanischen Völker*, 1853, стр. 243 и слѣд. особенно 246.—⁴ См. вообще. C. K. Barth: *Ueber die Druiden der Kelten und die Priester der alten Deutschen*, Erlangen. 1826.—J. B. Bouché: *Druides et Celtes ou l'histoire de l'origine des sociétés et des sciences*, Paris. 1848.—W. Wachsmuth: *Allgemeine Kulturgeschichte*, I, 276.—G. Klemm: *Allgemeine Kulturgeschichte*, VIII, 36 sqq.—C. Brandes: *Kelten und Germanen*, p. 30, 40, 160, 265. О религіи Германцевъ особенно G. Klemm: *Kulturgeschichte des christlichen Europa*, I, 56 sqq.—A. Munch: *Die nordisch — germanischen Völker*, 1853, p. 206 (6) sqq.—Также соответственныя мѣста у J. Grimm: *Deutsche Mythologie* (3 Ausgabe), Göttingen. 4481.—⁵ Tacit. *Germ.* с. 7 10, 40. 43; *Annal.* I, 57, 59.

ключительно религіозныя цѣли, и во мнѣніи народа стояло не выше весьма впрочемъ уважаемаго имъ сословія старѣйшинъ и мудрецовъ. Друидамъ удалось отдѣлаться отъ всякихъ налоговъ, скопить огромныя богатства и подчинить себѣ даже королей, а самимъ уклониться отъ всякаго личнаго участія въ воинскихъ трудахъ. У Германцевъ чаще всего жреческій санъ соединялся съ королевскимъ, но и тамъ гдѣ онъ имѣлъ своихъ самостоятельныхъ представителей, эти послѣдніе никогда не насиловали воли вождя народа; только въ походахъ имъ ввѣрено было наблюденіе за дисциплиною въ войскѣ. Въ обѣихъ религіяхъ таинственность богослуженія, человѣческія жертвы, знахарство и наводящія ужасъ церемоніи; но у Галловъ и Бриттовъ все это проявлялось въ болѣе жестокой, фантастически дикой формѣ, а у Германцевъ серьезнѣе и сдержаннѣе. У обоихъ народовъ жрецы были вмѣстѣ и судьями; но ихъ главною цѣлью было, ученіемъ о загробной жизни воодушевлять народъ къ подвигамъ необузданной храбрости на войнѣ и къ геройской смерти. Какъ у Бриттовъ и Галловъ, такъ и у Германцевъ, кромѣ жрецовъ были и жирицы, или священныя женщины, которыя отчасти помогали первымъ въ богослуженіи, отчасти занимались колдовствомъ и знахарствомъ, или же (какъ у Германцевъ, оказывавшихъ имъ особенное уваженіе) изучали цѣлебныя свойства травъ и лѣчили больныхъ, выдавая впрочемъ свое лѣченіе за тайную науку (*Cäs. bell. gall. VI, 13—18, 21. Tacit. Annal. XIV, 30, 32, Germ. 9, 39, 40, 43. Plin. XVI, 93, 95. Diod. V, 31. Strab. IV, 4. Suet. Caes. 54. Valer. Max. II, 6*).

Въ совершенномъ соотвѣтствіи съ положеніемъ и значеніемъ друидовъ и жрецовъ была и одежда тѣхъ и другихъ: у друидовъ она опредѣлялась различіемъ іерархическихъ степеней и богатствомъ этого сословія, у Германцевъ она, по всей вѣроятности, выражала лишь принадлежность къ священному сословію безъ всякихъ іерархическихъ различій. Но какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ она сохранила всѣ характеристическіе признаки, свойственные древней

Фиг. 228.

торжественной одеждѣ: она была очень длинна и широка и сдѣлана изъ некрашеннаго чистаго полотна. Такою оставалась она у галло-британскихъ и

германских жрецов до тѣхъ поръ, пока не исчезъ и самый ихъ культъ, т. е. далѣ половины средних вѣковъ.

Всѣ друиды высшихъ степеней носили подобную одежду ¹. Судя по скульптурнымъ изображеніямъ (фиг. 228, a—d) жрецовъ, найденнымъ во Франціи, близъ Меца, Отёна и др. ², она состояла изъ длинной или короткой нижней одежды, въ родѣ рубашки, и верхней одежды съ длинными и широкими рукавами, то открытой, то закрытой спереди. Въмѣсто послѣдней, иногда встрѣчается плащъ, застегивавшійся на плечѣ крючкомъ или пряжкой. Такой плащъ и очень длинная нижняя одежда составляли, вѣроятно, костюмъ главнаго жреца („Coibhi-Druid“), который отличался отъ простыхъ жрецовъ еще особеннымъ головнымъ уборомъ (похожимъ на кошака, въ родѣ доселѣ употребляемаго въ Беарнѣ) или вѣнкомъ изъ свѣжихъ дубовыхъ листьевъ, который онъ надѣвалъ, когда того требовала церемонія. Къ костюму главнаго жреца принадлежали еще башмаки, украшенные изображеніемъ пентаглы („Druden-fuss-колдуньяна нога“), длинная или короткая палка съ набалдашникомъ, въ родѣ скиптра, змѣиное яйцо, обдѣланное въ золото, и золотой серпъ для срѣзыванія священной омеги. Всѣмъ друидамъ предписывалось носить короткіе волосы и длинную бороду. Барды или священныя пѣвцы носили одежду темнаго цвѣта, и застежка ихъ плаща должна была быть деревянная. Кажется, и у священныхъ женщинъ, или друидессъ, одежда была темнаго цвѣта. По крайней мѣрѣ, при завоеваніи острова Моны (Anglesey), этого средоточія британскаго друидства, друидессы предстали передъ римскими воинами „закутанныя въ траурныя платья. Съ распущенными волосами, размахивая пылающими факелами, съ дикими воплями бѣжали онѣ по берегу, словно фурии, воспламеняя храбрость въ британскихъ воинахъ (Tac. Annal. XIV, 30).

Одежда германскихъ жрецовъ состояла, кажется, изъ холщевой рубашки, похожей на женское платье, и, стало быть, мало отличалась отъ одежды жриць. О первой упоминаетъ Тацитъ (Герм. 43), по поводу „Паганарваловъ“, о второй—Страбонъ (VII, 2), въ разсказѣ о Кимврахъ. „Женщины, которыя здѣсь также, какъ у Галловъ, стояли въ рядахъ воиновъ, то ободряя ихъ, то немедленно приносили плѣнныхъ въ жертву богу войны (?), были одѣты въ нижнюю одежду, подпоясанную мѣднымъ поясомъ, и холщевой плащъ, застегнутый на плечѣ пряжкой. Не смотря на то что всѣ онѣ были очень стары, онѣ ходили босикомъ, носили вѣнокъ на сѣдыхъ волосахъ, и въ рукѣ жертвенный мечъ (ср. Cäs. bell. gall. I, 50, 51. Plutarch. Cäs. Dio Cass. XXXVIII, 48).

¹ Подробности объ одеждѣ друидовъ, отчасти на основаніи позднѣйшихъ свидѣтельствъ, см. у С. Barth. Ueber die Druiden и т. д. р. 26, 32 sqq.—² Всѣ относящіеся сюда памятники, насколько мы знаемъ ихъ, римской работы или сдѣланы подъ непосредственнымъ вліяніемъ римскихъ художниковъ. Стало быть, они принадлежатъ сравнительно позднему времени. Это несомнѣнно относительно нашихъ изображеній на фиг. 228, с, d. Здѣсь мы видимъ, съ одной стороны, чисто венгерское платье (Schaube), столь любимое въ средніе вѣка, съ другой—капюшонъ у плаща (d) который, правда, (по Саммазіо и Казаубону; ср. M. Sach: Beiträge zur Sprach—und Alterthums forschung: Berlin. 1852, р. 135), употреблялся въ Галліи или Иллиріи и оттуда перешелъ къ Римлянамъ, но конечно не въ позднѣйшей формѣ, изображенной здѣсь.

Внѣшнее представительство свѣтской власти во всѣхъ ея степеняхъ ¹ обусловливалось у Бриттовъ, Галловъ и Германцевъ главнымъ образомъ дѣленіемъ народа на сословія. Сначала это дѣленіе было просто, какъ оно вообще бываетъ при патриархальномъ строѣ жизни, потомъ усложнилось вслѣдствіе завоеванія менѣе развитыхъ слоевъ населенія. Каждый изъ названныхъ народовъ былъ раздробленъ на безчисленное множество родовъ, которые однакожь всѣ признавали надъ собою власть одного общаго князя. Ближайшими къ князю были свободные или дворяне, за которыми уже слѣдовала остальная масса населенія въ качествѣ несвободныхъ или крѣпостныхъ. Дворяне, въ свою очередь, дѣлились также на нѣсколько разрядовъ по богатству и могуществу и вытекавшей отсюда большей или меньшей зависимости отъ верховной власти, избранной ими же изъ ихъ собственной среды. Поэтому они то сопротивлялись этой власти, какъ соперники, то служили ей добровольно или по принужденію, въ качествѣ дружины. Въ князья выбирались люди, отличавшіеся личной храбростью и воинской ловкостью. У Бриттовъ, при всей ихъ грубости, дозволялось и женщинамъ становиться во главѣ народа. У Галловъ, какъ мы уже видѣли, власть князей была ограничена друидами; но у Германцевъ князь пользовался безпредѣльнымъ уваженіемъ и довѣріемъ, какъ представитель и народа, и божества. Тамъ его могущество зависѣло только отъ положенія, здѣсь еще отъ нравственного достоинства лица. Тамъ толпа слѣдовала за нимъ изъ личнаго войнолюбія и подстрекаемая внѣшней опасностью, здѣсь она стояла за него съ непоколебимой вѣрностью, презирая самую смерть ². У Германцевъ общественныя дѣла рѣшались собраніемъ свободныхъ, подъ предсѣдательствомъ князя; у Галловъ рѣшающій голосъ принадлежалъ королю, бывшему впрочемъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ жрецовъ, и т. д. (ср. Caesar, bell. gall. III, 9; VI, 13 sqq.; VII, 32, 33. Tacit. Agric. 16; Annal. XIV, 35; Germ. 11, 12, 13, 14, 25).

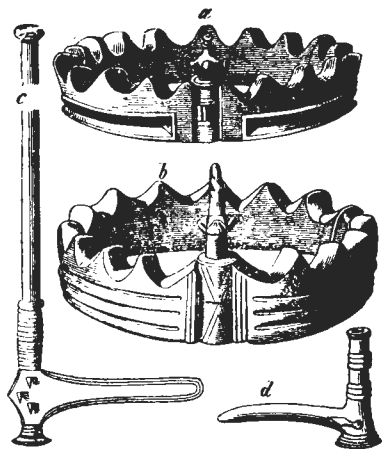
Такъ какъ сила и значеніе дворянства и особенно князя основывались у Галловъ и Бриттовъ лишь на владѣніи землей, людьми и проч., то внѣшнимъ признакомъ сановности у нихъ была только блестящая внѣшность лица и окружающей его дружины съ челядью. Кромѣ (упомянутаго выше) блестящаго наряда, которымъ послы и вожди старались отличаться отъ своихъ подчиненныхъ, они окружали себя возможно большимъ числомъ подручниковъ или вассаловъ, считая многочисленность сопровождающихъ лучшимъ мѣриломъ сана сопровождаемаго. Уже Цезарь замѣтилъ (bell. gall. VI. 15) что у Галловъ и Бриттовъ нѣтъ никакихъ другихъ важныхъ от-

¹ И для этого ср. вообще W. Wachsmuth: Allgemeine Culturgeschichte, I, 275 sqq. G. Klemm: Allgemeine Culturgeschichte, VIII, 38 sqq. Его же: Culturgeschichte des christlichen Europa, I, 40 sqq. A. Munch: Die nordisch-german. Völker, 1853, p. 165. Относительно Германцевъ особенно соответственные мѣста у J. Grimm'a: Deutsche Rechtsalterthümer, 2. Ausgabe. Göttingen, 1854.—² Объ этихъ отношеніяхъ ср. W. Hinrichs: Die Könige. Entwicklungsgeschichte des Königthums и т. д. Leipzig, 1852, p. 170 sqq. — Между прочимъ, сюда относится корона, найденная у Ксантена и срисованная у P. Houben: Denkmäler von Castra Vetera und Colonia Trajana и т. д. Xanten. 1839. Tab. XLVIII. Объ этомъ и о другихъ древностяхъ, причисляемыхъ сюда же, ср. примѣчанія В. Лиденшмита и т. д., помѣщенные у L'Abbé Cochet: La Normandie souterraine etc., p., 392 sqq., съ рисунками.

личій власти и сана (кромя свиты), и это замѣчаніе подтверждается тѣмъ, что до сихъ поръ ни во Франціи, ни въ Англіи не было найдено ни одной вещи изъ бронзоваго вѣка, которая бы давала поводъ предполагать противное. Не найдено ни одного головного убора, который напоминалъ бы корону или діадему. Нѣкоторыя кольца, часто вырываемыя какъ тамъ, такъ и въ Германіи, которыя принимали сначала за знаки власти, оказались теперь, при ближайшемъ изслѣдованіи, обыкновенными ручками отъ сосудовъ и ведеръ². Кажется даже одежда британскихъ королей ничѣмъ, кромѣ нарядности, не отличалась отъ одежды знатныхъ женщинъ. Вотъ какъ Dio Cassius (LXII, 2) описываетъ Боадіцею, происходившую изъ королевскаго рода, которая сама взяла мечъ чтобы освободить свой народъ отъ римскаго ига: „Она была крѣпкаго сложенія и высокаго роста, съ виду страшная. У нея былъ пронзительный взглядъ, громкій голосъ, длинные русые волосы, ниспадавшіе до пояса. На ней была только длинная нижняя одежда изъ темной клѣтчатоі матеріи, сверху военный плащъ, приколотый пряжкой, и большая, тяжелая золотая цѣпь на шеѣ“.

У Германцевъ, одежда князей или народныхъ вождей первоначально мало разнилась отъ одежды вообще всѣхъ свободныхъ (главнымъ внѣшнимъ отличіемъ которыхъ отъ несвободныхъ (рабовъ и крѣпостныхъ) были длинные волосы, которые они носили распущенными). Но впоследствии (впрочемъ врядъ ли еще въ описываемую эпоху)¹, когда королевскій титулъ потребовалъ и соотвѣтствующей ему болѣе блестящей обстановки, внѣшними атри-

Фиг. 229.

бутами королевскаго сана явились—мантія, корона или вѣнецъ и скипетръ. Вещи этого рода, то бронзовыя, то мѣдныя, часто находили въ германскихъ могилахъ (фиг. 229, a—d), только не могли до сихъ поръ съ точностью опредѣлить времени, къ которому онѣ относятся². Скипетры или „начальническіе жезлы“ (фиг. 229, c, d), въ формѣ топора или сѣкиры, по большей части пусты внутри; стало быть они не могли служить оружіемъ. Короны попадаются массивныя, сдѣланныя изъ мѣди. Сюда же, быть можетъ, относятся діадемы, изображенныя выше (фиг. 227), какъ принадлежность княгини. Впрочемъ, какъ мы знаемъ, на Востока, напримѣръ у древнихъ Ассирійцевъ и др., этотъ уборъ носили и савонники.

¹ J. Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, p. 241.—² Cp. G. Klemm: Handbuch der germanischen Alterthumskunde, p. 207 sqq.—Его же: Kulturgeschichte des christlichen Europa, I, 42 (Note).—T. Lisch (Jahrbücher des Vereins für mecklenburg. Geschichte и т. д. X, p. 272) относитъ одну изъ коронъ къ началу бронзоваго вѣка, (именно Admanshagen'скую, изображенную у насъ на фиг. 229, b). Cp. тамъ же, XIV, 315.

О р у ж і е.

Германскіе князья окружали себя возможно многочисленной дружиной. Она состояла изъ знатной молодежи, способной носить оружіе, и была постоянно вооружена. Извѣстно, что галльскіе и британскіе Кельты, а въ особенности Германцы, считали право носить оружіе существеннымъ признакомъ и лучшимъ украшеніемъ свободнаго человѣка.

Вооруженіе Бриттовъ, которое Мела (III, 6) называетъ (конечно въ общемъ смыслѣ) „кельтскимъ“, было различно, смотря по степени развитія племенъ. По точнымъ свѣдѣніямъ, оно состояло главнымъ образомъ изъ большаго остроконечнаго меча, небольшого ручнаго щита, короткаго копья съ мѣднымъ шарикомъ на тупомъ концѣ, для усиленія удара ¹, и ножа или кинжала. У нихъ не было никакого оборонительнаго вооруженія, ни шлема, ни нагрудниковъ (Tacit. Agric. 36. Dio Cass. LXII, 12, LXXVI, 12. Herodian. III, 14).

Таково же было, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, (Mela III, 6. Plin. hist. nat. XVII, 4. XXX, 3) и галльское вооруженіе (называемое также и кельтскимъ). По другимъ даннымъ оказывается однакожь, что хотя оба вооруженія были дѣйствительно почти одинаковы, но галльское было гораздо полнѣе британскаго. Діодоръ (V, 29, 20) и Цезарь (bell. gall. VII, 31) заставляютъ предполагать, что покрайней мѣрѣ вооруженіе знатныхъ Галловъ, какъ наступательное такъ и оборонительное, было очень полно. Такимъ образомъ, мнѣніе нѣкоторыхъ объ одинаковости британскаго и галльскаго способа вооруженія можетъ быть справедливо только вообще. По Діодору, галльскіе воины носили большіе пестро росписанные щиты, въ ростъ человѣка вышиною, мѣдные шлемы и нагрудники. Нагрудники состояли изъ металлическихъ, отчасти желѣзныхъ, полосъ, укрѣпленныхъ вѣроятно на кожаной подкладкѣ (совершенно по восточному); точно также и шлемы (какъ это подтвердилось и найденными въ могилахъ шлемами) ² были кожаные, обитые металлическими полосами съ украшеніями въ видѣ роговъ, птицъ и четвероногихъ животныхъ. Въ нападательномъ оружіи первое мѣсто, на ряду съ метательнымъ—дротикомъ и пращю, занималъ лукъ со стрѣлами,—новое указаніе на азіатскую родину этого народа (Cäsar: bell. gall. VII, 31). Сюда же относится особенный родъ метательныхъ стрѣлъ, которыя бросались во врага частью просто рукой, какъ дротикъ, частью посредствомъ прикрѣпленнаго къ нимъ ремня. Первые назывались *mataris*, вторыя—*cateja*. У послѣднихъ, точно также какъ и у британскихъ дротиковъ, тупой конецъ древка оканчивался, металлическимъ яблокомъ, которое, какъ и все древко, было усажено металлическими шипками: передъ тѣмъ какъ бросать дротикъ, яблоко обыкновенно раскалывали на огнѣ. ³

¹ Таково, безъ сомнѣнія, настоящее назначеніе шарика, а не произведеніе шума чтобы устрашать врага, какъ полагали до сихъ поръ.—² L'Abbé Cochet: La Normandie souterraine. Sec. edit., 18 sqq., 393 sqq. Cp. A. Worsaae: Afbildninger, 34, Fig. 148.—

³ Cp. Объ этомъ оружіи: C. v. Minutoli: Notiz über den am 24 Okt. 1831 im sogenannten Hause des Fauns zu Pompeji aufgefundenen Mosaikfussboden. Berlin. 1835. S. 10 sqq.

(Это оружіе, было вѣроятно также азіатскаго происхожденія и быть можетъ, соотвѣствовало дротику, о которомъ мы упоминали, говоря о персидскомъ оружіи: фиг. 149, f). Остальное оружіе состояло изъ длиннаго, но весьма тонкаго и гибкаго меча, который носили съ правой стороны (опять какъ у Персовъ); далѣе, изъ маленькаго ножа въ родѣ кинжала, и т. под. Сверхъ того, для боевыхъ сигналовъ у Галловъ были трубы грубаго тона изъ кожи или, что вѣроятнѣе, металлическія. (Cäsar, V, 31. Diod. V, 29, 30. Strab. IV, 4. Livius, XXI, 28; XXII, 46; XXXVIII, 21).

Въ сравненіи съ этимъ столь выработаннымъ вооруженіемъ главныхъ галльскихъ племенъ, вооруженіе Германцевъ оказывается крайне простымъ, если даже взять его и во время ихъ близкаго знакомства съ римскимъ военнымъ дѣломъ, уже развитымъ всесторонне ¹. За исключеніемъ нѣкоторыхъ германо-бельгійскихъ да тѣхъ племенъ, которыя долго находились въ сношеніяхъ съ Галлами и Римлянами и отчасти заимствовали у нихъ вооруженіе (Tacit. hist. IV, 12, 29, 61. Dio Cass. LV, 24. Strab. IV, 4), остальная часть народа знала изъ оборонительнаго оружія одинъ щитъ, изъ нападнаго же вообще весьма мало. Шлемомъ и панциремъ пользовались, даже въ позднѣйшее время, только главные вожди. Вѣроятно они были обязаны этимъ частью военной добычѣ, частью мѣнковой торговлѣ съ сосѣдними народами.

Тацитъ (Germ. 6), заключая по вооруженію Германцевъ, что у нихъ мало желѣза, особенно указываетъ на фрамей, какъ на ихъ любимое оружіе. Фрамей были особаго рода дротики, съ короткимъ и узкимъ но весьма острымъ, желѣзнымъ наконечникомъ. Германцы одинаково ловко и удачно употребляли ихъ какъ въ близкомъ, такъ и въ далекомъ бою. „Лишь немногіе—замѣчаетъ Тацитъ—сражаются мечами или большими копьями и даже всадники довольствуются щитомъ и фрамеей. Напротивъ того, пѣшіе снабжены и метательнымъ оружіемъ, которое они бросаютъ съ невѣроятною ловкостью. Имъ неизвѣстны никакія воинскія украшенія; одни только ихъ лишныя щиты (изъ дощечекъ или плетенныхъ прутьевъ, вообще не очень прочныя) ² размазаны самыми яркими красками. У немногихъ надѣтъ нагрудникъ и рѣдко у кого защищена голова“.—Это вооруженіе, общее всѣмъ Германскимъ племенамъ въ древніе времена, представляло у иныхъ племенъ нѣкоторыя особенности: напр. у Гаріевъ щиты были черныя (Tacit. Germ. 43). Кромѣ того, отчасти письменныя свидѣтельства, отчасти раскопки могилъ, показываютъ, что кромѣ перечисленнаго выше оружія, употреблялись еще—каменные, бронзовые и желѣзные палицы, очень длинныя и тяжелыя конья, боевыя сѣкиры или топоры ножи разной величины и, какъ кажется, даже лукъ и стрѣлы (ср. Tacit. Annal. I, 64; II, 14, 21; Histor. IV, 17 sqq. Dio Cass. XXXVIII, 49. Florus, IV, 12. Ammian. XXII, 8).

¹ Между прочимъ, см. A. Munk: Die nordisch-germanischen Völker. 1853. S. 248.—

² Tacitus: Annal. II, 14. Cäsar: bell. gall. II, 33.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію каменныхъ древностей ¹, которыя, подобно украшеніямъ, были найдены (какъ уже не разъ замѣчено нами) въ Италіи, на западѣ, сѣверѣ и внутри Европы, и поразительно схожи между собой по матеріалу, формѣ и отдѣлкѣ. Прежде всего наше вниманіе привлекаютъ каменные орудія и утварь. Они относятся къ древнѣйшей эпохѣ и свидѣлствуютъ, какъ о техническомъ развитіи, такъ и о способѣ вооруженія даже до-кельтскаго населенія; болѣе совершенныя изъ нихъ, а потому позднѣйшія, доказываютъ сверхъ того, что Кельты и Германцы употребляли каменные орудія еще долго послѣ того какъ уже познакомились и освоились съ орудіями бронзовыми и даже желѣзными ². Прибавимъ къ этому, что первоначальныя формы каменныхъ орудій, обусловленныя въ извѣстной мѣрѣ свойствами матеріала, имѣли вліяніе на формообразование бронзовыхъ орудій, и обратно—формы бронзовыхъ орудій отразились на формахъ каменныхъ, принадлежащихъ бронзовому вѣку ³.

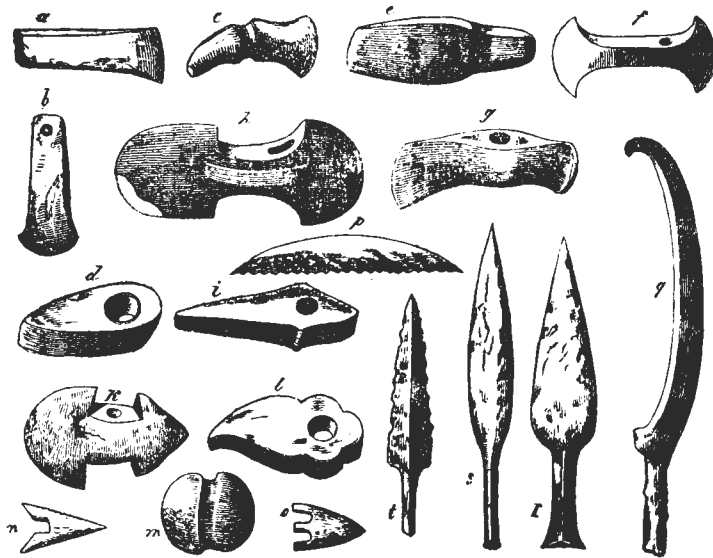
Наибольшая часть предметовъ каменнаго вѣка сдѣлана изъ легко и всегда острымъ изломомъ ломающагося кремня, рѣже—изъ траппа, кремнистаго сланца, зеленаго камня и т. под. ⁴ По назначенію, они распадаются на ударныя и метательныя снаряды; по формѣ—на орудія въ родѣ рѣзцовъ, сѣкирь, молотовъ и кинжаловъ; въ числѣ ихъ находятся также каменные ядра, какъ метательный снарядъ и весьма затѣйливо обточенные кремни, имѣющіе видъ ножей, пилъ, и т. п. Во всей массѣ этихъ предметовъ, главную роль, по количеству, играютъ ударныя орудія, въ особенности сѣкира или боевой топоръ, который былъ повидимому наиболѣе распространеннымъ оружіемъ въ то отдаленное время.

Основная форма вѣхъ топоровъ и сѣкирь — рѣзецъ или долото, съ прямымъ или округленнымъ остриемъ, плоское (фиг. 230, а, b) или клинообразное (фиг. 230, е). Изъ него выработался топоръ такимъ образомъ: рѣзецъ или клинъ вставляли въ разщепленное древко и укрѣпляли веревками или ремнемъ (фиг. 230, с, е; ср. фиг. 6, b, фиг. 8, фиг. 16, а), какъ это и теперь еще дѣлаютъ дикари; или съ большимъ трудомъ просверливали самый камень и насаживали его на рукоятку, какъ обыкновенно насаживается топоръ на топорницѣ. Этотъ послѣдній способъ былъ уже значительнымъ шагомъ впередъ и повелъ къ усовершенствованію формы самыхъ клинковъ. Рядомъ съ простыми кремневыми клинками, доставляемыми са-

¹ Кромѣ многихъ указаній о нахожденіи, формѣ, употребленіи и т. д. каменнаго оружія, собранныхъ въ трудахъ, упомянутыхъ на 33—34 стр., см. особенно для частныхъ сравнительныхъ данныхъ у А. Worsaae: *Afbildninger og G. Klemm: Werkzeuge und Waffen*. Lpz. 1854. — ² Rosenberg (S. d. Nat., S. 640) справедливо указываетъ на ложность мнѣнія, будто каменное оружіе и утварь предназначались только для жертвоприношеній и символическихъ обрядовъ. Это мнѣніе повторялось не разъ. См. E. Kirchner: *Thors Donnerkeil und die steinernen Opfergeräthe des nordgermanischen Heidenthums* и т. д. Neu-Strelitz, 1853. — ³ О каменныхъ топорахъ бронзоваго вѣка ср. А. Worsaae: *Afbildninger*. S. 21 sqq. Fig. 74—80. — ⁴ Поучительный обзоръ древностей исключительно каменнаго вѣка находится въ сочиненіи адвоката Rosenberg: *Baltische Studien, herausgegeben von der Gesellsch. für Pommersche Geschichte und Alterthums-kunde*. Jahrg. XVI, Heft. I. Stettin. 1856, S. 32. Хотя этотъ обзоръ касается только раскопокъ на о. Рюгенъ, тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ и общее значеніе, ибо эти предметы повсюду одинаковы.

мою природою (фиг. 230, d) появились обдѣланные кремневые топоры, простые и двойные, молоты и боевыя сѣкиры. По формѣ и величинѣ, эти вещи крайне разнообразны (фиг. 230 f, g, h, i, l). Встрѣчаются и столь маленькія (фиг. 230, k), что, имѣя въ виду символическое значеніе молота у Германцевъ, должно принять ихъ лишь за намекъ на оружіе, (*simulacra armozum*), если только это не дѣтскія игрушки (?).—Нѣкоторыя изъ вещей

Фиг. 230.

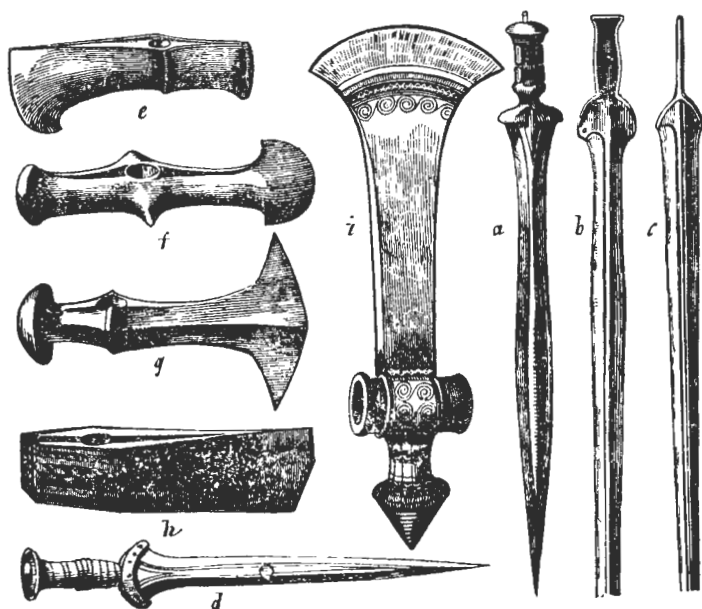

похожихъ на рѣзцы, хотя и просверленные (фиг. 230, b), очевидно служили не оружіемъ, а ремесленнымъ инструментомъ: ихъ носили на шнуркѣ, чтобы не потерять. Къ числу такихъ же инструментовъ принадлежитъ множество пожей, иногда выгнутыхъ какъ серпъ (фиг. 230, q), и кремневыхъ пилъ (фиг. 230, r). А кремневые рѣзцы въ видѣ ланцетовъ или наконечниковъ копій, самой разнообразной величины, часто находимые цѣлыми кучами, употреблялись какъ наконечники острога, пикъ и стрѣлъ (ср. фиг. 230, g, s, t, и o, n).—Наконечъ, упомянемъ о метательныхъ шарахъ, которыхъ не должно смѣшивать съ плоскими и просверленными кружками изъ глины или камня, употреблявшимися, какъ полагаютъ, для веретенъ. Это—иногда простые, почти вовсе неотесанные булыжники, иногда же болѣе тщательно обдѣланные шары, то съ однимъ ободкомъ, то съ двумя, перекрещивающимися другъ съ другомъ (фиг. 230, m). Первыми вѣроятно кидались прямо изъ руки, а вторые бросали посредствомъ прикрѣпленнаго къ нимъ ремешка.

Открытое доселѣ каменное и бронзовое оружіе бронзоваго вѣка представляетъ такое разнообразіе формъ, о которыхъ не могло и думать населеніе, умѣвшее обдѣлывать одинъ камень. Для этого былъ необходимъ болѣе податливый матеріалъ—именно мѣдь, введенная Кельтами, которую можно было и плавить, и ковать. Овладевъ ею, познакомившись съ ея обработкой, уже можно было свободнѣе распоряжаться и камнемъ.

И здѣсь на первомъ планѣ тотъ же топоръ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Если онъ каменный (фиг. 231, e, f, g), то онъ уже рѣдко походитъ на простой клинъ, а чаще всего ему дается видъ удлиненной (отъ 4 до 6 дюймовъ), заканчивающейся молоткомъ сѣкиры—слѣдовательно довольно отчетливо подражающій металлическому топору. Этотъ же послѣдній яв-

Фиг. 231.

ляется теперь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, отъ клинообразной (фиг. 231, h), еще близко примыкающей къ основной и первоначальной каменной формѣ этого оружія, до формы узкой и длинной (отъ 10 до 15 дюймовъ) сѣкиры съ болѣе или менѣе округленнымъ лезвіемъ и, въ этомъ случаѣ, обыкновенно съ украшеніями (фиг. 231, i).

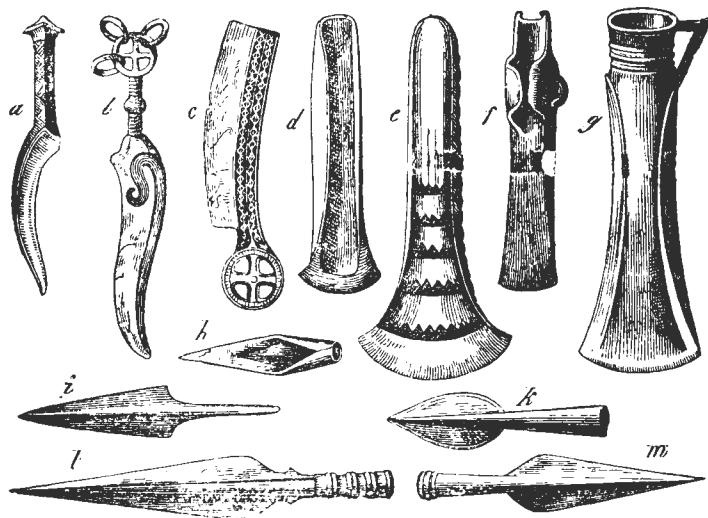
За топоромъ слѣдуетъ столь же тщательно выдѣланный мечъ,—оружіе, впервые появляющееся съ бронзового періода. Длина большихъ мечей—отъ 2 до 3 футовъ; малыхъ—отъ фута до 6 и даже 4 дюймовъ, такъ что они скорѣе походятъ на кинжалы, чѣмъ на мечи. Какъ тѣ такъ и другіе составлены изъ клинка и рукояти безъ эфеса; клинки, за немногими исключеніями, имѣютъ форму ланцета, довольно плоски, но съ утолщеніемъ посрединѣ во всю длину клинка (фиг. 231, a, b, c). Ширина ихъ соразмѣрна ихъ длинѣ. Съ рукоятю они соединены различнымъ образомъ: одни посредствомъ длиннаго и плоскаго шипа идущаго отъ нихъ внутрь рукояти (фиг. 231, c.), другіе просто гвоздями, сначала только двумя, а позднѣе четырьмя и болѣе (фиг. 231, b). Рукоять, обыкновенно просто деревянную или обвитую кожей, обкладывали металлическими шипками и бляхами или обвивали проволокой, что служило и къ ея укрѣпленію, и къ украшенію. Сверхъ того, на нее насаживали круглый или четырехугольный набалдашникъ, столь же затѣйливо

разукрашенный ¹. Тоже должно сказать о кинжалахъ, которые, какъ мы говорили, можно считать маленькими мечами (фиг. 231, d). Ножны дѣлались изъ дерева или кожи ².

Кромѣ прямыхъ мечей и кинжаловъ встрѣчается еще кривое оружіе, разнообразныя формы котораго заставляютъ впрочемъ предполагать, что оно служило вмѣстѣ и орудіемъ при различныхъ рукодѣліяхъ (фиг. 232, a, c). Величина этихъ орудій не превышаетъ 9 дюймовъ; рукояти очень затѣйливо облѣпаны въ видѣ спиралей, рубчатыхъ столбиковъ и даже человѣческихъ фигуръ ³.

Къ остаткамъ ударнаго и метательнаго оружія этой эпохи, находимымъ въ громадномъ количествѣ, принадлежатъ прежде всего бронзовые наконечники копій и стрѣлъ. Величина ихъ очень различна; преобладающая форма ланцетовидная; рѣже встрѣчаются трехгранныя и зазубренные нако-

Фиг. 232.

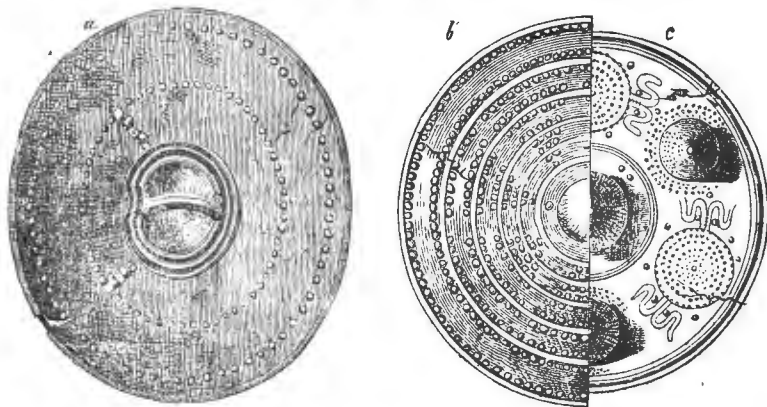

нечники. Одни снабжены трубкою, куда вставлялось древко (фиг. 232, k, l, m), другіе только шиномъ, который въ него всаживался (фиг. 232, i), третьи, именно наконечники стрѣлъ, просто загнуты съ тупаго конца и держались загибомъ (фиг. 232, h). Сюда же относятся особаго рода клинки, назначеніе которыхъ впрочемъ доселѣ темно. Ихъ находятъ въ значительномъ количествѣ вездѣ, гдѣ жили Кельты. Одни изъ нихъ похожи на массивное круглое долото, съ тупаго конца сточенное плоско для всаживанія въ древко (фиг. 232, d, e, f); другіе на плоское долото съ трубкою для древка, снабженною ушкомъ (фиг. 232, g). Первые названы „якорями“ (Paalstäbe), вто-

¹ Нѣкоторые набалдашники совершенно схожи съ двойными завитками, которые такъ часто употреблялись для этого древними Ассирійцами (фиг. 127, h); A. Worsaae: p. 26, Fig. 91—94. — ² A. Worsaae: Afbildninger, p. 26, fig. 95 sqq. — ³ A. Worsaae: Afbildninger, p. 29, Fig. 120.

рые—„цельтами.“ (Celte, celts) Многие принимали (и принимаютъ) ихъ за германскія „фрамеи“ (стр. 64) или, скорѣе, кельто-германское метательное оружіе въ родѣ дротика; но другіе изслѣдователи склоняются нынѣ къ мнѣнію, что это вовсе не оружіе, а орудіе для раскалыванія и ломанія ¹.

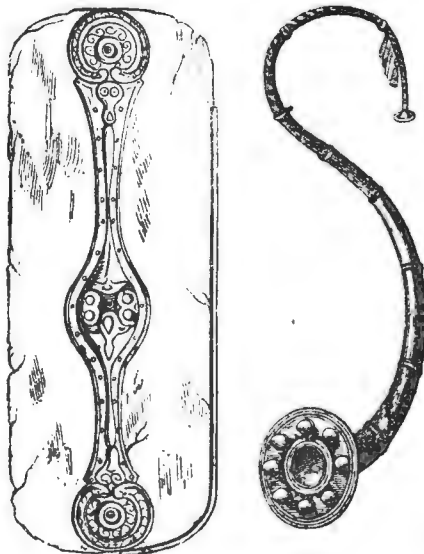
Фиг. 233.

Изъ оборонительнаго оружія прежде всего должно упомянуть о бронзовыхъ щитахъ. Они обыкновенно круглыя, какъ у Азіатцевъ (фиг. 233, а, b, c); лишь изрѣдка, въ видѣ исключенія, встрѣчается, напримѣръ въ Англіи, форма длиннаго четырехугольника, съ бронзовою фигурною накладкою (фиг. 234). Цѣльные бронзовые шлемы попадаются довольно рѣдко, но всегда той формы, какую имѣютъ шлемы кавказскихъ горцевъ ². Еще менѣе было найдено остатковъ нагрудниковъ; подобно древнеассирійскимъ, они были сдѣланы изъ кожи съ бронзовою оковкой ³. Зато въ германскихъ земляхъ были не разъ находимы литыя изъ бронзы, очень красиво выгнутыя трубы (фиг. 235). Судя по формѣ ихъ изгиба, онѣ должны были проходить подъ лѣвою рукою трубача назадъ, огибать ему спину и выходить широкимъ устьемъ опять

Фиг. 234.

Фиг. 235.

¹ См. K. Weinhold: *Altnordisches Leben*, p. 19 sqq., гдѣ встрѣчаются и другія свѣдѣнія объ этомъ.—² См. G. Klemm: *Kulturgeschichte des christlichen Europa*, I, 52 (Note).—K. Weinhold: *Altnordisches Leben*, p. 19, not. 3, и выше. стр. 27.—³ F. Lisch: *Jahrbücher des Vereins für mecklenburg. Geschichte und Alterthumskunde*, IX, таблица въ концѣ тома: *Kegelgrab von Peccatel bei Schwerin*, Fig. 8 съ похоробностями. Выше изображенныя (фиг. 227, h, p, q) спирали и т. под. принимали за наручи.

напередъ у его правого бедра, такъ что онъ могъ очень удобно поддерживать свою трубу и правую рукою ¹.

Остатковъ желѣзнаго оружія, относящагося къ началу желѣзнаго вѣка, дошло до насъ сравнительно мало, ибо оно легко разрушается отъ ржавчины. Всѣ что было до сихъ поръ найдено, преимущественно въ Англіи и Франціи, сводится къ нѣсколькимъ штукамъ прямыхъ и кривыхъ клинковъ, трубчатыхъ наконечниковъ копій, довольно неуклюже обдѣланныхъ топоровъ и т. п. ²

Военное устройство.

Способъ веденія войны у Бриттовъ, Галловъ и Германцевъ основывался преимущественно на храбрости отдѣльныхъ воиновъ, а не на совокупномъ дѣйствіи ихъ въ массѣ по извѣстнымъ правиламъ какой нибудь тактики. Какъ только наступала опасность отъ вышшняго врага, собирались отдѣльные племена вокругъ своихъ вождей и подъ ихъ предводительствомъ, или подъ начальствомъ избраннаго всѣми полководца, дрались за общее дѣло хитро и рѣшительно, презирая смерть. Главную массу рати составляла кажется пѣхота; но были также и конные ратники, а у Кельтовъ (совершенно по азіатски) и большое число военныхъ колесницъ. Даже и войско грубыхъ Бриттовъ, сражавшееся подъ предводительствомъ королевы „Bunduica“ въ числѣ 320000 (?) человекъ заключало въ себѣ всѣ эти три рода воиновъ (Dio Cass. LXII, 8. Cäs. bell. gall. V, 15. Tacit. Agric. c. 12). У Галловъ, быть можетъ, конниковъ было больше чѣмъ пѣхоты (Cäs. bell. gall. VII, 31. Tacit. Histor. IV, 12. Strab. IV, 4). Къ тому же ихъ войско значительно превосходило британское численностью. При Цезарѣ (bell. gall. II, 4) одна Belgica могла выставить въ поле 307.000 бойцевъ; а у Верцингеторикса, который еще не успѣлъ собрать всѣхъ своихъ, было 249.000 человекъ (Cäsar, bell. gall. VII, 75). Но у Германцевъ главную часть войска составляла несомнѣнно пѣхота (Tacit. Germ. c. b). Въ битвѣ Германцы строились клинообразно, при чемъ раздѣлялись, по семьямъ и родамъ, на отряды, каждый съ своимъ знаменемъ — „изображеніемъ и священнымъ знакомъ“ (Cäs. bell. gall. I, 48; IV, 2. Tacit. Germ. 6, 7, 30, 31; Histor. IV, 22, 23). И у Галловъ, и у Германцевъ былъ обычай начинать битву стремительно, съ пѣснями и звономъ оружія (Cäs. bell. gall. II, 19. Tacit. Germ. c. 3; Histor. II, 22; Annal. IV, 47. Livius, X, 23. Dio Cass. LXII, 12); но первые скоро слабѣли и уступали, а вторые напротивъ были особенно стойки и неукротимы. Сверхъ того, Галлы выказывали истинно скискую жестокость и варварство. Они привѣшивали головы убитыхъ враговъ къ шеямъ своихъ лошадей. Головы знатныхъ враговъ они даже сохраняли, какъ знакъ побѣды, а головы простыхъ воиновъ прибавляли къ дверямъ своихъ домовъ (Diod. V, 29, Strab. IV, 4).—Потеря оружія у всѣхъ счи-

¹ F. Lisch: Jahrbücher и т. д., XX, 293. —² Кромѣ множества рисунковъ, разбросанныхъ въ выше упомянутыхъ сочиненіяхъ (стр. 33—34), см. у L'Abbé Cochet: La Normandie souterraine etc. и Memoirs illustrative of the History etc. of the Country of Lincoln, p. XXX, XXXII sqq. — P. Houben: Denkmäler von Castra vetera и т. д., Tab. XLVI sqq.

талась позоромъ, а для Германца она была крайнимъ безчестіемъ. Геройски пасть въ битвѣ, умереть на своемъ щитѣ—вотъ что было, въ его глазахъ, высшею славой, истинною цѣлью жизни.

Постройки. ¹

Долго пришлось, можетъ быть, кочующимъ толпамъ Кельтовъ побродить по Европѣ и побиться съ прежнимъ ея населеніемъ, пока не достигли онѣ той степени оскѣлости, безъ которой немыслима даже ничтожная строительная дѣятельность. Въ Германіи (если только онѣ когда-нибудь жили здѣсь оскѣло) онѣ, какъ видно вообще не дошли до этого ². Только когда улеглось великое движеніе германскихъ племенъ и Кельты, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые ихъ вѣтви, оскѣлись на доставшихся имъ сравнительно ограниченныхъ мѣстностяхъ (въ Галліи и Британіи), а Германцы освоились съ занятою ими страной и прикрѣпились къ почвѣ земледѣліемъ (которымъ они стали заниматься наряду съ охотой и скотоводствомъ), только тогда явилась у тѣхъ и у другихъ потребность въ постоянныхъ жилищахъ, какъ охранѣ имущества, и дала первый толчокъ къ возникновенію у нихъ строительства. По привычки кочевой жизни, и связанное съ нею стремленіе довольствоваться небольшимъ, легко перемѣщаемымъ жилищемъ, шалашомъ или палаткой, сначала долго замедляли его развитіе. Даже и послѣ того какъ, благодаря римскимъ колоніямъ, Галлы, Бритты и Германцы, получили возможность основательнѣе ознакомиться съ римскими постройками, когда подлѣ нихъ и въ ихъ собственныхъ земляхъ появилось множество храмовъ, дворцовъ и роскошныхъ зданій, — они все-таки продолжали строить себѣ жалкія хижины для жилья и отмѣчать мѣста поклоненія и могилы умершихъ, вмѣсто всякихъ памятниковъ, простыми, большею частью необдѣланными камнями, замѣчательными только своей громадностью.

Городовъ, въ собственномъ (римскомъ) смыслѣ, Цезарь не встрѣчалъ ни въ Галліи, ни въ Британіи. А Германцы даже при Тацитѣ жили въ разсыпную и лишь изрѣдка попадались у нихъ открытыя поселенія, похожія

¹ Кромѣ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, помѣщенныхъ въ трудахъ, упомянутыхъ выше (стр. 33—34), см. особенно наглядное сопоставленіе кельтскихъ памятниковъ у J. Oudin *Archéologie chrétienne, religieuse, civile et militaire* etc. 3 edit. Bruxelles. 1847, p. 62 sqq., съ атласомъ. — J. Gailhabaud: *Denkmäler der Baukunst*. Hamb. 1852. I, 9 sqq. (тутъ дальнѣйшія указанія на литературу). A. Dulaure: *Des cités, des lieux d'habitation, des forteresses des Gaulois* etc. въ *Mémoires de la société des antiquaires de France*, II, 82. — Вообще: F. Kugler: *Handbuch der Kunstgeschichte* (2 Aufl.) Stuttgart. 1848, p. 5 sqq. — Въ частности—F. Mosch: *Die alten heidnischen Opferstätten und Steinalterthümer des Riesengebietes*. Görlitz. 1855. — Для крайняго сѣвера мѣстами у H. Sjöborg: *Samlinger för Nordens Fornälskare innehallande Inskrifter, Figurer, Ruiner, Verktyg, Hågar och Stensättningar i Sverige och Norrige*, med Plancher. 3 Thle Stockholm. 1822—1830. — ² Распространеніе «друидическихъ» (слѣдовательно, кельтскихъ) каменныхъ памятниковъ можно прослѣдить по всей Британіи и Галліи, а въ Германіи по Дунаю до Ульма, потомъ вдоль Балтики и въ бассейнѣ Эльбы. См. Ch. Keferstein: *Ansichten über die keltischen Alterthümer* и т. д. 1846. I, въ вышеуказанномъ мѣстѣ.

на деревни (Tacit. Germ. 15, 16). Еще болѣе первобытно жили обитатели сѣверной Британіи. Лѣса да болота были ихъ единственными убѣжищами. Даже позднѣе они вели кочующую пастушескую жизнь, какъ „бродячіе разбойники“, только при нападѣніи врага укрѣпляя свои притоны простыми застѣками и банавами (Cäs. bell. gall. V, 21. Dio Cass. LXXVI, 12. Ammian. XXVII, 8—). Кажется, не лучше было и у болѣе образованныхъ племенъ на югѣ острова. И они жили большею частью кочевниками. Намѣреваясь подольше остановиться гдѣ нибудь, они выбирали просторное круглое мѣсто, обносили его частоколомъ и строили для себя и для своего скота ничтожныя клѣтшки (Strab. IV, 5). — Впослѣдствіи, и вѣроятно довольно рано, изъ такихъ становищъ образовались постоянныя мѣстожительства. Къ древнѣйшимъ изъ нихъ относится Londinium (Лондонъ). Онъ былъ резиденціей британскаго князька, Кассивеллауна и уже славился при Тацитѣ, какъ цвѣтущее и весьма торговое поселеніе (Cäs. bell. gall. V, 21. Tacit. Annal. XIV, 33). Однакожъ онъ былъ безъ труда взятъ Римлянами, а потомъ такъ же легко былъ отвоеванъ у нихъ, вмѣстѣ съ другими поселеніями, британскимъ войскомъ, подъ начальствомъ „Бюдицеи“ (Bunduica), (Tacit. Agric. 16. Ср. Dio Cass. LXII, 7 sqq.) Слѣдовательно надобно полагать, что укрѣпленія его были слабы (они состояли преимущественно изъ частокола и рвовъ). — Северъ и Адрианъ оградилъ римско-британскія провинціи отъ нападѣній сѣверныхъ племенъ сильными пограничными валами и стѣнами простиравшимися на весьма большомъ протяженіи (Herodian. III, 14. Dio Cass. LXXVI, 12. Eutrop. VIII, 19).¹

Точно также образовались города у Галловъ. И у нихъ Цезарь видѣлъ только открытыя деревни, состоявшія изъ разбросанныхъ хижинъ (vicus), да укрѣпленныя мѣста (oppida), устроенныя съ военной цѣлью². Древнѣйшими поселеніями считались Avaricum и Vienna (Cäs. bell. gall. VII, 9, 15). Последняя была столицей Аллоброговъ и подъ римскимъ господствомъ скоро превратилась изъ бѣднаго мѣстечка въ одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ нарбонской Галліи—Narbonensis (Tacit. Hist. I, 66. Mel. II, 15 Ammian. XV, 11).

Тацитъ (Germ. 16) считаетъ „всѣмъ извѣстнымъ“, „что у Германцевъ нѣтъ городовъ“. По его свидѣтельству, они строили деревни не по-римски, т. е. не связными рядами домовъ: каждый жилъ отдѣльно, самъ по себѣ. Таковъ былъ общій обычай. Исключеніе составляли только племена близъ Рейна, переселившіяся изъ Галліи, и именно белго-германскіе народцы. Адуатуки, Убіи и др. уже при Цезарѣ жили въ хорошо укрѣпленныхъ поселеніяхъ (Cäs. bell. gall. II, 29; VI, 10). Даже Тацитъ (Histor. V, 19) говоритъ о городѣ Батавовъ и о германскихъ крѣпостцахъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ. Это были вѣроятно деревни окруженныя тыномъ. У Белговъ укрѣпленію поселеній помогали окружавшіе ихъ лѣса и болота. — Замѣчаніе Плинія (Hist. natur. XXXVI, 22), что въ этой провинціи добываютъ камень, который цѣляютъ пилой и распиливаютъ на кирпичи, указыва-

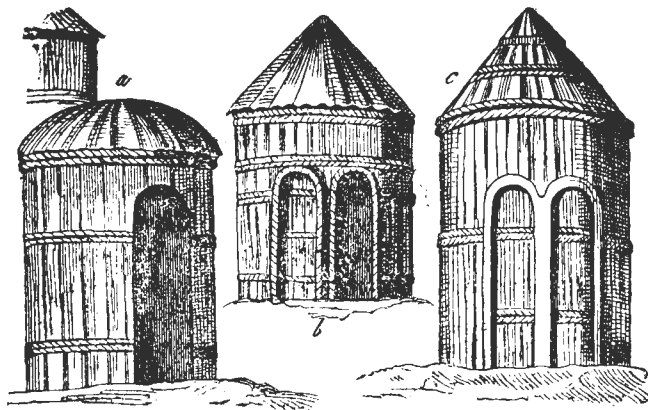
¹ По словамъ Евтропія (I с.), пограничный валъ, устроенный Северомъ между двумя морями, поперекъ всего острова, былъ длиною въ 32000 шаговъ.—² A. Dulaige, см. выше.

еть, повидимому, на то, что уже въ его время начали тамъ употреблять камень для построекъ, паряду съ деревомъ.

Ж и л и щ а.

Первоначальныя жилища кельтскихъ и германскихъ племенъ строились, кажется, на подобіе шатровъ. ¹ По Страбону (IV, 4) дома Кельтовъ были просторны, построены изъ досокъ и плетя и съ высокими куполообразными крышами. Дома Германцевъ строились изъ того же матеріала, какъ и у Кельтовъ (Tacit. Germ. 16) и, подобно жилищамъ всѣхъ сѣверныхъ варваровъ, были одноэтажны и только съ однимъ отверстіемъ для входа (Vitruv. I, 1.). Крыли ихъ, еще и въ позднѣйшее время, или лубкомъ, или мхомъ и камышомъ (Plin. Histor. natur. XVI. 36). Вѣроятно въ нихъ устраивали помѣщенія и для скота (Tacit. Germ. с. 20); но запасы хлѣба и другихъ припасовъ хранили въ ямахъ, которыя вырывали вблизи жилища и для безопасности отъ воровъ и морозовъ закидывали навозомъ (Tacit. Germ. 16.). (Открытыя въ Мекленбургѣ тщательныо вырытыя ямы, которыя были названы предположительно „первобытными жилищами“, слѣдуетъ можетъ быть признать за остатки такихъ подземныхъ кладовыхъ). ² Что касается наружнаго вида германскихъ домовъ, то мы имѣемъ довольно вѣрныя изображенія его частію на римскихъ памятникахъ (фиг. 236. а. b. c), частію въ формѣ

Фиг. 236.

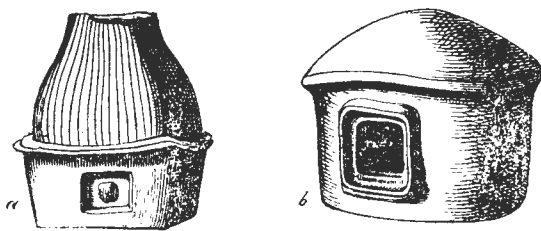

германскихъ могильныхъ сосудовъ, ³ представляющей подражаніе (фиг. 237 а. b) этимъ жилищамъ, которыя были сравниваемы также и съ избами нынѣшнихъ вестфальскихъ мужиковъ. ⁴ Несмотря на грубость постройки, германскіе дома не были лишены внѣшнихъ украшеній. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они были покрыты пестрыми полосами земляныхъ красокъ (вѣроятно бѣ-

¹ См. выше фиг. 203, а. — ² F. Lisch. Jahrbücher. XIX. 289; XX. 276. ³ F. Lisch, Jahrb. XIV. 312: „die Wohnungen der Germanen“ и его же: Über die Hausurnen etc. Schwerin. 1856. — ⁴ G. Klemm. Handbuch. der german. Alterthumskunde. S. 46; его же: Kulturgesch. des christl. Europa I, 17.

лой, желтой и красной, т. е. мѣла, глины и охры) (Tacit. Germ. 16).— Въ каменистомъ Комбралѣ (Combrailles) были найдены среди каменной (кельтской) огады остатки каменныхъ жилищъ,—родъ небольшихъ и очень низкихъ хижинъ, неизвѣстно, однакожъ, изъ какого времени (A. Dulaure, назв. соч.)

Фиг. 237.

Укрѣпленія.

Выше было уже сказано, что для защиты лѣсовъ и поселеній отъ нападенія ихъ обносили насыпями, частоколомъ, обрывали канавами. Эти первобытныя укрѣпленія получили болѣе правильное и прочное устройство, какъ скоро у Галловъ, Германцевъ и Бриттовъ начались столкновенія съ римскими войсками. Хотя о Бриттахъ еще Цезарь могъ сказать, что они „называютъ свои окопанные насыпями лѣса городами“, по у галло-германскихъ племенъ, именно у Эбуруновъ и Адуатукровъ, онъ уже находилъ довольно сильныя укрѣпленія. Такъ напр. среди лѣсовъ и болотъ онъ встрѣтилъ разь крѣпость, которая была почти неприступна. Она лежала на отвѣсной скалѣ, подняться на которую можно было лишь съ одной стороны по дорогѣ не болѣе 200 фут. въ ширину. Очень высокая двойная стѣна окружавшая крѣпость была сложена изъ камней. При приближеніи непріятеля, на стѣну наваливали большіе обломки скалъ и сверхъ того вбивали въ нее заостренные бревна. Римлянамъ удалось овладѣть этимъ укрѣпленіемъ только благодаря самымъ большимъ и сильнымъ изъ ихъ осадныхъ орудій (Cäs. bell. gall. II, 29 sqq.). Галлы, за которыми самъ Цезарь (bell. gall. VII, 22) признаетъ способность и умѣнье подражать всему иностранному, скоро научились строить стѣны, достойныя постоянно угрожавшихъ имъ военныхъ снарядовъ Римлянъ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ (bell. gall. VII, 23), Галлы строили стѣны своихъ укрѣпленій такимъ образомъ: клали большія бревна горизонтально, въ длину, на два фута другъ отъ друга, соединяли ихъ перекладинами и засыпали землей, а снаружи обкладывали большими камнями. На этотъ слой клали такой же другой, третій и т. д., пока не достигали предположенной высоты. При этихъ наслоеніяхъ правильно (въ видѣ шашекъ) перемежались между собой камень, земля и бревно; а все сооруженіе получало характеръ прочности и крѣпости.¹ Эта красивая стройка производила пріятное впечатлѣніе даже и на образованный глазъ Римлянъ.

¹ Cp. Colonna Antonina, tab. 65.

Галлы умѣли не менѣе искусно и защищать эти стѣны. Они ловили арканами и притягивали къ себѣ направленные противъ стѣнъ тараны и подрывали земляные валы непріятеля. Для защиты отъ его подвижныхъ башенъ, они обставляли свои стѣны тоже крѣпкими деревянными башнями, которыя, кромѣ того, покрывали кожами и доводили до такой же высоты какъ и непріятельскія. Сверхъ того, Галлы постоянно разстроивали военныя приготовленія Римлянъ смѣлыми вылазками, поджогами и т. д. Подкопы они закладывали заостренными бревнами, камнями, заливали жидкой смолой. Эти же матеріалы они постоянно кидали со стѣнъ, что бы не подпускать къ нимъ непріятеля; и т. д.

О существованіи сильныхъ укрѣпленій у Германцевъ доселѣ свидѣтельствуютъ часто встрѣчающіеся остатки земляныхъ и каменныхъ валовъ, послѣдніе иногда въ видѣ трехъ концентрическихъ круговъ.¹ Сражаясь на открытомъ полѣ, Германцы устраивали себѣ родъ укрѣпленія изъ своихъ телегъ, сдвигая ихъ въ одинъ сплошной кругъ (*Cäs. bell. gall. I. 51, Ammian. XXIII, 3; XXX, 7.*).

Судостроеніе.

Судостроеніе зародилось, конечно, сначала у жителей морскаго побережья, а потомъ по берегамъ большихъ рѣкъ, именно Рейна и Эльбы. Первоначальныя суда были разумѣется самой грубой постройки; а вмѣсто челноковъ или легкихъ лодокъ употребляли просто выдолбленные древесные пни (*Plin. hist. natur. XVI. 40. Vellejus, II, 108*). Впрочемъ, Венеты, жившіе на белгійскомъ побережьи, могли уже выставить противъ Цезаря (*bell. gall. III, 14*) болѣе 200 хорошо снаряженныхъ лодокъ, хотя и очень тяжелыхъ и неповоротливыхъ сравнительно съ военными судами Римлянъ. Но причинѣ мелководья, онѣ были плоскодонны, безъ киля, и съ такими высокими кормами и носами, что значительно превышали этими своими частями даже башни на римскихъ судахъ. Скамьи для гребцовъ, сдѣланныя изъ дуба, также какъ и вся лодка, имѣли футъ въ ширину и прикрѣплялись къ борту большими желѣзными гвоздями; якоря также висѣли на желѣзныхъ цѣпяхъ. Паруса были кожаные, и прикрѣплены къ реямъ и мачтамъ канатами. Такъ какъ движенія судна зависѣли главнымъ образомъ отъ искуснаго управленія парусами, то въ битвѣ, Римляне старались прежде всего повредить снасти, разѣбая ихъ длинными серпами, чтобы потомъ перенести бой на самыя суда (*Cäs. bell. gall. III, 13, 14, 15. Dio. Cass. XXXIX, 40, 41, 42*).

Между сѣверогерманскими народами, особенною опытностью и ловкостью въ мореходствѣ отличались жители „острова“ Скандинавіи и изъ нихъ преимущественно Сіуоны. Ихъ ладьи съ заостренными кормами и носами, были очень легки и быстры, но не имѣли ни парусовъ, ни прикрѣпленныхъ ве-

¹ G. Klemm: *Handbuch der germanischen Alterthumskunde*, p. 231 sqq. — C. Wagner: *Handbuch der vorzügl. in Deutschland entdeckten Alterthümer*, p. 606, Art. «Schwedenschanzen».

сель, а управлялись рулемъ ¹ (Tacit. germ. с. 44). * — Для сѣверныхъ поморянъ, издавна привычныхъ къ морю и проводившихъ на немъ большую часть своей жизни, ладья замѣняла нѣкоторымъ образомъ жилище. Съ нею связывали они богатую, фантастически изукрашенную символику: какъ жителю степей его конь, такъ любезна была сѣверному помору его ладья, и какъ при погребеніи того, клали съ нимъ въ могилу или сжигали на одномъ кострѣ его вѣрнаго товарища—коня, такъ для сѣвернаго героя самымъ высшимъ желаніемъ было — умереть на ладѣ, носившей его самого и ему близкихъ, и на ней быть отдану на волю волнъ и вѣтра. ²

Могилы ³.

Какъ способъ погребенія мертвыхъ, такъ и устройство могилъ, внѣшнее и внутреннее, были различны, смотря по народамъ, мѣстностямъ и времени. Первоначально господствовалъ, кажется, вездѣ обычай зарывать трупы въ землю. Потомъ, какъ принимаютъ—со времени появленія въ Европѣ Кельтовъ, сталъ распространяться ими же принесенный обычай сжиганія тѣлъ. Несомѣнно однакожъ, что первый способъ — т. е. зарываніе, не былъ совѣтъ оставленъ, но продолжался и въ кельтскую эпоху и послѣ нея, представляя однакожъ исключеніе, тогда какъ сжиганіе стало общимъ правиломъ. Только съ этой точки зрѣнія—подтверждаемой вдобавокъ множествомъ уцѣлѣвшихъ могилъ въ сѣверной, средней и западной Европѣ и на британскихъ островахъ, можно вѣрно оцѣнить свидѣтельства Цезаря и Тацита, изъ которыхъ первый говоритъ (bell. gall. VI, 19) что „Галлы сожигаютъ своихъ покойниковъ съ большой пышностью“, а послѣдній (Germ. с. 27.), что „у Германовъ въ обычаѣ сжигать тѣла мертвыхъ и означать могилы простымъ дерновымъ курганомъ“. Въ обоихъ случаяхъ сожженіе должно было требовать гораздо больше церемоній и издержекъ, чѣмъ зарываніе. Впрочемъ, Цезарь имѣлъ въ виду только сожженіе знатныхъ: это ясно, какъ изъ его соб-

¹ Ср. рисунки у Н. Sjöborg: Samlingar för Nordens Fornälskare, III, Pl. 14 и 15; Pl. 16, Fig. 35.—* Для устраненія недоумѣній приводимъ здѣсь самыя слова автора: doch hatten sie (die Bote) weder St. gel, noch gefestigte Ruder.—Скандинавскія суда были заострены съ обоихъ концовъ, имѣли только одну мачту, которую можно было ставить и снимать, паруса и весла (на случай бури). Всѣ военные суда назывались «длинными кораблями», но кромѣ того различались особенными названіями по конструкціи: шлепки отличались быстрымъ ходомъ; аши, вмѣщали въ себѣ до ста человѣкъ; на этихъ судахъ обыкновенно дѣлали нападенія. Большіе военные корабли назыв. драки (драконы); это были великолѣпно отдѣланные, высокобортныя суда, украшенные на носу драконовою головою, а на корѣ хвостомъ. У всѣхъ большихъ кораблей были свои имена, такъ какъ Скандинавы обыкновенно отличали собственными именами всѣ дорогіе имъ неодушевленные предметы, возводя ихъ черезъ это на степень живыхъ существъ.—На поэтическомъ языкѣ Скальдовъ корабль назывался медвѣдемъ морскимъ, звѣремъ зунды (пролива), копеймъ моря, лошадыю морскихъ королей и другими не менѣе образными названіями. См. «Походы Викинговъ» Стрингольма, пер. съ нѣм. Шемякина, М. 1861. Пр. пер. — ² К. Weinhold Altnordisches Leben. S. 479, 483 sqq.—³ Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde. p. 27 sqq. A. Worsaae Dänemarks Vorzeit. p. 63 sqq. A. Munch. Die nordisch — germanischen Völker (1853) p. 4, 243 sqq. F. Lisch. Jahrbücher XIV. 302. G. Klemm. Hdbch. der germ. Alterthumskunde S. 97 sq. Chr. Wagner. Hdbch. der vorzügl. in Deutschland entdeckten Alterthümer. p. 306: «Heidengräber». M. Boucher des Perthes. Antiquités celtiques etc. L'Abbé Cochet. La Normandie souterraine etc. K. Weinhold. Op. cit. passim.

ственныхъ словъ, такъ и изъ замѣчанія Діодора (V, 28), что „оно совершается со всевозможной пышностью.“ Кажется и Германцы Тацита (который ничего не зналъ о правахъ племенъ, жившихъ въ глубинѣ страны) считали этотъ родъ погребенія почетнымъ. Они даже сожигали на кострахъ изъ извѣстнаго дерева особенно почитаемыхъ покойниковъ, и преимущественно геройски павшихъ на полѣ битвы. Припомнимъ здѣсь замѣчаніе того же писателя о печалованіи у Германцевъ: „женамъ подобаетъ плачь, мужамъ—вѣчная память“. Уже въ этомъ выражается преобладаніе нравственнаго начала въ чувствахъ народа, который менѣе обращаетъ вниманія на соблюденіе внѣшнихъ формъ, чѣмъ на удовлетвореніе внутренней, душевной потребности. Во всякомъ случаѣ, частнымъ лицамъ предоставлялось самимъ выбирать способъ погребенія. Несомнѣнно только, что при Тацитѣ сожженію отдавалось преимущество, даже считалось особеннымъ почетомъ общее сожженіе павшихъ въ бою. Поэтому можно только въ ограниченномъ смыслѣ принимать названіе вѣка сожиганія, которое недавно начали придавать бронзовому вѣку, когда сожженіе стало лишь болѣе общеупотребительнымъ.

Хотя форма могилъ вообще отличается первобытной простотой, тѣмъ не менѣе она представляетъ много видоизмѣненій. При тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ мелочей, въ однихъ германскихъ (считая тутъ всѣ языческія) могилахъ открыто 32 особенности ¹. Впрочемъ, несмотря на всѣ усилія ученыхъ, доселѣ еще нельзя опредѣлить съ точностью ни времени этихъ разновидныхъ могилъ, ни ихъ соорудителей. Мы не знаемъ, что тутъ принадлежитъ до-кельтскому населенію, что—кельтскому или германскому, что—послѣдующимъ народамъ, или, наконецъ, племенамъ, возникшимъ изъ смѣшенія всѣхъ этихъ обитателей Европы. То же должно сказать и о различныхъ видахъ могилъ, столь распространенныхъ въ Галліи и Британніи.

Могила съ каменною и костяною утварью и т. д., т. е. относящаяся къ до-кельтской эпохѣ, находятся преимущественно на крайнемъ югѣ Швеціи и въ Даніи, по берегамъ Зеландіи, Фіоніи и Ютландіи; затѣмъ, съ нѣкоторыми измѣненіями,—по всему сѣверу Германіи, особенно на прибрежьи Восточнаго моря, въ нидерландскихъ провинціяхъ Дренте и Оберъ-Иссель, въ сѣверной Франціи и Британніи. Но уже и среди древнѣйшихъ изъ этихъ могилъ (въ Швеціи и Даніи) встрѣчаются двѣ различныя разновидности, именно „каменные курганы съ погребальницей на поверхности земли“ и „земляные курганы съ вырытой въ землѣ погребальницей.“

Каменные курганы съ надземными погребальницами, состоятъ изъ земляной насыпи, обложенной большими неотесанными камнями, и сложенныхъ на ней изъ такихъ же камней камеръ или помѣщеній для труповъ. Насыпи бываютъ то продолговато-четыреугольныя, то круглыя, то овальныя. Величина ихъ простирается отъ 60 до 120 фут. въ длину и отъ 16 до 24 въ ширину; есть насыпи и въ 40 футовъ ширины при 400 фут. длины. Число камеръ на отдѣльныхъ насыпяхъ различно, но не болѣе трехъ; чаще всего встрѣ-

¹ Такъ у Chr. Wagner'a: Handbuch и т. д., р. 306, въ главѣ «Heidengräber», гдѣ онѣ и описаны подробно.

чаются курганы съ двумя камерами; на самыхъ большихъ бываетъ рѣдко только одна камера, поставленная на одномъ концѣ насыпи, или три камеры различной величины, разставленныя почти на одинаковомъ разстояніи одна отъ другой. Камеры сложены изъ большихъ камней отъ 6 до 8 футовъ длины, поставленныхъ вертикально и накрытыхъ другими горизонтально положенными на нихъ камнями въ 8 и 10 фут. Промежутки между глыбами наполнены мелкимъ камнемъ; дно камеръ выложено такимъ же камнемъ, или выстлано плитнякомъ.

Въ земляныхъ курганахъ, достигающихъ иногда обширныхъ размѣровъ, погребальныя камеры постоянно находятся внутри насыпи. Форма этихъ подземныхъ камеръ та же, что и наружныхъ—овальная или круглая. Величина различна, смотря по числу погребенныхъ. Отъ каменныхъ кургановъ отличаются земляные еще тѣмъ, что въ нихъ камеры иногда соединены одна съ другой и сообщаются съ поверхностью кургана выстланнымъ плитнякомъ ходомъ. Если въ курганѣ двѣ круглыхъ камеры, то каждая имѣетъ свой особый наружный выходъ; если же круглая и овальная камеры соединены вмѣстѣ (какъ въ одномъ ютландскомъ курганѣ—*Lundhöi*), то ходъ ведетъ прямо въ главную, большую камеру. Размѣры камеръ по отношенію къ величинѣ кургановъ совершенно произвольны: длина овальныхъ камеръ доходитъ до 24 фут., ширина до 8 ф. Въ одномъ курганѣ, въ Зеландіи, имѣвшемъ 33 локтя въ поперечникѣ и 10 локтей вышины, нашли камеру, длина которой составляла 8 локтей, ширина $3\frac{3}{4}$ л. а высота 2 локтя; длина хода, который велъ къ ней, равнялась $8\frac{1}{4}$ локтей, его ширина $1\frac{1}{4}$ локт. Въ обоихъ описанныхъ видахъ могилъ способъ погребенія мертвыхъ оказался одинаковымъ. Трупы, большую частью въ скорченномъ положеніи, были прислонены къ стѣнамъ камеръ, одинъ подлѣ другого. Самыя камеры были найдены совершенно наполненными землею.

Эти два древнѣйшіе типа кургановъ повторяются, при такомъ же или подобномъ способѣ погребенія, и въ галльскихъ, британскихъ и германскихъ могилахъ, съ весьма незначительными уклоненіями. Уклоненія эти сводятся или на разницу въ размѣрахъ, или на положеніе кургана или насыпи относительно точекъ горизонта (чаще всего отъ востока на западъ). Впрочемъ, въ иныхъ надземныхъ каменныхъ могилахъ камера выходитъ отверстіемъ на округленную сводомъ земляную насыпь, на которой лежатъ отъ двухъ до пяти большихъ камней, каждый на особой подставкѣ. Въ другихъ—овальная камера окружена каменнымъ вѣнцомъ, или треугольникомъ и т. д. Не рѣдко вся могила состоитъ изъ одной открытой камеры, прислоненной къ склону горы „на подобіе входа въ погребъ“, или же изъ нѣсколькихъ большихъ камней сложенныхъ вмѣстѣ плоскимъ сводомъ, на подобіе гробовой крышки. Во Франціи и Германіи открыто нѣсколько подземныхъ могилъ особаго рода, также съ несожженными скелетами и исключительно съ каменнымъ оружіемъ—стало быть очень древнихъ. По свѣдѣніямъ, за которыя впрочемъ нельзя вполне ручаться¹, въ Германіи одна такая могила представляла яму въ 6 футовъ глубины, безъ каменной покрывки и т. под.; скелетъ сидѣлъ въ ней

¹ F. Lisch: Jahrbücher, XII, 400; XIV, 301 sqq.

скорчившись. Во Франціи, кромѣ подобныхъ ямъ, найденъ, въ 1816 году, въ департаментѣ Оазы ¹, гротъ, вырытый въ туфѣ, 4½ фута вышины, 7 футовъ ширины и 25—длины. Въ немъ лежали рядами 200 скелетовъ; нижній слой покоился на неотесанномъ плитнякѣ. Такія же вырытыя въ землѣ могилы, хотя и заключающія въ себѣ несожженные скелеты, но по найденнымъ въ нихъ предметамъ относящіяся къ бронзовому вѣку, встрѣчаются часто и во Франціи, но рядомъ съ ними попадаются и здѣсь, какъ и вездѣ, и тоже въ значительномъ количествѣ, выстланныя плитнякомъ могилы съ несожженными скелетами и бронзовыми вещами.

При сожженіи труповъ рѣчь можетъ быть конечно только о погребеніи оставшагося отъ нихъ пепла. Его собирали въ урну, или же въ особо для этой цѣли устроенный маленькій каменный ящикъ, и погребали. Надъ мѣстомъ погребенія насыпали курганъ или изъ камней, или изъ земли, а иногда для большей прочности изъ земли, камней и глины. Иногда можетъ быть урны съ пепломъ ставили въ погребальныя камеры, которыя продолжали устраивать по старому обычаю въ семейныхъ могилахъ; а въ ящичкахъ погребали пепелъ отдѣльныхъ лицъ. Группы семейныхъ могилъ, множась постепенно, образовали мало по малу цѣлыя кладбища, которыя окружали землянымъ валомъ или рвомъ, иногда даже наполненнымъ водой. Сверхъ того, вокругъ нѣкоторыхъ могилъ, выкладывали изъ камней одинъ или нѣсколько концентрическихъ круговъ. Такими же каменными кругами обкладывали и урны въ подземныхъ погребальницахъ, которыя располагали иногда рядами и такъ близко одна къ другой, что насыпанные на нихъ курганы сливались наконецъ въ одну сплошную длинную насыпь или валъ.

Мѣста богослуженія ².

Разнообразіе могилъ обуславливалось еще тѣмъ, что обыкновенно ихъ устраивали подлѣ мѣстъ богослуженія. Впрочемъ, спѣшимъ замѣтить, что, при современномъ изученіи памятниковъ, трудно рѣшить съ достовѣрностью, чему первоначально были посвящены эти мѣста—только богослужебнымъ цѣлямъ, или одному почитанію мертвыхъ, или тому и другому вмѣстѣ, или, наконецъ, просто общественнымъ собраніямъ.

Религіозныя воззрѣнія и обряды Галловъ, Бриттовъ и Германцевъ вытекали изъ общаго вѣсѣмъ первобытнымъ религіямъ источника—изъ обожествленія природы и ея явленій, сначала непосредственнаго, впоследствии и весьма медленно перешедшаго въ поклоненіе таинственнымъ силамъ, дѣйствующимъ въ этихъ явленіяхъ. Особенно священными предметами поклоненія почитались камни, скалы, озера, рѣки, деревья—дубъ и сосна, у Галловъ и Бриттовъ; дубъ, букъ и липа, у Германцевъ. Для отиравленія религіозныхъ обрядовъ выбирали преимущественно высокія горы (какъ Брокенъ, *Melibocus*, въ Германіи), густые лѣса, поросшіе рощами острова. Храмовъ настоя-

¹ Ср., между прочимъ, G. Klemm: Allgemeine Kulturgeschichte, VIII, 29 sqq. —

² См. особенно E. Breton: Ueber die keltischen Denkmäler въ J. Gailhabaud'a: Denkmäler der Baukunst, I, 9 sqq. Для Германіи особенно Ch. Keferstein: Ansichten über die keltischen Alterthümer, p. 263 sqq. F. Mosch: Die alten heidnischen Opferstätten und Steinalterthümer etc. Gotha. 1855.

шихъ не было ¹. Молились подъ открытымъ небомъ. Въ шумѣ лѣса, въ ропотѣ моря или въ вѣяніи вѣтра чуяли присутствіе боговъ. Для умилостивленія ихъ складывали огромные жертвенники, ставили колоссальные памятники или символы и совершали ужасныя жертвоприношенія.

Сооруженіе большей части подобныхъ памятниковъ, сохранившихся еще доселѣ въ развалинахъ, приписываютъ Кельтамъ и видятъ въ нихъ памятники друидизма. Относительно памятниковъ разсѣянныхъ по Галліи, Британіи, южной и западной Германіи, это предположеніе можетъ быть справедливо. По подобные памятники встрѣчаются также и въ южной Швеціи, въ Даніи, въ сѣверной и средней Германіи; были ли они оставлены тоже Кельтами, нѣкогда здѣсь жившими, или — что столько же возможно — принадлежать, хотя частью, послѣ-кельтскому, германскому и даже позднѣйшему языческому населенію? Определить съ нѣкоторою точностью время происхожденія всѣхъ этихъ памятниковъ — нельзя, по недостатку вѣрныхъ историческихъ данныхъ. Можно лишь принять, что въ Галліи и Британіи ихъ продолжали ставить по крайней мѣрѣ до истребленія друидизма (въ первой — императоромъ Клавдіемъ ², во второй, гораздо позже, вслѣдствіе принятія христіанства самими друидами) ³, а въ Германіи — до совершеннаго уничтоженія въ ней язычества; такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи каменная символика держалась очень долго, даже когда христіанство было уже далеко распространено ⁴.

Каменные памятники, называемые собственно кельтскими и друидическими, представляютъ значительное разнообразіе постепенно усложняющихся формъ, отъ поставленной вертикально каменной глыбы до цѣлыхъ сооружений, состоящихъ изъ множества такихъ глыбъ, расположенныхъ рядами по нѣкоторому опредѣленному плану.

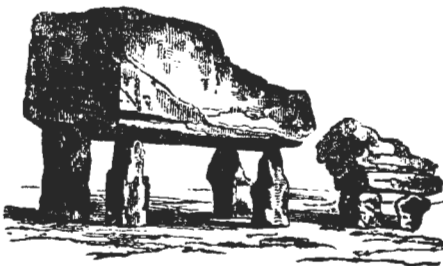
Одиночные, большею частью вертикально поставленные, каменные столбы обыкновенно ничто иное, какъ неотесанные обломки скалъ значительныхъ размѣровъ, отъ 10 до 18 футовъ въ поперечникъ и отъ 20 до 58 и болѣе футовъ вышины. Иногда они суживаются книзу, но чаще — кверху, въ видѣ кегли. У нѣкоторыхъ верхушка выдолблена на подобіе чаши, а на бокахъ продѣланы отверстія, желобки и т. под. Ихъ считаютъ то общественными или частными пограничными столбами, то идолами, то, согласно съ Эліаномъ (Hist. var. XII, 23), памятниками въ честь героевъ, павшихъ въ бою,

¹ Относительно Германцевъ это доказываетъ Тацитъ (Germ. c. 6). Если, несмотря на то, онъ (Annal. I, 51) упоминаетъ объ одномъ «храмѣ» у Марсовъ, то здѣсь должно разумѣть просто каменное сооруженіе безъ крыши, которое повсюду посвящалось богамъ. Слово «templum» не препятствуетъ этому предположенію. О языческихъ храмахъ говорится только при введеніи христіанства въ Германію; но между этой эпохой и Тацитомъ протекло много времени. Ср., сверхъ того, J. Grimm: Deutsche Mythologie. 3 Ausg. I, 57 sqq. Объ открытіи одного языческаго каменнаго храма см. Kunstblatt, 1837. p. 255: «Ausgrab. Kopenhagen». Давѣ замѣчанія у F. Panzer'a: Beitrag zur deutschen Mythologie I, (München, 1848) mit Abbildungen, p. 1 и ин. др. Также W. Wolf: Beiträge zur deutschen Mythologie, I (Göttingen, 1852), p. 109 sqq., 177 sqq. Относительно друидства выдержки изъ Eckermann'a: Lehrbuch der Religionsgeschichte и т. д. у G. Klemm'a: Allgemeine Kulturgeschichte, VIII, 46 sqq. — ² Plin: Hist. natur. XXX, 1. — Sueton: Naud. 25. — Aurel. Vict: Cäs. 4. — ³ L. Georgi: Alte Geographie, II, 123 sqq. — ⁴ См. сочиненія, приведенныя выше, стр. 33—34.

то, наконецъ, судя по углубленіямъ на ихъ верхушкѣ, жертвенниками, или оракулами.

За вертикально стоящими столбами слѣдуютъ не менѣе колоссальныя, горизонтально положенныя лежація каменные глыбы. Онѣ то подперты съ одного конца подложеннымъ подъ него камнемъ, а другимъ лежатъ на землѣ, то утверждены горизонтально на двухъ, трехъ или четырехъ камняхъ, представляя видъ стола или алтаря о четырехъ подставкахъ (фиг. 238), или иногда походятъ на четырехугольную камеру, то совсѣмъ закрытую, то открытую съ одной стороны. На верхнихъ плитахъ этихъ памятниковъ (на одномъ памятникѣ длина верхней плиты равняется 26 фут., ея ширина 12 фут. и толщина 3 фут.) иногда выдолблены такіе же чашеобразныя углубленія и желобки, какъ и на столбахъ; на этомъ основаніи ихъ принимаютъ за жертвенники назначенные для принесенія кровавыхъ жертвъ.

Фиг. 238.

Къ этимъ сооруженіямъ въ видѣ камеръ и гротовъ, примыкаютъ крытые ходы, похожіе на длинныя и узкіе корридоры. Иногда они раздѣлены на камеры и оканчиваются круглымъ или овальнымъ пространствомъ. Само собой разумѣется, что должно отказаться отъ рѣшенія вопроса, предназначались ли они для жилья жрецамъ, или для таинственнаго совершенія извѣстныхъ обрядовъ, напримѣръ, жертвоприношеній и т. под.

Еще загадочнѣе крытыхъ ходовъ весьма извилистыя аллеи изъ каменныхъ столбовъ. Это—ряды колоссальныхъ каменныхъ глыбъ, разставленныхъ на разстояніи 22 ф. другъ отъ друга и образующихъ аллеи, которыя иногда достигаютъ 1170 футовъ длины. Размѣры глыбъ очень различны; такъ напримѣръ, въ каменной аллеѣ Карнака (въ Бретани), которая тянется на протяженіи $1\frac{1}{2}$ нѣмецкихъ миль, вышина глыбъ мѣняется отъ 3 фут. до 22 и даже 30 футовъ. Такая аллея иногда выходитъ на круглое пространство, обнесенное однимъ или двумя рядами такихъ же глыбъ, или она соединяетъ два или болѣе подобныхъ круговъ, какъ напр. аллея Эбюрійскаго памятника ¹.

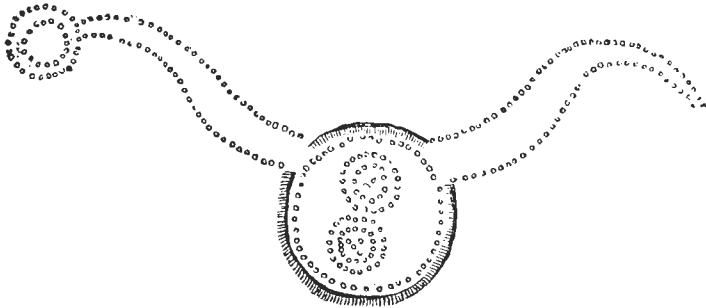
Этотъ памятникъ ², хотя и сильно поврежденный, но еще сохранившій свою основную форму (фиг. 239), вмѣстѣ съ примыкающимъ къ нему „Stonehenge“, представляетъ лучшій образецъ друидскихъ святилищъ Британіи, сооруженіе которыхъ, по ихъ громадности, требовало гигантскихъ усилій. Памятникъ состоитъ изъ четырехъ частей: изъ большаго Эбюрійскаго круга, двухъ аллей: Кеннельской и Бергкэмтонской, и двойнаго маленькаго круга, соединеннаго съ большимъ. Первый кругъ, главная часть всего соо-

¹ Эти улицы напоминаютъ сфинксовыя аллеи, которыми Египтяне соединяли въ одно цѣлое самыя разнообразныя свои святилища (ср. выше. стр. 79 и слѣд.). Быть можетъ, и здѣсь онѣ обозначали дорогу, по которой направлялись религіозныя процессіи (?).

² D. Stuckely: A description of Abury. London. 1722.—J. Gailhabaud: Denkmäler (celtische). Fig. 52—55.

руженія, обнесён валомъ и внутреннимъ рвомъ. Его поперечникъ равняется почти 1600 футамъ, окружность—3800 ф. Внутри его два круга одина-

Фиг. 239.

кихъ размѣровъ; изъ нихъ каждый образованъ двумя рядами каменныхъ глыбъ, одинъ рядъ въ 30, другой—въ 12 камней. Разстояніе между центрами обоихъ круговъ—548 футовъ.

Многими описанный ¹ памятникъ, Stonehenge — всячіе камни, не менѣе громадный, чѣмъ эбюрійскій, и особеннаго устройства, какъ видно уже изъ его названія, представляетъ высшую ступень развитія каменнаго зодчества друидовъ. Онъ состоитъ изъ четырехъ концентрическихъ круговъ, образуемыхъ продолговатыми и, кажется, отесанными столбами, поставленными перпендикулярно и по извѣстному плану. Въ крайнемъ кругѣ, 108-ми фут. въ поперечникѣ, было 30 такихъ столбовъ, каждый въ 16 футовъ вышины. Они были соединены въ крытую галерею горизонтальными плитами. Слѣдующій кругъ состоялъ изъ сорока свободныхъ столбовъ, въ 7 футовъ вышины каждый. Въ третьемъ — было 10 столбовъ, въ 22 фута вышины каждый, которые тоже были соединены попарно каменными покрывками. Наконецъ, четвертый кругъ состоялъ изъ 30 маленькихъ продолговатыхъ глыбъ.—Только къ этому, или ему подобному памятнику могутъ относиться слова Діодора (II, 47) о „замѣчательномъ кругломъ храмѣ, разубранномъ многими приношеніями, стоящемъ по ту сторону океана, на островѣ, противъ кельтской земли (т. е. въ Британіи)“ и указаніе Тацита (*Annal.* XIV, 30) на друидское святилище острова Моны (*Anglesey*).

Мѣста сходовъ или судьбищъ.

Къ разряду описанныхъ памятниковъ должно отнести также и каменные сооруженія, принимаемая, по ихъ странному виду, за мѣста сходовъ и судь-

¹ S. Inigo Jones: The most notable antiquity of Great Britain vulgarly called Stoneheng on Salisbury plain restored etc. Lond. 1725.—J. Smith: *Choir Gawr the grand orrery of the ancient Druids commonly called Stonehenge etc.* Salisb. 1771.—A Description of Stonehenge, extracted from the works of the most eminent authors. Salisb. 1795.—Особенно F. Mone: *Geschichte des Heidenthums* и т. д., II, 439 sqq.—Passavant: *Kunstreise durch England* и т. д. Frankf. a. M. 1833, p. 143 sqq.—F. Kugler: *Handbuch der Kunstgeschichte* (2 Aufl.), p. 8.—J. Gailhabaud: *Denkmäler (celtische)*, Fig. 48—51.—E. Guhl u. J. Caspar: *Denkmäler der Kunst*, Taf. I, Fig. 6 и 7; и др.

бищъ, стоявшихъ въ связи съ отправленіемъ религіозныхъ обрядовъ. Ихъ не мало встрѣчается въ Скандинавіи. Они составлены тоже изъ большихъ неотесанныхъ камней, разставленныхъ кругамъ, простыми или двойными, овальными кольцами, треугольниками,¹ и особенными продолговатыми фигурами, напоминающими форму корабельной палубы или лодки,² причемъ обозначены мѣста для гребцовъ, мачтъ и т. д. Сверхъ того, по всѣмъ странамъ, нѣкогда принадлежавшимъ Кельтамъ, разсыяны такъ-называемые качающіеся или вѣсовые камни.³ По большей части это — колоссальная глыба, которая случайно или, скорѣе, рукой человѣка такъ утверждена на каменной подставкѣ, что слабое прикосновеніе приводитъ ее въ колебаніе. Эти памятники иногда вѣсятъ отъ 5000 до 10000 центнеровъ, при 80 футахъ въ окружности. Полагаютъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ подставка, обтесанная въ видѣ кегли, входитъ наполовину въ углубленіе, выдолбленное въ глыбѣ, такъ что послѣднюю можно привести даже въ круговращательное движеніе (?). Первоначальное назначеніе этихъ камней неизвѣстно. Одни археологи считаютъ ихъ оракулами. Другіе (болѣе остроумно, чѣмъ правдоподобно) видятъ въ нихъ „символъ вселенной въ пространствѣ, представленіе силы, малѣйшимъ толчкомъ приводящей міръ въ движеніе, или же образъ движенія, которое даетъ жизнь вселенной“. Третьи считаютъ ихъ просто затѣей народа, любившаго упражнять свои физическія силы; а новѣйшіе изслѣдователи видятъ въ качающихся камняхъ лишь игру природы, которую преданіе объяснило по своему.

Утварь.

Находимая въ могилахъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка утварь совершенно соотвѣтствуетъ по матеріалу и отдѣлкѣ другимъ вещамъ, въ нихъ заключающимся. Въ древнѣйшихъ могилахъ, вмѣстѣ съ исключительно каменнымъ и костянымъ оружіемъ и такими же орудіями, попадаются сосуды изъ глины (въ очень небольшомъ количествѣ). Въ могилахъ бронзоваго и желѣзнаго вѣка къ глинянымъ сосудамъ, уже болѣе разнообразныхъ формъ, присоединяются сосуды бронзовые и изрѣдка даже золотые, съ такими же точно орнаментами, какъ и положенные вмѣстѣ съ ними металлическія украшенія и орудія. Кромѣ того, въ позднѣйшихъ могилахъ находятъ еще множество самыхъ разнообразныхъ вещей, впрочемъ все римскаго издѣлія, и мѣстами даже остатки деревянной утвари туземной работы. Но всѣ эти предметы не могутъ дать вѣрнаго понятія о степени развитія утвари у разсматриваемыхъ народовъ въ эпоху ихъ самостоятельности, такъ

¹ Много примѣровъ у Н. Sjöborg'a: *Samlingar for Nordens Fornälskare*, I, Pl. 1, 2, 3, 11 sqq.; Pl. 19; II, Pl. 3, Fig. 7; Pl. 14, Fig. 49; Pl. 18; III, Pl. 20, 29, 34.—² *Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde*, p. 34 sqq.—³ Кромѣ J. Gailhabaud'a (*celtische*) *Denkmäler* и т. д. см. G. Klemm: *Allgemeine Kulturgeschichte*, VIII, 49.—A. Weinholt: *Altnordisches Leben*, p. 17.—F. Mosch. *Die alten heidnischen Opferstätten*, во многихъ мѣстахъ.

какъ туземное производство деревянной утвари ¹ началось навѣрное только съ послѣдней половины перваго тысячелѣтія по Р. Х; а римскія издѣлія стали распространяться едва ли ранѣе первыхъ вѣковъ христіанской эры. Первобытная утварь сохранилась только въ древнѣйшихъ могилахъ, поэтому для изученія ея надобно опять обратиться къ нимъ, какъ къ единственному источнику и въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что извѣстія писателей объ этомъ предметѣ весьма скудны.

С о с у д ы. ²

За исключеніемъ сосудовъ, содержащихъ въ себѣ пепелъ сожженныхъ труповъ и которыхъ назначеніе поэтому само собою понятно, трудно и почти уже невозможно опредѣлить теперь, для какой цѣли служили остальные сосуды вынутые изъ различныхъ могилъ. Несомнѣнно, что не всѣ они имѣли отношеніе къ погребальнымъ и поминальнымъ обрядамъ, а подобно оружію и другимъ вещамъ, которыя хоронили вмѣстѣ съ покойникомъ, служили ему при его жизни, и именно какъ его домашняя утварь. Принятое прежде мнѣніе, отличающееся крайнею односторонностію, опровергается и самою выработкою сосудовъ, а что касается глиняныхъ, то и разнообразіемъ ихъ формъ и различною ихъ отдѣлкою, наконецъ тѣмъ, что какимъ бы способомъ ни погребали мертвыхъ, всегда клали съ ними подобную утварь.

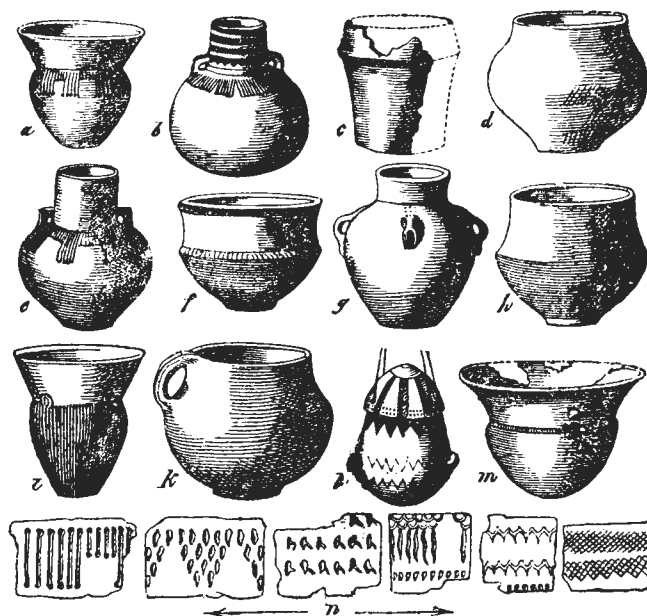
По работѣ глиняныхъ сосудовъ, не исключая и каменнаго вѣка, видно, что ихъ всегда старались дѣлать какъ возможно прочнѣе. Тщательными изслѣдованіями (по крайней мѣрѣ сосудовъ найденныхъ въ Германіи) доказано, что всѣ они приготовлены, хотя и отъ руки, безъ гончарнаго станка, но изъ прочной смѣси глины и толченаго гранита (слюды, полеваго шпата и гравія) и притомъ всегда болѣе или менѣе сильно обожжены на огнѣ. Цвѣтъ ихъ зависѣлъ частью отъ употребленной на нихъ глины, частью отъ степени обжиганія; оттого-то они и представляютъ всѣ оттѣнки цвѣтовъ, отъ свѣтло-желтаго до темно-кирпичнаго и даже совершенно чернаго.

Характеристическими отличіями глиняныхъ сосудовъ древнѣйшихъ, такъ называемыхъ „богатырскихъ“, могилъ каменнаго вѣка, считаются: „вообще“—малый объемъ; при всемъ „разнообразіи“ формъ, преобладаніе формъ „кружки, груши, шара (съ ушками или безъ ушковъ), и небольшого кубка съ почти отвѣсными стѣнками“, а главное—орнаменты. Какъ ни обща эта характеристика, основанная, впрочемъ, на изученіи множества могилъ (фиг. 240, а, b, c, e, i), ее можно расширить еще болѣе, распространивъ и на

¹ Сюда не слѣдуетъ причислять тѣхъ немногихъ ящиковъ или деревянныхъ колоды, которыя были найдены въ могилахъ бронзоваго вѣка (A. Worsaae: *Dänemarks Vorzeit*, p. 77.), а только предметы, вырытые въ Лупфенѣ, близъ Оберфлонта, въ Виртембергѣ, и описанные Дюррихомъ и Венцелемъ (Stuttgart, 1847). — ² О глиняныхъ сосудахъ см. Klemm. *Handbuch der germ. Alterthumskunde*, p. 161. F. Wiggert въ *Föstermann's Neue Mittheilungen aus dem Gebiete historisch-antiquarischer Forschungen*. I Bd. 2 Hft. p. 101 sqq. F. Lisch. *Jahrbuch. des Vereins für mecklenb. Geschichte etc.* X, 237, 253; XI, 353, 395; XII, 421; XIV, 340; XVIII, 227 sqq. L'Abbé Cochet. *La Normandie souterraine* (2 cd.) p. 171 sqq. Ledebur. *Das kön. Museum, passim*, и вышеозначенныя сочиненія.

другіе, тоже къ каменному вѣку относящіеся сосуды, похожіе на блюда, чаши и всякія корзинки (фиг. 240, l, m).

Фиг. 240.

То же должно сказать и о классификаціи глиняныхъ сосудовъ бронзоваго вѣка, которую не разъ пытались установить. Впрочемъ, здѣсь сосуды, предназначенные для останковъ сожженныхъ труповъ, существенно отличаются отъ тѣхъ, которые просто клали въ могилу. Первые раздѣляются на „урны для костей (ossuaria)“ и на „урны для пепла (cineraria)“; вторые несомнѣнно были предметами домашней утвари, принесенными въ даръ умершему.

Погребальныя сосуды, и именно урны для костей, весьма различныхъ размѣровъ и большею частью имѣютъ видъ круглыхъ вазъ, то съ узкимъ, то съ широкимъ горлышкомъ. Они рѣдко покрыты украшеніями, но часто снабжены ручкою или нѣсколькими ушками, причемъ обыкновенно имѣютъ форму горшка (фиг. 240, d, f, h, k). Какъ и въ могилахъ каменнаго вѣка, вмѣстѣ съ этими сосудами встрѣчаются то глубокія и мелкія блюда или чаши, то сосуды въ родѣ бутылей, а иногда—впрочемъ какъ исключеніе, и тѣ домообразныя урны разнаго вида, о которыхъ было говорено выше (фиг. 237).

Пеплохранилища представляются какъ бы миниатюрными копіями большихъ погребальныхъ сосудовъ или урнъ, во всѣхъ ихъ формахъ. Еще разнообразіе поставленные вмѣстѣ съ ними меньшіе сосуды: въ нихъ не только повторяются всѣ вышеупомянутыя формы сосудовъ, но являются и совершенно новыя. Такъ напр. встрѣчаются большіе и малые сосуды въ видѣ горшковъ съ нѣсколькими ручками, форма повторяющаяся въ увеличенныхъ размѣрахъ въ „оссуаріяхъ“ позднѣйшихъ могилъ (фиг. 240, g);

далѣе, сосуды двойные, или составленные изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сосудовъ соединенныхъ въ одно цѣлое, простые и двойные кубки, кружки съ носкомъ и ручкою или безъ нихъ, чашечки и всякаго рода сосудцы въ родѣ чашекъ; иногда даже подобія роговъ животныхъ, служившія безъ сомнѣнія сосудами для питья, какъ и настоящіе рога въ древнѣйшее время у Германовъ, облѣанные въ богатую серебряную оправу (Caes, bell. gall. VI, 28. Plin. VIII, 15, 37).

При такомъ, проходящемъ черезъ всѣ три эпохи, разнообразіи формъ сосудовъ было бы невозможно распредѣлить ихъ хронологически, еслибы этому не помогали орнаменты, постоянно на нихъ находимые. Они распредѣляются по эпохамъ такъ, что къ древнѣйшей эпохѣ, или каменному вѣку, принадлежащій орнаментъ состоитъ исключительно изъ выдавленныхъ или нацарапанныхъ на сосудѣ черточекъ и точекъ (фиг. 240, n); между тѣмъ какъ въ бронзовомъ вѣкѣ преобладаетъ орнаментъ изъ спиральныхъ, волнистыхъ и дугообразныхъ линій, то горизонтально тянущихся вокругъ сосуда, то расположенныхъ концентрически на его бокахъ: такой же точно орнаментъ находимъ и на бронзовомъ оружіи и на украшеніяхъ этого вѣка (фиг. 227; фиг. 231).

Въ большемъ разнообразіи и нерѣдко въ истинно художественныхъ сочетаніяхъ встрѣчаются эти орнаменты (вырѣзанные или выбитые) на металлическихъ сосудахъ (фиг. 241, d, g), которые отличаются отъ глиняныхъ еще и своимъ профилемъ, нерѣдко очень изящнымъ, и своими болѣе соответствующими назначенію сосуда формами. Многіе изъ нихъ, совершенно схожіе съ нынѣшними противнями, горшками съ крышками и т. д. ¹ не-

Фиг. 241.

сомнѣнно служили для приготовленія пищи (фиг. 241, а, с, х). Другіе, иногда золотые и весьма богато украшенные, вѣроятно употреблялись исключительно при богослуженіи (фиг. 241, b, c). Во всякомъ случаѣ,

¹ Кромѣ множества примѣровъ, разсѣянныхъ въ часто упоминаемыхъ сочиненіяхъ, ср. *Memoirs illustrative of the History etc. of Lincoln*, p. XXX.

матеріалъ, форма и отдѣлка этихъ сосудовъ заставляютъ признать за ихъ изготовителями, безъ сомнѣнія Кельтами, уже значительно выработавшуюся ремесленную технику.

Кромѣ описанныхъ глиняныхъ и бронзовыхъ сосудовъ, равно находимыхъ какъ въ британскихъ, такъ и въ галльскихъ и германскихъ могилахъ, открыто сравнительно немного другихъ вещей, принадлежавшихъ домашнему обиходу. Сюда относятся: бронзовые обручи съ подвижными ручками для деревянныхъ ведеръ ¹ и даже остатки самыхъ ведеръ съ уцѣлѣвшими на нихъ обручами; ручныя мельницы самаго первобытнаго устройства, то есть состоящія изъ двухъ камней—нижняго и верхняго; ² далѣе, частью каменные, частью бронзовые серпы, орала и другія орудія, изъ коихъ нѣкоторыя уже перечислены выше (стр. 65 и слѣд.); наконецъ, сюда же должно прибавить бронзовые щипчики, вещицы имѣющія видъ ложекъ и небольшіе инструменты, совершенно похожіе на ножницы употребляемые для стрижки овецъ ³.

Мебель.

Такъ какъ всѣ описываемыя племена жили большею частью на открытомъ воздухѣ, даже и всѣ свои работы, не исключая и ремеслъ, исполняли внѣ дома, то, конечно, жилища ихъ не могли быть достаточно снабжены принадлежностями удобной комнатной жизни. Пока Бритты, Галлы и Германы не подчинялись еще вліянію римской цивилизаціи, они не знали никакой другой мебели кромѣ самыхъ простыхъ скамеекъ и лавокъ, для сидѣнья и спанья. Кочевыя племена спали просто на землѣ, завернувшись въ шкуры служившія имъ одеждою; болѣе развитые, осѣдлые Бритты и Галлы подстилали подъ себя шкуры волчьи и собачьи, на которыхъ они также и сидѣли, по восточному поджавъ подъ себя ноги. Когда они садились пировать, то рядомъ съ пирующими разводили огонь и на немъ жарили и варили мясо, въ котлахъ и на вертелѣ. Прислуживали мальчики и дѣвочки (Diod. V, 28. Strab. IV, 4).—У Германцевъ встрѣчаемъ подобное же употребленіе звѣриныхъ шкуръ для постели. Особенно любили они спать на медвѣжьихъ шкурахъ. Цѣлые дни, рассказываетъ Тацитъ (Germ. 17), проводятъ они, сидя пагшомъ вобругъ огня и предаются сну и обжорству, если только ихъ не выгоняетъ война или охота (Tacit. Germ. 15. Cp. Cäs. bell. gall. VI, 21, 28). При попойкахъ, (которыя большею частью кончались кровавыми драками, вследствие признанной неумѣренности Германцевъ въ употребленіи хмѣльных напитковъ: Tacit. Germ. 22, 23) Германцы, кажется, не лежали, какъ Галлы, а сидѣли вокругъ стола на скамьяхъ и чурбанахъ. Въ Британіи и Германіи сохранилось много сѣдалищъ, грубо сдѣланныхъ изъ камня, въ видѣ массивныхъ скамей и креселъ. Вѣроятно, это — принадлежности судилищъ и мѣстъ богослуженія ⁴.

¹ L'Abbé Cochet: La Normandie souterraine (2 Ed.), p. 391 sqq. 398; еще Pl. XV, Fig. 8; Pl. XVII, Fig. 11; и выше стр. 635. — ² G. Klemm: Handbuch der germanischen Alterthumskunde, Tab. I, Fig. 1 и 2. — ³ Рисунки у A. Worsaae: Afbildninger, p. 51; Fig. 207—214. — ⁴ F. Mosch: Die alten heidnischen Opferstätten и т. д., p. 9, 17, 18, 20, 22 sqq.; въ нимъ рисунки: Fig. 3; 23; 30, а; 32, а; 32, b.

Игры.

Несмотря на то, что Тацитъ (Герм. 24), не менѣе чѣмъ въ пьянствѣ, упрекаетъ Германцевъ и въ пристрастія къ игрѣ, игральныя приборы и принадлежности встрѣчаются рѣдко ¹. Въ галльскихъ и германскихъ курганахъ найдены только игральныя кости, совершенно схожія съ нынѣшними, ² да и тѣ, кажется, римскаго издѣлія; — но въ тѣхъ и другихъ попадаются дѣтскія игрушки — обыкновенно миниатюрныя подражанія глиняной посуды всякаго рода, небольшія погремушки и т. п. ³.

Какъ у Галловъ, такъ и у Германцевъ музыка не принадлежала къ общественнымъ забавамъ, а была связана съ богослужебными обрядами, служа аккомпаниментомъ при молитвахъ и воззваніяхъ къ богамъ. Пѣвцы славословили героевъ и боговъ эпическими стихами, сопровождая ихъ струнными звуками (ср. Tacit. Annal. II, 88 Lucan. I, v, 447. Athen. IV, 37; VI 49). Только въ этомъ значеніи музыка и преподавалась вѣроятно у галло-британскихъ друидовъ, составляя спеціальность пѣвцовъ или бардовъ (Diod. V. 31. Ammion. IX. 15); у Германцевъ же она была свободнымъ искусствомъ, въ которомъ упражнялись и жрецы и воины.

Музыкальные инструменты были вѣроятно простаго устройства: у Галловъ и Бриттовъ они состояли можетъ быть изъ струнныхъ приборовъ въ родѣ лиръ, арфъ (Diod. II 47; V. 31. Ammian. X, 15), у Германцевъ сверхъ того еще изъ подобія скрипки, на которой играли смычкомъ. ⁴ Остатковъ музыкальныхъ инструментовъ не сохранилось никакихъ, кромѣ только вышеописанныхъ воинскихъ трубъ (фиг. 235).

До войны съ Римлянами, весь боевой снарядъ Галловъ и Бриттовъ заключался въ однихъ военныхъ колесницахъ, вѣроятно принесенныхъ ими въ Европу изъ ихъ азіатской прародины.

Устройство этихъ колесницъ было безъ сомнѣнія такое же, какъ и древнеазіатскихъ, но онѣ были конечно проще и не такъ богато украшены, какъ тѣ (ср. фиг. 113 и 162). У Бриттовъ, приводившихъ въ изумленіе даже Римлянъ своею необыкновенною ловкостью въ управленіи колесницами, онѣ иногда снабжались косами (мѣдными или желѣзными), какъ и у древнихъ Персовъ (Cäsar de bell. gall. IV 33; VIII, 14. Tacit. Agric. 12. Dio Cass. LXXVI, 12. Strabo, IV, 5. Mela и др.). Галльскія колесницы запрягались парой лошадей и служили также для обыкновенной ѣзды. На бой выезжали на каждой колесницѣ не болѣе двухъ человекъ, именно ратникъ и возница, который обыкновенно принадлежалъ къ благородному сословію (Diod. V, 29. Tacit. Agric. 12).

¹ G. Klemm: Kulturgeschichte des christlichen Europa, I, 36.—² L'Abbé Cochet. La Normandie souterraine (2 éd.), Pl. VI, Fig. 5 и 7.—Ср. A. Warsaë: Afbildninger, p. 93, Fig. 366.—F. Lisch: Jahrbücher, III Jahresbericht, p. 44 sqq.—³ G. Klemm, смотри выше, p. 34.—Его же: Handbuch der germanischen Alterthumskunde, p. 83.—

⁴ Ср. G. Klemm: Handbuch der germanischen Alterthumskunde, p. 132. — A. Weinhold: Altnordisches Leben, p. 344.

У Германцевъ были вѣроятно только четырехколесныя телѣги. Они употребляли ихъ и на войнѣ, но только для перевозки женщинъ и имущества. Изъ нихъ устраивали также родъ укрѣпленій на полѣ сраженія, какъ уже было замѣчено выше (стр. 75). Исключеніе составляли, можетъ быть, одни Кимвры. Они долго жили на телѣгахъ, какъ воинственный кочующій народъ и, вѣроятно, употребляли ихъ въ бою (Strab. XII, 2). — Найденныя въ галльскихъ и германскихъ могилахъ бронзоваго вѣка, маленькія, трехъ—и четырехъ-колесныя, красиво отлѣанныя бронзовыя телѣжки, назначеніе которыхъ опредѣлить довольно трудно,¹ принадлежали вѣроятно къ богослужебной утвари, которой было безъ сомнѣнія не мало, какъ у Германцевъ, такъ и у друидическихъ Кельтовъ. У послѣднихъ она помѣщалась въ священныя ограды, въ рощахъ посвященныхъ божеству, и отчасти хранилась подъ надзоромъ жрецовъ.

Въ Галліи, недалеко отъ греческой колоніи Массиліи, находилась дубовая роща, вся наполненная жертвенниками и символами божествъ. По описанію римскаго поэта Аннея Лукана (Pharsal. III, v. 399 sqq.), она походила на дѣвственный лѣсъ, къ которому не прикасался топоръ: „густо переплетающіяся вѣтви наполняютъ еѣ наводящимъ ужасъ мракомъ; не паны и нимфы обитаютъ въ ней, а стоятъ богохульные жертвенники, обрызганныя человѣческою кровью деревья и суковатые пни, представляющіе изображенія боговъ.“

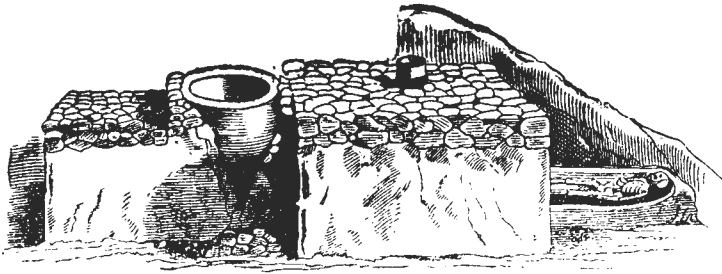
О знаменитѣйшей священной рощѣ Германовъ, лежавшей на островѣ среди океана, и посвященной богинѣ „Нертѣ“, рассказываетъ Тацитъ (Germ. 40). Въ ней стояла священная колесница богини, покрытая ковромъ. Только жрецъ могъ прикасаться къ ней. Почувявъ присутствіе богини, онъ запрягалъ въ колесницу коровъ и вывозилъ еѣ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. По окончаніи процессіи, которая сопровождалась всеобщимъ ликованіемъ, колесницу вмѣстѣ съ ковромъ мыли въ скрытомъ озерѣ и потомъ увозили обратно въ священную рощу, а рабовъ, мывшихъ колесницу, топили въ томъ же самомъ озерѣ.

Несравненно сложнѣе церемоніальной утвари (къ которой должно отнести и описанную колесницу), была утварь жертвенная, употреблявшаяся какъ германскими жрецами, такъ и друидами при торжественныхъ и тайныхъ жертвоприношеніяхъ, частью человѣческихъ и животныхъ, частью безкровныхъ, при сожженіяхъ, и т. п. Кромѣ жертвенниковъ, которые первоначально дѣлались изъ неотесаннаго камня, а впоследствии, покрайней мѣрѣ въ Германіи, складывались изъ отлѣанныхъ камней, и были снабжены котлами, горшками и т. п. (фиг. 242), имѣлась безъ сомнѣнія весьма разнообразная по формѣ, хотя и безъ символическаго значенія, утварь для умерщвленія обреченныхъ на жертву, для принятія ихъ крови, для варенія, сжиганія жертвъ и т. д. Многіе каменные топоры и ножи, найденные въ могилахъ Галліи, Британніи и Германіи, затѣмъ — разныя бронзовыя вещи, напримѣръ, тѣ, которыя трудно причислить къ домашней утвари; на-

¹ Объ этихъ находкахъ, точно объясняющихъ по крайней мѣрѣ устройство телѣгъ, ср. особенно F. Lisch: Jahrbücher des Vereins für mecklenh. Geschichte u. t. d., IX, 372 sqq.; XV, 271 sqq.; XVI, 261; XVIII, 253; XX, 290 sqq. mit Abbildungen.

конецъ, множество глиняныхъ и металлическихъ сосудовъ, выкапываемыхъ въ курганахъ (стр. 85), принадлежали, вѣроятно, къ жертвенной утвари.

Фиг. 242.

У Германцевъ главною жертвенною утварью былъ котелъ.¹ Такой котелъ, сдѣланный изъ мѣди и вмѣщавшій въ себѣ около 20 амфоровъ, Кимвры возили даже съ собою въ своихъ кочевкахъ. На становищахъ его ставили на землю и насыпали передъ нимъ кучу земли. Надъ этимъ котломъ женщины убивали военнопленныхъ, перерѣзывая имъ мечомъ горло, и по крови въ котлѣ предсказывали побѣду на войнѣ (Strab. VII, 2).

У друидовъ, обреченныхъ на жертву людей или распинали, или набивали камнями, или убивали стрѣлами. Впрочемъ, такъ поступали обыкновенно съ преступниками; военнопленныхъ варварски сжигали цѣлыми кучами, и иногда вмѣстѣ съ животными. Кромѣ того, гадали по судорогамъ истязуемыхъ, и съ этой цѣлью вонзали избранной жертвѣ мечъ въ спину. Сожженіе массами происходило обыкновенно въ священныхъ рощахъ; жертвы клались въ колоссальныя корзины сплетенныя изъ вѣтвей и едва ли не въ формѣ человѣческаго тѣла (Cäs. bell. gall. VI, 16. Cic. p. Fonteij. 21. Diod. V, 32. Tacit. Annal. XIV, 30. Strab. IV, 4. Lucan. I, 444. Mela, III, 2. Plin. VII, 2; XXX, 4).

До близкихъ сношеній съ Римлянами, у Бриттовъ, Галловъ и Германцевъ не было, кажется, челоѣкоподобныхъ идоловъ, хотя Тацитъ и упоминаетъ объ ихъ существованіи у Бриттовъ (Tacit. Annal. XIV, 32). Какъ видно изъ Лукана (стр. 672), у нихъ и у Галловъ символами божествъ служили простые пни; а касательно Германцевъ есть прямые свидѣтельства объ отсутствіи у нихъ идоловъ (Tacit. Germ. с. 9). — Мелкія фигуры, глиняныя и металлическія, во множествѣ находимы преимущественно въ Германіи, суть ничто иное, какъ копіи съ изображеній римскихъ боговъ, частью даже римскія издѣлія. Нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно относятся къ послѣримскому времени, многія — даже къ христіанскимъ среднимъ вѣкамъ, а иногда и къ концу ихъ, къ XV и XVI вѣку².

¹ J. Grimm: Deutsche Mythologie (3 Ausg.), p. 48 sqq. — ² Объ изображеніяхъ боговъ у Германцевъ, см. особ. J. Grimm: Deutsche Mythologie (3 Ausg.), p. 93 sqq. G. Klemm: Handbuch der germanischen Alterthumskunde, p. 274 mit Abbildungen. Ср. также рисунки изъ многихъ собраній, указанныхъ выше, какъ-то: C. Wagner. P. Poulsen. F. Lisch и т. д.

Испанія ¹ или Иберія, у Грековъ—Гесперія (Hesperia),—эта, по выраженію Страбона (II, 4) „самая западная часть Европы, похожая на (распаленную) воловью шкуру, шея которой переходитъ въ сосѣднюю Галлію,“—носитъ рѣшительно горный характеръ, въ противоположность выше описаннымъ землямъ. Высокія цѣпи горъ, тянущіяся отъ востока къ западу, раздѣляютъ ее на обширныя плоскогорья различной высоты, прерываемыя долинами, по которымъ текутъ обильныя, но не многоводныя рѣки. Даже и самыя большія изъ нихъ — Эбро, Дуэро, Гвадіана и др. судоходны только близъ устьевъ, остальные же, вмѣстѣ съ своими притоками, лѣтомъ пересыхаютъ. Вслѣдствіе этого недостатка въ орошеніи, а также и возвышенности плоскогорій, растительность въ сѣверныхъ и среднихъ частяхъ Испаніи вообще скудна. Только въ долинахъ и по склонамъ Пиринеевъ есть довольно мѣстъ плодородныхъ и удобныхъ для воздѣлыванія, но далѣе къ югу, за предѣлы среднего плоскогорья, тянутся одни сухія пастбища, годныя лишь для мелкаго скота. Плоскогорья Новой Кастиліи представляютъ необозримую песчаную равнину, скудно поросшую дрокомъ и верескомъ и лишь мѣстами покрытую лѣсомъ и кустарникомъ. — Растительность становится богаче на склонахъ Астурійскихъ горъ, ниспадающихъ къ югозападу, и особенно въ долинахъ, образуемыхъ отрогами этой цѣпи, круто обрывающимися въ море. Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ роскошнѣе становится она и внутри страны (въ Андалузій), именно по берегамъ рѣкъ. Она достигаетъ своего высшаго развитія къ югу отъ Сьерры-Морены (въ древности *Magianus*) и въ долинахъ Сьерры-Невады (*Shirula*), по склонамъ горъ, окаймляющихъ море. Здѣсь, въ климатѣ, увлажненномъ близостью моря, растутъ въ изобиліи (кромя хлѣба всѣхъ родовъ): виноградъ, смоковница, миндальное и оливковое дерево; здѣсь возвышаются цѣлыя рощи пальмъ и тѣнистыхъ апельсиновыхъ деревьевъ, воздѣлывается рисъ и сахарный тростникъ; бананы и плодовой кактусъ указываютъ на близость Африки.

Такова въ общихъ чертахъ была, вѣроятно, природа Испаніи съ самаго начала. Такою описываютъ ее и древніе. По ихъ свидѣтельству, и тогда сѣверныя области были суровы и малообитаемы, съ тощей и гористой почвой, только лѣсу было въ нихъ больше, чѣмъ теперь. Средняя часть страны была гориста; зимой въ ней также, какъ и въ сѣверныхъ мѣстно-

¹ За исключеніемъ немногихъ сочиненій, указываемыхъ въ текстѣ, тщетно искалъ я пособій, особенно посвященныхъ изученію испанскихъ древностей, раскопокъ изъ до-римской эпохи и т. под. Хорошо сопоставленный матеріалъ представляетъ трудъ A. de Laborde: *Voyage pittoresque et historique de l'Espagne*. 4 Vol. Fol. Paris. 1806—1820 (также въ нѣмецкомъ переводѣ: *Malersische und historische Reise in Spanien*, kl. 8, Lpz., 1809. Съ дополненіями изъ труда того же автора: *Itineraire descriptif de l'Espagne*, Paris. 1807).—Maltebrun: *Moeurs et usages des anciens habitants de l'Espagne* etc. въ *Annales des voyages, de la géographie et de l'histoire* V. Paris. 1808.—W. v. Humboldt: *Prüfung der Untersuchungen über die Urbewölkerung Hispaniens vermittelt der vaterländischen Sprache*. Berlin. 1821.—L. Georgi: *Alte Geographie* и т. д. II. Abtheilung. Stuttgart. 1840, p. 6—55; это — подробная обработка извѣстій древнихъ писателей съ постояннымъ обращеніемъ къ сохранившимся доселѣ памятникамъ, отголоскамъ старины въ народномъ бытѣ и т. д. Для историческихъ свѣдѣній, и именно относительно финикійскихъ колоній, см. Chr. Movers: *Das phöniciſche Alterthum*, Berlin, 1850, II, 579 sqq. Также W. Wachsmuth: *Allgemeine Kulturgeschichte*, Leipzig, I, 269. — Разныя, только разбросанныя, замѣчанія у R. Ford'a: *A Handbook for Travellers in Spain*, 2. part, third edit. London, 1855 (здѣсь же подробныя указанія на испанскую литературу),

стяхъ, часто падалъ снѣгъ. Древніе знали, что Испанія богата рѣками, но имъ было также извѣстно, что онѣ мелки и высыхаютъ въ жары (Strabo, III. Diod. V, 35. Cäsar, bell. civil. I, 60. Plin. III, 3; XXXVI, 77. Livius, XXI, 61. Appian. VI, 47. Mela, III, 1). Южныя области и они прославляли за ихъ положеніе, культуру и продукты; хваля ихъ красоту и плодородіе, они, вѣроятно, ради нихъ съ восторгомъ отзывались и обо всемъ полуостровѣ. Они указываютъ на „изобиліе въ немъ людей, лошадей, желѣза, свинца, мѣди, серебра и золота“. По ихъ словамъ, это — такая щедрая страна, что „даже тамъ, гдѣ по недостатку воды она какъ бы измѣняется себѣ, она производитъ въ изобиліи ленъ и дрокъ (spartum). (Mela, II, 6. Iust. XLIV, I, 2. Claudian. Laud. Seren., v. 54).

Такое разнообразіе мѣстныхъ условій не могло не оказать сильнаго вліянія на развитіе иберійскаго населенія Испаніи. Чѣмъ дольше жили Иберы въ извѣстной мѣстности, тѣмъ сильнѣе отпечатлѣвался на нихъ ея особенный характеръ. Горы съ ихъ замкнутыми долинами, пересыханіе рѣкъ, задерживавшее сношенія, — все способствовало къ раздробленію прикочевывающаго сюда племени на нѣсколько народцевъ, которые стремились или сохранить, или расширить разъ добытую землю. Племена, постепенно проникавшія на сѣверъ и наконецъ осывшіяся тамъ на безводныхъ равнинахъ и въ ущельяхъ горъ, поддерживали свое жалкое существованіе частью пастушествомъ, частью разбоемъ (Diod. V, 34). Земледѣльскій бытъ развился только по побережью большихъ рѣкъ и на благословенномъ югѣ. Впрочемъ, и здѣсь не было недостатка въ разнообразіи почвы; и здѣсь горы раздробляли населеніе на своеобразныя группы. Нигдѣ не возникло сильнаго единства, и первоначальное населеніе должно было уступить новымъ, болѣе образованнымъ пришельцамъ.

Необыкновенное плодородіе юга Испаніи, а особенно неизчерпаемое изобиліе благородныхъ металловъ, о которомъ рассказывали чудеса даже позднѣйшіе писатели (Strabo. III. Diod. V, 36, 37. Plin. XXXIII, 6), не укрылись отъ разсчитливаго духа торговыхъ націй. Задолго до того времени, когда Иберы оцѣнили свои сокровища и выучились пользоваться ими, южное побережье Испаніи сдѣлалась сначала скрытною цѣлью финикійскихъ купцовъ, а потомъ главнымъ пунктомъ обширной колонизаціи Тирянъ, уже около 1100 года до Р. Х. основавшихъ тамъ колонію Гадесъ. Отсюда распространились они, какъ единственные владѣльцы этой земли, сначала на западъ, потомъ съ полнымъ успѣхомъ заняли южный берегъ и даже всю Турдетанію, эту лучшую часть полуострова. Ихъ сношенія простирались далеко вглубь страны. Даже по восточному и западному побережью были разбросаны ихъ торговые склады, повсюду защищаемые оружіемъ отъ нападений туземцевъ. — Кажется, первыми рѣшительными соперниками у нихъ были кочевыя племена Кельтовъ, ворвавшіяся съ сѣверовостока въ теченіе восьмага и седьмага вѣка. Слившись отчасти съ Иберами, Кельты наводнили страну до крайнихъ ея предѣловъ. Не успѣли еще установиться отношенія между Кельтиберами и оттѣсненными на югъ Финикіянами, какъ послѣдніе были подорваны паденіемъ ихъ метрополія, тирскаго царства. Блестящій и цвѣтущій Кароагенъ сталъ независимымъ.

Его флотъ овладѣлъ моремъ,—и онъ спѣшилъ утвердить свою державу и въ Испаніи основаніемъ новыхъ колоній. Овладѣвъ островомъ Ebusus, онъ уже въ 654 году до Р. X. могъ считать себя владыкой торговли и главныхъ земель въ Испаніи. (Ch. Movers, II, 656 sqq.). Между тѣмъ и греческіе купцы оцѣнили сокровища Испаніи и, кажется, вступили въ близкія сношенія съ Турдетанцами или Тартессцами. Слѣдствіемъ этого были колоніи Самосцевъ и Фокейцевъ, которымъ покровительствовали тартесскіе царьки (Aganthonius).¹ Впрочемъ, онѣ не могли утвердиться въ виду Кароагенянъ, которые были очень ревнивы къ своей монополіи и умѣли неослабно защищать ее вооруженной рукой. Въ 348 году до Р. X. они снова захватили всю торговлю, а съ правленія ихъ полководца Гамилькара — и владычество надъ всѣмъ полуостровомъ (237 г. до Р. X.).

Римъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за возрастающимъ могуществомъ Кароагена и поспѣшилъ заключить съ своимъ будущимъ соперникомъ договоръ о границахъ (228 г. до Р. X.). Нарушеніе договора послужило знакомъ къ войнѣ. Послѣ долгой и сильной борьбы, Кароагенъ былъ принужденъ, наконецъ, отказаться отъ своихъ владѣній въ Испаніи; а царствовавшее тамъ разъединеніе народа какъ бы призывало Римлянъ къ господству. Впрочемъ, Римляне встрѣтили отчаянное сопротивленіе повсюду, въ особенности же внутри страны. Исключеніе представляли только южныя племена, уже успѣвшія изнѣжиться. Необузданная храбрость, коварство и хитрость, гордость и презрѣніе къ смерти—вотъ оружіе, которымъ Испанцы боролись съ военнымъ искусствомъ Римлянъ. Благодаря своей умѣренности и выносливости, они охотно переносили всевозможныя лишенія (Justin. XLIV. 2. Phylarch. ap. Athen. II, 44). Имъ оказывали огромную услугу горы, столь благопріятныя мелкой войнѣ. Всѣхъ этихъ условій достаточно для объясненія продолжительности борьбы, лившейся два вѣка. То была борьба не на жизнь, а на смерть, — губительная народная борьба въ полномъ смыслѣ этого слова. Когда прекратилась она, страна была лишена своихъ лучшихъ народныхъ силъ. Послѣ того, какъ Августъ обратилъ ее (въ 25 г. до Р. X.) въ римскую провинцію, (Hispania Tarraconensis или citerior, Baetica или Hispania ulterior и Lusitania), въ которую еще во время войны проникло сильное вліяніе Рима, уже не долго было ждать ея полного романизированія. Впрочемъ, на сѣверѣ и внутри страны, среди смѣшаннаго народа Кельтиберовъ, надолго уцѣлѣла первобытная простота жизни стараго, иберійскаго, населенія. Черты древне-испанской національности, замѣченныя Римлянами, и доселѣ сохранились въ народѣ поразительно прочно (ср. Strab. III).

Древнѣйшія описанія Испаніи и ея обитателей не идутъ дальше вѣка Августа. Наиболѣе подробныя извѣстія принадлежатъ Страбону (III) и Діодору (V, 33 — 39). Отчасти, впрочемъ скудно, дополняются они другими и большею частью еще болѣе поздними авторами. Для изученія первоначальнаго быта Испанцевъ, можно пользоваться этими писателями только въ тѣхъ случаяхъ, когда они касаются племенъ, еще не трону-

¹ Herod. I, 163. Strabo, III. Appian. VI, 5.

тыхъ въ ихъ время чуждымъ (римскимъ) вліяніемъ, т. е. обитателей сѣверныхъ и среднихъ частей страны, или собственно Кельтиберовъ.—Что касается монументальныхъ памятниковъ до-римской эпохи, то ихъ происхождение вообще сомнительно. Повидимому, они отчасти принадлежатъ Кельтамъ, отчасти же финикійскимъ колонистамъ. Это—либо кучи камней, разбросанныя по всему сѣверу,¹ въ родѣ тѣхъ, которыя мы находимъ повсюду у Кельтовъ, либо развалины стѣнъ циклопической постройки² и обломки грубыхъ изваяній, относимыхъ къ финикійскому культу.³ Мы не говоримъ о новѣйшихъ открытіяхъ, въ родѣ выкрашеннаго каменнаго саркофага въ Таррагонѣ:⁴ это — еще не разгаданная загадка (!). — Такимъ образомъ, монументальные памятники не могутъ служить опорой при изслѣдованіи древне-испанскаго быта. Но и свѣденія о немъ у вышеупомянутыхъ писателей такъ же мало удовлетворительны по своей сбивчивости и спутанности.

Эти писатели часто смѣшиваютъ старое съ новымъ. Такъ и говоря о народной одеждѣ, они не могутъ совершенно освободиться отъ подобныхъ ошибокъ, вообще свойственныхъ ихъ времени. Это видно уже изъ ихъ взгляда на промышленность Испанцевъ, особенно по отношенію къ обработкѣ продуктовъ, а также изъ слишкомъ общихъ и неясныхъ указаній на одежду, украшенія и вооруженіе разныхъ племенъ. У нихъ не всегда даже опредѣлены время, мѣсто и народъ. Вообще они ограничиваются описаніемъ предметовъ такъ, какъ тѣ представлялись имъ. Они хвалятъ, напримѣръ, и тщательно описываютъ, какъ хорошо имъ извѣстное дѣло, горный промыселъ, издавна весьма развитый на югѣ Испаніи (Strab. III. Diod. V, 36, 37); и въ то же время у нихъ самыя чудныя представленія о стальномъ производствѣ внутри страны, котораго они, очевидно, не знали (Diod. V, 33. Ср. Gustin. XLIV, 2). Говоря о продуктахъ, обработкой которыхъ особенно славилась Испанія, они ставятъ рядомъ, какъ одновременныя, шерстяное и льняное производства. Между тѣмъ какъ шерсть, собираемая съ овецъ, которыя издревле разводились въ Испаніи въ обширѣйшихъ размѣрахъ, безъ сомнѣнья обрабатывалась тамъ несравненно ранѣе льна, который стали воздѣлывать гораздо позже. Лишь въ послѣдствіи оба матеріала соединялись въ торговлѣ и ихъ выѣстъ переправляли въ Римъ огромными партіями, иногда сырьемъ, иногда въ видѣ разнообразныхъ матерій. — Тогда-то въ Сѣтабисѣ, Целѣ, Таррагонѣ и Картагенѣ явились знаменитыя шерстяныя и полотняныя мануфактуры. На нихъ изготовлялись отличной доброты верхнія одежды изъ толстой шерсти (*lascerae*) и тончайшая полотняная одежда, съ пурпурной обшивкой или съ широкими пурпурными полосами (Polyb. III, 114. Livius, XXII, 46. Plin. XIX, 1. Sil. Ital. III, v. 373). Последняя дорого цѣнилась за свою блестящую бѣлизну и дорогія обшивки. Хотя Страбонъ (III) и называетъ ее испанскимъ изобрѣтеніемъ,

¹ Между прочимъ, ср. J. Gailhabaud: (Keltische) Denkmäler, въ главѣ о «долменахъ» и «погребальныхъ камняхъ», съ ссылкою на сочиненіе Mendoça de Pina.—R. Ford: A Handbook for Travellers in Spain, I, 265.—² A. de Laborde: Malerische und historische Reise in Spanien (Kleine, deutsche Ausgabe), II, 190 sqq.—³ Его же, см. выше, I, 155 sqq. Taf. XV. № 1 и 3.—⁴ J. v. Minutoli: Altes und Neues aus Spanien, Berlin, 1954, II, 153: «Das Herkulesgrab in Tarragona» Съ раскраш. рисунками.

она несомнѣнно продуктъ старо-финикійской промышленности. Даже и въ позднѣйшее время большая часть городовъ Турдетаніи были наполнены Финикійянами и въ Барциѣ (Барселонѣ) процвѣтало одно изъ тѣхъ пурпурно-красильныхъ заведеній, которыя были устроены ими здѣсь и по всей Испаніи задолго до Кароагенянъ.¹ — Изъ дрока, произрастающаго здѣсь въ чрезвычайномъ изобиліи, очень искусно приготовляли разныя плетенья, снасти, канаты, корзинки, рогожи и т. под. Эти продукты составляли предметъ значительнаго вывоза въ Римъ и другія мѣста (Strabo, III. Plin. XIX, 2).² Сверхъ того, горы и рѣки доставляли разные драгоценные камни, между которыми главную роль игралъ „тарсисъ“ (хризолитъ). Последній былъ открытъ Финикійянами въ началѣ ихъ торговой дѣятельности; по этому неудивительно, что онъ уже употреблялся въ наперсникѣ израильскихъ первосвященниковъ (Ч. I. стр. 242)³.

Древніе дѣлили испанское населеніе на Кельтовъ, чистыхъ Иберовъ и Кельтиберовъ. Въ римскую эпоху первые занимали сѣверъ страны, послѣдніе, какъ уже было замѣчено, — ея центръ. Чистые Иберы, хотя и были распространены повсюду, но преимущественно владѣли югомъ. Впрочемъ и здѣсь жили Кельты и Кельтиберы, разсѣянные между финикійскими колонистами, такъ что врядъ ли писатели, которыхъ мы имѣемъ въ виду, были въ состояніи точно разграничивать всѣ эти племена.

Самымъ дикимъ изъ этихъ народовъ были Кантабры, обитатели западныхъ Пиренеевъ (Sil. Ital. III). По развитію ближе всѣхъ стояли къ нимъ (нѣсколько менѣе грубые) жители центральной (горной и степной) области; далѣе слѣдовали еще болѣе развитые Иберы и, наконецъ, самые образованные изъ нихъ — Турдетанцы, занимавшіе почти всю благословенную Бетику. Во времена Страбона и Діодора послѣдніе были уже совершенно романизованы. Они жили въ городахъ и занимались науками. Одѣвались они поримски, вслѣдствіе чего ихъ называли „stolati“ или „togati“, въ противоположность ихъ сѣвернымъ сосѣдямъ. Во время Серторія (80 г. до Р. X.) римское вліяніе, а съ нимъ и тога, были распространены уже далеко внутри страны.

Одежда, украшенія и вооруженіе.

На сѣверныхъ и западныхъ племенахъ, не тронутыхъ римскимъ вліяніемъ, долго лежалъ отпечатокъ кельтской и кельтиберской народности. Эти „обитатели центра страны и сѣвера, или горъ“, по большей части, носили только черныя плащъ изъ грубой шерсти, который служилъ имъ и постелью. Это было ничто иное, какъ продолговатый кусокъ матеріи, накидываемый на плеча. Подобный же плащъ, какъ кажется составлявшій народную одежду собственно Кельтиберовъ, былъ принятъ и остальнымъ иберійскимъ населеніемъ, какъ военное одѣяніе (sagum), только въ этомъ случаѣ онъ былъ богаче отдѣланъ и окаймленъ пурпуромъ (Appian. VI, 42, 54). Иные

¹ Chr. Movers: Das phönische Alterthum, II 636. — ² Cp. A. Fischer: Gemälde von Valencia, I, 164 sqq. — ³ О „тарсисѣ“ см. особенно у Chr. Movers'a: Das phönische Alterthum. II, 592, 597. sqq.

обвертывали себѣ ноги волосяными повязками, другіе носили настоящіе штаны, вѣроятно перенявъ ихъ отъ (галльскихъ) Кельтовъ. Этотъ обычай и послужилъ можетъ быть поводомъ къ обозначенію одной вѣтви (кельтскаго?) племени Галлеціевъ, жившей между Дуэро и Миньо, названіемъ „braccarii“ (Tacit. Agric. 11. Plin. III, 4; IV, 34. Flor. II, 17; Sil. Ital. III, v. 353. Dio Cass, XXXVII, 53.) Всѣ эти племена, а особенно жители горъ, носили длинные распущенные волосы.

Женщины одѣвались въ пестрое платье, которое иногда походило на рубашку, иногда же состояло изъ двухъ полотнищъ, связанныхъ шнурами. Ихъ украшенія должны были казаться Римлянамъ довольно „варварскими“. Однѣ носили желѣзные ожерелья, отъ которыхъ шли рога по бокамъ и сзади, торчавшіе надъ головой, а на нихъ навѣшивалась длинная вуаль, скрывавшая лицо (Strabo, III). У другихъ были шапки, въ родѣ бубновъ, которыя плотно прилегая къ затылку до ушныхъ мочекъ, расширялись вверхъ и по сторонамъ. Наконецъ, третьи наставляли на голову тросточку, съ футъ вышиной, обматывали ее волосами и прикрѣпляли къ ней черную вуаль. — Страбонъ и Діодоръ указываютъ на свойственный этимъ племенамъ оригинальный обычай мыться и даже чистить зубы уриной. А нѣкоторые народы на рѣкѣ Дуриѣ, по ихъ словамъ, часто намазывались масломъ и мылись какъ въ холодной водѣ, такъ и въ паровыхъ баняхъ.

Вооруженіе и всѣ военные снаряды древнѣйшаго населенія Испаніи казались Римлянамъ столь же варварскими, какъ и его украшенія. — Оборонительное оружіе состояло изъ большихъ и малыхъ ручныхъ щитовъ. У сѣверныхъ народовъ они были четырехугольные и круглые, какъ у Галловъ; при этомъ первые были легки и небольшихъ размѣровъ, вторые — значительной величины. Щиты Лузитановъ отличались особеннымъ устройствомъ: ихъ плели изъ животныхъ жилъ и давали имъ форму круглаго таза въ два фута въ поперечникѣ; ни кольца ни рукояти на нихъ не было, а носили ихъ на ремнѣ, и такъ искусно дѣйствовали ими, что, при необычайной ихъ прочности, всякое другое оборонительное оружіе становилось почти ненужнымъ (Diod. Strab.). Такъ и было на самомъ дѣлѣ; большая часть воиновъ защищались только одними щитами; лишь немногіе — вѣроятно изъ знатныхъ — надѣвали мѣдные шлемы съ пучкомъ красныхъ волосъ и холщевые или кольчатые нагрудники. Иные вмѣсто шлема накрывали голову шапкою, сплетенною изъ жилъ животныхъ. Сражавшіеся съ непокрытою головою, подвизывали свои длинные волосы повязками. Пѣшіе ратники защищали себѣ ноги паножниками, кожаными, металлическими или волосяными (Strab. Diod.).

Разнообразіе было наступательное оружіе, которое изготовляли изъ закаленного желѣза (стали) (Diod. V. 33). Оно состояло изъ длинныхъ, обоюдоострыхъ мечей („которымъ не могъ сопротивляться ни щитъ, ни панцирь“), кинжаловъ, которыми Испанцы превосходно владѣли въ ручномъ бою, и разнаго рода метательныхъ копій, извѣстныхъ у Римлянъ подъ названіями: „gaesum, lantia, bidens, fallarica, tragula“; нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе похожія на стрѣлы назывались „sarrum, verutum, sudes“ (Sil. Ital. V, v. 351. Lucil. fragm. XXX, v. 55). Они отчасти были всѣ желѣзные, отчасти состояли изъ древка и желѣзнаго или мѣд-

наго наконечника особенной формы, иногда съ зазубринами).— Часто употреблялись также и пращи, которыми особенно искусно владѣли обитатели острововъ, прилегающихъ къ восточнымъ берегамъ Испаніи (см. ниже).

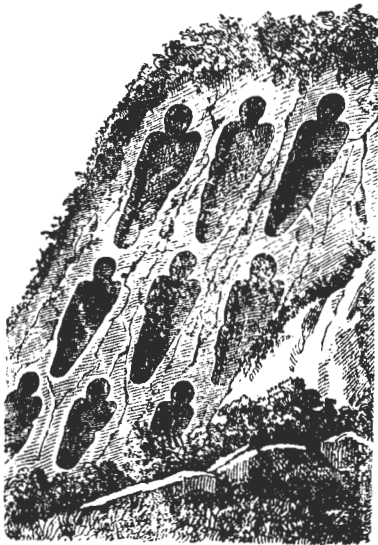
Главная сила военного искусства Иберовъ и Кельтиберовъ заключалась въ клинообразномъ строѣ (Livius. XL, 40). Какого либо правильного дѣленія массы войска у нихъ не было, вслѣдствіе разрозненности племенъ, входившихъ въ составъ его. Непобѣдимая сила населенія сѣверныхъ и центральныхъ областей, соединявшагося (точно также, какъ и теперь), въ разбойничьи шайки (Diod. V, 34), лежала не въ тактическихъ расчетахъ, а въ личныхъ свойствахъ вождей. Иберы были вообще хорошіе ратники какъ для пѣшей, такъ и для конной службы, стойки въ бою и ловки въ бѣгствѣ и преслѣдованіи. Съ пѣснями и въ тактъ вступали они въ битву (Livius, XXIII, 16). Всадники выѣзжали по двое на одной лошади, но когда сраженіе начиналось, одинъ изъ нихъ соскакивалъ и сражался подлѣ своего товарища пѣшій (Strabo). Лошади, а также и мулы (употреблявшіеся впрочемъ больше въ домашнемъ обиходѣ), привычныя къ горнымъ дорогамъ, были превосходно приѣзжены: по приказанію хозяина они ложились, вскакивали и т. д. Иногда всадникъ, одолѣвъ противника въ рукопашной схваткѣ, соскакивалъ съ лошади, чтобы еще въ качествѣ пѣхотинца выказать „чудеса храбрости“. По своему презрѣнію къ смерти, Испанцы казались врагу непобѣдимыми. Даже попавшись въ плѣнъ и распятыя на крестахъ они пѣли „побѣдныя пѣсни“. Таковы же были и иберійскія женщины, славившіяся еще своимъ цѣломудріемъ (Liv. XXVI, 49). И онѣ переносили съ невозмутимымъ спокойствіемъ самыя ужасныя мученія и пытки. Въ виду неизбежнаго плѣна, онѣ собственноручно убивали себя и своихъ дѣтей. — Но если эти племена сами такъ презирали смерть, то не менѣе жестоко обращались они съ своими плѣнниками. Они умерщвляли ихъ съ самыми разнообразными истязаніями, или сотнями приносили, вмѣстѣ съ лошадьми, въ жертву богу войны — „Аресу“, какъ называютъ его приводимые нами писатели, вообще имѣвшіе довольно неясныя представленія о религіозномъ бытѣ испанскихъ племенъ. Они не упоминаютъ о жрецахъ, какъ объ особенномъ сословіи. По ихъ словамъ, Кельтиберы поклонялись безименному богу; въ лунныя ночи они приносили ему разныя жертвы передъ своими домами, сопровождая ихъ торжественной пляской. Аресу (Марсу) посвящали они, кромѣ военнопленныхъ и лошадей, еще козловъ, ибо козлиное мясо у нихъ любимая пища. Сверхъ того, они совершали военные игры (въ честь Аресу же?), состоявшія въ борьбѣ, ѣздѣ, бѣганьѣ и метаніи копій.“ О Лузитанахъ и другихъ племенахъ они разсказываютъ слѣдующее: „они сильно привержены къ жертвоприношеніямъ. Наблюдаютъ внутренности своихъ жертвъ, не вырѣзывая ихъ. Особенно тщательно изслѣдуютъ жилы въ груди и, ощупывая ихъ, по нимъ гадаютъ. Еще предвѣщаютъ по положенію выброшенныхъ внутренностей своихъ плѣнниковъ, которымъ иногда отрубаютъ правую руку, и посвящаютъ ее своему богу войны“, и т. д. (Strabo, III. Diod. V, 34. Justin, XLVI, 2. Plin. XVI, 3). Всѣ эти обряды, конечно вытекшіе изъ смѣшенія древне-финикійскаго, кельтскаго и древне-иберійскаго культовъ, казались Римлянамъ странными и варварскими. Не имѣя

возможности хоть сколько-нибудь согласовать ихъ съ основами своей національной обрядности, Римляне воздерживались отъ всякихъ разсужденій о нихъ и ограничались лишь тѣмъ, что подставили, для объясненія военныхъ жертвъ, своего „Марса или Ареса“, котораго будто бы почитали племена Испаніи.

Постройки.

Въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ мы встрѣчаемъ только намеки на само-бытныя постройки древняго населенія Испаніи и должны довольствоваться

Фиг. 243.

уже упомянутыми монументальными остатками (стр. 94), да могилами близъ города Олердолы (фиг. 243), указывающими на древне-азиатскій обычай выѣзжать могилы въ скалахъ. Римскіе же и греческіе писатели, не исключая и позднѣйшихъ, нисколько не объясняютъ дѣла. Страбонъ сообщаетъ, правда, на основаніи одного мѣста у Поливія, что въ Испаніи было болѣе тысячи городовъ, что у однихъ Кельтиберовъ Тиверій Гракхъ завоевалъ 300 городовъ, что, наконецъ, въ Бетикѣ, на пространствѣ всего 2.000 стадій въ окружности, было не менѣе 200 городовъ. Но онъ ничего опредѣленнаго не говоритъ о ихъ устройствѣ, внутреннемъ и внѣшнемъ, тѣмъ менѣе о ихъ зданіяхъ. Изъ его замѣчаній, а отчасти изъ положенія нынѣшнихъ испанскихъ городовъ¹, мы можемъ лишь заключить, что обыкновенно ихъ строили прочно и на высокихъ мѣстахъ, на холмахъ, или на склонахъ горъ; а гдѣ мѣстность не представляла такихъ удобствъ, тамъ обносили деревянными или каменными стѣнами (Tacit. Annal. IV, 45. Arrian, VI 76, 99. Flor. III, 2; IV, 12. Dio Cass. LIII, 25, 29).

Ж и л и щ а.

Тамъ, гдѣ народъ обиталъ не въ естественныхъ пещерахъ, какъ напримѣръ, въ Лузитаніи и въ горахъ (Dio Cass. XXXVII, 52), жилища древняго населенія Испаніи напоминали, до позднѣйшаго времени, круглыя куполообразныя избы Галловъ и др. Крыши и здѣсь были изъ лубка, а стѣны — частью изъ дерева, частью изъ смѣси кирпича съ землей („formasaei“), которая съ теченіемъ времени пріобрѣтала замѣчательную прочность. Бла-

¹ Для нѣкоторыхъ важныхъ городовъ ср. L. Georgi: Alte Geographie, II. 29 sqq. — О постройкѣ Гадеса Финикійцами см. Chg. Movers: Das phöniciſche Alterthum, II, 621 sqq.

годаря своей прочности, этотъ послѣдній матеріалъ былъ въ большомъ употребленіи у Картагенянъ и другихъ колонистовъ, которые даже строили изъ него храмы, дворцы и т. д., точно также, какъ изъ горнаго камня (ср. Vitruv. II, 1; Pallad. с. 29; Strabo, III; Plin. II, 37; XXXV, 14; Polyb. X sqq.). Болѣе усовершенствованное строительное искусство было принесено въ Испанію сначала греческими поселенцами, а потомъ Римлянами, при которыхъ оно достигло такого развитія, что оставило по себѣ памятники, еще доселѣ удивляющіе своею величавостію, хотя уже и лежащіе въ развалинахъ ¹.

Развитію въ Испаніи судостроенія способствовали тоже колонисты и прежде всего Финикіане. Ихъ тартесскія суда славились уже въ глубокой древности: они строились такъ прочно, что во времена Соломона выдерживали плаваніе въ Остъ-Индію. Лѣса Турдетаніи доставляли прекрасный строительный матеріалъ для этихъ судовъ (Strabo, III). Сами Иберы не обращали особеннаго вниманія на морское дѣло. Даже въ то время, когда уже почти весь полуостровъ подчинился Риму, они довольствовались отчасти первобытными, весьма легкими кожаными челноками, отчасти лодками, выдолбленными изъ древесныхъ стволовъ (Strabo, III).

У т в а р ь.

По извѣстіямъ древнихъ, у жителей Тартесса, изобилующаго металлами, не только сосуды для питья, но и ясли были изъ чистаго серебра (Strabo, III. Diod. V, 36, 37). По всей вѣроятности, это одно изъ тѣхъ преувеличеній, которыхъ такъ много было тогда въ разсказахъ о пресловутой „странѣ серебра“. По тѣмъ же извѣстіямъ, бытъ жителей средней Испаніи, Кельтиберовъ, и ихъ сѣверныхъ сосѣдей, горцевъ, былъ до того грубъ и простъ, что по крайней мѣрѣ у нихъ нельзя допустить существованія не только какой бы то ни было утвари, но даже и умѣнья выдѣлывать её. Именно вотъ что читаемъ мы объ нихъ: „Они ведутъ жалкую жизнь; пьютъ только воду; спятъ на голой землѣ; пекутъ хлѣбъ изъ желудей; вмѣсто оливковаго масла, употребляютъ коровье“ (Strabo, III. Plin. XXVIII, 9). О болѣе образованныхъ племенахъ встрѣчаемъ такіа извѣстія: „За обѣдомъ они сидятъ на лавкахъ, укрѣпленныхъ вдоль стѣнъ; кушанья имъ подносятъ; пиры состоятъ у нихъ преимущественно изъ плясокъ подъ звуки флейтъ и рожковъ, причемъ они выказываютъ замѣчательную гибкость ногъ (Diod. V, 34).“—У нихъ не было монетъ. Всѣ свои потребности, все возроставшія подъ вліяніемъ промышленности колонистовъ, они удовлетворяли посредствомъ мѣнковой торговли (необработанными металлами и другимъ сырьемъ).

Изъ прилегающихъ къ Испаніи острововъ, ² кромѣ Питіузской группы, издавна занятой Картагенцами (стр. 93), обращаютъ на себя вниманіе два самыхъ большихъ, Гимнезія или Балеары (нынѣ Майорка и Ми-

¹ См. рисунки у A. de Laborde'a: Voyage pittoresque et historique en Espagne.—
Объ этомъ см. особенно Chr. Meyers: Das phöniciſche Alterthum, II, 579 sqq.

норка). Вѣроятно, еще во время вторженія Кельтовъ они были заняты Иберами, а потомъ Финикіянами. Ихъ названія, заимствованныя изъ мѣстнаго быта, доказываютъ, что дѣломъ ихъ обитатели ходили нагими (зимой они носили козьи шкуры) и чрезвычайно ловко дѣйствовали пращею. Дошедшія до насъ письменныя извѣстія (Diod. XIX, 106; Polyb. III, 113) говорятъ, что камни вылетали изъ ихъ пращей, словно изъ машины, и раздробляли щиты и шлемы. Было три рода пращей: для метанія вдаль (makrokolon), вблизи (brachykolon), и на среднемъ разстояніи. Въ бою первые обматывались вокругъ головы, вторыя—вокругъ туловища, а третьи носили въ рукахъ.

Еще не рѣшено, къ какому времени относятся остатки построекъ, найденныя въ значительномъ количествѣ на Балеарахъ. Эти развалины состоятъ изъ грудъ камней, называемыхъ „языческими алтарями“. „Самая большая изъ нихъ находится на Майоркѣ, недалеко отъ Альяхора. Это — круглое мѣсто, обнесенное стѣной изъ крупнаго плитняка. Посрединѣ возвышается коническая груда камней въ 30 сажень слишкомъ вышины. У ея основанія пещера, въ которую можно войти согнувшись. Можно взобраться и на верхъ, гдѣ находится маленькая терраса, на которой могутъ умѣститься 7 или 8 человекъ. Недалеко отъ этой каменной пирамиды виднѣется родъ алтаря изъ двухъ большихъ четырехугольных плитъ“. — Такія груды камней считаются древнѣйшими могилами, напоминающими кельтскій способъ погребенія. Это мнѣніе основано на разсказѣ Діодора (V, 18) о томъ, что островитяне разбивали трупы дубинами, потомъ складывали ихъ въ сосуды, на которые наваливали кучи камней ¹.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Народы Греціи. ¹

Предварительныя замѣчанія.

Греческій полуостровъ представляется какъ-бы разорваннымъ глубоко врѣзывающимися заливами на нѣсколько частей, едва связанныхъ между собою узкими перешейками. На востокъ отъ него отдѣляется рядъ острововъ,

¹ L. Georgi: Alte Geographie, II, 54. — ² Для всѣхъ вообще греческихъ древностей: W. Wachsmuth: Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staats, I. Abtheilg. (1. 2), II. Abtheilg. (1. 2). Halle. 1828 (Neue Aufl. 1844 — 46). K. F. Hermann: Lehrbuch der griechischen Antiquitäten. 3 Theile. Heidelberg: I. Lehrbuch der griech. Staatsalterthümer. 3 Aufl. 1841; II. Lehrbuch der gottesdienstlichen Alterthümer, 1846; III. Lehrbuch der griech. Privatalterth. mit Einschluss der Rechtsalterthümer 1852. Того же автора: Kulturgeschichte der Griechen und Römer, herausgegeben von G. Schmidt. I. Göttingen. 1857. G. F. Schömann: Griechische Alterthümer. I (Das Staatswesen). Berlin. 1855. Для гомеровской эпохи; В.

простирающійся до юговосточной оконечности Малой Азии; а на югъ поднимается надъ моремъ, какъ оплотъ противъ Африки, островъ Кандія (Критъ). На западъ сравнительно узкое водное пространство отдѣляетъ его отъ Италіи; между тѣмъ какъ сѣверную границу его образуютъ южные склоны Гемуса и высокіе хребты эропійскихъ, тимфейскихъ и камбунійскихъ горъ. Отроги этихъ горъ, развѣтвляясь по направленію къ коринѣскому морю, раздѣляютъ всю сѣверную часть Греціи на множество долинъ, продолжаются подъ водою и, снова выникая, пробѣгаютъ Пелопоннесъ, Морею и оканчиваются на островахъ отдѣльными возвышенностями. Почва полуострова преимущественно известковая и потому мало производительна. Она плодородна лишь въ пригорныхъ долинахъ, орошаемыхъ многоводными рѣками, какъ въ Додоѣ, Тессаліи и др., или въ мѣстностяхъ лежащихъ южнѣе и съ климатомъ влажнымъ, какъ Мессенія и Арголида; но и тутъ она не настолько щедра, чтобы земледѣлецъ могъ обойтись безъ упорнаго труда. На склонахъ горъ растетъ виноградъ, фиги и другія фрукты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ умѣренные возвышенности поросли дубомъ, платанами и кленомъ. Южныя долины наполнены апельсиновыми, лавровыми и оливковыми рощами.

У морскихъ береговъ и въ рѣкахъ и повывѣ еще ловится много рыбы. Какъ на материкѣ, такъ и на нѣкоторыхъ островахъ добывались мѣдь, желѣзо

Friedreich: Die Realien in der Iliade und Odysee. Erlangen 1851 и слѣд. Для переходнаго (мишеческо-историческаго) времени: M. Duncker: Geschichte des Alterthums, III (Die Geschichte der Griechen I), Berlin. 1856. Для отдѣльных племенъ: O. Müller, Geschichte hellenischer Stämme und Städte (I. Orchomenos und die Mynier. II—III Die Dorier. 4 Bücher) 2. Ausgabe von F. W. Schneidewin. 3 Bd. Breslau, 1844. Относительно искусства: O. Müller, Handbuch der Archaeologie der Kunst, 2. Ausgabe. Breslau, 1835 (3 Aufl. 1848); въ связи съ этимъ: O. Müller und J. Oesterle (fortges. von F. Wiseler): Denkmäler der alten Kunst. Breslau, 1837—1855. Относительно частной жизни: A. Becker, Charikles. Bilder altgriech. Sitte. Zur genaueren Kenntniss des griech. Privatlebens. Leipzig. 1840. Neue Ausgabe, von F. Hermann. 1854. Сюда же относятся весьма поучительные иллюстрированные этюды Панофка (Panofka): Bilder antiken Lebens, mit 20 Tafeln, Berlin. 1843; Griechinnen und Griechen nach Antiken. Mit 56 bildl. Darstellungen, Berlin. 1844.—Старыя сочиненія собственно о древнемъ костюмѣ, въ особенности греческомъ, вообще мало достовѣрны, и приводятся здѣсь ради полноты: Octavii Ferrarii de re vestitaria libri VII. Tert. edit. Patavi 1685 (самый богатый сборникъ матеріаловъ по источникамъ). D. Bardon. Die Kostüme der ältesten Völker. Aus dem franz. von M. Becker. Leipzig 1776. A. Lens. Das Kostüm der meisten Völker des Alterthums. Aus dem franz. von G. H. Martini. Dresden. 1784. M. Alix et R. Chery. Recherches sur les costumes tant anciens que modernes. Paris. 1790. 2 vols. M. Spalart. Versuch über das Kostüm der vorzüglichsten Völker des Alterthums. I Abtheil. I. Theil: Aegypten und Griechen. Wien 1796 (небольшое какъ жиденькая книжка съ картинками). X. Willemin, Choix des Costumes civils et militaires des peuples de l'antiquité. Paris. 1798. L. Rochegiani. Raccolta di cento tavole rappresentanti i costumi religiosi e militari degli antichi Egiziani, Etruschi, Greci e Romani. Roma. 1804. J. Malliot et P. Martin: Recherches sur les costumes, les mœurs, les usages etc. des anciens peuples etc. Paris. 1809. Th. Baxter: Darstellung des ägyptischen, griechischen und römischen Costüms. Herausgeg. von C. F. Michaelis. Leipzig 1815. J. Ferrario: Le Costume ancien et moderne ou Histoire du Gouvernement de la milice, de la religion etc. etc.: Europe I. Vol. I. Part. Le Costume ancien et moderne de la Grèce par M. Gironi. Milan. 1827.—Замѣчательно по рисункамъ сочиненіе Th. Hope: Costume of the Ancients. Illustrated in upwards of 321 beautifully engraved plates, containing representations of Egyptians, Greek and Roman habits and dresses. A new edition, much enlarged. 2 vols. London. 1841. Изъ монографій уважемъ здѣсь на замѣчательное по своимъ раскрашеннымъ рисункамъ сочиненіе: O. M. v. Stachelberg: Die Gräber der Hellen in Bildwerken und Vasengemälden. Mit 80 Kpfrn. Berlin 1836; другія монографіи будутъ указаны въ текстѣ.

и серебро.—Климать, суровый въ гористыхъ мѣстностяхъ, вообще умѣренъ и здоровъ; зной, умѣряемый морскими вѣтрами, рѣдко бываетъ томителенъ даже на югѣ полуострова. Воздухъ необыкновенно чистъ и прозраченъ.

Такія естественныя условія не могли не повліять благотворно и на древнѣйшее населеніе Греціи, какъ бы грубо оно ни было, и не побудить его къ дѣятельности. Изрѣзанные заливами берега и близость острововъ должны были вызвать въ немъ охоту къ мореплаванію. Разбитое на отдѣльныя племенные группы, горными хребтами прорѣзывавшими страну, оно вѣроятно скоро было вынуждено соединяться въ воинственные союзы. Должны были возникнуть укрѣпленныя поселенія, а съ ними вмѣстѣ и земледѣліе на подмогу скотоводству.

Совершенно согласно съ этимъ, преданіе рисуетъ первыхъ обитателей Греціи (которыхъ оно называетъ общимъ именемъ Пелазговъ) отнюдь не грубыми, лишенными всякой культуры дикарями. Сродство ихъ языка съ кельтическимъ и германскимъ заставляетъ предполагать, что они тоже были вѣтвью арійскаго корня и пришли въ Европу изъ Азіи и притомъ сухимъ путемъ съ сѣвера, а не моремъ, чему есть тоже доказательства.¹ Проникнувъ на греческій полуостровъ, они сначала заняли его сѣверную часть и выбрали для своихъ поселеній наиболѣе плодородныя его мѣстности: долины Додоны и Тессаліи рисуются въ туманѣ мифическихъ сказаній какъ древнѣйшія средоточія греческой культуры.

Вслѣдствіе ли движенія еракійскихъ народовъ, или по собственному побужденію, большая часть этого сѣвернаго населенія устремилась на югъ полуострова. Тутъ примѣшались къ нему частію выходцы изъ Фракіи, послѣдовавшіе за нимъ, частію малоазійскіе народы, перебравшіеся въ Грецію по островамъ: Лелеги, Карійцы, Куреты, Лелебои и другіе. Вся эта разноплеменная масса ринулась сначала на плодородныя равнины Арголиды и захватила ихъ, потомъ заняла годныя лишь для скотоводства горныя долины Аркадіи и проникла до южнаго берега, гдѣ тоже завела поселенія. Какъ прежде Додона и Тессалія на сѣверѣ, такъ теперь на югѣ, Арголида стала центромъ возникающей гражданственности. Населеніе Аркадіи занялось скотоводствомъ, а поморяне обратились къ мореходству. Надобно полагать, что послѣдніе — извѣстные и позже за отважныхъ пиратовъ подъ именемъ тирренскихъ пелазговъ — вскорѣ завладѣли и нѣкоторыми островами, и смѣшавшись тамъ съ прежними семитическими (финикійскими) поселенцами, сдѣлались дѣятельными посредниками между промышленными народами Востока и ослѣдлымъ населеніемъ Греціи и Италіи.

Пока эти событія происходили на югѣ, на сѣверѣ готовилось новое движеніе, слѣдствіемъ котораго было вторичное размѣщеніе племенъ. Снова изъ общей массы пеласгическаго населенія выдвинулись жители южной Тессаліи или Фтіотиды (Элады) и родственныя имъ эолійскія и ахейскія племена. Соединившись въ союзы, они вторглись въ сосѣднія земли. Усиѣхи ихъ въ этой племенной борьбѣ (къ которой вѣроятно относится сказаніе о походѣ противъ Фивъ), героизмъ ихъ вождей, предпринимавшихъ даже поборе-

¹ Между прочимъ М. Duncker, *Gesch. des Alterthums* III, 9 sqq.

ніе отдаленныхъ народовъ (на что, повидимому, указываетъ мифъ о походѣ Аргонавтовъ), доставили имъ такое значеніе, что они стали господствующею силою въ странѣ. Но могущество ихъ было непродолжительно: оно сокрушилось въ троянской войнѣ. Вызванное этою войною отсутствіе вождей изъ ихъ родныхъ владѣній, гибель лучшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ подъ стѣнами Трои, а болѣе всего—плодъ ихъ воинскихъ усилій и добычи — изнѣженность, отъ которой вернушіеся изъ подъ Трои не могли отвыкнуть и у себя дома, ¹ всё это содѣйствовало ослабленію господства эоійско-ахейскаго союза и подготовило его окончательное разрушеніе Дорьянами.

Доряне были горцы, закаленные духовно и тѣлесно суровостію своей родины. Около конца втораго тысячелѣтія до Р. Х., они спустились съ южныхъ склоновъ Олимпа, вѣроятно въ соединеніи съ этоліями и другими сѣверными племенами, и врѣзались въ самое сердце Пелопоннеса. Завладѣвъ Аргосомъ, Лаконією и Мессенією, они утвердились и въ Коринѣ, Элидѣ, Сикіонѣ, Флѣ, Эпидаврѣ и на островѣ Эгинѣ. Даже Аионы не достались имъ лишь потому, говоритъ преданіе, что царь аионскій Кодръ добровольно принялъ смерть, и тѣмъ далъ исполниться предсказанію оракула.

Населеніе захватываемыхъ Дорьянами областей или покидало ихъ, или признавало надъ собою власть побѣдителей. Только однимъ Аркадянамъ удалось удержать за собою свою гористую область и въ тоже время остаться независимымъ племенемъ. Но Ахеяне принуждены были оставить свои поселенія и отодвинуться на сѣверные и восточные берега полуострова, гдѣ уже издавна жили Іоняне—племя, населявшее также и Аттику. Ахеяне покорили Іонянъ, отняли у нихъ побережье и отбросили ихъ за Кориноскій перешеекъ, въ Аттику. Отсюда часть Іонянъ должна была, по недостатку мѣста, перейти на острова, а потомъ и на малоазійскій берегъ, куда за нею послѣдовали, увлеченные общимъ движеніемъ, эоійскіе и дорійскіе роды. Въ Малой Азіи новые поселенцы нашли себѣ второе отечество и подъ вліяніемъ издревле водворенной тамъ промышленности быстро достигли значительнаго благосостоянія. Другія толпы (дорійско-эоійскихъ) переселенцевъ обратились на западъ и распространились по Сициліи и Нижней Италіи. Занятіе Пелопоннеса Дорьянами остановило дальнѣйшее развитіе тяготѣвшей къ Востоку культуры древнихъ ахейскихъ царствъ. Она не могла привиться къ суровымъ отъ природы и презиравшимъ всякую изнѣженность пришельцамъ, когда тѣ утвердились въ Спартѣ. Точно также, или еще болѣе, не соотвѣтствовала она и воспріимчивому, подвижному характеру Іонянъ, а потому не удержалась и въ Аионахъ.

Первымъ слѣдствіемъ переселенія Дорянъ было распаденіе племени на отдѣльныя общины, а вскорѣ послѣ раздѣла завоеванныхъ земель между вождями, ему стала угрожать опасность и совершеннаго разложенія. Съ одной стороны, царская власть была низвергнута вновь образовавшимся военнымъ сословіемъ и монархія раздѣлена на нѣсколько аристократическихъ республикъ; съ другой — богатства, доставшіеся завоевателямъ, поколебали

¹ Ср. въ Одиссѣѣ (IV, 43, 71, 351) жизнь Менелая въ Лакедемонѣ.

прежнюю строгость нравовъ даже въ такомъ бѣдномъ населеніи, каково было населеніе Лакедемона. Только когда законодательство Ликурга (800 г. до Р. Х.) вернуло народъ къ образу жизни предковъ, возродились и его прежнія качества, притомъ усиленные опытомъ — и его былая, вынесенная съ сѣвера сила, и прирожденное чувство порядка, трезвая умѣренность и строгость нравовъ. Закаленные въ борьбѣ, въ полномъ сознаніи своихъ силъ, Доряне обратили оружіе противъ сосѣднихъ государствъ. Завладѣвши, послѣ продолжительныхъ войнъ, Арголидой и отдѣльными частями Аркадіи и Мессеніи (730 — 630 гг. до Р. Х.),¹ они почувствовали себя настолько могущественными, чтобы подъ предводительствомъ Клеомена вмѣшаться даже во внутреннія дѣла Аѳинянъ (510 г. до Р. Х.).

Въ Атикѣ тѣсно сосредоточились, на небольшомъ пространствѣ, различныя вѣтви іонійскаго племени. Здѣсь землевладѣніе основывалось не на завоеваніи, а скорѣе на взаимныхъ уступкахъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было не рабское подчиненіе одного слоя населенія другому, а дѣленіе всѣхъ жителей по роду и племени. Такой порядокъ вещей давалъ полную свободу стремленіямъ къ независимости. Уже послѣ геройской смерти Кодра, который еще носилъ титулъ царя, демократія стала подниматься. Ей скоро удалось свергнуть царскую власть; но ее ожидала еще болѣе сильная борьба съ родовой аристократіей. Демократія и отсюда вышла побѣдительницей; но она еще мало была научена опытомъ и большею частью сама воздвигала себѣ новыя преграды въ видѣ аристократическо-монархической власти „тирановъ“. Народъ поддерживалъ этихъ своихъ вождей, потому что они содержали блестящій дворъ, покровительствовали торговлѣ и промышленности, а Пизистратъ въ Аѳинахъ (560 г. до Р. Х.) даже искусствамъ и наукѣ, — словомъ были рычагами внѣшняго благосостоянія страны. Хотя Солонъ (594 г. до Р. Х.) и придалъ законамъ Дракона, изданнымъ (624 г. до Р. Х.) въ пользу аристократіи, болѣе демократическія формы, но и его мѣры могли лишь предупредить самостоятельное развитіе тиранніи. Только тогда водворилась чистая демократія и упрочилась индивидуальная свобода, когда Пизистратиды окончательно пали въ лицѣ Гиппия, а Аѳиняне нашли себѣ въ Клисеемѣ такого вождя, который сумѣлъ оградить ихъ, какъ отъ дальнѣйшихъ вмѣшательствъ Клеомена (т. е. Спарты), такъ и отъ притязаній старой аристократіи (510 г. до Р. Х.).

Въ то время, какъ Спартяне строго проводили повсюду свой консервативный принципъ и въ государственномъ устройствѣ стремились къ суровому самоограниченію, вѣрные своему характеру Аѳиняне беззавѣтно подчинялись закону постепеннаго развитія и усваивали легкій, веселый взглядъ на жизнь. Если Спартянцамъ запрещено было законами Ликурга всякое свободное индивидуальное развитіе, всякій переходъ за извѣстную мѣрку, то Аѳинянамъ, наоборотъ, предоставлено было полное право развивать на просторѣ свои духовныя и матеріальныя силы и наживать состояніе торговлей или промыслами. Благодаря своей подвижности, непосѣдливости, они рано познакомились съ моремъ и дальними островами. Ихъ торговля процвѣтала

¹ M. Duncker: Geschichte des Alterthums, III, 409—436.

по берегамъ Малой Азіи. Она охватывала и южную окраину Фракіи. По сѣверному побережью Понта, въ Скиѣи, были у нихъ прочныя поселенія (стр. 403 и слѣд., 546 и слѣд.)—У Аѣианъ неустанное стремленіе къ дѣятельности и самобытному созиданію соединялись съ жизненной свѣжестью и весельемъ; Спартанцы, вмѣстѣ съ мужествомъ, и строгостью нравовъ, обладали самоувѣренностью и упорною настойчивостью. „Спарта, говоритъ Германъ,¹ — статуя, вышедшая изъ рукъ художника Ликурга, а Аѣины — идеально прекрасное, живое человѣческое тѣло.“—„Каждое изъ этихъ государствъ осуществляло по своему духовный характеръ эллинской націи, — Доряне въ національномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніи, Іоняне же въ общечеловѣческомъ и промышленномъ, пока наконецъ оба эти направленія достигли высшей, художественной законченности, слившись вмѣстѣ въ народъ Аѣинскомъ“.

Но прежде чѣмъ аѣинская гражданственность поднялась на такую высоту и утвердилась на ней, ей суждено было пройти черезъ рядъ непрерывныхъ и глубоко захватывавшихъ испытаній.—Благодаря обще-національному значенію дельфійскаго оракула и олимпійскихъ игръ, равно какъ и продолжительной гегемоніи Спарты, дорійское вліяніе было сильно во всей Греціи; но слѣдствія его для Аѣинъ обнаружили лишь со времени болѣе тѣснаго политическаго сближенія между ними и Спартою, при Клеоменѣ. Неуспѣхъ его предпріятія — ввести въ Аѣинахъ прежнія аристократическія учрежденія, и усиленіе въ нихъ демократіи вмѣстѣ съ возрастаніемъ благосостоянія этого города, послужили поводомъ къ войнѣ между обоими государствами, результатомъ которой было укрѣпленіе аѣинской демократіи. Удачною борьбою съ Беотіей, Халкидою и Эгиною, Аѣиняне упрочили свое политическое могущество; побѣдами надъ персидскимъ флотомъ Мардонія (492 до Р. Х.) и надъ персидскимъ войскомъ при Мараонѣ (490 до Р. Х.) они показали, на какіе воинскіе подвиги они были способны. У нихъ явились такіе одушевленные вожди, какъ Мильтіадъ, и такіе великіе характеры, какъ Аристидъ,Themistocles, Кимонъ, Периклъ.

Такимъ мужамъ удалось сокрушить могущество Персіи и навсегда отклонить отъ Греціи попытки порабоженія ея, возобновленныя при Ксерксѣ (ч. I, 190). Послѣ геройскихъ побѣдъ, одержанныхъ при Саламинѣ (480 г. до Р. Х.) и Платеѣ (479 г. до Р. Х.), послѣ уничтоженія персидскаго флота при Евримедонѣ (470 г. до Р. Х.) и по заключеніи Кимонова мира съ распавшимся царствомъ Артаксеркса, навсегда утверждена была свобода не только всей Эллады, но и малоазійскихъ Грековъ (449 г. до Р. Х.).—Во время общей опасности и Спарта отчасти принимала геройское участіе въ битвахъ, хотя успѣхъ ихъ и былъ полезенъ только Аѣинянамъ, какъ властителямъ на морѣ и на островахъ (479 — 459 г. до Р. Х.). Новыя войны, въ которыя потомъ были вовлечены Аѣиняне (447 г. до Р. Х.), не мѣшали имъ спокойно наслаждаться плодами ихъ побѣдъ.

Съ самаго начала персидскихъ войнъ, тянувшихся почти полвѣка, всю Элладу охватило сильное національное чувство и страхъ за независимость.

¹ Ср. Hermann: Kulturgeschichte der Griechen und Römer, I, 86, 100, 139 sqq.

Съ благороднымъ одушевленіемъ возсталъ народъ на защиту своей свободы, и всѣ, дотолѣ дремавшіе въ немъ, задатки самой разносторонней дѣятельности пробудились и ожили. Спарта, однако, вѣрная своему принципу, продолжала и теперь еще отстранять отъ себя все чуждое; только іонійское племя, легко доступное всѣмъ лучшимъ впечатлѣніямъ, еще шире и свободнѣе развернуло свои духовныя силы. Подъ предводительствомъ воинственныхъ вождей, оно достигло политическаго значенія, а подъ управленіемъ Перикла — высшей степени художественнаго и умственнаго творчества. Этотъ великій государственный человѣкъ и воинъ, постоянно (уже съ 469 г. до Р. Х.) старавшійся уравнивать путь къ славѣ и величію Аѳинъ, тонко угадалъ призваніе своего народа. Ставши во главѣ государства (444 г. до Р. Х.) и подчинивъ себѣ все своею честностью и достоинствомъ, онъ приобрѣлъ неограниченную власть и въ управленіи финансами страны. Возобновленіе Аѳинъ двинуло впередъ искусства, но лишь благодаря генію Перикла они достигли совершенства. Аѳины сдѣлались средоточіемъ духовной жизни всей Эллады. Подъ вліяніемъ Фидіа искусство стало въ нихъ закономъ, а они — источникомъ благороднѣйшихъ вліяній, идеаломъ образованности для всего эллинскаго міра.

Такимъ образомъ у Спарты явилась опасная соперница. Ее всегда возстановляло противъ Аѳинъ сознаніе собственныхъ силъ и оскорбленная гордость; теперь же сюда примѣшалось горькое чувство зависти. Новый поводъ къ войнѣ скоро нашелся (431 г. до Р. Х.). Началось съ неважныхъ стычекъ, которыя порвали однако всѣ политическія связи и привели къ разединенію всѣхъ племенъ въ Элладѣ, а въ Аѳинахъ — подняли старыя партіи. Уже на второмъ году войны Аѳины были осаждены, тогда какъ въ ихъ стѣнахъ кипѣло междоусобіе. Перикла, едва только спасагося отъ народной ярости, похитила чума (429 г. до Р. Х.), свирѣпствовавшая въ городѣ, и не мало способствовавшая порчѣ нравовъ и увеличенію безпорядковъ.

Потерявши со смертію Перикла свою главную опору, Аѳины превратились въ гнѣздо безпорядковъ и раздоровъ. Демократію смѣнило господство черни. Каждая партія служила самолюбію отдѣльныхъ личностей и во главѣ массъ появлялась, смотря по успѣху борьбы, то коварная низость, то благородный талантъ, то хвастливый кожевникъ Клеонъ, то Демосоевъ. Пониженію нравственнаго уровня не мало содѣйствовала и постоянная борьба съ Спартой: воевали съ крайнимъ ожесточеніемъ, не отступая ни передъ какими жестокостями.

Договоръ Никіа (421 г. до Р. Х.), заключенный безъ взаимнаго довѣрія враждующихъ, послужилъ лишь къ тому, что старая вражда не замедлила разгорѣться еще съ большею противъ прежняго силою (418 до Р. Х.). Хотя Никій стоялъ во главѣ правленія, но руководителемъ народа и общественнаго мнѣнія былъ племянникъ Перикла, Алкивіадъ, въ которомъ геніальность и наслѣдственное величіе подавлялись пороками. Богато одаренный, какъ хорошими, такъ и дурными качествами, онъ былъ истиннымъ представителемъ своихъ согражданъ, зачинщикомъ раздора и причиной многихъ несчастій. Послѣ затѣянной имъ и неудавшейся морской экспедиціи въ Сицилію (415—413 гг. до Р. Х.), сила Аѳинъ была навсегда сломлена. Продолжая войну,

хоть и не безъ проблесковъ счастья, Аѳины все-таки подъ конецъ вынуждены были отворить ворота побѣдоносному Спартанцу, Лизандру (404 г. до Р. Х.).—Такъ закончилась „Пелопоннесская Война“, которая истощила также и силы Спарты и поколебала строгость ея нравовъ.

Уже во время Перикла ученіе философіи, обратившееся потомъ въ софистику, подрывало прежнюю нравственность. вмѣстѣ съ тѣмъ и изящныя искусства, утративши трезвое чувство мѣры, обратились къ поклоненію чувственной красотѣ, а слѣдовательно и къ наслажденію ею. Съ исчезновеніемъ наивнаго міровоззрѣнія, съ стремленіемъ узнать жизнь во всей ея полнотѣ, измѣляло мало-по-малу и воспитаніе юношества; а религія, ставши вмѣстѣ и цѣлью и средствомъ, ударила въ чувственность. Для полнаго развитія этихъ гибельныхъ задатковъ нужно было только такое ослабленіе всѣхъ связей, какое ведетъ за собой война. Правда, искусство, какъ свободная творческая сила, могло еще создавать великое, но и оно не могло совсѣмъ избавиться отъ вліянія времени и переменъ въ нравахъ. Какъ нѣкогда думалъ Фидій, такъ уже не могъ чувствовать Скопасъ, и что создавалъ Поликлеть, то было недоступно Праксителю. Трагедія также отцвѣтала, даже комедія клонилась къ упадку. А въ образѣ жизни Аѳинянь господствовалъ развратъ, обуздываемый только дорическою строгостью.—Впрочемъ и Спарта измѣнилась не меньше. Побѣда надъ Аѳинами и, слѣдствіе ея,—скопленіе богатствъ, къ которымъ не привыкли Спартанцы, возвышеніе отдѣльныхъ личностей во время войны, — все это поколебало основы государства, ввело роскошь и порокъ, выдававшійся здѣсь болѣе рѣзко, чѣмъ гдѣ-либо.

Несмотря на изгнаніе изъ Аѳинъ тирановъ и возстановленіе (Θραзибуломъ) республиканскаго правленія (403 г. до Р. Х.), нравственность нельзя было спасти отъ упадка. Точно также не удалось и Спартѣ возстановить свои силы борьбой съ Персами (394 г. до Р. Х.). Потеря флота и позорный миръ съ Артаксерксомъ Мнемонемъ (387 г. до Р. Х.) подорвали ея самостоятельность, а неудачныя войны съ Ѳивами затмили послѣдніе лучи ея славы (362 г. до Р. Х.).

Если уже во время Пелопонезской войны замѣтенъ былъ упадокъ нравственности, то теперь, послѣ этихъ событій, совсѣмъ уничтожившихъ національное чувство, онъ выказался безъ всякаго стѣсненія, въ яркомъ свѣтѣ. Измѣна и вѣроломство, жадность и корыстолюбіе, овладѣли обществомъ. Роскошество богачей и распущенность въ сношеніяхъ между обоими полами стали обычнымъ порядкомъ вещей. Только этимъ страстямъ служило искусство, едва охраняемое немногими художниками отъ полнаго оскверненія. Но въ народѣ были еще духовныя силы, а слѣдовательно и способность къ великимъ и благороднымъ подвигамъ.

При такихъ обстоятельствахъ, счастьемъ для Эллады было появленіе такого противника, какъ Филиппъ Македонскій, который былъ въ силахъ спасти драгоцѣнныя развалины отъ полнаго уничтоженія. Ему покрайней мѣрѣ удалось продолжить трагедію, разыгрывавшуюся въ Элладѣ, еще на одинъ блистательный актъ.—Но то, что удалось мечу Филиппа (338 г. до Р. Х.), суждено было облагородить генію Александра. Юношеская свѣжесть, которую онъ принесть на отцовскій престолъ (336 г. до Р. Х.), благородная сила,

заявленная имъ немедленно, а въ особенности его высокое аристотелевское образованіе, при которомъ онъ казался Грекамъ скорѣе другомъ, чѣмъ завоевателемъ,—словомъ, вся личность Александра заставляла предвидѣть въ немъ спасителя, возстановителя величія Эллады. Но, при всей высотѣ своего внутренняго развитія, и онъ былъ дитя своего вѣка. Не смотря на необычайность своихъ мыслей и стремленій, на величіе и широту своихъ замысловъ и непреодолимую настойчивость въ ихъ исполненіи, онъ не могъ однако побѣдить въ себѣ слабости славолубія и честолюбія. Удовлетворяя требованіямъ своей дѣятельной природы, онъ донесъ до дальнихъ предѣловъ Индіи славу своего оружія; но вдохнуть новую жизнь въ отжившій эллинизмъ и онъ былъ не въ состояніи: ему удалось только раздуть его въ яркое, но мгновенное пламя. Открывъ взорамъ современниковъ страны Востока, Александръ далъ новую пищу умамъ Грековъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ греческую жизнь ворвались азіатскіе нравы и восточная страсть къ виѣшнему блеску. Эллинизмъ былъ подавленъ налегшею на него смѣсью варварскихъ формъ. Не устояло передъ ними и искусство; только наука нашла себѣ достойное убѣжище въ Александріи (331 г. до Р. X.).

Наступившее послѣ Александра раздѣленіе его царства, державшагося одной его личностью, еще болѣе способствовало усиленію восточнаго вліянія. Развратъ и соединенная съ нимъ крайняя растрата душевныхъ и тѣлесныхъ силъ сдѣлались обычными явленіями даже и въ средѣ простого народа. Если общественная жизнь и сохраняла покуда болѣе правильныя формы, чѣмъ, напримѣръ, въ малоазійскихъ провинціяхъ, то это происходило не столько изъ сознанія необходимости порядка, сколько вслѣдствіе укоренившейся привычки.

Съ постепеннымъ ослабленіемъ Македонскаго владычества, въ Греціи проснулась надежда на освобожденіе, которая привела впрочемъ лишь къ слабымъ проблескамъ прежней славы (307 г. до Р. X.). Если эолійскимъ и ахейскимъ городамъ удалось заключить тѣсный союзъ и завоевать Бэотію, Аѳины и Лакедемонъ (284—281 гг. до Р. X.), то это лишь послужило поводомъ къ новому междуусобию. Затѣмъ Спарта, только казавшаяся окрѣпшей, вслѣдствіе насильственнаго возврата къ Ликурговымъ законамъ (224 г. до Р. X.), была совершенно побѣждена Коринѳомъ (222 г. до Р. X.). Немедленно начались опустошительныя войны ахейскаго союза. Онѣ были прекращены Филипомъ III Македонскимъ (216 г. до Р. X.), который, въ свою очередь, принужденъ былъ Римлянами къ постыдному миру. Только тогда, послѣ всѣхъ этихъ пагубныхъ событій, Греціи объявлена была свобода. Но было уже поздно: судьба ея была рѣшена (197—183 гг. до Р. X.).

Эллада уже такъ глубоко пала, что не могла пользоваться свободой. Она не могла оправиться отъ испорченности нравовъ и полнаго истощенія силъ. Въ то время, какъ въ ней продолжались внутренніе раздоры, Римское оружіе покорило Македонію, въ постыдное царствованіе Персея (168 г. до Р. X.); а затѣмъ и Эллада подпала той же участи. Въ борьбѣ съ Римомъ, дерзко начатой Ахейцами, эллинское юношество пало подъ мечемъ Муміи и Греція, все еще сокровищница искусства и знанія, обращена была въ римскую провинцію (146 г. до Р. X.).

Для изученія греческой одежды и утвари особенно важны (кроме упомянутых скульптурных произведений) — расписанные сосуды, въ значительномъ количествѣ находимые въ Греціи и ея бывшихъ колоніяхъ. Такъ какъ эти сосуды обнимаютъ продолжительный періодъ времени отъ 6-го вѣка до Р. Х. до паденія Греціи, то по нимъ мы можемъ прослѣдить какъ развитіе самого сосудавація въ Греціи, такъ и (по рисункамъ, на нихъ слѣданнымъ) всѣ періодическія измѣненія, которыя испытывала греческая одежда и утварь въ продолженіе означеннаго времени.

За сосудами слѣдуютъ, находимыя въ тѣхъ же мѣстностяхъ, различныя вещи изъ глины, камня и металла. Что же касается предметовъ, добытыхъ въ Помпей и другихъ мѣстахъ Нижней Италиі, то несмотря на то, что большая часть ихъ носить на себѣ отпечатокъ несомнѣнно эллинскаго искусства и эллинской техники, они могутъ служить скорѣе памятниками сильно огреченнаго римскаго, чѣмъ чисто-греческаго вѣшняго быта. — Изученіе вообще классической древности съ ея вѣшной стороны началось еще съ половины XVIII в.; собственно же древнегреческой — въ особенности въ послѣднее время, и можно сказать, что въ ней объяснено теперь все, что могло быть объяснено на основаніи доселѣ извѣстныхъ монументальныхъ и письменныхъ памятниковъ.

Одежда.

Изобразительное искусство Египтянъ и Ассирійанъ не пошло далѣ технической выработки условныхъ формъ выраженія. Искусство Персовъ, хотя и обнаруживало нѣкоторое стремленіе къ естественности, тоже не могло освободиться отъ обязательнаго для него схематизма. Напротивъ того, хронологическое обозрѣніе памятниковъ греческаго искусства¹ представляетъ намъ вполне согласное съ общимъ ходомъ греческой культуры, постепенное развитіе этого древнѣйшаго способа выражаться образами до творческаго возведенія его въ выраженіе высшихъ художественныхъ идеаловъ. Такое отношеніе греческаго искусства къ дѣйствительности необходимо имѣть въ виду и при изученіи изображаемыхъ имъ предметовъ, въ томъ числѣи одежды. Ни древнія произведенія греческаго искусства, по стилю близкія къ египетскимъ и ассирійскимъ, ни его позднѣйшія, совершеннѣйшія по своей художественности созданія — не передаютъ дѣйствительности въ ея настоящемъ видѣ. Въ первыхъ она ниже, въ послѣднихъ — выше самой себя. Первые еѣ искажаютъ, послѣднія — идеализируютъ. Истинное, реальное воспроизведеніе дѣйствительности слѣдуетъ искать въ произведеніяхъ, связывающихъ эти двѣ крайнія грани греческаго искусства. Но

¹ См. O. Müller, Handbuch der Arheologie der Kunst, etc. u. Denkmäler der alten Kunst von O. Müller und Oesterlei. F. Hermann. Culturgesch. der Griechen und Römer. I. Cp. C. Schnaase. Gesch. der bildenden Künste II (Düsseld. 1843). F. Kugler. Handbuch der Kunstgesch. 3 Aufl. I (Stuttg. 1856), 104 sqq. — О соудной живописи: G. Kramer. Über den Styl und die Herkunft der bemalten griech. Thongefässe. Berlin. 1837. O. Jahn. Beschreibung der Gallerie bemalter griech. Vasen der kön. baierisch. Sammlung in München 1854. См. также ниже подъ рубрикой: «сосуды».

относящихся сюда изваянія и сосудная живопись всё таки носят на себѣ отпечатокъ того или другого направленія, смотря по времени, къ которому они принадлежатъ, а потому также представляютъ предметы не такими, какими они дѣйствительно были и употреблялись въ житейскомъ обиходѣ¹, а усовершенствованными въ смыслъ изящества, какъ напр. всѣ изображенія изъ лучшей поры искусства. При этомъ не надобно, конечно, упускать изъ виду и той тѣсной связи между искусствами и жизнью, которая существовала въ Греціи преимущественно въ эпоху ея процвѣтанія. Если съ одной стороны неоспоримо, что по мѣрѣ развитія искусства, всѣ житейскія отношенія облагороживались привнесеніемъ въ нихъ художественнаго элемента, то съ другой стороны такъ же несомнѣнно, что выставленныя публично изваянія развивали эстетическое чувство народа вообще, а образованной его части служили кромѣ того образцами изящной манеры носить одежду, располагать ея складки и т. п.

Изъ сравненія чисто вещественнаго содержанія означенныхъ памятниковъ искусства, т. е. представленной на нихъ одежды и т. д., съ описаніями этихъ предметовъ у Гомера, оказывается, что костюмъ малоазійскихъ Грековъ Гомерова времени былъ по меньшей мѣрѣ такъ же выработанъ, какъ костюмъ европейскихъ, даже въ лучшую пору ихъ развитія. Сравнивая затѣмъ изображенія одежды и т. д. между собою, мы находимъ, что въ цѣломъ греческій костюмъ оставался почти безъ измѣненій до самаго паденія Греціи, а измѣнялся только въ частностяхъ, въ покроѣ, отдѣлкѣ и украшеніяхъ, которыя становились изящнѣе по мѣрѣ развитія въ народѣ художественнаго чувства.

Сходство описаннаго Гомеромъ костюма съ позднѣйшимъ іонійскимъ (аттическимъ) заставляетъ предполагать, что послѣдній былъ во всеобщемъ употребленіи у эолійскихъ и ахейскихъ племенъ Пелопоннеса задолго до появленія Дорянъ. Выработали ли его эти племена сами, или онъ былъ заимствованъ ими изъ Малой Азіи—рѣшить трудно; хотя съ другой стороны едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что въ эту раннюю пору своего развитія и они испытывали на себѣ восточное вліяніе, наравнѣ съ другими племенами². Поселеніе Дорянъ въ Пелопоннесѣ дало другое направленіе развитію ахейской культуры вообще. Дорійская простота и суровость нравовъ не мирились съ изыѣженностью Іонянъ и ихъ склонностью къ восточной роскоши. Борьба этихъ двухъ противоположностей имѣла опредѣляющее вліяніе и на развитіе греческой одежды вообще, и іонической (аттической) въ особенности. Суровый образъ жизни Дорянъ, особенно Спартанцевъ, строго слѣдовавшихъ даннымъ имъ Ликургомъ законамъ, повліялъ и на Іонянъ (преимущественно на Аѳинянъ) въ томъ отношеніи, что они постепенно отстали отъ прежней наклонности къ восточной изыѣженности и вслѣдствіе этого замѣнили свою прежнюю одежду болѣе простою. Но, благодаря своей подвижной, впечатлительной и художественной натурѣ, и изъ простой одежды они съ теченіемъ времени счумѣли слѣлать иѣчто большее, чѣмъ взященное украшеніе—они возвысили её до художественнаго выраженія индивидуальной жизни.

¹ Ср. въ особенности O. Müller, Handb. der Archaeologie. § 336 sqq.—² Ср. F. Germaun, Culturgeschichte и т. д. I, 35. § 4. См. ниже «Постройки».

Аттическая одежда раздѣлила судьбу греческаго искусства. Вмѣстѣ съ постепеннымъ измѣльчаніемъ его послѣ Перикла, она тоже мало по малу искажалась и выражалась въ угоду испорченному вкусу и страсти къ щегольству. Эта перемена медленно готовилась уже при Периклѣ, отчасти благодаря накопившимся въ народѣ богатствамъ, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ обширныхъ сношеній съ такими центрами торговли, какъ примѣръ Коринѣ. Но рѣзко выступила она повсюду на первый планъ только во время пелопоннесской войны, и въ особенности послѣ нея.—При наступившихъ затѣмъ смутахъ, и Спарта промѣняла свою простую національную одежду на пышный Іонійскій костюмъ. А послѣ блистательнаго царствованія Александра и вслѣдствіе его войнъ съ Востокомъ, азіатская роскошь стала господствующей модой ¹.

Греческая одежда ² состояла изъ двухъ главныхъ частей: нижняго одѣянія въ родѣ рубашки и накидки, или плаща. Ни рубашка, ни накидка не выкраивались, а изготовлялись каждая изъ цѣльной ткани, имѣвшей форму продолговатаго четырехугольника. Всѣ измѣненія, которымъ подвергалась греческая одежда, касались только ея украшеній, матеріала, большей или меньшей полноты, но способъ изготовленія ея оставался всё тотъ же отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ.

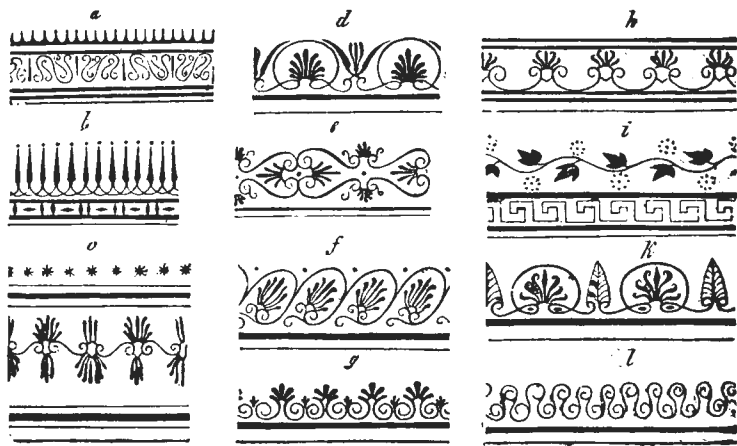
Матеріалъ, употреблявшійся на одежду уже въ гомерическое время, — шерсть и ленъ, былъ частью туземнаго происхожденія, частью привозный изъ колоній и съ острововъ. ³ Шерстяныя ткани Аттики высоко цѣнились за свою доброту ⁴; но особенно извѣстностью пользовались шерстяныя издѣлія Самоса и Милета и удивительныя по своей тонкости, полупрозрачныя ткани острововъ Коса и Аморгоса. Впослѣдствіи, съ развитіемъ торговли, вошли въ употребленіе хлопчатобумажныя и другія тогда извѣстныя матеріи, въ большомъ изобиліи и всѣхъ возможныхъ сортовъ привозившіяся въ Афины, Коринѣ и другія торговые центры ⁵.

¹ Cp. Meiners: Geschichte des Luxus der Athenienser von den ältesten Zeiten an bis auf den Tod Philipps von Makedonien. Lemgo. 1782. p. 55 sqq. Сверхъ того: J. Stœck: Ueber den verderblichen Einfluss des Luxus auf das endliche Schicksal Athens. Posen. 1825. — ² Кромѣ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ статей, см. C. Böttiger: Griechische Vasengemälde. Weimar 1797. — Его же: Ideen zur Archäologie der Malerei. Dresden. 1811. Его же: Amalthea oder Museum der Kunstmythologie und bildlichen Alterthumskunde. Leipzig. 1820; а также его Kleine Schriften archäologischen und antiquarischen Inhalts. Herausgeg. von J. Silig (2. Ausg.) Leipzig. 1850, и замѣчанія на мелочи греческой одежды въ St. de Clarac: Description du Musée royal. Paris. 1820. — Сочиненія общаго содержанія: O. Müller: Handbuch der Archäologie. § 336—131. Его же: Die Dorier, II, стр. 256. A. Böckh: Staatshaushalt der Athener. I, стр. 18. W. Wachsmuth: Hellenische Alterthumsk. II, стр. 407. C. Schnaase: Geschichte der bildenden Künste. II, стр. 111. F. Hermann: Privatalterthümer u. s. w. § 21. J. Schotel: Bydrage tot de Geschiedenis der kerkelijke en wereldlijke Kleeeding. Sgravenhage 1856. s. Hoofdstuck II, стр. 24. — Въ названныхъ выше иллюстрированныхъ изданіяхъ, трактующихъ объ античныхъ костюмахъ, мало можно доверять отдѣламъ греческаго костюма, потому что въ нихъ онъ часто смѣшанъ съ римскимъ. Гораздо полезнѣе, въ этомъ отношеніи, изученіе рисунковъ на вазяхъ въ трудахъ G. Tischbein; Millingen; Monumenti inediti и т. д.; въ особенности же E. Gerhard: Griechische u. etruskische Trinkschalen des Königl. Museums zu Berlin. 1840. Его же: Trinkschalen u. Gefässe des k. Museums zu Berlin u. anderer Sammlungen. Berlin. 1840. Его же: Auserlesene Vasenbilder и т. д., и прекрасное для нашей цѣли изданіе Th. Hope: The Costume of the Ancients. — ³ F. Hermann: Privatalterthümer. § 45. — ⁴ F. Schoemann: Griechische Alterthümer. I, 529. — ⁵ A. Böckh. Die Staatshaush. der Athener I, 51 (§ 9); W. Wachsmuth. Hellenische Alterthumskunde II (1.), 85 sqq.

Изъ всей этой массы роскошныхъ издѣлій, отовсюду, даже изъ Индіи, стекавшихся въ Грецію, — самыми цѣнными считались: узорчатая персидскія матерія, финикійскія пурпурныя одежды (извѣстныя уже Гомеру), серійскія или шолоковыя ткани (привозившіяся вѣроятно въ видѣ готовыхъ одеждъ) ¹.

Пока, по старинному азіяскому обычаю, носили одежду только домашняго приготовленія, она конечно не могла подвергаться значительнымъ измѣненіямъ. Но когда ткацкое ремесло получило самостоятельное развитіе, какъ отрасль промышленности, и особенно когда оно достигло такой степени совершенства, какъ на вышеупомянутыхъ островахъ, тогда должна была безъ сомнѣнія подвинуться впередъ и домашняя выдѣлка одежды, удержавшаяся между средними классами населенія до позднѣйшаго времени. ² Оставаясь при старомъ покроѣ одежды, стали выдѣлывать для нея болѣе разнообразныя ткани, заимствуя образцы отъ знаменитыхъ ткацкихъ издѣлій. Вслѣдствіе этого одежда стала вообще наряднѣе, чему, вѣроятно, также способствовали и красильщики, которые уже очень рано начали раскршивать матерія узорами и притомъ, судя по рисункамъ на вазахъ (фиг. 177, а, b), совершенно въ азіатскомъ вкусѣ. Хотя бѣлыя полотняныя и шерстяныя одежды продолжали считаться самыми пристойными у европейскихъ Грековъ, тѣмъ не менѣе и они полюбили пестрыя матерія, клѣтчатыя съ мелкими узорами и т. п. ³.

Фиг. 244.

Это породило особое искусство отдѣлывать одежду рисованными, выткан-ными, вышитыми или нашитыми орнаментами. ⁴ Развиваясь вмѣстѣ съ усо-

¹ Ср. выше, ч. I, стр. 370. Сверхъ того, специально о Греціи А. Bleeker: Charikles, II, 339 sqq. — F. Hermann: Privatalterthümer, § 22, (not. 16. — W. Volz: Beiträge zur Culturgeschichte, стр. 84 sqq. — ² А. Böckh: Staatshaustaltung, I, 50. — ³ Ср. между прочимъ F. Creuzer: Zur Gallerie der alten Dramatiker, стр. 53 sqq. съ примѣч., стр. 52. «Heraklides Ponticus свидѣлствуетъ, что древніе Аѳиняне носили пурпурную верхнюю и пеструю нижнюю одежду», F. Creuzer: Ein alt-athenisches Gefäss и т. д. Leipzig, 1832, стр. 36, (not. 59). — ⁴ Въ лучшее время конечно рѣдко прибѣгали къ этимъ украшениямъ, такъ какъ они стѣсняли свободное развитіе складокъ.

вершенствованіемъ эстетическаго вкуса, оно постепенно отстало отъ своихъ прежнихъ азіатскихъ образцовъ, и замѣнило ихъ самостоятельно изобрѣтенными и вполне изящными формами, которыя оно умѣло истинно художнически сочетать въ орнаменты неподражаемой прелести ¹. Такіе орнаменты, въ видѣ узкихъ коймъ или оторочекъ на подолѣ, рукавахъ, воротѣ (фиг. 244, а — 1), ² были приняты даже высшими классами, пока тѣ носили однѣ только бѣлыя одежды. Но когда вошли въ моду тяжелыя, дорогія матеріи и объемъ одежды, масса ея складокъ увеличилась, измѣнился и прежній характеръ орнаментовъ: они стали тяжеле, шире, вообще массивнѣе.

Все это относится опять-таки скорѣе къ іонійско-аттическому, чѣмъ къ дорическому костюму. Прежде чѣмъ Спарта измѣнила древнимъ Ликурговымъ постановленіямъ, ткацкое ремесло ограничивалось въ ней приготовленіемъ довольно грубыхъ тканей изъ туземной шерсти, а красильное—исключительно употребленіемъ кокусовой краски ³ и темнопурпуровой, ⁴ известной также и Аонинянамъ. Но и эти одноцвѣтныя одежды, несмотря на известность, которою онѣ пользовались за границей ⁵, служили у суровыхъ Спартанцевъ только воинскимъ нарядомъ. Пренебрегая щегольствомъ, они одѣвались тогда въ однѣ шерстяныя матеріи натурального цвѣта шерсти и въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ онѣ снимались съ ткацкаго станка. Эта крайняя простота и составляла главное отличіе дорическаго костюма отъ іоническаго. Ионяне, вѣрные своимъ первоначальнымъ, восточнымъ привычкамъ, любили длинныя, богатые складками одежды и носили ихъ вплоть до 6-го вѣка и даже во время персидскихъ войнъ. Доряне, напротивъ того, заботились не столько о защищеніи своего тѣла одеждою, сколько о его укрѣпленіи и свободномъ развитіи. ⁶ Это попеченіе о крѣпости тѣла уже очень рано, и отчасти вслѣдствіе Ликурговыхъ постановленій ⁷, выработалось у нихъ въ систематическую гимнастику ⁸; а гимнастика довела чувство тѣлесной красоты и стройности движеній до истинно художественнаго наслажденія и вмѣстѣ облагородила и поддержала привычку къ наготѣ (сначала принятую вѣроятно въ видахъ укрѣпленія тѣла). Какъ ни любили также и Ионяне гимнастическія упражненія, они никогда не достигали у нихъ такого національно-политическаго значенія, какъ у Спартанцевъ, и хотя способствовали къ развитію и у нихъ чувства человѣческой красоты до художественной тонкости, однакоже на одежду въ обыденной жизни, они не имѣли такого рѣшающаго вліянія, какъ въ Спартѣ. Хотя у Ионянъ (впрочемъ только въ противоположность варварамъ) ⁹, также какъ и у Дорянъ, не считалось за стыдъ показаться нагишомъ, однакожъ между обоими племенами и въ этомъ отношеніи, покрайней мѣрѣ касательно обонхъ половъ, существовала нѣкоторая разница, лежавшая въ ихъ нравственныхъ понятіяхъ. Тогда какъ въ искусствѣ вообще долго оставалось непринятымъ изображать развитое женское тѣло

¹ Ср. A. Böttiger: Griechische Vasengemälde. I (1), 76 sqq. — ² См. также детали при нижеслѣдующихъ фигурахъ. — ³ L. Schömann: Griechische Alterthümer, I, 529. — ⁴ О законійскомъ и тирскомъ двуцвѣтномъ пурпурѣ см. A. Schmidt: Forschungen auf dem Gebiete des Alterthums, I, 127 (§ 31). — ⁵ O. Müller: Die Dorier, II, 21 sqq. — ⁶ O. Müller: Handbuch der Archäologie, § 93, ср. § 69. — ⁷ Между прочимъ см. M. Düncker: Geschichte des Alterthums, III, 351 sqq. — ⁸ C. Hermann: Privatalterthümer, § 23, not. 8; § 35, not. 13; § 37 sqq. — ⁹ Herodot. I, 8—10.

вовсе безъ одежды ¹, и въ Афинахъ обученіе гимнастикѣ въ общественныхъ гимназіяхъ входило только въ мужское воспитаніе, въ Спартѣ было даже предписано, чтобы вся молодежь, безъ различія пола, собиралась вмѣстѣ для гимнастическихъ упражненій ².

I. Сообразно съ истинно художническимъ взглядомъ Доріанъ на стройно развитое человѣческое тѣло, какъ на предметъ прекрасный самъ по себѣ и потому не нуждающійся въ искусственныхъ прикрасахъ, а также и въ слѣдствіе ихъ обычая закалять себя съ дѣтства противъ климатическихъ вліяній, дорійская одежда обоихъ половъ была крайне проста и имѣла характеръ необходимаго прикрытія тѣла, а не наряда, носимаго для щегольства. Она состояла изъ двухъ частей, какъ вообще одежда всѣхъ древнихъ народовъ: рубашки, надѣвавшейся прямо на тѣло, и пакидки или плаща, набрасывавшагося сверху.

1. Мужчины, преимущественно же свободные Спартяне, довольствовались почти исключительно однимъ плащемъ или накидкою (himation-гима-

Флг. 245.

Флг. 246.

тій), т. е. четырехугольнымъ кускомъ ткани, который они накидывали себѣ на спину такъ, что лѣвый верхній конецъ его спускался черезъ лѣвое плечо на грудь, а правый проходилъ подъ правую мышкою напередъ и закидывался за спину опять черезъ лѣвое плечо. Иногда гиматій надѣвался на оба плеча. По древнѣйшимъ скульптурамъ видно, что старинный

¹ O. Müller: Handbuch der Archäologie, § 337 (7). — ² O. Müller: Die Dorer, II, 314. A. Becker: Charikles, I, 321 sqq. J. H. Krause: Geschichte der Erziehung, des Unterrichts und der Bildung bei den Griechen, Etruskern und Römern. Halle, 1851, стр. 99, 320. Ср. также C. Schnaase: Geschichte der bildenden Künste, II, 109. F. Hermann: Privatalterthümer, § 10, not. 18.

гиматій былъ узокъ ¹ и коротокъ: онъ плотно прилегалъ къ тѣлу сзади и едва доходилъ до колѣнъ (фиг. 245). ² Въ такой формѣ онъ удержался до позднѣйшаго времени, какъ одежда спартанской молодежи, подъ различными, вѣроятно имѣвшими отношеніе къ качеству ткани, ³ названіями: *tribon*, *tribonion* и др. (Такой гиматій могъ имѣть нѣкоторое общее сходство съ употребляемымъ нынѣшними арабами плащомъ — *ihram*. См. ч. I. фиг. 100, а).—Иногда гиматій надѣвали другимъ образомъ: четверугольную ткань складывали вдвое ⁴ и, какъ видно по позднѣйшимъ статуямъ Аѳины и др., пропустивъ её подъ правую или лѣвую руку, застегивали на противоположномъ плечѣ пряжкой (фиг. 246 ср. фиг. 168. а, b). Походилъ ли такимъ образомъ надѣтый гиматій на обыкновенную во времена Гомера хлену (*chlaena*), сомнительно, хотя не невѣроятно ⁵.

Мужская нижняя одежда или рубашка (*chiton* — хитонъ) была ничто иное какъ сложенный вдвое четырехугольный кусокъ ткани, съ прорѣзомъ на сгибѣ для продѣвья руки, и сшитый или сцѣпленный застѣжками, шнурками и т. п. на противоположной сторонѣ, гдѣ тоже оставалось отверстіе для руки. Верхніе края хитона сдерживались на обоихъ плечахъ пряжками или застѣжками, а на талии онъ охватывался поясомъ. Греческій хитонъ отличался отъ нижней одежды восточныхъ народовъ тѣмъ, что былъ гораздо короче ея, а старинный хитонъ еще тѣмъ, что вовсе не имѣлъ рукавовъ (фиг. 247). Рукава были введены у Дорянъ поздно: они череняли ихъ отъ своихъ восточныхъ сосѣдей вмѣстѣ съ полотняною одеждою, на которую они промѣняли свою старинную шерстяную; а это не могло случиться ранѣе ихъ войнъ съ Персами (394 до Р. X.), также какъ, повидимому, и въ Атикѣ длинныя до кисти рукава хитоновъ вошли въ употребленіе только въ періодъ развитія роскоши (Ср. Herod. VII, 61 и Thucid. I, 6). Короткорукавные же хитоны, слѣдовательно съ пришитыми рукавами (если только они не ткались вмѣстѣ съ ними), были извѣстны іонянамъ и ахейнамъ издавна ⁶, и могли удержаться, какъ остатокъ древнѣйшей одежды, среди покореннаго Дорянами населенія Пелопоннеса—періоковъ и гелотовъ. Одежда же этихъ послѣднихъ въ общемъ походила на одежду низшихъ классовъ всей Греціи, слѣдовательно и Атики (см. ниже).

Кромѣ описаннаго стариннаго и чисто національнаго гиматія, у Спартанцевъ были въ употребленіи

Фиг. 247.

¹ A. Böttiger: Amalthea, III, 37.—² Ср. персидскія скульптуры, Fig. 178, a, b. —
³ A. Becker: Charikles, II, 322. F. Hermann: Privatalterthümer, § 21, not. 14. Сверхъ того, O. Müller: Handbuch, § 337, not. 4.—⁴ F. Hermann: not. 12, 17.—⁵ O. Müller: Handbuch, § 337, not. 4. Противоположное мнѣніе F. Hermann, см. выше. Ср. A. Becker: Charikles, II, 324. также J. Kruse: Urgeschichte des esthnischen Volkstammes, стр. 247. и въ особенности B. Friedreich: Realien, стр. 241. — ⁶ Этихъ объясняется и относящееся сюда мѣсто у Аристофана, о которомъ столько говорили ученые: Equit., 892. См. F. Hermann: Privatalterthümer, § 21, not. 4.

другого рода накидки или плащи, перенятые ими вѣроятно отъ Афинянъ. Изъ нихъ особенно замѣчательнъ короткій плащъ, — впрочемъ общій всѣмъ сѣверо-европейскимъ кельтическимъ и германскимъ племенамъ (ср. фиг. 218, с; 221, с; 225, а), — называвшійся у Грековъ хламидою (*chlamys*) ¹.

2. Одѣяніе дорійскихъ женщинъ ² мало отличалось отъ мужскаго; оно состояло тоже изъ верхней и нижней одежды; но тогда какъ мужская молодежь носила преимущественно только одну верхнюю одежду — гиматій, женская употребляла почти исключительно хитонъ ³.

Въ простѣйшей своей формѣ женскій хитонъ совершенно походилъ на мужской и только въ особенныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при гимнастическихъ упражненіяхъ и борьбѣ (Paus. V, 16), отличался тѣмъ, что его, для свободы движеній, спускали съ одного плеча и подпоясывали повыше (фиг. 248 а. б.).

Ношеніе длинныхъ и широкихъ, спускавшихся до ногъ, хитоновъ, не было запрещено дѣвушкамъ, но встрѣчалось у нихъ рѣже, чѣмъ у замужнихъ, не-

Фиг. 248.

Фиг. 249.

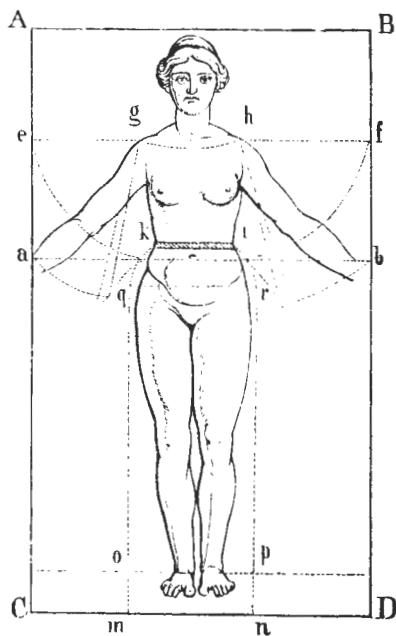

молодыхъ женщинъ. Эти хитоны были двоякой формы — одни совершенно какъ мужскіе, но съ двойнымъ отворотомъ, образовавшимся изъ излишка ткани, который откидывался на грудь и спину (*egkuklon* или *diploidion*?) (фиг. 249) ⁴; другіе, тоже съ выпускомъ, въ видѣ закрытаго (сшитаго), длиннаго и широкаго, со многими складками, платья. Для послѣдняго рода

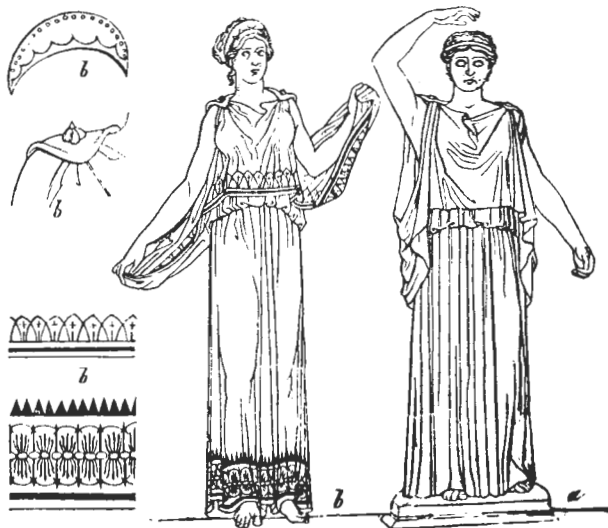
¹ См. O. Müller: Handbuch, § 337 (6). Сверхъ того, его же: Ueber die Wohnsitze, die Abstammung, u. s. w. des makedonischen Volkes. Berlin, 1825, стр. 47. Его же: Die Etrusker. Breslau, 1828, I, 256, 264. A. Becker: Charikles, II, 223. F. Hermann: Privatalterthümer, § 21, not. 20. — ² O. Müller: Handbuch, § 339. Его же: Die Darier, II, 261 sqq. A. Becker: Charikles, II, 234 sqq. F. Hermann: Privatalterthümer, § 22. — ³ F. Hermann, ibid. not. 20. — ⁴ C. A. Becker: Charikles, II, 327. F. Hermann: Privatalterthümer, § 22 11, 12., not.

хитонов брали четырехугольный же кусок ткани, какъ и для простаго хитона, но болѣе длинный и широкій (фиг. 250), складывали его по длине вдвое и сшивали сверху до низу, такъ что обѣ его продольныя стороны (АС и ВО) были сплошныя и надѣвать его нужно было черезъ голову. Отдѣваясь, сначала, вѣроятно, откидывали верхній край (Ае Вf) въ видѣ отворота наружу (eafb), потомъ собирали его складками (въ g и h) и сцѣпляли переднюю и заднюю его половину пряжкой на каждомъ плечѣ (въ g и h). Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ оставались отверстія для рукъ ¹ (gk и hi). Висящую теперь на плечахъ массу ткани собирали вокругъ тѣла въ складки и охватывали на талии поясомъ (ki); волочившійся остатокъ одежды (орпn) вытягивали изъ за пояса кверху на столько, чтобы открылась ступня, и потомъ опускали, отчего вокругъ всей талии дѣлался родъ буфа (kiqr), который назывался — kolpos (ср. фиг. 251, а, b; 102, b).

Фиг. 250.

Фиг. 251.

¹ Это описаніе, основанное на фактическомъ изслѣдованіи, которое выдержитъ всякую критику, рѣшаетъ также часто подымавшійся споръ о томъ, составляли ли отворотъ и вся одежда одно цѣлое, или первый былъ самостоятельной, отдѣльной нарядной.

Плащ дорійскихъ женщинъ совершенно походилъ на мужской и поэтому часто служилъ какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ ¹.

II. Одежда аттического (іонійскаго) населенія ², несмотря на всѣ измѣненія, строго сохраняла свой старинный (ахейскій) характеръ (стр. 103) потому вообще больше походила на одежду азіатскихъ народовъ, чѣмъ на дорическую. — Іонійскія женщины, пользовавшіяся гораздо меньшею свободою чѣмъ дорійскія, ³ вѣроятно всего болѣе содѣйствовали поддержанію старинной восточной привычки къ закутыванію всего тѣла. Но этой привычкѣ не были чужды и мужчины. Правда, изъ подражанія дорійскому обычаю, они почти отказались отъ своихъ длинныхъ, похожихъ на женскія, нижнихъ (полотняныхъ) и верхнихъ (шерстяныхъ) одеждъ (фиг. 252), а со времени цело-

Фиг. 252.

понезской войны и вплоть до вторичнаго введенія азіатской роскоши (стр. 111), одѣвались почти совершенно по дорически, или по древне-эллински ⁴; однакожъ они всегда любили одежды, драпирующіяся богатыми складками, и предпочитали носить и хитонъ и плащъ вмѣстѣ. Если отсутствіе нижней одежды служило у нихъ признакомъ бѣдности, то и человекъ безъ верхней одежды не считался вполне одѣтымъ ⁵.

1. Во всемъ остальномъ іонійская мужская одежда не отличалась отъ дорической, ни по виду, ни по способу ношенія. Только относительно хитона надобно замѣтить, что, кромѣ рукавовъ, онъ отличался отъ дорическаго еще тѣмъ, что дѣлался изъ льняной ткани, что продолжалось по край-

ней мѣрѣ до конца персидскихъ войнъ (ср. фиг. 252). Для плаща же (himation), при накидкѣ котораго образованные Аіоніане особенно заботились объ артистическомъ расположеніи складокъ ⁶, выбирали обыкновенно тонкія милетскія шерстяныя матеріи. Древніе законы приличія требовали, чтобы эта одежда доходила до икры ноги или по крайней мѣрѣ до колѣна (фиг. 252), а позднѣйшій обычай (уже во время Перикла) удлинилъ ее до того, что конецъ ея тащился по землѣ (фиг. 253 а—е). ⁷ Но такъ какъ съ увеличеніемъ объема одежды, увеличивалась и трудность драпироваться ею, то упражненіе въ этомъ искусствѣ составляло существенную часть воспи-

¹ Между прочимъ, см. O. Müller: Handbuch, § 340 (1). — ² Кромѣ уже упомянутыхъ сочиненій о дорической одеждѣ, см. объ этомъ еще: A. Schöll: Archäologische Mittheilungen aus Griechenland, I, 22. — ³ A. Becker: Charikles, II, 420 sqq. —

⁴ O. Müller: Handbuch, § 337 (2). Ergo же: Die Dorier, II, 262 sqq. A. Becker: Charikles, II, 311. F. Hermann: Privatalterthümer, § 21. — ⁵ F. Hermann, см. выше, not. 11 и 12. — ⁶ Ср. между прочимъ A. Büttiger: Griechische Vasengemälde, I (Heft 2), 37 sqq., особенно же стр. 55 sqq. и его же: Ideen zur Archäologie der Malerei I, 211. — ⁷ Ср. фигуры въ плащахъ на фронтѣ Парфенона. O. Müller und Oesterle: Denkmäler der alten Kunst, A. Tafel XXIII sqq.

танія. Притомъ же благопристойность требовала (какъ въ Спартѣ, такъ въ Аѳинахъ), чтобы въ спокойномъ положеніи обѣ руки были подъ одеждой

Фиг. 253.

(фиг. 253, а), а при движеніи по крайней мѣрѣ правая рука была бы закрыта. Чтобы удобнѣе было удовлетворять подобнымъ требованіямъ, Греки, кажется, пришивали къ угламъ одежды небольшія (обтянутыя матеріей) гирьки, въ видѣ кистей. Отъ этого накинутая на плеча матерія не только ниспадала свободными и упругими складками, но и яснѣе обрисовывала формы тѣла ¹.

Хламида, о которой мы говорили выше (стр. 116), не упоминается раньше Сафо (около 600 г. до Р. Х.) ². Она была сѣвернаго происхожденія (македоно-вессалійскаго), и введена сначала Аѳинянами, отъ которыхъ ее переняли въ послѣдствіи и Спартанцы. Носили ее преимущественно юноши, которые притомъ, судя по памятникамъ временъ процвѣтанія греческаго искусства ³, ничего больше не надѣвали (именно при торжественныхъ играхъ). Въ формѣ простой продолговатой накидки, она не доходила и до колѣнъ (фиг. 254, а); а при большемъ объемѣ, когда она употреблялась (вѣроятно подъ особымъ названіемъ) въ видѣ дорожнаго плаща, она спускалась до ступни (фиг. 254, с). Должно полагать, что хламида сохранила эту первоначальную, продолговато-четыреугольную форму до позднѣйшихъ временъ, потому что военный плащъ древнихъ постоянно былъ точно такого же фасона. Кромѣ того, можно еще думать, что въ періодъ роскоши именно эта одежда послужила образцомъ для дру-

¹ Ср. объ этомъ, въ эстетическомъ отношеніи, C. Schnaase: Geschichte der bildenden Künste, II, 111, особенно стр. 114. — ² O. Müller: Etrusker, I, 264. Ср. A. Becker: Charikles, II, 323. — ³ Молодые всадники на фризѣ Пареемона (см. выше). Впрочемъ здѣсь должно особенно помнить объ отношеніи художественныхъ изображеній къ дѣйствительности.

гихъ видовъ плащей, которые носили, вмѣстѣ съ хитонѣмъ, уже не ради защиты отъ вліяній климата, а единственно для наряда (фиг. 254, в.). Очень вѣроятно, что рядомъ съ простой хламидой носили еще разныя широкіе пла-

Фиг. 254.

щи ¹, вытканные или въ формѣ отрѣзка круга, или удлиненнаго овала, и притомъ такъ, что края такого плаща, надѣтаго обыкновеннымъ образомъ, должны были сами собою изгибаться въ красивую волнистую линію.

Отъ подобныхъ незначительныхъ различій въ величинѣ, формѣ, отдѣлкѣ, могли зависть и различныя названія одеждъ, точное объясненіе которыхъ теперь стало невозможнымъ, хотя количество ихъ, оставленное намъ греческою древностью, далеко уступаетъ тому, которое сохранилось отъ ближайшаго прошедшаго ². Нѣкоторыя названія указывали впрочемъ и на самый матеріалъ, изъ котораго дѣлалась одежда. Такъ напр. гомеровская *chlæna* означала, кажется, гиматіонъ изъ толстой мохнатой шерсти, служившій теплымъ зимнимъ одѣяніемъ ³; „*chlanis*“ называлось лѣтнее платье, употреблявшееся щеголями и изнѣженными людьми и, какъ видно, приготовлявшееся изъ легкихъ тканей тонкой милетской шерсти ⁴. Тоже, вѣроятно, должно сказать и о „*ledion*“ или „*ledarion*“ и др. — И хитонъ, съ измѣненіемъ матеріала, изъ котораго приготовляли его, точно также долженъ былъ мѣнять свои названія ⁵.

¹ Ср. F. Hermann: *Privatalterthümer*, § 21, not. 22. — ² Это замѣчаніе сдѣлано еще Г. Гауфомъ (*Moden und Trachten. Fragmente zur Geschichte des Kostüms*. Stuttgart. 1840, стр. 169), по поводу римскихъ модъ. — ³ O. Müller: *Handbuch*, § 337, not. 4; A. Becker: *Charikles*, II, 332. F. Hermann: *Privatalterthümer*, § 21, not. 18. — ⁴ O. Müller, см. выше. A. Becker: *Charikles*, II, 333. F. Hermann, см. выше, not. 19 — ⁵ Ср. особенно A. Becker: *Charikles*, II, 332 sqq.

2. Тоже самое и еще въ большей мѣрѣ было и съ женскою одеждой. Она также имѣла множество названій ¹, обозначавшихъ одни только различныя видовизмѣненія ея, хотя главныя ея части оставались постоянно одѣ и тѣ же. Одною изъ такихъ существенныхъ частей былъ хитонъ ². По разсказу Геродота (V. 87, 88), въ старину іонійскія женщины носили одежду дорійскую, очень похожую на коринфскую, но по поводу нѣкотораго происшествія (которое онъ передаетъ), замѣнили ее полотняною нижнею одеждою безъ застежекъ на плечахъ (слѣдов. съ рукавами); одежда эта была однакожь не іонійскаго, а карійскаго происхожденія, такъ какъ въ древности всѣ греческія женщины одѣвались одинаково и носили одежду, которую въ послѣдствіи (при Геродотѣ) называли дорійскою. Этотъ геродотовскій (карійско-іонійскій) хитонъ былъ родъ очень широкой полотняной рубашки, съ широкими мѣшкоподобными рукавами и такой длинной, что ее нужно было подпоясывать два раза (фиг. 255. ср. фиг. 252.); а такъ какъ точно такіе же хитоны малоазійскія гречанки носили съ незапамятныхъ временъ, то малоазійское происхожденіе іонійскаго хитона очевидно ³.

Фиг. 255.

Дальнѣйшія измѣненія этой (быть можетъ уже въ доисторическія времена общераспространенной) одежды происходили вѣроятно такъ, что сначала

Фиг. 256.

Фиг. 257.

¹ Cp. A. Becker. Charikles. II, 324. — ² O. Müller. Handbuch. § 339 sqq.; E. Hermann. Privatalterthümer. § 22, not. 8. — ³ Cp. рисунки въ Ch. Fellows. A Journal written during an excursion in Asia minor. London. 1839, его же: An account of discoveries in Lycia. London. 1841., и E. Gerhard. Archaeologische Zeitschrift. I Lf. Berlin. 1843. Taf. IV. Monum. inedit. dell'instituto di corrisp. archeol. IV. 31. съ O. Müller. Denkm. A. Taf. XI. Fig. 40. Taf. XV. Fig. 62; Th. Panofka, Dionysos und die Thyaden. Taf. I, Fig. 2. Taf. II, Fig. 1, 2. Taf. III, Fig. 8, 11.

рукава ея стали разрѣзывать сверху и застегивать на плечахъ пряжками— о чемъ говорится еще у Эліана по поводу полныхъ женщинъ (Aelian. Var. hist. I. 5), — а потомъ и совсѣмъ ихъ отняли (фиг. 256) и получили такимъ образомъ одежду, занимавшую какъ бы средину между іонійскимъ и длиннымъ дорійскимъ хитонѣмъ. Впослѣдствіи, вѣроятно подъ непосредственнымъ вліяніемъ дорійскихъ обычаевъ, переняли и настоящій дорійскій хитонъ (открытый съ одного бока или сплошной) и сдѣлали это тѣмъ охотнѣе, что онъ допускалъ гораздо больше разнообразія въ манерѣ носить его, чѣмъ сшитый іонійскій, и не менѣе богатую или изящную отдѣлку (фиг. 251, b. фиг. 256 и 257). Но и дорійскій хитонъ подвергся различнымъ передѣлкамъ, въ которыхъ главную роль игралъ его отворотъ (egkuklon или diploidion), о которомъ было говорено выше. Его то различнымъ образомъ перепоясывали (фиг. 257 и фиг. 260), то удлинняли на бокахъ, заставляя спускаться вдоль бедръ волнообразною складкою, то, наконецъ, какъ бы отдѣляли отъ хитона и превращали въ самостоятельную часть одежды, т. е. надѣвали сверхъ хитона короткую накидку, подобно diploidion'у закрывавшую грудь и спину ¹ (фиг. 258; фиг. 259) и спускавшуюся вдоль бедръ

Фиг. 258.

Фиг. 259.

извивистыми складками; иногда край этой накидки на плечахъ и вдоль рукъ связывали завязками или застегивали крючками, отчего образовывались фальшивые рукава (фиг. 259). Въ дальнѣйшемъ превращеніи, эта, какъ бы дополнительная къ хитону одежда приняла форму безрукавной кофты, застегивавшейся на плечахъ пряжками; иногда она была разрѣзная съ обѣихъ боковъ и застегивалась на пуговицы, или просто обхватывалась поясомъ (фиг. 260. b—d). ² Обыкновенно носили одинъ хитонъ, но иногда (весьма рѣдко) надѣ-

¹ A. Böttiger. Griech. Vasengemälde. I (2), 89; его же: Kleine Schriften. III, 31, 284,—² Ср. между прочимъ A. Becker. Charikles. II. Taf. V. Fig. 3.

вали и два хитона одинъ на другой, причемъ исподній, ближайшій къ тѣлу, бывалъ обшитъ фальбалой, которая выпускалась наружу (фиг. 259). Короткіе хитоны (chitonion) изъ прозрачной ткани, безрукавные, но съ прорѣзомъ для

Фиг. 260.

одной только руки, такъ что другая рука съ плечомъ и часть груди оставались открытыми (exomis), были принадлежностью домашнего туалета (о чемъ ниже), хотя въ нихъ показывались иногда и виѣ дома ¹.

Кромѣ своей обыкновенной верхней одежды, гиматія, ничѣмъ не отличавшагося отъ мужскаго (фиг. 260. а), іонійскія женщины носили еще различнаго вида и различной величины накидки, въ родѣ мантилій или шалей (фиг. 261; 262) ².

Что касается цвѣта женской одежды, то хотя бѣлый цвѣтъ и считался самымъ изящнымъ, однакожь носили не только хитоны, но и гиматіи желтаго, коричневаго, зеленаго, голубаго, краснаго и пурпуроваго цвѣта. Было также въ модѣ надѣвать хитонъ одного цвѣта, а гиматіи другого; тоже самое соблюдалось и относительно хитона и его дополнительнаго diploidion'a. Украшенія допускались какъ на хитонѣ, такъ и на гиматіи, но вообще очень умѣренныя, въ видѣ коймъ простыхъ и узорочныхъ, одинокихъ и двойныхъ. Узорчатые или испещренныя украшеніями одежды составляли рѣдкое исключеніе (ср. фиг. 244—262).

Греки покрывали себѣ голову только для защиты отъ дождя или отъ солнечныхъ лучей — напр. въ дорогѣ, или въ театрѣ, во время длинныхъ, цѣлый день продолжавшихся представлений. Женщины же надѣвали головной уборъ исключительно для наряда. Иначе было съ обувью. Хотя она тоже считалась преимущественно принадлежностью нарядной одежды, одна-

¹ Ibid. 331. Taf. IV. Fig. 2. — ² Ibid. Taf. V. Fig. 4.

кожъ её надѣвали и для предохраненія ногъ, покрайней мѣрѣ выходя изъ дому, и притомъ какъ мужчины такъ и женщины (особенно въ Атикѣ¹).

Фиг. 261.

Фиг. 262.

1. Мужчины носили шляпы и шапки.² Низкая, широкополая шляпа изъ войлока, черешедшая къ Грекамъ, вѣроятно одновременно съ хламидою, отъ сѣверныхъ ихъ сосѣдей—Θεσσαλίωνъ, Македонянъ и др., называлась, „kausia“³. Таже шляпа съ круглой низкой тулей и съ очень широкими, загнутыми кверху, или съ узкими дугообразно вырѣзанными полями употреблялась въ дорогѣ, на охотѣ и солдатами (фиг. 254 а. е); она называлась петасъ (petasos). Сельскіе жители носили войлочныя же шляпы съ мягкими полями, завороченными кверху,⁴ или опущенными внизъ (фиг. 267. с); моряки и рабочіе⁵ накрывали себѣ голову яйцеобразными шапками, соломенными, кожаными или войлочными (pilos); такія же шапки, но изъ лучшаго матеріала были головнымъ уборомъ больныхъ (фиг. 247. фиг. 267. а). Цвѣтъ шляпъ и шапокъ былъ натуральнѣй цвѣтъ войлока, изъ котораго онѣ были сдѣланы. Впрочемъ, шляпы, кажется, иногда и красили въ красный и другія цвѣта, или покрайней мѣрѣ украшали цвѣтною каемкой⁶.

Самою общеупотребительною обувью⁷ мужчинъ были извѣстныя съ незапамятныхъ временъ на Востокъ и въ Египтъ — сандаліи. Первоначально никакой другой обуви кромѣ простыхъ сандалій, вѣроятно, и не знали; покрайней мѣрѣ у Гомера упоминается только о нихъ⁸; но въ послѣдствіи,

¹ Въ Спартѣ напротивъ того, молодымъ людямъ не дозволялось носить обуви даже и зимою.—² O. Müller, Handbuch, § 338; A. Becker, Charikles II, 360 sqq.; F. Hermann Privatalt. § 21, not. 26 — 29. —³ O. Müller, Über die Wohnsitze etc. des makedonischen Volkes, S. 48.—⁴ A. Büttiger, Kleine Schriften (2. Ausg.) I, 238 sqq.—⁵ Cp. Th. Panofka, Bilder antiken Lebens, Taf. XIV, Fig. 1, 3, 4. XV, Fig. 4. VIII, Fig. 5.—⁶ M. v. Stackelberg, Gräber der Hellenen, Taf. 45, Fig. 2.—⁷ O. Müller, Handbuch, § 338 (8); A. Becker, Charikles, II, 364 sqq.; F. Hermann, § 21, not. 29 — 32.—⁸ F. Friedreich, Realien, S. 242, § 67.

съ развитіемъ промышленности, явилась обувь болѣе разнообразная и болѣе красивая. Даже въ суровой Лаконіи изготовленіе обуви было повидимому доведено до замѣчательнаго совершенства, такъ какъ сами щеголеватые аѳиняне, у которыхъ красивая, ловко обтягивавшая ногу обувь считалась однимъ изъ признаковъ благовоспитанности, ставили мужскіе башмаки лаконскаго издѣлія наряду съ знаменитыми произведеніями амиклейскихъ, аргосскихъ, родосскихъ и сикіонскихъ башмачниковъ ¹.

Черезъ постепенное превращеніе простыхъ сандалій въ башмаки и наконецъ въ полусапожки, выработалось нѣсколько видовъ обуви, изъ которыхъ каждый носилъ особое названіе, смотря по цвѣту, матеріи и, главнымъ образомъ, по формѣ.

Простая подошва, подвязанная ремнемъ, была обыкновенною обувью для дома и выхода; сандаліи (*sandalion*; *sandalon*), прикрѣплявшіяся къ ногѣ тоже ремнями, были наряднѣе: ихъ надѣвали, отправляясь въ гости, или въ общественныя собранія. Дальнѣйшее развитіе сандаліи — башмаки были двухъ родовъ — низкіе, закрывавшіе только ступню (фиг. 263. а), и высокіе, заходившіе за лодыжку ² (фиг. 263. с). Къ этому же ряду обуви принадлежали вѣроятно и часто упоминаемые *krepidis* ³ и *endromidis*. Первые были нерѣдко подбиты гвоздями. Высокіе сапоги (фиг. 263. d; не *embates* ли?), похожіе на ассирійскіе (фиг. 121. f), были преимущественно обувью охотниковъ и путешественниковъ (такъ они представлены по крайней мѣрѣ на картинахъ и въ скульптурѣ), и какъ надобно предполагать надѣвались сверхъ чулокъ. Впрочемъ, по изображеніямъ же видно, что и простолюдины, пастухи и т. п., носили нерѣдко высокую обувь (фиг. 267. с).

2. Женщины (преимущественно въ Атикѣ) покрывали себя голову сѣткой, чахломъ или платкомъ ⁴, а для украшенія носили на ней цвѣтныя ленты и обручи, прямые и вырѣзанные полумѣсяцомъ, кожаные (изъ позолоченой, раскрашенной и тисненой кожи), или металлическіе (изъ бронзы, золота, серебра).

Сѣтки (*kekrūfalos*) были вѣроятно извѣстны уже въ гомерическое время ⁵. Онѣ дѣлались изъ шнурковъ (иногда золотыхъ) и закрывали всю голову. ⁶ (фиг. 272. с). Надѣвали ихъ преимущественно ложась спать, или когда волосы еще не были причесаны; но носили также и внѣ дома. Чахолъ или

¹ O. Müller. Die Dorier. II, 22 sqq.; A. Becker. op. cit. II, 365. — ² Иногда и до якры (фиг. 263. d.) ср. M. v. Stackelberg. Op. cit. Taf. 45. — ³ Ср. F. Hermann. § 30. — ⁴ O. Müller. Handbuch, § 3400; A. Becker. Charikles II, 391; F. Hermann. § 22. not. 25—29. — ⁵ Böttiger. Kleine Schriften (3 Aufl.) III, 293. — ⁶ Ср. A. Becker. Op. cit. II. Taf. IV. Fig. 6.

мѣшокъ (*saccos*) былъ просто платокъ (нерѣдко пестрый), которымъ повязывали или всю голову, или только одну косу (фиг. 264. g. h. k. l; ср. фиг. 260. b, 261). Иногда вмѣсто такихъ повязокъ носили настоящіе колпаки съ

Фиг. 264.

кисточкой (фиг. 264 m), или накидывали на голову родъ покрывала, закрывавшаго только заднюю часть головы (фиг. 264. e), но не лицо (кромѣ развѣ однихъ овянокъ, которыя не выходили изъ дому не закрывши лица) ¹. Настоящее прозрачное покрывало, прикрѣплявшееся къ косѣ, ² было принадлежностью костюма замужнихъ женщинъ. О немъ упоминается уже у Гомера (Ил. XVIII. 382. XXII. 469).—Изъ головныхъ украшеній—обручи или діадемы первоначально носили вѣроятно одни только лица царственные. Онѣ назывались *stephane* и надѣвались на лобъ ³, соединяясь концами съ другимъ обручемъ, охватывавшимъ заднюю часть головы и называвшимся *sphendone* ⁴ (фиг. 264. d. e. f; ср. фиг. 251., фиг. 260. c. d.). Отъ нихъ отличались и формою и названіями: *polos*—металлическое украшеніе поднимавшееся полукружіемъ вокругъ головы, и др. ⁵.

Обувь женщинъ была вообще наряднѣ мужской; она была цвѣтная и убрана металлическими украшеніями. Особенно славилась башмаки лидійскіе и тирренскіе ⁶ (вошедшіе въ моду за 450 л. до Р. X.) Изъ башмаковъ

¹ F. Hermann, loc. cit. not. 28. — ² F. Creuzer. Zur Gallerie der alten Dramatiker. S. 34, 38.—³ Ср. C. Schnaase. Gesch. der bild. Künste II, 103.—⁴ Подробн. у F. Creuzer. Op. cit. 33 seqq. и Th. Panofka. Argos Panoptes. Berl. 1837. S. 103. T. IV. Fig. 2.—⁵ О названіяхъ различныхъ формъ головн. украшеній см. O. Müller. Handbuch etc. § 340. — ⁶ O. Mülle. Die Etrusker. I, 269; 300.

замѣчательны были по своей формѣ и богатой отдѣлкѣ: котурны на высокой подошвѣ, изящные бавкиды (*baukides*) и персика (*persika*).—Пементѣ роскошны были и женскія сандалии, уже у Гомера названныя „яркоблестящими“ и „золотыми“ (Ил. XIV. 175. XXIV. 341. од. I. 97). Ихъ дѣлали изъ мягкой кожи, обыкновенно пурпуроваго цвѣта, и вѣроятно выстилали пробкою и т. д. ¹ Къ ногѣ прикрѣпляли ихъ ремнями (вышитыми или украшенными металлическими украшениями), которыхъ у каждой сандалиі было пять: одинъ спереди и по два съ боковъ. Передній ремень, пропустивъ между большимъ и вторымъ пальцемъ, соединяли на подъемѣ съ боковыми посредствомъ пряжки, болшею частью имѣвшей форму листа (ср. фиг. 272. e. d). Впрочемъ и женскія сандалии заснуровывались иногда такъ же высоко, какъ и мужскія.

Украшенія. ²

Украшенія, покрайней мѣрѣ въ тѣсномъ значеніи слова „космосъ“, подъ которымъ Греки понимали также и полную гармонію во всемъ касающемся виѣшности человѣка, были у Грековъ почти исключительно принадлежностью только женскаго наряда, такъ какъ всякое излишнее убранство считалось у нихъ неприличнымъ въ мужчинѣ, какъ признакъ изыѣженности и женоподобія. У Спартанцевъ же закономъ запрещалось мужчинамъ носить украшения.

1. Въ старину, мужчины, какъ самые образованные, такъ и необразованные, ограничивали всѣ заботы о своей наружности только тѣмъ, что ежедневно мылись въ холодной или теплой водѣ ³ и по возможности тщательно убирали даппые имъ природою прекрасные волосы. На древнѣйшихъ фигурахъ волосы представлены завитыми въ мелкія кудри, расположенныя почти съ ассирійскою правильностью ⁴. Оукидидъ (I, 6) рассказываетъ, что „еще не очень много времени тому, какъ у Аонинянъ перестали заплетать волосы и собирать ихъ въ пучокъ золотыми булавками (кузнечиками — *sikaden*)“; а по словамъ Геродота (I, 82), Аргивяне начали стричься только съ тѣхъ поръ, какъ были разбиты Спартакцами, между тѣмъ какъ до того времени у нихъ было въ обычаѣ носить длинные волосы; Спартакцы же, носившіе прежде короткіе волосы, съ этой же самой поры перестали стричься.—Старый обычай заплетать волосы и связывать ихъ въ пучокъ былъ оставленъ во время персидскихъ войнъ, но какъ въ Аонинахъ, такъ и въ Спартѣ и вообще въ Греціи, густые и длинные натуральные волосы и полная борода (покрайней мѣрѣ у Аонинянъ; Спартакцы иногда брили себѣ усы), всегда считались лучшимъ украшеніемъ свободнаго мужчины (фиг. 253, a, c; фиг. 254); короткіе волосы, напротивъ того, были въ глазахъ Грековъ признакомъ убожества и низкаго происхожденія ⁵.— Съ македонскаго времени

¹ Ср. также A. Böttiger. Kl. Schriften. I, 213. III, 73. и A. Becker. Charikles. II, 375 seqq.—² O. Müller. Handbuch etc. § 340 (4). A. Becker. Charikles II, 291. III. 401. F. Hermann. § 22. not. 32—42. § 23; ср. G. Semper. Akademische Vorträge I. Zürich. 1856.—³ A. Becker. Charikles. II, 135 sqq. F. Hermann § 23, 28, 38, 61.—⁴ Ср. O. Müller. Handbuch. § 93. not. 1—3. § 330 sqq.—⁵ A. Becker. II, 381. F. Hermann. § 23. not. 13—17.

стало постепенно входить въ обычай и наконецъ сдѣлалось господствующею модою — бороду брить, ¹ а волосы стричь коротко, или завивать въ мелкія кудри ².

Изъ вещественныхъ украшеній (если можно назвать такъ вещи, имѣвшія преимущественно практическое назначеніе) мужчины носили трости и перстни. У Спартицевъ трости были простые посохи, у Аоинянъ болѣе отдѣланныя, съ красивыми набалдашниками ³ (фиг. 253. в. с; ср. фиг. 254. в). Но позднѣйшая аттическая утонченность нашла трости неприличными для воспитаннаго человѣка и онѣ скоро вышли изъ употребленія, покрайней мѣрѣ въ высшемъ обществѣ. Перстни, ⁴ служившіе первоначально вмѣсто печати, обратились скоро въ предметъ роскоши. Вмѣсто одного перстня, какъ было прежде, ихъ стали носить по нѣскольку на каждой рукѣ. Перстни были золотые и серебряные съ рѣзными камнями и т. п. Въ Спартѣ, въ старинное время, носили только желѣзные перстни ⁵.

2. Женщины, кромѣ того что часто мылись и купались, натирали себѣ кожу благовонными маслами и эссенціями, стоившими очень дорого; ими же онѣ намазывали себѣ и волосы; сверхъ всего этого употребляли (особенно гетеры) бѣлила, румяна и сюрью — средства, занесенныя въ Грецію вѣроятно уже въ очень давнее время съ Востока ⁶. Гетеры можетъ быть даже разрисовывали себѣ руки, ⁷ на манеръ Оракійскихъ женщинъ (Herod. V, 6), хотя это и встрѣчалось вѣроятно очень рѣдко.

Какъ ни измѣнялась въ теченіи времени прическа ⁸ греческихъ женщинъ, она постоянно сохраняла свойственную ей особенность — оставлять лобъ по возможности меньше открытымъ ⁹. Замужнія женщины обыкновенно носили какой нибудь изъ вышеописанныхъ головныхъ уборовъ (фиг. 264); въ противномъ же случаѣ просто зачесывали всѣ волосы назадъ и связывали на затылкѣ въ пучокъ, или завивали ихъ въ локоны, или заплетали въ косы и обвивали ими голову спирально (ср. фиг. 248. а. в; 249; 251, а; 255; 256; 259, а; 260, а).

При томъ преимущественно эстетическомъ значеніи, которое Греки придавали тѣлесной красотѣ, возможно тщательный уходъ за ней, безъ сомнѣнія, казался имъ, въ особенности же греческимъ женщинамъ, нѣкотораго рода обязанностью въ отношеніи какъ самихъ себя, такъ и другихъ. Поэтому же самому поводу и тѣ изъ нихъ, кому природа отказала въ красотѣ или кто утратилъ ее вслѣдствіе ли болѣзни, или лѣтъ, должны были стараться

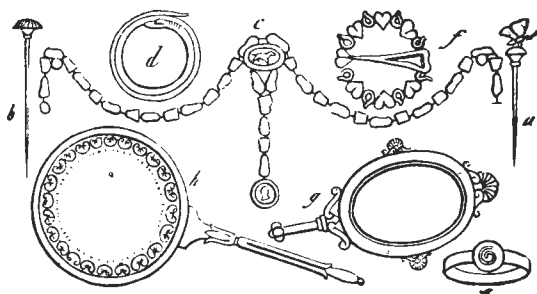
¹ A. Becker. II, 389. F. Hermann. not. 22. — ² Ср. рисунки въ O. Müller und Oesterglei. Denkmäler der alten Kunst. A. Taf. L sqq. — ³ A. Becker. Charikles. II. 394. F. Hermann. § 22. not. 32. A. Böttiger. Griech. Vasengemälde I, 61. — ⁴ A. Becker. Charikles. II, 77. I. 398. F. Hermann. § 22. not. 35—37. — ⁵ O. Müller. Dorier II, 201. — ⁶ A. Becker. Charikles II, 232. F. Hermann. § 23. not. 1—5. — ⁷ Ср. A. Böttiger. Kleine Schriften (2 Aufl.) I, 165. III, 34. Th. Panofka. Griechen und Griechinnen. 8. Taf. I. Fig. 9. — ⁸ Ср. A. Visconti. Oeuvres etc. (Iconographie grecque 3 vol.) Milan 1818 — 26.; A. Becker. II, 380; F. Hermann. § 22. not. 25. — ⁹ Наше пониманіе красоты характеристически разнится отъ греческаго въ томъ, что мы считаемъ высокій лобъ красивымъ и носимъ его открытымъ, Грекамъ же онъ такъ мало нравился, что женщины старались по возможности уменьшить его, прикрывая повязками. C. Schnaase. Gesch. der bild. Künste II. 103.

восполнить естественный недостаток искусственными средствами. Первоначально эти средства были разумѣется очень незамысловаты и ихъ было немного; но впоследствии, благодаря преимущественно изобрѣтательности кокетливыхъ гетеръ, они умножились и усложнились до того, что вмѣсто украшенія тѣла привели къ искусственному обезображенію его.

Для поддержанія стройности стана въ старину употребляли широкую перевязку (*strophion*): ¹ назначеніе ея было тоже, что и нашихъ новѣйшихъ корсетовъ. Эта перевязка, которую не должно смѣшивать съ поясомъ (*zone*), была вѣроятно первымъ шагомъ къ дальнѣйшимъ искусственнымъ исправленіямъ естественныхъ недостатковъ. Покрайней мѣрѣ о сводняхъ говорится (*Athen. XIII. 23 sqq.*) ², что онѣ „набираютъ новыхъ дѣвушекъ, еще чуждыхъ всякой искусственности, и въ короткое время передѣлываютъ ихъ такъ, что и узнать ихъ нельзя. Которая мала ростомъ, той выстилаютъ башмаки пробкой; которая высока, той даютъ башмаки на тонкихъ подошвахъ и заставляютъ ее ходить опустивши голову: отъ этого ростъ ея кажется ниже. Тощи ли у нея бедра — недостающее допозняется подушками, и всякій, видя ея, любитъся полнотою ея турнюры. Выдается ли слишкомъ у нея животъ, ей подкладываютъ поддѣльные груди, какія носятъ актеры, и дѣло поправлено. У кого рыжія брови, сажая превращаетъ ихъ въ черныя; у кого кожа смугла, той помогаемъ бѣлила, а слишкомъ блѣдной — киноварь. Особенно красивыя части тѣла съ умысломъ обнажаютъ; и если у нея прекрасныя зубы, она должна смѣяться и ксатати и нексатати, чтобы люди могли любоваться ея красивымъ ротикомъ“.

Украшенія въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. женскія драгоценности (которыя Греки называли „золотыми вещами“) были въ сущности всегда одни и тѣже, какъ во времена Гомера, такъ и въ послѣднее время Греціи, кромѣ можетъ быть колець, которыя начали носить довольно поздно. Упоминаемый Гомеромъ браслеты, булавки для волосъ, цѣпочки (Ил. XVIII, 401; Од. XVII.

Фиг. 265.

291), ожерелья изъ золота и электрона (од. XV. 459. XVIII, 295) и золотыя шейныя цѣпи (од. XV. 459. XVIII, 293. 300) ³ не выходили изъ упо-

¹ Ср. A. Böttiger. Kleine Schriften (2 Aufl.) III, 60. O. Müller. Handbuch. § 339 (3). A. Becker. Charikles II, 238. и особенно: F. Hermann. § 22. not. 23. —

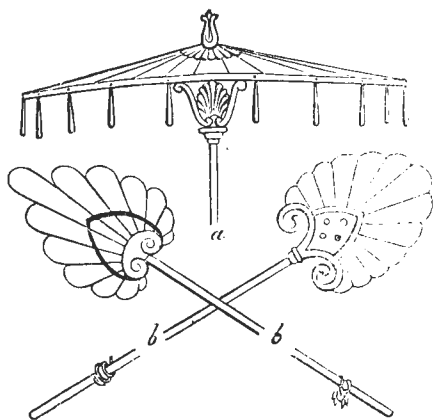
² F. Jacobs. Vermischte Schriften IV, 326. — ³ Ср. O. Müller. Handbuch. § 73. not.

требления и въ послѣдующее время, только форма и отдѣлка ихъ стала совершеннѣе.

Въ лучшее время Греціи, въ ношеніи драгоценностей соблюдалась извѣстная мѣра, предписываемая эстетически образованнымъ вкусомъ; но въ послѣдствіи и очень скоро онѣ сдѣлались предметомъ не украшенія, а щегольства, которое не замедлило усилиться до того, что ни законы противъ роскоши,¹ ни частые обманы фальшивыми вещами,² не могли остановить его. — Кольца, первоначально самой простой формы, превратились въ дорогіе перстни, украшенные драгоценными камнями или янтарями. Ихъ стали носить даже и мужчины и притомъ по нѣскольку на каждой рукѣ.³ Руки украшали браслетами и обручами, обыкновенно въ видѣ извивающейся змѣи⁴ (фиг. 265. d. e.); на ногахъ тоже иногда носили браслеты⁵.

Серьгамъ давали форму падающей капли, и прибавляли къ нимъ иногда подвѣски изъ жемчуга, золотыхъ и серебряныхъ кружечковъ. Очень красиво отдѣлывались также и головныя булавки, золотыя и бронзовыя (фиг. 265. a. b). Но самымъ изящнымъ и дорогимъ уборомъ было ожерелье.⁶ Иногда оно состояло изъ простой цѣпочки или тонкаго обруча; но въ такомъ случаѣ его украшали драгоценными камнями, жемчужными привѣсками и т. д.⁷ Застежки для платья дѣлались то въ видѣ настоящихъ пряжекъ (фиг. 265.

Фиг. 266.

f.), то въ видѣ простой шпильки. Такія застежки и притомъ очень большія, носили при Геродотѣ Агривянки и Эгинетки въ насмѣшку надъ Аоніянками (Her. V. 88)*.

Къ драгоценностямъ же можно причислить и другія принадлежности туалета, какъ-то: металлическія зеркала (фиг. 265. g. h.), металлические и костяные гребни⁸, опахала и зонтики⁹. Опахала дѣлались иногда изъ цвѣтныхъ перьевъ, или имѣли видъ листьевъ и были раскрашены (фиг. 266. b). Зонтики сохранили свою восточную форму и могли раскрываться и закрываться (фиг. 266. a. Ср. фиг. 96; 148 и др.).

¹ Ср. Diod. XII, 21; Philarchos ap. Athen. 521. — ² Xenophon. Oecon. c. 10. — ³ A. Becker. Charikles. II. 398. F. Hermann. § 22. not. 35. — ⁴ A. Böttiger. Kl. Schiften (2) III, 54. F. Jacobs Verm. Schriften. V, 421. — ⁵ F. Hermann. loc. cit. not. 41. — ⁶ Ср. F. Creuzer. Zur Gallerie der alten Dramatiker. S. 36. — ⁷ G. Klemm. Allgem. Kulturgeschichte. VIII. 69. — * Геродотъ рассказываетъ, что аттическія женщины, поссорившись съ однимъ мужчиной, такъ искололи его своими длинными шпильками, которыми застегивали свои одежды, что онъ отъ этого умеръ. Чтобы подобные случаи не могли повторяться впредь, положено было замѣнять носимый до тѣхъ поръ дорійскій хитонъ, застегивавшійся на плечахъ шпильками, іоническимъ съ рукавами, при которомъ слѣдоват. шпильки были не нужны. (См. стр. 121) Пер. — ⁸ A. Böttiger. Kl. Schiften (2) III, 105. — ⁹ A. Becker. Charikles II, 73. F. Hermann § 22. Not. 31, 32.

Относительно значенія одежды, какъ внѣшняго признака званія, сана и т. п. слѣдуетъ замѣтить, что покрайней мѣрѣ въ Аѳинахъ, гдѣ каждый могъ одѣваться слѣдуя своему личному вкусу, высшее и образованное общество руководилось въ выборѣ одежды единственно требованіями приличія. Не такъ было въ Спартѣ, гдѣ весь образъ жизни гражданъ опредѣлялся предписаніями закона. Хотя и Спартапцы измѣряли степень образованности человека его умѣньемъ накидывать плащъ, хотя входить въ общество съ опущенною головою и держать руки подъ плащомъ считалось и у нихъ признакомъ хорошаго воспитанія,¹ но такого подробнаго моднаго устава, какой выработали себѣ Аѳиняне, въ Спартѣ не было даже и въ позднѣйшее время, не говоря уже о ея строгой старинѣ. Если въ Аѳинахъ распространеніе роскоши (по окончаніи пелопонесской войны) и вызвало протестъ со стороны весьма образованныхъ людей, которые стали одѣваться по древне-спартанскому обычаю (носить тривонъ и т. д.)², то еще больше появилось тамъ щеголей, которые расхаживали по улицамъ и площадямъ, завитые и раздушенные, одѣтые въ богатые одежды, держа подъ носомъ букетъ или флаконъ съ духами³.

Иныхъ, какъ напримѣръ врачей⁴, заставлялъ заботиться о чистотѣ и приличіи одежды самый родъ ихъ занятій, другіе по той же самой причинѣ должны были даже одѣваться извѣстнымъ образомъ, напримѣръ педагоги,⁵ наблюдавшіе за воспитаніемъ дѣтей. Они носили сверхъ хитона короткій спереди застегнутый плащъ, высокіе сапоги и довольно длинный загнутый посохъ. Точно также отличались своимъ костюмомъ софисты и ихъ ученики, одѣвавшіеся обыкновенно крайне бѣдно и не безъ нѣкотораго хвастливаго цинизма выставлявшіе на показъ свои рубища.⁶ Не мало было въ Аѳинахъ и настоящихъ бѣдняковъ, но эти не носили никакой особенной одежды, а одѣвались и въ позднѣйшее время въ такія же лохмотья, какъ и при Гомерѣ (Од. XVIII. 1. XIII. 431).

Если не совсѣмъ пищенски, то всё таки очень бѣдно одѣвались въ Греціи ремесленники, чернорабочіе, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые не были полноправными гражданами. Ихъ одежда и вообще наружность подлежала даже нѣкоторымъ законодательнымъ ограниченіямъ. Въ демократическихъ Аѳинахъ эти ограниченія касались только чужестранцевъ и иноземныхъ рабовъ; въ Спартѣ же они распространялись и на туземцевъ пелопонесскаго происхожденія, то есть на періэковъ и гелотовъ,⁷ составлявшихъ земледѣльческое и рабочее населеніе Лакедемона. О гелотахъ извѣстно, что они сохранили до конца свою старинную одежду изъ овчинъ и кожаную шапку.⁸ Такова же была одежда земледѣльцевъ Мегары и коренныхъ жителей Аркадіи. Оессалійскія и Македонскія племена носили хламиду и петасъ⁹;

¹ A. Büttiger. Ideen zur Archäologie der Malerei. I, 211 sqq. Его же: Griech. Vasengemälde I, 52. O. Müller. Handbuch. § 337.—² A. Becker. Charikles II, 322.—

³ Ibid. I, 292 not. 14. — ⁴ Ibid. II, 102. F. Hermann. Privatalterth. § 38. not. 1.—⁵ A. Becker. Charikles I, 37. — ⁶ Cp. A. Becker II, 342. — ⁷ Cp. F. Hermann. Privatalterth. § 42. и F. Schömann. Griech. Alterth. I, 195.—⁸ O. Müller. Die Dorer II, 29, 35.—⁹ O. Müller. Die Makedonier. 47; die Dorer I, 2, 5.

Этоляне отличались высокими башмаками (kausia) и хитонами изъ шкуръ или выдѣланной кожи ¹.

Фиг. 267.

Обычною одеждою городского рабочаго населенія былъ хитонъ изъ толстой шерстяной матеріи. Онъ дѣлался или безрукавный (фиг. 247), или съ

Фиг. 268.

короткими рукавами (фиг. 267. с; amphimaskalos), или объ одномъ рукавѣ ² (фиг. 267. b; eteromaskalos). Матросы и рабы ³ носили хитоны безрукавные, оставлявшіе правую грудь открытою (exomis), и кромѣ того обязаны были брить бороду и коротко стричься ⁴. — Во время работы иногда замѣняли хитонъ передникомъ (фиг. 268), или работали нагишомъ ⁵.

Что касается женщинъ низшихъ классовъ — служанокъ, рабынь и т. д., то ихъ одежда ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенной женской, кромѣ развѣ большей простоты ⁶.

Гетеры, флейтщицы, танцовщицы, одѣвались въ роскошныя одежды изъ прозрачныхъ коійскихъ и аморгійскихъ тканей самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Къ такимъ одеждамъ принадлежалъ длинный, влачащійся tarantinidion ⁷ (фиг. 269. 270; 272, a).

¹ O. Müller Handbuch. § 338 sqq. A. Becker. Charikles. II, 359. Th. Panofka. Bilder antiken Lebens. Taf. XIV. Fig. 8. Во время Павсанія бѣдные жители Эвбеи и Фокиды одѣвались въ хитоны изъ свиныхъ кожъ (Paus. VIII, 1). — ² Объ этой одеждѣ см. L'Alectryonophore. Descript. d'une statue antique du Palais imperiale de la Tauride. St Petersburg 1834. — ³ A. Becker. Charikles. II, 20. F. Hermann. Privatalterth. § 12. — ⁴ Ibid. § 13, not 13. § 21. A. Böttiger. Kl. Schriften (2) 1, 292. — ⁵ Cp. Th. Panofka. Bilder ant. Lebens. T. VIII. и Becker. Charikles. II, 327. — ⁶ Cp. F. Creuzer. Zur Gallerie der alten Dramatiker S. 83. — ⁷ A. Becker. Charikles I. 109. F. Hermann p. § 29 not. 9. Böttiger Kl. Schriften III, 43. F. Creuzer. Ein alt-griech Gefäss. 36, 72.

Обрядовое значеніе одежды, какъ условнаго внѣшняго выраженія разныхъ состояній и отношеній въ частной, религіозной и общественной жизни,

Фиг. 269.

Фиг. 270.

было различно у Дорянъ и Іонянъ. Различіе это обуславливалось отчасти разницею въ нравственныхъ свойствахъ обоихъ племенъ, отчасти ихъ политическимъ положеніемъ.

1. Уже въ тѣсныхъ предѣлахъ семейной жизни обнаруживается замѣтная разница между іонійскими и дорійскими обычаями ¹. Въ Аѳинахъ дѣтя принадлежало по закону родителямъ, ² въ Спартѣ, напротивъ того, оно тотчасъ же становилось собственностью государства. ³ Поэтому Аѳиняне могли воспитывать своихъ дѣтей по собственному усмотрѣнію, въ Спартѣ же система воспитанія опредѣлялась ликурговыми законами и была основана главнымъ образомъ на укрѣпленіи тѣла и приученіи его къ лишеніямъ.

Разница между спартанскимъ и аѳинскимъ воспитаніемъ дѣтей начиналась при самомъ рожденіи ребенка. Омывши, какъ водится, новорожденнаго, въ Спартѣ его оставляли нагимъ, а въ Аѳинахъ завертывали во что-нибудь теплое. ⁴ Неумѣвшихъ еще ходить дѣтей у Аѳинянъ носили съ собой въ небольшомъ корытцѣ, и качали въ качалкѣ ⁵ (ср. фиг. 271. а). Пока дѣти оставались при матери (до шестаго года обыкновенно), они ходили у Аѳинянъ въ рубашкѣ, а у Спартанцевъ въ одной накидкѣ ⁶ (фиг. 271. б). Для предохраненія отъ всякой порчи, дѣтямъ надѣвали (вѣроятно тотчасъ послѣ рож-

¹ Для гомерическаго времени особенно: L. Lenz. *Gesch. der Weiber im heroisch. Zeitalter*. Hannover. 1790. B. Friedreich. *Realien*. О послѣдующемъ времени: A. Becker, F. Hermann и др. вышеназванные авторы и указанныя ихъ сочиненія. ² A. Becker, II, 21.—³ O. Müller. *Dorier*. II. 294.—⁴ A. Becker. *Charikles I*, 28. F. Hermann. § 33. not. 7. Th. Panofka. *Griechinnen*. p. 3.—⁵ A. Becker. I, 20. F. Hermann. § 32. not. 11.—⁶ F. Hermann. *ibid.* not. 23; v. Stackelberg. *Gräber XVII*. 3.

денія) амулеты. ¹ Забавляли ихъ разными играми и игрушками ²; за шалости били подошвою, прутомъ или ремнемъ ³.

Фиг. 271. а. б.

Дѣвочекъ (въ Аѳинахъ) на пятомъ (иногда на десятомъ) году возраста посвящали богинѣ Артемидѣ. Съ этихъ поръ онѣ получали названіе „медвѣдицъ“, должны были носить шафрачнаго цвѣта одежду, ⁴ сидѣть почти безвыходно дома и заниматься хозяйствомъ ⁵.

Такъ какъ спартанское воспитаніе имѣло въ виду главнымъ образомъ укрѣпленіе тѣла и приученіе его ко всякимъ лишеніямъ и даже терпѣливому перенесенію физической боли, то спартанскіе мальчики, по заведенному обычаю, подвергались ежегодно, на праздникъ Ороіи, жестокому бичеванію передъ алтаремъ Артемиды. ⁶ Они должны были одѣваться только въ одинъ тривонъ (шакидку) и ходить босикомъ даже зимою. Аѳинскіе мальчики носили хитонъ и ходили обутыми.

Аѳинскій мальчикъ, достигнувъ 18 лѣтъ, дѣлался эфевомъ. ⁷ Тогда ему остригали волосы и надѣвали на него хламиду, которая была главною и, какъ кажется, единственною одеждою молодыхъ людей. ⁸ Отбывъ государственную службу и приобрѣтя права свободнаго гражданина, молодой человекъ могъ уже помышлять и о женитьбѣ.

При затворнической жизни женщинъ — особенно строго соблюдавшейся въ Аѳинахъ, — молодые люди были лишены женскаго общества и проводили время большею частью между собою, сходясь въ палестрахъ, баняхъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ. Они любили также устраивать пиры и попойки, большею частью на общій счетъ (въ складчину). Пиръ богатой молодежи бывали очень роскошны и отправлялись по извѣстному выработавшемуся обычаю церемониалу, который не лишенъ былъ нѣкоторой торжественности.

Приглашенные, или участники, ⁹ являлись на пиръ въ праздничныхъ одеждахъ, предварительно вымывшись въ банѣ и умастившись благовоніями. Возлежать за столомъ ¹⁰ въ сандаліяхъ, считалось неприличнымъ; поэтому, передъ началомъ пира, являлись рабы и разували гостей, потомъ служитель дома, гдѣ давался пиръ, подавалъ имъ воду для омовенія рукъ (а иногда и ногъ). Во время обѣда, каждый располагался, какъ ему было удобнѣе, и выбиралъ изъ поданнаго то, что находилъ себѣ больше по вкусу. По старой привычкѣ, сохранившейся со временъ Гомера, кушанье брали съ блюда и клали въ ротъ пальцами, но уже не голыми, какъ тогда, а покрытыми особо для этой цѣ-

¹ Ср. Bötticher. Ueber das Heilige und Profane. — ² См. ниже: утварь. — ³ А. Becker. Charikles. I, 34. Th. Panofka. Bilder antik. Lebens. Taf. 1. Fig. 2. 4. — ⁴ Th. Panofka. Griechinnen p. 4. — ⁵ О хозяйственныхъ занятіяхъ см. A. Becker op. cit. в Th. Panofka. Griechinnen. — ⁶ O. Müller. Dorier I, 386; II, 306. F. Hermann. Gottesdienstliche Alterthümer. § 27. not. 14. Staatsalterth. § 26 not. 7 — ⁷ F. Hermann. Privatalterth. § 35. not. 13. — ⁸ O. Müller. Handbuch. § 330. not. 1. W. Wachsmuth. Hellen. Alterthumskunde. II, 558. — ⁹ A. Becker. Charikles. I, 411, 418 seqq. F. Hermann. Privatalterth. § 27. Th. Panofka. Bilder antiken Lebens. Taf. XII. — ¹⁰ См. ниже: утварь.

ли надѣвавшимися перчатками ¹. Послѣ стола опять разносили воду, смѣшанную съ душистыми мылистыми препаратами. Затѣмъ гости надѣвали на голову вѣнки, рабы приносили вино и начиналась собственно пирушка или symposion (Вѣнки обыкновенно сплетались изъ мирта, фіалокъ, плюща, листьевъ серебристаго тополя, розъ и разныхъ цвѣтовъ. Вѣнки изъ розъ считались самыми изысканными. ² Иногда гирляндами изъ цвѣтовъ обвивали себѣ грудь, руки и даже ноги. Вино пили всегда разбавленное). Въ позднѣйшее время вошло въ обычай приглашать на симпозиіи, для увеселенія пирующихъ, гетеръ, флейтщицъ, танцовщицъ, отчего пиры нерѣдко переходили въ оргіи, продолжавшіяся до утра.

Совершенную противоположность этимъ аѳинскимъ симпозиямъ составляли введенные Ликургомъ ³ спартанскія сисситіи (фидитіи), или общественные обѣды ⁴, на которыхъ обязаны были участвовать всѣ граждане, начиная съ 18 лѣтняго возраста. Обѣды эти отличались такою же крайнею простотою, какъ и вообще весь установленный закономъ образъ жизни Спартанцевъ, и, естественно, никогда не переходили въ пиршества *.

¹ A. Becker. Charikles. I, 429. О перчаткахъ: A. Böttiger. Kl. Schriften I, 200 (note).—² Ср. A. Böttiger, Kl. Schriften III, 104 sqq. A. Becker. Charikles I, 495. F. Hermann. Privatalterth. § 28. — ³ M. Duncker. Gesch. des Alterthums. III, 351.—⁴ Ср. O. Müller. Dorier. I, 186; 198; II, 269. F. Hermann. Staatsalterth. § 22. not. 4. § 27. not. 7.

* Прим. пер. Считаемо умѣстнымъ привести здѣсь нѣкоторые подробности о столѣ древнихъ Грековъ, который беремъ изъ статьи Ордынскаго «Обѣды древнихъ Грековъ», помѣщенной въ От. Зап. 1851 г. № 4: Греки были вообще умѣренны въ пищѣ и питьѣ, но любили обѣдать въ обществѣ. Поэтому у нихъ часто устраивались пирушки и притомъ большею частью въ складчину. Такія пирушки вообще отличались изяществомъ, даже мѣсто для нихъ выбиралось красивое, преимущественно на берегу моря. Пили вино не за обѣдомъ, а послѣ обѣда, и не цѣльное, а смѣшанное съ водой. Пить цѣльное вино считалось варварскимъ обычаемъ, вреднымъ для тѣла и души. Начинали пить изъ маленькихъ кубковъ, но подъ конецъ пира пили изъ очень большихъ сосудовъ, вѣщающихъ до двухъ штофовъ на нашу мѣру. Впрочемъ такое питье вина осуждалось и было исключеніемъ. По словамъ одного комика истинно эллинская попойка—пить небольшими кубками, и въ то же время болтать межъ собою, мило говорить всякій вздоръ; а пить изъ холодникова и ведръ—это купанье, а не питье; это смерть.—Греки ѣли три раза въ день. По утру завтракали хлѣбомъ, обмакнутымъ въ цѣльное вино; около полудня еще разъ ѣли, большею частью горячія кушанья; обѣдали по захожденіи солнца.—За обѣдомъ (въ историческое время) лежали; женщины и дѣти сидѣли. Ложались лѣвымъ бокомъ, опиравъ на локоть, по два человѣка на каждой софѣ, такъ что голова одного изъ лежавшихъ приходилась противъ груди другаго. Софы были покаты; для каждаго изъ лежавшихъ клалась подушка. Мѣста, кому гдѣ лежать за столомъ, назначалъ хозяинъ; самыя почетныя мѣста были подлѣ хозяина. Жидкое кушанье ѣли ложками или просто выдолбленнымъ кускомъ хлѣба; твердое—подавалось на столѣ разрѣзаннымъ и его брали пальцами. Кто любилъ ѣсть кушанье горячимъ, тотъ надѣвалъ перчатки; иные нарочно приучали руки не бояться жару. Комики Кратонъ говоритъ объ одномъ такомъ любителѣ, что у него «рука мѣдная, неустаяная, недосягаемая, далеко вѣнче самаго огня».—Скатертей и салфетокъ не было: руки за обѣдомъ вытирали о размятый мякишъ хлѣба, а послѣ обѣда умывали. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ частей—собственно обѣда и десерта. Во время римскаго владычества подавалась еще закуска до обѣда. Обѣдали за нѣсколькими небольшими столами, передъ каждою софой по одному. Послѣ первой половины обѣда, столы выносили и комнату подметали. Десертъ начинали пѣніемъ и возніаніемъ въ честь добраго демона. За десертомъ подавали оливы, смоквы, орѣхи и другіе плоды, различные пирожныя, и кромѣ того, для возбужденія аппетита къ вину, соль—чистую или смѣшанную съ припостями, или намазанную на лепешки, съ которыхъ её тогда лизали. Вмѣсто соли употребляли также—лукъ, чеснокъ, сыр.—Вино, какъ уже было сказано, пили только разбавленное водою, но для крѣпости мѣшали разные сорта вина. Въ вино подбавляли

Молодые Спартанцы женились гораздо ранѣ Аѳинянъ. Этому способствовали отчасти большая свобода, которою пользовались спартанскія дѣвушки сравнительно съ аѳинскими, а болѣе всего законодательныя постановленія, поощрявшія бракъ, и всеобщее презрѣніе, которому подвергались старые холостяки ¹.— Хотя бракъ заключался не иначе, какъ съ согласія родителей невесты, однакожъ по стародавнему обычаю женихъ выкрадывалъ ее изъ семьи ² (разумѣется съ вѣдома послѣдней) и скрывалъ у своей подруги (?). Тамъ ей обстригали волосы и, одѣвъ въ мужское платье и башмаки, клали въ темной горницѣ, гдѣ она оставалась до тѣхъ поръ, пока женихъ, поужинавъ за общимъ столомъ, не приходилъ къ ней тайкомъ, чтобы снять съ нея поясъ — символъ дѣвственности ³. Но и послѣ этого молодые видѣлись не иначе, какъ украдкою, и жена входила открыто въ домъ своего мужа лишь долго спустя послѣ брака.

Въ Аѳинахъ обрученіе жениха и невесты сопровождалось жертвоприношеніями брачнымъ богамъ, Зевсу и Герѣ (Diod. V, 37). Въ Трезентѣ, по старинному обычаю, обрученныя дѣвицы жертвовали въ храмъ Ипполита локонъ своихъ волосъ ⁴.

Въ день свадьбы женихъ и невеста мылись въ банѣ. Вечеромъ въ домѣ невесты былъ пиръ ⁵, въ которомъ участвовали и женщины, однакожъ отдѣльно отъ мужчинъ. Всѣ гости были, разумѣется, одѣты по праздничному

Фиг. 272.

и увѣнчаны цвѣтами. Невѣста отличалась отъ прочихъ женщинъ длиннымъ покрываломъ и иногда цвѣтнымъ платьемъ. Костюмъ жениха былъ такъ-

также морской воды, пряностей, меду, розоваго масла и пр. Греки употребляли разные средства противъ опьяненія; самыми дѣйствительными считались: сладкое вино, вапуста, масло, горькій миндаль. На симпозияхъ пѣли застольныя пѣсни (схолія), загадывали загадки, играли въ разныя игры, которыхъ насчитываютъ до пятидесяти.—Греческіе пиры описывали Платонъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Атеней и Лукіанъ.—¹ F. Hermann. Staatsalterth. § 27. not. 3. § 47. not 2. O. Müller. Dorier II. 193, 276. A. Becker. Charikles. II. 439. Cp. G. Klemm. Allgem. Culturgesch. VIII, 170. F. Hermann. § 28, not. 17.—² F. Hermann. Privatalterth. § 30; O. Müller. Dorier II, 278.—³ Th. Panofka. Die griech. Trinkhörner (Abhandlg. Berlin. 1850), 24.—⁴ Th. Panofka. Griechinnen. S. 9.—⁵ Cp. F. Hermann. Privatalt. § 31. not. 10. противъ A. Becker, Charikles II, 469.

же очень наряденъ: въ позднѣйшее время, богатые афиняне въ день свадьбы своей одѣвались въ малоазійско-іоническую одежду ¹ (ср. фиг. 272. а). Для гостей однакожъ бѣлая одежды считались самыми приличными, по крайней мѣрѣ въ высшемъ обществѣ.

Послѣ пира женихъ увозилъ невѣсту къ себѣ. Закутанную въ покрывало, ее сажали между женихомъ и дружкой на повозку, запряженную лошадьми, быками или мулами. Впереди шли факельщики, сзади слѣдовали гости. Мать невѣсты зажигала факель, и поѣздъ трогался сопровождаемый игрою на флейтахъ и пѣніемъ гимновъ въ честь Гименея. Прибывъ къ дому новобрачнаго, дышло свадебной повозки сжигали (въ Беотіи). ² — На другой день, молодые принимали подарки, которые имъ приносили родственники и знакомые, являвшіеся процессіей, предшествуемые одѣтымъ въ бѣлое мальчикомъ съ факеломъ. Сзади шла дѣвочка, несшая на головѣ корзинку съ подарками.

Тѣмъ же характеромъ простоты съ одной стороны и сложности, даже парадности, съ другой, отличались и погребальныя обряды Спартанцевъ и Аѳинянъ. ³ По общему тѣмъ и другимъ обычаю, умершему тотчасъ же закрывали глаза и ротъ и покрывали лицо; потомъ тѣло омывали, натирали маслами, одѣвали въ чистую одежду и, надѣвъ на голову вѣнокъ, клали на постель. Затѣмъ, всѣ дальнѣйшія церемоніи у Спартанцевъ ограничивались лишь тѣмъ, что покойника завертывали въ кусокъ матеріи пурпуроваго цвѣта и, обсыпавъ масличными и лавровыми листьями, предавали землѣ ⁴. Конечно и въ Спартѣ не обходилось безъ плача и воплей со стороны близкихъ и друзей покойнаго; но не было обычая, какъ въ Аѳинахъ, нанимать плакальщицъ, которыя начинали свои причитанія уже въ домѣ покойнаго и даже у самой его постели. Точно также, вмѣсто афинскаго обыкновенія устраивать погребальныя процессіи съ нанятыми факельщиками, пѣвцами, флейтчицами и музыкантами, у Спартанцевъ похороны происходили тихо и въ присутствіи только самыхъ близкихъ умершему лицъ.

Поминальныя обѣды, украшеніе могилъ вѣтвями и жертвоприношенія въ честь умершихъ были въ обычаѣ какъ у Дорянъ, такъ и у Іонянъ; точно также траурныя одежды и обрѣзываніе волосъ въ знакъ печали ⁵. Траурныя одежды (названныя у Гомера темноцвѣтными: Ил. XXIV, 93) были обыкновенно сѣраго или чорнаго цвѣта (фиг. 273 а. b); только въ Аргосѣ было въ обычаѣ во время траура одѣваться въ бѣлое.

Одежда, какъ признакъ сана и званія, получила свое значеніе уже въ самомъ раннемъ, патриархальномъ періодѣ греческой государственной жизни. ⁶

¹ Ср. J. Gerhard. Die Vase des Midias (Abhandl. Berlin 1839), 298. — ² Ср. Th. Panofka. Bilder antiken Lebens, Taf. XI. и F. Hermann. § 31. 26. гдѣ упомянуто и о другихъ мѣстныхъ свадебныхъ обычаяхъ. — ³ A. Becker. Charikles. II, 166. O. Müller. Dorier II. 391 sqq. F. Hermann. Privatalterth. § 38 sqq. Th. Panofka. Griechinnen. 12. Ero же: Bild. ant. Lebens. Taf. XX. — ⁴ Ср. Schaaf. Encyklopaedie. Magdeb. 1839. II. 82. C. Bötticher. Der Baumkultus der Hellenen, Berlin. 1856. 337. — ⁵ A. Becker. Charikles. I, 202. F. Hermann, § 39. not. 27. — ⁶ Особенно W. Wachsmuth: Hellenische Alterthumskunde. Ero же: Allgem. Culturgeschichte. I, 177. F. Hermann: Lehrbuch der griech. Staatsalterth. 3 Aufl. F. Schömann; Griech. Alterth. I,

Хотя цари гомерического времени ¹ были въ глазахъ народа только исполнителями закона, отправлявшими обязанности главного судьи, военачальни-

Фиг. 273.

ка и верховнаго жреца, а не неограниченными повелителями, какъ восточные монархи, тѣмъ не менѣе они раздѣляли съ послѣдними нѣкоторыя внѣшнія отличія, которыя, какъ атрибуты ихъ царскаго сана, почитались священными.

Важнѣйшимъ изъ этихъ атрибутовъ былъ скипетръ (первоначально можетъ быть посохъ ², или копьё? ³). Цари носили его какъ эмблему своихъ судейскихъ обязанностей ⁴, но иногда употребляли его и какъ орудіе наказанія, какъ видно изъ примѣра Одиссея, который, рассердившись на Оерсита за дерзкія рѣчи, —

.... Скиптромъ его по хребту и плечамъ онъ ударилъ,
Сжался Оерситъ, изъ очей его брызнули крупныя слезы;
Варугъ полоса, подъ тяжестью скинтра златаго,
Вздуплась багровая; сѣлъ онъ, отъ страха дрожа; и отъ боли
Видъ безобразный наморщивъ, слезы отеръ на ланитахъ.

Ил. II. 265—269.

Скипетры были, вѣроятно, золоченые, или обитые маленькими золотыми гвоздиками, и походили формою на древнеазійскіе. ⁵

Другимъ, можетъ быть менѣе существеннымъ, атрибутомъ гомерическихъ царей, была пурпуровая мантия, украшенная обшивкою, золотыми застѣжками и т. п. Такую мантию носили „пастырь народовъ“ Агамемнонъ (Ил. VIII. 221) и благородный Одиссей (Од. XIX. 225).

¹ B. Friedreich: Realien 394, 408. W. Hinrichs: Die Könige, 81. и F. Hermann: Staatalterth. § 55.—² B. Friedreich: Realien, 397. W. Wachsmuth: Hellenische Alterthumskunde II, 163.—³ A. Böttiger: Griech. Vasengemälde II, 119. —⁴ F. Hermann: § 55. not. 6.—⁵ A. Böttiger: Amalthea III, 26.

Были ли у гомерических царей вѣнцы или головные повязки въ родѣ діадемы — неизвѣстно, хотя не невѣроятно. ¹ Достоверно, напротивъ того, что приближенные царей, вѣстники ² и жрецы, носили скиптровидные посохи, а народные судьи ³ — простыя трости.

Всѣ эти знаки царскаго достоинства перешли и въ позднѣйшую Грецію, какъ наслѣдіе древнихъ царственныхъ родовъ, но значеніе ихъ измѣнялось, смотря потому, подъ какою формою правленія жило то или другое племя. У Дорянъ, вообще строго державшихся старыхъ обычаевъ и притомъ управляемыхъ царями, власть которыхъ мало разнилась отъ царской власти гомерическаго времени, царскіе атрибуты почти совсѣмъ не утратили своего первоначальнаго священнаго характера и, можетъ быть, сохранили даже свою древнюю форму. Одѣяніе спартанскихъ царей могло походить на одѣяніе царей гомерическихъ, которое, въ свою очередь, вѣроятно мало отличалось отъ одѣянія Зевса, ⁴ какъ его обыкновенно изображали въ скульптурѣ и живописи (ср. фиг. 274).

Фиг. 274.

Не смотря на то, что власть царей спартанскихъ подлежала нѣкоторымъ ограниченіямъ, особенно во время мира, ⁵ они пользовались высокимъ почетомъ уже ради своего происхожденія отъ Геракла. Въ противоположность народному обычаю, ихъ погребали съ особенною пышностью и чтили память повсемѣстнымъ десятидневнымъ трауромъ ⁶. Конные гонцы повѣщали о смерти царя, и рынки закрывались и посыпались соломой, жители (покрайней мѣрѣ хозяева домовъ) надѣвали печальныя одежды, по улицамъ ходили плакальщицы, ударяя въ мѣдные тазы. Со всей Лаконіи набиралось извѣстное число періэковъ и гелотовъ, и отправлялось въ Спарту, чтобы тамъ публично оплакивать умершаго. Тоже самое происходило и въ томъ случаѣ, когда царь умиралъ за предѣлами Лаконіи, напр. когда бывалъ убитъ на войнѣ. Трупъ его перевозили въ Спарту, залиты медомъ, или замѣняли изображеніемъ, если не было возможности овладѣть тѣломъ убитаго.

Правительственные лица Спарты: члены совѣта старцевъ или герузіи (геронты), ⁷ раздѣлявшіе съ царемъ право рѣшать государственныя дѣла, и въ послѣдствіи, эфоры, ⁸ учрежденные для надзора и контроля его исполнительной власти, — несмотря на все свое значеніе, не имѣли никакихъ внѣш-

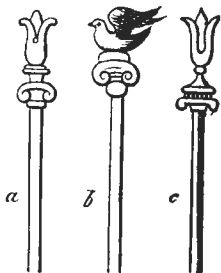
¹ J. Eschenburg: Handbuch de klass. Literatur (8 Aufl.). Berlin. 1837. 423 sqq. —

² Ср. B. Friedreich. Realien. 411 sqq. 446 sqq. — ³ Ср. II. XVIII, 497 sqq. — ⁴ Ср. Th. Panofka: Bilder antiken Lebens. Taf. IV. Fig. 10; Taf. XIII Fig. 8; Taf. XVII. Fig. 3. O. Müller und Oesterle. Denkmäler der alten Kunst. B. Taf. I — II. — ⁵ Ср. F. Hermann: Staatsalterth. § 18; § 23 (not. 4 — 6); § 24 sqq. — W. Henrichs. Die Könige. 92 sqq. F. Schömann: I, 225. — ⁶ O. Müller: Dorier. II, 112; 391. F. Schömann. I. 228. — ⁷ O. Müller: Dorier. II, 87. — ⁸ Ibid. 117; F. Hermann: § 43 sqq.

нихъ отличій, точно также не было ихъ и у остальныхъ чиновниковъ.¹ — Если по всему вышесказанному прибавить еще, что приговоренные къ лишенію гражданскихъ правъ (къ атиміи)² должны были ходить съ выбритою на половину головою и въ дранной, заплатанной одеждѣ, то этимъ будутъ исчерпаны всѣ тѣ внѣшнія отличія, которыя выработались въ Спартѣ подъ вліяніемъ государственной жизни.

Иное значеніе чѣмъ въ Спартѣ, получили знаки царскаго достоинства въ демократической Атикѣ. Представленіе о священности, которое соединялось съ ними въ гомерическое время и впослѣдствіи у Дорянъ, замѣнилось здѣсь свѣтскимъ воззрѣніемъ на нихъ, какъ на нарядъ или, самое большее, какъ на внѣшнее отличіе людей знатнаго происхожденія; съ этимъ вмѣстѣ потерялась и всякая традиція относительно ихъ формы, которая измѣнялась сообразно съ господствующимъ вкусомъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда какой нибудь потомокъ древняго рода становился во главѣ народа противъ аристократіи и захватывалъ въ свои руки верховную власть (тираны), — скипетръ, мантия и вѣнецъ появлялись снова, но и то лишь какъ принадлежность той пышной обстановки, которою любили окружать себя тираны, подражая въ этомъ восточнымъ монархамъ.³ Ихъ богатое облаченіе и послужило, вѣроятно, оригиналомъ для іонійскихъ художниковъ, рисовавшихъ на вазахъ Зевса въ длинномъ узорчатомъ хитонѣ съ драгоценнымъ поясомъ, въ отороченномъ пурпуромъ гиматіѣ, въ красивыхъ сандаляхъ, въ діадемѣ⁴ и со скипетромъ въ рукѣ, украшенія котораго они особенно любили разнообразить (фиг. 275, а—с). Впрочемъ и сами демократическіе вожди народа кажется не считали для себя излишнею нѣкоторую степень внѣшней представительности: ее допускали даже и суровыйThemistocles и извѣстный простотою своего образа жизни Периклъ, не говоря уже объ Алкивіадѣ и старшемъ Никіѣ, роскошь которыхъ не знала мѣры⁵.

Фиг. 275.

Должностныя лица въ Афинахъ, даже самыя высшія — архонты⁶ и члены учрежденнаго впослѣдствіи совѣта пяти сотъ (пританы), не имѣли никакихъ присвоенныхъ ихъ званію отличій, кромѣ вѣнка (у архонтовъ онъ былъ миртовый)⁷ и посоха. Впрочемъ вѣнокъ былъ почетнымъ отличіемъ, которое могъ получить каждый полноправный гражданинъ, а не исключительно привилегіею государственныхъ сановниковъ. Вѣнками награждали побѣдителей на общественныхъ играхъ, и вообще людей отличившихся какими нибудь заслугами, а иногда (особенно въ пору упадка) ихъ подносили изъ лести народнымъ любимцамъ и другимъ вліятельнымъ лицамъ.⁸ Съ вѣн-

¹ O. Müller: II, 123. — ² Ibid. 215. — ³ F. Hermann. Staatsalterh. § 63, 64 (not. 3). — ⁴ Cp. Millin: Description des tombeaux de Canose. Pl. 2, 3, 4, 6; O. Müller u. Oesterle: Denkmäler. A. Taf. LVI; Th. Panofka: Zufluchtsgottheiten (Abhandlg. Berlin. 1853). Taf. III. Fig. 1. Также и Th. Hope. I. — ⁵ C. Meiners. Geschichte des Luxus der Athenienser. 55 sqq. — ⁶ W. Wachsmuth: Hellen. Alterth. I (1), 242 sqq. F. Hermann: Staatsalterh. § 103 sqq. — ⁷ Ibid. § 124. not. 5; § 154. not. 1. — ⁸ Ibid. § 165. not. 6. § 171.

комъ была сопряжена неприкосновенность увѣнчаннаго лица; въ этомъ смыслѣ надѣвали вѣнокъ и ораторы народныхъ собраний, пока говорили свои рѣчи. ¹ Посохъ, напротивъ того, остался принадлежностью судейскаго званія, какъ символъ правосудія. Посохи афинскихъ судей были окрашены въ красную или зеленую краску, какъ и самыя судилища, ² и вручались судьямъ при входѣ въ послѣднiя ³.

Другія особенности одежды и вообще внѣшности, возникшія подъ вліяніемъ юридическихъ обычаевъ Аттики, относятся къ области наказаній ⁴. Одна изъ нихъ касалась гражданъ провинившихся въ непосѣщеніи народныхъ собраний и состояла въ томъ, что виновныхъ мѣтили посредствомъ снурка намазаннаго сурикомъ, причемъ они лишались платы, положенной за присутствіе въ собраніи *. Прелюбодѣвъ, въ Атикѣ выставляли къ позорному столбу, на о. Критѣ увѣнчивали шерстянымъ вѣнкомъ; въ другихъ мѣстахъ, мужчинъ возили связанными въ продолженіи трехъ дней, а женщинъ одѣвали въ прозрачное платье и выставляли на торговыхъ площадяхъ, или возили на ослѣ по улицамъ (въ Киренѣ). Трусовъ заставляли носить женское платье; доносчикамъ и обманщикамъ надѣвали вѣнки изъ мирики (медвѣжья лапа, раст.). Осмѣливавшимся поднять руку на своихъ родителей, отрубали руку.—Смертная казнь совершалась посредствомъ удушенія, отравленія цикутой, обезглавленія или низверженія со скалы. Иногда осужденныхъ побивали камнями или морили голодомъ. Запрещеніе зарывать трупъ казеннаго въ отечественной землѣ почиталось усиленіемъ казни. Клейменіе, распинаніе и пытка употреблялись только для наказанія преступниковъ-рабовъ.

Равнымъ почетомъ съ высшими государственными сановниками пользовались въ Афинахъ и Спартѣ (особенно въ послѣдней) начальники гимназій — гимназіархи ⁵, которые въ древнѣйшія времена отправляли также судейскія и жреческія обязанности. Они носили посохъ и пурпуровую или окоймленную пурпуромъ одежду ⁶.

Вооруженіе ⁷.

Сравнивая Гомеровы описанія вооруженія его героевъ съ изображеніями вооруженныхъ воиновъ (встрѣчающимися единственно на вазахъ), мы ви-

¹ Ibid. § 129, not. 12.—² Cp. Pausan. I, 28 (8).—³ Raoul Rochette: (Journ. des Savants. Paris 1833. p. 439). F. Hermann: § 134 not. 17.—⁴ W. Wachsmuth: Hellen. Alterth. II (1), 169 sqq.—⁵ H. Krause: Die Gymnastik und Agonistik der Hellenen aus den Schriften und Bildwerken des Alterthums. Leipzig 1841. I, 179. F. Hermann: § 161. not. 3. § 176. not. 18. A. Böckh: Staatshaushaltung. I, 494.—⁶ Cp. Русиня у Th. Panofka. Bilder antiken Lebens. Taf. II. Fig. 4.—* «Афиняне неохотно собирались въ собраніе. Потому употреблялись разныя средства для того, чтобы согнать гражданъ на площадь. Ходили, напримѣръ, по улицамъ съ выкрашенными веревками, протянувъ эти веревки отъ одного конца до другаго. Кого задевала веревка, тотъ платилъ штрафъ». Ордынского: Аристофанъ, ст. 2-я. От. Зап. т. 70.—Пер.—⁷ Главн. источники: W. Rüstow und Dr. H. Köchly: Geschichte des griechischen Kriegswesens. Nach den Quellen bearbeitet. Mit Abbildgn. Aarau. 1852. Кроме того, относящіяся сюда отдѣлы въ сочиненіяхъ: W. Wachsmuth: Hellen. Alterthumskunde; O. Müller: Dori-er: F. Hermann: Staatsalterthümer; Schömann: Griechische Alterthümer. I. Также: S. Köpke: Ueber das Kriegswesen der Griechen im heroisch. Zeitalter, etc. Berlin. 1807. O. Müller: Handbuch der Archäologie. § 342. G. Klemm: Allgem. Kulturgesch. VIII. 172. P. O. Brøndsted: Die Bronzen von Siris. Mit Abbildgn. Kopenhagen. 1837.

димъ, что въ гомерическое время были уже извѣстны всѣ тѣ части вооруженія, какія только когда либо были въ употребленіи въ Греціи. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о матеріалахъ, изъ которыхъ выдѣлывалось вооруженіе и о способѣ ихъ обработки. И въ этомъ отношеніи историческая эпоха почти ничего не прибавила къ существовавшему уже въ героическое время. Извѣстные тогда малоазійскимъ Грекамъ металлы—² золото, серебро, желѣзо, мѣдь, олово и свинецъ, хотя и добывались въ европейской Греціи, но въ очень небольшомъ количествѣ. ³ То немногое, что доставляли лаурійскіе серебряные рудники въ Аттікѣ, мѣдные на островѣ Эвбеѣ, желѣзные и можетъ-быть свинцовые въ другихъ мѣстахъ, ⁴ было слишкомъ недостаточно для потребностей туземной промышленности, которая поэтому и была вынуждена за всѣмъ недостающимъ обращаться къ малоазійскимъ колоніямъ ⁵.

Поэмы Гомера представляютъ многочисленныя доказательства тому, что малоазійскимъ Грекамъ были извѣстны въ совершенствѣ всѣ приемы переработки металловъ. ⁶ Они умѣли ихъ плавить, сплавлять, клепать, полировать; умѣли составлять металлическіе сплавы—электронъ (изъ золота и серебра) и, вѣроятно, бронзу (хотя прямыхъ указаній на это и нѣтъ у Гомера). Всѣ нужныя для производства металлическихъ работъ снаряды и инструменты были доведены у нихъ до замѣчательнаго совершенства: кузницы ихъ были снабжены хорошо устроенными плавильными печами, раздувальными мѣхами, наковальнями, клещами и т. д. ⁷

Переходя затѣмъ къ выдѣлкѣ и отдѣлкѣ оружія и вооруженія, можно предположить, что европейскіе Греки перенесли къ себѣ малоазійскіе образцы и стали совершенствовать ихъ самостоятельно, преимущественно въ отношеніи пластическаго изящества, не забывая конечно при этомъ и чисто практической стороны дѣла. Оружіе и вооруженіе становилось постепенно не только красивѣе, изящнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлесообразнѣе, удобнѣе. По совершенному отсутствію какихъ бы то ни было вещественныхъ памятниковъ художественной дѣятельности гомеровыхъ Грековъ, мы не можемъ вѣрно судить о стилѣ ихъ художественныхъ и въ особенности пластическихъ произведеній. Можемъ предположить однакожъ, что онъ былъ никакъ не выше ассирийско-египетскаго, такъ какъ и уцѣлѣвшіе памятники, относящіеся ко времени позднѣйшему изъ многія столѣтія, еще вполне принадлежатъ къ этому стилю. Встрѣчаемыя у Гомера и Гезіода описанія пластическихъ украшеній на оружіи (щитъ Ахиллеса у перваго: Ил. XVIII. 478, и щитъ Геракла у послѣдняго: ст. 139 и слѣд.) были конечно только поэтическимъ изображеніемъ дѣйствительности, независимымъ отъ художественной формы самой по себѣ, и не только ею не обусловленнымъ, но скорѣе еѣ обусловившимъ, и то лишь въ ея дальнѣйшемъ развитіи.

¹ B. Eriedreich. Realien. 85. § 21. — ² F. Hermann: Privatalterth. § 2. not. 11—13. — ³ A. Böckh: Staatshaush. I, 47. — ⁴ Ibid. 50 sqq. — ⁵ B. Friedreich. 287. § 88. — ⁶ Ср. описаніе кузницы Гефеста у Гомера (Ил. XVIII. 468) съ описаніемъ кузницы у Геродота (I, 68) и съ прекраснымъ рисункомъ ея на вазѣ, скопированнымъ у E. Gergard'a: Trinkschalen des königl. Museums. Taf. XII, XIII. и Th. Panofka Bild. ant. Lebens Taf. X. 5.

По дошедшимъ до насъ остаткамъ вооруженія, ¹ относящимся къ различнымъ периодамъ послѣ-гомеровской Греціи, видно, что выдѣлка и отдѣлка его постепенно совершенствовалась по мѣрѣ развитія пластики съ одной стороны и искусства обрабатывать металлы съ другой, такъ что, наконецъ, въ изготовленіи его стали принимать участіе даже лучшіе художники, формуя модели для доспѣховъ и украшеній на нихъ ².

Отъ этой пластической выработанности позднѣйшаго вооруженія и зависѣло его практическое преимущество передъ древнимъ гомеровскимъ, потому именно, что греческій доспѣхъ дѣлался изъ цѣльныхъ металлическихъ листовъ, слѣдовательно, чтобы быть удобнымъ, долженъ былъ совершенно приходится по тѣлу и ловко сидѣть на немъ, а это, очевидно, могло быть достигнуто только при значительномъ развитіи искусства правильно формировать человѣческое тѣло — т. е. пластики. Гомеровскіе доспѣхи, какъ бы великолепно изукрашены они не были, слѣдуетъ представлять себѣ не иначе, какъ очень тяжелыми, неуклюжими, и по стилю навѣрно совершенно отличными отъ позднѣйшихъ, дошедшихъ до насъ въ изображеніяхъ и обломкахъ.

Досчатые металлические доспѣхи были вѣроятно изобрѣтены Греками, такъ какъ ни у одного изъ древневосточныхъ народовъ такихъ доспѣховъ не было. Вѣроятно Греки руководились въ этомъ изобрѣтеніи, кромѣ чисто практической цѣли — дать тѣлу возможно надежную защиту, приращеннымъ имъ пластическимъ чувствомъ, которое доспѣхъ, отчетливо воспроизводившій формы тѣла, удовлетворялъ гораздо болѣе, чѣмъ тяжелая и неуклюжая чешуйчатая или кольчатая броня восточныхъ народовъ. Впрочемъ и эти виды вооруженія не были совсѣмъ отвергнуты Греками; они употреблялись преимущественно аттическими воинами и получили современемъ такую художественную выработку, что слѣлались вполнѣ изящнымъ уборомъ.

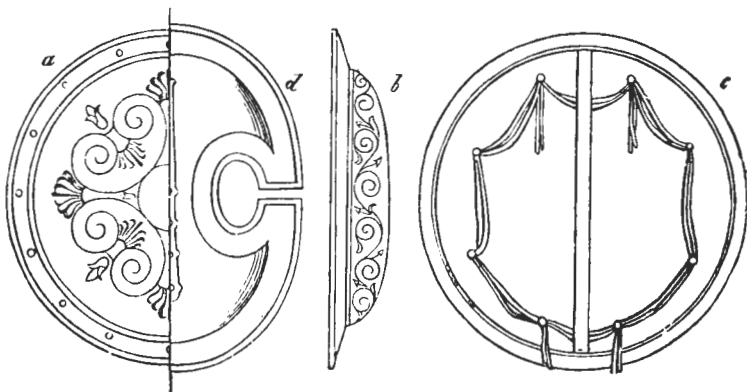
Само собою разумѣется, что всё сказанное объ участіи художниковъ въ выдѣлкѣ вооруженія, относится къ дорогому вооруженію знатныхъ и богатыхъ воиновъ; тѣмъ не менѣе, однакожъ, это участіе не осталось безъ вліянія и на выработку вооруженія вообще. Это доказывается уже довольно значительными цѣнами различныхъ частей вооруженія даже второстепенной работы. Такъ при Аристофанѣ (421 — 338 до Р. Х.), шлемъ стоилъ одну мину (ок. 22 рубл.), нагрудникъ съ цѣпочкой — десять минъ (220 рубл.). ³ По этому можно предположить, что и вооруженіе строевыхъ ратниковъ, доставляемое казною, было тоже хорошей работы, хотя и просто.

Имѣя въ виду указанное отношеніе между вооруженіемъ гомеровскаго времени и позднѣйшимъ и описаніе перваго, приведенное въ своемъ мѣстѣ (часть 1. стр. 290 и слѣд.), можно будетъ ограничиться здѣсь немногими дополнительными замѣчаніями о его отдѣльныхъ частяхъ:

¹ Перечень ихъ (со включеніемъ найденнаго въ помпейскихъ и этрусскихъ раскопкахъ) см. въ E. Gerhard u. Th. Panofka. Neapels antike Bildwerke. I. Stuttg. 1826. 213 sqq. Рисунки въ Museo Borbonic. III: O. Bröndsted. Die Bronzen von Siris, etc. F. Rockstuhl. Musée des armes rares. pl. XXXI. LXXIX; Llevelin Meyrik. Sammlung alter Waffen, — ² O. Bröndsted. op. cit. 89 sqq. — ³ A. Böckh. Staatshaushalt der Athenen. I, 218 sqq.

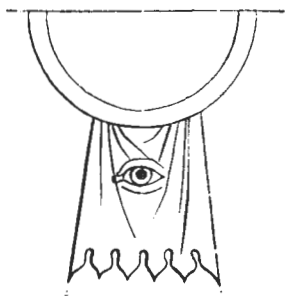
1. Всѣ извѣстныя Гомеру формы щита, т. е. большой овальный (фиг. 186 d. c.), большой и малый круглые (фиг. 276. а. в), съ прикрѣпленными

Фиг. 276.

вокругъ обода изнутри рукоятками (фиг. 276. с.), съ украшеніями на самомъ щитѣ, или къ нему прибавленными (фиг. 277),—всѣ эти формы удержались до конца Греціи. Даже и самый матеріалъ и способъ изготовленія щитовъ остались тѣже

Фиг. 277.

или измѣнились весьма мало. Большіе овальные щиты (въ историческое время и по вѣрнымъ источникамъ) имѣли 4½ фута вышины и 2 фут. ширины; маленькіе круглые были не болѣе 2 фут. въ діаметрѣ. Судя по рисункамъ на вазахъ, поверхность щитовъ расписывали извѣстными фигурами—обыкновенно на нихъ изображали змѣй, скорпионовъ и т. п. или звѣзды, планеты и др. небесные знаки.¹ Это подтверждается также и однимъ мѣстомъ у Эсхила (Семь вождей подъ Оивами, ст.

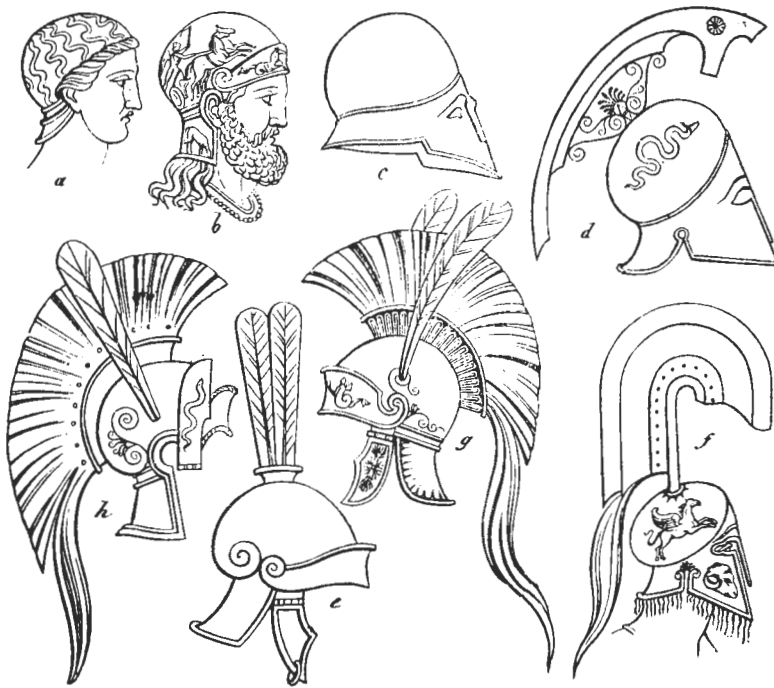
387), откуда кромѣ того узнаемъ, что щиты иногда обвѣшивали колокольчиками или бубенчиками.² — Къ этимъ стариннымъ формамъ въ послѣдствіи были присоединены большіе беотійскіе, похожіе на древнеперсидскіе (фиг. 276. d. ср. фиг. 151. а) и круглые амазонскіе щиты.³

Шлемы⁴, оставаясь постаринному мѣдными, получили чрезвычайно разнообразныя формы. По дошедшимъ до насъ въ большомъ количествѣ рисун-

¹ Ср. Inghirami. I, 5, 9, 41, 76; II, 113—116; III, 216, 287; IV, 320. О позолоченныхъ щитахъ: Pausan. IV, 16; V, 10, 25; X, 26.—² Ср. C. Bötticher. Ueber das Heilige und Profane. S. 37, и ссылку на «Hannoversche Magazin 1788. 9. 1301. Ann. 3—5». О восточномъ происхожденіи этого обычая—D. K. Rosenkranz. Neue Zeitschr. für die Gesch. der german. Völker I (1). Halle. 1832. S. 9 sqq.—³ Названій различаетъ (VIII. 50 (1): круглые, обитые желѣзомъ аргоскіе щиты (ср. II, 25 (6)), и продолговатые-четыреугольные галатскіе щиты (ср. I, 13 (2)); потомъ (IV. 28 (3), лакедемонскіе и, наконецъ, мѣдные съ надписями (X, 11, (5)). — ⁴ Olenin. Observat. sur une note de Milin. St. Petersburg. 1808. Comte de Clarac. Descript. des Antiques, etc. No 310 (р. 136) и № 398 (р. 169). Совершенно отличный отъ греческихъ, высокій цилиндрическій (на подобіе митры) шлемъ, украшенный горизонтальными полосами и совершенный волосатымъ султаномъ, въ Th. Baxter. Costume, Tab. 18.

камъ можно прослѣдить, какъ совершенствовались и развивались эти формы, исходя изъ простой полукруглой шапки и заканчиваясь полнымъ лакедемонскимъ шлемомъ съ неподвижнымъ забраломъ ¹ (ср. фиг. 278 а — f) и его усовершенствованными видоизмѣненіями—беотійскимъ, коринѣскимъ ² и аттическимъ шлемами съ откидными и подвижными частями (ср. фиг. 278. e. g. и h. фиг. 186). Главную красу шлема составляли гребень и султанъ. Тотъ и другой были тоже очень различныхъ формъ. Къ султану прибавляли

Фиг. 278.

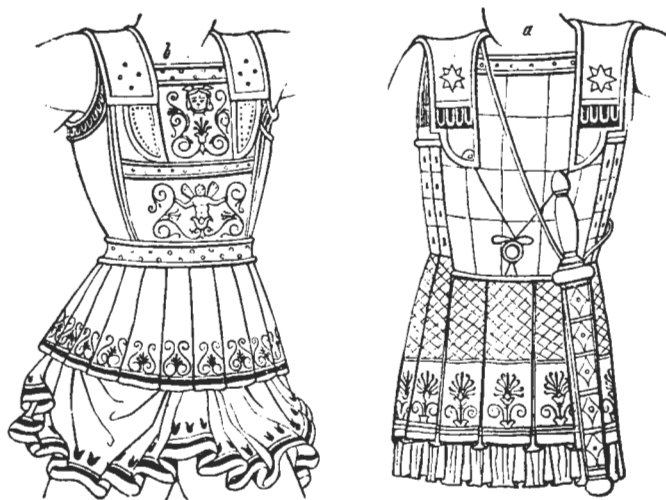
иногда въ видѣ дополненія, орлиныя и другія перья, которыя укрѣпляли по бокамъ шлема ³ (ср. фиг. 278 d—h. фиг. 184—187).

Кираса ⁴ (которой, вѣроятно, древнѣйшая въ послѣ-гомеровское время форма сохранилась на изображеніяхъ Аиины, въ видѣ двойной, закрывавшей грудь и спину, эгиды, нерѣдко чешуйчатой) ⁵ состояла изъ двухъ цѣльныхъ мѣдныхъ листовъ, закрывавшихъ грудь и спину и по нимъ пригнанныхъ, нагрудника и наспинника. Они соединялись между собою посредствомъ наплечниковъ, пояса и брючковъ, или пряжекъ. Кираса закрывала туловище обык-

¹ O. Müller. Handbuch. § 842 (3). — ² Ibid. § 369 (3) и O. Müller und Oesterle. Denkmäler. A. Taf. VI. — ³ О шлемахъ македонской эпохи, тамъ же Taf. LI. — ⁴ A. Böttiger. Griech. Vasengem. I (2), 68. O. Müller, Handbuch. § 342. О формѣ ея, классическое мѣсто въ «жирѣ» Аристофана, ст. 1228 и слѣд. — ⁵ J. F. Facius, Ueber die Aegis. Erl. 1774. A. Böttiger. Amalthea I, 20; II, 212, 215. O. Müller Handbuch. § 368. Рисунки въ Müller u. Oesterle. Denkmäler. A. Taf. VI, VIII; B. Taf. IX, 34; X, 37; XVIII, 92, а особен. B. Taf. XIX—XXI.

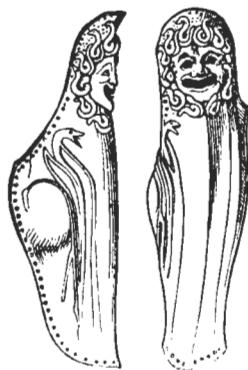
венно до пояса, ¹ а отъ пояса къ низу продолжалась сплошнымъ рядомъ отдельныхъ лопастей ² (фиг. 279. а. b). Чешуйчатая кожаная и холщевая

Фиг. 279.

кирасы ³ отдѣлывали также металлическими украшениями (фиг. 286). Подъ кирасами носили хитонъ ⁴ и, какъ кажется, извѣстный уже и гомеровскимъ воинамъ, металлическій набрюшникъ.

Фиг. 280.

Поножи имѣли форму той части ноги, для защиты которой они назначались—голеи. Въ послѣ-гомеровское время ихъ рѣдко дѣлали изъ олова, но обыкновенно изъ тонкой и чрезвычайно гибкой бронзы; способъ прикрѣпленія къ ногѣ остался прежній. ⁴ Украшенія выдѣлывались преимущественно на верхней, закрывавшей колѣно, части поножей (фиг. 280; ср. фиг. 186, 286, 287).

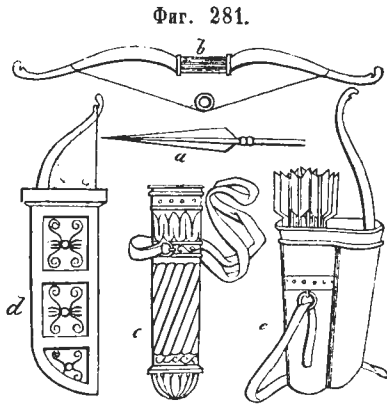
Сандалии долго оставались единственною обувью воиновъ, и только сравнительно очень поздно были замѣнены, по крайней мѣрѣ отчасти, такъ-названными по имени ихъ изобрѣтателя „ифрикатовскими“ военными башмаками — вѣроятно полусапожками на очень толстой подошвѣ. Впрочемъ обычай сра-

¹ На рисункахъ часто встрѣчаются кирасы, не оканчивающіяся горизонтальнымъ поясомъ, а (на подобіе римскихъ) спереди спускающіяся на животъ и тоже обшитыя лопастями, но болѣе короткими. См. Th. Panofka. Vasi di premio. Tav. II. 6: Dubois Maisonneuve. Introd. Pl. XXX. F. Gerhard. Antike Bildwerke. Taf. XXXV.—² Xenoph. De re equestr. 12.—³ По словамъ Плутарха, Александръ Македонскій передъ сраженіемъ при Арбеллахъ надѣлъ на себя двойную тканую кирасу—вѣроятно холщевую или бумажную. Ср. С. v. Minutoli. Notiz ueber den etc. Mosaikfussboden:—⁴ И сверхъ него, конечно, войлочный или кожаный кафтанъ или куртку, также какъ и подъ шлемъ надѣвали войлочную или кожаную шапку.—⁴ См. рисунки у O. Müller u. Oesterle. Denkmäler. B. Taf. XLII. № 516.

жаться босикомъ никогда совѣтъ не выводился (ср. фиг. 184 и слѣд.; 283; 286; 287).

2. Въ числѣ нападательнаго оружія Грековъ, однимъ изъ важнѣйшихъ было и осталось—копье. На основаніи рисунковъ на вазахъ, длина его доходила до 8 фут. (фиг. 254 с; 287), изъ нихъ отъ 6 до 7 дюймовъ приходилось на наконечникъ, и отъ 4 до 6 дюйм. на оковку съ тупаго конца. И наконечникъ и оковка были сначала мѣдные, но позднѣе ихъ стали дѣлать изъ желѣза. Форма наконечниковъ была преимущественно ланцетовидная или заостренная ромбоидальная (фиг. 281. а); оковки давали иногда коническую, сердцевидную или листовидную форму. ¹ Древко осталось какъ и прежде деревянное, большею частью ясеневое; но употреблялись также и цѣльные мѣдные копья. ² Форма древка и его толщина были не всегда одинаковы: иногда древко было всё ровное, иногда утолщено посрединѣ или на одномъ изъ концовъ.—Особенно дорогія копья хранили въ футлярахъ. Смотри по величинѣ копья, оно употреблялось или для удара изъ руки, или для метанья.

Менѣе важны въ смыслѣ собственно греческаго оружія—лукъ и стрѣлы (фиг. 281. b — d). ³ Такъ какъ они доведены были до возможнаго совершенства уже на Востока, то никакія существенныя измѣненія не могли произойти въ нихъ и въ позднѣйшее время. Большая часть лучниковъ въ греческомъ войскѣ набиралась изъ варваровъ. ⁴ Такимъ же мало уважаемымъ Греками оружіемъ была и праща. Ею вооружали преимущественно иноземныхъ ратниковъ и несвободныхъ (рабовъ), когда ихъ присоединяли къ войску въ случаѣ нужды. Впрочемъ, если вѣрить позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, искусство ихъ въ употребленіи этого оружія было необыкновенно. По словамъ Ливія (XXXVIII. 29) нѣкоторые племена Пелопонеса владѣли пращею искуснѣе балеарцевъ. Что они умѣли мѣтко попадать въ цѣль, доказывается тѣмъ, что Мардоній и Пирръ были убиты пращею (Plut. Aristid. Just. XXV. 5).

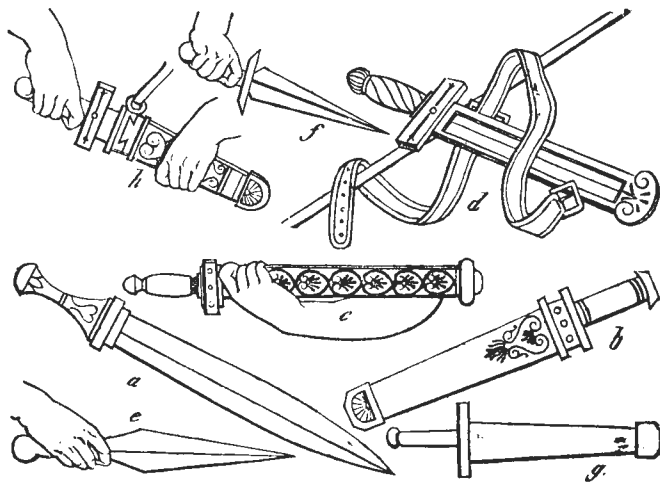

Главнымъ и почти единственнымъ оружіемъ Грековъ въ близкомъ бою, по крайней мѣрѣ въ историческое время, былъ мечъ, составлявшій необходимую принадлежность полнаго вооруженія. Форма его по всей вѣроятности мало измѣнилась. Клинокъ, сначала мѣдный, а позднѣе желѣзный, ⁵ былъ двулезвийный и съ острымъ концомъ (фиг. 282. а). Судя по рисункамъ,

¹ E. Gerhard. Antike Bildwerke. Taf. XXXV.—² Ср. Его же: Die Heilung des Telephos. Berlin. 1843 (съ рисунк.).—³ На вазахъ они встрѣчаются рѣдко, какъ оружіе греческихъ воиновъ.—⁴ Павзаній называетъ хорошихъ лучниковъ только пританъ (I, 23 (4)); были также отряды скиѣскихъ лучниковъ (въ Аѳинахъ).—⁵ Павзан. III, 6 (1).

длина клинка равнялась 15 дюйм., ширина отъ 2 до $2\frac{1}{2}$; длина рукоятки—отъ 6 до 7 дюйм. Рукоять почти всегда дѣлалась въ формѣ креста, безъ ефеса. Ее украшали орнаментами изъ слоновой кости, или золотыми, серебряными и мѣдными ¹; точно такъ же и ножи (кожаные) съ перевязью

Фиг. 282.

(фиг. 282. b. c. d. h.). Ножи бывали иногда такой ширины, что въ нихъ входила и рукоять меча (фиг. 282. b). Съ тѣхъ поръ какъ вмѣстѣ съ мечемъ стали употреблять кинжалъ или небольшой мечъ (фиг. 282, e. f. g), какъ особое оружіе, мечи начали носить безразлично то на правомъ, то на лѣвомъ боку (фиг. 187; 283; 287).

Топоры, въ старинной формѣ двулезвийныхъ сѣкиръ, ² употреблялись Греками въ бою вообще рѣдко, а въ позднѣйшее время преимущественно только при осадахъ и т. п. и то какъ піонерное оружіе.

Палица (ставшая атрибутомъ Геракла ³) употреблялась еще рѣже. Впрочемъ при Пизистратѣ былъ набравъ въ Аѳинахъ изъ охотниковъ цѣлый отрядъ паличниковъ (Herod. I. 59).

Право безпрепятственно носить оружіе каждый свободный Грекъ считалъ своимъ прирожденнымъ правомъ. Въ своемъ мастерскомъ описаніи старинной эллинской жизни, Оукидидъ говоритъ (I, 5 sqq.), что еще и въ его время у озолійскихъ Локрійцевъ, Этолянъ и Ахарнянъ было въ обычаѣ постоянно носить при себѣ оружіе, какъ это водилось во всей Элладѣ въ старину, когда сообщенія были небезопасны и еще не было укрѣпленныхъ мѣстъ. Аѳиняне, продолжаетъ онъ, первые оставили этотъ обычай, какъ только наступили для нихъ болѣе мирныя времена и благосостояніе ихъ улучшилось.

¹ Alcaeus. Fragm. 33. Pausan. VI. 19 (3). — ² Cp. Pausan. X. 14 (1: 2); O Müller. Die Dorier. I, 362. — ³ Cp. O. Müller. Handbuch. § 410. и его же: Denkmäler der alten Kunst. A., Taf. XXXVIII. Кромѣ того и особен. Th. Panofka. Argos Panoptes (Abhdlg. der Akad. zu Berlin. 1837. S. 103. Taf. IV. 2).

Иначе было въ земляхъ, завоеванныхъ Дорьянами. ¹ Тамъ постоянное ношение оружія сдѣлалось привилегіею побѣдителей и обратилось въ признакъ свободного происхожденія, а потому никогда не прекращалось. Поэтому вооруженіе, хотя бы и самое простое, считалось въ Спартѣ самымъ красивымъ нарядомъ для мужчины, между тѣмъ какъ въ Аѳинахъ оно болѣе носило на себѣ характеръ необходимой обороны, или же было предметомъ роскоши. ²

Составъ войска.

Такъ какъ гористая почва Эллады была неудобна для употребленія въ сраженіяхъ военныхъ колесницъ, то въ историческое время онѣ употреблялись только на играхъ, въ войскѣ же были замѣнены, хотя и довольно поздно, конницей. ³ Лошади для нея получались главнымъ образомъ изъ мѣстностей, лежащихъ на сѣверъ отъ Эты и Отриса и изъ Тессалии. ⁴ Настоящее же ядро греческаго войска составляла пѣхота (гоплиты), особенно у Спартанцевъ, охотно предоставлявшихъ конную службу людямъ слабымъ и низкорослымъ. ⁵

Фиг. 283.

Центральною силою лаконскаго войска были спартиаты (обязанные службою съ двадцатаго года по 60-ый). Къ нимъ примыкали періэки (старинные жители Лакедемоны, покоренные дорьянами), за которыми слѣдовали, въ видѣ иррегулярнаго вспомогательнаго войска—гелоты.

До конца первыхъ персидскихъ войнъ всё вооруженіе спартиатовъ ⁶ заключалось въ большомъ кругломъ щитѣ, длинномъ (до 8 фут.) копѣ и короткомъ мечѣ. ⁷ Иные прибавляли къ этому шлемъ и передникъ (фиг. 283), и только весьма немногіе панцирь и поножи. Передъ началомъ сраженія всѣ одѣвались въ пурпуровыя одежды и на голову или на шлемъ надѣвали свѣжіе вѣнки. ⁸

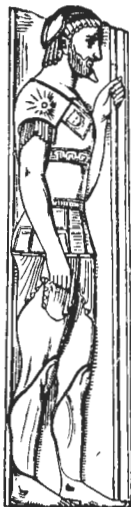
Еще легче было вооруженіе остальныхъ отрядовъ. Въ немъ повидимому не было ничего металлическаго; каждый былъ одѣтъ въ обыкновенную свою одежду—одни въ козы и овечьи, другіе (какъ аркадяне) въ волчьи и медвѣжьи шкуры ⁹, а Лаконцы даже сражались въ своихъ широкополыхъ шляпахъ. ¹⁰ Оружіе состояло изъ копій, дубинъ и пращей.

¹ Cp. M. Duncker. Gesch. des Alterth. III, 370 sqq.—² Хотя оружіе и его принадлежность были предметами вывоза въ греческой торговлѣ, однакожъ брать ихъ подѣлъ строго запрещалось. F. Hermann. Privatalterth. § 43. not. 16; § 45. not. 10. — ³ Cp. W. Rüstow und H. Köchly. Gesch. des griech. Kriegswesens. 30 sqq. — ⁴ O. Müller. Die Dorier. I, 5. — ⁵ Ibid. II, 237. — ⁶ Ibid. II, 240. Duncker. Op. cit. III, 375. F. Hermann. Staatsalterth. § 30 not. 3.; W. Rüstow und H. Köchly. 32 sqq. — ⁷ Спартиатскіе мечи были такъ коротки, что Аѳиняне смѣялись надъ ними; см. Becker. Charikles II, 287.—⁸ O. Müller. Die Dorier. II, 247.—⁹ Pausan. IV. 11 (1).—¹⁰ O. Müller. Dorier. II, 267.

Въ афинскомъ войскѣ (различныя части котораго образовались довольно медленно изъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ, по которымъ дѣлилось население) тяжеловооруженные были одѣты въ латы или кирасы изъ мѣдныхъ листовъ. Что этотъ родъ вооруженія употреблялся афинскими воинами уже во время первыхъ персидскихъ войнъ, доказывается сохранившимся рельефнымъ изображеніемъ павшаго при Марафонѣ Аристіона, изъ Аттики (фиг. 284). Слѣды окраски, открытые на рельефѣ, заставляютъ предполагать, что вооруженіе Аристіона, а можетъ быть и вообще вооруженіе афинскихъ гоплитовъ, было разноцвѣтное. Очевидецъ ¹ такъ описываетъ этотъ рельефъ: „Отъ шлема уцѣлѣла нижняя часть, покрывающая голову, и сзади начало гребня; верхушки шлема нѣтъ. Изъ подъ шлема видны волосы, расположенные правильными рядами локоновъ вокругъ всей головы; тонкіе усы ² соединяются на щекахъ съ бакенбардами, которыя идутъ отъ висковъ и сходятся на подбородкѣ въ остроконечную бородку. Кираса начинается ниже шеи; плечо закрыто широкимъ наплечникомъ, къ которому прикрѣпленъ болѣе узкій четырехугольникъ, лежащій наискось на груди; ниже груди тянется по кирасѣ узорчатая полоса и другая такая же посрединѣ туловища ³; отъ этой послѣдней спускаются на бедра и на животъ четырехугольныя лопасти.

Фиг. 284.

Фиг. 285.

Кираса обработана такъ, что представляется слѣзанныю изъ тонкаго металла; точно также и наконечники, сквозь которыя выступаютъ ножныя муску-

¹ A. Schöll. Archaeol. Mittheil. aus Griechenland I (1), 28.—² Выше было уже замѣчено, что спартанскіе ратники брили себѣ усы; ср. F. Hermann. Staatsalterth. § 30. not. 6.—³ Верхняя полоса (поперекъ груди) служила также для того, чтобы сдерживать выѣстъ нагрудникъ съ напильникомъ. Это ясно видно на рисункѣ въ Millin. Peint. des Vases ant. II pl. 15, срисованномъ въ уменьш. размѣрѣ, и у Th. Panofka, Griechinnen und Griechen. Taf. 1. Fig. 12. ср. ниже фиг. 287.

лы. Одежда, видящаяся изъ подъ кирасы на груди, на рукахъ и на бедрахъ, даетъ впечатлѣніе очень тонкой матеріи. На фонѣ рельефа осталось немного красной краски. Кираса была, кажется, окрашена въ синій цвѣтъ, на воротѣ кирасы, около плеча, видны слѣды кармазинной краски; этою же краскою были, кажется, раскрашены украшенія на наплечникѣ, узоръ на верхней полосѣ и поясъ, и украшенія на лопастьяхъ⁴.

Еще пестрѣе былъ видъ аѳинскихъ воиновъ, когда они выходили на битву безъ кирасы и поножей, въ однихъ хитонахъ и хламидахъ, которыя въ этихъ случаяхъ бывали нерѣдко украшены узорчатыми коймами и мелкими металлическими орнаментами¹ (фиг. 285). Особенною нарядностью и великолѣпіемъ отличалось вооруженіе знатныхъ воиновъ, было ли оно чешуйчатое и холщевое на восточный манеръ, или эллинское—т. е. досчатое металлическое (фиг. 286; 287). Въ этомъ послѣднемъ видѣ, и притомъ мастерски выполненное, оно было доступно вѣроятно только для однихъ предводителей войска и вмѣстѣ служило знакомъ ихъ званія. Надобно впрочемъ предполагать, что такое отличіе допускалось лишь въ аѳинскомъ войскѣ;² въ спартанскомъ же оно не могло имѣть мѣста, такъ какъ противорѣчило духу Ликургова законодательства. Притомъ же ни въ Аѳинахъ, ни въ Спартѣ полного однообразія въ вооруженіи воиновъ не было; кромѣ развѣ въ томъ отношеніи, что вооруженіе простыхъ ратниковъ изготовлялось по одному образцу.

Фиг. 286.

Фиг. 287.

Предводителемъ лакедемонскаго войска, по установленію Ликурга, былъ одинъ изъ двухъ царей.³ При немъ находились въ качествѣ военачаль-

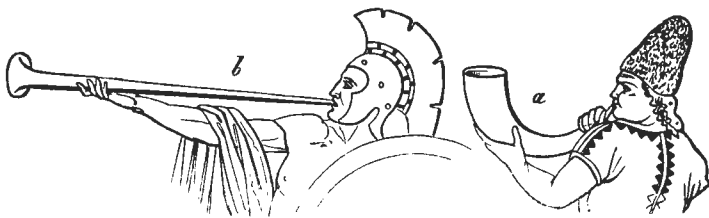
¹ Cp. Th. Panofka. Vasi di premio. Tav. I, II. — ² Cp. B. Böckh. Staatshaushalt. I, 314.—³ O. Müller. Die Dorier. II, 230 sqq.

никовъ полемархи, которымъ были подчинены остальные начальники. Почетную стражу царя составляли знатнѣйшіе и храбрѣйшіе спартанцы. Изъ нихъ выбирались посланники, которые почитались лицами священными и неприкосновенными, подобно гомеровскимъ вѣстникамъ. Они одѣвались въ пурпуровую одежду и носили посохъ ¹.

Начальники аѳинскаго войска назначались по выбору, какъ было уже сказано выше. Ежегодно были избираемы десять стратеговъ, представлявшихъ высшую воинскую власть, и десять таксіарховъ, имѣвшихъ совѣщательный голосъ; для конницы назначались два гиппарха и десять филарховъ, а для морской службы, извѣстное число трирарховъ, смотря по численности флота. ² Посланники аѳинскіе пользовались тѣмъ же почетомъ, какъ и спартанскіе, и носили такую же одежду; также точно и эолійскіе и другихъ греческихъ племенъ. ³ У Критянъ посланники одѣвались въ одежды окрашенные фукусомъ ⁴. (Meurs. Creta. 312).

Такая организація эллинскихъ военныхъ силъ получила свое развитіе только по окончаніи персидскихъ войнъ и была нѣкоторымъ образомъ вызвана ими, равно какъ ими же положено было начало военной тактикѣ Грековъ, усовершенствованной ими въ позднѣйшихъ войнахъ и поведшей къ преобразованію вооруженія и оружія. Во время персидскихъ войнъ, аѳинское войско, подобно спартанскому, дѣлилось на тяжеловооруженныхъ копейщиковъ, и, соотвѣтствовавшихъ лакедемонскимъ гелотамъ, легковооруженныхъ ⁵. Эти послѣдніе назывались въ Аргосѣ—гимнесои (отъ *gymnos*, нагой); а въ Сикіонѣ — коринефорами, по дубинѣ, которою они были вооружены. Конницы ни у Лакедемонянъ, ни у Аѳинянъ въ эту пору еще не было; но у послѣднихъ уже были заведены отряды лучниковъ. ⁶ — Сигналы подавали трубами и рогами (фиг. 288. а. б), или зажигали сигнальные огни.

Фиг. 288.

Измѣненія, произведенныя въ лакедемонскомъ войскѣ ⁷ по окончаніи персидскихъ войнъ, состояли главнымъ образомъ въ томъ, что къ тяжеловооруженнымъ спартіатамъ присоединены были и періэки и составили вмѣстѣ съ ними главную массу войска, къ которой приданъ былъ небольшой отрядъ легковооруженныхъ, почти исключительно изъ отдаленнаго племени Скиритовъ ⁸, для сторожевой и лагерной службы; гелоты же призывались толь-

¹ Ibid. 248; F. Hermann, Staatsalterth. § 10. not. 3. § 55. not. 10; § 125. not. 6—7; § 154, not. 4.—² F. Hermann, Staatsalterth. § 152 sqq.—³ Herod. I, 152; II, 67; VII, 134; Pindar. Olymp. VI, 132; Thucyd. VIII, 70.—⁴ Красная краска изъ водорослей.—⁵ O. Müller. Dorier. II, 50.—⁶ Ср. для всего нижеслѣдующаго, W. Rüstow u. H. Köchly. Gesch. der griech. Kriegswesens. 44 sqq.—⁷ W. Rüstow und H. Köchly. S. 90. Ср. O. Müller. Dorier II, 230.—⁸ Ibid. 237.

ко въ случаяхъ надобности и то въ небольшомъ количествѣ, а не слѣдовали толпами за войскомъ, какъ прежде. Конницы, какъ отдѣльной части, въ лакедемонскомъ войскѣ еще не было.

Болѣе полный составъ получило въ это время и аѳинское войско. Изъ гоплитовъ (въ которыхъ должны были служить граждане первыхъ трехъ филъ изъ десяти, на которыя Клизеонъ раздѣлилъ населеніе Аттики) самые богатые были обязаны конною службою и составили постоянный конный отрядъ, заключавшій въ себѣ при началѣ пелопонезской войны до 1200 человекъ. Кромѣ того, масса войска постепенно увеличилась наемными неаттическими ратниками—оракійскими и аркадійскими копейщиками, родосскими пращниками, критскими лучниками и пр., образовавшими легкіе отряды.

Вѣроятно съ этого же времени начинаютъ вводиться и нѣкоторыя измѣненія въ вооруженіи гоплитовъ, съ цѣлію сдѣлать его по возможности менѣе обременительнымъ. Цѣльная мѣдная кираса замѣняется кожанымъ колетомъ съ мѣднымъ нагрудникомъ и такими же наплечниками; шлемы и поножи дѣлаются легче. Большой овальный щитъ удерживаютъ однакожь въ прежнемъ видѣ (вѣроятно съ этихъ же поръ начинаютъ помѣчать щиты особыми условными знаками вмѣсто прежнихъ произвольныхъ украшеній: такъ напр. лакедемонскіе щиты узнавались по изображенной на нихъ буквѣ Λ; сикіонскіе — по Σ, оиванскіе по палицѣ или сфинксу, аѳинскіе по совѣ ¹). Нападательное оружіе тоже осталось прежнее, т. е. копье и мечъ.

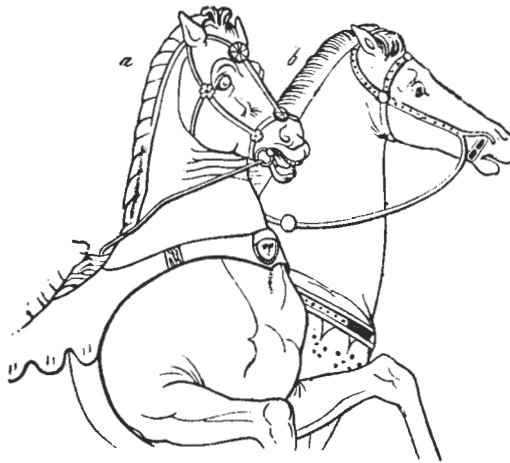
Легкая пѣхота дѣлилась на вооруженныхъ щитомъ или пельтастовъ (для близкаго боя) и неимѣвшихъ никакого оборонительнаго оружія—гимнесовъ (для дальняго боя). Эти послѣдніе въ свою очередь распадались на отряды метателей дротиковъ, лучниковъ и пращниковъ. Къ нимъ присоединялись иногда непринадлежавшіе къ войску охотники, дравшіеся просто камнями. Пельтасты (заимствованный отъ Оракійцевъ родъ войска) составляли какъ-бы переходъ отъ гимнесовъ къ гоплитамъ. Защитительное вооруженіе ихъ состояло изъ щита и толстой кожаной шапки, а нападетельное — изъ нѣсколькихъ дротиковъ, большаго копья и меча. Къ древку ихъ копья была прикрѣплена ременная петля (Ксенофонтъ).

Что касается конницы, то несмотря на то, что въ Аѳинахъ она была заведена ранѣ чѣмъ въ Спартѣ, ² образованіе ея шло очень медленно; первоначально всадники появлялись только на процессіяхъ и торжествахъ ³, какъ красивая обстановка, и только постепенно увеличиваясь въ числѣ, были присоединены къ войску, какъ составная его часть. Въ Спартѣ до Агезилая (369 до Р. Х.) конницы почти не существовало; онъ первый озаботился поднять ее до нѣкотораго значенія, но тѣмъ не менѣе, ни въ Спартѣ, ни въ Аѳинахъ, она никогда не достигала соответствующаго пѣшему строю развитія. Причина этого могла отчасти лежать въ самомъ вооруженіи всадниковъ, которое было тяжело и неуклюже (покрайней мѣрѣ во время Ксенофонта). ⁴

¹ W. Rüstow etc. 104 sqq.—² W. Rüstow etc. 134 sqq.—³ F. Hermann. Staatsalterth. § 153. not. 10., и ряды всадниковъ на фризѣ Парфенона. — ⁴ Некрасивое вооруженіе всадниковъ, вѣроятно, было причиною того, что греческіе художники избѣгали изображать ихъ въ своихъ произведеніяхъ. На рисункахъ вазъ, даже позднѣйшей маке-

И всадники и их лошади были одѣты въ латы. Конская сбруя состояла изъ попоны съ подпругою и узды съ удилами и поводьями (фиг. 289. а. b). Ковка была едва ли извѣстна¹: Ксенофонтъ говоритъ только о закаливаньи копытъ для приданія имъ твердости (Xenoph. de re equestr. 4 sqq.).

Фиг. 289.

Вооруженіе всадника состояло изъ кирасы и шлема. Ксенофонтъ, въ названномъ сочиненіи (с. 12), предлагаетъ употреблять шлемъ беотійскій, потому что онъ лучше закрываетъ лицо, не мѣшая въ тоже время свободно видѣть. Особенное вниманіе совѣтуетъ онъ обращать на то, чтобы кираса ловко сидѣла на тѣлѣ; она должна быть съ воротникомъ достаточно широкимъ и высокимъ, чтобы закрывать всю нижнюю часть лица до самаго носа. Животъ долженъ быть защищенъ металлическими лопастями, а руки наручами. Наручь правой руки не должна стѣснять движеній всадника при ударѣ или метаніи копья, а потому её слѣдуетъ снабдить у плеча и на локтевомъ суставѣ чешуями. Бедра всадника отчасти закрывались конскою броней, а для ногъ и ступней, по мнѣнію Ксенофонта, могли служить достаточною защитой родъ сапогъ изъ толстой кожи.

Конскую броню составляли налобникъ или наголовникъ, нагрудникъ и боковыя части, закрывавшія вмѣстѣ и бедра всадника. — Ъздили безъ стремянъ; вмѣсто шпоръ употребляли родъ острія, которымъ кололи лошадь (μῶψ).

Всадники были вооружены длинными (до 9 фут.) копьями и мечами. Ксенофонтъ совѣтуетъ замѣнить первыя болѣе легкими дротами, а послѣдніе—кривыми мечами (kopis).

Прислуга, сопровождавшая тяжеловооруженныхъ всадниковъ, составляла родъ легковооруженнаго коннаго отряда; настоящею же легкою конницею

донской эпохи, они тоже не встрѣчаются. Можно впрочемъ полагать, что это вооруженіе походило на римское. Ср. Hancaville. Ant. etrusq. IV. pl. 33. Duc de Luynes. Choix de vases grecs. pl. 1.—¹ O. Müller. Handbuch. § 424. Becker. Charikles I, 88.

были отряды конных лучниковъ и копейщиковъ, подчиненные вмѣстѣ съ тяжелой конницей гиппарху.

Несмотря на существованіе конницы, боевая тактика Спартанцевъ и Аоинянъ основывалась преимущественно, если не исключительно, на дѣйствіи тяжеловооруженной пѣхоты (гоплитовъ). Такою оставалась она и во все продолженіе пелопонезской войны, которая однакожь много способствовала ея усовершенствованію ¹. Только по возвращеніи Ксенофонта изъ знаменитаго отступленія десяти тысячъ и по его инициативѣ, подкрѣпленной указаніями пріобрѣтеннаго имъ опыта, традиціонное военное устройство стало замѣняться, хотя и весьма медленно, новою организаціею, основанною на болѣе полномъ развитіи отдѣльных частей войска и приспособленіи ихъ къ совмѣстному дѣйствію.

Начатыя Ксенофонтомъ преобразованія не остались безъ вліянія и на вооруженіе. Оно подвергалось болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ, имѣвшимъ цѣлью сдѣлать его не только цѣлесообразнѣе и удобнѣе, но и дешевле. —

Передъ выступленіемъ лакедемонскаго войска въ походъ, начальствующій войскомъ царь приносилъ жертву Зевсу; на границѣ Лаконіи приносилась другая жертва Зевсу и Аоинѣ. — Передъ войскомъ шолъ жрецъ Ареса, неся священныи огонь. ² Этотъ огонь зажигали при первомъ жертвоприношеніи и тщательно поддерживали до конца войны. Во время стоянокъ имъ же разводили костры.

Жизнь въ лагерѣ была строго регулирована. Стража повѣрялась частыми обходами и кромѣ того ей ставилось въ обязанность давать опредѣленный отзывъ по первому звону колокольчика или удару литавръ. ³

Вблизи царя постоянно находились гонцы и трубачи. ⁴ Черезъ нихъ раздавалъ онъ приказанія войскамъ. Съ этою же цѣлью употреблялись сигналы; ночью — огни, днемъ — пурпуровое знамя на высокомъ древкѣ. ⁵ Поднятое знамя значило нападеніе, опущенное — приказъ отступить.

Передъ сраженіемъ, полководецъ, въ виду непріятеля, приносилъ въ жертву козу. По данному знаку, войска трогались съ мѣста и шли въ тактъ подъ звуки лиры (у Критянъ) или флейты (у Спартанцевъ). ⁶

Обирать, во время сраженія, оружіе у убитыхъ или раненыхъ непріятелей было запрещено; ⁷ непріятелей обратившихся въ бѣгство не преслѣдовали.

По окончаніи сраженія, тѣла убитыхъ — за весьма рѣдкими исключеніями, ⁸ обыкновенно своихъ и непріятелей безразлично — предавали землѣ. Иногда также и вымѣнивали ихъ. ⁹ При погребеніи присутствовало все войско и, какъ кажется, съ опущеннымъ оружіемъ. ¹⁰ Церемонія заключалась жертвоприношеніемъ, на которое всѣ собирались въ вѣнкахъ.

¹ F. Hermann, Culturgesch. 191. — ² Cp. O. Müller, Dorier. II, 236; C. Bötticher, Über des Heilige und Profane etc. 27. — ³ H. Nast, Einleitung in die griech. Kriegsalterth. 216. — ⁴ Th. Panofka, Griechinnen etc. 26. — ⁵ S. Köpke, Über des Kriegswesen der Griechen. 297. — ⁶ O. Müller, Dorier II, 246; 326. — ⁷ F. Hermann, Staatsalterth. § 30. — ⁸ Herod. IX. 77—80. — ⁹ Thucid. I, 63. II 34, Aelian. var. hist. XI, 27. — ¹⁰ H. Nast, Einleitung etc. 154.

Отнятая у непріятеля добыча представлялась главноначальствующему, который по своему усмотрѣнію отдѣлялъ отъ нея извѣстную долю и отдавалъ войску, а остальное препровождалъ въ государственную казну. Отсюда часть добычи поступала въ видѣ приношеній въ различные храмы¹, часть сжигалась въ честь боговъ (Herod. IX. 79). Плѣнныхъ, если они были захвачены при взятіи и разрушеніи города, обращали въ рабовъ; взятыхъ же на полѣ сраженія вымѣнивали или отпускали на волю за выкупъ².

О поведеніи отдѣльныхъ ратниковъ во время войны судилъ военный советъ, составленный изъ ихъ товарищей по оружію.³ Онъ назначалъ наказанія за нарушеніе военной дисциплины и, какъ можно предполагать, награды особенно отличившимся. Впрочемъ у Дорянъ единственнымъ средствомъ для поддержанія дисциплины была палка.⁴ Измѣнники и перебѣжчики наказывались смертью, трусы—публичнымъ посрамленіемъ. Награды⁵ состояли въ драгоценномъ вооруженіи, поднесенномъ народомъ военачальнику, въ статуяхъ, бюстахъ и почетныхъ монументахъ; въ металлическихъ діадемахъ, съ обозначеніемъ воинскаго подвига, за которое онѣ давались, также въ дубовыхъ и оливковыхъ вѣнкахъ. Последніе два вида наградъ получали иногда и простые воины. Особенно щедрыя награды, и часто не по заслугамъ, раздавались въ македонскую эпоху.

Македонское войско⁶, составленное изъ варварскихъ (оракійскихъ) племенъ,⁷ получило правильную организацію гораздо позднѣе греческаго и по его образцу. Попытки Архелая (413—399) ввести въ него нѣкоторое устройство остались безъ послѣдствій. Только со вступленіемъ на престолъ Филиппа достигло оно настоящаго значенія, чему способствовали кровопролитныя внутреннія войны, которыя Филиппъ долженъ былъ вести за обладаніе престоломъ. Перенятый имъ отъ Грековъ⁸ и усовершенствованный пѣхотный строй — македонская фаланга — и образованіе сильной конницы (въ значительномъ количествѣ набиравшейся въ Фессаліи) дали наконецъ македонскому войску рѣшительное превосходство надъ греческимъ.

По дошедшимъ извѣстіямъ, войско Филиппа состояло изъ 30000 пѣшихъ и около 3000 конныхъ ратниковъ. Пѣшіе раздѣлялись на тяжеловооруженныхъ (гоплитовъ, фалангитовъ), занимавшихъ всегда центръ боеваго строя, легковооруженныхъ, или гипасистовъ, и стрѣлковъ. Главную массу македонской конницы составляли тяжеловооруженные; при нихъ находился отрядъ легкой конницы — сариссофоры, — заключавшій въ себѣ до 1200 ратниковъ.

Вооруженіе македонскихъ войскъ въ общемъ вѣроятно походило на греческое, отличаясь впрочемъ отъ него нѣкоторыми національными особенностями и большею цѣлесообразностью.⁹ Такъ между прочимъ, вооруже-

¹ A. Böckh Staatshaush. I, 317; Beilagen.—² F. Hermann, Privatalterth. § 12. not. 22. § 58. not. 19.—³ F. Hermann. Staatsalterth. § 146. not. 2.—⁴ O. Müller. Dorier. II, 285.—⁵ H. Nast. Einleitung. 261. S. Köpke. Kriegswesen. 235 sqq.—⁶ W. Rüstow und H. Köchly. 252 sqq.—⁷ W. Wachsmuth: Allgem. Culturgesch. I, 169.—⁸ Ср. Hermann. Culturgesch. 206.—⁹ Въ противоположность Грекамъ, у Македонянъ не было досчатаго вооруженія, и если оно у нихъ встрѣчается, то вѣроятно какъ заимствованное отъ Грековъ.

ніе фалангитовъ было легче вооруженія греческихъ гоплитовъ. вмѣсто металлическихъ нагрудниковъ послѣднихъ, они были одѣты въ кожаные колеты, только мѣстами покрытые на груди металлическими бляхами; вмѣсто мѣднаго шлема у нихъ были войлочные македонскія шапки (каузіа). Щитъ ихъ былъ круглый, обитый мѣдью и не болѣе 2 фут. въ діаметрѣ. Наножники ихъ были тоже легки. Ихъ оружіе состояло изъ короткаго меча и македонскаго копья (сариссы)—длиною, по меньшей мѣрѣ, отъ 14 до 16 футовъ¹.

Легкая пѣхота (гипасписты) была вооружена по образцу греческихъ (ификратовскихъ) пельтастовъ; но шлемъ и длинное копье послѣднихъ были замѣнены у нея македонскою шапкою и короткимъ копьемъ. Такъ какъ гипасписты находились всегда около царя, какъ его тѣлохранители, то вооруженіе ихъ было, можетъ быть, богаче и красивѣе, чѣмъ остальнаго войска.

Стрѣлки, тоже входившіе въ составъ пѣхоты, раздѣлялись на агріанскихъ аконтистовъ (метателей дротиковъ) и македонскихъ лучниковъ. И тѣ и другіе набирались изъ низшихъ классовъ населенія.

Вооруженіе тяжелой конницы было въ сущности также греческое, но македонскіе кавалеристы сражались, кажется, исключительно копьемъ; а сариссофоры (легкая конница) длинною македонскою пикой.

Въ такомъ положеніи засталъ македонское войско Александръ Македонскій, занявъ престолъ своего отца. Онъ не сдѣлалъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ его устройствѣ, но, въ виду своихъ предпріятій на Востокъ, усилилъ его союзниками и наемными ратниками.—Присоединеніе къ войску разноплеменныхъ отрядовъ, каждый въ національномъ вооруженіи, придавало ему особенную пестроту, которая на походѣ постоянно увеличивалась принятіемъ новыхъ ратниковъ изъ покоренныхъ дорогою восточныхъ народовъ. Увеличеніе массы войска не могло не отразиться на его расчлененіи и вооруженіи. Прежде всего оказалась необходимость въ легкой конницѣ, особенно искусной въ перестрѣлкѣ. Она была образована преимущественно изъ азіатцевъ и раздѣлена на отряды, которые присоединялись къ другимъ частямъ войска (330 до Р. Х.). Къ концу похода, армія Александра приняла въ себя столько разныхъ иноземныхъ элементовъ, что македонская ея основа почти въ нихъ потерялась. Постоянно составлялись новые отряды съ новыми военачальниками. Послѣ „тѣлохранителей“ и „отборныхъ“, явились „аргираспиды“ (названные такъ по ихъ серебрянымъ щитамъ), придворныя пѣхотинцы и др. Кромѣ платы, войскамъ раздавали подарки; войска простирались, какъ у самаго Александра, такъ и у его полководцевъ, восточною пышностью въ одеждѣ и вооруженіи. Армію сопровождали огромные обозы съ военными снарядами и цѣлыя толпы съ женщинами и дѣтьми.

По смерти Александра войско его подѣлилось² между его полководцами, и эксплуатируемое ими для ихъ личныхъ цѣлей, сражалось, такъ сказать, само противъ себя.—Въ Греціи между тѣмъ давно уже почти всё войско бы-

¹ По нѣкоторымъ до 24 фут. Подробно у W. Rüstow etc. 238, not. 17 sqq. —² W. Rüstow u. H. Kochly. 336 sqq.

ло наемное. На его тактику и вооруженіе, войны Александра не имѣли сильнаго вліянія: и та и другое оставались прежнія.

Но въ Македоніи, ¹ занесенное изъ Азіи вооруженіе принялось и смѣшалось съ прежнимъ національнымъ. Тяжелая пѣхота и конница были вооружены по-македонски, а легкая пѣхота и легкая конница, увеличенная наемными, въ томъ числѣ и галльскими отрядами,—по-азіатски.

3. Между тѣмъ какъ воинскій бытъ Грековъ подвергался многократнымъ измѣненіямъ въ теченіе ихъ политической жизни, и рушился вмѣстѣ съ ея паденіемъ, религіозный ихъ бытъ ², какъ издавна тѣсно сросшійся съ ихъ внутреннею домашнею жизнью и перешедшій въ общественную ихъ жизнь уже выработаннымъ, сохранилъ почти безъ перемѣнъ свои завѣщанныя преданіемъ формы.—О церковной догматикѣ, которой учатъ священники, о правовѣріи, которое они были бы обязаны охранять, въ древней Греціи не было и рѣчи. Признавать и почитать боговъ, искони признаваемыхъ государствомъ, служить имъ какъ предписывалъ древній обычай—вотъ все чего требовало государство и жречество отъ гражданъ, и требованіе это всякій могъ исполнить добросовѣстно, такъ какъ никакихъ каноновъ не было и всякому предоставлялось имѣть свое мнѣніе и о богахъ и о значеніи религіозныхъ обрядовъ. Общеобязательнымъ для всѣхъ, почвою, на которой сходились и образованный и простолюдинъ, было почитаніе старыхъ боговъ въ освященныхъ обычаемъ формахъ, и у того и другого оно было большею частью совершенно искреннее и благочестивое“ ³ (до самаго вырожденія и полного упадка культа). ⁴

Если первоначально (въ гомеровскую эпоху) блюденіе и отправленіе культа находилось въ рукахъ лишь немногихъ жрецовъ, вмѣстѣ съ царями и членами ихъ рода, приносить же богамъ жертвы могъ всякій, то все таки съ теченіемъ времени большее разнообразіе и большая торжественность жертвоприношеній потребовали и большаго числа исключительно назначенныхъ для этого лицъ. Но какъ въ старинныхъ родахъ жреческія обязанности передавались отъ одного лица другому, лишь какъ утвержденное обычаемъ право, не сообщая имъ однакожъ никакого высшаго, еще менѣе божественнаго достоинства, такъ точно и установленные впоследствии государствомъ жрецы стояли на ряду со всѣми остальными государственными чиновниками, не пользуясь никакими особыми привилегіями. „Это составляетъ опять-таки характерическую черту той свободы, которая усматривается во всѣхъ греческихъ учрежденіяхъ уже при самомъ ихъ возникновеніи. У всѣхъ, именно восточныхъ народовъ, существовало замкнутое, священное жреческое сословіе, въ силу положительнаго закона господствовавшее надъ народомъ и поучавшее его. У Грековъ ничего такого не было. Жрецы не составляли замкнутаго класса, а большею частью выбирались ежегодно. Если же, въ

¹ Ibid. 358 sqq. — ² Для этого предмета совершенно достаточно будетъ указать на F. Hermann, Lehrbuch der gottesdienstl. Alterthümer der Griechen. Heidelberg. 1846 (составл. II часть его Antiquitäten. etc). Въ этомъ сочиненіи данъ полный и критически обработанный обзоръ всѣхъ источниковъ. Общее развитіе религіозной жизни Грековъ въ сочиненіи того же автора: Culturgeschichte des klassischen Alterthums. I, 46 sqq.—³ Ср. F. Schömann. Das sittlich religiöse Verhalten der Griechen. Greifswald. 1848. S. 19 sqq.—⁴ F. Hermann: Gottesdienstl. Alterth. § 12.

нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, жрецское служеніе опредѣленному бо-
жеству и поручалось исключительно извѣстнымъ родамъ, то это давало имъ
лишь почетное преимущество жертвоприношенія или, самое большее, вре-
менное вліяніе, какъ толкователямъ оракула, но нисколько не возводило ихъ
въ постоянные руководители народа.“¹

Во главѣ государственныхъ чиновниковъ по дѣламъ религіи² — число
которыхъ постепенно умножилось до чрезвычайности, благодаря размноже-
нію какъ самихъ культовъ, такъ и посвященныхъ имъ храмовъ и принадле-
жащаго послѣднимъ имущества — стояли гіеромнемоны, завѣдывавшіе
всѣмъ, что имѣло отношеніе къ внѣшней сторонѣ богослуженія. За ними
слѣдовали эпимелеты, или попечители, какъ администраторы отдѣльныхъ
культовъ въ государственномъ интересѣ, и болѣе или менѣе подчиненные
эпимелатамъ — храмовые зодчіе, казначеи, смотрители и т. д. Гіераполы,
число которыхъ было значительно, составляли какъ бы переходъ къ настоя-
щимъ жрецамъ. Должность ихъ, какъ можно предполагать, заключалась въ
совершеніи жертвоприношеній отъ лица общины (народа). — Распоря-
женіемъ даваемыми государствомъ жертвенными пирами, играми и зрѣли-
щами, равно какъ и закускою жертвенныхъ животныхъ, завѣдывали также
особые чиновники и притомъ довольно значительные. —

Хотя, какъ было сказано выше, собственно служители религіи или жре-
цы³ и не составляли въ Греціи особаго привилегированнаго сословія, одна-
кожь, по своему званію и сопряженными съ нимъ обязанностями, они всё-таки
рѣзко отличались отъ остальныхъ должностныхъ лицъ, какъ люди, такъ ска-
зать, болѣе близкіе къ богамъ. Поэтому, кромѣ другихъ качествъ, коими
обусловливался выборъ въ жрецы, однимъ изъ главнѣйшихъ была совершен-
но безупречная наружность.⁴ Жрецъ даже и своею наружностью долженъ
былъ подходить къ божеству, которому служилъ; по этой причинѣ въ нѣко-
торыхъ мѣстахъ, напр. въ городѣ Эгіонѣ, въ Ахаіи,⁵ и въ Оивахъ,⁶ въ жре-
цы извѣстныхъ божествъ выбирались преимущественно только мальчики
или еще безбородые юноши.

Къ числу привилегій жрецскаго званія принадлежало право занимать
почетныя мѣста въ театрѣ, въ народныхъ собраніяхъ и на всѣхъ обществен-
ныхъ торжествахъ. Но жрецы отличались отъ свѣтскихъ также и своимъ
костюмомъ, который былъ очень красивъ и наряденъ, особенно при слу-
женіи.

Широкая, большею частью полотняная одежда жрецовъ была обыкновен-
но бѣлая, но иногда и цвѣтная, смотря по условіямъ культа. Такъ, статуя
Юпитера Созипописа, въ Магnezіи, была облечена (можетъ быть по обычаю
древнихъ царей) въ пурпуровую одежду и вѣроятно, что такую же одежду
носилъ и жрецъ этого божества. По другимъ свидѣтельствамъ, пурпуровая
одежда играла немаловажную роль въ культѣ подземныхъ боговъ. У Эсхила
(*Eumenid.* 985), Аиина говоритъ хору: „при лучезарномъ свѣтѣ факеловъ

¹ C. Schnaase. *Gesch. der bildenden. Künste.* II, 6 sqq. — ² F. Hermann. *Gottes-*
dienstl. Alterth. § 11 sqq. — ³ *Ibid.* § 33. — ⁴ *Ibid.* § 34. not. 3. — ⁵ Pausan. VII. 24 (2). —
⁶ *Idem.* IX. 10 (2).

сведу я тебя въ Гадесъ, въ темное царство мертвыхъ, съ прислужниками храма свято стрегущими мой ликъ. Пойдемъ же, ты зеница Тезейды, дѣвъ, жонъ и маститыхъ старицъ благородная толпа, одѣтая въ праздничныя, пурпуровыя одежды“...

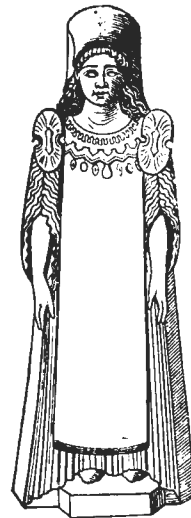
Къ официальному костюму жрецовъ принадлежали вѣнокъ и шерстяная повязка. Смотря потому, какое растеніе было посвящено извѣстному божеству, изъ того и сплетался вѣнокъ жреца этого божества. Свойствами божества, кажется, опредѣлялась также и форма повязки, и даже ея мѣсто на тѣлѣ (на лбу, на рукахъ, на бедрахъ). ¹

При извѣстныхъ торжествахъ жрецы и жрицы даже переодевались на подобіе своихъ божествъ. Сюда относится, между прочимъ, коренившійся въ тиро-сирійскомъ культѣ обычай нао. Костъ, приносить жертвы Гераклу не иначе, какъ въ женскомъ платьѣ, ² и тѣсно связанное съ этимъ обычаемъ переодеванье мужчинъ въ женскія, а женщинъ въ мужскія одежды. Въ числѣ утвари Гераклова храма находились также палицы (аттрибутъ божества), вѣроятно служившія для переодеваній жрецовъ. Точно также при совершеніи элевсинскихъ мистерій главный жрецъ надѣвалъ на себя маску Деметры Кидаріи (Pausan. VIII, 15); жрицы Артемиды являлись въ котомѣ этой богини, съ лукомъ и колчаномъ; ³ ливійскія дѣвицы, въ качествѣ служительницъ Минервы, надѣвали на грудь (вмѣсто эгиды) окрашенныя въ красный цвѣтъ и обшитыя кистями козьи шкуры. ⁴ Жрицы

Фиг. 290.

Фиг. 291.

Аполлона также носили главнѣйшіе атрибуты божества, хотя и при обыкновенной женской одеждѣ (фиг. 290).

¹ F. Hermann. Gottesdienstl. Alterth. § 24. not. 7. — ² Cp. Chr. Movers. Untersuchungen über Religion und die Gottheiten der Phönizier etc. 453. Слѣч. Müller. Dorier I, 452. F. Hermann. § 36. not. 20. — ³ Heliodor. Aethiop. I, 2. — ⁴ A. Böttiger. Amalthea. II, 212.

Такъ какъ по нѣкоторымъ памятникамъ искусства (напр. изображеніе эгіонской Геры въ Ахайи: фиг. 291) ¹ можно заключить, что одѣяніе боговъ и богинь не было всегда и повсемѣстно одинаково, а представляло значительныя различія смотря по времени, мѣсту и племени, ² то такія же различія должны были существовать и въ одеждѣ и переодѣваніяхъ жрецовъ и жрицъ.

Храмовую прислугу ³ составляли лица помогавшія жрецамъ при разныхъ богослужебныхъ обрядахъ; они или выбирались на извѣстные случаи, напр. при общественныхъ жертвоприношеніяхъ, или находились постоянно при храмѣ. При выборѣ прислуги соблюдалось то же требованіе безукоризненной наружности, ⁴ какъ и при выборѣ жрецовъ. Къ постоянной прислугѣ принадлежали неокоры (привратники), герольды, пѣвцы, музыканты, и въ храмахъ женскихъ божествъ—гіеродулы. ⁵ Въ позднѣйшее время въ число прислуги вошли также рѣзники, кравчіе и др. Одежда этихъ лицъ не подлежала никакимъ особымъ установленіямъ; только гіеродулы-женщины должны были, вѣроятно, сообразоваться въ ней съ характеромъ тѣхъ божествъ, при храмѣ которыхъ онѣ служили.

Еще произвольнѣе была вѣроятно одежда независѣвшихъ отъ храмовъ прорицателей и толкователей знаменій; ⁶ но одежда прорицателей при оракулахъ, ⁷ также какъ и вся ихъ обстановка и всѣ сопряженные съ ихъ должностью обряды были подчинены особымъ постановленіямъ. Хотя эти постановленія и могли разниться въ нѣкоторыхъ мелочахъ, смотря по мѣстностямъ, гдѣ были оракулы, ⁸ но въ общемъ всѣ они вѣроятно согласовались съ принятыми при главнѣйшемъ прорицалищѣ Греціи—пиѳійскаго Аполлона въ Дельфахъ.

Здѣсь божество давало отвѣты устами жрицы—пиѳіи. Въ прорицательницы выбирали только дѣвственницъ (въ позднѣйшее время не моложе пятидесяти лѣтъ). ⁹ Одежда пиѳіи состояла изъ длиннаго, короткорукавнаго хитона, вышитой мантии и башмаковъ. ¹⁰ Пожевавъ лавровыхъ листьевъ и выпивъ воды изъ священнаго источника, пиѳія, съ распущенными волосами, садилась на свой треножникъ, который былъ обвитъ лавровыми вѣтвями и окруженъ парами, поднимавшимися изъ подъ него. Отвѣты ея были коротки и отрывисты, и передавались вопрошателямъ (входившимъ въ предхраміе по жребію) истолкованные находившимися при храмѣ жрецами.

Желавшіе спросить оракула должны были прежде всего принести обильныя жертвы и очиститься омовеніями. ¹¹ Увѣнчанные лаврами, съ лавровы-

¹ Th. Panofka. Von dem Einfluss der Gottheiten auf die Ortsnamen (Abhandg. der Ak. Berlin). 1842. Taf. I. Fig. 10. — ² См. O. Müller u. Oesterle. Denkmäler. B. Taf. I sqq. — ³ F. Hermann. § 36. — ⁴ Слѣд. Th. Panofka. Bilder antik. Lebens. Taf. XIII. — ⁵ A. Hirt. Die Hierodulen, Berlin. 1818; J. Kreuser. Der Hellenen Priesterstaat mit vorzüglicher Rücksicht auf die Hierodulen Mainz. 1824. — ⁶ F. Hermann. § 37. — ⁷ Ibid. § 40. — ⁸ Слѣд. O. Müller. Die Dorier I, 218 sqq. F. Hermann § 40. nat. 22. О восточн. оракулахъ въ Сиріи и пр. W. Götte. Das delphische Orakel. 132. — ⁹ W. Götte, ibid. 79. — ¹⁰ P. Jahn. Vasenbilder. Hamburg, 1839. S. 1. Taf. I. Ср. Th. Panofka. Griechinnen. etc. Taf. II. Fig. II. Рисунки въ J. Overbeck, Gallerie heroischer Bildwerke. Atlas. Taf. XXIX. — ¹¹ W. Götte. Das delph. Orakel. 102 sqq.

ми вѣтвями въ рукахъ и одѣтые въ праздничное платье, они подходили къ дверямъ храма съ закрытыми лицами. У входа жрецы окропляли ихъ священной водою и при оглушительномъ звукѣ трубъ и литавровъ подводили къ окруженному полумракомъ треножнику пноія.

По полученіи отвѣтовъ, вопрошавшіе опять приносили жертвы и устраивали пиршества. Во все время своего пребыванія у оракула они носили вѣнки и снимали ихъ только по возвращеніи домой, и посвящали храму Аполлона.

Гораздо болѣе сложнымъ церемоніаломъ сопровождалось полученіе отвѣтовъ отъ оракуловъ снотолкователей. ¹ Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ оракулъ Трофонія въ Ливадіи. ² Подобно всѣмъ оракуламъ вообще, находившимъ себѣ единственную опору въ суевѣріи, которое они эксплуатировали съ помощью оглушающихъ чувства средствъ, ³ оракулъ Трофонія давалъ обильную наживу множеству людей, прикидывавшихся посвященными въ тайную науку и обманывавшихъ народъ, то выпрашивая у него милостыню, то продавая ему разнаго рода амулеты и т. п.

Амулетамъ ⁴ приписывали или особенную цѣлительную силу, или свойство отвращать всякую бѣду и разрушать всѣ чары. Къ числу первыхъ принадлежали кольца съ тайными знаками и различные камни, ⁵ въ особенности аметистъ, ⁶ считавшійся предохранительнымъ средствомъ противъ опьяненія, почему его надѣвали на себя (то въ видѣ кольца на руку, то на шнурокъ на шею) преимущественно на пиррахъ; самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ колдовства почитались изображенія мужскаго дѣтороднаго члена (фаллусы). ⁷ Ихъ навѣшивали на дѣтей для предохраненія отъ глазу, и носили на шеѣ какъ украшеніе. Поэтому фаллусы дѣлались нерѣдко изъ золота и драгоценныхъ камней.

Всѣ эти и имъ подобныя тайныя средства (число которыхъ съ распространеніемъ знаній скорѣе возрастало, чѣмъ уменьшалось) находили себѣ поддержку со стороны перенесенныхъ въ Грецію иноземныхъ культовъ. Къ этимъ же культамъ принадлежали и всѣ нищенствующіе, о которыхъ было упомянуто выше. Не покровительствуемые ни государствомъ, ни господствующимъ культомъ, они искали средства для своего существованія въ обманѣ, и размножились до того, что въ позднѣйшее время образовали изъ себя цѣлыя шайки, изъ которыхъ нѣкоторыя приобрѣли себѣ очень широкую, но небезупречную извѣстность. Таковы были шайки выдававшихъ себя за слугителей „сирійской богини“ галловъ или кибеловъ, бродившія по западнымъ землямъ. Вѣроятно и Греки знали ихъ такими же, ⁸ какими описываетъ ихъ гораздо позднѣе жившій Апулей. ⁹

„Впереди шайки шолъ трубачъ и трубилъ въ кривой, изогнутый на подобіе змѣи рогъ, когда шайка приближалась къ деревнямъ и хуторамъ, или

¹ F. Hermann. § 41. sqq. — ² O. Müller. Orchomenos etc. S. 150 — 160. — ³ W. Götte. Das delphische Orakel. S. 160, 135 sqq. — ⁴ F. Hermann. § 42. not. 17. — ⁵ A. Böttiger. Kl. Schriften (3 Aufl.) III, 411. — ⁶ A. Becker. Charikles II, 294 (32.) — ⁷ J. Emele. Ueber Amulette etc. Mainz. 1827. Съ рисун. Стр. 28, 42 и слѣд. — ⁸ Cp. F. Hermann. § 42. not. 13. — ⁹ Ch. Movers. Untersuch. über die Religion 681.

когда проходила улицами городовъ. За трубачомъ слѣдовали фантастически наряженные нищенствующие жрецы и галлы съ своимъ главою, и вели съ собою осла, который везъ символъ богини и суму съ подаяніями. Они были одѣты въ цвѣтныя женскія одежды и нарумянены какъ женщины; на головахъ у нихъ были тюрбаны. На иныхъ одежда была бѣлая съ красной полосой на переди. Съ засученными до плечъ рукавами и неся въ рукахъ большіе мечи, топоры и бичи, они шли по улицамъ приплясывая подъ дикую музыку трещотокъ, дудокъ, и тимпановъ“.—„Придя на хуторъ, они начинали свои представленія. Испустивъ дикій вой, они смѣшиваются въ кучу и начинаютъ вертѣться, нагнувъ голову такъ низко, что распустившіеся волосы волочатся по землѣ. При этомъ они кусаютъ себѣ руки и даже изрѣзываютъ ихъ своими мечами. Затѣмъ начинается новая сцена. Одинъ изъ нихъ, превзошедшій другихъ въ бѣснованіяхъ, начинаетъ предсказывать стоная и охая; кается передъ всѣми въ содѣянныхъ имъ грѣхахъ и чтобы наказать за нихъ свое тѣло, беретъ узловатый кнутъ, который галлы носятъ при себѣ, бьетъ имъ себя по спинѣ и наноситъ себѣ раны мечами, пока не польетъ ручьями кровь изъ искалеченнаго тѣла. Всѣ оканчивается сборомъ. Одни бросаютъ имъ въ подола мелкія деньги, мѣдныя и серебряныя; другіе приносятъ молока, вина, сыру, меду. Всѣ это съ жадностью схватывается и сваливается въ сумы, навьюченныя на осла, и вся шайка отправляется въ путь до ближайшаго жилья, чтобы тамъ повторить тоже представленіе. На ночлегахъ они вознаграждаютъ себя за вытерпѣнныя днемъ истязанія попойками и, если можно сдѣлать это тайкомъ и случай сведетъ ихъ съ крестьянскимъ мальчикомъ, предаются противуестественному разврату и всякимъ другимъ излишествамъ“.

Кромѣ этого лицемѣрнаго нищенства и продажи амулетовъ, публичная мантика не пренебрегала также и никакими другими средствами для обезпеченія себѣ успѣха. Она старалась выдать себя за обладательницу такой магической силы, которой должны подчиняться даже сами боги, ¹ и такихъ чаръ и заклинаній, которыя въ состояніи раскрывать будущее, управлять волею людей и т. п. Волшебныя средства ея были извѣстные знаки, большею частью совершенно безсмысленныя но странно звучащія слова, и въ особенности нѣкоторыя растенія (напр. плющъ), ² разные питья и эликсиры. Нѣкоторымъ эликсирамъ, приготовленнымъ изъ волшебныхъ травъ, приписывали свойство возбуждать любовь, или пробуждать прежнюю, но охладѣвшую. ³ Особенно дѣйствительнымъ средствомъ достигнуть этой цѣли считалось сжиганіе извѣстныхъ вѣтвей или изображенія любимаго лица. Нѣкоторымъ тѣлодвиженіямъ ⁴ приписывалось также магическое дѣйствіе.

Совершенно отличное отъ упомянутаго, но тѣмъ не менѣе специальное значеніе имѣли тѣлодвиженія и въ чисто-религіозныхъ церемоніяхъ Грековъ, именно при молитвахъ тому или другому божеству. Свойствами божес-

¹ F. Hermann. § 42. not. 18. — ² A. Becker. Charikles. II, 113 (5) — ³ A. Böttiger. Kl. Schriften (2) 1, 124; II, 248. F. Hermann § 42. not. 19. — ⁴ Ср. A. Böttiger. op. cit. I, 82, 87. A. Becker. Charikles. II, 125.

ства обуславливались какъ формула молитвы ¹, такъ и тѣлодвиженія, которыми ее сопровождали. Молясь олимпійскимъ божествамъ, нужно было поднять обѣ руки кверху, загнувъ ихъ слегка назадъ и повернувъ ладонями къ небу; ² при молитвѣ Нептуну, руки простирали впередъ, ³ а молитву подземнымъ божествамъ сопровождали ударами ноги по землѣ. ⁴ Всѣ это должно было дѣлать стоя. ⁵ Сидячее положеніе считалось признакомъ печали; а сидѣть съ сложенными накрестъ руками или обхвативъ ими колѣна, значило выражать неутѣшное горе и совершенное безучастіе ко всему окружающему. ⁶

Для клятвы и проклинанія ⁷ были также установлены особыя формальности, усложнявшіяся, если эти священные по своему характеру дѣйствія сопровождались принесеніемъ жертвы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ и вообще при жертвоприношеніяхъ, требовалось со стороны участвующихъ соблюденіе нѣкоторыхъ постановленій, касавшихся одежды и вообще наружности. Кромѣ предварительныхъ омовеній и очищеній, безъ которыхъ у Грековъ не начиналось ни одно религиозное дѣйствіе, ⁸ приносившіе жертву должны были приступать къ обряду одѣтые какъ жрецъ того божества, которому приносилась жертва—т. е. въ бѣлой одеждѣ, въ вѣнокъ изъ растений посвященныхъ божеству и съ шерстяными повязками, наложенными согласно предписаніямъ культа ⁹.

Такія же или даже большія формальности относительно одежды и внѣшности устанавливались постепенно и для свѣтскихъ людей, принимавшихъ участіе въ религиозныхъ празднествахъ, которыя были очень многочисленны въ Греціи и очень разнообразны, различаясь между собою по мѣстностямъ и культамъ ¹⁰.

Каковы бы ни были эти празднества—общественныя или болѣе частнаго характера, и кѣмъ бы они ни устраивались—частными лицами, общинами или государствомъ (какъ это часто случалось въ позднѣйшую эпоху), главное распоряженіе ими поручалось особымъ, для этой цѣли выбиравшимся лицамъ ¹¹. Одежды этихъ лицъ обуславливались болѣе ихъ должностью, чѣмъ характеромъ праздника, какъ у жрецовъ (см. выше).

Къ празднествамъ, имѣвшимъ одинаково важное значеніе для всѣхъ Эллиновъ, принадлежали четыре народныхъ торжества: олимпійскія, пифійскія, немейскія и истмійскія игры. Учрежденіе этихъ игръ, по всему вѣроятію имѣвшее цѣлю религиозно-политическое единеніе отдѣльныхъ племенъ, теряется въ доисторическомъ мракѣ. Преданіе считаетъ основателями или даже только возобновителями ихъ Пелопса, Геракла, Тезея, Адраста и не

¹ Особен. O. Müller. Handbuch. § 335 sqq.—² A. Böttiger. Ideen zur Kunst-Mythologie. Dresden. 1826. стр. 15. «Geberden bei der Adoration»—и еро же: Kl. Schriften II, 354.—³ B. Friedreich. Realien. 437.—⁴ Ibid.; W. Welker. Griech. Tragik. 295.—⁵ O. Müller. Handbuch. Hermann. I. cit.—⁶ A. Becker. Charikles. II, 125.—⁷ Cp. A. Böttiger, Kl. Schriften (2). 252. A. Becker. Charikles I, 388; F. Hermann, § 22.—⁸ C. Bötticher, Ueber das Heilige und Profane etc. § 4; O. Müller, Die Dorier. I, 327.—⁹ Cp. Th. Panofka, Bilder antiken Lebens. Taf. XIII. Fig. 7.—¹⁰ M. G. Hermann. Die Feste von Hellas, etc. Berlin. 1801; F. Hermann. Gottesdienstl. Alterth. § 49.—¹¹ A. Böckh. Staatshaushalt. I, 224; 487 (22).

ментѣ мнѣическаго Ионта. Для упроченія существованія этихъ игръ были приняты особыя мѣры, важнѣйшею изъ коихъ было объявленіе всеобщаго мира на все время продолженія игръ. Благодаря ему, жители всѣхъ областей Греціи могли совершенно безопасно собираться на игры и являться на нихъ безъ всякаго оружія, даже и въ самый разгаръ внутреннихъ усобицъ.

Олимпійскія игры ¹, повторявшіяся черезъ каждые четыре года, продолжались почти безъ перерывовъ до царствованія императора Θεодосія (394 г. по Р. Х.). Онѣ происходили въ Элидѣ, на живописномъ берегу рѣки Алфея. До эпохи Александра, присутствовать на нихъ и принимать въ нихъ участіе могъ всякій неопороченный Эллинъ, изъ какого бы государства онъ ни былъ. Женщины и дѣвушки къ нимъ не допускались, исключая впрочемъ жрицъ Деметры Хаминны; но женщинамъ дозволялось снаряжать отъ себя колесницы для ристанія.

Всѣ посѣщавшіе игры приходили въ праздничномъ убранствѣ. Особенною пышностью въ этомъ отношеніи отличались теоры, или представители эллинскихъ государствъ на играхъ. Они одѣвались въ богато вышитыя одежды, ѣздили на дорогихъ колесницахъ и жили во время игръ въ роскошно убранныхъ шатрахъ.

Распорядители игръ, въ особенности гелландики, руководившіе гимнастическими упражненіями и состязаніями, были одѣты, подобно гимназіархамъ, въ пурпуровыя мантии и вооружены посохами. Имъ были подчинены жезлоносцы и герольды, обязанные наблюдать за порядкомъ. Сами состязавшіеся выходили на арену въ одномъ только передникѣ, но съ 15 олимпіады, по поводу одного случая ², былъ отмѣненъ и передникъ, и совершенная нагота состязавшихся сдѣлалась правиломъ на гимнастическихъ играхъ ³.

Побѣдители получали въ награду вѣнокъ. Введеніе вѣнковъ въ замѣнъ обычныхъ въ древности (въ гомерическое время) призовъ, приписывалось Дорянамъ и, по преданію, первый вѣнокъ на олимпійскихъ играхъ (именно въ 7-ю олимпіаду) былъ данъ дорійцу Даиклу ⁴ (ср. фиг. 257; 258, b; 262, a). Вѣнки свивали изъ вѣтвей священной маслины, которая росла, среди каменной ограды, въ рошѣ Алтисъ, на берегу Алфея. Раздѣчу вѣнковъ произволилъ одинъ изъ гелландиковъ. Сначала онъ обвязывалъ голову побѣдителя шерстяною повязкою, потомъ надѣвалъ на него вѣнокъ и давалъ ему въ руку зеленую пальмовую вѣтвь. Всѣ собраніе привѣтствовало увѣччаннымъ радостными криками и осыпало его цвѣтами, вѣнками и гирляндами.

¹ J. H. Krause, Olympia oder Darstellung der grossen olympischen Spiele. Wien. 1838.—

² Борцы Гомерова времени еще носили передникъ. «Совершенное обнаженіе при гимнастическихъ упражненіяхъ было введено сначала въ Критѣ и Лакедемонѣ. Въ 15 олимпіадѣ, Орсиппъ изъ Мегары тернеть случайно въ стадіонѣ Олимпіи свой передникъ и черезъ это одерживаетъ побѣду; Акантъ Лакедемонянинъ уже выходитъ на ристалищъ совершенно нагой, и съ тѣхъ поръ нагота становится закономъ для состязавшихся въ бѣганьи, но для прочихъ атлетовъ она была введена лишь незадолго до Фукидида»—O. Müller. Handbuch. § 465 (4). «Даже Александръ Македонскій, когда онъ приносилъ жертвы богамъ и героямъ на берегу Пліона, раздѣлся до нага, чтобы состязаться въ бѣганьи вокругъ гроба Ахилла»—C. Schnaase. Gesch. der bildenden Künste. II, 109.—³ Th. Rappoldka. Bilder antiken Lebens. Taf. II; ерo же: Griechinnen.—⁴ O. Müller. Die Dorier. I, 301.

Олимпійскія игры, какъ несомнѣнно древнѣйшія, послужили вѣроятно образцомъ для остальныхъ, т. е. пифійскихъ, немейскихъ и истмійскихъ,¹ такъ какъ на всѣхъ этихъ играхъ повторялось тоже самое, что и на олимпійскихъ. Нѣкоторую особенность представляли, и то уже въ позднѣйшее время, немейскія игры.² Такъ какъ съ марафонской битвы онѣ сдѣлались вмѣстѣ и поминальнымъ торжествомъ въ честь павшихъ въ бою, то выбираемые на нихъ судьи или гелланоидики одѣвались не въ пурпурныя, а въ траурныя одежды. Въ остальномъ же всё различіе названныхъ игръ между собою и олимпійскими сводилось, главнымъ образомъ, на различіе побѣдныхъ вѣнковъ и то лишь относительно растений, изъ которыхъ они сплетались и которыя обуславливались мѣстными культами. На пифійскихъ играхъ (за исключеніемъ золотого вѣнка, назначеннаго Язономъ тому, кто пожертвуетъ пифійскому Аполлону самага красиваго быка)³ побѣдители получали вѣнки лавровые; на немейскихъ, до персидскихъ войнъ — маслячныя, послѣ этихъ войнъ — изъ плюща; на истмійскихъ, въ древности — тоже изъ плюща, позднѣе — изъ сосновыхъ вѣтвей, а потомъ снова изъ плюща (на этихъ играхъ гелланоидики были тоже въ вѣнкахъ). На всѣхъ играхъ, побѣдители, кромѣ вѣнка, получали также и пальмовую вѣтвь, а на пифіяхъ иногда еще яблоки⁴.

Что касается особенностей тѣхъ многочисленныхъ празднествъ, которыя происходили въ средѣ каждаго отдѣльнаго племени, то теперь едва ли можно намѣтить ихъ даже въ общихъ чертахъ, и еще менѣе изложить въ подробности. А что такія особенности существовали, это несомнѣнно, ибо есть довольно если не ясныхъ указаній, то по крайней мѣрѣ намековъ на нихъ. Руководясь этими намеками, можно почти съ достовѣрностью заключить, что на пелопонезскихъ празднествахъ принимали участіе и женщины. Такъ было въ Ахаіи, Аркадіи и Элидѣ⁵. Въ послѣдней области нѣкоторыя священныя игры и отправлялись только женщинами. Таковы были повторявшіеся черезъ каждые пять лѣтъ Герейи, установленныя въ честь Геры. Въ распорядительницы празднества выбирались шестнадцать женщинъ, и такое же количество прислужницъ. Въ играхъ, происходившихъ при этомъ и состоявшихъ въ бѣганьи въ запуски, принимали участіе однѣ только дѣвушки. Онѣ выходили на арену одѣтыя въ короткіе дорическіе хитоны (фиг. 248, b) и раздѣлялись на группы по возрасту. Побѣдительницы получали маслячную вѣтвь и часть жертвеннаго мяса. Кромѣ того, имъ дозволялось выставять публично свои статуи.

Нѣкоторыя изъ пелопонезскихъ празднествъ сопровождались переряживаньемъ мужчинъ въ женское, а женщинъ въ мужское платье; другія, напр. спартанскія гимнопедіи — военными плясками, которыя исполнялись молодыми людьми совершенно нагими, но вооруженными племомъ, мечомъ и щитомъ.⁶ Обряды иныхъ празднествъ отличались даже крайнею суровостью —

¹ J. H. Krause. Die Pythien, Nemeen und Isthmien aus der Schrift und Bildwerken des Alterthums dargestellt. Leipzig. 1841. — ² Krause. Op. cit. 107—165. — ³ Ibid 38. — ⁴ Ibid. 49. — ⁵ Cp. Pausan. V, 16 (1). — ⁶ O. Müller. Die Dorier. II; 338; рисунки въ: Th. Panofka, Bilder antiken Lebens. Taf. IX, Fig. 3.

таково было бичеванье (мальчиковъ) передъ алтаремъ Артемиды, на праздниѣ въ честь этой богини.

Ни въ одной изъ греческихъ областей праздника не были такъ многочисленны и нигдѣ не отправлялись они съ такимъ блескомъ и великолѣпьемъ, какъ въ Аттікѣ, ¹ благодаря прирожденной іоническому племени склонности къ блестящимъ зрѣлищамъ и всякаго рода увеселеніямъ. Роскошь обстановки при главнѣйшихъ аттическихъ торжествахъ доходила иногда до того, что издержки на нее истощали государственную казну ².

Празднества начинались съ первыхъ дней аттического года; но самыми блестящими изъ нихъ были празднества въ честь богини Аѣны—большія и малыя панаѣнеи, отправлявшіяся, первая черезъ каждые четыре года, а послѣднія ежегодно, въ Аѣнахъ—городѣ, состоявшемъ подъ особымъ покровительствомъ богини. Въ большихъ панаѣнеяхъ принимало участіе все населеніе Аттіки, безъ различія пола и возраста. Въ длинной процессіи, раздѣлившись на хоры, шли, по убраннымъ гирляндами изъ дубовыхъ листьевъ улицамъ и площадямъ, мужи и юноши, жены и дѣвицы, сопровождая въ храмъ Аѣны желтую одежду ³, сотканную для древней статуи богини аѣнскими дѣвушками. Главное мѣсто въ процессіи занимала богато убранная, двигавшаяся на каткахъ ладья, къ которой одежда богини была прикрѣплена въ видѣ паруса. Свободнорожденные гражданки-дѣвушки несли на головахъ корзины съ дарами и приношеніями—что считалось для нихъ особеннымъ почетомъ ⁴; за ними слѣдовали прислужницы, одѣ съ жертвенною утварью, другія съ зонтиками и креслами для своихъ господъ. Старцы, съ оливковыми вѣтвями въ рукахъ, представители гражданскихъ родовъ съ своими родичами, ремесленники, предводимые своими старшинами, шли по-парно оди за другими. Къ нимъ примыкали, въ такомъ же порядкѣ, молодые люди въ красивомъ вооруженіи. По окончаніи религіознаго обряда начинались игры и состязанія. Вооруженные борцы выходили съ копьемъ и щитомъ, но безъ меча ⁵. Награды побѣдителямъ состояли въ глиняныхъ сосудахъ наполненныхъ священнымъ масломъ ⁶. Кромѣ этихъ игръ, состоявшихъ не только изъ гимническихъ упражненій, но и изъ верховой ѣзды, бѣгання и скачки съ факелами, на панаѣнеяхъ происходили состязанія хоровъ, хорегіи, пирріихи и др. Со времени Пизистрата къ нимъ прибавились рапсодіи, а съ Перикла и музыкальныя состязанія.

Совершенную противоположность этимъ строго религіознымъ, благоговѣйно отправлявшимся празднествамъ (къ которымъ слѣдуетъ отнести и праздники соединенные съ мистеріями) составляли діонисіи — торжества въ честь Вакха. Радостный характеръ этихъ празднествъ давалъ полный просторъ природной веселости народа и его любви къ забавамъ, хотя съ другой стороны потворствовалъ и его чувственности. ⁷ Главную роль въ діонисіяхъ—и безъ сомнѣнія уже съ самого ихъ учрежденія въ незапамятныя вре-

¹ F. Hermann. § 54 sqq.—² Böckh. Staatshaushalt. I, 224 (12).—³ A. Böttiger, Kl. Schriften III, 455.—⁴ Ibid. 282.—⁵ Th. Panofka. Griechinnen etc. стр. 9.—⁶ G. Kramer. Ueber Styl und Herkunft der griech. Thongefässe, стр. 88.—⁷ F. Hermann, Gottesdienstl. Alterth. § 31. not. 9; § 57 sqq.

мена — играло переряживание участвующих Діонисомъ (вѣроятно по восточному его типу—въ желтомъ хитонѣ, пурпуровой мантии и виноградномъ вѣнкѣ) ¹ съ толпою его спутниковъ и спутницъ ² (послѣднія — съ непремѣннымъ тирсомъ въ рукѣ и козьею шкурой на плечахъ: фиг. 292). Эти первоначально грубыя воспроизведенія въ лицахъ шествія веселаго бога были зерномъ, изъ котораго выросли и развились въ послѣдствіи драматическая поэзія и сценическое искусство.

Фиг. 292.

Первый шагъ на этомъ пути сдѣланъ былъ въ Атикѣ уроженцемъ Икаріи, Ѳесписомъ, ³ который къ хорическимъ, довольно не складнымъ, представленіямъ изъ діонисова міа прибавилъ монологическій рассказъ, произносившійся какъ бы въ отвѣтъ хору, отдѣленнымъ отъ него актеромъ. Аѳинянинъ Фринихъ (511 — 476) пошелъ далѣе: не ограничиваясь одними міаами, онъ сталъ выбирать для представленія произвольные сюжеты, даже съ участіемъ въ нихъ женщинъ, и

этимъ намѣтилъ отдѣленіе комическаго элемента отъ трагическаго. * Эти попытки, найдя себѣ сочувствіе въ народѣ и поддержку со стороны общественныхъ властей, открыли путь обоимъ родамъ драматической поэзіи. Особенно быстро развилась трагедія, преимущественно въ Атикѣ, благодаря гению знаменитыхъ трагиковъ—Эсхила (525—456), Софокла (496 — 406) и Эврипида (480 — 406), изъ которыхъ первый усилялъ и сценическія

¹ O. Müller, Handbuch. § 366 (3).—² Cp. F. Creuzer, Ein alt—athenisches Gefäss. S. 28; Th. Panofka, Dionysos und Thyaden. Berl. 1852.—Рисунки, относящіеся къ вакхическому культу, преимущественно въ O. Müller und Oesterlein, Denkmäler der alten Kunst, fortgesetzt von Wieseler. B. Taf. XXXI sqq.—³ Для нижеслѣдующаго см. F. Hermann, Lehrbuch der gottesdienstl. Alterth. § 59; егo же: Culturgesch. der Griechen und Römer I, 162. § 29; W. Wachsmuth, Allg. Culturgesch. I, 241. О сценѣ—Kannegiesser, Genelli, Schneider и др. особенно W. Geppert, Die altgriechische Bühne. Berlin. 1843; P. Wagner, Die griech. Tragödie und das Theater zu Athen, Leipzig. 1844; о костюмахъ, постановкѣ пьесъ и пр. подробныя изысканія Визелера (Das Satyrspiel. Götting. 1850) и егo же: Theatergebäude und Denkmäler des Bühnenwesens bei den Griechen und Römern. Mit 14 Tfln. Göttingen. 1851. 4.

* При жертвоприношеніи Вакху, хоръ, раздѣленный на двѣ половины, пѣлъ дивирамбы, сложенные въ честь бога, сопровождая пѣніе соответствующими тѣлодвиженіями. Ѳесписъ, къ пѣнію дивирамбовъ присоединилъ, въ видѣ вступленія и эпизода, эпическій рассказъ, заимствованный изъ міаа о Діонисѣ и произносившійся въ метрическихъ стихахъ актеромъ, который, перебивая маски, представлялъ одно за другимъ дѣйствующихъ лицъ разсказа. Выслушавъ разсказъ, хоръ выражалъ свои мысли и чувства о слышанномъ и такимъ образомъ между нимъ и актеромъ устанавливался родъ разговора. Въ роли актера первый выступилъ самъ Ѳесписъ, въ холщевой маскѣ. Фринихъ началъ брать для подобныхъ разсказовъ сюжеты не только изъ всего круга міаическихъ связей, но и изъ историческихъ преданій. Прим. пер.

ея средства съ одной стороны тѣмъ, что прибавилъ еще одного актера и создалъ такимъ образомъ діалогъ, съ другой—введеніемъ перемѣнныхъ костюмовъ для дѣйствующихъ лицъ. Софокль распространилъ діалогъ Эсхила, увеличивъ число актеровъ еще однимъ. Послѣ Эврипида слѣдовали Ахей, Софифонъ и др. трагики; но при нихъ трагедія начала уже замѣтно падать: внутреннее содержаніе ея стало мельчать, тогда какъ сценическая обстановка дѣлалась всё великолѣпнѣе. Подъ македонскимъ владычествомъ трагедія еще болѣе утратила свое достоинство и, низойдя до простаго зрѣлища, ударились въ остроуміе и искусственность

Одновременно съ трагедіей, но совершенно самостоятельнымъ путемъ, развивались комедія и такъ называемая сатирическая драма. Первая получила свое начало у Дорянъ и возникла изъ шуточныхъ пѣсень и забавныхъ сценъ ¹, которыя импровизировались на сельскихъ діонисіяхъ участвовавшими въ фаллическихъ процессіяхъ. Въ болѣе облагоустроенномъ видѣ и уже съ самостоятельнымъ характеромъ появилась она впервые, какъ полагаютъ, у Мегарянъ, которые и сами приписывали себѣ ея изобрѣтеніе (что тоже признается вѣроятнымъ) ².

Первымъ, введшимъ комедію въ Аттікѣ (именно въ демѣ Икарія), называютъ мегарянина Сузаріона изъ Триподискоса. ³ Къ нему примкнули поэты Хиноидъ и Магнесъ. Но національная аттическая комедія началась только съ Кратеса и Кратина (455 г.). Эвполисъ (429 г.) продолжалъ, а за нимъ Аристофанъ (386 г.) закончилъ ея развитіе, давъ ей исключительно политическое направленіе. Съ паденіемъ могущества Афинъ пала и комедія: лишенная необходимой для нея свободы ⁴, она обратилась къ обыкновенной будничной жизни и только изъ нея черпала свое содержаніе.

Сатирическая драма ⁵, по характеру своему занимавшая какъ-бы средину между комедіей и трагедіей, давалась большею частью въ видѣ дивертисемента послѣ трагедій, чтобы смѣлыми выходками и мѣткими насмѣшками, составлявшими главную долю ея содержанія, снова развеселить публику, серьезно настроенную трагическимъ представленіемъ. — Особые виды драмы, изобрѣтеніе которыхъ приписывается Эпихарму и Софрону изъ Сициліи, сиракузцу Теоокриту и тарентинцу Ринтону (300 г.), были во-первыхъ—мимическія представленія наиболѣе важныхъ сценъ изъ міоологіи ⁶, во-вторыхъ, такъ называемыя „гиларотрагедіи“ или траги-комедіи (въ которыхъ грустное смѣшано съ веселымъ).

Также мало, какъ о началѣ драматическихъ представленій, знаемъ мы и о происхожденіи собственно театральнаго костюма. Долго ли замѣняли его обычныя на діонисіяхъ переодѣванья; какія перемѣны сдѣланы были въ послѣднихъ Описаніяхъ для введеннаго имъ актера, и т. д.—намъ неизвѣстно. Нѣтъ сомнѣнія впрочемъ, что эти переодѣванья не были вездѣ и всегда одинаковы, но принимали то болѣе шуточный, то болѣе серьезный характеръ, соотвѣтственно смыслу самихъ празднествъ.

¹ O. Müller. Die Dorier. II, 340.—² Ibid. 342. F. Hermann. Gottesdienstl. Alterth. § 59. not. 25.—³ M. Duncker. Gesch. des Alterth. IV. 496 (Berl. 1857).—⁴ F. Hermann. Culturgesch. I, 171.—⁵ M. Duncker. op. cit. IV, 495.—⁶ W. Wachsmuth, Allg. Culturgesch. I, 243. F. Hermann. Gottesdienstl. Alterth. § 29: not. 23.

Древнѣйшій и самый первобытный способъ наряжанья, употреблявшійся поселянами на самомъ веселомъ изъ праздниковъ Вакха — собираніи винограда, состоялъ единственно въ томъ, что празднующіе надѣвали на себя вѣнки изъ плюща или тростника, и размазывали себѣ лицо сажей и винною гущей. Въ такомъ убранствѣ, и неся съ собою символъ плодородія — фаллусъ, они отправлялись процессіей для принесенія жертвъ Вакху, послѣ чего начинались попойки и шумныя забавы всякаго рода. Со временъ Аріона вошло въ обычай, чтобы часть хора, нарядившись сатирами, сопровождала церемонію жертвоприношенія пляскою и пѣніемъ, что и могло послужить ближайшимъ поводомъ къ введенію переодѣваній и на сценѣ, сначала только въ комедіи. Намазыванье лица сажей и винною гущей могло повести къ употребленію масокъ (хотя онѣ уже очень рано употреблялись при религіозныхъ церемоніяхъ у древнихъ Египтянъ и у восточныхъ народовъ), а наряжанье сатирами — къ костюмировкѣ актера, въ которую конечно вошелъ и фаллусъ, тоже въ комическомъ видоизмѣненіи, комизмъ котораго намъ показался бы однакожъ страннымъ. Въ комическомъ представленіи — „фаллофоры“, актеры надѣвали вѣнки и вымазывали себѣ лицо сажей¹; съ размалеваннымъ лицомъ вмѣсто маски, выходилъ на сцену и Аристофанъ, но только одинъ разъ², такъ какъ въ его время подобное появленіе на сценѣ было уже отступленіемъ

отъ общаго правила, требовавшаго, чтобы и второстепенныя даже роли были играемы въ маскахъ. Введеніе характерной маски въ трагедіи — приписываютъ Эсхилу.³

Маски⁴ изготовлялись ваятелями, сообразно съ характеромъ той роли, для которой назначались. Для боговъ и героев дѣлались маски сходныя съ установленными для тѣхъ и другихъ художественными типами. Въ старой комедіи⁵ употреблялись портретныя маски, въ которыхъ зрители узнавали извѣстныя всѣмъ личности; этимъ маскамъ нерѣдко давали карикатурныя черты. Въ македонскую эпоху, когда портретныя маски были строго запрещены и чтобы избѣжать всякаго, хотя бы и случайнаго, сходства съ высокопоставленными лицами, въ особенности съ македонскими государями, стали дѣлать почти всѣ маски безъ исключенія съ уродливо-расширеннымъ ртомъ (фиг. 293 а. б).

Фиг. 293.

¹ O. Müller. Die Dorier. II, 341. Anm. 1. — ² F. Wieseler. Theatergebäude. S. 53. — ³ Ср. между проч. W. v. Schlegel. Ueber dramatische Kunst und Litteratur (2 Ausg.) Heidelberg, 1817. I, 90 sqq. — ⁴ H. C. E. Köhler. Masken. Ihr Ursprung und neue Auslegung einiger der merkwürdigsten auf alten Denkmälern. St. Petersburg. 1833. F. Wieseler. Theatergebäude u. s. w. S. 41. Taf. V. — ⁵ Т. е. политической, представителемъ которой былъ Аристофанъ.

Маска закрывала всё лицо актера, даже бѣлки его глазъ (фиг. 293. с). Полумаски были извѣстны, но сомнительно употреблялись ли онѣ на сценѣ ¹. Существенную часть костюмировки составляли парики; они прикрѣплялись къ маскамъ посредствомъ особливаго приспособленія (onkos).

Такъ какъ маска съ парикомъ увеличивали голову несоразмѣрно съ остальными частями тѣла, что должно было особенно непріятно поражать въ трагедіяхъ, нарушая цѣлостность эстетическаго впечатлѣнія, и такъ какъ разстояніе между зрителями и дѣйствующими на сценѣ актерами было слишкомъ велико, то были приняты мѣры, чтобы устранить эти недостатки искусственными средствами. Они состояли въ томъ, что актеры (въ трагедіи), чтобы казаться выше надѣвали котурны (родъ башмаковъ или ботинокъ на очень толстой подошвѣ) ², и увеличивали размѣры своего тѣла посредствомъ подушекъ, размѣщенныхъ надлежащимъ образомъ подъ одеждою. Комические актеры котурны не носили, а обувались вѣроятно въ обыкновенные башмаки (embates).

Въ костюмѣ актеровъ сообразовались также съ характеромъ играемыхъ ролей, безъ особенной однакожъ точности. Боговъ и героевъ представляли съ тѣми атрибутами, которые имъ были присвоены преданіемъ; царей, вождей и т. п. лицъ — съ характеристическими отличіями ихъ сана ³. Можно предполагать, что на сценѣ допускались и цвѣтныя одежды; особенно хоръ, въ позднѣйшее время, былъ обыкновенно богато костюмированъ ⁴.

Употребленіе нарядныхъ одеждъ на сценѣ, въ извѣстныхъ родахъ драмы, подтверждается весьма многими изображеніями на вазахъ (ср. фиг. 177. б); ⁵ другія изображенія представляютъ костюмъ комическихъ актеровъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ роляхъ. На рисункѣ, представляющемъ Геркулеса съ пойманными имъ керкопами передъ царемъ (фиг. 294), и на другомъ: Зевсъ и Гермесъ въ образѣ слугителей подъ окномъ Алкмены (фиг. 295),—фигуры уродливо утолщены, но снабжены свойственными имъ атри-

Фиг. 294.

бутами (корона, палица, жезлъ и т. д.) и кромѣ того фаллусами (для большей видности фаллусы окрашивали въ ярко-красную краску) ⁶. Не смотря

¹ F. Wieseler. Theatergebäude. S. 45.—² F. Wieseler. Das Satyrspiel. 80.—³ Cp. O. Müller. Handbuch. § 339 (2); F. Wieseler, Theaterg. 35. Taf. IV. 10; 12. —⁴ A. Böckh. Staatshaush. I, 489 sqq.—⁵ F. Wieseler, Taf. VI. Fig. 2.—⁶ Ero же: Das Satyrspiel, 116; 142.

на то, что на подобных рисунках часто встрѣчаются женскія фигуры, остается сомнительнымъ, дѣйствительно ли женскія роли исполнялись женщинами;

Фиг. 295.

мало этого, въ точности неизвѣстно, допускались ли женщины въ театръ, особенно въ комедію, даже и простыми зрительницами ¹.

Постройки.

Заселившія Грецію племена, найдя въ занятой ими странѣ неистощимые запасы легко добываемаго и удобнаго для обработки известковаго камня, естественно, начали строить себѣ каменные жилища. Самое имя Пелазговъ (lâs—камень) и рано отдѣлившись отъ нихъ Тирреновъ (строителей, обитателей башенъ) непосредственно связано съ существованіемъ у нихъ каменныхъ жилищъ. Уже въ древности они считались основателями городовъ и замковъ, а Эпиръ и Θεσσαλία—тѣми мѣстностями, гдѣ первые города и замки были основаны. ² Древнѣйшія развалины относятся именно къ этимъ первоначальнымъ сооруженіямъ. ³ Онѣ разсѣяны почти по всей Греціи и ея островамъ, ⁴ и представляются въ видѣ громадныхъ обломковъ колоссальныхъ стѣнъ, оградъ и плотинъ.

Къ древнѣйшимъ изъ этихъ памятниковъ принадлежатъ, вѣроятно, нѣкоторыя ограды самой первобытной кладки. По громадной затратѣ физической

¹ Ср. A. Becker, Charikles II, 249 и слѣд. и F. Hermann, Gottesdienstl. Alterth. § 43 not. 9.—² F. Hermann, Culturgesch. der Griechen und Römer. I, 25. M. Düncker, Gesch. des Alterth. III, 20.—³ Ср. F. Thiersch, Über das Erechtheum auf der Burg zu Athen. München 1850. — ⁴ Вообще о развалинахъ см. W. Gell, Probestücke von Städtewauern des alten Griechenlands. Aus dem Englischen. Mit 47 Abbild. München 1831; O. Müller, Handbuch. § 45; C. Schnaase, II, 162 sqq.; F. Kugler, Gesch. der Baukunst. I, 138.

силы, которую предполагает ихъ сооруженіе (а по новѣйшимъ мнѣніямъ по причинѣ ихъ циклопидальной формы), ¹ онѣ и подобныя имъ развалины, на западномъ берегу Малой Азіи, назывались уже въ древности циклопическими постройками. ² Развалины древняго Тирина, въ Арголидѣ, ³ и до сихъ поръ еще оправдываютъ это названіе, заимствованное отъ гигантской породы циклоповъ. Онѣ заключаются въ остаткахъ городской стѣны, обозначающихъ прежнюю окружность города. ⁴ Стѣна, толщиною въ 25 фут., сложена изъ навороченныхъ одна на другую совершенно необдѣланныхъ и ничѣмъ не связанныхъ каменныхъ глыбъ, около 12 фут. длины при соответствующей толщинѣ. Мѣстами въ ней продѣланы крытые (посредствомъ наклонно другъ къ другу поставленныхъ камней) ходы въ 5 фут. ширины и видны слѣды запертыхъ воротъ и выступовъ, которые могли быть основаніемъ башенъ. Одинъ изъ ходовъ открывается въ крытую же галлерею съ выходомъ въ родѣ двери. Не смотря на грубую кладку, вся постройка (выведенная на возвышеніи около 30 фут.) кажется расположенною по известному плану. Всѣ въ ней отзывается временемъ грубой силы и, вызванной ею, необходимостью защищаться во что бы то ни стало ⁵.

Этимъ развалинамъ вѣроятно немного уступаютъ въ древности развалины замка Микенъ, ⁶ основаннаго, по преданію, Атридами, въ 11-мъ столѣтіи до Р. Х. Построенный на скалистомъ уступѣ, возвышающемся къ сѣверу отъ Аргоса, замокъ этотъ былъ оцлотомъ и вмѣстѣ средоточіемъ лежавшаго подъ нимъ, уже Гомеромъ прославленнаго ⁷ города Микенъ, отъ котораго остались тоже слѣды стѣнъ. Развалины замка, состоящія изъ остатковъ его наружной стѣны, представляютъ почти постепенный переходъ отъ простаго нагроможденія колоссальныхъ глыбъ, какъ въ Тиринѣ, до кладки изъ правильно обтесанныхъ полигоновъ. Нѣкоторыя части ихъ—можетъ быть остатки самодревнѣйшей стѣны—кладены еще первобытнымъ, циклопическимъ способомъ; но гораздо болѣе значительная часть показываетъ уже дальнѣйшее усовершенствованіе этой кладки, именно, неправильныя глыбы замѣнены въ ней полигонами, такъ искусно пригнанными другъ къ другу, что, несмотря на отсутствіе цемента и какихъ бы то ни было связей, они образуютъ необыкновенно плотную, почти неразрушимую стѣну. Другія части развалинъ сложены изъ большихъ прямоугольныхъ глыбъ и притомъ такъ, что въ трехъ и болѣе рядахъ спая глыбъ приходится одни подъ другими, образуя вертикальную линію, между тѣмъ какъ облицовка воротъ изъ отесанныхъ продолговатыхъ камней показываетъ обыкновенную кладку съ чередующимися спаями.

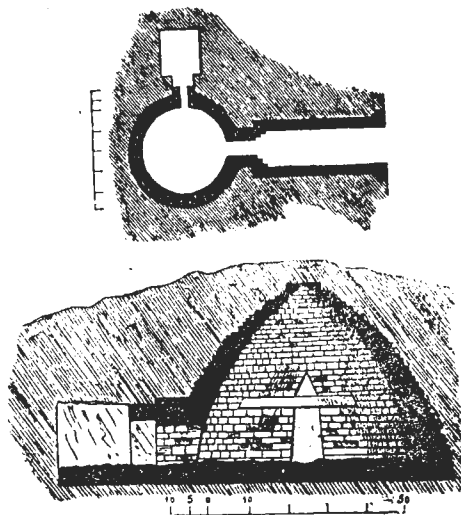
Гораздо замѣчательнѣе стѣнъ, по кладкѣ не отличающихся отъ всѣхъ другихъ пелазгическихъ развалинъ, сами входы. Ихъ сохранилось всего три. Одинъ изъ нихъ, сравнительно очень небольшой, есть, собственно говоря, не болѣе, какъ простой треугольный островерхій проломъ въ стѣнѣ; второй (болѣе шій) состоитъ изъ двухъ колоссальныхъ четырехугольныхъ камней и положенъ

¹ Cp. W. Göttling. *Archaeol. Ztg.* 1845. № 26. — ² F. Hermann, *Staatsalterthümer.* § 8. not. 4. — ³ O. Müller, *Handbuch.* § 45. (1). — ⁴ J. Gailhabaud. *Denkmäler.* Lfrg. 21, и M. Duncker. III, 211 sqq. — ⁵ Cp. E. Curtius. *Griech. Gesch.* I, 79. — ⁶ F. Gailhabaud *Liefgr.* 43. — ⁷ *Iliad.* IV. 52; VII, 180.

ной на них каменной же поперечины. Третій входъ, наконецъ, лежащій на западной сторонѣ между двумя примыкающими къ нему кусками стѣны, гораздо больше и массивнѣе остальныхъ и въ добавокъ украшенъ рѣзбою, отличающею его отъ нихъ, какъ главный входъ. Рѣзба эта, по которой и самый входъ получилъ названіе „львиныхъ воротъ“, представляетъ недостаточно еще объясненное символическое изображеніе алтаря между двумя стоящими на заднихъ лапахъ львами.¹ Она высѣчена очень выпуклымъ рельефомъ на каменной плитѣ въ два фута толщины, закрывающей треугольное отверстіе, которое у большей части воротъ изъ этой эпохи оставалось надъ притолокой для уменьшенія лежащей на ней тяжести. Длина притолоки не менѣе 14 фут., ея толщина—4½ фута. Поддерживающіе её воротные столбы (монолиты какъ и она) поставлены наклонно одинъ къ другому (какъ и у втораго входа), такъ что разстояніе между ними вверху составляетъ только 10 фут.

Если уже въ этихъ (пелазго-ахейскихъ) развалинахъ замѣтно значительное усовершенствованіе въ строительной техникѣ, даже нѣкоторое стремленіе къ художественности, сравнительно съ развалинами древняго Тириня и другихъ пелазгическихъ городовъ, то еще болѣе это видно на нѣкоторыхъ остаткахъ сооружений, лежащихъ ниже замка, въ окрестностяхъ старинной городской стѣны. Таковы остатки четырехъ подземныхъ покоевъ, расположенныхъ одинъ напротивъ другаго. Самый большій изъ нихъ и лучше другихъ сохранившійся извѣстенъ подъ названіемъ „сокровищницы Атрея“,

Фиг. 296.

даннымъ ему Павзаніемъ (II, 16, 5), также и „гробницы Агамемнона“, и былъ не разъ описанъ и срисованъ. Онъ представляетъ куполообразное, похожее на улей сооруженіе въ 40 фут. поперечника и 50 фут. вышины (фиг. 296). Прямостѣнный, изъ громадныхъ плитъ складенный, открытый

¹ Ср. объ этомъ особенно Е. Gerhard. *Mykenische Alterthümer*. Berlin. 1850. S. 10 sqq.

ходъ, въ 20 фут. ширины и 60 длины, ведетъ ко входу, который вообще походить на главные ворота замка, съ тою только разницею, что какъ столбы, такъ и притолока, обтесаны остроугольно и что отверстіе надъ притолокой не заложено. Высота входа равняется 20 фут.; ширина — $7\frac{1}{2}$ ф. Куполообразная внутренность покоя выведена, какъ въ гробницахъ Херсонеса таврическаго (фиг. 217), изъ четырехугольныхъ камней, кладенныхъ горизонтальными, кверху постепенно сближающимися рядами, и только съ внутренней стороны выкрагленнхъ. По найденнымъ въ стѣнахъ отверстіямъ и мѣднымъ гвоздямъ съ висѣщими на нихъ кусками мѣдныхъ листовъ, можно предполагать, что стѣны до извѣстной высоты были прежде одѣты металлическою обшивкою. Изъ покоя небольшой корридоръ ведетъ въ продолговатую камеру, высѣченную въ скалѣ. Найденные вблизи главнаго входа обломки колонн¹ и т. п. изъ краснаго, зеленаго и бѣлаго мрамора, съ простыми украшеніями изъ ломанныхъ, спирально и кругообразно изогнутыхъ линий, совершенно подобными кельтическимъ² (ср. фиг. 227 и фиг. 241), принадлежали вѣроятно къ виѣшнему убранству большаго, обложеннаго мѣдью покоя.

Хотя настоящее назначеніе этого сооруженія остается и до сихъ поръ неразъясненнымъ, однакожъ представляется вѣроятнымъ общепринятое мѣненіе, что только небольшая камера служила гробницею, а предшествующій ей круглый покой былъ мѣстомъ, гдѣ хранились схороненныя съ покойнымъ сокровища и т. п.

Дальнѣйшіе остатки подобныхъ сооруженій,—которыя, какъ явствуетъ изъ указаній самыхъ древнѣйшихъ греческихъ писателей,³ въ значительномъ количествѣ существовали въ гомерическое время и позднѣе служили для разнообразнаго употребленія, между прочимъ даже для тюремъ—хотя и были изслѣдуемы, однакожъ не представляютъ большаго интереса. Таковы развалины предполагаемой „сокровищницы Менелая“, близъ древнихъ Амиклъ, — потомъ, остатки казнохранилища Миніаса — сооруженія, которое Павзаній называетъ „диковинымъ, неуступающимъ никакому гелленскому зданію“,—въ мѣстности древняго, уже Гомеромъ упоминаемаго Орхомена, въ Беотіи (Ил. IX, 381). Отъ этого зданія, которое было „кругло, но неслишкомъ островерхо, сложено изъ камней и сверху накрыто однимъ только камнемъ“, уцѣлѣлъ одинъ главный входъ. Онъ складенъ изъ шести правильно обтесанныхъ глыбъ бѣлаго мрамора, почему можно предположить, что и всё зданіе было выстроено изъ того же самаго матеріала; выгибъ же уцѣлѣвшихъ частей его даетъ возможность опредѣлить его поперечникъ въ 64—70 футовъ.

¹ J. Gailhabaud. Denkmäler. Lfrg. 66; E. Guhl u. J. Caspar. Denkmäler der Kunst. I Bd. Tfl. 1. Fig. 10—14.—² Если Куглеръ (Gesch. der Baukunst) такимъ же образомъ уподобляетъ ихъ древнеассирійскимъ орнаментамъ, то послѣ сказаннаго нами объ отношеніи Кельтовъ къ древнеазійскимъ племенамъ вообще, и въ особенности въ дѣлѣ техническаго развитія и т. п., въ этомъ нельзя видѣть никакого противорѣчія. Въ настоящемъ случаѣ, выставляемое на видъ сходство оказывается еще очевиднѣе.—³ Относящіяся сюда мѣста собраны въ O. Müller. Handbuch der Archaeologie § 48.

Недалеко от Орхомена ¹ видны также остатки обширных гидравлических сооружений ², имѣвшихъ цѣлю регулирование и отведение изливающихся въ копейское озеро водъ. Они были устроены на подобіе выложенныхъ камнемъ шахтъ. Подъ обломками ихъ можно и до сихъ поръ еще узнать слѣды туннеля въ 3000 шаговъ длины. Развалины подобнаго рода построекъ находятся также въ восточной (древнепелазгической) Аркадіи, въ долинѣ Фенея.

Въ виду этихъ и подобныхъ имъ, разсѣянныхъ по странѣ, сооружений для улучшенія почвы, особеннаго вниманія заслуживаетъ, признаваемая (хотя и не неоспоримо) за пелазгическую, развалина близъ Миссолунги, ³ въ которой хотятъ видѣть остатки магазина для склада большихъ запасовъ хлѣба. Она представляетъ высѣченную въ скалѣ продолговатую площадь, на которой выведены изъ обтесаннаго плитняка пять параллельныхъ одна къ другой стѣнъ, изъ которыхъ въ каждой продѣланы по три трехугольныхъ прохода. Такое расположеніе развалины заставляетъ скорѣе приписать её за часть другаго, болѣе обширнаго сооруженія, чѣмъ за отдѣльное зданіе.

Что касается другихъ построекъ древнепелазгическаго населенія, напр. жилищъ, храмовъ и т. п., то за совершеннымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было документовъ, мы о нихъ сказать ничего не можемъ; ⁴ даже и описываемыя Гомеромъ принадлежать уже позднѣйшему времени — эпохѣ болѣе развитой малоазійско-греческой культуры.

Такимъ образомъ, только эти развалины, которыя всё должны быть отнесены ко времени предшествовавшему появленію Дорянъ, остаются единственнымъ свидѣтельствомъ о томъ отдаленномъ бытѣ, до котораго восходить лишь одно греческое преданіе. Несмотря на то, что они уже представляютъ различныя ступени развитія строительной техники, нельзя не замѣтить въ нихъ всёмъ имъ общаго, неэллинскаго характера, совершенно отличающаго ихъ отъ позднѣйшихъ, собственно эллинскихъ построекъ. Хотя массивность ихъ кладки и свойственное имъ преимущественно подземное, пещероподобное расположеніе общи имъ со всёми, почти по всей землѣ разсѣянными остатками первобытныхъ построекъ, — тѣмъ не менѣе развалины Микенъ, (именно-напоминающая ассирійскіе (фригійскіе?) ⁵ образцы рѣзба на львиныхъ воротахъ и въ особенности, украшенія и устройство казнохранилища—его металлическая обшивка и т. п.) несомнѣнно обличаютъ въ нихъ присутствіе восточнаго элемента. Но само ли пелазгическое населеніе вынесло съ собою этотъ родной ему элементъ изъ своей азійской прародины, или онъ вкрался позднѣе самъ собою подъ болѣе или менѣе прямымъ влияніемъ Азии, всё это вполне неразрѣшимые, а потому и праздные вопросы. Но такъ какъ нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на то, что восточный берегъ Эллады былъ уже въ незапамятныя времена колонизированъ Финикійцами, ⁶ владѣвшими также землями и внутри полуострова, то мож-

¹ M. Duncker. III, 60; 80 sqq.—² O. Müller. Handbuch. § 50 (3).—³ J. Gailhabaud. Ifig. 65.—⁴ О нѣкоторыхъ остаткахъ зданій, на горѣ Охъ, на о. Эвбей и др., признаваемыхъ за пелазгическія, ср. F. Kugler. Geschichte der Baukunst I, 146 и соинія въ этомъ у F. Thiersch. Ueber das Erechtheum. 2 Abhandlg. S. 28.—⁵ F. Hermann. Culturgesch. I, 44.—⁶ См. въ особенности M. Duncker. Gesch. der Aterth. III, 82 sqq.; 207 sqq.; E. Curtius. Griech. Gesch. I, 32—39 sqq.

но съ вѣроятностью предположить, что Финикіянне же и были здѣсь главными наставниками пелазговъ въ строительной техники.¹

Подобно тому какъ въ Египтѣ періодъ господства Гиксосовъ широкимъ пробѣломъ отдѣляетъ колоссальныя сооруженія древнѣйшей эпохи — пирамиды и т. д.—отъ памятниковъ „новаго царства“, такъ и въ Греціи древнепелазгическіе и пелазго-ахейскіе памятники отдѣляются (и притомъ, въ формальномъ отношеніи, рѣшительно) отъ позднѣйшихъ, еще существующихъ памятниковъ такимъ же продолжительнымъ промежуткомъ времени, не оставившимъ по себѣ никакихъ монументальныхъ слѣдовъ. Только съ появленіемъ Дорянъ и распространеніемъ ихъ въ южной части полуострова начинается исторія греческаго строительства. Рядомъ съ Дорянами, которымъ она приписываетъ изобрѣтеніе особаго способа постройки—дорическаго, она выводитъ (ахейско-)іоническое племя съ свойственнымъ ему, точно также самостоятельнымъ и оригинальнымъ, архитектурнымъ стилемъ — іоническимъ. Но холь развитія этихъ двухъ, только разноплеменныхъ, но не разнородныхъ стилей, равно какъ и возникшаго рядомъ съ ними въ Коринѣ—коринтскаго стиля, теряется въ такомъ же баснословномъ отдаленіи, какъ и возникновеніе древнепелазгическихъ построекъ. Всѣ дошедшія до насъ развалины относятся къ сравнительно позднѣйшему времени. За исключеніемъ немногихъ обломковъ довольно грубо обдѣланныхъ столбовъ, пирамидальныхъ построекъ² съ совершенно еще первобытнымъ (ассирійско-) египетскимъ характеромъ, большая часть ихъ представляетъ образчики уже полной выработанности и законченности упомянутыхъ стилей и ихъ постепеннаго вырожденія. Въ хронологической своей послѣдовательности, всѣ эти памятники восходятъ не далѣе половины седьмого столѣтія до Р. X.⁴

Не смотря, однакожь, на всю законченность этихъ памятниковъ дорическаго и іоническаго зодчества, въ нихъ до такой степени вѣрно сохранился основной ихъ типъ, что на счетъ покрайней мѣрѣ исходной точки эллинской архитектуры едва ли возможно какое нибудь сомнѣніе. Вмѣстѣ съ преданіями о самыхъ раннихъ сооруженіяхъ ахейскаго и начала дорійскаго періодовъ, памятники эти свидѣлствуютъ, что такою исходною точкою была простая деревянная постройка, примѣненная къ потребностямъ культа и подъ его вліяніемъ усовершенствовавшаяся.⁵ Мало этого, по всему видно, что самое расположеніе греческаго, именно дорійскаго, храма было заимствовано отъ тѣхъ хижинъ, въ которыхъ съ незапамятныхъ временъ жили горные обитатели Греціи. Самое же перенесеніе расположенія хижины на храмъ можетъ быть лучше всего уяснено тѣмъ сходствомъ, какое существуетъ между

¹ Ср. также F. Hermann. Culturgesch. I, 39, 40. not. 3. — ² См. Kugler. Gesch. der Baukunst I, 178 sqq. — ³ Что въ глубокой древности, въ Ассиріи и даже въ передней Азіи, пирамидальныя сооруженія были обычны — объ этомъ было не разъ говорено выше: точно также и о томъ, что обработка базальта для зданій была тамъ издавна извѣстна (см. ч. I: Египтяне и Ассиріяне). — ⁴ Ср. также F. Hermann. Culturgesch. I, 120.—⁵ O. Müller. Handbuch. § 50 (1); § 52 (2. 3). Kugler. Gesch. der Baukunst I, 176. F. Hermann. Culturgesch. I, 45. Ср. также C. Böttcher. Die Tektonik der Hellenen. I. Tiersch. Das Erechtheum. 2 Abth. 20, 38 и sqq.

высѣченными въ скалахъ гробницами Малой Азіи и еще нынѣ стройимыми тамъ деревянными постройками.

Во время необходимо продолжительныхъ попытокъ, примѣнить привычный способъ постройки изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ къ сооруженію храмовъ, и самое строительное ремесло подвинулось впередъ. Къ извѣстнымъ уже механическимъ приѣмамъ прибавились постепенно новые. Стремленіе достигнуть при постройкѣ храмовъ болѣе правильной кладки потребовало болѣе тщательной обдѣлки отдѣльныхъ членовъ зданія и привело къ изобрѣтенію необходимыхъ для этого орудій, занявшихъ мѣсто рядомъ съ рычагомъ, который издавна употреблялся для передвиженія каменныхъ глыбъ, съ сѣкирою и шнуромъ,¹ съ помощью которыхъ, вѣроятно, также уже издавна обтесывали эти глыбы. Для поднятія камней, стали, безъ сомнѣнія, примѣнять уже извѣстный древнимъ Ассиріянамъ, и конечно также Финикіянамъ и другимъ народамъ, сложный блокъ; за тѣмъ появилась пила для распилки камней, инструменты для обдѣлыванія ихъ (Павз. V. 10) и, какъ можно предположить, были даже устроены машины для обтачиванія колоннъ. Отдѣльные камни начали связывать цементомъ, деревянными болтами, металлическими скобами и т. п.²

Какъ ни чрезвычайны были успѣхи сдѣланныя строительной техникою, прошло еще довольно времени, пока рѣшились воспользоваться ими для свѣтскихъ сооружений. Область художественнаго зодчества еще долго ограничивалась исключительно сооруженіемъ храмовъ и другихъ религіозныхъ зданій. Даже при возобновленіи Аѳинъ Перикломъ, вся художественно-строительная дѣятельность сосредоточивалась только на нихъ, и обратилась къ другимъ общественнымъ сооружениямъ лишь тогда, когда успѣла достигнуть въ первыхъ своего высшаго развитія. Что же касается частныхъ построекъ, то онѣ и теперь были лишены всякаго художественнаго значенія и стали приобрѣтать его гораздо познѣе, нѣвѣрное не ранѣе пелопонезской войны. До тѣхъ же поръ и, вѣроятно, даже до самой македонской эпохи, жилища дома³ были болѣею частью очень просты, особенно въ Лакедемонѣ.

Кромѣ того что простота эта была результатомъ общихъ всей Греціи воззрѣній и бытовыхъ условій, въ Лакедемонѣ она обуславливалась еще постановленіями, приписываемыми Ликургу и получившими силу закона. Предписывая, со свойственною лаконизму краткостію, „обдѣлывать двери только пилою, а крышу только однимъ топоромъ“, постановленія эти были вполне достаточны для того, чтобы постройка каменныхъ жилищъ, вмѣсто старинныхъ деревянныхъ, стала невозможной сама по себѣ, со стороны строительной техники.

О подробностяхъ постройки не только древне-дорійскихъ, но и вообще древне-греческихъ домовъ, нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ. Остатковъ отъ нихъ не сохранилось, а извѣстія вообще не ясны, отрывочны и притомъ не восходятъ далѣе пелопонезской войны, а потому и не даютъ возможности

¹ O. Müller: Handbuch, § 46 (1). — ² Ibid. § 105 (1). L. v. Klenze: Amalthea oder Museum der Kunstmythologie etc. III, 71. — ³ O. Müller. Handb. § 293 sqq. Erg. zu: Dorier. II, 250. A. Becker. Charikles. I, 166. Taf. 1. C. Büttcher. Andeutungen über das Heilige und Profane. S. 15. F. Hermann. Privatalterth. § 19.

прослѣдить всѣ послѣдовательныя измѣненія и усовершенствованія греческихъ жилищъ.

Изъ сказаннаго выше о древнѣйшихъ греческихъ храмахъ видно, что древне-греческое жилище (домъ), въ своемъ первоначальномъ видѣ, было ничто иное, какъ окруженный столбами и защищенный плоскою двухскатною крышею очагъ. Этотъ крытый и огороженный очагъ былъ затѣмъ распространенъ пристройкою вокругъ него жилыхъ помѣщеній, на расположеніе которыхъ у различныхъ племенъ несомнѣнно имѣли вліяніе свойственныя этимъ послѣднимъ обычаи. Такъ у Дорянъ, помѣщенія эти были, по всей вѣроятности, очень не многочисленны и служили одинаково для обоихъ половъ; у Іонянъ же, и только у нихъ, напротивъ того, для женщинъ устраивались отдѣльныя помѣщенія.

Древнѣйшій образецъ расположенія греческихъ жилищъ представляютъ описанія дворцовъ у Гомера. Если исключить изъ этихъ описаній всё то, что должно приписать, съ одной стороны фантазіи поэта, съ другой — пышности, свойственной жилищамъ малоазійскихъ влѣстителей, то упомянутое распространеніе очага, соотвѣтственно потребностямъ семейства, становится въ нихъ очевиднымъ, и до такой степени оказывается сходнымъ съ расположеніемъ аѳинскихъ домовъ, извѣстнымъ намъ изъ позднѣйшихъ извѣстій, что почти можно предположить, что именно аѳинскіе дома всегда строились по такому плану, или по крайней мѣрѣ стали строиться такъ въ то время, къ которому извѣстія относятся.

Соединяя насколько возможно указанія разсѣянныя въ упомянутыхъ извѣстіяхъ, мы узнаёмъ, что большой городской домъ обыкновенно состоялъ изъ двухъ главныхъ частей—передней, или мужской половины (*andronitis*) и задней, или женской половины (*gynaekonitis*). Оба эти отдѣленія занимали продолговатый четырехугольникъ и располагались по слѣдующему плану:

Черезъ ворота передняго двора, или (гдѣ двора не было) прямо съ улицы, входили въ родъ некрытыхъ сѣней или некрытаго же широкаго прохода, по обѣимъ сторонамъ котораго были расположены покои, служившіе для различныхъ хозяйственныхъ нуждъ (и, между прочимъ, помѣщеніе привратника). Этотъ проходъ велъ непосредственно въ большую четырехугольную, некрытую залу, вокругъ обнесенную крытымъ портикомъ (*aula*). Это былъ главный покой мужской половины дома; онъ соотвѣтствовалъ переднему двору гомеровскихъ дворцовъ, потому что, также какъ и тамъ, посрединѣ его стоялъ алтарь, посвященный Зевсу-домохранителю (*Herkeios*), а съ боковъ къ нему примыкали жилые покои мужчинъ. ¹ Каждый изъ нихъ имѣлъ дверь, выходившую въ залу, а иные, кромѣ того, соединялись съ соседними покоями внутренними дверями. — Прямо противъ главнаго входа лежащій корридоръ (*metaulos* или *mesaulos*) велъ въ женское отдѣленіе дома. Оно состояло также изъ большой залы съ колоннами, подобной мужской, и боковыхъ покоевъ для жилья. ² За женскимъ отдѣленіемъ былъ еще родъ залы (*prostas*)

¹ Тутъ же вѣроятно помѣщались: столовая, библіотека, комнаты для гостей, и т. д. —

² Въ числѣ ихъ были владонья, кухня и расположенныя одна противъ другой спальни (*thalamos* и *amphithalamos*).

и за нею помѣщенія для прислуги, выходившія, вѣроятно, на улицу позади дома (или, можетъ быть, въ садикъ, если онъ былъ при домѣ); такъ что, заперевъ внутреннее сообщеніе (mesaulos), можно было совершенно отдѣлить женское помѣщеніе отъ мужскаго, не мѣшая движенію прислуги.

Если домъ былъ двухъ-этажный, то въ верхній этажъ (hypergoon) вела лѣстница, очень часто прямо съ улицы. Кажется, что верхній этажъ обыкновенно строился очень легко, изъ тонкихъ досокъ, и былъ раздѣленъ на комнаты, которыя служили помѣщеніями для рабовъ или (если въ домѣ не было особыхъ гостинныхъ комнатъ) спальнями для гостей. Надобно полагать, что только верхній этажъ освѣщался окнами, нижній же получалъ свѣтъ черезъ двери.

Архитектурная отдѣлка греческаго дома шла, вѣроятно, изнутри къ наружѣ. Починъ въ этомъ отношеніи принадлежалъ, безъ сомнѣнія, малоазійскимъ іоніанамъ. Подъ ихъ вліяніемъ, въ Коринѣ, уже около 490 г. до Р. Х., начали обдѣлывать внутреннія балки прямоугельно и возможно искусно сплавивать ихъ. Но это нововведеніе принималось въ Греціи очень медленно. Противниками его были особенно Лакедемоняне, продолжавшіе держаться старинной простоты. Разсказывали, что спартанецъ Лео тихидъ, увидавъ въ залѣ своего хозяина, въ Коринѣ, прямоугельно обтесанныя балки, насмѣшливо спросилъ его, развѣ у нихъ въ Коринѣ деревья растутъ четырехгельные!

Объ аоніискихъ домахъ положительно извѣстно, что до Перикла они были вообще очень просты и некрасивы. Даже жилища такихъ извѣстныхъ людей, какъ Оемистоклъ, Мильтіадъ, Аристидъ, ничѣмъ не отличались отъ домовъ простыхъ гражданъ. Но и во время самой блестящей эпохи греческой архитектуры, создавшей столько великолѣпныхъ общественныхъ сооружений, и даже долго спустя послѣ нея, жилища аоніискихъ гражданъ отличались простотою и отсутствіемъ всякихъ украшеній.¹ Стѣны были выбѣлены снаружи и снутри; полы были земляные или глиняные, известковые, гипсовые и иногда выложенные камнемъ. Занавѣсы служили отчасти вмѣсто внутреннихъ дверей между комнатами, отчасти вмѣсто крыши надъ дворами, во время непогоды или сильнаго жара. У главнаго входа, дверь котораго, по старинному обычаю, должна была отворяться внутрь, находился алтарь и подлѣ него столбообразный символъ Аполлона Эгіея, вмѣстѣ съ посвященнымъ этому божеству лавромъ.

Уклоненіе отъ этой простоты построекъ начались прежде всего въ Аоніисахъ, почти вслѣдъ за смертію Перикла. Алкивіадъ былъ первымъ, который велѣлъ расписать стѣны своего дома и покрыть орнаментами потолоки своихъ покоевъ. Его примѣру послѣдовали другіе знатные граждане, такъ что уже Демосоевъ, не безъ пѣкотораго, впрочемъ, преднамѣреннаго преувеличенія, могъ найти достаточно причинъ, чтобы поставить тогдашнимъ государственнымъ людямъ въ упрекъ роскошь ихъ жилищъ.

¹ Главное, но не архитектурное украшеніе покоевъ составляли алтари различнымъ богамъ—Гестіи въ мужской залѣ, пенатовъ—во внутреннихъ комнатахъ, боговъ-покровителей брака—въ спальняхъ и т. п.

Упрекъ Демосоена могъ, впрочемъ, относиться только къ украшеніямъ въ собственномъ смыслѣ, а никакъ не къ архитектурному великолѣпію домовъ. Это послѣднее появилось не ранѣе македонской эпохи, и то лишь, какъ само собою разумѣется, въ домахъ людей знатныхъ и богачей. Не измѣняя почти вовсе расположенія домовъ, они начали строить ихъ, вмѣсто дерева и кирпича, изъ плитняка. Деревянныя колоннады вокругъ дворовъ были замѣнены каменными (мраморными); мѣсто глиняныхъ или земляныхъ половъ заняли мозаичные; вмѣсто простыхъ занавѣсовъ, стали развѣшивать вышитые (персидскіе и индійскіе) ковры; гладкія, просто выбѣлennыя стѣны покоевъ покрылись живописью и лѣпными орнаментами. Затѣмъ, къ греческимъ архитектурнымъ формамъ были постепенно присоединены иноземныя, такъ что къ концу эпохи, рядомъ съ коринѳическими залами, стали строить „кизикійскія“ и „египетскія“ залы.

Несмотря, однакожъ, на пышное внутреннее убранство городскихъ и еще болѣе загородныхъ жилищъ аѳинскихъ богачей, наружность ихъ оставалась по прежнему проста, или же если и стала нѣсколько красивѣе, то украшенія ея шло далеко не такъ быстро, какъ украшеніе внутренности. Свойственная даже и позднѣйшимъ Грекамъ боязнь противъ хотя бы случайнаго и непредназначеннаго оскорбленія святыни, не позволяла имъ примѣнять къ простымъ жилищамъ тѣ художественныя формы, которыя были созданы искусствомъ для зданій религіозныхъ. Въ особенности избѣгали они переносить на свои дома существенное украшеніе храма — его предстѣніе (предхраміе) съ колоннами и фронтономъ, украшеннымъ изваяніями.

Храмы.¹

По понятіямъ Грековъ, храмъ былъ жилищемъ, домомъ божества, и соотвѣтственно этому представленію имѣлъ свою особенную, ему лишь свойственную наружность колончатого дома. Преданія о пустыхъ древесныхъ пняхъ, какъ древнѣйшихъ идоловмѣстителяхъ, относятся къ темнымъ, мифическимъ временамъ. Но и въ болѣе достовѣрныхъ, имѣющихъ историческое основаніе извѣстіяхъ о первоначальныхъ деревянныхъ храмахъ, упомянутая особенность постройки представляется несомнѣнно свойственною этимъ послѣднимъ. Какъ она достигла своего высшаго развитія и художественной законченности въ каменныхъ храмахъ, объ этомъ свидѣлствуютъ сохранившіяся еще до сихъ поръ великолѣпные ихъ остатки. Они же даютъ возможность прослѣдить почти шагъ за шагомъ и пространственное распрост-

¹ Кромѣ уже названныхъ выше источниковъ: O. Müller, Handbuch etc.; C. Schnaase, Gesch. der bild. Künste. Kugler, Gesch. der Baukunst, см. въ особенности изслѣдованія К. Бöttхера относительно назначенія и архитектуры греческаго храма въ его соч. Andeutungen über das Heilige und Profane etc. Berlin. 1846; Der Hypäthraltempel etc. Potsdam. 1846; Die Tektonik der Hellenen. II. Potsdam. 1852. Ueber den Parthenon zu Athen und den Zeustempel zu Olympia, je nach Zweck und Benutzung (Ztschft. für Bauwesen. Berlin 1852). Затѣмъ: Hermann. Lehrbuch der gottesdienstl. Alterth. § 18 sqq.; W. Lübke. Gesch. der Architektur. Lpzg. S. 57 sqq.; F. Fergusson. The illustr. Handbook of Architecture. Lond. 1855. p. 262. J. Overbeck. Pompeji in seinen Gebäuden etc. Leipzig. 1856. p. 62 sqq.

раненіе храма отъ основной его формы — простого замкнутого строенія, до болѣе обширнаго, обставленнаго колоннадами агональнаго или праздничнаго храма, и даже до еще болѣе пространныхъ храмовъ, посвященныхъ отправленію мистерій, такъ назыв. *мегага*. *

Важѣйшую часть греческаго храма составляло огороженное стѣнами пространство (*cella*), гдѣ помѣщалось изображеніе божества (*agalma*). Это было святилище въ собственномъ смыслѣ (*hieron*), мѣсто, гдѣ пребывало божество (*naos*). Оно было средоточіемъ храма, его ядромъ, всё же остальное составляло только окруженіе этого ядра, архитектурически расчлененное. Согласно съ религіозными воззрѣніями, святилищу давали видъ простой хижины (ср. фиг. 189, b; 190, a). Совершенно сходно съ древнѣйшимъ каменнымъ храмомъ на горѣ Охѣ, *cella* позднѣйшихъ храмовъ представляла небольшой продолговатый четырехугольный покой, съ вертикальными стѣнами и плоскою или двухскатною крышею, покрывавшею его весь или только отчасти. Такимъ образомъ, въ ней сохранился, можетъ быть по преданію передававшійся, типъ древнѣйшихъ святилищъ (ср. фиг. 193).

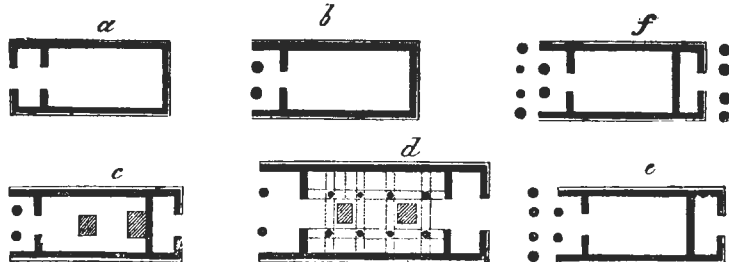
Cella строилась всегда на особомъ помостѣ и притомъ по направленію отъ запада къ востоку. На восточномъ концѣ ея была дверь, а на противоположномъ — стояла на возвышеніи (*bathron*) статуя божества и передъ нею алтарь. Смотри потому, какъ того требовалъ культъ того или другаго божества, *cella*, какъ уже выше замѣчено, была или совсѣмъ покрыта, или только отчасти. Въ первомъ случаѣ, свѣтъ входилъ въ нее только черезъ открытую дверь, если же эта послѣдняя была слишкомъ мала, то въ окно продѣланное подлѣ нея; полукрытая *cella* освѣщалась, кромѣ двери, еще и сверху, черезъ оставленное въ крышѣ отверстіе (*opaion*). Края этого отверстія подпирались столбами; въ небольшой *cella* такихъ столбовъ было четыре, по одному подлѣ каждымъ угломъ отверстія; но съ увеличеніемъ объема *cella*, а слѣдовательно и отверстія, увеличивалось и число столбовъ (по длинѣ отверстія), а самый идолъ ставился далѣе отъ стѣны и ближе къ отверстию (*opaion*). При еще большемъ объемѣ, прибавлялись столбы и по ширинѣ отверстія.

Распространеніе совершенно крытой *cella* состояло, вѣроятно, въ продолженіи ея продольныхъ стѣнъ вмѣстѣ съ крышею далѣе передняго фасада, передъ которымъ онѣ образовывали родъ предхрамія — *pronaos* (фиг. 297, a). Для поддержанія выдвинутаго такимъ образомъ фронтона, который теперь опирался только на выступы или продолженія стѣнъ (анты), ставили между послѣдними нѣсколько колоннъ (фиг. 297, b). Противоположный, западный конецъ *cella* увеличивали подобною же пристройкою, въ которой хранили храмовую утварь и т. п. (фиг. 297, c). Увеличенная такими пристрой-

* Согласно своему назначенію, которое предполагало присутствіе поклонниковъ внутри зданія, эти храмы отличались отъ обыкновенныхъ не только величиною, но и расположеніемъ. Единственные остатки, почти только слѣды, подобнаго храма видны близъ Элевзиса. Это былъ знаменитый храмъ Цереры. Онъ представлялъ обширный четырехугольникъ, раздѣленный по ширинѣ, четырьмя рядами колоннъ, на пять кораблей (*nefs*), изъ коихъ средній былъ выше и шире остальныхъ. Двери храма открывались на жолончатый портикъ во всю ширину зданія. (E. Guhl und W. Koner: *Das Leben d. Griech. u. Römer*. Berlin 1862; Schnaase, II, 187. Пер.

ками *cella* стала, можетъ быть, вмѣстѣ и прототипомъ для внѣшности гипетрального храма. * * *

Фиг. 297.

Въ этомъ послѣднемъ *cella* помѣщалась ближе къ серединѣ зданія, алтарь же напротивъ статуи божества (фиг. 297, b d). Въ гипетральной *cella* оставалось кромѣ того довольно мѣста для размѣщенія различныхъ изображеній и приношеній. Ихъ разставляли, вѣроятно, между колоннами и притомъ такъ, что имѣвшія ближайшее отношеніе къ главному идолу храма ставились ближе къ нему. Тѣ же статуи, которыя не могли помѣститься въ *cella*, были выставлены въ предхрамїи, или *pronaos*. Такой же порядокъ въ размѣщеніи статуй и приношеній соблюдался и въ крытыхъ храмахъ.

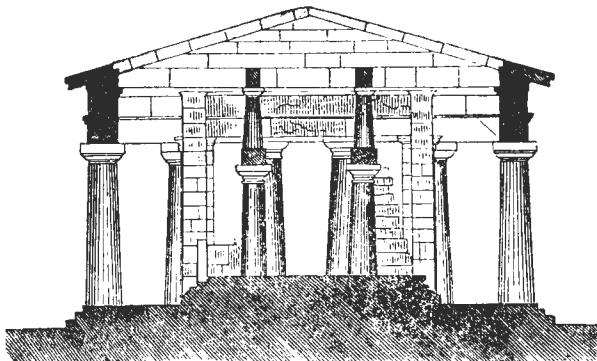
По мѣрѣ того, какъ увеличивалось количество изваяній, находившихъ себѣ мѣсто въ предхрамїи, становилась всё ощутительнѣе и потребность распространить послѣднее. Для этого, фронтоны были снова выдвинуты впередъ (но уже не продольныя стѣны) и подперты колоннами, отчего образовалось открытое преддверіе—*prostylos* (фиг. 297 e). Соответственно этому увеличена была, какъ кажется, и задняя пристройка храма такимъ же колончатымъ преддверіемъ, и всё зданіе приняло характеръ двусторонне-колончатого—*amphiprostylos* (фиг. 297. f). Исходною точкою всѣхъ дальнѣйшихъ измѣненій наружности *cella* были эти колончатые пристройки. Сначала *cella* была окружена со всѣхъ сторонъ колоннами и образовала такъ называемый периптеръ (фиг. 301.), причемъ проходъ между стѣнами *cella* и окружающей её колоннадою служилъ для размѣщенія статуй и т. п. Окружая периптеръ еще другимъ рядомъ колошъ, обращали его въ *dipteros*. Иногда для того, чтобы сдѣлать проходъ между двумя рядами колоннъ шире, задній (внутренній) рядъ ихъ придвигали почти къ стѣнѣ *cella*. Такой, по настоящему, *pseudo-dipteros* подалъ, можетъ быть, мысль строить иныя храмы не окружая ихъ колоннадами, а только обставляя ихъ стѣны полуколоннами; такія постройки назывались „*pseudoperiptera*“.

Почти наравнѣ съ расширеніемъ наружности храмовъ распространялась и ихъ внутренность, оставаясь, впрочемъ, всегда (за исключеніемъ большихъ храмовъ—*megara*) раздѣленною не болѣе, какъ на три части, двумя рядами

* Т. е. открытаго. Среднее пространство такихъ храмовъ представляло какъ-бы родъ некрытаго двора, окруженнаго крытымъ портикомъ. Образецъ гипетрального храма — въ Пестумѣ, въ Сициліи. Пер.

колоннъ. Расширяли только проходы между колоннами, но третьего или четвертаго ряда колоннъ не прибавляли; а иногда, надъ колоннами надстроивали верхнюю галерею (hypæreion), тоже изъ колоннъ, но сравнительно болѣе легкихъ, чѣмъ нижняя (фиг. 298). На эту галерею всходили то изъ передней, то изъ задней пристройки, болѣею же частію по каменной лѣстницѣ въ стѣнѣ cella.

Фиг. 298.

Каждый храмъ строился на высокомъ фундаментѣ (обыкновенно о трехъ ступеняхъ) и стоялъ выше окружающей его мѣстности. Земля вокругъ храма составляла его собственность и почиталась священной и неприкосновенною. Она была окружена оградю (peribolos), заборомъ или стѣною, и все принадлежавшее къ храму помѣщалось внутри этой ограды. Напротивъ ея главныхъ воротъ стоялъ на особомъ возвышеніи жертвенникъ (thymele), весьма часто огромнаго размѣра; около него разставлены были небольшіе алтарики. Статуи и художественныя произведенія разнаго рода, вмѣстѣ съ различными богослужебными постройками, и вѣроятно также помѣщеніями для жрецовъ, наполняли остальное пространство ограды. Главный входъ ея устраивался иногда въ видѣ великолѣннаго, колоннами окруженнаго портика (propylaion).

Храмы строили исключительно изъ камня, болѣею частью крупно-зернистаго известняка, который покрывали слоемъ штукатурки; въ мѣстностяхъ, изобиловавшихъ мраморомъ (въ окрестностяхъ Гимета, Пентеликона и на о. Паросѣ), — изъ мрамора. Цементъ едва ли употребляли, а обтесывали камни такъ аккуратно и такъ точно пригоняли ихъ одинъ къ другому, что они твердо держались на своихъ мѣстахъ собственною тяжестью: техника совершенствовалась наравнѣ съ искусствомъ.

Всѣ греческіе храмы строились по одному типу, характеристическими чертами котораго были фронтоны и колонны, тѣмъ не менѣе наружность ихъ у дорійскаго и іонійскаго племенъ была различна, и это различіе рѣзче всего выражалось въ колоннѣ. Какъ дорическая колонна придавала дорическому храму характеръ серьезности и устойчивости, соотвѣтствовавшей характеру самаго племени, такъ точно іоническая колонна сообщала іонійскому храму игривость и изящество, составлявшія отличительную чер-

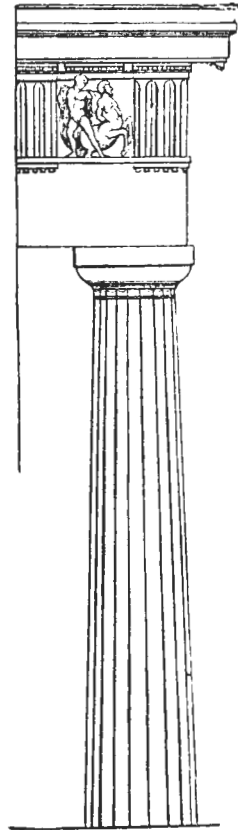
ту іонійскаго племени. Обремененная украшеніями коринфская колонна была какъ-бы дальнѣйшимъ развитіемъ іонической и представительницею болѣе прихотливаго и капризнаго, чѣмъ строгаго художественнаго вкуса.

1. Дорическая колонна (фиг. 299) состоитъ только изъ стержня (*scapus*) и капители (*kefalä*). Высота ея равняется $5\frac{1}{2}$ или $5\frac{2}{3}$, а въ древнихъ зданіяхъ только 4, поперечникамъ ея основанія. Въ рядѣ колоннъ, пространство между каждыми двумя колоннами (междустолпіе: *intercolumnium*) составляетъ едва $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ такихъ же поперечника. Стержень, постепенно утолщающійся (раздувающійся) снизу до $\frac{1}{3}$ своей вышины, утончается подъ капителью на $\frac{1}{6}$ своего нижняго діаметра. Поверхность его покрыта 20-ю каннелюрами. Переходъ къ капители обозначается вырѣзкою, въ видѣ горизонтальнаго кольца охватывающею шею колонны (*hypotrachelium*). Шея завершается тремя узкими, тоже горизонтальными, но выпуклыми кольцами (*annuli*), поясками, которые, постепенно утолщаясь наружу, переходятъ въ подушку (*echinus*). На подушкѣ лежитъ, какъ посредствующій членъ между колонною и опирающеюся на нее балкою, четырехугольная плита (*abakus*). Тамъ, гдѣ, какъ въ храмѣ *in antis*, продольныя стороны выдвигаются по обѣимъ сторонамъ колоннъ, плоская поверхность ихъ расчленяется подобнымъ же образомъ: подушка (*echinus*) получаетъ форму выдающагося бруска, съ выступающею надъ нимъ плитою (*abakus*).

Части лежащія надъ колоннами (антаблементъ) начинаются, снизу, очень массивною балкою (архитравъ; *epistylum*), которая только въ рѣдкихъ случаяхъ покрыта украшеніями, въ видѣ ряда кружковъ (ср. фиг. 169. b; фиг. 193), обыкновенно же бываетъ совсѣмъ гладкая. Узкій поясокъ (*taenia*) отдѣляетъ архитравъ отъ лежащаго надъ нимъ фриза. Этотъ послѣдній раздѣленъ на квадратныя поля (метопы) и чередующіеся съ ними продолговатые четырехугольники, каждый съ тремя продольными выемками или канелюрами (триглифы). Метопы, служившія, можетъ быть, первоначально закрывками для отверстій, черезъ которыя проходилъ свѣтъ, обыкновенно украшались рельефными изображеніями (*zophoros*), триглифы же простымъ пояскомъ (*reguluni*), съ тремя сухариками (*guttae*) подъ нимъ.

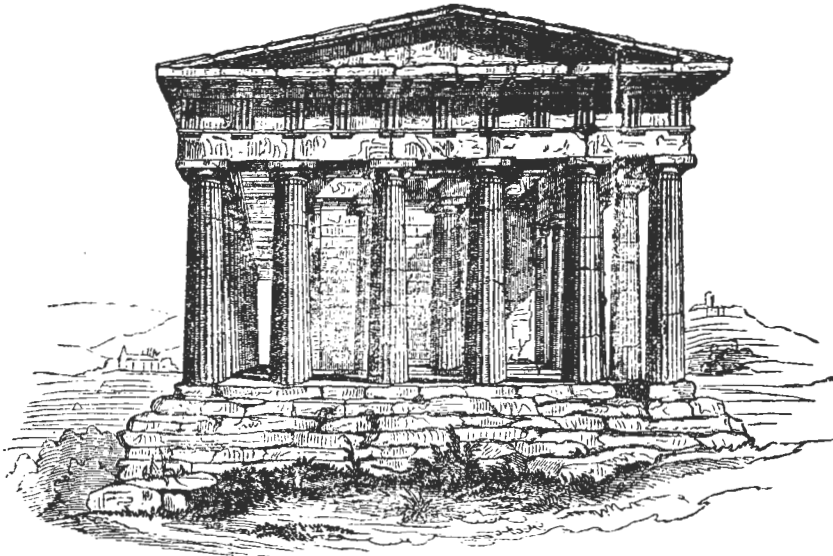
Фризъ заканчивается карнизомъ, составленнымъ изъ ряда небольшихъ, покрытыхъ вырѣзками плитокъ (*kymatia*), которыя лежатъ надъ метопами и триглифами, и тянущейся надъ ними балки (*geison*), которая съ нижней стороны срезана откосомъ. Этотъ откосъ вдоль метопъ и триглифовъ покрытъ небольшими дощечками (*mutuli*), симметрически усаженными шипками. Затѣмъ слѣдуетъ новый рядъ плитокъ (*kymatia*) и надъ нимъ верхній брусъ,

Фиг. 299.

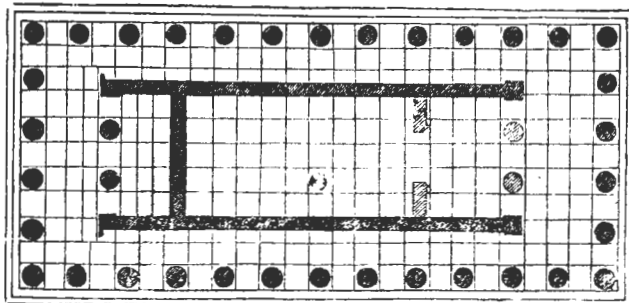
на которомъ поκειται фронтонъ. На углахъ фронтона этотъ брусъ превращается въ кровельный желобъ (*sima*) и къ нему придѣлываются водосточныя отверстія въ видѣ львиныхъ головъ. Площадь фронтона (*tympaon*) украшалась изваяніями; а на верхушкѣ и на углахъ его ставились фигуры, или акротеріи (плоскіе орнаменты).

Фиг. 300.

Остальныя части зданія оставлялись безъ убранства. Для кровли употреблялись мраморныя, глиняныя и бронзовыя плитки, плоскія и желобчатые (*kalypteres; imbrices*). Потолки портиковъ большею частью разбивали на квадраты (*phatnomata; lacunaria*); стѣны украшались только въ верхней своей части, фризомъ съ рельефными фигурами; внизу же были гладкія. Впрочемъ, для украшенія прибѣгали иногда и къ расписыванію красками (*polychromie*), но расписывали, вѣроятно, одинъ только фризъ и фронтонъ.¹

Фиг. 301.

¹ F. Kugler. Über die Polychromie der griechischen Architektur und Sculptur und ihre Grenzen. Berlin, 1835. перепечатан. въ его Kleine Schriften und Studien zur Kunstgeschichte. Stuttgart 1853 и слѣд. I, 265; III, 758.

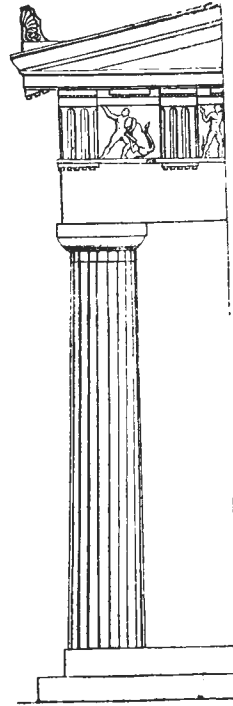
Къ лучшимъ образцамъ дорическихъ храмовъ принадлежитъ храмъ Тезея (Theseion) въ Афинахъ (фиг. 300). Отстроенный при Кимонѣ (470 до Р. Х.), онъ былъ обращенъ, въ среднія вѣка, въ христіанскую часовню—чему, вѣроятно, мы и обязаны его сохраненіемъ.

Въ планѣ своемъ, это зданіе, ¹ построенное почти въ такихъ же пропорціяхъ какъ и 20 лѣтъ позднѣе его воздвигнутый Партеонъ (ср. фиг. 302 и 299), представляется поднятымъ на двѣ ступени перистеромъ 104 фут. длины и 45 ф. ширины. За исключеніемъ помоста, сложенного изъ пирейскаго известняка, всё оно выстроено изъ цѣльнаго пентелійскаго мрамора. Высота зданія относится къ его длинѣ почти какъ 1 къ $3\frac{1}{6}$; вышины колоннъ равняется $5\frac{1}{2}$, промежутки между ними $3\frac{1}{2}$ ихъ нижнихъ поперечниковъ. Сколько позволяютъ судить оставшіеся мѣстами слѣды краски, триглыфы были окрашены въ синій, а метопы и фронтоны, за исключеніемъ разумѣется пластическихъ украшеній на нихъ, въ темнокрасный цвѣтъ. Плитки на срезѣ верхняго карниза и шипки на нихъ были красные, а пояски триглыфовъ, вѣроятно, синіе. Фонъ фриза вокругъ cella и внутри портика (въ описываемомъ зданіи завершеннаго изящно нарисованною полосою: фиг. 303) былъ покрытъ тоже синею краскою, а кровельные брусья—ярко-красною. Углубленія кассетонныхъ были расписаны красными и золотыми звѣздами по голубому полю. Другія мелкія архитектурныя части были тоже разрисованы различными легкими узорами въ видѣ меандровъ, пальметтъ и т. п. Можно также предполагать, что изваянія внутри фронтона и надъ нимъ были отдѣланы бронзою и отчасти позолочены.

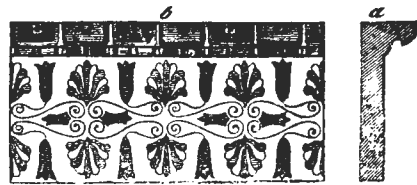
2. Ионическая колонна (фиг. 304), въ противоположность дорической, стоитъ всегда на болѣе или менѣе высокой горизонтально разчлененной базѣ. База начинается четырехугольною плитою (plinthus), поднимается чередующимися впадинами и выступами до извѣстной высоты и заканчивается толстымъ закругленнымъ выступомъ (torus). Какъ видоизмѣненіе этой базы, база аттическая состоитъ только изъ двухъ закругленныхъ выступовъ, раздѣленныхъ полою рейкою.

Стержень ионической колонны, слегка расширяющійся при соединеніи съ базой и капителю, покрытъ 24-мя канцелюрами. Вышина его составляетъ

Фиг. 302.

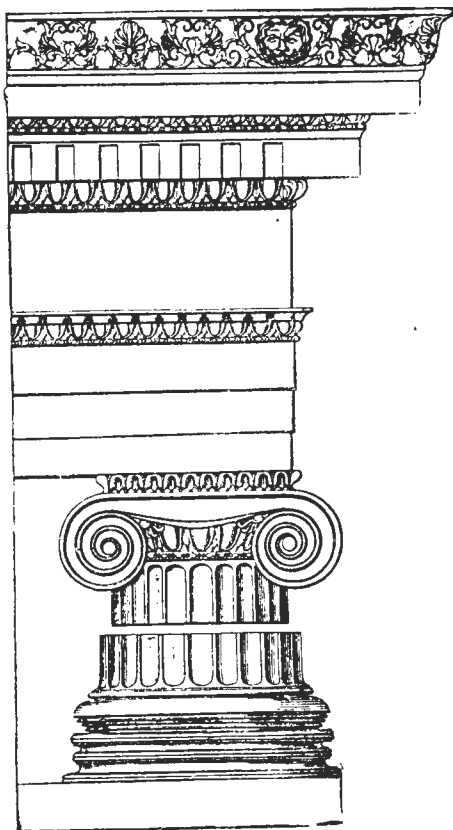
Фиг. 303.

¹ Ср. J. Gailhabaud. Denkmäler. I; F. Kugler. Gesch. der Baukunst I. 233.

отъ $8\frac{1}{2}$ до $9\frac{1}{2}$ поперечниковъ его основанія; разстояніе между колоннъ въ монументальныхъ постройкахъ (междустолпіе) определяется двумя такими же поперечниками.

Фиг. 304.

Капитель лежитъ непосредственно на стержнѣ, отдѣляясь отъ него только пояскомъ, нерѣдко украшеннымъ круглыми и янцевидными орнаментами. Надъ пояскомъ поднимается родъ плоской орнаментированной подушки, которая въ свою очередь завершается, обличающимъ свое азіійское происхожденіе, двойнымъ завиткомъ (*voluta*), разчлененнымъ нѣсколькими его обрамливающими рейками. Между капителью и архитравомъ лежитъ, какъ посредствующій членъ, тонкая, по краямъ покрытая рѣзными украшеніями плитка. Архитравъ, менѣе высокій чѣмъ дорическій, но тоже трояко-расчлененный, отдѣляется отъ фриза богато орнаментированнымъ поясомъ; такимъ же поясомъ, идущимъ подъ самымъ карнизомъ, заканчивается и совершенно гладкій фронтонъ. Поднимающійся нѣсколькими выступами карнизъ начинается снизу зубчатымъ поясомъ, на которомъ лежитъ покрытый круглыми орнаментами узкій поясокъ. Затѣмъ слѣдуетъ гладкій брусъ и надъ нимъ, какъ довершеніе, опять богато украшенный широкий выступъ.

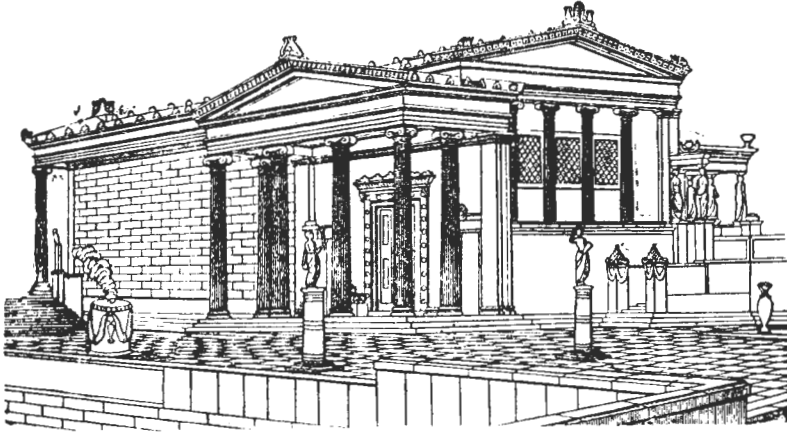
Ионическій фронтонъ выше дорическаго, но также съ пластическими украшениями въ полѣ и по угламъ. — Стѣны подъ самымъ потолкомъ окаймлены широкимъ и выпуклымъ карнизомъ, обведеннымъ штабиками и поясами.

Лучшій и изящнѣйшій образчикъ іонійскихъ сооружений сохранился намъ въ аонискомъ Эрехтеонѣ (*Erechtheion*). Несмотря на сильное разрушеніе, которому онъ подвергся наравнѣ съ большинствомъ подобныхъ зданій на европейско-греческой почвѣ, этотъ храмъ всё таки уцѣлѣлъ еще на столько, что есть возможность возстановить покрайней мѣрѣ его наружный видъ. (фиг. 305). Соединяя въ себѣ, какъ полагаютъ, ¹ святилище Эрехтея и

¹ F. Kugler, *Gesch. der Baukunst* I, 244; тутъ же и указанія на дальнѣйшую литературу.

храмъ Паллады Полии, онъ представляетъ прекрасный примѣръ умѣнья Грековъ соединять нѣсколько храмовъ въ одно зданіе. Кромѣ того, онъ показы-

Фиг. 305.

ваетъ намъ въ высшей степени изящное примѣненіе цѣльныхъ статуй (каріатидъ) вмѣсто настоящихъ колоннъ (фиг. 306) — примѣненіе, которымъ греческая архитектура нерѣдко, хотя и умѣренно, пользовалась и въ другихъ храмахъ, ставя съ этою же цѣлью (сообразуясь, впрочемъ, всегда съ характеромъ главнаго божества, которому былъ посвященъ храмъ) и мужскія фигуры (атлантовъ, телмоновъ).

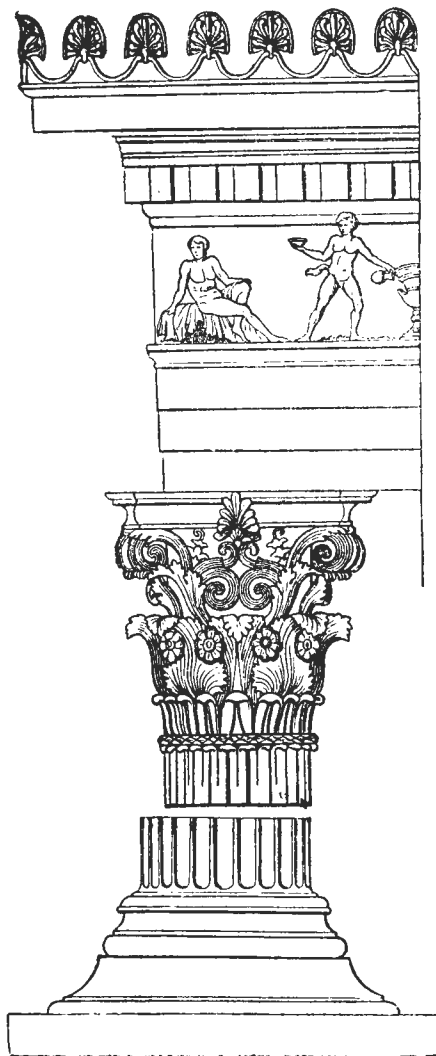
Фиг. 306.

3. Въ коринтской колоннѣ повторяются всѣ частности іонической, только въ болѣе роскошной формѣ (фиг. 307). Стержень совершенно похожъ на іоническій, и канелюры его, то плоскія, то глубокія, нерѣдко оканчиваются подѣ капители въ видѣ загнутыхъ листиковъ. База нѣсколько отступаетъ въ своемъ профилѣ отъ іонической, расширяясь къ низу и уплощаясь. Еще болѣе несходства представляетъ капитель. Она имѣетъ видъ раскрывающейся чашечки цвѣтка (calathus), окруженной нѣсколькими рядами мелкихъ и крупныхъ листьевъ. Внизу чашечка обхвачена узкимъ пояскомъ, а на верху изъ нея поднимаются (лишь слабо напоминая волюты іонической колонны) завитые на подобіе тычинокъ стебли (cauliculi). Они упираются въ четырехугольную плиту, стороны которой вогнуты внутрь и посреди ихъ украшены цвѣткомъ. На этой плитѣ лежитъ антаблементъ, приближающійся къ древне-іоническому, но съ тою разницею, что его фризъ гуще покрытъ пластическими украшеніями, чѣмъ тотъ, и что надъ карнизомъ его, разбитымъ съ нижней стороны на кронштейны, идутъ также украшенія въ видѣ пальметъ и т. п. фигуръ.—

Отъ греческихъ храмовъ въ этомъ стилѣ не сохранилось значительныхъ остатковъ.¹ Представителями его остались памятники принадлежащія къ

Фиг. 307.

позднѣйшему времени, и притомъ посвященные не культу, а отчасти почетному воспоминанію о личныхъ заслугахъ, отчасти чисто свѣтскимъ цѣлямъ, какъ напр. такъ называемая „башня вѣтровъ“—осмистороннее зданіе съ пологою крышею возвышавшееся близъ новаго рынка въ Аѣинахъ. Къ личнымъ памятникамъ относятся такъ наз. хорегическіе памятники, между которыми главное мѣсто, какъ по своему значенію, такъ и по цѣльности, занимаютъ памятники Лизикрата и Орасилла. Первый, поставленный въ 334 г. до Р. Х., имѣетъ 34 фута вышины и состоитъ изъ четырехъ ступеней и поставленнаго на нее цилиндра. Цилиндръ окруженъ полуколоннами, между капителями которыхъ виднѣнъ украшенный треножниками фризъ. Лежащая на богатомъ антаблементѣ (фиг. 307) крыша имѣетъ форму очень плоскаго купола, составленнаго изъ чешуй. Посрединѣ ея возвышается роскошное листовое украшеніе, служившее подножіемъ позолоченному треножнику, полученному Лизикратомъ въ награду за одержанную имъ побѣду на мусійскихъ играхъ.—Памятникъ Орасилла, воздвигнутый около 318 г. до Р. Х., тоже въ честь такой же побѣды, имѣетъ видъ простаго грота обрамленнаго дорическими

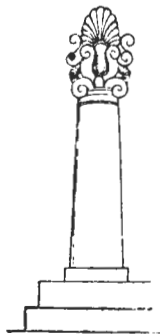
пилястрами и фризомъ, съ рельефнымъ изображеніемъ на немъ побѣдныхъ вѣнковъ.—Другіе подобныя памятники (сохранившіеся въ разсѣянныхъ обломкахъ) были просто колонны іоническаго или коринфскаго ордена, на подножіи въ нѣсколько ступеней, и служили для постановки полученнаго приза.

¹ Самые замѣчательные принадлежатъ, какъ извѣстно, храму Юпитера Олимпійскаго въ Аѣинахъ.

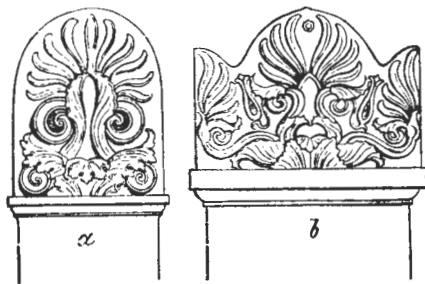
Если уже на этихъ, хотя только личныхъ памятникахъ, видно довольно произвольное примѣненіе формъ первоначально выработавшихся при сооруженіи храмовъ, то еще произвольнѣе и навѣрное еще ранѣе примѣнялись эти формы къ сооруженіямъ посвященнымъ памяти умершихъ — къ надгробнымъ памятникамъ. ¹ Свойственное Грекамъ почитаніе умершихъ заставляло ихъ не жалѣть издержекъ на сооруженіе имъ памятниковъ; а такъ какъ мѣсто погребенія считалось священнымъ и неприкосновеннымъ, то не казалось предосудительнымъ переносить на него и заимствованныя отъ святилищъ формы. Даже и самые бѣдные, которыхъ хоронили на общественномъ кладбищѣ, заботились о томъ, чтобы мѣсто ихъ погребенія было покрайней мѣрѣ чѣмъ-нибудь обозначено. „Въ древнѣйшую пору мертвыхъ хоронили внутри ихъ собственныхъ жилищъ; позднѣе, однакожъ, ихъ стали хоронить за городскими воротами, близъ общественныхъ дорогъ, погребеніе же внутри городской стѣны допускалось только какъ почетное исключеніе“. Эти-то, какъ будто выставленные на показъ, памятники и сооружались съ такою роскошью, что для ограниченія ея былъ изданъ особый законъ.

Наиболѣе употребительною формою надгробныхъ памятниковъ въ Греціи были свободно стоящія сооруженія, болѣе или менѣе обширныя, въ которыхъ помѣщался саркофагъ, или урна съ пепломъ, и различнаго рода погребальные дары.

Фиг. 308.

Фиг. 309.

Простѣйшими изъ этихъ памятниковъ были столбы или колонны съ надписью на стержнѣ и скульптурными украшеніями наверху, — круглыми на колоннахъ и рельефными на столбахъ (фиг. 308 и 309, а. б). Иногда столбы замѣнялись поставленными стоймя каменными плитами съ рельефною фигурою самого умершаго, или съ какимъ-нибудь символическимъ изображеніемъ: такъ напр. на памятникѣ холостого почти всегда представляли фигуру женщины несущей воду и т. д. — На большія надгробныя плиты надстраивали также родъ фронтона (фиг. 310); а гробницы съ внутреннимъ помѣщеніемъ

¹ См. въ особ. М. v. Stackelberg. Die Gräber der Hellenen. Berlin. 1836; L. Ross въ Kunstbl. 1837, N. 15, 1838, N. 59; A. Becker. Charikles II, 188. Ср. также довольно подробную статью: «Grüftbauten», въ Faber's Conversations — Lexicon für bild. Kunst. VI (Lpzg. 1835. p. 66) и F. Hermann. Privatalterth. § 40 sqq.

даже обдѣлывали красивымъ фасадомъ на подобіе храмоваго (фиг. 191. а). Къ архитектурному и пластическому убранству памятниковъ иногда присое-

Фиг. 310.

диняли также и расписыванье красками; но въ большинствѣ случаевъ оно, вѣроятно, замѣняло всѣ другія украшенія (ср. фиг. 311).

Фиг. 311.

Кромѣ вертикальныхъ памятниковъ, употреблялись также и горизонтальныя надгробія, то въ формѣ куба, то, какъ въ Малой Азіи, въ видѣ саркофага, съ рельефными фигурами, орнаментами и надписями. Всѣ надгробные памятники ставились на фундаментѣ, имѣвшемъ нѣсколько ступеней. Памятники людей богатыхъ обсаживались деревьями, или ихъ окружали настоящими садами. Время отъ времени памятники обвивали вѣнками изъ плюща и украшали цвѣтными лентами,¹ съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ отрядовъ. При Александрѣ Македонскомъ, пышность погребенія достигла опять громаднхъ размѣровъ, чему онъ первый подаль примѣръ. Гробница, сооруженная имъ его другу Гефестіону, была обремене-

нена художественными украшениями; она возвышалась на 130 локтей, утончаясь кверху уступами въ родѣ пирамиды.—По несравненно великолѣпнѣе была устроена колесница, въ которой на 64 мулахъ перевозили тѣло самого Александра изъ Вавилона въ Александрію. Она имѣла видъ раззолоченнаго храма, убраннаго золотыми украшениями, дорогими коврами и т. д.²

Что касается общественныхъ сооружений, то до окончанія персидскихъ войнъ, за исключеніемъ водопроводовъ, каналовъ, гаваней и тому подобныхъ построекъ, они были немногочисленны и притомъ очень скромно устроены. Для судебныхъ отправленій, народныхъ собраній и торжественныхъ церемоній отводились въ городахъ особыя мѣста, которыя просто обносили заборомъ (что встрѣчалось еще и въ позднѣйшее время) или оцѣпляли канатомъ; если же иногда и выстраивали изъ камня, то эти постройки не имѣли никакого художественнаго значенія.³

¹ Th. Panofka. Bilder antiken Lebens. Taf. X.—² A. Hirt. Gesch. der Baukunst bei den Alten. Berlin. 1820. II, 74 sqq.—³ F. Hermann. Staatsalterth. § 129 not. 9: главнымъ мѣстомъ народныхъ собраній въ Афинахъ былъ Рнх—вѣроятно, очень древнее — можетъ быть пелазгическое—зданіе, бывшее храмомъ или крѣпостью. Ср. также F. Forchham-

Богатая добыча, доставшаяся Афинянамъ въ войнахъ съ Персами, была употреблена ими на возобновленіе ихъ города. Первою представившеюся имъ задачею, было возведеніе вокругъ него укрѣпленій, что и было исполнено *Θεμιστοκломъ* и *Кимономъ* въ такихъ размѣрахъ, что преемникъ ихъ *Периклъ* могъ уже заботиться только объ украшеніи города зданіями. Въ художникахъ не было недостатка: *Иктинъ*, *Калликратъ*, *Мнесиклъ* и другіе, подъ руководствомъ *Фидія*, наполнили Акрополь аѳинскій великолѣпными храмами и статуями боговъ. Когда были удовлетворены такимъ блестящимъ образомъ потребности культа—обратились къ сооруженію свѣтскихъ зданій. Исполненныя какъ художественныя произведенія, и съ примѣненіемъ къ нимъ всѣхъ доселѣ добытыхъ формъ, эти зданія послужили образцами для всей Эллады. Въ разныхъ мѣстахъ ея появились подобныя же сооруженія, а въ первой половинѣ четвертаго столѣтія примѣру Аѳинъ слѣдовали и многіе города Пелопонеса. Постепенно постройка свѣтскихъ зданій усилилась до того, что уже подъ македонскимъ владычествомъ оказалась въ ущербъ храмамъ и другимъ религіознымъ сооруженіямъ.

Послѣ храмовъ, прежде всего принялись за постройку зданій назначенныхъ для общественныхъ игръ, такъ какъ эти игры стояли въ тѣсной связи съ религіею и составляли часть культа. При *Периклѣ* былъ заложенъ въ Аѳинахъ каменный театръ, устроенъ обширный музыкальный залъ (*Odeion*), и изящно обстроено ристалище (*hippodrom*) въ Олимпіи. Постройка этихъ сооружений, назначенныхъ вмѣщать въ себѣ большое количество народа, подвинула впередъ и строительную технику. Кромѣ издавна извѣстныхъ пріемовъ, выработались новые. Вѣроятно объ эту пору начали класть своды, изобрѣтателемъ которыхъ считаютъ *Демокрита*; но такъ какъ сводъ былъ уже извѣстенъ древнимъ Египтянамъ, Ассиріянамъ, Вавилонянамъ, а также и италійскимъ народамъ, то можно скорѣе предположить, что Греки не сами изобрѣли его, а переняли отъ названныхъ народовъ.

Театры. ¹

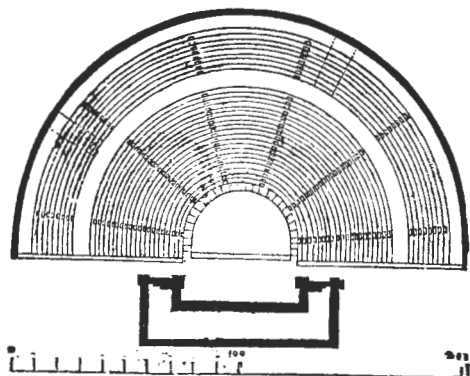
Первоначальные театры состояли изъ одной только переносной сцены, которую перевозили изъ мѣста въ мѣсто на телегѣ (какъ рассказываютъ о театрѣ *Θεсписа*); затѣмъ стали строить постоянныя досчатыя сцены довольно большаго объема ² (таковъ былъ первый театръ въ Аѳинахъ). Первый каменный театръ былъ заложенъ, какъ сказано, при *Периклѣ* въ Аѳи-

mer. Zur Topographie Athens. Göttingen 1833. G. Welker: Der Felsaltar der höchsten Zeus oder das Pelasgikon zu Athen. Berlin 1852, и W. Götting. Das Pelasgikon und die Pnyx in Athen. Jena 1853.—¹ Изъ сочиненій, приведенныхъ въ началѣ главы, см. въ особ.: H. C. Genelli. Das Theater zu Athen, hinsichtl. auf Architektur, Scenerie etc. Berlin. 1818, и прекрасные опыты реставрированія древн. театровъ *Штракк*. Das altgriechische Theatergebäude etc. 9 Tl. Potsdam. 1843. F. Wieseler. Theatergebäude und Denkmäler des Bühnenwesens etc. Göttingen. 1851. Cp. также J. W. Donaldson. Theatre of the Greeks. Ed. VI. Lndn. 1849.—² Böckh. Staatshaushalt. der Athener I, 236 (Anm. 290).

нахъ; по его образцу стали вѣроятно устраивать театры и въ другихъ городахъ ¹.

При постройкѣ театра обращали главное вниманіе на выборъ подходящей мѣстности. Выбирали обыкновенно какую нибудь покатость—склонъ холма напр., и въ ней вырубали или вырывали мѣста для зрителей (*theatron*; *koilon*)—амфитеатръ; плоскость у подошвы склона, назначенную для хора (*orchestra*), выравнивали, а за ней строили самую сцену и принадлежащія къ ней помѣщенія (фиг. 312).

Фиг. 312.

Зрители помѣщались на скамьяхъ поднимавшихся concentрическими ступенями. Скамьи эти (*coilon*), вырубленные въ скалѣ или вырытыя въ землѣ и выложенныя мраморомъ, занимали полукругъ продолженный тангенсами, или отрѣзокъ круга большій его половины. Задній (верхній) рядъ ихъ окружали колоннадой (*peripatos*). Широкіе concentрическіе проходы (*diazomata*) раздѣляли скамьи на нѣсколько этажей. Другіе ходы, поднимавшіеся вверхъ ступенями по направленію радіусовъ (*kekrides*), давали доступъ къ сидѣньямъ. Сами сидѣнья, нерѣдко очень изящнаго профиля, были въ задней своей части нѣсколько покаты внутрь, чтобы дать опору ногамъ зрителей сидящихъ выше. Каждое мѣсто было отдѣлено отъ сосѣднихъ полосами и нумеровано.

Орхестра имѣла всегда форму отрѣзка круга. Такъ какъ она бывала нерѣдко выложена мозаикою, то при представленіяхъ на нее настилали помость. Посрединѣ ея находился алтарь Діониса (*thymele*), а посрединѣ огибающаго ея хода такъ называемая хароновская лѣстница. Сцена отдѣлялась отъ амфитеатра широкими проходами, которые вели къ орхестрѣ. Они были совершенно открытые и запирались рѣшетками или воротами ².

Сцена, обыкновенно деревянная, помѣщалась противъ амфитеатра, какъ совершенно отдѣльное, самостоятельное зданіе. Такъ какъ она дѣлалась

¹ Изъ театровъ, построенныхъ по образцу афинскаго (оконченнаго только при Ликургѣ, 408—328), самымъ замѣчательнымъ былъ мегалопольскій. Онъ вмѣщалъ въ себѣ до 44000 зрителей. Внутри его былъ никогда неизсякавшій ключъ.—² Ср. ниже: римскіе театры.

только немного длиннѣе оркестры, то зрители могли свободно видѣть открывавшійся по сторонамъ ея и за нею ландшафтъ. Она состояла обыкновенно изъ подстройки, поднимавшейся на 10 — 12 фут. отъ земли, и продолговатаго четырехугольнаго зданія съ двумя боковыми флигелями, которое ограничивало съ трехъ сторонъ такую же продолговатую четырехугольную площадь—собственно сцену, гдѣ играли актеры (*proskenion*; *logeion*). Передній фасадъ главнаго зданія (*skenae*) служилъ постоянною декорациею и имѣлъ три двери, изъ коихъ каждая имѣла особое назначеніе. Боковыя пристройки или флигеля (*paraskenia*) давали возможность ставить и подвижныя боковыя декорации *. Сообщеніе между сценою и оркестрою происходило вѣроятно при помощи переносной лѣстницы. — Такъ какъ изъ указаній даже и древнѣйшихъ авторовъ видно, что на греческихъ театрахъ употреблялись машины или приспособленія для произведенія полетовъ и т. п., то надобно предполагать что покрайней мѣрѣ проскеній былъ покрытъ, хотя остатковъ крышъ нигдѣ не сохранилось. Сцена вѣроятно закрывалась такъ же, какъ и на римскихъ театрахъ, занавѣсомъ, который поднимался. ** — Съ развитіемъ драмы, умножились и усовершенствовались и машины театральныя. Уже Эсхиль прибѣгалъ къ нимъ для того чтобы усилить впечатлѣніе; Софокль употреблялъ ихъ еще чаще; при немъ же и самая сцена получила иной видъ, благодаря усовершенствованію декораций, которымъ особенно прославился Клісоевъ.

Одеоны ¹ были круглыя зданія весьма различныхъ размѣровъ. Они вмѣщали въ себѣ сцену, возвышавшуюся посрединѣ, и окружавшія ее мѣста для зрителей. Крыша, сдѣланная на подобіе зонтика или палатки, поддерживалась колоннами. ² О Перикловомъ одеонѣ разсказывается, что онъ былъ копіею съ палатки Ксеркса и что крыша его была сложена изъ персидскихъ мачтъ.

Гипподромъ, ³ какъ мѣсто исключительно назначенное для скачки на лошадахъ и колесницахъ, имѣлъ соотвѣтственно этому назначенію значительную длину. Вмѣстѣ съ скамьями, расположенными вокругъ него амфитеатромъ, онъ занималъ очень удлиненный овалъ, который по длинѣ раздѣлялся низкою перегородкою (*spina*). Мѣсто, съ котораго отправлялись состязавшіеся (*aphesis*), было расположено такъ, что выѣзжавшія одна за

* О нихъ заимствуемъ изъ очень интересной и богатой подробностями статьи Ордынскаго: «О древнегреческомъ театрѣ» (Соврем. Т. XXV. Отд. II). Когда сцена должна была представлять лагерь, поле, лѣсъ и т. п., или когда она должна была перемѣняться, то употреблялись (въ томъ и другомъ случаѣ) періакты — трехъ-стороннія призмы, вращавшіяся на вертлюгахъ; каждая сторона призмы представляла особый видъ. Періакты замѣняли наши кулисы. Они стояли по бокамъ, между параскеніями и сценою, и притомъ такъ, что зрители видѣли только одну сторону періакта. Между сценою и періактами оставалось свободное пространство, черезъ которое входили и выходили дѣйствующія лица. — ** Вѣрнѣе не закрывалась, потому что не могла быть отдѣлена отъ оркестры, которая составляла ея продолженіе; между тѣмъ какъ въ римскомъ театрѣ, гдѣ оркестра была продолженіемъ амфитеатра, сцена могла быть отдѣлена отъ нея занавѣсомъ (Ордынск.) — ¹ C. Rose. Ueber die Odeen in Athen. Rom und Karthago. Soest. 1831. — ² Всѣ зданія могли походить на пынѣшніе цирки. — ³ H. Krause Gymnastik und Agonistik. der Hellenen. I, 147 sqq.

другой колесницы становились всё на одинаковомъ разстояніи отъ цѣли. * Какъ на этомъ мѣстѣ, такъ, вѣроятно, и вдоль перегородки были разставлены жертвенники, статуи и другія художественныя произведенія. На олимпійскомъ ристалищѣ знакъ къ отъѣзду подавался съ помощью особаго механическаго приспособленія, въ родѣ вѣсоваго коромысла, которымъ поднимался мѣдный орелъ и въ тоже время опускался дельфинъ.

Вблизи гипподромовъ, а позднѣе нерѣдко въ одной связи съ ними, устраивались помѣщенія для бѣганья въ запуски и гимнастическихъ упражненій (стадіи и дромы). Стадіи ¹ были длинныя и всегда слегка покатыя ² площадки, оканчивавшіяся полукружіемъ. На обоихъ концахъ ихъ, занимая среднюю между прямыми перегородками (balbis), возвышались четырехугольныя столбы — служившіе цѣлью бѣга (termæ); между столбами выставлялись призы. Полукружіе позади дальняго столба, было назначено для состязаній въ борьбѣ, въ кулачномъ бою и вообще для такихъ игръ, которыя не требовали большого пространства. На постройку стадіей затрачивали нерѣдко большія суммы, особенно въ позднѣйшее время, когда и обширныя стадіи строили изъ цѣльнаго мрамора. ³

Постройки, имѣвшія въ виду нужды и удобства городскихъ жителей, стали появляться сравнительно довольно поздно. Они строились отчасти на иждивеніе государства, отчасти на средства частныхъ лицъ. Къ учрежденіямъ послѣдняго рода относятся школы для тѣлесныхъ упражненій (гимназіи; палестры) и бани (термы). Исключительно на счетъ государства устраивались мѣста для народныхъ собраній или рынки (агога), суды и городскія управы (стои, пританеи).

Гимназіи, ⁴ первоначально просто огороженныя площади, развились въ зданія не ранѣе конца персидскихъ войнъ. На нихъ на первыхъ начала испытывать свои силы гражданская архитектура и, соединяя цѣлесообразное устройство съ изяществомъ внѣшней формы, успѣла создать изъ нихъ истинно великолѣпныя сооруженія. Такими были онѣ покрайней мѣрѣ въ Аѳинахъ. Окружающія ихъ колоннады (перистили), съ устроенными подъ ними открытыми и углубленными въ ниши сидѣньями (exedrae), сдѣлались любимымъ сборнымъ мѣстомъ аѳинянъ. Между тѣмъ какъ во внутреннихъ залахъ гимназій юношество упражнялось въ гимнастикѣ, подъ наружными

* Греческій гипподромъ, также какъ и римскій циркъ (circus), былъ удлинненный четырехсторонникъ, одна изъ поперечныхъ сторонъ котораго, именно сторона противоположная главному входу, оканчивалась полукругомъ. Въ греческомъ гипподромѣ стояла для лошадей и колесницъ (aphesis) были расположены по островерхой дугѣ, вершиною обращенной во внутрь ристалища, такъ что обѣ половины aphasis, или оба ряда стоялъ, составляли съ переднею стѣною гипподрома треугольникъ съ прямымъ основаниемъ и выгнутыми боками, или представляли очертаніе корабельнаго носа (Rich. Diction. des antiquités romaines et grecques. Trad. de M. Chéruel) Пер. — ¹ Н. Krause. Op. cit. I, 131. sqq.—² Поэтому для нихъ выбирали обыкновенно покатою холма.—³ Стадія въ Лаодикѣ имѣла 1000 фут. длины и 90 фут. ширины; стадія въ Ефесѣ 746 фут. длины и 123 фут. ширины; окружавшій ее амфитеатръ имѣлъ 77 фут. ширины.—⁴ A. Becker. Charikles I, 309 sqq. Taf. II.

портками ихъ толпились гуляющіе, въ нишахъ сидѣли риторы, окруженные своими учениками.

Передняя часть гимназіи назначалась исключительно для упражненій въ борьбѣ и называлась палестрою.¹ Это былъ четырехугольный залъ около 1200 фут. въ окружности, обведенный вокругъ перистилемъ съ двойнымъ рядомъ колоннъ на сторонѣ обращенной къ югу. Посрединѣ этой двойной колоннады находилась дверь, которая вела въ другой, самый большій изъ всѣхъ, залъ — мѣсто упражненія эфевовъ (ephebeion). И этотъ залъ былъ обнесенъ перестилемъ, и кромѣ того обставленъ по стѣнамъ сидѣньями. На право отъ входной двери была устроена комната для одѣванья (korykeion), за нею слѣдовала комната, въ которой натирались пескомъ (konistra) и наконецъ, комната для холодныхъ ваннъ (lustron). По лѣвую сторону эфевеона помѣщались теплыя бани, съ постепенно возвышавшеюся температурой, и другая комната для натиранія масломъ (elaeothesion). Къ тремъ остальнымъ сторонамъ зала примыкали открытые полукруглые дворы, обнесенные стѣнами, вдоль которыхъ были разставлены каменные скамьи, кресла, и т. п. Дворы эти были родъ гостиныхъ, куда сходились для разговоровъ. Большой, окруженный перестилемъ дворъ, занимавшій около 6000 кв. фут., служилъ мѣстомъ для большихъ гимнастическихъ упражненій.

Это переднее отдѣленіе гимназіи соединялось портикомъ съ пространною площадью обнесенною снаружи стѣною, а внутри обставленною съ трехъ сторонъ колоннами. Обращенная къ западу сторона площади оканчивалась двойнымъ рядомъ колоннъ. Середина площади была усажена деревьями, между которыми находились углубленные мѣста для упражненій. Иногда къ этой площади и, вѣроятно, параллельно ея ширинѣ, примыкалъ стадій, составляя третье главное отдѣленіе гимназіи.

Бани,² какъ общественныя, такъ и частныя, были въ древнѣйшее время, вѣроятно, очень скромныя зданія, заключавшія въ себѣ просторную комнату съ куполообразнымъ потолкомъ, въ которомъ находилось довольно большое окно, и съ бассейномъ занимавшимъ средину этой комнаты.³ Вообще говоря, извѣстія объ устройствѣ греческихъ бань слишкомъ недостаточна, чтобы изъ нихъ можно было извлечь что нибудь, кромѣ названій различныхъ отдѣленій, которыя входили въ составъ бань позднѣйшаго времени.⁴ По дошедшимъ до насъ изображеніямъ видно, что въ этихъ послѣднихъ были даже искусственныя дѣши, которыя брали въ разныхъ положеніяхъ — стоя, сидя и даже присѣвши. — Богатые люди брали въ баню свой собственный банный снарядъ, который приносили за ними ихъ рабы.⁵ Снятое платье вѣшали на колки или развѣшивали на шестахъ.

¹ Гимназія заключала въ себѣ множество отдѣльных залъ для бѣга, стрѣльбы изъ лука, и т. д. и кромѣ того (какъ въ Афинахъ) различныя комнаты, гдѣ сходились для бесѣды. Палестра, составляя часть гимназіи, было однакожъ особымъ самостоятельнымъ заведеніемъ. Между тѣхъ какъ въ гимназіяхъ упражнялись люди всѣхъ возрастовъ, въ палестрахъ учились только мальчики и приготавливались атлеты; эфевы, хотя и не были исключены изъ палестры, но принадлежали преимущественно къ гимназіи. Таково мнѣніе Беккера противъ Краузе: *Agonistik.* — ² A. Becker. *Charikles.* II, 135. — ³ O. Müller. *Handbuch.* § 292. — ⁴ Ср. въ слѣдующей главѣ — римскія бани. — ⁵ См. между прочимъ Th. Panofka. *Bilder antiken Lebens.* Taf. XVIII. Fig. 9—11.

Рынки или торговые площади,¹ не всегда правильной формы, иногда занимали довольно большія пространства. Они были окружены со всѣхъ сторонъ крытыми портиками, или же на нихъ стояли отдѣльные портики. Афинская площадь (какъ, безъ сомнѣнія, и площади въ другихъ большихъ городахъ) была уставлена статуями, алтарями, и кромѣ того, усажена платанами, такъ что по окончаніи рынка обращалась въ гульбище. Для каждого сорта товаровъ имѣлось особое мѣсто, гдѣ и помѣщались всѣ торговавшіе этимъ товаромъ; такимъ образомъ весь рынокъ дѣлился на нѣскольکو отдѣльныхъ рынковъ, называвшихся по продававшемуся на нихъ товару: былъ рыбный рынокъ (открытіе котораго возвѣщалось колоколомъ), мясной, и даже хлѣбный. Торговки вѣнками и, вѣроятно вмѣстѣ съ ними, торговавшія головными повязками, помѣщались на такъ наз. миртовомъ рынкѣ. Въ числѣ рынковъ былъ также рынокъ рабовъ.² Впослѣдствіи, впрочемъ не ранѣе александрійской эпохи, когда частные люди стали заводить библіотеки—появился книжный рынокъ.³ Особыя мѣста были отведены для мѣнялъ и для торговцевъ предметами роскоши.

Товары раскладывали на матахъ или на скамьяхъ, отчасти подъ открытымъ небомъ, отчасти въ лавкахъ,строенныхъ изъ жердей или камыша, или просто подъ навѣсомъ (ср. Раус. X. 32 (9)).⁴

Въ окрестностяхъ главнаго рынка помѣщались суды (stoai, basilikai)⁵ и грамматическія школы для мальчиковъ.⁶ По крайней мѣрѣ такъ было въ греко-италійскихъ городахъ.⁷ Какъ въ этихъ послѣднихъ, такъ, вѣроятно, и въ собственно греческихъ городахъ, стои и базилики были продолговатыя четырехугольныя зданія, внутри раздѣленныя нѣсколькими рядами колоннъ, и на одномъ концѣ оканчивавшіяся полукружіемъ, въ которомъ помѣщались сидѣнья для судей.

Объ устройствѣ другихъ государственныхъ построекъ — булевтерій, пританеевъ⁸ и т. д., по совершенному недостатку извѣстій, невозможно даже и предположенія. За исключеніемъ пританеевъ, гдѣ собирався совѣтъ для засѣданій и гдѣ пританы обѣдали на общественный счетъ,⁹ остальные зданія едва ли могли быть велики, тѣмъ болѣе что, какъ извѣстно, большія народныя собранія происходили въ позднѣйшее время почти всегда въ театрахъ.

Крѣпостныя постройки:¹⁰

При укрѣпленіи Афинъ, между прочимъ, имѣлось въ виду обезпеченіе имъ гавани.¹¹ Съ этою цѣльюThemistokles построилъ толстую каменную стѣну,

¹ A. Becker. Op. cit. I, 249 268. C. Curtius. Ueber die Märkte hellenischer Städte (Archaeol. Ztg 1848. N. 9).—² Выведенные на продажу варвары (продавали только рабовъ негреческаго происхожденія) стояли совершенно нагіе, или раздѣвались передъ покупателями: A. Becker, op. cit. II, 28, 29.—³ Ср. A. Becker. op. cit. I, 205.—⁴ Ibid. 269.—⁵ O. Müller. Handbuch. § 291 (1—6).—⁶ A. Becker. Charikles I, 46.—⁷ Ср. въ слѣд. главѣ: «постройки». —⁸ F. Hermann. Privatalterth. § 18 sqq.—⁹ его же: Staat-salterth. § 127 (2. 14). —¹⁰ W. Rustow und H. Köchly. Gesch. des griech. Kriegswesens, особ. стрр. 54, 193, 264, 307, 405.—¹¹ O. Müller. Handb. § 105; ср. A. Böckh. Staatshaushalt. I, 69.

которая охватывала полуостровъ Мунихію вмѣстѣ съ мѣстечкомъ Пирей. Стѣна эта, имѣвшая 60 стадій длины и 60 фут. вышины, и складенная изъ большихъ четырехугольныхъ камней скрѣпленныхъ между собою одними только желѣзными скобами, была такъ широка, что на гребнѣ ея могли свободно разѣхаться двѣ колесницы. Позднѣе она была продолжена пристройками отъ 35 до 40 стадій длины и соединена съ Афинами.

Несравненно медленнѣе возникали крѣпостныя постройки у Спартанцевъ. Сюзистари считали они позорнымъ укрѣплять свой городъ стѣнами и рвами и даже срывали укрѣпленія завоеванныхъ ими городовъ.¹ По этому можно предполагать, что Спарта была обнесена стѣною не ранѣе македонскаго періода.² Еще около 297 до Р. Х., въ войнѣ съ Деметріемъ, Спартанцы довольствовались для защиты своего города простымъ ровомъ укрѣпленнымъ на самыхъ открытыхъ мѣстахъ тынникомъ и насыпями.³

Иначе было въ отдѣлившихся отъ Спарты пелопоннесскихъ государствахъ. Уцѣлѣвшіе остатки укрѣпленій Мессены⁴ показываютъ еще и теперь, что этотъ городъ былъ окруженъ крѣпкою стѣною въ 30 фут. вышины, съ зубцами и башнями. Иныя башни круглы, другія четырехугольны и соединены съ терпленомъ воротами, похожими на микенскія. Главныя городскія ворота были впрочемъ двойныя, о двухъ затворахъ соединенныхъ между собою каменными стѣнами, составлявшими бока пролета. Таковы лучше другихъ сохранившіеся ворота: они о двухъ башняхъ, по одной надъ каждымъ затворомъ, а затворы отдѣлены одинъ отъ другого круглымъ дворомъ въ 62½ ф. Стѣны и башни сложены изъ гладко притесанныхъ четырехугольныхъ камней безъ всякаго цемента. Камни обтесаны только съ внутренней стороны, а снаружи оставлены безъ обдѣлки. Въ послѣ-македонскую эпоху появились еще болѣе сильныя укрѣпленія⁵.

Замки (акрополи) съ изстари устраивались преимущественно на возвышеніяхъ и, образуя центры разраставшихся около нихъ городовъ, сохранили, какъ въ Атикѣ такъ и въ Пелопоннесѣ, до послѣдняго времени характеръ цитаделей. Но кромѣ того, они почитались священными, какъ бывшія жилища древнихъ героевъ, и потому въ нихъ по преимуществу сосредоточивались храмы и святилища народныхъ боговъ, особенно боговъ покровителей города. Такимъ образомъ они становились какъ бы сокровищницами художественныхъ произведеній. На этомъ основаніи и всѣ постройки акрополей—стѣны, рвы, башни, ворота—исполнялись съ художественностью, которая соответствовала характеру заключавшихся въ нихъ сооружений. Акрополь афинскій былъ образцовымъ и въ этомъ отношеніи⁶. Входъ въ него (*propyleion*) былъ обстроенъ великолѣпными портиками, украшенными драгоценными картинками; ко входу вела широкая каменная лѣстница, остатки которой видны еще и нынѣ.

Постройка полевыхъ укрѣпленій и осадныхъ машинъ началась въ Греціи не ранѣе Пелопоннесской войны или даже передъ концомъ ея, когда, бла-

¹ O Müller. Dorier II, 285 sqq.—² F. Sthaaß. Encyklop. d. klass. Alterth. Magdeburg. 1839, — ³ Pausan. I, 13 (5). — ⁴ A. Blouet. Expédition scientifique de la Morée. Paris. 1831—39. Pl. 27 sqq.—⁵ W. Rüstow und H. Köchly. Geschichte des griech. Kriegswesens. 197; 307; 405 sqq.—⁶ См. между прочимъ F. Kugler. Gesch. der Baukunst. I, 241 sqq.

годаря успѣхамъ механики, были изобрѣтены осадныя машины болѣе сложныя чѣмъ простыя осадныя орудія, бывшія въ дѣйствиі при осадѣ Самоса ¹. Постепенно усложняясь и увеличиваясь, эти машины превратились въ настоящія зданія. Но такими сдѣлались онѣ не ранѣе эпохи Александра Македонскаго, при преемникахъ котораго осадная война составляла уже важную часть военнаго искусства.

Лагерь устроивался по старинному способу. Лакедемоняне, слѣдуя предписанію Ликурга, располагали свой лагерь кругомъ ² и притомъ такъ, что палатки каждаго отдѣла войскъ занимали определенное для нихъ мѣсто. Передъ каждою палаткою было разложено вооруженіе занимавшихъ её воиновъ тоже въ известномъ порядкѣ. Палатки дѣлались изъ кожи и вѣроятно были очень легки и удобно переносимы. Лагерь обыкновенно не укрѣпляли (за рѣдкими исключеніями), но охраняли стражею, за правильною смѣною которой строго наблюдали. Обычный порядокъ жизни не прерывался и въ лагерѣ: въ немъ точно также, какъ и внѣ его, занимались гимнастическими играми и отправляли религіозныя обряды.

У Аѳинянъ устройство лагеря обуславливалось мѣстностью, на которой онъ располагался ³, хотя правильность въ размѣщеніи отдѣловъ войска соблюдалась также какъ и у Лакедемонянъ, и были тоже отведены особыя мѣста для тѣлесныхъ упражненій и для принесенія жертвъ богамъ. Аѳиняне располагались въ лагерѣ съ большими удобствами чѣмъ Спартанцы: они окружали его валомъ и рвомъ, и палатки ихъ были покойнѣе. Особенными удобствами и даже великолѣпіемъ отличались ставки знатныхъ воиновъ во время Александра. Его собственная палатка была убрана узорчатыми и протканными золотомъ коврами (Athen. V, 25 sqq. XII, 55) ⁴.

При осадѣ укрѣпленныхъ мѣстъ, осаждающіе окружали ихъ стѣною или палисадами, или обрывали валомъ и рвомъ. Осажденные, съ своей стороны, старались помѣшать этому постройкою тоже палисадовъ, которые шли въ разрѣзъ съ возводимыми непріятелемъ, такъ что прерванная такимъ образомъ линія этихъ послѣднихъ, вмѣсто того чтобы служить цѣлямъ осаждающихъ, становилась для нихъ новымъ препятствіемъ, которое еще предстояло одолѣть.

Если не удавалось принудить осаждаемое мѣсто къ сдачѣ голодомъ, его брали приступомъ. Ворота разбивали топорами или поджигали; стѣны подкапывали, или всходили на нихъ по лѣстницамъ, или разрушали стѣнобитными машинами.

Простѣйшею изъ нихъ былъ таранъ (krios), уже известный древнѣйшимъ азійскимъ народамъ, но введенный у европейскихъ Грековъ только при Периклѣ, во время осады Самоса ⁵. Онъ состоялъ изъ окованнаго желѣзомъ толстаго бревна, которое висѣло на подставкахъ и, приведенное въ качатель-

¹ F. Vischer. Beitr. zur Geschichte des pelopon. Krieges (Schweizer-Museum für historische Wissenschaft. Frauenfeld. 1837. I, 372). F. Hermjann. Culturgesch. des klassischen Alterthums I, 191; 222 sqq.—² O. Müller. Dorier. II, 247 sqq. — ³ Cp. H. Nast. Einleitung in die griech. Kriegsalterth. 720 sqq.—⁴ C. Bötticher. Ueber das Heilige und Profane. 32. not. 67 sqq.—⁵ W. Rüstow und H. Köchly. p. 308.

ное движение, пробивало стѣну. Подобнаго устройства былъ и такъ называемый *trypanon*.

Для защиты отъ непріятельскихъ метательныхъ снарядовъ ставили большіе щиты, двигавшіеся на колесахъ; ими прикрывали людей, работавшихъ надъ разрушеніемъ непріятельской стѣны. Позднѣ вошли въ употребленіе подвижныя башни (*pyrgoi*), подобныя древнеассирійскимъ и персидскимъ. Съ помощію ихъ осаждающіе всходили на гребень стѣны осажденнаго города и могли бросать оттула разнаго рода метательные снаряды.

Окончательный свой видъ и вмѣстѣ обширное примѣненіе получили всѣ эти машины при Филиппѣ Македонскомъ, во время осады имъ Перинта и Византіи, (341 г. до Р. Х.) благодаря дѣятельности бывшаго при немъ инженера Полеида. Ученики послѣдняго Діадъ и Херей были призваны Александромъ вмѣстѣ съ Динехомъ, Посидоніемъ и Кратесомъ, которые отличились изобрѣтеніемъ новыхъ машинъ и улучшеніемъ существовавшихъ.

Вмѣстѣ съ измѣненіями и улучшеніями собственно осадныхъ орудій — т. е. тарановъ, щитовъ для прикрытія осаждающихъ (*chelone kriophoroi*, *chelone chostrides*) и др. особенное вниманіе механиковъ было обращено на возможно цѣлесообразное устройство подвижныхъ башенъ ¹. Ихъ строили въ нѣсколько этажей изъ крѣпкихъ бревенъ, снаружи обивали досками и обтягивали невыдѣланными кожами. Этажи сообщались между собою внутреннею лѣстницею, которая доходила до самой крыши; каждый этажъ былъ обнесенъ галлереею и освѣщался окномъ. Высота башенъ была различна, но вообще не менѣе 90 фут. при 25 кв. фут. основанія. Число этажей въ такихъ башняхъ доходило до 10. Но были башни и въ 20 этажей; высота ихъ составляла 180 фут.; а ширина при основаніи 35 фут. съ каждой стороны. Еще большій объемъ получили онѣ при Дмитріѣ Полиоркетѣ (или осаждателѣ городовъ). Основаніе ихъ было увеличено до 75 кв. фут.; для большей прочности ихъ связывали желѣзными болтами и снаружи покрывали желѣзными листами; кромѣ того, къ нимъ придѣлывались на извѣстной высотѣ легко подвижные откидные мосты (*epibathra*). Иногда верхній этажъ башни строился плоскимъ, такъ что на немъ можно было ставить тараны и другія стѣнобитныя орудія.

Походъ Александра въ Индію познакомилъ Грековъ и съ вооруженными слонами Индусовъ; въ греческое войско слоны были введены однакожъ позднѣ, но не въ большомъ числѣ и то лишь временно; Римляне встрѣтили ихъ въ войскѣ Пирра. ²

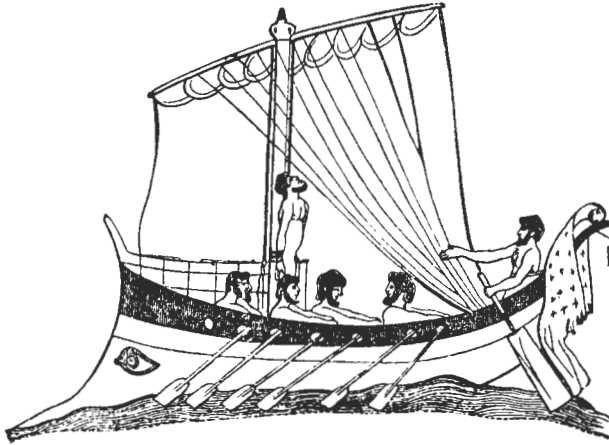
Кораблестроеніе. ³

Развитію его въ Греціи способствовали преимущественно предприимчивые жители острововъ и морскихъ побережій, уже въ глубокой древности пла-

¹ Для всего нижеслѣдующаго см. очень подробныя и снабженныя объяснительными рисунками изслѣдованія Рюстова и Кёхля стр. 309 и слѣд. 405 и слѣд. — ² W. Rüstow u. Köchly op. cit. 265, 367, 414. и S. Köpke. Ueber das Kriegswesen der Griechen etc. 268 sqq. — ³ H. Nast, Einleitung in. d. griechisch. Kriegsalterth. S. 278. S. Höpke. Ueber das Kriegswesen der Griechen. S. 270 sqq. H. v. Minutoli. Ueber den Seeverkehr und das Schiffswesen der Alten (Zeitschr. für Wissensch. und Gesch. des

вавшие на своих неуклюжихъ торговыхъ судахъ, устроенныхъ почти исключительно для перевозки грузовъ. Такія же суда, но вооруженныя, употреблялись и для военныхъ дѣйствій на морѣ, напр. во время войны Коринѳа съ Корцирою (664 до Р. X). Можно даже принять, что изъ такихъ же судовъ, хотя и лучше приспособленныхъ къ военному дѣлу, состоялъ флотъ Поликрата (ср. Оукидида I. 13. 14).

Фиг. 313.

Купеческія суда строились широкими и крутобокими для того, безъ сомнѣнія, чтобы средняя ихъ часть могла вмѣщать въ себѣ возможно больше груза (фиг. 313). Вообще устройствомъ своимъ они вѣроятно мало отличались отъ судовъ гомеровской эпохи, но съ развитіемъ торговли объемъ ихъ постоянно увеличивался, такъ что во время пелопонезской войны транспортныя суда могшія вмѣстить въ себѣ, кромѣ груза и экипажа, еще 500 человѣкъ пассажировъ, не считались очень большими ¹.

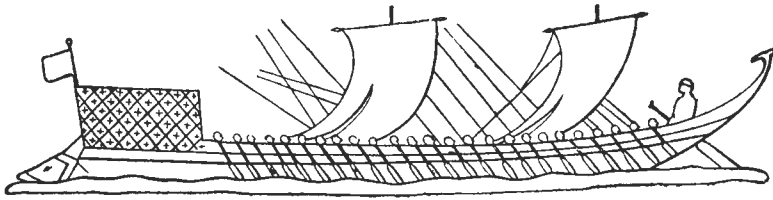
Битвы при Артемизіи и Саламинѣ (480 до Р. X.) убѣдили Аѳинянь въ необходимости образовать настоящій военный флотъ. Вслѣдствіе этого, по инициативѣ Оемистокла, были немедленно построены 200 кораблей и изданъ законъ, обязывавшій государство поставлять ежегодно по 20 судовъ на свой счетъ ². Эти мѣры доставили Аѳинянамъ, въ короткое сравнительно время, значительныя морскія силы и подняли у нихъ кораблестроеніе на небывалую дотолѣ высоту. ³ Всѣ изобрѣтенія и улучшенія, достигнутыя при постройкѣ военныхъ судовъ, примѣнялись и къ перевознымъ или купеческимъ, такъ что подъ конецъ эти послѣднія стали во всемъ походить на первыя, отличаясь отъ нихъ лишь большею вмѣстимостью.

Такъ какъ отъ военныхъ судовъ требовалась прежде всего легкость и удобоподвижность, то имъ давали удлиненную форму и увеличивали на нихъ число гребцовъ, устраивая скамьи для послѣднихъ въ нѣсколько рядовъ вдоль обоихъ бортовъ судна ⁴. Первый опытъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ

Кrieges) Berlin. 1835 H. Thiersch. Ueber den Schiffsbau der Griechen und Römer. Marburg. 1851. F. Hermann. Privatalterth. § 50. not. 14 sqq.—¹ A. Böckh. Staatshaushalt. I, 52. — ² Ibid. 268 sqq. — ³ Въ эпоху процвѣтанія Аѳинъ они насчитывали у себя отъ 300 до 400 военныхъ судовъ, Попеченіе о постройкѣ ихъ

коринфскимъ судостроителемъ Аминокломъ ¹. Съ тѣхъ поръ суда съ однимъ рядомъ скамей для 50 гребцовъ употреблялись во флотъ только для перевозки и т. п. Настоящія же боевыя суда уже со времени пелопонезской войны стали строиться не менѣе какъ съ тремя рядами скамей (триремы) ² а въ послѣдствіи съ 4-мя, 5-ю и болѣе.

Фиг. 314.

Дальнѣйшія улучшенія состояли въ обивкѣ киля толстыми досками и въ снабженіи корабельнаго носа мѣднымъ наконечникомъ, чтобы пробивать имъ непріятельскія суда ³.

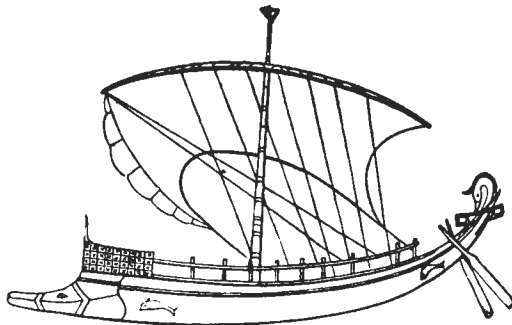
Древній обычай украшать суда фигурами и эмблемами соблюдался и для военныхъ кораблей позднѣйшаго времени ⁴. Очень можетъ быть, что каждое государство выставляло на принадлежащихъ ему судахъ свою особую эмблему (какъ Аѳины на своихъ—изображеніе богини Аѳины). Эти эмблемы или фигуры помѣщались на кормѣ. Носъ корабля украшали тоже какимъ-нибудь изображеніемъ и кромѣ того давали ему удлинненную форму въ видѣ гусиной шеи (*protome chenos*). Иногда и корма и носъ корабля были удлиннены и загнуты то наружу, то внутрь (ср. фиг. 315).

Обыкновенно корабли были безъ палубы, или палуба закрывала только часть корабля; но для защиты отъ напора волнъ и отъ непріятельскихъ стрѣлъ вдоль бортовъ натягивали кожи ⁵. На кормѣ было устроено мѣсто для рулевого, а на носу для сторожевого. Два большія весла замѣняли руль (ср. фиг. 313; 315). Число мачтъ, парусовъ и снастей зависѣло отъ величины судна ⁶.

было возложено на «совѣтъ пятисотъ». Въ началѣ пелопонезской войны Периклъ послалъ въ Пелопонесъ 100 судовъ, къ которымъ присоединились 50 судовъ союзниковъ, и 30 судовъ были отправлены кромѣ того въ Локриду. Въ слѣдующемъ году Периклъ взялъ съ собою въ Эпидавръ 100 аѳинскихъ, и 50 лезвійскихъ и хіосскихъ триремъ. Годъ спустя были вооружены 40 триремъ противъ Лезвійцевъ, 30 противъ Пелопоннеса и 100 для защиты береговъ Аттики. Для сицилійской войны было послано 250 военныхъ судовъ. Даже и послѣ неудачи въ Сициліи, Аѳины съ 86 кораблями разбили Лакедемонянъ при Абидосѣ. Вскорѣ прибыли Алкивиадъ съ 100 и Кононъ съ 75 судами, такъ что вмѣстѣ съ союзными судами Аѳины могли выставить около 250 судовъ. При концѣ Пелопонезской войны, передъ битвой при Херонеемъ, у Аѳинянъ было еще около 200 судовъ (ср. Thukid. II. 24—28 56; III. 3. 7. 16; VIII, 104; Xenoph. Hellen. I. 5. 6; Diod. XIII, XX. 46). — ¹ Объ устройствѣ этихъ скамей ср. A. Böttiger und H. Meyer Archaeolog. Hefte oder Abbild. zur Erläuterung etc. I Heft. Weimar. 1801. I Bd. Nr. 3. Taf. III. — ² Thukid. I, 13. Ср. выше. фиг. 171. а. б. — ³ Ср. рисунки въ G. Miceli. Monumenti per servire alla Storia degli antichi popoli italiani. Firenze. 1832. Pl. CIII. и въ слѣд. главѣ: «кораблестроеніе». — ⁴ Köpke. Ueber das Kriegswesen der Griechen etc. 160 sqq. — ⁵ Cp. A. Becker. Charikles II, 60. — ⁶ Köpke op. cit. 164 sqq. — ⁶ A. Böckh. Urkunden über das Seewesen etc. attischen Staates. Berlin. 1840. S. 144.

На каждомъ кораблѣ было по нѣскольку якорей; они были желѣзные обѣ одной или о двухъ лапахъ, и висѣли обыкновенно вдоль бортовъ. Корабли раздѣлялись на собственно боевыя (*tacheiä*—быстроходы) и перевозныя, на которыхъ перевозили воиновъ (*stratiutides*; *hoplitagouoi*).¹ Каждый пе-

Фиг. 315.

ревозный корабль поднималъ отъ 40 до 50 воиновъ и отъ 130—140 гребцовъ. Сверхъ этихъ двухъ разрядовъ судовъ въ каждомъ флотѣ было значительное число небольшихъ шлюпокъ и лодокъ, служившихъ для перевозки провiанта, аммуниціи и мастеровыхъ. За флотомъ слѣдовали вѣроятно также и маркитанты въ своихъ лодкахъ.

Передъ отплытіемъ флота, всѣ суда украшали цвѣтами и вѣнками, и приносили жертвы морскимъ божествамъ. По знаку, поданному съ адмиральскаго корабля, флотъ трогался съ мѣста: впереди шли небольшія суда, за ними вооруженныя военныя и, наконецъ, транспортныя и лодки.

Готовясь къ битвѣ, суда становились обыкновенно полумѣсяцомъ, то рогами, то серпомъ къ непріятелю,² и затѣмъ строились клиномъ, стараясь прорвать его линію, или нападали на нее съ обѣихъ фланговъ. Чтобы заставить непріятеля отступить, въ него кидали колья, камни и зажигательныя снаряды³, или сбѣлялись съ нимъ бортами и завязывали рукопашный бой. Всѣми этими движеніями управлялъ главнокомандующій съ своего корабля посредствомъ сигналовъ. Пока продолжалось сраженіе, на его кораблѣ былъ поднятъ золоченый щитъ и красный флагъ; снятіе ихъ означало приказаніе прекратить бой и отступить.

При осадѣ укрѣпленныхъ мѣстъ приморскихъ, ихъ окружали со стороны моря кораблями, которые связывали одинъ съ другимъ крѣпкими желѣзными цѣпами или соединяли мостами, и затѣмъ ставили на связанныя корабли осадныя машины⁴. Эти послѣднія отличались отъ сухопутныхъ только тѣмъ, что были приспособлены къ постановкѣ на суда.

Въ послѣ-македонскую эпоху появились суда, величиною и убранствомъ своимъ превосходившія всё дотогѣ видѣнное. На нихъ было по 20 и по 30

¹ Его же: Staatshaushalt I, 101.—² Ср. Н. Наст. op. cit. 388. — ³ См. чрезвычайно живое описаніе морскихъ битвъ у Фукидида I, 48; II, 83, 90 — 92; IV, 26 — 40; VIII, 104—107 и т. д.—⁴ См. Діодорова описаніе осады Тира Александромъ (Diod. XVII) и осады Родоса (XX). Ср. W. Rüstow u. Köchly. S. 326 sqq.

ярусовъ скамей для гребцовъ. Иные флоты насчитывали болѣе двухъ сотъ такихъ судовъ, кромѣ безчисленнаго множества небольшихъ лодокъ и ботовъ, которые ихъ сопровождали.¹

Одно изъ самыхъ огромныхъ судовъ, о которомъ особенно упоминаютъ древніе писатели,² было построено по приказанію царя Гіерона. 300 рабочихъ, подъ надзоромъ Архимеда, трудились надъ нимъ въ теченіи цѣлаго года. Оно было снабжено всѣми возможными удобствами и отдѣлано необыкновенно роскошно. Полы каютъ (которыхъ было до 30) были выложены мозаикою и агатомъ; потолки были сдѣланы изъ кипарисоваго дерева, двери изъ слоновой кости. Внутренность была убрана статуями и другими произведеніями искусства. Рядомъ съ каютами были устроены бани, сады и даже гимназія, а на палубѣ возвышались восемь башенъ. Между ярусами (которыхъ было три) находились помѣщенія для экипажа и стоила для лошадей. Въ носовой части былъ бассейнъ, вмѣщавшій въ себѣ 225 ведеръ, и рядомъ съ нимъ садокъ для рыбы. Въ галлерейхъ, окружавшихъ корабль, были расположены кухни, мельницы и кладовыя. Галлерей поддерживались, вѣсто колоннъ, статуями (атлантами). Башни (по двѣ на носу и на кормѣ, и по двѣ на бортахъ) были наполнены военными припасами и заняты каждая четырьмя стрѣльцами и двумя гоплитами. Вдоль борта шла зубчатая стѣна; за нею стояли сильные метательные снаряды. Такіе же снаряды, въ родѣ большихъ пращей, были прикрѣплены и къ мачтамъ. Снаружи все судно было обито желѣзными остріями и крючьями для абордажа. Якорей было восемь желѣзныхъ и 4 деревянныхъ. Подобное этому судно было построено Птоломеемъ Филопаторомъ: оно имѣло 30 локтей ширины, 40 л. вышины и около 300 футовъ длины.

Гавани для большей безопасности запирали протянутыми поперегъ ихъ цѣпами и пловучими бревнами, или загораживали крѣпкимъ тыномъ (Thukid. VII. 25. 38). Въ позднѣйшее время ихъ обстраивали портиками, открытыми галлерейми, уставленными статуями. Вблизи гаваней помѣщались верфи, магазины и другія зданія, имѣвшія отношеніе къ мореходству. У входа въ гавани ставили маяки. Извѣстный коло ссѣ Родосскій³ былъ маякъ поставленный у входа въ родосскую гавань. Онъ представлялъ Геліоса (бога солнца) и былъ изваянъ Харесомъ, ученикомъ Лизиппа (около 122 до Р. Х.).

Хотя Македоняне не имѣли обычая ставить даже простыхъ греческихъ трофеевъ (столбъ обвѣшанный отнятымъ у непріятеля оружіемъ)⁴ въ воспоминаніе одержанныхъ ими побѣдъ, но съ Филиппа Македонскаго они начали сооружать съ этою цѣлю настоящіе памятники. Первый такой памятникъ былъ построенъ самимъ Филиппомъ въ Олимпіи, въ честь побѣды одержанной имъ при Херонѣ. Это была круглая постройка изъ кирпича, съ мѣднымъ шаромъ

¹ Флотъ Птолемея Филадельфа состоялъ изъ 220 большихъ судовъ и 4000 лодокъ и ботовъ. Изъ первыхъ два были о 30 ярусахъ скамей, одно—о 20, четыре о 14, два о 12, четырнадцать о 11, тридцать о 9, тридцать семь о 7, пять о 6, семнадцать о 5, остальныя о 4, 3 и 2 ярусахъ.—² Athen. Deipnosoph. V. 40 sqq.—³ O. Müller. Handb. § 155 (1).—⁴ Cp. H. Nast. S. 261; S. Körke. S. 235; Th. Panofka. Griechinnen. S. 27 и его же: Bilder antiken Lebens. Taf. VI. Fig. 8.

на вершинѣ. Къ концу македонской эпохи въ честь одержанныхъ побѣдъ воздвигались уже статуи полководцевъ, храмы и алтари.

Утварь ¹.

Гораздо медленнѣе, чѣмъ въ зодчествѣ, освобождались Греки отъ восточнаго вліянія въ рисовальномъ искусствѣ и въ выдѣлкѣ утвари всякаго рода. Въ зодчествѣ они не могли долго оставаться простыми подражателями тѣхъ образцовъ, которые предлагала имъ достигшая полнаго развитія культура Востока, такъ какъ всякое извнѣ навязанное принужденіе было противно свободно раскрывавшемуся духу истиннаго эллинизма: правда, они заняли многое отъ восточныхъ образцовъ, но всё занятое перерабатывали совершенно самостоятельно, согласно съ своими собственными воззрѣніями. Только примѣненное къ условіямъ греческаго культа, массивное, замкнутое восточное капище могло такъ скоро преобразиться въ легкій, окруженный колонадами храмъ.

Иначе было съ греческими ремеслами. Выработка разной утвари, точно также какъ и одежды, уже издавна была доведена на Востокъ почти до предѣловъ возможнаго въ техническомъ и орнаментальномъ отношеніи, и Греки, уже давно строившіе храмы богамъ и жившіе въ укрѣпленныхъ городахъ, наполненныхъ каменными домами, всё еще считали промышленныхъ Финикійцевъ и трудолюбивыхъ Египтянъ главнѣйшими мастерами во всѣхъ механическихъ и ремесленныхъ производствахъ. Охотно и съ любознательностію перенимая отъ нихъ всё, что тѣ могли имъ передать въ этомъ отношеніи, они сначала заботились единственно о томъ чтобы сравниться съ своими блестящими образцами и вслѣдствіе этого долгое время оставались при одномъ только болѣе или менѣе близкомъ подражаніи этимъ послѣднимъ.

Первое стремленіе къ самостоятельности въ ремеслахъ проявилось прежде всего у малоазійскихъ Грековъ (не ранѣе однакожъ 7-го стол. до Р. Х.); но этому начинающемуся движенію пришлось еще долго бороться съ преобладаніемъ восточной промышленности, которой особенно покровительствовали преданные роскоши тираны. Сколько времени продолжалось еще это преобладаніе—неизвѣстно, но по нѣкоторымъ извѣстіямъ видно, что въ 6-мъ стол. до Р. Х. промышленность Кориноа находилась еще подъ непосредственнымъ вліяніемъ западно-азійской промышленности. Коринозъ же считался въ остальной Элладѣ отечествомъ многихъ искусствъ и ремеслъ, безъ сомнѣнія потому, что эти искусства и ремесла были очень рано занесены въ него изъ западной Азіи путемъ торговыхъ сношеній ². Ему приписывали между прочимъ изобрѣтеніе пластики (хотя ваяніе было уже давно извѣстно на Востокѣ), наборной работы для украшенія утвари, а главное—изобрѣтеніе гон-

¹ Для общаго обозрѣнія см. O. Müller. Handbuch der Archaeologie § 297 sqq. Впрочемъ, полнаго и критическаго изслѣдованія греческой ремесленности до сихъ поръ еще нѣтъ.—² O. Müller. Handbuch. §§. 53, 57, 74, 75; M. Duncker. Gesch. des Alterth. III, 67, 443 sqq.; E. Curtius. Griech. Geschichte I, 222.

чарнаго круга и вообще гончарнаго мастерства. Изъ него же выводило облеченное въ мнѣе преданіе, рисовальное искусство и литейное дѣло и, олицетворивъ ихъ подъ именами Эвграмма (Eugrammos—рисовальщикъ) и Эвхеира (Eucheir—искусная рука), упрочило за нимъ славу этихъ изобрѣтеній.

Въ Спартѣ ремесленность была замкнута въ тѣсныя границы уже Ликургомъ¹. Поступая совершенно въ духѣ воинственныхъ Дорянъ, онъ строго запретилъ Спартіатамъ всякія ремесленныя занятія, какъ вредящія свободному развитію тѣла, и черезъ это унизилъ и самое положеніе ремесленнаго класса². Сводя весь житейскій комфортъ на удовлетвореніе существеннѣйшихъ нуждъ, онъ предоставилъ занятіе необходимыми ремеслами побѣжденнымъ (ахейскимъ) племенамъ³. Въ занятыхъ Дорянами пелопонезскихъ земляхъ вся ремесленная промышленность находилась уже съ древнѣйшихъ временъ въ рукахъ періэковъ⁴. Нѣкоторыя ремесла сдѣлались даже наслѣдственной принадлежностью извѣстныхъ родовъ; большая же часть передавалась отъ отца къ сыну⁵. Благодаря, можетъ быть, именно этой наслѣдственности ремеслъ, нѣкоторыя издѣлія Лаконіи пріобрѣли себѣ прочную извѣстность за предѣлами ея, хотя сами суровые Спартіаты и презрительно относились къ произведеніямъ отечественной промышленности. Изъ вывозныхъ предметовъ лакедемонской торговли⁶ особенно цѣнились, даже въ Аѳинахъ, кромѣ (упомянутыхъ выше) „лаконскихъ“ башмаковъ и пурпурныхъ одеждъ, — оружіе и земледѣльческія орудія, кратеры, кубки, столы, стулья и вообще всякая домашняя утварь⁷.

Ионическая (аттическая) промышленность имѣла еще менѣе причинъ, чѣмъ лаконская, утратить свой восточный характеръ, такъ какъ переселеніе Дорянъ еще тѣснѣе сблизило ахейскія племена съ западно-азійскими народами. Въ аѳинскомъ государствѣ она пользовалась покровительствомъ законовъ⁸. Хотя и здѣсь ремесленное сословіе занимало сравнительно низкое положеніе⁹ по отношенію къ другимъ сословіямъ, тѣмъ не менѣе оно было признано законодательствомъ Солона равноправнымъ имъ¹⁰. Также какъ и въ Коринѣ,¹¹ и можетъ быть еще строже чѣмъ тамъ, въ Аѳинахъ было запрещено попрекать кого бы то ни было его ремесломъ; такой попрекъ подлежалъ обжалованію передъ судомъ, какъ правонарушеніе.

Подобное покровительство ремесламъ, при господствовавшей въ Атикѣ полной свободѣ въ выборѣ рода занятій, должно было не мало способствовать и успѣхамъ ремесленной техники; а быстро возрастающія въ Аѳинахъ потребности жизни поддерживали ремесленныя силы въ постоянномъ напряженіи: такъ что, если въ Спартѣ ремесла были въ загонѣ, то въ разцвѣтающихъ Аѳинахъ они нашли себѣ надежный пріютъ.

¹ Cp. M. Duncker. *Gesch. des Alterth.* III, 351 sqq. особ. стр. 378 и слѣд. F. Schömann. *Griech. Alterth.* I, 276 sqq.—² A. Becker. *Charikles* I, 390; F. Hermann. *Privatalterth.* §. 41 sqq.—³ Cp. E. Curtius. *Griech. Gesch.* I, 162 sqq.—⁴ F. Hermann. *Culturgesch.* I, § 17.—⁵ O. Müller. *Die Dorier*. II, 26; F. Hermann. *Staatsalterth.* § 6. not. 6.—⁶ O. Müller. *Die Dorier*. II, 21.; F. Schömann. *Griech. Alterth.* I, 207.—⁷ A. Böckh. *Staatshaushalt.* I, 50 (9).—⁸ F. Hermann. *Staatsalterth.* § 115. not. 6. 7.—⁹ A. Becker. *Charikles* I, 391.—¹⁰ M. Duncker. *Gesch. des Alterth.* IV, 227.—¹¹ Cp. Геродот. II, 167.

Это обстоятельство привело однакожъ къ тому, что аттическая промышленность вполне подпала вліянію западно-азійской. Въ видахъ поощренія ремесленности, Солонъ постановилъ, что неполноправные поселенцы (податные кліенты—метѣки), исключительно занимающіеся ремеслами, могутъ приобрести гражданскую полноправность и за взносъ умѣренной пошлыны пользоваться покровительствомъ законовъ ¹. Вслѣдствіе этого Аѣины наполнились ремесленниками изъ метѣковъ и въ особенности изъ разныхъ восточныхъ племенъ—Лидянъ, Фригійцевъ, Сиріянъ и Финикійнъ. ² Такимъ образомъ и въ Аѣинахъ всѣ ремесла перешли въ руки почти однихъ метѣковъ, подобно тому какъ въ Спартѣ ими исключительно занимались періэки. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда знатные и богатые граждане занимались ремесленнымъ производствомъ на свой собственный счетъ (что вовсе не было рѣдкостью), они поручали веденіе дѣла и надзоръ за рабочими—большую частію рабами и наемными—тоже мастерамъ изъ метѣковъ ³.

Было однакожъ ремесло, которымъ охотно занимались и сами греки и притомъ уже съ древнѣйшаго времени, именно—гончарное и въ особенности изготовление сосудовъ (керамика). Хотя есть свидѣтельства, что это ремесло возникло въ Элладѣ тоже благодаря восточному вліянію, но изъ тѣхъ же свидѣтельствъ видно, что оно недолго оставалось въ ней на степени простого ремесла удовлетворяющаго обыденнымъ нуждамъ, а стало въ тѣсное отношеніе къ культу и перешло въ область архитектуры, этого краеугольнаго камня эллинскаго искусства вообще. По преданію, въ Коринѣ первомъ керамике была примѣнена къ украшенію храмовыхъ фронтоновъ рельефами изъ глины, и что тамъ же впервые начали выдѣлывать сосуды съ цвѣтными рисунками и пластическими орнаментами ⁴. Кромѣ Коринѣа это искусство процвѣтало на оо. Хіосѣ и Самосѣ и въ Аѣинахъ ⁵, особенно въ послѣднихъ, гдѣ имъ съ незапамятныхъ временъ занималось значительное число полноправныхъ семей, которыя въ теченіе времени образовали многочисленное сословіе аѣинскихъ горшечниковъ. Оно имѣло цехоподобную организцію и жило въ особомъ кварталѣ, получившемъ отъ этого названіе квартала горшечниковъ (*кегаматикос*). Въ Аѣинѣ, Гефестѣ и Прометѣѣ оно чтило своихъ боговъ-покровителей, и пользовалось почетной привилегіей—поставлять призовые сосуды, раздававшіеся побѣдителямъ на праздникъ Панаэнеи. Эта привилегія не мало, можетъ быть, способствовала тому, что аѣинскія гончарныя издѣлія скоро отказались отъ восточныхъ формъ и замѣнили ихъ болѣе самостоятельными и національными; въ техническомъ же отношеніи они уже давно стояли наравнѣ съ западно и среднеазійскими издѣліями. Глиняная посуда была однимъ изъ важныхъ предметовъ заграничной торговли грековъ; ⁶ финикійскіе купцы вывозили её даже въ отдаленный Керне (въ Африкѣ).

Только подобнымъ отношеніемъ керамики къ остальнымъ отраслямъ греческой ремесленности можетъ быть объяснена очевидная разница между сти-

¹ Каждое семейство вносило ежегодно 12 драхмъ (2 р. 70 к.): F. Hermann. Staatsalterth. §. 115. not. 6. 7. § 126 not. 9.—² F. Schömann. loc. cit.—³ A. Böckh. Staatshaushalt. I, 49; F. Hermann. Privatalterth. §. 42. not. 10 sq.—⁴ O. Müller. Handbuch. § 53. § 73. § 74.—⁵ Ibid. § 62. sqq.—⁶ F. Hermann. Privatalterth. § 45.

лемъ глиняныхъ и стилемъ прочихъ издѣлій. Хотя послѣднія дошли до насъ лишь въ однѣхъ копіяхъ (т. е. въ рисункахъ на вазахъ и въ скульптурѣ), тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что формообразование ихъ чисто азіійское. Въ отдѣлкѣ они тоже близко подходятъ къ восточной technikѣ. Это произошло отъ того, что всѣ почти ремесла ¹ (насколько они служили для обыденныхъ нуждъ) были исключительно предоставлены метэкамъ (т. е. не грекамъ.) Сами же Греки занимались ими единственно для удовлетворенія потребностей культа ². Допуская иноземцевъ снабжать ихъ житейскими удобствами, они тѣмъ ревностнѣе старались изготовлять сами и притомъ съ возможнымъ совершенствомъ всё, касавшееся ихъ богопочитанія. Такое участие ихъ въ ремеслахъ не осталось конечно безъ вліянія на эти послѣднія: благодаря прирожденному Грекамъ эстетическому чувству, оно облагородило ихъ, придавъ имъ нѣкоторую степень художественности. Вполнѣ выразилось это вліяніе лишь въ позднѣйшее время, когда распространеніе роскоши и пробудившаяся въ народѣ жажда наживы, вмѣстѣ съ ослабленіемъ въ немъ набожности, стали привлекать и свободныхъ Грековъ къ занятію ремеслами для свѣтскихъ цѣлей. Этотъ періодъ служенія роскоши, когда произведенія искусства оцѣнивались по качеству матеріала, изъ котораго были сдѣланы, былъ началомъ упадка керамики. Достигнутое ею пластическое изящество формъ поступило на службу другому болѣе драгоценному матеріалу, тогда какъ воспитанная ею живопись уже давно отдѣлилась отъ нея и шла своимъ самостоятельнымъ путемъ: словомъ, всѣ силы ею вызванныя и развитыя отреклись отъ нея и обратились на другія отрасли промышленности, болѣе соответствовавшія современному вкусу.

Сосудованіе ³.

I. Значительное число дошедшихъ до насъ греческихъ сосудовъ ⁴ даетъ возможность наглядно прослѣдить весь ходъ развитія этого искусства у Грековъ.

1. Древнѣйшіе сосуды, восходящіе къ 6-му или даже 7-му стол. до Р. Х. ⁵, еще носятъ на себѣ довольно явственный отпечатокъ передне-и среднеазіійскаго мастерства. Почти всѣ они округлой, болѣе или менѣе сдвоенной, формы и тупого, тяжелаго профиля (фиг. 316). Украшающій ихъ рисунокъ (въ особенности напоминающій Востокъ) составленъ главнымъ образомъ изъ фигуръ животныхъ—львовъ, оленей, лебедей, сфинксовъ и т. п., перемежанныхъ съ цвѣточными ара-

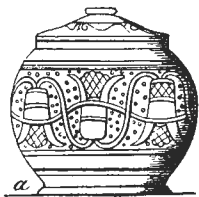
Фиг. 316.

¹ F. Hermann. Privatalterthümer § 43 sqq.—² Cp. O. Müller. Handb. § 66—71.—
³ См. особен.: O. Müller. Handb. der Archaeologie. § 298—302; K. Levezow. Verzeichniss der antik. Denkmäler des Antiquariums des Kön. Museums zu Berlin. 1. Abthlg. Gallerie der Vasen. Berlin. 1834. и дополненіе къ нему: E. Gerhard. Neuerworbene antike Denkmäler des Kön. Museums zu Berlin. Ibid. 1836; G. Kramer. Ueber Styl und Herkunft der bemalten griech. Thongefässe. Berlin. 1837.; J. Krause. Angeologie, etc. Halle 1854; O. Jahn. Beschreibung der Gallerie bemalter griech. Vasen der kön. bayerischen Sammlung. München 1854. Специально о формѣ сосудовъ въ соч. Боттихера: Die Tektonik der Hellenen. Potsdam. 1844. I, 42.—⁴ По послѣднему перечисленію, около 50000. H. Krause. 158. not. 2.—⁵ Ibid. 153.

бесками. Онъ тянется вокругъ сосуда горизонтальными полосами, расположенными одна подъ другой, которыя, повидимому, были сначала выпараны по сырой еще глинѣ сосуда и потомъ покрыты краскою. Фонъ сосудовъ желтоватый—натуральнаго цвѣта глины; рисунокъ — черновато-коричневый съ темнолиловой и бѣлой отдѣлкою мѣстами. Человѣческія фигуры очень рѣдки и всегда самаго архаическаго, почти схематическаго рисунка. Несмотря на то, что большая часть такихъ сосудовъ (съ нѣкоторыми измѣ-

Фиг. 317.

неніями основной формы: фиг. 317) были найдены въ Италіи, есть основаніе предполагать (по нѣкоторымъ особеннымъ знакамъ, подписямъ и пр.), что они были сдѣланы въ древнемъ Коринѣ и притомъ дорическими горшечниками. Такъ какъ фабрикація ихъ передавалась, вѣроятно, по преданію, то возможно, что и особенное названіе, которое они получили собственно по нарисованнымъ на нихъ фигурамъ животныхъ, именно—*therikleia*, производили отъ горшечника по имени Терикла ¹.

2. Постепенный переходъ отъ тяжелыхъ формъ описанныхъ сосудовъ къ болѣе свободнымъ представляется рядомъ сосудовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ древнеаттическихъ (безъ отношенія къ мѣсту, гдѣ они были найдены). Они отличаются отъ первыхъ большею легкостью и красотою формы, а черезъ прибавленіе ручекъ и подножки и большимъ удобствомъ въ употребленіи ². Цвѣтъ ихъ уже не желтый, какъ первыхъ, а красноватый, который получали подмѣшивая къ глинѣ красной земли—*milto*s (Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. на о. Родосѣ и въ Коинтосѣ (въ верхнемъ Египтѣ) примѣсью къ глинѣ пахучихъ веществъ сообщали сосудамъ пріятный запахъ; кромѣ того ихъ пропитывали особымъ составомъ ³, который дѣлалъ ихъ непроницаемыми при всей ихъ чрезвычайной тонинѣ и легкости); рисунокъ черный и по большей части намалеванный прямо, безъ углубленнаго контура. Главную характеристическую черту сосудовъ этого разряда составляютъ человѣческія фигуры, преимущественно изъ цикла боговъ и героев, впервые на нихъ встрѣчающіяся вмѣсто фигуръ животныхъ. Замѣтна совершается однакожь не вдругъ: сначала тѣ и другія попадаютъ вмѣстѣ; животныя всѣ нарисованы черною краскою, мужскія фигуры большею частью тоже черною; въ женскихъ фигурахъ тѣло и нѣкоторыя части одежды—бѣлою, остальное—черною. Животныя на этихъ сосудахъ значительно живѣе, чѣмъ на сосудахъ перваго разряда, но человѣческія фигуры или совершенно безжизненны, или оцѣпенѣлы въ своихъ угловатыхъ позахъ. При томъ же всѣ онѣ, за

¹ H. Krause. 163 стр.; O. Müller. Handb. § 112 (1).—² Сосуды преимущественно свойственные этому періоду суть—амфоры (различныхъ размѣровъ), гидрія о трехъ ручкахъ, чаша съ двумя ручками и *lekythos*. G. Kramer. 73 стр. и слѣд.—³ Несмотря на всѣ попытки, до сихъ поръ еще не удалось сдѣлать вполнѣ такой же составъ.

рѣдкими исключеніями, представлены закутанными въ одежды, сложенные въ сухія симметрическія складки. Въ вакхическихъ сценахъ, гдѣ рисовальщикъ видимо старался придать дѣйствующимъ лицамъ особое одушевленіе, они вышли карикатурно изломанными (фиг. 318).

Фиг. 318.

3. Въ продолженіе слѣдующаго періода, который можно ограничить началомъ 5-го стол. до Р. Х., вмѣстѣ съ улучшеніями въ технику сосудоваянія, сдѣлало значительные успѣхи и рисовальное искусство. Нѣжно-красноватый цвѣтъ, который научились придавать глинѣ посредствомъ примѣси красящихъ веществъ, обжиганья и лака, навелъ можетъ быть на мысль оставлять рисунокъ некрашенымъ, а окрашивать фонъ сосуда, такъ что теперь (совершенно наоборотъ противу прежняго) окрашивали черною краскою весь сосудъ, за исключеніемъ нарисованныхъ на немъ фигуръ и украшеній, которыя оставались некрашенными, т. е. цвѣта глины. (Одни только мелочи костюма и т. п. отличались слегка бѣлою и краснолиловою краскою). При такой процедурѣ необходимо было, разумѣется, прежде всего очертить предполагаемый рисунокъ во всѣхъ его подробностяхъ твердымъ контуромъ. Это было, собственно говоря, возвращеніемъ къ старинному приему, но благодаря ему была постепенно достигнута большая свобода рисунка и большая законченность въ его выполненіи. Первые попытки въ этомъ направленіи не шли далѣ самыхъ простыхъ орнаментовъ, но затѣмъ тотъ же способъ былъ примѣненъ и къ фигурамъ. Традиціонный кругъ изображеній изъ міра боговъ и героевъ былъ значительно расширенъ сценами изъ обыденной жизни, которыя можно было копировать прямо съ натуры. Вслѣдствіе этого, прежняя условная схематичность фигуръ замѣнилась болѣе близкимъ подражаніемъ природѣ, оцѣпенѣлыя формы ихъ размягчались, въ обнаженныхъ частяхъ стало проглядывать чувство мускулатуры. Оставаясь по прежнему тощими, онѣ однакожъ вѣрнѣе поняты и индивидуальнѣе задуманы.

Форма сосудовъ сдѣлала тоже замѣтные успѣхи въ теченіе этого времени: она стала легче, благороднѣе и притомъ разнообразнѣе. Всевозможные виды сосудовъ, ¹ отъ простаго блюда до настоящей вазы, отъ кубка до амфоры, и внизъ до горшка и бутылки—представляютъ въ своихъ формахъ гармоническое сочетаніе изящества съ цѣлесообразностью. На сосудахъ этого періода встрѣчаются уже имена ихъ мастеровъ (Созія, Эвфроній и др.) ².

4. Въ теченіе пятаго стол. до Р. Х., подъ вліяніемъ всесторонняго развитія эллинской жизни, вмѣстѣ съ другими искусствами достигло своего совершенства и рисовальное искусство Грековъ. Съ этихъ поръ рисунокъ становится не простымъ только украшеніемъ сосуда, но, подчиняя свое содержаніе и свою композицію его формамъ и назначенію, сливается съ нимъ въ одно неразобъщаемое цѣлое (ср. фиг. 319. a—d).

¹ Ср. образцы у Лебецова. Табл. I—XVII (350 фиг. и вышеназванное Дополненіе Гергардта.—² Перечислены у Краузе. Стр. 198 и слѣд.

Фиг. 319.

5. Такимъ образомъ сосудоустройство поднялось на высшую точку возможнаго для него совершенства. Но не надолго. Въ концѣ четвертаго столѣтія оно начинаетъ уже падать. Уступая требованіямъ роскоши, развившейся во время македонскаго владычества, оно забываетъ изящную пропорціональность и благородную простоту своихъ образцовыхъ произведеній, и начинаетъ изготавлять колоссальныя сосуды и всякаго рода драгоценную посуду, стараясь массивными украшеніями и яркою живописью придать имъ возможную пышность. Въ этихъ усиліяхъ, и при постоянныхъ требованіяхъ работать какъ можно скорѣе, оно скоро истощается и падаетъ до простаго ремесла: издѣлія его утрачиваютъ всякое художественное значеніе и самая выдѣлка ихъ ухудшается.

Всѣ сохранившіеся сосуды этой эпохи отличаются особенною пестротою красокъ: цвѣта, употреблявшіеся до тѣхъ поръ очень умеренно, напр. бѣлый и темносиній, накладываются теперь большими пятнами; кромѣ того, къ нимъ прибавляется еще яркожелтый, или даже позолота. Композиція рисунковъ становится произвольною и теряетъ оживленіе. Одежды отдѣлываются до жалѣйшихъ подробностей, сами же фигуры очень поверхностно, иногда только набрасываются. Рисунокъ вообще неправиленъ, очень часто искаженъ до

уродливости. Сюжеты берутся большею частью изъ мифовъ; нерѣдко они представляютъ комическія сцены или, еще чаще, погребальныя процессіи. Составъ глины крайне дряблъ, лакировка очень тускла.

Къ этому же времени принадлежать небольшіе сосуды чорнаго цвѣта съ бѣлымъ, мѣстами желтымъ рисункомъ. Рисунокъ представляетъ обыкновенно или простой листованый орнаментъ, или фигуру, иногда человѣческую, иногда животнаго. Нерѣдко однакожъ онъ замѣненъ выпуклыми поясками (слѣд. пластическимъ украшеніемъ).

6. Съ водвореніемъ въ Грецію римской культуры, искусство расписыванья сосудовъ совершенно пало. Пластическія украшенія, свойственныя металлической и каменной утвари, которая стала входить въ употребленіе, были перенесены и на глиняные сосуды и замѣнили на нихъ рисунокъ.

II. По недостатку вещественныхъ данныхъ, мы едва ли можемъ вѣрно оцѣнить металлическое сосудоустройство Грековъ. Но что оно было у нихъ значительно и доведено до степени настоящаго искусства, покрайней мѣрѣ въ лучшую пору эллинизма, объ этомъ свидѣлствуютъ дошедшія до насъ имена многихъ художниковъ, прославившихся именно изготовленіемъ металлическихъ сосудовъ. Изъ числа этихъ художниковъ были особенно извѣстны по своимъ работамъ изъ бронзы и серебра—Менторъ, Боевъ, Мисъ, Акрагасъ и другіе позднѣйшіе. Неменѣе извѣстенъ былъ Териклъ, выдѣлывавшій небольшіе деревянные сосуды.

Со времени персидскихъ войнъ появились въ Грецію—сначала, разумѣется, какъ рѣдкость—маленькіе сосудцы изъ алебаstra, оникса, агата. Позднѣе стали выдѣлывать сосуды изъ мрамора, травертина и другихъ твердыхъ камней. Послѣ похода Александра въ Индію, сосуды изъ хрусталя и индійскаго муррина перестали быть рѣдкостью, а стеклянная посуда, при Геродотѣ цѣнившаяся на вѣсъ золота, сдѣлалась очень обыкновенною.

П о с у д а ¹.

Хозяйственная посуда разнаго рода дѣлалась изъ мѣди, глины и дерева. Далеко уступая вышеописаннымъ сосудамъ въ красотѣ и отдѣлкѣ, эта посуда, несмотря на свое какъ бы служебное назначеніе, всё таки не была лишена извѣстнаго изящества формы. Не говоря уже о столовой посудѣ, которая нерѣдко отдѣлывалась съ особеннымъ искусствомъ, всѣ остальные виды посуды,—кроме можетъ быть кухонной,—получали форму, отличавшуюся если не изяществомъ, то покрайней мѣрѣ чистотою своего профиля. Изъ этого не составляли исключенія даже и большія посудыны, назначенныя для храненія жидкостей. Эти посудыны распадались на два отдѣла. Къ первому принадлежали бочки (pidoi), большею частью дѣлавшіяся изъ глины. Ихъ было нѣсколько видовъ, различавшихся между собою по величинѣ или по другимъ для насъ теперь утраченнымъ особенностямъ и поэтому носившихъ каждый

¹ Для всего нижеслѣдующаго см. преимущественно Н. Krause: *Angiologie*. стр. 208 и слѣд.

особое названіе: *pidos* (въ тѣсномъ смыслѣ), *pithaknä*, *lagena*, *ardion*, *bikos* и т. д.

При всемъ различіи названій, всѣ эти сосуды были, повидимому, болѣе или менѣе похожи на извѣстные уже въ глубокой древности сосуды съ такимъ же назначеніемъ.

а. *Pidoi*, имѣвшіе широкое основаніе (для большей устойчивости) и широкое отверстіе (для удобнаго черпанья), и закрывавшіеся крышкою, могли походить на тѣ большіе глиняные кувшины, которыхъ нѣсколько экземпляровъ было найдено въ Ниневійскихъ раскопкахъ (фиг. 174. а). Вышина греческихъ *pidoi* доходила нѣтъ-ли до 5 фут. Для большей прочности ихъ снаружи окрашивали, а внутри смолили.

б. *Laginoi* (λαγγνος), преимущественно для храненія вина,—большіе сосуды яйцевидной формы (тоже очень древней), снабженные ручками. Ихъ ставили или врывая нижнимъ концомъ въ землю, или вставляя его въ глиняное кольцо (фиг. 320. а. б. Ср. фиг. 73. g: 74, а. б; 137. б). Такой же или подобной формы были, вѣроятно, и *pithaknä*, *bikos* и др., между тѣмъ какъ *rutinä* назывались оплетенные снаружи или даже просто плетеные (изъ прутьевъ, камыша и т. п.) сосуды; а *ardanion* былъ широкій чаше-подобный сосудъ на ножкѣ (ср. фиг. 137. i, 194).

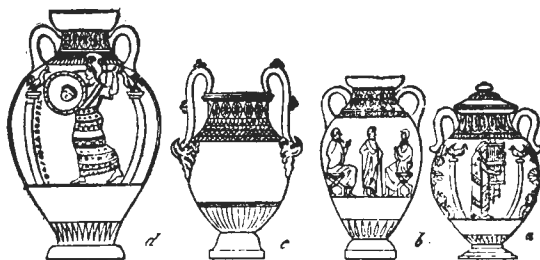
Фиг. 320.

с. Еще болѣе сомнительны формы *holmos* и *pelta*. Первый былъ, вѣроятно, родъ деревяннаго корыта, изъ котораго кормили скотину; а послѣдній—родъ молочнаго ведра, или подойника.

Второй отдѣлъ большихъ посудинъ для жидкостей составляли извѣстные уже въ Гомерово время амфоры. Представляя какъ бы соединеніе яйцевиднаго *laginos* съ его подставкой (глинянымъ кольцомъ), онѣ имѣли форму урны съ ручками и подножкою. Можно предполагать, что и гомерическія (малоазійскія) амфоры были такой же формы. Въ историческое время эта форма была перенесена и на

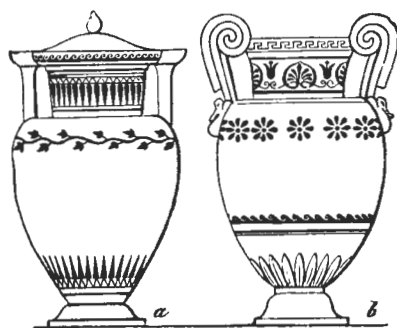
Фиг. 321.

панаоенейскіе призовые сосуды (см. выше стр. 208) и на нихъ получила художественную выработку (фиг. 321. а—d). Амфоры поэтому были двухъ родовъ: простыя, безъ всякой отдѣлки, для хозяйственнаго употребленія, и у-

крашенныя живописью и пластическими орнаментами (фиг. 322. а, b; ср. фиг. 318 и 319). Тѣ и другія дѣлались изъ глины, особенно въ древнѣйшее время; позднѣе ихъ стали дѣлать изъ бронзы и изъ серебра. Большія амфоры ставились на особые поддоны. Кажется, впрочемъ, что *laginoi* и другіе подобные имъ сосуды иногда называли тоже амфорами. Изъ другихъ видовъ посуды, на которые, также какъ и на амфоры, искусство наложило свою печать, особенною красотою формы отличались кувшины для воды—*kalpis*, или *hydria* (фиг. 323). Какъ сосуды, назначенные для ношенія воды изъ колодца (фиг. 324), гидрии имѣли приземистую, устойчивую форму, три или четыре ручки и подножку (фиг. 323. а. с.). Художественной выработкѣ ихъ несомнѣнно много способствовали два

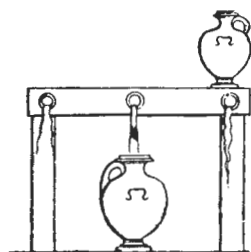
Фиг. 322.

Фиг. 323.

Фиг. 324.

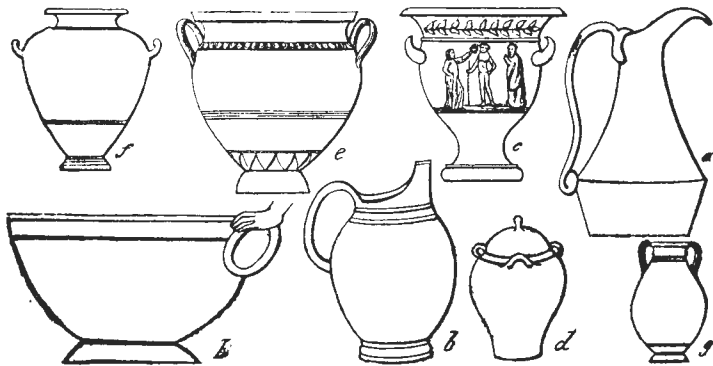

обстоятельства: во первыхъ, праздникъ гидрофорій, отправлявшійся въ извѣстное время афинскими женщинами и дѣвушками, которыя участвовали въ праздничной процессіи каждая съ своимъ кувшиномъ (фиг. 323 d), и во вторыхъ—афинскій обычай приносить въ такихъ кувшинахъ воду невѣстѣ для купанья¹. Вслѣдствіе этого обычая, гидрии вошли въ число свадебныхъ подарковъ и въ этомъ значеніи очень богато отдѣлывались и украшались символическими орнаментами. Въ позднѣйшее время ихъ стали дѣлать изъ бронзы и серебра. Смотра по величинѣ, нѣкоторымъ особенностямъ формы и т. п., гидрии носили различныя названія: маленькія гидрии назывались *hydriske*; имѣвшія форму приближавшуюся къ конической—*konis* (фиг. 323. e) и т. д. Похожъ на гидрию былъ *stamnos*—объемистый сосудъ съ двумя ручками или вовсе безъ ручекъ, употреблявшійся преимущественно для вина и масла (фиг. 325. f). „*Krossos*“, судя по его употребленію для воды и вина и какъ погребальнаго сосуда (для храненія пепла), имѣлъ двоякую форму: широко-

¹ См. также Th. Panofka. Griechinnen und Griechen. стр. 2 и слѣд.

шейной вазы съ двумя ручками (фиг. 325. с), и горшка съ крышкою и нѣсколькими ушками (фиг. 325. d.).

Фиг. 325.

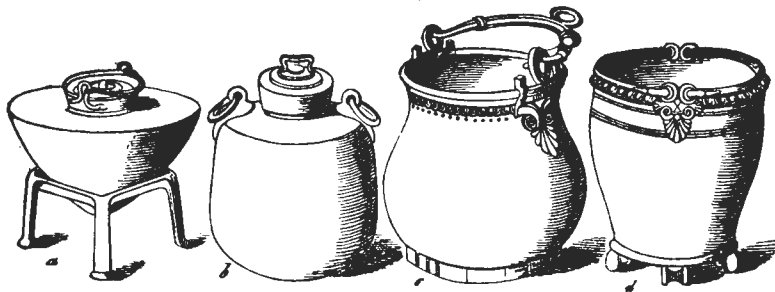

Остальные сосуды этого разряда извѣстны намъ по названіямъ, отчасти по употребленію, но о формѣ ихъ нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній. *Pelike* и *chus* сначала походили, вѣроятно, на амфоры и гидрии, а въ позднѣйшее время приблизились къ часто упоминаемымъ вмѣстѣ съ ними горшополобнымъ сосудамъ, *oinoschoei* (фиг. 325. а. b. g). *Kelebe* назывался вѣроятно тотъ сосудъ, въ которомъ въ древнѣйшее время пастухи приготовляли себѣ теплое питье (фиг. 325. е). Ближе извѣстны *lekane* и *dinos*. Тотъ и другой имѣли видъ большой чашки (фиг. 325. h) и служили преимущественно для тѣхъ же цѣлей, какъ и наши тазы. Ихъ дѣлали обыкновенно изъ глины, дерева и бронзы, иногда также изъ серебра.

Для перевозки жидкостей издавна употребляли мѣхи, обыкновенно изъ козьихъ шкуръ. Въ позднѣйшее время явились подражанія мѣхамъ—глиняные сосуды въ видѣ мѣха, но съ ручками и разными украшеніями, фигурами и т. п.

2. Въ ряду кухонной посуды, исключительно назначенной для приготовления въ ней кушанья, первое мѣсто занималъ горшокъ (*chitra*). Кухонные горшки дѣлались изъ глины и бронзы. Смотря по роду кушанья,

Фиг. 326.

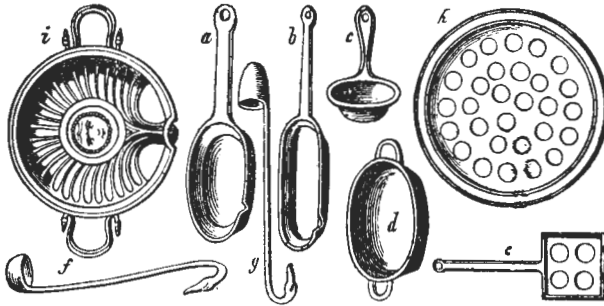

которое въ нихъ приготовляли, имъ давали различную форму:—были горшки съ широкимъ и узкимъ устьемъ, безъ крышки и съ плотно закрывавшеюся

крышкою; у однихъ дно было плоско, у другихъ янцобразно, и эти послѣднія вставлялись въ особые треножные подставки (фиг. 326. а; сравн. фиг. 73. а—d; 137. i).

Остальная кухонная утварь (которая, также какъ и только что описанная посуда, сдѣлалась намъ наглядно извѣстною большею частию по раскопкамъ въ Помпеѣ) почти ничѣмъ не отличалась отъ нынѣшней. Она состояла изъ разнаго рода котловъ, сковородъ, мисокъ и плошекъ (фиг. 327.

Фиг. 327.

а—d), формъ для хлѣбнаго (с. h. i.), сифоновъ (siphon), уполовниковъ (arystikos; epebos; kyathos и т. д. фиг. 327. g. h), ситокъ и черпаковъ (ethmoi, chonai: фиг. 328. а. b.), которые впрочемъ служили также и для разливанья вина, преимущественно на пиряхъ, и въ этомъ значеніи дѣлались особенно изящно и изъ дорогихъ матеріаловъ.

Фиг. 328.

3. Столовая посуда въ тѣсномъ смыслѣ—т. е. та, на которой подавали и ѣли кушанье—состояла изъ овальныхъ, круглыхъ и четверугольных подносовъ, блюдь, чашекъ и мисокъ, подраздѣлявшихся на различные виды, которые все носили особые названія, заимствованныя преимущественно отъ кушаній, для которыхъ тотъ или другой видъ посуды назначался, иногда также отъ формы посуды.

а. Отъ формы получили свое названіе diskos и pinax. Первый былъ круглый подносъ или просто кругъ съ слегка возвышенными краями; второй (какъ первообразъ всякаго блюда вообще, вѣроятно уже извѣстный подъ этимъ же названіемъ въ гомерическую эпоху)—толстая по краямъ округленная доска. На нихъ подавали большія части жаренаго мяса, цѣльную жареную птицу и т. п. Въ позднѣйшее время pinax иногда дѣлался такой величины, что на немъ удобно укладывалась цѣлая свинья.

б. Жидкое кушанье, разрезанное мясо и т. п. подавали на блюдахъ, въ мискахъ, соусникахъ и чашкахъ различныхъ наименованій, которыя однакожъ не даютъ возможности заключить по нимъ о формѣ и назначеніи самой посуды. Только нѣкоторыя названія допускаютъ приблизительное объясненіе: *tryblion*—сосудъ для подливокъ и соусовъ, вѣроятно имѣлъ форму чашки или миски, (фиг. 329. с. b. c.); *oxybarphon*, на которомъ подавали рыбу,

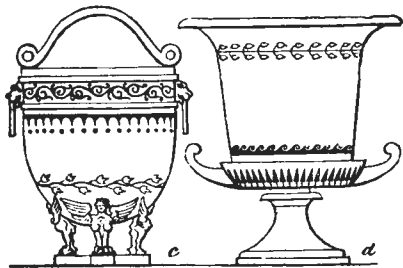
Фиг. 329.

походилъ, вѣроятно, на блюдо или плоскую чашу (фиг. 329. а. d. f.). Къ плоскимъ же сосудамъ могли принадлежать также и *oxis*, *mazonomion*, *artophoron* и другіе подобные сосуды для рыбы, зелени, компотовъ и т. п.

4. Особеннымъ изяществомъ, нерѣдко художественностью формы и отделки, отличались сосуды, употреблявшіеся на симпозиахъ или застольныхъ бесѣдахъ, составлявшихъ заключительную и вмѣстѣ важнѣйшую часть афинскихъ званныхъ обѣдовъ. По окончаніи стола, гостямъ подавали вино, смѣшанное съ водою или снѣгомъ въ большихъ сосудахъ, называвшихся кратерами. Онѣ имѣли форму большихъ кубковъ съ ручками и подножкой, или безъ нея. Плоскостонныя кратеры ставили на особые поддоны съ широкими краями, на которые стекало вино, расплескиваемое при черпаньи (фиг. 330). Въ

Фиг. 330.

древнѣйшее время кратеры дѣлались преимущественно изъ глины (Аргониса, Лезбось, Коринѣ, имѣли большія фабрики глиняныхъ кратеръ), только ручки и подножки прикрѣпляли къ нимъ бронзовыя. Въ позднѣйшую пору стали дѣлать серебряныя кратеры. Поверхность глиняныхъ кратеръ украшали живописью (фиг. 319. с), а металлическія ихъ части — ручки и подножку — пластическими орнаментами. Чтобы вино въ кратерахъ не согрѣвалось, ихъ ставили въ особый холодильный сосудъ—*psykter*, имѣвшій, вѣроятно, форму чапа или кадушки.

а. Чрезвычайно разнообразны были сосуды для питья. Ихъ дѣлали изъ глины, дерева, бронзы, золота, серебра, цвѣтнаго стекла и даже (въ эпоху роскоши) изъ дорогихъ камней. Различныя названія, которыя давали этимъ сосудамъ по матеріалу, формѣ, назначенію, даже по именамъ ихъ мастеровъ, были до того многочисленны, что составили въ греческомъ языкѣ особую номенклатуру, такую обширную, что изъ дошедшихъ до насъ сосудовъ этого рода мы можемъ подвести подъ нее съ нѣкоторою достовѣрностью лишь цѣлыя группы сосудовъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ отдѣльные сосуды.

Въ древнѣйшее время общеупотребительными сосудами для питья были *karchesion* и *kantharos*, первый — чаша съ ручками (фиг. 331. а—с), второй — кубокъ тоже съ ручками (d—k). *Karchesion* впервые упоминается у Сафо; его нерѣдко приносили въ даръ богамъ; *kantharos* былъ посвященъ Гераклу и Вакху, который постоянно изображается съ этимъ сосудомъ.—

Фиг. 331.

Рѣже встрѣчается *kymbion*. Это былъ, вѣроятно, простой сосудъ въ родѣ чашки (фиг. 331. w. x. y). Такой же почти формы, но нѣсколько меньшаго размѣра, былъ сосудъ, называвшійся *phiale* или (что вѣроятнѣе) *kylix*. Иногда ему давали видъ лодочки и тогда онъ назывался *akatos*. Въ историческое время, *kylix* называли самый общеупотребительный сосудъ для питья; но по изображеніямъ видно, что это была красивая чаша на ножкѣ и съ двумя ручками (фиг. 331. t—v). Впрочемъ это же самое названіе давали и разнымъ другимъ сосудамъ, какъ большимъ, такъ и малымъ; изъ этихъ послѣднихъ составляли родъ нашихъ судковъ, соединяя ихъ по нѣскольку вмѣстѣ (фиг. 331. zz). Къ такимъ составнымъ сосудамъ должно, можетъ быть, отнести и *lepaste*, который иначе трудно опредѣлить. Почти также общеупотребителенъ, какъ *kylix*, былъ горшкосободный сосудъ безъ ручекъ, называвшійся *skyphos* (фиг. 331. p. q. r. s. фиг. 331. a). *Kotyle*—служившій вмѣстѣ и мѣрою для жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ ¹ (фиг. 331 n. o), и *kyathos* (l. m.), были небольшіе полукруглые сосуды съ ручкою, которые тоже соединяли иногда по нѣскольку вмѣстѣ, какъ и *kylix* (фиг. 331. zz).

¹ О греческихъ вѣсахъ и мѣрахъ см. F. Hermann. *Privatalterthümer* § 46 sqq.

5. Такъ же разнообразны по формѣ, матеріалу и отдѣлкѣ были сосуды, по назначенію своему соответствовавшіе нашимъ кувшинамъ и кружкамъ. По общему виду своему они приближались къ упомянутымъ выше *oinoschoei*, но были меньше ихъ и имѣли ручку и устье удлиненное въ рыльце. Они носили различныя названія, изъ которыхъ *prochus* и *prochytes* давались, кажется, преимущественно кувшинамъ съ трубчатымъ рыльцемъ (фиг. 333 и фиг. 334 a—d).

Фиг. 333.

6. Почти всѣ описанныя формы сосудовъ повторялись въ появившихся только въ позднѣйшее время небольшихъ сосудахъ для благовонныхъ маселъ и натираний. Вызванные роскошью, эти сосуды дѣлались изъ всѣхъ сортовъ дорогихъ камней, благородныхъ металловъ, цвѣтныхъ стеколъ и т. д. Назывались они преимущественно по матеріалу, изъ котораго были сдѣланы или который въ нихъ хранили, поэтому обыкновенныя названія ихъ были *alabastron*, *onix*, *pardeika* и т. д., какова бы ни была ихъ форма (Fig. 334. a. b. c. d. g. e. f.). Къ этимъ сосудамъ принадлежали также *lekythros*, упоминаемый уже Гомеромъ, и — вѣроятно позднѣйшій—*olpe* или *olpis*, имѣвшіе форму круглаго или удлиненнаго пузыря, съ загнутымъ въ видѣ плоскаго кружка устьемъ (фиг. 334. h—l). Въ нихъ держали масло для натирания тѣла въ гимназіяхъ, палестрахъ и баняхъ.

Фиг. 334.

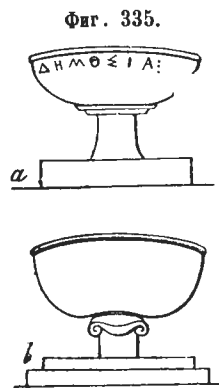
7. Въ числѣ домашней утвари Грековъ важное мѣсто занимала банная посуда. Она состояла изъ ваннъ и разной величины тазовъ и лоханей. Ванны, извѣстныя намъ только по названіямъ (*puelos*, *maktra*, *loutär* и *loutärion*), ставились или прямо на полъ, или на возвышеніе со ступенями. Тазы (*lebetes*) большіе ¹ были на подножкахъ, малые (умывальные) ставили на

¹ По размѣрамъ ихъ на рисункахъ можно предположить, что они были около $3\frac{1}{2}$ фут. вышины и до 3 ф. въ поперечникѣ.

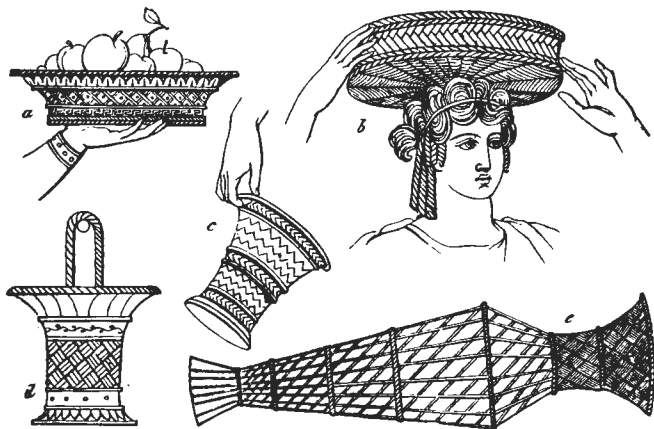
треножки (изъ бронзы). Тазъ, въ которомъ мыли ноги, назывался *podaniptär*; *skaphis* и *skaphion* были деревянные тазы (шайки), служившіе для обливанія тѣла.

8. Посуда, употреблявшаяся при различныхъ ремесленныхъ и промышленныхъ производствахъ, какъ-то красильномъ, дубильномъ и т. д., была, какъ само собою разумѣется, такъ же проста, какъ и нынѣ употребляемая для тѣхъ же цѣлей, и въ отношеніи отдѣлки ничѣмъ не разнилась отъ хозяйственной посуды поселянъ. До насъ дошли изображенія и названія какъ первой, такъ и послѣдней (*amphotis*, *amystis*, *anaphaia*),¹ но соглашеніе тѣхъ и другихъ представляется крайне затруднительнымъ.

9. Весьма обширное и разнообразное примѣненіе въ сельскохозяйственномъ быту имѣли разной величины корзины и кораба изъ прутьевъ, камыша и т. п. Къ этимъ грубымъ плетенымъ издѣліямъ примыкаетъ длинный рядъ чрезвычайно красиво и тонко сплетенныхъ корзинокъ и корзиночекъ, употреблявшихся отчасти женщинами, какъ рабочія корзинки (*kaladia*, *kaladoi*, *kaladiscoi*: фиг. 336 с. d. e), отчасти для цвѣтовъ, фруктовъ, хлѣба и печенья (фиг. 336 а). Первые были большею частью высокія корзинки съ ручками и безъ ручекъ, и продолговатыя съ воронкообразнымъ отверстіемъ (для клубковъ: фиг. 336. e); послѣднія—плоскія. Хлѣбныя корзинки назывались также *капа*; отъ нихъ получили названіе *канефоръ* дѣвицы, носившія въ религіозныхъ процессіяхъ корзины съ священной утварью (фиг. 336. b). Изъ

Фиг. 336.

описанія золотой корзины у поэта Мосха (*Id.* II ст. 37—60) видно, что плетенымъ работамъ Греки подражали изъ металловъ и, вѣроятно, изъ другихъ матеріаловъ (какъ это было и у восточныхъ народовъ ср. фиг. 79. g).

¹ См. Н. Krause op. cit. 226 sqq. Th. Panofka. Bilder antiken Lebens. Tab. XIV.

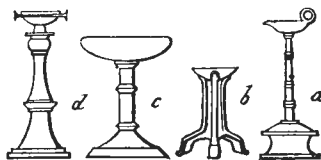
10. Наконецъ, къ сосудамъ же слѣдуетъ отнести (кромѣ чернильницъ, солонокъ и т. п. сосудовъ, о которыхъ здѣсь можетъ быть только упомянуто) и такіе предметы домашней утвари какъ лампы и жаровни ¹.

Что касается жаровень, то о формѣ ихъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Мы не знаемъ даже ничего положительнаго и о способѣ нагрѣванія греческихъ жилищъ въ до-римскую эпоху, а можемъ только предполагать, что они нагрѣвались не каминами, которые при тепломъ климатѣ Греціи были бы излишни, а переносными очагами или жаровнями въ родѣ тѣхъ, которыя были найдены въ Помпѣяхъ. ²

Лампы ³, замѣнившія въ послѣгомеровскую эпоху прежніе факелы и лучину, такъ быстро вошли въ всеобщее употребленіе, что, повидимому, уже въ ранней древности образовался особый классъ ремесленниковъ, исключительно занимавшихся выдѣлкою лампъ. Такъ какъ лампы дѣлались преимущественно изъ глины, то естественно, что за нихъ принялись сначала горшечники, къ которымъ впослѣдствіи присоединились мастера металлическихъ дѣлъ, формовщики, ваятели, пока наконецъ и это производство, подобно всѣмъ другимъ въ Греціи, не поднялось на степень настоящаго искусства.

Формы лампъ были очень разнообразны, но всегда изящны. Ламповыя чашки украшали не только рельефными изображеніями, но и цѣлыми пластическими группами. Подножки лампъ, первоначально простыя подставки (фиг. 337 а—d), превратились въ изящныя подножія, въ настоящія канделябры о нѣсколькихъ лампахъ (*lychnēia*: ср. фиг. 342. b). До насъ дошли почти только подножія изъ позднѣйшей, греко-италійской эпохи и потому о нихъ будетъ сказано подробнѣе на своемъ мѣстѣ (см. слѣд. главу). Въ ту же позднѣйшую эпоху началось въ Греціи употребленіе восковыхъ и сальныхъ свѣчъ и появились фонари, замѣнившіе, при выходѣ ночью на улицу, прежніе факелы. ⁴

Фиг. 337.

Мебель.

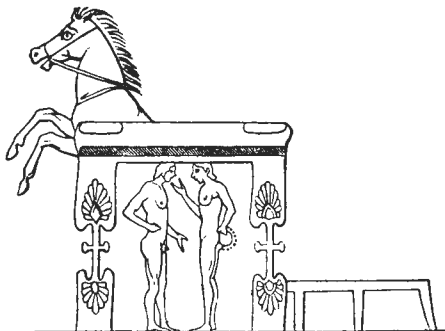
Вслѣдствіе тѣхъ отношеній греческой ремесленности къ восточной, о которыхъ было упомянуто выше, греческая домашняя утварь (насколько можно судить о ней по изображеніямъ) до такой степени походила на восточную, что напр. между іонической комнатною мебелью ⁵—столами, сидѣньями, кроватями — и современною ей западноазійскою почти нельзя найти никакого различія. Она сдѣлана изъ тѣхъ же самыхъ матеріаловъ (дерева и металла), и съ такою же отдѣлкою (изъ серебра, золота, слоновой кости и т. п.), какъ и та; даже и рисунокъ ея украшеній тотъ же—преимущественно растительныя и животныя формы. Любимое на Востокѣ убранство комнатъ дорогими

¹ Подробности у Н. Krause 189.—² A. Becker. Charikles I. 204.—³ Ср. A. Böttiger. Amalthea III 168; Kl. Schrift. (2) III. 367. O. Müller. Handbuch. §. 302. A. Becker. Charikles II. 214; H. Krause. Angeiologie 188 sqq.—⁴ Освѣщеніе улицъ не существовало. Ср. A. Becker. Charikles II. 212.—⁵ O. Müller. Handbuch. § 297. F. Hermann. Privatalterth. § 20. sqq.

коврами и красивыми звѣринными шкурами было также усвоено Греками, особенно Афинянами, которые любили наполнять свои просто выстроенные дома красивою и цѣнною утварью.¹

Спартанцы и въ этомъ отношеніи оставались вѣрны строго предписанной имъ простотѣ, по крайней мѣрѣ до исхода послѣ-александровской эпохи, когда и у нихъ началъ понемногу вводиться домашній комфортъ. До тѣхъ же поръ

Фиг. 338.

всякое стремленіе къ нѣкоторому удобству подавлялось у нихъ въ самомъ началѣ, какъ противное законамъ², предписывавшимъ, чтобы мальчики до пятнадцатилѣтняго возраста спали на сѣнѣ или соломѣ, а съ пятнадцати лѣтъ на тростникѣ или камышѣ, чтобы мужчины не употребляли подушекъ, какъ прочіе Греки, а замѣняли бы ихъ (даже и за обѣдомъ) деревянными колодками³.

1. У Грековъ были кресла, стулья и табуреты. Богато отдѣланные стулья съ пластическими украшеніями (иногда со спинкою изваянною въ видѣ животнаго) назывались *thronos* и *klismos* (оба названія встрѣчаются уже у Гомера). Формою своею они совершенно походили на древневосточные троны и почетныя сѣдалища (фиг. 338. ср. фиг. 77. d; 138, h; 139. d).

Фиг. 339.

Проще, хотя также съ отдѣлкою и рѣзбою, были общеупотребительныя въ домахъ зажиточныхъ людей кресла съ ручками, подобныя древнеассирійскимъ (фиг. 339. ср. фиг. 138 g, h; 76 k).

Въ среднемъ быту употреблялись стулья со спинкой (фиг. 340. а. в. ср. фиг. 195, с. и фиг. 274), обитые цвѣтными подушками, или просто накрытые узорочными коврами или звѣринными шкурами.

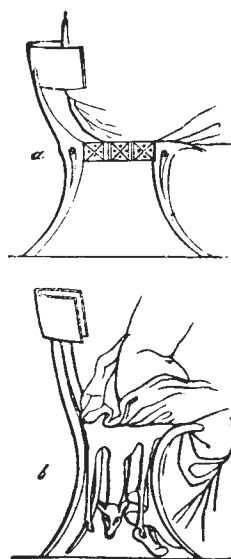
¹ W. Wachsmuth. Hellenische Alterthumskunde. II, 240.—² Ср. Плутарха: Лягургъ. 9; Лизандр. 17.—³ O. Müller. Die Dorier. II, 301; F. Schömann. Griechische Alterth. I. 272, 285 sqq.

Табукеты, въ историческое время извѣстные подъ названіемъ *diphros*, были большею частью складныя сидѣнья безъ спиннокъ, совершенно похожія на египетскія и древневосточныя. Они назывались *okladiai diphroi* и различались между собою только величиной и большею или меньшею изогнутостью ножекъ (фиг. 341. а. в. с. ср. фиг. 76. п. о; 77. с; 139. б; 195. б). Были впрочемъ табукеты съ прямыми (не перекрещивавшимися) ножками, тоже издавна извѣстные на Востокъ (фиг. 341. d. e), и простыя скамейки (*skimpous*, *bathron*, *chamaiahālos*), употреблявшіяся преимущественно простымъ народомъ (ср. фиг. 76. а. б. с. г).

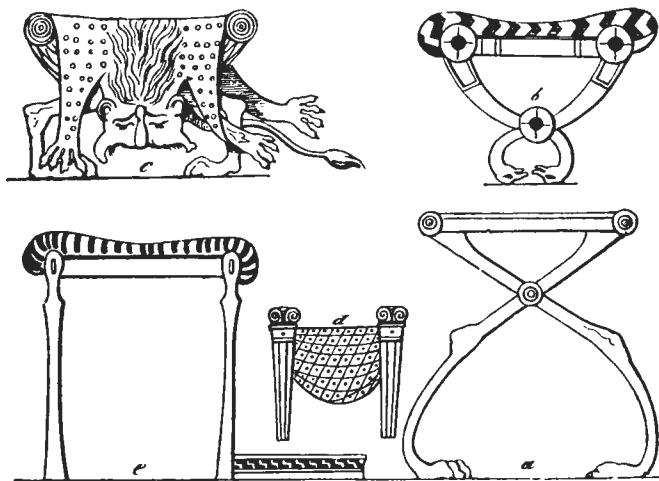
Къ кресламъ и стульямъ (иногда довольно высокимъ) приставляли обыкновенно ножныя скамейки, сдѣланныя въ томъ же стилѣ какъ и само сидѣнье (фиг. 338, 339, 341. е. ср. фиг. 77. е. ф; 138. с; 161. е; 195. d. e).

Восточный обычай лежанья, вмѣсто сидѣнья на стульяхъ, распространившійся въ послѣгомеровское время между малоазійскими Греками и отъ нихъ

Фиг. 340.

Фиг. 341.

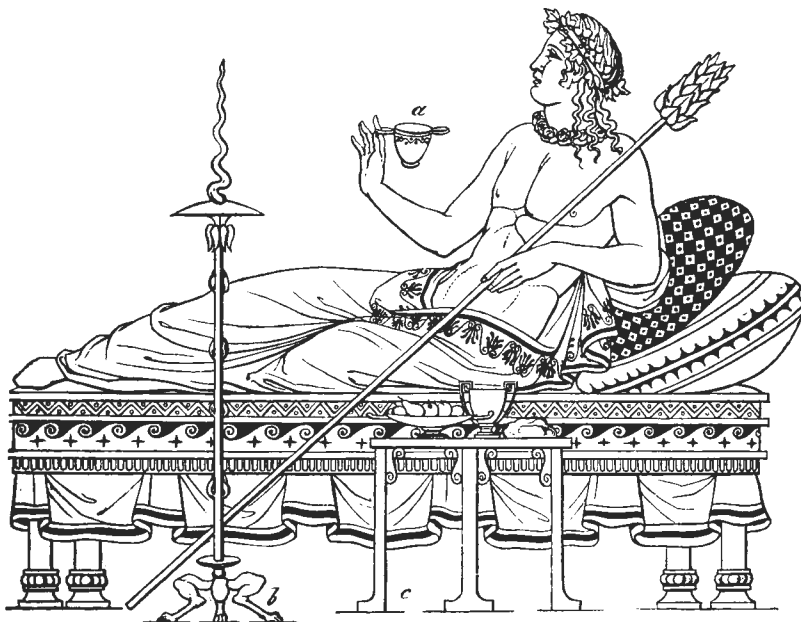

перешедшій къ европейскимъ, изгналъ постепенно стулья и всякаго рода сидѣнья изъ мужской половины греческихъ домовъ на женскую, и замѣнилъ ихъ въ первой диванами или мягкими ложами (древнедорійскіе Критяне одни только не приняли этого нововведенія; ¹ у прочихъ Грековъ женщины и дѣ-

¹ А. Becker. Charikles I, 425. Даже въ Спарту этотъ обычай проникъ еще до Персидскихъ войнъ: O. Müller. Dorier. II, 274.

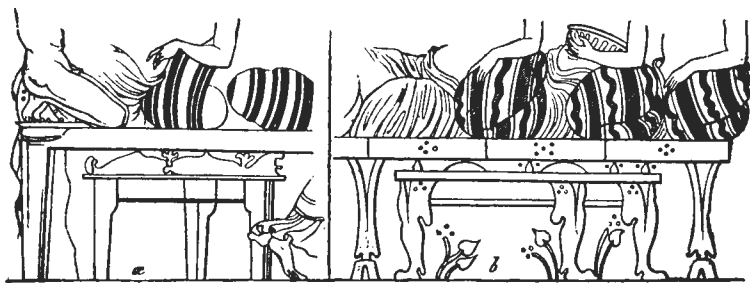
ти сидѣли, а не ложились). Ложа эти состояли изъ станка о четырехъ ножкахъ (klinon), сдѣланнаго въ видѣ рамы, переплетенной тѣсмами, и тюфяка съ подушками и покрывалами.

Фиг. 342.

Станки (иногда съ прислонами въ головахъ и ногахъ или только въ головахъ) были деревянные и бронзовые. ¹ Тѣ части ихъ, которые оставались на виду, незакрытыми, отдѣлывались особенно красиво: у деревянныхъ станковъ ихъ выкладывали фигурами изъ золота, серебра, слоновой кости, янтаря и цвѣтнаго дерева (фиг. 342), у бронзовыхъ—украшали пластическими орнаментами. Простые станки (фиг. 343. а. б) скрывали подъ покрывалами или коврами ².

Фиг. 343.

Тюфяки набивали въ древнѣйшее время сѣномъ, морскою травой и т. п. веществами, въ позднѣйшее—шерстянымъ хлопкомъ и перьями; обтягивали

¹ По всей вѣроятности ложа дѣлались большею частью двумѣстныя. — ² Th. Panofka Bild. antik. Lebens. Taf. XII. Fig. 3. Die griech. Trinkhörner. Taf. III. Fig. 3.

холщевыми или кожаными наволоками. Подушки были круглы—для головы, и четырехугольные, которые клали за спину и облокачивались на них левым локтем. Наволоки для них дѣлались изъ узорчатыхъ матерій. На ложа разстилали пестрые ковры, края которыхъ обшивали бахромой, а во время роскоши оторачивали пухомъ.

Такого же почти устройства были и постели, ¹ покрайней мѣрѣ у людей зажиточныхъ. Небогатые спали на овечьихъ и козьихъ шкурахъ, или просто на своихъ носильныхъ плащахъ, а рабы и простонародье—на рогожахъ и матахъ, нерѣдко посланныхъ прямо на полу.

Въ историческое время столами ² пользовались только для обѣда. Даже и писали лежа, если на восковыхъ табличкахъ, то придерживая ихъ лѣвою рукою къ лѣвому боку, а если на папирусе, то положивъ его на ляжку.

Фиг. 344.

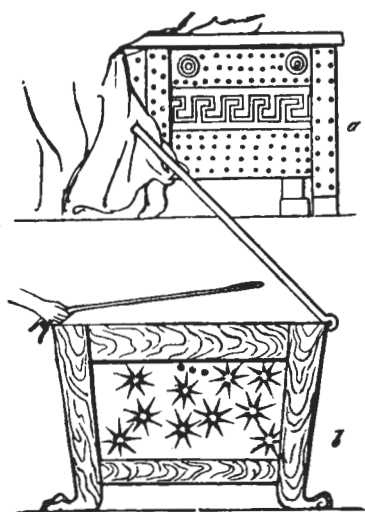

Подобно древнеегипетскимъ и древнеассирийскимъ, греческіе столы обыкновенно имѣли три или четыре ножки, рѣже одну (фиг. 343. а. b; 344. а—с. сравн. фиг. 73. l. m; 78. с; 138. а; 139. а. с). Верхняя доска была большею частью круглая; красивые жертвенные столики (*trapeshai*: фиг. 194. k) дѣлались всегда четырехугольные. Украшенія столовъ были такіе же какъ и у ложъ и кроватей—фигурныя выкладки изъ цвѣтнаго дерева, серебра, бронзы, и пластическіе орнаменты—преимущественно на ножкахъ, которымъ очень часто давали форму ноги какого нибудь животнаго (фиг. 343. а; 344. с). Особеннымъ богатствомъ орнаментаціи отличались мѣдные столы, вошедшіе въ моду только въ позднѣйшее время, и несмотря на это цѣна ихъ была довольно умѣренна. Въ Афинахъ можно было купить за 30 драхмъ (около 7 рубл.) столъ, украшенный бронзовыми фигурами сатировъ и бычачьими головами ³. Эта дешевизна могла конечно зависѣть отъ того, что греческіе обѣденные столы были малы и низки: они назначались только для одной персоны и едва доходили доской до вышины ложа, передъ которымъ ставились (фиг. 342. с; 343. а. b). Скатертей и салфетокъ Греки не употребляли; точно также не было у нихъ ни столовыхъ ножей, ни вилокъ. Они ѣли руками и обтирали ихъ о хлѣбный мякишъ. Ложки иногда замѣняли хлѣбными корками ⁴. Кости и прочіе остатки кушанья кидали прямо на полъ подъ столъ; по окончаніи обѣда ихъ сметали въ кучу метлами (совершенно похожими на нынѣшнія метла изъ прутьевъ) и выносили ⁵.

¹ A. Becker. Charikles II, 114. — ² Ibid 123, 218; F. Hermann. Privatalterth. § 27.—³ A. Böckh. Staatshansh. 113.—⁴ A. Becker. Charikles I, 429. Были впрочемъ даже и золотыя ложечки для суповъ, соусовъ и т. п. A. Böttiger Kleine Schriften (2) III, 233. F. Hermann. Privataltertk. § 28. not. 10. См. также Примѣч. пер. стр. 135.—

⁵ A. Becker II, 490.

Фиг. 345.

Вмѣсто шкаповъ, которые появились вѣроятно не ранѣ римскаго времени ¹, у Грековъ были сундуки или лари (*cheloi*; *larnakes*) различной величины и отдѣлки (нерѣдко очень богатой) ². Большіе сундуки, въ которыхъ сохраняли платье и другія цѣнныя вещи, закрывались крѣпкими крышками (фиг. 345, а), съ подвижными подпорками (фиг. 345. b). Небольшіе ящички для уборовъ, сосудовъ съ благовоніями и т. п. (*cheloi*; *ki-boutoi*) выдѣлывались изъ серебра, черепахи, слоновой кости и другихъ дорогихъ матеріаловъ, въ чрезвычайно красивыхъ формахъ. Вмѣсто запиранья на замокъ сундуки запечатывали (точно также поступали и съ дверями и кладовыми), и кромѣ того употребляли, кажется, и способъ запиранья посредствомъ трудно распутываемыхъ узловъ, свойственный гомерической древности ³.

Хотя у Грековъ и были приборы для измѣренія времени ⁴, именно солнечные и водяные часы, употребленію которыхъ они научились, по ихъ собственному свидѣтельству, у Вавилонянъ, однакожь приборы эти не были такъ распространены, чтобы входить въ число обыкновенной домашней утвари. Солнечные часы (*polos*), усовершенствованіемъ которыхъ особенно много занимался Анаксимандръ ⁵ (его считали даже изобрѣтателемъ ихъ), ставились преимущественно на публичныхъ мѣстахъ. Въ часахъ стариннаго устройства тѣнь вертикальнаго указателя измѣряли футами; со времени Аристофана, указатель ставился въ центрѣ круглаго бассейна, съ дѣленіями на внутренней сторонѣ. Водяные часы ⁶ (*klepsydriai*) удержали свою старинную форму нѣсколько сплюсненнаго полая шара съ короткою шейкою и съ отверстіями, чрезъ которыя капала вода.

Дѣтскія игрушки и игральные приборы для взрослыхъ можно было найти въ каждомъ семействѣ, кромѣ развѣ бездѣтныхъ или совѣмъ нелюди-

¹ Ср. Aelian Var. Hist. IX 13, и ниже 4 главу.—² Къ самымъ древнѣйшимъ и вмѣстѣ художественнѣйшимъ ящикамъ или сундукамъ, которые только знала древняя Греція, принадлежалъ такъ назыв. ящикъ Кипсела (0 ящикъ Кипсела простав. у Любке: Исторія Пластины. Пер.) Онъ былъ коринтской работы и посвященъ Кипселомъ Юнонѣ Олимпійской во второй половинѣ 7-го стол. Еще Павсаній видѣлъ его въ храмѣ этой богини (V. 17—19 Гаус.). Весь ящикъ былъ сдѣланъ изъ кедроваго дерева, съ украшеніями изъ золота и слоновой кости. Вокругъ ящика тянулася 5-ю полосами горельефы, представлявшіе важнѣйшіе изъ героическихъ мифовъ и замѣчательнѣйшія событія изъ жизни Кипселидовъ. Литерат. у О. Мюллера: Handb. § 37. См. также Kugler. Hand. der Kunstgesch. I, 107. — ³ A. Becker Charikl. I, 202. и соч. указан. въ 1-й части наст. пер. на стр. 313, пр. 1.—⁴ G. H. Martini. Von den Sonnenuhren der Alten. Lpzg. 1777; A. Becker. Charikles II. 490; F. Woepke. Disq. archäol. mathem. circa solariorum veterum. Berol. 1847; F. Hermann. Privatalterth. § 17. not. 5 sq.—⁵ Или ученикъ его Анаксимедъ (500 до Р. X.)—⁶ На башнѣ вѣтровъ, въ Афинахъ, были поставлены водяные часы для публики.

мыхъ. Даже и въ строгой Спартѣ маленькія дѣти пользовались полной свободой играть и рѣзвиться, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока государство не отнимало ихъ у матерей (сравни. выше стр. 133). Суровый спартанецъ—Архитасъ считался даже изобрѣтателемъ дѣтской погремушки, и вся Греція знала, какъ Агезилай тѣдилъ верхомъ на палочкѣ для забавы своего ребенка.¹

Кромѣ множества самодѣльныхъ игрушекъ и игръ собственнаго изобрѣтенія, которыми забавлялись греческія дѣти,² особенно меньшаго возраста (напр. пусканіе жуковъ на ниткѣ—очень любимая ими забава; игра въ прятки),—были въ продажѣ игрушки и игры для дѣтей всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ: мячи (*sphaira*), обручи (*trochos*), кубари (*strombos*) и качели (*aioia*) для мальчиковъ и дѣвочекъ; деревянные коньки, повозочки и т. п. преимущественно для мальчиковъ, глиняныя и восковыя куклы для дѣвочекъ³.

Изъ игръ, которыя можно уже назвать общественными, такъ какъ въ нихъ играли не одни дѣти, а и взрослые молодые люди, особенно были распространены: игра въ мячъ, въ кости (для нихъ брали овечьи бабки), потомъ, извѣстная можетъ быть уже и гомеровскимъ грекамъ, царская игра или игра въ цари и, наконецъ, загадки и игра въ слова⁴.

Къ играмъ взрослыхъ можно причислить и забаву, которая составляла почти необходимую принадлежность симпозиій и имѣла смыслъ гаданья объ удачѣ или неудачѣ въ любовныхъ дѣлахъ. Называлась она *kottabos* и, насколько можно судить по весьма отрывочнымъ и разсѣяннымъ указаніямъ,⁵ состояла въ томъ, что играющій или испытующій свою судьбу брызгалъ водою или виномъ, прямо изо рта или изъ небольшого сосуда, въ какойнибудь плавающий или носящійся въ воздухѣ предметъ, стараясь въ первомъ случаѣ потопить его, а въ послѣднемъ заставить опуститься, что и считалось хорошимъ предзнаменованіемъ. Для этой забавы чаще всего употребляли маленькія чашечки, которыя пускали по водѣ; но былъ и особенно устроенный приборъ, на которомъ играющіе испытывали свою ловкость. Онъ былъ сдѣланъ въ видѣ одночашечныхъ или двучашечныхъ греческихъ вѣсовъ⁶, съ бронзовою фигуркою (*manes*) подъ каждою чашкой. Вся хитрость состояла въ томъ, чтобы брызнутая жидкость наполнила одну изъ чашечекъ и заставила её удариться о фигурку; отъ удара чашечка опрокидывалась, жидкость изъ нея выливалась⁷ и обѣ чашечки, приведенныя отъ этого въ колебаніе, начинали звенѣть о фигурки.

¹ O. Müller. Die Dorier. II, 295.—² Особ. A. Becker. Charikles I, 19; F. Hermann. Privatalterth. § 33. sq.—³ Th. Panofka. Bild. antik. Lebens. Taf. I, X, XVIII. 2, 3, и его же: Griechen etc. S. 15. Taf. I, 7; A. Böttiger. Kl. Schrift. (2) II, 98; A. Becker Charikles I. 31.—⁴ Всѣ эти игры, равно какъ и выше перечисленныя дѣтскія, были уже извѣстны древнимъ Египтянамъ. См. 1-ю часть наст. сочин. и Н. Weiss. Geschichte des Kostüms. Berlin 1853. I. 368.—⁵ Собранны у A. Becker Charikles I, 477. F. Hermann. Privatalterth §. 28. not. 34. § 53. not. 25—28.—⁶ Греческіе вѣсы были, кажется, такого же устройства, какъ и древнеегипетскіе и ассирійскіе. Ср. выше фиг. 71. г. г. с. и фиг. 139. f. съ изображеніемъ греческихъ вѣсовъ у Панофки: Bilder antik. Lebens. Taf. XXX.—⁷ По нѣкоторымъ указаніямъ, и фигурки стояли на чашечкахъ, которыя принимали вылившуюся при толчкѣ жидкость. Вѣсовыя чашечки надобно представить себѣ очень плоскими, а фигурки поставленными не прямо подъ центромъ ихъ, а нѣсколько въ сторону, тогда легко будетъ понять, что чашечка, ударившись о статушку, непременно должна опро-

Другая, тоже застольная, игра, требовавшая впрочемъ особенной ловкости въ рукахъ, называлась *chalkismos*. Въ ней требовалось быстро вертящуюся на ребрѣ монету остановить быстрымъ прикосновеніемъ пальцевъ. На ловкости же была основана (еще и нынѣ мѣстами встрѣчающаяся) игра въ ремень—*himanteligmos*: въ нее играли, стараясь сразу воткнуть между слоями свернутого особымъ образомъ ремня тонкую палочку ¹.

Нѣсколько серьезнѣе всѣхъ этихъ игръ,—которыя не особенно утруждали мыслительныя способности и честь изобрѣтенія которыхъ Греки поэтому охотно предоставляли Лидянамъ,—были греческія шашечныя (*Brettspiele*) игры ². Изобрѣтеніе древнѣйшей изъ нихъ (*petteia*) приписывали Паламеду. О томъ, какъ игрались эти игры, ничего достовѣрнаго неизвѣстно; но по нѣкоторымъ письменнымъ и фигурнымъ указаніямъ можно предположить, что онѣ были очень разнообразны и походили то на шахматы, то на шашки. Подъ названіемъ *polis* (игры въ города), *diagrammismos* и др. онѣ составляли любимое развлеченіе и въ домашнихъ кружкахъ.

Изъ азартныхъ игръ самую распространенную была игра въ кости. Въ ней различали упомянутыя выше кости или бабки, и условно назыв. костями кубики (*kybois*). Тѣ и другія бросали изъ особаго стакана или рожка; очки на кубикахъ выставались на всѣхъ шести сторонахъ, а на бабкахъ только на четырехъ (гладкихъ).

Не однѣми только описанными играми коротала свое время афинская мужская молодежь, особенно богатая ³. Она тратила большія деньги на породистыхъ лошадей, молосскихъ собакъ, дорогихъ голубей и разорялась на пари въ пѣтушьихъ и перепелиныхъ бояхъ. Бои эти были до такой степени любимы Афинянами, что разъ въ годъ ихъ устраивали даже на иждивеніе государства. На этихъ то общественныхъ бояхъ и отличались преимущественно охотники до пари. Частные люди, любившіе эту забаву, держали собственныхъ птицъ, которыхъ сами воспитывали и выписывали съ Родоса и Танагріи иногда за баснословныя суммы. Птицъ спускали на круглой доскѣ съ возвышеннымъ бортомъ и передъ боемъ привязывали имъ къ ногамъ шпоры ⁴.

Музыкальные инструменты ⁵.

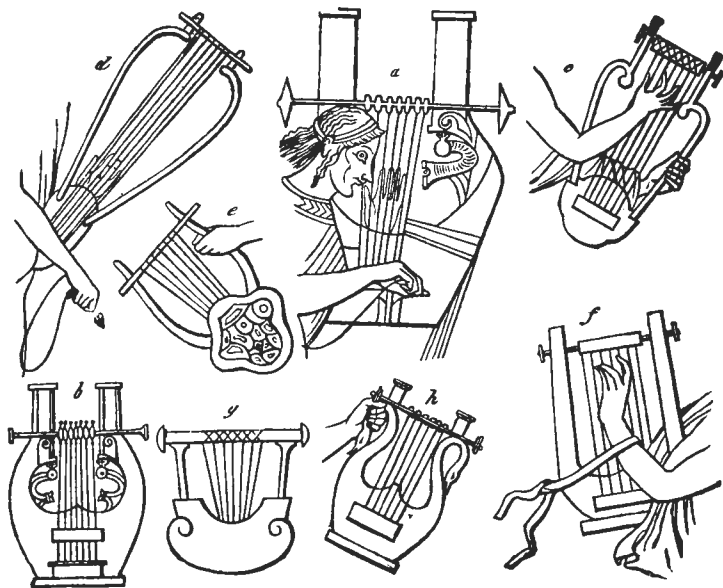
Вообще говоря, тѣ же инструменты, которые были извѣстны Грекамъ уже въ гомеровское время и которые они заимствовали (покрайней мѣрѣ отчасти) у Фригійцевъ и Лидянъ, остались у нихъ и до позднѣйшаго времени, но устройство ихъ постепенно улучшалось, такъ что относительно доброты между позднѣйшими и старинными инструментами не могло быть никакого сра-

кинуться. Можно также предполагать, что чашечки вѣсовъ были глубокія и снабжены посреднимъ клапаномъ, который при ударѣ поднимался и пропуская жидкость. Но такое устройство было бы уже слишкомъ сложно.—¹ A. Becker. *Charikles* I, 298; F. Hermann. *Privatalterth.* § 54. not. 24.—² A. Becker. I. 480; F. Hermann. § 54. Th. Panofka. *Griechinn. Taf. II. Fig. 9* и *Bild. ant. Lebens Taf. X. Fig. 10, 11*—³ A. Becker. *Charikl.* I, 380 и F. Hermann § 16, § 54 sqq.—⁴ Th. Panofka *Bilder antik. Lebens. Taf. X. Fig. 5. 6.* стр. 15 и 16.—⁵ W. Wachsmuth. *Hellen. Alterthumskunde.* II, 424; егo же: *Allgem. Culturgesch.* I, 202, 237. O. Müller. *Die Dorier* II, 320 sqq. A. Böttiger *Kl. Schriften* I, 5 sqq.

вненія. Это усовершенствованіе началось вмѣстѣ съ развитіемъ національной греческой музыки, т. е. около 7-го стол. до Р. Х., но не у всѣхъ эллинскихъ племенъ одинаково для всѣхъ инструментовъ. Напротивъ того, каждое племя вырабатывало тотъ инструментъ, который ему больше другихъ нравился. Любимыми инструментами славившихся своими музыкальными способностями Аркадянъ ¹ были простая флейта и многоствольная цѣвница (сиринксъ *сѳринѳксъ*), считавшаяся изобрѣтеніемъ бога Пана; Беотійцы и особенно Фивяне выбрали себѣ лидійскую флейту и короткую лудку (*моноkalamos*); Спартанцы, которые, какъ и вообще дорійскія племена, музыкою занимались сравнительно мало ², уже со времени Терпандра ³ (660 до Р. Х.) отдали предпочтеніе лирѣ, а Аѳиняне простой и двойной флейтѣ ⁴.

1. Изъ струнныхъ инструментовъ самыми древнѣйшими и употребительнѣйшими были лира и кифара, изобрѣтеніе которыхъ преданіе приписывало самому Аполлону. ⁵ Кифара, также какъ и *phormix*, служила сначала (у гомерическихъ пѣвцовъ) для аккомпанимента речитатива; значеніе самостоятельнаго инструмента было дано ей Аристоникомъ (около 700 г. до Р. Х.). Немного позднѣе (приблизительно ок. 650 г. до Р. Х.) такое же самостоятельное значеніе получила и четырехструнная лира, благодаря усовершенствованіямъ сдѣланнымъ въ ней Терпандромъ, который къ четыремъ струнамъ ея прибавилъ еще три ⁶. Впослѣдствіи форма лиры многократно измѣнялась, но число струнъ оставалось одно и то же до временъ Александра, когда введены были лиры объ одиннадцати струнахъ. По рисункамъ видно, какъ

Фиг. 346.

¹ F. Hermann. *Privatalt.* § 7. not. 25.—² O. Müller. *Dorier II*, 320.—³ О немъ разсказываютъ, что онъ своею игрою произвелъ даже волненіе въ народѣ.—⁴ A. Böttiger *Kl. Schriften.* 27 sqq.—⁵ Cp. W. Heffter. *Die Religion der Griechen und Römer.* Brandenburg 1845. стр. 325, 360. Th. Panofka. *Argos Panoptes* (Abhdg. der Akad.) Berlin. 1851. стр. 102. not. 2 u. 3. F. Hermann. *Culturgesch.* стр. 70.—⁶ Ibid. 114.

изъ старинной, тяжелой и массивной лиры (фиг. 346. а. b) постепенно выработывалась легкая и красивая лира позднѣйшаго времени. (фиг. 346. с—h.)

Такъ какъ по величинѣ лиры еѣ приходилось держать между колѣнами какъ арфу (?), то для большого удобства и чтобы руки оставались свободными еѣ привязывали къ лѣвой рукѣ (фиг. 346. f.) или прижимали ею къ лѣвому бедру (фиг. 346. d.). При одноручной игрѣ лиру просто держали (фиг. 346, с). Только въ исключительныхъ случаяхъ касались струнъ прямо пальцами (фиг. 346 с. f.), обыкновенно же ихъ перебирали заостренною съ обоихъ концовъ палочкою (какъ и у Египтянъ) изъ слоновой кости или металла (plectron), которая привѣшивалась къ лирѣ на шнурѣ (фиг. 346. а. d.).

Изъ всѣхъ струнныхъ инструментовъ, которые въ разное время перешли къ Грекамъ съ Востока, они усвоили себѣ только лиру и кивару, считая ихъ вмѣстѣ съ флейтою единственными инструментами, достойными истыхъ эллиновъ. Поэтому только эти инструменты и допускались на музыкальныхъ состязаніяхъ; только играющаго на нихъ, хотя бы онъ былъ странствующій музыкантъ, (фиг. 348) охотно принимали въ одеоны и на празднества. Остальные струнные инструменты были предоставлены музыкантамъ выходцамъ изъ Азіи, и потому остались безъ

Фиг. 347.

Фиг. 348.

всякаго вліянія на греческую музыку. Въ число ихъ безъ сомнѣнія входили (подъ передѣланными на греческій ладъ названіями) всѣ инструменты, бывшіе издавна извѣстными у древнихъ Египтянъ и у народовъ передней и средней Азіи: сорокаструнный эпигоній, двадцатиструнный магадисъ или пектисъ, барбитонъ, самвика, тригононъ и др. (ср. фиг. 81, 83, 84 и 140). Изъ нихъ одинъ тригононъ, въ улучшенномъ видѣ многострунной арфы, былъ принятъ и Греками, но и на немъ большею частію играли одни только (азійскія) гетеры ¹.

2. Дошедшія до насъ изображенія даютъ такое неясное понятіе объ устройствѣ греческихъ флейтъ, что между этими послѣдними и нарисованными на египетскихъ памятникахъ трудно открыть замѣтное различіе. А что такое различіе было, это видно уже изъ способа употребленія тѣхъ и дру-

¹ Ср. Mus. Borbon. V. 51; Th. Panofka—Die griech. Trinkhörner III. Fig. 3.

гих: между тѣмъ какъ на египетской флейтѣ играли съ боку (какъ на нашей нынѣшней) (фиг. 80. f), въ греческую дули прямо, совершенно по древнеазійски (фиг. 349. ср. фиг. 181. b; 267; 269, и фиг. 348 съ 140. d). Греки различали нѣсколько видовъ флейтъ. Aulos было у нихъ общее названіе духового инструмента (за исключеніемъ трубы, рога и семиствольной цѣвницы) и собственно флейты (прямой); plagiaulos называлась кривая (загнутая на концѣ) флейта; затѣмъ различали флейту одинакую (monaulos) и двойную (diaulos). Кромѣ того были еще флейты: карійская, лидійская, фригійская и еврейская.

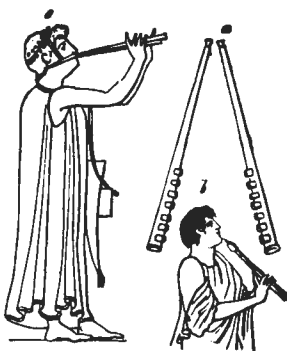
Для усиленія тона инструмента, флейщики навязывали себѣ на ротъ особаго рода повязки (фиг. 349. c); регулированія звуковъ и различныхъ модуляцій достигали отчасти посредствомъ клапановъ, отчасти посредствомъ подвижныхъ колковъ (349. a) и амбушюръ различной формы (фиг. 349. b; фиг. 181. b); ¹ флейщики вѣроятно всегда имѣли при себѣ нѣсколько такихъ амбушюръ и носили ихъ въ футлярѣ для флейты (фиг. 349. c). Простая аркадійская дудка и сиринксъ были впоследствии также присоединены къ музыкальнымъ инструментамъ, причемъ число стволовъ въ послѣдней было увеличено до девяти (фиг. 350).

3. Изъ ударныхъ инструментовъ, кимвалы (фиг. 351. b), тамбурины (фиг. 351. a) и кроталы ² (родъ деревянныхъ или металлическихъ кастаньетъ) употреблялись преимущественно при оргіастическихъ торжествахъ и танцовщицами, которые сопровождали ими свои танцы.

Приборы для гимнастическихъ упражненій ³.

Они были вообще очень просты и немногочисленны. Нѣкоторыя упражненія, какъ-то: борьба ⁴, верховая ѣзда и бѣганье въ запуски ⁵, вовсе не требовали никакихъ приборовъ. Эти послѣдніе нужны были только для упражненій въ прыганьи, такъ называемой скапердѣ (skaperda), метаніи, кулачномъ бою, стрѣляннѣ изъ лука и гоньбѣ на колесницахъ, и наконецъ для упражненій съ мячемъ

Фиг. 349.

Фиг. 350.

Фиг. 351.

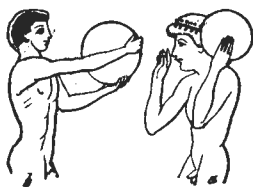
¹ A. Böttiger. kl. Schriften. I, 24, 46 и 51: Ueber die Backenriemen der alten Flötenspieler. — ² F. Greuzer. Ein altathenisches Gefäß. etc. стр. 39. — ³ Преимуществ. H. Krause. Gymnastik etc. der Hellenen. possim. — ⁴ Различали нѣсколько родовъ борьбы: pale orthe—прекращавшаяся когда одинъ изъ борцовъ былъ опрокинутъ наземь; halinthesis—когда борцы продолжали бороться и упавши; dielkystinda:—въ ней боролись рядами и каждый борецъ старался притянуть къ себѣ своего противника изъ противоположнаго ряда; hippas и kybetinda: одинъ борецъ складывалъ руки на спинѣ обернувъ ихъ ладонями вверхъ, другой упершись козѣнкомъ въ поставленную руку противника, охватывалъ ему сзади голову и закрывалъ глаза; затѣмъ тоже самое дѣлалъ первый и т. д. поочередно: H. Krause. I, 322; 400.—⁵ Бѣгъ былъ: простой—требовалось пробѣжать въ одинъ конецъ отъ 7 до 24 стадій; двойной—бѣгущій

а. Приборъ употреблявшійся при обученіи прыганью состоялъ изъ двухъ паръ свинцовыхъ шаровъ соединенныхъ ручками, совершенно какъ нынѣшнія гантели. Взявъ въ каждую руку по гантелю, ученикъ прыгалъ съ ними вдалѣ, вверхъ и внизъ (Paus. V. 23, 3. 27, 8. VI. 3, 4). Учились также прыгать черезъ столбы, натянутыя веревки и сквозь обручи. ¹

б. Приборомъ для скаперды служилъ столбъ вышиною въ ростъ человѣка, и веревка перекинута черезъ верхушку столба. Одинъ изъ играющихъ ухватывался за одинъ конецъ веревки, а другой играющій, перекинувъ противоположный конецъ веревки себѣ черезъ плечо, тянулъ её, стараясь поднять кверху своего противника. ²

с. Упражненіе въ метаніи заключалось въ бросаніи копья (или дрота) и чечевицеподобнаго кружка (diskos). Диски—металлическіе или каменные, были очень тщательно отшлифованы и иногда даже покрыты украшеніями ³.

Фиг. 351.

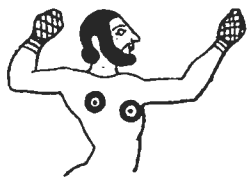

Бросающіе становились на особо устроенное возвышеніе (balbis) и, нагнувъ слегка туловище, упирались правою ногою, а лѣвую отставляли немного впередъ; копье брали посрединѣ и, поднимая его горизонтально до уха, бросали, подавшись туловищемъ немного назадъ или напередъ; диски поднимали только до плеча и кидали ихъ дугою (ср. фиг. 351. а. б).

д. Стрѣльба изъ лука не входила въ кругъ собственно гимнастическаго обученія, а устраивалась частными лицами для забавы. Стрѣляли изъ обыкновенныхъ луковъ (фиг. 281. б); цѣлью служили кружки, фигуры птицъ и т. п. ⁴

е. Приборы для игры въ шары или мячи были такъ же разнообразны, какъ и виды этой игры. ⁵ Самые простѣйшіе виды игры, очень любимые женщинами и дѣвушками, назывались urania и harpaston: играли маленькими иногда очень красиво отѣланными мячиками, которые просто кидали другъ къ другу и ловили. Мужскія игры въ мячъ были сложнѣе и требовали большой ловкости; онѣ назывались: phanides и episkyros, или epikoinos (или также erhebike).

Фиг. 352.

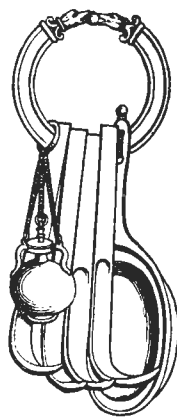

ф. Кулачный бой, какъ забава рѣдко проходящая безъ важныхъ тѣлесныхъ поврежденій, не былъ любимъ афинянами и завелся у нихъ только въ позднѣйшее время. Бойцы, для усиленія ударовъ, обматывали себѣ кулаки толстыми ремнями, нерѣдко усаженными свинчатками, шипами и т. п. (Такого рода рукавицы назывались у римлянъ „caestus“: фиг. 352).

долженъ былъ обогнуть цѣль и возвратиться бѣгомъ же назадъ, и вооруженный, или бѣгъ со щитомъ. На нѣкоторыхъ праздникахъ, напр. на праздникахъ Аеяны Скирасъ, бѣгающіе обвѣшивались виноградомъ; иногда бѣгали съ горящими факелами, причѣмъ требовалось не потушить факела; то же самое исполняли и на лошадахъ. Н. Krause. I, 337; Th. Panofka. Bilder ant. Lebens. II.—¹ Н. Krause. I, 383 sqq.—² Ibid. 320 sq.—³ На диски Ионтя, видѣнномъ Павсаніемъ въ храмѣ Геры Олимпійской, былъ вырѣзанъ (спиральными или концентрическими строками) текстъ перемирія, которое Элейцы объявляли на олимпійскихъ играхъ. — ⁴ Th. Panofka. Bild. antik. Lebens. Taf. X. Fig. 3.—⁵ Н. Krause, I, 299 sq.

г. Такъ какъ при занятіяхъ гимнастикой (покрайней мѣрѣ въ гимназіяхъ и палестрахъ) раздѣвались до-нага и натирались масломъ, то понятно, что отъ пота, масла и пыли тѣло грязнилось; поэтому каждый приносилъ съ собою особый приборъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ металлическихъ скреблей, которыми по окончаніи упражненій счищали грязь съ кожи. Эти скребели для удобства обыкновенно вдѣвались на кольцо вмѣстѣ съ губкой и сосудомъ съ масломъ (фиг. 353).

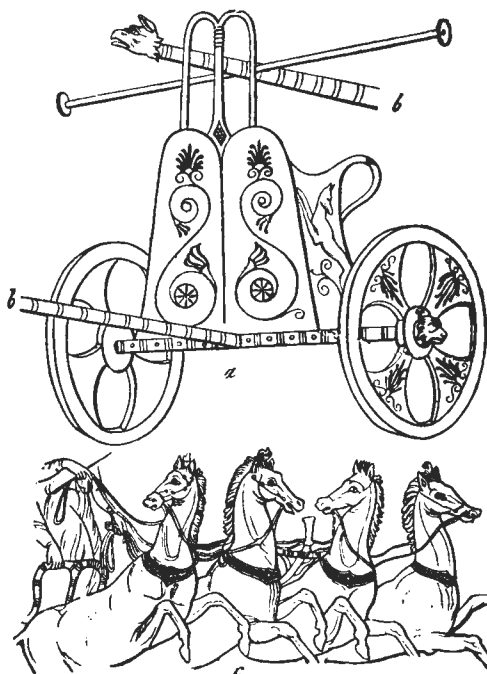
Фиг. 353.

h. При каждой гимназіи находился вѣроятно и хирургическій кабинетъ, снабженный различными инструментами — щипцами, ланцетами, банками, клистирными трубками, — которые были извѣстны уже и древнимъ врачамъ ¹.

Наконецъ здѣсь же будетъ уместно упомянуть и о колесницахъ, тѣмъ болѣе, что въ историческое время онѣ употреблялись исключительно для ристаній на играхъ, и перестали быть воинскимъ снарядомъ. Устройство ихъ и въ позднѣйшее время было то же, что и при Гомерѣ; покрайней мѣрѣ его описаніе военныхъ колесницъ совершенно соответствуетъ изображеніямъ колесницъ на скульптурахъ и вазахъ (фиг. 354). Даже и отдѣлка позднѣйшихъ колесницъ была такъ же богата какъ и старинныхъ малоазійскихъ, поэтому и стояли онѣ довольно дорого: по Аристофану, маленькая двухколесная колесница для ристаній стоила не менѣе 3 минъ (66 р. 75 к. сер.) ².

Фиг. 354.

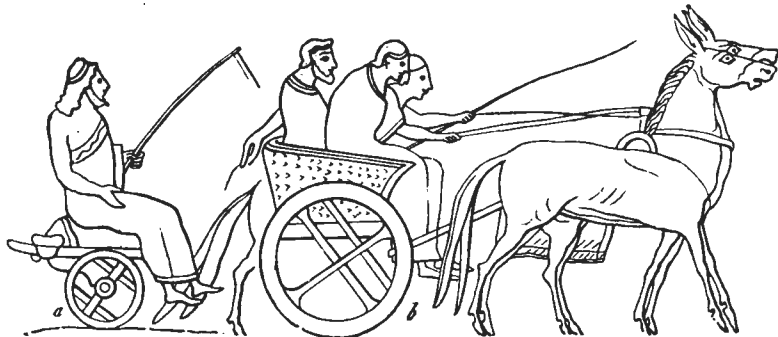

Собственно экипажи (повозки) хотя и были извѣстны, но ими рѣдко пользовались. Обыкновенно отправлялись въ путь (по дѣламъ или для посѣщенія игръ, празднества) пѣшкомъ ³ или верхомъ на ослѣ или мулѣ, больные и слабые въ носилкахъ ⁴.

¹ А. Becker. Charikles II, 92 sq.—² А. Böckh. Staatshaush. I, 118.—³ Не иначе путешествовали даже и посланники съ своими свитами. Люди побогаче брали съ собою рабовъ, которые несли багажъ (состоявшій обыкновенно изъ необходимой посуды и одежды для сна), который укладывали въ родъ чемодана. А. Becker I, 96.—⁴ А. Becker. II, 71,

Для перевозки тяжестей служили двух—и четырехколесные повозки такого же простого устройства, как и гомеровскія (фиг. 355. а. б).¹

Фиг. 355.

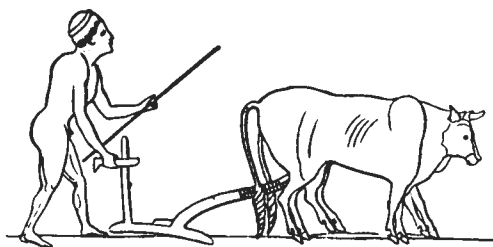

Сельскохозяйственные орудія и приборы.

Всѣ отрасли сельскохозяйственной промышленности возникли въ Греціи довольно рано² и, за исключеніемъ рыболовства, пользовались особымъ почетомъ, преимущественно въ Аѳинахъ, граждане которыхъ ревностно занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, равно какъ и садоводствомъ и охотою³. Вскорѣ послѣ Пелопонезской войны однакожъ, даже и богатые Аѳиняне потеряли охоту къ деревенской жизни и сельскимъ занятіямъ. У Спартанцевъ, которымъ всѣ полевые работы были запрещены закономъ⁴, земледѣліе начало развиваться только передъ самымъ паденіемъ ихъ государства⁵.

1. Самое важнѣйшее земледѣльческое орудіе—плугъ⁶, существовалъ у Грековъ уже при самомъ возникновеніи у нихъ земледѣлія⁷. Уже Гезіодъ говоритъ о двухъ видахъ плуга: о простомъ плугѣ, сдѣланномъ изъ одного куска дерева (фиг. 356. ср. фиг. 72. б), и сложномъ, составленномъ изъ нѣско-

Фиг. 356.

кихъ частей и поставленномъ на колеса. Въ плугъ запрягали обыкновенно муловъ или быковъ; послѣднихъ употребляли также и для вытаптыванья зренъ изъ колосьевъ. Вытоптанное зерно провѣвали на деревянныхъ но чвахъ и, ссыпавъ въ большія корзины, складывали въ амбары или житницы.⁸

¹ Ibid. 76. F. Hermann Privatalterth. § 50. Not. 6. — ² См. въ особенности извлеченія изъ относящихся къ предмету сочиненій древнихъ, въ G. Klemm. Allgem. Culturgesch. der Menschheit VIII. 109 sq. и F. Hermann. Privatalterth. § 15—§ 17. — ³ Ср. Hermann. Culturgeschichte. I, 155. — ⁴ O. Müller Dorier. II. 30 sqq. — ⁵ W. Wachsmuth. Allg. Culturgesch. I, 206. — ⁶ Ср. H. v. Minutoli. Ueber die primitive Einführung des Ackerbaues und die Gestalt des Pfluges bei einigen Völkern des Alterthums (Museum. Blätter für bild. Kunst. III Jahrg. 1835. № 37.). H. Rau. Geschichte des Pfluges. Heidelberg. 1845. стр. 17 и слѣд. — ⁷ G. Reynier. De l'économie publique et rurale des Grecs. Paris. 1825. B. Rougier. De la bergerie. Hist. de l'agriculture chez les Grecs depuis Homère jusqu'à Théocrite. Paris. 1830. — ⁸ Ср. A. Böckh. Staatshaushalt. I, 89. Anm. 373.

Въ тѣсной связи съ земледѣліемъ стояло у Грековъ разведеніе винограда и особенно оливковаго дерева. Для добыванія и храненія вина и масла служили давяльные чаны, амфоры, мѣхи и другіе сосуды, о которыхъ уже упомянуто выше.

2. Если намъ мало извѣстны приборы и снаряды находившіе себѣ исключительное примѣненіе въ скотоводствѣ ¹, то тѣмъ подробнѣе наши свѣденія объ охотничьихъ снарядахъ Грековъ. Охота—эта мать скотоводства—считалась у всѣхъ Эллиновъ занятіемъ достойнымъ свободнаго человѣка. Какъ пригготовительная школа для войны, у Критянъ и Спартанцевъ она входила въ кругъ воспитанія ². Она поощрялась ликурговымъ законодательствомъ; Ксенофонтъ и Платонъ также считаютъ еѣ упражненіемъ полезнымъ для молодыхъ людей ³ (кроме, впрочемъ, охоты на птицъ и рыбной ловли). ⁴

а. Ксенофонтъ, написавшій объ охотѣ ученый трактатъ, совѣтуетъ заниматься ею преимущественно въ томъ возрастѣ, въ которомъ развивающійся въ юношу мальчикъ находитъ особенное удовольствіе въ упражненіи своихъ физическихъ силъ. Перечисляя затѣмъ виды охоты, онъ описываетъ и нужные для каждаго вида снаряды, начиная съ тѣми. Сѣти, опускаемыя и ставныя, слѣдуетъ плести изъ крѣпкой карагенской пряжи, ссученной для ставныхъ сѣтей покрайней мѣрѣ въ 12 и 16 нитокъ. Вышина спускной сѣти должна быть не менѣе 5 пядей, а длина ставной отъ 10 до 20 пядей, ширина ея петель не болѣе 6 дюймовъ. По краямъ, сѣти должны быть снабжены петлями или кольцами и пропущенными сквозь крайнія петли крѣпкими веревками. Сѣти растягивали на деревянныхъ подпоркахъ, которыя дѣлались различной длины, для того чтобы поверхность растянутой сѣти представляла ровную горизонтальную площадь, независимо отъ неровностей почвы.

б. Прирученныхъ къ охотѣ собакъ водили обыкновенно въ ошейникахъ; при опасныхъ охотахъ (для которыхъ употреблялись большею частью лаконскія, критскія и даже индійскія собаки), на нихъ надѣвали еще широкій поясъ усаженный остріями.

Фиг. 357.

¹ Назовемъ здѣсь упомянутые выше сосуды для молока (подойники). Скотъ держали въ стойлахъ, загонахъ и загородахъ, птицу—въ птичьихъ дворахъ и влѣткахъ. Пчеловодство, процвѣтавшее особенно въ Атикѣ, требовало конечно тоже различныхъ снарядовъ, кромѣ извѣстныхъ и древнихъ ульевъ.—² O. Müller. Dorier. II, 304. —³ Cp. F. Hermann. Privatalterth. § 3. Not. 17 sqq.—⁴ H. Krause. I, 614.

с. На нѣкоторыхъ звѣрей разставляли капканы. Это были свитыя изъ тисоваго дерева кольца, мѣстами усаженныя гвоздями; къ кольцу прикрѣплялся силокъ—или петля, въ которую былъ вложенъ кусокъ дерева.

д. Охотничье оружіе состояло преимущественно изъ дротиковъ и копій; въ древнѣйшее время охотились также и съ простыми деревянными дубинами (фиг. 357), или закидывали дичь камнями.

е. Хищныхъ звѣрей Эллады — волковъ, рысей и медвѣдей, ловили обыкновенно тенетами, западнями, можетъ быть также и отравляли. Иногда гонялись за ними верхомъ и преимущественно по ночамъ.

Фиг. 358.

3. Рыболовные снаряды были тѣ же, что и въ древности: вообще рыбу ловили сѣтями, мережами, удочками, тунца били острогами; черепокожныхъ животныхъ переносили въ большихъ корзинахъ съ ручками (фиг. 358).

Не будучи въ состояніи опредѣлить съ точностію времени введенія въ Греціи чеканной монеты ¹, мы можемъ принять, основываясь на различныхъ указаніяхъ, что Греки заимствовали её отъ Вавилонянъ вмѣстѣ съ вѣсами и мѣрами. Какъ показываютъ названія греческихъ монетъ—о болъ и драхма, первоначальными денежными знаками служили Грекамъ металлическіе прутья или жеребьи такой толщины, что одной рукой можно было обхватить не болѣе шести такихъ жеребьевъ. О Ликургѣ разсказывается, что введенные имъ въ Спартѣ денежные знаки были тоже жеребьи, но желѣзные, впоследствии замѣненные желѣзными же кружками (pelanoi), которые дѣлали негодными для перековки, охлаждая ихъ въ уксуѣ. ²

Введеніе чеканной серебряной монеты приписываютъ царю аргосскому Фидону; мѣстомъ ея изобрѣтенія называютъ островъ Эгину (около 750 до Р. Р.). Монету чеканили изъ мѣди, серебра и золота. Въ исключительныхъ случаяхъ дѣлали деньги и изъ нецѣнныхъ матеріаловъ, иногда даже изъ кожи. Поддѣлка денегъ встрѣчалась, и виновные въ ней наказывались смертію. ³

Древнѣйшія греческія монеты всѣ очень толсты и со штемпелемъ на одной только сторонѣ: онъ представляетъ обыкновенно грубое изображеніе герба страны, гдѣ отчеканена монета: щитъ на беотійскихъ монетахъ, пчелу на эфесскихъ, черепаху на эгинетскихъ (фиг. 359. а—е). Съ 6-го стол., когда вмѣстѣ съ развитіемъ искусствъ усовершенствовалось и чеканеніе, вмѣсто прежнихъ изображеній стали выбивать на монетахъ головы боговъ, героевъ и государей, иногда и цѣлыя ихъ фигуры (фиг. 359. f—i). Съ упад-

¹ Cp. L. Stieglitz. Beiträge zur Gesch. der Ausbildung der Baukunst. Lpzg. 1834. I, 165. О формѣ древнегреч. монетъ см. O. Müller. Handbuch. §. 97 sqq. M. Duncker. Gesch. des Alterthums. III, 387. О цѣнности ихъ: F. Hermann. Privatalterth. § 47 sqq.—² O. Müller. Dorier. II, 202.—³ A. Becker Charikles I, 282.

комъ искусствъ и чеканъ утратилъ свое изящество и сталъ опять грубѣе (фиг. 359. k, l, m).

Фиг. 359.

Военную утварь ¹ Грековъ составляли главнымъ образомъ метательныя орудія и различныя осадныя принадлежности, какъ-то лѣстницы и т. п.—вмѣстѣ съ аборажными крючками различнаго устройства, употреблявшимися въ морскихъ сраженіяхъ.

Метательныя орудія (катапульты: *katapultai*) имѣли видъ большого самострѣла прикрѣпленнаго къ станку. Они раздѣлялись на дѣйствующія въ горизонтальномъ направленіи и навѣсныя (бросавшія снарядъ подъ какимъ нибудь угломъ). Первые употреблялись для пусканія стрѣлъ и зажигательныхъ снарядовъ; послѣдними бросали большіе камни и другія тяжелыя массы. Величина катапультъ была различна: инныя были такъ велики, что станки ихъ имѣли видъ настоящихъ зданій; такія орудія могли бросать на значительное разстояніе камни или каменные ядра въ 135 фунт. вѣсомъ. Были также и ручныя метательныя орудія (*gastrophetai*), походившія на обыкновенныя арбалеты; ихъ настораживали посредствомъ зубчатаго колеса.

Для морскихъ сраженій ² были изобрѣтены въ позднѣйшее время два снаряда: такъ наз. дельфинъ—тяжелая металлическая масса, формою соотвѣтствовавшая названію (её прикрѣпляли къ вершинѣ мачты и оттуда сбрасывали на непріятельскую палубу) и серпъ на длинномъ шестѣ, для перерѣ-

¹ Изображенія ея слишкомъ несовершенны и недостаточны, чтобы можно было по нимъ составить себѣ ясное понятіе объ устройствѣ различныхъ орудій и снарядовъ. Но за то тѣмъ обильнѣе письменныя данныя. Съ помощію ихъ В. Рюстовъ и Кёхли возстановили упомянутыя въ текстѣ снаряды и объяснили ихъ рисунками въ сочиненіи своемъ: *Geschichte des griech. Kriegswesens.*—² Körpke. *Ueber das Kriegswesen der Griechen etc.* S: 273 sq.

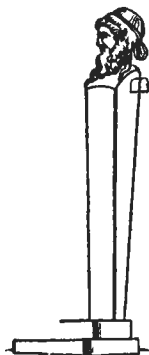
звания снастей на непріятельскихъ корабляхъ. Къ такимъ же снарядамъ причислить можно и часто упоминаемыя, „гарпагоны“ и „желѣзныя руки“—вѣроятно тяжелые шести съ желѣзными лапами и крючьями, родъ очень массивныхъ абордажныхъ крючьевъ.

Богослужебная утварь.

Древнѣйшими идолами греческихъ племенъ были простые камни, каменные или деревянные столбы ². Этотъ первобытный символизмъ удержался для нѣкоторыхъ божествъ и до позднѣйшаго времени: коническій столбъ, который ставили у воротъ домовъ, какъ символъ Аполлона Эгіея; два бревна соединенные переладиной, какъ символъ Діоскуровъ у позднѣйшихъ Спартанцевъ ³, столбъ обвитый плющемъ—символъ Діониса у Оивянъ. Особенное чествованіе воздавали нѣкоторымъ стариннымъ деревяннымъ идоламъ, о которыхъ преданіе рассказывало, что они упали прямо съ неба, какъ даръ боговъ людямъ. Такими идолами были: таврическая Артемида, аѳинская Аѳина-Полиада, троянская Паллада и др. Иногда представляли божество подъ видомъ одного изъ его атрибутовъ ⁴.

Для первыхъ своихъ попытокъ замѣнить символы боговъ челоѣкоподобными изображеніями пластика избрала деревянные столбы, но будучи связа-

Фиг. 360.

на уваженіемъ къ освященной преданіемъ типической формѣ этихъ символовъ, она ограничилась лишь тѣмъ, что прибавила къ нимъ одну только челоѣческую голову. Такимъ образомъ произошли „гермы“ (фиг. 360). Дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи было ваяніе цѣлыхъ фигуръ, но съ плотно прижатыми къ туловищу руками и сдвинутыми вмѣстѣ ногами. Только постепенно эта оцѣпенѣлая поза замѣнилась болѣе оживленною—съ шагающими ногами или съ поднятой рукой, какъ въ старинныхъ статуяхъ Паллады.

Фигуры идовъ ваяли обнаженными и окрашивали въ опредѣленный для каждаго божества цвѣтъ, ¹ лицо покрывали иногда золотомъ; одежду на нихъ надѣвали (по древневосточному обычаю) и вообще обращались съ ними какъ съ живыми людьми: мыли ихъ, причесывали, наряжали (фиг. 361. а. b. c.)

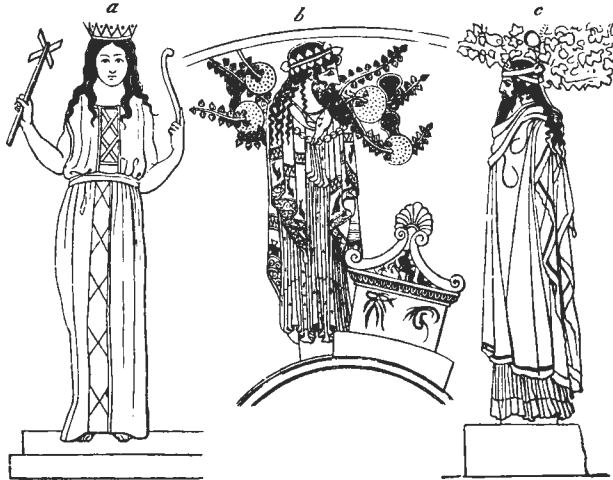
Рядомъ съ этими наивными изваяніями начали появляться, какъ нововведеніе, идолы изъ благородныхъ металловъ—произведеніе самосской школы ваятелей, и идолы глиняные, вѣроятно работы коринѣскихъ мастеровъ (Колоссальнѣйшимъ изъ идовъ перваго рода былъ вычеканенный изъ золота Зевсъ, принесенный въ даръ олимпійскому святилищу тираномъ Кипселомъ или Періандромъ). Но эти болѣе совершенныя произведенія пластическаго искусства не заставили однакожъ рѣшниковъ покинуть привычной имъ техни-

¹ F. Hermann Gottesdienstliche Alterthümer, etc. § 17 sqq. Müller. Handbuch. § 66.—² Его же: Dorier. I, 802; 412.—³ Напр. трезубецъ представлялъ Посейдона и т. д.—

⁴ Гермеса, Пана, Вакха въ красный, Аѳину Свирю въ бѣлый цвѣтъ и т. д.

ки. Заботясь болѣе о нарядности своихъ издѣлій, чѣмъ о ихъ пластичности, рѣшники ограничили свои усовершенствованія лишь тѣмъ, что стали отдѣлы-

Фиг. 361.

вать деревянныя тѣла идоловъ слоновою костью и покрывать золотою жестию (хрисолефантины). Этотъ новый приѣмъ и навелъ, кажется, на мысль ваять обнаженныя части фигуръ, особенно голову, изъ камня. Но и такіе идолы (акролиты), хотя и болѣе совершенные въ пластическомъ отношеніи, были еще слишкомъ далеки отъ того, чтобы представлять олицетвореніе божества въ совершеннѣйшемъ человѣческомъ образѣ. Для этого нужно было, чтобы ваятели глубже изучили человѣческое тѣло и яснѣе поняли его формы и ихъ взаимное отношеніе. Это пониманіе они усвоили себѣ только постепенно, работая надъ статуями въ честь побѣдителей на играхъ; но примѣнить его вполне и свободно къ статуямъ боговъ мѣшала имъ типическая условность этихъ статуй, которую они не рѣшались нарушить. Поэтому, задумывая ихъ въ чисто человѣческомъ видѣ, они придавали имъ выраженіе какого-то не-пріятнаго спокойствія.

Совершенное освобожденіе отъ всякой условности было достигнуто гениальнымъ Фидіемъ ¹, произведенія котораго въ такой степени воплощали въ себѣ религіозные идеалы Грековъ, что они видѣли въ нихъ не столько изображеніе божества, сколько само живое божество ².

¹ O. Müller Handbuch. § 113. — ² «Эллинская религія была существенно обожаніемъ искусства (Kunstreligion), вытекшимъ изъ пелазгическо-восточнаго обожанія природы (Naturreligion). Религія искусства входитъ также въ область религіи природы, но природы проникнутой духовнымъ элементомъ, одухотворенной. Само искусство было сначала нераздѣльно съ религіею и носило религіозный характеръ, но скоро оно пріобрѣло самостоятельность и стало въ свою очередь носителемъ религіи, вслѣдствіе чего символика естественной религіи достигла высшей своей формы, облекшись въ пластическіе образы». F. Müller. Ueber den Organismus und den Entwicklungsgang der politischen Idee im Alterthum etc. Berlin. 1839. стр. 139.

Съ этихъ поръ изображенія боговъ становятся вполнѣ достояніемъ свободного пластическаго искусства. Старинная скульптурная техника, которой отчасти держался еще и Фидій ¹, покидается и замѣняется ваяніемъ изъ мрамора и металла. Убранство статуй хотя и допускается, но оно уже играетъ второстепенную роль, подчиненную цѣлому ².

Передъ высокой художественностью этихъ статуй, старинные идолы должны были отступить назадъ: ихъ чтили, какъ древнія реликвіи, но храмы и площади греческихъ городовъ наполнялись новыми художественными изображеніями боговъ.

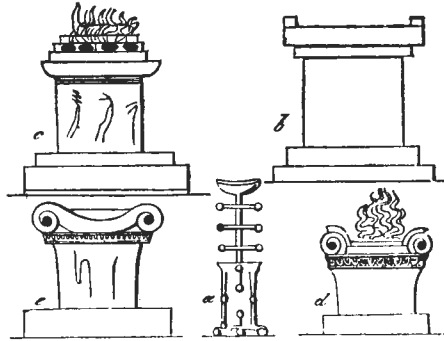
Алтари, явившіеся несомнѣнно гораздо ранѣе идоловъ, сохранили до послѣдняго времени наиболѣе соответствовавшую ихъ назначенію форму возвышеннаго очага. О нѣкоторыхъ алтаряхъ разсказывается впрочемъ, что они образовались изъ накопившихся остатковъ животныхъ, которыя были первоначально убиваемы и сжигаемы на ровной землѣ, и что они состояли изъ золы смѣшанной съ кровью и рогами убитыхъ козъ и быковъ. Что же касается алтарей, происхожденіе которыхъ считалось чудеснымъ даже и въ историческое время, каковы: сложенный изъ роговъ алтарь Аполлона на Делосѣ и алтарь Зевса въ Олимпіи, въ Элидѣ, то надобно предполагать, что они были пластическимъ подражаніемъ этимъ стариннымъ самообразовавшимся алтарямъ ³. По описанію Павзанія (V. 13. 5), Зевсовъ алтарь въ Олимпіи былъ сложенъ изъ остатковъ обгорѣлыхъ костей и возвышался на 22 фута при 32 фут. объема. Онъ стоялъ на возвышеніи съ каменными ступенями, которыя приводили на площадку (prothesis) въ 125 фут.

¹ Знаменитѣйшее его произведеніе, которому какъ чуду дивилась вся Эллада, Зевсъ олимпійскій—былъ изваянъ изъ золота и слоновой кости на деревянной основѣ. Тронъ его и сѣмья подъ ногами были тоже деревянные съ украшеніями изъ золота, слоновой кости и драгоценныхъ камней. Загородка, устроенная между ножками трона, была съ трехъ сторонъ расписана Панэнномъ, племянникомъ Фидіа, а съ четвертой, почти совсѣмъ закрытой одеждою бога, выкрашена синею краской. Вся фигура имѣла 40 фут. вышины; въ правой рукѣ она держала крылатую побѣду (nike), а въ лѣвой—драгоценный скипетръ. Постаментъ, на которомъ стоялъ тронъ, былъ также украшенъ золотыми рельефами; высота его равнялась 12 фут.—² См. F. Kugler: Ueber die Polychromie etc. стр. 51—69: Какъ въ древнѣйшее время старались придать идоламъ привлекательный видъ окрасивъ ихъ, хотя грубо и варварски, такъ точно и въ позднѣйшую пору замѣтно стремленіе возвысить простую пластическую обработку фигуръ цвѣтною отдѣлкою. Если уже самый составъ акролитовъ и статуй изъ чорнаго дерева и слоновой кости и т. п. заставляетъ заключить о ихъ разноцвѣтности, то также вѣрно, что очень часто и каменные статуи отдѣлывали металлическими прикрасами. Что же касается раскрашиванія этихъ статуй, то по всему вѣроятію раскрашивались только извѣстныя части ихъ, какъ-то: глаза (которые также бывали вставные изъ другихъ матеріаловъ), губы, волосы (которые, равно и бороду, иногда золотили), въ остальномъ же обнаженномъ тѣлѣ мраморъ сохранялъ свой естественный цвѣтъ или же ему придавали болѣе мягкій и теплый тонъ, покрывая его тонкимъ слоемъ растопленнаго воска. Краски употребляли вѣроятно главнымъ образомъ для отдѣлки одеждъ, которыя нерѣдко обводили пурпуровыми и другого цвѣта коймами и расписывали узорами.

Въ бронзовыхъ статуяхъ нѣкоторыя подробности также отличались различнымъ цвѣтомъ металла, которому давали то болѣе блѣдный, то болѣе насыщенный тонъ, въ первомъ случаѣ примѣсью серебра, въ послѣднемъ—красной мѣди. Каллистратъ описываетъ одну статую Орфея, на которой была персидская золотомъ вышитая шана, золотой поясъ и окаймленный золотомъ сандалии.—³ Ср. J. Osann. Der hönerner Altar des Apollon auf Delos (Kunstbl. Jahrg. XVIII, № 11 sqq. Stuttg. 1837).

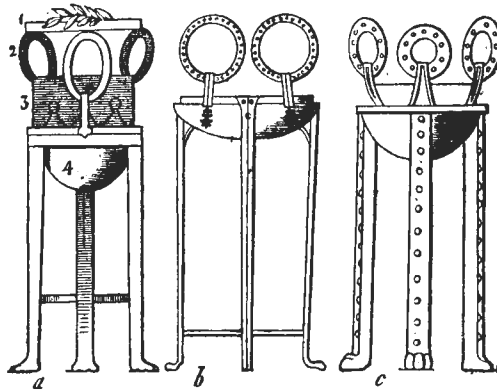
Кромѣ алтарей, которые устраивали, смотря по надобности и обстоятельствамъ, то изъ земли, то изъ камней, или изъ хвороста и листьевъ и часто сжигали вмѣстѣ съ жертвой ¹, были алтари постоянные, кладенные изъ камня, и алтари переносные очень красивой формы (фиг. 362. b—e; фиг. 361. b); потомъ, для курений и некровавыхъ жертвъ, металлическія курильницы (thymategion: фиг. 362. a) и чаши, которые ставились на треножникахъ. На такихъ же треножникахъ стояли при входахъ въ храмы сосуды съ лустральною водою (perirhanteria). Вообще треножники занималъ видное мѣсто въ храмовой утвари Грековъ уже во времена Гомера, а въ историческое время пріобрѣлъ особое значеніе въ качествѣ высшей награды, дававшейся побѣдившему на мусикійскихъ состязаніяхъ.

Фиг. 362.

Треножникъ состоялъ изъ двухъ главныхъ частей: подножія и котла или глубокой чаши съ ручками (фиг. 363. а. 4. 2.); у нѣкоторыхъ треножниковъ, напр. у дельфійскаго ² къ котлу былъ прилѣпанъ резонаторъ (schallgefäss; echeion: фиг. 363. а. 3), и „holmos“ (фиг. 363. а. 1). *

Фиг. 363.

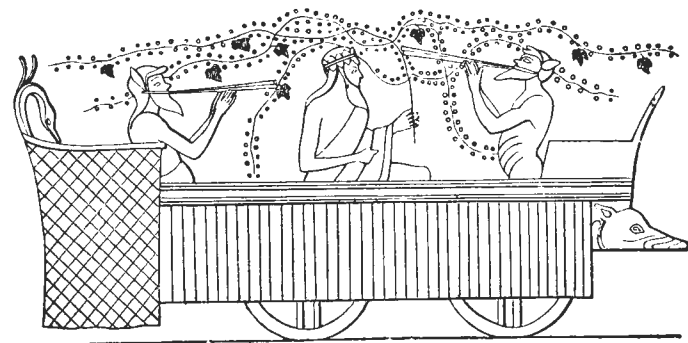
Собственно жертвенная утварь составляла, въ лучшую пору греческой жизни, одну изъ драгоценнѣйшихъ статей храмовой подвижности ³, такъ

¹ Ср. F. Hermann. Gottesdienstl. Alterth. § 17. — ² Ср. O. Müller. Ueber die Tripoden (Amalthea, I, 119, 136). — * Какъ извѣстно, дельфійская жрица прорицала сидя на треножникѣ, т. е. на крышкѣ покрывавшей его котелъ или чашу. Эта крышка и есть holmos (ὄλμος). На изображеніяхъ онъ представляется то плоскимъ, то въ видѣ полушарія. (Rich, Dict. des antiq.) Пр. пер. — ³ O. Müller. Handbuch. § 300. F. Hermann. Gottesdienstl. Alterth. § 20, 28 sqq. Müller. Dorier, I, 363.

какъ всё принадлежавшія къ ней вещи, отъ палицы и топора, которыми убивали животное, до небольшого ножа, которымъ перерѣзывали ему горло, и отъ небольшой корзинки, въ которой предлагали пшеницу, до большихъ сосудовъ и чашъ—всё отличалось художественною отдѣлкой и исполнялось только руками художниковъ.

Къ богослужебной утвари слѣдуетъ также причислить: 1) костюмы, въ которые одѣвались жрецы, когда они являлись въ торжественныхъ процессіяхъ представителями того божества, которому служили: костюмы эти состояли изъ одеждъ и атрибутовъ присвоенныхъ божествамъ; такими атрибутами были: дубина, въ культъ Геракла; тирсъ, въ культъ Діониса; обвитые оливковыми вѣтвями и шерстью посохи—въ культъ Артемиды; и ¹ 2) колесницы употреблявшіяся на извѣстныхъ религіозныхъ процессіяхъ: колесница, запряженная парю бѣлыхъ коровъ, на которой выѣзжала жрица Геры на праздникъ въ честь этой богини ²; колесный корабль, на которомъ вывозили новоизготовленную одежду Аины на праздникъ Панаѳеней, и повозки діонисійскихъ торжествъ (фиг. 364.)

Фиг. 364.

Погребальная утварь Грековъ была проста и ограничивалась лишь предметами необходимыми для сожженія или погребенія тѣла. Въ первомъ случаѣ тѣло умершаго несли на носилкахъ до мѣста сожженія ³; костеръ, на которомъ его сжигали, украшали вѣнками, лентами и обкладывали вещами, которыя особенно любилъ покойный ⁴; пепелъ сожженного тѣла собирали въ урны—красивые сосуды украшенные живописью или пластикой. При погребеніи, тѣло или клали въ гробъ, или безъ гроба опускали въ сложенную изъ камня могилу, которая имѣла видъ комнаты (фиг. 365). Гробы ⁵ были деревянные и (чаще) изъ обожженной глины. Обыкновенно ихъ покрывали чернымъ лакомъ и иногда расписывали красными полосками и арабесками. Форма гробовъ измѣнялась отъ призматической до овальной и корытообразной.

¹ O. Müller. Die Dorier. I, 367.—² Th. Panofka. Argos Panoptes (Abh. Berl. Akad. 1837) стр. 113.—³ Ср. подробное описаніе погребенія у E. Gerhard. Archemeros und die Hesperiden (Abh. Berl. Akad.) 1836. стр. 263.—⁴ Th. Panofka. Bilder antik. Lebens. Taf. XX. Fig. 3.—⁵ A. Becker, Charikles II, 184, 187.

Вмѣстѣ съ покойникомъ клали въ могилу различныя вещи, ¹ по свойственному уже глубокой древности обычаю, котораго держались и Греки и который

Фиг. 365.

они въ полнѣйшей мѣрѣ эстетически облагородили изяществомъ предметовъ, приносимыхъ ими въ даръ своимъ умершимъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Народы Италіи. ¹

Предварительныя замѣчанія.

Помѣщаясь какъ-бы на перепутьи между восточными землями и западною Европою, италійскій полуостровъ, вмѣстѣ съ о. Сициліею, образуетъ родъ длинной плотины или дамбы, выдвинутой въ море отъ европейскаго материка къ африканскому. Благодаря такому центральному положенію между тремя материками, Италія должна была бы уже въ самую раннюю пору стать

¹ F. Creuzer, Zur Gallerie der alten Drammatiker, стр. 64, прим. 219. — ¹ B. G. Niebuhr, Römische Geschichte (Herausg. von Isler, 3 Bde. Berlin. 1846—48). Gerlach u. Bachofen, Die Geschichte der Römer, Basel, 1851. Th. Mommsen, Römische Geschichte, Berlin 1856. Сокращенное изложеніе развитія римской культуры даетъ K. F. Hermann, Kulturgesch. der Griechen und Römer, 2. Thl. (Römer), Göttingen, 1858. — Специальныя сочиненія по римскимъ древностямъ: G. F. Ruperti, Handb. der röm. Alterthümer, Hannover, 1841—42. L. Zeiss, Römische Alterthumskunde, Jena 1842. William Ramsay, A Manual of Roman Antiquities, 2 edit. London, 1851. W. A. Becker, Handbuch der römischen Alterthümer nach den Quellen bearbeitet, Fortgesetzt von J. Marquardt, Berlin 1843—56. Lange, Römische Alterthümer I. Bd, Berlin, 1856. — Въ частности: а) о государственныхъ древностяхъ: W. Götting, Gesch. der röm. Staatsverfassung etc. Halle, 1840; б) о военныхъ древностяхъ: F. W. Rükert, Das röm. Kriegswesen etc. Berlin 1850. W. Rüstow, Heerwesen und Kriegs-

пріемникомъ самыхъ разнообразнѣйшихъ элементовъ человѣческой культуры, если бы этому не воспрепятствовало совершенное отсутствіе острововъ, которые могли бы служить соединительными звѣньями между нею и окружающими её материками.

Отъ береговъ Испаніи ее отдѣляютъ обширное тирренское и еще болѣе обширное иберійское * моря, оба очень бѣдные островами; адріатическое море, омывающее ея восточный берегъ, хотя и не широко, но тоже лишено

führung C. J. Caesars, Gotha, 1855 и «Einleitung zu den griech. Kriegsschriftstellern». Т. II. Abthlg. 1. Lpzg. 1855; с) о юридическихъ др. W. Walthcr. Gesch. des röm. Rechts, 2 Aufl. Bonn, 1845; d) о богослужебныхъ древностяхъ: A. Ambrosch. Studien und Andeutungen im Gebiet des altröm. Bodens und Cultus. Breslau, 1839; G. Woeniger. Das Sacralsystem und das Provokationsverfahren der Römer. Leipzig. 1848; e) о древностяхъ частной жизни: F. Schuch. Privatalterthümer oder wissenschaftliches, religiöses und häusliches Leben der Römer. Karlsruhe. 1852, но преимущественно: A. Böttiger. Sabina oder Morgenscenen im Putzzimmer einer reichen Römerinn. 2 Thle. Leipzig 1806, и A. Becker, Gallus oder römische Scenen aus der Zeit des Augustus. Zur Erläuterung der wesentlichen Gegenstände aus dem häuslichen Leben der Römer. 3 Aufl. von W. Rein. Leipz. 1849. 3 Bde.—Для описанія и изображеній различныхъ памятниковъ искусства и т. д.: O. Müller, Handbuch der Archaeologie der Kunst (3 Aufl. Breslau 1848) § 37, 38 и слѣд. гдѣ собрана литература предмета; источники названные въ текстѣ, и описанія города Рима: Platner, Bunsen, Gerbard, Röstel, Urlichs. Beschreibung der Stadt Rom. 3 Thle. Stuttgart. 1830—42; Braun. Die Ruinen und Museen Roms für Reisende, Künstler und Alterthumsfreunde. Braunschweig 1854, и J. Burckhardt. Cicerone. Stuttg. 1856.—Изъ множества изданій посвященныхъ описанію и изображенію костюмовъ, оружія, утвари и т. д. древнихъ Римлянъ, упомянемъ здѣсь: M. Mannlich. Versuch über Gebräuche, Kleidung und Waffen der ältesten Völkern. Mit 32 Kupfertfln. München 1802. Dom. Pronti. Nuova raccolta di costumi religiosi, civili e militari degli antichi Egiziani, Etruschi, Greci e Romani, etc. и J. Ferrario, Le costume ancien et moderne ou Histoire du gouvernement etc. Milan. 1827. Europa. vol. II; Le costume des Etrusques décrit par l'Abbé Ch. Magnetti; Le costume ancien et moderne des Romains décrit par Ambr. Levati. Въ частности: а) доисторическая эпоха: G. Micali. Italia avanti il dominio dei Romani. Firenze 1810, 4 voll. съ атл.; егѣ же: Monumenti inediti ad illustrazione della storia degli antichi popoli Italiani. Firenze 1844, и Storia degli antichi popoli italiani. Ibid. 1832. L. Grotefend. Zur Geographie und Geschichte von Altitalien. Hannover 1840—42 W. Abeken Mittelitalien vor den Zeiten römischer Herrschaft nach seinen Denkmälern dargestellt. Mit 11 Tafeln. Stuttg. 1843. W. Gerlach. Ueber die älteste Bevölkerung Italiens. Basel. 1852, и въ связи съ этимъ спеціально объ Этрускахъ: O. Müller Die Etrusker. Breslau 1828; егѣ же: (Hetruerien, Hertrusker) kleine Schriften. Breslau 1847. R. Lepsius Ueber die tyrrhenischen Pelasger etc. Leipzig. 1842. C. Steub. Die Urbewohner Rhätens. München. 1843. M. Koch. Die Alpenetrusker. Leipzig 1853. F. Inghirami, Monumenti etruschi e di etrusco uomo 10 voll. 4-o 1825 sqq. Musei etrusci quod Gregorius XVI P. M. in aedibus vaticanis constituit monumenta etc. 2 voll. fol. 1842. Gerhard. Etruskische Spiegel. 2 voll. Berlin. 1839—45. G. Dennis. The cities and cemeteries of Etruria. 2 voll. Lond. 1850 (и въ нѣм. перев. Мейснера: Die Städte und Begräbnissplätze Etruriens. Leipzig. 1852). б) о памятникахъ Помпеи: Mazois. Antiquités de Pompéi. Paris 1812—38. W. Gell and Gandi. Pompejana etc. New Series. 1830. Herculaneum und Pompeji. Vollständige Sammlung der daselbst entdeckten Malereien, Mosaiken, und Bronzen, etc. Deutsch von Kaiser. 6 Bde. mit. 740 Kupfern. Hamburg. 1841. Real museo Borbonico, 13 voll. 4-o Napoli. 1824—43. Pompeii: its past and present state etc., compiled in part from the great work of Mazois, the Museo Borbonico etc. but chiefly from the journals and drawings of W. Clarke. 2 voll. with 8 plates and 280 woodcuts. London, 1846. J. Overbeck. Pompeji in seinen Gebäuden, Alterthümern und Kunstwerken. Leipzig 1856. W. Zahn: Neu entdeckte Wandgemälde von Pompeji. Fol. Stuttg. u. Tübingen. 1830; Die schönsten Ornamente und merkwürdigsten Gemälde aus Herculaneum, Pompeji und Stabiae. 2 voll. Berlin 1828—45;—оба съ раскрашенными рисунками. W. Ternite: Wandgemälde aus Pompeji und Herculaneum, Berlin, 1830 и слѣд. года.—* Въ древности часть Средиземнаго моря между Испаніей (Иберіей) и о. Сардиніей. Пер.

острововъ, которые связывали бы её съ противулежащимъ иллирійскимъ берегомъ. Даже и тамъ, гдѣ италійскій берегъ наиболѣе придвигается къ греческому, раздѣляющее ихъ іоническое море всё еще значительно широко; еще шире промежутокъ между южною оконечностью полуострова и Африкою.

Какъ въ Греціи рельефъ страны опредѣляется отрогами камбунійскаго и тимфейскаго хребтовъ, такъ въ Италиі опредѣляетъ его апенинскій хребетъ. Прорѣзывая полуостровъ посрединѣ во всю его длину, онъ отдѣляетъ его на сѣверѣ отъ обширной континентальной низменности (ломбардо-венеціанской и пьемонтской равнины), которая въ свою очередь ограничивается Альпами, облегающими её съ сѣверовостока. Собственно древнеиталійская область начинается только отъ подошвы южныхъ склоновъ поперечнаго кряжа Апеннинъ, идущаго отъ Генуи до Анконы. Гористая въ сѣверной своей части, она быстро понижается, по направленію къ западному берегу, террасообразными уступами и тянется далеко къ югу, упираясь съ восточной стороны въ Апеннины. Холмистая почва области прерывается мѣстами, особенно на сѣверѣ, обширными песчаными или болотистыми низменностями. Иногда, по берегамъ рѣкъ и у подножія предгорій, эти низменности покрыты пахотною землею или поросли густою травой. Далѣе къ югу, побережье становится плодороднѣе, но и здѣсь еще нерѣдко встрѣчаются безплодные песчаные степи, въ перемежку съ болотами, трясиными и глубокими соляными озерами. Въ Кампаніи, особенно въ окрестностяхъ Везувія, производительность почвы пріобрѣтаетъ полную силу. Уже съ Гаэты начинается богатая растительность и, развертываясь всё роскошнѣе, продолжается по берегамъ Волтурно, черезъ Неаполь до Салерно и далѣе къ югу до мыса del Spartimento.

Гораздо суровѣе и непривѣтливѣе природа восточной половины италійскаго полуострова. Отроги Апеннинъ здѣсь выше и массивнѣе чѣмъ на западной половинѣ. Вдоль берега разстилаются безплодные равнины Апуліи, Terra di Bari и безводной Terra di Otranto. Исключеніе составляютъ берега тарентинскаго залива, обязанные своимъ плодородіемъ изобилію рѣкъ, вытекающихъ изъ Апеннинъ, которые достигаютъ здѣсь наибольшей высоты и отсюда же поворачиваютъ къ западу, развѣтвляясь по Калабріи и Базиликатѣ мощными отрогами, превращающими эти области въ гористую, наполненную ущеліями пустыню. Продолжаясь въ западномъ направленіи, главный кряжъ Апенниновъ переходитъ на островъ Сицилію и тянется вдоль сѣвернаго ея берега, посылая отъ себя вѣтви, которыя дѣлятъ островъ на множество долинъ, богатыхъ водою и чрезвычайно плодородныхъ, особенно въ юго-восточной его части.

Какова была Италія прежде, чѣмъ человѣкъ приложилъ свой трудъ къ воздѣлыванію ея почвы и черезъ это измѣнилъ физическій характеръ и физономію страны—мы не знаемъ; но судя по тому, что нѣкоторыя ея области, оставленныя въ запустѣніи послѣ многовѣковой обработки, превратились частію въ болота, частію въ песчаные заносы, мы можемъ заключить, что въ тѣ отдаленныя времена, когда еще ихъ не касалась вовсе рука человѣка, эти области были еще дичѣе чѣмъ теперь. Сѣверная Италія, съ ея песчаными и болотистыми низменностями и обширными пастбищами на западномъ

берегу, представлялась, вѣроятно, особенно неудобною для заселенія. Во всякомъ случаѣ, потребовалось много труда и упорной борьбы съ природою, чтобы только добыть въ этихъ мѣстностяхъ почву удобную для земледѣлія. Но быть можетъ немногимъ благопріятнѣе были условія и въ средней Италіи до границъ Кампаньи. Она была тоже покрыта обширными болотами, чему явнымъ подтвержденіемъ служатъ нынѣшнія понтійскія; а смежная съ болотами твердая почва была пропитана поднимающимися изъ нихъ испареніями. Поэтому, земледѣліе было возможно лишь на склонахъ горъ, но и тутъ только мѣстами, такъ какъ за исключеніемъ немногихъ возвышенностей, какъ напримѣръ албанскія горы, горные хребты средней Италіи представляютъ лишь скалистые и большею частью безлѣсныя ущелья.

Восточная половина полуострова, гористая на сѣверѣ и безплодная какъ пустыня къ югу, была, вѣроятно, еще суровѣе и непривѣтливѣе. Поэтому она и сохранила долѣе отпечатокъ своей первобытной суровости. Наконецъ и самая Кампанья, не смотря на то, что въ ней встрѣчаются растенія, свойственныя тропикамъ, обязана богатствомъ своихъ естественныхъ произведеній всё-таки труду человѣка ¹, хотя и безспорно, что онъ нашолъ себѣ здѣсь вѣрнаго пособника въ плодородіи почвы, а въ лѣсистыхъ возвышенностяхъ и богатыхъ пастбищахъ по склонамъ горъ всѣ условія для прочнаго поселенія. Еще въ большей мѣрѣ представлялъ эти условія о. Сицилія, который поэтому и былъ, вѣроятно, заселенъ уже очень рано.—

Въ Италіи не было найдено никакихъ слѣдовъ первобытнаго коренного населенія, которое соотвѣтствовало бы предполагаемому сѣвероевропейскому населенію такъ наз. „каменнаго вѣка“. * Филологическія изслѣдованія показали, что и самые древнѣйшіе поселенцы Италіи были уже пастухами и, какъ кажется, занимались даже земледѣліемъ еще прежде своего переселенія въ эту страну. ² Всё же остальное заставляетъ предполагать, что они принадлежали къ тому же кочевому племени, которое, выйдя изъ Азіи, направилось къ юго-западу и заселило большую часть греческаго материка. Отдѣлившись, сравнительно довольно поздно, отъ этой пелазго-эллинской вѣтви, италійская вѣтвь перешла черезъ Апеннины и стала подвигаться къ югу, занимая, вѣроятно, сначала возвышенности, но по недостатку въ пастбищахъ и пахатной землѣ, спускаясь и въ равнины. Очень возможно, что равнины были уже заняты и что новые пришельцы встрѣчали отпоръ со стороны старинныхъ владѣтелей почвы. Несомнѣнно однакожъ, что они постепенно распространились по всему полуострову и подѣлили его между собою.

Передовымъ членомъ въ длинной цѣпи этихъ переселенцевъ были, по всей вѣроятности, Япиги. За ними слѣдовали такъ называемые Латины и, наконецъ, Умбры. Уступая напору вновь прибывающихъ пришельцевъ, Япиги подвигались всё далѣе къ югу и ослѣлись только на самой южной оконеч-

¹ См. W. Volz. Beiträge zur Kulturgeschichte. 92 и слѣд.; ср. Th. Mommsen. Römische Gesch. (2 Aufl.) I, 806 Note.—² Th. Mommsen, ibid. 14 seqq. L. Lange. Römische Alterthümer. I. 41 seqq.—* Орудія изъ полированного камня (неолитоваго вѣка) были однакожъ извѣстны древнимъ Римлянамъ, также какъ и древнимъ Грекамъ, приписывавшимъ имъ чудесныя свойства. См. Sir John Lubbock: Prehistoric Times. Пер.

ности полуострова. Латины, съ своей стороны, заняли всю западную половину его отъ лѣваго берега Тибра до Мессинскаго пролива; а отдѣлившіеся отъ нихъ Сиккулы переправились черезъ проливъ и поселились по берегамъ Сициліи. На долю Умбровъ достались сѣверозападные области Италии и вся ея восточная половина. Сначала были заняты ими первыя: тамъ поселились южныя вѣтви Умбровъ, извѣстныя подъ названіемъ Тусковъ (Tusci, Tuscici: строители городовъ или башенъ), но подверглись нападенію Разеновъ (Rasennae)—дикаго племени, вѣроятно сѣвернаго происхожденія, и были ими покорены. Благодаря однакожь сравнительно высшей культурѣ побѣжденныхъ, побѣдители слились съ ними въ одинъ народъ и, утративъ даже свое имя, стали называться вмѣстѣ съ ними — Этрусками. Остальныя вѣтви Умбровъ продолжали между тѣмъ подвигаться вдоль восточнаго берега, и не находя на немъ мѣстъ удобныхъ для прочнаго поселенія, раздѣлялись и дробились на мелкія общины, управляемыя князьками. Слѣдствіемъ этого было то, что западные Умбры не замедлили подняться до оскѣлости и правильнаго земледѣльческаго быта и даже завязать торговыя сношенія съ Греками, а восточные Умбры (умбро-сабеллійская вѣтвь)—Пиценты, Сабины и Самниты, Марсіи, Волски, Эквы, Рутулы и др. продолжали вести жизнь кочевыхъ пастуховъ.

Развитію культуры на западѣ Италии много способствовали греческія колоніи, появившіяся въ земляхъ Латинянъ вскорѣ послѣ переселенія Дорянъ и отчасти имъ вызванныя (въ началѣ послѣдняго тысячелѣтія до Р. Х.). Принеся съ собою знаніе многихъ полезныхъ ремеселъ и болѣе развитую умственную культуру, онѣ скоро прочно основались среди окружавшаго ихъ полудикаго населенія и такъ быстро размножились, что триста лѣтъ спустя—около времени основанія Рима—не только плодоносная Кампанія и вся южная Италия были покрыты ими, но онѣ распространились также и по всему острову Сициліи и, какъ кажется, вытѣснили оттуда издавна поселившіхся тамъ Финикіянъ, заставивъ ихъ перейти частію на сосѣдній материкъ, частію на близъ лежащіе острова ¹. Вмѣстѣ съ поселеніями Грековъ водворились всюду греческій языкъ и греческіе нравы и сдѣлались надолго господствующими, такъ что вся южная Италия и Сицилія скоро огречились, и чистое италійское племя осталось только въ сѣверовосточной и средней Италии, собственно же латинская его вѣтвь сосредоточилась лишь на небольшомъ пространствѣ между сѣвѣрною границею Кампаніи и южною—Этруріи.

Окруженные Греками и враждебными племенами Тусковъ и умбро-сабелловъ, жители Лаціума скоро увидѣли себя въ необходимости принять мѣры для обезпеченія своей безопасности. Съ этою цѣлью они разселились родовыми деревнями и, на сколько это позволяла болотистая почва, на которой были построены деревни, укрѣпили ихъ на случай нападенія. Одна изъ такихъ укрѣпленныхъ деревень, принадлежавшая роду Рамновъ (Римлянъ) и построенная на высокомъ берегу Тибра, сдѣлалась скоро главнымъ оплотомъ всего Лаціума противъ его сѣверныхъ сосѣдей. Благодаря своему выгодному

¹ Chr. Meyers. Das phönizische Alterthum, II (Colonien). 314.

положенію на рѣкѣ и тому обстоятельству, что Рамны охотно принимали къ себѣ всѣхъ инородцевъ, поселеніе ихъ приобрѣло такое значеніе и такъ усилилось, что всѣ сосѣднія одноплеменные общины стали искать союза съ нимъ для общей защиты. Усиливаясь постепенно присоединеніемъ окрестныхъ земель, Римъ скоро сталъ средоточіемъ всѣхъ латинскихъ союзовъ, сначала подъ управленіемъ царей, потомъ какъ республика. Къ концу 4-го вѣка до Р. Х. верховенство Римлянъ въ Лаціумѣ было окончательно упрочено и преобладаніе Рима надъ остальными городами обезпечено. —

Такъ какъ возвышеніемъ своимъ надъ сосѣдними народами Римляне были обязаны преимущественно воинственности, которую они необходимо должны были развить въ себѣ для того чтобы не быть совершенно подавленными своими сосѣдами, то эта же воинственность осталась главною пружиною всѣхъ ихъ дальнѣйшихъ успѣховъ и выдающеюся чертою ихъ національнаго характера, между тѣмъ какъ всякое стремленіе къ высшимъ, идеальнымъ цѣлямъ было имъ почти совсѣмъ чуждо, какъ и вообще всѣмъ италійскимъ племенамъ. Обреченныя съ самого своего поселенія въ Италіи на упорную борьбу съ природой и невыгодными мѣстными условіями, эти племена не только не развили въ себѣ сочувствія къ интересамъ, облагораживающимъ жизнь, но постепенно утратили даже и самое пониманіе ихъ. Но за то всѣ они, и Римляне болѣе другихъ, выработали въ себѣ ту чрезвычайную настойчивость въ преслѣдованіи предположенныхъ цѣлей, которая умѣетъ преодолевать всякія препятствія и находить для этого самыя дѣйствительныя средства. Съ учрежденіемъ республики, усиленіе Рима пошло еще быстрѣе, несмотря на внутреннія смуты, вызванныя борьбою плебеевъ съ патриціями за права. То, чего Римляне доселѣ тщетно добивались—подчиненіе Этруріи Риму, было ими теперь исполнено съ полнѣйшимъ успѣхомъ менѣе чѣмъ въ 30 лѣтъ (351. до Р. Х.). Этруски не только были побѣждены, но въ теченіи слѣдующихъ ста лѣтъ и совершенно романизованы, за исключеніемъ немногихъ сѣверовосточныхъ вѣтвей. —

Совершенно иначе чѣмъ у Латиновъ, сложилась культура Этрусковъ. Еще прежде чѣмъ Римъ умѣлъ приобрѣсти какое нибудь значеніе, Этруски уже обладали обширною торговлею и вели оживленныя сношенія не только съ греческими колоніями въ Италіи, но и съ Азіею. Съ давнихъ временъ процвѣтали у нихъ всякія ремесла и искусства и, вѣроятно, у нихъ же у первыхъ изъ италійскихъ народовъ появились постоянныя храмы и сооруженія для осушенія почвы, устройству которыхъ могли способствовать ихъ сношенія съ Азіею и съ Греками.

Хотя изъ сказаннаго видно, что Этруски были въ состояніи передать своимъ побѣдителямъ многое, чего у тѣхъ не было, но показать, что было дѣйствительно заимствовано у нихъ Римлянами, едва ли уже теперь возможно. Вѣроятно, что Латины, вслѣдствіе своего продолжительнаго сосѣдства съ греческими колоніями и даже по своему племенному родству съ Греками, усвоили себѣ покрайней мѣрѣ настолько эллинизма, чтобы закаленные трудовою жизнью Римляне были склонны скорѣе презирать этрускую пышность, чѣмъ подражать ей или даже перенимать её. Къ тому же, во время покоренія Этруріи Римлянами, она уже близилась къ паденію. Достигнувъ вершины

своего политическаго значенія около 500 г. до Р. Х., она стала съ тѣхъ поръ постепенно слабѣть, истощаемая постоянными войнами внутренними и вѣшними. Около 385 г. Греки и Карфагеняне отняли у нея господство на моряхъ, а вторженіе Кельтовъ, опустошившихъ Италію вплоть до Рима (ок. 390 до Р. Х.), раззоривъ населеніе, глубоко развратило его нравы.

Сломивъ Этрурію, Римляне обратили свои силы на югъ. Словно на лету овладѣли они сначала Кампаніею (314 до Р. Х.), и вслѣдъ за тѣмъ остальною южною Италіею, исключая острова (303 г.). Но уже во время войны съ племенемъ Сеноновъ, которую они начали по окончаніи войнъ на югѣ, имъ представился случай объявить войну и Сициліи (282 г.) и, несмотря на кровопролитную борьбу съ Пирромъ, утвердить свое господство на островѣ. Такимъ образомъ вся Италія подчинилась силѣ римскаго меча, и въ Римѣ—средоточіи этой силы—признала своего господина.

Завоеваніе проликутой эллинизмомъ Кампаніи не осталось безъ вліянія на нравы Римлянъ. Хотя они и не были еще настолько развиты, чтобы чувствовать потребность расширить свой ограниченный кругъ воззрѣній или поступиться своимъ воинственнымъ духомъ ради водворенія у себя наукъ и искусствъ, однакожъ они все-таки не остались совсѣмъ нечувствительными покрайней мѣрѣ къ вѣшностямъ греческой образованности и охотно увлекались ими, въ особенности молодое поколѣніе, на которое блестящая жизнь греко-италійскихъ городов не могла не дѣйствовать обаятельно. Къ тому же старинная строгость и простота нравовъ первыхъ временъ республики такъ давно исчезла изъ жизни, что воспоминалась какъ нѣчто сказочное. Если прежніе законы противъ роскоши (какъ напр. законъ 430 г.) почти всегда имѣли въ виду только роскошь при погребеніи, то теперь потребовались законы ограничивающіе употребленіе драгоценной посуды и утвари (законы 290 и 277 гг.). Съ возвышеніемъ Рима въ первенствующій городъ Италіи, пробудилось въ его гражданахъ и стремленіе къ широкой столичной жизни со всѣми ея удобствами и соответствующею обстановкою. Будучи не въ состояніи усвоить себѣ сущности эллинизма, Римляне брали изъ него только то, что находили въ немъ для себя новаго и заманчиваго. Охотно предоставляя греческимъ силамъ украшать свою вѣшнюю жизнь, они такъ же охотно населяли свой олимпъ греческими богами и смѣшивали уже теперь, можетъ быть и сами того вопліи не сознавая, греческіе пороки съ своими національными добродѣтелями.

Распространивъ свое владычество до крайнихъ границъ италійской земли, Римляне перенесли свое оружіе черезъ Апеннины и въ теченіи немногихъ лѣтъ (236—222 г.) покорили всю обширную область, заключенную между названными горами и южными склонами Альпъ. Вслѣдъ затѣмъ они были вынуждены начать войну съ Карфагеномъ (220 г.) и въ то же время сражались въ Сициліи, Греціи и Испаніи, причемъ нерѣдко доходили до крайняго изнеможенія, но снова собирались съ силами и, благодаря своей стойкости и искусству своихъ полководцевъ, побѣдоносно отражали натиски своихъ непріятелей. Послѣ семнадцатилѣтней упорной борьбы, они овладѣли богатымъ Карфагеномъ (201 г.) и утвердили свое владычество на морѣ; но уже вслѣдъ за этимъ торжествомъ были снова вовлечены въ продолжительныя и кровопролитныя войны почти со всѣми своими сосѣдями.

Окончивъ истребительную войну съ дикими Лигурами и подавивъ новое возстаніе уже прежде покоренныхъ Боіевъ (194—180 гг.), Римляне завладѣли Корсикой и Сардиніей (177 г.) и, несмотря на усилившіяся внутреннія смуты, приобрѣли обширныя земли на иберійскомъ полуостровѣ. Въ то же время рядъ побѣдъ одержанныхъ въ Греціи и Малой Азіи (187 г.) отдавалъ во власть Рима и эти двѣ страны, изъ которыхъ первая была сначала объявлена свободною, но вскорѣ превращена, какъ и послѣдняя, въ Римскую провинцію. Послѣ всѣхъ этихъ побѣдъ и завоеваній Римляне могли дѣйствительно считать себя повелителями всего тогдашняго міра.

Римское государство стояло теперь на высшей ступени могущества, какая только могла быть достигнута воинскими доблестями. Но чтобы не сдѣлаться въ свою очередь добычею меча, которому оно было обязано своимъ возвышеніемъ, ему предстояло еще сплотить всѣ части своего громаднаго цѣлаго однимъ общимъ духомъ, и для этого вызвать къ дѣятельности всѣ внутреннія силы народа и направить ихъ къ высшимъ и благороднѣйшимъ цѣлямъ. Но именно для такой внутренней работы Римлянамъ того времени и недоставало необходимыхъ качествъ. Поддавшись греческому вліянію, они уже значительно уклонились отъ прежней строгости нравовъ, а продолжительная борьба съ Кароагеномъ, неудачи и напряженіе ее сопровождавшія, еще болѣе усилили эту нравственную распущенность, такъ что успѣхи римскаго оружія въ Испаніи, присоединеніе уже одряхлѣвшей Эллады и Малой Азіи, были послѣдними проявленіями прежней римской *virtus*, которая теперь окончательно исчезла. Съ увеличеніемъ числа вновь завоеванныхъ областей увеличивались трудности въ управленіи ими, а вмѣстѣ и злоупотребленія въ администраціи, способствовавшія въ свою очередь къ развитію въ народѣ наклонности къ излишествамъ всякаго рода. Послѣ своихъ побѣдъ на Западѣ и Востокѣ, Римъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ всѣхъ товаровъ, но вмѣстѣ и всѣхъ пороковъ, въ такомъ изобиліи стекавшихся въ него отовсюду, а особенно изъ Греціи и Азіи. Быстро распространившаяся во всѣхъ слояхъ населенія склонность къ грубымъ наслажденіямъ породила буйную чернь, развила торгашество и ослабила воинственный духъ народа. Пассивно подчиняясь вліянію покоренныхъ ими народовъ, Римляне при всемъ этомъ еще долго оставались глухи и слѣпы къ тому, что эти же самые народы предлагали имъ истинно прекраснаго. Только медленно и то неполнѣ научились они понимать красоты эллинскаго искусства и эллинской литературы: они правда охотно перевозили къ себѣ произведенія греческой скульптуры какъ военную добычу, и знакомились съ сочиненіями греческихъ писателей, но смотрѣли на тѣ и на другія какъ на внѣшнюю прикрасу жизни, какъ на изящную но несущественную прибавку къ житейской обстановкѣ, и ужъ много если показывали видъ, что умѣютъ цѣнить ихъ и по внутреннему ихъ достоинству. Это послѣднее—т. е. умѣнье цѣнить художественныя произведенія, сдѣлалось однакожъ скоро признакомъ хорошаго свѣтскаго образованія, ибо хотя римская гордость по прежнему, или даже еще болѣе чѣмъ прежде, считала всякое ремесло и искусство занятіемъ недостойнымъ римскаго гражданина, одиокожъ и она покорила эстетической власти греческаго духа.

Такой переворотъ въ нравахъ Римлянъ не остался безъ воздѣйствія и на ихъ политическое положеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не замедлили обнаружиться и неизбежныя послѣдствія этого внутренняго разрыва, ослабившаго ту крѣпкую связь, которая соединяла ихъ въ націю. Почти одновременно съ указанною перемѣною началась и революція: въ самыхъ нѣдрахъ народа закипѣла борьба, которую еще болѣе разжигали безсильныя попытки нѣкоторыхъ даровитыхъ личностей овладѣть движеніемъ (121 г.). Во время этой борьбы, продолжавшейся около 50 лѣтъ, развращенность нравовъ дошла до ужасающихъ размѣровъ. Не говоря о безчисленныхъ казняхъ, постигавшихъ всѣ партіи и отнимавшихъ у города лучшія его силы, въ немъ царили самый наглый обманъ, предательство и безстыдное эксплуатированье самыхъ грубѣйшихъ инстинктовъ. Положеніе было напряжено до крайности; и хотя богатства капиталистовъ были бы достаточны чтобы предотвратить объединеніе гражданъ, обладатели этихъ богатствъ всё таки предпочитали тратить громаднѣйшія суммы на подкупъ въ свою пользу черни.

Если при этомъ антагонизмъ партій и удалось такому человѣку, какъ Сулла, спасти покрайней мѣрѣ внѣшнее единство государства и силою удержать его отъ распадѣнія, то всё-таки внутреннія язвы, нанесенныя Риму борьбою, были слишкомъ глубоки и могли развѣ только закрыться снаружи, но не зажить со дна. Къ тому же, постоянныя сношенія съ восточными Греками, толпами прибывавшими въ Римъ послѣ падѣнія Греціи, подточили мало по малу и самыя основы римской народности. Правда, благодаря этимъ сношеніямъ, Римляне ближе ознакомились съ искусствомъ и наукою Грековъ, вообще полнѣе узнали свойства греческаго духа, но поднять ихъ собственный духъ это знаніе оказалось безсильнымъ. Новыя смуты, возникшія вскорѣ послѣ смерти Суллы и изъ борьбы демократіи противъ военной власти перешедшія въ полнѣйшую анархію, уничтожили въ народѣ и послѣднія остатки самодѣятельности. Римъ и съ нимъ вся Италия стояли на краю гибели, когда явился Цезарь, возвратившійся изъ завоеванной имъ Галліи спасать государство.

Опираясь на войско и уцѣлѣвшую еще здоровую часть народа, онъ успѣлъ снова скрѣпить разшатанное зданіе, но совладѣть съ нравственною порчею, слѣдовавшеюся всеобщею, оказалось и ему не по силамъ. Всѣ принятые имъ въ этомъ отношеніи мѣры дали въ результатѣ лишь то, что прежнимъ грубымъ выходкамъ разврата и наглому безстыдству порока стали теперь придавать съ помощью эллинской образованности болѣе утонченный и привлекательный видъ. Такимъ образомъ, подъ тяжестью громаднаго долга, который давилъ страну и превратилъ одну часть населенія Рима въ богачей-банкротовъ, а другую, несравненно многочисленнѣйшую, въ опасныхъ авантюристовъ и бездѣлничавшую чернь, — латинское племя мало по малу до такой степени огречилось, что, въ сущности, впредь можно только говорить объ эллино-италійскомъ, а уже не о собственно „римскомъ“ государствѣ.

Но едва не стало Цезаря, какъ тотчасъ же выступили наружу и всѣ язвы, развѣдавшія колоссальное тѣло римскаго государства. Загорѣлась гражданская война и, покрывъ позоромъ участвовавшихъ въ ней, завѣщала этотъ позоръ и ихъ позднѣйшимъ потомкамъ. Всѣ успѣхи Римлянъ на поприщѣ ум-

ственной дѣятельности, достигнутые ими въ послѣдствіи, не оказали никакого прочнаго вліянія на ихъ нравственный строй: онъ сохранилъ до конца разъ принятый имъ греко-италійскій складъ и наклонность къ оріентализму. И само государство успокоилось на нѣкоторое время лишь при Октавіанѣ, которому общее утомленіе и желаніе мира помогли овладѣть верховною властью. Если бы народъ римскій былъ еще способенъ къ нравственному возрожденію, то оно было бы возможно для него именно теперь, при этомъ государѣ, который любилъ и всячески поощрялъ искусство и науку. Но порча была слишкомъ глубока и давно уже истребила даже самые корни лучшихъ побужденій.

Уже при послѣдующихъ императорахъ,—время правленія которыхъ чело-вѣческое чувство такъ охотно вычеркнуло бы изъ страницъ исторіи,—оказалось, какъ низко палъ нѣкогда гордый римскій народъ. Сначала Тиберій, потомъ Неронъ, далѣе Оттопъ и Вителій заставили его испытывать такіа жестокости и такое униженіе, что тщетны оказались все благія усилія Веспасіана, Тита (отъ 69 по 96 по Р. Х.) и цѣлаго ряда ихъ преемниковъ отъ Нервы до Марка Аврелія, пытавшихся исцѣлить застарѣлое зло кроткими мѣрами. Такъ же бесплодны были и попытки позднѣйшихъ императоровъ, какъ напр. благороднаго Севера (222 г. по Р. Х.). Къ тому же, съ этого времени римскимъ престоломъ начинаетъ распоряжаться войско: легіоны совершенно произвольно провозглашаютъ императоромъ то того, то другого полководца и вносятъ совершенный хаосъ въ дѣла управленія. Діоклетіану удается наконецъ ограничить такой произволъ, однако и онъ вынужденъ избрать себѣ соправителя и раздѣлить съ нимъ верховную власть. Но едва только Діоклетіанъ, утомленный правленіемъ, сложилъ съ себя пурпуръ, какъ разомъ явились шесть императоровъ, выбранныхъ разными легіонами (307 г. по Р. Х.). Съ этихъ поръ начинается окончательное разложеніе римской монархіи, и древній міръ уступаетъ мѣсто новому.....

Вся совокупность вещественныхъ памятниковъ бытовой обстановки италійскаго населенія, распадается на три главныя группы—памятники этрускаго происхожденія, римскаго и греческаго. Все что было найдено особеннаго, не подходящаго подъ эти три рубрики, такъ разрозненно, что допускаетъ одни лишь весьма шаткія предположенія, но не даетъ основанія для обобщеній¹. Изъ вышеназванныхъ трехъ группъ памятниковъ одни только этрускіе восходятъ и въ доисторическую эпоху; все же остальные—кромѣ немногихъ остатковъ зданій—по времени своего происхожденія относятся преимущественно къ позднѣйшему періоду полного преобладанія эллинизма въ римской жизни; между тѣмъ какъ развалины Геркуланума, Помпеи и Стабіи (засыпанныхъ Везувіемъ около 79 по Р. Х.) свидѣтельствуютъ уже о реакціи римскаго духа на греческій². Поэтому единственнымъ источни-

¹ Сравни ниже: «жилище». —² Переходныя формы между эллисизмъ, италійскимъ и римскимъ стилемъ лучше всего можно наблюдать на развалинахъ Помпеи: Kugler. Gesch. der Baukunst I, 294.

комъ для изслѣдованія древнѣйшихъ формъ бытовой обстановки италійскихъ народовъ остаются этрусскіе памятники. Но всё они такъ своеобразны и исключительны, что свидѣтельство ихъ относительно современнаго имъ быта остальныхъ италійскихъ народовъ должно представляться весьма сомнительнымъ. Кромѣ того что время ихъ происхожденія не можетъ быть опредѣлено съ нѣкоторою точностью, самыя формы ихъ до такой степени разнохарактерны и приближаются то къ формамъ египетско-ассирійскимъ, то къ греческимъ, что о множествѣ найденныхъ мелкихъ вещей нельзя даже навѣрно сказать, какія изъ нихъ произведенія этрускаго, какія вывезены изъ Азіи ¹. Не смотря однакожъ на всё это, этрусскіе памятники даютъ всё таки возможность прослѣдить по нимъ тѣ измѣненія, черезъ которыя прошла бытовая обстановка Этрусковъ начиная съ древнѣйшихъ временъ; тогда какъ всё свѣденія о развитіи римскаго быта во время, предшествовавшее позднѣйшему періоду памятниковъ, ограничиваются весьма скудными письменными замѣтками нѣкоторыхъ римскихъ авторовъ. А такъ какъ Римляне начали писать исторію очень поздно, то и замѣтки эти, какъ лишенные всякаго твердаго основанія, оставляютъ не мало простора и всякаго рода предположеніямъ.

Одежда.

Послѣ всего, что уже было сказано о различныхъ способахъ воспроизведенія дѣйствительности изобразительными искусствами, достаточно будетъ немногихъ указаній, чтобы опредѣлить передачу дѣйствительности въ памятникахъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Что касается этрусскихъ памятниковъ, то всё сказанное о стилѣ памятниковъ древневосточныхъ примѣняется и къ нимъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько они (какъ было уже выше замѣчено) обнаруживаютъ несомнѣнное сходство съ этими послѣдними. Относительно позднѣйшихъ изъ нихъ достаточно замѣтить, что несмотря на постоянное приближеніе ихъ къ греческимъ образцамъ, они остались лишь сухими ихъ копіями и не поднялись даже до нѣсколько свободного подражанія природѣ. Какъ ни тщательно представлена одежда на этрусскихъ скульптурахъ и картинахъ, она всё таки даетъ лишь безжизненную, болѣе или менѣе схематическую копію дѣйствительности.

Болѣе свободное, натуралистическое направленіе характеризуетъ римскіе пластическіе памятники ². Между этими изображеніями есть, правда, еще много такихъ, которыя не совсѣмъ свободны отъ идеализаціи, а слѣдовательно уклоняются отъ дѣйствительности, какъ въ концепціи, такъ и въ обработкѣ — всё эти произведенія принадлежатъ частью позднеэллисному, частью уже грекоиталійскому направленію въ искусствѣ; но за то есть не мало скульптурныхъ изображеній, особенно изъ лучшаго времени собственно римско-греческой пластики, въ которыхъ до такой степени опредѣленно выражается индивидуальность, что ихъ можно смѣло принять за полное

¹ W. Abeken *Mittelitalien vor den Zeiten römischer Herrschaft*. 266 sqq.—² O. Müller. *Handbuch der Archæol.* § 199.

и точное воспроизведеніе живой современной имъ дѣйствительности. Само собой разумѣется, что только одни эти изображенія и должны руководить насъ при изученіи римской одежды. Кромѣ того, эти же самыя скульптуры, въ связи съ найденными между развалинами древнихъ городовъ Кампаньи, даютъ довольно отчетливую и полную картину современныхъ имъ греко-италійскихъ модъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что у италійскихъ племенъ, также какъ и у греческихъ, всѣ характеристическія, ихъ различавшія особенности выразились прежде всего въ одеждѣ. Хотя одѣяніе древнихъ Этрусковъ и позднѣйшихъ Римлянъ состояло изъ тѣхъ же главныхъ частей, какъ и одѣяніе всѣхъ вообще древнихъ народовъ (не носившихъ штановъ)—т. е. изъ нижней одежды или рубашки и верхней, или плаща, однакожъ покрой плаща у Римлянъ выработался совсѣмъ иначе, чѣмъ у Грековъ или у Тусковъ ¹. По памятникамъ видно, что одежда Тусковъ, не уступая въ пышности восточной, приближалась покроемъ преимущественно къ одеждѣ малоазійскихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и европейскихъ Грековъ, между тѣмъ какъ національная римская одежда постоянно отличалась своимъ, ей лишь свойственнымъ, самостоятельнымъ характеромъ. Поэтому-то и трудно рѣшить, насколько основательны показанія древнихъ авторовъ и выводимыя изъ нихъ заключенія, что Римляне заимствовали свою одежду отъ Этрусковъ; но за то такъ же невозможно подкрѣпить какими нибудь основательными доводами и противоположное мнѣніе, что они переняли ее отъ Грековъ. Сравненіе чистонародной римской одежды — тоги (подробнѣе будетъ описана ниже) съ верхнею одеждою Грековъ и древнихъ Этрусковъ—скорѣе подтверждаетъ первое мнѣніе и кромѣ того показываетъ, что свойственная римской тогѣ форма не выработалась постепенно черезъ подражаніе греческимъ модамъ, какъ вообще утверждаютъ, а была съ незапамятныхъ временъ всегда одна и таже, чему могли способствовать съ одной стороны требованія климата ², а съ другой и самое качество матеріала, изъ котораго тоги изготовлялись. Это послѣднее соображеніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что Римляне даже и въ позднѣйшее время, когда у нихъ развилась обширная торговля, употребляли на свои тоги тотъ же самый матеріалъ (шерсть), изъ котораго онѣ искони дѣлались—очевидно изъ уваженія къ освященному временемъ національному обычаю.

А. 1. Относительно матеріала, изъ котораго Этруски изготовляли свои одежды, равно какъ и способовъ переработки его, никакихъ положительныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Насколько можно заключить по памятникамъ, кажется весьма вѣроятнымъ, что Этрускамъ съ давнѣйшихъ временъ были извѣстны всѣ тѣ ткани, которыя, тоже съ глубокой древности, употреблялись на изготовленіе одеждъ на всемъ Востокѣ со включеніемъ и Египта. Безъ сомнѣнія и у нихъ, также какъ и у древнихъ Грековъ, тканьемъ и прядені-

¹ Здѣсь идетъ рѣчь, разумѣется, только объ основной формѣ одежды; на позднѣйшую, искусственную обработку ея конечно могло имѣть вліяніе подражаніе греческой модѣ.—

² «И если нынѣшняя Германія можетъ быть названа южною страной въ сравненіи съ Германіею временъ Цезаря, то на столько же южнѣе стала съ тѣхъ поръ и Италія». Th. Mommsen. Röm. Gesch. (2) I, 806. О римскомъ климатѣ см. особенно Becker. Handb. der röm. Alterthum. I, 85.

емъ занимались сначала исключительно женщины ¹, а позднѣе эти занятія перешли въ руки особыхъ ремесленниковъ, выдѣлывавшихъ тѣ разноцвѣтныя и золотошвейныя одежды, о коихъ рассказываетъ преданіе и свидѣтельству- ютъ найденныя въ Этруріи картины и скульптуры.

2. Римляне изготовляли свою одежду преимущественно изъ шерсти, ²— первоначально по неимѣнію другихъ матеріаловъ, а впослѣдствіи, узнавши по опыту, что шерстяная одежда лучше всякой другой защищаетъ тѣло отъ вредныхъ испареній, которыя наполняли римскую мѣстность ³. Даже и во время развитія роскоши, когда привозъ иностранныхъ матеріи все усиливал- ся, запросъ на шерстяныя одежды былъ такъ великъ, что сукнодѣльное (*collegium textorum panni*) и валяльное (*fullonia*) ремесла принадлежали къ самымъ значительнымъ и выгоднымъ ⁴. Одежды изъ льняныхъ тканей стали носить только въ самое позднѣйшее время, несмотря на то, что воздѣлы- ванье льна и пеньки производилось у Римлянъ издавна и въ обширныхъ раз- мѣрахъ ⁵.

В. Что и у Римлянъ изготовленіе одежды составляло первоначально ис- ключительно женское занятіе, ⁶ не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ во многихъ семействахъ стариннаго закала обычай носить изготовлен- ное дома платье сохранился, вмѣстѣ съ другими старинными обычаями, до вре- мень имперіи. Но какъ это домашнее занятіе обособилось въ ремесло и до какой степени развитія достигло оно въ этой новой своей фазѣ, прежде чѣмъ его коснулось виѣшнее вліяніе—эти вопросы должны остаться безъ отвѣта. Сходство латинскихъ названій для одежды, платья (*vestis*) и глагола шить (*suo; neo*) съ санскритскими (*vastra;—siv; nah*) и грече- скими (*ἔσθῃς;—νῆθω*) указываетъ только на ихъ общее происхожденіе отъ первоначальныхъ корней, которыми обозначались понятія—о бо-лочка, и дѣйствія сшиванія, сплоченія, но нисколько не помогаетъ рѣшить во- просъ—умѣли ли Латинцы ткать и прясть прежде чѣмъ выселились изъ сво- ей прародины въ Европу, или нѣтъ. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что ткачество было извѣстно и въ Лаціумѣ съ незапамятныхъ временъ ⁷.

Въ противоположность Грекамъ, носившимъ одежду безъ швовъ, а цѣль- но сотканную на станкѣ, Римляне для своей одежды употребляли иглу. По- крайней мѣрѣ римская рубашка сшивалась, даже и самая тога должна была пройти черезъ руки швеца (*vestiarius; vestificus; paenularius*), чтобы стать годною для ношенія ⁸. Также какъ и Греки, Римляне считали одеж- ду бѣлаго цвѣта наиболѣе приличною, а для торжественныхъ выходовъ и процессій единственно пристойною. Но въ послѣдствіи эта исключительность

¹ O. Müller. Die Etrusker I. 260 (6).—² A. Becker. Gallus. III. 155.—³ Cp. Th. Mommsen. Röm. Geschichte (2) I. 34.—⁴ Ibid. p. 822, Nota.—⁵ Ibid. p. 16. и W. Volz. Beiträge zur Kulturgeschichte. 109.—⁶ A. Büttiger. Sabina. (1806.) II. 87. sqq. A. Becker. Gallus III. 167 sqq.—⁷ Замѣчательно, что Римляне приписывали изобрѣте- ніе тканей Минервѣ, какъ и Греки своей Палладѣ, и считали также и Египтянъ изобре- тателями этого искусства. Cp. Plinius. Hist. nat. VII, 56 и Aelian varia histor. I. 2.—

⁸ Прежнее мнѣніе, что и римская одежда снималась совѣсть готовою съ ткацкаго стан- ка, основывалось безъ сомнѣнія на указанномъ нами смѣшеніи греческой и римской одежды писателями по этому предмету. Одного взгляда на изображенія той и другой достаточно чтобы убѣдиться въ неврѣности означеннаго мнѣнія.

осталась въ силѣ только для тоги, остальная же одежда подвергалась всѣмъ превратностямъ моды и подражанія.

С. Уже во 2-мъ столѣтіи до Р. Х. стали распространяться въ Римѣ иностранныя матеріи и одежды. Даже мужчины нерѣдко одѣвались въ разноцвѣтное платье, а во время пуническихъ войнъ народный трибунъ К. Оппій нашолъ нужнымъ даже издать законъ, чтобы остановить щегольство римскихъ женщинъ (215 до Р. Х.). Вскорѣ былъ изданъ другой болѣе строгій законъ противъ роскоши (195 до Р. Х.).

Несмотря однакожь на эти законы, роскошь не только не уменьшилась, но еще болѣе усилилась, особенно послѣ войнъ въ Малой Азіи (190 до Р. Х.) Всѣ драгоценныя произведенія Востока, естественныя и промышленныя, привозились, сначала черезъ Коринѣвъ, потомъ черезъ о. Делось ¹, въ Путеолы и оттуда отправлялись въ Римъ, гдѣ продавались за дорогія цѣны тамошней знати. Послѣ войны съ Митридатомъ (136 до Р. Х.), римскіе купцы стали получать восточные товары прямо изъ Сиріи, а позднѣе, когда Египетъ сталъ римскою провинціею (31 до Р. Х.), вся восточная и индѣйская торговля Римлянъ велась исключительно черезъ Александрію ².

а. Изъ тканей и готовыхъ одеждъ, которыя получались этимъ путемъ и цѣна на которыя, благодаря усилившейся расточительности Римлянъ, постоянно возвышалась, главное мѣсто занимали тонкія, прозрачныя ткани съ оо. Коса и Аморгоса, бѣлыя и разноцвѣтныя льняныя ткани египетскія, потомъ тонкія хлопчатобумажныя и узорчатыя ткани изъ Индіи и Персіи и шелковыя матеріи ³. Всѣ эти товары раскупались почти исключительно знатными римлянками, которыя въ страсти къ нарядамъ нисколько не уступали своимъ аттическимъ сестрамъ. Уже давно прошло то время, когда римскія матроны считали предосудительнымъ показываться одѣтыми иначе какъ въ бѣлую одежду съ узкой пурпуровой оторочкой по краямъ. Теперь, напротивъ того, носили матеріи не только одноцвѣтныя всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ — пурпуроваго, яркокраснаго, лиловаго, желтаго, зеленаго, желѣзнаго, морской воды, и пр.—, но и разноцвѣтныя въ клѣтку (*plumatae*) и съ особеннымъ волнистымъ отливомъ (*undulatae*) ⁴. Выше всего цѣнились римскими щеголихами одежды изъ упомянутыхъ прозрачныхъ матерій, протканыхъ золотомъ или серебромъ и окрашенныхъ въ самые красивые цвѣта. Несмотря на запрещеніе императоровъ носить эти одежды, оставлявшія все тѣло почти обнаженнымъ (*togae vitreae* называли ихъ Римляне) употребленіе ихъ не только не прекратилось, но стало распространяться да-

¹ Th. Mommsen. Römische Geschichte (2) II, 392 sqq. — ² Особ. C. Lassen. Indische Alterth. 1857 Lpzg. III, 9. Th. Kruse Indiens alte Gesch. 324 sqq. —

³ О латинскихъ названіяхъ различныхъ сортовъ хлопчатой бумаги, см. C. Ritter. Ueber die geogr. Verbreitung der Baumwolle. Th. Kruse. Indiens alte Geschichte, A. Becker. Gallus. III, 155, и особ. Chr. Lassen. Ind. Alterth. III, 23 sqq. По Лассену *carpasium* знач. бумажная пряжа; *carbasium*—хлопчатобумажная матерія, тоже и *sinclon*, какъ у Римлянъ, такъ и у Грековъ; *Gossypium herbaceum*—хлопчатникъ; *meta sericum*—шелкъ, *metaxa*—шелкъ сырецъ; *vestis serica*—шелковая одежда, *subserica*—полушелковая матерія и одежда; *holoserica*—матерія протканная шелкомъ на какой нибудь другой основѣ. Названію *serica* противопоставилось названіе *bombicina*, означавшее вѣроятно европейскія шелковыя матеріи, между тѣмъ какъ подъ первымъ разумѣли азіятскія шолы. матеріи.—⁴ A. Becker. Gallus. III. 160 sqq.

же и между мужчинами, которые до сихъ поръ преимущественно одѣвались въ шерстяныя ткани, привозимыя изъ Самоса, Милета и Лаконія, и только въ рѣдкихъ случаяхъ замѣняли ихъ льняными, хлопчатобумажными и даже шелковыми. Полупрозрачныя ткани выдѣлывались также въ этруской деревнѣ Тускусъ,¹ и это обстоятельство могло тоже способствовать усиленному распространенію ихъ въ Римѣ.

b. Еще болѣе дорогія ткани были извѣстны подъ названіемъ золотыхъ или, по имени изобрѣтателя ихъ пергамскаго царя Аттала², атталійскихъ тканей. Онѣ были или густо протканы золотыми нитями или же, по другимъ извѣстіямъ, вытканы изъ золотой проволоки³. Древніе, повидимому, не знали ни средневѣковаго (утраченнаго и до сихъ поръ еще не возстановленнаго) золототкацкаго мастерства, ни новѣйшаго такъ наз. золотопряденья⁴.

c. Наконецъ, къ драгоценнымъ тканямъ принадлежали пурпуровыя—шерстяныя или шелковыя ткани окрашенныя пурпуровою краскою различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ блестящаго чорнаго и темнофіолетоваго до ярко-краснаго и блѣднорозоваго⁵. Употребленіе этихъ тканей для одежды регулировалось однакожь особыми постановленіями, которыя издавались верховною властью въ видахъ ограниченія роскоши, но часто были нарушаемы, особенно женщинами. Высшіе сорта пурпура—тирскій и янтинскій—⁶ и цѣльныя пурпуровыя одежды предоставлены были постановленіемъ Августа, только главѣ имперіи и его сановникамъ; всадникамъ дозволялась только пурпуровая кайма на одеждѣ и т. д. Это постановленіе оставалось однакожь недолго въ силѣ и щегольство пурпуровыми одеждами дошло до такихъ размѣровъ, что Тиверій, для обузданія его, нашолся вынужденнымъ прибѣгнуть къ нѣкотораго рода хитрости: онъ самъ пересталъ носить пурпуръ и этимъ заставилъ слѣдовать тоже и римскую знать. При Неронѣ было тоже издано постановленіе, запрещавшее частнымъ лицамъ носить пурпуръ тирскій и аметистовый: оно имѣло ту же участь какъ и всѣ прежнія. — —

D. О покроѣ (формѣ) и способѣ ношенія разсматриваемыхъ одеждъ даютъ относящіеся сюда изображенія на памятникахъ такое ясное представленіе, что только нѣкоторые особенные виды одежды, какъ напр. римская тога, потребуютъ нѣсколько болѣе подробнаго объясненія, остальные же будутъ понятны съ одной стороны изъ простаго описанія ихъ на основаніи изображеній, съ другой—изъ сравненія съ описанною уже одеждою восточныхъ народовъ и Грековъ, отъ которыхъ они были заимствованы.

I. О древнеэтруской одеждѣ было уже замѣчено, что она совершенно походила на греческую; теперь слѣдуетъ прибавить, что женская одежда приближалась болѣе къ малоазійско-греческой, а мужская къ европейско-греческой.

¹ Chr. Lassen. Indische Alterth. III, 29.—² Plinius. Hist. nat. VIII, 74, 48.—³ Ibid. XXXIII, 19, 3. Lamprid. Heliogab. c. 23.—⁴ Cp. Th. Kruse. Indiens alte Gesch. I, 333, а для средн. вѣк. Fr. Bock. Gesch. der liturgischen Gewänder. Bonn. 1856.—⁵ A. Schmidt. Die griechischen Papyrusurkunden der kön. Bibliothek zu Berlin. Berlin. 1842. S. 157: «Purpurluxus».—⁶ При Августѣ фунтъ шерсти послѣдняго сорта (янтинской) стоилъ 100 денаріевъ или 10 тазеревъ, а перваго (тирской) слишкомъ въ десятеро дороже. A. Schmidt. Ibid.

1. Мужская одежда Этрусковъ, также какъ и древнихъ Грековъ, первоначально состояла изъ одного только плаща или накидки, плотно обтягивавшей тѣло. Подобно дорійскому плащу (фиг. 245), ¹ это былъ сначала четырехугольный кусокъ матеріи, постепенно превратившійся—какъ видно по позднѣйшимъ изображеніямъ—въ болѣе просторный и богатый складками плащъ, имѣвшій форму отръзка круга (фиг. 366 а. б). Эту форму онъ удерживалъ и тогда, когда подъ него стали надѣвать шерстяную нижнюю одежду (фиг. 367.), похожую на малоазійскій и іоническій хитонъ, съ тою разни-

Фиг. 366.

жалъ и тогда, когда подъ него стали надѣвать шерстяную нижнюю одежду (фиг. 367.), похожую на малоазійскій и іоническій хитонъ, съ тою разни-

Фиг. 367.

Фиг. 368.

¹ Cp. F. Inghirami Monumenti etruschi. S. VI. Tav. B. 6.

цею, что она была обыкновенно довольно коротка и вѣроятно подпоясывалась (фиг. 367¹; ср. фиг. 252). Нарядная одежда богатыхъ людей (мужская и женская) состояла изъ длинной, чрезвычайно тонкой и богато выши-

Фиг. 369.

той нижней одежды съ рукавами и изъ такой же накидки—четыреугольной или круглой—съ отверстіемъ посрединѣ для головы (фиг. 368 и 369)². Вѣроятно, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, носили также хитоны оставлявшіе одно плечо открытымъ (exomis) и даже простые передники³.

Фиг. 370.

2. Костюмъ этрусскихъ женщинъ имѣлъ много общаго съ малоазійскимъ или вообще съ восточнымъ женскимъ костюмомъ. Нижняя одежда походила на очень длинную рубашку съ рукавами; она была не разрѣзная и зашнуровывавшаяся уже на тѣлѣ, какъ дорійская и аттическая женская нижняя одежда⁴, а, подобно малоазійской, цѣльная и надѣвалась съ головы и никогда не подпоясывалась⁵ (фиг. 370; 371 а—б; сравни греческія одежды фиг. 249 и слѣд. 260 и слѣд.)

Сверхъ этой рубашки этрускія женщины надѣвали накидку,—роль продолговатаго четырехугольнаго или закругленнаго съ двухъ сторонъ платка средней величины, который накрывали на плеча, а иногда накрывали имъ вмѣстѣ и голову (фиг. 371 а—б); концы платка на груди застегивали застежкой.⁶

¹ Ср. однакожъ Th. Hope. Costume of the Ancients. I. Fig. 45, гдѣ нижняя одежда и длиною и шириною вполне соответствуетъ іоническому хитону.—² Monumenti inediti d. Istit. Vol. I. T. XXXIII; Mus. Etrusc. Gregor. Vol. I. T. CIV.—³ G. Miceli. Monum. antichi (1832) T. XV.—⁴ Непонятно, какимъ образомъ этого на замѣтилъ такой вообще точный изслѣдователь, какъ O. Müller (Die Etrusker. S. 268). Онъ говоритъ: «о женской одеждѣ можно судить только по изображеніямъ, которыя не передаютъ почти ничего такого что не было бы въ обычаѣ и въ Греціи». Но если онъ замѣчаетъ даже о нѣкоторыхъ идеализованныхъ фигурахъ, что одежда на нихъ подпоясана подъ грудью слѣдуя истиннымъ обычаямъ, то я не могу согласиться съ нимъ и полагаю, что такая одежда только идеализована, а не взята съ дѣйствительности.—⁵ G. Miceli. Monum. antichi. T. XVI. Fig. 4. T. XXX. Fig. 3.—⁶ Op. cit. T. XXIX. Fig. 9. Musci Etrusc. Gregor. Vol. I. T. XLIII.

Тѣмъ же восточнымъ характеромъ отличаются и головные уборы Этрусковъ. Въ нихъ повторяются почти всѣ формы древневосточныхъ голов-

Фиг. 371.

ныхъ уборовъ: фригійско-мидійскихъ (фиг. 372 а, d; ср. фиг. 179, а, b; 180, а, b), египетскихъ (фиг. 372 с, е; ср. фиг. 29, а, с, d; фиг. 35, с) и отча-

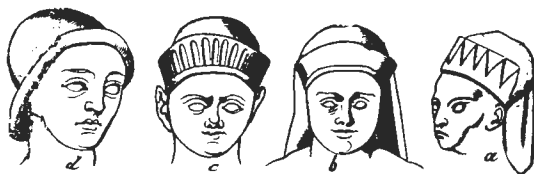
Фиг. 372.

сти индоперсидскихъ (фиг. 372, b; ср. фиг. 199, а) — въ женскихъ; ассирійскихъ и медоперсидскихъ (фиг. 373, а—d; ср. фиг. 118; 147, с, d)—въ мужскихъ головныхъ уборахъ. Малоазійская головная повязка, въ родѣ той, какую носили іонійско-аттическіе Греки, тоже встрѣчается у Этрусковъ (они называли ее *struppis*)¹.

4. Сходство костюма Этрусковъ съ восточнымъ продолжается и въ ихъ обуви: они носили разнаго вида сандалии, остроконечные башмаки и сапоги (фиг. 374, а, b; фиг. 367; 370; 371). Эти двѣ послѣднія формы обуви прямо восточнаго происхожденія: остроконечные башмаки были уже въ употребленіи

Фиг. 373.

¹ O. Müller. Die Etrusker I. 274.

у древнихъ Египтянъ (ср. фиг. 25, f, g), а сапоги у древнихъ Персовъ (фиг. 146). Свою нарядную обувь Этруски отдѣлывали очень богато, совершенно въ восточномъ вкусѣ: ¹ у Римлянъ на-

рядные башмаки назывались этрусскими; а такъ назыв. тирренскія подошвы были приняты даже у малоазійскихъ Грековъ. Эти подошвы, неуступавшія въ нарядности малоазійскому котурну, были родъ высокихъ сандалій изъ дерева ², обтянутыхъ крас-

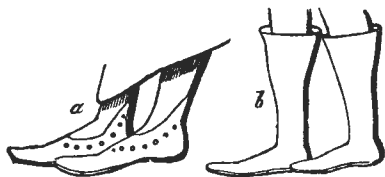
ною съ позолотой кожей, и привязывались къ ногѣ пурпуровыми ремнями, доходившими выше икры. По нѣкоторымъ изображеніямъ видно, что у Этрусковъ было также въ обычаѣ (можетъ быть только при вооруженіи) обвивать ремнями всю ногу до лядвеи (фиг. 375).

II. Римскій костюмъ отличался отъ этрускаго не только большею сложностью и разнообразіемъ, но главнымъ образомъ и тѣмъ еще, что римская мужская одежда была совершенно національна, тогда какъ женская подражала всего менѣе чисто восточнымъ образцамъ, а почти исключительно греческимъ.

1. По показаніямъ римскихъ авторовъ, и у Римлянъ мужская одежда состояла первоначально изъ одного только плаща или тоги. Но навѣрное такъ же рано стали они носить и нижнюю одежду—рубашку или тунику. Тога, по назначенію своему соотвѣтствовавшая этрусскому плащу и греческому гиматию, была одеждою парадною и праздничною, а туника домашнею и рабочею. Поэтому даже и въ позднѣйшее время не казалось неприличнымъ — хотя и не было принято—появиться публично одѣтымъ въ одну только тогу, тогда какъ выйти на улицу въ одной туникѣ, безъ тоги, считалось поменьшей мѣрѣ недостойнымъ римскаго гражданина.

а. Каковъ былъ покрой римской тоги, и какимъ образомъ её надѣвали и носили—объ этомъ мнѣнія весьма различны ³. Основываясь, съ одной стороны, на римскихъ изваяніяхъ (которыя всѣ однакожъ принадлежатъ уже къ позднѣйшему времени), съ другой—на догадкахъ (несомнѣнно ошибочныхъ) римскихъ писателей объ этрускомъ происхожденіи этой одежды, принимаютъ два вида тоги и признаютъ древнѣйшую, и безъ всякаго сомнѣнія един-

Фиг. 375.

Фиг. 375.

¹ O. Müller. Die Etrusker. I, 269 seqq.—² Въ одной этрусской могилѣ была найдена деревянная, обтянутая бронзою подошва, составленная изъ двухъ половинокъ соединенныхъ шарниромъ, и обдѣланная аккуратно по формѣ ступни. Рисунокъ см. въ Mus. etrusc. Gregor. Tav. LXXII.—³ Стоитъ только прочесть почти сѣмьшныя описанія этой одежды у Адама: Handbuch des römisch. Alterthums и т. д. и въ J. G. Keil. Das alte Rom od. ausführliche Darstellung der Sitten und Gerbäuche der alten Römer etc. Lpzg 1848. p. 361., гдѣ говорится, между прочимъ, что тога—широкая безрукавная одежда изъ шерсти—была снизу до груди зашита (!) и что такъ какъ у Римлянъ не было кармановъ, то ихъ замѣняла имъ широкая складка, которую дѣлалъ на груди заброшенный на плечо конецъ тоги: въ этой складкѣ (назыв. sinus) прятали и носили разныя мелкія вещи. Подобныя описанія тѣмъ страннѣе, что, не говоря уже о Винкельманнѣ и позднѣйшихъ изслѣдователяхъ, многіе изъ старинныхъ писателей объясняли римскую тогу поменьшей мѣрѣ гораздо толковѣе. Напр. Ferrarius. De re vestiaria; Hieronimus Bossius. De toga romana commentarius. Amstelodami. 1671; Aldus Manutius, De toga Romanorum.

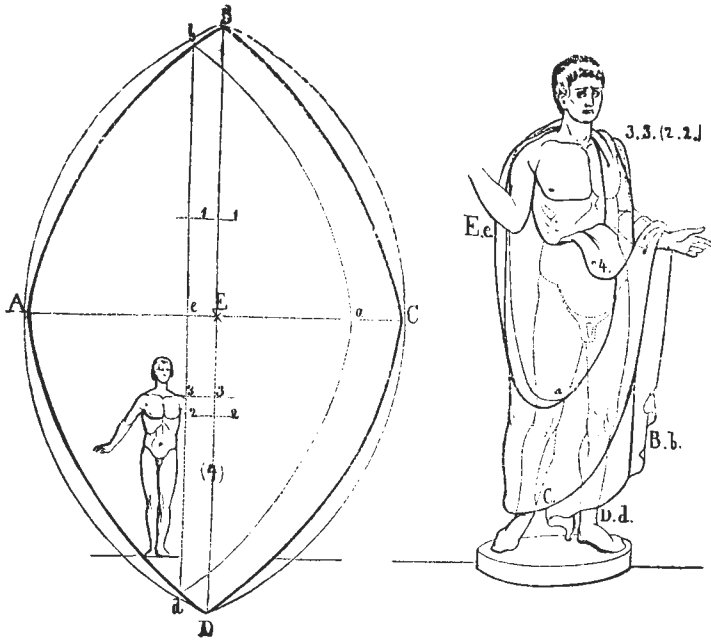
ственно національную тогу позднѣйшимъ измѣненіемъ этрускаго плаща ¹, не умѣя однакоже объяснить и показать на дѣлѣ, какимъ образомъ этрусскій плащъ могъ быть передѣланъ въ римскую тогу. Другое мнѣніе, по которому тога была исконною народною одеждою Римлянъ, представляется тѣмъ болѣе основательнымъ, что, кромѣ вышеприведенныхъ доводовъ и свидѣтельствъ ², оно подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что, если, какъ извѣстно, сами Римляне считали тогу своимъ отличительнымъ признакомъ и по ней даже называли себя *gens togata*, или *togati*—одѣвающиеся въ тогу—въ отличіе отъ другихъ народовъ, то она должна была необходимо имѣть въ себѣ нѣчто совершенно своеобразное и притомъ народное. Если же прибавить къ этому, что и въ позднѣйшее время, когда вошли въ моду иностранные плащи и когда носили, и греческій плащъ и тогу, Августъ предписалъ гражданамъ являться на форумъ, въ циркъ и ко двору не иначе, какъ въ тогѣ; и далѣе, что тога стала выходить изъ употребленія у Римлянъ лишь въ ту пору, когда ихъ національность разрослась во всемірное гражданство,—то отсюда само собою окажется, что настоящая римская тога сохраняла всегда одну и ту же форму и этою формою совершенно опредѣленно отличалась, какъ римская одежда, не только отъ греческаго, но и отъ этрускаго плаща. ³

¹ Такъ между прочими и Becker (Gallus III, 113 sqq.), который подобно О. Миллеру и другимъ своимъ предшественникамъ, держался исключительно указаній римскихъ писателей. Но между тѣмъ какъ Миллеръ ограничивается только замѣчаніемъ, что большой разницы между римскою и этрусскою народною одеждою быть не могло, и слѣд. не рѣшаетъ вопроса положительнѣе,—Beckerъ говоритъ прямо, что слѣдуетъ различать два вида тоги, древнѣйшую и болѣе простую, и позднѣйшую болѣе широкую и обильную складками, и тутъ же описываетъ *tebeppa*—одежду похожую на гиматій—какъ древнѣйшій видъ тоги. Если замѣчанія Тертуліана (*de pallio*. 5) о позднѣйшей формѣ тоги и подтверждаютъ повидимому мнѣніе Beckerъ, то оно утрачиваетъ всякое основаніе, какъ скоро мы отнесемъ упомянутыя замѣчанія (какъ и слѣдуетъ по ихъ смыслу) къ искусственному расположенію складокъ тоги, а не къ основанію ея формѣ, которая одна только и важна для насъ въ настоящемъ случаѣ.

² Сюда относится всё собранное у Beckerъ о національномъ значеніи римской тоги (Gallus III, 100. sqq.).—³ Beckerъ (въ указан. мѣстѣ) говоритъ, что послѣ различныхъ опытовъ съ четырехугольными и круглыми кусками матеріи, онъ убѣдился, что для тоги необходимо нуженъ былъ полукруглый и очень длинный, но сравнительно съ длиною гораздо болѣе широкій кусокъ, чѣмъ былъ бы отрѣзокъ круга. Этотъ кусокъ набрасывался сначала на лѣвое плечо, такъ что конецъ куска, спускаясь напередъ, закрывалъ и всю лѣвую руку. Затѣмъ ту часть тоги, которая покрывала спину, вытягивали напередъ и (здѣсь начинается разногласіе между мною и Beckerомъ) собравъ ея примѣрно до половины ея ширины складками, закидывали черезъ грудь на лѣвое же плечо, которое такимъ образомъ было вдвойнѣ закрыто тогою: *super quod ora ex toga duplex aequaliter sedeat*. Отъ этого на груди выходила широкая складка, тянувшая изъ подъ праваго плеча къ лѣвому—*quid sub humero dextro ad sinistrum ducitur*—та складка, которую обыкновенно разумѣютъ подъ словомъ *umbo*. Спущенную переднюю часть тоги подбирали нѣсколько къверху и выпускали изъ подъ широкой грудной складки наружу въ видѣ небольшого мѣшка (*sinus*). Этотъ *sinus* вмѣстѣ съ большою складкою черезъ которую онъ свѣшивался и назывался по мнѣнію Beckerъ *umbo*. Хотя я и строго слѣдовалъ въ своихъ опытахъ этимъ указаніямъ Beckerъ, однакожъ мнѣ не удалось даже и подойти къ тому результату, котораго я легко достигъ указаннымъ мною ниже способомъ. Поэтому мнѣ кажется, что изъ всѣхъ прежнихъ объясненій покрова тоги (собранны у Шери (Chery): *Recherches sur les costumes et sur les theatres etc.* I, 28) объясненіе Винкельмана, принимающаго, что форма тоги была полный кругъ, ближе всѣхъ къ истинѣ. Впрочемъ я нисколько и не сомнѣваюсь въ томъ, что въ числѣ различнаго покрова тогъ были и совершенно круглыя тоги, и что поэтому такъ часто осуждавшееся выраженіе Квинтилиана *toga rotunda* (Inst. XI p. 322) должно быть признано правильнымъ. Ср. замѣчанія объ измѣненіяхъ покрова тоги въ Will. Ramsay. *A Manual of Roman Antiquities* (Lond. 1851) стр. 451 sqq.

Изъ сдѣланныхъ мною на основаніи изваяній пробъ оказалось, что, отлично отъ четырехугольнаго греческаго гиматія и закругленной съ одной стороны этрусской тебенны, римская тога выкраивалась заостреннымъ съ концовъ оваломъ (фиг. 376. A B C D), длиною поменьшей мѣрѣ въ три чело-

Фиг. 376.

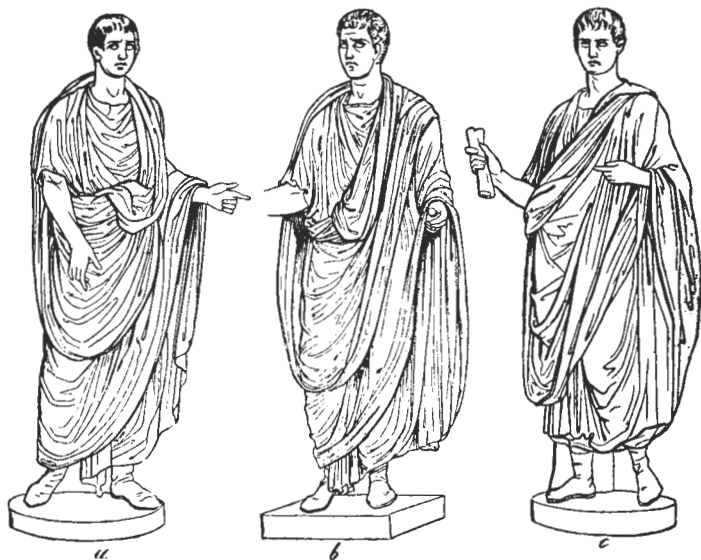

вѣческихъ роста по плечи (B—1, 1—2, 2—D), а шириною (по короткой оси овала) по меньшей мѣрѣ въ два такихъ роста (A — E, E — C). Надѣвали её слѣдующимъ образомъ: сложивъ ее вдвое по-длинѣ и притомъ такъ, чтобы одна половина была нѣсколько шире другой и выступала изъ подъ нея (примѣрно по линіи bd), собирали на перегибѣ въ складки и одинъ конецъ перекидывали черезъ лѣвое плечо сзади-на-передъ настолько, чтобы онъ закрылъ весь лѣвый бокъ и еще волочился бы по землѣ (3—3, d—D); затѣмъ, другой конецъ тоги пропускали подъ правую мышку (рѣдко черезъ правое плечо) напередъ и закидывали черезъ лѣвое плечо на спину, а середину изъ-за спины надвигали на правое плечо, отчего переднія складки тоги получали бѣольшую полноту. Такимъ образомъ, одна треть тоги покрывала лѣвое плечо и весь лѣвый бокъ, спускаясь до земли; другая треть серединою своею приходилась подъ правую мышку (E—e), а оставшая масса окутывала переднюю сторону тѣла, образуя на груди своими верхними складками родъ пазухи (sinus). Надѣвши тогу, какъ описано, вытягивали лѣвый ея конецъ нѣсколько кверху и выпускали напередъ (въ 4. фиг. 376) небольшою полою складкою (umbo), которая вывѣшивалась изъ-за пазухи (ср. фиг. 377, a—c).

б. Пока тога составляла почти единственную одежду Римлянъ, она была не широка; но размѣры ея безъ сомнѣнія были увеличены, какъ скоро она по-

лучила значеніе парадной національной одежды, и еще болѣе, когда подъ вліяніемъ греческихъ модъ стали обращать особенное вниманіе на обиліе и красоту ея складокъ, такъ что, уклоняясь мало по малу отъ своего первоначальнаго вида, она превратилась въ одежду обременительную своею полнотою (фиг. 377 а—с). Для большаго удобства, стали привѣшивать къ кон-

Фиг. 377.

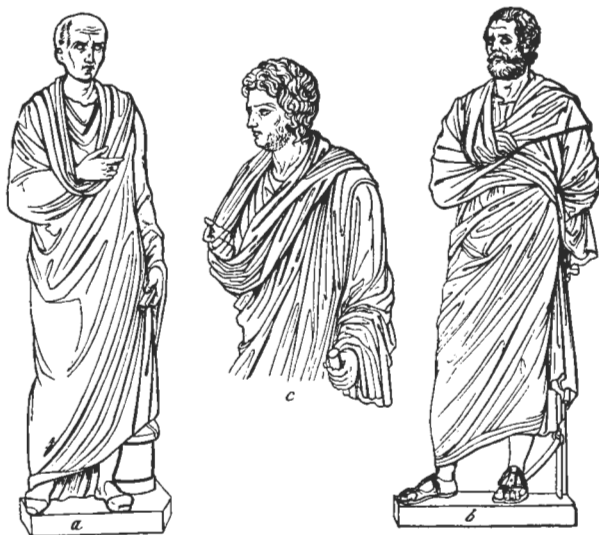
цамъ тоги свинцовыя кисти (какъ это дѣлали Греки съ своимъ гиматіемъ); а чтобы дать ей складкамъ надлежащее направленіе, ихъ сплавляли еще передъ надѣваніемъ посредствомъ особыхъ дощечекъ, и кромѣ того, выравнивали и раскладывали щипчиками уже по надѣтой тогѣ. Старинная узкая тога, особенно подпоясанная—обычай соблюдавшійся и позднѣе, при богослуженіи напр., при которомъ никакого другого одѣянія не допускалось—несколько повидимому не стѣсняла свободы движеній¹, между тѣмъ какъ позднѣйшая тяжелая тога съ своими массами складокъ заставляла невольно сдерживать ихъ. Это неудобство и было причиною того, что тога была наконецъ оставлена и замѣнена болѣе легкими одеждами—этрускимъ плащемъ новѣйшей формы (фиг. 378, а; сравн. фиг. 367) и красивымъ греческимъ гиматіемъ (фиг. 378, b, c; сравн. фиг. 253 а—с).

с. Римская туника, которую въ позднѣйшее время почти всегда носили подъ тогою (прямо на голомъ тѣлѣ), была почти совершенно похожа на сходную съ греческо-азійскою нижнюю одежду (рубашку) Этрусковъ. Но кромѣ этой простой туники (фиг. 377 а—с; ср. фиг. 367), были у римлянъ туники очень широкія, съ короткими, но тоже очень широкими мѣшкообразными рукавами (фиг. 367), и туники менѣе широкія съ длинными до кисти дохо-

¹ Покрайней мѣрѣ римскіе писатели увѣряютъ, что древніе Римляне даже сражались въ тогахъ. O. Müller. Die Etrusker I, 265.

дившими рукавами. Впрочем, эти длиннорукавные туники—*tunicae manicatae*—были рѣдкостью даже и въ самое роскошное время и надѣвались

Фиг. 378.

только жрецами чужестранныхъ, азійскихъ культовъ, и актерами на сценѣ, въ частномъ же быту употреблялись, вѣроятно, весьма рѣдко. Точно также и длинныя, до ступней доходившія туники (*talares*) вошли въ употребленіе не ранѣ послѣднихъ годовъ республики, когда изнѣжившіеся граждане Рима стали надѣвать по двѣ и болѣе такихъ туникъ одна на другую. По свидѣтельству Светонія (*Octav. 82*), Августъ носилъ четыре туники—изъ чего можно вывести, что этотъ обычай установился уже задолго до него. Обыкновенную тунику подпоясывали по ниже груди поясомъ (*cinctura*: фиг. 379). Когда надѣвали нѣсколько туникъ одна на другую, то подпоясывали только самую нижнюю — (*subucula*); она была уже остальныхъ (*supragus*) и вѣроятно только одна имѣла рукава, тогда какъ верхнія были безрукавныя.

Фиг. 379.

Тогою и туникою исчерпывается весь собственно римскій національный костюмъ. Если уже приведенныя измѣненія той и другой должны быть названы неримскими, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ этимъ словомъ обозначить всѣ тѣ одѣянія, которыя Римляне постепенно прибавляли къ своей одеждѣ, отчасти изъ возростающей между ними изнѣженности, отчасти просто изъ щегольства. Объ этихъ одѣяніяхъ (число которыхъ было значительно) мы знаемъ такъ же мало, какъ и о греческихъ нарядныхъ одеждахъ: до насъ дошли ихъ названія, но согласовать

эти названія съ различными формами римской одежды, встрѣчающимися на удѣлѣвшихъ памятникахъ, объяснить себѣ первыя послѣдними, мы не имѣемъ возможности. Поэтому, хотя Плавтъ (Epidic. II. 2), рисуя намъ картину свѣтской жизни своего времени, ¹ и приводитъ цѣлый рядъ названій модныхъ одеждъ —

«Tunicam rallam, tunicam spissam, linteolum caesitum
Indusiata, patagiata, caltulam, aut crocutulam
Supparum, aut subminiam, ricam, basilicum aut exoticum
Cumatile, aut plumatile, carinum, aut gerrinum».—

то названія эти для насъ непереводимы, покрайней мѣрѣ въ своемъ тогдашнемъ модномъ значеніи ². У того же автора встрѣчается еще нѣсколько названій одѣяній и между прочимъ — *paenula*; у другихъ, позднѣйшихъ, находимъ названія собственно мужскихъ одеждъ: *lacerna*, *synthesis*, *laena*, *abolla*, *endromis* и др. Изъ всѣхъ этихъ одѣяній только *paenula* и *lacerna* могутъ быть съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ объяснены по памятникамъ.

d. *Paenula* была, повидимому, одежда, которую надѣвали въ дурную погоду поверхъ остального платья. Она имѣла по всей вѣроятности видъ круглаго, нераспашнаго, надѣвавшагося черезъ голову плаща съ капишономъ (фиг. 380 a, d), который однакожъ употреблялся и отдѣльно отъ плаща (*cucullus* или *cucullio*: фиг. 380 e). *Paenula* изготовлялась изъ толстой и плотной матеріи, даже изъ кожи; а съ перваго вѣка по Р. X. на этотъ родъ одежды стали употреблять изобрѣтенную около того времени мохнатую матерію—*gausape*.

Фиг. 380.

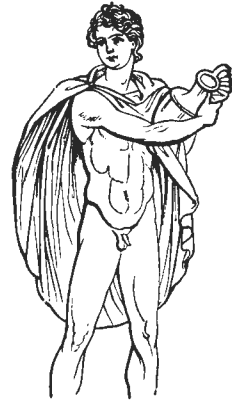

e. Въ противоположность *paenula*, *lacerna* была одеждою легкою и шеголатою и вошла въ употребленіе довольно поздно. Сначала её надѣвали поверхъ тоги, потомъ стали носить вмѣсто нея сверхъ тунники. *Lacerna* похо-

¹ Умеръ за 184 г. до Р. X.—² Совершенно произвольно переводить ихъ Даниъ (Изд. Плавта, Лейпцигъ 1806 — 1811): тонкія и плотныя платья, муслиновыя, батистовыя, барашковыя и бобровыя, сорочкы, рубы, курточки и т. д.

дила покроемъ на греческую хламиду и, также какъ и та, застегивалась на плечѣ пряжкой (фиг. 381; сравн. фиг. 254, а—с). Отправляясь въ театръ, циркъ, или ко двору, надѣвали лацерну бѣлаго цвѣта, но обыкновенно носили лацерны цвѣтныя изъ дорогихъ матерій и платили за нихъ большія деньги. Такъ напр. коротелькая лацерна пурпуроваго цвѣта стоила около 10000 сестерцій (500 талеровъ). Простыя, народныя лацерны дѣлались иногда съ капюшономъ, какъ и *paenula*.

Фиг. 381.

f. О *synthesis*, ¹ *laena*, *abolla* и *endromis* можно съ достовѣрностью сказать лишь то, что первыя три были, кажется, застольными одеждами (*vestes coenatoriae*; *coenatoria*), а *endromis* называлось толстое одѣяло, въ которое завертывались, выходя изъ бани или послѣ гимнастическихъ упражненій, чтобы не простудиться.

g. До войнъ съ пароянами и галлами, у Римлянъ не было никакой одежды похожей на штаны; иногда—весьма однакожъ рѣдко—они обвивали себѣ ноги ремнями (*fasciae*), какъ это дѣлали и этрускіе воины (фиг. 375) ². Ремни эти назывались *feminalia* и *tibialia*, или *scuralia*, смотря потому, обвивали ли ими бедро или голень. Послѣ столкновенія съ Галлами начали постепенно входить въ употребленіе и штаны (*brassae*), сначала только короткіе, доходившіе до колѣна, и умѣренной ширины. Настоящіе же шаровары, какъ ихъ носили всѣ варварскіе народы (фиг. 221; 225), появились у Римлянъ только во время послѣднихъ императоровъ, но и тогда еще не были приняты всѣми. Вообще говоря, штаны никогда не были частью римской одежды: ихъ носили постоянно одни только солдаты; изъ невоенныхъ же очень немногіе. Гонорій, сдѣлавшись западнымъ императоромъ (395 по Р. Х.), даже запретилъ носить штаны въ стѣнахъ своей столицы.

h. Если Римляне могли обходиться безъ такой удобной части одежды даже и въ позднѣйшій періодъ роскоши и изнѣженности, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они вообще не принимали предосторожностей противъ вліянія климата: уже во время республики люди слабые или изнѣженные носили на тѣлѣ и на шеѣ болѣе или менѣе плотныя повязки: набрюшники и галстуки („*ventralia*“ и „*focalia*“). ³ Но и у Римлянъ, также какъ и у Грековъ, не было обыкновенія накрывать себѣ голову. Кромѣ жрецовъ и судей во время отправленія ихъ обязанностей, всѣ ходили съ открытою головою, въ случаѣ нужды — въ непогоду и т. п., защищая её или тогой, или, если были въ плащѣ съ капюшономъ, то этимъ послѣднимъ (фиг. 380 e. d.) Только весьма рѣдко надѣвали шляпы и шапки, похожія на греческія; Светоній

¹ См. A. Böttiger. Klein. Schriften (2) III, 200, и A. Becker. Gallus III, 124. *Synthesis* въ позднѣйшее время была очень шегольскія одежда, всегда цвѣтная. Можетъ быть она походила на *pallium* (какъ это принималъ уже и Феррари). Ср. W. Ramsay p. 450. Fig. I. Th. Hope. Costume. IV. 224, 239. Mus. Borb. Vol. VIII. Tav. XXIX.—² A. Becker Gallus III, 128.—³ Ср. о галстукахъ A. Böttiger. Kl. Schriften (2) III, 102: „Die Cravate“.

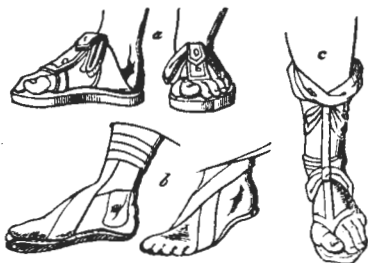
(Octav. 82) говорить объ Августѣ, что когда ему случалось надѣвать шляпу, онъ надѣвалъ обыкновенно греческій petasus (фиг. 382, а—с). Другой видъ шляпы называли pileus ¹. Ремесленники, рыбаки, охотники, вообще всѣ проводившіе время на открытомъ воздухѣ, накрывались шапками плетеными изъ соломы или войлочными, кожаными (фиг. 382 b—h).

Фиг. 382.

Обувь ² была у Римлянъ настолько необходимою принадлежностью туалета, что образованный римлянинъ считалъ неприличнымъ снимать её даже и тогда, когда бывалъ одѣтъ запросто, по домашнему ³. Этотъ обычай велся у нихъ уже съ древнѣйшихъ временъ и вѣроятно былъ перенятъ ими отъ Этрусковъ, отъ которыхъ они заимствовали также и нѣкоторые особенно нарядные виды обуви (mulleus, compagus и др.).

Фиг. 383.

Собственно римская обувь была двухъ родовъ, какъ и греческая: сандаліи (soleae; фиг. 383, а; фиг. 384, а, b, l, k) и башмаки, закрывавшіе всю ступню по лодыжку (calcei; ср. фиг. 383 b; фиг. 377, а—с). Последний родъ обуви надѣвали преимущественно отправляясь въ общественныя собранія, а сандаліи носили дома и въ обыкновенномъ частномъ быту. Въ послѣдствіи это различіе соблюдалось менѣе строго, однакожь даже и при началѣ имперіи, когда уже вошло въ обыкновеніе съ тушикою и лацерной носить сандаліи, съ тою же надѣвали постоянно только calcei (ср. фиг. 377, а—с).

Къ этимъ двумъ формамъ національной обуви прибавились съ теченіемъ времени формы неримскаго происхожденія: ⁴ полусапожки, сапоги цѣльные и разсѣанные съ шнуровкой (фиг. 384), башмаки съ ремнями (caligae; фиг. 384. g) и многія другія, названія которыхъ, подобно названіямъ

¹ A. Böttiger, тамъ же стр. 203. A. Becker. Gallus III, 128.—² Ср. A. Böttiger, Kl. Schr. III, 206. Becker, Gallus III, 130. Многочисленныя изображенія обуви въ Le livre d'or des métiers. Paris 1850, въ отдѣлѣ исторія обуви. 1 ч. стр. 9.—³ По мнѣнію Беккера древнѣйшіе Римляне вѣроятно вовсе не носили обуви.—⁴ Къ нимъ принадлежали и crepidae, которыя всегда упоминаются вмѣстѣ съ хламидою и паліумомъ.

вышеприведенных модных одежд теперь для нас непонятны. Въ обуви держались преимущественно бѣлаго и чорнаго цвѣтовъ; но въ періодъ развитія роскоши даже и мужчины носили обувь краснаго или пурпуроваго (mulleus) цвѣта.

Фиг. 384.

2. Одежда римскихъ женщинъ ¹, насколько она намъ извѣстна по изваяніямъ, не отличалась тѣмъ національнымъ характеромъ, который такъ опредѣленно выразился въ мужской тогѣ. Поэтому если и справедливо, что въ древнѣйшія времена между мужской и женскою римскою одеждою не было большого различія, а оба пола одѣвались почти одинаково, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что римскія женщины еще задолго до времени римскихъ памятниковъ промѣняли свою старинную тяжелую одежду на болѣе легкую и красивую одежду греческую, которую онѣ однакожъ измѣнили сообразно своему вкусу. Страсть къ нарядамъ и изобрѣтательность римскихъ щеголихъ находили себѣ пищу не въ одномъ только выборѣ дорогихъ матерій, которыя въ позднѣйшую эпоху свозились въ Римъ отовсюду, но и въ безпрестанныхъ измѣненіяхъ покроя одежды ².—

¹ См. A. Becker Gallus. III, 138. — A. Böttiger. Sabina II. Scen. 6. — ² Если Беккеръ (Gallus III, 139) замѣчаетъ по этому поводу, что мода касалась только матерій и ихъ цвѣта, или измѣняла однѣ только несущественныя принадлежности костюма римскихъ женщинъ, главныя же части его оставались постоянно однѣ и тѣже, — то въ виду многочисленныхъ перемѣнъ въ одеждѣ, замѣтныхъ на изваяніяхъ, такой взглядъ Беккера можно почти назвать слишкомъ ограниченнымъ, и уже Гауффъ (Moden und Trachten. Stuttg. 1840. стр. 167) справедливо возражалъ на него, что есть памятники, показывающіе измѣненія и въ одеждѣ, не говоря уже о причeskѣ и украшеніяхъ. Болѣе подробное изученіе существующихъ памятниковъ неопровержимо доказываетъ, что и позднѣйшія грекоиталійскія моды мѣнялись также часто, какъ и наши современныя. При подобномъ изученіи памятниковъ происходитъ почти тоже самое, что и при изученіи типовъ въ средѣ извѣстнаго народа: разнообразіе, существующее между ними, начинаешь распознавать только послѣ долговременнаго обращенія съ ними, когда глазъ черезъ постоянное сравненіе однихъ съ другими сдѣлался способнѣе схватывать существующія между ними различія.

Одежда римлянок состояла изъ двухъ главныхъ частей—туники и столы, къ которымъ прибавляли, выходя изъ дому, верхнюю одежду или плащъ и покрывало.

Фиг. 385.

Женская туника (*tunica interior*, или *t. intima*, также *indusium*, *intusium* или *interula*) надевалась, какъ и мужская, прямо на тѣло. Старинныя туники походили на безрукавный греческій хитонъ¹ и дѣлались всегда изъ шерстяной матеріи. Въ послѣдствіи вошло въ обычай шить ихъ изъ болѣе легкихъ и цѣнныхъ тканей (бумажныхъ, льняныхъ и шелковыхъ), тѣмъ болѣе, что туника была домашнимъ или утреннимъ костюмомъ римлянокъ—то что мы называемъ дезабилье. Въ періодъ роскоши, римскія щеголихи носили дезабилье изъ тканей такой тонины и прозрачности, что онѣ нисколько не закрывали тѣла (фиг. 385); это были знаменитыя койскія ткани². Вме-

стѣ съ этимъ и самый покрой туники нѣсколько измѣнился во вкусъ греческой моды: она превратилась въ широкую и длинную, влачащуюся одеж-

Фиг. 386.

Фиг. 387.

¹ Самымъ вѣрнымъ изображеніемъ этой одежды въ ея древней формѣ можно считать рисунокъ въ *Real. Mus. Borbonico. Vol. IX. tav. XXVII*, изображающій Геркулеса одѣтаго въ хитонъ Омфалы. — ² Это подтверждается многочисленными изображеніями: *Real. Mus. Borbonico. I. tav. XXIII; III, tav. IX; tav. XXXVI* и др.

ду съ рукавами или безъ рукавовъ, которую иногда подпоясывали, иногда носили безъ пояса (фиг. 386, ¹ 387), или давали ей форму хитона съ разръзными рукавами застегивавшимися на крючки или пуговицы (фиг. 388, с; 400). Впрочемъ были туники и съ настоящими рукавами, закрывавшими руку до локтя или до кисти (фиг. 388. d.)

Сверхъ туники, или подобной ей нижней одежды, надѣвали родъ корсета ² (mamillare; strophium), вѣроятно изъ тонкой кожи, который, какъ strophion у греческихъ женщинъ, принадлежалъ къ туалетнымъ тайнамъ и имѣлъ цѣлю придать большую полноту грудямъ.

Стола (stola) или верхняя одежда была въ сущности повтореніемъ туники и также дѣлалась съ рукавами и безъ нихъ. Столу безрукавную надѣвали обыкновенно въ томъ случаѣ, когда подъ нее была надѣта туника съ рукавами, а столу съ рукавами—когда туника была безъ нихъ. Походя на туни-

Фиг. 388.

Фиг. 389.

ку, стола отличалась отъ нея отдѣлкой, большею цѣнностью ткани и, главное, размѣрами. Она обыкновенно дѣлалась гораздо длиннѣ роста и надѣвалась не иначе какъ съ поясомъ, причемъ сначала её подбирали кверху, по крайней мѣрѣ настолько чтобы видны были носки обуви, а потомъ собранныя на груди складки расправляли сверхъ опояски и нерѣдко опоясывали еще разъ (сравни. фиг. 389; 390, а). Были столы и не такъ длинныя, которыя однакожь тоже подпоясывали и притомъ обыкновенно красивыми и дорогими поясами (фиг. 391. Такіе пояса надѣвали впрочемъ и при длинныхъ столахъ). Подолъ столы обшивался мелкосплоенною фалбаю (instita), которая волочилась по землѣ какъ шлейфъ и была иногда оторочена пурпуромъ или

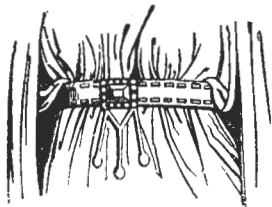
¹ Въ одеждѣ этой фигуры, изображающей Аталанту, надобно видѣть не столько вѣрную копію дѣйствительности, сколько произведение художнической фантазіи. — ² Ср. Real. Mus. Borb. Vol. III. tav. L.

вышита перлами и золотыми блестками (*limbi*). Воротъ и рукавныя проймы тоже обшивали широкими каймами (*patagium*), а иногда такая же кайма на-

Фиг. 390.

Фиг. 391.

шивалась или вышивалась спереди вдоль стола, но это дѣлалось, кажется, только для театральныя столъ ¹ или покрайней мѣрѣ очень рѣдко (фиг. 392). Стола была собственно одеждою замужнихъ женщинъ (матронъ). Дѣвушки носили вмѣсто нея сверхъ исподней туники (*tunica interior*) простыя похожія на столу верхнія туники ², или короткія туники съ рукавами доходившими до локтя (фиг. 393), или наконецъ такія же безрукавныя накидки, какъ и греческія дѣвушки (сравни. фиг. 260 и 261).

Фиг. 392.

Фиг. 393.

¹ R. Mus. Borb. Vol. IX. tav. XXXVIII.—² Ср. объ этомъ изслѣдованіи Бевкера: Gal-lus. III, 145 слѣд. (съ замѣч. Рейна).

d. Выходя изъ дому, римскія женщины накидывали сверхъ толы плащъ—*palla*. По своему покрою, онъ или занималъ средину между собственно на-

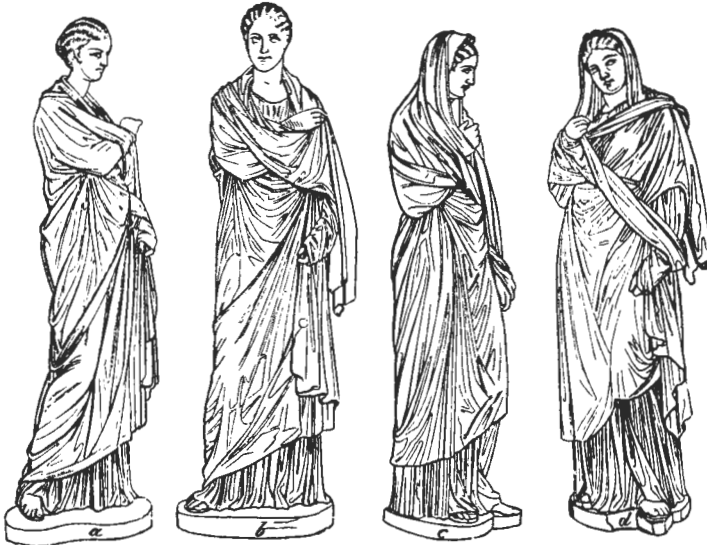
Фиг. 394.

Фиг. 395.

кидкою и широкою верхнею туникою, или же походилъ отчасти на тогу, отчасти на гиматій¹. По статуямъ видно, что женскій плащъ похожій на тогу

Фиг. 396.

¹ Судя по фиг. 394, а, б, покрой паллы былъ почти одинаковъ съ даннымъ въ фиг. 396 покровомъ тоги, можетъ быть только палла была нѣсколько уже тоги (фиг. 396 а); впрочемъ форма ея могла быть и полный овалъ и поэтому такую одежду слѣдуетъ называть тогою надѣтою на манеръ гиматія.

отличался отъ мужской тоги лишь тѣмъ, что былъ нѣсколько уже ея и красивѣе покроемъ, надѣвался же точно такъ какъ и тога (фиг. 394 а, b); греческій же гиматій былъ принятъ римлянами безъ всякихъ измѣненій (фиг. 396 а—о; фиг. 400; сравн. фиг. 262). ¹ Иногда паллу замѣняли накидкою

Фиг. 397.

Фиг. 398.

Фиг. 399.

Фиг. 400.

на этрускій манеръ, изъ толстой мохнатой матеріи (gausape) (фиг. 395), или вышеупомянутою, похожею на тунику верхнею одеждою. Эта одежда не имѣла повидимому опредѣленной формы: покрой ея измѣнялся по прихоти носившихъ. Она или составлялась изъ двухъ отдѣльныхъ половинокъ, передней и задней, которыя соединялись на плечахъ пряжками и сдерживались поясомъ; или была цѣльная и надѣвалась черезъ голову (фиг. 398), или разпашная, иногда съ двумя проймами для рукъ, иногда съ одною (фиг. 399).

с. Къ верхней одеждѣ—*palla*, надѣвали покрывало или вуаль (въ старину *flammeum*, позднѣе — *ricinium*), безъ котораго знатныя римлянки никогда не показывались публично. Онъ дѣлался изъ тонкой прозрачной ткани и прикрѣплялся къ головному убору такъ что спускался по обѣимъ сторонамъ лица на плечи и могъ быть по произволу собранъ подъ подбородкомъ (фиг. 400; ср. фиг. 389; 390, а; 392).

¹ Ср. статуи въ Mus. Borb. Vol. II. tav. XL—XLIII.

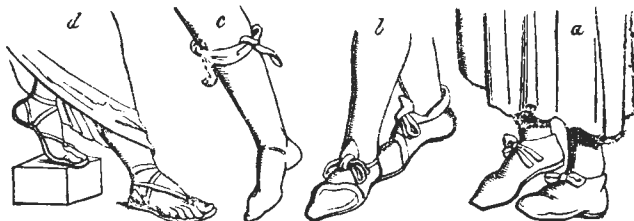
2. а. Головные уборы римлянок были почти тѣ же, что и у греческихъ женщинъ—повязки (фиг. 401 а—с) и круглыя шапочки (*mitra*, *calantica*, *calvatica*), иногда обтянутыя сѣткою изъ золотыхъ и серебряныхъ снурковъ и потому называвшіеся *reticula* (фиг. 401, с, d).

2. б. Римскія женщины обувались въ сандаліи (фиг. 402. d) и башмаки (фиг. 402 а. б), обыкновеннѣе были однакожъ послѣдніе. Въ рѣдкихъ случаяхъ—можетъ быть только на сценѣ и при религіозныхъ торжествахъ—надевали мягкіе полусапожки (фиг. 402. с). Знатныя дамы носили башмаки цвѣтные, преимущественно свѣтлыхъ цвѣтовъ, вышитые золотомъ и индійскими перлами.

Фиг. 401.

Фиг. 402.

Украшенія.

Собственно украшенія имѣли у италійскихъ племенъ несравненно большее значеніе, чѣмъ у Грековъ, и притомъ были доведены уже въ очень раннюю пору до такой многочисленности и разнообразія, что позднѣйшему времени оставалось почти только измѣнять ихъ форму или давать имъ болѣе цѣнную отдѣлку, но прибавить что нибудь новое, что не было бы извѣстно уже отдаленной италійской древности, оно едва ли могло. Относительно Этрусковъ это положительно вѣрно, но можетъ быть принято также и относительно Римлянъ, тѣмъ болѣе что у нихъ въ числѣ цеховъ, учрежденныхъ Пуною, былъ уже и цѣхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Врожденная челоуѣку склонность къ самоукрашенію проявлялась у Этрусковъ и у Римлянъ, кромѣ пошенія дорогихъ вещей, также и въ особенномъ уходѣ за своимъ тѣломъ и преимущественно въ убранствѣ волосъ ¹. Несомнѣнное подтвержденіе этому, покрайней мѣрѣ относительно Этрусковъ, мы находимъ въ вещественныхъ памятникахъ—статуяхъ и предметахъ найденныхъ въ раскопкахъ и могилахъ.

¹ Богатый матеріалъ по этому предмету собранъ въ послѣднее время Краузе, въ его сочиненіи: *Plötina oder die Kostüme des Haupthaars bei den Völkern der alten Welt mit Berücksichtigung einiger Kostüme neuerer Völker in kosmestischer, ästhetischer und artistischer Beziehung dargestellt und durch 200 Figuren auf 5 Tafeln veranschaulicht*. Leipzig. 1858. Къ сожалѣнію, приложенные рисунки до такой степени лишены характерности, что почти негодны для употребленія.

1. 1. По статуямъ видно, что мужчины у Этрусковъ носили волосы различнымъ образомъ: или гладко зачесывали ихъ назадъ, какъ древніе Греки, ¹ или распускали по плечамъ, или подстригали и завивали въ мелкія кудри, или, наконецъ, какъ древніе Египтяне, совсѣмъ сбривали (фиг. 373). ² Бороду брили; ³ можно предполагать, что и волосы на тѣлѣ тоже сбривали или инымъ какимъ нибудь способомъ удаляли ⁴ (согласно съ восточнымъ обычаемъ).

2. Женщины завивали свои волосы въ локоны, или заплетали ихъ въ косы (фиг. 372 а. с.), или же, раздѣливъ на широкія пряди, раскладывали по обѣимъ сторонамъ пробора взбитыми, разнообразно переплетенными между собою валиками и притомъ на каждой сторонѣ иначе чѣмъ на другой ⁵. Локоны носили или по всей головѣ, или только спереди вокругъ лба и на вискахъ, то мелкіе и короткіе, то крупныя и длинныя, изъ которыхъ часть спускали на спину, а часть перекидывали черезъ плечи на грудь.

О косметическихъ средствахъ Этрусковъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но нѣтъ сомнѣній, что рано начавшіяся сношенія съ Востокомъ познакомили ихъ со всѣми утонченностями древнеазіійской роскоши. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ туалетныхъ принадлежностяхъ ⁶, которыя были во множествѣ находимы въ этрускихъ гробницахъ, и въ уборахъ и украшеніяхъ (найденныхъ въ тѣхъ же гробницахъ), которые своею цѣнностью и оконченностью отдѣлки свидѣлствуютъ не только о роскошныхъ привычкахъ Этрусковъ, но и о той высокой степени совершенства, до которой дошла у нихъ выработка подобныхъ издѣлій ⁷.

Этруски употребляли на эти издѣлія, кромѣ мѣди, которую имъ въ изобиліи доставляла ихъ собственная страна, золото и серебро, которыя они получали въ слиткахъ путемъ торговли. И то и другое перерабатывалось безъ всякой примѣси. Вещи сначала или отливали въ глиняныя формы, или выковывали и чеканили и потомъ окончательно отдѣлывали рѣзкомъ. Въ чеканныхъ вещахъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, каждая часть отчеканивалась особо и потомъ всѣ части спаивались или просто связывались штифтиками. Этруски были также искусны въ филиграновыхъ работахъ; умѣли вырѣзывать на золотѣ или серебрѣ и вырѣзанный рисунокъ заливать цвѣтною эмалью. Золоченіе и серебреніе было имъ тоже извѣстно, но, какъ кажется, только въ видѣ обкладыванья тонкими золотыми или серебряными пластинками. До такого же совершенства, какъ и золотыхъ дѣлъ мастерство, были доведены у Этрусковъ—граненіе камней, рѣзба на камнѣ, слоновой кости и янтарѣ, выдѣлка бусъ и разнаго рода подвѣсокъ изъ цвѣт-

¹ G. Micali. Mon. inedit. XXVI. fig. 2. — ² Тамъ же: XVI, XVIII. — ³ И на гробницахъ часто попадаются безбородыя мужскія фигуры, такъ что обычай брить бороду былъ старше у Этрусковъ, чѣмъ у Римлянъ: K. Schnaase. Gesch. der bildenden Künste II, 386. — ⁴ O. Müller. Die Etrusker. I, 274. — ⁵ Особ. въ выше назван. соч. Краузе. стр. 136. также E. Gerhard. Die Schmückung der Helena. Berlin. 1844: рисунокъ. Его же: Etrusk. Spiegel. Taf. 110, 149, 193, и Monumenti inediti dell'Inst. II, tav. 28. — ⁶ W. Abeken, Mittelitalien vor den Zeiten röm. Herrschaft. стр. 388 и слѣд. и O. Müller. Handbuch. § 175 (1). — ⁷ O. Müller. Die Etrusker II, 252. W. Abeken, op. cit. 370 sqq.

тного стекла—всё мастерства, которые тоже находили себѣ примѣненіе главнымъ образомъ въ изготовленіи украшеній ¹.

I. а. Къ мужскимъ украшениямъ принадлежали (какъ показываютъ статуи) толстыя золотыя ожерелья, золотыя вѣнки, кольца и ручные обручи (фиг. 403). Можно предполагать ², что вѣнки и обручи были по преимуществу національными украшениями. Вѣнки составляли изъ золотыхъ пластинокъ, которыми давали форму листьевъ различныхъ растений ³. Ручные обручи, или браслеты, имѣютъ большею частью форму широкаго рубчатого кольца съ круглою подвѣскою или безъ нея. ⁴ Ихъ носили обыкновенно только на лѣвой рукѣ ⁵ (фиг. 404; ср. фиг. 405, а). Ожерелья или шейныя цѣпи представляютъ чрезвычайное разнообразіе формъ ⁶, отъ толстыхъ золотыхъ шнуровъ (ср. фиг. 403) до тонкихъ цѣпочекъ съ подвѣсками и нанизокъ изъ камней и т. п., похожихъ на цѣпочки и ожерелья древнихъ Египтянъ (фиг. ср. 409; фиг. 30). Массивныя ожерелья носили вѣроятно преимущественно мужчины, а цѣпочки и нанизки—женщины. Впрочемъ и мужчины носили на шеѣ особаго рода подвѣски (амулеты) въ видѣ круглыхъ медальоновъ, плоскихъ съ вычеканенными на нихъ фигурами, и полыхъ съ крышкою (фиг. 405 а—с) ⁷. Кольца и перстни ⁸ были плоскіе съ гладкою или съ прорѣзною поверхностью (фиг. 406, а, d, e), или массивные въ видѣ валика съ выпуклою или углубленною рѣзбою (фиг. 406. с). Гнѣздо перстня—золотое или изъ камня обдѣланнаго въ золото, обыкновенно съ болѣе или менѣе отчетливою рѣзбою, — или сидѣло на кольцѣ неподвижно, или могло повертываться на своей оси, какъ у египетскихъ перстней, и въ этомъ случаѣ ему нерѣдко давали египетскую форму скарабея (ср. фиг. 30). Были также кольца въ видѣ спирали, совершенно схожія съ кельтскими (фиг. 406, b; ср. фиг. 227, r, s). Перстни носили обыкновенно на безымянномъ пальцѣ лѣвой руки (фиг. 403), пока не вошло въ моду надѣвать по нѣскольку колецъ разомъ.

Для прикрѣпленія одежды упот-

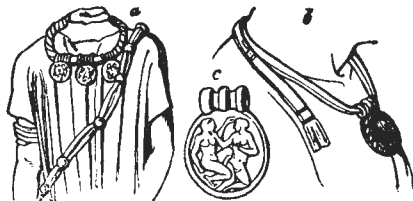
Фиг. 403.

Фиг. 404.

Фиг. 405.

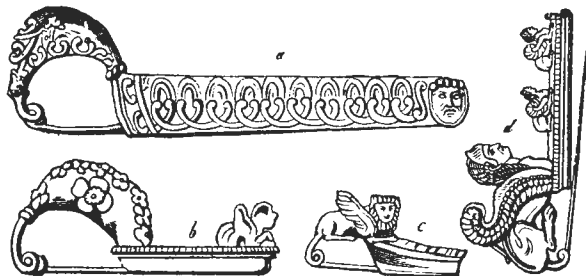
Фиг. 406.

¹ W. Abeken, op. cit. стр. 398, 407, 403. — ² Ср. K. F. Hermann. Götting. gelehrt. Anzeigen 1843 стр. 1158, и 1844 стр. 504. — ³ До сихъ поръ были найдены формы лавровыхъ, оливковыхъ, дубовыхъ и миртовыхъ листьевъ и листьевъ плюща. Mus. Etr. Gregor. tab. LXXXVI до XI. — ⁴ Schiassi, Sopra una armilla d'oro del Mus. di Bologna. Bologna 1815. — ⁵ E. Gerhard. Die Heilung des Telephos. Berlin 1843. стр. 7. — ⁶ См. Mus. Etrusc Gregor. I. tab. LXXVII—LXXXI, и Micali, Monum. ant. pop. italian. XLVI. ⁷ O. Müller, Etrusker I, 374; II, 254. и особ. Mus. Etr. Greg. I, tab. LXXXI. 2. — ⁸ Тамъ же, и Micali, XLVI.

ребляли серебряныя и бронзовыя застѣжки ¹, почти такого же устройства, какъ кельтскія фибулы, но гораздо изящнѣе и богаче тѣхъ (фиг. 407 а—d; ср. фиг. 227 и. v. w. х.). ²

Фиг. 407.

Найденныя въ этрускіхъ могилахъ золотыя бляхи ³ съ богатымъ орнаментомъ, довольно похожія на щитъ изъ могилы Куль-Обо (стр. 11), были повидимому не простымъ украшеніемъ, а можетъ быть знаками царскаго достоинства, или, какъ бляхи кельтскихъ могилъ, составляли часть жреческаго убранства.

І б. Въ число женскихъ украшеній ⁴ входили всѣ вещи, какія носили мужчины, и еще множество другихъ драгоценностей, которыми этрускія женщины любили убирать себя даже до излишества (фиг. 408). На головѣ онѣ носили, кромѣ вѣнковъ и ободовъ, дорогія діадемы съ нанизками изъ разноцвѣтныхъ камней и жемчуга. На шею надѣвали широкія ожерелья и, какъ уже сказано, тонкія красивыя цѣпочки (фиг. 409), а на грудь и плечи (какъ иногда и египтянки) широкія и узкія перевязи. Руки украшали браслетами; волосы прикалывали длинными булавками; въ ушахъ носили серьги. Всѣ эти вещи представляютъ восточныя формы. Особенно оригинальны серьги: онѣ состоятъ не всегда изъ колецъ, но большею частью, на манеръ египетскихъ, изъ кружковъ или щитковъ съ привѣсками, такъ что ихъ не вдѣвали въ ухо, а подвѣшивали къ нему (фиг. 410 а—а, b—i; ср. фиг. 30, с, i—m, и фиг. 123, а—f).

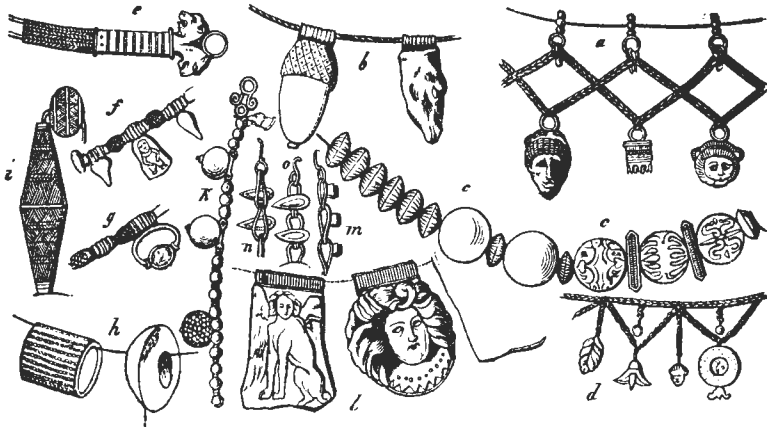
Фиг. 408.

¹ Способъ употребленія ихъ видѣнъ на табл. XLIII. Mus. Etr. Greg. I. — ² Micali, Mon. ined. ad illustr. etc. tav. XXI, 6, 7; Monum. dell'Iust. II, tav. 6. Mus. Etr. Greg. I, tab. LXVIII. — ³ Mus. Etr. Greg. tab. LXXXII, LXXXIV; Micali XLV, 3. — ⁴ Кромѣ названныхъ сочиненій см. объ этомъ предметѣ еще: E. Gerhard, Hyperboreisch römische Studien für Archaeologie. Mit Beiträgen von K. O. Müller, Th. Panofka, v. Stackelberg, F. G. Welker. Berlin, 1833. стр. 240. P. Secchi, Tesoretto di Etr. arredi in oro del Cav. Campana. 1846.

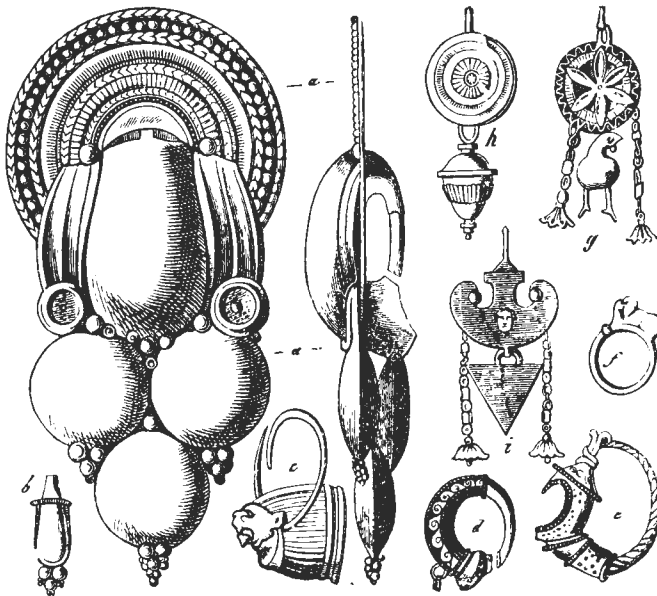
Склонность Этрусковъ къ щегольству и нарядамъ доказывается также и множествомъ зеркалъ, найденныхъ въ могилахъ вмѣстѣ съ другими туалетными вещами. Зеркала хотя и сдѣланы изъ бронзы, но вообще очень богато

Фиг. 409.

и красиво отдѣланы—изъ чего можно заключить, какъ высоко цѣнили Этруски эту утварь (фиг. 411). Задняя сторона зеркала украшена обыкновенно выгравированнымъ на ней рисункомъ, а ручка рѣзная; иногда ручкою и под-

Фиг. 410.

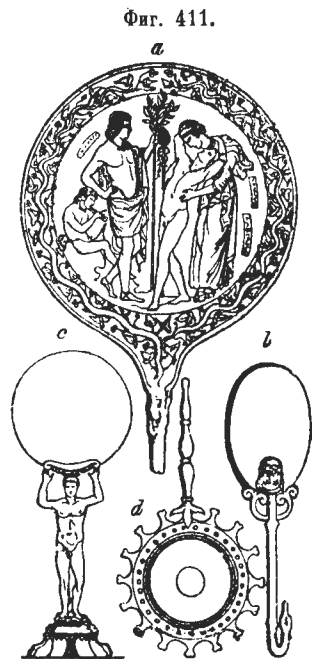

ставкою зеркалу служитъ изваянная фигура (фиг. 411, а—с). Поверхность зеркалъ нѣсколько вогнута и обведена выдающимся бордюромъ, чтобы предохранить её отъ порчи. Зеркала съ приставною ручкою хранили въ футлярахъ.

II. Изъ извѣстій объ украшеніяхъ и уборахъ Римлянъ—извѣстій, принадлежащихъ конечно къ позднѣйшей эпохѣ и только къ ней имѣющихъ прямое

отношеніе—видно, что и у нихъ старинная простота въ одеждѣ стала довольно рано уступать мѣсто большей изысканности. Определить съ точностью когда началось это измѣненіе, конечно, невозможно, но тѣмъ не менѣе можно, кажется, утвердительно сказать, что наклонность къ нарядамъ стала проявляться въ народѣ еще до пуническихъ войнъ и, распространяясь съ чрезвычайною быстротою, скоро сдѣлалась всеобщою и превратилась въ настоящую страсть къ пышности. Изъ тѣхъ же извѣстій оказывается, что въ этомъ отношеніи Римляне подчинялись болѣе вліянію Грековъ, чѣмъ Этрусковъ.

1. Римскіе авторы рассказываютъ, что до 290 г. до Р. Х. было въ обычаѣ носить длинные волосы и бороды, и что только съ означеннаго года, когда въ Римъ пріѣхали изъ Сициліи нѣсколько брадобрѣвъ, стало входить въ моду стричь волосы на головѣ и брить бороду (фиг. 412; ср. фиг. 377, а—с; фиг. 318, а—с).¹ Эта мода продержалась до временъ импе-

раторовъ, при которыхъ, благодаря отчасти собственному примѣру нѣкоторыхъ изъ нихъ, стало вновь вводиться ношеніе бороды, какъ это видно по

бюстамъ того времени (фиг. 413 а—с; ср. фиг. 318, b), и, какъ кажется, при Адріанѣ сдѣлалось всеобщимъ. Головные волосы обыкновенно только подстригали, но въ императорское время было не мало щеголей, которые убирали себѣ голову цѣлыми рядами локоновъ, или носили парики или, по примѣру Коммода (Herod. I. 7), намазанные драгоценнымъ масломъ волосы посыпали золотою пылью.

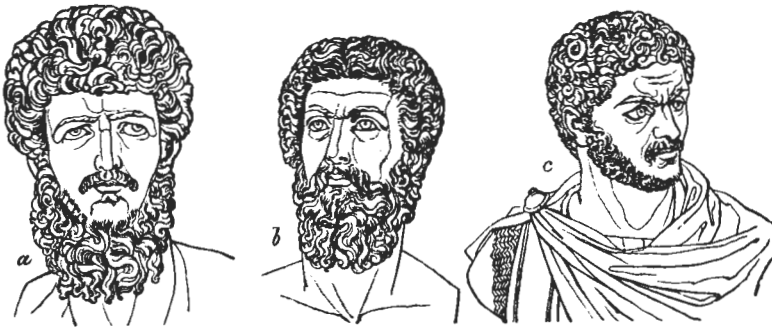

Относительно украшенія себя драгоценными вещами Римляне представляютъ совершенную противоположность Этрускамъ. Даже самые богатые изъ нихъ не носили на себѣ никакихъ дорогихъ вещей кромѣ перстня. Но и перстни въ старину были желѣзные, и только позднѣе ста-

¹ A. Becker, Gallus III, 135. H. Krause. Plotina. стр. 140.

ли их дѣлать изъ золота съ рѣзнымъ камнемъ ¹. Иные, впрочемъ, не довольствовались однимъ перстнемъ, а надѣвали еще кольца, и притомъ по нѣскольку на каждый палецъ обѣихъ рукъ. Мало этого, у нѣкоторыхъ были цѣлыя коллекціи перстней и колецъ въ оправкахъ, различныхъ для каждого времени года. Эти коллекціи хранились въ особыхъ ящичкахъ, которые назывались *dactyliotheca*. Надъ однимъ изъ такихъ щеголей смѣется Марціалъ (XI. 59): „Шесть колецъ носить Харинъ на пальцахъ: онъ не снимаетъ ихъ ни днемъ, ни ночью; не снимаетъ даже и въ банѣ. Почему? хотите вы знать: потому что кромѣ пальцевъ, ему негдѣ хранить свои перстни“.

Фиг. 413.

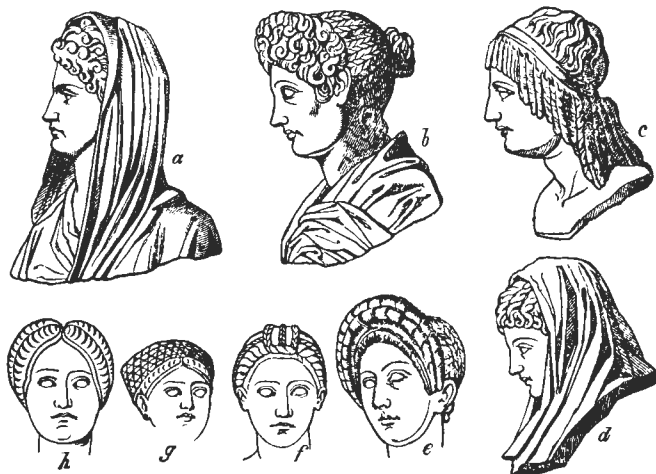
2. Римскія женщины въ своихъ нарядахъ и украшеніяхъ слѣдовали преимущественно греческимъ модамъ и образцамъ ². Всѣ туалетные секреты, извѣстные гречанкамъ послѣ-александровской эпохи, всѣ ихъ разнообразныя прически и даже любимые ими уборы и украшения—всѣ это переняли отъ нихъ Римлянки, и не только переняли, но еще и усовершенствовали, довели до крайней утонченности. Кромѣ мазей и благовоній, на которыя онѣ были гораздо расточительнѣе гречанокъ и которыя собирали со всѣхъ странъ тогдашняго свѣта, кромѣ румянъ и притираній, римлянки особенно тщательно разработали прическу и показали въ ней поистинѣ удивительную изобрѣтательность.

Прослѣдить всѣ формы причесокъ, бывшія въ модѣ съ первыхъ лѣтъ имперіи, нѣтъ никакой возможности. Уже Овидій, несмотря на то, что онъ съ особеннымъ интересомъ останавливается на убранствѣ волосъ и даже съ нѣкоторымъ увлеченіемъ разсуждаетъ о необходимости согласовать прическу съ окладомъ лица, уже онъ замѣчаетъ, что перечислить всѣ прически, которыя считаются модными въ Римѣ, такъ же невозможно, какъ невозможно пересчитать жолуди на вѣтвистомъ дубѣ, или пчелъ на Гиблѣ, или дикихъ

¹ A. Becker. *ibid* 137. Само собою разумѣется, что и Римляне употребляли пряжки и застѣжки для прикрѣпленія легкой верхней одежды (напр. лацернъ и др.), но эти застѣжки (которыя во множествѣ были найдены въ Германіи и срисованы, между прочимъ въ *Denkmäler von Costra vetera*, von Ph. Houven) большею частью всѣ бронзовыя и хотя нерѣдко очень богато отлѣаны, но форма ихъ совершенно отлична отъ формы этрусскихъ фибулъ. — ² A. Böttiger, *Sabina*; H. Krause, *Protina* 217 (съ оглавленіемъ 4-хъ книгъ Бритона о косметикахъ); A. Becker, *Gallus* III.

звѣрей на Альпахъ (Art. amat. III, 150.). Какъ это вообще бываетъ, такъ и въ этомъ случаѣ, новая мода распространялась обыкновенно сверху, — исходя отъ императрицъ.

Фиг. 414.

Выдѣляя однакожь изъ всѣхъ разнообразныхъ причесокъ, дошедшихъ до насъ на картинахъ и статуяхъ, основныя ихъ формы, мы увидимъ, что всѣ онѣ сводятся на три главныя операціи: расчесыванье волосъ на обѣ стороны, завиванье ихъ и заплетаніе. Самую простую (и несомнѣнно древнѣйшую) прическу представляютъ гладко расчесанные на обѣ стороны и завязанные на затылкѣ узломъ (*nodus*) волосы (ср. фиг. 385—387; 396. а).

Прически съ искусственно завитыми волосами были двухъ родовъ: прическа съ длинными локонами, расположенными вокругъ всей головы и обрамливавшими лицо (какъ на бюстѣ Береники: фиг. 414 с), и прическа съ мелкими пучками, перѣдко взбитыми въ тупей (фиг. 414 а, b); въ обѣихъ прическахъ завивали только одну часть волосъ, остальные же волосы или просто зачесывали назадъ, или же (какъ въ причeskѣ съ тупеемъ) заплетали въ косы, которыя укладывали по всей головѣ параллельно пробору и связывали назадъ узломъ (фиг. 414 b. d). Однѣ косы, безъ локоновъ и пучковъ, носили различнымъ образомъ: чаще всего, раздѣливъ ихъ по обѣимъ сторонамъ пробора, обвивали ими голову въ два или нѣсколько оборотовъ (фиг. 414. f, g, h), или пропускали ихъ одна въ другую петлями и т. д. Были прически очень высокія и массивныя, отличавшіяся перѣдко крайнимъ безвкусіемъ (фиг. 414. с), какъ въ этомъ можно убѣдиться по бюстамъ съ снижающимися волосами ¹.

Парики (*capillamentum*; *galericum*) перешли въ Италію безъ сомнѣнія изъ Азіи и служили сначала при переодѣваньяхъ, но въ послѣдствіи вошли въ моду у Римскихъ женщинъ, особенно со времени войнъ съ германскими пле-

¹ Mus. Pio Clem. VI, 57, въ Берлинск. музеѣ и др.

менами, блѣкурые волосы которыхъ до такой степени понравились Римлянамъ, что цвѣтъ этотъ сталъ моднымъ. Запросъ на блѣкурые волосы былъ такъ великъ, что косы германскихъ женщинъ и галльское мыло (которое Галлы употребляли для обезцвѣчиванья волосъ) сдѣлались въ Римѣ прибыльнымъ товаромъ ¹, и кромѣ того, найдены были средства красить волосы тѣкими веществами ². Разумѣется, всѣ эти причуды вызывали насмѣшки сатириковъ, какъ напр. видно изъ Марціала, когда онъ воспѣваетъ „прекрасные волосы“ Фабуллы: Фабулла клянется, что ея волосы принадлежать ей; безспорно она можетъ поклясться въ этомъ: она ихъ недавно купила“ (сат. VI, 12); или когда онъ обращается къ сѣдѣющей красавицѣ: „возьми шариковъ изъ *mattium* подкрасить свои старые волосы. Но что толку? Ты вѣдь плѣшива“ (сат. XIV. 27).

Изъ того же Марціала и изъ другихъ, даже болѣе древнихъ авторовъ—напр. Плавта и Теренція (192—159 до Р. X), узнаемъ мы, что римлянки прибѣгали къ разнымъ искусственнымъ средствамъ, чтобы придать стану и формамъ тѣла желаемую полноту или воздушность, смотря по тому что было въ модѣ, а увядающему лицу поддѣльную свѣжесть. Уже во время Теренція считалось неприличнымъ для молодой дѣвушки имѣть слишкомъ полныя груди, поэтому—говоритъ онъ—матери заставляютъ своихъ дочерей опускать плечи и сжимать грудь повязкою, чтобы казаться худощавѣе; если же природа все-таки беретъ свое, то еѣ укрощаютъ діетой (Eupuch. II, 21). Марціалъ тоже смѣется надъ господствовавшей въ его время модою, искусственно уменьшать груди особою для этой цѣли придуманною повязкою—*fascia pectoralis*: „сдерживай зрѣющія груди, повязка, не давай имъ расти! Пусть будетъ для красавицы мѣрою то, что можемъ мы охватить и прикрыть рукою“ (XIV. 134).—О поддержаніи юношеской свѣжести больше всего хлопотали конечно старѣющія кокетки. Кромѣ румянъ и различныхъ притираний для лица, онѣ употребляли тѣсто замѣшанное на ослиномъ молокѣ и родъ пудры изъ рисовой и бобовой муки. Первое средство, изобрѣтенное жещою Нерона, Поппеею, и по ея имени названное, должно было поддерживать свѣжесть лица, а послѣднее—сглаживать морщины на цемѣ. То и другое накладывалось на лицо толстымъ слоемъ, обыкновенно на ночь, и утромъ снималось какъ кора (*tectorium*). Съ особенною заботливостью холили себѣ руки, ногти, а также и зубы. Для сохраненія зубовъ жевали мастику и чистили ихъ порошкомъ изъ пензы; зубочистки употребляли золотые и изъ мастикового дерева. Искусственные зубы были тоже извѣстны и даже цѣлыя челюсти на золотой проволоцѣ. Марціалъ (XIV. 56) заставляетъ говорить зубной порошокъ: „зачѣмъ тебѣ нуженъ я? Я служу молодымъ, а купленныхъ зубовъ я не чищу.“—

Всѣ туалетныя принадлежности хранились въ туалетныхъ несессерахъ, которыя заключали въ себѣ: различной формы банки для румянъ (фиг. 415, b, c, e), помады и духовъ (*vasa unguentaria*); кисточки для накладыванья румянъ и бѣлили; ухвертки (*auriscalpium*: фиг. 415, d) металлическія и

¹ A. Büttiger, Sabina I, 121; 142. A. Becker Gallus III, 64. — ² H. Krause Plotina, стр. 208 и 211.

роговая; ножички и ножницы (*forfex, forficula*) для ногтей; булавки (фиг. 415, а); туалетныя зеркала изъ серебра, овальной формы и съ ручкою, какъ

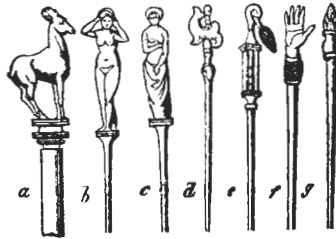
Фиг. 415.

этрускія; инструменты для уборки волосъ — щипцы для завивки (*salamistra*), гребни (*pectines*: фиг. 415, f, g) изъ слоновой кости и буксового дерева; шапочки изъ выдѣланнаго пузыря, похожія вѣроятно на наши купальныя шапочки; широкія и узкія ленты (*taenia, fascia, fasciola*) и длинныя булавки или шпильки (*crinales*), золотыя и серебряныя, головки которыхъ, какъ

видно по найденнымъ въ Помпеѣ образчикамъ, имѣли форму различныхъ фигуръ и были художественно исполнены (фиг. 416 а—g).

Фиг. 416.

Къ туалетнымъ же вещамъ можно отнести и такъ наз. *scalptoria*, инструменты для чесанія, такой же совершенно формы, какъ и нынѣшнія — рука на длинномъ черенкѣ. Въ одной изъ эпиграммъ Марціала (XIV, 83) прямо указывается употребленіе этого инструмента и его форма — „эту руку засунь себѣ за спину, если кусаетъ тебя блоха, а можетъ быть что и похуже блохи“.

Всѣ эти вспомогательныя средства женской красоты Римляне называли общимъ именемъ — *mundus muliebris*, и отличали ихъ отъ собственно украшеній — *ornamenta muliebria*¹. Эти послѣднія состояли изъ тѣхъ же предметовъ, какъ и этрускія, но отличались отъ послѣднихъ большею чистотою своихъ формъ, которую они получали несомнѣнно отъ греческихъ мастеровъ, и, благодаря торговымъ сношеніямъ Римлянъ съ Индіею, большею цѣнностію. Съ тѣхъ поръ какъ для Римлянъ открылись восточныя гавани, шегольство жемчугомъ и индійскими драгоценными камнями² дошло въ Римѣ до невѣроятной степени. Особенно высоко цѣнились всѣ безцвѣтные камни и выше всѣхъ алмазъ — этотъ драгоценнѣйшій изъ всѣхъ даровъ земли, какъ его на-

¹ A. Becker. Gallus III, 151. — ² Ср. критическое изслѣдованіе этихъ товаровъ у Лассена: *Indische Alterthumskunde* III, (1), 11; также Th. Kruse. *Indiens alte Geschichte*, Стр. 344—347. О римскихъ жемчужныхъ уборахъ см. особен. A. Böttiger *Sabina*, II, 117 и двѣе, и A. Becker. Gallus, III, 153.

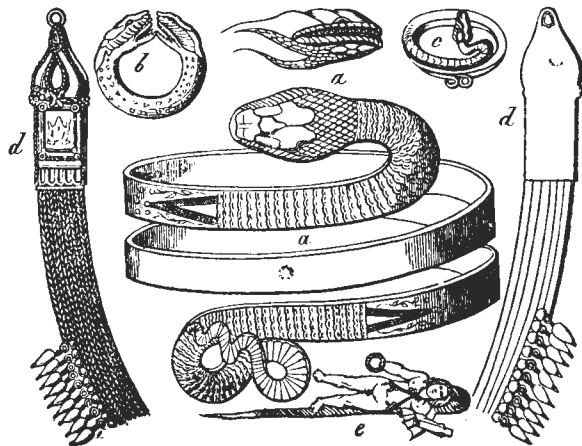
зывает Плиний. Изъ другихъ камней предпочитали блѣднорозовый сардониксъ, ониксъ, аметистъ, гіацинтъ, топазъ, хризолитъ, бериллъ, сапфиръ, смарагдъ и въ особенности опалъ, который почти не имѣлъ себѣ цѣны, если былъ чистой воды: опаловый перстень сенатора Нонія оцѣнивали въ 1 милл. сестерцій (около 50,000 р. с.). „Достоинства жемчуга¹ составляли: его бѣлизна, величина, гладкость, круглота и вѣсъ,—все качества, которыя распознать довольно трудно, такъ что едва ли можно найти двѣ жемчужины, которыя на взглядъ были бы не похожи одна на другую. По причинѣ этого сходства жемчужинъ между собою, Римляне называли жемчугъ *unio*—единство, между тѣмъ какъ Греки удержали его индійское названіе *managa*, измѣненное варварами въ *magarita*. Лучшимъ почитался жемчугъ, походившій цвѣтомъ на квасцы. Продолговатая, съ одного конца заостренная, а съ другого круглая жемчужина назывались *elenchi*—серьги; по формѣ ихъ сравнивали съ маленькими алебастровыми сосудцами. Звукъ производимый подвѣсками изъ такихъ жемчужинъ заставилъ назвать ихъ *scotalia*. Лолла, дочь М. Лоллія и супруга императора Клавдія, появлялась, не на большихъ торжествахъ, а на свадьбахъ простыхъ гражданъ, вся покрытая жемчугомъ и смарагдами, сверкавшими у нея на головѣ, въ ушахъ, на шеѣ и на рукахъ. Всѣ эти драгоценности стоили—какъ это доказала счетами сама Лолла—40 милліоновъ сестерцій (окол. 2,000,000 р. с.).“ Знаменитая жемчужина, которую проглотила Клеопатра, распустивъ её въ укусѣ, была оцѣнена въ 10 милл. сестерцій (500000 р. с.); жемчужина изъ серьги Метеллы, такимъ же образомъ проглоченная Клодіемъ, стоила 1 милл. сестерцій; не менѣе 6000000 сестерцій заплатилъ и Юлій Цезарь за жемчужину, которую онъ подарилъ матери Брута (Sveton. Caes. с. 50). Даже и плебеи любили похвастаться жемчугомъ, утверждая, что въ публичныхъ мѣстахъ онъ служить женамъ ихъ такимъ же почетнымъ отличіемъ, какимъ служатъ консуламъ и другимъ важнымъ особамъ ликторы. Это глупое пристрастіе къ жемчугу мѣтко осмѣяно Марціаломъ въ посланіи къ Папіріану (VIII, 81), гдѣ онъ говоритъ: „Не священнымъ служеніемъ Диндимены, не быкомъ нильской юницы, не богами и не богинями клянется Геллія, мой другъ: она клянется своими жемчугами; ихъ, глупая, ласкаетъ и цѣлуетъ она, ихъ зоветъ своими братьями и сестрами, ихъ любитъ больше своихъ дѣтей. Ей кажется, что лишишь она ихъ, то не прожить ей, бѣдной, и часу. О Папіріанъ, какъ бы спасительны были здѣсь проворные пальцы Аннея Серена!“

Къ *ornamenta muliebria* принадлежали: шейныя цѣпочки и ожерелья различной формы (*catellae*, *catena*, *torques*, *monilia*), стоявшія иногда до милліона сестерцій и больше (фиг. 417, d. d); кольца, браслеты² (*armilla*, *brachiolia*, *spinther*), которымъ обыкновенно давали греческую форму свернувшейся змѣи (фиг. 417, a, b, c); головные обручи или діадемы, тоже преимущественно греческой формы (ср. фиг. 264, d. e. f); пряжки и застежки, иногда въ видѣ цѣлыхъ фигурокъ (фиг. 417,

¹ Lassen, тамъ же, стр. 19 и слѣд.—² Въ Помпѣхъ были найдены браслеты изъ слоновой кости.

е); наконецъ, опахала изъ павлиныхъ перьевъ (стоявшія очень дорого), или изъ тонкихъ цвѣтныхъ дощечекъ (*tabellae*), и зонтики (*umbellae*), вмѣстѣ съ разными туалетными бездѣлками, напр. янтарными и хрустальными шарами, которые носили въ рукахъ для освѣщенія ихъ ¹.

Фиг. 417.

Обрядовое (символическое) значеніе одежды.

Весьма вѣроятно, что одежда, въ смыслѣ внѣшняго признака извѣстныхъ общественныхъ положеній, получила значеніе у Этрусковъ несравненно ранѣе чѣмъ у Римлянъ. ² Во всякомъ случаѣ у нихъ существовало уже въ очень древнее время строгое разграниченіе между благородными (*люситопен*), свободными и полусвободными (кліентами) ³ и несвободными, рабами, и это разграниченіе, по всей вѣроятности, отражалось и на различіи одежды всѣхъ этихъ классовъ. Что это могло быть такъ, можно заключить по рассказамъ римскихъ писателей объ этрускомъ происхожденіи принятыхъ у Римлянъ отличій для извѣстныхъ общественныхъ должностей, хотя историческая основательность этихъ рассказовъ, особенно относительно ближайшихъ подробностей, и весьма сомнительна.

Гораздо опредѣленнѣе представляется развитіе внѣшняго значенія одежды у латинскихъ народовъ и преимущественно у Римлянъ, у которыхъ оно было тоже результатомъ сословнаго дѣленія, но дѣленія выросшаго, наравнѣ съ ихъ государственнымъ устройствомъ, на юридической почвѣ ⁴. Поэтому и всѣ внѣшнія отличія въ одеждѣ имѣли у Римлянъ не столько символическій, сколько officialный смыслъ, и весьма вѣроятно, что этотъ

¹ A. Böttiger, *Sabina*. II, 208 (прим. 2 къ стр. 185). — ² Для всего нижеслѣдующаго преимущественно A. Becker, *Handbuch der röm. Alterthümer* II (1), 26 и слѣд.; L. Lange, *Röm. Alterth.* I, 79 и относящіеся сюда отдѣлы *Römische Geschichte*, Момсена. — ³ «Кліентство было стародавнимъ учрежденіемъ не у однихъ только Римлянъ, но вообще у всѣхъ италійскихъ племенъ и особенно было развито у Сабинянъ и Этрусковъ». A. Becker, *ibid.* стр. 125. — ⁴ Ср. L. Lange, *Röm. Alterthümer*. I, 79.

смысл придавался имъ не только въ государственномъ и религіозномъ, но и въ частномъ гражданскомъ быту.

I. Можно предположить, хотя и не доказать, что уже самое первоначальное дѣленіе римскаго населенія на три древнѣйшія трибы—Рамновъ, Тиціевъ и (можетъ быть этрусскихъ) Луперовъ,—отъ которыхъ произошелъ собственно народъ римскій—*populus romanus quiritium*, что и это дѣленіе обозначалось внѣшними какими нибудь отличіями, которыя могли выработаться еще раньше въ семействахъ и родахъ,¹ изъ которыхъ сложились трибы, и удержаться въ этихъ послѣднихъ. Еще и въ позднѣйшее время нѣкоторые изъ самодревнѣйшихъ родовъ соблюдали въ одеждѣ извѣстные обычаи, очевидно унаслѣдованные ими изстари. Такъ напр. разсказывается, что женщины изъ рода Аттиліевъ Серраніевъ не носили полотняныхъ одеждъ, а Квинктіа—золотыхъ украшеній, что Манліи Торкваты отличались золотою цѣпью, а Цинцинаты длинными волосами.²

И такъ, если вѣроятно, что родовые союзы полноправныхъ гражданъ—трибы съ ихъ *curiae* и *gentes*³—различались между собою извѣстными внѣшними признаками; то еще вѣроятнѣе, что всѣ они внѣшнѣ отличали себя такимъ же образомъ отъ негражданъ, къ которымъ принадлежали не одни только рабы (*servi*) и чужестранцы, пользовавшіеся частными правами (*peregrini*),⁴ но и кліенты, которые хотя были тоже свободные люди, но состояли въ зависимости отъ родовитыхъ гражданъ и были неполноправны.⁵ Однимъ изъ такихъ отличій была бѣлая тога, носить которую имѣли право одни только полноправные граждане, всѣмъ же остальнымъ, въ томъ числѣ и кліентамъ, ношеніе ея было строго запрещено. Точно также одни полноправные граждане не только имѣли право, но и были обязаны носить оружіе⁶. Въ замѣнъ этого такъ же строго порицалъ законъ римскаго гражданина, если этотъ послѣдній замѣнялъ свою національную одежду иностранною, хотя бы это случилось и за стѣнами Рима⁷. Такимъ образомъ равно-

¹ Различіе семейства и рода, или агнатовъ (*agnati*) и гентилевъ (*gentili*) состояло въ томъ, что семейство обнимало только тѣ лица, которыя могли доказать свое происхожденіе отъ общаго родоначальника черезъ всѣ восходящія поколѣнія по мужской линіи; къ роду, напротивъ того, принадлежали и тѣ лица, которыя могли доказать только свое происхожденіе отъ общаго предка, но не указать степени своего родства съ нимъ. Т. Момсенъ. *Röm. Gesch.* I, 58. — ² A. Becker, *Handb. der röm. Alterth.* II, 49. — ³ Каждая триба раздѣлялась на 10 курій, и каждая курія опять на десять частей — декурій, состоявшихъ подъ вѣдѣніемъ декуріоновъ; можетъ быть декурія была однозначуща съ родомъ (*gens*), такъ что каждая триба заключала въ себѣ 100 родовъ: A. Becker, II, 31; или по Момсену (I, 65): 10 домовъ составляли родъ (*gens*), или 100 домовъ — опекуство (*curia*), а 10 курій или 1000 домовъ — общину. — ⁴ «Полноправнымъ гражданамъ—*cives*, противопоставлялись *peregrini* или, по старинному, *hostes* въ хорошемъ значеніи слова. Поэтому *peregrinus* былъ всякій, кто не былъ римскимъ гражданиномъ; но въ послѣдствіи подъ этимъ названіемъ стали разумѣть преимущественно покоренныя Римомъ или находившіяся у него въ зависимости населенія, и по степени этой зависимости различали *peregrini dedecitii*, *socii liberi* и *foederati*. Но уже рано образовалась между полнымъ гражданствомъ и негражданствомъ переходная ступень, родъ неполноправнаго гражданства—*latinitas*, когда къ существовавшему уже *connubium* прибавилось еще *commercium*» A. Becker II, 99. — ⁵ Онъ же II, 125: «Это были, можетъ быть, первобытные жители Италіи, покоренные завоевателями, но сохранившіе нѣкоторую самостоятельность, получивъ извѣстный надѣлъ изъ завоеванной у нихъ же земли». — ⁶ Mommson, *Röm. Gesch.* I, 69 и слѣд. — ⁷ A. Becker, *Hdbuch der röm. Alterth.* II, 99 и слѣд.

правность римских граждан находила себѣ наглядное выраженіе и въ одинаковости ихъ одежды.

Что касается собственно рабовъ (*servi*), ¹ то одежда ихъ могла конечно зависѣть отъ произвола ихъ господъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, когда особенно любили щеголять богато-одѣтою прислугою; но тѣмъ не менѣе есть основаніе предполагать, что въ древности для нихъ была установлена закономъ особая одежда, не утратившая своего значенія и въ послѣдствіи. ² Уже изъ того, что отпущенный на волю рабъ, слѣвавшись римскимъ гражданиномъ, надѣвалъ тогу и остроконечную шляпу (*pileus*), или вмѣсто шляпы бѣлую повязку, и подстригалъ себѣ волосы и бороду, ³ слѣдуетъ несомнѣнно, что рабы отличались отъ свободныхъ гражданъ длинными волосами и бородою; а что они отличались отъ нихъ и одеждою, это подтверждается тѣмъ что римскіе писатели упоминаютъ объ одеждѣ рабовъ, какъ отличной отъ другихъ одеждъ. ⁴ По неизмѣннѣ даннымъ, можно только предлагать, что одежда эта состояла (какъ и греч. рабовъ) главнымъ образомъ изъ грубой туники темнаго цвѣта и сандалій, и только въ позднѣйшее время была дополнена накидкою или плащемъ изъ плотной матеріи.— Рабынямъ было запрещено носить столу ⁵.

Подлѣ названныхъ трехъ первоначальныхъ общинъ римскаго народа выросла въ послѣдствіи еще одна община, сложившаяся либо изъ полусвободныхъ туземцевъ, скоро превзошедшихъ своею численностью древнія гражданскія семейства, или изъ переселенныхъ въ Римъ царями жителей завоеванныхъ городовъ. Эта община (*plebs; plebes*) образовала сословіе полугражданъ, хотя свободныхъ и независимыхъ, но съ очень ограниченными политическими правами. Усиленіе этого сословія съ одной стороны, умноженіе вольноотпущенныхъ ⁶ и новыхъ гражданъ—изъ плебеевъ, которымъ давали право гражданства, ⁷—съ другой, показали, вѣроятно, опасными стариннымъ патриційскимъ родамъ и заставили ихъ употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы прирожденное имъ право занимать всѣ высшія должности и образовывать изъ своей среды совѣтъ старѣйшихъ (*сенатъ*) оставалось и впредь только за ними. Черезъ это они не только достигали возможности управлять

¹ «Рабъ считался, правда, человекомъ, но безъ всякихъ личныхъ правъ: вообще онъ былъ неспособенъ: Тамъ же, стр. 53.—² Если Бекеръ (*Gallus II, 121; 111, 135*) напротивъ того полагаетъ, что «одежда рабовъ ничѣмъ не отличалась отъ одежды свободныхъ простаго званія»; то при рѣшительной наклонности Римлянъ различать сословія и по внѣшности, это можетъ быть справедливо только для позднѣйшаго времени, а не для той эпохи, о которой идетъ рѣчь.—³ Becker, *Hdbuch der röm. Alterth. II, 81*.—⁴ Tacit. *hist. IV, 36; Tacit Ann. XIII, 25, Cicero in Pis. 38*—эти мѣста, выбранныя Бекеромъ въ пользу его мнѣнія, говорятъ, кажется, противъ него. Ибо, если у Тацита, *Ann. XIII, 25*, сказано, что Неронъ шатаясь по городу одѣтый въ одежду раба (*veste servili*) для того чтобы не быть узнаваемъ (*in dissimulationem*), то эту одежду слѣдуетъ конечно понимать только какъ имѣвшую опредѣленную и внѣшнѣ отличительную форму (несмотря на *Senequ de Clem. I, 24*).—⁵ A. Becker. *Gallus III, 45*.—⁶ О правахъ отпущенниковъ и различныхъ степеняхъ *libertas* см.: A. Becker, *Hbuch. II, 50* и слѣд.—⁷ Дарованіе политическихъ правъ свободнорожденнымъ восходитъ къ первымъ временамъ царей, хотя молодая и постепенно крѣпшая республика примѣняла тотъ же самый принципъ несравненно шире. Онъ помогъ положить основаніе величію Рима и историкъ справедливо видитъ въ немъ главную причину быстрого возрастанія государства и усиленія его могущества». Тамъ же, стр. 91.

неравноправною имъ массою по своей волѣ, но и ограждали неприкосновенность своей породы и, какъ вѣроятно, полагали вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе родовитому дворянству.¹

Примиришь эту рознь и въ особенности поднять классъ плебеевъ дарованіемъ ему политическихъ правъ—такова была цѣль Сервія Туллія. Но хотя ему и удалось осуществить её въ извѣстной мѣрѣ, прошло еще много времени до тѣхъ поръ, пока плебеи сдѣлались вполнѣ равноправными патриціямъ. „Пока патриціи пользовались исключительнымъ правомъ занимать должности въ высшей магистратурѣ и, какъ привилегированный классъ, составляли рѣзкую противоположность съ плебеями, они были настоящимъ римскимъ дворянствомъ. Понятно, что въ средѣ этого дворянства должны были образоваться различныя степени по знатности происхожденія, заслугамъ, имуществу; что роды, въ которыхъ высшія должности были почти наследственными, считали себя и почитались другими главнѣйшими въ государствѣ (*principes*); но всѣ дворяне вмѣстѣ, какъ классъ, сознавали себя равными по происхожденію и коренными дворянами“. Но пріобрѣтеніе политическихъ правъ плебеями измѣнило положеніе патриціевъ: „они утратили свое значеніе и, не имѣя болѣе никакихъ существенныхъ интересовъ, которые имъ нужно было бы отстаивать противъ плебеевъ, перестали существовать какъ политическая партія. Но если плебеи надѣялись добиться того, чтобы и впредь не было никакихъ привилегированныхъ классовъ, то имъ пришлось скоро разочароваться въ своихъ надеждахъ. Почетъ, которымъ пользовались высшіе сановники, не отнимался конечно отъ нихъ и по оставленіи ими должностей: кто разъ былъ облеченъ высокимъ саномъ, тотъ навсегда становился выше толпы и уваженіе ея къ нему лично очень естественно распространялось и на его потомковъ: онъ облагораживалъ свой родъ. Такимъ образомъ, на мѣсто, или скорѣе, подлѣ падающаго родового дворянства возникло само собою дворянство должностное; хотя и не признаваемое государствомъ, оно передавалось по наследству изъ поколѣнія въ поколѣніе и образовало мало по малу своего рода наследственное или родовое дворянство, которое такъ же исключительно, какъ прежде патриціи, считало высшія должности своимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Это была *nobilitas* въ собственномъ смыслѣ; всѣ же неприннадлежавшіе къ ней были *ignobiles*“.²

Это новое дворянство постаралось встать въ такую же противоположность къ неприннадлежавшимъ къ нему, какъ и старое родовое, и бромъ того, въ отличіяхъ присвоенныхъ разнымъ государственнымъ должностямъ, которыя оно теперь исключительно занимало, нашло удобное средство отличать себя отъ нихъ и по виѣшности. Отличія эти, — возникшія вѣроятно еще въ средѣ стараго патриціата первоначально для однихъ сенаторовъ, но впоследствии ставшія наследственными въ патриційскихъ родахъ, — заключались не только въ извѣстныхъ обычаяхъ, санкціонированныхъ государствомъ, но и въ нѣкоторыхъ особенностяхъ костюма. Однимъ изъ такихъ обычаевъ было такъ называемое *jus imaginum*—³ право (вѣроятно очень древнее) ставить въ сво-

¹ Тамъ же, стр. 139. — ² A. Becker, Hdbuch. II, 218; ср. Th. Mommsen (2) I, 761 и слѣд.—³ A. Becker, ibid. 220 sqq.

емъ доиѣ восковыя маски умершихъ предковъ и выносить ихъ публично при погребеніи членовъ семьи. Къ обычаямъ, касавшимся собственно костюма, принадлежало право носить тунику съ пурпурной полосой, которая шла отъ воротъ до подола (*latus clavus*)¹, золотое кольцо вмѣсто обычнаго желѣзнаго, и золотой амулетъ (*bulla*) вмѣсто кожанаго (*logum*) (фиг. 405 а. б. с).² Съ уравниемъ правъ плебеевъ, всѣ эти отличія распространились и на новое, вышедшее изъ плебейской среды дворянство (*nobilitas*), кромѣ однакожъ права ставить маски предковъ, права, которое патриціи отстояли за собой, и которымъ они стали дорожить тѣмъ болѣе, что видѣли въ немъ единственное средство наглядно высказывать свое родовое превосходство надъ безродными своими соперниками. Они нашли даже недостаточнымъ выносить въ погребальныхъ процессіяхъ однѣ маски своихъ предковъ, какъ это водилось прежде, но заставляли нанятыхъ актеровъ представлять въ лицахъ самихъ предковъ, со всѣми отличіями того званія, которое тѣ носили при жизни.

Образовавшееся изъ прежней патриційской конницы, допущеніемъ въ неѣ богатыхъ плебеевъ, сословіе всадниковъ (*ordo equester*)³ имѣло подобно высшей магистратурѣ свои знаки отличія. Они состояли въ серебряной сбруѣ, которая была присвоена исключительно однимъ всадникамъ, и золотомъ перстнѣ, который однакожъ сдѣлался принадлежностью званія всадника только позднѣе, въ старину же не каждый всадникъ имѣлъ на него право.⁴ Официальную, какъ бы форменную одежду каждого принадлежавшаго къ *ordo equester* составляла отороченная пурпуромъ трабея (*trabea*)—⁵ по всей вѣроятности похожая на хламиду накидка, застегивавшаяся на правомъ плечѣ, и туника съ продольной пурпурной полосой на передней ея части, подобная сенаторской, но отличавшаяся отъ нея тѣмъ, что пурпурная полоса была на

¹ Въ такую тунику одѣта женская фигура на одной изъ помпейскихъ картинъ: *Real Mus. Borb. Vol. IX. tav. XXXVIII*. См. также А. Becker, *Gallus III*, 117—119 и *Handbuch*, II, 277.—² Th. Mommsen *Röm. Gesch.* (2) I, 761 и слѣд., гдѣ въ примѣч., вмѣстѣ съ указаніемъ источниковъ, говорится: Всѣ эти отличія были присвоены первоначально, вѣроятно, только потомкамъ въ мужскомъ колѣнѣ высшихъ сановниковъ. Положительно доказать это можно о золотомъ кольцѣ, которое въ питомѣ столѣтіи носили одни благородные (*nobilitas*), въ шестомъ уже каждый сенаторъ и сынъ сенатора, въ седьмомъ—всѣ всадники, а при императорахъ, каждый свободнорожденный; потомъ, объ украшенной серебромъ конской сбруѣ, на которую еще во время войны съ Аннибаломъ имѣла право одна *nobilitas*, о тогѣ съ пурпурной оторочкой, которую сначала могли носить одни только сыновья высшихъ сановниковъ, потомъ и сыновья всадниковъ, позднѣе—сыновья всѣхъ свободнорожденныхъ гражданъ, а еще позднѣе—и сыновья вольноотпущенныхъ. Туника же съ пурпурной полосой (*tunica laticlavata*) во время пуническихъ войнъ была присвоена однимъ только дѣтямъ сенаторовъ, при Цицеронѣ еѣ носили уже и дѣти всадниковъ. Кажется впрочемъ, что это случайный пробѣлъ въ преданіи и что, какъ полоса на туникѣ (*clavus*), такъ и золотой амулетъ (*bulla*), могли носить сначала одни только настоящіе благородные.—³ Къ этому сословію принадлежали всѣ граждане, которые, владѣя имуществомъ по меньшей мѣрѣ въ 400000 сестерцій, были обязаны конною службою, слѣдовательно вся римская знать.—⁴ См. изслѣдованіе Беккера, *Handbuch* II (1), 273.—⁵ Несмотря на всѣ повидимому основательныя сомнѣнія относительно покрова этого древнеримскаго одѣянія, надобно будетъ признать, что оно походило на длинную хламиду или—что въ сущности одно и то же—на римскую военную эпанчу—*saugum* и *paludamentum* и, подобно послѣдней, застегивалось на плечѣ пряжкой. См. *De Clavac. Descript. des antiques du Musée royal. Paris*, 1820; рисунки въ *Real mus. Borbon. vol. V. tav. IV, V, XXXII*; *vol. VII. tav. XIX* и др., также О. Muller, *Die Etrusker* I, 268 и А. Becker, *Handbuch*. II (1), 260.

ней уже, почему она и называлась *angusticlavia*, въ противоположность сенаторской—*laticlavia* ¹. (Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что эти туники носили обыкновенно неподпоясанными, чтобы не смять полосы; одинъ только Цезарь подпоясывалъ свою тунику).

Пока внѣшнія отличія высшихъ классовъ не шли далѣе особенностей одежды, остальная масса гражданъ смотрѣла на нихъ равнодушно; но когда къ нимъ присоединились такого рода преимущества, которые—какъ напр. отведеніе особыхъ мѣстъ для сенаторовъ и всадниковъ въ театрахъ (194 г. до Р. Х.) и циркахъ ²—провели осязательную грань между управляющими и управляемыми, оскорбленное чувство гражданской равноправности должно было вызвать въ послѣднихъ неудержимое стремленіе уничтожить эти обидныя отличія, добившись ихъ и для себя. ³ Сначала революція, потомъ гражданская война усилили это стремленіе до высшей степени. Во всѣхъ слояхъ народа началась погоня за отличіями и титулами, и какъ необходимое ея слѣдствіе, явилось сознаніе пустоты тѣхъ и другихъ—причина безграничной расточительности.

Всѣ усилія отдѣльныхъ лицъ, убѣдить Римлянъ вернуться къ простотѣ нравовъ и старымъ обычаямъ, остались безуспѣшны. Даже и Катону, самому ревностному защитнику старины, не удалось удержать въ силѣ извѣстный *lex Oppia* (законъ ограничивавшій роскошь римскихъ женщинъ). Страсть къ щегольству охватила всѣ сословія.

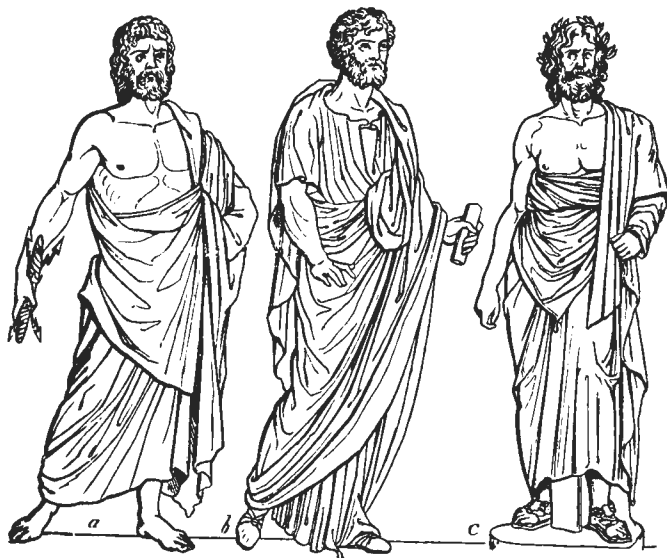
При императорахъ были не разъ дѣлаемы попытки остановить, или по крайней мѣрѣ ограничить закономъ безразличное ношеніе извѣстныхъ формъ одежды всѣми классами; но всѣ подобные законы исполнялись только временно и то не всѣми. Аппіанъ (*App. bell. civ. II, 120. Lamprid. Alex. 27*) говоритъ, что въ его время (во 2 вѣкѣ по Р. Х.) „кромя членовъ сената, всѣ, и свободные, и рабы, одѣвались одинаково“, что и заставило имп. Севера издать уставъ объ одеждѣ.

Впрочемъ и сами императоры, въ особенности Августъ (и еще до него Цезарь), не мало способствовали къ уничтоженію тѣхъ сословныхъ различій, какія еще уцѣлѣли послѣ всѣхъ переворотовъ. Пополняя плебейскими родами сословіе патриціевъ, изъ боязни чтобы оно не вымерло, они подрѣзали въ корнѣ всё его значеніе и обратили всѣ его привилегіи, въ томъ числѣ и *jus imaginum*, въ пустую формальность. Затѣмъ нанесенъ былъ Августомъ не менѣе рѣшительный ударъ и достоинству *ordo equester*. Желая поднять сословіе всадниковъ, Августъ отдѣлилъ въ немъ людей отличавшихся происхожденіемъ или платившихъ сенаторскій цензъ, и создалъ изъ нихъ особый,

¹ A. Becker, Gallus. III, 119.—² Th. Mommsen, Röm. Geschichte (2) I, 766; II, 108.—³ [Примѣру знатныхъ послѣдовали и незнатные. Если первые не сочли мелочнымъ установить для каждаго класса особый порядокъ погребенія и объявить занимавшихъ должность цензора достойными пурпурнаго савана, то нельзя было пенять и на вольноотпущенныхъ за то что они добивались пурпурной полосы, если не для себя, то по крайней мѣрѣ для своихъ сыновей. Туника, кольцо и ладонка не только отличали гражданина или гражданина отъ чужеземца и раба, но и свободнорожденного отъ бывшаго крѣпостнаго, всадника и сенаторскаго сына отъ простаго гражданина, потомка патриціевъ отъ простаго сенатора: Th. Mommsen Röm. Gesch. I, 791 и слѣд.]

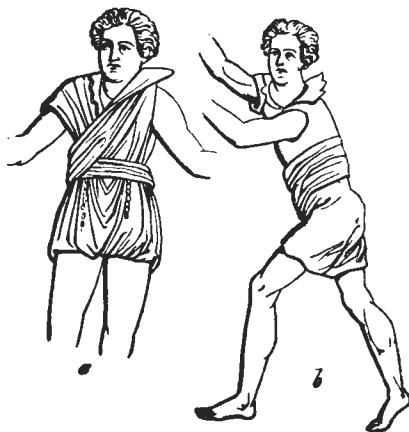
высшій классъ всадниковъ, *equites illustres*, которымъ присвоилъ сенаторскія отличія и черезъ это унизилъ не только *ordo equester*, но и самый сенатъ. Такъ какъ всякій имѣвшій на 400000 сест. состоянія—а такихъ было не мало во всѣхъ слояхъ общества—могъ быть принятымъ въ *ordo equester*, а съ этимъ вмѣстѣ пріобрѣталъ право носить золотое кольцо, то это послѣднее вскорѣ сдѣлалось простымъ украшеніемъ людей всѣхъ сословій, и не только свободнорожденныхъ, но и зажиточныхъ отпущенниковъ и даже рабовъ, объявленныхъ свободными по закону.

Фиг. 418.

Въ это же позднѣйшее время становится всё болѣе замѣтнымъ вліяніе на одежду личнаго вкуса и вноситъ въ нее значительное разнообразіе. Старинная узкая шерстяная тога уступаетъ мѣсто тогамъ изъ самыхъ разнообраз-

Фиг. 419.

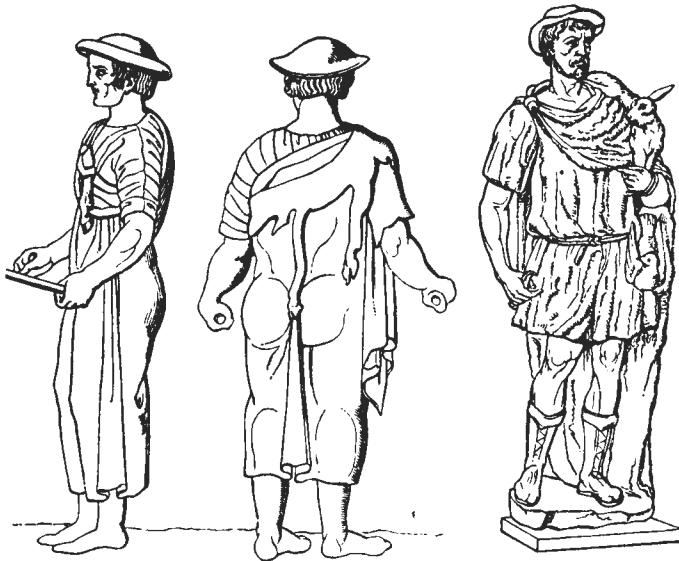

ныхъ матерій и притомъ такой ширины, которая позволяла носившему драпироваться красивыми складками (фиг. 418, а—с), такъ что теперь по одному расположенію складокъ на тогѣ можно было отличить публичнаго оратора (фиг. 418 b) отъ переселившагося въ Римъ грека-врача, и вообще чело-вѣка образованнаго и свѣтскаго отъ простолюдина.¹

Рабочій классъ рѣдко носилъ тогу. Обыкновенною одеждою его была короткая туника, или простая рабочая рубашка (фиг. 419. а. b), а иногда только одинъ передникъ, къ которому въ случаѣ надобности надѣвали пенулу съ капишономъ. Жившіе на болотистыхъ маркахъ крестьяне-земледѣльцы, а можетъ быть даже и свободные Римляне, занимавшіеся тамъ земледѣліемъ, носили платье изъ овчинъ и шкуръ, какъ это показываютъ этрусская бронзовая фигура (фиг. 420) и римская мраморная статуя (фиг. 421).

Фиг. 420.

Фиг. 421.

Наконецъ, въ Римѣ не было недостатка ни въ неопрятныхъ личностяхъ, которыя, корча изъ себя глубокомысленныхъ философовъ, пренебрегали наружностью, ходили въ грязномъ платьѣ и съ нечесаной бородою, ни въ щеголяхъ,² румянившихся и бѣлившихся какъ женщины, ни въ публичныхъ женщинахъ.³ Эти послѣднія—*meretrices* и *libertinae*—состояли подъ особымъ надзоромъ, который долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы костюмъ ихъ замѣтнымъ образомъ отличался отъ костюма честныхъ женщинъ. Въ

¹ A. Böttiger, *Amalthea* III, 449; его же: *Sabina* II, 140. A. Becker, *Gallus* II, 100; III, 116.—² A. Böttiger, *Sabina* II, 36; A. Becker, *Gallus* I, 37; II, 106; C. Meiners, *Geschichte des Verfalls der Sitten, der Wissenschaften etc. der Römer*. Wien u. Leipzig 1791.—³ Число продажныхъ женщинъ и мальчиковъ при Александрѣ Северѣ было такъ велико (несмотря на то, что, по словамъ Лампрідія, онъ выславъ безчисленное множество ихъ изъ Италіи), что на подушныя, которыя они платили, онъ могъ обн-овить всѣ зданія, назначенныя для общественныхъ увеселеній. C. Meiners. *op. cit.* 105.—

чертъ Рима, покрайней мѣрѣ въ старое время, онѣ не смѣли носить ни паллы, ни столы, ни головной повязки (*vittae*) матроны; а должны были появляться на улицѣ одѣтыми въ короткія туники безъ оборки (*instita*); *meretrices* обязаны были даже надѣвать темную тогу. ¹ За эти ограниченія, которыя впрочемъ едва ли когда строго наблюдались, *meretrices* и *libertinae* вознаграждали себя разноцвѣтными платьями, золотыми украшеніями и въ особенности — красивою обувью. — Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что на цвѣтъ одежды знатныхъ Римлянъ имѣли нѣкоторое вліяніе и цвѣта партій цирка. *

II. Между тѣмъ какъ, вслѣдствіе упадка національнаго духа, общественная жизнь Римлянъ со всѣми ея формами мельчала и искажалась, въ тѣсномъ кружкѣ ихъ семейной жизни еще строго соблюдались завѣщанныя стариною формы. Выработавшись подъ непосредственнымъ вліяніемъ религіи и тѣсно связанныя съ національнымъ культомъ, эти формы получили определенное суевѣрное значеніе и уже потому самому не поддавались никакому измѣненію. Всѣ ли семейные обычаи Римлянъ сложились у нихъ самостоятельно, или отчасти перешли къ нимъ отъ Этрусковъ — рѣшить нельзя. ² Достоверно только одно, что какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, въ основу семейной жизни легли (въ противоположность греческой семейной жизни, особенно іонической) съ одной стороны уваженіе къ женщинѣ вообще, съ другой — признаніе высокаго достоинства матери. ³

Въ силу такого взгляда италійскихъ племенъ и въ особенности Римлянъ на женщину, ⁴ она могла у нихъ безпрепятственно показываться въ обществѣ, въ семейномъ же кругу, какъ мать семейства — *mater familias*, она признавалась госпожею — *domina*, которой было ввѣрено все управленіе домомъ; какъ жена, она пользовалась защитою закона отъ произвола мужа ⁵, несмотря на всю власть, предоставленную ему, какъ главѣ семейства, надъ членами семьи; она была въ тоже время дѣятельною заступницею у отца за дѣтей, въ особенности за незамужнихъ дочерей, которыми въ римской семьѣ отецъ могъ распоряжаться совершенно произвольно наравнѣ съ рабами и домашнею утварью: отъ его воли зависѣло воспитать новорожденную дочь, или подкинуть, или даже умертвить её, если въ ней оказывалась какая нибудь уродливость; — во всѣхъ этихъ случаяхъ достоинство женщины и

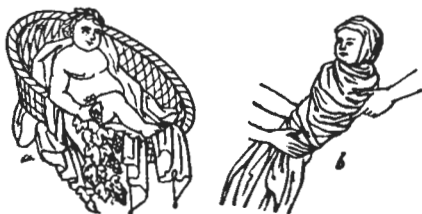
¹ A. Becker Gallus, III, 45. — * Когда начали давать игры въ колоссальныхъ размѣрахъ, содержатели возницъ стали соединяться въ компаніи или общества; такихъ обществъ, по числу разноцвѣтныхъ ливрей на возницахъ, было обыкновенно четыре и они назывались *factiones* или партіями цирка. А послѣ того какъ значительнѣйшіе граждане стали лично принимать участіе въ играхъ и болѣе богатые римляне стали держать на свой счетъ авригъ и колесницы, чтобы пускать ихъ на состязаніе въ циркѣ, въ знатномъ обществѣ обратилось въ моду брать сторону того или другого цвѣта и посѣщать манежи (*stabula*) той или другой партіи; даже сами императоры открыто принимали сторону одного изъ главныхъ цвѣтовъ, голубого или зеленого. Люди хорошаго тона непременно должны были записываться членами въ той или другой партіи» (изъ статьи А. Данца: «День въ римскомъ циркѣ» перев. А. Н. Георгиевскаго) Пр. Пер. — ² Ср. O. Müller, *Die Etrusker* I, 400. — ³ Тамъ же и Н. Krause, *Geschichte der Erziehung, des Unterrichts und der Bildung bei den Griechen, Etruskern und Römern*. стр. 148 и слд. 215 и слд. — ⁴ О положеніи римскихъ женщинъ см. A. Böttiger, *Kl. Schriften* I, 307 — 311; A. Becker, Gallus, II, 4. — ⁵ О правахъ женщ. L. Lange, *Röm. Alterthümer* I, 83; Th. Mommsen *Röm. Gesch.* I, 53—55.

уваженіе материнскаго чувства являлось могущественнымъ противодѣйстви-
емъ произволу отца.

Такъ какъ воспитаніе дѣтей, какъ мальчиковъ такъ и дѣвочекъ, было у Римлянъ совершенно свободно отъ всякаго вмѣшательства государства и находилось преимущественно въ рукахъ матерей, то вѣроятно онѣ и были хранительницами всѣхъ тѣхъ семейнорелигіозныхъ обрядовъ, которыми съ древнѣйшихъ временъ освящались всѣ важнѣйшія событія семейной жизни—рожденіе, совершеннолѣтіе, свадьба и смерть.

а. Къ такимъ обрядамъ принадлежало и нареченіе имени новорожденному (*lustratio*). Обмывъ новорожденное дитя, его пеленали и клали въ колыбель (фиг. 423, а. б). На девятый день, если дитя было мальчикъ, на 8-й если дѣвочка, ему давали имя. Обрядъ этотъ совершался передъ домашнимъ алтаремъ въ присутствіи домашнихъ и близкихъ, при чемъ всѣ присутствующіе, въ томъ числѣ вѣроятно и рабы дома, дарили ребенку маленькія, большею частью металлическія вещицы—золотые мечи съ именемъ отца дитяти, топорики съ именемъ его матери, двѣ соединенныя руки, фигурки животныхъ, звѣздочки и т. п.¹ Всѣ эти вещицы нанизывали на снурокъ и надѣвали дитяти на шею. Такая нанизка называлась *strepundia*. Въ знатныхъ семействахъ дитяти навѣшивали на шею золотую ладонку (*bulla*: фиг. 405 а — с), и какъ только оно начинало держаться на ногахъ, одѣвали его въ отороченную пурпуромъ тогу — *toga pretexta*². Впрочемъ уже во время второй пунической войны *toga praetexta* перестала быть отличіемъ однихъ патриціанскихъ дѣтей, а была предоставлена и законнымъ дѣтямъ отпущенниковъ (*libertini*); въ первомъ же столѣтіи до Р. X. право носить *praetexta* вмѣстѣ съ золотой ладонкой (*bulla*) дано было дѣтямъ всѣхъ семействъ извѣстнаго имущественнаго ценза.

Фиг. 421.

б. Достигнувъ шестнадцати (въ старину семнадцати) лѣтъ, молодой человекъ выступалъ на поприще общественной жизни—*tirosinium fori*; въ ознаменованіе этого, онъ снималъ съ себя ладонку, посвящая её домашнимъ богамъ, и дѣтскую тогу, и надѣвалъ *toga virilis*—бѣлую тогу, которую носили вообще всѣ взрослые мужчины, и особую туннику—*tunica recta* или *regilla*. Послѣ домашней церемоніи переодеванья, всѣ надѣвшіе въ тотъ день мужскую тогу собирались вмѣстѣ и отправлялись торжественною процессіей въ Капитолій для принесенія обычныхъ жертвъ.

с. Господствовавшее у Римлянъ свободное отношеніе половъ вело само собою къ свободному, на взаимной склонности основанному брачному союзу.³ Въ противоположность Аѳинянамъ, молодые Римляне охотно вступали въ бракъ,

¹ Visconti, Mus. Pio Clementino, III, tav. 22; mus. Borb. XIII, tav. LVI—² Cp. O. Müller, Die Etrusker I, 260; Becker, Gallus.—³ О бракѣ: Becker, Gallus II, 1; Lange I, 89.

покрайней мѣрѣ въ неспорченную эпоху Рима, и тѣмъ охотнѣе, что тогда вступленіе въ бракъ ставилось въ обязанность каждому римскому гражданину, оставшіеся же холостыми подлежали особой подати (*uxorium*). Вслѣдствіе такого взгляда на бракъ, заключеніе его уже рано получило характеръ священнаго дѣйствія, обставленнаго извѣстными обрядовыми формами, которыя, опредѣляя и брачный нарядъ, не остались безъ вліянія и на одежду. Надобно впрочемъ замѣтить, что настоящій, правомѣрный бракъ допускался только для свободныхъ гражданъ (рабамъ дозволялось только простое сожителство: *contubernium*), и что онъ могъ быть заключенъ тремя способами. Древнѣйшій изъ нихъ назывался *confarreatio* (отъ *far, farreus panis*—лепешка, которая предлагалась во время брачной церемоніи); слѣдующій за нимъ по времени способъ заключенія законнаго брака назывался *coemptio* (покупка), такъ какъ онъ состоялъ въ фиктивной покупкѣ невѣсты женихомъ; наконецъ силу законнаго брака получало простое сожителство мужчины съ женщиной въ продолженіи цѣлаго года, если только въ теченіе этого времени женщина не провела трехъ дней или трехъ ночей внѣ дома мужчины, у котораго жила. *

Если, какъ выше замѣчено, весь брачный церемоніаль выработался уже вмѣстѣ съ древнѣйшею формою бракосочетанія, т. е. *confarreatio*, то можно предположить, что будучи перенесенъ на двѣ остальные позднѣйшія формы, онъ много утратилъ своего первоначальнаго религіознаго значенія и когда *confarreatio* (во всемъ своей объемѣ исполнявшееся лишь при бракахъ патриціевъ и развѣ еще жрецовъ) вывелось, то это значеніе совершенно позабылось и отъ всего церемоніала осталась одна только внѣшность, которую можно было по произволу обставлять тотъ или другой видъ заключенія законнаго брака.

Брачной церемоніи предшествовала помолвка (*sponsalia*). У Римлянъ она не имѣла той торжественности, какою отличалась у Грековъ, а состояла въ

* Для большей ясности приводимъ о разныхъ видахъ брака по Беккеру:

Законный бракъ (*iustum matrimonium*) былъ двухъ родовъ: или жена выходила изъ подъ власти своего отца и поступала подъ власть (*in manum*) и въ родъ мужа, принимая его имя, причемъ и принесенное ею приданое доставалось мужу; или же она оставалась во власти своего отца, не выходя изъ своего рода, и сохраняла право на свое имущество: *sine in manum conventione*. Первый родъ брака (*manus*) могъ быть заключенъ тремя способами: 1) чрезъ *confarreatio*, т. е. религіозное дѣйствіе, которое совершалось главнымъ жрецомъ (*pontifex maximus*) и жрецомъ Юпитера (*Flamen dialis*) въ присутствіи 10 свидѣтелей, и сопровождалось жертвоприношеніемъ, въ которомъ предлагалась лепешка (*farreum libum*), давшая названіе и самому дѣйствію; 2) чрезъ *usus* или въ силу давности, когда женщина прожила съ мужчиною цѣлый годъ, не проведя ни разу трехъ ночей сряду внѣ его дома; 3) чрезъ *coemptio*, т. е. фиктивную покупку, при которой отецъ уступалъ свою дочь ей будущему мужу, а дочь въ тоже время изъявляла согласіе на предстоящій союзъ. Главное отличіе *confarreatio* состояло не въ жертвоприношеніи (такъ какъ и другія виды бракосочетанія сопровождались религіозными церемоніями), но въ участіи государственныхъ жрецовъ и еще въ томъ, что въ немъ заключеніемъ брачнаго союза утверждался и переходъ новобрачной подъ власть мужа со всѣми послѣдствіями этого перехода; тогда какъ при *usus* ему предшествовалъ цѣлый годъ брачнаго сожителства, а при *coemptio* бракъ и переходъ совершались двумя отдѣльными актами, хотя и одновременно. Кромя того, такъ какъ *confarreatio* совершалось жрецами, по извѣстному ритуалу и въ публичномъ мѣстѣ, то оно имѣло преимущественно характеръ религіознаго брака, тогда какъ остальные два вида почитались гражданскими браками (Bekker, Handb. röm. Alterth. V. 30 и слѣд.) Пр. пер.

простомъ объясненіи жениха съ отцомъ невісты или съ ея опекуномъ, но тѣмъ не менѣе еѣ праздновали въ римскихъ семействахъ какъ семейный праздникъ. Родители невісты давали обѣдъ и женихъ (*sponsus*) съ невістой (*sponsa*) обмѣнивались подарками. По Діонисію (III, 21), невіста нерѣдко дарила жениху вытканную ею самую пеструю одежду, а женихъ вручалъ невістѣ металлическое обручальное кольцо (*annulus pronubis*) какъ залогъ (*агга*) своей вѣрности. * Во всякомъ случаѣ день помолвки считался у Римлянъ на столько важнымъ, что ради него откладывался даже семейный трауръ, если онъ совпадалъ съ нимъ.

Тѣмъ не менѣе предстоявшая свадьба вызывала въ членахъ семейства серьезное, отчасти грустное настроеніе. Мало того, что для нея выбирали дни считавшіеся счастливыми, но и назначивъ уже день, внимательно и не безъ страха наблюдали за всѣми счастливыми и неблагоприятными предзнаменованиями, какія онъ принесетъ съ собою:

(въ числѣ послѣднихъ были: пасмурная погода, пѣніе пѣтуха, появленіе змѣй и др.). Невѣста начинала его жертвоприношеніемъ домашнимъ богамъ, которымъ при этомъ и посвящала всѣ свои дѣтскія вещи. Затѣмъ, въ присутствіи своихъ подругъ, она одѣвалась въ брачныя одежды. Одежды эти, одинаковыя при всѣхъ видахъ бракосочетанія, состояли изъ упомянутой выше *tunica gesta* (которую надѣвали и молодые люди вышедшіе изъ отрочества), подпоясанной шерстянымъ поясомъ, который завязывался особеннымъ такъ назыв. геркулесовымъ узломъ; изъ яркожелтой головной сѣтки, такого же цвѣта вуали и изъ цвѣтныхъ башмаковъ (*soccus*). Волосы убирались локонами, по три съ каждой стороны головы.

О нарядѣ жениха нѣтъ обстоятельныхъ извѣстій, но судя по изображеніямъ свадебныхъ церемоній, одежду его составляли тога, туника, большею частью длинная (по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, къ которому и принадлежать всѣ эти изображенія), и полусапожки (*calcei*) (ср. фиг. 423.)

Свадебные обряды—строго соблюдавшіеся впрочемъ только при бракосочетаніяхъ черезъ *confarreatio*—начинались мнимымъ похищеніемъ невісты, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, установленнымъ въ память похищенія сабинокъ. Это похищеніе совершалось обыкновенно вечеромъ при свѣтѣ факеловъ и въ сопровожденіи многочисленныхъ родственниковъ и знакомыхъ по-

Фиг. 423.

* Собственно задатокъ, т. е. просто деньги или вѣсто денегъ кольцо, которое—говоритъ Беккеръ—имѣло только отдаленное сходство съ нашими обручальными кольцами, такъ какъ давалось невістѣ женихомъ въ знакъ того, что онъ исполнитъ принятое имъ на себя обязательство. При покупкѣ вина, масла, земли, давали въ задатокъ (*аггае по-тине*) или деньги, или тоже кольцо (*annulus*). (Becker loc. cit.). Пр. пер.

молвленныхъ; въ числѣ сопровождавшихъ находился также и служитель (*puer samillus*) жреца (*flamen*), благословлявшего новобрачную чету: одѣтый въ бѣлую тунику онъ несъ въ особенномъ сосудѣ (*cimerus*) прялку и веретена невесты. Съ пѣніемъ (*talassio*) и музыкой процессія направлялась къ празднично украшенному жилищу жениха. Подойдя къ наружной двери, молодая должна была украсить её и помазать косяки масломъ. Затѣмъ, новобрачный осторожно поднималъ её и переносилъ черезъ порогъ, послѣ чего при *confarreatio* начинался религіозный обрядъ, совершавшійся всегда въ домѣ жениха. Прежде всего невеста привѣтствовала жениха старинною символическою формулою: *ubi tu Gaius ego Gaia* (если ты Гай, я Гая) и принимала отъ него подобное же (?) привѣтствіе; потомъ женихъ предлагалъ невестѣ воду и огонь (?), на принятіе которыхъ она выражала согласіе символическимъ прикосновеніемъ къ нимъ. Религіозная церемонія происходила подъ руководствомъ главнаго жреца и жреца Юпитера (*flamen dialis*), въ присутствіи 10 свидѣтелей, представлявшихъ столько же курій; въ церемоніи участвовали также и *auspices* или прорицатели, заведывавшіе обычными жертвоприношеніями. Къ сожалѣнію, изъ длиннаго ряда составлявшихъ её формальностей достовѣрно извѣстно только то, что во первыхъ, новобрачные съѣдали вмѣстѣ упомянутую выше лепешку, потомъ, что въ продолженіи всей церемоніи они сидѣли рука въ руку на двухъ рядомъ поставленныхъ стульяхъ, накрытыхъ одною шкурою. По окончаніи церемоніи, къ которой иногда присоединяли и утвержденіе брачнаго контракта, давался обыкновенно праздничный обѣдъ (*coena nuptialis*; *epulae genialis*), за которымъ горѣли пять восковыхъ свѣчей; обѣдъ заканчивался раздачею орѣховъ. Послѣ стола, распоряжавшіяся свадьбой женщины (*pronubae*) отводили невесту къ брачному ложу (*lectus genialis*), а гости запѣвали передъ дверями спальни гимены и другія несовѣстныя скромныя пѣсни. *

* Считаемо излишнимъ привести описаніе римской свадьбы изъ Беккера, такъ какъ оно нѣсколько полнѣе помѣщеннаго въ текстъ и не сонсъмъ сходно съ нимъ, а между тѣмъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ основано на подлинныхъ источникахъ: Весь свадебный обрядъ состоялъ изъ трехъ частей: передачи невесты, отвода ея изъ родительскаго дома и принятія въ домъ новобрачнаго: но въ распредѣленіи отдѣльныхъ свадебныхъ обычаевъ по этимъ тремъ отдѣламъ мы должны отчасти руководиться догадками. Торжество начиналось гаданіями, которыя производились особыми гадателями (*auspices*), и притомъ раннимъ утромъ, также какъ и при помолвкѣ старались узнать волю боговъ наблюденіемъ предзнаменованій до солнечнаго восхода.... Не прежде, какъ узнавъ отъ гадателей о счастливомъ результатѣ ихъ наблюденій, приступали къ подписанію брачнаго контракта, чтѣ происходило, даже и въ позднѣйшее время, въ присутствіи 10 свидѣтелей, какъ это требовалось и при старинномъ *confarreatio*. Затѣмъ женихъ и невеста объявляли свое согласіе на союзъ, а при бравахъ черезъ *confarreatio* или *coemptio* послѣдняя кромя того выражала свою волю вступить подъ-власть (*in manum*) мужа и черезъ это присоединиться къ его роду, произнесеніемъ формулы: *quando tu Gaius ego Gaia*, означавшей что она хочетъ промѣнять свое имя на имя мужа (слѣдов. подобнаго же привѣтствія со стороны жениха допустить нельзя). Послѣ этого заявленія, *pronuba* соединила правыя руки новобрачныхъ и они вмѣстѣ шли къ алтарю для жертвоприношенія (Приносили въ жертву корову, свинью и овцу; шкурой этой послѣдней покрывали два кресла для новобрачныхъ); *auspex nuptiarum*, а при *confarreatio*—*pontifex maximus*, произносилъ молитву брачнымъ и полевымъ божествамъ, во время которой женихъ съ невестою ходили вокругъ алтаря; служитель (*samillus*) несъ *cimerum*—сосудъ съ жертвенными принадлежностями. За жертвоприношеніемъ слѣдовали поздравленія присутствовавшихъ, состоявшія въ возгласахъ *feliciter*, и потомъ свадебный паръ, который давался обыкновенно въ домѣ отца невесты, гдѣ имѣли мѣсто также и всѣ описанныя церемоніи. По окончаніи пи-

d. На разсвѣтъ другого дня молодая супруга приносила домашнюю жертву и вступала въ управленіе хозяйствомъ. Главною ея заботою теперь было занять въ домѣ своего мужа положеніе подобающее честной, благоправной женщины—*mulier honesta*. Такою же должна была она являться въ обществѣ, одѣтая въ присвоенную римскимъ матронамъ одежду. Вообще говоря, римскій бракъ могъ быть во всякое время разторгнутъ и разволь (*divortium*)¹ не вызывалъ противодѣйствія властей; вторичный бракъ разведенной также легко допускался, не навлекая на нее особенныхъ нареканій (тѣмъ болѣе во время императоровъ, когда разводы были часты). Но женщина уличенная въ прелюбодѣяніи лишалась права носить столу и должна была замѣнить её то-го;² такъ было покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока прелюбодѣяніе не стало принадлежностью хорошаго тона.³

e. Вся домашняя прислуга—⁴ количество которой разумѣется зависѣло отъ средствъ хозяевъ—состояла изъ несвободныхъ или рабовъ и пополнялась отчасти дѣтскими рабовъ, уже принадлежавшихъ семейству (такіе рабы, родившіеся и выросшіе въ домѣ, назывались *vergae*), отчасти покупкою отъ торговцевъ рабами, набравшимися большею частью изъ военнопленныхъ. При продажѣ имъ надѣвали на голову вѣнокъ, а на шею вѣшали дощечку, на которой было означено имя, возрастъ, родина раба и другія свѣдѣнія о немъ.

Пока Римляне жили по старинѣ, до тѣхъ поръ и самыя богатѣйшія семьи у нихъ довольствовались сравнительно немногочисленною прислугою. Работая на своихъ господъ, служители считались членами ихъ семейства (*familia* въ тѣсномъ смыслѣ), ѣли съ ними за однимъ столомъ и не отличались отъ нихъ даже и одеждою. Но съ измѣненіемъ нравовъ, измѣнились и отношенія между слугами и господами. Хотя рабы попрежнему продолжали называться „*familia*“, но положеніе ихъ въ домѣ стало угнетеннѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ богатые люди, имѣвшіе обширныя помѣстья, стали держать такое количество прислуги, что для надзора за нею еѣ дѣлили на декуріи, и

ра, продолжавшагося до наступленія ночи, начинался уводъ новобрачной (*deductio*). Её брали изъ объятій матери и въ сопровожденіи гостей, а также и постороннихъ присоединявшихся къ нимъ на пути, отводили въ домъ ея мужа. Впередъ шли флейтшники и факельшники, участвовавшіе въ шествіи пѣли свадебныя пѣсни и кричали *talasse* (*Talassus*, *Talassio*—ими одного изъ старинныхъ забытыхъ божествъ), дѣти требовали отъ молодого орѣховъ, въ знакъ того что онъ распрощался съ играми дѣтства. Молодую вели два мальчика, третій шолъ передъ нею съ факеломъ; сзади несли ея прилку и веретена. Подойдя къ своему новому дому, новобрачная мазала косяки его входной двери жиромъ или масломъ и обвиняла ихъ шерстью; тутъ же встрѣчалъ её мужъ и (изъ опасенія ли, чтобы она не споткнулась о порогъ—что было бы дурнымъ предзнаменованіемъ, или, можетъ быть, символизируя похищеніе) переносилъ её черезъ порогъ и въ атриумъ принималъ въ общеніе огня и воды, т. е. дѣлалъ участницею домашней жизни и домашнего богослуженія. Тутъ же въ атриумѣ, ея будущемъ помѣщеніи, было приготовлено брачное ложе и тутъ же молилась ова богамъ своего новаго жилища. На другой день свадьбы, повобрачная угощала у себя родныхъ (*repotium*) какъ матрона, и приносила свою первую жертву домашнимъ богамъ. (Becker, Handb. der röm. Alterth. V, 45 и слѣд.) Пер. —¹ A. Becker, Gallus II, 36 sqq. —² Ibid. III, 45, 149. —³ Цѣломудріе осуждалось болѣе, нежели нарушеніе супружеской вѣрности считалось постыднымъ. «Выходили замужъ лишь для того чтобы привлекать къ себѣ любовниковъ, и та женщина, которая не знала что бракъ есть ничто иное какъ постоянная невѣрность, считалась нестерпимо наивною и не имѣющею никакого понятія объ обычаяхъ моднаго свѣта». Ср. Ch. Meisners Gesch. des Verfalls der Sitten, etc. стр. 109. —⁴ A. Becker, Gallus II, 81 слд. A. Böttiger, Sabina, I, 286—323; II, 176—199. и особ. L. Lange, Röm. Alterth. I, 144.

къ каждой декуріи рабовъ приставляли особаго надзирателя. Такая многочисленная прислуга раздѣлялась на деревенскую и городскую. Деревенская прислуга (*familia rustica*) жила въ господскихъ помѣстьяхъ, которыя она обрабатывала; городская (*familia urbana*)—въ городѣ, при господахъ. Тѣ изъ городской прислуги, которые исправляли должности слугъ въ прямомъ значеніи слова, носили родъ ливреи. Такъ напр. привратникъ или *ostiarius* (*janitor*) носилъ пеструю одежду и палку (*virgo, agundo*); ¹ рабы носившіе господскіе носилки ² (большею частью изъ рослыхъ капподокійцевъ) были одѣты въ красное платье изъ очень тонкой шерсти (*canusinae*). Нерѣдко также комнатныхъ рабовъ одѣвали въ ливреи цвѣта той партіи цирка, къ которой принадлежалъ господинъ. Инымъ рабамъ оставляли ихъ національный костюмъ, напр. араповъ, ³ которыми особенно любили хвастаться, водили въ однихъ только бѣлыхъ передникахъ изъ тончайшаго полотна, а нумидійцевъ, ⁴ обыкновенно назначавшихся въ ѣздовые, украшали сергами. Роскошь въ прислугѣ имѣла послѣдствіемъ и такое явленіе, что для прислуживанья за столомъ и въ постели стали держать цѣлые толпы хорошенькихъ мальчиковъ, ⁵ роскошно одѣтыхъ и убранныхъ перстнями, и заводили для забавы уродовъ, карликовъ и даже полоумныхъ. ⁶ Высшій разрядъ рабовъ,—къ которому принадлежали: управляющіе, счетчики, смотрители за рабами, секретари (*procuratores, actores, dispensarii, negotiatores, silentiarii*), писцы (*librarii*), чтецы (*lectores*), воспитатели дѣтей (*paedagogi*) ⁷ и вообще всѣ образованные рабы (*servi literarii*) вмѣстѣ съ художниками (*architecti, statuarii, pictores, caelatores*), къ которымъ причисляли также танцовщиковъ и врачей,—не носилъ никакой ливреи; напротивъ того, такъ какъ большая часть ученыхъ и художниковъ были иностранцы, то имъ позволялось носить ихъ національную одежду.

Положеніе женской прислуги, обязанной прислуживать строгой *domina*, было такъ же незавидно какъ и мужской, а въ позднѣйшее время, когда знатныя римскія дамы отреклись отъ всякой женственности, даже еще хуже.

Фиг. 424.

Если вѣрить тому, что говорятъ объ этомъ римскіе стихотворцы, то кажется, что въ иныхъ домахъ было постановлено правиломъ, чтобы горничныя являлись къ туалету своихъ госпожъ не иначе какъ обнаженными по груди, для того, чтобы послѣднія могли чувствительнѣе вымѣщать на нихъ свой гнѣвъ. Но и вообще одежда рабынь была кажется довольно скудна. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что служанки, вѣроятно для того чтобы не натереть руки корзинками и т. п., носили наручники (фиг. 424).

¹ A. Böttiger, *Sabina*, II, 54 (по старинному обычаю, привратника держали на цѣпи, какъ собаку, говоритъ Беккеръ въ назв. соч. стр. 148, 5-го т. Пер.).—² A. Böttiger, *тамъ же*, стр. 202 (прим. 1—2.).—³ Ср. *Fabretti ad columnam Traj.* p. 221. *Visconti*, *Mus. Pio Clem. Tom. V.* p. 8.; *Mus. Real. Borbon.* Vol. VI. tav. XXIII.—⁴ Becker, *Gallus*, II, 111.—⁵ Ch. Meiners, *Gesch. des Verfalls der Sitten*, etc. 104. A. Böttiger, *Sabina* II, 27. H. Krause, *Gesch. der Erziehung*, 408.—⁶ A. Böttiger, *Sabina* II, 42; A. Becker, *Gallus* II, 105; ср. также K. F. Flögel, *Gesch. der Hofnarren*, Lpzg. 1789, стр. 90. и *Real. mus. Borbon.* V, tav. XXVIII.—⁷ О нихъ особен. H. Krause, *Gesch. der Erziehung*.

Что касается, наконецъ, одежды кліентовъ, то относительно ея можно замѣтить одну особенность, именно, что и въ позднюю эпоху, когда національная тога была почти совсѣмъ оставлена и замѣнена болѣе легкою верхнею одеждою, приличіе требовало, чтобы кліенты, являясь къ своимъ патронамъ на поклонъ (*salutatio*) или сопровождая ихъ при выходѣ изъ дому (*anteambulatio*), были непременно одѣты въ тогу. ¹

f. Такой же точно переходъ отъ простоты къ изысканности и пышности, какой мы прослѣдили въ римской одеждѣ, встрѣчаемъ мы во всѣхъ вообще обычаяхъ ихъ жизни и между прочимъ—въ ихъ столѣ. ²

Пока умѣренность—*frugalitas*—считалась у Римлянъ добродѣтелью, до тѣхъ поръ (а это продолжалось почти до конца пуническихъ войнъ) даже и въ знатныхъ семьяхъ господа и слуги ѣли за однимъ столомъ и питались преимущественно растительною пищею—зеленью (*olega*), стручковыми растениями (*legumina*) и киселемъ изъ пшеничной муки (*puls*), замѣнявшимъ имъ хлѣбъ, который Римляне узнали только со времени войнъ съ Греціею и завоеванія Малой Азіи. Но опять одновременно съ глубокимъ измѣненіемъ, которому подвергся съ тѣхъ поръ римскій бытъ, исчезла у Римлянъ и старинная умѣренность. Завоеванныя земли доставляли имъ теперь не только различныя естественныя произведенія, къ которымъ войско уже успѣло привыкнуть на мѣстѣ, но въ тоже время искусныхъ хлѣбниковъ (*pistores*), поваровъ (*coqui*) и кондиторовъ (*dulciarii*), которые, благодаря возростающей расточительности, пускались въ ожесточенную конкуренцію между собою. ³ До какихъ размѣровъ доходила эта конкуренція, можно судить по тому, что въ городѣ, до тѣхъ поръ вовсе незнавшемъ печенаго хлѣба, продавалось теперь нѣсколько сортовъ его, различавшихся между собою не только по качеству, но и по цвѣту, по формѣ и т. д. (*panis cibarius, secundus, candidus, vetus* etc.), не говоря о различныхъ печеньяхъ (*placenta, pastilli, buccella* и т. д.). Всѣ, что только казалось съѣдобнымъ, покупалось, хотя бы и за громадныя деньги, ⁴ и превращалось въ лакомыя блюда. Поваренное искусство возведено было въ науку (около 171 до Р. Х.), которая учила не только какъ готовить кушанья изъ разныхъ, чрезвычайно многочисленныхъ припасовъ ⁵, но и какъ убирать ихъ ⁶ и какъ располагать самый столъ. Поэтому и угощенія (*convivia, tempestiva*), дававшіеся независимо отъ обыкновеннаго ежедневнаго стола—завтрака (*prandium*) около полудня, и обѣда (*coena*), лѣтомъ въ 3, зимою въ 4 часа пополудни,—отличались обиліемъ изысканныхъ яствъ, для наслажденія которыми приглашенные являлись хотя и въ богатыхъ, но по возможности нестѣснительныхъ одеждахъ. До какой степени Римляне позднѣйшей эпохи не лю-

¹ A. Becker, Gallus III, 110 (Поэтому и само *salutatio* Марціалъ называетъ *opera togata*: «Exigis a nobis operam sine fine togatam» III, 46. у Беккера. Пер.)—² Ср. мѣста въ названномъ соч. Мейнера на стр. 105—116—159 и слѣд. A. Becker, Gallus III, 171 и о роскошныхъ пиршествахъ Этрусковъ у О. Мюллера: Die Etrusker II, 200 слѣд.—³ Ср. Th. Mommsen. Röm. Geschichte (2) I, 850.—⁴ Такъ напр. передъ концомъ республики небольшой боченокъ черноморскихъ сардинокъ стоилъ 1600 сестерцій или 100 талеровъ.—⁵ См. подробное исчисленіе ихъ у Беккера: Gallus, III, 183.—⁶ Рисунки приготовленныхъ кушаньевъ по стѣннымъ картинамъ у David et Maréchal, Antiquités d'Herculanum etc. II, pl. 125.

били стѣснять себя за столомъ, можно заключить изъ того, что приглашенные сажались пировать въ такихъ одеждахъ, въ которыхъ считалось неприличнымъ выходить на улицу, кромѣ развѣ во время сатурналій, когда всякое приличіе откладывалось въ сторону (можно предполагать, что эти одежды были родъ роскошныхъ азіатскихъ кафтановъ; ср. фиг. 150, с; 156, с), но и эти покойныя одежды въ продолженіе пира мѣняли нѣсколько разъ, иногда совсѣмъ снимали или, по крайней мѣрѣ, какъ свидѣлствуютъ многія изображенія, освобождали отъ нихъ верхнюю часть туловища.¹

Остальные пиршественныя обычаи Римлянъ были въ сущности эллинскіе, но еще болѣе искаженные чѣмъ даже у самихъ позднѣйшихъ Грековъ. Точно также, ложась за столъ, заставляли раба снимать съ себя обувь, мыть и умачать ноги, точно также между тремя главными переминами, изъ которыхъ обыкновенно состоялъ обѣдъ: закускою (*gustus, promulsis*), собственно обѣдомъ (*caput coenae; fercula*) и десертомъ (*mensae secundae*)—мыли себѣ руки. Хотя у Римлянъ и были салфетки (*mappae*),² но такъ какъ они не знали вилокъ, а брали кушанье пальцами, какъ и Греки, то вѣроятно у нихъ были въ употребленіи и греческія обѣденныя перчатки (*digitalia*, см. стр. 135). Наконецъ, и у Римлянъ пиры заключались попойками (*commissatio*), на которыхъ, опять по греческому же обычаю, выбирался президентъ (*rex convivii*) и пирующие украшали себя вѣнками изъ живыхъ или искусственныхъ растений и цвѣтовъ, преимущественно изъ мирта, плюща, фіялокъ, розъ.³

За столомъ прислуживали рабы угощавшаго (въ томъ числѣ и вышеупомянутые мальчики). Всѣ они были богато одѣты и нерѣдко приучены исполнять свои обязанности приплясывая и припѣвая. На небольшихъ пирушкахъ развлекались разными играми, а на настоящихъ пирахъ, для увеселенія гостей хозяинъ призывалъ фокусниковъ, флейтщицъ, танцовщицъ, актеровъ, гладиаторовъ и т. п.⁴

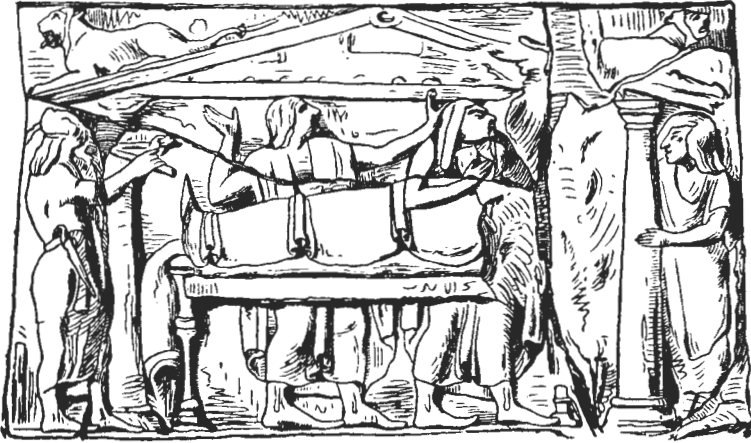
г. Такою же пышностью, какою богатые Римляне любили окружать себя въ жизни, сопровождали они и погребеніе своихъ умершихъ.⁵ Эта пышность, перенятая можетъ быть знатными патриційскими родами отъ Этрусковъ, обладавшихъ уже вполне выработаннымъ погребальнымъ ритуаломъ (фиг. 425),⁶ приняла при самомъ началѣ такіе размѣры, что уже законъ двѣнадцати таблицъ счелъ нужнымъ ограничить её. Онъ запрещалъ умачать трупы съ помощью наемныхъ людей, класть въ могилу золото, вѣнки, или

¹ Ср. изображенія римско-греческихъ пировъ въ Real. Mus. Borbon.; изображеніе Ванна у Иларія въ *Ancient Marbles in the Brit. Mus.* II, pl. 4. Кромѣ того: O. Müller. *Denkmäler B. Taf. L. 624.* A. Becker. *Gallus* III, 124 и M. Chéry. *Recherches sur les costumes etc.* II, 99.—² A. Becker. *Gallus*, III, 213.—³ О вѣнкахъ очень подробно A. Böttiger *Sabina* I, 202—243; Kl. Schriften III, 104 A. Becker *Gallus* III, 245.—

⁴ См. рисунки въ Real Mus. Borb. Vol. VII. tav. LI и слѣд: танцующія обезьяны тамъ же Vol. I. tav. XXI.—Все это, равно какъ и красивые и богато наряженные рабы, водилось и на этрускихъ пирахъ Alten. IV, 153 и Diod. V, 40.—⁵ F. Creuzer. *Abriss der röm. Antiquitäten.* 2 Aufl. Leipzig, 1829: *Leichengebräuche der Römer*, von A. Bähr. A. Becker, *Gallus*, III, 267. L. Preller, *Röm. Mythologie.* Berlin, 1858. стр. 479 и слѣд.—⁶ Особ. O. Müller. *Die Etrusker.* II, 160, 222. W. Abeken. *Mittelitalien etc.* стр. 233—259, 267—269,—273.

другія какія либо вещи кромѣ изголовья и трехъ отороченныхъ пурпуромъ одѣялъ, складывать костеръ изъ обдѣланныхъ брусевъ, орошать его виномъ и окуривать благовоніями, не позволяя занимать плакальщицъ и ограничивалъ число флейтчиковъ въ погребальной процессіи десятью. ¹

Фиг. 425.

Не смотря, однакожъ, на этотъ законъ и другія подобныя же постановленія, за нимъ слѣдовавшія, къ концу республики погребальная пышность дошла до того, что сами завѣщатели стали обязывать своихъ наслѣдниковъ не переходить въ ней извѣстныхъ границъ. ² Общепринятый погребальный церемоніаль состоялъ въ слѣдующемъ: ³

Какъ только умиралъ кто нибудь въ семействѣ, одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго закрывалъ ему глаза (можетъ быть давши ему предварительно прощальный поцалуй). Затѣмъ, всѣ присутствовавшіе оплакивали умершаго, громко зова его по имени, и передавали завѣдывавшему похоронами „libitinarius“. * Снявъ трупъ съ постели, его обмывали теплою водою, натирали мазями и одѣвали въ соотвѣтствовавшія званію покойнаго одежды—свободорожденного облакали въ тогу, кто былъ удостоенъ почетнаго вѣнка, тому надѣвали на голову вѣнокъ. Обрядивъ такимъ образомъ тѣло, выставляли его въ переднемъ покоѣ (атріумѣ) на особомъ ложѣ, которое иногда усыпали цвѣтами; подлѣ ложа ставили курильницу, а къ наружной двери дома привязывали сосновую или кипарисовую вѣтвь. Въ этомъ по-

¹ Th. Mommsen. Röm. Gesch. I, 403.—² Ibid. 837. — ³ Всѣ нижеслѣдующее изложено главнымъ образомъ по Беккеру: Gallus, III, 296 и слѣд.—* Libitinarii были похоронные подрядчики (entrepreneurs de pompes funèbres). Они состояли при храмѣ богини труповъ, Либитины (Libitina), и поставляли всѣ похоронныя принадлежности, а также и весь похоронный персоналъ, какъ-то: омывателей труповъ (pollinctores), носильщиковъ (sandapilarii), могильщиковъ (vespillones), плакальщицъ (praeeficae), сжигателей труповъ (ustores) и др. Въ этомъ же храмѣ велись и хранились списки умершимъ (Беккеръ, Röm. Alterth. 5.) Пер.

ложенія тѣло оставалось около семи (?) дней. Въ минуту смерти огонь на домашнемъ очагѣ тушили и зажигали опять по окончаніи погребенія.

Въ древнее время всякія похороны, а въ позднѣйшее похороны бѣдныхъ людей, происходили ночью. На торжественныя похороны, соединенныя съ играми, какъ напр. на похороны цензора (*funus censorium*), особые глашатаи сзывали народъ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что мальчиковъ, умершихъ еще до облеченія ихъ въ *toga virilis*, и младенцевъ обоюго пола всегда погребали (т. е. не сжигали), и притомъ безъ всякихъ особенныхъ церемоній.

При большихъ похоронахъ (*rompa; funus; exequiae*) ¹ шествіемъ распоряжался *designator* съ своими помощниками—*lictors*. Впереди шли музыканты—обыкновенно десять флейтищиковъ (*tibicines*) или извѣстное число трубачей; за ними слѣдовали плакальщицы (*praeficae*), пѣвшія похвальную пѣснь (*naenia*) умершему, а позади ихъ мимы, отчасти декламировавшіе мѣста изъ трагиковъ, отчасти импровизировавшіе комическія сцены, между тѣмъ какъ одинъ изъ нихъ—архимимъ, наряженный въ одежду и маску покойнаго и подражая ему въ походкѣ и жестѣхъ, представлялъ его самого. Непосредственно за мимами двигалась уже вышеупомянутая процессія предковъ (вѣроятно расположенная по хронологическому порядку), составлявшая центръ шествія. * Въ ней выводились всѣ предки умершаго со всѣми отличіями тѣхъ должностей, какія они занимали при жизни: триумфаторы въ шитыхъ золотомъ одеждахъ, цензоры въ пурпурныхъ, консулы въ отороченныхъ пурпуромъ мантияхъ, предшествуемые ликторами. Если покойный прославился воинскими подвигами, побѣдами и т. п., то, также какъ въ триумфальныхъ шествіяхъ, въ погребальной его процессіи несли дощечки (*tabulae*) съ перечисленіемъ его подвиговъ и побѣдъ, отнятое у непріятеля вооруженіе, изображенія завоеванныхъ городовъ, почетныя вѣнки и т. д. За процессіей предковъ слѣдовало тѣло умершаго, положенное на богато украшенномъ одрѣ (*lectus funebris*) и покрытое пурпурными покрывалами. Тѣло несли или ближайшіе родственники покойника, или его отпущенники, или, въ особенныхъ случаяхъ, всадники, сенаторы и другіе сановники. Позади тѣла шли наслѣдники, родные, отпущенники, знакомые и, наконецъ, сошедшійся на процессію народъ. На форумѣ, передъ ораторскою трибуною, шествіе останавливалось; носилки съ тѣломъ ставили на землю и изображавшіе предковъ покойнаго усаживались вокругъ тѣла на курульныхъ креслахъ. Одинъ изъ родственниковъ покойнаго говорилъ ему пышную похвальную рѣчь, послѣ которой шествіе въ прежнемъ порядкѣ продолжало свой путь къ мѣсту погребенія. Всѣ участвовавшіе были одѣты въ траурныя платья; отпущенники кромѣ того имѣли на головахъ вышеназванный головной уборъ, въ знакъ полученнаго ими новаго общественнаго положенія. (Траурною одеждою до временъ императоровъ была тога темнаго цвѣта—*toga pulla*. Но когда при императорахъ

¹ А. Becker, Handb. d. röm. Alterth. (2) II, 198. Ср. живое описаніе похоронъ у Момицена: Röm. Gesch. (2) I, 837.—* Эту процессію составляли актеры одѣтые въ воєсковыя маски (*imagines*) предковъ покойнаго и соотвѣтствующія одежды. Сидя на высокихъ поместіяхъ, они слѣдовали одинъ за другимъ, предшествуемые ликторами съ опущенными *fascēs* (Беккеръ, въ назв. соч.) Пер.

вошли въ моду, особенно у женщинъ, разноцвѣтная матерія, то на похоронахъ стали надѣвать, вмѣсто прежнихъ темноцвѣтныхъ, бѣлая одежды. И у Римлянъ было принято выражать глубокую печаль по обычаю восточныхъ народовъ различными внѣшними дѣйствіями, напр. пренебреженіемъ своей наружности, разрываніемъ одежды. Во все время траура они не принимали участія ни въ какихъ общественныхъ увеселеніяхъ и не посѣщали бань, а мужчины, сверхъ того, обыкновенно отращивали себѣ волосы на головѣ и бородѣ.)

Преданіе тѣла землѣ существовало въ Римѣ древнѣе сожженія и предпочиталось многими еще и въ сравнительно позднее время, пока наконецъ не стало снова господствующимъ обычаемъ, какимъ было и въ старину.¹ Для сожженія тѣла приготовляли костеръ, убранство котораго очень часто стояло большихъ издержекъ. Положивъ на него тѣло (которому снова открывали глаза), обливали его драгоценными маслами, обкладывали вѣнками и разными приношеніями. Затѣмъ ближайшій родственникъ бралъ факелъ и отвернувшись, зажигалъ костеръ. (Слѣдуя этрускому обычаю² на большихъ похоронахъ, пока горѣлъ костеръ, происходили гладиаторскіе бои, оканчивавшіеся вмѣстѣ съ сожженіемъ.) Давъ сгорѣть костру съ лежавшимъ на немъ тѣломъ, тушили горячую золу, мыли руки и, призывая тѣнь умершаго, собирали его пепелъ, который потомъ опрыскивали виномъ и молокомъ, высушивали полотенцами и, смѣшавъ съ благовоніями, складывали въ урны. Церемонія оканчивалась обращеніемъ къ тѣни умершаго и очищеніемъ присутствовавшихъ посредствомъ окропленія освященною водою (*lustratio*), послѣ чего произносилась короткая формула „*ilicet*“ (т. е. *ire licet*) и всѣ расходились.

III. * Относительно происхожденія у Римлянъ государственно-должностныхъ отличій можно сказать только то, что почти всѣ они образовались изъ тѣхъ отличій, которыя были присвоены въ древнѣйшее время царской власти (*insignia*). Но ни о происхожденіи этихъ послѣднихъ, ни о формѣ ихъ мы не имѣемъ никакихъ исторически-достоверныхъ свѣдѣній, а потому, чтобы все таки составить себѣ о нихъ хотя приблизительное представленіе, намъ ничего другого не остается, какъ сравнить указанія на нихъ, встрѣчающіяся у римскихъ авторовъ, съ находящимися у тѣхъ же авторовъ описаніями должностныхъ отличій имъ современныхъ и съ изображеніями этихъ отличій принадлежащими тоже къ позднѣйшему времени. На основаніи этого сравненія можно предположить, что инсигнии римскихъ царей были подобны инсигніямъ всѣхъ древневосточныхъ властителей. Слѣдуетъ однакожъ замѣтить напередъ, — чтобы устранить кажущееся противорѣчіе этого положенія съ тѣмъ, что было

¹ Ср. особ. Т. Grimm. Ueber das Uerbrennen der Leichen (Abh. d. Akad. der Wissensch.) Berlin, 1850. стр. 17.—² O. Müller. Die Etrusker II, 222.—* Все нижеслѣдующее вплоть до рубрики «вооруженіе» изложено въ переводѣ нѣсколько короче чѣмъ въ подлинникѣ, именно опущенъ историческій обзоръ различныхъ должностей, который авторъ связалъ съ описаніемъ одежды присвоенной этимъ послѣднимъ, опущенъ на томъ основаніи, что онъ слишкомъ неопознъ, чтобы сообщать удовлетворительное понятіе о значеніи должностей и о причинахъ вызвавшихъ ихъ учрежденіе, а между тѣмъ ничего не прибавляетъ къ исторіи должностной одежды, которая, собственно говоря, была у Римлянъ для всѣхъ высшихъ сановниковъ одна и та же, а низшіе ея не имѣли. Пер.

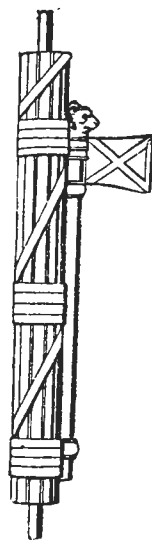
сказано о національности римской одежды,—что хотя древніе авторы и называютъ должностную одежду Римлянъ почти всегда тогою, однакожъ изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы эта официальная тога имѣла ту же самую форму какъ обыкновенная гражданская тога, которая одна только и была національною одеждою. Скорѣе надобно принять, что у названныхъ авторовъ слово *toga* употребляется въ значеніи вообще верхней широкой одежды (отъ *tego*—*toga*?). Что таково было значеніе этого слова въ позднѣйшее время—а слѣдоват., по аналогіи, могло быть такимъ же и въ древности—подтверждается многочисленными изображеніями римскихъ сановниковъ и свидѣтельствами римскихъ писателей. Всѣ такіа изображенія, за рѣдкими исключеніями, относящимися впрочемъ уже къ императорской эпохѣ, показываютъ, что римская официальная одежда, подобно одеждѣ древнихъ восточныхъ царей и вообще царской одеждѣ неримскихъ властителей, имѣла форму плаща (или мантии) застегивавшагося на плечѣ пряжкой. Съ этимъ согласны и показанія названныхъ писателей о томъ, что верхнею одеждою древнихъ латинскихъ царей была *trabea*, слѣвавшаяся позднѣе официальною одеждою римскихъ всадниковъ. Но въ пользу высказаннаго выше предположенія говоритъ еще и то обстоятельство, что одежда римскихъ царей была украшена кромѣ пурпуровой обшивки, еще золотыми вышивками,—подобно *toga picta*, одеждѣ триумфаторовъ позднѣйшаго времени—слѣдовательно, по своей плотности и негибкости, не могла удобно драпироваться такими же свободными и мягкими, складками, какъ обыкновенная гражданская тога. Даже и парадная одежда римскихъ сановниковъ—*toga praetexta*, хотя все ея украшеніе состояло въ пурпурной оторочкѣ, тоже имѣла видъ простого плаща и только въ такой формѣ является на пластическихъ изображеніяхъ. Впрочемъ вѣрнаго сказать и о ней ничего нельзя, или же должно приписать и ей (какъ вообще и принято) этрусское происхожденіе и видѣть её въ отороченномъ по подолу плащѣ нѣкоторыхъ этрусскихъ бронзъ (фиг. 366. а).¹

Кромѣ трехъ названныхъ одѣяній—древнелатинской трабен, отороченной пурпуромъ *toga praetexta*, и протканной золотомъ *toga picta*, принадлежавшихъ, какъ хотятъ предполагать, къ убранству этрусскихъ царей, къ нему же причисляютъ и тунику вышитую пальмами, такъ называемую *tunica palmata*, которая, перейдя къ Римлянамъ, стала у нихъ вмѣстѣ съ *toga picta* одеждою триумфаторовъ. Отъ этрусскихъ же царскихъ инсигній производятъ и другія употреблявшіеся у Римлянъ знаки отличія: ² *bulla* (о ко-

¹ Какъ напр. О. Мюллеръ, который называетъ её (*Etrusker I*, 261) тогою съ пурпурной оторочкою и опирается на подобныя изображенія, которыя однакожъ не могутъ дать точнаго понятія о настоящей формѣ, потому что на нихъ могутъ встрѣчаться точно также и тоги, какъ и хламиды, какъ на указанныхъ выше (стр. 297, пр. 1.) дѣтскихъ фигурахъ.—² Какъ мало достовѣрны показанія древнихъ авторовъ о происхожденіи всѣхъ этихъ инсигній и потому какъ много мѣста оставляютъ они и предположеніямъ, объ этомъ можно судить по слѣдующему замѣчанію (которое можетъ быть распространено и на выше затронутые вопросы относительно этого предмета (стр. 307.)): Между тѣмъ, какъ О. Мюллеръ ищетъ происхожденія всѣхъ римскихъ инсигній въ Этруріи (ср. *Etrusker*, I, 271, 273, 366, 374, 370—72), Г. Моммсенъ (*Röm. Gesch.* I, 75) утверждаетъ «что какъ пурпурная мантия и скипетръ слоновой кости заимствованы Римлянами навѣрно (!) отъ Грековъ—а не отъ Этрусковъ,—также точно отъ Грековъ перешли къ нимъ и 24 ликтора и другія вышнія отличія»;—Ланге же (*Röm. Alterthümer* I, 238) напротивъ того,

торой было говорено выше: фиг. 405, стр. 279), *corona etrusca* (дубовый вѣнокъ изъ золота), *scipio eburneus*—скипетръ изъ слоновой кости съ орломъ (птицею Юпитера) на верху, богато украшенное сѣдалище изъ слоновой кости или курульное кресло (*sella curulis*) и ликторскія *fascēs*—связка прутьевъ съ прикрѣпленнымъ къ ней топоромъ (фиг. 426): „символъ соединенія высшей судейской и воинской власти съ неограниченною карательною“. ¹ При публичныхъ выходахъ царя ему предшествовали 24 ликтора, изъ коихъ каждый несъ такую связку.

Фиг. 426.

Такъ какъ римскій царь, какъ избранный народомъ правитель (*rex*) повелитель (*dictator*) и вождь (*magister populi*), не былъ ограниченъ въ своемъ полномъ власти (*imperium*) никакою самостоятельною магистратурою, ² а всѣ состоявшіе при немъ должностныя лица вполнѣ отъ него зависѣли и имъ назначались, ³ то во время царей не могло быть у Римлянъ никакихъ государственно-должностныхъ знаковъ отличія, а существовали только уже описанныя выше отличія старинныхъ патриціевъ какъ сословія, какъ членовъ совѣта старѣйшинъ и какъ конныхъ воиновъ (всадниковъ). Поэтому, если позднѣйшія отличія всадниковъ, т. е. трабея и золотое кольцо, были тѣ же, что и при царяхъ, то можно предположить что и сенаторы ⁴ царскаго періода носили отличавшую ихъ въ историческое время туніку съ широкой пурпурной полосой на груди (*laticlavia*) и составлявшую несомнѣнную принадлежность позднѣйшаго сенаторскаго одѣянія цвѣтную обувь, которую преданіе производитъ тоже отъ Этрусковъ. ⁵ Эта обувь — родъ полусапоговъ прикрѣплявшихся къ ногѣ четыремя ремнями (*corrigiae*), которые обвивались вокругъ икры (ср. фиг. 366 и 382. b), дѣлалась изъ красной кожи, въ отличіе отъ обыкновенной обуви патриціевъ, которая была чернаго цвѣта. ⁶

По изгнаніи царей и съ послѣдовавшимъ за нимъ учрежденіемъ республики, всѣ функціи верховной власти, сосредоточивавшіяся дотолѣ въ лицѣ царя, были распредѣлены между нѣсколькими лицами, на которыя перешли и внѣшніе знаки царскаго сана. Жреческія обязанности царя были возложены на особаго сановника—*rex sacrorum*, лицо чисто духовное, неимѣвшее права ни на какую свѣтскую должность и, вдобавокъ, подчиненное власти первосвященника (*pontifex maximus*). ⁶ Для отправленія правительственныхъ, военоначальническихъ и верховносудейскихъ обязанностей избирались еже-

говорить довольно неопредѣленно,—что *toga picta* заимѣла древнеиталийскую *trabea*, повидимому только въ позднѣйшее время, и что это могло послужить поводомъ къ ошибочному мнѣнію будто царскія insignia произошли изъ Этрурии. Ср. также Becker. Handbuch der röm. Alterthümer (2) II, 366. — ¹ Ср. Becker. Handbuch, II, 377. — ² Ibid. 338. — ³ «Каждая должностная власть вытекаетъ изъ царской и каждый чиновникъ назначается на должность только царемъ и занимаетъ ее до тѣхъ поръ покада это угодно царю. Всѣ должностныя лица въ древнее время были только царскими комиссарами, а никакъ не магистратами въ позднѣйшемъ значеніи». Th. Mommsen, Röm. Gesch. I, 60. — ⁴ A. Becker. Handbuch, II, 455. — ⁵ O. Müller. Etrusker. I, 271. — ⁶ A. Becker, loc. cit и Gallus III, 134. — ⁶ Becker Handb. II, 6.

годно народомъ два сановника, которые назывались или военачальниками (*praetores*), или судьями (*judices*), или просто товарищами (*consules*).¹ (Здѣсь будетъ уместнымъ упомянуть о формальной сторонѣ выборовъ, поскольку она касалась одежды. Отъ всѣхъ соискателей государственныхъ должностей (кандидатовъ—*candidati*) требовалось, чтобы въ продолженіе выборовъ они показывались не иначе какъ въ бѣлой тогѣ—*toga candida*. Эти бѣлыя тоги, походившія во всемъ на обыкновенныя и надѣвавшіяся по древнему обычаю прямо на тѣло (безъ туники), готовились суконщиками съ помощью особаго мѣла (*album?*). Около 322 г. до Р. Х., вслѣдствіе злоупотребленій на выборахъ, бѣлыя тоги были запрещены, но скорѣе опять объявлены обязательными.)

Итакъ, верховное управленіе государственными дѣлами лежало на сенатѣ и двухъ консулахъ. Этимъ послѣднимъ были присвоены и нѣкоторыя (впрочемъ, немногія) изъ знаковъ упраздненной царской власти, именно: *toga praetexta* (къ которой въ послѣдствіи была прибавлена бѣлая обувь)² и 12 ликторовъ (изъ 24 царскихъ), которые предшествовали консуламъ съ своими *fascies*, но безъ топоровъ—въ чертѣ города (по закону Валерія отъ 509 г. до Р. Х.). Въ знакъ признанія надъ собою народной власти консулъ обязанъ былъ преклонять *fascies* передъ народомъ собравшимся на сходку (*comitium*).³ Кроме того, такъ какъ консулы должны были ежемѣсячно чередоваться между собою въ отправленіи должности, то лишь консулъ состоявшій въ должности имѣлъ право (покрайней мѣрѣ въ началѣ республики) выходить предшествуемый ликторами, передъ другимъ же—не должностнымъ—шолъ только *viator*, а ликторы должны были идти позади его.⁴

Въ случаяхъ особенной важности, когда государству угрожала внѣшняя и внутренняя опасность, избирался чрезвычайный сановникъ—диктаторъ, которому ввѣрялась неограниченная власть и на котораго не было апелляціи къ народу. Чтобы преградить, однакожь, возможность возвращенія къ монархіи, диктаторъ могъ оставаться въ должности только 6 мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ онъ долженъ былъ сложить свой санъ. Диктаторъ носилъ тоже *toga praetexta*, какъ и консулы, но официальную свиту его составляли не 12 ликторовъ, какъ у тѣхъ, а 24 и притомъ *fascies*, которые они носили передъ нимъ, были съ топорами (*cum securibus*).⁵

Однимъ изъ послѣдствій возстанія плебеевъ противъ притѣсненія ихъ патриціями было учрежденіе народныхъ трибуновъ (около 494 до Р. Х.) Они выбирались изъ среды плебеевъ, для охраненія ихъ правъ, были независимы отъ консуловъ и пользовались правомъ *veto* противъ сенатскихъ и консульскихъ постановленій, если считали ихъ вредными для плебеевъ. Потому ли, что трибуны не принадлежали къ настоящимъ магистратамъ, или изъ плебейской гордости, они не присвоили себѣ никакихъ внѣшнихъ отличій; поэтому учрежденіе трибуната не имѣло никакого вліянія на умноженіе этихъ

¹ A. Becker. Handbuch. II, 87; Th. Mommsen, Röm. Gesch. I, 228; L. Lange. Röm. Alterth. I, 524.—² A. Becker, ibid. 33; L. Lange. ibid. 518.—³ A. Becker. Gallus. III, 134.—⁴ A. Becker. Handbuch. II, 109; L. Lange, Röm. Alterth. I, 428—30.—⁵ A. Becker Ibid. 112.—⁶ A. Becker. Handb. II, 174; Th. Mommsen Röm. Gesch. I, 233.

последних, точно также не имѣла его и должность эдиловъ (*aediles*), которые тоже выбирались изъ плебеевъ, были помощниками трибуновъ и имѣли надзоръ за рынками, общественными зданіями, играми и т. п. (Отъ плебейскихъ эдиловъ отличались эдилы изъ патриціевъ, или курульные—*aediles curules*, учрежденные однакожъ позднѣе, около 366 г. Имъ былъ ввѣренъ надзоръ за городомъ и общественною жизнью горожанъ, и поручалось устройство общественныхъ празднествъ, поэтому значеніе ихъ было гораздо важнѣе плебейскихъ эдиловъ. Патриційскіе эдилы носили *toga praetexta*, какъ и всѣ курульные сановники).

Остальные сановники римской республики: цензоры (*censores*), послѣ консуловъ важнѣйшіе сановники, наблюдавшіе за точною оцѣнкою имущества гражданъ и взиманіемъ податей и, кромѣ того, имѣвшіе надзоръ за нравственностью гражданъ; преторы (*praetores*) или представители судейской власти; квесторы (*quaestores*), завѣдывавшіе государственною казною—не имѣли никакихъ особенныхъ, специфически имъ присвоенныхъ знаковъ отличія, а носили общую всѣмъ курульнымъ магистратамъ *toga praetexta*. Претору города Рима предшествовали 6 ликторовъ.

Всѣ члены высшей магистратуры пользовались, какъ со стороны гражданъ, такъ и въ своей собственной средѣ—вышіе со стороны стоявшихъ ниже ихъ по званію,—особымъ почетомъ, который воздавался имъ по принятому обычаю церемоніалу. Обычай этотъ требовалъ, чтобы при появленіи высшихъ сановниковъ, особенно консуловъ, въ театрѣ или въ другомъ общественномъ собраніи, а также и въ частномъ домѣ, всѣ присутствующіе вставали. При встрѣчѣ съ консуломъ на улицѣ, ему уступали тротуаръ (*semita*); ѣхавшіе верхомъ сходили съ лошади и обнажали голову, если она была прикрыта тогою. Преторъ преклонялъ передъ консуломъ свои *fasces* и даже застѣвая въ трибуналѣ вставалъ съ своего кресла (*sella curulis*), когда проходилъ консулъ. Эти знаки почтенія оказывали даже и уличеннымъ въ преступленіи сановникамъ до тѣхъ поръ, пока они не были лишены своего сана. Относительно членовъ сената временъ республики слѣдуетъ замѣтить, что слагая съ себя сенаторское званіе, они замѣняли свою сенаторскую тунику (*laticlavica*) туникою всадниковъ (*angusticlavica*), и что когда они отправлялись по правительственнымъ дѣламъ за-границу, имъ давались ликторы.¹

Что касается чиновниковъ принадлежавшихъ къ низшей магистратурѣ (*magistratus minores*), число которыхъ было весьма значительно, то они не имѣли никакой отличительной одежды, а носили обыкновенное платье гражданское или военное, смотря потому, была ли ихъ должность гражданская или военная. Тоже должно сказать и о служителяхъ состоявшихъ при судахъ и должностныхъ лицахъ: писцахъ (*scribae*), глашатаяхъ (*praesones*), разсыльныхъ (*viatores*), ликторахъ (*lictores*)² и др.

¹ A. Becker Handbuch. II, 74—76; 285; 456.—² Ликторы шли одинъ за другимъ впереди сановника, возвѣщая о его приближеніи (*animadvertere*); въ толпѣ они очищали ему дорогу (*summoveere*). Они сопровождали его на ораторскую трибуну, въ трибуналъ и вообще всюду, куда бы онъ ни отправлялся. Входя въ чей нибудь домъ или возвращаясь изъ свой собственный, они давали знать о его приходѣ ударяя въ дверь и оставались дожидаться его въ свѣняхъ. Въ городѣ они носили тогоу, а въ лагерь военную одежду—*sagum militare*. Ibid. 377.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что по исконному обычаю, въ концѣ республики впрочемъ отмѣненному, было принято сходиться на народныя собранія ¹ въ полномъ вооруженіи, какъ при выступленіи въ походъ,—и указать на одну особенность въ области судопроизводства, состоявшую въ томъ, что всякій обвиняемый, ожидая рѣшенія своей участи, носилъ траурное платье или грязную тогу (*toga sordida*). ²

Измѣненія, которымъ подверглись высшія республиканскія должности и сопряженные съ ними внѣшнія отличія во время императоровъ, состояли главнымъ образомъ въ утратѣ первыми своего прежняго значенія и въ приобрѣтеніи послѣдними большаго блеска. Уже при Августѣ Сенатъ ³ сталъ послушнымъ исполнителемъ воли императора, который, ограничивъ число сенаторовъ шестьюстами и сдѣлавъ сенаторское званіе наследственнымъ, создалъ сословіе сенаторовъ. Въ числѣ привилегій, дарованныхъ новому сословію, было дозволеніе дѣтямъ сенаторовъ присутствовать при засѣданіяхъ

Фиг. 427.

Сената и право носить сенаторскую тунику (*laticlavia*). Консулатъ, хотя и долѣе другихъ должностей сохранившій свой первоначальный характеръ, тоже постепенно превратился въ ничего незначащій почетный титулъ (уже въ 69 г. по Р. Х. число консуловъ доходило до 15-ти, а при имп. Коммодѣ ихъ было уже 25), такъ что въ половинѣ 4-го столѣтія (около 364 г. по Р. Х.) консулъ Ювіанъ не счелъ предосудительнымъ назначить себѣ въ товарищи, съ званіемъ почетнаго консула, своего сына, едва выросшаго изъ пеленокъ ребенка. Но за то никогда консульское званіе не было окружено такою внѣшнею пышностью, какъ именно въ это время. По сохранившимся кон-

¹ Ibid. 353; Th. Mommsen. I, 65—71.—² A. Becker. Gallus, I, 157; III, 160; Handbuch II, 138.—³ A. Becker. Handb. II, 210—235.—⁴ Ср. списки диптиховъ, снабженные рисунками, у F. Gori. Thesaurus veterum diptychorum consularium et ecclesiasticorum: acc. F. R. Passeri addit, et praef. Cum tab. aen. Florentiae 1759. J. Montfaucon. L'antiquité expliquée. Supplém. III. c. 6; B. Augustin, въ E. Förstemann, Neue Mittheilungen aus dem Gebiete histor.—antiquar. Forschungen. Halle, 1848. VII, Heft. 2. стр. 60; Jahrbuch. des Vereins der Alterthumsfreunde in den Rheinlanden. VIII (1846), 155. A. Becker. Handb. II, 244. Not. 1021.—⁵ О матеріалѣ и выработкѣ этихъ одеждъ см. F. Bock. Geschichte der liturgischen Gewänder (2 Lieferung.) 129.

лавровыми вѣтвями, сами же ликторы были вѣроятно одѣты въ пурпурныя туники. ¹

Подобную же участь испытали и остальные должности: ² преторство, квестура, эдильство и даже могущественный нѣкогда народный трибунатъ обратились въ простыя почетныя званія. Впрочемъ, во вѣхъ этихъ должностяхъ различались лица состоявшія на дѣйствительной службѣ (*functus*) и лица почтенныя однимъ только титуломъ съ присвоенными ему знаками отличія—*ornamenta praetoria*, *aedilitia* и *quaestoria* (фиг. 428, a. b; 427. b, b); одни только трибуны остались и при императорахъ по прежнему безъ всякихъ *ornamenta*.

Не смотря однакожъ на такой общій упадокъ значенія государственныхъ должностей при императорахъ, нѣкоторыя должности, преимущественно изъ второстепенныхъ, приобрѣли при нихъ бѣольшую важность, чѣмъ во времена республики. Такова была между прочимъ должность начальниковъ или смотрителей городскихъ частей (*magistri vicorum*), которымъ Августъ предоставилъ право въ извѣстные праздники надѣвать *toga praetexta* и выходить въ сопровожденіи двухъ ликторовъ. Низшій служебный персоналъ (публичные служители) остался и теперь тотъ же, какой существовалъ и въ продолженіе республики. ³

Между тѣмъ какъ съ одной стороны старинныя должности поглощались императорскимъ всевластіемъ, съ другой — возникали новыя, создаваемые этимъ всевластіемъ, чтобы служить ему органами. ⁴ А такъ какъ уже со временъ Цезаря верховная власть опиралась преимущественно на войско, то и эти новыя должности носили характеръ военный, хотя вѣденію ихъ подлежали и дѣла по городскому управленію. Самую высшую изъ нихъ была должность префекта преторіи (*praefectus praetorio*) или начальника императорскихъ тѣлохранителей; за тѣмъ слѣдовали должности градоначальника (*praе-*

Фиг. 428.

Фиг. 429.

¹ A Becker Handb. II, 243; cp. O. Müller. Die Etrusker II, 197.—² A. Becker, Handb. II, 246.—³ Ibid. 265—269.—⁴ Ibid. II, 276.

fectus urbi), начальника стражей (praef. vigilum) и начальника рыночной полиции (praef. annonae). Одежда этих чиновников, также как и сопровождавших их ликторовъ (фиг. 429 а. б), приближалась къ военной.

Фиг. 430.

Они носили военный плащъ и поясъ (cingulum) изъ красной кожи, застегивавшійся золотю пряжкой (фиг. 430 а—с). При имп. Константинѣ имъ было дано гражданское одѣяніе, но съ особеннымъ отличіемъ, состоявшимъ въ перевязи черезъ плечо (фиг. 431 и 432 а—с).

Фиг. 431.

Сдѣлавшись императоромъ, Октавіанъ сначала старался избѣгать всякой внѣшней пышности, чтобы отвратить отъ себя подозрѣніе въ посягательствѣ на республиканское равенство, котораго онъ объявилъ себя защитникомъ.¹ Онъ даже постарался снова ввести въ почетъ національную тогу, издавъ законъ, предписывавшій гражданамъ являться на всѣ общественныя собранія не иначе какъ въ этой одеждѣ, которую онъ и самъ носилъ и сдѣлалъ своей придворной одеждою. Даже и послѣ того, какъ ему удалось соединить въ своемъ лицѣ важнѣйшія изъ государственныхъ должностей, онъ продолжалъ носить обыкновенную сенаторскую тунику и довольствовался данными ему сенатомъ

¹ Ibid. 292; F. Hermann. Culturgeschichte der Griechen und Römer, II, 125.

12-ю ликторами. ¹ Если онъ впоследствии и допустилъ около себя нѣкоторую пышность и даже до такой степени предался изнѣженности, что навлекъ на себя порицанія, то и въ этомъ онъ всё таки не выходилъ изъ границъ образа жизни тогдашней знати.

Фиг. 432.

По примѣру Августа, какъ основателя монархіи, и послѣдующіе императоры, по крайней мѣрѣ до Домиціана, продолжали сообразоваться въ одеждѣ съ господствовавшею модою или прибавляли къ ней какія нибудь особенности по своему вкусу, ² но собственно инсигній никакихъ не имѣли. Домиціанъ принялъ пурпурную тогу, но и то въ качествѣ безсмѣннаго цензора (*censor perpetuus*)—новой должности имъ для себя учрежденной. ³ Съ этихъ поръ пурпурная тога оставалась отличительнымъ императорскимъ одѣяніемъ до Діоклетіана, который обратилъ въ церемоніальное одѣяніе императоровъ любимый нарядъ своего предшественника, роскошнаго Геліогабала, ⁴ состоявшій изъ богато вышитой одежды и унизанной жемчугомъ діадемы, съ такою же обувью, золотыми браслетами и другими драгоценностями. Въ такомъ видѣ это роскошное облаченіе перешло къ Константину, который, будучи восточнымъ императоромъ, еще болѣе увеличилъ его пышность. ⁵

¹ A. Becker Gallus III, 110; Handb. II, 293.—² Какъ напр. Калигула, носившій съ роскошною модною одеждою простые солдатскіе башмаки (*caligae*), отъ которыхъ и получилъ свое прозвище, или позднѣе Каракала, прозванный такъ по введенной имъ галльской одеждѣ.—³ Ср. Sueton. Calig. 52 и Spartian, Antonin. Carac. 9; Dio Cass. Histor. LXXVIII.—⁴ L. Lange Röm. Alterth. I, 592.—⁵ Ср. Lampridius Heliogab. c. 22.—⁵ I. Burckhardt. Die Zeit Constantin des Grossen. Basel. 1853. стр. 52 слѣд. — * Эта одежда была родъ длиннаго и узкаго распахнутаго кафтана, полы котораго назадъ были разрѣзаны до талии. Со времени Каракалы этотъ кафтанъ сталъ обыкновенною одеждою простаго народа, а въ послѣдствіи былъ принятъ католическими священниками, которые и досихъ поръ носятъ его подъ именемъ сутаны (*sottana*). Rich. Dictionn. des Antiquités. Пер.

Вооруженіе. ¹

Начало и постепенное образованіе воинскаго устройства у Римлянъ такъ же мало поддается историческому изслѣдованію, какъ и первыя ступени остальныхъ сторонъ римской жизни: единственнымъ, но крайне недостаточнымъ источникомъ остается и здѣсь преданіе, насколько оно сохранено римскими писателями (нерѣдко однакожь съ ихъ собственными произвольными дополненіями). Но даже и о позднѣйшемъ его развитіи, со временъ Маріа до Августа, встрѣчается мало извѣстій непротиворѣчащихъ одно другому и связанныхъ, такъ что, собственно говоря, настоящее изслѣдованіе находитъ историческую основу только въ извѣстіяхъ о состояніи римскаго войска въ императорскій періодъ. Изъ сказаннаго само собою вытекаетъ, что въ такихъ же невыгодныхъ условіяхъ поставлено и изслѣдованіе о происхожденіи и постепенномъ усовершенствіи оружія у Римлянъ и Этрусковъ.

Нѣкоторыя точки опоры представляютъ, впрочемъ, съ одной стороны, названія разнаго оружія, съ другой—найденные обломки его. Они даютъ, по крайней мѣрѣ, указанія на матеріалъ, изъ котораго оружіе выдѣлывалось съ самого начала, и на первоначальную его форму. Какъ ни незначительны эти уцѣлѣвшіе обломки, по нимъ всё таки можно узнать, что между оружіемъ Этрусковъ и Римлянъ существовало точно такое же различіе, какъ и между ихъ одеждою и украшеніями: тогда какъ римское оружіе (конечно то, которое представлено на памятникахъ), не смотря на свои подражающія греческимъ формы, носить на себѣ особый чисто римскій отпечатокъ, почти всё упомянутые этрусскіе обломки обличаютъ болѣе или менѣе древневосточный типъ (ср. ниже помѣщенные фигуры). ²

По этимъ остаткамъ видно, что Этруски употребляли на выдѣлку оружія преимущественно мѣдь или бронзу. Тоже самое можно предположить и относительно Латинянъ, хотя только на основаніи лингвистическихъ данныхъ—именно, на близости латинскаго названія меча—*ensis*, къ санскритскому *asís*, близости, прямо указывающей на глубокую древность у нихъ металлическаго оружія. ³ Добывался ли потребный для выдѣлки оружія металлъ въ самой странѣ или вывозился изъ другихъ странъ—въ точности неизвѣстно. Большая часть мѣди (*aes caldarium*) ⁴ добывалась, можетъ быть, въ

¹ Кромѣ вышеназванныхъ соч. Рюкертъ и Рюстова, A. Becker's Handb. III (2 Abthlg) 235. Общія обзорѣнія: W. Wachsmuth. Allgemeine Culturgesch. I, 338; G. Klemm. Allgem. Culturgesch. der Menschheit VIII, 433 (по Berenicey); W. Ramsay, Roman antiquities. p. 377; Th. Mommsen, Röm. Gesch. I—III; F. Hermann. Culturgesch. der Griechen und Römer, II. Для изображеній, преимущественно: S. Bartoli: Colonna Trajana, Colonna Antonina; Veteres arcus Augustorum, etc.—² O. Müller. Die Etrusker I, 391: «Тождественность эллинскаго, этрускаго и сервіанскаго (т. е. римскаго при Сервіи Туллій) вооруженія можно открыть даже въ частности»; п II, 349: «ратный строй и вооруженіе, принятая въ Греціи въ послѣтроянскую эпоху, были введены и Этрусками» (слѣдуетъ понимать только по отношенію къ составнымъ частямъ вооруженія и ихъ распредѣленію, а не по отношенію къ формѣ).—³ Th. Mommsen. Röm. Gesch. I, 17.—⁴ Мѣдь настолько мягкая, что её можно было ковать молотомъ, получалась только изъ нѣкоторыхъ рудниковъ, въ томъ числѣ и изъ кипрскихъ. Остальные рудники давали мѣдь, которую нужно было сначала перетоплять; такъ напр. въ лампанійской мѣди прибавляли 8% свинца. W. Abeken. Mittelitalien. стр. 377.

кипрских и кампанійскихъ рудникахъ ¹, отчасти вѣроятно также и на о. Эталіи (Aethalia, — Iuva: Elba), откуда Этруски уже очень рано вывозили желѣзо, которое плавили въ Популоніи и въ такомъ видѣ продавали. ² Олово („plumbum candidum“ или „album“) получали вѣроятно въ небольшихъ количествахъ съ острововъ близъ западнаго берега Ирландіи, такъ наз. Касситеридъ, ³ а позднѣе изъ Португалліи и Галиціи. ⁴ Точно также и добываніе свинца началось только въ позднѣйшее время, когда завоеванія раздвинули границы римскихъ владѣній за предѣлы Италіи. ⁵ Съ этого же времени Римляне узнали и научились цѣнить не только испанскую и норикскую сталь, ⁶ но и восточные клинки.

Такъ какъ въ числѣ ремесленныхъ цеховъ, учрежденныхъ, по преданію, Нумою, считался и цехъ мѣдниковъ, а цеха кузнечнаго не было, ⁷ то изъ этого можно заключить, что обработка желѣза началась у Римлянъ сравнительно поздно, первоначально же всѣ металлическія вещи они выдѣлывали изъ мѣди и, какъ свидѣтельствуя указанныя находки, достигли въ выдѣлкѣ ихъ такого же мастерства, ⁸ какого Этруски въ выдѣлкѣ украшеній. Большія металлическія вещи большею частью чеканили (въ противоположность мелкимъ вещамъ и украшениямъ, которыя отливали), рѣже отливали ихъ въ формы. Украшенія на нихъ выбивали, и притомъ не только на металлѣ, но и на подложенныхъ подъ него деревѣ или кожѣ; или же выкладывали ихъ изъ слоновой кости, эмали и т. п. . Впрочемъ, вѣроятно и въ Италіи ⁹ металлическому вооруженію предшествовало вооруженіе кожаное, хотя и кажется страннымъ, что Римляне перенесли греческое названіе кожи (skytos) на одну изъ формъ щита (scutum). Въ заключеніе замѣтимъ, что главнымъ мѣстомъ выдѣлки оружія и вооруженія былъ древній городъ Aretium (нын. Ареццо). ¹⁰

1. Охранительное вооруженіе Римлянъ во время Сервія Туллія состояло уже изъ тѣхъ же частей, какъ и вооруженіе Грековъ, т. е. изъ щита, шлема, нагрудника и поножей. Вышеупомянутое различіе въ стилѣ между римскимъ и этрускимъ оружіемъ и вооруженіемъ подтверждается и относительно щита въ частности, найденными въ одной этрусской гробницѣ бронзовыми щитами. ¹¹ Кромѣ того, что эти щиты похожи на древневосточные, малоазійскіе, древнеассирійскіе, кельтическіе и греческіе своею круглою формою, способъ ихъ орнаментации и самый характеръ ея до такой степени сходны съ азіатскими, что вліяніе восточнаго искусства здѣсь также

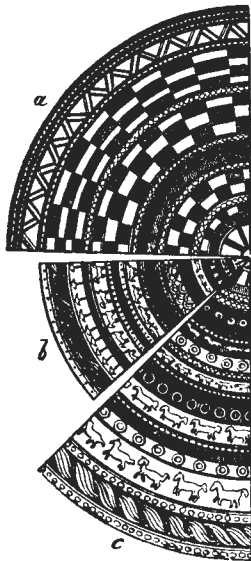
¹ Отъ прежнихъ итальянскихъ рудниковъ (Plin. Н. nat. III, 28) не осталось слѣдовъ даже и въ самомъ составѣ тамошней почвы. F. Hermann. Culturgesch. II, 3.—² Ср. O. Müller Die Etrusker. II, 241. W. Abeken, op. cit. 381.—³ W. Abeken ibid. 383.—

⁴ G. Klemm. Allgem. Culturgesch. VIII. 384.—⁵ О римскихъ рудникахъ см. I. et L. Sabatier. Production de l'or, de l'argent et du cuivre chez les anciens. St. Petersburg, 1850. A. Becker, Handb. röm. Alterthümer III, 143.—⁶ G. Klemm. Allg. Culturgesch. VIII, 384.—⁷ Th. Mommsen. Röm. Gesch. I, 179.—⁸ O. Müller, Handb. der Archaeologie § 173. Abeken, Mittelitalien, 377.—⁹ До насъ дошли бронзовыя пластинки превосходной чеканной работы, принадлежавшія къ вооруженію, съ художественными украшениями. Многія нося и поножи найденные въ греческихъ могилахъ не утратили еще своей упругости; они изъ красноватой мѣди высокаго качества. На нѣкоторыхъ изъ нихъ интересныя украшенія накладной работы: глаза и языкъ представленной на нихъ головы медузы—бывшей главнымъ украшеніемъ древняго вооруженія—вставлены изъ слоновой кости. W. Abeken. Mittelitalien. стр. 378.—¹⁰ O. Müller. Die Etrusker. I, 395.

¹¹ Ibid. p. 391, 97.

очевидно, какъ и въ этрусскихъ украшеніяхъ (ср. стр. 271 и фигг. 161, d; 124. a—d; 177. c—g; 227. ff.). Далѣе, совершенно такими же круглыми щитами вооружены почти всѣ древнеиталійскіе воины представленные на этрусскихъ картинахъ и скульптурахъ.¹

Фиг. 433.

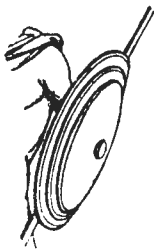

Что касается формы римскихъ щитовъ, то по показаніямъ писателей, старинные щиты были четырехугольные, потомъ вмѣсто нихъ стали употреблять перенятые отъ Этрусковъ круглые (*clupeī, aspes*), а при Сервіи Тулліи—заимствованные отъ Самнитянъ, большіе щиты (*scuta*).² Хотя и трудно рѣшить, что есть достовернаго въ этихъ извѣстіяхъ, тѣмъ болѣе, что основываясь на названіи слѣдуетъ предположить, что *scuta*, были заимствованы скорѣе отъ позднѣйшихъ (?) Грековъ, а не отъ Самнитянъ³, можно все таки принять, руководствуясь памятниками, что въ римскомъ войскѣ было два рода щитовъ — небольшіе круглые, подобные греческимъ (фиг. 434) и продолговатые щиты.

О *scutum*, весьма часто встрѣчающемся на изображеніяхъ (фиг. 435. f.)⁴ рассказываетъ Полибій (VI, 25), что до его времени это былъ щитъ обтянутый кожей и такой величины, что закрывалъ грудь вооруженнаго имъ всадника. По

Атенею (VI, 106), длина его доходила до 4 фут. при $2\frac{1}{2}$ ф. ширины. Дѣлался онъ изъ досокъ, сплоченныхъ такъ, что поверхность щита образовывала полуцилиндрическую выпуклость. Со временъ Камилла, его стали

Фиг. 434.

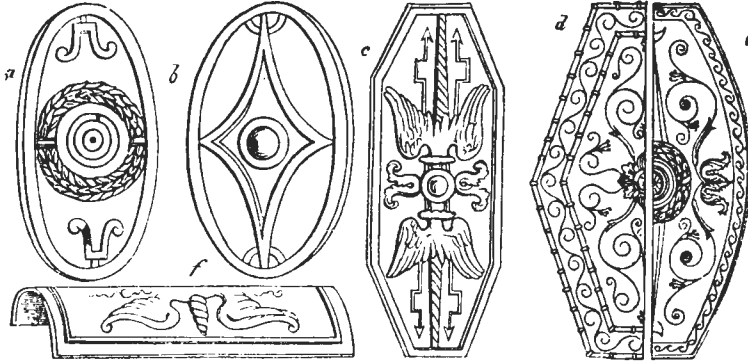

обивать по краямъ металлическимъ ободомъ,⁵ позднѣе (какъ это видно изъ Ливія (IX, 40) и по изображеніямъ)⁶ форма его измѣнилась и изъ четырехугольной превратилась въ осьмиугольную. На памятникахъ императорскаго періода *scutum* не имѣетъ уже прежней величины, но за то поверхность его нерѣдко очень богато украшена: середину ея обыкновенно занимаетъ выпуклость (*umbo*), отъ которой идутъ во всѣ стороны орнаменты (фиг. 435 c—f), иногда (большую частью, вѣроятно, на плоскихъ щитахъ отборныхъ войскъ: фиг. 435 c—e) изъ благородныхъ металловъ и искусной работы.⁷ Въ

¹ Ср. въ особенности военныя сцены на этрусскихъ вазахъ. Рисунки въ приведенныхъ выше соч. F. Inghirami, E. Gerhard и др.—² O. Müller, loc. cit. Th. Mommsen, Röm. Gesch. I, 412.—³ Такъ полагаетъ Моммсенъ (въ назв. ищетъ), противъ чего однако можно замѣтить, что употребленіе щитовъ подобныхъ *scutum* можетъ быть доказано у древнихъ Ассиріянъ и Египтянъ (ср. фиг. 40. f и 124. h), но не у Грековъ, и что слѣдов. названіе здѣсь имѣетъ отношеніе, повидимому, къ матеріалу, изъ котораго сдѣланъ щитъ, а не къ формѣ его.—⁴ Ср. рисунки Траяновой колонны. J. Gesner. Numismata antiqua Imper. usu Rom. О самомъ оружіи A. Becker. Handb. III, 238. not. 29, 241. not. 42.—⁵ O. Müller. Die Etrusker I, 392, not. 9—10.—⁶ Colonna Trajana, ed. Bartoli, fol. 4. 44.—⁷ Chr. Bernd. Das Wappenwesen der Griechen u. Römer. Bonn. 1841. Taf. I. 38—40.

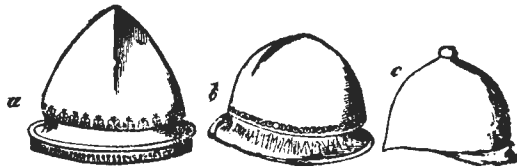
последствіи щиты каждой когорты носили одно и то же украшеніе, отличное отъ щитовыхъ украшеній другихъ когортъ, а на внутренней сторонѣ щита было вырѣзано имя солдата, названіе его когорты и центуріи. ¹

Фиг. 435.

Clipeus, или clipeum, или, какъ его называетъ Діонисій (IV, 16), аргосскій асписъ, круглый щитъ, похожій несомнѣнно на древнегреческій, былъ весь изъ бронзы и употреблялся также и Фаллисками. Кромѣ названныхъ видовъ щита, у Римлянъ былъ еще легкій круглый кожаный щитъ одного фута въ діаметрѣ, называвшійся pugio ²; имъ были вооружены легкія войска—velites. При императорахъ этотъ щитъ былъ замѣненъ небольшимъ овальнымъ съ металлической накладкой (фиг. 435 а. б.). ³ Подобно греческимъ, всѣ римскіе щиты были снабжены съ внутренней стороны двумя рукоятями (ср. фиг. 438. а.)

Фиг. 436.

Древнеиталійскіе (этрускіе) шлемы (какъ видно по сохранившимся образчикамъ ⁴ (фиг. 436 а — с), изъ коихъ нѣкоторые съ надписью на этрускомъ языкѣ: фиг. 436, б) были бронзовые и тоже восточной формы, именно—формы азіатскихъ шишаковъ (ср. фиг. 125, 226—219). Иные снабжены забраломъ въ родѣ маски; на статуй, найденной въ Сардиніи, шлемъ украшенъ рогами ⁵—древнѣйшимъ украшеніемъ азіатскихъ шлемовъ (ср. фиг. 110; 420). Шлемы на этрускихъ вазахъ приближаются формою къ

¹ F. Rückert. Das röm. Kriegswesen, стр. 14.—² Ibid.—³ Ср. G. Klemm. Allg. Culturgesch. VIII, 439.—⁴ O. Müller. Etrusker, I, 196; 393. W. Abeken, Mittelitalien, стр. 393. Mus. Borbon. Vol. IV. tav. XLIV, fig. 1 et 5; vol. V, tav. XXIX, fig. 2.—⁵ O. Müller, l. cit.

древнегреческимъ и отличаются высокимъ гребнемъ—украшение, приписываемое Ливіемъ (IX, 40; X, 38) Самнитянамъ.

У Римлянъ вмѣсто шлемовъ употреблялись первоначально шапки изъ мѣха или кожи ¹, удержавшіяся и въ позднѣйшее время въ нѣкоторыхъ отрядахъ войскъ. Эти шапки не должно впрочемъ смѣшивать съ тѣмъ головнымъ уборомъ изъ звѣриной шкуры, закрывавшимъ плечи и спину, который при императорахъ носили трубачи и знаменщики, и который былъ вѣроятно отличительнымъ нарядомъ, ² между тѣмъ какъ шапки служили просто для защищенія головы. Во время республики мѣсто шапокъ заступилъ металлическій шлемъ (*cassis*) съ высокимъ панашемъ (*crista*), а около 367 г. до Р. X. бы-

Фиг. 437.

ли введены стальные шлемы. ³ Панашъ во время Полюбія состоялъ изъ трехъ красныхъ или черныхъ перьевъ отъ одного до полтора фута вышины; ⁴ позднѣе его дѣлали либо изъ перьевъ германскихъ гусей, или изъ крашенныхъ конскихъ волосъ. По словамъ Вегеція, это украшеніе (снимавшееся во время похода) носили только предводители войска и центуріоны. ⁵ Представленные на Траяновой колоннѣ и др. памятникахъ, шлемы начальни-

ковъ и вообще знатныхъ отличаются совершенно греческими формами, между тѣмъ какъ головное вооруженіе простыхъ солдатъ походить на кожаную шапку обложенную металлическими полосами (фиг. 437, а—f). По свидѣтельству Арріана, всадникамъ даны были имп. Адріаномъ желѣзные позолоченные шлемы съ забраломъ и длинною красною гривой, а изъ другихъ авторовъ видно, что съ этого времени до Константина легіоны до такой степени изнѣжились, что вмѣсто тяжелыхъ шлемовъ носили паннонскія шляпы (*pilei*). ⁶

Найденныя частью въ Великой Греціи, ⁷ частью въ этрусскихъ гробницахъ ⁸ остатки кирасъ показываютъ, что употребленіе бронзовыхъ чекапной работы (вѣроятно впрочемъ греческой) латъ было извѣстно италійцамъ уже съ очень давняго времени. ⁹ Это подтверждается также и бронзовыми фигурами очень искусной работы, ¹⁰ хотя и нельзя положительно утверждать что она дѣйствительно этруская. Другія подобныя же фигуры указываютъ на употребленіе кирасъ чешуйчатыхъ ¹¹ и досчатыхъ, составленныхъ совершен-

¹ A. Becker. Handb. III, 253. not. 1398.—² Какъ напр. медвѣжьи шапки французскихъ саперовъ.—³ A. Becker. ibid. 247, not. 1367.—⁴ Ibid. 250, not. 1380.—⁵ F. Rückert, Das röm. Kriegswesen, стр. 15.—⁶ A. Becker. Handb. III, 373, not. 2117; 459.—⁷ Mus. Borbon. vol. IV. tav. XLIV, fig. 3.—⁸ Mus. Etrusc. Gregor. I. tab. XXI. fig. 9.—⁹ W. Abeken. Mittelitalien, стр. 394.—¹⁰ G. Micoli, Monum. ant. pop. ital. Tab. XXXVIII. Cp. Th. Hope. The costume of the ancients I, №№ 38, 39, 41, 44.—¹¹ G. Micoli, pl. XXXIX; Th. Hope, I, 42, 45, 46. и снимокъ съ вуска такой кирасы въ R. mus. Borbon. vol. V. tav. XXI. fig. 5.

но по древнеассирийскому способу изъ отдѣльных бляхъ или пластинокъ (фиг. 438, а. в. ср. фиг. 125, а. f. g; 128 d. e. f; 218; 286). Наконецъ, на

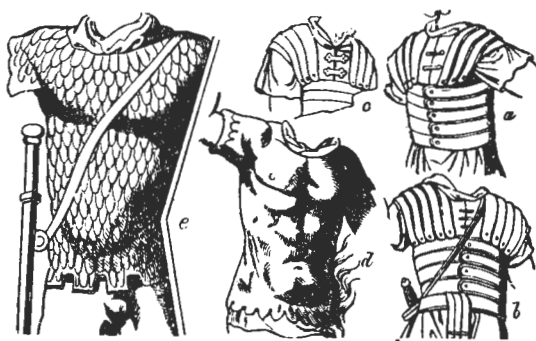
Фиг. 438.

различныхъ картинахъ и скульптурахъ встрѣчается вооруженіе подобное позднѣйшему греческому и вѣроятно перешедшее къ Римлянамъ отъ Грековъ.

Римское названіе кирасы—*logica*, даетъ основаніе предположенію, что первоначально римское вооруженіе было кожаное. Предположеніе это подтверждается и изображеніями простыхъ ратниковъ императорской эпохи (напр. на Траяновой колоннѣ): изъ этихъ изображеній видно, что большая часть рядовыхъ ратниковъ носили кожаную куртку, простые (фиг. 439 d) или на плечахъ и вокругъ туловища покрытыя металлически-

Фиг. 439.

ми пластинками (фиг. 439. а. в. с).¹ Такъ какъ эти пластинки были желѣз-

¹ Предположеніе Маркварта (A. Becker's Handb. III, 250. not. 1382), что эта часто встрѣчающаяся кираса, плотно обхватывающая тѣло, есть ничто иное какъ кольчуга—опровергается именно тѣми обстоятельствами, что она такъ часто встрѣчается и притомъ на простыхъ ратникахъ, одѣвать которыхъ въ кольчуги стоило бы слишкомъ дорого. Поэтому я и высказалъ приведенное въ текстѣ, какъ мнѣ кажется, основательное мнѣніе.

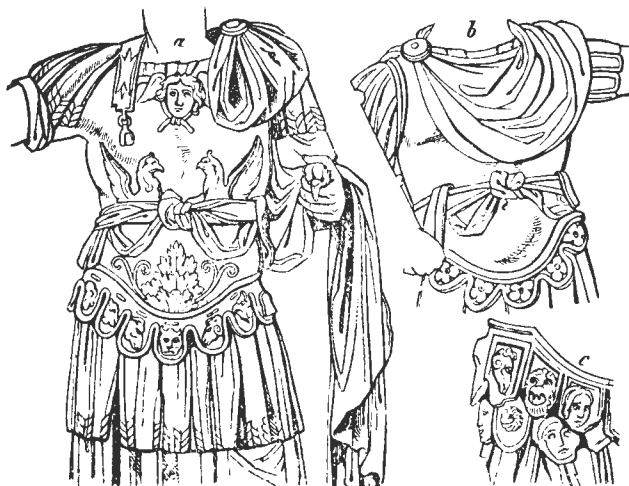
вые, то и самыя кирасы изъ нихъ составленныя назывались *loricae ferreae*. Иногда носили одни наплечники (*humeralia*) безъ пояса, иногда на оборотъ. ¹

Фиг. 440.

Кольчуги (*loricae hamatae*) и чешуйчатые кирасы (*lor. squamatae*) (фиг. 439. е) составляли вооружение отборныхъ отрядовъ и высшихъ военныхъ чиновъ. ² Военачальники и вообще знатные воины могли выбирать себѣ вооружение по собственному вкусу и средствамъ, поэтому и на дошедшихъ до насъ статуяхъ полководцевъ ³ поражаетъ не столько разнообразіе

Фиг. 441.

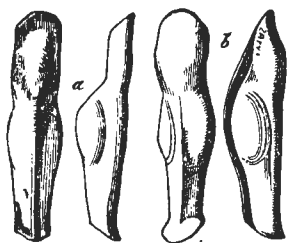

¹ W. Rückert. *Kriegswesen*, стр. 15, и A. Becker. *Handb.* III. 250. — ² Такия *loricae* носили преторианцы. A. Becker. *ibid.* — ³ Перечислены у О. Мюллера: *Handb. der Archaeologie* § 119. *Sp. Mus. Borbon.* V, *tav.* XXXVI и *passim*.

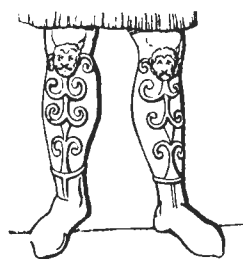
ихъ вооруженія, сколько художественность его украшеній и вообще отдѣлки (фиг. 440 а. б; 441 а. б. с). Поясъ, которымъ опоясывали кирасы, дѣлался изъ гибкой листовой бронзы (такіе пояса найдены въ могилахъ) или, какъ видно по статуямъ, изъ очень крѣпкой и плотной матеріи (фиг. 440 а. б; 441 а. б).

Наножники дошли до насъ также въ нѣсколькихъ экземплярахъ, изъ коихъ нѣкоторые прекрасно сохранились (фиг. 442 а. б). ¹ На ихъ видны надписи на этрускомъ языкѣ. Всѣ они бронзовые и до сихъ поръ еще не потеряли своей гибкости. ² Римскіе наножники (осгеае) выстилались съ внутренней стороны шерстяною подкладкой. Воины, вооруженные большими щитами (scutum), носили одинъ только наножникъ на правой ногѣ, которая не была закрыта щитомъ. ³ Наножники военачальниковъ и знатныхъ воиновъ отличались, подобно ихъ остальному вооруженію, богатою отдѣлкою (фиг. 443. ср. фиг. 280). Лучники, находившіеся въ римскомъ войскѣ (вѣроятно преимущественно азіатцы), носили наручники на правой рукѣ. Ср. фиг. 43. f; 125. f; 218. d. ⁴

Фиг. 442.

Фиг. 443.

Военную обувь составляли уже упомянутые толстые башмаки—caligae. Но военачальники нерѣдко замѣняли ихъ великолѣпно украшенными сандалями (фиг. 444), какъ объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя изображенія полководцевъ и главноначальствующихъ консуловъ ⁵.

Фиг. 444.

¹ Mus. Etrusc. Gregor. I. pl. XXI. fig. 3. Mus. Borb. V. tav. XLIV. fig. 7 и др. —
² O. Müller. Etrusker I, 391. Abeken, Mittelitalien, 394. —³ F. Rückert, Kriegswesen. стр. 16. —⁴ Ibid. —⁵ Ср. Mus. Borb. vol. V. tav. XXXVI и рядъ статуй приведенный у О. Мюллера, Handb. der Archaeologie § 119.

2. Меньше разницы замѣчается въ нападательномъ вооруженіи Этрусковъ и Римлянъ. Главнымъ оружіемъ тѣхъ и другихъ были мечъ и копье, по всей вѣроятности одинаковой формы, по крайней мѣрѣ въ доисторическое время. Всѣ извѣстія объ измѣненіи формы римскихъ мечей и копій относятся къ позднѣйшему періоду самостоятельнаго развитія римскаго войска. Изъ различныхъ видовъ римскаго копья, которые всѣ назывались общимъ именемъ *hasta*,¹ древнѣйшимъ было, вѣроятно, (что показываютъ и лингвистическія изслѣдованія) копье называвшееся *lancea*² (бронзовые наконечники такихъ копій дошли до насъ). По свидѣтельству Діонисія (I, 21; IX, 21), эти копья были главнымъ нападательнымъ оружіемъ Этрусковъ и походили совершенно на древнегреческія длинныя копья³; въ римскомъ войскѣ они были введены Сервіемъ Тулліемъ.⁴ Какъ у Этрусковъ, такъ и у Римлянъ, были кромѣ того легкія копья (*hastae velitares*)⁵ и дротики (*lanceae, gaesa, jacula*).⁶

Во время диктаторства Камилла и по его распоряженію⁷ введено было новое метательное оружіе, такъ называемое *pilum*. По показаніямъ римскихъ авторовъ, оно состояло изъ круглаго или четырехугольнаго древка въ 4 фут. длины, и такой же длины желѣзнаго наконечника, который былъ до половины рашепленъ и этимъ рашепомъ насаженъ на древко и прикрѣпленъ къ нему гвоздями такимъ образомъ, что оружіе, вонзаясь въ дѣло, изгибалось отъ собственной тяжести и становилось негоднымъ для употребленія, поэтому и не могло служить непріятелю. При Маріѣ одну половину рашепа приколачивали къ древку на глухо, или же замѣняли рашепъ трехграннымъ остриемъ,⁸ которое всаживали въ древко до половины и заклепывали. Во время Поибія наконечникъ *pilum* имѣлъ крючокъ (какъ острога), а древко оканчивалось желѣзнымъ остриемъ; для усиленія удара къ древку прикрѣплялась ременная петля.⁹

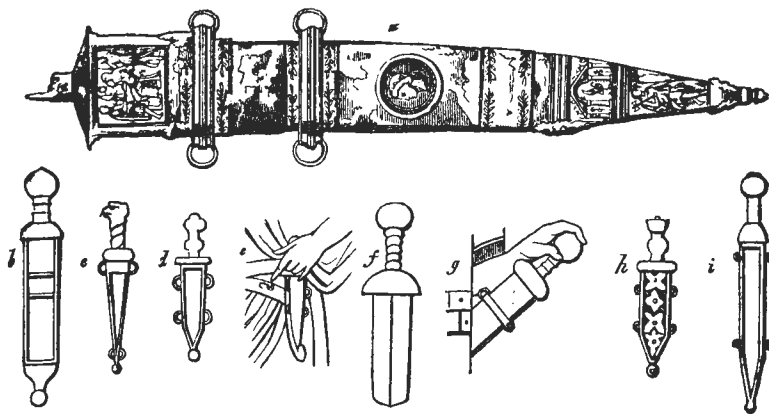
Мечи, какъ видно по сохранившимся экземплярамъ и обломкамъ,¹⁰ выдѣлывали, кромѣ желѣза, изъ твердой и мало гибкой бронзы.¹¹ Интереснымъ, хотя и ничего не рѣшающимъ указаніемъ на происхожденіе этого оружія можетъ служить то обстоятельство, что между тѣмъ какъ самое оружіе называлось латинскимъ словомъ „*gladius*“, названіе перевязи, на которомъ его носили, было этруское—*balteus*.¹²

¹ A. Becker, Handb. III, 244.—² Th. Mommsen, Röm. Gesch. I, 22. L. Lange Röm. Alterth. I, 43.—³ Ср. этрускія изображенія копейщиковъ: F. Inghirami, Mus. Etrusc. II, XLIX; G. Micali, Monum. ant. XXXIX и др.—⁴ O. Müller, Die Etrusker. I, 393.—

⁵ Греки считали этотъ родъ копій изобрѣтеніемъ Этрусковъ; они были очень легки и съ небольшимъ наконечникомъ: O. Müller, I, 395.—⁶ *Gaesa* были легкія дротики, которыми обыкновенно вооружалось сельское населеніе, когда его призывали къ войску. O. Мюллеръ, тамъ же. *Jacula*—дроты въ 4 ф. длины. Каждый велитъ нѣлъ при себѣ семь дротовъ: F. Rückert, Kriegswesen, стр. 14.—⁷ A. Becker, III, 247, not. 1367.—⁸ Ср. рисунокъ подобнаго наконечника у P. Hauben, Denkmäler von castra vetera, Pl. XLVII, fig. 10.—⁹ F. Rückert, Das römische Kriegswesen, 15.—¹⁰ Mus. Borbon. Vol. IV, tav. XLIV, fig. 5; V, tav. XXIX, fig. 4. Сюда же принадлежатъ наивѣрное и мечи найденные во Франціи и Германіи. Ср. A. Worsaae, Afbildninger, стр. 66 fig. 245. 247, 249. L'abbé Cochet, La Normandie souterraine (2 éd.) pl. VII, fig. 1—10. Вообще о древнихъ мечахъ. G. Klemm, Werkzeuge und Waffen, p. 179.—¹¹ W. Abeken Mittelitalien. p. 394.—¹² O. Müller, Etrusker I, 393.

У Римлянъ были въ употребленіи мечи различныхъ формъ: длинныя съ тупымъ концомъ—галльскіе; короткіе (около двухъ фут. длины) и остро-конечныя двулезвийныя испанскіе (фиг. 445 b. f. g. i). Носили мечъ или на поясъ, или на перевязи (balteus) черезъ плечо, и притомъ до Веспасі-

Фиг. 445.

она почти всегда на правомъ боку, пока не вошло въ обычай вмѣстѣ съ мечомъ носить и кинжалъ, который тогда занялъ мѣсто меча, а этотъ послѣдній былъ перенесенъ на лѣвый бокъ.¹ Иногда мечъ подвѣшивали такъ высоко, что рукоятъ его доходила до плеча (фиг. 446). При Адрианѣ были введены очень длинныя мечи, извѣстные подъ именемъ *spathae*. Дорогіе мечи украшали на рукоятъ и ножнахъ рѣзьбою и разными изображеніями, какъ это видно между прочимъ и по недавно найденному, покрытому серебрянными украшеніями, римскому мечу (фиг. 445. а; ср. ф. 447. с).²

Фиг. 446.

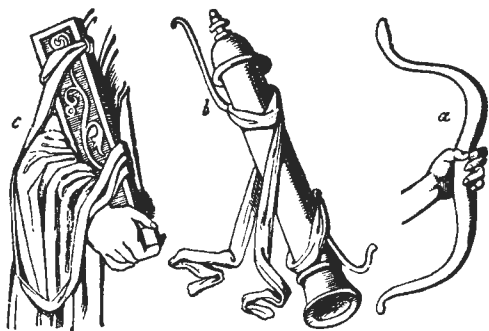
Лукъ и стрѣлы употреблялись въ римскомъ войскѣ одними только азіатцами служившими въ немъ, поэтому и самое оружіе осталось такимъ же, какимъ оно было на Востока, только луки дѣлались изъ стали.

Точно также и праща (*funda*)—хотя и была уже извѣстна Этрускамъ³—получила у Римлянъ значеніе военного оружія сначала только въ отрядахъ составленныхъ изъ чужеземныхъ наемниковъ, именно испанскихъ островитянъ, славившихся своимъ искусствомъ владѣть пращею. Позднѣе, при Траянѣ, былъ заведенъ цѣлый корпусъ пращниковъ (*fundibulatores*) и простая праща, состоявшая изъ ремешной петли (фиг. 450), была замѣнена усовершенствованною пращею (*fustibalus*),⁴ съ чрезвычайною

¹ F. Rückert. Das römische Kriegswesen. p. 14.—² Cp. L. Lerch. Das sogenannte Schwert des Tiberius. Mit 1 Folio-Tafel. Bonn 1849. См. рисунки въ R. Mus. Borbon. V, tav. XXIX. fig. 4. и L. Lindenschmit. Die Alterth. unserer heidnischen Vorzeit. I Hft. Mainz 1858.—³ O. Müller. Die Etrusker I, 395.—⁴ По Верейю (III, 14), *fustibalus* состоялъ изъ палки длиною въ 4 фута, къ одному концу которой была прикрѣплена

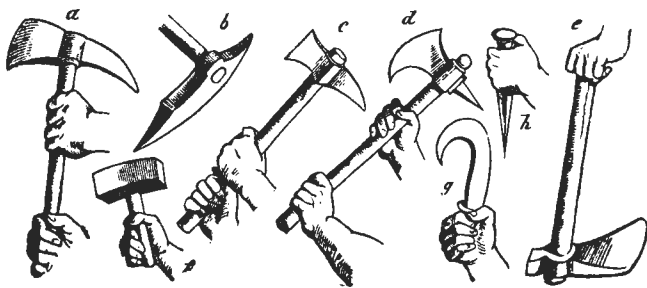
силою кидавшею камни (*lapides missiles*), ¹ свинцовые шары (*glandes*) ² и зажигательные снаряды.

Фиг. 447.

Топоры, сѣкиры, молоты и т. п. употребляли какъ оружіе только въ случаяхъ необходимости. Изображенія этихъ орудій на памятникахъ императорской эпохи даютъ понятіе о ихъ формѣ (фиг. 448, а—г), а многочисленные экземпляры, добытые въ раскопкахъ, ³ показываютъ, что для выдѣлки ихъ употреблялось преимущественно желѣзо, рѣдко бронза.

Фиг. 448.

Римская военная одежда.

Въ первыя времена Рима, пѣшіе воины носили одну тогу, а конные—трабею (*trabea*). Чтобы широкая одежда эта не стѣсняла движеній, её надѣвали особымъ образомъ, именно: тогу такъ, что тотъ конецъ ея, который обык-

ременная праща. Одинъ изъ ремней пращи доходилъ до противоположнаго конца пальца, такъ что пращникъ, держа палку обѣими руками, праживалъ вѣстѣ и этотъ ремень. Размахавъ палку нѣсколько разъ надъ головой, онъ выпускалъ изъ руки ремень пращи, отъ чего заложенный въ нее камень вылеталъ съ гораздо большею силою, чѣмъ изъ простой пращи. F. Rückert стр. 17. — ¹ Ср. L. Lange. *Röm. Alterth.* I, 393. — ² Свинцовые слитки съ надписями. Abeken. *Mittelitalien.* стр. 394. G. Semper, *Ueber die bleiernen Schleudergeschosse der Alten, etc.* Frankf. a. M. 1859. — ³ Ph. Houben *Denkmale von castra vetera.* Tab. XLVI; LXVIII. G. Klemm. *Werkzeuge u. Waffen* стр. 113, 117. A. Warsaee, *Abbildninger.* p. 68. fig. 259, 260.

новенно закидывался через плечо назадъ (сравн. фиг. 377 а—с), стягивали вокругъ талии и затыкали за складки (фиг. 449 съ-лѣва); трабею же вѣроятно просто обвязывали концами вокругъ тѣла (фиг. 449 справа). Такая манера опоясыванья тоги и трабеи называлась *sinctus gabinus* и удержалась въ римскомъ войскѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда воины должны были являться въ тогахъ.

Что касается тоги, то вѣроятно она уже рано уступила мѣсто той одеждѣ, которая была общепотребительна въ римскомъ войскѣ еще при императорахъ.¹ При нихъ простые ратники носили безрукавную туннику, шерстяной плащъ — *sagum* или *sagulum*² (фиг. 450) и узкіе штаны доходившіе до колѣна (фиг. 452 b; 453); позднѣе, можетъ быть при Адрианѣ, эти штаны были замѣнены длинными шароварами, а безрукавные тунники, тунниками съ длинными рукавами, даже двойными тунниками (фиг. 451 а—с.)

Одежда начальниковъ отличалась отъ солдатской (кроме, разумѣется, качества матеріала) только тѣмъ, что ихъ плащи были длиннѣе и шире (фиг. 452 а). Главнокомандующіе арміею (консулы и императоры) носили пурпурный плащъ, называвшійся *paludamentum* (фиг. 453.), остальная ихъ одежда была обыкновенная военная.

Къ отличіямъ центуріоновъ принадлежала толстая палка изъ виноградной лозы (*vitis*), которою они наказывали солдатъ³ (ср. фиг. 452 b). Отличіемъ полковыхъ музыкантовъ и знаменосцевъ были, по крайней мѣрѣ при Траянѣ, если уже не со временъ Августа—львиныя шкуры, покрывавшія имъ голову и спускавшіяся по спинѣ (фиг. 454 а b; 455 а).

Состоявшіе при легіонахъ музыканты раздѣлялись на *tubicines*, которые играли на трубѣ (*tuba*; фиг. 455. b) сигналы къ нападенію и отступленію; *cornicines*, обязанностью которыхъ было подавать въ длинный рогъ (*cornu*)

Фиг. 449.

Фиг. 450.

¹ F. Rückert. Das Kriegswesen. стр. 16.—² O. Müller. Etrusker I, 264.—³ F. Rückert. Op. cit. pp. 8, 43. A. Becker III, 282.

знакъ къ выступленію въ походъ (фиг. 455 а; 451 а), и наконецъ, *businatores*, трубившіе по ночамъ смѣну стражи. У конныхъ трубачей были короткія загнутыя на концѣ трубы (*lituus*: фиг. 455 с).¹

Фиг. 451.

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ авторовъ сообщаютъ, что въ древнѣйшее время Римляне не знали никакихъ знаменъ и полевыхъ значковъ, а замѣняли

Фиг. 452.

Фиг. 453.

¹ F. Rückert. p. 20. A Becker. Handbuch III, 425; о tuba, какъ изобрѣтеніи Этрусковъ, см. O. Müller, I. 397; II, 206. Обломокъ бронзоваго *lituus* у Micali, Monument. antich. ital. CXIII, fig. 7; ср. также Abeken. Mittelitalien. p. 395.

ихъ клокомъ сѣна привязаннымъ къ шесту, отчего, по мнѣнію этихъ авторовъ, произошло и самое названіе знамени—*manipulus* (горсть чего ни-

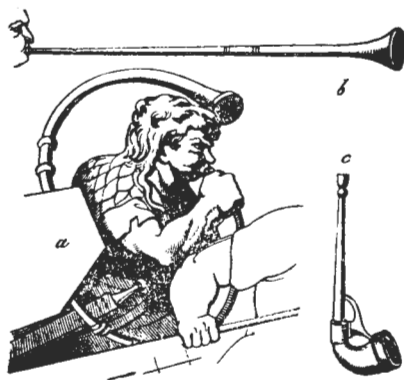
Фиг. 454.

будь) ¹. Это толкованіе было однакожъ отвергнуто и замѣнено другимъ, которое сближаетъ понятіе *manipulus* съ юридическимъ терминомъ *manus*, и съ нимъ же связываетъ металлическую руку римскихъ штандартовъ ² (фиг. 454 e). Такихъ рукъ, сдѣланныхъ изъ бронзы, было найдено въ Италиіи нѣсколько.

До Маріи въ римскомъ войскѣ не было общаго знамени. Онъ первый ввелъ изображеніе орла, ³ которое и осталось до конца общимъ знаменемъ всѣхъ легионовъ (*signum legionis*: фиг. 456 a), несмотря на то что всякая когорта имѣла кромѣ того свой собственный значокъ. ⁴ Эти значки были или *vexilla*—небольшіе четыре-

Фиг. 455.

¹ A. Becker. Handbuch. III, 253. not. 1399.; Th. Habel. Ueber die Feldzeichen des römischen Heeres: Annal. für Nassau. Alterthumskunde II, 118.—² L. Lange. Röm. Alterthümer I, 389: не оттого, какъ увѣряютъ, что первоначально военнымъ значкомъ служилъ пучокъ (*manipulus*) сѣна называлась эта мелкая военная единица *manipulus*, а называлась она такъ, какъ уменьшительное отъ *manus*—название войска вообще, потому что оно было подчинено власти—*imperium* или, по старому выраженію, *manus*—полководца. Поэтому же самому безъ сомнѣнія и первоначальнымъ штандартомъ небольшихъ отрядовъ (*manipuli*) была рука, какъ символъ власти, которой отрядъ былъ подчиненъ. См. тамъ же стр. 233.—³ A. Becker III, 264, 364 not. 1924.—⁴ Ibid. 346.

угольные знамена (у конницы—бѣлаго, красного и пурпурнаго цвѣта) ¹ привѣшенные къ горизонтальной перекладинѣ (фиг. 456 b), или signa—штан-
дарты, на которыхъ были прикрѣплены одно подъ другимъ металлическія

Фиг. 456.

изображенія (фиг. 457 a—f; 454 a—d). Иногда signum соединяли на од-
номъ древкѣ съ vexilla (фиг. 456 f), или съ vexilla и орломъ (фиг. 456
c), или водружали надъ нимъ одного орла (фиг. 457 a—c), что могло имѣть

Фиг. 457.

особое значеніе. Въ мирное время орлы хранились въ аераріумъ (казнохра-
нилищѣ), а въ лагерѣ (какъ numina legionum) въ особомъ помѣщеніи, ко-
торому было присвоено право прибѣжища, т. е. всякій укрывшійся въ него
почитался неприкосновеннымъ. ² Послѣ побѣды Константина надъ Максен-
тіемъ прежнее римское знамя было замѣнено штандартомъ съ изображеніемъ
креста и монограммы имени Христа (labarum). ³

¹ Ibid. 460 Ср. F. Rückert, Das röm. Kriegswesen. p. 35.—² Легионарный орелъ изъ позолоченной бронзы (подлинность котораго, впрочемъ, оспаривалась) былъ найденъ въ 1819 близъ Вюрцбурга. См. Curiositäten der phisisch-literarisch-artistisch-historischen Vor- und Mitwelt VIII (Weimar 1820) pp. 206, 222. Вышина орла 13 дюймовъ. A. Becker. Handbuch, III, 346.—³ F. Hermann. Culturgesch. II, 188.

Дѣленіе римскаго войска.¹

Первоначальною основою его было безъ сомнѣнія раздѣленіе народа на три большіе племенные союза (трибы): Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ (Ramnes—Tities—Luceres). Всѣ принадлежавшіе къ этимъ тремъ трибамъ были граждане и въ этомъ качествѣ обязаны были выставять изъ среды себя известное количество вооруженныхъ людей.² По извѣстіямъ, конечно довольно сбивчивымъ, о древнемъ римскомъ войскѣ (которые могутъ служить также указаніемъ и на устройство этрускаго войска),³ каждая трибаставляла 100 всадниковъ (celeres) и 1000 пѣшихъ ратниковъ (milites),⁴ такъ что всё войско состояло первоначально изъ 300 всадниковъ, подъ начальствомъ *tribunus celerum*, и 3000 пѣхотинцевъ, начальство надъ которыми было раздѣлено между тремя *tribuni militum*.

При Туллѣ Гостиліи количество воиновъ слѣдовавшихъ отъ каждой трибы было удвоено и потомъ снова удвоено при Тарквиніи.⁵ Весьма правдоподобно, что всадники, набравшіеся исключительно изъ патриціевъ, какъ тяжелооруженное войско составляли главную силу римской арміи; покрайней мѣрѣ, по разсказамъ, до Сервія Туллія битву рѣшали всегда всадники, когда, спѣшившись, они становились въ ряды сражающейся пѣхоты.

а. Сервій Туллій измѣнилъ существовавшее до него устройство войска⁶: онъ ввелъ фалангу подобную македонской, раздѣлилъ воиновъ на разряды на основаніи введеннаго имъ имущественнаго ценза⁷ и назначилъ для каждаго разряда известное вооруженіе и определенное мѣсто въ боевомъ строю.⁸ Уравнявъ права кліентовъ съ правами свободныхъ гражданъ, онъ распространилъ и военную повинность на всѣхъ осѣдлыхъ (*adsidui*) или зажиточныхъ (*locupletes*).⁹ Судя по этому, введенная имъ фаланга строилась, вѣроятно, въ восемь рядовъ и притомъ такъ, что каждыя два ряда состояли изъ воиновъ, принадлежавшихъ къ одному изъ 4-хъ разрядовъ подлежащихъ цензу. Такимъ образомъ въ составъ фаланги входили всѣ 4 разряда, причемъ вооруженіе каждаго разряда соответствовало объему его ценза. Первый разрядъ, состоявшій изъ самыхъ богатыхъ, носилъ полное вооруженіе, то есть: шлемъ, кирасу, щитъ (*clipeus*) и поножи (кроме меча и копья общихъ всѣмъ разрядамъ), второй разрядъ—шлемъ, поножи и большой щитъ (*scutum*), третій—только шлемъ и поножи, и наконецъ, четвертый—одни только деревянный щитъ, или даже не носилъ никакого оборонительнаго вооруженія. При этомъ нужно замѣтить, что длина копій каждаго ряда, начиная со втораго, увеличивалась сообразно удаленію этого ряда отъ передняго.

¹ Ср. преимущественно А. Becker. Handbuch III (2) 237, изслѣдов. Маркварта.—² «Бъ гражданскимъ повинностямъ принадлежали военная служба, право и обязанность носить оружіе. «Граждане были вѣстѣ и войскомъ (*populus*) и царь называлъ ихъ копейщиками (*quirites*)». Th. Mommsen, Röm. Geschichte I, 70.—³ O. Müller, Die Etrusker. I, 356, 390 и слѣд., II, 349.—⁴ L. Lange. Röm. Alterthümer I, 273.—⁵ Ibid. 327.—⁶ А. Becker. Handb. III, 239. F. Rückert. p. 2.—⁷ F. Hermann. Culturgesch. II, 34 sqq.—⁸ L. Lange. Röm. Alterth. I, 384. — ⁹ Th. Mommsen. Röm. Gesch. p. 81.

Кромѣ этихъ четырехъ разрядовъ фаланговыхъ воиновъ, Сервій Туллій образовалъ отдѣльный отрядъ *corarii*, которые были вооружены одними только дротиками и исправляли стрѣлковую службу. Къ нему примыкали, можетъ быть въ родѣ запаснаго отряда, пращники (*accensi velati*), которые впрочемъ не считались строевыми ратниками.

Усиливая пѣхоту, Сервій Туллій не упускалъ изъ виду и конное войско, но, назначивъ ему въ строю мѣсто по бокамъ фаланги, онъ черезъ это умалилъ его прежнее значеніе въ бою, такъ что не смотря на прибавленіе къ нему 12 новыхъ центурій—отчасти составленныхъ и изъ плебеевъ, чтó конечно не могло нравиться дотолѣ исключительно патриційскимъ всадникамъ—оно стало съ тѣхъ поръ считаться лишь послѣпѣхоты.¹ Кромѣ конницы, при каждомъ легіонѣ находилось извѣстное число кузнецовъ, мѣдниковъ, плотниковъ и трубачей, которые всѣ вмѣстѣ составляли 4 центуріи; конница имѣла также своихъ трубачей.²

б. Очень вѣроятно, что такая организація войска продержалась до Камилла (406 до Р. Х.),³ который, можетъ быть вслѣдствіе войнъ съ Галлами,⁴ замѣнилъ фаланговый строй манипулярнымъ или отряднымъ и, какъ уже выше было упомянуто, измѣнилъ отчасти и самое вооруженіе войскъ: онъ ввелъ стальные шлемы, обитые желѣзомъ щиты и предписалъ употреблять вмѣсто меча тяжелый дротъ — *pilum* (т. е. метательное оружіе вмѣсто ручного, или другими словами, рукопашный бой замѣнилъ боемъ издали). При немъ же войска начали получать жалованье, чтó дало возможность къ прежнимъ центуріямъ всадниковъ прибавить новый конный корпусъ, распредѣливъ его по легіонамъ. Всѣ эти нововведенія взятые вмѣстѣ даютъ основаніе предположить, что и вся военная тактика Римлянъ подверглась въ это время коренному преобразованію.⁵ О дальнѣйшемъ ея развитіи до временъ Полибія (146 до Р. Х.) мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ указаній; даже и самъ Полибій, въ своихъ извѣстіяхъ о позднѣйшемъ состояніи войска, не сообщаетъ объ этомъ промежуткѣ времени ничего болѣе кромѣ того, что съ распространеніемъ римскаго владычества и усиленіемъ римскаго войска чужестранными наемными и союзными войсками, составъ легіоновъ и организація ихъ подвергались различнымъ измѣненіямъ.⁶

с. Во время Полибія составъ легіоновъ, а вмѣстѣ и вооруженіе ихъ опредѣлялись уже не цензомъ, а преимущественно лѣтами службы. На этомъ основаніи войны раздѣлялись теперь на 4 разряда: *hastati*, *principes*, *triarii* и *velites*. Изъ нихъ только *velites* набирались по цензу (самому низшему) остальные же дѣлились по лѣтамъ службы на младшихъ, среднихъ и старшихъ. Только три первые разряда носили полное вооруженіе: шлемъ съ высокимъ панашемъ, желѣзомъ обитый щитъ, наконечники и кирасу (у перваго разряда были кольчуги или чешуйчатые панцыри). Кромѣ испанскаго меча, которымъ были вооружены всѣ четыре разряда (и *velites* тоже), у *hastati*

¹ L. Lange. Röm. Alterth. I, 354. — ² Ibid. 390. — ³ A. Becker, Handbuch. III, 247; ср. F. Rückert, стр. 5. — ⁴ Ср. F. Hermann, Culturgeschichte II, 48. — ⁵ Ср. Th. Mommsen, Röm. Gesch. I, 409. — ⁶ A. Becker Handbuch. III, 247 и особ. 268 и слѣд.

и *principes* были тяжелые дроты (*pilum*), у *triarii* только копья (*hasta*), а у *velites*,—оборонительное вооружение которых состояло из кожаной шапки (*galea*) и легкого круглого щита (*parma*),—по нѣскольку легких дротиковъ.

Такимъ же измѣненіямъ подверглось и вооруженіе всадниковъ, первоначально состоявшее, вѣроятно, изъ одного кожаного щита и такой же кирасы. Со времени войнъ съ Греціею, въ конницѣ было введено тяжелое вооруженіе по образцу греческаго: мѣдный шлемъ, мѣдная кираса съ набедрами и кожаными наножниками, и при этомъ большой четырехугольный щитъ, длинный мечъ и длинное копье съ остриемъ на каждомъ концѣ. По греческому же образцу могли быть вооружены и лошади всадниковъ, изъ чего слѣдовало бы, что и римская конница, подобно греческой, не знала ни сѣдла, ни стремянъ, ни шпоръ.¹

На распределение оружія не остался безъ вліянія тактической приемъ, введенный со времени кампанійскихъ войнъ и состоявшій въ томъ, что изъ корпуса велитовъ отряжалось извѣстное число солдатъ, которые должны были сражаться пѣшими, разсѣявшись между всадниками, и при атакѣ или отступленіи вскакивать сзади ихъ на лошадей. Эти велиты были вооружены мечомъ и круглымъ щитомъ.²

Начальство надъ цѣлымъ легіономъ* было ввѣрено шести военнымъ трибунамъ—*tribuni militum*, которые чередовались между собою такъ, что каждый начальствовалъ въ продолженіи 2-хъ мѣсяцовъ. Трибунамъ были подчинены центurioны шестидесяти центурій. Старшинство между центurioнами опредѣлялось съ одной стороны принадлежностью ихъ къ *hastati*, или къ *principes*, или къ *triarii*, съ другой — порядкомъ ихъ центурій въ отрядѣ (*manipulus*), главное начальство надъ которымъ принадлежало центurioну первой центуріи. При каждомъ центurioнѣ находился помощникъ его (*optio*), выбираемый самимъ центurioномъ, и знаменщикъ (*signifer* или *vexillarius*).

Съ учрежденіемъ новой конницы, (см. выше стр. 332) въ римскомъ войскѣ образовалось два разряда всадниковъ: всадники безъ лошади, (т. е. не получавшіе отъ казны лошадей, а служившіе на своихъ собственныхъ лошадяхъ), которые набирались изъ зажиточныхъ классовъ населенія, получали особое жалованье и въ послѣдствіи только одни составляли конницу легіоновъ, и *equites equo publico*. Эти послѣдніе, опираясь на сословныя привилегіи, служили только въ свитѣ главнокомандующаго и были членами военнаго совѣта.³

Немаловажное вліяніе на разчлененіе римской арміи и вооруженіе ея отдѣльных частей имѣло также и принятіе въ нее союзныхъ и вспомогательныхъ войскъ (*socii* и *auxilia*).⁴ Первоначально, *socii* (сначала только по-

¹ О введеніи сѣделъ, стремянъ и подковъ подробнѣе—F. Vagel, Geschichte der denkwürdigsten Erfindungen, Lpzg. 1842. I, 427 и слд.—² A. Becker, Handb. III, 259.—

* Римскій легіонъ состоялъ изъ 5-ти или 6-ти тысячнаго корпуса тяжело-вооруженныхъ, такого же корпуса вспомогательныхъ войскъ и отряда кавалеріи въ 300 человекъ. Rich. Dict. des antiquités rom. et grecques. Пер.—³ A. Becker. III 290.—⁴ Ibid. 297, 306; W. Rückert. Das röm. Kriegswesen, стр. 10.

бѣжденные латинцы) прямо включались въ войско, но позднѣе они (именно союзные города и латинскія колоніи) обязаны были поставлять вспомогательные отряды. Объ организаціи этихъ послѣднихъ положительнаго ничего сказать нельзя. Извѣстно только, что положеніе ихъ въ римскомъ войскѣ никогда не было самостоятельнымъ, и что они были раздѣлены на когорты, каждая съ своимъ особымъ знаменемъ, и въ боевомъ строю занимали мѣсто на флангахъ. ¹ Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока *socii*, вмѣстѣ съ правомъ римскаго гражданства, не получили права служить настоящими легіонерами.

Особую часть войска составлялъ отборный отрядъ главнокомандующаго. ² Въ немъ служили ветераны, поступавшіе на службу по охотѣ и получавшіе жалованье, молодые люди знатныхъ фамилій, союзники и наконецъ названные выше *equites equo publico*.

До второй войны съ Митридатомъ, главное начальство надъ всѣми военными силами республики принадлежало консулу или претору. Съ этого времени оно вѣрялось исключительно проконсуламъ или пропреторамъ, при которыхъ состояли, кромѣ квестора, два легата, командовавшіе отдѣльными частями войска во время битвы. Точно также и при диктаторѣ, кромѣ начальника конницы (*magister equitum*), находилось нѣсколько легатовъ. ³

По отношенію къ дѣйствительной службѣ солдаты раздѣлялись на обязанныхъ службою и отъ службы свободныхъ (*municipes* и *immunes, qui vacationem muneris habent*—строевыхъ и нестроевыхъ). Лагерная служба заключалась преимущественно въ шанцевыхъ работахъ и въ караулахъ. Она была вообще трудна, тѣмъ болѣе, что и на земляныхъ работахъ солдаты должны были оставаться въ полномъ вооруженіи (*accincti*).

Фиг. 458 а в.

вая статуйка этрусской (?) работы (фиг. 458. в).

Но еще обременительнѣе былъ для нихъ самый походъ ⁴ въ томъ отношеніи, что въ походѣ каждый солдатъ долженъ былъ нести на себѣ не только всю свою аммуницію, но еще нѣсколько кольевъ для постройки шанцовъ. Нѣкоторые отряды кромѣ всего этого несли на себѣ же различныя орудія и снаряды для земляныхъ работъ — корзины, лопаты и т. п. Чтобы облегчить переноску такого груза, который еще при Вегеціи вѣсилъ 60 римскихъ фунтовъ, Марій велѣлъ солдатамъ привязывать его къ шесту и нести шесть на плечѣ, вѣроятно такъ, какъ это представлено на Траяновой колоннѣ (фиг. 458. а). Другой способъ передвиженія багажа съ помощію ручной тележки ⁵ показываетъ найденная въ Сардиніи бронзо-

¹ Ср. F. Hermann, Culturgesch. II, 54.—² A. Becker. Handbuch III, 307.—³ Ibid. 308.—⁴ Ibid. 326—330; F. Rückert, Das röm. Kriegswesen. стр. 29.—⁵ Для срав-

d. Развитію военнаго дѣла у Римлянъ существенно способствовали ихъ войны съ Кимврами и Тевтонами, показавъ всю несостоятельность ихъ военной тактики, недостатки которой обнаружилия отчасти уже въ третью македонскую войну.¹ Чтобы устранить эти недостатки и вообще поднять ослабѣвшій духъ войска были предприняты новыя реформы Маріемъ, бывшимъ тогда консуломъ и главнокомандующимъ арміей.

Такъ какъ зажиточные люди всё болѣе и болѣе устранились отъ рядовой службы, то легіоны составлялись большею частью путемъ вербовки изъ однихъ только недостаточныхъ классовъ. Такимъ образомъ цензъ, какъ условіе для поступленія въ военную службу, потерялъ свое значеніе и „войско гражданъ“ постепенно замѣнилось „войскомъ наемниковъ“, которое по видимому считало себя не столько на службѣ у государства, сколько у главнокомандующаго, который платилъ ему жалованье. Вслѣдствіе этого, не только самый наборъ ратниковъ получилъ характеръ совершенно отличный отъ прежняго *delectus*—теперь незатруднялись принимать въ армію рабовъ и гладіаторовъ,—но измѣнилась значительно и прежняя организація легіоновъ и ихъ вооруженіе.²

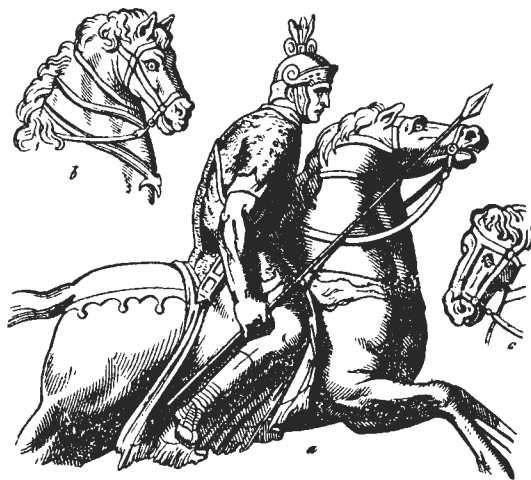
Легіоны, состоявшіе прежде изъ пѣхоты и конницы, остались теперь при одной пѣхотѣ, такъ какъ легіонерная конница постепенно отстранилась отъ полевой службы и примкнула къ отборному отряду главнокомандующаго, образовавши изъ себя родъ почетной стражи. Прежнее раздѣленіе пѣшихъ солдатъ на разряды по цензу и лѣтамъ службы исчезло, также какъ и различіе между *hastati*, *principes* и *triarii*, которые были уравнены между собою и въ вооруженіи, а *velites*, со времени югуртинской войны, уничтожены.³ Съ этихъ поръ конница легіоновъ составлялась изъ союзниковъ (*auxilii*):⁴ Галловъ, Испанцевъ, Фракійцевъ, Нумидійцевъ и даже Германцевъ. Эти союзныя войска дѣлились на отряды (*alae*) въ 300 и 400 человекъ и состояли подъ начальствомъ *praefecti alarum*, иногда ихъ единоплеменника, и большею частью носили національное вооруженіе.

e. При императорахъ римская армія получила характеръ постояннаго войска, которое было подчинено одному императору и управлялось въ провинціяхъ его намѣстниками, а въ Римѣ префектами. Августъ раздѣлилъ всѣ военныя силы на 4 главныхъ отдѣла: на легіоны (*legiones*), вспомогательныя войска (*auxilia*), гарнизоны и флотъ.⁵ Главное начальство надъ легіонами во время битвы ввѣрялось и при Августѣ (вмѣсто трибуновъ) легатамъ, которые обыкновенно были преторами и носили сенаторскій санъ. Прежніе *tribuni militum* не были однакожъ уничтожены, но состояли при легатахъ въ званіи *tribuni legionis*.

ненія пусть припоминать, прежде песьма употребительные, снабженные колесами ранцы путешествующихъ мастеровыхъ. Статуейкой этой можетъ быть объяснено происхожденіе тѣхъ бронзовыхъ колесъ и тележекъ, которыя иногда попадаются въ древнихъ германскихъ могилахъ (ср. выше стр. 89, примѣч.); что такія же тележки употреблялись для перевозки сосудовъ, объ этомъ будетъ сказано ниже, подъ рубрикою «Утварь». —¹ Ср. Th. Mommsen. Röm. Geschichte I, 741. —² F. Rückert Das röm. Kriegswesen. стр. 35. A. Becker Handbuch III, 339. Th. Mommsen Röm. Gesch. II, 190. —³ A. Becker III, 340. —⁴ О военныхъ реформахъ Цезаря см. Th. Mommsen Röm. Gesch. III, 356; 477. —⁵ A. Becker III, 350.

Къ *auxilia* принадлежали всѣ войска невходившія въ составъ легионовъ, но главную часть ихъ составляли отряды набравшіеся въ провинціяхъ, которыя однѣ доставляли конницу и отчасти также пѣхоту. По своему вооруженію (которое, какъ уже замѣчено, было ихъ національное) они раздѣлялись на лучниковъ (*sagittarii*)—пѣшихъ и конныхъ (фиг. 214; 215, а; 218, а. б), копейщиковъ (*contarii*), пандырниковъ (*cataphracti* фиг. 216), прашниковъ (*funditores*) и щитоносцевъ (*scutati*). Всѣ эти войска назывались, въ противоположность тяжеловооруженнымъ римскимъ, легкими (*leves cohortes*).

Фиг. 459.

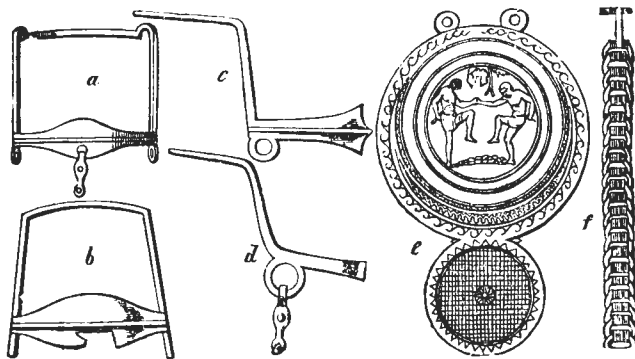
Поримски вооруженные всадники имѣли шлемъ, кирасу и, какъ видно по изображеніямъ Траяновой колонны (фиг. 459 а 460 а б), овальный щитъ или не имѣли вовсе щита; по извѣстіямъ же, нѣкоторые были вооружены боль-

Фиг. 460.

шими щитами (*scuta*). ¹ Нападательное оружие их составляли: длинный мечъ, копье и нѣсколько дротиковъ, которые они носили при себѣ въ особомъ колчанѣ. Чтоже касается тѣхъ отрядовъ, которые со времени Адриана были снова присоединены къ легіонамъ, то всѣ они были одѣты, вмѣсто кирасъ, въ красныя киммерійскіе кафтаны, имѣли вызолоченные шлемы съ подвижнымъ забраломъ и краснымъ султаномъ, наножники ² и легкіе щиты; конская сбруя этихъ отрядовъ была также очень красива (ср. фиг. 460): къ ней принадлежали серебряные и бронзовые нагрудники (*phalerae*), ³ образчики которыхъ были найдены въ раскопкахъ вмѣстѣ съ другими ея остатками — цѣпочками, бронзовыми удилами и т. п. (ср. фиг. 461 a—f и фиг. 459 b. c).

Фиг. 461.

Наконецъ, при каждой провинціальной арміи состоялъ особый отрядъ инженеровъ (*fabri*), подъ начальствомъ *praefecti fabrum*.

Для гарнизонной службы, какъ въ самомъ Римѣ, такъ и въ другихъ городахъ Италии, Августъ завелъ особыя когорты, называвшіяся преторіанскими (*praetoriae cohortes*). Онѣ состояли подъ начальствомъ префектовъ (*praefecti pretorii*), получали жалованье какъ и остальные войска, и служили въ лейбъ-гвардіи императора. Кромѣ преторіанской гвардіи, былъ еще другой гвардейскій корпусъ—*equites singulares Augusti*, составленный изъ людей различныхъ племенъ, преимущественно сѣверныхъ. Они носили шлемъ безъ султана, овальный щитъ, мечъ и копье (ср. фиг. 460. a); имъ прислуживали рабы. ⁴

Наборы продолжали существовать и при императорахъ, но были весьма рѣдко принудительными для гражданъ, а получили характеръ найма по договору, опредѣлявшему время службы, жалованье и обезпеченіе на старость. Въ легіоны принимали однихъ только гражданъ, рабовъ же вообще не допускали къ военной службѣ.

¹ Ср. Joseph, *Bell. Jud.* III, 5, 5.—² Конные легіонеры носили также наножники, почему и называются у Веренія «*ocreati equites*» F. W. Ruckert. стр. 16.—³ O. Müller *Die Etrusker*. I, 397; II, 255. W. Abeken. *Mittelitalien*, стр. 393.—⁴ A. Becker. *Handbuch* III, 389.

Что касается морской службы ¹, то въ неё набирались почти постоянно только люди принадлежавшіе къ низшимъ классамъ населенія. Даже и при императорахъ, флотскіе экипажи составлялись преимущественно изъ негражданъ (*peregrini*) и отпущенниковъ, да и начальственные должности во флотѣ были поручаемы тоже отпущенникамъ.

Съ тѣхъ поръ какъ римское войско обратилось въ постоянную армію, прежія его распушенность исчезла, благодаря чрезвычайно строгой дисциплинѣ. Высшая карательная власть была сосредоточена въ рукахъ главнокомандующаго, судейскія обязанности были возложены на трибуновъ, а исполненіе приговора (преимущественно тѣлесныя наказанія) поручалось или самимъ солдатамъ, или военнымъ ликторамъ.

Наказанія ² были различныхъ степеней. Самою низшею степенью было уменьшеніе жалованья и продолженіе срока обязательной службы; затѣмъ слѣдовало разжалованье, сопровождавшееся отнятіемъ копья, выставленіе къ позорному столбу внутри лагеря или изгнаніе изъ рядовъ войска, и наконецъ, тѣлесное наказаніе и смертная казнь (обыкновенно черезъ отсѣченіе головы). Измѣнникамъ и перебѣжчикамъ отсѣкали руки; иногда также обрекали ихъ на бой съ дикими звѣрями въ амфитеатрѣ.

Также разнообразны и постепенны какъ наказанія были и награды. Онѣ назначались тоже главнокомандующимъ и раздавались обыкновенно еще въ продолженіе войны, чаще всего въ лагерѣ, тотчасъ же послѣ сраженія. Онѣ состояли или въ присужденіи отличившимся извѣстной части военной добычи, въ прибавкѣ жалованья и повышеніи въ должности, или же въ публичной похвалѣ въ присутствіи всего войска и раздачѣ почетныхъ отличій, съ которыми получившіе ихъ имѣли право являться на всѣхъ общественныхъ празднествахъ. Въ древнее время такимъ почетнымъ отличіемъ было—копье безъ наконечника (*hasta pura*); позднѣе и въ особенности при императорахъ, стали раздавать въ видѣ награды—военные значки (*vexilla*), пурпуроваго или другого цвѣта, вышитые золотомъ, браслеты (*armillae*), золотыя или серебряныя цѣпочки, пряжки (*catellae* и *fibulae*), ожерелья (*torques*), вѣнки и небольшія золотыя или серебряныя бляшки съ вычеканенными на нихъ изображеніями, называвшіяся *phalerae*. Эти бляшки прикрѣплялись къ панцырю или кирасѣ ремнями (фиг. 462. а. b), для чего по краямъ у нихъ были пробиты отверстія. ³ Со временъ Каракаллы вмѣсто *phalerae* стали раздавать большія медали, иногда украшенныя камнями; ихъ носили на лентѣ.

Форма почетныхъ вѣнковъ ⁴ обуславливалась всегда тѣмъ поступкомъ, за который вѣнокъ давался. За спасеніе жизни товарища въ сраженіи давался дубовый вѣнокъ—*corona civica*; за взятіе приступомъ стѣны (городской или крѣпостной) назначалась *corona muralis*, золотой вѣнокъ слѣванный на подобіе стѣны съ башнями; за взятіе полевого укрѣпленія—*corona castrensis* или *vallar*, тоже золотой вѣнокъ, ободъ котораго имѣлъ форму

¹ См. F. W. Rückert. Das röm. Kriegswesen. p. 74 sqq.; A. Becker. Hdbuch. III, 393—395, 402.—² F. Rückert. Das röm. Kriegswesen. стр. 40. A. Becker. Handb. III, 436.—³ Ibid. 439, not. 2611 и слд.—⁴ F. Rückert, ibid. A. Becker. ibid.

вала крѣпостнаго. Кто въ морскомъ сраженіи всходилъ первый на непріятельскій корабль, получалъ *corona classica (rostrata или navalis)*—золотой обручь, украшенный вокругъ корабельными носами; полководцу, которо-

Фиг. 462.

му удалось вывести свое войско изъ опаснаго положенія, солдаты подносили сплетенный ими самими вѣнокъ изъ травы — *corona obsidionalis*.¹ Кромѣ того, за различные военные подвиги, опредѣлить которые теперь нельзя, давались *coronae aureae* и *gemmatae* (золотые вѣнки и украшенные камнями). Триумфаторъ получалъ триумфальный вѣнокъ (*corona triumphalis, myrtea или ovalis*), а солдатамъ, участвовавшимъ въ триумфальномъ шествіи, давали вѣнокъ изъ оливковыхъ листьевъ (*cor. oleagina*). *Corona triumphalis*² первоначально была изъ настоящихъ или сдѣланныхъ изъ золота лавровыхъ листьевъ; позднѣе она получила форму зубчатаго вѣнка и названіе *corona radiata*; *corona ovalis* назывался вѣнокъ изъ миртовыхъ листьевъ.

Изъ всѣхъ отличій, которыми Римъ награждалъ своихъ побѣдоносныхъ полководцевъ, дарованіе триумфа было самымъ почетнымъ.³ Въ назначенный для триумфа день, сенатъ, всѣ городскія власти и толпы гражданъ выходили на встрѣчу триумфатору къ *porta triumphalis*. Войдя въ городъ черезъ *porta carmentalis*, триумфальное шествіе направлялось, черезъ *velabrum* и *forum boarium*, въ *circus maximus* и оттуда по *via*

Фиг. 463.

¹ Ср. объ этомъ вѣнкѣ Bulletin de l'Inst. 1834. p. 39.—² O. Müller. Die Etrusker I, 371. F. Rückert стр. 40. A. Becker, III, 442 not. 2622.—³ Нижеслѣдующее по Beckerу Handb. III, 445 и слѣд. ср. также F. Rückert стр. 42.

sacra черезъ forum въ Капитолій. Всѣ улицы, черезъ которыя лежалъ его путь, были убраны цвѣтами и всѣ храмы въ городѣ открыты. Впереди процессія шли сенаторы и сановники въ полномъ орнатѣ; за ними слѣдовали трубачи (tubicines), за которыми несли и везли на повозкахъ доставшіеся отъ непріятели знамена, оружіе, сосуды, статуи, золото и серебро (въ монетахъ и въ слиткахъ), изображенія покоренныхъ триумфаторомъ городовъ и побѣжденныхъ имъ націй, наконецъ, модели взятыхъ крѣпостей, кораблей и военныхъ машинъ. ¹ Этотъ длинный рядъ военныхъ трофеевъ замыкался знатнѣйшими изъ плѣнниковъ, которые шли по парно, и жрецами сопровождавшими назначенныхъ для жертвоприношенія бѣлыхъ быковъ. Непосредственно затѣмъ слѣдовалъ самъ триумфаторъ, предшествуемый ликторами съ увитыми лавромъ fasces и привѣтствуемый восклицаніями io triumphe! Онъ стоялъ на высокой, богато украшенной колесницѣ, запряженной четверней ²; на немъ была вышитая золотыми пальмами tunica palmata и пурпурная toga picta; въ рукѣ онъ держалъ жезлъ изъ слоновой кости (scipio eburneus), а на головѣ имѣлъ лавровый вѣнокъ. Вокругъ него сидѣли его дѣти или ближайшіе родственники. По сторонамъ и сзади колесницы шли apparitores, ѣхали верхомъ legati и tribuni. Шествіе замыкало возвратившееся изъ похода войско. ³ Въ Капитоліи триумфаторъ снималъ лавровые вѣтви съ fasces ликторовъ и клалъ ихъ на колѣна статуи Юпитера. Затѣмъ приносима была жертва и торжество оканчивалось пиромъ, который давали триумфатору сенатъ и магистраты города. — При ovatio (маломъ триумфѣ) полководецъ шолъ пѣшкомъ или ѣхалъ верхомъ; онъ былъ одѣтъ въ toga praetexta и увѣнчанъ миртовымъ вѣнкомъ.

Фиг. 464.

¹ Триумфальное шествіе Емілія Павла продолжалось три дня: въ первый день провезены были 250 повозокъ съ статуями и картинами, на 2-й день, македонское оружіе доставшееся побѣдителю и 75 сосудовъ съ золотомъ и серебряною монетою, на третій, 120 жертвенныхъ быковъ съ позолоченными рогами, потомъ 400 золотыхъ вѣнцовъ и т. д. —

² Триумфальную колесницу Помпея везли 4 слона. — ³ Ср. O. Müller. Die Etrusker. II, 192.

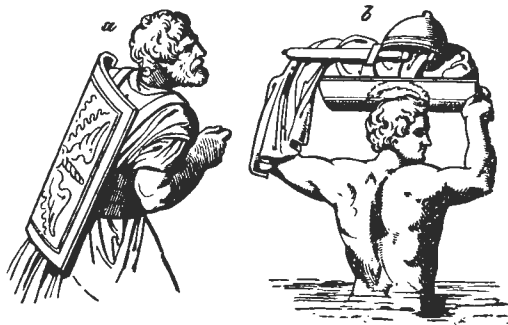
При Траянѣ вооруженіе римскаго войска измѣнилось сравнительно съ прежнимъ, особенно вооруженіемъ временъ республики, въ томъ отношеніи, что оно стало вообще легче и удобнѣе. Относящіяся къ этому времени изображенія показываютъ солдатъ одѣтыхъ въ простыя рубашки (фиг. 464 б) или въ короткія кожаныя куртки (404 а); полное вооруженіе не встрѣчается болѣе, хотя кираса еще преобладаетъ. Притомъ у всѣхъ почти солдатъ плащи, на ногахъ высокіе башмаки и штаны, на шеѣ повязки въ родѣ галстука (фиг. 465). Точно также и въ конницѣ не всѣ солдаты одѣты въ кирасы.

Фиг. 465.

Способъ переноски багажа на походѣ остался прежній, введенный Маріемъ (фиг. 458); большой щитъ носили за плечами (фиг. 466); при переправѣ въ бродъ черезъ рѣки въ него клали оружіе и платье (фиг. 466. б). Прежнее правило быть на работахъ въ полномъ вооруженіи осталось во всей силѣ; щитъ и шлемъ позволялось однакожъ снимать и ставить подлѣ себя (фиг. 467).

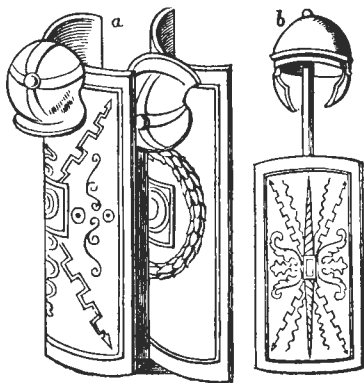
Фиг. 466.

При Адрианѣ тяжелое вооруженіе было почти вовсе оставлено, и шлемъ и кираса замѣнены паннонскою шляпою и кожанымъ казакиномъ. При немъ же былъ снова введенъ старинный фаланговый строй, въ которомъ солдаты первыхъ четырехъ рядовъ были вооружены каждый двумя тяжелыми дротами (*pila*), большимъ (*spiculum*) и малымъ (*vericulum*), а остальные ряды имѣли длинныя мечи (*spathae*) и копья.

Съ уничтоженіемъ манипуловъ вѣроятно исчезли и ихъ значки. Покрайней мѣрѣ при Адріанѣ у центурій были знамена (*vexilla*), а у когортъ—

Фиг. 467.

штандалты (*signa*), называвшіеся по своей формѣ, несомнѣнно перенятой у чужеземныхъ союзныхъ войскъ, драконами (*dracones*), отчего и носившіе ихъ знаменщики назывались *draconarii* (ср. фиг. 220). Наконецъ къ фалангѣ или легіону были снова присоединены конные отряды, какъ это было и прежде; но долго ли они просуществовали — неизвѣстно, однакожъ при Вегеціи ихъ уже болѣе не было.

Если при описаніи одежды и вооруженія Римлянъ мы имѣли возможность обозначить покрайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ главныхъ моментовъ развитія той и другого, то, переходя теперь къ разсмотрѣнію римской богослужебной одежды, мы не будемъ въ состояніи представить даже и такихъ поверхностныхъ указаній, вслѣдствіе совершеннаго недостатка достовѣрныхъ источниковъ. Изученіе религіознаго быта Римлянъ ¹ началось уже въ то время, когда народное преданіе о происхожденіи боговъ и богослужебныхъ обрядовъ настолько затемнилось или даже забылось, что изслѣдователи, по неимѣнію данныхъ, были вынуждены прибѣгать къ гипотезамъ, къ сожалѣнію слишкомъ часто неосновательнымъ, иногда даже въ высшей степени страннымъ.

Первыя изслѣдованія, имѣющія характеръ исторической достовѣрности, принадлежать двумъ римскимъ писателямъ—Варру и Веррію Флакку. Основываясь на нихъ, можно принять, что институтъ римскихъ жрецовъ, также какъ и государственнй строй римскій, сложился по первообразу семейства, былъ какъ бы его сколкомъ *. Какъ первоначально, когда еще от-

¹ Главн. источники: J. Marquardt, *Der Gottesdienst*, какъ продолженію A. Becker's Handb. der röm. Alterth. IV. Lpzg. 1856.—Th. Mommsen. *Röm. Gesch.* I, 151 sqq. L. Preller, *Röm. Mythol.* Berlin. 1868. J. A. Hartung. *Die Religion der Römer.* Erlang. 1836. O. Müller (Etrusker), A. Ambrosch, G. Woeniger, назв. выше ихъ соч.

* Для объясненія этого прилагаемъ сопоставленіе домашняго и общественаго богослуженія, вкратцѣ извлеченное нами изъ названнаго выше соч. Маркарта (Becker's Handb. IV): Каждое римское семейство имѣло своихъ домашнихъ боговъ охранителей и покровителей дома: ларовъ и пенатовъ; ихъ алтаремъ былъ домашній очагъ, на которомъ постоянно горѣлъ огонь, поддерживаемый дочерями семейства. Римское государство имѣло также своихъ ларовъ и пенатовъ и свой домашній очагъ. Его ларами были Ромулъ и Ремъ, основатели Рима, и тѣни всѣхъ оказавшихъ ему важныя услуги (*lares publici*), его пенатами—*dii penales*, т. е. небо и земля; имъ служилъ *pontifex maximus* съ коллегіей понтификсовъ, какъ въ семьѣ—ея глава съ своими домохозяевами. Домашнимъ очагомъ государства былъ храмъ и алтарь Весты, на которомъ, тоже какъ въ семьѣ, священный огонь поддерживали дочери семья-государства—Весталки. Далѣе, какъ каждый родъ (*gens*), имѣлъ, кроми ларовъ и пенатовъ, своего бога покровителя, такъ и государство римское имѣло сво-

дѣльныя племена не были соединены подъ единоличную власть, богослуженіе отправлялось въ каждой семьѣ отдѣльно отъ другихъ, самимъ главою семейства и подъ его руководствомъ, причемъ младшіе члены семьи служили ему помощниками, такъ и при учрежденіи общественнаго богослуженія отправленіе и блюденіе его было ввѣрено особымъ лицамъ, которыя вмѣстѣ съ своими помощниками и образовали жречество. Его начало древніе связывали съ основаніемъ Рима, а Нумъ приписывали установленіе жреческой іерархіи, относя такимъ образомъ и то и другое къ доисторическому времени.

Въ этой предполагаемой іерархіи главою общественнаго культа былъ царь, бывшій въ то же время и жрецомъ Януса, важнѣйшаго изъ божествъ, чтившихся Римлянами. Послѣ царя первое мѣсто принадлежало тремъ жрецамъ: жрецу Юпитера—божества племени Рамновъ, жрецу Марса—божества Тиціевъ, и жрецу Квирина—общаго божества всего народа воиновъ или копейщиковъ (*quirites*). Жрецы эти назывались *flamines* (т. е. возжигатели или раздуватели жертвеннаго огня, отъ *flare*) и каждый отдѣльно по своему божеству: *flamen Dialis*, *Martialis* и *Quirinalis*.

При назначеніи этихъ трехъ жрецовъ отправленіе богослуженія женскимъ божествамъ перешло, вѣроятно, къ ихъ женамъ, которыя, какъ *flaminicae*, были, можетъ быть, подчинены царицѣ, бывшей въ свою очередь жрицею главнѣйшей изъ богинь.

Первоначально, можетъ быть до Сервія Туллія, въ Римѣ не было одного общественнаго алтаря, а каждая изъ тридцати курій, на которыя Пума раздѣлилъ римскій народъ, имѣла свой собственный алтарь и своего „возжигателя“—*flamen curialis*. Надъ каждымъ десятью куріальными фламинами былъ поставленъ *decurio*, а надъ всѣми ними—*curio maximus*. Отправлявшееся дочерью семействъ богослуженіе домашнимъ богамъ, ларамъ и пенатамъ, было возведено при Сервіи Тулліи въ общественное богослуженіе Вестѣ, въ жрицы которой выбирались сначала 4, а послѣ 6 дѣвицъ.

Рядомъ съ богослуженіемъ высшимъ богамъ, возникло богослуженіе другимъ народнымъ богамъ, представители котораго составляли настоящіе братства, были товарищами (*sodales*) и братьями (*fratres*). Таковы были братства Салиевъ (*Salii*) и служившее богинѣ Діѣ братство двѣнадцати „полевыхъ братьевъ“ (*fratres arvales*). *Salii* были жрецами древняго римскаго божества Марса, а потомъ сабинскаго Квирина, въ честь которыхъ отправлялся ежегодно въ Мартѣ мѣсяцъ празднествъ съ пляскою и пѣнями; *fratres arvales* служили Діѣ творящей богинѣ, мѣстомъ поклоненія которой была

ихъ. Первоначально это были—Янусъ, Юпитеръ, Марсъ и Квиринъ; впоследствии къ нимъ присоединены были другія божества и всѣ они назывались *dii patrii*. Служенію ихъ предстои́ли понтифексы, которые поэтому и назывались *sacerdotes publici* по преимуществу. Но не только весь народъ, какъ одно семейство, имѣлъ своихъ религиозныхъ представителей въ жрецахъ, но и каждое подраздѣленіе населенія имѣло свой алтарь и служило на немъ богамъ въ лицѣ своихъ представителей: въ куріяхъ такими представителями были *curiones*; *pagi* и *vici* имѣли своихъ въ лицѣ *magistri pagorum* и *vicorum*. Это народное богослуженіе называлось *sacra popularia* и отличалось отъ общественнаго (*sacra publica*) тѣмъ, что въ немъ принималъ участіе самъ народъ, общественное же совершалось за народъ (*pro populo*) безъ участія послѣдняго, иногда въ отсутствіи его и даже скрытно отъ него, какъ напр. жертвоприношенія *bonae deae* приносились *pro populo*, но *in secreto*. Пер.

священная роща, гдѣ её молили о плодородіи земли. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ братствъ, существовало много другихъ, возникшихъ тоже въ очень раннее время, отчасти изъ родовыхъ культовъ, для поддержанія этихъ послѣднихъ. Таково было братство Тиціевъ, братство Геркулеса, чествовавшегося въ родѣ Потіціевъ и Пинаріевъ, и наконецъ, братство жрецовъ *Iugesci*, праздникъ которыхъ въ честь палатинскаго Фавна приходился въ половинѣ Февраля и до позднѣйшаго времени сохранилъ характеръ шумнаго пастушьаго карнавала.

Кромѣ названныхъ братствъ существовали другія общины жрецовъ, такъ называемыя коллегіи (*collegia*), члены которыхъ, какъ хранители священныхъ знаній, были совѣтниками во всемъ касавшемся богослуженія.

Древнѣйшею была учрежденная Ромуломъ коллегія авгуровъ или австиціевъ. Главною обязанностью ихъ было узнавать волю боговъ по наблюденіямъ надъ полетомъ птицъ, паденіемъ молніи и другими случайными явленіями. Пока Римляне держались набожнаго обычая не начинать никакого важнаго дѣла, не испытавъ предварительно, будетъ ли оно угодно богамъ, до тѣхъ поръ были въ чести и авгуры; но съ ослабленіемъ въ народѣ религіозности, ихъ значеніе пало и предсказанія ихъ утратили обязательную силу.

Другой не менѣе важный институтъ, имѣвшій вѣроятно цѣлю храненіе священныхъ преданій о мѣрахъ, объ астрономическихъ вычисленіяхъ для установленія праздниковъ, о старинныхъ техническихъ приемахъ, числахъ и т. п. назывался коллегіею понтифексовъ, — названіе, которое обыкновенно производятъ (хотя и не безъ опроверженій) отъ должности ихъ, какъ строителей моста черезъ Тибръ. Благодаря разнообразнымъ свѣденіямъ, которыми обладали понтифексы, и въ особенности вслѣдствіе того, что отъ нихъ однихъ зависѣло назначеніе всѣхъ торжественныхъ дней, коллегія ихъ уже рано захватила въ свои руки верховный надзоръ не только надъ отправленіемъ общественнаго богослуженія, но и надъ всѣмъ римскимъ жречествомъ. Первоначально она состояла изъ пяти членовъ, въ послѣдствіи изъ девяти, изъ которыхъ одинъ старѣйшій былъ предсѣдателемъ и назывался *pontifex maximus*.

Наконецъ, существовала еще третья, не менѣе древняя коллегія феціаловъ или пословъ, обязанностью которыхъ было охранять заключенные съ сосѣдними землями договоры и освящать извѣстными, преданіемъ завѣщанными обрядами объявленіе войны и заключеніе мира.

Кромѣ названныхъ жреческихъ учреждений, основателемъ которыхъ преданіе считаетъ Нуму, оно приписываетъ ему же введеніе въ Римъ чужеземныхъ культовъ и назначеніе нужныхъ для отправленія ихъ жрецовъ — фламиновъ. Гораздо вѣроятнѣе будетъ однакожъ отнести это приращеніе римскаго богослуженія и жречества ко времени Тарквинія, когда Римляне ближе узнали греческія племена и, какъ весьма вѣроятно, по своей склонности къ пантеизму, прежде всего отъ нихъ приняли ихъ боговъ и присоединили къ своимъ. Тѣмъ не менѣе чуждые культы и чужеземные боги были всегда строго отличаемы отъ туземныхъ, и даже помѣщали ихъ отдѣльно отъ послѣднихъ. Точно также и жрецы новыхъ или принятыхъ боговъ назывались *flamines minores*, въ отличіе отъ трехъ поименованныхъ выше служителей

народныхъ римскихъ боговъ—*flamines majores*. Впрочемъ, по мѣрѣ слиянія культовъ различіе это постепенно стиралось и наконецъ совсѣмъ исчезло. Распространенію и утвержденію греческихъ религіозныхъ воззрѣній въ средѣ римскаго народа особенно много содѣйствовали доставшіяся Тарквинію, какъ принимали, отъ кумскихъ грековъ, содержавшія въ себѣ собраніе древнѣйшихъ греко-азійскихъ вѣщихъ изрѣченій — такъ называемыя сивилльскія книги, которыя и были при Тарквиніи же объявлены священными. Для храненія этихъ книгъ и толкованія собранныхъ въ нихъ прорицаній были установлены особые жрецы, число которыхъ первоначально ограничивалось двумя, въ послѣдствіи увеличилось до десяти, наконецъ до пятнадцати, отчего и сами жрецы назывались сначала: *duumviri*—, потомъ *decemviri*—, наконецъ, *quindecimviri sacris faciundis*.

Вѣроятно при Тарквиніи же былъ перенесенъ въ Римъ изъ Этруріи институтъ гаруспиціевъ (*haruspices*), дѣятельность которыхъ была почти таже, что и авгуровъ, съ тѣмъ только различіемъ, что они узнавали волю боговъ изъ внутренностей животныхъ. Это сходство и помѣшало имъ вначалѣ образоваться въ такую же государственную коллегію, какъ и авгуры, и только при концѣ республики значеніе ихъ возвысилось настолько, что безъ нихъ не совершались никакія общественныя жертвоприношенія. Тѣмъ не менѣе они не приобрѣли популярности въ народѣ, которому вообще не нравился этрусскій культъ съ его мистицизмомъ, мрачнымъ вѣрованіемъ въ адъ и человѣческими жертвами.

Учрежденіе республики совершенно измѣнило характеръ жречества. Съ одной стороны всѣ жрецы были поставлены въ зависимость отъ римскаго Сената и ему подчинены, какъ и всѣ другіе государственные чиновники, а съ другой—подобно этимъ послѣднимъ они были вовлечены въ борьбу плебеевъ съ патриціями, по окончаніи которой они утратили прежнее свое исключительное положеніе, пока наконецъ не превратились въ настоящихъ магистратовъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ выборъ лицъ на занятіе трехъ важнѣйшихъ жреческихъ должностей былъ предоставленъ комиціямъ (закономъ *lex Domitia*, 104 г. до Р. X.). Не рѣдко случалось, что высшія государственныя и высшія жреческія должности соединялись въ одномъ лицѣ.

Что касается собственно религіи, то она не потерпѣла за всё это время никакихъ ощутительныхъ измѣненій. Ассимиляція чужихъ, преимущественно греческихъ культовъ продолжалась и дошла до того, что около 269 года въ стѣнахъ Рима появились храмы воздвигнутыя греческимъ богамъ. Это усиленіе чужестранныхъ культовъ въ ущербъ народному, вмѣстѣ съ распространеніемъ сношеній съ Греками, лишило однакожъ прежнюю набожность Римлянъ ея внутренней опоры и превратило её съ одной стороны въ совершенное безвѣріе, съ другой въ грубѣйшее суевѣріе, находившія себѣ обильную пищу, первое — въ сочиненіяхъ греческихъ философовъ, послѣднее — въ занесенныхъ преимущественно изъ Малой Азіи мистеріяхъ.

Но по мѣрѣ того какъ слабѣло религіозное чувство, внѣшнія формы римскаго культа—собственно богослуженіе, становились всё пышнѣе: религіозныя празднества получили характеръ торжественныхъ зрѣлищъ, а жертвоприношенія обратились въ настоящія жертвенныя пиршества, такъ что

для завѣдыванья ими была учреждена (по предложенію трибуна Лип. Лукулла) особая должность, которая и была раздѣлена между тремя помощниками понтифексовъ. На нихъ возложена была обязанность устраивать пиршества (*epulae*) въ честь Юпитера капитолійскаго, почему они и назывались *triumviri epulones*; въ послѣдствіи число *epulones* увеличилось до семи — (*septemviri*) и доходило даже до 10, впрочемъ на короткое время.

При императорахъ служеніе иностраннымъ, преимущественно восточнымъ божествамъ до того усилилось, что не смотря на всѣ попытки остановить этотъ наплывъ культовъ и оградить отъ ихъ вторженія національную религію, Римъ превратился въ сборное мѣсто не только разнообразнѣйшихъ религіозныхъ системъ, но и всевозможныхъ жрецовъ. Чувственные культы малоазійской Кибелы, кашпадокійской Ма, служеніе Озирису, Изидѣ и др. нашли себѣ ревностныхъ послѣдователей въ римлянахъ, которые теперь стали падки на всякое суевѣріе и всякія чародѣйства и въ тайнѣ отправляли различныя мистеріи. А между тѣмъ почти всѣ эти культы выставляли напоказъ самое крайнее безстыдство, а нѣкоторые изъ нихъ кромѣ того требовали еще страшныхъ жертвоприношеній. Уже около 97 до Р. Х. римскій сенатъ нашолся вынужденнымъ запретить человѣческія жертвы! —

А. Сравнивая между собою внѣшнія отличія римскихъ жрецовъ позднѣйшаго времени, — о которыхъ только и дошли до насъ достовѣрныя извѣстія, — мы различаемъ въ нихъ отличія, имѣющія символическое значеніе и возникшія безъ сомнѣнія въ очень раннее время, и отличія, составляющія принадлежность официального жреческаго костюма, установленнаго во время республики, когда жрецы были приравнены по значенію своему къ магистратамъ. Не имѣя возможности, по недостатку данныхъ, ни указать на происхожденіе символическихъ отличій, ни объяснить ихъ первоначальное значеніе, мы должны ограничиться описаніемъ только тѣхъ характеристическихъ различій отдельныхъ жреческихъ корпорацій, о которыхъ дошли до насъ современныя свидѣтельства.

а. Изъ этихъ свидѣтельствъ, которыя почти всѣ относятся къ позднѣйшему времени, особенною подробностью отличаются извѣстія, касающіяся положенія и значенія Юпитерова жреца (*flamen Dialis*) и его жены.¹ Санъ этого жреца стоялъ такъ высоко, что приняты были всевозможныя мѣры для огражденія его отъ всего, что могло бы профанировать его. Не только что *flamen* былъ устраненъ отъ всѣхъ свѣтскихъ должностей, его образъ жизни и самая одежда были подчинены строгому уставу. По этому уставу, онъ не могъ садиться на лошадь, не могъ смотрѣть на вооруженное войско, не могъ дотрогиваться ни до чего печистаго и почитавшагося таковымъ — до мертвеца, до гроба, до бобовъ (такъ какъ они были священны подземнымъ богамъ), ни до козы (такъ какъ козы подвержены паучей болѣзни), ни до лошади (потому что лошадиная печень считалась ядовитою), ни до собаки, ни до кислаго тѣста (и вообще всего, что было въ броженіи), ни до сырого мяса. Онъ не долженъ былъ ни носить на себѣ, ни видѣть ничего похожаго на узы — напр. узловъ на платьѣ, плуща, виноградныхъ лозъ (потому что усики ихъ

¹ A Becker Handbuch, IV. 271 sqq. L. Preller, Röm. Mythologie. p. 179.

завиваются кольцами); („закованный, вошедши въ его домъ, освобождался отъ оковъ, которыя выкидывались на улицу черезъ отверстіе въ крышѣ (*impluvium*); кто обнималъ его колѣна, тотъ былъ изъ весь день свободенъ отъ побой“). * Ножки его кровати должны были быть обмазаны жидкою глиной; на постелю его никто не могъ ложиться кромѣ него, но за то и ему не было дозволено проводить даже трехъ ночей сряду внѣ его собственной постели, въ ногахъ которой постоянно стоялъ ящикъ съ обычными освященными приношеніями.

Точно также подробно были предписанія касавшіяся наружности *flamen*. Стричь ему волосы и брить бороду могъ только свободорожденный и мѣднѣнымъ инструментомъ, а обрѣзки его волосъ также какъ и ногтей зарывали подъ какимъ нибудь плодовымъ деревомъ. Онъ не долженъ былъ обнажать своей головы и дома, а ходилъ цѣлый день въ остроконечной шляпѣ (*albogalerus*), къ верхушкѣ которой шерстяною ниткою была привязана вѣтвь маслины (*virga*). Его одежда—*praetexta* и шерстяной плащъ, должна была быть изготовлена собственноручно его женой. Такъ какъ для него каждый день былъ днемъ служенія божеству, то онъ постоянно носилъ жреческій костюмъ, къ которому принадлежали также жертвенный ножъ (*secespita*) и тросточка (*virga* или *commentacula*), которою, идя къ жертвоприношенію, фламинъ отстранялъ отъ себя народъ (ср. фиг. 468). Кромѣ того, ему всегда предшествовалъ ликторъ.

Flamen могъ жениться только однажды и притомъ религіознымъ бракомъ (черезъ *confarreatio*). Бракъ его былъ нерасторгаемъ и если жена его умирала, то онъ долженъ былъ сложить съ себя свой санъ. („Точно также онъ обязанъ былъ сложить свой санъ, если онъ допустилъ какую нибудь неправильность въ обрядѣ жертвоприношенія, или если у него сваливалась съ головы шляпа“).

Flaminica, какъ жрица верховной богини Юноны, была также обязана постоянно носить свой жреческій костюмъ. Волосы ея, переплетенные шерстяною лентою пурпурнаго цвѣта, были причесаны пирамидально (такая прическа назыв. *tutulus*). При богослуженіи она надѣвала на голову вѣтку гранатоваго дерева (вѣроятно какъ символъ плодородія) ¹ и накрывалась платкомъ (*rica*) темнокраснаго или синяго цвѣта и такую же вуалью (*flammeum*). Она носила длинную шерстяную одежду, падавшую до земли, и не могла всходить по высокой лѣстницѣ, чтобы не обнажать ступней; ея обувь была сшита изъ кожи убитаго или принесеннаго въ жертву (а не палаго) животного. У нея былъ также мѣдный жертвенный ножъ (*secespita*). При нѣкоторыхъ религіозныхъ торжествахъ она должна была являться безъ головного убора и съ нерасчесанными волосами.

Фиг. 468.

* Заключенное въ кавычки прибавлено нами изъ той же Handbuch Беккера. Пер.
¹ Гранатовая вѣтвь была очевидно символомъ плодородія, качество, которое также суще-

б. Подобнымъ же предписаніямъ были подчинены безъ сомнѣнія и оба остальные главныхъ фламина—*flamen Quirinalis* и *Martialis*, и также какъ и *flamen Dialis*, устранены отъ всякой политической дѣятельности. Главную обязанность всѣхъ трехъ фламиновъ составляли ежедневныя жертвоприношенія ихъ божествамъ. Но были жертвоприношенія, въ которыхъ они участвовали всѣ трое. Таково было жертвоприношеніе *Fides publica*, совершавшееся ежегодно 1-го Октября на Капитоліи, куда всѣ три фламина, закутанные съ головы до ногъ, отправлялись въ заложенной парю колесницѣ.

с. О жреческихъ обязанностяхъ представителей курій — *curiones*, нѣтъ точныхъ извѣстій. Достоверно только то, что они приносили жертвы отъ лица своихъ курій и что при каждомъ изъ нихъ находился для жертвоприношеній жрецъ—*flamen curialis*.

Также неудовлетворительны свѣденія о дѣятельности Салиевъ (*Salii*), Луперковъ (*Luperci*) и Тициевъ (*Titia*) и только немногимъ обстоятельнѣе извѣстія о двѣнадцати полевыхъ братьяхъ (*fratres arvales*).

д. Учрежденіе братства или общины Салийскихъ жрецовъ относятъ ко времени Нумы. При этомъ царѣ, рассказываетъ преданіе, былъ найденъ щитъ (*ancile*), который сочли упавшимъ съ неба и потому священнымъ. Чтобы сберечь эту святыню отъ похищенія, Нума велѣлъ сдѣлать еще 11 точно такихъ же щитовъ, которые вдобавокъ были тоже чудодѣйственны, и поручилъ храненіе всѣхъ 12-ти щитовъ палатинскимъ Салиямъ. Главное торжество салийскихъ жрецовъ происходило въ Мартѣ мѣсяцѣ и продолжалось нѣсколько недѣль. Одѣтые въ *tunica picta*, мѣдныя кирасы и трабей, съ остроконечнымъ шлемомъ наголовѣ, вооруженные мечами и копьями и неся на лѣвой рукѣ священный щитъ, начинали Салии свой обходъ всѣхъ римскихъ святилищъ подъ предводительствомъ своего главы (*praesul*) и пѣснопѣвца (*vates*). У каждаго святилища они останавливались, плясали воинственный танецъ, ударяя въ тактъ копьями о щиты, и пропѣвали извѣстную пѣсню при звукахъ духовыхъ инструментовъ. На ночь процессія останавливалась въ опредѣленныхъ мѣстахъ, гдѣ были устроены особыя помѣщенія для сбереженія священныхъ щитовъ (такъ наз. *mansiones*) и гдѣ жрецы угощали себя роскошнымъ ужиномъ. Община салийскихъ жрецовъ, въ которую принимались молодые люди изъ патриціевъ, просуществовала до 4-го ст. по Р. Х.

е. О *sodales Titii* извѣстно только то, что патрономъ ихъ, которому они служили, былъ царь Таций, и что какъ предстоятели сабинской святыни они остались въ чести до временъ императоровъ.—Извѣстія о *Luperci* ограничиваются описаніемъ ихъ праздника. Оно отправлялось на палатинскомъ холмѣ передъ гротомъ (*lupercal*), у входа въ который была поставлена бронзовая полчица, и начиналось принесеніемъ въ жертву козъ и собаки и очистительными обрядами. Послѣ жертвоприношеній, изъ кожъ убитыхъ животныхъ напѣзывали ремней, и *luperci*, совершенно нагіе кромѣ передника изъ шкуры, каждый съ ремнемъ въ рукѣ, начинали свой бѣгъ вокругъ Палатина (позанѣе

ственно принадлежало типу Юноны, какъ и типу хорошей хозяйки. Масличную вѣтвь на шляпѣ *Dialis* и другихъ жрецовъ надобно тоже считать символомъ плодородія. L. Preller, *Röm. Mythologie*. p. 182, not. I.

и вокругъ другихъ частей города), причемъ всѣхъ встрѣчавшихся имъ женщинъ они стегали своими ремнями, которые считались цѣлебными отъ безплодія и назывались *februa*. („Отъ *februa* и самый праздникъ получилъ названіе *dies februat*, а мѣсяцъ въ который онъ приходился—*Februarius*;—*februa*е зн. очищать“). Луперкаліи были возстановлены Августомъ и просуществовали до 494 по Р. Х., когда епископъ Гелазій I установилъ вмѣсто нихъ праздникъ *Purificatio S. V.* (Срѣтеніе).

f. *Fratres arvales*. „У воспитательницы Ромула, Аккѣ Лавренціи, было 12 сыновей, съ которыми она ежегодно приносила жертву богамъ за плодородіе полей; когда одинъ изъ братьевъ умеръ, мѣсто его заступилъ Ромулъ“. Таково было по преданію начало общины полевыхъ братьевъ. Отличіями ихъ были бѣлая повязка и вѣнокъ изъ колосьевъ (фиг. 469). Они служили богинѣ, которую называли *dea Dia*, и праздникъ свой отправляли въ Маѣ. Онъ продолжался три дня, но не къ ряду. О началѣ его объявлялъ *magister* или предсѣдатель общины извѣстною сакральною формулою, которую онъ произносилъ съ закрытой головой. Въ назначенный день, братья, одѣтые въ *toga praetexta*, собирались въ домѣ предсѣдателя и приносили богинѣ жертву—благовопія и вино, мазали статую богини масломъ и освящали прикосновеніемъ прошлогодніе и свѣжіе колосыя и другіе полевые плоды. Затѣмъ снимали съ себя *praetexta*, мылись, и, одѣвшись въ бѣлую застольную одежду (*synthesis*), собирались въ столовую (*coenatorium*) къ роскошному обѣду.

Фиг. 169.

Слѣдующій день праздновали за городомъ въ рощѣ посвященной богинѣ—*in lucu deae Diae*. И здѣсь происходили жертвоприношенія, послѣ которыхъ всѣ братья собирались въ храмъ и, затворившись въ немъ, плясали подъ звуки пѣсни, которая дошла и до насъ *. День оканчивался снова угощеніемъ въ домѣ *magister*. Третій день праздника былъ повтореніемъ перваго.

До послѣднихъ императоровъ коллегія арваловъ принадлежала къ самымъ уважаемымъ и исчезла, кажется, не ранѣе 4-го ст. по Р. Х. (346 г.).

g. Гораздо полнѣе, чѣмъ о братствахъ, разсказывается о весьма древнемъ институтѣ Весталокъ, или жрицъ „отечественнаго очага“ (*virgines Vestales, virgines Vestae, sacerdotes Vestales*). Въ Весталки принимались исключительно свободнорожденные дѣвицы не моложе 6-ти и не стар-

*) Приводимъ эту пѣснь для интересующихся, замѣтивъ что каждый стихъ ея крошъ послѣдняго повторяется три раза: *Enos, Lares, iuvate!—Ne veluerve, Marmor, sins incurrere in pleores!—Satur fure Mars, limen sali, sta berber!—Semunis alternei advocapit conctos!—Enos, Marmor, iuvato!—Triumpe! triumpe! triumpe!* Можснзъ переводить эти стихи такъ: *Nos, Lares, iuvate! Ne malam luem, Mars, sinas incurrere in plures! Satur furendi esto, Mars! In limen insili! Desiste verberare (limen)! Semones alterni advocate cunctos! Nos, Mamers, iuvato! Tripudia!*—Эта пѣснь взята нами изъ *A. Becker's Handbuch*, IV, откуда мы почерпнули также и нѣкоторыя другія подробности о римскомъ культѣ, и включили ихъ въ текстъ, основываясь на томъ, что Руководство Беккера служило и самому автору главнымъ источникомъ для этого отдѣла. Пер.

ше 10-ти лѣтъ отъ роду, и притомъ свободныя отъ всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ. Выборъ опредѣлялся жребіемъ. Вынувшихъ жребій отводили въ атріумъ храма Весты, гдѣ *pontifex maximus* посвящалъ ихъ служенію богини известною формулою; затѣмъ ихъ одѣвали въ священныя одежды и постригали; отрѣзанные волосы привѣшивали къ лотосу. Новопосвященные поступали сначала въ ученье, которое продолжалось 10 лѣтъ, т. е. третью часть всего времени пребыванія Весталокъ при храмѣ. Первую треть этого времени онѣ учились, слѣдующія затѣмъ 10 лѣтъ отправляли свои жреческія обязанности, остальные 10 лѣтъ учили новопоступившихъ. Впрочемъ должность наставницы исполняла, вѣроятно, самая старшая изъ весталокъ, она же руководила и жертвоприношеніями какъ *virgo vestalis maxima*.

Община Весталокъ управлялась крайне строгимъ уставомъ, за соблюденіемъ котораго надзиралъ *pontifex maximus*. За упущенія по службѣ онѣ наказывалъ виновныхъ собственноручно, уличенныхъ въ нарушеніи обѣта цѣломудрія осуждалъ отъ лица богини на смерть: виновную вывозили за городъ на такъ наз. *campus sceleratus* и тамъ сначала сѣкли, а потомъ живую замуровывали (такъ какъ убивать посвященную богамъ почиталось святотатствомъ—*nefas*).

Какъ бы въ вознагражденіе за ту строгую дисциплину, которой Весталки обязаны были подчиняться, онѣ пользовались различными привиллегіями со стороны государства и высокимъ уваженіемъ въ народѣ. Надъ ними не назначалась опека и онѣ могли свободно располагать своимъ имуществомъ; свѣдѣтельство ихъ принималось безъ установленной присяги; имъ передавали на храненіе всѣ важные документы—завѣщанія, государственные договоры; за оскорбленіе ихъ назначалась смертная казнь; и на оборотъ, случайная встрѣча съ ними спасала осужденнаго преступника отъ наказанія, равно какъ сопровожденіе весталки защищало отъ всякаго нападенія. Заступничество ихъ за обвиненнаго имѣло такую силу, что въ важныхъ случаяхъ даже и самые знатные люди добивались его. На общественныхъ играхъ и зрѣлищахъ имъ отводилось почетное мѣсто; онѣ имѣли право ѣздить по городу въ экипажѣ, когда же выходили цѣшкомъ, имъ предшествовалъ ликторъ, которому самъ консулъ уступалъ дорогу. Весталки носили бѣлую шерстяную одежду, на головѣ повязку (*infula*) съ длинными лентами (*vittae*), падавшими имъ на плеча; при жертвоприношеніяхъ накрывались бѣлымъ покрываломъ (*suffibulum*).¹

Главною обязанностью Весталокъ было храненіе вѣчнаго огня на алтарѣ Весты—государственномъ очагѣ. Эту обязанность онѣ отправляли по очереди; и если огонь самъ собою потухалъ—что считалось чудомъ (*prodigium*), то очередная Весталка подлежала наказанію, огонь же снова добывался посредствомъ тренія двухъ кусковъ счастливаго дерева. Но и кромѣ этихъ случаевъ огонь возобновлялся такимъ образомъ ежегодно 1-го Марта. Ежегодный праздникъ свой (*Vestalia*) Весталки отправляли 9-го Мая. Въ этотъ

¹ Предполагаемая статуя весталокъ срисов. въ Millin, *Gallérie mythol.* 332. Q. Visconti, *Mus. Pio Clem.* III, 26; ср. также O. Müller, *Handbuch der Archaeolog. der Kunst* § 422.

день храмъ Весты, вообще ни для кого недоступный, отворялся для женщинъ, которыя сходились въ него босыя, чтобы испросить благословеніе богини своимъ хозяйствамъ. Этотъ же день былъ годичнымъ праздникомъ мельниковъ и пекарей: они украшали зеленую мельницу, и обвѣшивали вѣнками и хлѣбами ословъ.—Община Весталокъ окончила свое существованіе при имп. Граціанѣ, который, въ 382 г. по Р. Х., конфисковалъ въ пользу государства принадлежавшія ей имущества.

h. Въ дополненіе къ сказанному выше о коллегіи авгуровъ, приведемъ здѣсь нѣкоторыя свѣденія о ея учрежденіи, числѣ ея членовъ, ихъ занятіяхъ и присвоенныхъ имъ отличіяхъ.¹

По словамъ Ливія, первыми авгурами были Ромулъ и Ремъ, а основателемъ института авгуровъ былъ Нума. Цицеронъ же приписываетъ учрежденіе института Ромулу, а Нумъ только увеличеніе его двумя членами. До 300 г. до Р. Х. коллегія авгуровъ состояла изъ 4-хъ членовъ, къ которымъ около этого времени были прибавлены пять новыхъ и притомъ изъ плебеевъ (закономъ „lex Ogulnia“), наконецъ при Суллѣ число членовъ увеличено было до 15-ти. При гаданіяхъ авгуры имѣли на себѣ одежду всадниковъ—трабею, въ рукѣ кривой жезль (lituus: фиг. 470), на головѣ остроконечную шляпу (арех). Дѣятельность авгуровъ не была исключительно религіозною, но касалась и политики. Если съ одной стороны имъ предоставлена была инавгурація * всѣхъ жрецовъ, то съ другой, сановники могли совершать авспиции только черезъ нихъ и должны были безъ возраженій принимать ихъ объясненіе явленій. авгуры же производили инавгурацію всѣхъ зданій и мѣстъ, которыя назначались для религіознаго или политическаго употребленія.

Фиг. 470.

i. Изъ того что было сказано выше о должности гаруспиціевъ видно, что дѣятельность ихъ отличалась отъ дѣятельности авгуровъ болѣе формально, нежели по сущности. Какъ учрежденіе чуждое, занесенное изъ Этруріи, коллегія гаруспиціевъ начала пріобрѣтать значеніе только тогда, когда коллегія авгуровъ ут-

¹ A. Becker Hdbuch, IV. 345 и II, 68 слѣд. L. Preller. Röm. Mythol. стр. 102, 109, 512 и L. Lange, Röm. Alterth. I, 248.—* Т. е. освященіе какого либо назначенія, избранія, предпріятія и т. п. согласіемъ боговъ, которое авгуръ узнавалъ по извѣстнымъ знаменіямъ (въ этомъ объясненіи знаменій, а не въ раскрытіи будущаго и состояла наука авгуровъ или наука объ авспиціяхъ. Беккеръ, ур. мѣсто). «Инавгурація совершалась слѣд. образомъ: тотъ, кому слѣдовало подвергнуться инавгурація, всходилъ на возвышенное мѣсто вмѣстѣ съ авгуромъ и садился съ покрытою головою, повернувшись лицомъ къ югу. Авгуръ же обращался на востокъ и, читая молитвы, обозначалъ извѣстное пространство (видимаго горизонта) отъ востока къ западу и просилъ Юпитера ниспослать знаменіе въ этихъ предѣлахъ... Инавгурація была важнымъ обрядомъ для сановниковъ: она давала имъ право совершать авспиции въ нужныхъ случаяхъ и даже обязывала ихъ къ этому... По мнѣнію Миллера (Etrusc. II, 112), и сановники и авгуры имѣли одинаковое право совершать авспиции; только цѣли совершенія были у нихъ различны: авгуры исполняли свою обязанность для государства, для блага и пользы цѣлаго общества, а сановники— для своей личной дѣятельности, определенной саномъ. Сверхъ того, punitationem и obpunitationem—право объявлять и останавливать, имѣли только авгуры» (По Becker, IV, 348, авгуры не имѣли права совершать авспиции отъ имени государства; ихъ должность состояла лишь въ punitatio, т. е. въ объявленіи, благоприятны или нѣтъ замѣченныя знаменія. Право же совершать авспиции (spectio) имѣли въ древности цари, а во время рес-

ратила свое. Но за то съ этихъ поръ они становятся необходимыми спутниками всякаго полководца отправляющагося въ походъ. Впрочемъ о *collegium haruspicum* упоминается не ранѣ царствованія Клавдія; позднѣе же говорится объ *ordo haruspicum*, состоявшемъ изъ 60 членовъ.

к. Коллегія феціаловъ просуществовала до императора М. Аврелія, послѣ котораго о ней уже не упоминается. Членами ея были исключительно патриціи и самые знатные и высокопоставленные сановники. Должность феціаловъ состояла съ одной стороны въ обсужденіи формальностей, которыя слѣдовало соблюдать при заключеніи или расторгненіи государственныхъ договоровъ и союзовъ и при объявленіи войны; съ другой стороны, они должны были лично требовать удовлетворенія и давать его, когда такой договоръ былъ нарушенъ, и освящать предписанными обрядами открытіе войны и заключеніе мира. Когда нужно было требовать удовлетворенія за нарушеніе договора или союза, феціалы, въ числѣ четырехъ, отправлялись на границу владѣній нарушившаго договоръ народа. Прибывъ туда, они останавливались и одинъ изъ нихъ (*pater patratus*) призывалъ Юпитера и другихъ боговъ въ свидѣтели своихъ дѣйствій, причемъ клялся, что если его требованіе несправедливо, то онъ никогда не вернется въ отечество. Требованіе свое онъ объявлялъ первому встрѣтившемуся ему на дорогѣ, потомъ повторялъ его уворотъ города и на городской площади передъ собравшимися городскими властями. Если по истеченіи извѣстнаго срока на требованіе не послѣдовало отвѣта, то феціалы возвращались въ Римъ и доносили объ этомъ сенату. Рѣшался ли этотъ послѣдній на войну, то объявленіе ея возлагалось на того же *pater patratus*, который снова отправлялся на непріятельскую границу, но на этотъ разъ уже вооруженный копьемъ, остріе котораго было вымазано кровью жертвеннаго животнаго. Произнеся формулу объявленія войны въ присутствіи покрайней мѣрѣ трехъ свидѣтелей, онъ бросалъ свое копье на непріятельскую землю. Впослѣдствіи, когда съ распространеніемъ римскихъ владѣній посылка феціаловъ на границу сдѣлалась затруднительною, обрядъ объявленія войны получилъ другую форму: феціаль бросалъ свое копье въ *columna bellica*, находившуюся при храмѣ Беллоны въ Римѣ, а передача объявленія войны поручалась назначенному въ походъ военачальнику. Заключеніе мира, или перемирія, или союза, совершалось также черезъ феціаловъ и сопровождалось принесеніемъ въ жертву свиньи, которую старшій феціаль (*pater patratus*), по произнесеніи установленной формулы, убивалъ священнымъ камнемъ * (*silex*), хранившимся въ храмѣ Юпитера *Feretrius*. Послѣ жертвоприношенія договоръ подписывался обѣими сторонами—со стороны Рима двумя феціалами—и какъ храненіе его, такъ и наблюденіе за точнымъ его исполненіемъ поручалось коллегіи феціаловъ.

публики патриційскіе сановники: консулы, диктаторы, преторы, цензоры, квесторы, эдилы курульные и, кромѣ сановниковъ, *pontifex maximus*. «Авгуръ непремѣнно присутствовалъ при сановникѣ во время аспицій: онъ объявлялъ все ли сдѣлано какъ слѣдуетъ по обряду, онъ же и толковалъ явленія. Власть авгуровъ преимущественно состояла въ объявленіи того, что было замѣчено во время наблюденій и въ этомъ объявленіи заключалась для авгуровъ возможность помѣшать дѣлу, потому что отъ него зависѣло признать явленія благоприятными или нѣтъ, признать обрядность наблюденій правильною и надлежащимъ образомъ сдѣланою или нѣтъ». Изъ статьи П. Тихоновича. Ж. Мин. Нар. Пр. 1859 г. II ер. — * Т. е. каменнымъ (временнымъ) ножомъ. Пер.

1. Все дѣла касавшіяся государственнаго богослуженія подлежали вѣденію коллегіи понтифесовъ (*collegium pontificum*); ¹ на ней же лежало установленіе празднованій богамъ и веденіе календаря и лѣтописей (*annales maximi*). Кроме того она была хранительницею преданій обо всемъ, касавшемся жертвоприношеній, ихъ выбора, обрядности и пр. При царяхъ коллегія состояла изъ 4-хъ членовъ; во время республики число ихъ было сначала удвоено прибавленіемъ четырехъ членовъ изъ плебеевъ (*lex Ogulnia*, 300 г. до Р. Х.), а Суллою доведено до 15-ти. Члены коллегіи были пожизненные и поступали въ нее по выборамъ. Предсѣдатель ея назывался *pontifex maximus*: онъ поставлялъ (*inaugurare*) трехъ главныхъ фламиновъ, ему же ввѣренъ былъ главный надзоръ надъ весталками. Съ Августа санъ великаго понтифеса перешелъ на императоровъ, и они носили его до Граціана, который отъ него добровольно отказался. Костюмъ понтифесовъ составляли: *praetexta* и шерстяная остроконечная шапка (*pileus*); ихъ инсигніями были: жертвенный ножъ (*secespirita*), чашечка для возліаній (*simpulum*) и топоръ — вѣроятно какъ намекъ на ихъ предполагаемое первоначальное званіе строителей моста.

m. Какъ понтифесы были блюстителями богослуженія отечественнымъ богамъ (*dii patrii*) или богослуженія по римскому обряду (*ritu romano*), такъ богослуженіемъ иноземнымъ богамъ (*dii peregrini*), совершавшимся по греческому обряду (*ritu graeco*), завѣдывала коллегія *quindecimvirovum sacris faciundis*, первоначально учрежденная для храненія и толкованія сивиллиныхъ книгъ, для чего при ней находились два грека въ качествѣ переводчиковъ, такъ какъ отвѣты оракула давались въ греческихъ гекзаметрахъ. Изъ греческихъ культовъ, подлежавшихъ вѣденію коллегіи, главными были: культъ Аполлона, по которому члены ея назывались также *sacerdotes Apollinis* и котораго инсигніи они носили, и культъ *matris magnae* или *matris deum*, въ которомъ она сама дѣйствовала и посвящала для него жрецовъ, *sacerdotes matris magnae*, или, по зависимости ихъ отъ коллегіи, *sacerdotes quindecimvirates*. Одежда этихъ послѣднихъ носила характеръ восточный, соотвѣтствовавшій восточному происхожденію ихъ культа. Она была не бѣлая, какъ у другихъ жрецовъ, а разноцвѣтная; на головѣ они носили покрывало и сверхъ него золотой вѣнокъ съ рельефными изображеніями Юпитера, Юноны и Минервы, на шеѣ — ожерелье.

n. *Septemviri epulones* завѣдывали, какъ было уже сказано, устройствомъ вообще всѣхъ жертвенныхъ пировъ (*epulae publicae*), но главнымъ образомъ, пира въ честь Юпитера Капитолійскаго (*epulum Jovis in Capitolio*). Пиръ этотъ имѣлъ значеніе домашняго (отъ всего государства какъ одной семьи) жертвоприношенія Юпитеру *Dapalis*. Онъ давался разъ въ годъ, 14 Ноября, и въ позднѣйшее время отправлялся на манеръ греческихъ *lectisternia*, т. е. статуи боговъ клали на ложа (*lectus*), или ставили на

¹ Th. Mommsen. Röm. Gesch. I, 157, not; A. Becker, IV, 184. L. Preller. L. Lange Röm. Alterth. I, 258.

стулья (*sellae*), и подносили имъ кушанье. Весь сенатъ принималъ участіе въ пирѣ. Гораздо важнѣе для значенія коллегіи былъ вѣреннѣйшій ей надзоръ за всѣми вообще жертвенными пирами, которые устраивались, отъ государства или частными лицами, въ честь боговъ и сопровождались угощеніемъ народа. Этой дѣятельности преимущественно и были обязаны *epulones* тѣмъ, что ихъ коллегія, вскорѣ послѣ ея учрежденія, была причислена къ главнымъ и продолжала свое существованіе до конца 4-го столѣтія (377 г.) по Р. Х.

о. Занесенный изъ Греціи культъ властителей, привившійся въ Римѣ тѣмъ прочнѣе, что онъ былъ сроденъ народному римскому культу „генія“—вызвалъ учрежденіе особой общины жрецовъ, носившихъ названіе *sodales Augustales*. Первые зачатки этого учрежденія были положены обожествленіемъ Юлія Цезаря (который постановленіемъ сената былъ объявленъ *divus Julius*), но настоящее свое существованіе, какъ самостоятельная коллегія, оно получило послѣ смерти Августа и послѣдовавшаго затѣмъ его обожествленія. По примѣру *sodales Augustales*, которые были представителями культа рода Юліевъ (*gens Julia*), т. е. царственныхъ и обожествленныхъ членовъ его, образовались общины въ честь каждаго изъ послѣдующихъ императоровъ, удостоенныхъ божескихъ почестей, и назывались по ихъ именамъ. Въ послѣдствіи для каждаго обожествленнаго императора былъ назначаемъ сенаторомъ особый фламיןъ.

р. Что касается жрецовъ восточныхъ культовъ, то во время императоровъ они могли отправлять свое богослуженіе въ Римѣ безъ особенныхъ стѣсненій и носить публично свой жреческій костюмъ. Въ то время на улицахъ Рима можно было видѣть жрецовъ каппадокійскихъ въ черной одеждѣ, съ двойною сѣкирою, одѣтыхъ въ бѣлое жрецовъ египетскихъ съ обритыми головами, жрецовъ Митры, сирійской богини (*dea Syria*), халдеевъ, и цѣлыя толпы разныхъ знахарей и чародѣевъ, которые промышляли продажей амулетовъ и таинственныхъ средствъ.

в. Богослужебные обряды Римлянъ состояли, подобно греческимъ, изъ молитвъ и жертвоприношеній, соединенныхъ съ пѣніемъ и пляскою, играми и пирами, которые тоже принадлежали къ богослуженію. Пока Римляне оставались вѣрны свойственному имъ изначала сухому, строго-практическому міровоззрѣнію, до тѣхъ поръ внѣшнія формы ихъ богослуженія были скромны. Но когда это прозаическое міровоззрѣніе ихъ постепенно измѣнилось, преимущественно благодаря греческому вліянію, и вытекавшая изъ него бережливость исчезла изъ народного характера, то и вся обстановка ихъ богослуженія стала сложнѣе и вмѣстѣ богаче. Это, конечно, не касалось богослуженія частнаго (т. е. молитвъ и жертвоприношеній, которыя каждый приносилъ за себя): въ немъ соблюдались вѣроятно только тѣ особенности, которыя обуславливались двоякимъ ритуаломъ (римскимъ и греческимъ). Но богослуженіе общественное, въ особенности игры, тѣмъ рѣшительнѣе усваивали себѣ внѣшнюю пышность, что, уклонившись отъ своего первоначальнаго назначенія, онѣ мало по малу изъ дѣйствій въ честь боговъ обратились въ простыя зрѣлища для увеселенія народа.

1. При молитвѣ и жертвоприношеніи ¹ требовалась прежде всего чистота помысловъ и чистота тѣла; чисты и безъ пороковъ должны были быть также и всѣ принадлежности обряда—жертвенная утварь и дары приносимыя въ жертву. Поэтому и одежда принимавшихъ участіе въ религиозномъ торжествѣ, особенно если оно отправлялось по поводу какого нибудь радостнаго событія, ² была обыкновенно бѣлая; поэтому же небеснымъ богамъ приносили въ жертву всегда бѣлыхъ животныхъ, только подземнымъ богамъ жертвовали черныхъ. Если молились по греческому уставу (*ritu graeco*), то оставляли голову непокрытою, если по римскому (*ritu romano*)—то закрывали её ³ верхнимъ концомъ тоги, надвигая его сзади до лба (фиг. 471 а—с; фиг. 472). Въ походѣ вмѣсто тоги накрывались плащомъ (*sagum*); а военачальники своей мантией (*paludamentum*). ⁴ Тога была повидимому уставною одеждою римскаго ритуала, ⁵ при греческомъ же обыкновенно надѣвали *toga graecanica* и голову украшали вѣнкомъ.

Фиг. 471.

а. Молились всегда стоя (только при *supplicationes* * падали на колѣни, преимущественно женщины) и повернувшись лицомъ къ востоку. Если обращались съ молитвою къ богамъ неба, то поднимали руки вверхъ, если къ

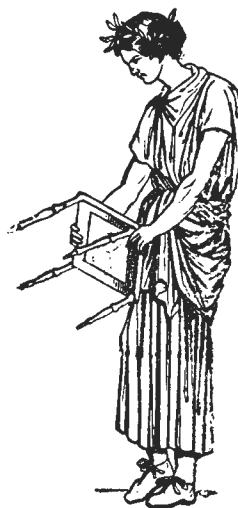
¹ Перечисленіе изображеній жертвоприношеній, встрѣчающихся на римскихъ памятникахъ, см. у Мюллера, *Handb. der Archaeologie* § 422. О прочемъ см. J. Marquardt въ A. Becker's *Handb.* IV, 464 слѣд.; L. Preller. *Röm. Mythologie*, стр. 115, 129, 190 и слѣд.—² Только при печальныхъ церемоніяхъ являлись небрежно одѣтыми, съ распущенными и непричесанными волосами и босыми ногами.—³ Грекъ, совершая жертвоприношеніе, поднималъ глаза къ небу, Римлянинъ—закрывалъ себя голову: ибо молитва перваго—созерцаніе, послѣдняго—дума Th. Mommsen *Röm. Gesch.* I, 27.—⁴ Bartoli, *Col. Trajana*, *Col. Antonina*; также: *Arcus veteres Augustorum*.—⁵ По Мюллеру (*Etisk.* I, 263, Not 54) принятою одеждою при жертвоприношеніяхъ была тога надѣтая прямо на тѣло, безъ тунники.—* Дни молитвы назначавшіеся для умиловости боговъ во время какихъ нибудь общественныхъ бѣдствій. Пер.

богамъ подземнымъ, то касались обѣими руками земли. Всё это совершали въ глубокомъ молчаніи, приложивъ къ губамъ палецъ. Окончивъ молитву, повертывались направо и садились.

Фиг. 472.

Фиг. 473.

б. Такое же глубокое молчаніе и такую же сосредоточенность соблюдали и при жертвоприношеніяхъ, которымъ всегда предшествовала молитва. Чтобы какое нибудь дурное предзнаменованіе, напр. услышанное слово, не прервало церемоніи, въ продолженіе ея игралъ флейщикъ (*tibicen*)¹ изъ древней коллегіи *tibicinum*, одѣтый въ длинную бѣлую туніку и обыкновенно съ вѣнкомъ на головѣ. Въ древнѣйшее время не приносили кровавыхъ жертвъ, а только плоды, *mola salsa*^{*} и мучныя кушанья. Обычай жертвовать животныхъ и благовонія начался не ранѣ послѣднихъ царей и мало по малу сталъ всеобщимъ, такъ что въ позднѣйшее время приносили въ жертву почти однихъ только животныхъ. Вмѣстѣ съ этимъ установился и выборъ жертвенныхъ животныхъ по культамъ и божествамъ², и затѣмъ дѣленіе ихъ на *maiores* (взрослыхъ) и *lactentes* (сосущихъ матку), на *victimae* и *hostiae*. Подъ *hostiae* разумѣли мелкій скотъ, именно овецъ, подъ *victimae*—круп-

¹ О флейщикахъ см. O. Müller. Die Etrusker II, 200 sqq. Изображенія флейщиковъ при жертвоприношеніяхъ: Bartoli. Colonna Trajana Fol. 7; 37; 64; 67; 74. Veteres argus Augus. Fol. 27. Admiranda Romanum Fol. 9; 58. Micali. Monum. antich. pop. ital. XXXVII. 12 и ниже: муз. инструменты. — * Крупно смолотая, поджареная и посоленная поленная мука.—² Черныхъ животныхъ приносили въ жертву душамъ усопшихъ (*dii manes*) и вообще подземнымъ богамъ, собакъ—отечественнымъ ларамъ (*lares praestites*), *Mana Geneta*, *Robigus* и при дуперкаліяхъ. Быки, вепри и бараны были неугодны Юпитеру, но угодны Нептуну, Аполлону и Марсу; Землѣ (*Tellus*) жертвовали стельную корову, Церерѣ—свинью, Діанѣ авентинской—корову, Либерию и Меркурію—козла, Прозерпину—бесплодную корову, Минервѣ—теленка А. Becker Handb. IV, 468

ный. Для жертвъ выбирали только такихъ животныхъ, которыя, послѣ тщательнаго осмотра ихъ, оказывались совершенно безъ порока. Назначенныхъ для торжественныхъ жертвоприношеній украшали цвѣточными вѣнками и покрывали попонами, обшитыми по краямъ бахромой; ¹ рога быковъ и барановъ обкладывали золотою жестью. Убранное такимъ образомъ животное вели къ алтарю, стараясь при этомъ чтобы оно не упиралось или не вырвалось, такъ какъ то и другое считалось дурнымъ предзнаменованіемъ. У алтаря его освящали, т. е. поднимъ голову животного вверхъ, посылали её *molae salsa*. Затѣмъ *victimarius* обращался къ присутствующимъ съ вопросомъ *agone?* и, получивъ въ отвѣтъ *huc age!* убивалъ животное предписаннымъ культомъ чествуемаго божества орудіемъ ² и тотчасъ же перерѣзывалъ ему ножомъ горло; кровь животного принимали въ жертвенныя чаши. Если жертвоприношение было *consultatorium*, т. е. имѣло цѣлю узнать волю боговъ, то внутренности животного (*exta*) сначала разсматривались гаруспиціями и если въ нихъ не оказывалось ничего неблагопріятнаго, разрѣзывались на куски и сжигались на жертвенникѣ, причемъ на огонь сыпали благовонія и возливали вино (*libatio*). Оставшееся мясо употребляли для слѣдовавшаго за жертвоприношеніемъ угощенія.

Фиг. 474.

Одежда жрецовъ при жертвоприношеніяхъ была имъ присвоенная, жреческая; одежда виктимарія состояла изъ одной только юбки (*linus*) придерживаемой поясомъ; его туловище и руки были обнажены (фиг. 474, а и с). Тѣ, которые приводили жертвенныхъ животныхъ, имѣли на себѣ плащи плотно обернутые вокругъ стана (фиг. 474. b); прислуживавшіе при жертвоприношеніи *sacilli* были обыкновенно въ широкихъ туникахъ (фиг. 473 а b).

¹ Рисунки въ *Veteres arcus Aug: fol. 6, 7; Admiranda Romanarum fol. II.* — ² Феліцы убивали жертву кремневымъ ножомъ (*silice*), ножи понтифексовъ имѣли форму отличную отъ ножей другихъ жрецовъ. Ближе объ этомъ подъ рубрикою: утварь (жертвенная).

2. Богослужебныя игры¹ праздновались въ Римѣ, по предположеніямъ нѣкоторыхъ авторовъ, уже при Ромулѣ и Нумѣ и были ими установлены; но какъ ни несомнѣнно, что такія игры велись уже съ древнѣйшаго времени,

Фиг. 475.

тѣмъ не менѣе кажется болѣе вѣроятнымъ отнести формальное учрежденіе ихъ ко времени Тарквиніевъ.² По крайней мѣрѣ имъ первымъ приписывается установленіе по этрускому образцу³ большого городского торжества: *ludi romani*, для отправленія котораго ими (именно Тарквиніемъ Прискомъ) было построено и особое помѣщеніе—*circus maximus*. Эти-то игры и послужили, по всей вѣроятности, образцомъ для всѣхъ другихъ игръ (получившихъ по мѣсту отправленія названіе *ludi circenses*), хотя эти послѣднія и значительно уклонились отъ него, благодаря греческому вліянію,⁴ Ко времени Тарквиніевъ относятъ также и установленіе другого торжества, которое послужило началомъ любимыхъ Римлянами большихъ игръ: *ludi magni* или *maximi*. Эти игры отличались отъ вышеназванныхъ тѣмъ, что онѣ отправлялись не въ определенное время какъ тѣ, а устраивались болѣею частью по обѣту данному предъ началомъ какого нибудь предпріятія на случай его счастливаго окончанія и потому назывались также *ludi votivi*. Не менѣе древни были также игры праздновавшіяся въ честь капитолійскаго Юпитера, капитолійскія игры и, наконецъ, игры плебейскія (*ludi plebei*), которыя давались плебейскими эдилами отъ лица плебеевъ.⁵ Впослѣдствіи, съ развитіемъ римской жизни, не только число игръ увеличилось, но и сами игры приняли болѣе широкіе размѣры. Такъ напр. *ludi romani* вмѣсто одnodневныхъ, какими онѣ были въ началѣ, превратились передъ концомъ республики въ четырехдневныя или даже пятидневныя. Для отправленія плебейскихъ игръ (*ludi plebei*) былъ выстроенъ трибуномъ Фламиніемъ особый циркъ и онѣ получили значеніе общенароднаго праздника (220 до Р. Х.)⁶

¹ L. Friedländer. Die Spiele, въ A. Becker's Handbuch IV, 473 sqq. L. Preller. Röm. Mythol. passim.—² Ibid. p. 128 sqq.—³ О богослуж. играхъ у Этрусковъ подробно у Мюллера: Etrusker II, 192—222.—⁴ Ср. Th. Mommsen. Röm. Gesch. I, 209 sqq. 429.—⁵ L. Preller. Röm. Alterth. 202.—⁶ Th. Mommsen I, 988, Not.

Около 212 г. были учреждены игры въ честь Аполлона (*ludi Appolinarie*); въ 204 г. въ честь фригійской „великой матери“ (*ludi megalenses*), въ 173 г. въ честь Флоры (*ludi florales*). Сверхъ этихъ игръ, которыя всѣ были постоянными (*ludistati* или *stativi*), т. е. давались ежегодно въ назначенные дни, государство давало нерѣдко игры по обѣту (*ludi votivi* или *conceptivi*). Частные люди устраивали также общественныя игры на свой счетъ, обыкновенно при погребеніяхъ (*ludi funerales*), но также и съ цѣлью привлечь на свою сторону плебеевъ, для которыхъ подобныя торжества сдѣлались почти необходимою потребностью, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ихъ приучилъ къ этому Цезарь. Эта страсть римскаго плебея къ зрѣлищамъ и играмъ усилилась еще болѣе при императорахъ,¹ которые къ существовавшимъ уже играмъ прибавили новыя,² обративъ случайныя игры въ постоянныя (напр. игры посвященныя Церерѣ — *ludi cereales*, или *cerealia*, или *ludi liberales*), или соединяя вмѣстѣ игры до тѣхъ поръ отправлявшіяся отдѣльно (какъ напр. учрежденные въ 17 г. до Р. X. *ludi saeculares*), или наконецъ, учреждая игры по поводу почти каждаго радостнаго событія, касавшаго ихъ лично или ихъ фамиліи. Ко всему этому присоединились еще постоянныя игры посвященныя культу императоровъ (*ludi Augustales*).³

Въ первое время республики снаряженіе постоянныхъ общественныхъ игръ лежало на консулахъ, потомъ было поручено особо назначеннымъ чиновникамъ — эдиламъ, которые большую долю издержекъ должны были покрывать изъ собственныхъ средствъ, такъ какъ обстановка игръ становилась все дороже. При Августѣ, когда расходы на игры увеличились до того, что многіе боялись принимать на себя эдильскую должность,⁴ устройство игръ возложено было и на преторовъ. Но при послѣдующихъ императорахъ, вслѣдствіе умноженія игръ, и эта мѣра оказалась недостаточною: къ преторамъ были присоединены квесторы и консулы и учрежденіе игръ раздѣлено между ними. Во всѣ эти должности выбирались самые богатые люди, такъ какъ, кромѣ того что они должны были приплачивать изъ собственныхъ средствъ на общественныя игры, обычай требовалъ, чтобы при вступленіи въ должность, они давали игры прямо отъ себя. Впрочемъ императоры обыкновенно сами покрывали издержки игръ, которыя давались по ихъ повелѣнію, для чего при нихъ находился особый чиновникъ, заведывавшій устройствомъ игръ—*curator ludorum*. *

¹ Известно восклицаніе которымъ римская чернь выражала свои насущныя потребности: *panem et ludos* (хлѣба и зрѣлищъ)!—² L. Friedländer въ *Becker's Handb.* IV, 474 слѣд.—³ L. Preller. *Röm. Mythol.* стр. 434, 473, 776 и слѣд.—⁴ L. Friedländer, *l. cit.* p. 485; ср. также Th. Mommsen, *Röm. Gesch.* I, 852 и F. Hermann, *Kulturgesch.* II, 116 sqq.—* Вотъ что сказано у Фридрихера (*Becker's Handb.* IV, 484 и слѣд.) о снаряженіи обществ. игръ: «Расходы на постоянныя общественныя игры покрывались изъ государственной кассы и притомъ во все продолженіе республики. По умѣ въ цвѣтущее ея время вошло въ обычай требовать, чтобы лучшіе люди возвышали блескъ эдильства (*ut splendor aedilitatum ab optimis viris postularetur*) а на это недоставало ассигнованныхъ, частію еще изстари, денегъ или дотаций; поэтому эдилы должны были прикладывать значительныя суммы изъ собственныхъ средствъ, обращаться за помощью въ своимъ друзьямъ, или облагивать налогами союзниковъ и провинцій. Уже съ окончанія второй пунической войны расходы на игры поднялись до того, что ныне учрежденные на нихъ раззорились, какъ Ливій Друзъ, а игры, данныя въ послѣднее столѣтіе республики (особенно устроенныя М. Эмилиемъ Савромъ въ 58 г. до Р. X.)

Первоначально праздничныя игры были конечно не блестящи, и вѣроятно заключались въ простыхъ воинскихъ упражненіяхъ, въ скачкахъ на лошадахъ и на колесницахъ, въ кулачномъ бою, въ пляскѣ соединенной съ какими нибудь забавными мимическими сценами. Эти послѣднія послужили вѣроятно поводомъ къ введенію сценическихъ игръ, которыя, какъ вообще принимаютъ, были занесены къ Римлянамъ изъ Этруріи (около 364 до Р. Х.), а впоследствии правильнѣе обработаны по греческимъ образцамъ и развиты въ настоящія драматическія представленія Ливіемъ Андроникомъ, отпущенникомъ греческаго происхожденія.¹ Перенятый римлянами этрусскій и кампанійскій обычай сопровождать погребальныя торжества боями гладіаторовъ (такой бой былъ данъ въ первый разъ при погребеніи Юнія Брута, въ 264 г. до Р. Х.) положилъ начало гладіаторскимъ играмъ, которыя до того понравились Римлянамъ, что скоро ни одно торжественное погребеніе не обходилось безъ нихъ, а передъ концомъ республики ихъ стали давать даже и безъ всякаго отношенія къ культу мертвыхъ, а наравнѣ со всѣми остальными играми и притомъ на государственный счетъ, какъ *munus*.² Наконецъ ко всѣмъ этимъ въ сущности народнымъ италійскимъ играмъ прибавились, подъ вліяніемъ сношеній съ Греками, различныя греческія. Такъ напр. около 186 г. до Р. Х. появились греческіе атлеты, и если первые греческіе флейтчики потерпѣли неудачу въ 167 г. до Р. Х.³—такъ какъ въ то время грубыя игры нравились еще больше всѣхъ другихъ (очень любима была травля звѣрей, въ первый разъ устроенная около 186 до Р. Х.)⁴—то этотъ случай не помѣшалъ Римлянамъ узнать и полюбить гимническія игры Грековъ и даже ихъ поэтическія состязанія. Послѣднія нашли мало сочувствія въ черни, но въ образованныхъ классахъ интересъ къ нимъ постоянно возрасталъ, такъ что въ 28 г. до Р. Х. Августъ учредилъ мусикійское торжество по греческому образцу, праздновавшееся черезъ каждые 4 года, и положилъ этимъ начало введенію постоянныхъ мусикійскихъ игръ.⁵ Всѣ общественныя увеселенія сопровождались, для привлеченія толпы, представленіями фокусниковъ, канатныхъ плясунѣвъ, фейерверками и т. п., кромѣ того, нѣкоторые учредители игръ одѣляли толпу подарками или, что случалось чаще, дѣлали ей угощеніе.

Входъ на общественныя игры, устрояемые государствомъ, былъ даровой для всѣхъ римскихъ гражданъ (кромѣ рабовъ, которые совсѣмъ недопускались), но мѣста для зрителей были распределены по сословіямъ. Иначе бы-

стоили колоссальныхъ суммъ. Въ 28 г. до Р. Х. между обѣдѣвшими сенаторами не нашлось ни одного охотника принять на себя адильскую должность, а въ 22 г. игры были окончательно переданы преторамъ. И они получали деньги на устройство игръ изъ государств. казначейства, но предписаніе Августа, чтобы ни одинъ преторъ не прибавлялъ къ назначенной суммѣ изъ своихъ средствъ больше чѣмъ другой, показываетъ, что ассигнуемыхъ денегъ было недостаточно.—¹ L. Friedländer (Becker's Handb. IV, 480); Th. Mommsen. Röm. Gesch. I, 202; 480 sqq, 853 sqq.; L. Preller. Röm. Mythol. 190—202 sqq.; O. Müller. Die Etrusker, II, 214.—² L. Friedländer, *ibid.* p. 555 not. 3541.—G. Dennis, Die Städte und Begräbnissplätze der Etrusker II, 603. (*munus*—подарокъ, угощеніе народу).—³ Th. Mommsen, Röm. Gesch. I, 852 sqq.—⁴ Потѣшная травля зайцевъ и лисицъ существовала вѣроятно гораздо раньше, но теперь эта невинная забава была замѣнена боемъ дикихъ звѣрей—львовъ, тигровъ, пантеръ, которыхъ за большія деньги привозили въ Римъ и заставляли биться на смерть на потѣху зѣвкамъ. Th. Mommsen I, 853.—⁵ L. Friedländer, *ibid.* 482.

ло на играхъ, которыя давались частными лицами; тамъ раздача мѣстъ въполнѣ зависѣла отъ хозяина игръ, который могъ отдавать мѣста даромъ или продавать ихъ, совершенно по своему усмотрѣнію. Общественныя игры давались днемъ и оканчивались обыкновенно вечеромъ, но иногда продолжались и во всю ночь до другого утра.

а. Изъ трехъ видовъ общественныхъ игръ—*ludi circenses*, *ludi scenici* и *ludi amphitheatrales*—*ludi circenses* были древнѣйшими.¹ Къ нимъ принадлежали: *consualia*, праздновавшіяся въ Августѣ и Декабрѣ, *equiria*, отправлявшіяся въ честь Марса въ Февралѣ и Мартѣ, *ludi romani*, установленныя въ честь трехъ капитолійскихъ божествъ. Начало всѣхъ этихъ игръ восходитъ ко времени царей. Позднѣе были введены въ кругъ *circenses*—*ludi plebei*, *Apollinares*, *Megalenses*, *cerealia* и *florales*; еще позднѣе *ludi victoriae*, учрежденныя Суллою и наконецъ, при императорахъ,—*ludi Augustales*.

Нѣкоторыя наиболѣе торжественныя игры, какъ-то: *ludi romani*, *Megalenses*, *votivi*—открывались пышною процессіею, походившею на триумфальное шествіе и называвшеюся *rompra*. Эта *rompra*² или процессія выходила изъ Капитолія и черезъ *forum*, *vicus tuscus*, *velabrum* и *forum boarium* шла къ большому цирку—*circus maximus*, въ который вступала средними воротами, и привѣтствуемая собравшимися зрителями, медленно обходила вокругъ него. Шествіемъ руководилъ сановникъ, устроившій игры. Смотра по важности своего сана, онъ или ѣхалъ на колесницѣ, запряженной двумя, четырьмя или шестью лошадьми, либо верхомъ, либо шолъ пѣшкомъ.³ Онъ былъ одѣтъ какъ триумфаторъ (см. стр. 340), и если ѣхалъ въ колесницѣ, то позади него стоялъ публичный рабъ и держалъ надъ нимъ золотой украшенный каменьями вѣнокъ, а подлѣ него, въ колесницѣ или на лошадяхъ которыя еѣ везли, ѣхали его дѣти и близкіе родные, всѣ въ бѣлыхъ праздничныхъ одеждахъ. Колесницу окружала толпа его кліентовъ въ бѣлыхъ тогахъ, а впереди ея шли музыканты, ряды мальчиковъ и юношей, пѣшіе и конные. За колесницей несли на носилкахъ (*fercula*) или везли на тронахъ и колесницахъ (*tensae*), заложенныхъ лошадьми, мулами, а позднѣе и слонами, статуи римскихъ боговъ, со всѣми ихъ атрибутами и въ богатомъ убранствѣ. За изображеніями боговъ, къ которымъ въ послѣдствіи присоединяли и изображенія обожествленныхъ императоровъ и членовъ ихъ дома, слѣдовали коллегіи жрецовъ, жертвенныя животныя и великолѣпная утварь, а затѣмъ опять ряды музыкантовъ, магистратовъ, сенаторовъ и наконецъ толпы народа. Къ процессіи присоединялись также танцовщики и комедіанты; они или исполняли военныя пляски или, наряженные по этрусскому обычаю, представляли какія нибудь пантомимы.

При вступленіи процессіи въ циркъ, зрители вставали и привѣтствовали еѣ рукоплесканіями и возгласами, послѣ чего начинались отдѣльныя игры.

¹ L. Friedländer (Becker's Handb. IV, 482 sqq.) и L. Preller Röm. Mythol. стр. 318, 420, 582.—² A. Becker Handb. I, 491 sqq.—O. Müller, Die Etrusker II, 198 sqq., гдѣ приложены и рисунки.—³ Cp. Tacitus Annal. I, 15. Annali dell'Inst. archeol. Vol. XI. tav. B.

Онѣ открывались самою древнѣйшею—скачкою на колесницахъ, которая была вмѣстѣ и самою любимою, потому что интересовала зрителей (особенно въ позднѣйшее время) не только ловкостью и искусствомъ возницъ, но еще болѣе удачей или неудачей принимавшихъ въ ней участіе партій цирка или *factiones*.¹ Такихъ партій первоначально было двѣ, но при императорахъ число ихъ увеличилось до шести. Партіи различались по цвѣту одежды возницъ. Сначала были партіи бѣлая (*albata*) и красная (*russata*); впоследствии къ нимъ прибавались еще двѣ—голубая (*vineta*) и зеленая (*gratina*) и наконецъ при Домиціанѣ (впрочемъ только на короткое время) появились партіи золотая и пурпурная. Позднѣе, вѣроятно въ началѣ 4-го ст., бѣлая партія соединилась съ зеленою, а красная съ голубою и изъ четырехъ партій образовались двѣ, хотя число цвѣтовъ осталось тоже. Кромѣ своего характерическаго цвѣта, одежда возницъ не представляла ничего особеннаго.² Она состояла изъ безрукавной туники, плотно зашнурованной вокругъ туловища, и небольшой шапки. Каждый возница (*auriga*) имѣлъ при себѣ, кромѣ бича, еще кривой ножъ, который у него былъ заткнутъ за поясомъ, чтобы въ случаѣ опасности имѣть его подъ рукою и разрѣзать имъ возжи (фиг. 476).

Фиг. 476.

Несмотря на то, что возницы обыкновенно принадлежали къ низшему классу населенія, иногда были даже изъ рабовъ, и что ихъ ремесло вообще не уважалось, они не только получали почетнѣйшія награды, но и наживали себѣ чрезвычайныя богатства. Награды, которыя присуждали имъ въ позднѣйшее время, превосходили всякую мѣру и если еще въ 292 г. до Р. Х. побѣдившаго возницу награждали по греческому обычаю вѣнкомъ и пальмовою вѣтвью (на играхъ коллегии арваловъ вѣнки были серебряные), то впоследствии къ этой наградѣ прибавляли очень часто большія суммы денегъ и кромѣ того подарки дорогою одеждою, драгоценными вещами и т. п. Но скоро и этого показалось мало: въ честь возницъ-побѣдителей стали сооружать монументы.³ Скачка на колесницахъ (съ которою нерѣдко соединяли волтижированіе на двухъ лошадяхъ—*desultores* назыв. такіе волтижеры) продержалась до среднихъ вѣковъ. По крайней мѣрѣ о четырехъ партіяхъ цирка упоминается еще въ девятомъ вѣкѣ.

За ристаніями слѣдовали гимнастическія игры⁴ (для которыхъ впрочемъ существовали и въ Римѣ устроенныя по греческому образцу стадіи).

¹ Wilken Ueber die Parteien in der Rennbahn im byzant. Kaiserthum in: F. v. Raumer. Hist. Taschenbuch I, Berlin 1829. p. 300 (См. также выше стр. 296 примѣч. Пер.)—² Рисунки: Mus. Pio Clem. III, 31; V, 42. G. Zoega, Bassorilievi antichi di Roma. 1808. Vol. I. tav. 34. P. Buonarrotti. Vetri antichi p. 179. British Mus. pl. 31, 60. Galleria Giust. II, 94.—³ Перечисленіе упомѣняемыхъ, въ Müller's Handb. der Archaeol. der Kunst § 424; L. Friedländer l. cit. p. 516, not. 3317.—⁴ O. Müller Handb. § 423 (3—6).

Онѣ распадались на кулачный бой, борьбу и бѣгъ въ запуски. Борцы выходили на арену не обнаженные, какъ у Грековъ, но въ передникахъ плотно обвернутыхъ вокругъ бедръ; кромѣ того, въ кулачномъ бою правыя руки бойцовъ, по чисто итальянскому обычаю, были вооружены особенными перчатками изъ ремней переплетенныхъ извѣстнымъ образомъ (*caestus*: фиг. 352).¹ Побѣдившіе на гимнастическихъ играхъ получали въ награду вѣнокъ.

Послѣ гимнастическихъ игръ давалась (по крайней мѣрѣ до конца республики, такъ какъ въ позднѣйшее время о ней не упоминается) старинная игра—*ludus Trojae*,² родъ военного маневра, исполнявшагося вооруженными молодыми людьми верхомъ. За нею слѣдовали—впрочемъ со временъ Августа, учрежденныя имъ,—*ludi sevirales*, исполнявшіяся шестью отрядами (*turmae*) всадниковъ, великолѣпно одѣтыхъ, и наконецъ различныя воинскія упражненія молодыхъ гражданъ пѣшихъ и конныхъ — *pirrha* *militaris* и *armatura*.³ Участвовавшіе въ нихъ молодые люди имѣли на себѣ пурпурныя туники съ мѣдными поясами и были вооружены мечами и короткими копьями; вооруженіе взрослыхъ дополнялось мѣднымъ шлемомъ съ высокимъ султаномъ.

Гладиаторскіе бои и звѣринныя травли рѣдко давались въ циркѣ, а большею частью въ амфитеатрѣ; сценическія же игры исключительно въ театрахъ.

b. *Ludi scenici*,⁴ или сценическими, назывались игры (постоянныя—*ludi statii*—и чрезвычайныя, по поводу какихъ нибудь торжественныхъ событій), при которыхъ давались драматическія представленія. Къ постояннымъ сценическимъ играмъ принадлежали *ludi romani*, *Apollinares*, *Megalenses* и нѣкоторые другіе. Настоящія драматическія представленія, какъ уже замѣчено выше, начались въ Римѣ около 240 г. до Р. X. и до такой степени понравились римской публикѣ, что соединенныя съ ними игры продолжались иногда по нѣсколько дней сряду; данныя въ 214 г. *ludi romani* заняли напр. цѣлыхъ четыре дня. Естественно, что такой запросъ на сценическія представленія, быстро подвинувъ впередъ развитіе драмы,⁵ ускорилъ и усовершенствованіе сцены и сценическаго искусства, которое вмѣстѣ съ тѣмъ стало одною изъ прибыльнѣйшихъ профессій.

Актеры соединялись обыкновенно въ труппы (*greges, catervae*), каждая подъ управленіемъ своего директора (*dominus gregis*). Всѣ они были боль-

¹ Cte de Clarac. Description des antiques du Musée royal. Paris 1820. p. 103, № 218. A. Bötticher Kl. Schriften, hgb. von J. Sillig (2) II, 44; рисунки: Th. Hope. Costume of Ancients II, 288.—² L. Friedländer, ibid. p. 520. L. Preller. Röm. Mythol. p. 686.—³ L. Friedländer ibid. p. 522.—⁴ C. J. Gysar. Ueber den Zustand der röm. Bühne im Zeitalter des Cicero. Allgem. Schulzeitung 1832. стр. 313—374; L. Friedländer op. cit. p. 523; Th. Mommsen, Röm. Geschichte. Объ устройствѣ сцены—Wieseler, Theaterwesen.—⁵ Въ драмѣ преобладали подражанія греческому; однакожь рядомъ съ *comodia palliata* (т. е. съ греческимъ содержаніемъ, въ которой поэтому дѣйствующія лица были одѣты по-гречески, въ палліумъ, а не въ тогу) выработалась и *togata* (т. е. римская, мѣстная) и рядомъ съ *tragoedia crepidata* (тоже самое, отъ *crepida*—греческій башмакъ)—*tragoedia praetextata* (римская, отъ *toga praetexta*—одежда благородныхъ и знатныхъ): F. Hermann, Culturgeschichte der Griechen und Römer, II, 78 sqq.

шею частію изъ отпущенниковъ или рабовъ, и потому въ зависимости отъ своихъ господъ, которые отчасти держали ихъ для себя, отчасти отпускали въ наймы. Для общественныхъ игръ, актеровъ набиралъ и платилъ имъ магистратъ учреждавшій игры. Несмотря на то, что отличные актеры получали большія деньги, ¹ званіе актера было въ общемъ презрѣннѣе и носившіе его не имѣли никакихъ правъ въ обществѣ. Такъ было по крайней мѣрѣ до времени Цезаря, при которомъ положеніе актеровъ настолько улучшилось, что при императорахъ имъ стали доступны даже почетныя должности.

Вслѣдствіе, можетъ быть, такого пониженнаго положенія своего, римскіе актеры не пренебрегали никакимъ средствомъ, чтобы заручиться одобреніемъ публики,—даже наемными хлопальщиками. Отличившіеся на сценическихъ играхъ получали въ награду пальмовыя вѣтви, золотыя вѣнки и другія подарки (при императорахъ—дорогія одежды и деньги).

Всѣ роли до позднѣйшаго времени исполнялись мужчинами; женщины играли только въ мимахъ. Антракты, по крайней мѣрѣ въ комедіи, иногда наполняли игрою на флейтахъ—единственною музыкою, которая допускалась при драматическихъ представленіяхъ въ лучшее время римскаго театра.

Что касается обстановки сценическихъ игръ, то уже въ концѣ республики она была необыкновенно великолѣпна, ² а при императорахъ издержки на плату актерамъ, на костюмы и декораціи поглощали громадныя суммы. Главную часть римскаго театральнаго костюма, какъ и греческаго, составляла маска, принятая на сцену однакожъ не ранѣе Теренція или около 174 г. до Р. Х., хотя происхожденіе ея въ Лаціумѣ, можетъ быть, даже древнѣе, чѣмъ въ Греціи. Латинская маска ведетъ свое начало, кажется, отъ тѣхъ переряживаній, которыя были издавна въ обычаѣ у римскаго народа при нѣкоторыхъ празднествахъ и впослѣдствіи превратились въ характерныя маски, удержавшіяся до позднѣйшаго времени въ народной латинской комедіи (ателланахъ). ³ Эти первоначальныя маски были безъ сомнѣнія такъ неуклюжи, что не могли быть допущены для серьезныхъ представленій, которыя поэтому исполнялись сначала вовсе безъ масокъ, а для обозначенія возраста и пола дѣйствующихъ лицъ служили различнаго вида и цвѣта головныя уборы (galeri). ⁴ При Теренціи эти уборы уступили мѣсто маскамъ, введеніе которыхъ на римскую сцену было вызвано (какъ и на греческой сценѣ) увеличившимися размѣрами театра, а слѣдовательно и большимъ удаленіемъ актеровъ отъ зрителей, которому необходимо было помочь искусственными

¹ Актеръ Эзопъ нажилъ себѣ состояніе въ 20 милл. сестерцій (ок. 1,000,000 рубл.) Современникъ его, знаменитый комикъ Росцій, получалъ до 600000 сест. (ок. 30000 р.) въ годъ (казна платила ему за каждый день игры по 1000 денаріевъ (ок. 150 р.) и сверхъ того оплачивала его трупцу); танцовщица Діонисія получала въ годъ до 200,000 сест. (10000 р.).—² «На играхъ данныхъ при открытіи Помпеева театра, въ «Клатемнестрѣ» были выведены на сцену 600 муловъ, а въ «Троянскомъ конѣ» выставлены 3000 кратеръ и появились всадники и пѣшіе воины въ различныхъ костюмахъ и полномъ вооруженіи. Гораций говоритъ о пьесахъ, въ которыхъ пѣхота и конница исполняли настоящіе маневры продолжавшіеся по нѣскольку часовъ, и въ которыхъ выводили на сцену бѣлыхъ слоновъ и жирафовъ. См. L. Friedländer (A. Becker's Handbuch, IV, 546).—³ Th. Mommsen. Röm. Gesch. I, 206 sqq.—⁴ О вторичномъ введеніи масокъ во время Теренція ср. Th. Mommsen II, 439, 442.

средствами, и примѣромъ Грековъ, у которыхъ эти средства были уже на лицо.¹ Также какъ и у Грековъ, у Римлянъ были маски характерныя, которыя выражали характеръ лица и обозначали его полъ, возрастъ, положеніе * (фиг. 477 а—d; ср. фиг. 478) и маски акустическія, для усиленія голоса, большею частью крайне уродливыя (фиг. 477, а—с).

Фиг. 477.

Еще недостаточнѣе, чѣмъ о маскахъ, наши свѣденія о римскомъ театральномъ костюмѣ, особенно объ отношеніи его къ различнымъ ролямъ драма-

Фиг. 478.

Фиг. 479.

¹ Ср. выше о греческомъ театрѣ (стр. 170—71).—* Было по крайней мѣрѣ двадцать пять типовъ трагической маски: 6 для стариковъ, 7 для молодыхъ людей, 9 женскихъ и 3 для рабовъ. Всѣ они различались между собою чертами лица, цвѣтомъ кожи и волосъ, и прическою. Комической маски насчитываютъ сорокъ-три типа: 9 для стариковъ, 10 для молодыхъ людей, 7 для рабовъ, 3 для старухъ и 14 для молодыхъ женщинъ. Были также маски для лицъ безъ рѣчей: онѣ дѣлались съ сжатыми губами и назывались *persona muta*. Объ акустическихъ маскахъ (*akustisch bedingte Schallmasken* у Вейса) авторъ не упоминаетъ, изъ чего можно заключить, что особенныхъ акустическихъ масокъ не было, а всѣ вообще маски дѣлались такъ, чтобы голосъ, проходя черезъ нихъ, звучалъ сильнѣе, что, конечно, не могло не отозваться на благообразіи самихъ масокъ. По A. Rich. *Diction. des antiquités rom. et greeques*. Пер.).

тических представлений. Вѣроятно, что для него существовали на римской сценѣ тѣ же условія, какъ и на греческой, т. е., что трагедіи были присвоены длинныя, влачащіяся одежды и высокіе башмаки (котурны), а комедіи—обыденная одежда, соответствующая положенію дѣйствующаго лица, и низкіе башмаки (soccī).

Изъ всѣхъ родовъ драматическихъ представлений, самымъ древнѣйшимъ и самымъ любимымъ были аттелланы, ¹ народныя комическія сцены, названныя такъ по мѣсту своего происхожденія—Аттеллѣ, городу Осковъ. Хотя аттеллана и сохранила до поздняго времени свой первоначальный характеръ шутки или фарса импровизируемаго молодыми людьми въ маскахъ, однакожъ еѣ играли и настоящіе актеры, по крайней мѣрѣ съ 23 г. по Р. Х. Маски, которыя выводились въ этихъ фарсахъ, представляли вѣроятно тѣ же характеры, какъ и лица нынѣшнихъ арлекинадъ: ² *Massus* былъ вѣроятно главнымъ лицомъ, арлекиномъ аттелланъ, *Bucco*—обжорой, *Pappus* или *Caspar*—представлялъ добряка, *Dossenus*—совѣтника. На сценѣ аттелланы давались большею частью послѣ большихъ пьесъ, въ видѣ дивертиссента, пока, при послѣднихъ императорахъ, не были окончательно вытѣснены съ нее мимами.

Мимъ былъ тоже родъ фарса, но безъ постоянныхъ характеровъ какъ аттеллана, ³ и играли его безъ масокъ въ особенномъ, вѣроятно въ родѣ арлекинскаго, пестромъ костюмѣ (*centunculus*), принадлежностью котораго были короткій плащъ (*ricinium*) и фаллусъ. ⁴ Комизмъ фарса усиливался смѣшными тѣлодвиженіями паразита или глупца, совершенно лысаго, который передразнивалъ дѣйствующее лицо пьесы. Эта роль была и осталась постоянною и характерическою ролью мима. Женскія роли исполнялись женщинами. Какъ этотъ родъ представлений вообще, такъ и въ особенности пляски, наполнявшія промежутки между сценами, отличались непристойностью, которая доходила иногда до того (особенно въ позднѣйшее время и преимущественно на флоральныхъ играхъ), что въ заключеніе пьесы всѣ участвовавшія въ ней женщины по требованію зрителей совершенно обнажались.

Съ тѣхъ поръ какъ постоянно возрастающая пышность сцены ослабила интересъ къ настоящимъ драматическимъ представленіямъ, обративъ его на зрѣлища низшаго разряда дѣйствовавшія на чувственность, на римской сценѣ появились и скоро заняли на ней видное мѣсто вмѣстѣ съ фарсомъ, въ ущербъ комедіи и еще болѣе трагедіи, представленія въ родѣ нашихъ балетовъ. Изъ нихъ любимѣйшимъ была пантомима—представленіе танцами и жестами какого нибудь драматическаго сюжета, обыкновенно заимствованнаго изъ мифологіи и преимущественно любовнаго содержанія. Пантомима исполнялась только однимъ актеромъ или танцовщикомъ (его называли *histrio*), ¹ который представлялъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, мужчинъ и женщинъ, послѣдовательно одно за другимъ, мѣняя маски, и такимъ образомъ, при помощи хора * и, можетъ быть, при содѣйствіи нѣсколькихъ статистовъ

¹ Th. Mommsen, Röm. Gesch. II, 438 sqq.—² L. Friedländer, op. cit. p. 546, Not. 3485.—³ Th. Mommsen, Röm. Gesch. I. 207.—⁴ L. Friedländer, тамъ же.—⁵ Ср. также O. Müller, Die Etrusker II, 215.—* Помощь хора, повидимому, состояла въ томъ

доводилъ пьесу до конца. Музыка, сопровождавшая пантомиму, состояла преимущественно изъ флейтъ, къ которымъ впрочемъ прибавляли и другія инструменты; такъ держали на *scabellum*.¹ Въ самостоятельный родъ представленія пантомима образовалась только при Августѣ и хотя была исполняема всегда мужчинами, тѣмъ не менѣе нерѣдко переходила за предѣлы всякаго приличія.

Другой не менѣе любимый родъ драматическаго балета былъ—*pyrrhicha*, которую однакожъ не слѣдуетъ смѣшивать ни съ вышеупомянутыми военными эволюціями того же имени, ни съ вакхическими плясками, называвшимися тоже *pyrrhicha*. *Pyrrhicha* отличалась отъ пантомимы тѣмъ, что въ ней было столько же танцовщиковъ и танцовщицъ, сколько было дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ. Для *pyrrhichae*, которыя давались императорами, танцовщиковъ и танцовщицъ (мальчиковъ и дѣвушекъ) выписывали иногда изъ Азіи. Былъ еще родъ *pyrrhicha*, который давали только въ амфитеатрахъ; его исполняли иногда даже преступники, которыхъ ему нарочно обучали.

Кромѣ названныхъ и нѣкоторыхъ другихъ драматическихъ танцевъ, на римской сценѣ давались также пантомимныя представленія, состоявшія или въ пѣніи какого нибудь стихотворенія, причемъ пѣвецъ (*cantor*) драматизировалъ свое пѣніе соотвѣтственными тѣлодвиженіями; или въ пѣніи съ игрою на цитрѣ; или, наконецъ, въ настоящемъ хоровомъ пѣніи съ сильнымъ инструментальнымъ аккомпаниментомъ. Пѣвцы выходили на сцену обыкновенно въ маскахъ и въ особенномъ костюмѣ: *citharoedi*,—игравшіе на цитрѣ—въ длинной и широкой одеждѣ съ узкими рукавами, высоко подпоясанной, и въ плащѣ, пристегнутомъ на плечахъ пряжками². — Побѣдители на музыкальныхъ состязаніяхъ награждались, по греческому обычаю, только дубовымъ или оливковымъ вѣнкомъ³.

с. Амфитеатральныя игры начались при Ю. Цезарѣ, которому приписываютъ устройство перваго амфитеатра.⁴ До него бои гладіаторовъ происходили обыкновенно въ большомъ циркѣ или просто на площадяхъ. Построенный Цезаремъ деревянный амфитеатръ скоро оказался малъ и былъ замѣненъ болѣе обширнымъ каменнымъ, который сгорѣлъ и вмѣсто него было наконецъ выстроено то громадное зданіе, остатки котораго цѣлы еще и до сихъ поръ—Колизей.

Съ тѣхъ поръ какъ бои гладіаторовъ⁴ утратили свое исключительное отношеніе къ культу мертвыхъ и обратились въ зрѣлище, безъ нихъ не обходилось почти ни одно публичное торжество, хотя постоянными они были только при немногихъ праздничныхъ играхъ и то уже въ императорскую эпоху. При Августѣ ихъ давали въ праздникъ Минервы или *quinquartus*, игры котораго начинались 20 и оканчивались 23 Марта; а позднѣе и на праздни-

(A. Becker's *Handb.* IV, 549—550), что во время игры пантомима онъ пѣлъ *cantica*, объяснявшія зрителямъ то, что они видѣли въ нѣмомъ представленіи. Пер.—¹ См. ниже, «муз. инструменты». —² O. Müller u. Wieseler. *Denkmäler der alten Kunst*. A. Taf. XXXII. Nr. 141 и слѣд. —³ L. Friedländer. «Ueber Gladiatorenspiele und Thierhetzen in der Kaiserzeit» (*Rhein. Museum. Neue Folge*. X, 544 sqq.) съ указаніемъ на относящіеся сюда памятники; и въ Becker's *Handb.* IV, 554; A. Becker. *Handb.* I, 680 sqq. —⁴ Ср. также J. Overbeck. *Pompeji*. стр. 135 и слѣд.

ствѣ въ честь Сатурна, на Сатурналіяхъ.¹ При первыхъ императорахъ устройство гладіаторскихъ игръ было возложено на двухъ преторовъ, выбираемыхъ по жребію, хотя конечно и консулы при своихъ играхъ давали народу зрѣлище гладіаторскаго боя. Съ 47 по 54 г. по Р. Х. обязанность давать гладіаторскія игры была перенесена и на квесторовъ, а при Домиціанѣ на казначеевъ (*arsarii*) и на кандидатовъ въ квесторы (*quaestores candidati*).

Гладиаторы набирались изъ самыхъ низшихъ слоевъ населенія и только при позднѣйшихъ императорахъ, которые иногда и сами появлялись на аренѣ,² за ремесло гладіатора брались нерѣдко и свободнорожденные, хотя оно и продолжало считаться безчестнымъ. Большею же частью въ гладіаторы обыкновенно обращали военнопленныхъ, преступниковъ и рабовъ, или навивали по контракту охотниковъ.

Изъ гладіаторовъ составлялись труппы (*familiae gladiatoriae*). Были труппы городскія, принадлежавшія городу, частныя, составлявшія собственность частныхъ лицъ, и содержимыя антрепренерами. Каждую труппою, а иногда и нѣсколькими вмѣстѣ, завѣдывалъ такъ называемый фехтмейстеръ, *lanista* (въ послѣднемъ случаѣ самъ антрепренеръ). Труппы жили въ особыхъ помѣщеніяхъ (*ludi*), гдѣ ихъ и обучали. Для каждаго рода оружія были особые учителя, называвшіеся *doctores* или *magistri*. Вновь поступившіе (*tirones*) начинали свои упражненія надъ врытымъ въ землю столбомъ. Выдержавъ удачно первый публичный бой, они получали названіе *spectati*, причемъ каждому выдавалась четырехугольная марка (*tessera*) съ обозначеніемъ его имени и дня выступленія на арену. Побѣдившихъ награждали пальмами и деньгами; тѣ же, которые, благодаря своей храбрости или счастливому стеченію обстоятельствъ, освобождались отъ появленія въ амфитеатрѣ, получали въ знакъ этого *rudis*, родъ тупой рапиры, а нерѣдко имъ давали и полную свободу.

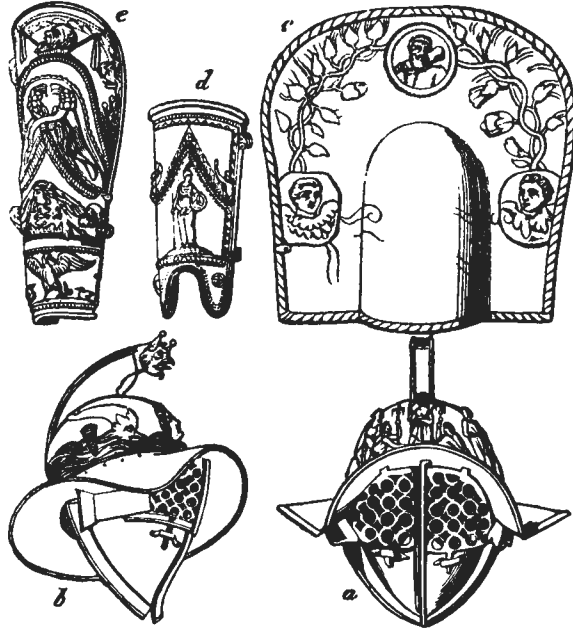
Объ имѣющихъ быть гладіаторскихъ играхъ извѣщали публику заранее афишами (*programmata*); наканунѣ игръ, всѣ назначенные участвовать въ нихъ гладіаторы получали даровое угощеніе. Игры открывались выходомъ на арену всѣхъ гладіаторовъ. Затѣмъ бойцы раздѣлялись попарно; *editor* (устроитель игръ) осматривалъ оружіе и начинался, иногда подъ музыку, *prolusio*, или примѣрный бой метательнымъ и тупымъ оружіемъ. По окончаніи *prolusio*, подавали трубою (фиг. 481, d) сигналъ къ бою острымъ оружіемъ.

Хотя вооруженіе и оружіе гладіаторовъ, не уступало въ разнообразіи военному, оно всё таки отличалось отъ него особеннымъ характеромъ, отмѣчавшимъ его какъ оружіе назначенное не для настоящаго боя, а для амфитеатра (фиг. 480, a—e; фиг. 481, a—d).

Что касается вооруженія отдѣльныхъ бойцовъ (иногда выходившихъ на арену въ числѣ 60-ти и болѣе паръ, причемъ нерѣдко бойцы одной и той же пары были вооружены различно), то у *retiarii* (*retiarii*), совер-

¹ L. Preller Röm. Mythologie. стр. 260, 321, 413 и слѣд.—² Какъ напр. Коммодъ, который формально обучался гладіаторскому ремеслу и называлъ себя столбомъ гладіаторства (*primus palus secutorum*).

шенно обнаженных или одѣтыхъ въ туники, оно состояло изъ рукава (та-
Фиг. 480.

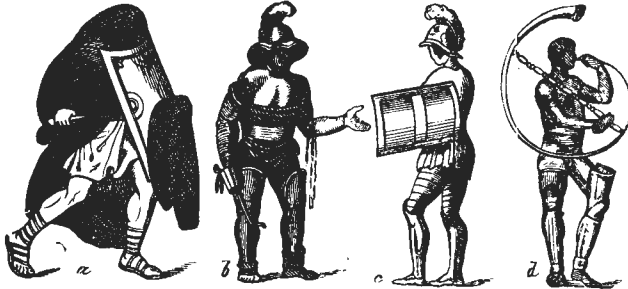
писа) на лѣвой рукѣ и кожаного или металлическаго наплечника (*galerus*) на лѣвомъ же плечѣ; ихъ нападательнымъ оружіемъ была сѣть (*jaculum*), которою они старались опутать противника, трезубецъ (*fuscina*) и кинжалъ. Они никогда не бились другъ съ другомъ, но или съ легковооруженными *secutores*, или съ тяжеловооруженными *galli* и *myrmillones* (два очень сходные вида гладіаторовъ) и *samnites*. Эти послѣдніе имѣли большой щитъ, наручъ на правой рукѣ, ножичикъ (*oscrea*) на лѣвой ногѣ, поясъ (*balteus*), шлемъ съ забраломъ (который носили всѣ тяжеловооруженные гладіаторы) и короткій мечъ. *Galli*, *myrmillones* и *samnites* сражались также и съ *Threces*, вооруженіе которыхъ заключалось въ небольшомъ кругломъ щитѣ (*parma*), кривомъ мечѣ (*sica*), шлемѣ, поясѣ, наручѣ и ножичикахъ на обѣихъ ногахъ, слѣд. было полите чѣмъ у *samnites*. Тяжелѣ всѣхъ были вооружены *hoplomachi*, легче всѣхъ—*velites*. У *dimachaeri* были два короткихъ меча; *essedarii* сражались съ колесницъ, *andabatae*—верхомъ, въ забралахъ, черезъ которые они мало или вовсе не могли видѣть (ср. фиг. 481 а—d). Гладіаторы бились не только одинъ-на-одинъ, но п массами, стѣна-на-стѣну. Робкихъ и отсталыхъ подгоняли плетью или раскаленнымъ желѣзомъ. Для убитыхъ стояли на готовѣ носилки, на которыхъ ихъ выносили изъ цирка, черезъ особую дверь (*porta libitinensis*), въ *spoliarium*. Если въ одиночномъ бою одинъ изъ бойцовъ доставался противнику живымъ, то участь его зависѣла отъ *editor*, который рѣшалъ долженъ ли онъ быть оставленъ живымъ, или убитъ. Въ концѣ республики рѣшеніе было предоставлено зрителямъ и побѣжденные гладіаторы къ нимъ обращались за по-

Вейс. II.

24

милованіемъ (missio). Въ знакъ помилованія махали платками; въ знакъ

Фиг. 481.

присужденія къ смерти пригибали большой палецъ къ ладони. Гладіаторскія игры продержались въ западной римской имперіи по меньшей мѣрѣ до начала 5-го столѣтія.

Venationes или звѣриныя травл и давались тоже въ амфітеатрахъ и притомъ съ богатою декоративною обстановкой, особенно въ позднѣйшее время, а при императорахъ и въ обширныхъ размѣрахъ. ¹ На этихъ играхъ или давались различныя представленія прирученныхъ дикихъ животныхъ, или происходили бои звѣрей между собою, или наконецъ, впрочемъ рѣдко, бои звѣрей съ людьми. Въ послѣднемъ случаѣ, противъ звѣрей выходили на арену *bestiarii* и *venatores*, подобно гладіаторамъ обучавшіеся своему ремеслу въ школахъ и хорошо вооруженные, или преступники, осужденные на разтерзаніе звѣрями, а потому безъ всякаго оружія. ² Зрѣлища эти, несмотря на ихъ жестокость, которая однако была постепенно смягчена различными приспособленіями и позволеніемъ бойцамъ спастись отъ разтерзанія ловкостью и быстротою, просуществовали до 6 вѣка.

Наконецъ, въ амфітеатрахъ (арену которыхъ можно было наполнять водою) давали представленія исторически знаменитыхъ морскихъ сраженій съ точнымъ воспроизведеніемъ всей обстановки. Для большихъ подобныхъ сраженій (*naumachiae*) были даже вырыты колоссальныя бассейны окруженные сидѣньями для зрителей. Навмахія устроенная Цезаремъ представляла сраженіе тирскаго и египетскаго флотовъ съ 4000 гребцовъ и 1000 солдатъ; въ навмахіи, данной въ 52 г. по Р. X. имп. Клавдіемъ на Фудинскомъ озерѣ, принимали участіе не менѣе 19.000 солдатъ, представлявшихъ родосцевъ и сицилійцевъ.

¹ При Помпѣи были стравлены 18 слоновъ и 500 львовъ, при Августѣ—36 крокодиловъ; Пробъ отдалъ на всеобщую охоту 1000 страусовъ, 1000 оленей, 1000 кабановъ, 1000 дикихъ козъ и кромѣ того множество ручныхъ животныхъ: на слѣдующій день были выведены для боя 100 львовъ, потомъ 200 леопардовъ, затѣмъ 300 медвѣдей и наконецъ большое число военнопленныхъ.—² «Съ помощью костюмовъ и декорацій такимъ боимъ давали видъ театральнаго представленія, имѣвшаго предметомъ какую нибудь, извѣстную изъ исторіи или мифологіи, ужасную смерть». L. Friedländer, *ibid.* 568.

Постройки.

Самые древнѣйшіе памятники строительной дѣятельности италійскихъ народовъ, какъ по своему назначенію, такъ и по конструкціи, принадлежатъ къ такъ назыв. циклопическимъ или пелазгическимъ постройкамъ, слѣды которыхъ остались въ Греціи и Малой Азіи. Слѣдуетъ ли объяснять это сходство, вмѣстѣ съ новѣйшими изслѣдователями, ¹ греческимъ вліяніемъ, занесеннымъ въ древнѣйшую эпоху, или же, что не менѣе правдоподобно, выводить его изъ одинаковости условій, сообщившихъ одинаковое направленіе дѣятельности въ обоихъ случаяхъ самостоятельной,—это вопросы неразрѣшимые. Подобно названнымъ развалинамъ на Востокѣ, древнѣйшіе италійскіе памятники ² состоятъ преимущественно изъ остатковъ колоссальныхъ сооружений, имѣвшихъ цѣлю, съ одной стороны, осушеніе почвы, съ другой—охраненіе имущества отъ враждебнаго нападенія, и изъ построекъ (вѣроятно впрочемъ уже позднѣйшаго времени) посвященныхъ культу, какъ напр. сардинскіе „пураги“ ³—ульеобразныя сооружения отъ 30 до 50 фут. вышины, съ камерами и ходами внутри,—или погребенію мертвыхъ.

Къ колоссальнѣйшимъ сооружениямъ для осушенія почвы (остатки которыхъ и здѣсь, также какъ и въ Греціи, обозначаютъ тѣ мѣстности, гдѣ всего ранѣе возникла городская жизнь) принадлежитъ отводный каналъ въ албанскихъ горахъ, ⁴ не смотря на свою глубокую древность еще и нынѣ довольно удовлетворительно выполняющій свое назначеніе. Онъ, правда, не можетъ быть названъ постройкой въ собственномъ смыслѣ, потому что выстѣченъ въ твердой лавѣ на протяженіи почти 6000 фут. при 6 ф. глубины. Но это не только не умаляетъ его значенія, а напротивъ—усиливаетъ его: также какъ и современный ему искусственный обрывъ, сдѣланный въ скалѣ по дорогѣ въ Палаццолу, вѣроятно для защиты крѣпости, онъ свидѣтельствуешь, что италійскія племена не хуже другихъ умѣли побѣждать все, даже и трудно одолимая, препятствія, которыя природа страны противопоставляла развитію ихъ благосостоянія. Послѣ этого не покажется страннымъ, что они не жалѣли силъ, чтобы добытое такими упорными трудами оградить отъ руки непріятеля, и, подобно первымъ обитателямъ Греціи, строили себѣ убѣжища въ видѣ колоссальныхъ каменныхъ оградъ. Такія ограды, ⁵ болѣею частью на высотахъ, попадаются уже въ восточной Швейцаріи, но онѣ несравненно многочисленнѣе въ Италіи, гдѣ онѣ разстѣяны по всей древнелатинской равнинѣ, въ древнеэтрускихъ земляхъ и въ албан-

¹ Такъ Моммсенъ, *Röm. Geschichte* (2) I, 216 sqq.—² О нихъ въ особенности у О. Мюллера, *Handb. der Archaeologie der Kunst*, § 166 и слѣд. и въ названныхъ выше (стр. 246) соч. G. Miceli, W. Abeken, Inghirami и др. Объ изящной архитектурѣ: C. Schnaase, *Geschichte der bildenden Künste*, II, 305, 337 (2 изд.); F. Kugler, *Gesch. der Baukunst* I, 148 sqq.—³ Принадлежатъ ли эти постройки Этрускамъ или, какъ полагаетъ Е. Гергардъ (*Ueber die Kunst der Phöniciër*, Berl. 1846), онѣ построены Финикіянами, должно вѣроятно тоже остаться пока не рѣшеннымъ. См. о нихъ W. Abeken, *Mittelitalien* стр. 236 и слѣд. табл. IV, 3—5.—⁴ A. Hirt, *Gesch. der Baukunst*, II, 105 sqq. W. Abeken, назв. соч. стр. 178; Th. Mommsen, *Röm. Gesch.* (2) I, 38 sqq.—⁵ W. Abeken, тамъ же, стр. 138 слѣд.

скихъ горахъ. Здѣсь уже встрѣчаются ограды снабженныя воротами и массивными башнями и ¹ вообще болѣе совершенной постройки, такъ что по итальянскимъ оградѣмъ можно прослѣдить всѣ послѣдовательныя ступени ея, отъ простаго нагроможденія огромныхъ каменныхъ глыбъ (какъ въ нижней Италіи) до кладки изъ обдѣланныхъ камней и, наконецъ, до употребленія настоящихъ обтесанныхъ плитъ, складенныхъ правильными и неправильными рядами. ² Считать эту послѣдовательность не результатомъ самостоятельнаго развитія, а слѣдствіемъ пелазгическаго или греческаго вліянія, можно тѣмъ менѣе, что она какъ бы обусловливалась уже самымъ свойствомъ строительнаго матеріала, употребленнаго на постройки—неправильно ломающагося известняка, прямослойнаго туфа и занимающаго средину между ними по излому и твердости — пеперина (*perregino*). Ворота этихъ древнихъ укрѣпленій образованы, подобно древнегреческимъ, изъ двухъ вертикальныхъ стѣнъ или двухъ наклонно другъ къ другу поставленныхъ каменныхъ столбовъ и массивной каменной перекладины. Нѣкоторыя изъ воротъ (напр. старыя ворота Арпинума, нын. *Arpino*) складены изъ горизонтальныхъ плитъ сведенныхъ вверхъ остроудужною аркою и, тоже какъ греческія, съ поворачивающимся на лѣво пролетомъ ³.

Упомянутый способъ сводообразной кладки посредствомъ наслоенія горизонтальныхъ плитъ сближающихся вверхъ постепенными выступами, повторяющийся и въ другихъ древнеиталійскихъ постройкахъ—въ сардинскихъ нургахъ, въ древнемъ Тускулумѣ, ⁴ въ такъ наз. *Tullianum* ⁵ въ Римѣ,—совершенно сходенъ съ тѣмъ, какимъ выстроены древнегреческія куполовидныя сооруженія—сокровищницы Атрея и Миніаса, и представляется первою, весьма грубою попыткою, подъ тяжелою горизонтальною покрывшкою выгадать возможно большее пространство, не ослабляя ея прочности. Дальнѣйшее развитіе этой попытки—т. е. превращеніе ложной арки (изъ горизонтальныхъ слоевъ) въ настоящую арку изъ клинообразныхъ камней, ⁶ было дѣломъ италійскихъ народовъ и исполнено ими несомнѣнно вѣ всякаго вліянія со стороны греческой, повидимому уже въ очень давнее время: многія изъ древнихъ воротъ (ворота въ Вольтеррѣ и въ Перуджѣ), подземные отводные каналы въ Римѣ, приписываемая Тарквиніямъ *cloaca maxima*, ⁷ накрыты арками и сводами совершенно правильно выведенными изъ клинообразныхъ камней. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи *cloaca maxima*, какъ древнѣйшій примѣръ примѣненія этой кладки къ образованію коробового свода ⁸ и притомъ колоссальныхъ размѣровъ. Если изобрѣтеніе пра-

¹ Тамъ же стр. 160 слѣд.—² Тамъ же обзоръ всѣхъ трехъ способовъ стройки на табл. I.—

³ Вслѣдствіе чего вторгающийся непріятель былъ принужденъ принимать удары защитниковъ своею правою стороною, не закрытою щитами. Объ Арпинскихъ воротахъ. W. Abeken Mittelitalien. Taf. II, Fig. 3, a.—⁴ L. Canina. L'antico Tuscolo, tav. XIV; I. L. Donaldson, Antiquit. of Athen. Suppl. pl. 2.—⁵ (Подземная тюрьма, выстроенная Серв. Тулліемъ. Rich.) очень подробно описана у Абекена (тамъ же стр. 190 слѣд.).—

⁶ Сущность этой арьи заключается въ томъ, что пазы составляющихъ ее камней образуютъ радіусы сходящіеся въ центрѣ полукружія арки: Любке Ист. Архит.—⁷ O. Müller Die Etrusker, I, 258. W. Abeken, ibid. p. 169.—⁸ Коробовой сводъ есть соединеніе двухъ противолежащихъ стѣнъ посредствомъ ряда тѣсносплоченныхъ полукруглыхъ арокъ.

вильнаго свода и не принадлежит исключительно италійскимъ народамъ, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ уже Египтянамъ и Ассиріянамъ и изобрѣтеніе его приписывалось греческому архитектору (стр. 193), то всё таки за ними остается та несомнѣнная заслуга, что они первые своимъ практическимъ смысломъ сумѣли вполне оцѣнить его значеніе и всю полезность его въ постройкахъ. Но съ другой стороны также неоспоримо, что имъ не приходило на мысль примѣнить этотъ сводъ къ художественнымъ сооруженіямъ: для этого имъ недоставало не только способностей, но и главнѣйшаго повода—потребности въ богослужебныхъ зданіяхъ. Первоначальные Римляне не нуждались въ нихъ потому, что понимали божество безтѣлеснымъ,¹ незаключимымъ въ опредѣленное пространство и неизобразимымъ; что касается этрусскихъ храмовъ, въ послѣдствіи послужившихъ образцомъ для римскихъ, то вѣроятнымъ кажется, что они были обязаны своимъ происхожденіемъ не первоначальнымъ Этрускамъ, а народу Разеннз, вторгнувшемуся въ Этрурію и занесшему въ нее свои собственные богослужебныя зданія очень первобытной постройки, вѣроятно въ видѣ деревянныхъ хижинъ.² Поэтому строительная дѣятельность италійскихъ народовъ въ первое время ихъ существованія (а у Римлянъ можетъ быть и далѣе начала республики) ограничивалась тѣми колоссальными сооружениями, которыя названы выше, и простыми деревянными постройками для обыденныхъ нуждъ. Архитектуры въ собственномъ смыслѣ имъ не удалось выработать, по крайней мѣрѣ самостоятельно, даже и въ послѣдующія эпохи. Архитектурныя постройки стали появляться у нихъ не ранѣе 150 г. до Р. Х., т. е. послѣ присоединенія Греціи, отъ которой они и переняли архитектурныя формы. Хотя эти заимствованныя формы и подвергались въ послѣдствіи многократнымъ измѣненіямъ и хотя сущность этихъ измѣненій состояла въ сліянніи греческихъ строительныхъ элементовъ съ аркою и сводомъ — элементами чисто италійскими, тѣмъ не менѣе о дальнѣйшемъ ходѣ этого сліянія можно говорить лишь какъ о развитіи греческой архитектуры на римской почвѣ и подъ римскимъ вліяніемъ, а отнюдь не какъ о „римской архитектурѣ“. Все что было построено Римлянами до названной эпохи, т. е. до 150 г. до Р. Х., кромѣ нѣсколькихъ храмовъ сооруженныхъ по обѣту, имѣло лишь одно утилитарное, практическое назначеніе. Но и такого рода постройки, по крайней мѣрѣ предпринятія въ обширныхъ размѣрахъ и на счетъ государства, появились сравнительно поздно. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ Аппію Клавдію,³ построившему около 312 г. до Р. Х. доро-

¹ Такъ какъ божество было только одухотвореніемъ земнаго явленія, то въ этомъ послѣднемъ оно находило себѣ и храмъ и подобіе. Стѣны и идолы сдѣланные человѣческой рукою только затѣняли и ограничивали такое отвлеченное представленіе божества, потому то первоначальное римское богослуженіе и обходилось безъ идоловъ и безъ храмовъ. Если же въ Лациумѣ поклонялись идоламъ и строили имъ помѣщенія (aediculae) уже очень рано, можетъ быть по примѣру Грековъ, то это всё таки было нарушеніемъ законовъ Нумы и считалось нечистымъ и иноземнымъ. Кромѣ двуязычнаго Януса, у Римлянъ не было никакихъ собственныхъ идоловъ и еще Варронъ сѣялся надъ толпой требующей куколъ и картинокъ Th. Mommsen, Röm. Gesch. (2) I. 162. Ср. I. Marquart, въ Becker's Handb. IV, 5, not. 5. L. Preller, Röm. Mythol. p. 40, 114, 127.—² F. Kugler, Gesch. der Baukunst. I, 156 sqq.—³ Ср. Th. Mommsen, Röm. Gesch. (2), I, 418 sqq.

гу, ¹ названную по его имени *via Appia*, остатки которой видны еще и теперь, и колоссальный водопроводъ, извѣстный тоже подъ его именемъ. Послѣ него другой такой же водопроводъ былъ выстроенъ Маніемъ Куріемъ, по указанію котораго была также осушена долина Ріети отведеніемъ русла рѣки Веліно (290 и 252 гг. до Р. Х.). Подобныя сооруженія были возводимы въ послѣдствіи и другими реввителями общественнаго благосостоянія, но какъ исключительно назначенныя для практическихъ цѣлей, они не имѣли никакого отношенія къ художественному зодчеству. ²

Это послѣднее, какъ было уже сказано, перешло къ Римлянамъ отъ Грековъ въ послѣднее столѣтіе республики и было примѣнено ими къ постройкѣ не однихъ только богослужебныхъ зданій, но и свѣтскихъ. Сооружая храмы по греческому образцу, Римляне въ тоже время украшали греческими портиками свой *forum* и строили греческія базилики для помѣщенія своихъ судебныхъ мѣстъ. ³ Вслѣдъ за тѣмъ и частные люди стали уступать вліянію греческой архитектуры въ роскошной отдѣлкѣ своихъ домовъ и еще болѣе, покрайней мѣрѣ первоначально, въ сооруженіи обширныхъ гробницъ. Въ тоже время и туземный строительный матеріалъ сталъ постепенно вытѣсняться греческимъ, преимущественно гиметскимъ мраморомъ. Въ послѣднемъ столѣтіи до Р. Х. архитектурное великолѣпіе достигло своей высоты, но опять таки не въ храмахъ, а въ амфитеатрахъ и циркахъ, постройкою которыхъ такіе люди, какъ Помпей, Скавръ, Цезарь, старались привлечь къ себѣ народъ. Впрочемъ Цезарь заботился не столько объ украшеніи города храмами и великолѣпными дворцами, сколько о снабженіи его такими зданіями, которыя могли бы способствовать къ развитію и удобствамъ городской жизни. ⁴ Съ этою цѣлю онъ построилъ на марсовомъ полѣ *septa Julia* для собраній гражданъ (комицій), происходившихъ до того времени на форумѣ, а между Капитоліемъ и Палатиномъ особый форумъ для судебныхъ разбирательствъ, названный въ честь его *forum Julium*. Онъ предполагалъ также выстроить постоянный театръ, обширное помѣщеніе для купцовъ, бібліотеку, храмъ Марса. Проекты всѣхъ этихъ сооруженій были уже почти окончательно выработаны, но за смертью Цезаря остались невыполненными. Только часть ихъ была приведена въ исполненіе Августомъ, который окончилъ и всѣ начатыя Цезаремъ постройки (въ томъ числѣ и упомянутый *forum Julium*). При Августѣ Римъ наполнился множествомъ великолѣпныхъ зданій, въ которыхъ греческо-римскій стиль достигъ своего полного развитія. ⁵ По современному свидѣтельству, однихъ храмовъ было построено и возобновлено при Августѣ до 82-хъ; если же прибавить къ этому всё что было имъ кромѣ того выстроено, ⁶ то нельзя не согласиться что онъ былъ въ правѣ сказать, что оставляетъ мраморнымъ городъ, доставшійся ему кирпичнымъ.

Великолѣпіе общественныхъ сооруженій должно было естественно повліять и на частныя постройки. Съ этого времени знатные римляне начинаютъ

¹ W. Abeken, *Mittelitalien* p. 141.—² O. Müller. *Handb. der Archaeologie*. § 180.—³ Th Mommsen, I, 922.—⁴ Th. Mommsen, *Röm. Gesch.* III, 495 sqq.—⁵ O Müller *Handb. der Archaeologie* § 190. F. Kugler. *Gesch. der Baukunst* I, 305 sqq.—⁶ K. F. Hermann. *Culturgesch. der Griechen und Römer*. II, 142.

строить себѣ обширныя палаты, отдѣливая ихъ бѣлымъ (недавно открытымъ каррарскимъ) или разноцвѣтнымъ мраморомъ (нумидійскимъ giallo antico, краснымъ — rosso antico и др. сортами), лѣпными украшеніями, мозаикой и стѣнною живописью.¹ При преемникахъ Августа строительная дѣятельность не ослабѣваетъ. Неронъ, изъ страсти къ постройкамъ зажегшій Римъ въ 64 по Р. Х., строить себѣ на мѣстѣ пожарища великолѣпный дворецъ, названный „золотымъ домомъ“. Веспасіанъ начинаетъ, а Титъ оканчиваетъ постройку громаднѣйшаго амфитеатра, всѣмъ извѣстнаго Колизея (colosseum). При этихъ императорахъ греческо-римскій стиль августовскаго времени начинаетъ повидимому принимать характеръ болѣе односторонне-римскій, можетъ быть вслѣдствіе того, что усиленный запросъ на колоссальныя постройки (начавшійся уже при Неронѣ) заставлялъ римскихъ архитекторовъ обращать главное вниманіе на самую массу зданія, на ея прочность и устойчивость, всѣмъ же остальнымъ пренебрегать, какъ несущественнымъ и произвольнымъ. Тѣмъ не менѣе это же время характеризуется появленіемъ такъ наз. римской капители (составленной изъ соединенія іонической съ коринтской).² Полнаго своего выраженія римскій стиль достигаетъ въ базиликахъ, храмахъ и др. зданіяхъ, построенныхъ при Траянѣ на форумѣ его имени архитекторомъ Аполлодоромъ изъ Дамаска.³ Но эта сомнительная побѣда специально-римскаго вкуса надъ чисто греческими архитектурными элементами, до тѣхъ поръ имъ руководившими, была предвѣстницею паденія греческо-римской архитектуры, которое и началось со временъ Адріана (117 — 138 по Р. Х.). Этотъ императоръ считалъ себя великимъ архитекторомъ, хотя его архитектурный талантъ былъ весьма незначителенъ; но такъ какъ по своему положенію онъ имѣлъ возможность заставить умолкнуть всякое сомнѣніе на этотъ счетъ (что и доказалъ на дѣлѣ, осудивъ на смерть Аполлодора Дамаскаго, осмѣливавшагося оспаривать его проекты), то весьма естественно, что нашлось довольно льстецовъ, которые не затруднились возвести его дилеттантизмъ въ геніальность. Уступая своей личной склонности и не жалѣя издержекъ, онъ построилъ очень много и весьма обширныхъ зданій, въ которыхъ однакожъ цѣнность матеріала и избытокъ въ вычурныхъ орнаментахъ должны были замѣнить то, чего имъ недоставало въ отношеніи художественности. Послѣ Адріана римское зодчество продолжало падать все ниже и ниже, пока наконецъ, подъ восточнымъ вліяніемъ, ускорившимъ его разложеніе (около половины 4 ст.), оно не выродилось въ грубый варваризмъ.

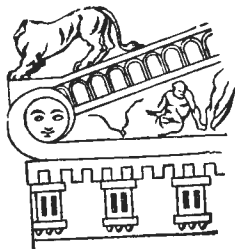
а. Переходя теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ формъ итальянскаго зодчества, мы замѣтимъ прежде всего, что все дошедшія до насъ строительныя памятники относятся къ позднѣйшему времени, т. е. ко времени греческаго вліянія, слѣдовательно представляютъ формы греческо-римскаго стиля. Отъ болѣе раннихъ эпохъ — этрусской или древнеиталійской, не осталось никакихъ памятниковъ, имѣющихъ художественное значеніе, и свѣде-

¹ Cp. A. Becker. Gallus oder röm. Scenen etc. 2. Aufl. II. 206 sqq.—² J. Winckelmann. I, 383. C. Schnaase, Gesch. der bildend. Künste II. 428, 482. — ³ F. Kugler, Gesch. der Baukunst. I, 319.

нія наши о формах тогдашней архитектуры ограничиваются лишь немногими числовыми данными, определяющими размѣры отдѣльных частей зданій.

Всѣ что намъ извѣстно объ этрусской архитектурѣ сводится на довольно подробное описаніе этрускаго храма, составленное Витрувіемъ при Августѣ, и на не многія архитектурно-обработанныя частности, сохранившіяся на высѣченнѣхъ въ скалѣ могилахъ. Изъ названнаго описанія видно, что этрускій храмъ¹ былъ, подобно греческому, развитіемъ первобытной деревянной постройки и точно также состоялъ изъ четырехугольнаго закрытаго святилища съ двускатною крышею, со стороны фасада подпертою столбами, но что въ отношеніи стили, соотношенія отдѣльных частей, онъ не только не имѣлъ ничего общаго съ греческими храмами, но, въ прямую противоположность ихъ художественной стройности, сохранилъ свой первоначальный характеръ деревяннаго строенія, какъ бы придавленнаго тяжестью своей сравнительно высокой крыши.² Такъ же неизящны были вѣроятно и его детали; покрайней мѣрѣ можно предполагать, что онѣ понимались не какъ нераздѣльно съ зданіемъ связанное, изъ него какъ бы выросшее украшеніе, но какъ произвольная прибавка къ нему. Такъ напр. фронтоны его (также какъ и фрон-

Фиг. 482.

тоны греческихъ храмовъ) былъ украшенъ изваяніями, но эти изваянія помѣщались частью на самомъ полѣ фронтона (въ тимпанѣ), частью по его угламъ (внѣшнимъ) и притомъ для большей легкости (?) дѣлались преимущественно изъ обожженной глины (фиг. 482; ср. фиг. 425). Даже и тамъ, гдѣ, какъ на гробничномъ фасадѣ въ Норкіи (фиг. 482), представлены вполне развитые архитектурные члены, совершенно сходные съ греческими, въ размѣщеніи ихъ видѣнъ такой же недостатокъ художественнаго пониманія, недостатокъ, который

такъ рѣшительно подтверждается и остатками этрускихъ колоннъ, найденными на „Cusimella“ въ Вульчи, особенно при сравненіи ихъ съ чисто-дорическою колонною (фиг. 483; ср. фиг. 299).

Фиг. 483.

в. Древнѣйшій памятникъ, могущій служить образчикомъ архитектурныхъ формъ римской эпохи, относится къ половинѣ 3-го вѣка до Р. Х. Это ка-

¹ Ср. O. Müller, Die Etrusker. II, 229. W. Abeken, Mittelitalien, p. 216. Опытъ реставраціи этр. храма, Семпера, въ Kunstblatt, 1855. стр. 75. K. Schnaase; Kugler, Gesch. der Baukunst. I, 156.—² «Болѣе къ квадрату приближающійся планъ этрускаго храма, большая высота его фронтона, большая ширина междустолпій и главное, крутость его крыши и чрезвычайно глубокій навѣсъ, образуемый ею надъ подпирающими её колоннами, всё это вытекаетъ изъ большаго сходства храма съ домомъ и изъ особенностей деревянной постройки: Th. Mommsen, Röm. Gesch. (2) I, 218.

менный саркофаг Корнелия Люция Сципиона Барбата (Barbatus), найденный в 1780 г. в гробнице Сципионов на *via Appia*.¹ Обделка его верхней части (фиг. 484) представляет несомненно вѣрную копию тогдашняго римскаго архитрава съ его архитектурическими разчлененіями и украшеніями (преимущественно изъ соединенія дорическихъ орнаментовъ съ іоническими) и свидѣтельствуеъ, что не смотря на прямое вліяніе греческаго искусства, настоящее пониманіе его было еще чуждо древнему Риму.

Остальные затѣмъ строительные памятники республиканскаго Рима² заключаются главнымъ образомъ въ болѣе или менѣе разрушенныхъ храмахъ, въ остаткахъ построеннаго около 78 г. до Р. X. консуломъ Квинт. Лутациемъ Катулломъ архива, такъ назыв. *tabularium*, и въ двухъ лучше другихъ сохранившихся гробницахъ. Эти послѣднія, особенно гробница Цецилія Метеллы на *via Appia*, —³ круглое зданіе 83 фут. въ поперечникѣ на кубическомъ цоколѣ, — отличаются тою же особенною прочностью и слитностью кладки, какая замѣчается во всѣхъ позднѣйшихъ римскихъ постройкахъ. Развалины храма близъ церкви *S. Maria in carcere*⁴ и храма *Fortuna virilis* показываютъ болѣе декоративное, вѣншее примѣненіе дорическихъ и іоническихъ строительныхъ элементовъ; а два храма въ Тиволи (изъ которыхъ одинъ, круглый, названъ храмомъ Весты, а другой извѣстенъ подъ именемъ храма Сивиллы и построенъ въ формѣ *prostylos pseudoperipteros*), замѣчательны, кромѣ круглой формы перваго — формы, по всей вѣроятности скорѣе римскаго, чѣмъ греческаго происхожденія, — еще тѣмъ, что въ нихъ уже принята и коринфская колонна.

с. Рассмотрѣніе многочисленныхъ памятниковъ изъ времени отъ конца республики до окончательнаго вырожденія римскаго зодчества вообще⁵ обна-

Фиг. 484.

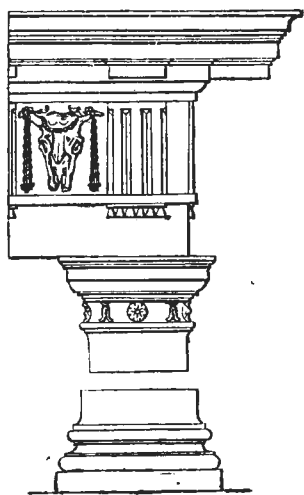

¹ Срисов. у G. B. Piranesi, *Monumenti degli Scipioni*, tav. 3—4; O. Müller, *Handb. der Archaeologie*. § 180. —² O. Müller, § 188 sqq.; F. Kugler *Gesch. der Baukunst*. I, 302 sqq. —³ Carl Sprosse. *Vierzig Originalradirungen in 10 Lieferungen*. Leipzig 1852 (такъ же и видъ круглаго храма въ Тиволи). —⁴ *Annali dell'Inst. di corrisp. archaeol.* 1850. p. 347. *Monum. ined.* IV. tav. XXIV.

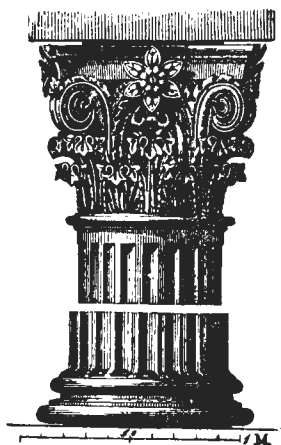
⁵ Главнѣйшія сочиненія съ изображеніями памятниковъ этой эпохи суть: I. для римскихъ памятниковъ. Mich. d'Overbeke. *Les restes de l'ancienne Rome*. A la Haye, 1768. 2 vols. A. Degodetz. *Les édifices antiques de Rome, mesurés et dessinés très exactement sur les lieux*. Paris 1682 (Нов. изд. 1779). G. B. Piranesi. *Antichità romane de tempi della republica e di primi imperatori*. Roma. 1748. Его же: *Della magnificenza e architettura de' Romani*. Roma 1761. Luigi Rossini. *Antichità romane*. Roma 1822—23. G. Valladier. *Raccolta delle più insigne fabbriche di Roma antica e sua campagna, descritte e dimostrate nella loco intiera architettura*. Roma 1840. — II. для вѣнрискыхъ: а) въ Италіи. D. M. Cand'idi: *Viaggio in alcune città del Lazio che diconsi fondate dal re Saturno*. Roma 1809. L. Canina. *L'antica città di Veji, descritta e dimostrata con i monumenti*. Roma 1847. G. B. Piranesi. *Antichità d'Albano e di Castel Gandolfo*. Roma. G. C. Capaccio. *La vera antichità di Pozzuolo*. Roma 1652. Duca di Faso Pietra-Santa. *Le antichità della Sicilia*. 5 vols. Palermo. 1834 — 42. Pompeji etc. см. выше стр. 246. — б) въ Греціи: J. Stuart and N. Revetta. *The antiquities of Athenes*.

руживается как нельзя очевидно, по отношенію къ храмовымъ постройкамъ, какъ Римляне первоначально ими усвоенный планъ этрускаго храма постепенно сливали въ одно цѣлое съ планомъ греческаго храма, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ формы послѣдняго, кромѣ однакожъ гипетральной (Vitruv. III. 2), и уже потомъ изъ соединенія простой колончатой постройки со сводчатою, успѣвшею между тѣмъ окончательно выработаться на ихъ свѣтскихъ зданіяхъ, получили новую, слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ самостоятельную, римскую храмовую форму. Почти такимъ же путемъ выработались вѣроятно и архитектурныя детали римскаго стиля. Первоначально дорическія или іоническія формы соединяли съ древнеэтрускими, какъ въ тосканскомъ чинѣ (фиг. 485); затѣмъ были приняты и коринскія формы, которыя сначала примѣнялись рѣдко и въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ показываетъ маленькій круглый храмъ въ Тиволи (фиг. 486), а въ послѣдствіи почти исключительно (и притомъ совершенно согласно съ римскимъ вкусомъ, преимущественно направленнымъ на возможно массивную и вмѣстѣ великолѣпную внѣшность) съ богатою скульптурною отдѣлкою капители. Эта капитель,

Фиг. 485.

Фиг. 486.

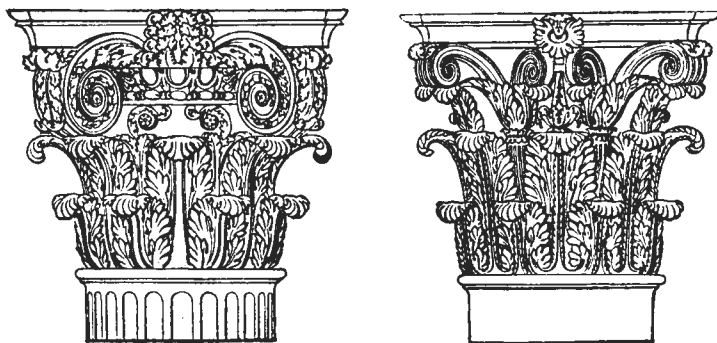

извѣстная подъ названіемъ „римской“ или „сложной“ (фиг. 387), представляетъ соединеніе коринской капители съ іонической, усложненное разнообразными украшеніями изъ гирляндъ, цвѣтовъ и даже фигурами боговъ,

London. 1762. 5 vols. (Les antiquités d'Athènes. 2. vols. Paris 1808. Die Alterthümer zu Athen. Aus dem Engl. Lpzg. und Darmst). A. Blouet. L'expédition scientifique en Morée, etc. Paris 1855. Ph. le Bas. Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure. Paris 1854—с) въ Малой Азіи: Society of Dilettanti. Jonian antiquities. Lond. 1769. Vol. II—III. Ch. Texier Description de l'Asie Mineure. Paris 1849.—d) въ Сиріи: R. Wood. Les ruines de Palmyre, Lond. 1753. Еромѣ: Les ruines de Balbec. Lond. 1757.—e) въ Палестинѣ и Аравіи: Léon de Laborde et Linant. Voyage. en Arabie petrée. Paris 1830. D. Roberts. Sketches in the Holy Land, Idumea, etc. Lond. 1842—45.—f) въ Персіи: Ch. Texier. Description de l'Arménie, de la Perse. Paris 1832. Vol. II. pl. 64. E. Flandin et Coste. Voyage en Perse. Perse ancienne. Pl. 22—g) въ Далмаціи и Петріи: R. Adams. Ruins of the palace of the emperor Diocletian at Spalatro

животныхъ и т. п. Такое же отсутствіе опредѣленнаго принципа видно въ разчлененіи базы и стержня колонны. Стержень то весь ложчатый, какъ

Фиг. 487.

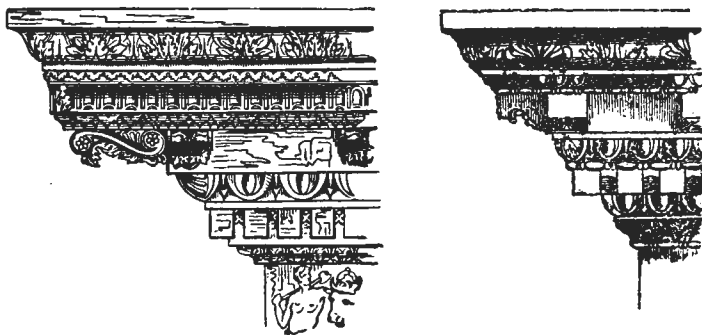

греческій, то лишь двѣ верхнія его трети покрыты ложками, остальная же треть оставлена гладкою, или онъ весь гладкій. Иногда на сплошь-ложчатомъ стержнѣ нижняя треть ложекъ выполнена валиками.

Римскій архитравъ былъ такою же произвольною передѣлкою греческаго, преимущественно коринтскаго, какъ и колонна. Греческое разчлененіе его на три части было удержано, но очевидно безъ яснаго пониманія значенія самыхъ частей. Поэтому совершенно произвольно умножали ихъ число, съ деталями ихъ (триглифами, метопами и т. д.) обращались какъ съ неимѣющими значенія прикрасами, и обременяли ихъ скульптурными орнаментами, — чему примѣромъ можетъ служить карнизъ на аркѣ Тита (фиг. 488; сравн. фиг. 489, верхній карнизъ храма мира, Максентія).

Фиг. 488.

Фиг. 489.

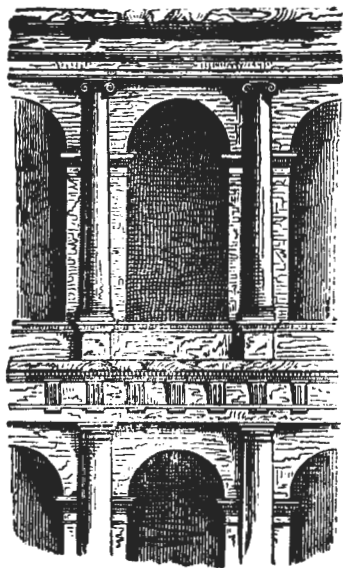

d. Это исканіе однихъ только внѣшнихъ, декоративныхъ эффектовъ привело наконецъ къ тому, что колонны стали поднимать на высокіе постамен-

in Dalmatia. Lond. 1764 J. F. Cassas. Voyage pittoresque en Istrie et en Dalmatie redigé par J. Lavallie. Paris 1802. J. Weyde und A. Haun. Malerische Ansichten der röm. Baudenkmale zu Pola in Istrien. Berlin 1856. — h) въ вост. Африкѣ: см. соч. о Египтѣ и Нубіи, назв. въ I ч. стр. 19 и 96. — i) въ запад. Африкѣ: A. Ravoisie. Exploration de l'Algérie pendant les années 1840—42. Paris. 1853. — k) въ Испаніи: A.

ты, слѣдоват. какъ бы отрывать ихъ отъ общаго фундамента, и даже употреблять ихъ вовсе безъ всякой цѣли, а какъ стѣнное украшеніе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ (который поясняется ниже помѣщеннымъ изображеніемъ арки Константина), колонны помѣщали обыкновенно подъ сильно выдающимся стѣннымъ карнизомъ и черезъ это какъ бы связывали ихъ съ зданіемъ, не сообщая имъ однакожъ ихъ основнаго характера опоръ. Если колонны были ниже поднимавшейся за ними стѣны, то надъ ними надставляли болѣе или менѣе украшенныя короткія пилястры. Этотъ способъ разчлененія стѣнъ полуколоннами или пилястрами, которымъ греческая архитектура пользовалась лишь весьма умѣренно, былъ обращенъ римскою въ обыкновенное украшеніе, чаще всего прилагавшееся къ многэтажнымъ зданіямъ, причемъ

Фиг. 490.

каждый этажъ обставлялся пилястрами одного какого нибудь ордена, отличнаго отъ пилястръ другихъ этажей (фиг. 490, съ театра Марцелла).

Приложеніе арки и свода къ постройкѣ обширныхъ зданій привело къ изобрѣтенію шарообразнаго (купола) ¹ и затѣмъ крестообразнаго сводовъ. ² Несмотря на рѣшительную противоположность этихъ сложныхъ сводчатыхъ системъ съ горизонтальною системою греческой постройки, ихъ часто соединяли вмѣстѣ, хотя, разумѣется, всегда болѣе или менѣе внѣшнимъ образомъ. ³ Такъ какъ органическое соединеніе круглаго въ планѣ зданія съ прямымъ фронтономъ невозможно, то римскіе архитекторы просто прикладывали послѣдній къ первому, какъ бы только прислоняли его къ нему; выгибающійся напередъ архитравъ подпирали колоннами или пилястрами, раздѣляя ихъ

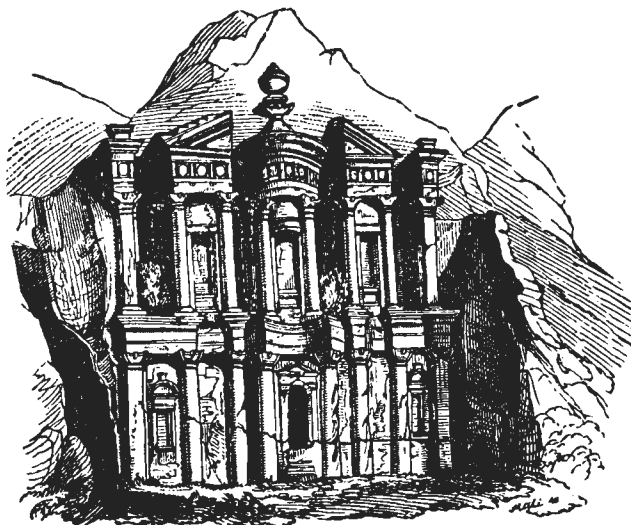
совершенно произвольно, самыя же стѣны зданія разбивали по всей ихъ

de Laborde *Voyage pittoresque et historique en Espagne*. Paris 1806—1820. 4 vols. FoI. — l) во Франціи: F. Clerisseau. *Antiquités de la France*. Paris 1787. Le texte historique et descriptif par J. G. Legrand. Paris 1804. A. de Laborde. *Les monuments de la France, classés chronologiquement et considérés sous le rapport des faits historiques et de l'étude des arts*. Paris 1817—36. A. Caristie. *Notice sur l'Etat actuel de l'arc d'Orange et des théâtres antiques d'Orange et d'Aras*. Paris 1839. — m) въ Англіи: S. Horsley. *Britannia Romana*. London. 1732. W. Roy. *The military antiquities of the Romans in Britain*. Lond. 1739. — n) въ Германіи: C. F. Quednow. *Beschreibung der Alterthümer in Trier und dessen Umgebungen aus der gallischen, belgischen und römischen Periode*. Trier 1820. C. W. Schmidt. *Römische, byzantinische und germanische Baudenkmäler in Trier und seiner Umgebung*. Trier 1836—1845. — Монографія см. въ продолженіи текста.

¹ Куполъ есть какъ бы разрѣзанный пополамъ полый шаръ, накрывающій круглое пространство. Куполъ выводится изъ горизонтальныхъ рядовъ клинообразныхъ камней, обращенныхъ тонкимъ концемъ къ центру шара и образующихъ сводъ по статическому закону простой полукруглой дуги. — ² Крестообразный сводъ образуется когда два коробовыхъ свода взаимно перекрещиваются. Линіи въ которыхъ своды перерѣзываютъ другъ

поверхности ложными пазами на четырехугольники. Внутренность таких зданий (т. е. круглых, завершенных куполомъ) разчленяли частью полукруглыми нишами, частью столбами и пучками колоннъ, подпиравшими ребра крестообразнаго свода; внутреннюю сторону сводовъ и аркъ украшали (совершенно по гречески) кассетонами, самыя же арки, кромѣ того, обводили еще архитравомъ, состоявшимъ изъ трехъ частей подраздѣленныхъ каждая на нѣсколько мелкихъ членовъ. Наконецъ, во время совершеннаго упадка искусствъ, римское зодчество отрѣшилось отъ всѣхъ законовъ архитектурнаго расчлененія, и, подчиняясь господствовавшей модѣ на безвкусное великолѣпіе, стало производить зданія, которыя казались скорѣе вылепленными изъ какого-то мягкаго матеріала, а не построенными изъ твердаго камня: до такой степени настоящее значеніе архитектурныхъ частей и украшеній было въ нихъ затемнено и искажено. Примѣромъ такого архитектурнаго безвкусія могутъ служить гробничные фасады Петреи (фиг. 491).

Фиг. 491.

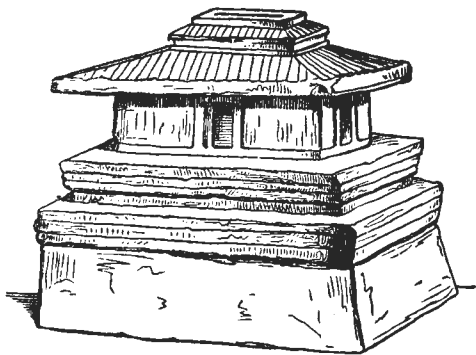

Первоначальныя жилища италійскихъ племенъ, подобно всѣмъ вообще первобытнымъ жилищамъ, заключали въ себѣ только одно помѣщеніе съ дверью въ стѣнѣ и отверстіемъ для дыма въ крышѣ. По нѣкоторымъ этрускимъ пеплохранилищамъ и найденнымъ въ 1817 г. въ албанскихъ горахъ глинянымъ урнамъ (фиг. 492 и 493), можно заключить, что древнѣйшіе обитатели Италіи строили себѣ не однѣ только четырехугольныя хижины (какъ первобытные жители Греціи), но что у нихъ были и круглыя,

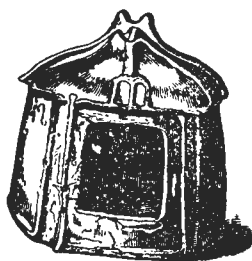
друга представляютъ врестъ и называются швами или ребрами, а остающіеся между ними сферическіе треугольники — парусами. Крестовый сводъ опирается не всей своей окружностью, а только четырьмя точками.»³ «Соединеніе круглой системы съ колончатой было во многихъ отношеніяхъ невыгодно. Огибающій зданіе архитравъ въ междустолпныхъ выступахъ всегда за черту прямой линіи, поэтому двоятся съ ней и кажется неимѣющимъ достаточной опоры» C. Schnaase, *Gesch. der bild. Künste*. II, 483 (2. Aufl.).

какъ у нѣкоторыхъ нынѣшнихъ дикарей, и притомъ, весьма вѣроятно, гораздо ранѣе четырехугольных. ¹ Тѣже памятники даютъ указанія и относительно самаго способа постройки древне-италійскихъ жилищъ. Мы видимъ, что ихъ

Фиг. 492.

Фиг. 493.

строили изъ грубаго кирпича и дерева (какъ еще и римскіе дома ранняго времени) ² и крыли соломой или досками; ³ что особенность четырехугольных домовъ составляли (о чемъ однакожъ нѣтъ другихъ ближайшихъ свѣдѣній)—высокая подстройка или фундамент (можетъ быть, какъ мѣра противъ воды или болотистаго грунта) и крыша съ широкимъ навѣсомъ, а особенность круглыхъ—широкая дверь нѣсколько поднятая отъ земли и столбообразныя подпорки подъ круглою крышею, укрѣпленною слѣгами. Другого рода памятники, именно—этрускія гробницы и разныя замѣтки объ устройствѣ этрусскихъ домовъ, ставятъ почти внѣ всякаго сомнѣнія, что у Этрусковъ изстари преобладали четырехугольныя постройки. ⁴ Изъ упомянутыхъ замѣтокъ видно, что этрусскій домъ состоялъ изъ четырехугольнаго довольно просторнаго покоя, вокругъ котораго, какъ въ гомеровскомъ домѣ, пристроивались, смотря по надобности, боковыя, меньшіе покои. Въ среднемъ покоѣ стоялъ очагъ (*focus*), по которому и самый покой, какъ законченный дымомъ отъ очага, назывался чернымъ покоемъ (*atrium*); тутъ же помещались: алтарь домашнихъ боговъ, супружеское ложе и столъ. Въ потолкѣ было продѣлано небольшое отверстіе (*compluvium*), закрывавшееся на случай дождя деревянною заслонкою (*testudo*), хотя подъ нимъ и былъ вырытъ небольшой бассейнъ (*impluvium*) для принятія вливавшейся дождевой воды. Изъ этого покоя выходили вѣроятно прямо на улицу, ⁵ подъ на-

¹ Cp. F. Lisch. Ueber die Hausurnen, besonders über die Hausurnen vom Albaner-Gebirge. Schwerin, 1856.—² O. Müller, Handb. der Archaeologie § 270 (2), 271 (1). A. Becker. Gallus oder röm. Scenen etc. II, 204 sqq.—³ По Витрувію (II, 1, 5), предполагаемая хижина Ромула (*casa Romuli*), которую хранили на Капитоліи и повременамъ подновляли, была покрыта соломой (*stramentis tecta*). Поэтому она могла походить на круглую хижину, представляемую глиняной урной найденной въ Албанскихъ горахъ A. Rich. Diction. des antiquités Romaines et Greques. Trad. de l'Anglais par M. Cheruel. Paris, 1859. p. 118.—⁴ J. Gailhabaud. Denkmäler der Baukunst. Liefg. 77. Mon. ined. dell'Institut. di corrisp. I. tav. 41; II, tav. 19 sqq. Cp. Kugler. Gesch. der Baukunst II, 162, O. Müller. Die Etrusker I, 254; Th. Mommsen, Röm. Gesch. (2) I, 22, 215 sqq.—⁵ Cp. G. Mic ali, Monumenti etc. tav. LXXII.

вѣсь крыши (фиг. 492); тутъ обыкновенно накидывали плащъ сверхъ тунники, отчего и самое мѣсто передъ наружною дверью называлось *vestibulum*, или мѣстомъ одѣванія. ¹ (Въ этрусскихъ гробницахъ—которые устроены совершенно согласно приведенному описанію и потому, вѣроятно, дѣйствительно представляютъ подобія домовъ — крыша средней части, соответствующей главному покою, подперта иногда четырехугольными столбами, сами же гробницы обдѣланы на манеръ брусовой и досчатой постройки).

Таково было расположеніе древнеэтрускаго дома, которое, какъ замѣчаетъ Діодоръ (V. 40), постепенно ввели у себя и Римляне, перенявъ его отъ Этрусковъ. ² Это замѣчаніе Діодора заставляетъ предполагать, что собственно римская стройка домовъ была отлична отъ этруской, а если такъ, то, кажется, не безъ основанія можно принять, что до своихъ сношеній съ Этрусками Римляне строили преимущественно круглые дома. Доказать этого конечно нельзя, но во всякомъ случаѣ по отношенію къ этой формѣ построекъ, т. е. круглой, не лишено значенія то обстоятельство, что для культа Весты, который былъ во вѣсѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ подобіемъ первобытнаго домашняго культа, отправлявшагося при домашнемъ очагѣ, Римляне съ самаго учрежденія этого культа, т. е. со временъ Нумы, строили исключительно небольшіе круглые храмы (по всей вѣроятности по традиціонному типу своихъ первоначальныхъ домовъ). ³ Какъ бы то ни было, вѣрно то, что четырехугольная этруская стройка была принята Римлянами уже очень рано и черезъ постепенное введеніе въ нее греческихъ, а затѣмъ и восточныхъ элементовъ, развилась у нихъ въ тѣ великолѣпныя сооруженія, о которыхъ было говорено выше. Какъ быстро пошло это развитіе, послѣ того какъ рушился староримскій бытъ, объ этомъ есть свѣдѣтельства римскихъ авторовъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что еще послѣ галльскаго пожара, въ 390 до Р. Х., Римъ былъ обстроенъ очень бѣдно и что только со времени консульства Аппія Клавдія, около 284 г. до Р. Х., начали крыть городскіе дома, вмѣсто драни, черепицами, ⁴ а черезъ сто лѣтъ, (ок. 184 г.) при цензорѣ Катонѣ, стали строить ихъ по греческому плану и раздѣлять на покои ⁵. Въ 91 г. до Р. Х., Люцій Крассъ первый украшаетъ свой домъ мраморными колоннами; Скавръ отдѣлываетъ свой еще богаче, а другой богачъ, Мамурра, обкладываетъ мраморомъ и стѣны. ⁶ Дальнѣйшее

¹ Такъ по Моммсену; другіе производятъ *vestibulum* отъ *ve* (внѣ) и *stare* (стоять).—

² См. также Th. Mommsen. *Röm. Gesch.* I, 218 sqq. и A. Becker, Gallus, II.—

³ Этотъ объясняется бы и свойственная преимущественно Римлянамъ круглая форма храмовъ. К. Шааазе (*Gesch. der bildenden Künste*, II, 434) говоритъ о ней слѣдующее: «Можетъ быть они (Римляне) держались въ этомъ случаѣ древнеиталійскаго обычая, вытекавшаго изъ религіозныхъ представлений, — по крайней мѣрѣ мы находимъ, что храмы Весты, богини италійской попреимуществу, были всѣ круглые; но на чемъ основывался этотъ обычай — намъ неизвѣстно».—⁴ Ср. Th. Mommsen, *Röm. Geschichte* I, 240 (2).—

⁵ Но глубже повліяла на обыденную жизнь перемѣна въ постройкѣ домовъ, совершившаяся не позднѣе этого времени: жилая комната (*atrium*), дворъ (*cavum aedium*), садъ и окружающія его колоннады (*peristylum*), спальни, кухня, постепенно обособились и для опоры крыши въ атриумѣ, также какъ во дворѣ и въ портикахъ, стали употреблять колонну, причемъ вѣроятно пользовались греческими образцами. Но строительный матеріалъ остался прежній—кирпичъ для стѣнъ, для фундамента плитнякъ. *Ibid.* p. 292.—

⁶ A. Becker, Gallus od. *rom. Sce nen* (2) II, 211 sqq.

усиленіе строительной роскоши со временъ Цезаря до Августа подтверждается извѣстіями о возвышеніи квартирной платы и о стоимости частныхъ домовъ.¹

Надзоръ за всѣми вообще постройками принадлежалъ изстари эдиламъ. Главною обязанностью этихъ чиновниковъ было наблюденіе за чистотою и исправностью дорогъ и строеній, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ. Позднѣе, когда городъ увеличился, слѣдовательно кругъ дѣятельности эдильовъ расширился, городская полиція была переорганизована Цезаремъ, который² ввѣнилъ ей въ обязанность строго наблюдать, чтобы домовладѣльцы сами мостили улицы во всю ихъ ширину и заботились объ исправности мостовыхъ, и чтобы всѣ приходящія въ ветхость постройки были немедленно исправляемы. Дальнѣйшія распоряженія, особенно касательно прочности зданій, послѣдовали при Августѣ и они были тѣмъ нужнѣе, что именно въ его время началась постройка домовъ съ чисто спекулятивными цѣлями—огромныхъ, для полученія возможно большаго дохода, но по всей вѣроятности непрочныхъ. Августъ запретилъ строить городскіе дома выше 70 фут. (67 рейнск.): вышина всё еще допускавшая раздѣленіе дома на 3—4 этажа. Лѣстницы, соединявшія этажи въ такихъ, собственно для отдачи въ наемъ многимъ жильцамъ построенныхъ домахъ,³ были наружныя: онѣ шли вокругъ наружныхъ стѣнъ дома и спускались прямо на тротуаръ.

Наемные дома (при Августѣ было ихъ въ Римѣ 46,602 нумерованныхъ большихъ зданій) составляли—по одиночкѣ или по нѣскольку вмѣстѣ—особняки, а потому назывались островами, *insulae*, въ отличіе отъ домовъ знатныхъ римлянъ, занимаемыхъ одною семьею хозяина, (при Августѣ такихъ домовъ было 1790), которымъ исключительно было присвоено названіе „*domus*“.

Объ устройствѣ этихъ *domus* въ описываемую эпоху⁴ мы имѣемъ, кромѣ указаній разсѣянныхъ въ римскихъ писателяхъ и описанія его (впрочемъ несовсѣмъ яснаго) въ 6 книгѣ Витрувія, неспоримое свидѣтельство въ остаткахъ городскихъ домовъ открытыхъ въ Помпѣи и Геркуланумѣ. Изучая эти остатки, не надобно конечно упускать изъ виду, что римскіе дома были вооб-

¹ «Великолѣпный, особенно славившійся старинными деревьями сада, городской домъ оратора Красса былъ оцѣненъ, съ садомъ—въ 6000000 сест. (300000 руб.), безъ сада—въ половину этой суммы, тогда какъ обыкновенный домъ стоялъ въ Римѣ не болѣе 60,000 сест. (3000 руб.). Какъ быстро увеличивались цѣны на виллы и дачи, видно изъ слѣдующаго примѣра: мизенская вилла, купленная Корниліею, матерью Гракховъ, за 75 т. сест. (ок. 4000 р.), была продана въ 74 до Р. Х. консулу Лукуллу за цѣну въ 33 раза болѣе.—Въ домѣ, гдѣ жилъ Сулла въ молодости, онъ платилъ за нижній этажъ 3000 сест., а жилецъ, занимавшій верхній этажъ,—2000 сест. въ годъ. Это были дешевыя квартиры.» Th. Mommsen. II, 400, Note.—² Th. Mommsen, Röm. Gesch. (2) III, 495.—³ A. Becker, Gallus (2) I, 14, 146.—⁴ Что дома римскіе, особенно большіе, раздѣленные на многія квартиры, выходили окнами на улицу, разумѣется само собою и подтверждается многими мѣстами. При высокой квартирной платѣ, отдача въ наемъ такихъ домовъ была очень доходною статью, и конечно отъ архитекторовъ требовалось, чтобы эти дома представляли какъ можно больше удобствъ для жильцевъ, а своею внѣшнею отдѣлкою поднимали бы наемную цѣну. K. Schnaase, Gesch. d. Kunst. II, (2 Aufl.) —⁴ A. Becker Gallus (2) II, 141. Ср. также: Raoul Rochette et Bouchet, Choix d'édifices inédits de Pompéi. Paris, 1828. T. Avellino, Descrizione d'una casa — dissotterata. Roma 1831—1843. C. Zumpt, Ueber die bauliche Einrichtung des röm. Wohnhauses. Berlin 1852. Stan. d'Aloë, Die Ruinen von Pompeji. Berlin, 1854. J. Overbeck, Pompeji in seinen Gebäuden, etc. Leipzig 1856.

ще обширнѣе, чѣмъ дома такихъ небольшихъ городовъ какъ Помпея или Геркуланумъ, но не слѣдуетъ также и слишкомъ увеличивать размѣръ римскихъ домовъ сравнительно съ помпейскими, такъ какъ съ одной стороны и въ Помпеѣ не было недостатка въ большихъ домахъ (какъ это видно по ихъ развалинамъ), а съ другой — Римляне, проводившіе большую часть дня на площадяхъ и на улицахъ, не любили слишкомъ обширныхъ комнатъ. Лучшее всего это доказывается расположеніемъ такъ называемаго „дома Пансы“ (который будетъ подробнѣе рассмотрѣнъ ниже). Этотъ домъ, занимавшій площадь во 100 фут. ширины и въ 200 ф. длины, вмѣщалъ въ себѣ не менѣе 50 различныхъ покоевъ—число, которое, соображаясь съ нашими нынѣшними потребностями, пришлось бы уменьшить по крайней мѣрѣ на одну четверть. Большая же часть помпейскихъ домовъ такъ малы, что, при своей одноэтажной постройкѣ, они кажутся, въ сравненіи съ нынѣшними городскими домами, скорѣе временными пріютами, чѣмъ постоянными жилищами, назначенными для домашней жизни и продолжительнаго пребыванія.

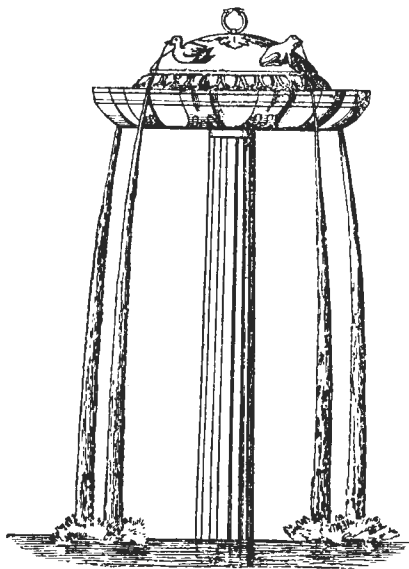
а. Если, оставляя въ сторонѣ эти небольшіе дома (изъ коихъ самыя малые состоятъ только изъ атріума и противоположнаго входу покоя — *tablinum*, слѣдоват. еще довольно близко напоминаютъ древнеримскій домъ), — мы обратимся къ рассмотрѣнію большихъ домовъ, то замѣтимъ, что несмотря на разнообразное размѣщеніе и дѣленіе въ нихъ покоевъ, всѣ они построены по одной и той же схемѣ: атріумъ (мѣсто домашнего очага въ древности) окруженный примыкающими къ нему остальными покоемъ. Эти послѣдніе въ свою очередь распадаются на двѣ главныя группы — группу переднихъ покоевъ, расположенныхъ непосредственно вокругъ атріума, и группу заднихъ покоевъ (несомнѣнно перенятую отъ Грековъ), размѣщенныхъ вокругъ открытаго двора обставленнаго колоннадами (*peristylum*). Въ нѣкоторыхъ домахъ (въ домѣ К. Саллюстія напр.) перистиль лежитъ не позади атріума, а рядомъ съ нимъ; но даже и въ такихъ случаяхъ, очень рѣдкихъ и обусловленныхъ, можетъ быть, недостаткомъ мѣста, расположеніе дворовъ, покоевъ и ходовъ постоянно одно и тоже, такъ что его можно принять за норму.¹

б. И такъ, сообразно такому нормальному плану² (примѣры котораго находятся также въ развалинахъ Помпеи; ср. фиг. 495, I и II), городской римскій домъ занималъ болѣе или менѣе обширный продолговатый четырехсторонникъ, одна изъ узкихъ сторонъ котораго выходила на улицу. Посрединѣ уличнаго фасада находился открытый *vestibulum* со входомъ (*ostium*), запиравшимся дверью. У входной двери висѣлъ молотокъ (*malleus*) или звонокъ (*tintinnabulum*); на порогѣ ея было выложено мозаикою слово „*salve*“ (добро пожаловать); нерѣдко также этимъ привѣтомъ встрѣчала приходившаго выученная птица, висѣвшая въ клѣткѣ у двери. Съ боку у входа была комната привратника (*ostiarium*), охранявшаго входъ съ помощью цѣпной собаки, о присутствіи которой посетителя увѣдомляла доска съ надписью: *cave canem* (берегись собаки). Иногда живую собаку замѣ-

¹ Рисунки въ назв. выше сочиненіяхъ Цумпта и Овербека.—² См. проектъ его у Беккера: *Gallus*. (2) II, 142.

няла выложенная из мозаики, съ тою же надписью. Дверь въ глубинѣ входа, или внутренняя (*janua interior*), вела въ атриумъ, который по прежнему оставался главною частью дома, но состоялъ не изъ одного покоя, какъ въ староримскихъ домахъ, а изъ двухъ, соединенныхъ между собою дверями. ¹ Изъ нихъ вѣроятно передній считался настоящимъ атриумомъ, а задній (съ открытою посрединѣ крышею и бассейпомъ — *impluvium*) назывался *cavaedium* (*cavum aedium* ² — первоначальное названіе открытаго двора, вокругъ котораго располагали покои въ старинныхъ домахъ). Передній покой, или собственно атриумъ, былъ увеличенъ противу стариннаго двумя боковыми покоями, но по прежнему получалъ свѣтъ и воздухъ черезъ отверстіе въ потолкѣ (*lumen*). По старинному же обычаю, въ немъ и теперь стояли — брачное ложе (*lectus genialis*), алтарь домашнихъ боговъ и кресны хозяйки дома; но восковыя маски предковъ обыкновенно помѣщались уже въ боковыхъ покояхъ, въ шкафахъ по стѣнамъ. Атриумъ былъ также столовою семье и приѣмною комнатою, въ которой хозяинъ дома принималъ своихъ кліентовъ. Средній дворъ, или *cavaedium*, былъ покрытъ только отчасти, т. е. только вокругъ него шли узкіе крытые переходы, середина же оставалась открытою. * Къ переходамъ примыкали кладовыя, и вблизи ихъ, на особомъ мѣстѣ, стояли пенаты — боги-покровители хозяйства; тутъ же былъ

Фиг. 494.

и фонтанъ, устроенный въ самомъ *impluvium*, или близъ него (фиг. 494). Непосредственно за этимъ дворомъ лежалъ *tablinum*, или кабинетъ хозяина. Этою комнатою и оканчивалась собственно римская часть дома, изъ которой два корридора, расположенные по сторонамъ таблинума, вели въ заднюю или греческую часть его — въ перистилиумъ и окружающіе его покои.

с. Какъ уже замѣчено выше, расположеніе осьми описанныхъ частей было одинаково почти во всѣхъ римскихъ домахъ; всѣ же остальные покои и помѣщенія, которые затѣмъ пристроивали къ дому, размѣщались болѣе или менѣе произвольно, хотя и несомнѣнно независимо отъ общаго плана. Таковы были во первыхъ *cubicula*, комнаты вообще небольшихъ размѣровъ (отъ

¹ Въ помпейскихъ домахъ такого раздѣленія нѣтъ (см. ниже приложенные планы). Но въ какой мѣрѣ оно должно быть допущено для домовъ римскихъ, это видно изъ сравненія основательнаго изслѣдованія Беккера (*Gallus*, II, 119) съ замѣчаніями (весьма его впрочемъ ограничивающими) издателя назв. сочиненія, В. Рейна. Впрочемъ и я тоже полагаю, что Беккеръ заходитъ слишкомъ далеко и что въ Римѣ было не мало частныхъ домовъ, совершенно похожихъ устройствомъ на помпейскіе. — ² Th. Mommsen. *Röm. Gesch.* I, 215. — * Изъ приведеннаго въ текстѣ описанія трудно понять въ чемъ состояло различіе между *atrium*

смотря потому, служили ли онѣ спальнями и комнатами членовъ семьи, или помѣщеніями для рабовъ, купальнями, кухнями, кладовыми и т. п. службами, размѣщались то вокругъ атриума, то вокругъ *savaedium* (спальни были обыкновенно обращены на востокъ); въ вторыхъ—столовые, большіе и малые: первыя, называвшіяся „*oesi*“, были великолѣпно отдѣланныя залы выходившія на *peristylum*; послѣднія—*triclinia*, принадлежали вѣроятно къ *cubicula*. Затѣмъ слѣдовали: приемныя или гостиныя (*exedrae*), въ позднѣйшее время—картинная галлерейя (*pinacotheca*), всегда на сѣверной сторонѣ дома, библіотека и обширная баня (*balneum*) со всѣми принадлежностями.¹

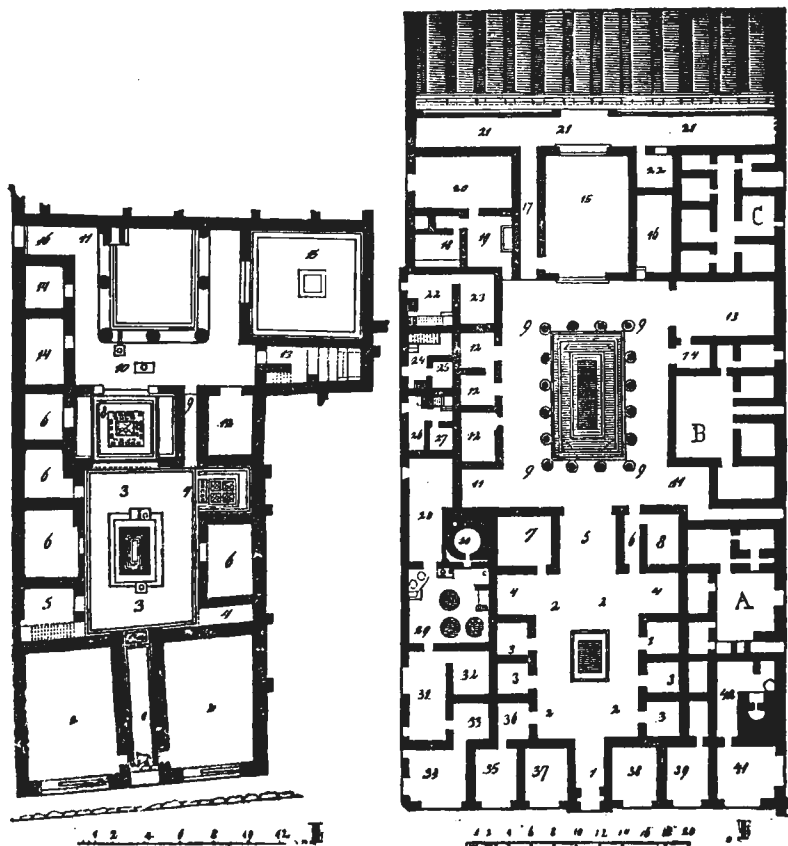
Если домъ былъ двухъ-этажный—что было однакожъ противъ правилъ—то верхній этажъ раздѣляли, смотря по надобности, на большее или меньшее число небольшихъ комнатъ (*соenacula*, отчего и весь этажъ назывался *соenaculum*), освѣщавшихся настоящими окнами. Расположеніе этихъ комнатъ было совершенно произвольно и нисколько не отвѣчало расположенію нижнихъ покоевъ. Въ верхній этажъ вели узкія и крутыя лѣстницы, большею частью изъ внутреннихъ покоевъ. Такія лѣстницы были и въ одноэтажныхъ домахъ, но только для входа на крышу. Крыши были покатыя и плоскія. Въ первомъ случаѣ ихъ крыли черепицей, въ послѣднемъ—выстилали камнемъ. Плоскія крыши обращали иногда въ террасы, усаженныя цвѣтами и растеніями. Эти террасы, со всѣхъ сторонъ доступныя солнцу, назывались *solaria*.

d. Въ заключеніе прилагаемъ планы двухъ помпейскихъ домовъ, которые наглядно уяснятъ наше описаніе римскаго дома. Послѣ всего сказаннаго будетъ достаточно обозначить на нихъ отдѣльныя помѣщенія по ихъ предполагаемому назначенію, и безъ дальнѣйшихъ объясненій. Разсмотримъ сначала планъ „дома трагическаго поэта“ (фиг. 495 II). Прежде всего намъ представляется *vestibulum*, въ видѣ небольшой открытой площадки между выступами стѣны. За нимъ узкимъ корридормъ тянется *ostium* (1), по обѣимъ сторонамъ котораго лежатъ сообщающіяся съ нимъ таберны (2. 2). *Ostium* открывается прямо въ атриумъ (3. 3), къ которому примыкаютъ: комната гдѣ оставляли верхнее платье (4), комната превратника (5), изъ

и *savaedium*. Заимствуемъ нѣсколько замѣчаній объ этихъ частяхъ римскаго дома изъ словаря древностей Рича (Rich. Diction. des antiquités romaines et grecques. Trad. de M. Chéruel. Paris, 1859). Тамъ говорится, что *atrium* было ничто иное какъ *savaedium* (т. е. средній открытый дворъ старинныхъ домовъ), передѣланный въ комнату съ открытымъ посрединѣ потолкомъ. Эту передѣлку Римляне переняли отъ Этрусковъ (*ab Atriatibus Tuscis*, Varro, L.L. V. 161), откуда и названіе покоя. Но превратившись въ атриумъ въ обыкновенныхъ домахъ, *savaedium* оставался отдѣльною частью большихъ домовъ, преимущественно загородныхъ, занимавшихъ большое пространство, сохранивъ въ нихъ свой первоначальный характеръ четырехугольнаго внутренняго, т. е. сломъ обстроеннаго двора, но совершенно открытаго (почему его и называли свѣтлою, веселою (*hilare*) частью дома). Таково, повидимому, различіе между *atrium* и *savaedium*, хотя оба слова употреблялись иногда какъ синонимы, иногда какъ названія двухъ различныхъ частей дома, и хотя самъ Витрувій (VI, 5) употребляетъ названіе *savaedium* для внутренняго помѣщенія, устроеннаго на подобіе атриума. Пр. Пер.—¹ Для гимнастическихъ упражненій при каждомъ такомъ домѣ находился вѣроятно и *sphaeristerium*, примыкавший непосредственно къ банямъ, какъ и въ общественныхъ баняхъ, такъ какъ гимнастикой занимались всегда передъ баней. A. Becker. Gallus (2) III, 104.

которой шла лѣстница на крышу; далѣе — нѣсколько комнатъ неизвѣстнаго назначенія (6666), боковая комната—*ala* (7), *tablinum* (8), корридоръ

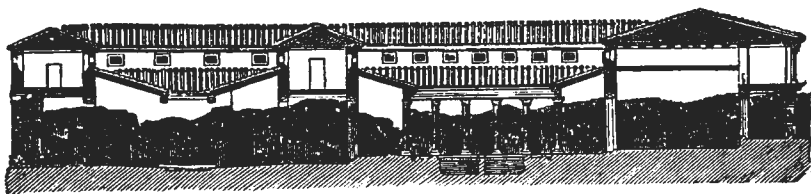
Фиг. 495.

или проходъ—*fauces* (9) и, вѣроятно, зимняя столовая (12). Задняя, греческая часть дома заключаетъ въ себѣ: *peristylum* (10) съ домашнимъ алтаремъ (11), противъ котораго лежитъ небольшая задняя дверь—*posticum* (16); двѣ *cubicula* (14. 14), *oecus*, или большую лѣтнюю столовую (15) и рядомъ съ нею кухню съ переднею (13), откуда поднималась лѣстница на заднюю часть крыши и гдѣ (именно подъ лѣстницей) было вѣроятно устроено и отхожее мѣсто. — Расположеніе комнатъ на планѣ „дома Пансы“ (фиг. 495 I) представляется слѣдующимъ: *vestibulum* съ *ostium* (1), за нимъ атриумъ съ *compluvium* посрединѣ (2), *cubicula* (3), *alae* (4), *tablinum* (5), *fauces* (6) и—можетъ быть—библіотека или архивъ (7), спальня или зимняя столовая (8), *peristylum* (9) съ заднею дверью (10), двумя *exedrae* (11), тремя *cubicula* (12), столовою (13) и боковою комнатою (14); за перестилемъ великолѣпный *oecus* (15) и рядомъ съ нимъ, съ одной стороны, комната съ узкою дверью—можетъ быть тоже столовая (16), а съ другой—корридоръ со входомъ въ *oecus* (17). Подлѣ корридора кухня (18) съ переднею (19) и

боковой комнатою (20), которая была, можетъ быть, рабочею комнатою рабовъ (*ergastulum*), и наконецъ крытый портикъ (21), занимавшій всю заднюю стѣну дома, и въ сторонѣ отъ него небольшая комната (22). Остальныя части плана представляютъ отдѣльныя помѣщенія (или квартиры), каждое въ нѣсколько комнатъ (А. В. С.). При нѣкоторыхъ изъ нихъ очевидно находились мастерскія и лавки (22 и 23; 24 и 25; 26 и 27) и между прочимъ булочная, которая одна заключала въ себѣ 7 комнатъ (28 — 34). Другія лавки, неимѣвшія сообщенія съ внутренностью дома и все выходявшія на улицу (37—39 и 40 — 43), тоже вѣроятно отдавались въ наймы, между тѣмъ какъ одна лавка (35), изъ которой былъ проходъ (36) въ атриумъ, была, какъ предполагають, занята самимъ хозяиномъ дома, который торговалъ въ ней черезъ раба. * Домъ Пансы имѣлъ и верхній этажъ; въ немъ по всей вѣроятности помѣщались спальни домохозяевъ и квартиры нѣкоторыхъ нанимателей лавокъ (ср. фиг. 496: реставрированный продольный разрѣзъ къ плану, отъ 1 до 15).

Фиг. 496.

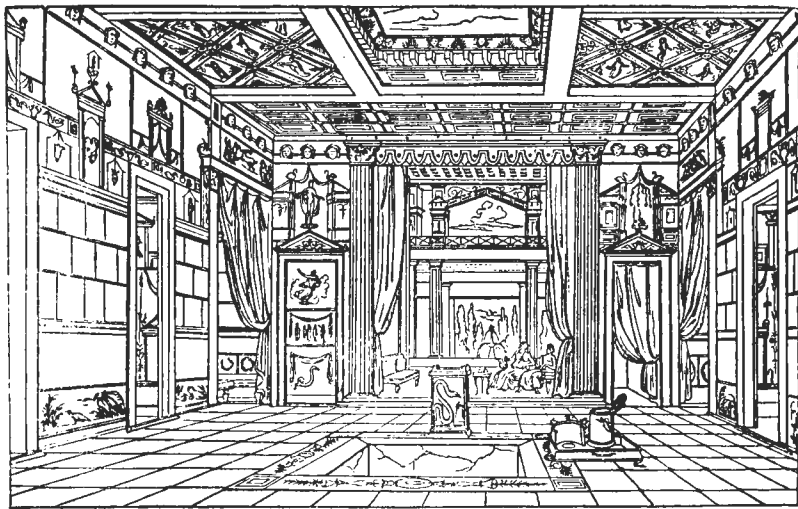

с. Въ отношеніи архитектурнаго убранства римскихъ домовъ слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что оно преимущественно сосредоточивалось во внутренности дома и весьма мало касалось его наружности. Эта послѣдняя оставалась почти такъ же проста, какъ и въ старину, развѣ только стѣны выкладывались нѣсколько красивѣе прежняго — изъ кирпича или кубиками отесаннаго камня и притомъ такъ, что пазы камней составляли какъ бы сѣтку; такая кладка называлась *opus reticulatum*. Весьма рѣдко, и то лишь въ очень богатыхъ домахъ, *vestibulum* обставляли съ боковъ колоннами или плоскими пилястрами. Этимъ простымъ украшеніемъ и изрѣдка встрѣчавшимися пристройками въ видѣ балконовъ къ верхнимъ этажамъ, и ограничивались все различія римскихъ фасадовъ, однообразіе которыхъ увеличивалось еще тѣмъ, что стѣны домовъ были обыкновенно выштукатурены и сплошь выбѣлены (если не были выложены вышеупомянутымъ способомъ), и вдобавокъ почти вовсе не имѣли оконъ или подобныхъ имъ отверстій. Внутренніе покои освѣщались отчасти черезъ отверстіе въ крышѣ, какъ атриумъ, отчасти — какъ боковыя комнаты вокругъ атриума и *cavaedium* — получали свѣтъ черезъ двери, выходившія въ свѣтлые покои и только завѣшанныя портьерами, а не запиравшіяся какъ у насъ, слѣдов. пропускавшія достаточно свѣта. Окна дѣлали только тамъ, гдѣ это было необходимо нуж-

* Такимъ образомъ домъ Пансы соединялъ въ себѣ и *domus* и *insula*. Пер.

но—въ тѣхъ комнатахъ, которыя лежали совершенно въ сторонѣ, въ баняхъ и въ верхнемъ этажѣ, по всегда очень небольшія. Въ старое время окна закрывались ставнями и деревянными рѣшетками, потомъ въ нихъ стали вставлять оконницы изъ прозрачныхъ гипсовыхъ пластинокъ, изъ слюды и наконецъ уже изъ стекла.—Всѣ наружные входы запирались крѣпкими деревянными дверями, которыя были створчатые, какъ и окна. Двери главнаго входа (въ богатыхъ домахъ съ рѣзными, металлическими и костяными украшениями) открывались всегда внутрь. Запирали ихъ изнутри же двойною задвижкой, которая была устроена такъ, что при запираніи двери, известное число зубчиковъ верхней задвижки попадало въ вырѣзки нижней, почему и отпереть её снаружи можно было лишь ключемъ съ такими же вырѣзками, какъ въ нижней задвижкѣ; вложивъ его въ отверстіе, находившееся прямо подъ задвижкою, поднимали имъ зубчики верхней задвижки и вмѣстѣ отодвигали самую задвижку. Настоящіе замки появились довольно поздно; они походили устройствомъ на наши.—¹ Слѣдуетъ еще замѣтить, что на римскихъ домахъ не было трубъ (дымовыхъ), такъ какъ они нагрѣвались болѣею частью переносными печами, ² или глиняными трубами съ горячимъ воздухомъ.

Фиг. 497.

О внутреннемъ убранствѣ домовъ было уже говорено выше. Мы сказали, что въ позднѣйшее время стѣны покрывали мраморомъ, лѣпными украшениями и живописью, ³ полы выкладывали мозаикой ⁴, а потолки раздѣляли кассетонами; что во внутреннихъ покояхъ двери не затворялись, а завѣши-

¹ Ср. А. Becker. Gallus. (2) II, 388 sqq.—² См. ниже: утварь.—³ Подробности у Беккера: Gallus (2) II, 212, изъ сочиненій о Помпеевъ приведенныхъ выше (стр. 246) въ соч. Цана, Гелля и др. описаны и самыя украшенія.—⁴ Тоже у Беккера въ назв. сочин. стр. 206 и слѣд. Нѣкоторыя фигуры изъ известной помпейской мозаики представляющей битву Александра были приведены выше, ч. I, фиг. 149, а—f.

вались портьерами изъ тяжелой матеріи, и такими же занавѣсами задерживались отверстія въ потолокъ — *lumen* и *compluvium*. Мы прибавили также, что по примѣру Красса вошло въ обычай обширные покои раздѣлять колоннами (фиг. 497). Это нововведеніе имѣло важное значеніе не только для убранства дома, но и для его расположенія вообще. Именно, оно дало возможность увеличивать по произволу размѣръ большихъ покоевъ (атріума, *саваedium* и др.), опредѣлявшійся до того времени длиною балокъ потолка, и, кромѣ того, различнымъ размѣщеніемъ колоннъ разнообразить самый способъ построенія, самый стиль этихъ покоевъ. Уже Витрувій насчитываетъ пять различныхъ видовъ римскаго атріума: четырехъ-столбный (*tetrastylum*), коринтскій (*corinthicum*), тосканскій (*tuscanicum*), къ которымъ онъ прибавляетъ еще два, различавшіяся устройствомъ крыши: крытый (*testudinatum*), не имѣвшій отверстія, съ покатою на четыре стороны крышею, и *displuviatum*, крыша котораго была поката не внутрь, какъ у обыкновеннаго атріума, а наружу, такъ что дождевая вода стекала съ нее не въ *compluvium*, а въ желоба, еѣ окружавшіе. Всѣ эти виды атріума были въ главныхъ чертахъ сходны между собою, различія же ихъ состояли въ томъ, что въ четырехъ-столбномъ атріумѣ потолокъ поддерживался четырьмя колоннами по угламъ *impluvium*, въ коринтскомъ, потолочныя балки лежали однимъ концомъ на стѣнѣ, а другимъ опирались на колонны, въ одинъ или два ряда окружавшія *impluvium*; остальные три вида вовсе не имѣли колоннъ. Такъ какъ въ крытомъ атріумѣ (*testudinatum*) не было сквознаго отверстія въ потолокъ, то надобно полагать, что оно замѣнялось окномъ для освѣщенія покоя, который иначе оставался бы совершенно темнымъ.

2. Съ тѣхъ поръ какъ знатные римляне промѣняли обычную имъ первоначально деревенскую жизнь на городскую и управленіе своими помѣстьями, которымъ они прежде лично занимались, передали въ руки управляющихъ, они стали устраивать себѣ загородные дома или дачи, куда переселялись на время для отдыха. Эти дачи назывались *villae urbanae* и отличались отъ деревенскихъ усадебъ (*villae rusticae*) не однимъ только великолѣпіемъ, но и самымъ расположеніемъ, такъ какъ онѣ строились по совершенно иному плану. Деревенская усадьба (*villa rustica*)¹ занимала два двора (*cohorts*), расположенныхъ одинъ за другимъ. На переднемъ дворѣ стояло жилище управляющаго (*villicus*) и помѣщались различныя службы, въ томъ числѣ: большая кухня, гдѣ въ зимнее время собирались рабы работавшіе на фермѣ, баня, давильни и склады для вина и масла (эти склады устраивали всегда на ровной землѣ и притомъ такъ, что складъ для вина былъ обращенъ на сѣверъ, а для масла на югъ). На этомъ же дворѣ стояли вѣроятно конюшни, навѣсы, гдѣ сушили хлѣбъ и плоды, и амбары, гдѣ ихъ берегали. Посрединѣ каждаго двора былъ вырытъ колодезь (на переднемъ съ фонтаномъ, для питья, на заднемъ, для мочки плодовъ). Остальное пространство было вѣроятно занято помѣщеніями для рабочихъ.

¹ A. Becker Gallus, (2) I, 93.

а. Загородные дома или виллы ¹ были иногда такъ обширны и такъ наполнены различными постройками, что походили на мѣстечки или городки. Дачная роскошь началась со временъ Цезаря. Виллы Сципіона Африканскаго и Цицерона были еще простые обнесенные стѣнами загородные дома; но уже при Саллюстіа богатые виллы вмѣщали въ себѣ, кромѣ большихъ и малыхъ зданій, большею частью великолѣпно отстроенныхъ, цѣлые парки, луга, виноградники, сады съ искусственными гротами, скалами, бассейнами и т. п. Самымъ обширнымъ и великолѣпнымъ зданіемъ былъ, разумѣется, домъ владѣльца дачи или *praetorium*; кромѣ комнатъ, общихъ ему съ городскими домами, въ немъ были особые помѣщенія для гимнастическихъ упражненій и игръ, прохладныя галлерей и башнеподобныя надстройки, откуда открывался видъ на окрестность. Въ паркахъ были отведены мѣста для рѣдкихъ птицъ и звѣрей, и для четвероногой и пернатой дичи; въ бассейнахъ держали разные сорта вкусной рыбы. Римскіе сады ² разбивались большею частью какъ французскіе прошлаго столѣтія, и были также вычурно подстрижены, какъ тѣ; впрочемъ въ нихъ не было недостатка ни въ цвѣточныхъ клумбахъ, ни въ бесѣдкахъ, ни въ крытыхъ и открытыхъ аллеяхъ.—Таково было расположеніе и устройство римскихъ виллъ, покрайней мѣрѣ виллъ Плінія младшаго, описаніе которыхъ сохранилось въ его письмахъ (ср. Plin. Epist. I, 17; V, 6).

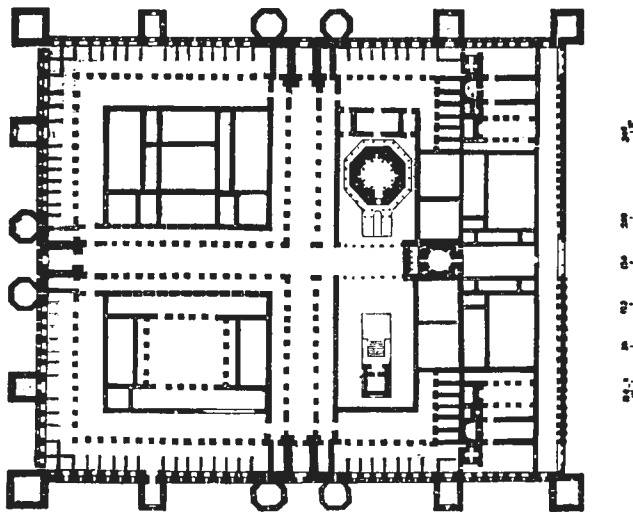
б. Крайнюю ступень строительной роскоши, незнающей мѣры издержкамъ, представляли дворцы и виллы императоровъ. Августъ, вѣрный своему плану, считалъ еще цѣлесообразнымъ и въ этомъ отношеніи не слишкомъ отличаться отъ богатыхъ частныхъ людей, и жилъ почти такъ же какъ они; но уже его преемникъ Тиверій (15—37 по Р. Х.) построилъ двѣнадцать виллъ на восточномъ берегу Капри (о. Капри). Эта расточительность, непростительная въ виду крайняго обѣдненія римскаго народа, была однакожъ умѣренностью въ сравненіи съ тою почти безумною роскошью, съ какою была построена Нерономъ его городская вилла, названная имъ золотымъ домомъ (*domus aurea*) и вмѣщавшая въ себѣ всё что можетъ измыслить фантазія пресыщеннаго тирана, нещадающаго средствъ государства для удовлетворенія своихъ прихотей. ³ За тѣмъ слѣдовали: тоже великолѣпный и необычайно обширный дворецъ Домиціана, богатая произведеніями искусствъ вилла Адріана въ Тибурѣ (нын. Тиволи), и колоссальная вилла Діоклетіана, въ Далмаціи, построенная около 305 г. Развалины этихъ зданій подтверждаютъ рассказы о нихъ римскихъ авторовъ.

Остатки фундамента, стѣнъ и нѣкоторыхъ архитектурныхъ частей, находящіеся близъ Албанскаго озера, указываютъ на колоссальный объемъ Домиціановой виллы, между тѣмъ какъ вилла Адріана (еще и теперь неисто-

¹ Ср. очень живое описаніе виллы Галла у Беккера, въ назв. соч. I, 84 и слѣд. и описаніе пригородной виллы Диомеда, у Овербека: Pompeji, 284 и слѣд.—² G. Wüstemann, Ueber die Kunstgärtnerie bei den alten Römern. Gotha, 1846. A. Becker. Gallus (2) I, 101; III, 26 слѣд.—³ Въ сѣняхъ (*vestibulum*) Неронова дома стояла даже колоссальная статуя въ 120 фут. вышины. A. Becker. Gallus II, 150. O. Müller Handb. § 190. II. 2.

шимый кладъ художественныхъ древностей) представляет и до сихъ поръ такую величественную развалину (въ 7 римск. миль въ окружности), что, глядя на нее, можно повѣрить разсказу о томъ, что Адрианъ заставлялъ воспроизводить въ ней всё, что встрѣчалъ интереснаго въ своихъ путешествіяхъ, и что поэтому его вилла заключала въ себѣ не только различныя греческія и египетскія постройки—лицей, академію, пританей, лабиринтъ и др.—но и подобіе тессалійской Темпе ¹.—Развалины Діоклитіанова дворца въ Сплатро, ² недалеко отъ Салоны, уцѣлѣли также на столько, что по нимъ можно распознать по крайней мѣрѣ общее расположеніе зданія, очень замѣчательное для того поздняго времени (фиг. 498): „Дворецъ, окруженный стѣнами и башнями, образуетъ четырехсторонникъ въ 610 фут. длины и въ 510 фут. ширины. Одна изъ его узкихъ сторонъ, гдѣ по всей вѣроятности были жилые покои императора, выходитъ на море въ видѣ обширнаго портика со многими аркадами. На противоположной сторонѣ былъ главный входъ, такъ наз. золотая дверь (porta aurea),—увѣнчанный богато отдѣланною аркою порталъ, надъ которымъ идутъ небольшія арки на колоннахъ, поддерживаемыхъ консолями. Два широкіе перекрещивающіеся проѣзда дѣлятъ все зданіе вплоть до упомянутыхъ жилыхъ покоевъ на четыре большихъ квартала. Одинъ изъ проѣздовъ, обставленный колончатými аркадами съ широкимъ архитравомъ (фиг. 499), ведетъ къ главному входу. Vestibulum

Фиг. 498.

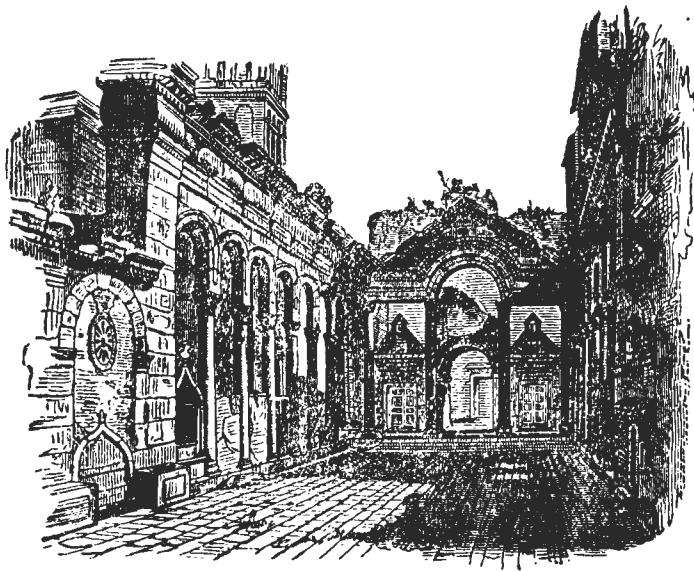

открывается четырьмя колоннами, поддерживающими треугольный архитравъ съ полукруглой вырѣзкой надъ среднимъ междустолпьемъ. По обѣимъ

¹ Ср. O. Müller. Handb. der Archäologie. § 191. I. (Tempe — живописная мѣстность въ Тессаліи на берегу рѣки Пеней, у подножья Олимпа, Оессы и Пеліона).—² R. Adams. Ruins of the palace of the emperor Diocletian at Spalatro in Dalmatia. Lond. 1764; F. Kugler. Gesch. der Baukunst. I, 349 sqq.

сторонамъ аркады лежали дворы, изъ коихъ на лѣвомъ стоялъ храмъ, осми-угольный снаружи и круглый внутри, съ куполомъ и двойной колоннадою, посвященный, какъ полагаютъ, Юпитеру; другой храмъ — четырехугольный съ четырехколоннымъ портикомъ, называютъ храмомъ Эскулапа¹. Не смотря на величавость общаго, на частностяхъ замѣтенъ уже отпечатокъ близящагося къ упадку, напыщеннаго архитектурнаго стиля.

Фиг. 499.

Гробницы.

Прямой переходъ отъ жилищъ къ гробницамъ представляется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что многія изъ нихъ формою своею вполне напоминаютъ жилища. У итальянскихъ народовъ гробницы получили издавна значеніе *templa*, т. е. священныхъ мѣстъ.¹ Въ доисторическое время (и даже позднѣе въ отдѣльныхъ случаяхъ) въ Италіи, также какъ и въ Греціи, держались обычая погребать мертвыхъ въ собственномъ домѣ, именно въ атриумѣ:² отсюда могла произойти и домовидная форма гробницъ, которыя должны были замѣнять мертвымъ ихъ бывшій домъ, откуда ихъ стали удалять, когда названный обычай былъ оставленъ, также какъ и въ домѣ, какъ бы въ замѣну удаленныхъ изъ него мертвецовъ, стали держать ихъ изображенія.³

¹ Cp. O. Müller. Die Etrusker. II, 160; W. Abeken. Mittelitalien. p. 233. — ² A. Becker. Gallus, II, 288. — ³ Севершено согласно съ этимъ говоритъ Абекенъ (Mittelitalien, стр. 234): «Во всякомъ случаѣ постройкою гробницъ руководила мысль о продолжающемся участіи умершаго въ покинутомъ имъ мѣстѣ». Слѣдующее затѣмъ замѣчаніе автора, имѣющее отношеніе къ круглой формѣ итальянскихъ гробницъ, въ которомъ сказано: «естественно поэтому, что архитектура гробницъ придерживалась тѣхъ же формъ, какія были приняты для зданій назначенныхъ для храненія сокровищъ, запасовъ и воды» — кажется мнѣ уже слишкомъ натянутымъ. Я, по крайней мѣрѣ, вижу въ этой формѣ толь-

У италійскихъ племенъ, какъ и у греческихъ, считалось большимъ несчастіемъ быть лишеннымъ погребенія; поэтому у нихъ вмѣнялось даже въ обязанность найденное гдѣ либо мертвое тѣло тотчасъ же погребать или, если по обстоятельствамъ это было невозможно, то по крайней мѣрѣ совершить надъ нимъ символическое погребеніе, т. е. три раза насыпать его землей.¹ Вслѣдствіе такого отношенія къ усопшимъ, и гробницы сами по себѣ были съ незапамятныхъ временъ въ такомъ же уваженіи у италійскихъ племенъ, какъ и самые храмы, и остались для нихъ и въ послѣдствіи предметомъ самыхъ заботливыхъ попеченій, почему и получили такую богатую архитектурную обработку, о чемъ свидѣлствуютъ сохранившіеся въ значительномъ количествѣ этрусскія и римскія гробницы.

1. а. Древнѣйшія изъ италійскихъ гробницъ—этрусскія (въ средней Италиі)² могутъ быть раздѣлены по формѣ своей на три группы, представляющія три различныхъ типа. Первую группу составляютъ самые простѣйшіе, а потому безъ сомнѣнія и самые древнѣйшіе памятники, устроенные по типу конусообразныхъ насыпей или кургановъ. Таковы большая часть гробницъ въ Цере (Черветро), Пирги (Санъ-Северо), Алсіумъ и Клузіумъ (Кьюзи). Всѣ онѣ совершенно сходны съ описанными выше малоазійскими гробницами, херсонесскими курганами, древнегерманскими и скискими могилами и, въ особенности, съ сардинскими нурагами, и представляютъ, также какъ и тѣ, различной величины коническія насыпи, иногда обложенныя по основанію камнемъ, съ камерами и ходами. Изъ нихъ особенно замѣчательны по своему значительному объему нѣкоторыя гробницы древняго Альсіума, близъ Монтероне, на дорогѣ въ Чивитавеккію, гробницы близъ Санта-Маринелла и, прежде всего, такъ назыв. „Poggio Gajella“ въ Кьюзи (бывш. столицѣ этрускаго царя Порсены) и „Cusimella“ близъ Вульчи. Одинъ изъ кургановъ Альсіума имѣетъ еще и теперь около 40 фут. вышины; онъ стоитъ на кругломъ фундаментѣ въ 650 фут. окружности, обложенномъ двумя рядами каменныхъ плитъ. О величинѣ гробницы близъ С. Маринелла, вершина которой увѣнчана двойнымъ четырехугольнымъ каменнымъ стѣнъ, возвышающихся одна надъ другой, можно судить потому, что длина узкой стороны нижняго четырехугольника равняется 80 футамъ (вышина стѣнъ отъ 4 до 6 фут.).³ Но несравненно огромнѣе обѣихъ этихъ гробницъ названныя выше Poggio Gajella“ и „Cusimella“. Первая⁴ имѣетъ около 855 фут. въ окружности; она обведена рвомъ, выложеннымъ травертинскимъ плитнякомъ, и представляетъ еще ту особенность, что внутри ея продѣланы извилистые ходы, въ родѣ лабиринта. Вторая, кромѣ своихъ размѣровъ, замѣчательна по уцѣлѣвшимъ слѣдамъ архитектурной обдѣлки

по подражаніе формъ первобытныхъ жилищъ, что, по моему, можетъ быть точно также приложено и къ греческимъ казнохранилищамъ. Ср. впрочемъ сказанное выше, стр. 381—2.—¹ A. Becker. op. cit. 268. Ср. Marquard (A. Becker's Handb. IV. 252. Not. 1505—8); и Preller. Röm. Mythol. p. 780 sqq.—² O. Müller. Handb. der Archaeol. § 170 (2. 3). W. Abeken, Mittelitalien. p. 234; въ художественномъ отношеніи: K. Schnaase. Gesch. der bild. Künste II, 281 sqq.; особ. F. Kugler. Gesch. der Baukunst. I, 151 sqq; 160 sqq.—³ W. Abeken op. cit. p. 242.—⁴ L. Gruner. Il Laberinto di Porsenna comparato coi sepolcri di Poggio-Gajella ultimamente dissotterrati nell'agro Clusino. Roma 1840; W. Abeken, ibid. 243; Taf. V, 1.

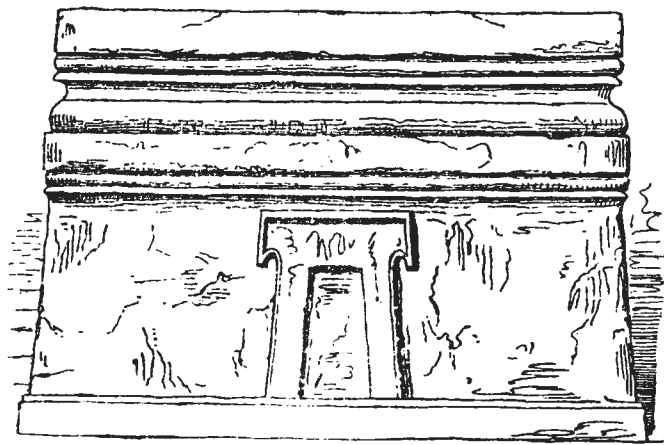
(остатки колоннъ, представл. на фиг. 483, каменные львы и сфинксы), составляющимъ видѣть въ ней остатки нѣкогда величественнаго сооруженія.¹ Она имѣетъ видъ усѣченнаго конуса около двухъ сотъ фут. въ поперечникѣ, обнесеннаго при основаніи стѣною. На вершинѣ конуса поднимаются, до 30 фут. вышины, двѣ башни — одна четырехугольная, другая коническая; положеніе ихъ таково, что можно предполагать, или что весь курганъ былъ насыпанъ вокругъ этихъ двухъ башенъ (т. е. что ось кургана проходила между обѣими башнями), или же что первоначально всѣхъ башенъ было на немъ пять — одна четырехугольная посрединѣ и 4 коническихъ по ея сторонамъ. Что эта послѣдняя форма гробничныхъ построекъ была дѣйствительно свойственна италійской древности и въ особенности этрусской, въ этомъ удостовѣряютъ насъ съ одной стороны, описаніе (хотя и очевидно прикрашенное) гробницы царя Порсенны, слѣланное Плиніемъ по разсказу (тоже прикрашенному) римскаго писателя Варрона, съ другой — развалины совершенно подобнаго памятника, находящагося не подалеку отъ Рима, близъ Альбано — такъ назыв. „гробницы Гораціевъ и Куріаціевъ“, и потомъ изображенія надгробныхъ памятниковъ на этрусскихъ саркофагахъ. Что касается гробницы Порсенны,² то изъ описанія Плинія, какъ бы оно ни было преувеличено, все таки видно, что это было дѣйствительно сооруженіе огромныхъ размѣровъ, съ массивною надстройкою. „Порсенна“ — сказано у Плинія³ „похороненъ близъ города Клузіума; на могилѣ его поставленъ памятникъ изъ плитняка, имѣющій 50 фут. вышины и 300 фут. ширины съ каждой стороны. Внутренность этого четырехугольнаго зданія наполнена перепутанными ходами, изъ которыхъ никто не сможетъ выбраться, если, входя въ нихъ, не возьметъ съ собою клубка нитокъ. На четырехугольномъ этомъ основаніи возвышаются пять пирамидъ, одна посрединѣ и четыре по угламъ, каждая 150 фут. вышины и 75 фут. ширины у основанія; онѣ размѣщены такъ, что на вершинѣ ихъ положенъ мѣдный кругъ и всѣ онѣ накрыты колпакомъ (вѣроятно бронзовою крышею), съ котораго висятъ на цѣпяхъ колокола, звонъ которыхъ, какъ нѣкогда колоколовъ Додоны, слышенъ изъ-далека. На кругу поставлены опять 4 пирамиды по 100 фут. вышины. Онѣ поддерживаютъ площадь, на которой стоятъ еще 5 пирамидъ; вышину ихъ Варронъ побоялся обозначить, но по этрускому преданію она равнялась вышинѣ всего остальнаго зданія.“ — Гробница Гораціевъ и Куріаціевъ⁴ представляетъ ту же основную форму четырехугольнаго основанія (25 фут. ширины и около 24 фут. вышины) съ пятью кеглеобразными пирамидами, изъ которыхъ одна, выше и толще другихъ, занимаетъ середину, а остальные поставлены по угламъ (вышина средней пирамиды — 30 фут., остальныхъ — 25 фут.). Также самая форма повторяется и на рельефахъ этрусскихъ саркофаговъ.⁵ — Къ

¹ G. Micali. Monumenti inediti tav. 60; Mon. inediti dell'istituto di corr. archeol. II, tav. 41 (2). W. Abeken. ibid. 252. F. Kugler. Gesch. der Baukunst I, 152. — ² Cp. O. Müller. Die Etrusker. II, 224. W. Abeken. Mittelitalien. p. 244, гдѣ упомянуто о реставраціи памятника, проектированной Катрмеромъ де Кенси и герц. де Люнья (Annal. 1829. p. 304. pl. XIII). — ³ Plin. Hist. natur. XXXVI, 19. — ⁴ Bartoli. Sepolcri ant. tav. 2; cp. F. Inghirami. Monum. VI. tav. fig. 6; Monum. ined. dell'inst. II. tav. 39; O Müller. Die Etrusker II, 226. Guhl und J. Caspar. Denkm. der Kunst B. XIII. 22, 23. — ⁵ F. Inghirami. Mon. etrusc. Ser. I. tav. 100; Monum. ined. dell'istitut. II. tav. 39, 41.

этой же группѣ памятниковъ слѣдуетъ причислить гробницу при Витербо и другую близъ древн. Тарквиній ¹ (въ южн. Этруріи): обѣ онѣ имѣютъ форму уступчатыхъ конусовъ, особенно отчетливо сохранившуюся на первой.

В. Вторую группу составляютъ высѣченные въ скалѣ гробницы съ архитектурною облицовкою, ² напоминающія мало-и средне-азійскія (ср. ч. I.). Сюда относятся сначала гробницы близъ Тускулума, Веій, Фиденъ и др. мѣсть, ³ представляющія простыя четырехугольныя камеры, вырубленныя въ скалахъ иногда рядомъ, иногда одна подъ другой и вѣроятно сообщавшіяся между собою лѣстницами. Затѣмъ слѣдуютъ гробницы близъ Тосканеллы, Корнето и Сутри (Sutrium), ⁴ показывающія болѣе тщательную обдѣлку, уже намекъ на облицовку, именно — обведенный чертами входъ. Наконецъ, гробницы близъ Норкіи и въ долинѣ Кастеллаччіо ⁵ обдѣланы уже свободно-стоящими фасадами въ одинъ и два этажа. Въ послѣднемъ случаѣ, раздѣленіе этажей иногда обозначено на фасадѣ выпуклой перекладиной, которая соединяется концами съ вертикальными выступами, какъ бы обрамливающими фасадъ. Эти гробницы расположены одна подлѣ другой, подобно упомянутымъ камерамъ; мѣстами между ними высѣчены лѣстницы, по которымъ можно къ нимъ подняться. Посрединѣ каждой гробницы намѣчена суживающаяся къ верху фальшивая дверь, обрамленная узкимъ валикомъ. Фасады, тоже слегка суживаются къ верху; у нихъ у всѣхъ высокій цоколь и широкій массивно расчлененный карнизъ, иногда впрочемъ довольно эффектнаго профиля (фиг. 500). Два видоизмѣненія

Фиг. 500.

этой формы гробницъ, обозначающія, одно (какъ и въ Малой Азіи) — какъ бы переходъ къ перенесенію на гробницы формы храма, другое — возвращеніе

¹ Monum. ined. dell'inst. II, tavv. 13. c.; 15. — ² W. Abeken. Mittelital. p. 254. F. Kugler. Gesch. der Baukunst. I, 154. — ³ W. Abeken. loc. cit. Note. — ⁴ Mon. ined. dell'inst. II. tavv. 40, 41. — ⁵ F. Inghirami. Mon. etrusc. Ser. IV. tavv. 33, 34. Mon. ined. I. tav. 60.

къ прежнему гробничному стилю, представляютъ два гробничныхъ фасада близъ Норкіи ¹ и остатки гробничныхъ фасадовъ въ Савонѣ ². Первые украшены настоящими портиками, въ которыхъ этрускія формы слѣты съ греческими; послѣдніе воспроизводятъ фасадъ гробницъ Кастеллачіо, но съ прибавкою, впрочемъ только декоративною, колоннъ, (въ томъ числѣ и коринтскихъ, найденныхъ на одной гробницѣ).

с. Третья и послѣдняя группа древнеиталійскихъ гробницъ заключаетъ въ себѣ всѣ гробницы высѣченныя въ скалахъ на подобіе гротовъ и притомъ безъ всякой наружной обдѣлки. Такія гробницы встрѣчаются въ большомъ количествѣ близъ Вульчи, Корнето и Черветри. ³ Всѣ онѣ принадлежатъ, повидимому, къ позднѣйшему времени, когда этруское искусство, уступая вліянію эллинизма, принялось за подражаніе греческимъ формамъ и выработало себѣ тотъ сухой и жесткій восточно-греческій стиль о которомъ было сказано въ началѣ этой главы (см. стр. 255). Замѣчательнѣйшія изъ этихъ гробницъ находятся близъ Черветри (древ. Саеге) ⁴ и Вульчи. ⁵ Устройство всѣхъ ихъ въ главномъ одинаково: покатыя входы или лѣстница вѣдетъ въ довольно просторную комнату, по сторонамъ или въ глубинѣ которой расположены симметрически одна подлѣ другой нѣсколько камеръ. Передняя комната соответствуетъ здѣсь или главному покою римскаго дома, древнеэтрускому артиуму, или же—гдѣ камеры лежатъ только въ глубинѣ ея—внутреннему предѣлнѣ этрускихъ храмовъ (см. ниже). Это предположеніе подтверждается еще и тѣмъ, что потолки переднихъ покоевъ или скошены на подобіе крыши, или горизонтальны, и почти вездѣ обдѣланы на манеръ деревянныхъ, т. е. на нихъ вырублены стропила, балки и подперемычные брусья. Стѣны покрыты иногда живописью (простыми свѣтлыми красками, наложенными полосами), представляющею погребальныя процессіи и разныя сцены изъ жизни покойнаго (ср. фиг. 369). Особенно красивою раздѣлкою потолка отличается недавно открытый близъ Вульчи склепъ, названный гротомъ солнца и луны (*grotta del sole e della luna*); противоположная входу стѣна его главнаго покоя сведена полукуполомъ, на которомъ вырублены тонкія расходящіяся радіусами полосы или ребра, пересѣченныя копцетрическими дугами. Какъ о замѣчательномъ исключеніи слѣдуетъ упомянуть здѣсь о *tempio di S. Manno*, близъ Перуджіи,—гробницѣ на-половину подземной, на-половину надземной. Это продолговато-четыреугольный покой, покрытый коробовымъ сводомъ изъ довольно большихъ клинчатыхъ камней, опирающимся на массивный карнизъ. — Наконецъ, неподалеку отъ Сутри есть еще нѣсколько пещерныхъ гробницъ, которыя служили не для погребенія въ нихъ цѣлыхъ труповъ, какъ всѣ выше перечисленныя, а для помѣщенія сосудовъ съ пепломъ сожженныхъ тѣлъ, т. е. были колумбаріями, ⁶ на что указываютъ слѣдующія.

¹ Подробнѣе описанная у Абенена: *Mittelitalien*. стр. 257; ср. *Mon. ined.* I. tav. 48. — ² *Mon. ined.* III. tav. 25 sqq.—³ F. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. I, 162.—⁴ Въ числѣ ихъ одна очень обширная, съ двумя высѣченными изъ камня свѣтльями, почему она и названа *tomba delle sedie*. *Denkmäler der Kunst von J. Caspar*. В. XIII. 30. — ⁵ *Mon. ined.* I. tav. 41; II, tav. 19.—⁶ Названными такъ по причинѣ ихъ сходства съ голубятнями.

ныя въ ихъ стѣнахъ небольшія углубленія или ниши. Не касаясь вопроса о томъ, когда и въ какой степени было распространено у Этрусковъ сжиганіе мертвыхъ, можно, кажется, съ большимъ основаніемъ принять, что названные колумбаріи происхожденія римскаго, хотя съ другой стороны и въ этрускихъ гробницахъ есть довольно признаковъ, что одновременно съ погребеніемъ у Этрусковъ существовало и сжиганіе тѣлъ. ¹ Скалы въ окрестностяхъ Тосканеллы (Tuscania) изрыты углубленіями совершенно похожими на ниши колумбаріевъ.

d. Если урну съ пепломъ не ставили въ колумбарій, а зарывали въ землю (какъ это было въ обычаѣ у Этрусковъ въ позднѣйшее время), то въ такомъ случаѣ мѣсто, гдѣ зарыта урна, обозначали памятникомъ. Такихъ памятниковъ, или „*cippi*“, сохранилось очень много; ² они имѣютъ форму конуса или цилиндра на высокомъ цоколѣ, или форму небольшого четырехугольнаго столбика съ капителью.

2. На форму и отдѣлку римскихъ гробницъ, первоначально вѣроятно мало отличавшихся отъ этрускихъ, несомнѣнно имѣло большое вліяніе запрещеніе хоронить и сжигать мертвые тѣла внутри города, установленное законами 12 таблицъ ³ (издан. около 453 до Р. Х.) и оставшееся въ силѣ до послѣдняго времени (исключенія, въ видѣ особаго почета, допускались только для лицъ отличившихся важными заслугами, для триумфаторовъ, весталокъ и императоровъ). Хотя дошедшія до насъ не оспори́мо римскія гробницы—⁴ въ томъ числѣ и вышеупомянутая усыпальница Сципіона и гробница Цециліи Метеллы—не древнѣе 3-го стол. до Р. Х., однакожъ и по нимъ уже ясно видно, что знатные римляне того времени заботились не объ одной только богатой отдѣлкѣ своихъ надгробныхъ памятниковъ, но еще болѣе о томъ, чтобы эти памятники были у всѣхъ на виду. Поэтому каждый изъ нихъ старался пріобрѣсти для своей могилы мѣсто гдѣ нибудь по близости городскихъ воротъ, у большой дороги. ⁵ Вслѣдствіе этого, не только за воротами Рима, но и за воротами небольшихъ городовъ образовались цѣлыя улицы великолѣпныхъ гробницъ (остатки такой улицы въ Помпеѣ видны еще и до сихъ поръ) ⁶. Между тѣмъ какъ вокругъ городовъ такимъ образомъ возникли какъ бы сами собой кладбища богатыхъ людей, для погребенія бѣднѣйшихъ жителей были отведены особые мѣста, гдѣ ихъ погребали, либо сжигали, вмѣстѣ съ рабами и осужденными, безъ всякаго обряда, а иногда и просто оставляли гнить наружѣ. Такія общія могилы

¹ См. W. Abeken. *Mittelital.* p. 258. — ² Mon. ined. I. tav. 41 sqq.; Mus. Greg. Etrusc. Vol. II. tab. CV. 1. J. Caspar und Guhl. *Denkm. der Kunst.* B. XIII. 18, 19. —

³ A. Becker's *Handbuch der röm. Alterthümer*, IV, 253 (Законъ гласилъ: *Hominem mortuum in urbe ne sepelito neve urito*). — ⁴ P. S. Bartoli. *Veterum sepulcra, seu monumenta Romanorum et Etruscorum, inventa in urbe Roma aliisque locis celeberrimis, collecta et delineata, cum explicationibus* J. P. Bellori. Lugd. Batav. 1728; G. B. Montano. *Raccolta di tempj e sepolcri disegnati dall'antico.* Roma. 1838; Q. Visconti. *Intorno gli antichi monum. sepolcrali scoperti nel ducato di Ceri.* Roma 1836 (*Diss. della pontif. accademia rom. di archeol.* VII, 263); A. Nibbi. *Sopra un sarcofago scop. 1830 sulla via Appia* (ibid. 1841; p. 409); J. Campana. *Di due sepolcri rom. del secolo d'Augusto.* Roma. 1841; и мн. др. перечисленныя у Бежжера: Gallus, III, 300. — ⁵ A. Becker. Gallus, I, 78; III, 289. — ⁶ Обзоръ ихъ у Овербека: *Pompeji*. стр. 270 и слѣд.

назывались *puticuli* (Въ Римѣ онѣ находились на эсквилинскомъ холмѣ, но Августомъ были перенесены за городъ). ¹

а. Къ древнѣйшимъ римскимъ гробницамъ, кромѣ гробницъ Сципіоновъ и Метеллы, и колумбаріевъ Тосканеллы и Сутри, слѣдуетъ причислить еще двѣ, тоже относящіяся ко временамъ республики, именно: гробницу К. Публиція Бибула (на восточномъ склонѣ капитолійскаго холма) и гробницу Эвризация, хлѣбника ремесломъ. ² Первая имѣетъ видъ храма, украшеннаго дорическими пилястрами; послѣдняя, небольшихъ размѣровъ, съ надписями и скульптурными фризами, представляется какъ-бы сложенною изъ хлѣбныхъ мѣръ, соединенныхъ въ столбы и поперечныя балки (какъ намекъ на занятія покойника).

б. Сюда же по времени сооруженія принадлежатъ и Помпейскія гробницы. ³ Онѣ лежатъ за такъ называемыми геркуланскими воротами, по обѣимъ сторонамъ дороги, и образуютъ настоящую улицу надгробныхъ памятниковъ самой разнообразной архитектуры. Простѣйшія изъ нихъ большею частію совершенно похожи на этрускіе „*cippi*“, это или надгробія поставленныя стоймя (стелы), или невысокія четыреугольныя колонны (тумбы) съ капителями, и алтаревидныя возвышенія съ надписями. Боле обширныя гробницы—именно семейныя усыпальницы—представляются уже настоящими зданіями, то въ видѣ храмовъ, то въ формѣ полукруглыхъ нишъ съ скульптурными фронтонами, или четырехугольных и круглыхъ сооружений на высокихъ фундаментахъ, со ступенями и боковыми стѣнами. Нѣкоторыя изъ нихъ украшены скульптурными и живописными изображеніями, имѣющими отношеніе къ занятіямъ или званію покойнаго (какъ на вышеназванномъ памятникѣ Эвризация); другія снабжены каменнымъ столомъ (для жертвоприношеній) ⁴ съ такими же вокругъ него ложами, какъ въ триklinіяхъ. ⁵ Внутренность гробничныхъ склеповъ также нерѣдко покрыта яркою стѣнописью и сверхъ того отдѣлана еще архитектурическими орнаментами. Въ стѣнахъ вырублены ниши (какъ въ колумбаріяхъ), куда ставили урны съ пепломъ; въ рѣдкихъ случаяхъ вмѣсто нишъ выстѣнены ступени. Нѣкоторыя изъ большихъ гробницъ, какъ напр. гробница Неволеи Тихе (*Naevoleia Tyche*) обведены оградомъ. ⁶

в. Легко можно себѣ представить, что гробничныя улицы за воротами Рима были на столько же великолѣпнѣ помпейской, на сколько самъ Римъ былъ богаче небольшого провинціального городка Помпеи. Отъ собственно римскихъ гробницъ уцѣлѣло впрочемъ немного, но и это немногое, вмѣстѣ съ остатками, тоже весьма немногочисленными, богатыхъ надгробныхъ памятниковъ, разсѣянными вообще по Италіи, не только вполне подтверждаетъ вышесказанное, но и доказываетъ сверхъ того, что съ конца республики къ прежнимъ, уже усвоеннымъ формамъ гробницъ, были

¹ A. Becker. Gallus. III, 289; и его же: Handbuch. I, 554.—² Mon. inedit. dell'inst. di corrisp. archeol. II, tav. LVIII, и J. Forchhammer, Kunstbl. 1839. Nr. 38. — ³ Кромѣ назв. книги Овербека (Pompeji) см. еще A. L. Millin. Description des tombeaux—découvertes à Pompéi dans l'année 1812. Naples, 1813.—⁴ L. Preller. Röm. Mythologie. p. 481. — ⁵ J. Overbeck. Pompeji. Fig. 203. — ⁶ Ibid. Fig. 204.

присоединены еще новыя, заимствованныя даже отъ такихъ отдаленныхъ народовъ, какъ напр. Египтяне. Примѣромъ такого заимствованія можетъ служить гробница Цестіа ¹ за воротами Санъ-Паоло въ Римѣ, воздвигнутая при Августѣ. Она имѣетъ видъ пирамиды во 115 фут. вышины, поставленной на четырехугольномъ основаніи въ 91 кв. фут. Пирамида снаружи обложена мраморомъ и съ лицевой стороны украшена по угламъ колоннами, въ родѣ дорическихъ, первоначально, по всей вѣроятности, поддерживавшими какое нибудь изображеніе. Внутренность пирамиды расписана. Что это былъ не единственный памятникъ такого стиля, доказывается свидѣтельствомъ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей, которые говорятъ о другихъ подобныхъ же памятникахъ, существовавшихъ въ ихъ время въ Римѣ, и замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ называютъ „пирамидальную гробницу Сципіона Африканскаго“ на Ватиканскомъ холмѣ.—Другія гробницы, относящіяся къ этому же времени, но болѣе удаленныя отъ Рима, хотя тоже очень богатая, повторяютъ большею частью старинную традиціонную форму массивной круглой башни на четырехугольномъ основаніи. Таковы между прочимъ гробница Мунація Планка въ Гаэтѣ и гробница Плавтовъ близъ Тиволи (съ четырехстороннею пристройкою, украшенною полуколоннами). Затѣмъ слѣдуютъ: гробница Сервиліевъ близъ Рима, тоже круглая, и, какъ образчики вѣроятно позднѣе общепринятой формы, двѣ храмовидныхъ гробницы въ самомъ Римѣ, построенныя, по всей вѣроятности, при Авреліанѣ, въ 3-мъ стол. по Р. Х., и обыкновенно называемыя храмами—одна (теперь церковь Сантъ-Урбано) *Virtus et Honos*, другая—*Deus Rediculus*.—² Мы не перечисляемъ гробницъ уцѣлѣвшихъ въ бывшихъ римскихъ владѣніяхъ внѣ Италіи. ³

d. Великолѣпнѣйшими гробницами были, разумѣется, тѣ колоссальныя памятники, которые сооружали для себя и своихъ семействъ римскіе императоры. Отъ „мавзолея“, построеннаго Августомъ на марсовомъ полѣ въ Римѣ, уцѣлѣли еще остатки фундамента, по которымъ можно судить покрайней мѣрѣ о величинѣ этого памятника. Они обнимаютъ круглую площадь въ 220 фут. въ поперечникѣ, на которой поднимались одна надъ другой три concentрическихъ стѣны, соединенныя между собою террасами. Этому не противорѣчатъ и описаніе Страбона (V. 236), который представляетъ мавзолей колоссальнымъ курганомъ на мраморномъ основаніи, обсаженнымъ до самого верху вѣчно зелеными деревьями и увѣнчаннымъ брон-

¹ Описана очень многими: Ottavio Falconieri. De pyram. C. Cestii Epul. etc. (въ Grevii Thesaur. vol. IV, 1462 и слѣд.); S. Bartoli. Sepolcri ant. Ann. L. VI. c. 31; J. Caylus. Recueil de peint. antiques Paris, 1757. Ed. Burton, Roms Alterth. und Merkwürdigkeiten. Herausg. von F. C. Sickler. Weimar, 1823; Platner, Bunsen, Gerhard und Rüstel. Beschreib. der Stadt Rom. III, 435. — ² Подробно описаны у Куглера: Gesch. der Baukunst. I, 325. Ср. также: E. Plattner u. L. Urlich. Beschreib. Roms. Ein Auszug. p. 352; L. Preller. Röm. Mythologie. 590. — ³ Укажемъ лишь немножкомъ на подражающую греческо-дорійскому стилю гробницу Терона въ Джирдженти (Serra di Falco. Sicilia antiqua), на колончатую съ четырехугольнымъ основаніемъ гробницу близъ Милазмъ въ Малой Азіи (F. Kugler. Baukunst. I, 331); на многочисленныя такъ наз. царскія гробницы въ Палестинѣ (тамъ же 335.), на пещерныя гробницы въ Петрѣ въ Аравіи (см. выше фиг. 491), на извѣстный надгробный памятникъ Секундиновъ въ Игелѣ близъ Трира (F. Schmidt. Baudenkmale in Trier) и т. д.

зовую статуею императора ¹. Такихъ же, или даже еще большихъ размѣровъ былъ мавзолей, сооруженный для себя и своей семьи императоромъ Адрианомъ на правомъ берегу Тибра. Нижняя часть его существуетъ и до сихъ поръ, какъ башня крѣпости Сантъ-Анджело; ² она состоитъ изъ четырехугольнаго основанія въ 320 фут. въ квадратѣ, и круглой надстройки, имѣющей не менѣе 226 фут. въ діаметрѣ. Первоначально памятникъ былъ весь обложенъ парійскимъ мраморомъ и покрытъ скульптурными украшеніями; на вершинѣ его стояла колоссальная квадрига императора. Мавзолей Септимія Севера (наз. также *septizonium*) былъ, также какъ и Августовъ, круглымъ сооруженіемъ, возвышавшимся вѣроятно семью террасовидными уступами, можетъ быть украшенными колоннадами; ³—такъ что не безъ основанія можно кажется предположить, что подобные мавзолеи строились только по описаннымъ двумъ типамъ, т. е. круглой башни, или уступчатаго кургана. *

е. Съ тѣхъ поръ какъ сталъ снова распространяться обычай погребать тѣла, вмѣсто того чтобы ихъ сжигать (т. е. при позднѣйшихъ императорахъ), и урны съ колумбаріями начали выходить изъ употребленія и замѣняться саркофагами, которые впрочемъ употреблялись и прежде, хотя рѣже (однакожь уже въ гробницѣ Сципіоновъ),—измѣнилось постепенно и самое устройство гробницъ. Теперь уже было достаточно простого памятника, чтобы обозначить имъ мѣсто, гдѣ было зарыто тѣло, заключенное въ прочный гробъ, и каменные склепы, а тѣмъ болѣе большія надгробныя сооружения, сдѣлались ненужною роскошью. ** Къ тому же, подземныя галлерей, или катакомбы, прорытыя на большомъ протяженіи подъ Римомъ, Неаполемъ и другими городами Италіи, представляли самое удобное мѣсто для храненія саркофаговъ, такъ что съ этихъ поръ, по всей вѣроятности, одни только очень богатые люди, да и то рѣдко, строили для себя отдѣльныя гробницы.

Храмы.

Основная форма этрусскихъ храмовъ, ⁴ о вѣроятномъ происхожденіи которой было уже говорено выше (стр. 373), извѣстна намъ лишь по описанію Витрувія, такъ какъ отъ самыхъ храмовъ не дошло до насъ никакихъ

¹ Ср. его реставрацію (слишкомъ впрочемъ фантастическую) у Пир'анези: *Antichità di Roma*. II, tav. 61.—² Очень хорошіе рисунки въ *Sprosse. Rom*. 40 *Originalradirungen*. 2. Liefgr., у L. Canina. *Storia dell'architettura romana*. tav. CCXXIII.—³ Рисунки его изъ 16 стол. у *Gamucci: Antichità di Roma*.—* Шнаазе (*Gesch. der bild. Künste* (2) II, 376) предполагаетъ, что и гробницы въ видѣ круглыхъ башенъ были завершены коническою верхушкою, и что слѣдоват. въ нихъ повторялась та же старинная основная форма кургана на каменномъ основаніи. Пер.—** При всемъ уваженіи къ почтенному автору, нельзя не замѣтить странности высказаннаго имъ мнѣнія. Неужели же великолѣпныя гробницы и колоссальные мавзолеи строились единственно съ тою цѣлію, чтобы ставить въ нихъ урны съ пепломъ и стали ненужны, какъ только урны замѣнились саркофагами? Онъ самъ же говоритъ выше, что и урны иногда зарывали прямо въ землю, и ставили надъ ними небольшія надгробія. Слѣдовательно простота или великолѣпіе надгробныхъ памятниковъ и гробницъ нисколько не зависѣли отъ того, зарывали ли тѣло въ землю или сжигали его. Пер.—⁴ O. Müller. *Die Etrusker*. II, 299 sqq; *Handb. der Archaeologie* § 196; W. Abeken. *Mittelitalien*. p. 216 sqq. und Taf. III; K. Schnaase. *Gesch. der bild. Künste*. II, 378; F. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. I, 156, и наконецъ, рисунки въ E. Guhl und J. Caspar. *Denkmäler der Kunst*. B. Taf. XIII, Fig. 13, 14, 15.

остатковъ. Несмотря на то, что Витрувій жилъ въ такое время, когда въ римской архитектурѣ господствовали греческія воззрѣнія, которымъ слѣдовательно и онъ не могъ быть совѣтъ чуждъ, описаніе его совершенно достаточно для того, чтобы по немъ составить себѣ ясное понятіе не только объ архитектурѣ этрусскихъ храмовъ, но и объ отношеніи ея къ архитектурѣ греческихъ и о взаимномъ ихъ сходствѣ и основныхъ различіяхъ между ними. Слѣдую Витрувію, этрускіе храмы имѣли только то общее съ греческими, что также какъ и тѣ состояли изъ четырехугольной хранины (cella), покрытой двускатною крышею съ фронтономъ, опиравшимся на колонны; во всѣхъ же своихъ частяхъ различались отъ нихъ до такой степени, что едва ли даже есть какое нибудь основаніе признать за тѣми и другими одно общее происхожденіе. ¹ Различіе это начинается уже съ самой формы этрускаго святилища (cella), разъ навсегда установленной авгураальною дисциплиною. Между тѣмъ какъ греческій храмъ представлялъ въ планѣ продолговатый четырехугольникъ, длина котораго равнялась двойной его ширинѣ, этрусскій былъ только на одну шестую длиннѣе своей ширины, слѣдоват. казался почти квадратнымъ. Къ тому же онъ дѣлился въ глубину на двѣ равныхъ части, изъ коихъ передняя (anticum) была открытымъ—т. е. составленнымъ изъ однихъ колоннъ и крыши, безъ стѣнъ—предѣніемъ, а задняя (posticum) заключала въ себѣ собственно святилище. Это послѣднее обыкновенно раздѣлялось на три продольныхъ хранины, каждая съ особымъ входомъ и средняя нѣсколько шире боковыхъ, такъ что ея ширина относилась къ ширинѣ послѣднихъ, какъ 4 къ 3. Иногда святилище состояло изъ одной хранины—средней; въ такомъ случаѣ наружныя стѣны боковыхъ хранинъ замѣнялись двумя рядами колоннъ, примыкавшими къ колоннамъ предѣнія, число которыхъ теперь вѣроятно удваивалось, но такъ, что по фасаду оставались все таки четыре колонны, взаимныя разстоянія которыхъ соответствовали ширинѣ хранины и отстоянію отъ послѣдней боковыхъ колоннадъ, слѣдовательно были неравны между собою: пространство между двумя средними колоннами равнялось 7, а между средними и крайними 5 поперечникамъ колонны. Если прибавить къ этому, что высота колоннъ (форма и обдѣлка которыхъ по остаткамъ въ Вульчи даны въ фиг. 483) заключала въ себѣ только 7 разъ ихъ поперечникъ, то нельзя не согласиться съ Витрувіемъ, что всё зданіе должно было представляться, какъ онъ говоритъ, „низкимъ, широкимъ, растопыреннымъ и неуклюжимъ“. Это впечатлѣніе усиливалось еще архитектуромъ (изъ двухъ четырехугольныхъ деревянныхъ брусевъ, съ промежуткомъ для вентиляціи), нисколько не похожимъ на греческій, съ выступавшими надъ нимъ (на четвертую часть длины колонны) поперечными балками, на которыхъ лежала крутая и очень широкая крыша, снабженная дождевыми жолобами, которые свѣшивались съ нея на третью часть всей ея поверхности. Поле фронтона, его верхушка и углы были украшены скульптурами изъ обожженной глины. ¹ Все зданіе стояло на высокомъ помостѣ, перед-

¹ Таково мнѣніе О. Мюллера, Die Etrusker. II, 229, и Handb. der Archaeologie. § 169; ср. T. Mommsen, Röm. Gesch. (2) I, 216—218 и слѣд.; L. Lange. Röm. Alterth. I, 55 sqq.—² O. Müller. Handb. der Archaeol. § 171 (3); § 172. Его ж е: Die Etrusker. II, 246.

нюю сторону котораго занимала каменная лѣстница; кромѣ того, весь храмъ былъ еще обнесенъ стѣною. ¹

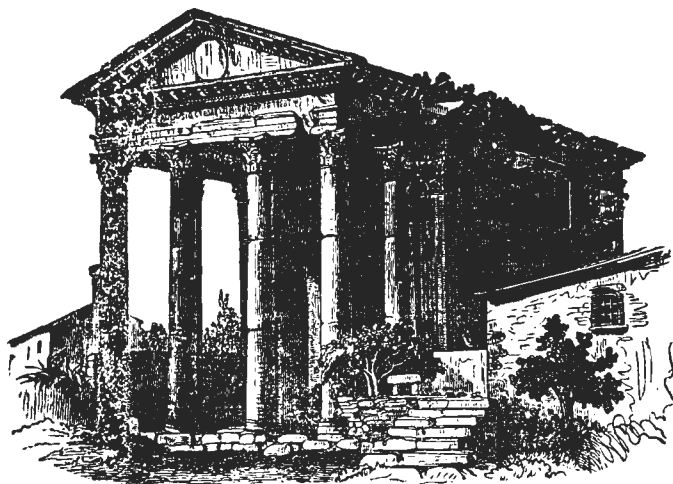
Римскіе храмы ² строились сначала по образцу этрусскихъ. Окапитолійскомъ храмѣ ³, начатомъ, какъ предполагали, Тарквиніями около 600 г. до Р. Х. и оконченномъ около 409 до Р. Х., прямо говорится, что онъ былъ построенъ этрусскими архитекторами и, послѣ разрушенія его Суллою, за ново выстроенъ по первоначальному своему плану. По сохранившемуся описанію этого храма, онъ стоялъ на высокомъ фундаментѣ (колоссальные остатки котораго видны еще и нынѣ) 192½ фут., ширины и 207½ фут. длины при окружности въ 800 фут., и заключалъ въ себѣ три храмины, съ обширнымъ предстѣніемъ, состоявшимъ изъ трехъ рядовъ колоннъ, по 6 въ каждомъ ряду. Отъ крайнихъ колоннъ предстѣнія шли колоннады (вѣроятно не вокругъ всего зданія, но лишь) вдоль обѣихъ продольныхъ сторонъ задней части или *posticum*. ⁴ Храмины были посвящены Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ. — Другой подобный храмъ, тоже о трехъ храминахъ, о которомъ упоминаютъ древніе авторы, былъ посвященъ Церерѣ, Либеру (Вакху) и Либерѣ (Персефонѣ). Построенный въ началѣ пятаго столѣтія надъ большимъ циркомъ, онъ стоялъ еще при Августѣ. По извѣстіямъ, это былъ первый храмъ, украшенія котораго по порученію Римлянъ были исполнены греческими художниками — живописцемъ Дамофиломъ и скульпторомъ Горгазосомъ. ⁵

а. Цвѣтущее время римскаго храмостроительства по греческимъ образцамъ совпадаетъ съ періодомъ высшаго развитія матеріальной и умственной жизни Римлянъ, около половины втораго столѣтія до Р. Х. Одновременно однакожъ съ вѣрнымъ подражаніемъ греческому стилю возникаетъ особый смѣшанный стиль, который стремится слить заимствованныя греческія формы съ старинными мѣстными и поэтому заслуживаетъ быть названнымъ римскимъ. Нѣкоторыя изъ существующихъ еще развалинъ храмовъ этой эпохи принадлежатъ къ постройкамъ преимущественно этого стиля съ незначительными измѣненіями. Въ нихъ виденъ подобный греческому, болѣе длинный, чѣмъ широкій планъ зданія, всегда объ одной *cella*, и вмѣстѣ просторное, на подобіе этрускаго, предстѣніе съ однимъ или двумя рядами колоннъ, но безъ всякаго слѣда колоннадъ по бокамъ храма и еще менѣе по задней его стѣнѣ. Точно также и помостъ этихъ храмовъ, съ одной стороны походилъ на греческій, ⁶ — а съ другой разнился отъ него тѣмъ, что ступени были сдѣланы въ немъ только съ одной стороны, передней, и такъ

¹ Ср. Опытъ реставраціи этрускаго храма Семперомъ, въ «Deutsch. Kunstbl.», 1855 стр. 75, и въ *Gesch. der Architektur*, Любке, стр. 128; фиг. 85 и 86. — ² Ср. K. Schnaase, *Gesch. der bild. Künste*, II, 421; F. Kugler, *Gesch. der Baukunst*, I, 279. — ³ A. Hirt, въ *Abhdl. der Berliner Akad. der Wissensch.* Berlin, 1813; его же: *Gesch. der Baukunst* I, 245; Taf. VIII, I. E. Guhl und J. Caspar, *Denkmäler*, B. Taf. XIII, 13, 14. — ⁴ Ср. мнѣнія Гирта (*Gesch. der Bauk.* I, 245), О. Мюллера (*Die Etrusker*, II, 232) и Шнаазе (*Gesch. der bild. Künste* II, 380, Not.). — ⁵ O. Müller *Handb. der Archæol.* § 180 (2). — ⁶ Греческій храмъ доступенъ со всѣхъ сторонъ говоритъ Шнаазе; эта доступность выражается въ колоннадѣ его окружающей и въ ступеняхъ, которыя идутъ вокругъ всего зданія; римскій — строго указываетъ намъ одну дорогу, по которой мы должны идти въ него. Въ этомъ есть вѣчто повелительное.

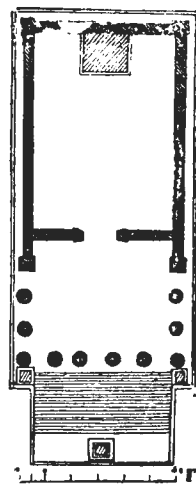
вдвинуты между его боковыми выступами, что какъ будто бы „повелительно

Фиг. 501.

заставляли“ идти по одной определенной дорогѣ, по дорогѣ къ дверямъ храма. Образцомъ этой формы, которую Витрувій, несовсѣмъ точно, называетъ по гречески *prostylos*, служатъ остатки храма Рому и Августа, построеннаго Августомъ въ Полѣ (фиг. 501), и храма Антонина и Фаустины, въ Римѣ, близъ форума (фиг. 502); оба храма въ коринфскомъ стилѣ.

Фиг. 502.

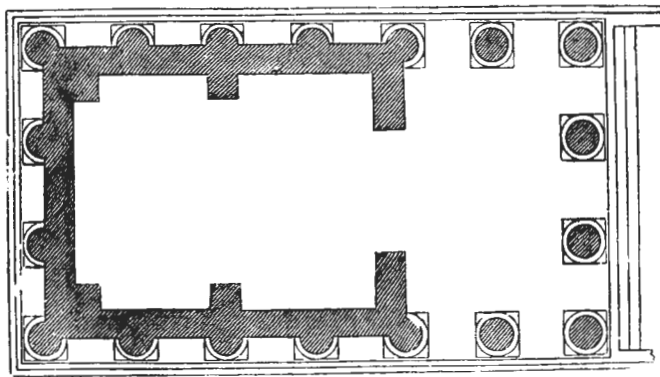

б. Примѣръ сочетанія болѣе сложныхъ греческихъ храмовыхъ формъ съ этрусскимъ основнымъ планомъ представляютъ уцѣлѣвшія развалины построеннаго еще во времена республики храма мужеской фортуны (*Fortuna virilis*). Храмъ этотъ, составляющій главную красу церкви *S. Maria Egiziaca*, есть подражаніе греческому псевдопериптеру (т. е. зданію, наружныя стѣны котораго обставлены полуколоннами), но съ удержаніемъ особенностей, характеризующихъ этрусскія храмовыя постройки: болѣе квадратнаго, чѣмъ продолговатаго святилища (*cella*), обширнаго колончатаго предстѣнія и входа съ передней стороны, такъ что къ нему примѣнимо названіе, данное подобнаго рода смѣшаннымъ постройкамъ, *prostylos pseudoperipteros* (фиг. 503). Объ усвоеніи Римлянами очень любимой у Грековъ формы храма окруженнаго колоннами, такъ наз. периптера, свидѣлствуютъ, кромѣ остатковъ (самые значительные изъ нихъ—развалины Геркулесова храма въ Помпеѣ), ¹ замѣтки Витрувія (III. 2) о построенномъ Ма-

¹ F. Kugler. *Gesch. der Baukunst* I, 295.

ріємъ храмъ Чести и Доблести (Honos et Virtus). ¹ Но изъ этихъ же замѣтокъ видно, что и периптеральная форма не всегда воспроизводилась во всей своей чистотѣ, но въ большинствѣ случаевъ (такъ и въ названномъ храмѣ) её измѣняли на римскій ладъ, оставляя заднюю стѣну зданія безъ колоннады. Наконецъ, единственнымъ примѣромъ греческаго *dipteros* (зданіе, окруженное двойною колоннадою) у Римлянъ былъ храмъ Квирина, воздвигнутый Августомъ на Квириналѣ въ Римѣ. ²

Фиг. 503.

с. О круглой формѣ храмовъ, какъ самостоятельно созданной Римлянами и имъ, вѣроятно, свойственной, было говорено выше, причѣмъ было упомянуто, какъ о древнѣйшемъ сохранившемся образцѣ этой формы, о кругломъ храмѣ Весты въ Тиволи. Другой подобный же храмъ (т. е. тоже круглый периптеръ) находится въ Римѣ. Онъ окруженъ двадцатью колоннами и построенъ въ томъ же стилѣ, какъ и первый, но какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ, кажется уже болѣе тяжелымъ, чѣмъ тотъ. ³ Вѣроятно онъ былъ посвященъ тоже Вестѣ или, какъ иные полагаютъ, Кибелѣ. Но самымъ величественнымъ образцомъ этой формы остается неоспоримо Пантеонъ, ⁴ начатый при Августѣ и оконченный въ 25 г. по Р. Х. архитекторомъ Валеріемъ изъ Остіи. Первоначально онъ составлялъ часть великолѣпныхъ термъ (общественныхъ бань), которыми украсилъ Римъ зять Августа, Маркъ Агриппа, а потомъ былъ посвященъ (какъ видно изъ надписи на фризѣ портика) Юпитеру Ультору (мстителю). * Но кромѣ статуи Юпитера въ немъ стояли статуи шести другихъ божествъ, въ числѣ

¹ Ср. A. Hirt. *Gesch. der Baukunst*, II, 213.—² O. Müller. *Handbuch* § 190 (I).—

³ Ср. F. Kugler. *Handb. der Kunstgesch.* (2 Aufl.). 278.—⁴ Описанія и рисунки, особ. старинныя: G. Piranesi, *Antichità di Roma*, I, tav. XV, 2. E. Degodetz. *Les édifices antiques de Rome*, I, 1. pl. 3, 6, 1. Повтореніе ихъ въ: E. Guhl und J. Caspar. *Denkmäler der Kunst*, B. XVI 5—8, II; W. Lübke. *Gesch. der Architektur*, 2 Aufl., Figg. 99, 100. Кромѣ того: O. Müller. *Handb.* § 190. I. 6. Platner, Bunsen, etc. *Beschreib. Roms.* J. Burckhardt, *Cicerone*, p. 17. K. Schnaase. *Gesch. der bild. Künste* II, 436. F. Kugler, *Geschichte der Baukunst*, I, 307.—* По словамъ Шнааза, Пантеонъ былъ посвященъ многимъ богамъ; мнѣніе же о посвященіи его Юпитеру Ультору основано на ошибочномъ чтеніи относящагося сюда мѣста у Плинія. (*Schn. Gesch. d. bild. Künste*, 2 Aufl., II, 350).

коихъ упоминаются Марсъ, Венера и *divus Julius* (обожествленный Цезарь). Отсюда, вѣроятно, и названіе храма, если только оно не взято отъ уподобленія его обширнаго купола небесному своду (*Dio. Cass. LIII, 27*), что тоже вѣроятно. Не смотря на многократныя исправленія, сначала въ древности—при Адріанѣ и при Септ. Северѣ (203 по Р. X.), потомъ въ средніе вѣка и наконецъ при папѣ Урбанѣ VIII, Пантеонъ, къ тому же очень рано обращенный въ церковь (*s. Maria della rotonda*), и до сихъ поръ сохранилъ свою первоначальную архитектуру. Онъ представляетъ цилиндрическое сооруженіе въ 19 фут. толщи, съ полукруглымъ куполомъ такой же точно вышины какъ и стѣны, такъ что на куполъ и стѣны приходится ровно по половинѣ высоты всего зданія, которая совершенно равняется поперечнику послѣдняго (132 ф.). Посрединѣ купола сдѣлано круглое отверстіе въ 26 фут. поперечника; для пріема и стока дождевой воды каменный полъ къ серединѣ слегка покатъ и прямо подъ отверстіемъ въ немъ сдѣланы небольшія дырочки, черезъ которыя вода стекаетъ въ находящейся подъ поломъ каналъ. Восемь большихъ нишъ, углубленныхъ (кромѣ сквозной входной) въ стѣну зданія, разчленяють его внутренность. Однѣ изъ нихъ полукруглыя и завершены полукуполомъ, другія четырехугольныя и покрыты коробовымъ сводомъ. Ниши обставлены пилястрами и служили для помѣщенія статуй боговъ. Входная ниша и противоположная ей обведены вверху арками, которыя пересѣкають архитравъ и врѣзываются въ аттикъ, между тѣмъ какъ надъ шестью остальными архитравъ и аттикъ тянутся не прерываясь. Весьма вѣроятно, что по бокамъ нишъ стояли еще колонны съ бронзовыми капителями и каріатидами надъ ними.¹ Внутренняя поверхность купола разбита на касетоны, въ которыхъ первоначально сидѣли позолоченныя розеты, какъ и вообще все зданіе снаружи и внутри было богато отдѣлано бронзою, которую впоследствии снялъ папа Урбанъ.² Коринтскія мраморныя колонны, поставленныя по двѣ передъ отверстіемъ каждой ниши, и соотвѣтствующія имъ пилястры прибавлены позднѣе, точно также какъ и красивый, но слишкомъ легкій для такого колоссальнаго купола, архитравъ и восемь нишеподобныхъ алтарей, размѣщенныхъ между большими нишами. Позднѣе же пристроены и двѣ небольшія колокольни по угламъ портиковаго фронтона. Самый же портикъ остался такимъ же, какимъ былъ пристроенъ къ круглому зданію, вѣроятно уже по окончаніи его, но еще при Агриппѣ. Онъ имѣетъ 103 фут. ширины и состоитъ изъ 8 колоннъ по фасаду, за которыми идутъ еще два ряда въ 4 колонны, по двѣ съ каждой стороны входа; всѣ колонны коринтскаго ордена. Фронтонъ портика, надобно полагать, былъ украшенъ изображеніемъ битвы Юпитера съ гигантами, въ бронзовыхъ позолоченныхъ статуяхъ. Бронзовая дверь съ своими пилястрами цѣла еще и до сего времени, точно также уцѣлѣли и ниши по обѣимъ сторонамъ входа, заключавшія въ себѣ нѣкогда статуи Августа и Агриппы; между тѣмъ какъ фундаментъ зданія и пять ступеней, которыя вели къ портику, скрыты подъ мостовой. Изъ дру-

¹ Слич. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. I, 308. примѣч. — ² Что послужило поводомъ къ извѣстной остротѣ или каламбуру на фамизію папы (Барберини): *Quod non fecerunt barbari, fecerunt Barberini*. Изъ бронзы, снятой съ портика Пантеона, былъ вылитъ багдахивъ осѣняющій главный алтарь церкви св. Петра въ Римѣ. Бронзовая обшивка купола была снята уже раньше.

гихъ подобныхъ Пантеону круглыхъ зданій остались въ Римѣ развалины такъ называемаго храма *Minerva medica* ¹ и нынѣшняя церковь *S. Bernardo*. ² Они вѣроятно составляли тоже часть термъ, первая—Каія и Люція, послѣдняя—діоклетіановыхъ.

d. Развалины храма Венеры и Ромы, какъ предполагаютъ самого колоссальнаго и великолѣпнѣйшаго въ Римѣ—построеннаго при имп. Адріанѣ и по его собственному плану,—представляютъ еще достаточно сохранившійся образчикъ примѣненія къ храмовымъ постройкамъ коробоваго свода въ соединеніи съ полукуполомъ. ³ Снаружи этотъ храмъ имѣлъ форму периптера въ коринтскомъ стилѣ, о 60 колоннахъ (по 20 съ каждой продольной и по 10 съ каждой поперечной стороны), а внутри былъ раздѣленъ поперечною стѣною на двѣ совершенно отдѣльныя, но вполне сходныя части, имѣвшія каждая свою особую cella, съ особымъ входомъ и портикомъ и противоположащую ему большою полукруглою нишею. * Эти ниши, вмѣщавшія въ себѣ статуи богинь храма и соприкасавшіяся своими задними стѣнами, были сведены вверхъ полукуполами, а пространства передъ нишами, или cellae, покрыты коробовыми сводами, разбитыми на кассетоны. Кромѣ того, въ долевыхъ стѣнахъ каждой cella были устроены небольшія ниши и промежутки между ними украшены небольшими полуколоннами. Все зданіе имѣло 333 фут. длины и 160 фут. ширины. Оно стояло на высокомъ основаніи, поднимавшемся ступенями, и было окружено обширнымъ колоннаднымъ дворомъ въ 500 фут. длины и 300 фут. ширины.

e. Если, при всей неоспоримой величавости этого зданія, въ планѣ и дѣленіи его внутренняго пространства высказывается уже значительный недостатокъ въ пониманіи истинно грандіознаго, то въ уцѣлѣвшихъ еще остаткахъ храмовъ изъ болѣе поздняго времени не замѣтно даже и стремленія къ созданію чего нибудь оригинальнаго, стремленія, въ которомъ нельзя по крайней мѣрѣ отказать храму Адріана. Изъ всѣхъ этихъ развалинъ ясно видно, что, начиная съ Септимія Севера и до Константина, храмовая архитектура не произвела ничего новаго, а ограничивалась подражаніемъ прежнимъ формамъ; мало того, нерѣдко случалось, что для украшенія вновь строящихся храмовъ снимали орнаменты и архитектурныя детали съ старыхъ. Къ этому времени относятся (въ Римѣ): три колонны отъ храма Юпитера громовержца—*Jupiter tonans*, ⁴ и колонны такъ наз. храма Весты (тѣ и другія временъ Севера); ⁵ затѣмъ (изъ времени Авреліана): упомянутый уже храмъ Чести и Доблести и остатки храма Солнца или „Нероновъ фронтисписъ“. Сюда же можно причислить, по

¹ F. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. I, 309.—² K. Schnaase. *Gesch. der bild. Künste*. II, 354 (2 Aufl.).—³ L. Canina. *Storia dell'architettura rom.* Tav. XXXII, XXXIII. E. Guhl und Caspar. *Denkmäler der Kunst*. B. XVI, 9, 10. F. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. I, 322.—* Т. е., какъ говорятъ просе Куглеръ (Руков. къ исторіи искусства. Пер. Е. Корша. 1 ч. 197 стр.): «это было уже не двойственное святилище, но два отдѣльныхъ храма, соприкасавшіеся съ тыла своими кумирнями (нишами для кумировъ), только обнесенные одной общей стѣной и одной общей колоннадой». Пер.—⁴ Вѣроятно храмъ Сатурна. A. Becker. *Handbuch*. I, 312.—⁵ Ср. F. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. I, 324.

причинѣ дурнаго исполненія, и іоническій портикъ, принадлежавшій къ построенному Домиціаномъ храму Веспасіана.

f. Кромѣ храмовъ въ собственномъ смыслѣ, называвшихся „aedes“, ¹ у Римлянъ было множество освященныхъ мѣстъ и зданій, *loca sacra* и *templa* въ тѣсномъ смыслѣ, раздѣлявшихся на *агае*, *atria* и *delubra*, на *fana*, *foci*, *luci*, *sacella* и *simulacra*. Такъ, всякое мѣсто, освященное по авгуральнымъ обрядамъ (особенно небольшія квадратныя палатки авгуровъ—*tabernacula*) называлось въ тѣсномъ смыслѣ *templum*; священныя рощи, гробницы и т. п. мѣста назывались *loca sacra* и *religiosa*, но не были *templa*. Дальнѣйшее различіе *aedes sacra* отъ *templa* состояло въ томъ, что и зданія, назначенныя для собраний съ политическою цѣлію, назывались тоже *templa*. Подъ *fana* разумѣли мѣста отведенныя для постройки храмовъ или принадлежащія храмамъ и освященныя; подъ *delubra*—вѣроятно статуи боговъ и другія принадлежности богослуженія. Къ священнымъ мѣстамъ—*loca religiosa*—причисляли даже и мѣсто, куда ударила молнія, и потому огораживали его каменною стѣною, на подобіе колодезнаго сруба: отсюда и названіе такихъ мѣстъ—*puteal* (также и *hidental*). Кромѣ 423 *aedes*, въ Римѣ было еще столько различныхъ священныхъ мѣстъ, что посолъ царя Пирра не могъ удержаться, чтобы не сказать, что „весь городъ кажется ему однимъ храмомъ“.

Общественныя зданія.

Зданія, посвященныя отправленію всякаго рода публичныхъ дѣлъ, строились въ римскихъ городахъ (также какъ и въ греческихъ) непосредственно близъ городскихъ рынковъ или торговыхъ площадей—*фога*. Старинный ры-

¹ Марквартъ въ A. Becker's Handb. IV, 434 и слѣд. (Марквартъ, въ указ. мѣстѣ, даетъ слѣдующія опредѣленія: *loci sacri*, священныя мѣста, назывались мѣста, освященные коллегіею понтифексовъ по указанію государства. Къ нимъ принадлежать прежде всего не *templa*, а *fana*, *delubra* (точное значеніе неизвѣстно), *sacella* (небольшія мѣста священныя божеству, съ алтаремъ) и *агае* (алтари), потомъ *aedes sacrae* и прочія *loci sacri* и *loci religiosi* и *sancta* (т. е. освященныя понтифексами и только признанныя священными, какъ напр. рощи нѣкоторыя, гробницы и т. д.; такъ что *religiosi*, какъ понятіе общее, включаетъ въ себѣ понятіе *sacer*, какъ специальное, обусловленное освященіемъ понтифекса, т. е. совершеніемъ обряда освященія надъ мѣстомъ признаннымъ почему нибудь священнымъ). *Templa* же назывались вообще мѣста инаугурированныя авгурами, т. е. объявленныя ими годными для дѣйствій связанныхъ съ авспіціями, или для совершенія самихъ авспіцій (см. выше); поэтому *templa* назывались и курия, гдѣ сенатъ держалъ свои засѣданія, какъ съ другой стороны, нѣкоторыя *aedes sacrae*, какъ *aedes Vestae*, не были *templa*. Это послѣднее различіе кажется не совсѣмъ яснымъ, но изъ приведеннаго Марквартомъ мѣста (Vagro L. L. VII. 10) можно заключить, что *templum* требовалъ еще посвященія (*consecratio*), чтобы обратиться въ настоящій храмъ—*aedes sacra* и быть *sanctum* (*nam curia Hostilia templum est et sanctum non est*); между тѣмъ какъ *aedes sacra* могла быть обращена въ *templum* черезъ инаугурацію, а для этого она должна была удовлетворять извѣстнымъ условіямъ требуемымъ авгуральною наукою: стѣны зданія должны были быть расположены по четыремъ пунтамъ горизонта, такъ, чтобы статуя божества, стоявшая въ *cella* храма, была обращена лицомъ на западъ. Такое расположеніе было необходимо для совершенія авспіцій, потому круглыя храмы Весты, какъ неподходящія подъ это условіе, были *aedes sacrae*, но не *templa*. Большая часть римскихъ *aedes sacrae* были *templa, eadem sancta*. Пер.).

нокъ въ Римѣ, ¹ настоящій *forum romanum* (находившійся между капитолійскимъ и палатинскимъ холмами), былъ невеликъ: онъ занималъ площадь не болѣе 300 шаговъ длины и отъ 50 (на восточномъ концѣ) до 90 (на западномъ концѣ) шаговъ ширины. По извѣстіямъ, неизмѣющимся впрочемъ за собою полной исторической достовѣрности, на немъ были выстроены уже Ромуломъ и Нумою, или—что едва ли достовѣрнѣе—Туллою Гостиліемъ и Анкомъ Марціемъ—святилища, храмы (на сѣверовосточной сторонѣ) и отдѣльныя помѣщенія для засѣданій сената и народныхъ собраній—куріи и комиціи. Именно Туллу Гостилію приписывали построение самодревнѣйшей сенатской куріи, той самой *curia Hostilia*, которая была разрушена въ первую гражданскую войну и затѣмъ возобновлена Суллою, потомъ снова сожжена, опять выстроена и окончательно сломана при Цезарѣ, который вмѣсто нея заложилъ, нѣсколько южнѣе, великолѣпную *curia Julia*, оконченную при Августѣ (Тому же царю преданіе приписывало закладку, а Анку Марцію отстройку упомянутого выше *Tullianum*, остатки котораго уцѣлѣли до нашего времени. Это былъ каменный склепъ, первоначально устроенный вѣроятно надъ ключемъ, а потомъ обращенный въ тюрьму и съ тѣхъ поръ называвшійся *carcer Mamertinus* или *carcer Tullianus*) *. Хотя эти извѣстія, можетъ быть, и несовсѣмъ лишены основанія, такъ какъ весьма вѣроятно, что уже и первые цари заботились о снабженіи возникающаго города главною площадью съ необходимыми общественными зданіями, тѣмъ не менѣе сомнительно, что планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе ранѣе Тарквиніевъ. Покрайней мѣрѣ есть другое извѣстіе—и оно кажется болѣе достовѣрнымъ—что до Тарквинія Приска на мѣстѣ римскаго форума было болото, которое этотъ царь осушилъ, устроивъ отводный каналъ—вышеописанную *cloaca maxima*, а затѣмъ высушенное мѣсто обратилъ въ площадь и на одномъ концѣ ея построилъ лавки (*tabernae*), а остальное пространство отгородилъ для общественныхъ собраній. Очевидно, что не прежде, какъ измѣнивши свой первобытный дикій видъ (остаткомъ и вмѣстѣ свидѣтельствомъ котораго было озеро, еще долго послѣ того занимавшее средину площади и называвшееся *lacus Curtius*), могъ слѣлаться римскій форумъ „сердцемъ города“, средоточіемъ и вмѣстѣ исходною точкою всѣхъ дальнѣйшихъ общественныхъ сооруженій, все въ возрастающемъ количествѣ наполнявшихъ Римъ.

1. Однимъ изъ древнѣйшихъ сооружений этого рода была ораторская трибуна, устроенная, вѣроятно изъ дерева, на томъ мѣстѣ, гдѣ собственно рыночная площадь примыкала къ *comitium* или оградѣ, въ которой происходили народныя собранія. Въ послѣдствіи эта старинная трибуна получила и монументальное значеніе: въ воспоминаніе побѣды одержанной Гайемъ

¹ Относительно исторіи и топографіи площадей Рима см. особ. G. Bunsen, *Beschreibung der Stadt Rom*. III sqq. и A. Becker *Handb. der röm. Alterth.* I, 215 и «Nachträge». Объ архитектурной ихъ обстановкѣ—K. Schnaase, *Gesch. der bild. Künste*. II, (2 Aufl.); F. Kugler, *Gesch. der Baukunst* I, 298.—* По свидѣтельству Саллюстія (*Cat.* 55), Варрона (*L. L. V.* 151), Ливія (XXXIV, 44), эта тюрьма была устроена Сервіемъ Тулліемъ и отъ него получила свое названіе. *Tullianum*, обращенный въ церковь *San Pietro in carcere*, существуетъ и до сихъ поръ въ томъ видѣ, какъ онъ описанъ у Саллюстія (См. Rich, *Diction. des Antiquités etc.*) Пер.

Меніемъ при мысѣ Анціумъ въ 338 г. до Р. Х., она была украшена носами (*rostra*) отбитыхъ у непріятеля кораблей и съ тѣхъ поръ стала называться *rostra*; въ томъ же году возлѣ нея былъ поставленъ и памятникъ побѣдителю. ¹ Между тѣмъ какъ этими памятниками было какъ бы положено начало монументальному убранству города, т. е. всѣмъ, въ послѣдствіи наполнившимъ его колоннамъ, статуямъ и т. д., его архитектурное перерождение началось тоже съ форума. Съ развитіемъ городской жизни и умноженіемъ разнообразныхъ общественныхъ отправленій, которыя всѣ сосредоточивались на форумѣ, оказалось нужнымъ удалить съ него сначала мелкую торговлю и отвести ей другія площади. Затѣмъ (въ третьемъ столѣтіи) были снесены съ форума и лавки, и вмѣсто нихъ построены (по обѣимъ сторонамъ нижней его части) каменные галлерей, куда и были переведены оставшіеся торговцы, большею частью золотыхъ дѣлъ мастера и мѣнялы, лавки которыхъ назывались *argentariae tabernae*, или серебряными. По эти галлерей служили вѣроятно и для другихъ цѣлей: можетъ быть въ нихъ помѣщались также и школы грамотности (*ludi literarum*). ² Къ началу второго столѣтія были частью перестроены, частью вновь выстроены помѣщенія для публичныхъ собраній и засѣданій, комиціи, трибуналы, куріи и др., и къ прежнимъ памятникамъ прибавлена *columna rostrata*, въ честь К. Дуилия, одержавшаго въ 261 г. до Р. Х. морскую побѣду надъ Кароагеномъ. ³ По извѣстіямъ, уже раньше стояли на форумѣ, недалеко отъ трибуны, статуя Атта Новія и конныя статуи Менія, Л. Камилла и Марція Тремула, къ которымъ въ послѣдствіи были присоединены статуи убитыхъ пословъ, статуи Суллы и Помпея и почти колоссальная конная статуя Антонія, не говоря уже о тѣхъ, которыя были поставлены во время императоровъ, вообще очень щедрое на статуи и памятники. На форумѣ же находились и высокочтимыя римлянами святыни: смоковница (*figus ruminalis*), маслина, виноградная лоза и (близъ *atrium Vestae*) *Scribonianum* или *puteal Libonis*, * полъ которымъ былъ зарытъ „точный камень“. ⁴

Обстройка форума большими и красивыми зданіями началась, собственно говоря, только при цензорѣ М. Порціѣ Катонѣ. По его мысли, на мѣстѣ лавокъ, на нижнемъ концѣ форума, была построена базилика, по образцу аѳинскихъ *stoai basilikai*, и назначена служить сборнымъ мѣстомъ для купцовъ и дѣловыхъ людей. ** По такъ какъ она лежала не подалеку отъ куріи, а следовательно и комиціума, то оказалось очень удобнымъ перенести въ нее и засѣданія суда. Такимъ образомъ базилика сдѣлалась и мѣстомъ торговыхъ сдѣлокъ и судебною палатою. При особенной склонности римлянъ къ тяжбамъ и всякаго рода юридическимъ кляузамъ, которыя возникали тѣмъ

¹ A. Becker Handb. I, 279 и 290 sqq., гдѣ также опровергается и мнѣніе, что изображеніе *rostra* дошло до насъ на нѣкоторыхъ римскихъ монетахъ.—² A. Becker. *ibid.* 295.—³ Кромѣ стариннаго святилища Весты на самомъ форумѣ стоялъ только одинъ храмъ Касторъ и Поллукса (*aedes Castoris*) открытый въ 479 г. до Р. Х. послѣ битвы при озерѣ Регилѣ. Во время республики онъ былъ умѣренной величины, можетъ быть простой *prostylos*. Тамъ же, стр. 298; 323 sqq. cf. 291 sqq. —* Обдѣланное на подобіе колодца мѣсто, гдѣ ударилъ молнія.—⁴ A. Becker. *loc. cit.* p. 280, 294.—** Т. е. мѣсто, гдѣ почти тоже назначеніе, какъ наши купеческія биржи.

чаще, чѣмъ богаче становился народъ, учрежденія, подобныя базиликамъ, не замедлили получить такое значеніе, что не прошло еще и пяти лѣтъ со времени открытія первой базилики, какъ уже, по приказанію цензоровъ М. Эмилія Лепида и М. Фулвія Нобилиора, была заложена и отстроена (180 г. до Р. Х.) вторая базилика, тоже близъ форума, названная, какъ и первая, по имени ея строителя *basilica Fulvia*. Первая, *basilica Porcia*, вѣроятно сгорѣла при пожарѣ куріи, около 54 г. до Р. Х., и за тѣмъ уже не возобновлялась. Вторая же была совершенно перестроена вскорѣ послѣ пожара (около 57 г.) консуломъ Эмилиемъ Павломъ, который въ это же время самъ строилъ новую великолѣпную базилику. Такъ какъ извѣстія говорятъ прямо, что послѣдняя базилика строилась по мысли и на деньги Цезаря, то кажется есть основаніе предположить, что эта базилика, названная по имени строителя *basilica Aemilia*, и есть та самая, извѣстная по своему великолѣпію базилика, которая была отстроена при Августѣ и впослѣдствіи получила названіе *basilica Julia*.¹ Но есть еще и другое извѣстіе, по которому Эмилиева базилика сгорѣла еще до конца республики и была вновь выстроена сыномъ Эмилія изъ собственныхъ средствъ, потомъ опять сгорѣла и уже затѣмъ возобновлена (но подъ именемъ Эмилиановой) и великолѣпно отдѣлана Августомъ и другими друзьями бывшаго консула. Черезъ десять лѣтъ послѣ отстройки базилики Фулвія, около 170 до Р. Х., была выстроена Семпроніемъ Гракхомъ третья базилика—*Sempronica*, но стояла ли она на форумѣ или на другой площади—*forum boarium*, неизвѣстно; точно также ничего неизвѣстно и о ея дальнѣйшей судьбѣ. Наконецъ Варронъ называетъ еще четвертую базилику—*basilica Opimia*, построенную консуломъ Опиміемъ; но такъ какъ онъ упоминаетъ о ней только одинъ разъ въ числѣ другихъ зданій, то существованіе ея не безъ основанія признано сомнительнымъ. Вообще же полагають, что къ концу республики въ Римѣ было уже не менѣе семи базиликъ.

Дальнѣйшее украшеніе форума зданіями шло между тѣмъ своимъ чередомъ. По заключенію Сената, былъ выстроенъ консуломъ Опиміемъ, вѣроятно на мѣстѣ стариннаго *aedicula Concordiae*, храмъ, посвященный богинѣ Согласія (*Concordia*); а на мѣстѣ древней *curia Hostilia*, снесенной по распоряженію Цезаря, былъ воздвигнутъ имъ храмъ Счастія (*Felicitas*), въ 49 г. до Р. Х. Подлѣ храма Согласія стоялъ старинный храмъ Юпитера, или вѣрнѣе² Сатурна, сооруженіе котораго относили ко времени царей. Этотъ храмъ, служившій изстари государственнымъ казнохранилищемъ (*aerarium*), былъ съизнова перестроенъ Мунаціемъ Планкомъ, почти въ тоже время, когда строился храмъ *Felicitas*. Позднѣе онъ былъ еще разъ возобновленъ Септиміемъ Северомъ, и остатки его дошли до насъ въ видѣ трехъ колоннъ. Въ связи съ этимъ храмомъ былъ *tabularium* (архивъ), построенный Лютаціемъ Катулломъ послѣ пожара Капитолія. Передъ храмомъ возвышалась статуя Сильвана; подлѣ него росла священная смоковница, а по лѣвую его сторону стояла такъ наз. *schola* Хан-

¹ Подробное изслѣдованіе у Беккера, *Handbuch*, I, 301.—² А. Becker, *Handbuch*, I, 313 sqq.

tha, отъ которой еще и теперь видны остатки: въ ней помѣщались писцы и другіе мелкіе чиновники эдиловъ.

Выше было сказано, что Августъ взялъ на себя исполненіе начатыхъ Цезаремъ построекъ и задуманныхъ имъ улучшеній и перемѣнъ въ устройствѣ Рима. Одною изъ такихъ перемѣнъ, касавшеюся непосредственно форума, было перенесеніе ораторской трибуны съ ея стариннаго мѣста ближе къ серединѣ площади. Такъ какъ уже и прежде ораторы нерѣдко говорили со ступеней древняго храма Кастора, а по смерти Цезаря, со ступеней ему посвященнаго храма, то весьма вѣроятно, что подлѣ этого послѣдняго храма помѣстили и ораторскую трибуну. Въ воспоминаніе побѣды при Анціумѣ новая трибуна получила такое же украшеніе изъ корабельныхъ носовъ (египетскихъ кораблей), какое было и на прежней, и съ тѣхъ поръ стала называться, въ честь Цезаря, *rostra Julia*. Перенесеніе трибуны повлекло за собой и перемѣщеніе окружавшихъ ея статуй, которыя всѣ (въ томъ числѣ статуи Суллы и Помпея) были поставлены вблизи новой трибуны и къ нимъ прибавлены три новыхъ: конная—Октавіана, и двѣ статуи Цезаря.

Изъ множества построекъ, которыми украсился Римъ при Августѣ и по его планамъ, на долю форума пришлось сравнительно немного. Самое замѣчательное, что было построено на немъ при Августѣ, это — *miliarium augustum*, сооруженіе, назначеніе котораго еще мало уяснено. Оно стояло при началѣ площади, на сѣверозападной сторонѣ, ниже храма Сатурна. Можно предполагать, что оно имѣло форму римскаго помилнаго столба, было одѣто золоченной бронзой и, всего вѣроятнѣе, служило указателемъ дорогъ, которыя вели изъ Рима, и поэтому, можетъ быть, считалось средоточіемъ, пупомъ (*umbilicus*) всего римскаго государства.*

Послѣ пожара, зажженнаго Нерономъ и разрушившаго большую часть зданій на нижней части площади, форумъ украсился новыми великолѣпными сооруженіями. Веспасіанъ построилъ на немъ храмъ, остатки котораго—нижній этажъ и восемь колоннъ,¹ видны еще и до сихъ поръ близъ „развалины трехъ колоннъ“. Но особенно много сдѣлалъ для украшенія его Доміціанъ: онъ возстановилъ всѣ общественныя зданія, къ большой *curia Julia* (можетъ быть сгорѣвшей во время пожара) прибавилъ обширное зданіе сената (обыкновенно называвшееся *senatus*), и передъ нимъ воздвигнулъ красивый храмъ Януса, отдѣланный бронзовыми украшениями. Кромѣ того, имъ же былъ построенъ большой храмъ Минервы и еще нѣсколько другихъ святилищъ, такъ что при немъ насчитывалось на форумѣ, кромѣ храмовъ Януса, Весты и Счастія (если онъ уцѣлѣлъ отъ пожара), шесть великолѣпныхъ храмовъ и по крайней мѣрѣ двѣ базилики. Посреди всѣхъ этихъ зданій, неподалеку отъ *Iacus Curtius*, стояла колоссальная конная статуя императора, имъ самимъ себѣ поставленная.

При послѣдующихъ императорахъ на форумѣ прибавилось мало новыхъ построекъ (да и мѣста для нихъ не доставало). Кромѣ нѣсколькихъ триум-

* По Rich (*Dict. des Antiquit.*), это была вызолоченная колонна. Она обозначала точку, гдѣ сходились всѣ главныя военныя дороги (*Plut. Galb.* 24).—¹ A. Becker-Ibid. 315, 357.

фальных арокъ, поставленныхъ отчасти неподалеку отъ Домиціанова Сена-та, отчасти, какъ почти совершенно сохранившаяся арка Септимія Севера, рядомъ съ нимъ, былъ построенъ храмъ Фаустины, посвященный памяти супруги Антонина Благочестиваго, а позднѣе и памяти императора, подъ именемъ храма Антонины и Фаустины. Отъ него тоже уцѣлѣли остатки. Въ продолженіе этого же времени (отъ Домиціана до Константина) ораторская трибуна была, кажется, либо снова перенесена, либо замѣнена новою (какая представлена на аркѣ Константина), ¹ построенною близъ Веспасіанова храма, или наконецъ, что тоже очень возможно, на форумѣ было устроено нѣсколько трибунъ. Точно также вѣроятно, что и многія изъ старинныхъ памятниковъ и статуй, въ томъ числѣ и искони стоявшія на форумѣ статуи Сивиллъ, были тоже переставлены на новыя мѣста, и къ нимъ было прибавлено, именно позднѣйшими императорами, значительное количество новыхъ. Сущестующая еще и нынѣ на старомъ римскомъ форумѣ колонна, воздвигнутая въ 608 г. по Р. Х. экзархомъ Смарагдомъ въ честь императора Фоки, считается послѣднимъ по времени памятникомъ, который былъ вообще поставленъ на форумѣ, тогда уже потерявшемъ свое значеніе и начавшемъ приходить въ упадокъ.

2. Кромѣ главнаго форума (*forum romanum*), въ Римѣ было еще нѣсколько другихъ. Выше было уже сказано, что Цезарь и Траянъ построили каждый по форуму; здѣсь прибавимъ, что такіе же отдѣльные форумы были устроены Августомъ, Домиціаномъ и Нервою, такъ что вмѣстѣ съ Траяновымъ, въ Римѣ было четыре императорскихъ форума. ² При постройкѣ этихъ форумовъ, строители не столько имѣли въ виду интересы городской торговли, сколько руководились желаніемъ оставить по себѣ обширный архитектурическій памятникъ. Что именно такъ, а не иначе смотрѣлъ на дѣло Цезарь, составляя планъ для своего форума, видно уже изъ того, что за мѣсто, выбранное имъ подъ постройку, онъ заплатилъ (на наши деньги) около пяти миллионѣвъ рубл. Что же касается издержекъ на самую стройку, то, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, мы можемъ заключить по дошедшимъ до насъ указаніямъ, что и онѣ должны были быть весьма значительны. Цезаревъ форумъ, или *forum Julium*, былъ меньше чѣмъ *forum romanum* (который поэтому сталъ называться съ этихъ поръ также и *forum magnum*); главнымъ украшеніемъ его былъ храмъ Венеры *Genetrix*, построенный Цезаремъ по обѣту, данному имъ передъ фарсальскимъ сраженіемъ (около 48 г. до Р. Х.). *Cella* храма была назначена служить трибуналомъ; внутренность его была украшена картинами извѣстнѣйшихъ греческихъ художниковъ. Передъ храмомъ стояла конная статуя Цезаря, а площадь вокругъ него была покрыта портиками, колоннадами и другими зданіями, большею частію назначенными для судебныхъ мѣстъ. Форумъ Цезаря при смерти его былъ еще далеко неоконченъ и отстроенъ уже Августомъ; при Каринѣ (283 г.) онъ пострадалъ отъ пожара и былъ восстановленъ Діоклетіаномъ.

¹ Cp. P. Bellori. *Veteres arcus Augustorum*. Tab. 47.—² A. Becker. *Handbuch*. I, 362.

Форумъ Августовъ былъ, въ сущности, тоже окруженіемъ храма, воздвигнутаго Августомъ Марсу мстителю (*Mars Ultor*), по обѣту, данному во время войны съ Брутомъ и Кассіемъ. Храмъ занималъ средину площади, по обѣимъ сторонамъ которой шли полукружіями два портика, украшенные статуями знаменитыхъ полководцевъ и другими изваяніями. Позднѣе были поставлены на немъ Тиверіемъ двѣ триумфальныя арки въ честь Друза и Германика со статуями этихъ полководцевъ. О дальнѣйшей судьбѣ этого форума, (на которомъ, по завѣщанію Августа, дѣти императоровъ должны были принимать *toga virilis*) извѣстно только то, что нѣкоторыя изъ его зданій были возобновлены при Адріанѣ.

Великолѣпный храмъ мира, построенный Веспасіаномъ неподалеку отъ названныхъ форумовъ, послужилъ также поводомъ къ устройству новаго форума, хотя и не предназначался для этого строителемъ. Такъ какъ онъ отдѣлялся отъ послѣднихъ двухъ форумовъ домами, принадлежавшими частнымъ владѣльцамъ, то Домиціанъ скупилъ эти дома и велѣлъ ихъ снести, а мѣсто обратить въ площадь, которая бы соединяла и оба форума между собою и храмъ съ ними. Поэтому новый форумъ получилъ названіе „проходнаго“, *forum transitorium*, хотя, обыкновеннѣе онъ назывался *forum Nervae*, такъ какъ онъ былъ окончательнѣе отстроенъ, или изъ площади обращенъ въ настоящій форумъ, только при Нервѣ. Важнѣйшими зданіями изъ стоявшихъ на немъ, были два храма — Минервы и четырехъ-лицаго Януса, изъ которыхъ первый существовалъ кажется еще въ 16 столѣтіи. Отъ окружавшихъ форумъ портиковъ нѣсколько колоннъ стоятъ еще до сихъ поръ и извѣстны у жителей Рима подъ именемъ—*„le colonne“*.¹

Какъ ни богато были обстроены всѣ перечисленные форумы, они все таки не могли сравниться въ великолѣпіи съ форумомъ, построеннымъ Траяномъ и названнымъ въ честь его *forum Trajanum*. Онъ примыкалъ непосредственно къ форуму Августа и хотя соединялся съ другими близлежащими форумами, однакожь составлялъ отдѣльное, въ самомъ себѣ законченное архитектурическое цѣлое. Главнымъ входомъ на обширную площадь, для которой были срыты два холма, служила триумфальная арка, вся покрытая скульптурами. За аркою возвышалась, занимая всю ширину форума, *basilica Ulpia*—великолѣпное зданіе въ 200 фут. ширины и 600 фут. длины, съ мѣдною крышею, съ трибуналами по сторонамъ и тремя порталами посрединѣ, внутри раздѣленное четырьмя рядами колоннъ на пять трансептовъ. За нимъ слѣдовали—*templum Trajanum*, *bibliotheca Ulpia*, конная статуя Траяна и, неподалеку отъ базилики, *colonna Trajana* со статуею императора на верху. Вокругъ форума тянулись роскошные портики и помѣщались разныя другія зданія.—Такъ какъ всѣ форумы императоровъ прилегали къ большому—*forum romanum*, съ сѣверной и восточной его сторонъ, то они составляли съ нимъ какъ бы одно монументальное цѣлое, одинаково высокой, какъ исторической, такъ и художественной важности.

¹ E. Degodetz. Les edifices etc. pl. 159.—Gamucci. Anichità di Roma p. 55.

3. Разбѣянные по разнымъ частямъ города небольшіе рынки или площади, гдѣ производилась городская торговля, назывались также *foга*, и различались по товару, который на каждомъ изъ нихъ долженъ былъ продаваться: *forum piscatorium* или рыбный рынокъ, *forum boarium*—воловоѣ, и т. д. Всѣ они были очень изящно, нерѣдко даже великолѣпно обстроены: вокругъ шли красивые портики съ порталомъ, черезъ который входили на площадь, посрединѣ были устроены фонтаны, а на нѣкоторыхъ, гдѣ продавались съѣстные припасы,—возвышенія въ видѣ алтарей (можетъ быть для битва скота?) Послѣ того какъ самый обширный изъ этихъ рынковъ—*macellum magnum*, устроенный въ 177 г. до Р. Х., оказался недостаточнымъ для потребностей увеличившагося населенія города, былъ открытъ Августомъ новый съѣстной рынокъ—*macellum Liviae* и обнесенъ великолѣпною колонадою, названною портикомъ Ливіи—*porticus Liviae*.

4. Переходя къ сооруженіямъ на марсовомъ полѣ, ¹—которое лежало неподалеку отъ *forum romanum*, а вскорѣ послѣ Августа, было, кажется, окончательно соединено съ нимъ,—замѣтимъ, что начало имъ было положено Цезаремъ. При немъ и по его мысли были заложены на марсовомъ полѣ большія *septa* *, оконченныя при Августѣ Агриппою и названныя въ честь Цезаря *septa Julia*.

За *septa Julia* (или, какъ ихъ тоже называли, *septa marmorea*) послѣдовали громадныя общественныя бани, или термы, съ такою же колоссальною пристройкою, о великолѣпіи которой даетъ понятіе оставшійся отъ нея Пантеонъ (о которомъ было говорено выше). Онѣ были построены все тѣмъ же Агриппою, ² который сверхъ того выстроилъ тутъ же великолѣпное колончатое зданіе—*basilica Neptuni* или *porticus argonautarum*, и огромную храмину, со сводами необычайной смѣлости,—*diribitorium* (гдѣ производилась разборка избирательныхъ табличекъ во время комицій.) Всѣ эти зданія были завѣщаны Агриппою, при его смерти въ 12 г. до Р. Х., частью римскому народу, частью Августу.

Самимъ Августомъ построены на марсовомъ полѣ—вышеупомянутый мавзолей, потомъ—недостовѣрно впрочемъ, тутъ ли, или въ циркѣ Фламиніи—портикъ народовъ (*porticus ad nationes*), или портикъ четырнадцати націй, вѣроятно заключавшій въ себѣ статуи, представлявшія разныя націи, и поставленъ *gnomon*, въ видѣ колоссальнаго обелиска, водруженнаго въ центрѣ выстланной мраморомъ плоскости, на которой были выложены мѣдью линіи, обозначающія долготу дня,—слѣдов. родъ солнечныхъ часовъ (*solarium*). Одновременно съ этими сооружениями, марсово поле украсилось нѣсколькими алтарями, посвященными сенатомъ самому Августу, и нѣсколькими зданіями, построенными частными лицами. Изъ алтарей упоминаются—

¹ A. Becker. Handbuch. I, 623.—* Отъ *septum*—вообще загородъ. На марсовомъ полѣ было нѣсколько загородей или оградъ (*septa*), въ которыхъ собирались римскіе граждане по трибамъ и центуріямъ для подачи голосовъ. До Цезаря онѣ были деревянныя. Въ послѣдствіи (при Августѣ, по плану Цезаря), все мѣсто собраній было обнесено колонадами и внутри раздѣлено мраморными балюстрадами. Ср. Rich (Dict. des Ant.) Пер.—

² О строительной дѣятельности Агриппы ср. F. Hermann. Culturgesch. der Griechen und Römer. II, 143 sqq.

ara Fortunaе reducis и ara Pacis; къ частнымъ постройкамъ принадлежала, можетъ быть, и часто упоминаемая подъ именемъ *via texta*, колоннада (?) близъ мавзолея.

Со смертью Августа постройки на марсовомъ полѣ, какъ и во всемъ римскомъ государствѣ, надолго прекратились. Калигула началъ было строить неподалеку отъ *septa Julia* большой амфитеатръ, но онъ былъ сломанъ уже при Клавдіи, еще неоконченнымъ. Неронъ, за годъ до зажженного имъ пожара, расширилъ и отдѣлалъ еще роскошнѣе прежнія термы Агриппы, назвавъ ихъ по своему имени нероновскими: *thermae Neronianae* (въ послѣдствіи онѣ были снова увеличены Александромъ Северомъ и переименованы въ *thermae Alexandrinae*). При Титѣ, большая часть зданій на марсовомъ полѣ была отчасти совсѣмъ разрушена, отчасти сильно повреждена пожаромъ, что и послужило поводомъ къ возобновленію на немъ построекъ при Домиціанѣ. Въ числѣ зданій возобновленныхъ этимъ императоромъ, римскіе авторы называютъ храмы Изиды и Сераписа и еще святилище—*Minucia vetus*. Домиціанъ прибавилъ къ нимъ храмъ Минервы (*Minerva chalcidica*), построилъ *odeum* * и стадій, и для своего торжественнаго вѣзда въ Римъ, по возвращеніи изъ германскаго похода, поставилъ себѣ, на границѣ марсова поля и цирка фламиніева, триумфальныя ворота—*porta triumphalis*.

При послѣдующихъ императорахъ никакихъ новыхъ зданій на марсовомъ полѣ не прибавилось, если не считать театра, начатаго Траяномъ и сломаннаго Адріаномъ. При Маркѣ Авреліи была поставлена на немъ колонна, существующая и теперь подъ именемъ *colonna Antoniana*, которую не должно однакожъ смѣшивать съ другою, тоже уцѣлѣвшею, колонною (изъ краснаго гранита, на pedestalъ изъ бѣлаго мрамора съ посредственными скульптурами), ¹ поставленною Антонину благочестивому. Колонна Марка Аврелія стояла, вѣроятно, посреди форума, какъ Траянова, подлѣ храма, который былъ посвященъ императору послѣ его смерти. Объ увеличеніи термъ Агриппы императоромъ Александромъ Северомъ было уже сказано выше. При Коммодѣ онѣ были, вѣроятно, снова увеличены и названы — *Commodianae*, если только это названіе не относится къ новымъ термамъ, которыя, можетъ быть, были при немъ построены. Въ планахъ и проектахъ новыхъ зданій не было, конечно, недостатка даже и при позднѣйшихъ императорахъ—при Валентиніанѣ I, префектъ Клавдій выстроилъ портикъ близъ термъ Агриппы,—но, кажется, ни одинъ изъ этихъ проектовъ не былъ исполненъ, и распространеніемъ Агрипповыхъ термъ при Северѣ окончились всѣ дальнѣйшія постройки на марсовомъ полѣ.

Архитектура правительственныхъ зданій.

До сихъ поръ мы говорили о римскихъ правительственныхъ зданіяхъ только вообще, перечислили ихъ по названіямъ. Переходя теперь къ описа-

* Одеонъ, небольшой театръ, исключительно назначенный для пѣнія и музыки,—концертный залъ.—¹ A. Becker. Handb. I, 647.

нію ихъ устройства, мы прежде всего замѣтимъ, что описаніе это въ большинствѣ случаевъ будетъ неполно, какъ потому, что до насъ не дошло даже и остатковъ большей части этихъ зданій, такъ и потому, что и письменныя извѣстія объ устройствѣ послѣднихъ тоже довольно скудны. Основываясь на этихъ извѣстіяхъ, мы уже дали понять при описаніи форума, что всѣ совѣщанія о дѣлахъ, касавшихся управленія государствомъ, происходили у Римлянъ на городской площади, и что, за исключеніемъ построенной Туломъ Гостилиемъ куріи для сенатскихъ засѣданій, никакихъ правительственныхъ зданій въ Римѣ не существовало до самыхъ тѣхъ поръ, когда цензоръ Катонъ построилъ первую базилику, а ихъ замѣняли отгороженные на форумѣ участки, совершенно такъ же, какъ это было въ первое время и въ Греціи.

Самый обширный изъ этихъ участковъ былъ изстари назначенъ для народныхъ собраній и назывался *comitium*. Что *comitium* оставалось до конца открытымъ мѣстомъ и никогда не было строеніемъ, какъ это хотѣли доказывать нѣкоторые, — послѣ новѣйшихъ изслѣдованій не можетъ больше подлежать сомнѣнію. ¹ Всѣ перемѣны, которыя были на немъ сдѣланы въ послѣдствіи, состояли лишь въ томъ, что съ 470 г. до Р. Х., во время сходокъ по трибамъ (*comitia tributa*), его стали раздѣлять канатами на 25 отдѣленій и, для защиты отъ солнца, растягивать надъ нимъ парусинные полога (*vela*). ²

Участками же, а не зданіями, были и сосѣднія съ нимъ — *senaculum*, *vulcanal* и *graecostasis*. ³ На первомъ собирались сенаторы; второй служилъ, вѣроятно, трибуною для магистрата, предсѣдательствовавшаго на народныхъ собраніяхъ, а послѣдній былъ мѣстомъ, гдѣ принимали иноземныхъ пословъ, передъ представленіемъ ихъ сенату. *Graecostasis*, вѣроятно также и *vulcanal*, были каменные помосты, а послѣдній, какъ *templum* въ собственномъ смыслѣ, имѣлъ, можетъ быть, еще алтарь посреднѣй.

Наконецъ, можно предположить, что и трибуналъ на форумѣ былъ первоначально тоже открытымъ мѣстомъ, не зданіемъ, а нѣсколько возвышеннымъ надъ землею помостомъ, точно также какъ неменѣе вѣроятно, что и въ позднѣйшее время, въ случаѣ надобности, трибуналы устраивали изъ брусевъ и досокъ, и по окончаніи засѣданія снова разбирали. ⁴

2. Что касается теперь настоящихъ зданій, посвященныхъ правительственнымъ дѣламъ, то изъ нихъ намъ ближе извѣстно устройство лишь однихъ базиликъ, ⁵ какъ по остаткамъ этихъ зданій въ Помпеѣ, въ Римѣ (базилика Константина или Максентія), въ Трирѣ и другихъ мѣстахъ, такъ и по письменнымъ извѣстіямъ. Но не смотря на то, что нѣкоторыя изъ этихъ

¹ Ср. критическій разборъ прежнихъ изслѣдованій у Беккера. *Handb.* II, 408, not. 1042 sqq. — ² *Ibid.* I, 275, 323. — ³ *Ibid.* I, 285. — ⁴ *Ibid.* 290; 324. — ⁵ J. G. Gutherson und J. M. Knapp. *Sammlung der ältesten christlichen Kirchen oder Basiliken Roms.* 1827; сл. C. J. Bunsen. *Die Basiliken des christl. Roms.* 1843. F. v. Quast. *Die Basiliken der Alten.* Berlin. 1845. A. C. Zestermann. *Die antiken und die christl. Basiliken.* Lpzg. 1847. Кроме того, Kugler. *Gesch. der Baukunst.* I, 280 и *Kl. Schriften* I, 181; II, 94.

развалины (напр. въ Трирѣ) настолько хорошо сохранились, что представляютъ зданіе во всей его цѣлости, онѣ даютъ лишь весьма общее понятіе объ устройствѣ старинныхъ базиликъ, такъ какъ всѣ принадлежать къ позднѣйшему времени и, кромѣ того, различаются между собою расположеніемъ. Соединяя вмѣстѣ всѣ имѣющіяся по этому предмету данныя и имѣя въ виду назначеніе базиликъ, можно принять, что это были продолговато-четыреугольныя зданія, состоявшія изъ двухъ частей: передней, имѣвшей видъ залы съ колоннами, и большой полукруглой ниши, съ полукупольнымъ сводомъ, находившейся въ глубинѣ залы. Эта ниша была предназначена для засѣданій суда и называлась трибуналомъ. Достоверно неизвѣстно, было ли переднее пространство въ древнѣйшихъ базиликахъ закрытое, т. е. обнесено стѣнами, или же оно было только окружено двойною колоннадою ¹. Въ позднѣйшихъ, оно было обыкновенно настоящею залою со стѣнами, раздѣленною внутри (по длинѣ) большею частью двумя рядами колоннъ на три корабля (nefs). Ширина его составляла половину или треть его длины. Надъ среднимъ кораблемъ возвышалась, съ обѣихъ сторонъ, колончатая галлерея, такъ что средняя часть зданія была выше боковыхъ и имѣла особую крышу, стропилы которой поддерживались колоннами верхней галлереи. Basilica Ulpia (на форумѣ Траяна) была пятикораблевая, съ 4 рядами колоннъ. Другія, болѣе позднія базилики, или не имѣли вовсе колоннъ внутри, какъ Трирская, ² или, какъ Максеніева, ³ были построены по иному плану, соответственно ихъ особому назначенію. Максеніева базилика была почти квадратная. Внутренность ея раздѣлялась на три корабля громадной ширины. Средній корабль, въ 77 ф. ш., былъ покрытъ крестовымъ сводомъ опиравшимся на 8 колоннъ; а боковые, въ 46 ф. ш. каждый,—коробовыми, утвержденными на столбахъ въ 16 фут. толщины, составленныхъ изъ связокъ колоннъ.

О schola Xantha и о diribitorium было уже выше сказано всё, что могло быть о нихъ сказано на основаніи имѣющихся указаній. Остается прибавить, что такъ какъ, по извѣстіямъ, последнее зданіе при Калигулѣ часто служило театромъ, то можно предполагать, что оно было круглое; величина его опредѣляется тѣмъ, что, какъ видно изъ тѣхъ же извѣстій, балки, изъ которыхъ были сдѣланы стропила его крыши, имѣли около 100 ф. длины. ⁴

О старинной куріи ⁵ извѣстно только то, что она стояла на помостѣ и входили въ нее по ступенямъ; о Юліевой куріи—что въ ней было 4 трибунала и что при Калигулѣ она была вся крытая. Со временъ Домиціана, когда вошло въ обыкновеніе засѣданіямъ сената собираться въ императорскомъ дворцѣ, она постепенно потеряла свое значеніе и наконецъ сдѣлалась исключительно общественнымъ зданіемъ. ⁶

¹ Cp. K. Schnaase. Gesch. der bildend. Künste II, 466. Not.—² Ch. W. Schmidt. Baudenkmale der röm. Periode und des Mittelalters in Trier. Lpzg. V.—³ Kugler. Gesch. der Baukunst. I, 326; Guhl u. Caspar. Denkmäler der Kunst. B. XVIII. 11 und 12.—⁴ Kugler, ibid. 306; A. Becker Handb. I, 637.—⁵ A. Becker, I, 286.—⁶ Ibid. 342, 347.

Что касается построеннаго Лютаціемъ Катуллою табуларіума, или государственнаго архива, то по остаткамъ его, отчасти вошедшимъ въ нынѣшній palazzo senatorio, ¹ видно, что это было обширное зданіе съ двухъ-этажнымъ аркаднымъ портикомъ дорическаго стиля; нижній портикъ, въ 35 ф. вышины, открывался на форумъ; столбы, поддерживавшіе его арки, были обставлены полуколоннами, подражавшими дорическимъ, а замыкавшій его сверху архитравъ былъ украшенъ триглифами, по четыре надъ каждымъ промежуткомъ между арками; полуколонны были вверху канелированы, а внизу обдѣланы гранью.

Также скудны наши свѣденія и объ архитектурѣ septa Julia на марсовомъ полѣ. ² До постройки ихъ, народныя собранія происходили внутри простой загороди, которая по своему сходству съ овечьимъ загонемъ, даже и называлась ovile. Потомъ мѣсто собраній было обнесено постоянною оградой, и внутри ея были подѣланы отдѣленія по числу центурій, каждое съ особымъ входомъ (pons), при которомъ стояла корзина, куда клали избирательныя таблички. На мѣсто этой-то ограды и были выстроены septa Julia, начатыя Цезаремъ и оконченныя Агриппою. На основаніи сказаннаго и нѣкоторыхъ разсѣянныхъ указаній, можно предположить, что septa было колончатое зданіе о восьми рядахъ колоннъ, посрединѣ котораго была оставлена квадратная площадь въ 5000 фут. длины по сторонѣ. Въ послѣдствіи, на этой площади стали давать гладіаторскія игры, однажды на ней было даже представлено морское сраженіе; а при Домиціанѣ всё зданіе (отъ котораго видны еще слѣды) было обращено въ торговое помѣщеніе. (Народныя собранія происходили, однакожъ, не только на comitium или въ septa Julia, но и на нижнемъ форумѣ, на Капитоліи, въ циркѣ Фламинія и въ другихъ мѣстахъ.)

Зданія для игръ и зрѣлищъ. ³

Въ древнѣйшее время для отправленія праздничныхъ игръ довольствовались огороженнымъ мѣстомъ, вокругъ котораго, на время праздника, ставили сколоченныя изъ дерева подмостки для зрителей (spectacula). Въ послѣдствіи стали строить болѣе прочныя, нерѣдко даже дорого стоявшіе, но всё-таки временныя, деревянные амфитеатры. Постоянныя зданія для игръ и зрѣлищъ, устроенныя по образцу позднѣйшихъ греческихъ, появились только въ началѣ императорской эпохи.

1. Пока Римляне не знали никакихъ другихъ праздничныхъ игръ, кромѣ скачки на лошадяхъ и на колесницахъ, у нихъ были одни только ристалища или circi. Древнѣйшее изъ этихъ ристалищъ, устроенный Тарквиніемъ Прискомъ большой циркъ—circus maximus, было, по разсказу

¹ G. Bunsen. Beschreib. der Stadt Rom III. A. 40 sqq.—² A. Becker. I, 623; II, 66. F. Kugler. op. cit. I, 301.—³ O. Müller. Handb. der Archäot. § 289 sqq. A. Becker. Handb. der röm. Alterth. I. 664; IV, 490 sqq. K. Schnaase. Gesch. der bild. Künste. II, 455. F. Kugler. Gesch. der Baukunst. I, 287 sqq. Объ этрускыхъ остаткахъ подобныхъ зданій: O. Müller. Die Etrusker II, 241. F. Wieseler. Theatergebäude und Denkmäler etc. Taf. II. S. 1. (Theater zu Adria).

Діонисія Галикарнасскаго (III, 68), ничто иное, какъ выровненное мѣсто въ 1000 шаговъ длины и 280 шаговъ ширины, окруженное деревянными подмостками для зрителей. Подмостки строились только на время праздника и по окончаніи его разбирались. Каждая изъ тридцати курій занимала на нихъ свое особое мѣсто. Первоначально зрители смотрѣли на игры стоя, мѣста для сидѣнья были устроены только позднѣе. О числѣ зрителей, которое могъ вмѣщать себѣ циркъ, показанія различны и колеблются между 150000 и 260000 человекъ.

Кромѣ нѣкоторыхъ улучшеній, сдѣланныхъ въ циркѣ уже въ первое время республики, напр. особаго помѣщенія для колесницъ, такъ наз. *sag-seges*, онъ сохранилъ свое первоначальное устройство до временъ Цезаря и уже имъ былъ обстроенъ и обращенъ въ постоянное ристалище. По описанію того же Діонисія, нижніе ярусы амфитеатра были каменные, верхніе деревянные. Они были утверждены на каменныхъ сводахъ, поднимавшихся одинъ надъ другимъ. Нижний этажъ былъ снаружи окруженъ портикомъ, въ которомъ помѣщались лавки и открывались входы внутрь цирка. Для большей безопасности зрителей отъ звѣрей во время звѣриныхъ травль, которые часто давались при Цезарѣ, передъ балюстрадой, отдѣлявшей нижнія мѣста амфитеатра (*podium*) отъ арены, былъ вырытъ широкій ровъ (*eugirius*) въ 10 фут. глубины. Этотъ ровъ (засыпанный въ послѣдствіи по приказанію Нерона) наполнялся водою и служилъ садкомъ для крокодиловъ, которыхъ также держали при циркѣ въ числѣ другихъ звѣрей.

При Августѣ, верхній деревянный ярусъ амфитеатра былъ замѣненъ каменнымъ, въ нижнемъ ярусѣ (вѣроятно въ *podium*) устроенъ великолѣпный *pulvinar* — сѣдалище для императора и его семейства, и посрединѣ между *metae*, или столбами, гранями, обозначавшими длину бѣга въ одинъ конецъ, поставленъ обелискъ. Клавдій замѣнилъ прежніе простые *sag-seges* мраморными, и вмѣсто деревянныхъ *metae*, поставилъ золоченыя бронзовыя. *Circus maximus*, не разъ горѣвшій уже и прежде, не уцѣлѣлъ и отъ нероновскаго пожара, былъ затѣмъ исправленъ и снова сильно потерпѣлъ отъ пожара при Домиціанѣ. Перестроенный этимъ императоромъ заново, при чемъ число *sag-seges* было увеличено, онъ простоялъ до Константина, который его опять перестроилъ.

Въ отношеніи устройства арены и амфитеатра всѣ римскіе цирки позднѣйшаго времени были сходны между собою. ¹ По срединѣ арены, между обѣими *metae*, шла невысокая каменная стѣнка (*spina*, позднѣе также и *eugirius*), раздѣлявшая арену по длинѣ на двѣ половины. Она была уставлена колоннами, обелисками, изваяніями, статуями боговъ и даже небольшими храмиками. ² *Metae* стояли по концамъ ристалища: это были столбы конической формы, поставленные по три вмѣстѣ на одномъ пьедесталѣ. Распределение мѣстъ въ амфитеатрѣ извѣстно намъ частью изъ древнихъ авторовъ,

¹ J. Eckhel. *Doctrina numorum veterum*. VII. 210. Q. Visconti, *Mus. Pio. Clem.* V. tav. 38—43; J. Artaut, *Description d'une mosaïque represent. des jeux du cirque, decouverte à Lyon 1806*. The antiquities and marbles in the Brit. Mus. Pl. 3.—² A. Becker's *Handb.* I, 467.

частью по остаткамъ Максентіева цирка въ Римѣ. ¹ Мѣста для зрителей дѣлились на ярусы (*maeniana*) широкими площадками (*praecinctions*) и вертикально поднимавшимися надъ ними стѣнками (*baltei*), такъ что площадка со стѣнкою составляли уступъ, который шолъ вокругъ всего амфитеатра; мѣста непосредственно надъ стѣнкою были окружены балюстрадаю. ² Главный входъ на арену помѣщался на узкой передней сторонѣ цирка, между *sarcerges* для колесницъ. Такихъ *sarcerges* въ большомъ циркѣ (и вѣроятно во всѣхъ) было 12, слѣдоват. по 6-ти съ каждой стороны главнаго входа. Можно полагать, что надъ *sarcerges*, со стороны арены, былъ устроенъ родъ балкона, съ котораго распорядитель игръ подавалъ знакъ (обыкновенно, кидая бѣлый платокъ) къ началу ристалий. Высшія сословія, всадники (со временъ Клавдія), сенаторы (со временъ Нерона), имѣли въ циркахъ свои особые мѣста, но отдѣльных мѣстъ для женщинъ не было: онѣ сидѣли (единственно въ циркахъ) вмѣстѣ съ мужчинами. Въ жаркое время надъ головами зрителей растягивали большіе полога, иногда цвѣтные.

До 220 г. до Р. Х. въ Римѣ и во всей Италіи былъ только одинъ циркъ—*circus maximus*. Въ этомъ году Кай Фламиній выстроилъ еще одинъ, названный по его имени. За *circus Flaminius* послѣдовалъ третій, построенный Калигулою, но не въ самомъ Римѣ, а за городомъ, въ садахъ Агриппины. Остатки цирка, ложно называемаго Каракаловымъ, принадлежать, вѣроятно, цирку, построенному сыномъ Максентія, Ромуломъ.

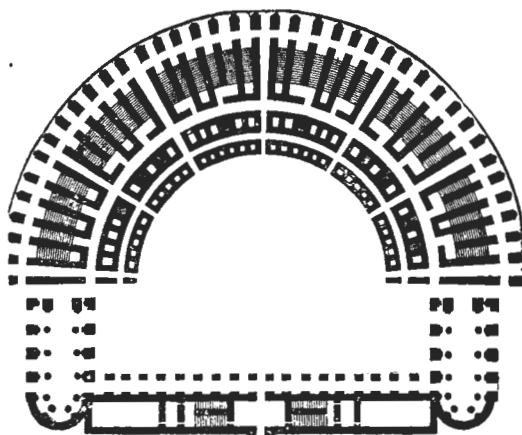
2. Кромѣ большихъ ристалищъ, у Римлянъ были также и стадіи для гимнастическихъ игръ, устроенныя по образцу греческихъ. Подобно циркамъ, они первоначально строились только на время игръ. Первый постоянный стадій былъ построенъ Домиціаномъ (вѣроятно на марсовомъ полѣ). ³

3. До конца республики въ Римѣ не было постоянного театра, ⁴ а только временныя, которые строились изъ дерева на время сценическихъ игръ. Ни назначенныхъ мѣстъ, ни сидѣній для зрителей въ этихъ театрахъ не было: смотрѣли на представленіе стоя; кто хотѣлъ сидѣть, приносилъ стулъ или кресло съ собою. Только сенаторскія мѣста были отдѣлены отъ остальныхъ перегородкою (около 194 г. до Р. Х.), но сидѣній и на нихъ не было. Около 174 г. была построена первая каменная сцена, но безъ амфитеатра, который по прежнему пристроивался къ ней на время игръ. Долго ли просуществовала эта сцена, неизвѣстно; кажется, однакожъ, что уже немного лѣтъ спустя она была сломана, или брошена. Не надобно впрочемъ думать, что деревянные театры были очень просты. Несмотря на то, что ихъ строили только на время игръ, отдѣлка ихъ, особенно сцены, бывала иногда необыкновенно роскошна, особенно въ послѣдніе годы республики. ⁵ Пер-

¹ C. Bunsen, Beschreibung der Stadt Rom. III (1), 632. Рсчунк. L. Canina, Storia dell'architettura romana. tav. XCVI, XCVII.—² A. Becker's Handb. IV, 497.—³ Id. I, 670.—⁴ A. Becker's Handb. I, 675 sqq; IV, 526 sqq.—⁵ Уже передъ концомъ республики на обстановку сценическихъ игръ тратились безумныя деньги. Одной живописи для украшенія сцены казалось уже мало. К. Антоній и Л. Мурена покрыли её серебромъ, Петрей—злotoмъ, Кв. Катулъ слоновою костью. Но всѣхъ ихъ превзошелъ М. Эмилиій Скарвр. Для сценическихъ игръ своего здѣлства, онъ построилъ деревянный театръ, вмѣщавшій до 80000 зрителей. Задняя стѣна сцены раздѣлялась на три этажа, нижній былъ покрытъ мраморомъ, средній стекломъ, верхній вызолоченными досками; кромѣ то-

вый каменный театръ былъ построенъ Помпеемъ (въ 55 г. до Р. Х.) и вмѣщалъ въ себѣ, по показаніямъ однихъ, около 18000, по другимъ, даже до 40000 зрителей. Надъ ступенями его амфитеатра возвышался храмъ Венеры побѣдительницы (*Venus victrix*). Послѣ помпеева театра (*theatrum Pompei*) были построены, почти одновременно (ок. 13 г. до Р. Х.), еще два каменныхъ театра: одинъ, Корнеліемъ Бальбусомъ, другой—Августомъ. Послѣдній театръ, посвященный Августомъ памяти его племянника Марцелла и названный *theatrum Marcelli*, заключалъ въ себѣ до 20000 мѣстъ. Отъ него уцѣлѣли значительные остатки (фиг. 504; фиг. 409).

Фиг. 504.

Расположеніе римскаго театра ¹ въ общемъ было тоже что и греческаго, но разнилось отъ него въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Римскій театръ также состоялъ изъ полукруглаго амфитеатра (*cavea*) съ сидѣньями для зрителей, поднимавшимися концентрическими уступами, и возвышеннаго помоста, на которомъ актеры играли (*pulpitum proscenium*; также *proscenii pulpitum*); помостъ оканчивался въ глубинѣ стѣною, служившею постоянною декорацией и называвшеюся *scena*. Между просцениемъ и амфитеатромъ оставалось полукруглое пространство—*orchestra*. Ступени амфитеатра (*gradus* или *subsellia*) раздѣлялись, въ горизонтальномъ направленіи, на ярусы, широкими площадками (*praecinctiones*), какъ въ циркахъ, и въ вертикальномъ—на клинья (*cunei*), лѣстницами, лучеобразно поднимавшимися снизу до самого верха. Верхняя ступень амфитеатра перѣдко была окружена портикомъ.—Разнился римскій театръ отъ греческаго въ томъ, что составлялъ замкнутое зданіе, въ которомъ амфитеатръ и сцена съ просцениумомъ и своими боковыми пристройками (*versurae procurrentes*) были

ло, она была украшена 360 колоннами, изъ которыхъ нижнія имѣли 38 фут. вышины, 3000 бронзовыми статуями, аттальскими коврами, картинами и другими драгоценностями». A. Becker's Handb. IV, 545.—¹ Остатки римскихъ театровъ въ Помпеѣ и Геркуланумѣ, въ Катанѣ и Таорминѣ въ Сициліи, въ Оранжѣ, во Франціи, и особенно хорошо сохранившіеся въ Патарѣ, Аспендѣ и Мирѣ въ Малой Азіи. См. W. Wiegeler. Theatergebäude etc. F. Kugler. Gesch. der Baukunst. I, passim.

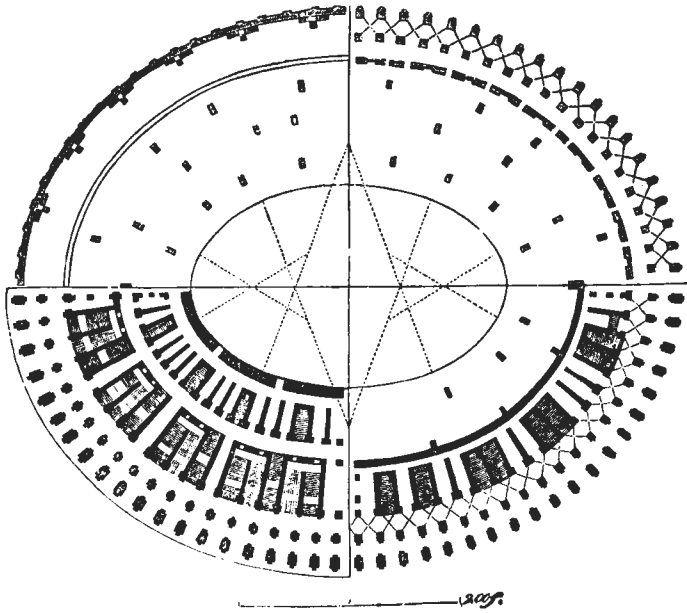
въ одной сплошной связи, а не стояли отдѣльно, какъ въ греческомъ. Оркестра въ римскомъ театрѣ по назначенію своему принадлежала не къ сценѣ, какъ въ греческомъ, а къ амфитеатру, котораго она была какъ бы продолженіемъ, такъ какъ на ней находились мѣста для сенаторовъ и высшихъ магистратовъ (Всадники занимали первые четырнадцать рядовъ амфитеатра). Кромѣ того, римскіе театры строились большею частью на ровномъ мѣстѣ: благодаря доведенной у нихъ до совершенства кладкѣ сводовъ, Римляне не имѣли нужды, какъ Греки, въ естественныхъ покатостяхъ для амфитеатра, а строили его на массивныхъ сводахъ. Эти своды, поднимавшіеся ярусами, образовали корридоры, которые прорѣзывали толщу зданія и служили проходами къ сидѣньямъ. Снаружи римскій театръ представлялъ полукруглое зданіе, обыкновенно въ нѣсколько этажей. Каждый этажъ отдѣлялся отъ другого широкимъ антаблементомъ и состоялъ изъ ряда арокъ или нишъ, съ колоннами и пилястрами между ними (фиг. 490). Въ такомъ же родѣ, т. е. въ видѣ многэтажнаго фасада со входами, нишами, колоннами и проч., была отдѣлана и задняя стѣна сцены, служившая, какъ сказано, постоянной декораціею. * Кромѣ этой постоянной декораціи, были подвижныя и боковыя, передвигавшіяся съ помощью особаго механизма, имѣлись также разнаго рода машины для полетовъ, проваловъ, для произведенія грома (изобрѣтенная эдиомъ Клавдіемъ Пульхромъ и называвшаяся „клавдіевымъ громомъ“), и т. п. ¹ Механическія приспособленія не ограничивались одною сценою, а распространялись и на амфитеатръ. Въ немъ были устроены трубы и нажимательные насосы для орошенія зрителей благовонными эссенціями (для такъ наз. *sparsiones*), ** и особый механизмъ, посредствомъ котораго надъ головами зрителей растягивался пологъ — *velum* (Слѣды такого устройства еще замѣтны на нѣкоторыхъ развалинахъ театровъ). Сцена отдѣлялась отъ амфитеатра занавѣсомъ (*aulaea*), который опускался въ отверстіе или углубленіе, сдѣланное во всю длину *proscenium*. Эти *aulaeae* были нерѣдко богато вышиты. ² Въ мимическихъ представленіяхъ, которыя происходили на *proscenium*, задняя стѣна сцены, или постоянная декорація, завішивалась тоже занавѣсомъ (*siparium*).

Обычай строить временные деревянные театры для сценическихъ игръ, даваемыхъ по какому нибудь особенному случаю, не былъ оставленъ и при существованіи постоянныхъ каменныхъ театровъ. Какъ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ деревянныхъ театровъ упоминается о театрѣ построен-

* Въ ней было три двери, какъ и на греческой сценѣ. Средняя дверь называлась царскою (*valvae regiae*) и представляла жилище главнаго дѣйствующаго лица—*protagonista*; правая боковая дверь была назначена для выходовъ второй роли—*deuteronista*, а лѣвая боковая—для выходовъ третьей роли—*tritagonista*. Перемѣнныя декораціи, или поворачивались на вертикаляхъ на стержнѣ (какъ и у Грековъ), или передвигались подобно нашимъ кулисамъ; первыя назывались *versatiles*, послѣднія *ductiles* (Rich: *Diction. des antiquités etc.*) Пер.—¹ Ср. Amm. Marcel. XXVI. 6, 15.—** Эти *sparsiones*, разумѣется, не входили въ программу каждаго спектакля, а были своего рода угощеніемъ зрителей со стороны устроителя игръ. О нихъ объявлялось заранѣе въ афишахъ. Вотъ содержаніе афиши, найденной въ Помпѣяхъ и общающей между прочимъ и *sparsiones*: *Venatio, athletae, sparsiones, vela, erunt*. Т. е. будетъ травля звѣрей и борьба атлетовъ. Зрители будутъ орошены благовонными эссенціями и надъ амфитеатромъ будетъ растянута пологъ (Rich.).—² W. Wieseler. *Theatergebäude*. p. 24. Taf. III. 3. p. 13, 16.

номъ въ 50 г. до Р. Х. К. Скрибоніемъ Куріономъ, по случаю похоронъ его отца. ¹ По разсказу, едва вѣроятному, онъ былъ двойной, состоявшій изъ двухъ половинъ, двигавшихся на вертлюгахъ. Во время сценическихъ игръ обѣ половины были обращены полукружіями другъ противъ друга и каждая къ особой сценѣ; а затѣмъ, передъ началомъ игръ атлетовъ и гладіаторовъ, ихъ, вмѣстѣ съ зрителями, поворачивали и смыкали вмѣстѣ, такъ что изъ нихъ дѣлался родъ амфитеатра, который и послужилъ образцомъ для настоящихъ (ср. фиг. 505). *

Фиг. 505.

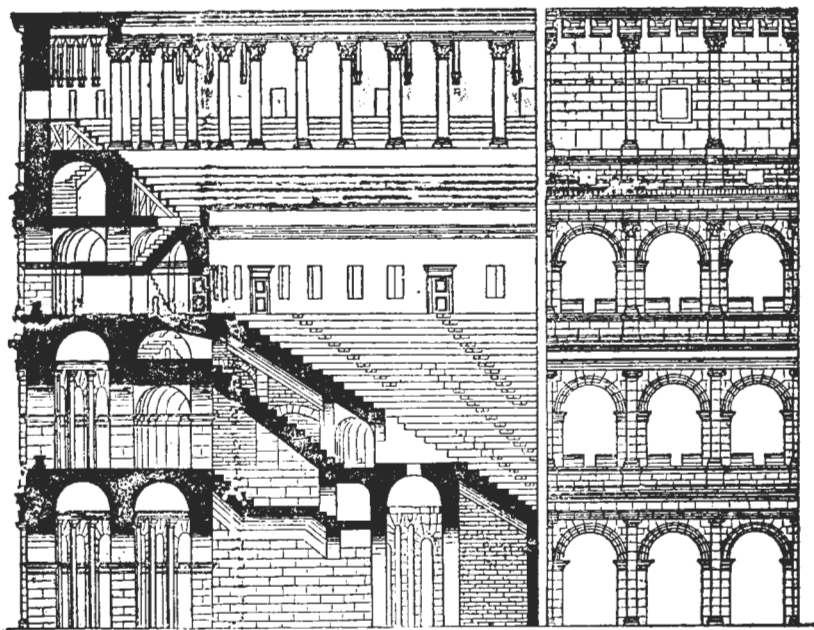

4. Объ устройствѣ каменныхъ амфитеатровъ мы можемъ составить себѣ довольно близкое представленіе по остаткамъ этихъ зданій, довольно многочисленнымъ и частью хорошо сохранившимся, преимущественно же по остаткамъ Флавіева амфитеатра или Колизея (Colosseum) въ Римѣ (фиг. 505 и 506). Амфитеатры имѣли эллиптическую форму. Расположеніе и раздѣленіе зрительскихъ мѣстъ, кольцомъ окружавшихъ площадь амфитеатра или арену, было тоже, что и въ театрахъ (фиг. 506: разрѣзъ и фасадъ). Арена была застлана досчатымъ поломъ, утвержденнымъ на невысокой каменной подстройкѣ, огибавшей внутри всю арену. Подпольное пространство служило помѣщеніемъ для машинъ и клѣтокъ съ дикими животными. Вертикальная стѣнка, отдѣлявшая нижнія сидѣнья (podium) отъ арены,

¹ A. Becker. I, 680; F. Kugler. Gesch. der Baukunst. I, 300.—* По разсказу Плинія (hist. nat. XXXVI, 24, 8), это были два большихъ театра стоявшіе рядомъ и уравниваемые на подвижныхъ вертлюгахъ. Для сценическихъ представлений ихъ поворачивали такъ, что отверстія полукружій глядѣли въ противоположныя стороны, и ставили передъ каждымъ сцену; потомъ, для игръ атлетовъ, снова поворачивали, но въ обратномъ направленіи, концами полукружій вмѣстѣ, и смыкали въ кругъ.

была снабжена, для безопасности зрителей, высокою балюстрадой съ деревянными повертывавшимися валиками, и сѣтками усаженными остріями. Объ обширности амфитеатровъ можно судить по тѣмъ же остаткамъ. Для примѣра приводимъ размѣры трехъ амфитеатровъ: нѣмскаго, помпейскаго и Колизея. Длина перваго ¹ по большой оси—410 фут.; его ширина—312 фут. Такихъ же почти размѣровъ (около 400 ф. длины и 315 фут. ширины) и помпейскій амфитеатръ, вмѣщавшій въ себѣ 20000 зрителей. ² Гораздо обширнѣе того и другого Колизей ³: онъ имѣетъ 615 ф. длины и 514 ф. ширины. Наружная его стѣна, 153 фут. вышины, дѣлится на 4 этажа: три нижніе состоятъ изъ арокъ, по 80 въ каждомъ этажѣ; арки перваго этажа тосканскаго ордена, втораго—іоническаго, третьяго—коринфскаго. Верхній, четвертый этажъ представляетъ аттикъ, расчлененный коринфскими полуколоннами (фиг. 506: фасадъ). Въ Колизеѣ помѣщалось до 90 тысячъ зрителей.

Фиг. 506.

Выше было сказано, что арены большихъ амфитеатровъ могли быть наполняемы водой для представленія морскихъ сраженій и при этомъ замѣчено, что для такихъ представлений существовали также и особые искусственные бассейны колоссальныхъ размѣровъ, называвшіеся навмахіями (naumachiae). Остатковъ подобныхъ бассейновъ до насъ не дошло; но намъ извѣ-

¹ A. de Laborde. Les monuments de la France.—² J. Overbeck. Pompeji. 135 sqq. Fig. 114 sqq.—³ C. Bunsen. Beschreib. der Stadt Rom. III (1), 319. F. Kugler. Gesch. der Baukunst. I, 315 sqq.

стно, что бассейнъ устроенный Августомъ имѣлъ 1800 фут. длины и 1200 фут. ширины.

Общественныя бани (thermae). ¹

Заведенныя первоначально съ цѣлью, доставить небогатымъ людямъ возможность удовлетворять свойственной древнимъ Римлянамъ, наравнѣ съ Греками, потребности мыться хоть единожды въ день—термы скоро превратились въ огромныя и великолѣпныя зданія, вмѣщавшія въ себѣ, кромѣ бань—холодныхъ, теплыхъ, горячихъ и паровыхъ,—помѣщенія для гимнастическихъ упражненій, или гимназіи (устроенныя по образцу греческихъ), ² библіотеки, галлерей художественныхъ произведеній, залы для бесѣд (exedrae) и разнаго рода игръ, портики и аллеи для прогулокъ, словомъ, все удобства древней утонченной жизни.

Не смотря на дошедшія до насъ въ сочиненіяхъ римскихъ писателей (преимущественно Витрувія: V, 10) довольно подробныя описанія термъ и на уцѣлѣвшія остатки самихъ этихъ зданій, мы не можемъ начертить полного и во всехъ частностяхъ вѣрнаго плана тѣхъ громаднѣхъ термъ, которыя были построены въ Римѣ. Основываясь на довольно хорошо уцѣлѣвшихъ развалинахъ бань, открытыхъ въ Помпеѣ, Стабіяхъ и Баденвейлерѣ, бывшихъ одна-кожъ банями въ тѣсномъ смыслѣ (balneae), и имѣя въ виду, что почти все бани располагались по одинаковому плану, мы можемъ съ нѣкоторою подробностью намѣтить расположеніе лишь той части термъ, которая заключала въ себѣ собственно бани, о расположеніи же остальныхъ частей ихъ ничего положительнаго сказать не можемъ.

Римскія бани (balneae) состояли изъ четырехъ главныхъ отдѣленій: разлѣвальной комнаты (apodyterium), холодной (frigidarium), теплой (tepidarium) и горячей (caldarium) бань. Въ помпейскихъ баняхъ, которыя лучше другихъ даютъ понятіе объ общемъ планѣ зданія, женская половина отдѣлена отъ мужской глухою стѣною и входъ въ нее особый. Въ мужскую половину вели два входа: однимъ входили на родъ двора окруженнаго колоннами (peristylum), по одну сторону котораго стоялъ корпусъ бань съ стѣнами (vestibulum) по серединѣ. Другой входъ, съ противоположной стороны, открывался въ узкій корридоръ, который выходилъ въ продолговатую богато отдѣланную залу, обставленную скамьями. Это былъ apodyterium: Изъ него одна дверь вела въ frigidarium (также piscina), а другая, направо, въ tepidarium. Въ piscina былъ устроенъ большой круглый бассейнъ для холоднаго купанья. Изъ tepidarium, температура котораго была умѣренна, переходили въ caldarium—продолговатую залу нагрѣвавшуюся горячимъ воздухомъ, посредствомъ трубъ проведенныхъ въ стѣнахъ и полѣ поломъ. На одномъ концѣ она замыкалась полукруглою нишею, а на другомъ, противоположномъ, было сдѣлано возвышеніе. Въ нишѣ помѣщался бассейнъ

¹ A. Becker. Handbuch. I, 683; его же: Gallus (2 Aufl.) III, 48 съ рис.; тамъ же и дальнѣйшая литература, съ указаніемъ источниковъ.—² Ch. Petersen. Das Gymnasium der Griechen nach seiner baulichen Einrichtung. Hamburg. 1858.

съ холодной водой (*labrum*), а на возвышеніи была устроена горячая купальня (*lavatio calda*). Средняя часть этой залы (пространство между нишею и возвышеніемъ) назначалась для потѣнія и называлась *laconicum* или *sudatorium*. Непосредственно за стѣною *caldarium*, отдѣлявшею мужскія бани отъ женскихъ, находилась печь (*hypocaustis*), нагрѣвавшая обѣ половины, и рядомъ съ нею цистерна для воды. Женскія бани сходны расположеніемъ съ мужскими, но тѣснѣ ихъ и вообще проще. Помпейскія бани, устроенныя на двадцать пять человѣкъ моющихся, не могутъ, конечно, идти въ сравненіе съ римскими термами, о величинѣ которыхъ можно судить по тому, что въ термахъ Каракаллы (развалины которыхъ простираются на 1800 ф. въ длину и на столько же въ ширину) ¹ могли одновременно мыться 2300 человѣкъ; а такихъ термъ при Константинѣ было въ Римѣ не менѣе десяти. ²

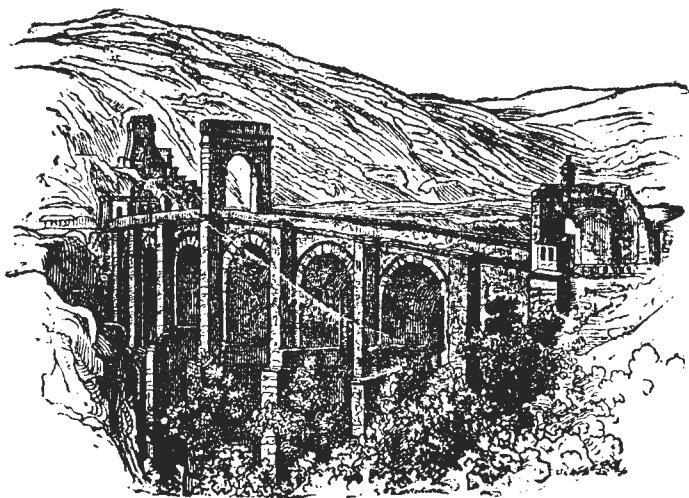
Дороги, мосты и водопроводы. ³

1. Первая искусственная дорога была построена, какъ уже сказано выше (стр. 374), около 312 г. до Р. Х., Аппіемъ Клавдіемъ, построившимъ и первый водопроводъ. Эта знаменитая Аппіева дорога (*via Appia*), остатки которой уцѣлѣли и до сихъ поръ, была первою въ той обширной сѣти искусственныхъ дорогъ, которою Римляне въ послѣдствіи покрыли свои владѣнія, и не смотря на это, немногія изъ позднѣе построенныхъ дорогъ могли сравниться съ ней въ техническомъ совершенствѣ постройки. Первоначально она доходила только до Капуи и на пространствѣ 28 миль тянулась ровнымъ каменнымъ помостомъ, который въ пониженіяхъ и углубленіяхъ почвы былъ утвержденъ на массивномъ фундаментѣ, состоявшемъ изъ каменной подстилки и насыпанной на нее каменной насыпи, заключенной между двумя параллельными каменными стѣнами. Полотно ея, въ 25 фут. ширины, было вымощено плотною каменною мостовою, выпуклою въ срединѣ и покатую къ бокамъ, вдоль которыхъ шолъ невысокій каменный перапетъ. Въ послѣдствіи аппіева дорога была продолжена отъ Капуи, съ одной стороны, черезъ Беневентъ до Брундизиума (Бриндизи), съ другой, вдоль морскаго берега, до Мессинскаго пролива. Изъ другихъ большихъ дорогъ замѣчательны были „Фламиніева“, тянувшаяся вдоль восточнаго берега Италіи; Авреліева, соединявшая Римъ съ Пизой, Кассіева, между *Sutrium*, *Clusium* и *Arretium* (Арреццо); Постуміева, проложенная отъ Генуи, черезъ Пьяченцу, Кремону и Верону до Аквилеи, и продолженіе ея отъ Генуи къ Пизѣ. Большихъ, сплошь мощеныхъ военныхъ дорогъ насчитывалось въ римскихъ владѣніяхъ двадцать восемь.

¹ G. Bunsen. Beschreibung der Stadt Rom. III, 593 и L. Canina. Storia dell'architettura romana. tav. CLII —² По Беккеру (Handb. I, 653), это были: Агрипповы термы, на марсовомъ полѣ; Нероновы, тамъ же; Титовы, на Эсквилинѣ; Траяновы, Коммодовы, Северовы; построенныя Каракаллою, Антониновы термы, Авертинскія, Діоклетіановы и Константиновы. Послѣ развалинъ Каракаловыхъ термъ, самыя обширныя — развалины Діоклетіановыхъ термъ, потомъ Титовыхъ. Ср. F. Kugler. Gesch. der Baukunst. I, 317—325. —³ A. Hirt. Gesch. der Baukunst. II, 184; O. Müller. Handbuch. § 180 (1). W. Abeken. Mittelitalien. p. 181.

2. Постройка дорогъ необходимо сопровождалась и постройкою каменныхъ мостовъ.¹ Первый каменный мостъ былъ построенъ въ Римѣ, въ 181 г. до Р. Х., консулами Эмил. Лепидомъ и Флав. Нобилиоромъ. За этимъ мостомъ, называвшимся то по имени строителя Лепидовымъ, *Lepidi pons*, то просто каменнымъ—*lapideus*, были построены въ разное время *pons Fabricius*, *pons Cestius*, построенный Адрианомъ къ его мавзолею *pons Aelius*, и *trugie*,—такъ что въ концѣ имперіи въ Римѣ было до девяти большихъ каменныхъ мостовъ, и въ томъ числѣ, вѣроятно, нѣсколько крытыхъ.² Отъ всѣхъ этихъ мостовъ уцѣлѣли лишь нѣсколько обломковъ арокъ и столбовъ, но и этихъ скудныхъ остатковъ совершенно достаточно для того, чтобы судить о прочности и мастерской строительствъ римскихъ мостовъ вообще. Если же прибавить къ нимъ рисунки снятые съ нѣкоторыхъ мостовъ въ то время, когда они не были еще такъ сильно разрушены (напр. рисунки *pons Fabricius*),³ то сравненіе тѣхъ и другихъ покажетъ намъ, въ какой высокой степени умѣли Римляне соединять необыкновенную прочность съ чрезвычайною легкостью постройки и тѣмъ самымъ придавать даже и мостамъ, этимъ чисто практическимъ сооруженіямъ, отпечатокъ художественности. Впрочемъ до насъ дошли и вещественныя доказательства того широкаго пониманья, съ которымъ Римляне разрабатывали эту вѣтвь строительнаго искусства: мы говоримъ о колоссальныхъ, и частію еще хорошо сохранившихся, развалинахъ древнихъ мостовъ въ бывшихъ римскихъ провинціяхъ. Никакія препятствія, представляемыя мѣстностью, не останавливали строителей: со скалы на скалу, черезъ глубокія пропасти и горныя стремнины, перекидывали они смѣлыя аркады своихъ мостовъ, утверждая ихъ на почти несокрушимыхъ устояхъ. Изъ этихъ уцѣлѣвшихъ мостовъ, которые встрѣ-

Фиг. 507.

¹ О мостахъ въ самомъ Римѣ см. C. Bunsen, *Beschr. der Stadt Rom*; A. Becker, *Handb.* I, 692 sqq; о мостахъ въ римскихъ провинціяхъ—соч. приведенныя выше въ примѣч. 5 на стр. 377. — ² J. Piale, *Degli antichi ponti di Roma*. Roma, 1834. — ³ G.

чаются даже въ каменистой Аравіи, ¹ именно въ Петрѣ, и которыхъ особенно много въ южной Франціи и восточной Испаніи, особеннаго замѣчанія заслуживаетъ мостъ въ Алькантарѣ (въ Испаніи), построенный при Траянѣ. Онъ утвержденъ на массивныхъ устояхъ надъ глубокимъ ущельемъ и простирается въ длину на 670 футовъ; по обѣимъ концамъ его возвышаются ворота, а посрединѣ стоитъ высокая триумфальная арка (фиг. 507).

3. Начало водянымъ сооруженіямъ было положено Аппіемъ Клавдіемъ, построившимъ первый водопроводъ, и Маніемъ Куріемъ, который построилъ второй водопроводъ и осушилъ долину Ріети, давъ другое направленіе протекавшему черезъ нее Веліну. Сто лѣтъ спустя послѣ Манія, около 160 г. до Р. Х., были предприняты работы по осушенію понтійскихъ болотъ. Онѣ продолжались долго и дѣятельно, но не привели ни къ какимъ удивительнымъ результатамъ. Благодаря опытности, пріобрѣтенной въ этихъ бесплодныхъ усиліяхъ, Римлянамъ удалось (ок. 109 г. до Р. Х.) осушить низменности между Пармою и Плаценціей, и счастливо довести до конца нѣсколько другихъ подобныхъ же предпріятій. При Цезарѣ и потомъ при Августѣ, снова было потрачено много силъ и издержекъ на осушеніе понтійскихъ болотъ и снова почти безъ всякой пользы. Прошло болѣе ста лѣтъ послѣ постройки Маніева водопровода, когда Сенатъ поручилъ Кв. Марцію Рексу, устроить новый, который и былъ названъ въ честь строителя—*aqua Marcia*. Съ этихъ поръ число водопроводовъ стало быстро увеличиваться какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ. При Августѣ были построены въ Римѣ—*aqua Julia*, *aqua Augusta*, *aqua Alsietina*, *aqua Virgo*; при Клавдіѣ—*aqua Claudia* и *Anio novus*; при послѣдовавшихъ императорахъ къ нимъ прибавились еще до десяти водопроводовъ, въ томъ числѣ: *aqua Trajana*, *aqua Ciminia*, *aqua Alexandrina* и *aqua Jovia*.

Древнѣйшіе водопроводы, ² Аппіевъ и Маніевъ, имѣли незначительное протяженіе—первый 2½, послѣдній до 8 миль—и притомъ были отчасти проведены подъ землей, для безопасности во время непріятельскаго вторженія. Первымъ водопроводомъ арочной системы былъ водопроводъ *aqua Marcia*, имѣвшій болѣе 11 миль длины и стоившій 180 милліон. сестерцій (около 9 мил. рубл.). Но не весь этотъ водопроводъ былъ устроенъ на аркахъ, а только часть его на протяженіи полуторы мили. Такимъ же образомъ былъ построенъ водопроводъ *aqua Julia*, аркады котораго тянулись на 1 милю. Съ этихъ поръ система арокъ была принята для всѣхъ вообще водопроводовъ. Великолѣпный Клавдіевъ водопроводъ—*Anio novus*, имѣвшій 59000 шаговъ длины, почти на двѣ мили проходилъ по аркамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя доходили до 100 фут. вышины. Передъ городомъ онъ соединялся съ другимъ Клавдіевымъ водопроводомъ—*aqua Claudia*, великолѣпными двойными воротами, нынѣшнею *porta maggiore*. ³—Отъ римскихъ водопроводовъ осталось

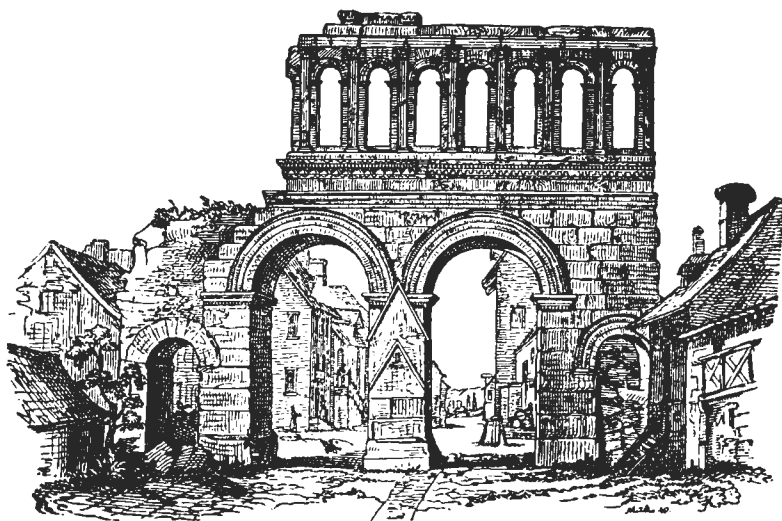
Piranesi. Antichità di Roma, IV, tav. 18.—¹ L. de Laborde. Voyage en Arabie pétrée. Livrais. 1; David Roberts. The Holy Land, I.—² О водопроводахъ вообще см. А. Becker Handb. I, 701, въ связи съ Kugler, Gesch. der Baukunst I, 284, 299, 306 и др. мѣста, и съ Faber's Conversationslexicon der bild. Künste I (Lpzg. 1843), подъ «Aquaeduct».—³ Annali dell' Instituto. X. tav. K.

много развалинъ и нѣкоторыя колоссальныхъ размѣровъ. ¹ Таковы 150 арокъ водопровода въ Сеговіи и трехъ-этажныя аркады Нимскаго водопровода. По этимъ остаткамъ видно, что водопроводы строили также прочно и грандіозно, какъ и мосты, и это тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, водопроводы иногда служили мостами на военныхъ дорогахъ, а мосты замѣняли аркады водопроводовъ.

Вода приносимая водопроводами вливалась въ особыя вмѣстилища (*lacus* или *castellum*), откуда она распредѣлялась по окрестности посредствомъ трубъ. Эти резервуары были внутри выложены плотнымъ камнемъ, а снаружи архитектурно отдѣланы красивыми фасадами съ колоннами и статуями. Древній Римъ былъ обильно снабженъ водою: одинъ Агриппа устроилъ въ немъ не менѣе 700 колодцевъ (въ томъ числѣ 105 фонтанныхъ), украшенныхъ 300 статуями и 400 мраморными колоннами. Отъ всѣхъ этихъ колодцевъ и фонтановъ удѣлялъ одинъ только кеглеобразный столбъ, поднимающійся изъ круглаго бассейна,—по всей вѣроятности, остатокъ городского фонтана, какъ полагають, изъ временъ Домиціана. По сходству своему съ цирковыми столбами, или *metae*, этотъ столбъ извѣстенъ подъ названіемъ *meta sudans*. ² Образчики небольшихъ городскихъ фонтановъ со всѣми принадлежностями представляютъ уличные фонтаны открытые въ Помпѣяхъ ³ (ср. фиг. 494).

4. Въ заключеніе, мы должны еще упомянуть о воротахъ. Римскія ворота строились постоянно по типу полукруглой арки. Смотря потому, были ли они простымъ проходомъ, сквозною аркою стоявшею особнякомъ, или служили входомъ во внутренность какого нибудь замкнутаго пространства, напр. города, форума,—основная форма ихъ видоизмѣнялась сообразно съ ихъ назначеніемъ. Надъ воротами форумовъ обыкновенно надстраивали верх-

Фиг. 508.

¹ L. Canina, *Storia dell'architettura romana*. tav. CLXVI sq.—² C. Bunsen, *Beschr. der Stadt Rom*. Auszug. p. 81. — ³ Raffaelli Garucci, *Questioni Pompejane*. Napoli.

ний этажъ, съ комнатами, въ которыхъ помѣщались конторы мѣняль. ¹ Образецъ такихъ воротъ представляетъ *Porte d'Argoux* въ Отѣнѣ, изъ 3-го ст. по Р. Х. (фиг. 508). Такъ какъ каждая ворота имѣютъ двѣ лицевыя стороны, то на этомъ основаніи они назывались у Римлянъ именемъ двулицаго Януса—*Janus*, подраздѣляясь по числу пролетовъ на *Janus bifrons*, *trifrons* и *quadrifrons*. Къ воротамъ послѣдняго вида принадлежитъ хорошо уцѣлѣвшая арка изъ временъ Константина, на бывшемъ воловьемъ рынкѣ въ Римѣ. ² Она состоитъ изъ четырехъ четырехугольныхъ столбовъ соединенныхъ полукруглыми арками, которыя, пересѣкаясь взаимно, образуютъ крестовый сводъ. Снаружи столбы покрыты двойнымъ рядомъ небольшихъ нишъ, между которыми стояли прежде колонны.

Укрѣпленія вообще.

Первыми укрѣпленіями были кольцообразныя ограды, складенныя изъ необдѣланныхъ каменныхъ глыбъ, преимущественно на какомъ нибудь возвышеніи. ³ Эти укрѣпленныя возвышенія служили сравнительно надежнымъ убѣжищемъ окрестному населенію въ случаяхъ непріятельскаго нападенія, и потому ихъ называли оплотомъ—*агх*, а ограду наверху возвышеній вѣнцомъ или головою—*capitolium*; черта, внутри которой селились жители у подножія возвышенія, получила названіе загорода (*oppidum*) или кольца (*urbs*). Такимъ образомъ италійскій капитолій совершенно соответствовалъ греческому акрополю: онъ былъ средоточіемъ и оплотомъ города, и вмѣстилищемъ его важнѣйшихъ святынь. Таковъ былъ и Капитолій города Рима. ⁴

Кромѣ городовъ, возникшихъ подъ защитою такихъ естественныхъ укрѣпленій только усиленныхъ человѣкомъ, у италійцевъ уже въ глубокой древности были города основанныя произвольно и снабженные такими средствами защиты, какія только могло имъ доставить искусство ихъ строителей. Основаніе городовъ сопровождалось извѣстнымъ обрядомъ, который былъ перенятъ въ послѣдствіи и Римлянами отъ Этрусковъ. ⁵ Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: на избранномъ мѣстѣ отмѣчали, по правиламъ авгуральной науки, четырехугольное пространство; посрединѣ этого четырехугольника вырывали небольшую яму и, кинувъ въ нее нѣсколько пригоршней земли взятой подлѣ и нѣсколько полевыхъ плодовъ, опять засыпали. ⁶ Затѣмъ, основатель города, въ тогѣ стариннаго покроя, надѣтой на габинскій манеръ, ⁷ бралъ соху, запряженную бѣлымъ быкомъ и такою же коровою, и проводилъ ею вокругъ четырехугольника борозду — границы будущаго города; при этомъ онъ велъ соху такъ, что быкъ шолъ по правую сторону борозды, внѣ черты города, а корова, слѣдовательно, внутри ея, и что поднимаемая сошникомъ земля отворачивалась на лѣво, внутрь черты. Тамъ, гдѣ предпо-

1853. p. 91; J. Overbeck. *Pompeji*. p. 173, Fig. 137—142.—¹ A. Becker. *Handbuch*. I, 326.—² F. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. I, 327.—³ Cp. O. Müller. *Die Etrusker*. I, 253 sqq. и особ. W. Abeken. *Mittelitalien*. p. 130 sqq.—⁴ A. Becker. *Handb.* I, 385 sqq.—⁵ O. Müller. *Die Etrusker*. II, 142 sqq; A. Becker. *Handb.* I, 94.—⁶ Ovid. *Fast.* IV, 821.—⁷ См. выше фиг. 419.

лагались ворота, соху приподнимали и перенесли нѣсколько шаговъ опять опускали,—отсюда и названіе *porta* (отъ *portare*, нести). Вдоль городской стѣны, съ обѣихъ ея сторонъ, оставляли пустое пространство, полосу земли, которую не застроивали; эта полоса называлась *omoerium* (*post-murus*) и внѣ стѣны обозначалась камнями. По такому же обряду былъ основанъ и Римъ, почему и назывался квадратнымъ—*Roma quadrata*.¹ Вѣроятно, что при самомъ основаніи онъ былъ окруженъ, вмѣсто стѣны, землянымъ валомъ и неширокимъ ровомъ, на что намекаетъ и извѣстная легенда о прыжкѣ Рема.² Постройку первой стѣны вокругъ Рима преданіе приписываетъ Тарквинію Приску и Сервію Туллію. Эта стѣна,³ обыкновенно называвшаяся сервіевскою, была несомнѣнно каменная, складенная, какъ видно по предполагаемымъ ея остаткамъ, изъ большихъ каменныхъ плитъ въ 13 фут. длины, и снаружи обведена широкимъ ровомъ.⁴ Она окружала, на протяженіи одной мили, только ту часть города, которая лежала на лѣвомъ берегу Тибра; восточная, зарѣчная часть его, какъ болѣе открытая нападенію, была соотвѣтственно этому и укрѣплена несравненно сильнѣе: окружавшая её стѣна, тоже еще отчасти замѣтная, была построена на массивномъ фундаментѣ, обставлена башнями и, вдобавокъ, снаружи защищена широкимъ и глубокимъ ровомъ. Съ увеличеніемъ населенія, постепенно расширялась и окружность Рима, такъ что, наконецъ, эти древнія стѣны вошли совсѣмъ внутрь города, обнимая лишь незначительную часть его, между тѣмъ какъ окружность его оставалась на всемъ своемъ протяженіи открытою. Пока Римъ стоялъ на высотѣ своего могущества, укрѣпленіе его могло казаться совершенно излишнимъ; но въ послѣдствіи, когда непрерывныя вторженія варваровъ въ предѣлы римской имперіи заставили опасаться и за самую ея столицу, необходимость снабдить ее надежною защитою сдѣлалась очевидною. Вслѣдствіе этого Авреліаномъ была начата, въ 217 по Р. Х., постройка новой городской стѣны и окончена имп. Пробомъ (276—282). Эта стѣна, составляющая большую часть пылѣвшей городской стѣны Рима, построена такъ, что между лицевыми ея сторонами, складенными изъ кирпичей и соединенными между собою арками, оставлена пустота плотно набитая щепнемъ. Она имѣла 52 фут. вышины, 2 геогр. мили протяженія и не менѣе 14 воротъ.⁵ На гребнѣ ея были устроены бойницы въ видѣ зубцовъ; снаружи её окружали башни, пристроенныя къ ней на одинаковомъ разстояніи одна отъ другой.—⁶ Подобное же устройство представляеть городская стѣна Помпеи, замѣчательная особенно цѣлесообразною формою бойницъ. Четыреугольныя башни ея имѣли по нѣсколько этажей, которые соединялись каменными лѣстницами между собою и особыми проходами съ гребнемъ стѣны.⁷

Полевые укрѣпленія и осадныя постройки.

1. Въ дѣлѣ военнаго строительнаго искусства, Римляне были почти только подражателями Грековъ и, какъ по крайней мѣрѣ кажется, не произвели

¹ О значеніи этого названія см. А. Becker. Handb. I, 106.—² W. Abeken. Mittelitalien. 132.—³ А. Becker. Handb. I, 129.—⁴ W. Abeken. Mittelitalien. 145.—⁵ А.

ничего самостоятельнаго для его дальнѣйшаго развитія. Единственное исключеніе составляло, можетъ быть, устройство лагеря, которое было доведено у Римлянъ до замѣчательной правильности и цѣлесообразности.¹ По исконному обычаю италійцевъ, освящать выборъ всякаго общественнаго мѣста авгуральнымъ обрядомъ лимитаци (*limitatio*), состоявшемъ въ томъ, что авгуръ намѣчалъ границы этого мѣста по правиламъ своей науки и черезъ это дѣлалъ его пригоднымъ для совершенія авспицій,—римскій лагерь (*castra*) всегда строился на инавгурированномъ мѣстѣ и располагался квадратомъ.² Въ послѣдствіи, когда римская армія увеличивалась вспомогательными и союзными войсками, планъ лагеря изъ квадрата обратился въ продолговатый четырехугольникъ: квадратный лагерь собственно римскаго войска—легіона, былъ увеличенъ прибавкою къ нему нѣкотораго пространства подъ лагерь неримскихъ войскъ. При позднѣйшихъ императорахъ, когда лагеря не всегда даже и укрѣпляли надлежащимъ образомъ, стали позволять себѣ отступленія отъ этого освященнаго обычаямъ расположенія ихъ.³

Внутреннее раздѣленіе лагеря для размѣщенія въ немъ палатокъ и другихъ принадлежностей происходило такъ, что изъ центра квадратной площади проводили къ ея сторонамъ перпендикулярныя линіи, слѣдовательно разбивали её на четыре квадрата. По этимъ линіямъ прокладывали двѣ дороги шириной отъ 50 до 100 фут., пересѣкавшія одна другую подъ прямымъ угломъ. Въ точкахъ пересѣченія дорогъ съ окружностью лагеря строили ворота. Дорога, которая шла параллельно фронту лагеря, обращенному къ непріятелю, называлась главною—*via principalis*, ея ворота—главными правыми и главными лѣвыми (*porta principalis dextra* и *sinistra*). Другая дорога, перпендикулярная къ фронту, называлась *decumanus maximus*, переднія ея ворота, занимавшія средину передней стѣны лагеря, носили названіе преторскихъ—*porta praetoria*, а противоположныя имъ заднія назывались *porta decumana*. Внутри квадратовъ, между дорогами и стѣною, но отступя отъ нея на двѣсти футовъ, размѣщали палатки и другія принадлежности лагеря. Не входя въ подробности этого размѣщенія, которыя могутъ быть найдены въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по этому предмету,⁴ мы ограничимся здѣсь лишь замѣчаніемъ, что Римляне держались и въ немъ извѣстной издавна принятой системы, которая однакожъ не разъ подвергалась значительнымъ измѣненіямъ, вызваннымъ отчасти новымъ устройствомъ войска, отчасти вообще успѣхами военнаго дѣла.

Что касается собственно постройки лагеря, то она была различна, смотря потому какой лагерь строили—лѣтній (*castra aestiva*) или зимній (*cas-*

Becker. De Romae veteris muris atque portis. Leipzig 1842. Съ рисунками.—⁶ G. Piranesi. Antichità di Roma. I. tav. VIII, fig. 2.—⁷ J. Overbeck. Pompeji. p. 39, fig. 7—18.
¹ A. Becker's Handb. III (2), 309 sqq., 409 sqq. 462 sqq.; W. Rückert. Das römische Kriegswesen, 21 sqq. О греч. лагерь см. выше, стр. 200.—² Подробности: O. Müller, Die Etrusker II, 149 и A. Becker's Handb. III, 310.—³ Какъ Геганъ, такъ и еще позднѣйшіе писатели за нормальный планъ лагеря принимаютъ четырехугольникъ, длина котораго на треть превышаетъ его ширину. Но это не единственный возможный планъ: уже Цезарь строилъ лагеря полукругомъ, *castra lunata*, а позднѣе ихъ располагали треугольникомъ, кругомъ и полукругомъ. J. Marquardt, въ A. Becker's Handb. III, 411.—⁴ Указанія на литературу см. въ A. Becker's Handb. III, 409, Not. 1728.

tra hiberna), временной, на короткий срокъ, нѣдко только для переночевки (*castra mansiones*), или постоянный (*castra stativa*). Временные лагери, даже и зимніе, строили безъ большихъ затратъ матеріала и работы; укрѣпляли ихъ обыкновенно неширокимъ ровомъ и валомъ или насыпью; въ особенно опасныхъ случаяхъ, ровъ рыли нѣсколько шире и глубже и кромѣ вала, окружали еще частоколомъ (палисадами: *vallum*). Постоянный лагерь ¹ (*c. stativa*), который, разумѣется, былъ въ тоже время и зимнимъ (*c. hiberna*), строили особенно прочно и окружали высокимъ валомъ съ брустверами (*crates*) и угловатыми выступами (*castella*); передъ валомъ вырывали глубокий ровъ, который нѣдко выкладывали камнемъ; ровъ обносили частоколомъ и окружали на извѣстномъ разстояніи другимъ валомъ и ровомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было обезопасить себя отъ нападенія сильнаго непріятеля, прибѣгали къ еще болѣе сильнымъ укрѣпленіямъ. При осадѣ Алезіи Цезаремъ, имъ самимъ описанной, римскій лагерь былъ защищенъ со стороны крѣпости контраваллаціонною линіею въ двѣ мили слишкомъ длины, съ 23 бастіонами. Такими же линіями окружали и осажденную крѣпость, чтобы отрѣзать всякое сообщеніе съ нею. Относительно палатокъ слѣдуетъ замѣтить, что онѣ были обыкновенно (въ лѣтнемъ лагерѣ постоянно) кожаныя; въ зимнихъ лагеряхъ ихъ замѣняли небольшими деревянными хижинами, крытыми соломой.

2. Къ осаднымъ постройкамъ и снарядамъ, ² служившимъ какъ для дѣйствій противъ непріятеля, такъ и для защиты отъ него, принадлежали между прочимъ насыпи, подвижныя башни, застѣки, подкопы, волчьи ямы и капканы. Насыпи строились изъ бревенъ, земли и дерна, и иногда (какъ построенная Цезаремъ подъ *Avaticum*) доходили до 360 фут. длины и 80 ф. ширины. Мѣсто назначенное для постройки такой насыпи (*agger*) сначала выравнивали, затѣмъ, по обѣимъ его сторонамъ накладываютъ въ клѣтку древесные стволы, засыпая промежутки землею и камнями. Эти двѣ какъ бы стѣны и оставшійся между ними проходъ покрывали плотною настилкою изъ брусьевъ, на которую опять клали стволы и продолжали такую кладку, суживая её постепенно уступами, до тѣхъ поръ пока настилка не достигала уровня гребня стѣны, на которую требовалось взойти. Для безопасности отъ огня бока насыпи обвѣшивали кожами; промежутокъ между нею и стѣною, если таковой оставался, наполняли щебнемъ, камнями, землей и т. п., и такимъ образомъ подводили её подъ самую непріятельскую стѣну, работая постоянно подъ защитою деревяннаго навѣса.—Осадныя подвижныя башни (*turres*) не отличались ничѣмъ отъ греческихъ, кромѣ того, что въ рѣдкихъ случаяхъ Римляне строили ихъ изъ камня (напр. при осадѣ

¹ Къ постояннымъ лагерямъ можно причислить также и *praetoria* или казармы, въ которыхъ при позднѣйшихъ императорахъ квартировали нѣкоторыя части войскъ. Такой *praetorium* былъ построенъ Тиверіемъ въ самомъ Римѣ: онъ былъ окруженъ ровомъ, валомъ и стѣною съ башнями. Въ числѣ римскихъ памятниковъ въ восточной Африкѣ находятся остатки продолговатаго зданія въ 61 фут. ширины и 85 ф. длины, украшеннаго пиллястрами; его принимаютъ тоже за *praetorium*. См. F. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. I, 341 съ рис.—² См. W. Rüstow und H. Köchly. *Gesch. der Griech. Kriegswesens*, Lpzg. 1853; A. Becker's *Handb.* III, 462 и выше (на стр. 245) названный сочиненія собственно о римской военномъ дѣлѣ.

Массилии Цезаремъ); точно также были сходны съ греческими и остальные осадныя машины, отличаясь отъ нихъ лишь названіями, которыя здѣсь и перечисляемъ: *aries*—таранъ; *terebra*—стѣно-проломная машина; *falx muralis*—орудіе въ родѣ серпа, которымъ разламывали стѣну; *musculus*—машина для прикрытія работниковъ ведущихъ подкопъ; *testudo arietaria*—тоже защитительная машина; *tolleno*—кранъ съ щипцами; *sambuca*—опускной мостъ; *vineae* назывались апроши или траншеи, а *tormenta*—вообще метательные снаряды.

Подобны греческимъ же были и всѣ средства защиты, которыя употребляли осажденные противъ дѣйствія этихъ машинъ. „Лѣстницы приставленные къ стѣнѣ опрокидывали вилами (*furcae*), а влѣзавшихъ по нимъ схватывали клещами крановъ и перетаскивали черезъ стѣну. Подвижныя крыши (*testudines*) обливали растопленнымъ свинцомъ, горячею смолою, или бросали на нихъ зажигательныя снаряды (*malleoli phalaricae*); стѣнобитныя машины раздробляли каменными глыбами, или захватывали ихъ и притягивали къ стѣнѣ канатами, или, наконецъ, ослабляли ихъ удары деревянными щитами и подушками, которые свѣшивали со стѣны. Ворота закладывали массивными поперечниками, утыканными желѣзными остріями (*ericii*). Насыпь (*agger*) старались поджечь, если же это не удавалось, то подкапывали ее. Противъ подвижныхъ башенъ дѣйствовали метательными орудіями, поставленными на гребнѣ стѣны, или на томъ мѣстѣ, противъ котораго онѣ были направлены, ставили тоже башню. Если разбиваемая часть стѣны начинала качаться, то за нею изнутри строили другую стѣну, употребляя на постройку ея ближайшіе дома“ (J. Marquardt въ A. Becker's *Handbuch* III (2), p. 479).

Къ военнымъ постройкамъ слѣдуетъ причислить также и мосты для переправы войска черезъ рѣки. ¹ Не входя въ подробности строенія этихъ мостовъ, замѣтимъ, что у Римлянъ оно было доведено до замѣчательнаго совершенства, хотя и считалось дѣломъ очень нелегкимъ, такъ какъ скорость должна была соединяться въ немъ съ прочностью. Доказательствомъ этому служить огромный мостъ черезъ Рейнъ, построенный арміею Цезаря въ теченія 10 дней, и не менѣе колоссальный Траяновъ мостъ черезъ Дунай. ² Оба эти моста были укрѣплены на сваяхъ. Кромѣ свайныхъ мостовъ, наводились мосты понтонные и мосты на козлахъ, преимущественно для переправы черезъ болота и небольшія рѣки.

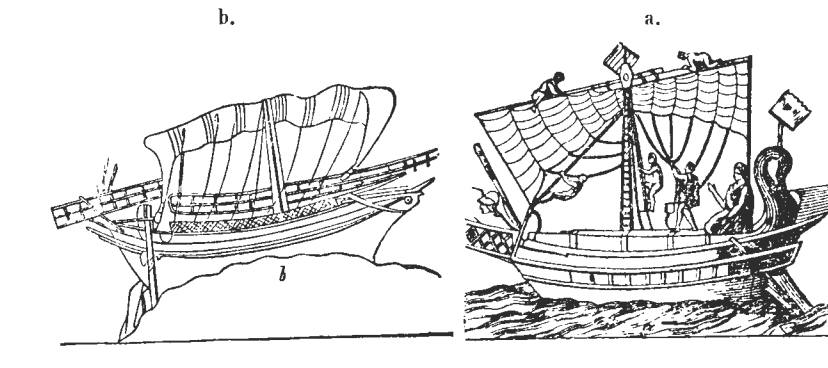
Судостроеніе.

Учениками и подражателями Грековъ были италійцы, и въ числѣ ихъ Римляне, также и въ судостроеніи и во всемъ касающемся морскаго дѣла. ³

¹ W. Rückert, *Das röm. Kriegswesen*, 61 и слѣд., гдѣ однакожъ собственно техническая сторона дѣла изложена очень поверхностно.—² Рисунокъ его въ S. Bartoli. *Colonna Trajana*. Fol. 74.—³ Сравни между прочимъ общій очеркъ его въ W. Rückert *Das röm. Kriegswesen*, 67 и слѣд.; о римскомъ флотѣ — A. Beckers *Handb.* III, 392 и Th. Mommsen. *Röm. Geschichte*, I, 22; 184; 387; 490.

Относительно судостроения это вполне доказывается тѣмъ, что латинскія названія отдѣльных частей судна происходятъ отъ древнегреческихъ названій; если же нѣкоторыя изъ нихъ и притомъ обозначающія такія существенныя принадлежности судоходства, какъ парусъ (*vellum*), мачта (*malus*), рея (*antenna*), суть слова чисто латинскія, ¹ то это не можетъ еще служить доказательствомъ того, что предметы ими обозначенные были изобрѣтены латинцами,—не можетъ потому, что эти предметы съ незапамятныхъ временъ существовали у восточныхъ народовъ. Будучи не въ состояніи опредѣлять, какимъ образомъ вообще происходили подобные переносы въ столь отдаленныя времена, и въ настоящемъ случаѣ, на какой ступени развитія стояло судостроеніе, когда оно было усвоено италійцами, мы можемъ только предполагать, основываясь на смутныхъ преданіяхъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ племенъ между собою и съ выѣталійскими народами, что судостроеніе, хотя и въ грубыхъ зачаткахъ, было имъ извѣстно еще до переселенія ихъ въ Италію, въ этой же послѣдней получило дальнѣйшее усовершенствованіе прежде всего у Этрусковъ. Усовершенствованіе это состояло главнымъ образомъ въ приспособленіи судостроенія къ торговлѣ и морскимъ разбоямъ, слѣдовательно къ постройкѣ болѣе или менѣе вооруженныхъ торговыхъ судовъ. ² Каково бы ни было, впрочемъ, дѣйствительное положеніе дѣла, достовѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что Этруски ранѣе всѣхъ прибрежныхъ италійцевъ овладѣли всѣмъ Тирренскимъ моремъ, хотя бы только въ качествѣ пиратовъ, и вслѣдствіе этого первые начали строить и настоящія военныя суда. Такъ какъ эти суда строились, какъ кажется, ³ по образцу греческихъ и западно-азійскихъ пятидесяти-весельныхъ судовъ (но едва-ли по образцу триремъ; развѣ только гораздо позднѣе), то можно полагать, что они походили на болѣе позднія римскія торговыя суда (*naves onerariae*), тяжелыя и крутободія, въ свою очередь совершенно сходныя съ греческими. Изображенія подобныхъ судовъ встрѣчаются на этрускихъ вазахъ (фиг. 509, b) и другихъ памятникахъ (фиг. 509, a: съ помпейскаго рельефа).

Фиг. 509.

¹ Th. Mommsen, *ibid.* 184, Note.—² O. Müller. *Die Etrusker.* I, 295 — 298; II, 259; о торговыхъ сношеніяхъ Этрусковъ; W. Abeken, *Mittelitalien.* p. 276 sqq.—³ Thucyd. VI, 103; Pausan. X, 16, 4.

Строеніе военныхъ судовъ на манеръ греческихъ и финикійскихъ парусныхъ о нѣсколькихъ рядахъ веселъ (*biremis, triremis, quadriremis* и т. д. даже до 10 рядовъ) началось только у Римлянъ, и то лишь когда возрастающее могущество Кароагена заставило ихъ подумать о коренномъ преобразованіи ихъ флота, уже пришедшаго въ упадокъ. Это случилось скорѣ послѣ того, какъ Этруски утратили навсегда свое господство на морѣ и итальянскіе берега должны были терпѣть отъ нападений греческихъ пиратовъ, а римская торговля была отдана на произволъ Кароагенианъ (322 г. до Р. Х.).¹ Вынужденные защищаться, Римляне прежде всего приступили къ укрѣпленію береговъ (съ 338 г. до Р. Х.) и вслѣдъ затѣмъ къ организаціи военнаго флота, (326 г.), для котораго большую часть судовъ они должны были пока занять у своихъ греческо-италійскихъ союзниковъ. Впрочемъ уже около 311 г. были назначены два главнокомандующихъ флотомъ (*duumviri navales*), а въ 267 г. выбраны четыре флотскихъ квестора (*quaestores classici*). Постройка и снаряженіе военныхъ судовъ различной величины продолжались между тѣмъ непрерывно, и въ 260 г., къ началу пуническихъ войнъ, Римляне уже владѣли флотомъ, состоявшимъ, кромѣ многочисленныхъ военныхъ судовъ о 50 веслахъ, изъ двадцати триремъ и ста пятидесяти кораблей. Эти послѣдніе были построены по образцу кароагенскаго корабля, выброшеннаго бурей на итальянскій берегъ и захваченнаго Римлянами. При императорахъ численность римскаго флота была такова, что каждая значительная гавань имѣла свою собственную военную флотилію.

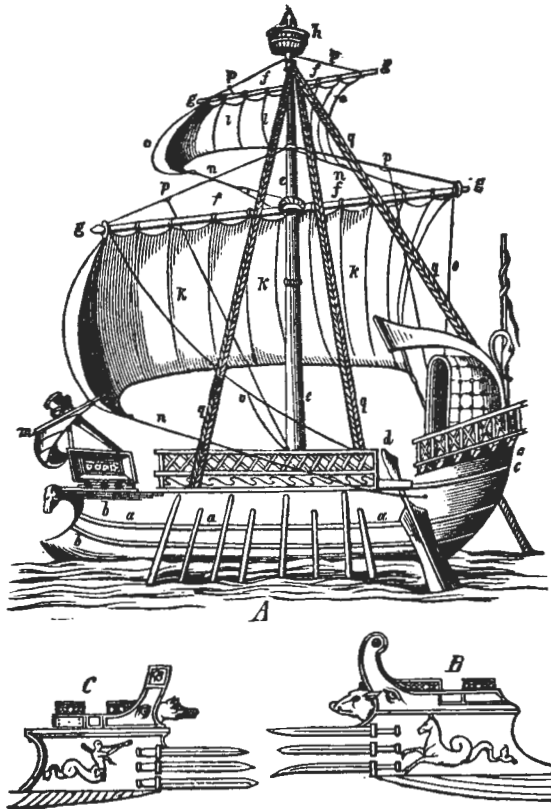
Что касается вида и оснастки римскихъ судовъ,² то здѣсь довольно будетъ дополнить нѣкоторыми подробностями сказанное въ своемъ мѣстѣ о судахъ греческихъ, съ которыми, какъ мы только что показали, римскія были во всемъ сходны (фиг. 510. А.):

Въ противоположность плоскодоннымъ рѣчнымъ (*naves fluviatiles*), всѣ морскія и въ особенности военныя или длинныя суда (*naves longae*) были килевыя, съ сильно загнутымъ вверхъ и выдающимся килемъ (*carina*). Изъ киля выходили ребра (*costae* или *statumina*), поднимаясь къверху сначала плоскимъ выгибомъ, а потомъ почти перпендикулярно. Бока корабля назывались *latera*, а весь кузовъ—*alveus* (а а). Передняя часть—*proga* (b b),—почти такой же конструкціи какъ и корма,—была вооружена, на высотѣ водяной линіи, желѣзнымъ наконечникомъ о трехъ зубцахъ (*rostra*), для прободенія непріятельскихъ судовъ (фиг. 510. ВС). На ней же надписывали имя судна, большею частью заимствованное отъ какого нибудь божества. Корму—*prupis*—украшали символомъ божества-покровителя корабля и какою нибудь рѣзною фигурою (*aplustre*), на которой вѣшали сигнальный флагъ. На кормѣ было устроено крытое сидѣнье для рулеваго, а впереди сидѣнья, по обѣимъ сторонамъ его, были прикрѣплены къ борту два широкихъ рулевыхъ весла—*gubernacula* (d).

¹ Th. Mommsen. Röm. Gesch. I, 295; 385; 490 sqq.—² W. Ramsay. A Manual of Roman antiquities, p. 43. съ ссылкой на J. Scheffer. De re militia navali veterum libri IV. Upsalia 1654; A. Becker's Handbuch. III, 396; W. Rückert, Das röm. Kriegswesen. p. 67 A.

Внутренность корабля занимали скамьи гребцовъ, разставленныя по длинѣ его нѣсколькими рядами, поднимающимися одинъ надъ другимъ къ сере-

Фиг. 510.

динѣ. Смотря по числу рядовъ скамей, корабли раздѣлялись на *liburnae* (введенныя впрочемъ только въ концѣ республики), *triremes*, *quadriremes* и т. д. Весла (*remi*), длина которыхъ для каждого ряда скамей была различна (т. е. чѣмъ дальше отъ борта скамья, тѣмъ длиннѣе ея весла), — проходили сквозь круглыя отверстія (*foramina*) въ бокахъ корабля. Отверстія эти были обложены кожаными подушками; въ нихъ находились уключины (*scalmi*), къ которымъ весла прикрѣплялись ремнями.

Мачта — *malus* (е е) — ставилась посрединѣ корабля въ углубленіе (*modius*) и укрѣплялась вокругъ подпорками. Если на кораблѣ было двѣ или три мачты, то главнѣйшая (гротъ-мачта) занимала середину корабля, а меньшія ставились, одна ближе къ носу (фокъ-мачта), другая — къ кормѣ (бизанъ-мачта). На каждой мачтѣ было по крайней мѣрѣ по одному марсу — *sarchesium* (h). Немного пониже марса на гротъ-мачтѣ прикрѣплялся брамсель — *supragum* (l l), а подъ нимъ большой марсель или *acatium* (k k). Какъ эти, такъ и паруса другихъ мачтъ (называвшіеся тоже *acatia*) висѣли

на реяхъ — *antennae* (ff), которыя удерживались въ горизонтальномъ положеніи туго натянутыми канатами—*seguchi* (pp),—захлеснутыми за головки рей—*cornua* (gg). На большихъ судахъ къ гротъ-мачтѣ прикрѣпляли третій парусъ и на носу судна ставили тоже парусъ—*dolon* (m). Якори были большею частью желѣзные, о двухъ или четырехъ лапахъ.

Къ большимъ судамъ принадлежали также и башенныя, тоже подобныя греческимъ, съ одною или нѣсколькими башнями на палубѣ. Двухъ-ярусныя суда были двухъ родовъ—безпалубныя (*naves apertae* или открытыя) и палубныя (*n. tectae* или крытыя),—тѣ и другія очень прочной конструкціи и съ высокими брустверами. Одноярусныя раздѣлялись на шлюпки (*naves actuariae*) и сторожевыя (*n. speculatoriae*). Суда особой конструкціи съ узкимъ и длиннымъ кузовомъ назывались быстроходными (*lembi* или *pristes*); большія тяжелыя суда для перевозки запасовъ и преимущественно кавалеріи—*hippagogi*.

Относительно вооруженія военныхъ судовъ, т. е. приспособленія ихъ къ морскому бою, Римляне не только не отстали отъ Грековъ и Карфагенянъ, но даже превзошли ихъ, благодаря нѣкоторымъ усовершенствованіямъ собственнаго изобрѣтенія. Въ началѣ пуническихъ войнъ, адмираломъ Дуилиемъ были устроены абордажныя машины, ¹ имѣвшія цѣлю морской бой обратить въ сухопутное сраженіе на палубѣ. ² Онѣ состояли изъ столба съ поворачивавшимся вокругъ него широкимъ опускаемымъ мостомъ, который былъ снабженъ перилами и на переднемъ концѣ желѣзными зубцами. Приблизясь къ непріятельскому судну, мостъ опускали и онъ, упавъ на палубу послѣдняго, вонзался въ нее своими зубцами и сцѣплялъ оба корабля. Эти мосты были употреблены въ дѣло въ первый разъ въ сраженіи при Милахъ (260 г.) и оказались до такой степени полезными, что благодаря имъ, почти половина карфагенскаго флота была уничтожена Римлянами. Изъ другихъ абордажныхъ орудій употреблялись извѣстные Грекамъ и Карфагенянамъ *falces navales*—серпы, насаженные на длинные шесты, для перерѣзыванія непріятельскаго такелажа, и абордажные крючья—*harpagones* или *manus ferreae*. Для нанесенія вреда непріятельскимъ судамъ издали, въ нихъ пускали пловучіе брандеры и кидали зажигательныя стрѣлы (*malleoli*).

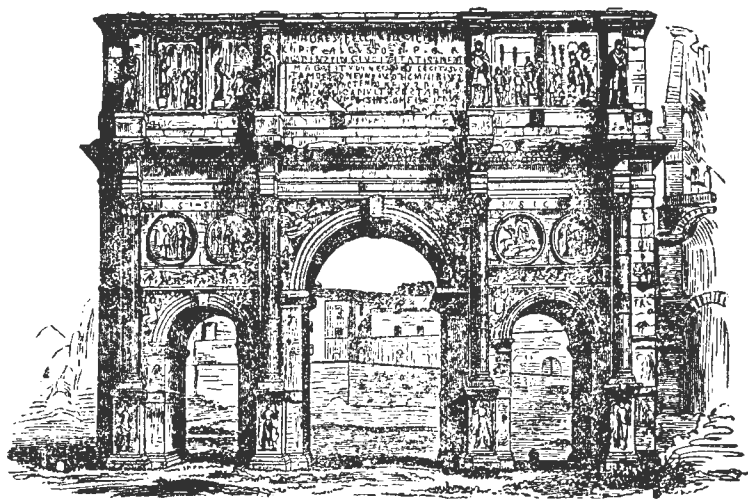
Развитіе морскаго дѣла сопровождалось усиленною постройкою верфей, гаваней, ³ моловъ, маяковъ и т. п. Къ началу царствованія Константина у Римлянъ было, кромѣ осьми рѣчныхъ флотилій, изъ которыхъ рейнская и дунайская были очень значительны (въ одной рейнской считалось тысячу судовъ), девять морскихъ флотовъ, ⁴ расположенныхъ въ различныхъ гаваняхъ. Самыя обширныя изъ гаваней—мизенская и равеннская были сильно укрѣплены. ⁵

¹ F. Halthaus. Ueber die Enterbrücken der Römer (Jahn's Archiv. 1843. IX, 533), и W. Rückert, Das röm. Kriegswesen. 79.—² Hermann. Kulturgesch. der Griechen und Römer II, 62. Th. Mommsen. Röm. Gesch. I. 491 sqq.—³ О гаваняхъ у древнихъ Этрусковъ см. O. Müller. Die Etrusker I. 213, 293 sqq.—⁴ Перечень ихъ въ Becker's Handbuch. III, 404.—⁵ О способѣ укрѣпленія гаваней, W. Rückert, Das röm. Kriegswesen, 75, и выше стр. 205.

Триумфальные арки и монументальные колонны.

Одною из древнѣйшихъ триумфальныхъ арокъ называютъ поставленную въ 139 г. до Р. Х. въ честь Фабіа Максима, *arcus Fabianus*, отъ которой не осталось никакихъ слѣдовъ. Сохранившіяся въ Римѣ арки ¹ принадлежатъ позднѣйшему времени. Всѣхъ ихъ древнѣе Титова, воздвигнутая въ честь его побѣды надъ Іудеями въ 70 г. по Р. Х. Она обѣ одномъ пролетѣ, съ высокими аттикомъ и колоннами коринфско-римскаго стиля (фиг. 487 и 488.). ² За нею слѣдуютъ арки Септимія Севера (203 по Р. Х.) и Константина (фиг. 511), построенныя въ 4-мъ столѣтіи. ³ И та и другая о трехъ пролетахъ, изъ коихъ средній больше боковыхъ. Не смотря на то, что Септиміева арка слишкомъ на столѣтіе древнѣе Константиновой, въ ней, какъ въ общемъ ея видѣ, такъ и въ деталяхъ, при всемъ богатствѣ орнаментаціи, гораздо замѣтнѣе высказывается упадокъ римскаго зодчества, чѣмъ въ Константиновой. Но это превосходство Константиновой арки

Фиг. 511.

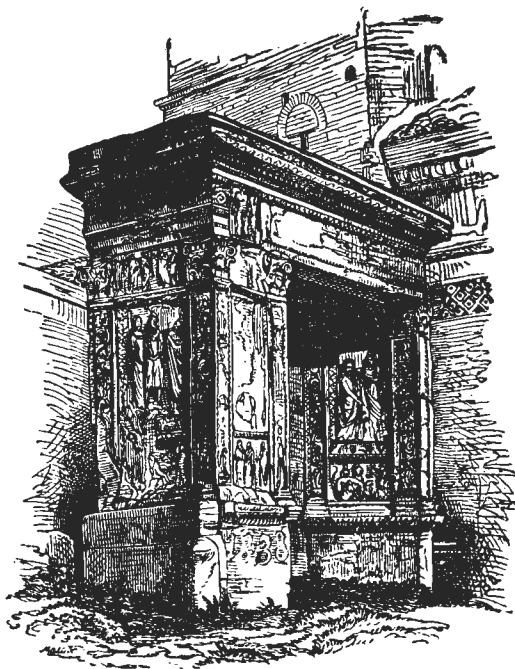

только кажущееся, потому что прямо обусловлено полнѣйшимъ упадкомъ искусства, характеризующимъ то время, когда арка была построена. Въ 7-мъ вѣкѣ римское искусство уже совсѣмъ утратило способность создавать что либо новое, самостоятельное, и жило только подражаніемъ и повтореніемъ прежняго: Константинова арка не только построена по образцу Траяновой, но

¹ J. P. Bellori. *Veteres arcus Augustorum etc.* Romae 1690. T. L. Donaldson. *Portes monumentales de la Grèce et de l'Italie. Collection des exemples le plus estimés etc.* avec 26 pl. Paris. 1850.—² E. Degodetz. *Les édif. antiques de Rome.* Ch. VIII, pl. II, и L. Canina. *Storia dell'architettura romana.* Tav. CLXXXVIII.—³ Degodetz. Ch. XVIII, 2. 4.

въ ней повторены цѣликомъ и отдѣльныя части послѣдней; отсюда ея превосходство надъ Септиміевой. Другія триумфальныя арки были перечислены выше.

Фиг. 512.

Изъ аркъ меньшихъ размѣровъ, поставленныхъ не за воинскіе подвиги, а за гражданскія заслуги, достойны замѣчанія двѣ арки воздвигнутыя Августу за возобновленіе фламиніевой дороги, одна въ Сузѣ въ Піемонтѣ, другая въ Римини; ¹ потомъ ворота, отчасти еще сохранившіяся на бывшемъ *forum boarium* въ Римѣ, посвященныя золотыхъ дѣлъ мастерами и мѣнялами Септимію Северу. Они накрыты горизонтальнымъ архитравомъ и въ орнаментациі сходятъ съ триумфальною аркою того же императора.

Между монументальными колоннами первое мѣсто принадлежитъ колоннамъ Траяновой и Антониновой. ² Первая представляетъ мраморный цилиндръ, сложенный изъ 19 кусковъ, на четырехугольномъ пьедесталѣ. Внутри цилиндра выстѣчена винтовая лѣстница о 184 ступеняхъ, освѣщаемая 45 узкими отверстіями въ стѣнкахъ колонны. Пьедесталь покрытъ изображеніями трофеевъ; по стержню колонны идетъ спиральною полосой длинный рельефъ, заключающій въ себѣ 2500 фигуръ. Онъ представляетъ битвы Траяна съ Даками. На вершинѣ колонны стояла статуя Цеза-

¹ L. Canina. *Storia dell'archit. rom.* Tav. CLXXXVIII.—² P. S. Bartoli. *Colonna Trajana* etc.; R. Fabretti. *De Columna Trajana*, Roma 1690. G. Piranesi. *Trofeo o sia magnifica colonna coelide*, 26 tav. A. Hirt, *Gesch. der Baukunst* II, 355; F. Kugler. *Gesch. der Baukunst* I, 319; V. Calliat et Ad. Lange *Encyclopédie d'architecture*; P. S. Bartoli. *Columna cochlis M. Aurelio Antonino Augusto dicata. Romae* 1706; A. Becker. *Handb.* I. 383, 646.

ря, теперь замѣненная бронзовою фигуροю св. Петра, въ 23 фут. вышины. Вышина колонны съ пьедесталомъ—177 фут., безъ него 92 фут.; поперечникъ стержня у основанія—11 ф., вверху—10 ф.—На Антониновой колоннѣ представлены сцены изъ войнъ Марка Аврелія съ Квадами и Маркоманами. И на ней статуя св. Петра замѣнила статую римскаго императора.

Къ разряду этихъ памятниковъ могутъ быть причислены и монументальные трофеи, какъ вышеописанныя *rostra*, *colonna rostrata* и всѣ подобныя имъ вещественныя воспоминанія о побѣдахъ. Древнѣйшимъ памятникомъ этого рода была *pila Nogatia*—¹ столбъ обвѣшанный оружіемъ, отнятымъ Гораціями у Куріаціевъ, нѣкогда стоявшій на римскомъ форумѣ.—Въ заключеніе остается сказать, что римскіе военачальники, также какъ и греческіе позднѣйшаго времени, въ воспоминаніе своихъ побѣдъ и ради увѣковѣченія добытой оружіемъ славы, сооружали храмы богамъ и посвящали имъ алтари.²

Утварь.

Единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о ремесленности у италійскихъ народовъ, при скудости письменныхъ извѣстій о ней, остаются дошедшіе до насъ вещественные памятники. Но эти предметы не могутъ дать намъ никакихъ разъясненій относительно характера собственно италійскихъ издѣлій, такъ какъ они не представляютъ никакихъ особенностей, которыя доказывали бы ихъ туземное происхожденіе, а сходствомъ своимъ съ издѣліями восточныхъ народовъ допускаютъ предположеніе о переносѣ съ Востока; такъ что даже вопросъ о томъ, кто въ Италіи занимался ремеслами—туземцы или иностранцы, долженъ остаться нерѣшеннымъ. Изъ того немногаго, что сообщаютъ объ италійской ремесленности древніе авторы, можно вывести лишь то несомнѣнное заключеніе, что она прежде всего появилась у Этрусковъ³ и уже въ доисторическое время развилась у нихъ до художественнаго производства; все же, что говорится далѣе объ изобрѣтеніи нѣкоторыхъ искусствъ и ремеселъ самими Этрусками,⁴ основано на однихъ преданіяхъ, крайне неясныхъ и едва вѣроятныхъ. По преданію, рассказанному у Плинія,⁵ искусства были принесены въ Этрурію коринѣскими художниками, или, что здѣсь значитъ тоже самое, мастерами въ широкомъ смыслѣ. Какъ мало вѣроятія заслуживаетъ этотъ рассказъ, несмотря на определенное указаніе мѣста, т. е. Коринѣа, видно уже изъ именъ этихъ мнимыхъ мастеровъ: какъ въ греческомъ мифѣ о насажденіи искусствъ въ Элладѣ, вмѣсто собственныхъ именъ неизвѣстныхъ изобрѣтателей, подставлены аллегорическія имена—*Eucheir* (искусная рука) и *Eugrammos*

¹ A. Becker. Nandb. I, 297.—² L. Preller. Röm. Mythologie. p. 615.—³ O. Müller: Die Etrusker. II, 242 sqq.; Handb. der Archaeologie. § 171 sqq. W. Abeken. Mittelitalien. p. 264 sqq., 355 sqq., и приведенныя въ началѣ главы сочиненія объ Этрускахъ, съ рисунками.—⁴ Объ изобрѣтеніи пластики, у Clem. Strom. I, 307.—⁵ O. Müller. Die Etrusker. II, 260. W. Abeken. p. 292—96, 412 sqq.

(красиво чертящій), такъ и въ этомъ преданіи (которое вѣроятно есть не больше какъ повтореніе греческаго мѣта), вмѣстѣ съ живописцемъ Клеофантомъ, называются тѣ же два имени Эвхира и Эвграмма и безъ сомнѣнія въ томъ же самомъ аллегорическомъ значеніи. Во всякомъ случаѣ, это преданіе указываетъ на переселеніе въ Этрурію иноземныхъ художниковъ, совершившееся въ очень отдаленное время, и нисколько не противорѣчитъ очень вѣроятному предположенію, что большая часть этихъ художниковъ или мастеровъ были выходцами изъ западно-азійскихъ земель, а, можетъ быть, даже и изъ Средней Азіи. Принимая его въ этомъ значеніи и сопоставляя съ нимъ относящіеся сюда вещественные памятники, мы снова придемъ къ тому же заключенію, къ которому привело насъ изслѣдованіе одежды и украшеній: именно, что Этруски хотя и занимались сами искусствами и ремеслами, но были въ нихъ преимущественно только подражателями иноземныхъ—азіатскихъ и греческихъ—образцовъ, и далѣе, что этруская ремесленность, прежде чѣмъ перейти къ греческимъ типамъ, успѣла до такой степени подчиниться восточнымъ, что, перенимая греческіе, не могла уже подняться выше сухого и манеристаго подражанія имъ, или безжизненно-уродливаго смѣшенія обоихъ типовъ.

Еще менѣе извѣстны первыя ступени развитія искусствъ и ремеслъ въ Лаціумѣ и окружавшихъ его земляхъ.¹ Немногія глиняныя и бронзовыя вещи, найденныя въ гробницахъ неподалеку отъ Рима, до такой степени сходны съ этрускими издѣліями, что, судя по нимъ, скорѣе можно допустить весьма раннія торговыя сношенія этихъ областей съ Этруріею, чѣмъ раннее существованіе самостоятельной латинской ремесленности, изъ чего разумѣется не слѣдуетъ, чтобы въ Лаціумѣ не могло быть этрускихъ или учившихся у нихъ туземныхъ мастеровъ. (Въ числѣ упомянутыхъ вещей особенно замѣчательны небольшіе, фигурно украшенные металлическіе ящички, такъ назыв. „мистическія цисты“, большею частью найденныя близъ Палестрины; къ нимъ же принадлежатъ и вышеописанныя домообразныя пепловѣстилища открытыя въ Албанскихъ горахъ, см. фиг. 493). Таково же, вѣроятно, было первоначальное положеніе искусствъ и ремеслъ и въ остальныхъ областяхъ Средней Италіи; такъ, между прочимъ, и въ землѣ Сабинянъ были находимы различныя вещи этрускаго производства или покрайней мѣрѣ съ рѣзко выраженнымъ этрускимъ отпечаткомъ.

Въ иныхъ условіяхъ находилось восточное побережье Италіи. Преданіе рассказываетъ о переносахъ туда греческой культуры,² и въ древностяхъ, тамъ найденныхъ, очевидно преобладающее вліяніе греческихъ художественныхъ формъ. Это вліяніе еще замѣтнѣе на предметахъ утвари, открытыхъ въ Кампаніи, какъ это и должно было быть, такъ какъ Кампанія, отдѣленная отъ латинской равнины цѣпью горъ, была открыта сношеніямъ съ греческими колоніями Нижней Италіи.

Обращаясь къ первоначальному состоянію искусствъ и ремеслъ въ самомъ Римѣ, мы узнаемъ изъ прямыхъ—но достовѣрныхъ ли?—свидѣтельствъ, въпервыхъ, что древнѣйшія произведенія³ были исполнены тамъ

¹ W. Abeken, *Mittelitalien*, p. 312 sqq.—² *Ibid.*, p. 346.—³ Перечислены въ назв. соч. стр. 315 и слѣд.

этрускими мастерами, и въ которыхъ, что уже Нумою учреждено было въ Римѣ цеховое ремесленное сословіе, но не находимъ никакого указанія на то, были ли эти ремесленники римляне или этруски. Вѣроятно предположить, что римлянъ между ними не было, такъ какъ единственными промыслами, которые истыми римлянами считались не унижительными и которые были предоставлены исключительно имъ и законами, были земледѣліе, скотоводство и сбытъ продуктовъ за море; всякая же мелкая промышленность и, вѣроятно, также и всѣ ремесла были строго запрещены всѣмъ Римлянамъ вообще, какъ патриціямъ, такъ и плебеймъ. Да и кромѣ того, въ первое время политическаго существованія Рима всѣ его силы были направлены на развитіе и упроченіе военнаго могущества и мирныя занятія должны были по необходимости отойти на задній планъ. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, вопросъ о цехахъ Нумы долженъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, ¹ что эти цехи (ихъ было девять: музыкантовъ, столяровъ или плотниковъ, красильщиковъ, сапожниковъ, горшечниковъ, кожевниковъ, золотыхъ и бронзовыхъ дѣлъ мастеровъ, и остальныхъ ремеслъ)—состояли если и не изъ однихъ только этрусковъ, то изъ кліентовъ, рабовъ (и то въ послѣдствіи) и отпущенниковъ римскихъ, свободныхъ же Римлянъ въ нихъ не было. Въ послѣдствіи въ нихъ вступали, можетъ быть, и бѣдные плебеи, а еще позднѣе они наполнялись преимущественно переселенцами изъ Греціи и Малой Азіи.

Изъ вещественныхъ памятниковъ этой эпохи, которые могутъ быть приняты за произведенія римскаго мастерства до насъ дошли слѣдующіе: бронзовая волчица, ² въ 296 г. до Р. X. поставленная подлѣ руминальской смоковницы и теперь находящаяся въ Капитоліѣ: фигура строго архаическаго стиля; саркофагъ Сципіона Барбата, уже описанный выше (фиг. 484), и металлическій ящичекъ, ³ изъ найденныхъ близъ Палестрины, или такъ называемая циста, съ именемъ изготовителя (по всей вѣроятности кліента древняго рода Плавтовъ: Novius Plautius.). Въ этихъ издѣліяхъ всё свидѣтельствуетъ о вліяніи этрускаго искусства; исключеніе составляютъ орнаменты цисты—многофигурный рисунокъ на стѣнкахъ и круглая группа на крышкѣ,—указывающіе на стремленіе къ усвоенію греческихъ формъ. ⁴

Со времени войнъ Рима на Востокъ, въ Греціи и Малой Азіи, а особенно со времени завоеванія Греціи (146 г. до Р. X.), всѣ предметы роскоши, также какъ и художественныя произведенія, стали получаться прямо изъ этихъ земель путемъ торговли, а если и изготовлялись въ самомъ Римѣ, то почти исключительно иноземными (греческими) художниками и мастерами.

¹ Ср. A. Becker. Handb. II (1), 159, 189; W. Abeken. p. 314.—² Списокъ. I. G. Micali. Monum. ant. tav. XLII. I; O. Müller, Denkmäler der alten Kunst. A. Taf. LVIII, Nr. 288; E. Guhl und J. Caspar. Denkm. der Kunst. Taf. XIV. 17.—³ Musei Kirkeriani tab. I; O. Müller. Denkm. A. tab. LXI. Nr. 309; E. Guhl und Caspar Denkm. Taf. XV. 2. Особенно: P. O. Bronsted. Den Ficaronske Cista etc. Kjøbenhavn. 1847. (Эта циста совершенно похожа на большую круглую кружку на трехъ ножкахъ, съ крышкою, но безъ ручки. Въ ней были найдены: коробочка, натеръ, двѣ фигурки животныхъ, ложечка и металлическій треугольникъ. Rich. Diction.)—⁴ Th. Mommsen. Röm. Gesch. I, 447—451.

Слѣдствіемъ этого было то, что туземная ремесленность должна была ограничиться производствомъ предметовъ простой необходимости; а такъ какъ подобное производство доставляло мало выгоды и еще менѣе почета, особенно при взглядѣ Римлянъ на ремесла, то оно перешло въ руки рабовъ, которыхъ для этой цѣли покупали и обучали; а это привело къ тому, что работать за деньги стало почитаться дѣломъ позорнымъ, и что даже такіе люди, какъ Цицеронъ, называли званіе ремесленника „непристойнымъ, низкимъ и безчестнымъ“ (I, 42). ¹ Неудивительно поэтому, что ни одинъ римлянинъ, если только онъ не былъ вынужденъ къ тому крайностью, не хотѣлъ братьяся ни за какое ремесло или даже искусство (древніе впрочемъ не раздѣляли этихъ двухъ понятій).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что всѣ древности, которыя намъ предстоитъ рассмотреть, кромѣ найденныхъ въ этрускихъ могилахъ, должны быть въ сущности признаны за произведенія греческо-азійскаго искусства, поставленнаго подъ преобладающее вліяніе греческо-италійскаго склада жизни. Относительно состоянія техники различныхъ производствъ, представляемаго этими вещами, намъ остается прибавить лишь очень немного къ тому, что уже было сообщено по этому предмету въ своемъ мѣстѣ. Что касается металлическихъ вещей, то всѣ сказанное нами о металлическомъ производствѣ Этрусковъ, при описаніи ихъ оружія и украшеній, прилагается и къ нимъ, съ тѣмъ дополненіемъ, что большія металлическія вещи рѣдко отливали, а большею частью вычеканивали, пластическіе орнаменты къ нимъ вытачивали рѣзцомъ, какъ въ токарныхъ издѣліяхъ, ² иногда отливали или выбивали чеканомъ. Въ какихъ размѣрахъ производились у Этрусковъ металлические работы и какъ велико было у нихъ потребление металла, можно судить потому, что когда Римляне взяли ихъ городъ Волсиніумъ, они нашли въ немъ не менѣе 2000 бронзовыхъ статуй (Plin. XXXIV). О каменорѣзномъ искусствѣ, ³ и рѣзныхъ работахъ было также говорено выше. Произведенія этого искусства позднѣйшаго времени, напр. большія камеи изъ эпохи императоровъ, находящіяся въ Парижѣ, Вѣнѣ и Нидерландахъ, ⁴ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что древняя каменорѣзная техника употребляла тѣже средства, какъ и нынѣшняя: колесо, алмазную пыль для полированія и сверленія камней, и рѣзецъ съ алмазнымъ остріемъ. ⁵ Изъ деревянныхъ работъ не уцѣлѣло ничего особенно замѣчательнаго; ⁶ но что столярное мастерство было доведено у Римлянъ до высокаго совершенства, это доказывается съ одной стороны изображеніями различной утвари, несомнѣнно деревянной и, повидимому, съ металлическими и другими инкрустациями, а съ другой—заслуживающими довѣрія извѣстіями древнихъ авторовъ. ⁷ Къ такимъ извѣстіямъ принадлежатъ замѣчанія Плинія о дорогой ме-

¹ Объ этомъ мѣстѣ Цицерона см. Th. Mommsen. Röm. Gesch. III, 500, въ примѣч.—

² Слѣд. O. Müller. Handb. § 311. W. Abeken. Mittelitalien. p. 371; о токарныхъ и токарныхъ издѣліяхъ древнихъ, A. Becker. Gallus, I, 36; II, 259. II. Krause. Angeologie.—³ O. Müller. Handb. § 313. II. Krause. Pyrgoteles oder die edelen Steine der Alten etc. Halle 1856.—⁴ Рисунокъ въ O. Müller. Denkmäler der alt. Kunst. A. Taf. LXIX.—⁵ W. Abeken. Mittelitalien. p. 405.—⁶ II. Krause. Angeologie. p. 9; A. Becker. Gallus. II, 272.—⁷ Приведены у Беккера. Gallus. II, 237.

бели, вошедшей въ моду у знатныхъ Римлянъ со времени открытія морской торговли, и приводимый имъ примѣръ Цицерона (который былъ не особенно богатъ), заплатившаго за не очень большой столъ изъ африканскаго кипариса (*citrus* древнихъ) миллионъ сестерцій (около 50000 рубл.).¹ Особенно выдающіеся успѣхи сдѣланы были, преимущественно въ Александріи, фабрикаціе стекла и стеклянныхъ издѣлій.² Къ началу императорской эпохи умѣли не только окрашивать стекло во всевозможные цвѣта, такъ что его трудно было отличать отъ цвѣтныхъ камней, но и сливать вмѣстѣ разноцвѣтные стеклянные сплавы, смѣшивать ихъ въ различныхъ пропорціяхъ, напр. подъ цвѣтъ опала, или агата, и даже накладывать отдѣльными слоями одинъ на другой, въ подражаніе камнямъ, какъ это показываютъ портландская ваза³ и найденный въ Помпеѣ красивый сосудецъ съ выпуклыми орнаментами⁴ (Для этого, сосудъ изъ темнаго стекла покрывали слоемъ непрозрачнаго бѣлаго и на этомъ послѣднемъ вышlifовывали рельефомъ требуемое изображеніе). Изъ стеклянныхъ сосудовъ, замѣчательныхъ по особенной тонкости работы до насъ дошло нѣсколько чашъ и небольшихъ кубковъ съ круглымъ дномъ, сдѣланныхъ изъ тонкаго стекла и обложенныхъ стеклянною сѣткою, прикрѣпленную стеклянными штифтиками.⁵ Такіе сосуды назывались *vasa diatreta* (прорѣзными). На одной изъ чашъ выложена изъ стеклянныхъ буквъ надпись: *bibe, vivas multos annos.*—До какой степени была усовершенствована обработка стекла, свидѣтельствуеетъ между прочимъ разсказъ, хотя и мало достовѣрный, но повторенный нѣсколькими авторами⁶, о томъ, что въ царствованіе Тиверія однимъ фабрикантомъ былъ изобрѣтенъ родъ ковкаго стекла, за что императоръ, опасаясь чтобы новизобрѣтенное стекло не обезцѣнило благородные металлы, велѣлъ изобрѣтателя казнить. Болѣе достовѣрно и также доказательно для настоящаго случая описаніе стеклянной кратеры, украшенной виноградными кистями, въ которыя красное вино, наливаемое въ кратеру, входило мало по малу, такъ что онѣ постепенно краснѣли и казалось будто бы созрѣвали.⁷

Камневая ваятельная техника (*sculptura*, въ отличіе отъ камнерѣзной—*scalptura*) была принесена въ Италію, вмѣстѣ съ искусствомъ ваянія, греческими художниками. До тѣхъ поръ этрускіе ваятели работали изъ мягкаго песчаника, пеперина и алебаstra, хотя мраморъ былъ у нихъ подъ руками; кромѣ того, они рѣдко высѣкали фигуру цѣликомъ, а прибѣгали къ болѣе легкому приему, составляя еѣ изъ отдѣльныхъ кусковъ (точно также поступали они и съ рельефомъ, который сначала былъ у нихъ очень плоскъ и только на позднѣйшихъ работахъ, напр. на пеплохранильницахъ, сталъ выпуклѣе и эффектнѣе).⁸ Съ введеніемъ греческой техники, всѣ породы камней

¹ A. Becker. *ibid.* p. 256 и Th. Mommsen. *Röm. Gesch.* III, 504.—² O. Müller. *Handbuch.* § 316. W. Abeken. *Mittelitalien.* pp. 271. 352, 398; A. Becker. *Gallus.* II—III; H. Krause. *Angeiologie.* pp. 37, 50, 245, 468; J. Overbeck. *Pompeji.* p. 429.—

³ Рис. въ *Mus. Capitol.* IV. tab. 1—4; ср. H. Krause. *Angeiologie.* p. 44.—⁴ *Mus. Borbon.* XI. 28. 29; W. Zahn. *Ornamente aller klassisch. Kunstepochen.* Taf. 53; J. Overbeck. *Pompeji.* Fig. 287.—⁵ H. Krause. *Angeiologie.* p. 43. Not. 2; рисун. у J. Winckelmann. *Atlas:* Taf. I. A.—⁶ Plin. *Histor.* XXXVI. 66; Dio. Cass. LVII. 21. и др.—⁷ A. Hirt. *Gesch. der bild. Künste.* p. 345; H. Krause. p. 31.—⁸ O. Müller. *Handb.* §§ 305—309; W. Abeken. *Mittelitalien.* 355 sqq., 400 sqq.; A. Becker *Gallus.* II, 269; H. Krause. *Angeiologie.* p. 190 sqq.

(мраморъ, порфиръ, гранитъ и т. д.), сдѣлались доступными рѣзцу ваятелей, какъ это доказываютъ многочисленныя статуи и разная каменная утварь: столы, кресла, канделябры и проч.—Напротивъ того, въ керамикѣ (искусствѣ изготовленія глиняныхъ издѣлій) Этруски были мастерами уже въ глубокой древности и въ отношеніи техники не уступали греческимъ горшечникамъ и сосудодателямъ. Они также употребляли стеклу, гончарный станокъ и деревянныя и глиняныя формы, ¹ умѣли сушить и обжигать свои издѣлія, расписывать ихъ, покрывать глазурью и особеннымъ составомъ въ родѣ лака, сообщавшимъ имъ прочность. Вышеприведенная легенда о введеніи искусствъ въ Этрурію должна быть, вѣроятно, поставлена въ прямую связь съ раннимъ развитіемъ тамъ именно керамики.

Въ нижеслѣдующемъ описаніи древне-италианской утвари мы будемъ сопоставлять образчики ея изъ древнѣйшаго, доисторическаго времени съ предметами болѣе поздней, греческо-римской эпохи. Это сопоставленіе само собою покажетъ разницу въ стилѣ тѣхъ и другихъ, и въ особенности разницу между формами утвари греческо-римской и собственно греческой.

С о с у д ы.

Различіе стилей обнаруживается всего рѣзче въ сосудахъ, съ которыхъ мы и начнемъ наше разсмотрѣніе. Прежде всего замѣтимъ, что древнѣйшіе, болѣею частію въ Этруріи найденные сосуды ² (преимущественно глиняные и металлическіе, кромѣ немногихъ стеклянныхъ чашечекъ круглой формы), оказываются издѣліями не туземными, а привозными. Таковы всѣ только что названныя стеклянныя чашечки, потомъ, небольшіе сосудцы изъ голубой финифти, ³ зеленоватой глины и алебастровые (къ которымъ слѣдуетъ причислить также нѣсколько орнаментированныхъ страусовыхъ яицъ)—судя по украшеніямъ, всѣ несомнѣнно восточнаго происхожденія, и, наконецъ, множество расписанныхъ глиняныхъ вазъ, которыя были вынуты изъ этрускихъ гробницъ и теперь разбѣяны по всѣмъ музеямъ подъ названіемъ этрускихъ. Всѣ эти вазы должны быть рѣшительно признаны за издѣлія чисто греческой керамики, ⁴ ближе разсмотрѣнной выше. Указанныя тамъ различія стиля повторяются и въ нихъ, и притомъ до такой степени точно, что даютъ возможность опредѣлить, приблизительно, даже время и мѣсто происхожденія каждой вазы. Основываясь на этихъ различіяхъ, можно полагать, что однѣ вазы были вывезены изъ Коринѳа, между

¹ Такихъ формъ сохранилось нѣсколько; очень красивыя формы изъ позднѣйшаго времени (несомнѣнно греко-италийскія) срисованы у Ph. Houben. *Denkmäl. von Castra vetera* etc. Tab. XXXVII; другія, болѣе древнія, приведены у W. Abeken. p. 357. Not. 3.—² Въ началѣ главы названныя соч. G. Micali, F. Inghirami, E. Gerhard, G. Dennis и въ *Mon. inediti dell'instituto* etc. Vol. I tav. XXVI и XXVII—*vasi volcenti*.—³ G. Micali. *Mon.* CXVIII. 3.—⁴ См. изслѣдованія объ этомъ у O. Мюллера. *Die Etrusker*. II, 243; ср. также: C. Kramer. *Über den Styl und die Herkunft der bemalten griech. Thongefässe*. Berl. 1837; W. Abeken. *Mittelitalien*. p. 289, 361; O. Jahn. *Beschreibung der Vasensammlung des K. Ludwigs*. p. CCXXXIII sqq; H. Krause. *Angelologie*. p. 132; G. Micali. *Monum. inediti*. Tav. XXXVI, XLVIII, и рис. въ *Mus. Etrusc. Gregor.* II. tav. 1—XC.

500 и 450 г. до Р. Х. (если уже не при Тарквиниях), другія—изъ Аттики и дорійскаго острова Керкиры, въ теченіе слѣдующаго столѣтія, до 350 г.; третьи, наконецъ, со включеніемъ большихъ красивыхъ вазъ, найденныхъ въ позднѣйшихъ гробницахъ,—изъ великогреческихъ колоній, именно изъ Сициліи (гдѣ сосудовая индустрія тоже процвѣтала). Отличны отъ этихъ вазъ глиняные сосуды туземнаго, этрускаго издѣлія, нѣкоторые съ этрускими надписями. Отличіе ихъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что, не уступая вазамъ со стороны техники, они стоятъ гораздо ниже ихъ въ чисто художественномъ отношеніи, въ чистотѣ формъ и изяществѣ орнаментовъ. Они распадаются на двѣ группы. Къ первой группѣ принадлежатъ расписанные сосуды въ формѣ амфоръ и чашъ, открытые большею частью въ гробницахъ Вульчи: ¹ они представляютъ сухое, нерѣдко до крайности вычурное подражаніе греческимъ вазамъ ² (ср. фиг. 321, 322, 329 а. d). Вторую группу, гораздо менѣе многочисленную, составляютъ нерасписанные сосуды, преимущественно средне-азійскаго и смѣшаннаго египетскаго типа, съ грубо исполненными пластическими украшеніями. Сосуды второй группы раздѣляются по цвѣту глины на черныя и красныя: первые большею частью необожжены и потому несомнѣнно древнѣе послѣднихъ, закаленныхъ на огнѣ. Кромѣ того, высокая древность черныхъ сосудовъ подтверждается еще и тѣмъ, что они были находимы большею частью въ древнѣйшихъ гробницахъ южной Этруріи (преимущественно въ Веяхъ) и потому, большею неуклюжестью, аляповатостью ихъ формъ сравнительно съ гораздо болѣе красивыми формами красныхъ сосудовъ, фабрикація которыхъ въ Arretium (Ареццо) продолжалась еще и въ императорскую эпоху ³ и потому навѣрное не избѣгла позднегреческаго вліянія.

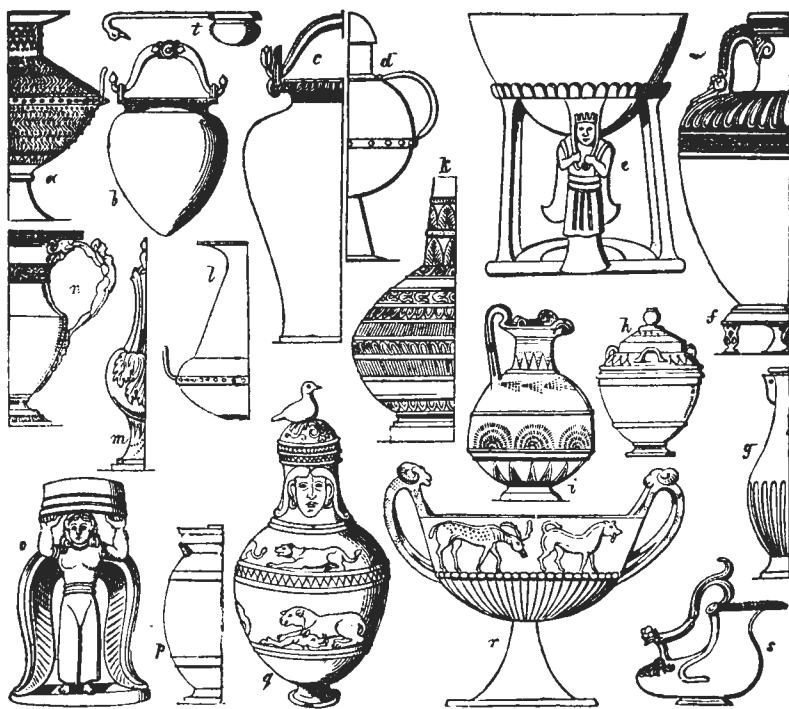
Въ группѣ черныхъ сосудовъ преобладаютъ формы—очень крутобокой амфоры съ крышкой (или безъ нея) и массивною подпожкою, и большого египетскаго кувшина съ человѣчьею головою и руками, такъ наз. канопы. Далѣе встрѣчаются: пузатая кружка съ ручкою, плоскія фляжки о двухъ ручкахъ, сосуды для питья въ формѣ чашъ, стакановъ и чашекъ, иные изъ нихъ съ ручками и ножкою, иногда обставленною фигурками въ родѣ каріатидъ; продолговатая коническія баночки и сосудцы въ видѣ животныхъ. Орнаментъ на всѣхъ этихъ сосудахъ вытисненъ рельефомъ и представляетъ частію горизонтальныя полосы, частію такіе же ряды фигуръ человѣческихъ и животныхъ (ср. фиг. 513 е. h. i. k. o. q. r).—⁴ Большинство красныхъ сосудовъ ⁵ составляютъ тоже амфоры (были находимы до 3 фут. вышины) и довольно большія плоскія чаши; затѣмъ, изъ мелкихъ сосудовъ аретинскаго издѣлія (принадлежащихъ къ гораздо позднѣйшему времени) многочисленнѣе

¹ Ср. Vasi volcenti въ Mon. inediti. I. tav. XXVI—XXVII и Mus. Etrusc. Gregor. II. tab. I—XC; особ. XCIV—XCVI. —² Напр. вазы арханч. стиля въ Mus. Etrusc. II. tab. XC—XCIII. —³ O. Müller. Die Etrusker. II. 243. W. Abeken. Mittelitalien. p. 301 sqq.—⁴ Для сравненія см. G. Miceli. Mon. antichi etc. tav. XIV, XVII (кувшинъ съ ручкою); XVIII (чубки съ пластическими орнаментами): XXI (чубки на ножкахъ), XXVI (чаша); его же: Mon. ined. tav. XXIV, XXVIII, XXXVII, XXXIII (странный формы чаша съ крышкой и пр.); Mus. Etrusc. II. tav. XCIII, XCVII—VIII (сосуды въ видѣ лиры, кувшина и др.) и O. Müller. Denkm. der Kunst. A. Taf. LVII sqq.—⁵ G. Miceli. Mon. ined. tav. XXXVI—XLVIII; W. Abeken. Mittelitalien. p. 362.

других—греческія кружки, красивые горшечки, цилиндрическіе и кеглеобразные флакончики (бальзамаріи). Къ этимъ же сосудамъ причисляютъ и висячія глиняныя лампы (lychnoi), о которыхъ будетъ сказано ниже.

Металлическіе сосуды ¹ разсматриваемой эпохи, своими формами и отдѣлкою, приближаются къ чернымъ глинянымъ, слѣдов. къ древнѣйшему, восточному типу, ближе всего напоминая ассирійскіе образцы, кромѣ очень немногихъ съ формами болѣе чистыми и потому слѣданныхъ, вѣроятно, въ гораздо позднѣйшую, греческо-италійскую эпоху, и, можетъ быть, даже греческими мастерами (фиг. 513 б. с. f. g. m. n. s. t). Всѣ они безъ

Фиг. 513.

исключенія бронзовые или серебряные, очень тщательной чеканной работы, кромѣ ручекъ и другихъ прибавокъ, которыя отлиты отдѣльно и припаяны. Нѣтъ сомнѣнія, что это совершенство технической отдѣлки этрускихъ сосудовъ, а не красу ихъ, имѣлъ въ виду афинянинъ Критіасъ, современникъ Миса, восхваляя „какъ лучшее въ своемъ родѣ, тирренскую золотую чашу и всю мѣдную утварь—красу дома“. ² И это тѣмъ болѣе вѣроя-

¹ Mus. Etrusc. Greg. Vol. I, бронзовые на табл. I—XL, серебряные на табл. LXII—LXVII, рукоятки на табл. LXIII и LIX.—² Такъ понимается это мѣсто O. Müller. Die Etrusker. II, 253; слѣч. впрочемъ знаменитый серебряный сосудъ изъ Кьюзи и другія замѣчательныя этрускія работы срисованныя у Мюллера же, въ его Denkm. A. Taf. LX.

тно, что чеканное искусство процвѣтало въ Этруріи уже въ глубокой древности, въ греческомъ же сосудоваіи стало употребляться довольно поздно.

Древнѣйшіе металлическіе сосуды представляютъ слѣдующія главныя формы: а) серебряныя (которые всѣ были вынуты изъ гробницы близъ древняго города Саеге, нын. Черветро): круглой чаши съ двумя ручками на высокой ножкѣ; глубокой чаши или кубка о двухъ ручкахъ (*skyphos*); небольшой круглобокой амфоры тоже съ ручками; простой кружки; высокаго кубка и плоской чаши безъ ручекъ. Почти всѣ они украшены плоскимъ рельефомъ; б) бронзовыя:—очень плоской чашечки съ горизонтальною ручкою, какъ у вышеприведенныхъ зеркалъ (фиг. 411); горшковъ разнаго вида съ ручками и подножками, и безъ нихъ; плоскихъ и глубокихъ чашъ и кубковъ, на ножкѣ и безъ нея; вазоподобной курильницы(?) и полукруглаго совершенно открытаго котла или таза, по верхнему краю украшеннаго нѣсколькими звѣриными головами загибающимися внутрь въ видѣ ручекъ (ср. фиг. 513 б. с. f. g; фиг. 514; фиг. 515 с. d). Нѣкоторые изъ послѣдненазванныхъ сосудовъ, употреблявшихся, вѣроятно, преимущественно при богослуженіи, поставлены на подножія: у котловъ это подножіе состоитъ изъ бронзоваго треножника (фиг. 515 а. b. c; ср. фиг. 363), у курильницъ—изъ круглоизваянной фигуры божества (?) стоящей на колесахъ, или изъ однихъ только колесъ (фиг. 514).¹ О другихъ бронзовыхъ вещахъ, повидимому тоже принадлежавшихъ къ богослуженію, будетъ сказано ниже.

О дальнѣйшемъ развитіи сосудоваіи со времени изготовленія только что описанныхъ сосудовъ до начала греческо-римской эпохи едва ли можно судить по дошедшимъ до насъ образчикамъ.² Всѣ остальные сосуды найденные въ Италіи, на римской ли почвѣ или въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Помпеѣ и Геркуланумѣ,³ равно какъ и названія сосудовъ, встрѣчающіяся у

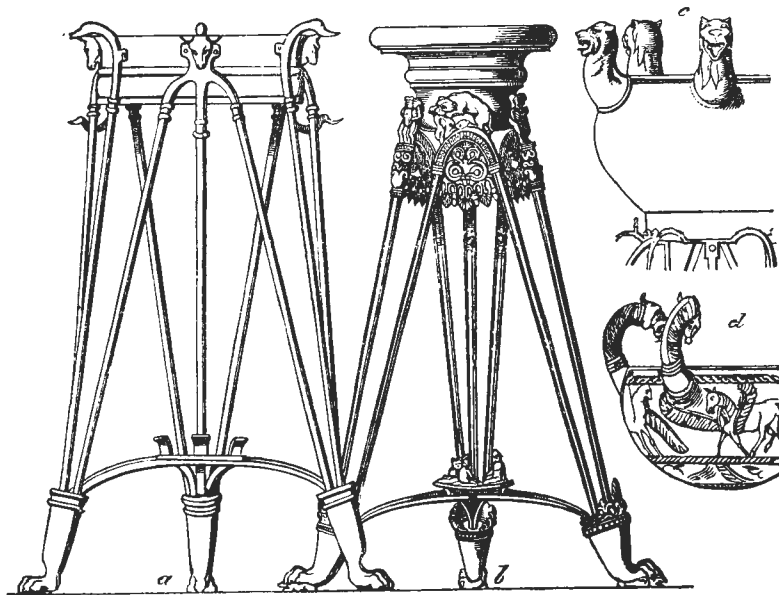
Фиг. 514.

¹ Ср. стр. 89 и примѣч., гдѣ говорится о подобныхъ колесныхъ сосудахъ, по поводу находимыхъ въ древнегерманскихъ могилахъ бронзовыхъ тележекъ и колесъ, на счетъ которыхъ было предложено много догадокъ. Уже на собраніи нѣмецкаго историко-археологическаго Общества въ 1858, въ Берлинѣ, я пытался разрѣшить этотъ вопросъ въ высказанномъ выше смыслѣ; см. *Correspondenzblatt des Gesamtvereins der deutschen Geschichts- und Alterthumsvereine*. Jahrgang VII (1858), № 2. p. 16.—² Ср. O. Müller. *Handb.* §. 297 sqq.; A. Becker. *Gallus* (2) II, 263; H. Krause; *Angeologie*. p. 439 sqq.—³ Главныя сочиненія съ рисунками о сосудахъ суть слѣдующія (кромя G. Micali. *Mus. Etrusc. Gregor.*): L. F. de Rossi. *Raccolta di vasi diversi*. Roma 1713; G. B. Piranesi. *Vasi, candelabri, cippi, etc.* Roma. 1778; H. Moses. *Collection of ant. vases, altars, paterae etc.* London 1814; относящіяся сюда отдѣлы B. de Montfaucon. *L'antiquité, expliquée et représentée en figures*. 15 vols. fol. Paris 1722 (всѣ еще очень полезное сочин.); C. de Caylus. *Recueil d'antiquités égyptiennes, étrusques, grecques et romaines*. Paris 1741—61; S. Bartolus. *Admiranda Romanarum antiquitatum ac veteris sepulturae etc.* Roma 1693; C. Barbault. *Les plus beaux monuments de*

римскихъ авторовъ, убѣждаютъ въ томъ, что съ этихъ поръ у Римлянъ вошли въ употребленіе греческіе или по греческимъ образцамъ изготовленные сосуды. Чтобы объяснить себѣ неоспоримое уклоненіе этихъ сосудовъ отъ

Фиг. 515.

чисто греческаго формообразованія, не слѣдуетъ забывать во первыхъ, что въ македонскую эпоху и само греческое сосудоустройство уже перестало быть тѣмъ, чѣмъ оно было, когда производило расписанныя глиняныя вазы, т. е. настоящимъ искусствомъ, а обратилось къ ремесленному изготовленію такихъ издѣлій, главное достоинство которыхъ заключалось въ дорогомъ матеріалѣ и въ богатой, чисто декоративной отдѣлкѣ (ср. выше стр. 209 и слѣд.), и во вторыхъ, что именно этотъ внѣшній блескъ греческихъ издѣлій и понравился Римлянамъ до такой степени, что послѣ войнъ въ Греціи и Малоѣ Азіи они измѣнили своей прежней простой обстановкѣ и предались роскоши, которая съ тѣхъ поръ стала у нихъ такъ быстро развиваться. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы у нихъ совсѣмъ прекратилась выдѣлка и употребленіе простыхъ сосудовъ и посуды—доказательствомъ противнаго служить выше приведенный примѣръ Арціума; но достоверно, что туземныя недорогія издѣлія ¹ раскупались одними лишь небогатыми людьми, у знатныхъ же Римлянъ даже и кухонная посуда была вся металлическая (большею частію бронзовая, съ начала имперіи впрочемъ черѣдко и серебряная) и притомъ греческихъ формъ, хотя и сдѣланная въ Италіи.

Rome. Rome. 1761; G. B. Visconti. Il museo Pio Clementino. 7 vols. Roma 1790 (особ. томы V и VII); C. de Clarac. Musée de sculpture antique et moderne. Vol. I, pl. 2. О помпейскихъ древностяхъ, сочин. о Помпѣяхъ, названныхъ въ началѣ главы; о греческихъ сосудахъ см. стр. 209, прим.—¹ A. Becker. Gallus. II 270.

Объ этомъ такъ быстро совершившемся переходѣ отъ прежней простоты къ необузданной роскоши, мы находимъ много интересныхъ замѣтокъ у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ римскихъ писателей. Такъ, напримѣръ, по поводу усиленнаго запроса на серебряную посуду, рассказывается, что во время республики, когда въ силу закона противъ роскоши дозволялось имѣть только солонку и жертвенныя чаши серебряныя, одинъ изъ значительнѣйшихъ сенаторовъ былъ исключенъ изъ сената за то, что у него нашлось до 10 фунтовъ серебряной посуды.¹ Далѣе мы узнаемъ, что еще у Сципіона Эмилиана было не болѣе какъ 32 фунта (на 900 рубл.) серебряной посуды, тогда какъ его племянникъ, консулъ Кв. Фабій (въ 121 г. до Р. Х.), имѣлъ еѣ уже 1000 фунтовъ (ок. 28000 рубл.); а Маркъ Друзъ, бывшій однимъ изъ народныхъ трибуновъ въ 91 г., до 10000 фунт. (ок. 280000 р.) и что при Суллѣ однихъ только стофунтовыхъ серебряныхъ блюдовъ насчитывалось въ Римѣ до 150 штукъ. Въ выставленныхъ цифрахъ не принята въ расчетъ работа, которая однакожъ нерѣдко превышала въ 15 и 18 разъ стоимость металла.² Поэтому нѣкоторыя вещи сдѣланныя знаменитыми мастерами покупались за баснословныя цѣны: Люцій Крассъ (95 г.) за два серебряныхъ кубка работы Ментора заплатилъ 100000 сестерцій (ок. 5000 рубл.); цѣна, конечно, очень высокая, но сравнительно съ тѣми цѣнами, какія платили за подобныя вещи въ императорскую эпоху, она можетъ назваться умѣренной.³

Когда серебряная посуда, вслѣдствіе ея накопленія, сдѣлалась слишкомъ обыкновенною, чтобы считаться роскошью (если кухонная посуда богатыхъ людей дѣлалась изъ серебра, то конечно столовый серебряный сервизъ былъ вещь заурядною),⁴—еѣ стали постепенно замѣнять золотомъ. Употребленіе золотыхъ и еще болѣе дорогихъ сосудовъ—осыпанныхъ драгоценными камнями и даже сдѣланныхъ изъ драгоценныхъ камней—⁵ началось при Августѣ и вскорѣ приняло такіе размѣры, что уже при Тиверіи сенатъ вынужденъ былъ ограничить его декретомъ.⁶

Изъ всей этой массы дорогихъ сосудовъ до насъ дошло очень немногое; большая часть ихъ погибла: металлическіе сосуды, особенно золотые, были перелиты, а сосуды изъ дорогихъ камней не сохранились по причинѣ хрупкости матеріала, изъ котораго были сдѣланы. Но и по тому, что изъ нихъ уцѣлѣло и хранится въ нашихъ музеяхъ, можно составить себѣ покрайней мѣрѣ приблизительное представленіе о ихъ формахъ и отдѣлкѣ. Относительно золотыхъ сосудовъ,⁷ судя по работѣ, относящихся къ концу императорской эпохи, мы прежде всего замѣтимъ, что такъ какъ всѣ они, за ничтожными

¹ H. Krause. *Angeiologie*. p. 72; A. Becker. *Handb. der römisch. Alterthümer* II, 216.—² О стоимости серебра, Th. Mommsen *Röm. Geschichte*. II, 402. ³ A. Becker. *Gallus* I, 35; II, 272. H. Krause, *Angeiologie* 75—79; 103; 476—476.—⁴ Замѣтимъ встать, что въ Помпѣи было найдено до ста слишкомъ серебряныхъ, превосходной работы сосудовъ. J. Quaranta. *Di quattordici vasi d'argento dissot. in Pompeji*. Napoli 1837. *Real. Mus. Borb.* X. 14, XI, 45, XIII. 49. О такой же находкѣ въ Нормандіи—Le Prevost. *Mémoire sur la collection de vases antiques trouvés en Mars 1830 à Berthouville* 1831—33. Caen. I, 75.—⁵ A. Becker. *Gallus* II, 272; H. Krause. p. 81.—⁶ Tacit. *Annal.* II, 33.—⁷ H. Krause. *Angeiologie*. p. 88 sqq.

исключеніями, были найдены въ восточныхъ провинціяхъ римской имперіи (въ Херсонесѣ и Придунайскихъ земляхъ) и воспроизводятъ восточный типъ,¹ то и не могутъ войти въ настоящее описаніе, которое касается только найденныхъ въ Италіи, преимущественно римскихъ сосудовъ. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ всѣ каменные, и въпервыхъ сосуды изъ драгоценныхъ камней.² Изъ нихъ замѣчательны: ониксовая чаша,³ украшенная рельефною композиціею (въ Неапольскомъ музеѣ), и мантуанскій кубокъ⁴ въ $5\frac{1}{8}$ дюйма вышины и $7\frac{1}{8}$ д. ширины. Но самый большой древній сосудъ изъ драгоценнаго камня, какой только существуетъ въ Европѣ (по преданію, добытый крестоносцами при взятіи Константинополя), находится теперь въ Вѣнѣ. Это — великолѣпная чаша съ ручками, высѣченная изъ цѣльнаго агата;⁵ она имѣетъ $4\frac{1}{2}$ дюйма вышины и $28\frac{1}{2}$ д. въ поперечникѣ съ ручками, и 22 д. безъ нихъ. Что такой величины сосуды, даже изъ оникса, вовсе не были рѣдкостью въ древности и не причислялись къ самымъ большимъ, это доказываютъ выше упомянутыя нами (стр. 446) камни, и извѣстія о нѣкоторыхъ ониксовыхъ издѣліяхъ, извѣстія можетъ быть преувеличенныя или дѣйствительно невѣрныя, но на которыя можно всё таки сослаться, хотя бы только потому, что они не были никѣмъ отвергнуты, какъ невозможныя. Къ такимъ извѣстіямъ принадлежитъ разсказъ Плинія⁶ объ ониксовыхъ амфорахъ Лукулла Спинтера, которыя были не меньше хійскихъ глиняныхъ бочекъ, и объ ониксовыхъ колоннахъ въ 32 фута длиною. — Въ числѣ сосудовъ изъ драгоценныхъ камней упоминаются также сосуды изъ настоящаго рубина (?), хризопраса, и небольшіе сосуды составленные изъ камеевъ оправленныхъ въ золото, называвшіеся *chrysokol-laeta*.⁷

О мурринейскихъ сосудахъ (*vasa murrhina*), впервые вывезенныхъ Помпеемъ изъ Азіи, ихъ высокой цѣнѣ и матеріалѣ, изъ котораго ихъ дѣлали, было уже сказано выше (стр. 364, 1-й ч.); здѣсь прибавимъ, что, по свидѣтельству Плинія,⁸ Неронъ заплатилъ за мурринейскій кубокъ 300 талантовъ (ок. 350000 рубл.) и столько же стоила *trulla* (ковшъ, которымъ черпали вино изъ кратеры), купленная консуляромъ Титомъ Петроніемъ. — Для выдѣлки небольшихъ сосудовъ и для украшенія большихъ золотыхъ употребляли также янтарь. Рѣже дѣлали сосуды изъ слоновой кости и другихъ подобныхъ матеріаловъ. —⁹ Въ заключеніе упомянемъ вкратцѣ о большихъ, нерѣдко даже колоссальныхъ сосудахъ изъ низшихъ сортовъ камня (алебаstra, мрамора, порфира, гранита, туфа и др.), дошедшихъ до насъ въ значительномъ количествѣ.¹⁰ Въ этихъ сосудахъ, служившихъ един-

¹ Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase. V, 208 и passim; къ этому атласъ: série d'archéol. fol. XX—XXII; J. Arneith. Die antiken Gold-und Silber-Monumente des K. K. Münzkabinets in Wien. Wien 1850. —² H. Krause. Angeiologie; A. Becker. Gallus, II, 272. —³ Срлс. Q. Visconti Mus. Pio-Clem. III. 75. tav. C. n. 1; cf. III. A. 9; H. Krause. p. 17. —⁴ Срлс. въ thesaur. ant. graec. Gronovii. VIII, 72; ср. J. Arneith. Cameen des K. K. Münzkabinets. p. 12. H. Krause. p. 18. —⁵ J. Arneith. Monumente etc. p. 43. Taf. XXIII. 2; H. Krause. p. 14. —⁶ Plin. Hist. natur. XXXVI. 12; H. Krause. p. 16. —⁷ H. Krause pp. 21 sqq., 319. —⁸ Hist. nat. XXXVII. 7; H. Krause. p. 26. —⁹ О востянныхъ сосудахъ, см. Kunsblatt. Stuttgart 1826, № 5. p. 201. —¹⁰ Общій обзоръ самыхъ замѣчательныхъ въ Angeiologie von H. Krause. p. 34.

ственно для украшенія, главную роль играла художественная отдѣлка, именно скульптурные орнаменты и рельефныя композиціи, то въ древне-греческомъ (фиг. 516 а), то въ греческо-римскомъ стилѣ (фиг. 516 б). Сравненіе этихъ сосудовъ съ настоящими эллинскими безъ-скульптурными, лучше всего показываетъ разницу между греческимъ сосудаващеніемъ, заботившимся о красотѣ формъ сосуда, и римскимъ, ставившимъ на первомъ планѣ его скульптурную отдѣлку. — Изъ алебаstra, какъ матеріала имѣвшаго внутреннюю цѣнность, выдѣлывали небольшіе сосуды, достоинство которыхъ заключалось въ искусной технической выработкѣ: въ Берлинскомъ музеѣ хранится небольшой алебастровый сосудецъ, стѣнки котораго почти не толще бумажнаго листа.

Фиг. 516.

Посуда.

Обзоръ хозяйственной (кухонной, столовой и т. д.) посуды Римлянъ ¹ можетъ быть изложенъ здѣсь тѣмъ короче, что, за исключеніемъ немногихъ посуды собственно латинскихъ, она ничѣмъ не разнилась отъ греческой (см. выше, стр. 213), или точнѣе, была въ сущности таже греческая посуда, лишь подъ латинизированными названіями.

¹ O. Müller. Handb. § 297 sqq.; A. Becker. Gallus. II, 263 sqq.; H. Krause. Angiologie. p. 439 sqq.

А. Большія вмѣстилища для жидкостей, обыкновенно въ видѣ бочекъ изъ обожженной глины, назывались: *cadus*, *dolium* и *lagena*, и соответствовали греческимъ—*pidos*, *ardion*, *bikos*, *lagunos* и *pithaknae*. Къ нимъ же принадлежала и амфора, форму которой давали и вышеупомянутымъ каменнымъ вазамъ съ скульптурными украшеніями (ср. фиг. 516 а. и фиг. 321 и 322).

В. Кухонная посуда, вмѣстѣ взятая, называлась *sociu la*. Её составляли: горшки разныхъ названій—*olla* (въ древности *aula*), *scutra*, *sacabus* (греческій *kakabos*), *suscina* и др.; посуды неизвѣстной формы, но, судя по употребленію, походившія, вѣроятно, на котлы: *ahenum*, *lebes* и *cortina* (этотъ послѣдній употреблялся солдатами въ походахъ: фиг. 517 б);

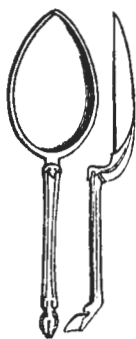
Фиг. 517.

похожія на сковороды—*sartago* и *patina* (посудина латинскаго происхожденія); ¹ посуды, иногда деревянныя, для воды—*nasiterna*, для молока—*camella*, подойники—*multra*, корыта для тѣста—*mastra*; разнаго рода лахани—*pelves*; ² для черпанія и ношенія воды—*matula*, *urna*, ³*situla*, *urceus*, *guttus* (небольшой кувшинъ съ уз-

кимъ горлышкомъ), *gutturium* (родъ ручной ложки), *simplum*—⁴ черпакъ на длинной рукояти, *trulla* и *trua*—уполовники, *cochlearia* и *ligulae*—ложки такой же формы какъ и нынѣшнія (фиг. 518). Къ кухонной утвари,

Фиг. 518.

coquinatorium instrumentum, принадлежали также: *ampullae*, похожія на наши бутылки и дѣлавшіяся иногда изъ кожи—*scorteae ampullae*; воронки—*infundibula*, сита—*cola*, рѣшета—*cribra*; треножники для горшковъ; вертелы (*veru*) и рашперы (*craticula*) для жаренія; ступки каменныя (*pila*) и металлическія (*mortarium*); наконецъ—метлы ⁵ (*scorae*), изъ мирта или тамариска, и губки (*spongiae*). Сюда же можно причислить вѣсы (*libra*) и безмены (*staterae*).—⁶ *Authersa* назывался греческій снарядъ для варенія, повидимому очень сложный, такъ какъ за него платили большія деньги. ⁷

С. Столовая посуда: Большія блюда, на которыхъ подавали кушанье, назывались *patinae*, *disci*, *lances*, *paropsides* и вѣроятно *masononum*; изъ нихъ *patina* была самымъ большимъ, на ней обыкновенно подавали рыбу; *disci*, *lances* и *paropsides* соответствовали греческимъ *discoi* и *pinakes*; круглыя блюда (*orbes*)—греческимъ *kik-*

¹ Ср. Th. Mommsen. *Röm. Gesch.* I, 183.—² F. Avellino. *Descriz. di una Casa.* tav. IX. 19. *Antich. d'Ercole.* III. tav. 36.—³ Боккертъ (Gallus. II, 266) сравниваетъ *Urna* съ греческ. *hydria*, слѣдов. приравниваетъ её къ нашимъ ведромъ, но сознается, что формы ея были очень разнообразны.—⁴ *Real mus. Borbon.* IV. tav. 12; IX. 15.—⁵ A. Becker. *Gallus.* I, 179.—⁶ J. Overbeck. *Pompeji.* p. 316 sqq. и *R. Mus. Borb.* I. tav. LV; VIII. tav. XVI; Roux et Barré VI. 96.—⁷ О немъ см. A. Böttiger, *Sabina* II, 29 (1806), гдѣ онъ сравнивается съ нынѣшними самоварами (Theemaschinen); сложный приборъ, найденный въ Помпѣи (см. *Mus. Borbon.* III, 63) и служившій, вѣроятно, для приготовленія *calda*, напитка въ родѣ грога, подробно описанъ между прочимъ

los (стофунтовые серебряные lances, которых при Суллѣ насчитывалось въ Римѣ 150 штукъ, слѣдвали въ императорскую эпоху вещь обыкновенною: даже блюда въ 500 и болѣе фунтовъ не были тогда рѣдкостью). *Pattellae* походили, вѣроятно, на наши тарелки, а *catinum* и *catillum* — на наши соусники и салатники. Необходимую принадлежность накрытого стола составляли солонка (серебряная)—*salinum* и уксусница—*acetabulum*.

Вѣрную, хотя въ подробностяхъ нѣсколько и преувеличенную картину богатыхъ римскихъ обѣдовъ императорской эпохи, со всею ихъ блестящею и причудливою обстановкою, даетъ описаніе (изъ третьяго столѣтія по Р. Х.) ¹ „Трималхіева пиршества“ въ *Satyricon*, Тита Петронія Арбитра. ²

„Мы пришли“ рассказываетъ одинъ изъ гостей Трималхія „въ столовую и легли за столы; александрійскіе рабы подали намъ ледяной воды умыть руки; за ними явились другіе, которые вымыли намъ ноги и тщательно вычистили ногти. Все это они исполняли не только что не молча, но даже съ пѣснями. Я захотѣлъ узнать вся ли прислуга поетъ, и велѣлъ подать себѣ пить. Услужливый рабъ тотчасъ исполнилъ мое приказаніе и тоже съ пѣніемъ; такъ поступали и остальные, когда имъ приказывали что нибудь. Когда все уже заняли свои мѣста, кромѣ Трималхія, для котораго, противъ обыкновенія, было оставлено первое мѣсто, — подали обильную закуску. На подносѣ стоялъ оселъ изъ коринфской бронзы, съ двумя мѣшками, изъ которыхъ въ одномъ были бѣлыя, въ другомъ—черныя оливки. Надъ осломъ поднимались два серебряныхъ блюда, съ обозначеніемъ ихъ вѣса и имени Трималхія; на нихъ были наложены ящеры, облитые медомъ съ макомъ. Кромѣ того были поданы горячія сосиски на серебряномъ рашперѣ, а подъ рашперомъ сирійскія сливы съ гранатовыми зернами. Мы лакомились этими вкусными снѣдками, какъ вдругъ заиграла музыка и при звукахъ ея въ залу былъ внесень Трималхій, весь обложенный множествомъ маленькихъ подушечекъ, такъ что видъ его заставилъ насъ расхохотаться.“—„Въ тоже время внесли подносъ съ корзинкой, въ которой сидѣла деревянная курица съ распущенными крыльями, какъ у насѣдки. Тотчасъ же явились два раба и начали раскапывать гнѣздо насѣдки; они находили въ немъ павлиньи яйца, которыя и раздавали гостямъ.“—„По знаку поданному музыкой, вошла прислуга и съ пѣснями стала убирать подносы съ закуской. При этомъ одна

и Беккеромъ: Gallus III, 241. (Этотъ найденный въ Помпѣхъ приборъ описанъ и сработанъ также у Рича: *Diction. des antiquités etc.* Онъ состоитъ изъ металлическаго четырехугольнаго ящика, совершенно открытаго, съ невысокими двойными стѣнками, въ которыя наливалась вода, и четырехугольными коробками, нѣсколько повыше стѣнокъ, по угламъ. Коробки снабжены крышками: въ одну изъ стѣнокъ вдѣланъ кранъ. На дно ящика насыпали горячихъ углей и готовили надъ ними кушанье. Такимъ образомъ этотъ приборъ служилъ для приготовленія кушанья и въ тоже время самъ кипятилъ воду въ стѣнкахъ и варилъ припасы положенные въ коробки; отсюда и названіе его (по греч. *αὐτοψῆς*), буквально переводимое нашимъ «самоваръ». Пер.)—¹ Ср. G. Niebuhr. *Kl. Schriften* I, 373.—² Кромѣ изданій Бурмана, въ Вейденѣ, 1743, и Антона въ Лейпцигѣ, 1782, см. также очень рѣдкій теперь переводъ: Des Tit. Petronius Arbitri *Satyricon*. Mit Noded's *Ergänzungen*. In's Deutsche übersetzt, Lpzg. 1804, переводъ Гейне 1773, и В. Веллауера «Das Gastmahl des Trimalchio» (откуда взяты приведенныя отрывки), въ *Neue Jahrbuch. für Philol. und Pädagogik von Jahn und Klotz. Supplem. Bd. X.* Сравн. также A. Becker Gallus. I, 160.

серебряная тарелка упала на полъ и была поднята рабомъ; но Трималхій, замѣтивъ это, наградила раба оплеухой и велѣлъ ему опять бросить тарелку. Затѣмъ пришло рабъ съ метлою и вмѣстѣ съ прочимъ соромъ, вымелъ изъ комнаты и упавшую тарелку. — „Принесли стеклянныя бутылки, залитыя гипсомъ; на шейкахъ ихъ висѣли ярлычки съ надписью: опианское столѣтнее фалернское вино“. — „Тотчасъ же подали кушанье: блюда были не такъ велики какъ мы ожидали, но повизна ихъ привлекала глазъ. На кругломъ подносѣ были нарисованы двѣнадцать знаковъ зодіака, и на каждый знакъ положено кушанье соотвѣтствовавшее знаку: на знакѣ тельца лежалъ кусокъ говядины, на близнецахъ — почки, на ракѣ — кружокъ изъ раковъ, на лвѣ — африканскія смоквы и т. д.; середину блюда занималъ медовый содъ, положенный на кусокъ дерна. Египетскій рабъ разносилъ хлѣбъ въ серебряной печкѣ, распѣвая при этомъ ужаснымъ голосомъ. Мы только было хотѣли приняться за эти простыя кушанья, какъ четыре раба, танцую подъ музыку, подскочили къ подносу и сняли верхнюю его часть; подъ нею мы увидали другой подносъ и на немъ, между птицею и свинымъ выменемъ, зайца, украшеннаго крыльями, такъ что онъ казался настоящимъ пегасомъ. По угламъ подноса мы примѣтили четырехъ Марсіевъ, у которыхъ изъ брюха текъ наперченный икорный соусъ и обливалъ рыбъ, плававшихъ въ бассейнѣ вдѣланномъ въ подносъ“. — „Но вотъ послышался страшный шумъ: въ залу ворвались спартанскія собаки и начали бѣгать вокругъ стола. Вслѣдъ за ними внесли подносъ, на которомъ лежалъ огромной величины кабанъ; на клыкахъ его висѣли двѣ корзинки изъ пальмовыхъ листьевъ, одна съ финиками, другая съ оиванскими орѣхами. Маленькіе поросятки изъ пирожнаго тѣста были положены подлѣ кабака такъ, какъ будто бы сосали, обозначая что кабанъ былъ matka; они назначались въ подарокъ гостямъ, чтобы они взяли ихъ домой. Разнимать кабака явился не прежній форшнейдеръ, который разрѣзывалъ птицу, а рослый дѣтища съ бородой, въ толстомъ охотничьемъ кафтанѣ. Охотничьимъ пожомъ онъ взрѣзалъ верхній бокъ кабака и изъ разрѣза вылетѣли дрозды, которые тотчасъ же и были пойманы стоявшими наготовѣ птицеловами“. — „Вдругъ потолокъ началъ трещать и вся зала затряслась. Я вскочилъ, испугавшись чтобы сквозь потолокъ не опустился къ намъ волшебникъ, остальные гости тоже подняли глаза вверхъ, ожидая что будетъ. Но вотъ мы видимъ, что доски потолка раздвигаются и въ отверстіе спускается огромный обручъ съ большою винной бочки, на которомъ развѣшаны золотыя вѣнцы и алебастровыя сосудцы для мазей. Пока раздавали намъ эти подарки, на столѣ появился новый подносъ съ пирожнымъ“. — „Спустя нѣсколько времени, Трималхій велѣлъ подавать десертъ. Пришли рабы, взяли всѣ столы прочь и принесли другіе, а полъ усыпали опилками окрашенными шафраномъ, и, чего я еще не видывалъ, гипсовымъ порошкомъ“. — „Вошли два раба съ глиняными кружками; они, казалось, ссорились между собою и каждый колотил по кружкѣ другого толстою палкою. Пока Трималхій ихъ унималъ, мы дивились наглости этихъ пьяницъ, но, посмотрѣвъ по пристальнѣе, замѣтили что изъ разбитыхъ кружекъ сыпались устрицы и гребенчатые раковины, которыя другой рабъ тутъ же подбиралъ и потомъ сталъ разносить гостямъ на блюдѣ. Вслѣдъ затѣмъ явился поваръ съ улитками, шипѣвшими на сереб-

ряномъ рашперѣ, и пропѣлъ отвратительнымъ дрожащимъ голосомъ. Что было послѣ этого, мнѣ почти совѣстно рассказывать: мальчики съ длинными волосами принесли въ серебряномъ тазѣ мазь и намазали ею ноги присутствующихъ, обвивъ имъ сначала лѣжки, пятки и ступни вѣнками. Этой же мази влили по немногу въ винный сосудъ и въ лампу.¹

Д. Сосуды для питья ¹ были очень разнообразны и по цѣнности матеріала, изяществу и богатству отдѣлки не уступали самой драгоценной столовой посудѣ. Всѣ вообще, они назывались *rosula*; а въ отдѣльности каждый сосудъ носилъ названіе соответствовавшее его формѣ. Названія эти были преимущественно греческія: *cantarus*, *scyphus*, *cyathus*, *phialae*, *ciborium*, *cotula*, *calix* (вѣроятно греческ. *kylix*), *patera* и др. Большая часть этихъ сосудовъ принадлежала къ разряду кубковъ (*trientes*); *calices* и *paterae* имѣли форму чашъ и бокаловъ. ² Въ числѣ ихъ упоминаются, какъ очень употребительные сосуды — *scutella*, греческій *axybarphon* и похожая на раковину чаша — *concha*. Пога для питья въ той богатой и разнообразной отдѣлкѣ, какую они получили у Грековъ, занимали, разумеется, главное мѣсто между этими дорогими сосудами (ср. фиг. 332). (Весьма характеристично для описываемой эпохи усиленной роскоши, извѣстіе Амміана (XXII, 4), что въ его время римскіе солдаты пили изъ серебряныхъ стакановъ, которыя были тяжеле ихъ мечей).

Вино къ столу подавали въ амфорахъ и кратерахъ, которыя ставились на подножія, совершенно также какъ и у Грековъ ³. Выше была описана весьма затѣйливо сдѣланная кратера (стр. 447); форму кратеры давали также и большимъ декоративнымъ сосудамъ, о которыхъ тоже было говорено выше (фиг. 516. b; ср. фиг. 330 d).

Е. Различныя мелкіе сосудцы, употреблявшіеся Римлянами для мазей и благовоній ⁴ были всѣ греческіе и назывались греческими именами, за исключеніемъ немногихъ носившихъ латинскія названія: *gullus*, *concha* и др.

Ф. Приборы для освѣщенія. Всѣ что было сказано объ освѣщеніи у Грековъ приложимо и къ Италійцамъ. ⁵ И они освѣщали свои жилища сначала лучинами изъ смолистаго дерева (*taedae*) и факелами, потомъ перешли къ свѣчкамъ, сальнымъ и восковымъ (*candelae sebaceae* и *cereae*), и наконецъ къ лампамъ. Сальные свѣчи употреблялись впрочемъ и позднѣе людьми небогатыми; богатые же вообще не допускали у себя никакого другого освѣщенія, кромѣ масляныхъ лампъ и отчасти восковыхъ свѣчъ.

а. Лампы назывались вообще *lucernae* и раздѣлялись по своему назначенію на *lucernae cubiculares* (комнатныя или спальныя), *balneares* (банныя), *triclinares* (для столовой), *sepulcrales* (погребальныя) и т. д. Какъ ни разнообразны были формы римскихъ лампъ, въ

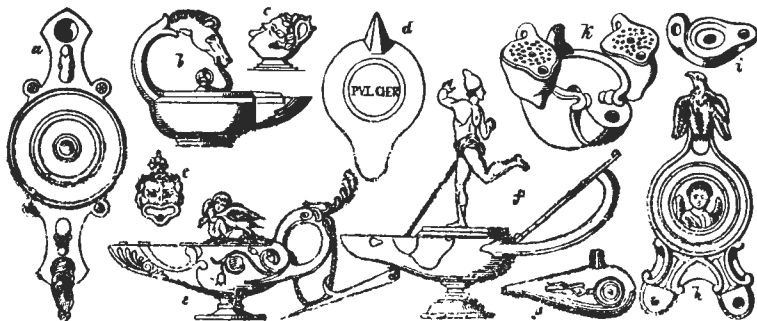
¹ A. Becker. Gallus. III, 219 sqq.; H. Krause. Angeiologie. p. 448.—² Real. Mus. Borbon. III, 15; V, 27; VI, 62; X, 52; XIII, 10. Roux et Barré. Herculan. VI, 69.—

³ A. Becker. Gallus. III, 225; Real. Mus. Borb. II, tav. XXXII; VI, tav. LXIII; VII, tav. XXIX и др. Roux et Barré. Herculan. VI, 64. 66. 72. 74. 84.—⁴ H. Krause. p. 451.—

⁵ Ср. A. Becker. Gallus II, 284 и A. Böttiger. Amalthea. III, 168.

чемъ убѣждаютъ насъ дошедшіе до насъ весьма многочисленные образчики ихъ, ¹ все онѣ сводятся на одну основную форму овальной или круглой за-

Фиг. 519.

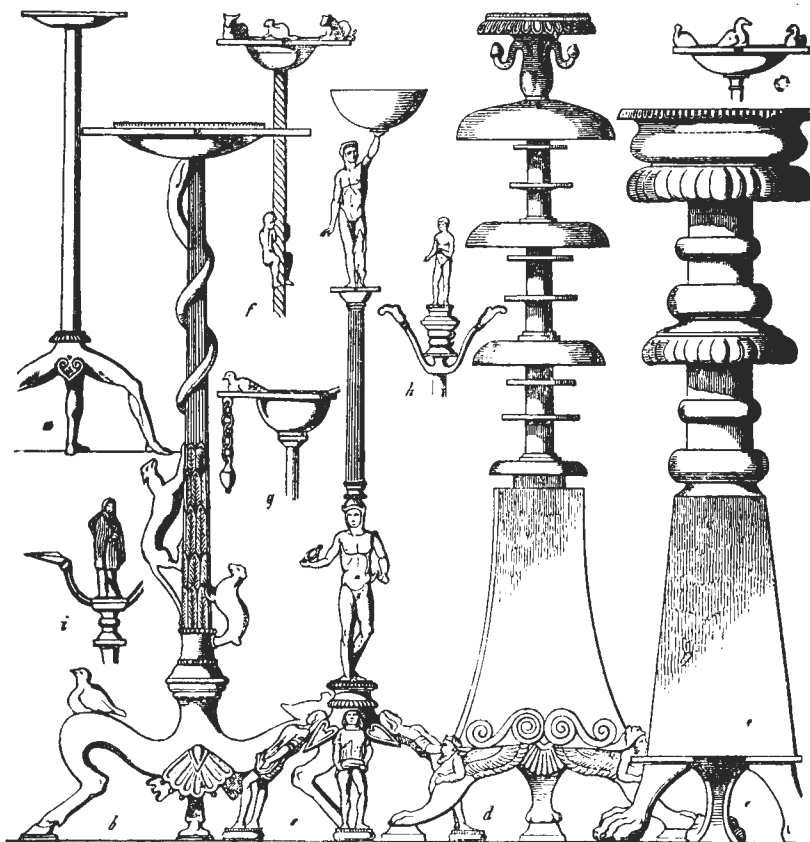
крытой чаши съ рыльцемъ напередѣ (для свѣтильни) и съ ручкою на противоположной сторонѣ, и притомъ на подножкѣ или безъ нея (фиг. 519 а—к). Не входя въ подробное описаніе всѣхъ видоизмѣненій, въ которыхъ представляется эта основная форма, — начиная съ самыхъ простыхъ, до самыхъ изящныхъ со всевозможными орнаментами, — ² мы замѣтимъ только, что, кромѣ глиняныхъ лампъ (какъ большая часть дошедшихъ до насъ), у Римлянъ были очень дорогія металлическія лампы—бронзовыя, серебряныя и даже золотыя. По числу свѣтиленъ лампы назывались *monomuxos* или *monolychnis* (объ одной свѣтильнѣ), *dimuxos* или *bilychnos* (о двухъ) и т. д. — Ламповый приборъ состоялъ изъ небольшого кувшинчика для наполненія лампы масломъ, крючка и щипчиковъ для оправленія и сѣзыванія свѣтильни; крючокъ и щипчики иногда прикрѣплялись цѣпочкою къ самой лампѣ ³ (фиг. 519. е).

б. Въ этрусскихъ могилахъ не было найдено лампъ, которые можно было бы признать за этрускія издѣлія, но за то много бронзовыхъ канделябровъ ⁴ (фиг. 520 а — h). По устройству ихъ видно, что они были въ

¹ Собранія рисунковъ древне-римскихъ лампъ: F. Licetus. De lucernis antiquorum reconditis. Patavii 1622; J. P. Bellori. Lucernae veterum sepulchrales iconicae ex cavernis subterraneis collectae, a S. Bartolo incisae, studio et impensis L. Begeri. Coloniae Marchicae 1691—1702; еро же: Veterum lucernae etc. Lugduni Batav. 1728; еро же: Le antiche lucerne sepolchrali figurate. 1729; Lucernae fictiles Musei Passeri. 3 vols. Pisauri 1739—51; Pitture antiche d'Ercolano e contorni: le lucerne ed i candelabri d'Ercolano. Napoli 1792; F. A. David. Antiquités d'Herculanum etc. Paris 1780. Vols IX и X; B. de Monfaucon. L'antiquité expliquée et représentée en figures. Vol. V: G. Piranesi. Antiquités d'Herculanum. Paris 1806. vol. VI; Monographie: F. Kenner. Die antiken Thonlampen des K. K. Münz- und Antikenkabinet etc. Wien 1858; G. Piranesi, Candelabri etc. Кромѣ того: Mus. Pio Clem.; Mus. Etrusc. Gregor.; Real Mus. Borbon. и др. См. также A. Böttiger Amalthea. III, 168; еро же: Kleine Schriften. III, 307; O. Müller Handbuch. § 302; W. Abeken Mittelitalien. p. 385. H. Krause. Angeologie. p. 189; J. Overbeck. Pompeji. p. 300. — ² C. F. A. v. Lützow. Das griechische Handwerk und die Gegenwart. München 1859. — ³ Antichità. d'Ercolano. T. XIII; XIV. Roux et Barré. Hercul. VI. pl. 70. — ⁴ W. Abeken Mittelitalien p. 385; къ этому рисунку: G. Micali. Monum. degli antichi popoli italiani. Tav. XL; Mus. Etrusc. Gregor. I. tab. XL VIII—LV.

собственномъ смыслѣ слова свѣтильниками: все они состоятъ изъ стержня оканчивающагося чашей (для огня), и треножной или массивной подставки. Иные канделябры замѣчательно красивы, легки и стройны, другіе напро-

Фиг. 520.

тивъ представляютъ тяжелыя формы, неуклюжій профиль и орнаменты не имѣющія никакой органической связи съ цѣлымъ.

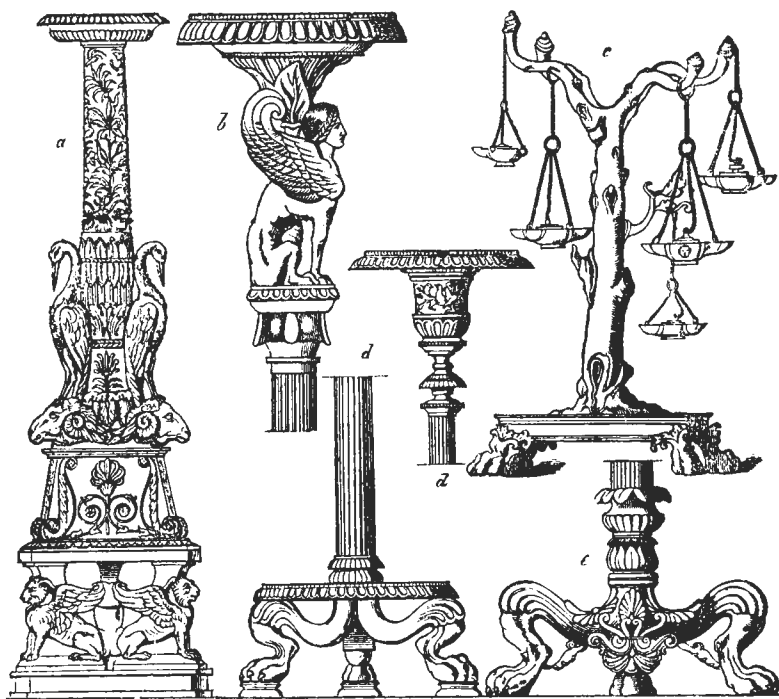
Иное назначеніе имѣли канделябры у Римлянъ (фиг. 521 а — е): они служили только подножіями для лампъ, поэтому стержень ихъ оканчивался, вмѣсто чаши, плоскимъ кругомъ (521 b. d). Впрочемъ и Римляне употребляли большіе (мраморные) канделябры съ чашами, для освѣщенія на воздухѣ (фиг. 521 а). Кромѣ того, у нихъ были небольшіе переносные канделябры, на которые навѣшивали по нѣскольку лампъ на цѣпочкахъ ¹ (фиг. 521 с). Большіе канделябры дѣлались также съ выдвижнымъ стерж-

¹ Real Mus. Borbon. II. tav. VIII; tav. XXXI.

немъ, который можно было удлинять и укорачивать по произволу, и съ складнымъ подножіемъ. ¹

с. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что въ Помпеѣ былъ найденъ очень красиво слѣанный фонарь цилиндрической формы съ полукруглымъ

Фиг. 521.

верхомъ, трубкою для свѣтильни и цѣпочками за которыя его носили. На фонарѣ читается имя его бывшаго владѣльца: Viburti Cati S. ²

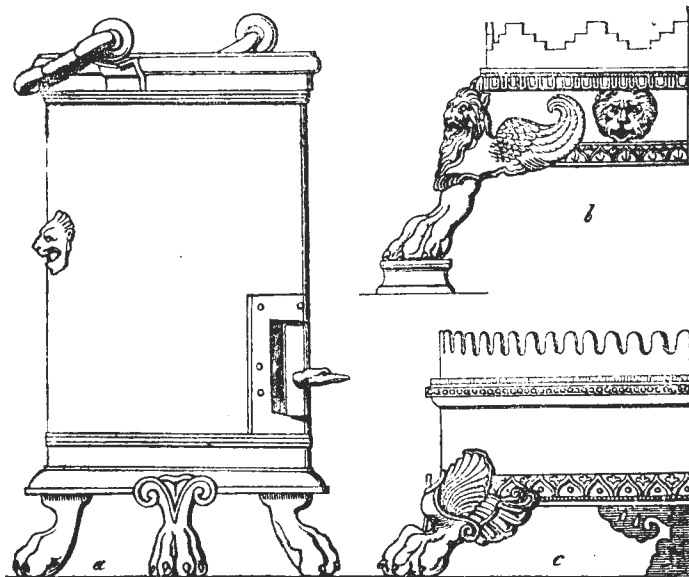
Ж. Приборы для отопленія ³ (вѣроятно также и для разогрѣванія кушанья) были жаровни и небольшія переносныя печки, обыкновенно бронзовыя (фиг. 522). ⁴ Сверхъ того, комнаты нагрѣвались теплымъ воздухомъ, который проходилъ по трубамъ положеннымъ подъ поломъ, а въ сѣверной Италіи, кажется, и каминами.

Н. Треножки (tripodes) получили въ позднѣйшую эпоху и у Римлянъ значеніе декоративной утвари и соотвѣтственную этому значенію отдѣлку, въ которой греческое изящество соединялось съ причудливостью

¹ Antich. d'Ercol. tav. 71; Real. Mus. Borbon. VI, tav. LXI.—² Вѣроятно надобно читать: Viburti Cati sum, т. е. «я принадлежу Вибуртію Кату». См. объ этомъ А. Becker. Gallus. II, 296; J. Overbeck Pompeji. p. 317.—³ А. Becker Gallus II, 223; J. Overbeck. Pompeji. p. 310.—⁴ Real. Mus. Borbon. II, tav. XLVI. I. 2; Roux et Barré VI. 67.

римского вкуса. Треножки дѣлались также и складные на шарнерахъ, по-

Фиг. 522.

добно упомянутымъ выше складнымъ канделябрамъ. — Картина на этрусской гробницѣ въ Тарквиніяхъ, по стилю относящаяся къ раннегреческому времени, указываетъ на употребленіе (вѣроятно деревянныхъ) поставцевъ въ видѣ столовъ о нѣсколькихъ полкахъ или этажерокъ ¹ (фиг. 523).

Фиг. 523.

Мебель.

Остальная домашняя утварь Римлянъ, и въ томъ числѣ ихъ мебель, извѣстна намъ не столько по вещественнымъ ея остаткамъ, сколько по изображеніямъ, такъ какъ она изготовлялась большею частью изъ матеріаловъ легко разрушающихся (дерева, кости) и рѣдко изъ металловъ и камня. Впрочемъ, что касается мебели (*supellex*, въ отличіе отъ *instrumentum*—хозяйственная утварь), то до насъ дошло не мало хорошо сохранившихся каменныхъ и бронзовыхъ мебели, найденныхъ частію въ Геркуланумѣ и Помпѣѣ, частію на

¹ Real Mus. Borbon. IX. tav. XIII; VI. tav. XIII—XIV; V. tav. LX. Rome et Borré VI, 90. Th. Hope Costume of the Ancients II, 203. F. Inghirami. Mon. Etrusc. VI. tav. D.

римской почвѣ (преимущественно каменная мебель) и даже въ этрускихъ могилахъ. Судить о стилѣ этрусской мебели и объ отношеніи его къ стилю позднѣйшей греческо-римской, но тѣмъ немногимъ образчикамъ, которые были вынуты изъ могилъ, разумѣется нельзя, но нѣтъ сомнѣнія, что это отношеніе было тоже самое, какое выяснилось для насъ изъ сравненія другихъ этрускихъ и греческо-римскихъ издѣлій.

1. Есть не мало доказательствъ тому, что Этруски и въ отдѣлкѣ своей мебели, какъ и во всемъ, что относилось къ внѣшней жизни, любили восточную пышность.¹ Они украшали свои ложа слоновою костью и покрывали ихъ дорогими восточными коврами. (Вѣроятно въ такомъ же родѣ былъ убранъ тронъ царя Аримна, подаренный Этрусками храму Юпитера олимпійскаго и видѣнный тамъ Павзаніемъ: V. 12, 3). Обычнымъ украшеніемъ ихъ мебели, по свидѣтельству позднѣйшихъ авторовъ, было скульптурное изображеніе ослиной головы, которому они приписывали силу разрушать всякія чары и которое въ томъ же значеніи было обычно и въ старомъ Римѣ.² Изъ древне-этрусской мебели сохранилось³ нѣсколько бронзовыхъ⁴ и каменныхъ креселъ и погребальныя носилки изъ металлических шестовъ.⁵ Изображенія домашней утвари на саркофагахъ, пеплохранильницахъ и т. п., также какъ и немногіе ремесленные инструменты⁶, должны быть отнесены къ болѣе позднему, римскому періоду.

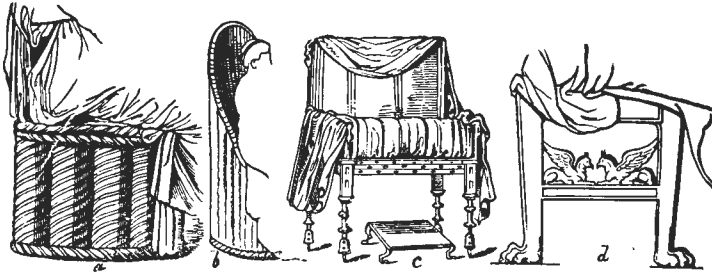
2. Комнатная мебель Римлянъ⁷ даже въ періодъ роскоши была не сложнѣе этрусской или греческой и состояла изъ тѣхъ же вещей (если исключить шкафы съ створчатыми дверцами — вѣроятно, изобрѣтеніе позднѣйшаго времени), но за то эти вещи отличались у нихъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ формъ, высокою художественною выработкою и необыкновенною цѣнностью. Чтобы дать понятіе до какихъ цѣнъ доходили предметы комнатнаго убранства, прибавимъ къ вышеприведенному въ примѣръ столику изъ дорогого дерева, что за пару богато вытканыхъ покрывалъ платили до 200000 сестерцій (ок. 10000 рубл.) и что собиратели произведеній искусствъ не задумываясь давали 40000 сест. за небольшую бронзовую фигурку для украшенія комнаты.⁸ Разумѣется передъ такою роскошью оказывались безсильными всѣ издаваемые противъ нея постановленія.⁹

а. Мебель для сидѣнья была двухъ родовъ: *sellae* и *cathedrae*. *Sella* было названіемъ общимъ для сидѣній всякаго рода, которыя затѣмъ разли-

¹ O. Müllер. Die Etrusker. I, 276 sqq.—² Ibid. 174.—³ W. Abeken. Mittelitalien. p. 385.—⁴ L. Vermiglioli. Storia della città d'Arno. Tav. IX.—⁵ Сюда же принадлежатъ и упомянуты выше кресла изъ tomba delle sedie: Monum. dell'institut. di corr. (1838). Tav. XIX, L; Mus. Etrusc. Greg. I, tav. XVI. 9.—⁶ J. Micali. CXIV. 1. 2. 3 (4 и 5 наконечникъ плуга, какъ полагаетъ W. Abeken въ назв. мѣстѣ). Mon. ant. XLIX: ручная пила, другая пила, совершенно похожая на нынѣшнія, но безъ закрутки; молотки и др.—⁷ Очень подробно у Беккера. Gallus II, 237 и слѣд. Для каждой вещи отдѣльно см. G. Pauly. Realencyklopädie der klassischen Alterthumskunde. Stuttgart 1838—52.—⁸ Ср. также Th. Mommsen. Röm. Gesch. I, 850, 853. III, 606.—⁹ О нихъ см. A. Becker. Handbuch. II, 227 и слѣд.

чались по употреблению, для котораго служили ¹ и которымъ отчасти обуславливалась ихъ форма. Cathedrae—назывались стулья, употреблявшіеся

Фиг. 524.

только одними женщинами; они походили, вѣроятно, на вышеописанные греческія стулья и, также какъ и тѣ, были безъ ручекъ (ср. фиг. 340). ² Кресло главы дома отличалось особой конструкціей: оно было настоящимъ кресломъ, со спинкою и съ ручками, и настолько высоко, что на него садились съ помощью скамейки (scabellum), которая поэтому составляла его необходимую принадлежность (фиг. 524 c; ср. фиг. 339). Оно называлось solium (название это въ послѣдствіи было перенесено и на тронъ). ³ Дальнѣйшія различія sellae опредѣлялись ихъ устройствомъ, величиною и матеріаломъ изъ котораго онѣ были сдѣланы. Были sellae съ одною спинкою безъ ручекъ, или только съ ручками безъ спинки, или же безъ спинки и безъ ручекъ (фиг. 524 d); иногда спинка и ручки соединялись вмѣстѣ въ одинъ выгнутый полукруглый щитъ или прислонъ (фиг. 524 b). Станокъ стула или кресла дѣлался то о четырехъ прямыхъ ножкахъ, то ящикомъ или цилиндромъ (фиг. 524 a), то складной на козлахъ. Кажется, впрочемъ, эта послѣдняя форма станка была принята для легкихъ сидѣній, которыя брали съ собою, напр. въ театры, когда еще въ нихъ не было скамей, и для sella curulis—курульного кресла (которое сначала тоже приносили съ собою въ засѣданіе). Величина сидѣній была различна не только въ отношеніи ихъ объема вообще, но и въ отношеніи помѣстительности, такъ какъ были сидѣнья двухъѣстные (bisellia) и даже много-мѣстные. По матеріалу, сидѣнья раздѣлялись на деревянные, бронзовые и каменные. Были также кресла плетенныя изъ камыша, какъ это показываютъ многія изображенія и подтверждаютъ недавно найденныя каменные кресла, обдѣланныя въ подражаніе плетенымъ (фиг. 524 a. b). ⁴

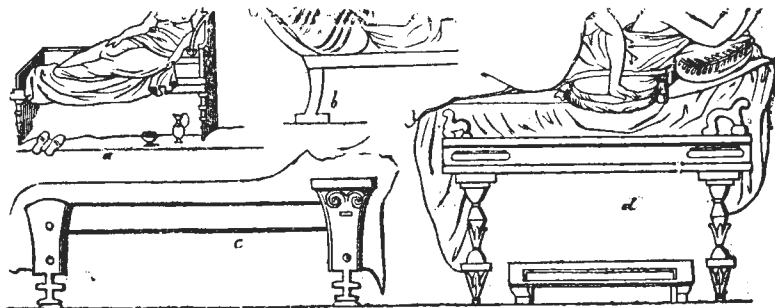
b. Кромѣ кресельныхъ скамеекъ, были другого рода приступки или скамьи (scamna или subsellia), употреблявшіяся преимущественно при ложахъ

¹ Sella balnearis или pertusa (на которой мылись въ баняхъ) обыкновенно каменная; sella familiarica (судно); sella tonsoria (парикмахерское кресло); sella gestatoria, fertoria и portatoria (портшезъ) и др. — ² Real Mus. Borb. IV. tav. XVIII; A. Böttiger. Sabina I, 35 sqq. 75 sqq. — ³ Real Mus. Borbon. VI. tav. LIII—IV; Th. Hope. Costume etc. II, 227. — ⁴ См. о римскихъ каменныхъ креслахъ найденныхъ въ римской гробницѣ близъ Кельна, въ Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinland (1843).

и ваннах (фиг. 526 d). Въ старину эти скамьи принадлежали, однакожь, къ числу мебели, такъ какъ по тогдашнему обычаю, на нихъ сидѣли дѣти и рабы у ногъ главы дома во время его обѣда; ¹ поэтому на нихъ дѣлались иногда невысокія спинки.

с. Ложа, или софы, или постели (*lecti*), состояли изъ станка съ натянутыми на немъ тесьмами (*fasciae, institae, restes*), тюфяка (*torus, culcita*), одѣяль (*vestes stragulae; stragula*) и подушекъ (*cervicalia*). Станки были металлическіе ² или деревянные, и въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно выложенные слоеной костью, черепахой и благородными металлами; нерѣдко съ ножками серебряными или даже золотыми. Станки дѣлались или со спинкой или безъ нея. Подушки были большею частью круглыя; головныя подушки набивали пухомъ. Богатые люди покрывали свои ложа (разумѣется парадныя и обѣденныя) дорогими коврами, ³ узорчатыми и съ золотыми вышивками.

Фиг. 525.

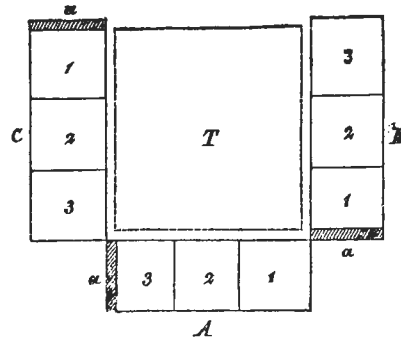
По назначенію своему эти ложа или софы раздѣлялись на *lecti cubiculares*—собственно постели, *lecti tricliniaries*—обѣденныя ложа, *lecti funebres*—на которыхъ выставляли тѣло умершаго, *lecti geniales*—парадные брачныя постели; *scimpodia*—низкія постели для больныхъ. *Lectus cubicularis* (спальная постель) походилъ на наши диваны, то есть имѣлъ спинку и стѣнки съ боковъ. ⁴ *Lectus tricliniarius* былъ безъ спинки и безъ стѣнокъ или съ одною только низкою стѣнкою (ср. фиг. 524 b. d); ⁵ *lectus funebris* былъ тоже безъ стѣнокъ и спинки (фиг. 525 c); *scimpodium*—со стѣнками въ головахъ и въ ногахъ, причемъ послѣдняя стѣнка дѣлалась наполовину ниже первой (фиг. 525 a); *lectus genialis* отличался отъ *cubicularis* или простой постели тѣмъ, что былъ выше ея и безъ стѣнки со стороны ногъ; на него всходили по приставной лѣсенкѣ о нѣсколькихъ ступеняхъ. ⁶ Наконецъ былъ еще родъ кроватей,

¹ A. Becker, Gallus. III, 115.—² Цѣльные металлическіе станки были кажется рѣдки; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не было найдено ни одного такого станка ни въ Помпеѣ, ни въ другихъ мѣстахъ.—³ О коврахъ древнихъ см. подробное изслѣдованіе Беккера: Gallus. II, 242 и слд.—⁴ F. Mori, Scult. di Mus. Capitol. II, tav. 6. 7; S. Bartolo. *Admiranda romanarum antiquit.* Fol. 69. 72.—⁵ S. Bartolo. Fol. 74, гдѣ она совершенно похожа на софу со спинкою и стѣнками; ср. также Th. More. *Costume*. II, 224; *Real. Mus. Borb.* III. tav. XXX.—⁶ Рисун. въ *Dictionnaire des antiquités, d'Ant. Rich.*

совершенно такого же устройства какъ наши нынѣшнія, т. е. съ прямыми стѣнками въ головахъ и ногахъ; онѣ назывались *lectuli*, кроватками, и служили для сна и сидѣнья, какъ наши кушетки. ¹

Для полнаго триkliniума ² (объединнаго стола, который назывался также какъ и самая столовая — *triclinium*) требовалось обыкновенно три ложа или софы, которыя ставились по тремъ сторонамъ четырехугольнаго стола (Т), четвертая же сторона его оставалась свободною (фиг. 526). Такъ какъ на каждой софѣ было три мѣста, то число обѣдавшихъ за однимъ столомъ никогда не превосходило девяти. ³ По мѣсту занимаемому софами (А. В. С.), онѣ назывались: верхнюю, *lectus summus* (С), среднюю — *lectus medius* (А) и нижнюю — *lectus imus* (В). Верхняя и средняя софы назначались для гостей, нижняя — для хозяина съ его домашними или его *umbrae* и *parasitae* (приживальщиками и прихлебателями). Почетными мѣстами на верхней и нижней софахъ были первыя со стороны стѣнки или прислона (1. 2. 3), а на средней — первое съ противоположной стороны, потому что оно было ближайшимъ къ первому мѣсту нижней софы, занимаемому хозяиномъ. Это мѣсто называлось консульскимъ (*consularis*). Такъ какъ каждому гостю подавалась подушка, на которую онъ опирался, то эти подушки замѣняли на вторыхъ и третьихъ мѣстахъ спинки, служа вмѣстѣ и раздѣломъ между мѣстами. ^{*}

Фиг. 526.

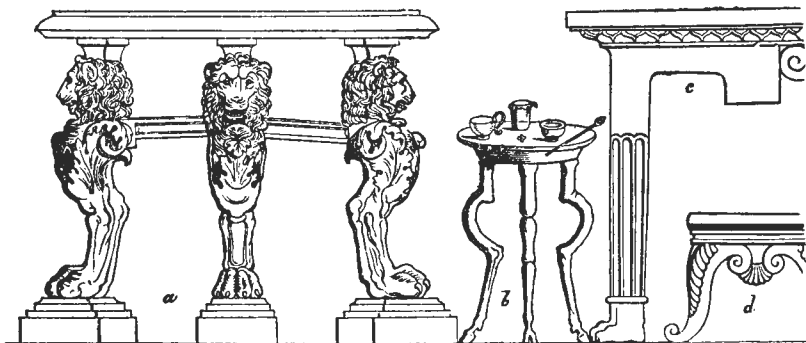
Введеніе круглыхъ столовъ вмѣсто четырехугольных измѣнило всё расположеніе триkliniума. Прежнія прямыя софы были замѣнены полукруглыми на подобіе старинной греческой буквы С (отчего и сами софы получили названіе сигмы); мѣста на нихъ считались начиная съ лѣваго конца, и число ихъ не ограничивалось тремя. Столъ помѣщался посрединѣ; кушанье ставили не прямо на столъ, а на особые поставцы (*repositoria*), съ которыхъ гости сами брали его. Въ послѣдствіи вошло въ обычай подавать кушанье гостямъ въ руки.

d. Столы ⁴ были различной величины, четырехугольные и круглые, о четырехъ и трехъ ножкахъ и одноножные. Въ отношеніи отдѣлки, украшеній, формы ножекъ и наконецъ матеріала, они представляли тоже много различій. Выше мы имѣли уже случай упомянуть о высокой стоимости сто-

¹ Рис. тамъ же. — ² A. Becker. Gallus. III, 204; W. Romsay. Roman. Antiqui. p. 440; — A. Rich. Dictionnaire. — ³ Не менѣе числа грацій и не болѣе числа музъ. — ^{*} Слѣдуетъ замѣтить, что софы были покаты отъ стола къ наружи, и что гости ложились на нихъ по діагонали лѣвымъ бокомъ, опираясь на лѣвый локоть. — Консульское мѣсто называлось такъ потому, что его занималъ консулъ когда его приглашали къ обѣду; оно было слѣдовательно самымъ почетнымъ изъ всѣхъ. Пер. — ⁴ A. Becker. Gallus. III, 216.

ловъ изъ рѣдкаго дерева. Здѣсь прибавимъ, что къ числу дорогой мебели принадлежали небольшіе круглые столики обѣ одной ножкѣ (*monopodia* и *orbes*), которые вывозили изъ Азіи: доска ихъ дѣлалась изъ названнаго въ приведенномъ примѣрѣ рѣдкаго дерева—*thuia cypressoides*, а ножка изъ слоновой кости. Ножкамъ дорогихъ столовъ чаще всего давали форму звѣриныхъ лапъ или ногъ животныхъ (фиг. 527 а, б), или дѣлали ихъ въ видѣ

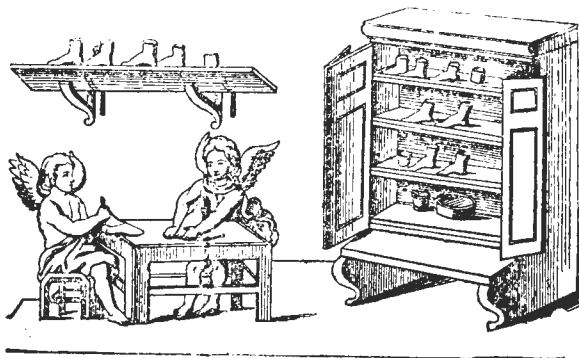
Фиг. 527.

прямыхъ столбиковъ опирающихся на лапы (фиг. 527 с). Особого рода низенькіе металлическіе и мраморные столики, служившіе для постановки декоративныхъ вазъ и другихъ подобныхъ вещей, назывались — *mensae vasariae* и *mensae delphicae*. *Mensae vinariae* были небольшіе красивые столики, на которыхъ подавали вино.—Между многими обломками столовъ, ¹ въ Помпеѣ былъ найденъ хорошо сохранившійся мраморный столъ, который можетъ служить образчикомъ художественной отделки этой мебели у Римлянъ (фиг. 527 а).

е. Къ комнатной мебели принадлежали также сундуки (*capsae, arcae*) и шкафы (*armaria*). ² Сундуки, въ которыхъ хранили также деньги и дру-

Фиг. 528.

¹ R. Mus. Borbon. III, tav. LIX; VII, tav. XXVIII; сравни также I, tav. XLVIII; III, tav. XXX. — ² A. Becker. Gallus. II, 262.

гій цѣнности, были большею частью металлическіе или деревянные обитые крѣпкими металлическими полосами. Устройство римскихъ шкафовъ намъ извѣстно только по одному дошедшему до насъ рисунку (фиг. 528), изъ котораго видно, что они, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, походили на наши; тотъ же рисунокъ показываетъ стѣнную полку совершенно сходную съ нынѣшними. Для храненія небольшихъ вещей, напримѣръ туалетныхъ принадлежностей, имѣлись красивые ящички — *cistellae* и *loculi*, металлическія корзиночки и т. п. несесеры. ¹

f. Зеркала (которыя дѣлались только металлическія) ² и часомѣры ³ хотя и были извѣстны Римлянамъ гораздо ранѣ императорской эпохи, но встрѣчались въ то время, по всей вѣроятности, очень рѣдко. По свидѣтельству Плинія, часомѣры (солнечные, устроенные по образцу греческихъ *polos*) были введены около 294 г. до Р. X.; они назывались *solaria*; дѣлали ихъ изъ камня и притомъ различныхъ формъ, что доказывается многими дошедшими до насъ экземплярами. ⁴ Затѣмъ появились, тоже уже извѣстные Грекамъ, водяные часомѣры, за которыми осталось ихъ греческое названіе *clepsydrae*. О большихъ городскихъ солнечныхъ часахъ, устроенныхъ въ Римѣ Августомъ (*gnomon*), было уже говорено выше. Первые водяные часы, тоже для общественнаго употребленія, были поставлены Сципіономъ Назикою за 159 лѣтъ до Р. X.

Игральныя приборы

Римлянъ, ⁵ также какъ и самыя употребительныя у нихъ игры были все греческія, перенятія ими отъ Грековъ. Не останавливаясь на дѣтскихъ игрушкахъ, которыя безъ сомнѣнія были также разнообразны у римскихъ дѣтей какъ и у греческихъ, ⁶ упомянемъ здѣсь лишь объ играхъ взрослыхъ. Самую любимѣйшую изъ нихъ была игра въ кости ⁷ (*alea*), которой римляне предавались съ такою страстью, что правительство не разъ издавало противъ нея запретительные декреты. Кости были двухъ родовъ: *tali* и *tesserae*; первые походили на *astragalae*, а послѣднія на *kyboi* Грековъ. Стаканъ или рожокъ для бросанія костей назывался *pyrgus* или *turricula*, а доска—*abacus* или *alveus*, смотря потому, была ли она гладкая безъ бортовъ, или съ бортами.

¹ A. Böttiger. Sabina. passim; A. Becker. Gallus II, 263.—² A. Böttiger. Sabina; A. Becker. Gallus. II, 216, 260.—³ Pierre Dubois. Histoire et traité de l'horlogerie ancienne et moderne, précédés de recherches sur la mesure du temps dans l'antiquité etc. Paris 1850; A. Becker. op. cit. II, 297.—⁴ Cp. F. Avellino. Descr. di una casa pp. 29, 32, 60. Солнечные часы «Федра» въ британск. Музеѣ: The antiquities and marbles in the British Museum etc. London. 1848, и Беккеръ въ назв. мѣстѣ.—⁵ A. Becker. Gallus III, 252 sqq.; тамъ же и литература.—⁶ H. Meyer. Antiquarische Rhapsodien (Über alte röm. Münzen und Alterth., Spielgeräthe röm. Mädchen etc.) Mit 8 Tafeln. Tuttlingen. 1848 A. Böttiger. Sabina I, 275; A. Becker. Gallus. II, 54 sqq.—Многочисленныя вещицы изъ терра-коты, которымъ теперь любятъ придавать особенное символическое значеніе, слѣдуетъ кажется считать тоже дѣтскими игрушками. Макробій (Saturnal. I. II) говоритъ о праздникѣ Sigillaria, что и получающимъ дѣтямъ онъ приноситъ радость, снабжая ихъ глиняными игрушками.—⁷ F. Ficcoroni. Sopra i tali ed altri strumenti lusorii degli antichi Romani. Roma 1734.

Другія тоже общеупотребительныя игры назывались *ludus latrunculorum* и *ludus duodecim scriptorum*.¹ Обѣ онѣ игрались шашками на доскѣ, которая въ послѣдней игрѣ дѣлилась на поля двѣнадцатью линиями.—Греческая игра *kottabos* (см. выше стр. 229) и въ чѣтъ и нечѣтъ были тоже извѣстны Римлянамъ; въ нихъ играли обыкновенно на пирушкахъ.²

Музыкальные инструменты.

У Римлянъ, какъ и вообще у италійскихъ народовъ, не было никакихъ собственныхъ музыкальныхъ инструментовъ, кромѣ флейты (если не считать военные рога и трубы). Струнные инструменты были перенесены къ нимъ, вмѣстѣ съ греческою музыкою, греками, что случилось уже въ позднее время.³ Флейта была издавна извѣстна Этрускамъ, которые получили еѣ вѣроятно съ Востока и до такой степени усовершенствовали, что, по свидѣтельству Поллукса, у нихъ былъ даже инструментъ въ родѣ органа, составленный изъ бронзовыхъ флейтъ, въ которыя воздухъ вдувался мѣхами или, при большихъ размѣрахъ инструмента, давленіемъ воды.⁴ Отъ Этрусковъ флейта перешла къ Римлянамъ, вѣроятно тоже очень рано, такъ какъ уже Нумою была учреждена въ Римѣ коллегія флейтчиковъ (*collegium tibicinum*). Поэтому неудивительно, что первые явившіеся въ Римѣ греческіе флейщики потерпѣли въ немъ совершенную неудачу, особенно если допустить, что римскія флейты были уже и тогда гораздо лучшей конструкціи чѣмъ греческія—что весьма вѣроятно.

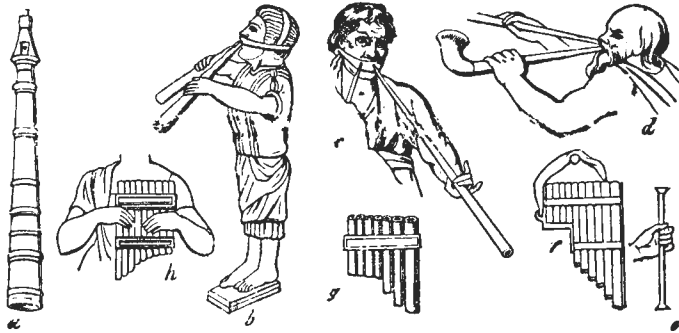
а. Основываясь на разныхъ замѣткахъ о формѣ римской флейты⁵ надобно предполагать, что первоначально она дѣлалась изъ кости и притомъ, какъ показываетъ и самое названіе ея—*tibia*, изъ берцовой кости ноги. Изъ первобытной ея формы—простой дудки съ дульцемъ и четырьмя отверстіями (фиг. 529 а. е), выработались всѣ остальные формы, различавшіяся особыми названіями.

Можно полагать, что не только у Римлянъ, но и у древнихъ Этрусковъ флейты выдѣлывались изъ всякаго вещества, соотвѣтствовавшаго назначенію инструмента. Извѣстно напр., что у Этрусковъ были флейты изъ слоновой кости,⁶ изъ буксоваго дерева (преимущественно богослужебныя флейты),⁷ изъ лотосоваго корня, изъ ослиныхъ костей и серебра; была найдена также бронзовая этрусская флейта (фиг. 529 а). Флейты были одиночныя и двойныя. Къ одиночнымъ (*monaulos*) принадлежали: *tibia*,⁸ самая древняя и простѣйшая форма флейты; *tibia gingrina* —

¹ A. Becker, op. cit.; ср. *Pitture d'Ercolano*. IV. tav. 43.—² «Amor und Ganymedes die Knöchelspieler» въ *Амалтеѣ*, Бöttigera. I, 175.—³ Еще въ 115 до Р. X. римскій сенатъ пытался воспрепятствовать вторженію греческой музыки запрещеніемъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, кромѣ одной только флейты. Th. Mommsen. *Röm. Gesch.* II, 461, ср. I, 207—209.—⁴ O. Müller. *Die Etrusker* II, 199. 205 и подробности Ph. Buttmann. *Beitrag zur Erläuterung der Wasserorgel und der Feuerspritze des Hero und des Vitruv.* См. также H. Krause. *Gesch. der Erziehung*, p. 205.—⁵ Главный источникъ: Casp. Bartholini. *De tibiis veterum et earum antiquo usu libri tres*. Amstelod. 1679.—⁶ Virgil. *Georg.* II. 149. — ⁷ Plin. *Hist. nat.* XVI. 66. — ⁸ S. Bartolo. *Admiranda Romanarum*. Fol. 45.

длинная и тонкая тростниковая дудка, въ которую дули съ боку (вѣроятно восточнаго происхожденія; ¹ ср. фиг. 80 e. f.); *tibia obliqua* и *tibia*

Фиг. 529.

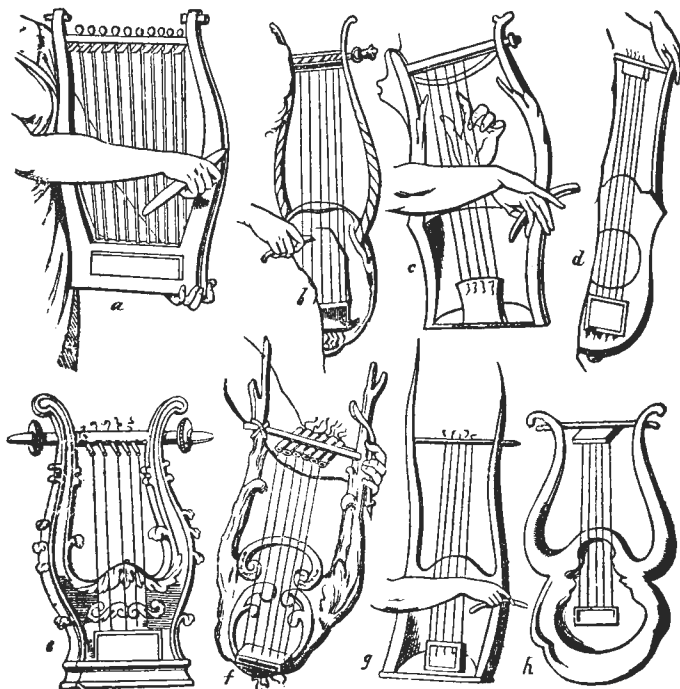
vasca, у которыхъ мунштуки или дульца были приделаны съ боку, какъ у нынѣшнихъ фаготовъ; ² *tibia longa*, ³ употреблявшаяся единственно при богослуженіи; *tibia curva*, ⁴ съ загнутымъ концомъ, заимствованная отъ фригійцевъ (фиг. 529 d); *tibia ligula* можетъ быть походившая на нашъ флажолетъ, и наконецъ, *fistula* или *syrinx* (цѣвница) — соединеніе нѣсколькихъ простыхъ флейтъ неравной длины (фиг. 529 f. g. h). Двойныя флейты были трехъ родовъ: соединенныя вмѣстѣ однимъ мунштукомъ, отдѣльныя совершенно одинаковыя, и отдѣльныя несходныя между собою (фиг. 529. b. c. d.). Одинаковыя флейты назывались *tibiae pares*, несходныя — *tibiae impares*. Въ *tibiae impares* различали правую и лѣвую флейты (*tibia dextra* и *tibia laeva* или *sinistra*): на первой играли правою рукою, на послѣдней лѣвою; тонъ первой былъ ниже тона второй, почему она преобладала въ серьезной, торжественной музыкѣ, а вторая въ веселой; ⁵ правая флейта называлась также *incentiva*, потому что она начинала, а лѣвая — *succentiva* или аккомпанирующая. *Tibiae pares* представляются на памятникахъ флейтами различной величины и формы, то прямыми, то изогнутыми, ⁶ и въ послѣднемъ случаѣ иногда расходящимися начиная только съ середины (*tibiae bifores*). ⁷ Одинакія по формѣ и тону флейты назывались также *tibiae sarranae*; отъ нихъ отличались *tibiae milvinae*, но въ чемъ состояло это отличие — неизвѣстно. При игрѣ, римскіе флейтщики, подобно греческимъ, накладывали себѣ на ротъ повязку съ отверстіями, въ которыя вставляли дульца флейтъ (фиг. 529 b. c; ср. фиг. 349 c).

б. Струнные инструменты появились у Римлянъ не ранѣ императорской эпохи. ⁸ Они были заимствованы ими частію отъ Грековъ, частію

¹ Ср. O. Müller. Etrusker II, 202. — ² Th. Panofka. Antikenkranz zum 5. Berliner Winckelmanns Fest. Berlin. 1845. Fig. 8. — ³ Casali. Splend. Urbis. Romae III. 1: S. Bartolo Admiranda Roman. Fol. 9. — ⁴ Ibid. Fol. 17. — ⁵ A. Becker's Handbuch IV, 542. — ⁶ S. Bartolo. Admiranda Romanarum. Fol. 51. F. Inghirami. Mon. Etrusc. Ser. II. tav. 17; Ser. III. tav. 20. Gori. Mus. Etrusc. I. tav. 63; 133. — ⁷ S. Bartolo. Ibid. Fol. 47. — ⁸ H. Krause. Gesch. der Erziehung etc. p. 322, 364; Th. Mommsen. Röm. Gesch. I, 209.

отъ западноазійскихъ народовъ, нѣкоторые даже отъ Египтянъ, и все сохранили свои мѣстные названія безъ всякаго измѣненія или только слегка олатинизированныя (ср. фиг. 530 и стр. 231, фиг. 346 и слѣд.). Все струнные инструменты назывались общимъ именемъ *fides* или *fidis*. Главнѣйшими изъ нихъ были—киѳара (*cithara*) и лира въ ея различныхъ видахъ, ¹ какъ *testudo* или *chelis* (фиг. 530 а. с. е. f. d), *barbitos* (d) и *cornu* (b. g), называвшаяся такъ потому, что вѣтви ея походили на рога, а иногда и дѣйствительно дѣлались изъ цѣльныхъ роговъ дикой козы или антилопы. Позднѣе, для большихъ музыкальныхъ представленій, были прибавлены греческій *trigonum* (фиг. 347), египетская гитара или *psalterium* (см. выше фиг. 83 i), восточные — арфа, самвика, наблій (ср. фиг. 81 и 82) и вообще почти все тогда извѣстные инструменты.

Фиг. 130.

с. Къ ударнымъ инструментамъ принадлежали: *scabillum* — двѣ соединенныя шарнеромъ довольно толстыя дощечки, которыя подвизывали подъ ступню какъ подошву и, наступая на нихъ, били тактъ; * *cymbalum* ² тоже что наши тарелки (фиг. 351 b); *crotala* и *crusmata* — родъ ка-

¹ Real. Mus. Borbon. X, tav. VI, VII, LIV; vol. XI, tav. XXXI; vol. XII, tav. X, XXXIV sqq.—² Между дощечками была вложена металлическая машинка, которая звучала, когда нажимали *scabillum* (Rich. Dictionnaire des antiq.)—² F. A. Lampe. De cimbali veterum. Trajecti ad Rhenum, 1703. Monum. dell'Institut. 1843. Tav. LIX; O Müller. Denkm. B. Taf. XXXIX. № 463; XLVI. № 579; XLIX. № 615.

станьеть (фиг. 80 а и фиг. 270); тамбуринъ или *tympanum* (фиг. 351 а), треугольникъ — *triangulum*, ¹ египетскій сistrъ ² (фиг. 80 б), введенный вмѣстѣ съ культомъ Изиды, и различные инструменты изъ колокольчиковъ (*tinnabula*), ³ въ томъ числѣ *crepitaculum* — вѣроятно родъ бубна или погремушки изъ бубенчиковъ. Къ послѣднему разряду слѣдуетъ отнести найденный въ Этруріи (и часто встрѣчающійся въ изображеніяхъ вакхическихъ сценъ) ⁴ металлическій инструментъ, состоящій изъ плоскихъ кружечковъ, нанизанныхъ на бронзовый прутъ. ⁵

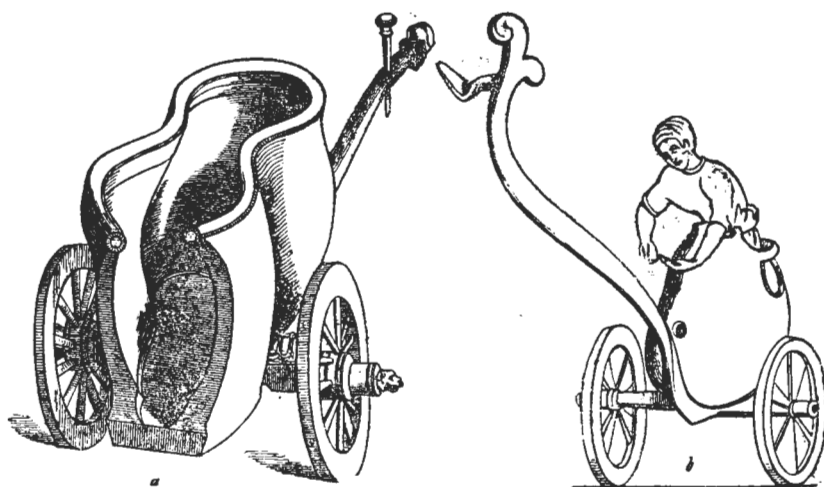
Гимнастическіе приборы

Италійцевъ ограничивались до эпохи полного преобладанія греческаго вліянія очень немногими принадлежностями для тѣлесныхъ упражненій, которыя у нихъ имѣли цѣлю не правильное развитіе тѣла, какъ у Грековъ, а лишь укрѣпленіе его для военныхъ трудовъ и пріученіе къ перенесенію всякой боли. Въ силу именно такого воззрѣнія и возникли уже у древнихъ Этрусковъ ⁶ тѣ возмутительные для эллинскаго чувства кровавые гладіаторскіе и кулачные бои, которые въ послѣдствіи были переняты Римлянами и слѣдъались однимъ изъ любимѣйшихъ ихъ зрѣлищъ, между тѣмъ какъ настоящія гимнастическія упражненія никогда не достигали у нихъ того значенія, какое они имѣли у Грековъ. ⁷ Даже и въ позднѣйшую, императорскую эпоху, ими занимались или для развлеченія, какъ и всякою другою игрою, или съ гигиеническими цѣлями, и то лишь одни мужчины, такъ какъ римское чувство приличія не допускало ихъ для женщинъ. Изъ всего этого слѣдуетъ само собою, что, кромѣ описанной выше перчатки кулачныхъ бойцовъ, или *caestus*, и нѣкоторыхъ принадлежностей старинныхъ чисто италійскихъ игръ, весь гимнастическій снарядъ Римлянъ былъ греческій. Поэтому, не повторяя сказаннаго о немъ въ своемъ мѣстѣ, замѣтимъ здѣсь, что изъ легкихъ гимнастическихъ игръ у Римлянъ была особенно любима игра въ мячъ, которую играли на различные лады. ⁸ Мячи (*pilae*) дѣлались обыкновенно кожаные, набитые шерстью, перьями и т. п. Были мячи расписанные (*pilae pictae*). *Follis* назывался большой мячъ наполненный воздухомъ и потому очень легкій; другой родъ мячей, нѣсколько меньше *follis*, набитыхъ перьями, назывался *raganica*. Изъ остальныхъ гимнастическихъ приборовъ наиболѣе употребительные были—дискъ (*discus*: фиг. 351), гантели (*halteres*) ⁹ и желѣзный инструментъ для очищенія кожи отъ пота и пыли — *strigiles* (ср. фиг. 353). Высказанное выше (стр. 235) предположеніе о томъ, что при греческихъ гимназіяхъ находились особыя

¹ Bartolo. *Admiranta Romanar.* Fol. 74 (1. 4); O. Müller. *Denkmäl. B. Taf. XXXVII.* № 432 а.—² A. Baccini. *De sistris eorumque figuris ac differentia dissertatio.* Traj. ad Rhenum. 1696.—³ H. Magius. *De tintinnabulis liber.* Amstelod. 1664; O. Müller. *Denkmäl. B. Taf. XLII.* №. 522; LXIII. № 181 sqq.—⁴ G. Zoega e Pirola. *Li bassirilievi antichi etc.* 4 vol. Roma 1808. Tav. LXXXII: ср. Th. Panofka *Bilder ant Lebens.* Taf. IX. 2; O. Müller. *Denkmäl. B. Taf. XLIII.* № 544.—⁵ W. A. Becker. *Mittelitalien.* p. 385 со ссылкой на Vermiglioli. *Sepolcri dei Volunij.*—⁶ O. Müller. *Die Etrusker II.* 218.—⁷ A. Becker. *Gallus.* III, 91; H. Krause. *Gesch. der Erziehung.* p. 293; 328; 364.—⁸ A. Becker. *Ibid.* p. 93.—⁹ W. A. Becker. *Augusteum.* Taf. CIX; H. Krause. *Gymnastik und Agonistik.* Taf. 8, 9, 15, 18.

помѣщенія для безотлагательнаго поданія медицинской помощи, можетъ быть, кажется, допущено и относительно римскихъ цирковъ. Покрайней мѣрѣ къ личному составу прислуги, которую содержали различныя партіи любителей ристаній (*factiones*), принадлежали также и лѣкаря. ¹ Въ Помпеѣ были найдены бронзовые хирургическіе инструменты, и нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно удобной конструкціи, едва ли уступающей нынѣшней (въ томъ числѣ: *speculum magnum matricis*, *speculum ani*, щипцы для извлеченія раздробленныхъ костей, пинцеты для перевязыванья артерій и т. п.) ².

Фиг. 531.

Римскія колесницы ³—*carruca* (употреблявшіяся единственно для ристаній, а не въ бою) были совершенно такого же устройства, какъ и греческія ⁴ или, что тоже, древневосточныя (фиг. 531 а. б. ср. фиг. 314; 162; 145; 113 б; 96, 86, 85), отличаясь отъ нихъ, и то лишь въ раннюю догреческую эпоху, менѣе красивою формою и большею простотою. Какъ показываютъ сохранившіяся въ цѣлости древнеримская колесница въ Ватиканѣ (фиг. 531 а) и совершенно подобная ей небольшая этруская модель (фиг. 531 б) вмѣстѣ съ обломками древнеэтруской колесницы, ⁵ покрытыми рельефами,—колесницы дѣлали изъ дерева и обивали бронзовыми листами или обтягивали кожей; бронзовыя колесницы были рѣдки. Кузовъ (*plaximum*) лежалъ прямо на оси (*axis*), на которой были надѣты колеса (*rotae*) изъ деревянныхъ косяковъ (*absides*), связанныхъ шиною (*canthus*). Дышло

¹ A. Becker's Handbuch. IV, 514. Not. 3304.—² Описаны и срисованы Бенедетто Вудьни въ Real. Mus. Borb. vol. XIV. Tav. XXVI. —³ Рисунки у J. C. Ginzrot въ вышеназв. сочин.; A. Becker's Handb. IV, 508 и 518; Th. Hope. Costume. II 205, 263, 271.—⁴ По Мюллеру, колесницы перешли къ Римлянамъ отъ Этрусковъ (Die Etrusker. II, 220); слич. однакожъ L. Lange. Röm. Alterth. I, 43 и Th. Mommsen. Röm. Gesch. I, 8; 211.—⁵ Объ этихъ обломкахъ, находящихся теперь въ Мюнхенѣ, см. F. Inghirami: Mon. Etruschi. Ser. III. tav. 23—25; G. Micali. Antichi monum. tav. XXVIII; O. Müller. Denkmäler. A. Taf. LIX. 297. 298.

(*temo*) приделывалось къ серединѣ оси, къ нему прикрѣплялось ярмо (*jugum*), которое было всегда парное (отчего и сама колесница называлась парною—*biga*). Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда запрягали четыре лошади (*quadriga*), однѣ дышловыя шли въ ярмѣ, пристяжныя пристегивались къ дышлу; употреблялись ли при этомъ постромки—неизвѣстно. ¹ Самыя обыкновенныя запряжки были парю и четвернею; тричная (*triga*) употреблялась, кажется, рѣдко и еще рѣже, въ особенныхъ только случаяхъ, запрягали болѣе четырехъ лошадей: Неронъ на олимпійскихъ играхъ правилъ колесницею запряженною десятию лошадьми (*decemjugis*); столько же лошадей везли триумфальную колесницу Траяна.

Перевозныя снаряды.

Для перевозки сухимъ путемъ, какъ людей, такъ и вещей, употреблялись телеги и повозки, двухъ и четырехъ-колесныя, носилки и портшезы. ²

Портшезы (*lectica*), появившіеся въ Римѣ послѣ войнъ въ Азіи и оттуда вывезенные, сдѣлались при императорахъ обычнымъ средствомъ передвиженія зажиточныхъ людей и даже предметомъ моды. ³ Устройствомъ они походили на нынѣшніе восточные паланкины и были открытые и закрытые, съ занавѣсками (*plagulae*), въ которыхъ были вставлены окна, вѣроятно изъ слюды. Для ношенія портшезовъ (въ городѣ) держали особыхъ рабовъ или нанятыхъ слугъ, а въ дорожныя портшезы запрягали двухъ муловъ, одного спереди, другого сзади; такая запряжка называлась *basterna*. Число носильщиковъ зависѣло отъ величины и тяжести портшеза и доходило иногда до восьми. Портшезъ съ восемью носильщиками назывался *octophoros*. Легкіе портшезы носили, положивъ шести ихъ прямо на плеча, тяжелые на ремнѣ (*struppis*), который носильщики навѣшивали себѣ черезъ плечо. Въ послѣднее время вошли въ моду *sellae gestatoriae*—кресла на носилкахъ, обыкновенно безъ верха.

Экипажи, ⁴ въ собственномъ смыслѣ, употреблялись единственно для путешествій и загородныхъ поѣздокъ; въ самомъ же Римѣ ѣзда въ нихъ была запрещена всѣмъ, кромѣ жрецовъ во время отправленія ими празднествъ, весталокъ и, позднѣе, высшихъ магистратовъ. ⁵ Даже повозки съ товарами и кладью могли проѣзжать городомъ лишь рано утромъ. Несмотря, однакожъ, на такое ограниченное употребленіе, римскіе экипажи были очень разнообразны и носили различныя названія, зависѣвшія отъ ихъ формы и на-

¹ У ватиканской колесницы, между колесами и кузовомъ, есть приспособленія, которыя повидимому указываютъ на употребленіе постромокъ; ср. нашу фигуру.—² А. Becker. Gallus. I, 1 sqq.—³ Alstorff. De lecticis veterum diatribe. Amstel. 1704; L. Ludwig. Id. Lips. 1705.—⁴ Schefferi. De re vehiculari veterum liber II in Poleni thes. t. V: Pyrci Ligorii de vehiculis antiquis diatribe; Beckmann. Gesch. der Erfindungen. I, 390; Ginzrot. Wagen und Fuhrwerke etc. A. Böttiger. Sabina. II 11, 179, 212; W. H. Mathias. Ueber Posten und Post-Regale. Berlin, 1832. I, 57; F. Vogel. Gesch. der denkwürdigsten Erfindungen. Neue Folge I. Lpzg. 1845. A. Becker. Gallus. III, 7 sqq.—⁵ Клавдій и позднѣйшіе императоры не разъ возобновляли это запрещеніе. A. Becker. I. cit.

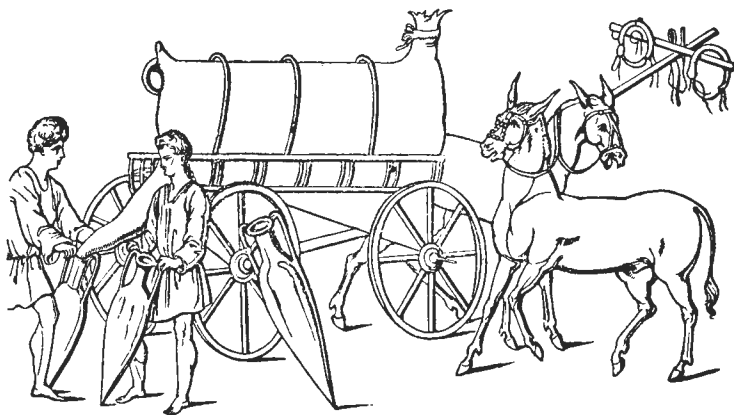
значенія. Нѣкоторые изъ нихъ были туземнаго происхожденія, другіе заимствованы отъ иностранцевъ. Всѣ они раздѣлялись по числу колесъ на двухколесные и четырехколесные. Изъ двухколесныхъ (*birotae*) самымъ древнѣйшимъ былъ *carpentum* — ¹ довольно просторная крытая повозка, употреблявшаяся магистратами для ѣзды въ городъ, а знатными для небольшихъ загородныхъ поѣздокъ; поэтому наружность и отдѣлка ея часто измѣнялись по прихотямъ моды. Другой родъ *carpentum* служилъ для перевозки погребальныхъ урнъ и назывался *carpentum funebre* или *rompaticum*; устройство его было нѣсколько отлично отъ перваго, а отдѣлка всегда очень богата. *Carpenta* назывались также и повозки поселянъ — простые телеги съ верхомъ. *Cisium*, *essedum*, *covinus* и *carrus* — легкіе открытые экипажи, перенятые Римлянами отъ Бриттовъ и Белговъ, походили, быть можетъ, на нынѣшніе итальянскіе двухколесные кабриолеты или калесино (ср. фиг. 335 b). — Двухколесныя повозки для клadi назывались *plaustrum* или *sarracum*, *plostellum*, *arcuma*, *vehela*, *vehes* или *vehis*, и *epirhedium*: ² *plaustrum* — очень прочная повозка на массивныхъ колесахъ (ср. фиг. 113 a), то съ кузовомъ, то безъ него; *plostellum* — таже повозка, только меньшихъ размѣровъ; *arcuma* — состояла изъ широкой доски на колесномъ станкѣ (ср. фиг. 355 a); устройство остальныхъ намъ неизвѣстно. — Къ двухколеснымъ экипажамъ могутъ быть также отнесены; триумфальныя колесницы — *carrus trimphales*; ³ колесницы съ богатымъ балдахиномъ, въ которыхъ перевозили изображенія боговъ, ⁴ — *tensae*, и даже двухколесныя кресла для больныхъ — *chiramaxia* (ср. фиг. 141 E).

Къ четырехколеснымъ экипажамъ и повозкамъ принадлежали: заимствованная отъ Галловъ *rheda* — родъ дорожнаго возка, въ которомъ могли помѣститься нѣсколько человекъ вмѣстѣ съ поклажей; ⁵ *carruca* — экипажъ по преимуществу парадный, ⁶ съ верхомъ и очень высокимъ ходомъ; Неронъ возилъ за собою иногда болѣе тысячи такихъ экипажей, а при Маркѣ Антоніѣ, Геліогабалѣ, для торжественныхъ процессій въ нихъ запрягали львовъ, тигровъ, оленей, собакъ и даже страусовъ (Былъ впрочемъ родъ *carruca* для обыкновенной ѣзды — закрытая со всѣхъ сторонъ повозка называвшаяся *carruca dormitoria*). *Pilentum* и *haramaxia* (послѣдній взятый изъ Персіи) назывались крытые экипажи, въ которыхъ ѣздили женщины; они завшивались занавѣсками. Изъ простыхъ четырехколесныхъ повозокъ извѣстны — *petorritum*, родъ фургона, въ которомъ перевозили рабовъ и ѣздили бѣдные люди; *asera*, *benna* (объ съ плетеными кузовами) и массивный *plaustrum magis* служили для перевозки клadi и товаровъ; *chamulcus* — вѣроятно родъ дровней на колесахъ, употреблялся для перевозки мраморныхъ глыбъ, большихъ статуй и другихъ тяжестей; *clavula*, *clabula* и *clabulare* — подъ которыми слѣдуетъ, можетъ быть, разумѣть легкія те-

¹ Ginzrot, op. cit. I, 441. — ² S. Bartolus, Admir. Romanar. Fol. 4; 25; 8; его же: Colonna Traj. Fol. 115. — Ср. также Pauly, Realencyklopaedie. — ³ P. Bellori, Veteres arcus Augustorum, Fol. 4; 15; S. Bartolo, Admir. Romanarum, Fol. 8. и Colonna Trajana, Fol. 115. — ⁴ Th. Hope, Costume, II № 222. — ⁵ Ginzrot, Taf. XX. — ⁶ Bartoli, Colonna Antonina, Fol. 115; 134; 141 и 142; P. Bellori, op. cit. fol. 46.

леги, подобныя встрѣчающимся на помпейскихъ картинахъ телегамъ для перевозки мѣховъ съ виномъ (фиг. 532).¹

Фиг. 532.

Въ экипажи запрягали большею частью лошадей; тяжолыя и вообще простыя повозки возили на мулахъ и быкахъ. Богатые люди ѣздили на лошадяхъ малорослой галльской породы, которыя назывались *burrichi* и *man-ni*. Экипажная упряжь ничѣмъ не разнилась отъ колесничной: дышловыхъ запрягали въ ярмо,² пристяжныхъ привязывали веревочными постромками (*funales*), пристегивавшимися къ нагруднику и подпругѣ.³ При запряжкѣ въ одиночку, дышло замѣняли оглоблями (*furca*) съ одиночнымъ ярмомъ. Лошадей погоняли бичомъ (*scutica*) или кнутомъ (*flagellum*); быковъ и муловъ—палкою съ остриемъ на концѣ (*virgo* и *stimulus*). Тормазь былъ извѣстенъ и назывался *sufflamen*.

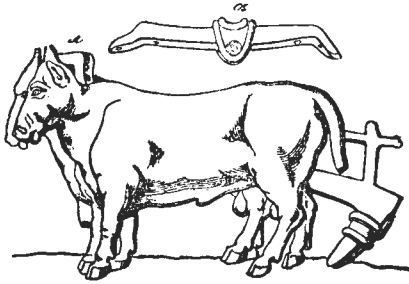
Сельскохозяйственныя орудія

италійскихъ земледѣльцевъ, несмотря на раннее развитіе земледѣлія въ Италіи,⁴ были нисколько не усовершенствованныя тѣхъ, которыя знали и употребляли тоже съ незапамятныхъ временъ греческія, именно аттическія племена. Самое главное земледѣльческое орудіе—плугъ⁵ былъ извѣстенъ италійцамъ въ тѣхъ же двухъ видахъ, въ какихъ онъ описанъ у Гезіода, т. е. ручной (соха) и колесный. Древнеэтруская бронза представляетъ устройство перваго (фиг. 533 ср. фиг. 356): онъ состоялъ изъ кривого дерева (*buris*) съ желѣзнымъ сошникомъ (*dens*), дышломъ (*temo*) и рукояткою

¹ Real. Mus. Borb. IV. Tav. A; V. tav. XLVIII.—² Рисунокъ въ *Diction. des antiquités etc. Rich.*, подъ сл. *jugum* (Преставленное на этомъ рисункѣ ярмо не похоже на обыкновенное: оно плоское, имѣетъ видъ доски и лежитъ у лошадей на спинѣ, къ которой прикрѣплено подпругою и нагрудными ремнями. Пер.)—³ *Ginzrot. Wagen und Fahrwerke. I. T. III. до IV. B.*—⁴ *W. Wachsmuth. Allgem. Culturgesch. I, 359; G. Klemm. Allg. Culturgeschichte der Menschheit. VIII, 376 sqq.*—⁵ *O. Müller. Die Etrusker. I, 255; II, 145.*

(stiva). Колесный плугъ описанъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сельскими орудіями, Виргиліемъ (Georgica I. 160 sqq).

Фиг. 533.

Точно также ничѣмъ не отличались отъ греческихъ орудія и принадлежности винодѣлія,¹ охоты, рыболовства, скотоводства,² и пр., бывшія въ употребленіи у Римлянъ; поэтому всё, что было сказано въ своемъ мѣстѣ о первыхъ, вполне примѣняется и къ римскимъ.—

Въ дополненіе къ предшествовавшему, перечислимъ здѣсь нѣкоторыя мелкія ремесленные орудія, о которыхъ мы еще не упоминали. Они

дошли до насъ отчасти въ сохранившихся экземплярахъ, отчасти въ изображеніяхъ. Къ первымъ принадлежатъ, еще годные къ употребленію, циркули прямые и кривоножные, ватерпасы, бронзовыя линейки и т. п. вещи. Ко вторымъ: подобный нашимъ прессамъ для столоваго бѣлья, платяной прессъ³—главный снарядъ римскихъ суконщиковъ; верстакъ, различные молотки и пилы (послѣднія довольно сходны съ нашими, но безъ закрутки);⁴ принадлежности для живописи: кисти, красочный ящикъ, палитра и мольбертъ;⁵ палитра безъ отверстія для большаго пальца, какъ у нашихъ, но тоже овальная; мольбертъ совершенно нынѣшняго устройства.—Землемѣрный инструментъ Римлянъ назывался groma. По предположенію Беккера (Handbuch. III, 310 Not. 1734), устройство его было слѣдующее: „къ желѣзной подставкѣ или мензулѣ придѣлана двойная, подъ прямымъ угломъ пересѣкающаяся алидада, на четырехъ концахъ которой поставлены діоптры съ нитями въ отверстіяхъ. При нацѣливаніи, нити двухъ противостоящихъ діоптровъ должны покрывать одна другую“.

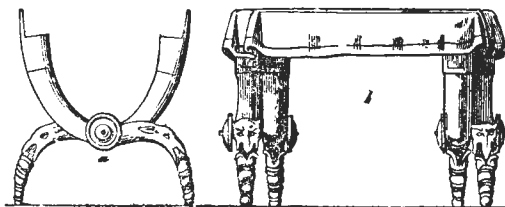
Говоря выше о различныхъ государственныхъ должностяхъ существовавшихъ въ древнемъ Римѣ, мы упоминали и о вещественныхъ отличіяхъ (инсигніяхъ) этимъ должностямъ присвоенныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ отличій (scipio eburneus, fascies, currus triumphalis) были нами описаны, другія же только названы: къ числу послѣднихъ принадлежитъ и sella cu-lulis, относительно которой мы войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

Это сѣдалище, котораго названіе не допускаетъ никакого толкованія,⁶ въ незапамятныя времена перенесенное къ Римлянамъ съ Востока, прямо ли, или черезъ посредство Этрусковъ,⁷ сохранило до конца свою первоначальную форму складного табурета на выгнутыхъ ножкахъ (фиг. 534; ср. фиг.

¹ Относящаяся сюда изображенія не рѣдки: см. между проч. Real Mus. Borbon. II, tav. XI; Zoega. Bassirilievi ant. tav. LXXXVII; Bassir. della villa Albani, tav. XXVI.—² Real Mus. Borb. VIII, tav. XX; Bartoli. Veteres arcus Aug. Fol. 34—38; Admir. Rom. Fol. 84; Pitture d'Ercolano. II, 273.—³ R. Mus. Borb. VI, tav. XV; IV, tav. L.—⁴ Pittur. d'Ercolano. I, tav. XXXIV.—⁵ R. Mus. Borbon. VIII, tav. III.—⁶ A. Becker. Handb. II, 86.—⁷ O. Müller. Die Etrusker I, 371.

76. п. о; 131 а; 195 б; 341 а. б. с). Въ древности оно дѣлалось изъ слоновой кости и было, можетъ быть, почетнымъ сѣдалищемъ царя или главнаго судьи, но въ послѣдствіи въ томъ же качествѣ присвоено всѣмъ курульнымъ магистратамъ до курульных эдиловъ включительно, между тѣмъ какъ магистраты некурульные, какъ напр. трибуны (а во время республики и сенаторы) ¹ сидѣли въ застѣваніяхъ на простыхъ скамьяхъ—*subsellia*. ² Передъ концомъ республики, когда старые обычаи вообще потеряли свою обязательную силу, прежнее значеніе *sella curulis* постепенно ослабѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ сами сѣдалища стали несравненно роскошнѣе, такъ какъ дѣлались уже не исключительно изъ слоновой кости, а изъ болѣе цѣнныхъ матеріаловъ, съ украшеніями изъ благородныхъ металловъ и дорогихъ камней. Подобна *sella curulis*, но вѣроятно отлична отъ нея по внутреннему значенію, была *sella castrensis*—сѣдалище главнокомандующаго войскомъ на военныхъ совѣтахъ въ лагерѣ. ³

Фиг. 534.

Приборы для производства голосованія на народныхъ собраніяхъ. Введеніе ихъ совпадаетъ съ замѣною устной подачи голосовъ тайною (письменною), учрежденною въ 139 г. до Р. Х. изданными на этотъ конецъ законами—*leges tabellariae*. ⁴ При устномъ голосованіи, одни только предсѣдательствующіе на собраніяхъ и *rogatores* (предлагавшіе законъ) имѣли при себѣ таблички, на которыхъ отмѣчали поданные голоса. При новой системѣ, каждый имѣвшій право голоса получалъ двѣ таблички (*tesserae*): ⁵ на законодательныхъ комиціяхъ, съ буквами VR (*utī rogas*, т. е. принимаю предлагаемый законъ) на одной, и буквою A (*antiquo*: т. е. отвергаю) на другой; на судебныхъ—одну съ буквою A (*absolvo*: оправдываю), другую съ буквою C (*condemno*: осуждаю). При выборахъ употреблялись четырехугольныя дощечки покрытыя воскомъ, на которыхъ избиратели записывали стилемъ имена кандидатовъ. Отбираніе голосовъ происходило слѣдующимъ образомъ: каждый избиратель опускалъ свою дощечку или табличку въ корзинку (*cista*), поставленную у входа въ мѣсто собранія (*ovile* или, позднѣе, *septa Julia*); корзины съ табличками переносили затѣмъ въ особое зданіе, *diribitorium* (см. выше стр. 416), гдѣ ихъ опрастывали и,

¹ A. Becker. Ibid. p. 420.—² L. Lange. Röm. Alterth. I, 620.—³ Часто встрѣч. на колоннѣ Траяна и колоннѣ Антонина.—⁴ A. Becker's Handb. II, 97.—⁵ Tesserae назывались также входные билеты въ театры и цирки, и жеребьи, раздававшіеся на общественныхъ играхъ. Входныя tesserae, какъ видно по сохранившимся образчикамъ, имѣли на одной сторонѣ фигуру, на другой число; фигура означала, можетъ быть «супеус», а число—скамейку. Ibid. IV, 532; 488.

сочтя голоса поданные за и противъ предложенныхъ кандидатовъ, записывали итоги на особую таблицу; самыя же таблички складывали въ *loculi* (ящички или мѣшечки), въ которыхъ онѣ и сохранялись для контроля. Порядокъ голосованья по трибамъ опредѣлялся жребіемъ: для этого глашатай (*ргаесо*) бралъ жеребьи помѣченные именами трибъ и опускалъ ихъ одинъ за другимъ, громко выкликая названія трибъ, въ особую для этой цѣли назначенную урну (*urna* или *sitella*), затѣмъ, смѣшавъ ихъ въ ней вынималъ опять по одному: въ какомъ порядкѣ вынимались жеребьи, въ томъ и должны были подавать свои голоса трибы. ¹

Изображенія всѣхъ названныхъ приборовъ, также какъ и письменныхъ принадлежностей, ² какъ-то: табличекъ, стила и т. п., сохранились на нѣкоторыхъ монетахъ (фиг. 535). ³

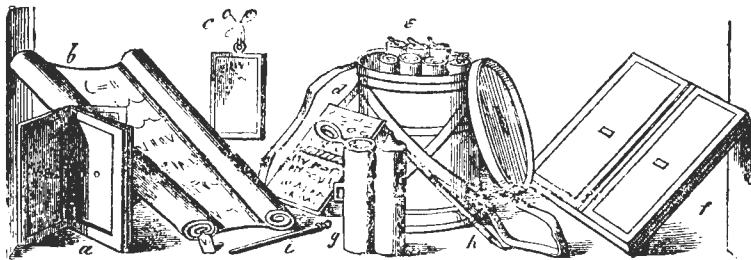
а. Таблички (деревянные или костяные, покрыты тонкимъ слоемъ воска) были одиночныя и двойныя, тройныя и болѣе, соединенныя вмѣстѣ и раскрывавшіяся какъ книжка; первыя назывались *tabellae*, послѣднія—*pugillares* и *codicilli*. Каждая табличка была обведена выпуклою рамкою, которая не допускала восковымъ поверхностямъ соприкасаться и написанному на нихъ стираться. Для писанья служилъ бронзовый стиль (*stilus*), въ формѣ круглаго штифта, заостреннаго съ одного конца и съ головкой на другомъ (фиг. 535 i).⁴ *Tabellae* употребляли для писанья записокъ и писемъ, ⁵ выбирая ихъ то большого, то малаго формата, а для нѣкоторыхъ писемъ, напр. любовныхъ, и съ особою отдѣлкою. ⁶ Исписанныя таблички складывали вмѣстѣ (разумѣется писаннымъ внутрь) и перевязывали накрестъ шнуркомъ, а узелъ припечатывали восковой печатью, затѣмъ надписывали адресъ (фиг. 535 d). *Pugillares* и *codicilli* были записныя книжки, которыя носили при себѣ, поэтому крышки ихъ дѣлались изъ слоновой кости, дорогого дерева, серебра, золота и т. д., съ рѣзбою и другими украшеніями. По числу табличекъ, они назывались *diptichi*, *triptichi* и т. д. Особенно богатою отдѣлкою отличались рѣзныя изъ слоновой кости диптихи, которыми высшіе магистраты, консулы и преторы, дарили своихъ друзей при своемъ вступленіи въ должность (ср. стр. 312 прим. 4; фиг. 427 и 428).

б. Для писанія книгъ, актовъ, бумагъ и т. п. Римляне употребляли или пергаментъ ⁷ (*pergamena* или *membrana*), какъ Греки, или бумагу, приготовленную изъ лыка (*liber*) египетскаго папируса, но преимущественно бумагу, которой уже при Августѣ выдѣлялось восемь различныхъ сортовъ, отъ самого высокаго качества до обыкновенной оберточной (*emporetica*). Въ рѣдкихъ случаяхъ писали на кожѣ и холстѣ (какъ это было въ обычаѣ въ старое время), на шолкѣ и т. п. Такъ какъ бумага готовилась

¹ A. Becker's Handb. II, 204, 227.—² A. Becker. Gallus. II, 313 sqq. съ подробнымъ указаніемъ литературы предмета.—³ Циста и табличка съ буквами A C. у J. Eckhel. De num. vet. p. 116; E. Spanheim. Dissert. de praestantia et usu num. antiq. Londini. 1717. II, 200 (и A. Becker's Handb. I, Taf. V. 2); урна или *sitella* у E. Spanheim, II, 193.—⁴ Головной стиль затиралъ написанное.—⁵ A. Becker, Gallus. I. cit.—⁶ R. Mus. Borb. IV. tav. XXXV; I. tav. II.—⁷ Изобрѣтенный Евменомъ Пергамскимъ и названный по мѣсту изобрѣтенія.

узкими полосами (*paginae* или *schedae*), то для писанья брали нѣсколько такихъ полосъ и склеивали ихъ въ одинъ листъ, ширина котораго была не менѣе 6 и не болѣе 13 дюймовъ, длина же, какъ видно по сохранившимся рукописямъ, ¹ доходила иногда до 8 футовъ и болѣе. Писали на одной сторонѣ листа столбцами, которые шли поперегъ его и отдѣлялись одинъ отъ другого красными линиями; другую, заднюю сторону листа, отчасти для предохраненія отъ червей, отчасти для красоты, покрывали краскою, обыкновенно желтою. Исписанный листъ содержалъ въ себѣ или цѣлое сочиненіе или часть его и назывался *volumen* или свитокъ, такъ какъ для удобнаго чтенія такихъ листовъ ихъ наворачивали на валикъ съ головками (*cornua* или *umbilici*), прикрѣпленный къ послѣдней страницѣ. Края свитка выравнивали, отполировывали пемзой и покрывали черной краской. Иногда свитокъ вкладывали въ пергаментный футляръ, на которомъ надписывали заглавіе сочиненія и его оглавленіе (*titulus* и *index*). *Volumina* или свитки хранили въ цилиндрическихъ коробкахъ съ крышкой, деревянныхъ, кожаныхъ или жестяныхъ, которыя назывались *capsae* или *serinae* ² (фиг. 535 е). Въ такихъ же коробкахъ, только меньшихъ размѣровъ, хранили дѣти свои училищныя принадлежности, почему и рабы носившіе эти коробки за дѣтьми богатыхъ людей, когда они шли въ школу, назывались *capsarii*. ³—Вмѣсто перьевъ употребляли (египетскій) тростникъ—*calamus*, ⁴ который очинивали ножомъ—*scalprum librarium*, и чернила—*atramentum librarium*, черныя, темнокоричневые и темнокрасныя. Чернила держали въ чернильцахъ, ⁵ которыя обыкновенно дѣлались двойныя, для чернилъ двухъ цвѣтовъ (фиг. 535 g); нѣсколько такихъ чернилицъ изъ бронзы съ серебряными

Фиг. 535.

украшеніями дошло до насъ. ⁶ Портативныя чернилицы привѣшивались за придѣланную къ нимъ ручку (фиг. 535 g).

Италійскія деньги 7.

Весьма вѣроятно, что металлическія деньги опредѣленной цѣнности появились прежде всего у Этрусковъ, отъ которыхъ перешли и къ другимъ

¹ A. Boet. Notice sur les manuscrits trouvés à Herculaneum. Amst. 1841: cp. Ritschl. Die alexandrinische Bibliothek. Breslau. 1838. p. 91.—² R. Mus. Borb. I. tav. XII; Roux et Barré. Hercul. Série III. pl. 3; A. Becker. Augusteum. III. Taf. XCVII, XCIX.—³ A. Becker. Gallus II, 111; H. Krause. Gesch. der Erziehung etc. p. 406.—⁴ J. Winckelmann's Werke. II. Taf. III; Gell. Pompeiana. 1835. II, 187.—⁵ H.

италійскимъ племенамъ,¹ замѣнивъ собою обычныя у нихъ дотолѣ орудія мѣны, состоявшія преимущественно въ домашнемъ скотѣ (*pecus*), какъ главномъ ихъ имуществѣ (*pecunia*). Это послѣднее названіе, вмѣстѣ съ изображеніемъ предмета имъ обозначаемаго, было перенесено и на металлическія деньги, которыя стали тоже называться *pecunia* и первоначально носили на себѣ изображеніе какого нибудь домашняго животнаго. Такимъ изображеніемъ были помѣчены первыя римскія деньги, введенныя, по преданію, Сервіемъ Тулліемъ и состоявшія въ мѣдныхъ слиткахъ или палочкахъ, которыми платили на вѣсъ.² Повидимому эти слитки оставались въ употребленіи долгое время и только при децемвирахъ (450—430) были замѣнены болѣе удобною круглою монетою изъ мѣди съ прибавкою свинцу. Сначала новую монету отливали и обозначали на ней ея стоимость, потомъ ее стали чеканить и выбивать на ней надпись **ROMA**. Чеканная монета (*aes grave*) изготовлялась шести различныхъ наименованій, каждая съ особымъ штемпелемъ, впрочемъ на лицевой только сторонѣ, на задней же сторонѣ всѣхъ этихъ монетъ было выбито очень грубое изображеніе корабля.³ Наименованія и ихъ знаки были слѣдующіе: *as* имѣлъ голову Януса и прямое I; половина аса или *semis*—голову Юпитера и S; *triens* (= четыремъ *unciae*)—голову Минервы и четыре шарика; *quadrans* (= 3 *unciae*)—голову Геркулеса и три шарика; *sextans* (= 2 *unciae*)—голову Меркурія (или кадуцей и *strigilis*) и два шарика; *uncia*—голову Ромы и одинъ шарикъ.

Въ послѣдствіи, при началѣ пуническихъ войнъ, всѣ эти монеты были уменьшены въ вѣсъ и къ нимъ прибавлены три новыхъ наименованія, въ 2, 3 и 10 асовъ: *dupondius*, *tripondius* и *denarius*.⁴ Новымъ монетамъ былъ данъ одинъ и тотъ же штемпель—женская голова въ шлемѣ (вѣроятно голова Ромы) съ соотвѣтственною цифрою ихъ стоимости въ ассахъ—II, III и X; изображеніе корабля на задней сторонѣ осталось и у нихъ.

Въ 269 г. до Р. X. начали перечекаивать въ монету и серебро, до тѣхъ поръ ходившее только въ слиткахъ. Тогда же былъ устроенъ родъ монетнаго двора и учреждена должность надзирателей за выпускомъ монеты—*triumviri monetales*. Серебряная монета подраздѣлялась на три наиме-

Krause. *Angeologie*. p. 189.—⁶ J. Avellino. *Bulletin*. Napoli. №. 16. tav. 7.—¹ Объ этрусскихъ деньгахъ см. O. Müller. *Die Etrusker*. I, 301 sqq.; его же: *Handb. der Archaeologie*. § 176 и рисунки въ его же *Denkmälern der alten Kunst*, и W. Abeken. *Mittelitalien*. pp. 284, 316, 376 sqq. Затѣмъ, о римскихъ деньгахъ: J. Marquardt въ A. Becker's *Handbuch*. III, 1 sqq. и приведенный тамъ же на стр. 60 перечень источниковъ и главн. сочиненій, изъ которыхъ мы назовемъ здѣсь: *Marchi e Tessieri*. *L'aes grave del museo Kircheriano ovvero le monete primitive de' popoli dell'Italia media*. Roma. 1839; *Numismata musei Honorii Arigoni Tarvisii* 1741; A. Gennarelli. *La moneta primitiva e i monumenti dell'Italia antica messi in rapporto cronologico e ravvicinati alle opere d'arte delle altre nazioni civili dell'antichità*. Roma 1843; *Francisci Carelli*. *Numorum Italiae veteris tabulas CCII*. edid. Caelest. Cavedonius. *Acced. Fr. Carelli numorum quos ipse collegit descriptio*, F. M. Avellinii in eam *adnotationes*. Lipsiae, 1850; Th. Mommsen. *Über das röm. Münzwesen*. Lpzg. 1850, его же: *Über den Verfall des röm. Münzwesens in der Kaiserzeit*, Lpzg. 1851; *Röm. Geschichte*. I, 181, 185, 414, 448, 828. II, 397.—² Изображенія такихъ слитковъ у Carelli, *op. cit.* tab. XXXVI—XLI.—³ Хорошо снятые рисунки монетъ всѣхъ шести наименованій у W. Ramsay. *Roman antiquities*, p. 413.—⁴ *L'aes grave del Museo Kircheriano*. Cl. I. tav. 1; tav. 2. № 1. 2. 3.

нованія: *denarius* — въ 10 асовъ, *quinarius* — въ 5 асовъ и ставшій съ этихъ поръ монетною единицею *sestertius*, со знаками ихъ стоимости: X, V, IIS. ¹ На оборотной сторонѣ денарія была выбита колесница парю или четвернею, отчего онъ назывался также *bigatus* и *quadrigatus*; квинарій имѣлъ первоначально на лицевой сторонѣ голову Минервы, на оборотной—діоскуровъ и надпись ROMA; въ послѣдствіи на немъ стали чеканить фигуру побѣды (*victoria*), отчего онъ получилъ названіе *victoriat*us. Сестерцій стариннаго типа представляетъ съ лицевой стороны женскую голову въ шлемѣ и знакъ IIS, съ оборотной—діоскуровъ съ надписью ROMA. ² Чеканъ этихъ такъ называемыхъ консулярныхъ или фамиллярныхъ монетъ (такъ какъ монетные триумвиры, преторы, эдилы и другіе магистраты ставили на нихъ свои имена) ³ еще очень грубъ, плоскъ, въ рисункѣ головъ и цѣлыхъ фигуръ неправиленъ и неуклюжъ, и остается такимъ до половины перваго вѣка до Р. Х., когда подъ вліяніемъ греческаго искусства онъ значительно улучшается. ⁴

Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ введенія серебряныхъ денегъ (около 218 до Р. Х.) были выпущены первыя золотыя монеты въ 60, 40 и 20 сестерцій, со знаками LX, XXXX, XX и изображеніемъ на лицевой сторонѣ—головы Марса, на оборотной—орла и подъ нимъ ROMA. ⁵ Усиленный выпускъ золотой монеты, и притомъ двухъ наименованій: *aureus*, во 100 сестерцій (или 25 денаріевъ), и половина *aureus*, послѣдовалъ, однакожъ, только при Цезарѣ, хотяже монетою золото стало не ранѣе правленія Нерона, такъ что, собственно говоря, монета всѣхъ трехъ разрядовъ, т. е. золотая, серебряная и мѣдная, вошла въ обращеніе лишь при императорахъ. ⁶ Достоинство этой монеты, особенно серебряной, подвергалось однакожъ многократнымъ измѣненіямъ не только въ отношеніи ея вѣса, но и въ отношеніи ея качества, которое ухудшалось по временамъ до того, что напр. вмѣсто серебряныхъ денаріевъ выпускали бронзовые, обтянутые серебромъ. Вообще съ этого времени изъ серебра чеканили одни только денаріи и квинаріи, но уже не сестерціи. Каракалла ввелъ новую серебряную монету (съ изображеніемъ его портрета въ лучахъ, или портрета императрицы на полулуніи), которая при Гордіанѣ совсѣмъ вытѣснила денарій, но въ свою очередь до такой степени ухудшилась, что при Валеріанѣ и Галліенѣ её чеканили изъ отбѣленной мѣди. Такое положеніе римскихъ финансовъ, продолжалось до Диоклетіана, которому удалось возстановить пероновскій динарій въ его первоначальной чистотѣ (292 г. по Р. Х.).

¹ Ср. J. Eckhel. *Doctrin. Num. veter.* I, 23.—² Ibid. V, 19, 111; VI, 205; и выше назв. сочиненія о монетахъ.—³ О нихъ: Fulv. Ursini. *Familiae romanae in antiquis numismatibus ab urbe condita ad tempora D. Augusti*; ed. Car. Patin. J. Foy Vaillant. *Numi antiqui familiarum romanarum*. Amstel. 1703. *Thesaurus Morellianus* 5. *Familiarum romanarum numismata omnia*, Comm. perpetuus illustr. Havercampus. Amstel. 1734.—⁴ Объ усовершенствованіи чекана O. Müller. *Handb. der Archaeol. der Kunst* §§ 182, 196, 201—204.—⁵ J. Eckhel V, 30; Th. Mommsen. *Röm. Münzwesen*, p. 334.—⁶ Специально объ императорскихъ монетахъ см. J. Foy Vaillant. *Numismata imperat. Roman. etc.*; cura J. F. Baldini. Roma 1743; Adolphi Oeconis *Numism. imper. roman. curante Ph. Argelato*. Mediolani 1730; Ans. Banduri. *Numism. imp. roman. a Trajano, Decio ad Palaeologos Augustos*. Paris. 1718; G. di S. Quintino. *Lezioni intorno a diversi argomenti d'archeologia etc.* Torino 1826 (съ рисун. 283 монетъ); J. Jac. Gesneri. *Numismata antiqua imper. Romanor. latina et graeca*. Tiguri 1748.

Подобное же ухудшеніе испытала и мѣдная монета. Въ 39 г. до Р. Х. триумвиръ Антоній чеканилъ сестерціи изъ желтой мѣди внѣ Рима, а при Августѣ такіе же сестерціи стали чеканить и въ самомъ Римѣ; затѣмъ, до правленія Нерона, и ассы чеканили двухъ родовъ—изъ красной и желтой мѣди, послѣдній ходилъ за *dupondius* и имѣлъ особый штемпель; выпущенныи при Неронѣ мѣдныя монеты—*semissus*, *quadrans* и *quinarius*, при Деціи (249—251) стали тоже чеканить изъ желтой мѣди,—такъ что деньги изъ красной мѣди постепенно совсѣмъ исчезли изъ обращенія. Такъ продолжалось до Константина, который положилъ начало новой монетной системѣ.¹

Не смотря однакожъ на такой упадокъ внутренняго достоинства денегъ, чеканка ихъ постоянно совершенствовалась и становилась художественнѣе. Это видно по сохранившимся фамилнымъ монетамъ Неріа, Корнуфіція, Секста Помпея, Лентулла Косса; по бронзовымъ медалямъ Секста и особенно по медалямъ императоровъ Юліева и Флавіева дома.² Всѣ эти монеты и медали напоминаютъ греческіе образцы лучшаго времени. Ухудшеніе чекана началось послѣ Антониновъ, но сначала оно было едва замѣтно, такъ какъ даже и въ пору вырожденія римскаго искусства, въ самомъ Римѣ покрайней мѣрѣ, монетные штемπεля еще вырѣзывались довольно сносно и только гораздо позднѣе дошли до такого же искаженія, какое представляли монеты вѣтиталійскаго, преимущественно малоазійскаго чекана. Впрочемъ римскія деньги рѣдко чеканились внѣ Рима; монетные дворы въ провинціяхъ были заведены не ранѣе Галліена.—Въ торговлѣ обращались конечно и иностранныя деньги, но такъ какъ онѣ считались товаромъ, то и не имѣли опредѣленнаго курса.³ Латинскія колоніи и союзные Риму города чеканили собственную монету—мѣдную и серебряную.⁴

Замѣтимъ въ заключеніе, что для облегченія счета, употребляли счетныя доски (*abacus*) и счетныя камешки (*calculi*).⁵

Снаряды для охраненія общественной безопасности. *

Къ нимъ принадлежали, кромѣ установленныхъ правительствомъ орудій наказанія, различныя учрежденія для обезпеченія городскаго благосостоянія и въ числѣ ихъ пожарный снарядъ.⁶ Его составляли ведра (*hama*), топоры (*dolabra*: фиг. 448), лѣстницы, канаты и пожарныя трубы (*siphones*),⁷ вошедшія въ употребленіе вѣроятно при Траянѣ, если не ранѣе. Знакомство Римлянъ съ этимъ послѣднимъ приборомъ (устройство котораго для употребленія при пожарахъ намъ, правда, неизвѣстно) доказы-

¹ Дальнѣйшее въ A. Beckers Handbuch III, 23 п слѣд.—² O. Müller. Handbuch. § 201 и относящіяся сюда таблицы въ его же: Denkmäler der Kunst.—³ A. Beckers Handb. III, 27.—⁴ J. Friedländer. Die Oskischen Münzen. Leipzig. 1850. p. 7 sqq.—⁵ A. Böttiger. Kl. Schriften. III, 9, 106; A. Becker. Gallus. II, 65; въ этомъ рисункѣ въ Mus. Capitol. IV, tav. XX.—* Какъ ни странно можетъ показаться сопоставленіе подъ этою рубрикою пожарнаго снаряда и орудій наказанія, мы тѣмъ не менѣе удержали его въ переводѣ, чтобы не отступать отъ порядка, принятаго авторомъ. Пер.—⁶ A. Becker. Gallus, I, 12 sqq.—⁷ Ph. Buttmann. Beitrag zur Erläuterung der Wasserversorgung und der Feuerspritze des Hero und des Vitruv (1804).

вается не только свидѣтельствомъ древнихъ авторовъ, но и найденнымъ въ наше время близъ Чивитавекки приборомъ, напоминающимъ нынѣ употребительные насосы: онъ состоитъ изъ двухъ бронзовыхъ цилиндровъ съ клапанами внутри, соединенныхъ между собою горизонтальною трубкою. ¹

Что касается орудій наказанія, то они были столько же разнообразны, сколько и жестоки, и въ этомъ отношеніи вполне соответствовали той суровости, которою отличались уже древне-римскіе уголовные законы. ² — Наказанія, которыя обыкновенно назначались народными или уголовными судами, восходили, смотря по винѣ, отъ имущественной пени (размѣръ которой въ позднѣйшее время доходилъ до стоимости двухъ овецъ и тридцати быковъ), кабалы (для несостоятельныхъ должниковъ) и тюремнаго заключенія (иногда соединеннаго съ тѣлеснымъ наказаніемъ) до лишенія гражданскихъ правъ, изгнанія и смертной казни. Смертная казнь, имѣвшая слѣдствіемъ конфискацію имущества казеннаго, производилась различными, но всегда болѣе или менѣе мучительными способами. Въ древнее время, осужденныхъ на смерть удушали веревкою, или заставляли до смерти подъ *fugsa* (вилообразнымъ деревомъ, которое имъ надѣвали на шею, а концы привязывали къ рукамъ) познѣе — обезглавливали (полноправныхъ гражданъ черезъ ликтора, не имѣвшихъ гражданскихъ правъ черезъ палача), бросали съ тарпейской скалы, зарывали живыми въ землю (весталокъ, за нарушение обѣта цѣломудрія), распинали. Этотъ послѣдній родъ казни назначался, впрочемъ, преимущественно для рабовъ, съ которыми вообще обходились крайне жестоко, ³ подвергая ихъ почти за всякую вину тѣлесному наказанію, такъ что это обстоятельство не осталось безъ вліянія на введенія особыхъ, для рабовъ назначенныхъ орудій наказанія. Къ такимъ орудіямъ принадлежали (кромѣ названной выше *fugsa*): инструментъ для клейменія пойманныхъ бѣглыхъ рабовъ, которымъ выжигали на лбу букву F; *compres* — желѣзные ножныя кандалы или деревянный чурбанъ, который приковывали цѣпью къ ногѣ виновнаго и соединяли другою цѣпью къ желѣзнымъ поясомъ; *collare* — желѣзный ошейникъ, *manicae* — ручныя кандалы, которыя, также какъ и ошейникъ, тоже сковывали иногда цѣпью съ поясомъ и ножными кандалами. ⁴ Болѣе жестокія наказанія для рабовъ состояли въ томъ, что виновнаго привязывали за руки къ перекладинѣ, на ноги навѣшивали ему гири и въ такомъ положеніи сѣкли; ⁵ уличенному въ воровствѣ отрубали руки, или выводили на арену цирка и отдавали на разтерзаніе дикимъ животнымъ, а иногда кормили имъ собственныхъ дикихъ звѣрей, которыхъ сами держали. За убійство рабомъ господина, законъ осуждалъ на смерть всѣхъ рабовъ, принадлежавшихъ убитому.

Воинскій снарядъ римскаго войска

обнималъ собою всѣ метательныя орудія или *tormenta*. Такъ какъ изображенія на памятникахъ не даютъ никакого понятія объ устройствѣ

¹ Описание и рисунокъ въ *Diction. des antiquités etc.* Rich. — ² W. Wachsmuth. *Allgem. Culturgesch.* I, 345 sqq.; Th. Mommsen, *Röm. Geschichte.* Ср. также при-

этихъ орудій, а, самое большее, показываютъ только способъ ихъ установки (фиг. 536), то, отсылая для ближайшаго ознакомленія съ ними къ основательному изслѣдованію Кёхли и Рюстова,¹ мы ограничимся здѣсь однимъ перечисленіемъ ихъ. Подобно греческимъ, римскія метательныя орудія распадалась на два отдѣла: орудія, бросавшія снаряды по горизонтальной линіи, и орудія, снаряды которыхъ описывали дугу. Къ первымъ принадлежали: *catapultae* или *scorpiones* (греческіе *katapultai*) и различной величины самострѣлы—*arcuballistae* и *manuballistae* (греч. *gastrophetai*). Второй разрядъ заключалъ въ себѣ всѣ машины для бросанія тяжелыхъ камней, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *ballistae*, у Грековъ *petroboloi*. Послѣ Константина были введены: особый родъ баллисты и *onager*. Что касается остальныхъ принадлежностей воинскаго снаряда, то о нихъ было уже сказано выше, при описаніи греческихъ и римскихъ осадныхъ машинъ.

Фиг. 536.

Богослужебная утварь.

Соображаясь съ общимъ ходомъ развитія италійскаго искусства, можно предположить, что какъ бы разнообразна ни была богослужебная утварь италійцевъ, можетъ быть уже въ доисторическое время, нѣкоторую степень

веденное въ началѣ настоящей (IV) главы сочиненіе Вальтера.—³ A. Becker. *Gal-lus*. II, 115.—⁴ Рисунки въ Rich, *Dictionnaire des antiquités etc.* Bartolo. *Admiranda Romanarum etc.* Fol. 3.—⁵ Ср. изображенія истязаній у Этрусковъ у Inghirami, *Mon. Etr.* serie IV, tav. 24.—¹ См. выше стр. 239; также A. Becker's *Handbuch* III, 465 и слѣд. и W. Rückert. *Das röm. Kriegswesen*, p. 57 sqq.

художественной обработки она получила прежде всего всё-таки у Этрусковъ. Каковы были данные ей тогда формы—опредѣлить нельзя, но вѣроятно, что онѣ были подражаніемъ восточнымъ или азіиско-греческимъ и что въ этихъ формахъ она перешла отъ Этрусковъ къ Латинцамъ еще до Тарвиніевъ и была принята послѣдними при преобразованіи ими римскаго культа. Сближеніе съ Греками и перенесеніе въ Римъ греческихъ культовъ, происшедшее при этихъ царяхъ, имѣли слѣдствіемъ то, что къ древнеэтруской богослужебной утвари была присоединена греческая, которая, при дальнѣйшемъ сліяніи римской религіи съ греческою и постепенномъ вырожденіи латинской народности въ поздне-греческую, совершенно вытѣснила первую и осталась единственно употребительною у Римлянъ. Несомнѣнное доказательство такой замѣны представляютъ идола Римлянъ.¹

Несмотря на то, что римскій культъ не только не требовалъ, но даже и не допускалъ олицетворенія боговъ въ человѣческомъ образѣ, почему въ первое время у Римлянъ и не было никакихъ статуй божествъ—кромѣ, впрочемъ, статуи древняго ихъ божества, двулица Януса² (но самостоятельно ли ими созданной или изваянной по греческому образцу—неизвѣстно),³ а были только символы божествъ, какъ напр. копьѣ и щитъ, подъ видомъ которыхъ еще при Нумѣ они поклонялись Марсу, тѣмъ не менѣе у нихъ не замедлили появиться пластическія изображенія боговъ, заимствованныя ими сначала отъ Этрусковъ, потомъ отъ Грековъ. Къ древнѣйшимъ изъ этихъ статуй, о стилѣ которыхъ даютъ приблизительное понятіе сохранившіяся глиняныя и бронзовыя фигурки грубой работы,⁴ принадлежала вѣроятно и статуя Юпитера, которая стояла въ построенномъ Тарквиніемъ на Капитоліи храмѣ между статуями Юноны и Минервы, можетъ быть однакожъ уже греческими. По общераспространенному въ древности обычаю, одѣвать и наряжать идоловъ, статую капитолійскаго Юпитера облачали въ великолѣпную одежду, которой точною копіею было принятое въ послѣдствіи одѣяніе триумфаторовъ (даже и раскрашиваніе лица исполнявшееся надъ статуею⁵ стало принадлежностью триумфаторскаго наряда). Такое наряжаніе идоловъ удержалось и до позднѣйшаго времени, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ празднествахъ, напр. лектистерніяхъ, установленныхъ въ 399 г. до Р. X. (ср. выше стр. 353).⁶ Всѣ другія статуи, заимствованныя Римлянами въ историческое время, были или подражанія греческимъ, или произведенія греческаго искусства.

¹ O. Müller. Die Etrusker. I, 371: II, 44, 193. 246. Его же: Handb. der Archaeologie §. 171—172. W. Abeken. Mittelitalien, p. 318 sqq. 396. J. Marquardt въ Becker's Handb. IV, 43. L. Preller. Römische Mythologie, p. 40.—² Такихъ онъ представлень уже на древнѣйшихъ монетахъ: см. O. Müller. Denkmäler A. Taf. LXIII, № 327, 328, и позднѣйшее развитіе этого типа тамъ же: B. Taf. XXXVI, №. 428. 429.—³ Ср. L. Preller. Röm. Mythol. 163 sqq.—⁴ A. F. Gori. Museum Florentinum III. tab. 7; Mus. Etrusc. I. tab. 28, 32; L. Lanzi. II, tab. 6. №. 4—6; tab. 7. №. 1, 3, 4. F. Inghirami. Mon. Etr. Ser. II. tav. 38, 81. G. Micali. Tav. XXXV, 14; t. XXXVI, 5; t. LXIII; доказательства у W. Abeken loc. cit.—⁵ O. Müller. Die Etrusker, I, 371.—⁶ Изображенія у S. Bartoli, P. Bellori, L. Begeri. Lucernae veterum sepulcrales iconicae (1702) Pars secunda. tab. 34.

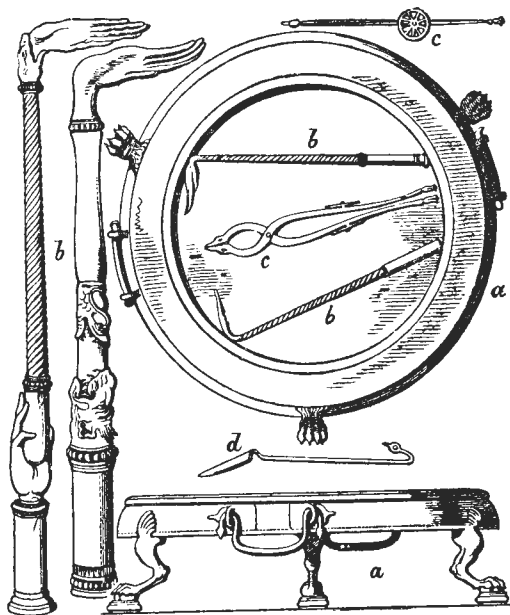
Алтари. ¹ По назначенію своему они раздѣлялись на агае—небольшіе алтарики для совершенія возліаній (*libationes*) низшимъ богамъ, *altaria* или жертвенники, *mensae* и *anclabres* — жертвенные столы, на которыхъ раскладывали жертвенныя орудія и разсматривали внутренности принесенныхъ въ жертву животныхъ (для жертвоприношеній подземнымъ богамъ вырывали яму—*scrobiculus*). Величина, матеріалъ и устройство названныхъ алтарей—къ которымъ принадлежали вѣроятно также и жертвенные треножки (фиг. 515 и)—были различны смотря по культамъ. Если въ первое время въ этомъ отношеніи не соблюдалось особенной точности, то по крайней мѣрѣ позднѣе были сдѣланы (именно Витрувіемъ) попытки подчинить извѣстнымъ правиламъ величину алтарей. Что касается матеріала для нихъ, то выборъ его былъ совершенно произволенъ. Большіе алтари для жертвоприношеній дѣлали обыкновенно изъ мрамора, рѣже изъ известняка, но такъ же часто употребляли для нихъ и кирпичъ и даже дерево.—Форма алтарей, какъ видно по дошедшимъ до насъ изображеніямъ ихъ, представляла тоже много различій. Были алтари въ видѣ колонны, овальные, кубическіе, треугольные, то съ вертикальными, то съ наклонными сторонами, а также и составленные изъ всѣхъ элементовъ этихъ формъ. На верхней доскѣ меньшихъ алтарей (ага) дѣлалось чашеподобное углубленіе; у жертвенниковъ, на которыхъ приносили кровавыя жертвы, по ней шли плоскіе желобки для стока крови. Болѣе однообразія замѣчается въ скульптурномъ убранствѣ алтарей: на боковыхъ поверхностяхъ ихъ высѣчены выпуклымъ рельефомъ цвѣточныя гирлянды и между ними жертвенныя орудія и головы или черепа жертвенныхъ животныхъ, большею частью барановъ и быковъ; или же на нихъ представлены сцены изъ жизни боговъ и обыкновенно того божества, которому алтарь посвященъ. На меньшихъ алтаряхъ высѣкали иногда короткія посвятительныя надписи.

Жертвенная утварь, дошедшая до насъ въ изображеніяхъ на этрускихъ ² и римскихъ ³ памятникахъ, распадается на двѣ группы—собственно орудій, и сосудовъ. Что какъ тѣ, такъ и другіе получили художественную обработку прежде всего въ Этруріи,—на основаніи вышеприведенныхъ изображеній можно принять за несомнѣнное. Найденные въ одной этрусской гробницѣ бронзовые приборы, навѣрное принадлежавшіе къ религіознымъ отправлениямъ, представляютъ хотя и причудливыя, но тѣмъ не менѣе въ частностяхъ очень красивыя и осмысленныя формы (фиг. 537). Приборы эти заключаются—кромѣ описанныхъ выше котловъ и треножниковъ (фиг. 514 и 515)—въ круглой треножной жаровнѣ со всѣми нужными для разведенія и поддержанія огня орудіями (фиг. 537 а, а): щипцами на колесахъ (фиг. 537 с, с), лопаткою (фиг. 537 d) и двумя крючками (фиг. 537 b, b), вѣроятно для переворачиванья углей. Что Этруски употребляли при своихъ

¹ Изображенія алтарей въ названныхъ на стр. 451 прим. 3 сочиненіяхъ: со влусомъ составленный выборъ ихъ въ Th. More. *Costume of the Ancients*. II. 268, 274, 278; 279: прекрасный, богато убранный вакхическій алтарь у S. Bartolo. *Admiranda Romanarum*. fol. 44.—² F. Inghirami. *Monum. Etrusc.* Tom. IV. tav. D sqq.—³ Самое полное изъ доселѣ извѣстныхъ, на триумфальной аркѣ Севера; ср. S. Bartoli et Bellori, *Veteres arcus August.* Fol. 21 sqq.

жертвоприношеніяхъ топоры, ножи, жертвенныя чаши и т. п. слѣдовало бы уже изъ того, что религія ихъ требовала кровавыхъ жертвъ для предсказаній по внутренностямъ животныхъ, хотя бы на какое извѣстіе не упоминало объ этихъ предметахъ ¹. — О *lituus*, или кривомъ жезлѣ, было говорено выше (фиг. 470), равно какъ и о древнемъ обычаѣ Этрусковъ сопровождать жертвоприношенія игрою на флейтѣ.

Фиг. 537.

О жертвенной утвари Римлянъ извѣстно изъ преданія, что при Нумѣ она изготовлялась изъ самыхъ простыхъ матеріаловъ и безъ всякой отдѣлки. Хотя это преданіе не сообщаетъ ничего такого, что не разумѣлось бы само собою для того первобытнаго времени, однакожь оно не осталось безъ вліянія на позднѣйшую жертвенную утварь Римлянъ. Плиній замѣчаетъ ², что въ его время, не смотря на развитіе роскоши, для возліяній при жертвоприношеніяхъ употреблялись сосуды не изъ хрусталя или мурры, а изъ глины ³ (несомнѣнно на основаніи упомянутаго преданія). Конечно, эти сосуды могли составлять исключеніе въ ряду остальной жертвенной утвари и имѣть такое же сакральное значеніе, какъ и кремень, служившій феціаламъ вмѣсто жертвеннаго ножа.

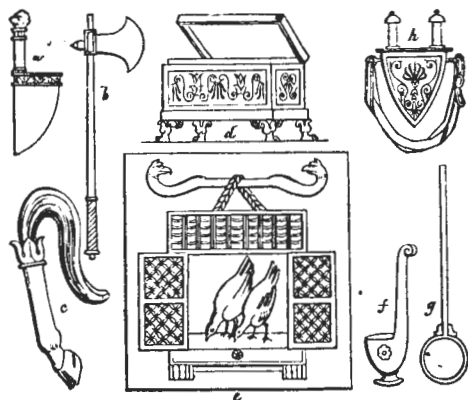
Къ жертвеннымъ орудіямъ принадлежали: топоры или сѣкиры (*securis*: фиг. 538 b) и молоты (*malleus*: фиг. 474 c), ножи, какъ упомяну-

¹ Ср. O. Müller. *Die Etrusker*. II, 170 sqq; 181—184; A. F. Gori. *Monum. Etrusk.* I, 163; G. Micali. *Monum. ant.* tav. XIX. I.—² Plin. *Hist. natur.* XXXV, 46.—

³ Ср. O. Müller. *Die Etrusker*. II, 242. Not.

тые выше *secespitae* (фиг. 538, а, h; фиг. 471 а; фиг. 474 а); кропила ¹ изъ конскихъ волосъ (*aspergillum*: фиг. 538 с), для кропленія лю-

Фиг. 538.

стральной водою, и ложечка (*ligula*), которою клали куренія въ курильницы. Сосуды, ² употреблявшіеся при жертвоприношеніяхъ (за исключеніемъ глиняныхъ либационныхъ, часто серебряные, нерѣдко и золотые) были слѣдующіе: *асегга* (фиг. 538 d; фиг. 475 b), сосудъ съ крышкою для храненія куреній; *turibulum* — круглая или многоугольная курильница на цѣпочкахъ ³; *praefericulum* — большая жаровня безъ ручекъ (ср. фиг. 537 а); *ollae extares* — горшки, въ ко-

торыхъ варили внутренности вынутыя изъ жертвенныхъ животныхъ; *simpulum* и *simpuvium* — сосуды для черпанья, первый съ одною ручкою (фиг. 538 f), второй, нѣсколько большій, съ двумя ручками ⁴; *paterae* — плоскія чаши для возліаній, съ ручкою или безъ нея (фиг. 538 g; фиг. 472); *patellae* (фиг. 475 а) различной величины блюда (на которыхъ предлагали богамъ жертвенное мясо); *canistra* — корзинки для приношенія плодовъ. *Guttus* (сосудъ для мазей), *carpedo* и *carpeduncula* (оба неизвѣстной формы), *calix* и *cymbium* принадлежали также къ числу жертвенныхъ сосудовъ.

Къ священной утвари должны быть также отнесены: щиты и копья салискіихъ жрецовъ, кривой посохъ авгуровъ, ремни луперкіевъ, клѣтка для священныхъ куръ (*sacra*: фиг. 538 e), по клеванью которыхъ угадывали волю боговъ (*auspicia ex tripudiis*) ⁵ и храмовая утварь Весталокъ. Эта утварь, отличавшаяся особенною простотою, ⁶ такъ какъ служеніе Вестѣ было воспроизведеніемъ первобытнаго служенія домашнимъ богамъ, состояла изъ двухъ деревяшекъ для вытиранія священнаго огня, когда по какому нибудь случаю огонь постоянно горѣвшій на алтарѣ Весты потухалъ, глинянаго сосуда для храненія воды, которую черпали изъ ключа нимфы Эгеріи или Камень, глиняной посуды для приготовленія жертвенныхъ снѣдей и кропила. Такъ какъ, по обряду, нужную для жертвоприношеній Вестѣ воду запрещалось ставить на землю, то былъ изобрѣтенъ *futile* — сосудъ съ широкимъ устьемъ, но застроенный къ низу такъ, что онъ никакъ не могъ быть поставленъ (ср. фиг. 87 b) ⁷.

¹ При очистительныхъ жертвоприношеніяхъ употребляли преимущественно шерсть, вѣтви счастливаго дерева и т. п. А. Becker's Handb. IV. 267. — ² Н. Krause. *Angeologie*. p. 459 sqq. — ³ R. Mus. Borb. VI. tav. XXXVII. — ⁴ Рас. въ *Roman. thesaurum* (*thesaur. eruditae antiqu. stud.* M. Angel. Causei II. sect. 3. tab. 2; Laz. Bayfius, de vasc. s. Animadv. in tractat. de auro et argento legato (in Gronov. thesaur. IX, p. 683. tab. I) и Н. Krause, op. cit. tab. VI, fig. 32. — ⁵ Ср. А. Becker's Handb. IV, 360; II 79. — ⁶ Ibid. IV, 286. — ⁷ Н. Krause, *Angeologie*. p. 462.

Саркофаги и пеплохранильницы ¹.

Главное различіе между ними состояло въ томъ, что саркофаги (какъ это показывается и самое названіе ихъ) ² служили приѣмниками или вмѣстилищами для цѣлыхъ труповъ, а пеплохранильницы только для пепла оставшагося отъ трупа по его сожженіи. Какъ тѣ, такъ и другія изготовлялись преимущественно изъ пеперина, травертина, мрамора, алебаstra и другихъ болѣе дорогихъ каменныхъ породъ, а также изъ обожженной глины; но пеплохранильницы никогда, кажется, не дѣлались изъ дерева, или только очень рѣдко, саркофаги же, на оборотъ, въ большинствѣ случаевъ были деревянные и притомъ не всегда изъ экономіи, а очень часто изъ роскоши, такъ какъ упоминаются дорогіе саркофаги изъ кипарисоваго дерева. Саркофагамъ давали форму продолговатаго ящика съ массивною плотно закрывавшеюся крышкою. Отдѣлка ихъ, разумѣется, зависѣла отъ средствъ и вкуса заказчика, но обыкновенно она состояла (какъ на саркофагѣ Сципіона: фиг. 484, стр. 377) или въ архитектурныхъ частностяхъ заимствованныхъ отъ храмовыхъ и другихъ построекъ, или, какъ видно по нѣкоторымъ хорошо сохранившимся саркофагамъ, въ украшеніяхъ въ видѣ колецъ держимыхъ львиными головами или прикрѣпленныхъ къ розетамъ. Рѣже, повидимому, покрывали бока саркофага, или только переднюю сторону его, рельефными композиціями. Этотъ родъ украшенія былъ особенно употребителенъ для пеплохранильницъ, которыя отличались отъ саркофаговъ только тѣмъ, что были меньше. У нихъ не только бока покрыты сплошь многофигурными композиціями, отчасти изъ греческихъ мифовъ, символизирующихъ смерть и царство тѣней, отчасти изъ жизни умершаго, но и крышка украшена статуей умершаго въ лежачемъ или полулежачемъ положеніи и въ богатой одеждѣ (сравн. фиг. 403 и 408); рельефы кромѣ того покрыты мѣстами краскою и отчасти позолотою.

Къ погребальной утвари принадлежали также и урны—*urnae* или *ossuariae*, небольшіе сосуды, которые ставили въ нишахъ колумбаріевъ. Эти урны (къ которымъ должно причислить и отличныя отъ нихъ по формѣ албанскія урны: фиг. 493) дѣлались изъ различныхъ матеріаловъ и самыхъ разнообразныхъ формъ — отъ простыхъ глиняныхъ до золотыхъ и серебряныхъ, пластически украшенныхъ. — Въ такой урнѣ изъ алебаstra былъ привезенъ въ Римъ изъ Британіи пепелъ императора Севера.

¹ O. Müller. Die Etrusker. II, 160; Его же: Handb. der Archäol. § 174, § 307; W. Abeken, Mittelitalien. p. 367, 401, 425; Becker. Gallus III, 290, здѣсь же и указанія на изображенія, для которыхъ яромъ соч. указанныхъ выше, стр. 451, см. также Mus. Etrusc. Greg. I, tab. XCI sqq; Micali, Monum. ant. tav. XLVIII, 5; LIX, 2; LXXII; CIV, 4. Th. Nore, The costume of ancients II, 273—278, 298, 313—318 и въ др. ж. — ² Sarcophag, буквально «мясоѣдъ» названъ такъ по свойству пористаго известкового камня, lapis sarcophagus изъ котораго преимущественно дѣлали саркофаги, — принимать въ себя разлагающіяся части трупа. Plinius. II, 96; XXXVI, 17.—

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ ПО ИХЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

~~~~~

Сарматы и Скифы.

- Фиг. 214. *a.* Dubois de Montpéreux. Voyage en Caucase. IV. Ser. Archéol. pl. XXI. 5—*b.* Ibid. pl. XVII. 6—*c, d.* Ibid. pl. XXI. 1. 3.—*e.* Ibid. pl. XXII.
- 215. *a—c.* Ibid. pl. XXIV. 1, 8.
- 216. S. Bartoli. Colonna Trajana. Tav. 27.
- 217. Dubois de Montpéreux. Voyage. IV ser. archéol. pl. XVIII.
- 218. *a—d.* S. Bartoli. Col. Trajana. Tav. 88; 27; 44; 83.
- 219. *a, b, f, g.* S. Bartoli. Col. Trajana: „Trofei“.—*c, d, e, h.* Th. Hope. Costume. I. 17 (1, 2, 5); II. 292.
- 220. S. Bartoli. Col. Trajana: „Trofei“ (2).
- 221. *a—d.* Ibid. Tav. 75.
- 222. *a, b.* Th. Hope, Costume. I. Pl. 34; 35.
- 223. *a—c.* S. Bartoli. Col. Trajana. Tav. 28; 68.

Германцы, Галлы и Бритты.

- Фиг. 224. F. Kugler. Kunstgesch. (3.) I, 204.
- 225. *a, b.* S. Bartoli. Colonna Trajana. tav. 54; 110.
- 226. *a, b.* Ero же: Colonna Antonina. tav. 53; 140.
- 227. *a.* A. Worsaae. Afbildninger. p. 40; fig. 162. — *b.* Ibid. p. 40, fig. 163.—*c.* p. 41, fig. 166.—*d, e,* p. 42. fig. 168; 170; — *f, g.* p. 48, fig. 198; 196. — *h.* p. 49. fig. 202.—*k, i.* p. 47. fig. 190; 189.—*l, m.* p. 46. fig. 186; 185. — *n.* p. 47. fig. 194.—*o.* p. 48. fig. 200.—*p.* p. 50.—fig. 205.—*q.* F. Lisch. Jahrbücher. X, 285.—*r, s.* A. Worsaae. Ibid. p. 47. fig. 193; 191.—*t.* p. 43. fig. 172.—*u—x.* p. 44. fig. 177; 176; 175; 174.
- 228. *a, b.* J. Malliot et P. Martin. Recherches sur le Costume etc. II. pl. LXXVIII.—*c, d.* Ibid. pl. LXXIII.
- 229. *a.* A. Worsaae. Afbildninger. p. 41. fig. 156. — *b.* F. Lisch. Jahrbücher. X, 273 и XIV, 315.—*c.* Ibid.

- X. 288. — *d.* G. Klemm. German. Alterthumskunde. Taf. XV. 2 a.
- Фиг. 230. *a.* A. Worsaae. Afbildninger. p. 9. fig. 5.—*b.* Ibid. p. 10. fig. 13.—*c.* Ibid. p. 9. fig. 7.—*d.* G. Klemm. Werkzeuge, p. 80. fig. p. 143—147.—*e.* A. Worsaae. Afbild. p. 9. fig. 8.—*f—h.* Ibid. p. 11. fig. 25; 24; 26.—*i.* G. Klemm. Werkzeuge. p. 82. fig. 183. — *k.* A. Worsaae. p. 15. fig. 65.—*l.* G. Klemm. Werkzeuge. p. 84. fig. 161.—*m—o, t.* A. Worsaae. Afbildn. p. 14. fig. 54; 50; 51; 48.—*p—s.* Ibid. p. 13. fig. 37; 39; 40; 41.
- 231. *a—d.* A. Worsaae. Afbildninger. p. 25. fig. 89; 87; 85; 88.—*e.* Ibid. p. 21. fig. 75.—*f—h.* p. 22. fig. 78; 79 и p. 23. fig. 82.
- 232. *a, b.* Ibid. p. 29. fig. 119; 121.—*c.* p. 30. fig. 124.—*d—f.* p. 13. fig. 130—133.—*g.* p. 32. fig. 140.—*h—i.* p. 28. fig. 112; 111.—*k—m.* p. 32. fig. 143; 144; 141.
- 233. *a.* Ibid. p. 36. fig. 150—*b.* p. 37. fig. 151.—*c.* p. 34. fig. 159.
- 234. Levelyn Meyrick. Abbildungen alter Rüstungen. Taf. XLVII. 7.
- 235. A. Worsaae. Afbildninger. p. 33. fig. 147.
- 236. *a—c.* S. Bartoli. Colonna Trajana. tav. 12; 133; 124.
- 237. *a, b.* F. Lisch. Ueber die Hausurnen. p. 7 sqq.
- 238—239. J. Gailhabaud. Denkmäler der Baukunst I. Celtische Denkmäler. fig. 20; 53.
- 240. *a—c, e, i.* F. Lisch. Jahrbücher. X. p. 244; 260; 255; 256.—*d, f, h, k.* Ibid. XI. p. 356; 258; 357; 359.—*g.* Ibid. XIV. p. 340.—*l, m.* A. Worsaae. Afbildninger. p. 16. fig. 73; 69.—*n.* F. Lisch. Jahrbücher. X, 254 seqq.
- 241. *a, b, c.* A. Worsaae. Afbildninger. p. 52. fig. 217; 215; 216.—*c, d, f.* Ibid. p. 53. fig. 219; a; 219 b; 218.—*g.* Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde. p. 63.
- 242. F. Lisch. Jahrbücher XI. Taf. IV. p. 368.
- 243. A. de Laborde Voyage en Espagne II, 156.

Греки.

- Фиг. 244. *a.* Th. Hope. Costume of the Ancients II, 183.—*b, c.* Ibid. I, 12.—*d.* II. 188.—*e.* I. 74.—*f.* I. 94.—*g.* I. 94.—*h.* I. 63.—*i.* I. 92.—*k.* I. 96.—*l.* I. 143.
- 245. O. Müller. Denkmäler der alten Kunst. A. Taf. XI. 29.
- 246. Th. Hope. Costume II. 181.
- 247. Supplement of the Antiquities of Athen. Pl. 2. fig. 5.
- 248. *a.* Mus. Pio Clement. III. tav. XXVII.—*b.* O. Müller. Denkmäler. A. XXXI. 138 a. Th. Hope. I. 114.

- Фиг. 249. Real Mus Borb. II. tav. IV; A. Becker. Charikles II. IV. 3.
- 250. (Составленъ авторомъ).
- 251. *a.* Real Mus. Borb. II. tav. IV.; cf. tav. VII; A. Becker. Charikles II. IV. 4.—*b.* Th. Hope. Costume I. 65; cf. R. Mus. Borb. II. tav. V.
- 252. Th. Panofka. Dionysos und die Thyaden. III, 12.
- 253. *a, b.* Th. Hope. Costume I, 128.—*c.* Ibid. I. 107. cf. A. Becker. Augusteum. T. VIII.
- 254. *a.* Th. Hope. I. 80; cf. Croze Magnan. Musée franç. T. IV. Sculpt.: Héros grec dit le Phocion. — *b.* Th. Hope I. 99—*c.* I. 77.
- 255. O. Müller. Denkmäler. A. Taf. XI. 40.
- 256—259. Th. Hope. Costume. I. 145; 121; 77; 60.
- 260. Ibid. II. 170; 171.
- 261. Ibid. II. 185.
- 262. Ibid. I. 91.
- 263. *a—d.* A. Becker. Charikles. Taf. V. 6—9.
- 264. *a.* Th. Hope. Costume. II. 162. — *b.* Ibid. I. 108 (4)—*c.* II. 163. — *d.* I. 98—*e.* II. 162—*f, g.* I. 98.—*h.* I, 108 (3).—*i, k.* II. 166.—*l.* II. 216.—*m.* II. 162.
- 265. *a—g.* Ibid. I. 138. *e. b. h.—h.* II. 202.
- 266. *a.* Ibid. I. 137.—*b.* I. 138.
- 267. *a.* A. Becker. Charikles. Taf. V. 1.—*b.* L'alectryonophore. St. Péterbourg. 1835.—*c.* Th. Hope. Costume. II. 204.
- 268. Th. Panofka. Bilder ant. Lebens. VIII. 1.
- 269. Th. Hope. Costume. I. 88.
- 270. Ibid. II. 180.
- 271. *a.* Th. Panofka. Griechen u. Griechinnen. T. I. 1.—*b.* Ero же: Bilder ant. Lebens. T. 1, 3.
- 272. *a.* E. Gerhardt. Ueber die Vase des Midias. T. I.—*b.* Th. Baxter. Darstellung des Costüms Tf. 24. — *c.* Th. Hope. I. 62.—*d. e.* Th. Baxter. Tf. 24.
- 273. Th. Hope. I. 119; 120.
- 274. Ibid. I. 115.
- 275. *a—c.* Th. Panofka. Argos Panoptes. Berlin 1837. Taf. IV. 1. 2.
- 276. *a, b.* Th. Hope. Costume. II. 176.—*c.* Ibid. I. 135.—*d.* I. 76.
- 277. Ibid. II. 156.
- 278. *a.* Ibid. I. 140 (1.).—*b.* Ibid. II. 159 (5).—*c—f.* I. 86; 75; 86; 104.—*g.* II. 177.—*h.* I. 75.
- 279. *a.* Ibid. I. 102—*b.* I. 67.
- 280. H. Rockstuhl. Musée des armes rares etc. pl. LXXIX. d; e.

- Фиг. 281. *a.* Th. Hope. Costume I. 81.—*b.* *c.* Ibid. I. 135.—*d.* I. 76.—*e.* I. 126.
- 282. *a.* Ibid. II. 176—*b.* Ibid. I. 75.—*c.* I. 81.—*d.* I. 135.—*e.* I. 66.—*f.* I. 136—*g.* I. 86.—*h.* I. 73.
- 283. Ibid. I. 103.
- 284. F. Kugler. Handbuch der Kunstgesch. (3.). p. 135.—A. Shöll. Archäol. Mittheilungen.
- 285—287. Th. Hope. Costume. I. 68; 84; 85; 70.
- 288. *a.* Th. Panofka. Bilder ant. Lebens. T. VI. 9. — *b.* Th. Hope. Costume. II. 156.
- 289. *a.* O. Müller. Denkmäler A. T. XL. 170.—*b.* E. Gerhard. Trinkschalen und Gefässe d. k. Museums zu Berlin. II. t. XVI; cf. Th. Panofka. Vasi di premio.
- 290. Th. Panofka. Archäol. Commentar zu Pausanias. Berlin. 1854. I. 6.
- 291. Ero же: Von dem Einflusse der Gottheiten auf die Ortsnamen. Berlin. 1842. I. 10.
- 292. Th. Panofka. Dionysos und die Thyaden I. 1.
- 293. *a—d.* Th. Hope. Costume II. 213; 199.
- 294. Wieseler. Theatergebäude und Denkmäler. T. IX (19) a.
- 295. Ibid. T. IX. 9 *b*; cf. O. Müller. Denkmäler. B. III. 49.
- 296. W. Lübke Gesch. der Architectur (2).
- 297. *a—f* J. Overbeck. Pompeji. Fig. 37. 40. 42—45.
- 298. W. Lübke. Op. cit. Fig. 36.
- 299. J. Gailhabaud. Denkmäler der Baukunst. I.
- 300. F. Kugler. Handb. der Kunstgesch. (3) I. 132.
- 301—302. Stuart and Revette. Antiquities of Athen. Vol. III. Ch. I. Pl. 2; 3.
- 303. J. Gailhabaud. Denkmäler. I.
- 304—305. W. Lübke. Gesch. der Architectur. Fig. 42; 47.
- 306. Stuart and Revette. Antiquities. Vol. II. Ch. II.
- 307. J. Gailhabaud. Denkmäler I; J. Fergusson. Handbook. 1.
- 308. Th. Panofka. Bilder ant. Lebens. XX. 5.
- 309—310. A. Schöll. Archäolog. Mittheilungen. T. VI.
- 311. Th. Panofka. Bild. ant. Lebens. VIII. 4.
- 312. W. Lübke. Op. cit.
- 313. Monumenti inediti dell'istit. di corrisp. arheol. I. tav. VIII.
- 314—315. Th. Panofka. Bilder ant. Lebens. XV. 7; 6. E. Gerhardt. Auserlesene Vasenbilder. I. Taf. XLIX.
- 316. C. v. Lützow. Zur Gesch. des Ornaments. München. 1858. I. 1. O. Müller. Denkmäler. A. III. 18.
- 317. E. Gerhard.—Monum. ined. t. 26 (16); 27 (51).
- 318. J. Millingen. Collect. de Coghill. pl. 36.

- Фиг. 319. *a—d.* The antiquities and marbles in the British Museum. Lond. 1848.
- 320. *a, b.* Ibid. N. 238; 344.
- 321. *a—d.* Krause. Angeiologie. III. 4. 6—8.
- 322. *a, b.* Th. Hope. Costume. II. 221.
- 323. *a.* H. Krause. Angeiol. III. Fig. 13.—*b.* Ibid. V. Fig. 2.—*c.* Ibid. III. Fig. 15.—*d.* V. 1. 3.—*e.* VI. 9.
- 324. Th. Panofka. Bilder ant. Lebens. XVIII. 8.
- 325. *a, b.* H. Krause. Angeiol. Taf. IV. Fig. 1; 6.—*c—g.* Tf. III. Fig. 22; 21; 19; 16; 14 *a.*—*h.* Tf. IV. Fig. 19.
- 326. *a, b.* R. Mus. Borb. V. tav. LVIII. 6; 7; 11.—*c, d.* Ibid. IV. tav. XII. 1. 2.
- 327. *a—b.* R. Mus. Borb. V. tav. LVIII. 9; 8.—*c.* IV. t. XII. 6.—*d.* V. t. LIX. 3.—*e.* t. LIX. 2.—*f.* IV. t. XII. 9.—*g—i.* 8 sqq.
- 328. Ibid. III. tav. XXX. 1; 5 c.
- 329. *a.* C. Lewezow. Verzeichniss etc. Fig. 5.—*b.* Id. Fig. 15.—*c.* Fig. 17.—*d.* Fig. 19.—*e.* Fig. 21.—*f.* Fig. 6.
- 330. *c, d.* Th. Hope. Costume. II. 221.
- 331. *a.* H. Krause. Angeiologie. Taf. IV. 10.—*b.* C. Lewezow. Verzeichniss. Fig. 206.—*c.* Ibid. Fig. 285.—*d.* Fig. 109.—*e.* Fig. 205.—*f.* H. Krause. Angeiol. T. IV. 20.—*g.* Ibid. 19.—*h.* 11.—*i.* 16.—*k.* 13.—*l.* T. V. 17.—*m.* 18.—*n.* 15.—*o.* 13.—*p.* 11.—*q.* 8.—*r.* 9.—*s.* 6.—*t.* T. IV. 22.—*u.* 21.—*v.* 25.—*w.* T. I. 5.—*x.* 4.—*y—z.* C. Lewezow. Verzeichniss. Fig. 214; 216; 217.
- 332. *a, b.* Th. Panofka. Die griech. Trinkhörner. T. I. Fig. 7; 14.—*c—e.* T. II. Fig. 8; 2; 22.—*f.* I. Fig. 9.—*g.* II. Fig. 17.—*h—k.* III. Fig. 3; 1; 4.—*l.* I. Fig. 3.
- 333. *a—e.* H. Krause. Angeiol. T. VI. 1—3; 7; 8.
- 334. *a—d.* C. Lewezow. Verzeichniss. Fig. 163; 164; 209; 210.—*e—k.* H. Krause. Angeiol. T. VI. 13 *a*; 17; 10; 12; 11; 18.—*l.* F. Creuzer. Ein altathenisches Gefäss. T. I.
- 335. *a, b.* Tischbein. Collect. of engravings etc. T. I. pl. 58.—A. Becker. Charikles II. Taf. IV. 2.
- 336. *a.* Th. Hope. Costume I. 106.—*b.* Ibid. II. 215.—*c.* I. 118.—*d.* II. 138 f.—*e.* II. 202.
- 337. *a—d.* C. Lewezow. Verzeichniss. Fig. 230; 222; 232; 225.
- 338. Monumenti ined. dell'istit. III. tav. XLIV.
- 339. *a—c.* Ibid. IV. tav. III.
- 340. *a.* Th. Hope. Costume I. 134.—*b.* Tischbein. Collect. of engravings II. 45.
- 341. *a.* E. Gerhard. Trinkschalen und Gefässe. II. Taf. XV.—*b.* Id. I. Taf. EF.—*c.* Monum. ined. I. tav.

- XXIV.—*d.* E. Gerhard. Trinkschalen. II. T. H.—*e.* Monum. ined. I. tav. LIII.
- Фиг. 342. Th. Hope. Costume. I. 90.
- 343. *a.* Tischbein. Collect. of engravings. II. pl. 55.—*b.* E. Millin. Peintures des vases etc. II. pl. 58.
- 344. *a.* E. Gerhard. Trinkschalen. II. Tf. XV.—*b.* Th. Hope. Costume I. 127—*c.* R. Museo Borb. V. t. LI; cf. A. Becker. Charikles I. Tf. 111; E. Gerhard. Neapels antike Bildwerke. p. 340.
- 345. *a.* Monum. ined. IV. tav. XXIII.—*b.* E. Gerhard. Trinkschalen etc. II. Tf. IX; Th. Panofka. Archäol. Commentar zu Pausanias. T. III. 12.
- 346. *a.* Monum. ined. III. tav. XLIV.—*b.* Th. Hope. Costume II. 200 (4).—*c.* Ibid. I. 83.—*d.* (A. v. Steinbüchel). Sappho und Alkaios. Wien. 1822; cf. Millingen. Anc. monum. XXXIII; XXXIV.—*e.* Monum. ined. I. tav. XXIV.—*f.* Th. Hope. Costume. II. 195.—*g.* Id. I. 87.—*h.* Id. I. 155.
- 347. Th. Hope. Costume. II. 200 (3).
- 348. Th. Panofka. Bilder ant. Lebens IV. 3.—Th. Hope. Costume. II. 173.
- 349. *a.* Th. Hope. Costume I. 87.—*b.* Th. Panofka. Bilder etc. XII. 7.—*c.* Ero же: Musée Blacas. pl. II.
- 350. *a.* R. Museo Borbon. X. tav. XLII—*b.* O. Müller Denkmäler der alten Kunst. Fig. 540.
- 351 *a.* Th. Hope. Costume. I. 87.
- 351 *b.*—352. Th. Panofka. Bilder etc. II. 2. 3.
- 353. R. Mus. Borbon. VII. tav. XVI.
- 354. *a*—*b.* Th. Hope. Costume. I. 79.—*c.* Avellino Bullet. archeol. Nap. A. II. tav. 6; O. Müller Denkmäler. B. Taf. LXVI. 843.
- 355. *a.* Dubois Maisonneuve. Introduct. pl. II. 3.—*b.* Th. Panofka. Cabinet Pourtalès pl. VIII. 3.
- 356. Th. Panofka. Bilder ant. Lebens XIV. 6.
- 357. E. Millin. Mytholog. Gallerie. CLXXII. 682; Th. Panofka. Bilder. V. 1.
- 358. Th. Panofka. Bilder XV. 5.
- 359. *a.* O. Müller. Denkmäler der alten Kunst. A. XVI. 62.—*b*—*c.* Ibid. 67; 64; 68; 69.—*f.* *g.* Ibid. XLII. 194; 190.—*h.* XXX. 135. *a*—*i.* XVI. 74—*k.* XXX 134.—*l.* XXXIX. 166.—*m.* LII. 243.
- 360. Museum Worsleyanum. T. I. tab. 15.
- 361. *a.* Th. Panofka. Argos Panoptes. IV. 2.—*b.* Ero же: Dionysos und die Thyaden. I. 2.—*c.* Ibid. II. 3.
- 362. *a.* H. v. Stackelberg. Gräber der Hellenen. Taf. XXXV.—*b.* Th. Panofka. Argos Panoptes IV. 1.—*c.* Ero же: Bilder antik. Lebens XIII. 7.—*d.* Stackel-

berg. Gräber etc. Tf. XVII.—*c.* Th. Panofka. Musée Blacas. Pl. XIII—XV.

- Фиг. 363. *a.* O. Müller in A. Böttiger Amalthea. I. 119. Tf. III. n.—*b.* E. Gerhard. Ueber die Lichtgottheiten. I. 3.—*c.* O. Müller. loc. cit. Tf. III. D.
 — 364. Th. Panofka. Vasi di premio. tav. IV.
 — 365. A. Böttiger. Griechische Vasengem. (Фронтисписъ).

Этрусски и Римляне.

- Фиг. 366. *a, b.* Th. Hope. Costume. I. 37; 41.
 — 367. G. Micali. Monum. ant. pop. ital. XLIV. 2.
 — 368—69. Mus. Etrusc. Gregor. Tom. I. tab. CIII; CII.
 — 370. G. Micali. Monum. inedit. XVIII. 1.
 — 371. *a.* G. Micali. Mon. ant. pop. ital. XXXII. 6—*b.* Ibid. XXXIII. 1. 2.
 — 372. *a.* Ibid. XXXI. 3—*b, c.* Ibid. XXIX. 2; 5—*d, e.* Ibid. XXXII. 2; 5.
 — 373. *a—d.* G. Micali. Monum. ined. (1844) XVIII. 4; 5; 3; 2.
 — 374. *a.* G. Micali. Mon. ant. pop. ital. XXXII. 2.—*b.* F. Inghirami. Mon. etrusc. VI. tav. 5.
 — 375. F. Inghirami Ibid. Ser. III. tav. XVIII. 1. G. Micali. Mon. ant. pop. ital. XXX. 1.
 — 376. (Составл. авторомъ).
 — 377. *a.* Th. Hope. Costume. II. 237.—*b.* R. Mus. Borb. VI. tav. XLI.—*c.* Ibid. VII. tav. XLIX.
 — 378. *a, c.* G. Becker. Augusteum. III. pl. 117; 118.—*b.* R. Mus. Borb. I. tav. L.
 — 379. Ibid. VI. tav. VIII.
 — 380. *a.* J. Ferrarii. De re vestiaria. tab. XVII.—*b, c.* Maillet et Martin. Recherches. I. T. III. pl. IV. 3. 2.—*d.* O. Müller. Denkmäler der alt. Kunst. B. LXI. 789. *a—c.* R. Mus. Borb. IV. tav. A.
 — 381. R. Mus. Borb. VIII. tav. IX.
 — 382. *a, d.* O. Müller. Denkmäler. B. XXVIII. 304; 302—*c.* Ibid. B. XVIII. 191.—*b.* R. Mus. Borb. X. tav. XVIII.—*c, g.* Ibid. VII. tav. II—*f.* Ibid. XII. tav. XII.—*h.* Ibid. IV. tav. LV.
 — 383. *a.* Croze Magnan. Musée français. IV. part. 2. (Aesculape).—*b.* Ibid. Part. 3. (Ménandre).—*c.* G. Becker. Augusteum. C. (Diana).
 — 384. *a.* R. Mus. Borb. VIII. tav. XXIX.—*b.* Ibid. X. tav. LIII.—*c.* Ibid. XI. tav. V.—*d.* Ibid. VIII. tav. XXV.—*e.* Landon. Annales du Musée. VI. fig. 32.—*f—k.* R. Mus. Borb. VIII. tav. XXIII; II. tav. XXXIX; XIII. tav. X; X. tav. XX; XI. tav. XXV.—*l.* Croze Magnan. Musée franç. IV. part. 4. (Personnage grec).
 — 385. R. Mus. Borbon. VIII. tav. V.

- Фиг. 386. Th. Panofka. Atalante (Program.). Fig. 2.
 — 387. O. Müller. Denkmäler. B. XXIV. 263.
 — 388. *a-c*. R. Mus. Borb. VIII. tavv. LIX; XII.
 — 389. Ibid. III. tav. LV.
 — 390. *a*. Ibid. XII. tav. X.—*b*. Th. Hope. Costume. II. 259.
 — 391—393. R. Mus. Borb. XI. tav. LIX; II. tav. LIX; V. tav. XXXIX.
 — 394. *a*. R. Mus. Borb. V. tav. XXI.—*b*. Th. Hope. Costume. II. 261.
 — 395. Ibid. II. 240.
 — 396. *a-d*. A. Becker. Augusteum. III. Taf. 23; 24; 19; 20.
 — 397. R. Mus. Borb. VIII. tav. XXXIV.
 — 398. Ibid. III. tav. VI.
 — 399. Landon. Ann. du Musée. XIV. pl. 28.
 — 400. R. Mus. Borb. III. tav. XXXVII.
 — 401. *a*. Ibid. XII. tav. 5.—*b-c*. XI. tav. II.—*d-e*. VIII. tavv. IV; V.
 — 402. *a*. Ibid. X. tav. XXI.—*b*. XIII. tav. LIV.—*c*. XII. tav. V.—*d*. X. tav. LIII.
 — 403. G. Micali. Mon. ant. pop. ital. CVIII.
 — 404. E. Gerhard. Die Heilung des Telephos.
 — 405. *a*. G. Micali. Mon. ined. XXVI.—*b*. Mon. ant. pop. ital. XLIII.—*c*. Mon. ined. XXVI.
 — 406. *a, c*. G. Micali. Mon. ant. pop. ital. XLVI. 23; 16.—*b, d, e*. Mus. Etrusc. Greg. (I). LXXV.
 — 407. *a-c*. Mus. Etrusc. Greg. (I). LXXVIII; LXIX.—*d*. G. Micali. Mon. ant. XLVI. 5.
 — 408. G. Micali. Ibid. CV.
 — 409. *a, c, d, l*. Mus. Etrusc. Gregor. (I). LXXX. 1, a; 2; 4.—*b*. Ibid. LXXVIII. 5.—*e, i*. Ibid. LXXVII. 1; 3.—*h, k, m, n, o*. Ibid. XXIX. 3; 5; 2 b; 2 a; 2.—*f, g*. G. Micali. Mon. ant. XLVI.
 — 410. *a-d*. Mus. Etrusc. Greg. (I). LXXIII.—*e-i*. Ibid. LXXIV.
 — 411. *a*. E. Gerhard. Dionysos und Semele. Berlin. 1833.; cf. Mon. ined. dell'istit. archeol. I. tav. 56.—*b-d*. R. Mus. Borb. IX. tav. XIV. 2; 1; 5.
 — 412. F. Kugler. Handbuch der Kunstgesch. (3). S. 218.
 — 413. *a-c*. O. Müller. Denkmäler der alt. Kunst. A. LXXI. 393; 392; 399.
 — 414. *a, b, d*. Q. Visconti. Iconographie romaine. pl. 35 (6; 2), 28 (3).—*c*. Ero же: Iconographie grecque. pl. 35.—*e-h*. A. Becker. Augusteum. Taf. CXXX; CXLIV; CXXXL.
 — 415—416. R. Mus. Borb. IX. tav. XIV—XV.
 — 417. *a*. Ibid. VII. tav. XLVI.—*b-c*. II. tav. XIV.
 — 418. *a*. W. Ramsay. Antiquities of the Romans. p. 452. C.—*b*. Th. Hope. Costume. II. 220.—*c*. R. Mus. Borb. VIII. tav. XVIII.

- Фиг. 419. R. Mus. Borb. IV. tav. XLIX.
- 420. G. Micali. Mon. ant. pop. ital. CXIV.
- 421. R. Mus. Borb. VII. tav. X.
- 422. *a.* J. Winckelmann. Mon. ined. tav. 53; Combe. Description of the collection of ancient terracottas in the British Mus. XXIV. 14; Th. Panofka. Bilder ant. Lebens. I. 1.—*b.* J. Winckelmann. Mon. ined. tav. 71.
- 423. S. Bartoli. Admiranda Roman. antiquit. tab. 56.
- 424. R. Mus. Borb. I. tav. III.
- 425. W. Abeken. Mittelitalien. Taf. VIII.
- 426. Th. Hope. Costume. I. 270.
- 427—428. E. Förstemann. Neue Mittheilungen aus dem Gebiete histor.—antiquar. Forschungen. VII. Heft 2. (Halle 1844).
- 429. *a.* S. Bartoli. Colonna Antonina. fol. 67.—*b.* Veteres arcus augustorum etc. pag. 42.
- 430. *a.* S. Bartoli. Colonna Trajana. fol. 33.—*b.* Th. Hope. Costume. II, 283.—*c.* Veteres arcus etc. 12 (Sept. Sever. tab. C.)
- 431. Veteres arcus etc. fol. 47 (внизу).
- 432. *a.* Ibid. fol. 47 (въ срединѣ).— *b, c.* Th. Hope. Costume. I. 284.
- 433. *a—c.* Mus. Etrusc. Gregor. I. tav. XXI. 2; XVIII. 2
- 434. R. Mus. Borbon. V. tav. III.
- 435. *a, b, f.* S. Bartoli. Colon. Trajana. fol. 25; 110; 10.—*c.* Veteres arcus. fol. 43.—*d, e.* Th. Hope Costume. I, 296.
- 436. *a—c.* G. Micali. Monum. inediti. LII. 2; 1; 6; cp. Mon. ant. pop. ital. CXIII. 9.
- 437. *a—c, f.* Veteres arcus etc. fol. 42; 28; 43; 45.—*d, e.* S. Bartoli. Colonna Traj. fol. 28.
- 438. *a.* G. Micali. Monum. inediti XII.—*b.* Mus. Etrusc. Greg. I. tab. XLIV; XLV.
- 439. *a—d.* S. Bartoli. Colonna Trajana. fol. 13; 10 (104); 9; 17.—*e.* Veteres arcus etc. fol. 45.
- 440. *a.* R. Mus. Borb. V. tav. XXXVI.—*b.* Ibid. II. tav. XXXVIII.
- 441. *a—c.* A. Becker. Augusteum. CXXXV; CXLVIII; CXLVII.
- 442. *a.* Mus. Etr. Greg. I. tab. XXI. 3. 3.—*b.* G. Micali. Monum. ined. LIII. 4. 5; Mon. ant. CXIII. 10.
- 443. A. Becker. Röm. Alterthumskunde. III (2). T. II. 18.
- 444. B. de Kühne. Mém. de la Société imp. d'archéol. de St. Pétersbourg XVI. vol. VI. №. 1. pl. 2.
- 445. *a—i.* L. Lersch. Das sogenannte Schwert des Tiberius.
- 446. S. Bartoli. Colonna Traj. fol. 9.

- Фиг. 447. *a, b.* R. Mus. Borb. XI. tav. LVIII; XXXIII.—*c.* A. Becker. Augusteum. CXLVIII.
- 448. *a—h.* S. Bartoli. Colonna Traj. fol. 73; 39; 37; 68; 12; 83.
- 449. *a.* W. Ramsey. Roman antiqu. p. 452. fig. G.—*b.* Th. Hope. Costume. I. 220.
- 450. S. Bartoli. Col. Trajana. fol. 46 (204).
- 451—453. Veteres arcus etc. fol. 46; 28; 26; 40.
- 454. *a, d.* Ibid. fol. 44.—*b, c.* S. Bartoli. Col. Trajana. fol. 4 (47).
- 455. *a, b.* Veteres arcus. fol. 43; 44.—*c.* A. Becker. Röm. Alterth. III. Taf. II. 17.
- 456—457. Veteres arcus. fol. 27; 26; 24; 12; 31.
- 458. *a.* S. Bartoli. Col. Trajana. fol. 4.—*b* J. Winckelmann. Briefe über die neuesten herculan. Entdeckungen; Gesch. der Kunst.
- 459. Veteres arcus etc. fol. 42; 43.
- 460. *a, b.* S. Bartoli. Col. Traj. fol. 106; 66.
- 461. R. Mus. Borb. VIII. tav. XXXII.
- 462. *a.* W. Dorow. Denkmale des Rheinlandes. Taf. 21.—*b.* F. Orti. Gli antichi marmi alla gente Sertoria Veronese spectanti. Verona, 1833. №. 2. p. 10.
- 463. Veteres arcus. fol. 7 (2).
- 164. *a.* S. Bartoli. Colon. Trajana. fol. 2.—*b—d.* Veteres arcus etc. fol. 12, 13.
- 465—467. S. Bartoli. Colon. Traj. fol. 86; 35; 19; 10; 14.
- 468. Ero же: Admiranda Romanarum etc. fol. 15.
- 469—470. Th. Hope. Costume. II. 287 (3).
- 471. *a.* W. Landon. Annales du Musée. fig. 38.—*b, c.* R. Mus. Borb. VII. tav. XLIII; IX. tav. XXVI.
- 472—473. Ibid. VIII. tav. XVIII; IX. tav. XXI.
- 474. *a, b.* S. Bartoli. Colonna Traj. fol. 7.—*c.* Veteres arcus. fol. 7.
- 475. S. Bartoli. Col. Traj. fol. 7; 77.
- 476. Th. Hope. Costume. II. 262.
- 477. *a, c.* R. Mus. Borb. VII. tav. XLIV.—*b.* Id. XIII, tav. XXI.—*d.* IV. tav. XXXIII.
- 478—479. Ibid. I. tav. XXI; I.
- 480. *a.* Ibid. X. tav. XXXI.—*b.* VII. tav. XIV.—*c.* IV. tav. XIX. 2.—*d, e.* IV. tav. XIII. 3. 1.
- 481. *a.* J. Winkelmann. Denkm. d. Kunst. d. Alterth. Fig. 197.—*b—d.* J. Overbeck. Pompeji. Fig. 118—120.
- 482—484. F. Kugler. Gesch. der Baukunst. I. p. 160; 159; 302.
- 485—487. W. Lübke. Gesch. der Architectur (2.) Fig. 92; 97; 89; 90.

- Фиг. 488—491. F. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. I. p. 317; 326; 310; 337.
- 492. F. Kugler. *Handb. der Kunstgeschichte* (3). p. 34; W. Abeken. *Mittelitalien*. III. 6.
- 493. F. Lisch. *Die Hausurnen der Alten*; F. Inghirami. *Mon. Etr.* IV. tab. C. 4. D. 4.
- 494. R. Mus. *Borb.* IX. tav. A.
- 495. I—II. J. Overbeck. *Pompeji*. Fig. 127; 165. Cp. A. Becker. *Charikles*.
- 496—497. J. Overbeck. *Pompeji*. Fig. 173; 166.
- 498. W. Lübke. *Gesch. der Architectur* (2.). Fig. 117.
- 499. F. Kugler. *Handb. der Kunstgesch.* (3) I, 225.
- 500. F. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. I, 155.
- 501. Еро же: *Handb. d. Kunstgesch.* (3) I, 198.
- 502. W. Lübke. *Gesch. d. Architectur* (2). Fig. 65.
- 503. F. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. I, 303.
- 504—506. W. Lübke (2.). Fig. 105; 106; 107.
- 507. (F. Kugler) J. Caveda. *Gesch. d. Baukunst in Spanien*. p. 4.
- 508. F. Kugler. *Handb. der Kunstgesch.* (3.) I, 346.
- 509. *a.* W. Ramsay. *Roman antiquit.* p. 404.—*b.* G. Micali. *Mon. ant.* CIII.
- 510. *A.* W. Ramsay. *Rom. ant.* p. 407.—*B, C.* Th. Hope. *Costume II*, 280.
- 511—512. F. Kugler. *Handb. der Kunstgesch.* (3). I, 212; 222.
- 513. *a.* Mus. Etr. Greg. I. tav. V. 5.—*b.* Ibid. III. 3.—*c.* IV. 4.—*d.* V. 3.—*e.* G. Micali *Mon. ined.* XXVII. 1.—*f.* Mus. Etr. Greg. I. tav. VIII. 2.—*g.* IX. 5.—*h.* G. Micali *Mon. ined.* XXII. 12.—*i.* Ibid. XXVII. 8.—*k.* Mus. Etr. Greg. I. t. IX. 3.—*l.* I. tav. V. 2.—*m.* IX. 1 *a.*—*n.* I. tav. VI. 3.—*o.* G. Micali. *Mon. ined.* XXVII. 9.—*p.* *ibid.* 11.—*q.* XXXI. 1. *r.* XXVII. 6.—*s.* Mus. Etr. Greg. I. t. VII. 3.—*t.* Ibid. tav. I. 6.
- 514. G. Micali. *Mon. ant. pop. ital.* Tav. XL: 4.
- 515. *a—d.* Mus. Etr. Greg. (Bronzi) I. tav. LVII. 5; LVI; XV; XVI. 1.
- 516. *a.* R. Mus. *Borb.* VII. t. IX.—*b.* S. Bartolo. *Admiranda Romanarum etc.* t. 19.
- 517. S. Bartoli. *Colonna Trajana*. fol. 10; 11.
- 518. R. Mus. *Borb.* X. tav. XLVI. 1.
- 519. *a, c, d, e, g—k.* J. Overbeck. *Pompeji*. Fig. 227. *e. u. b.* p. c. f. a. z.—*b, f.* R. Mus. *Borb.* IV. tav. XXX. 2; LVIII. 1.
- 520. *a—i.* Mus. Etr. Greg. (Bronzi) I. fig. L. 1; XLIX. 4; LV. 7; XLVIII. 5; L. 4; LI. 2; LV. 5; LI. 4. 5.
- 521. *a.* R. Mus. *Borb.* I. tav. LIV. *b, c.* J. Overbeck. *Pompeji*. Fig. 230. *m*; 229. *c.—d.* R. Mus. *Borb.* III. tav. LIX.—*e.* J. Overbeck. *Pompeji*. Fig. 230. *f.*

- Фиг. 522. *a—c.* R. Mus. Borb. IV. t. 2; VI. t. XLV. 1. 2.
 — 523. Mus. Etr. Greg. I. tav. CIV.
 — 524. *a.* R. Mus. Borb. IX. tav. XXXVIII.—*b.* F. Inghirami. Mon. Etr. VI. tav. B. 4.—*c.* R. Mus. Borb. VIII. tav. XX.—*d.* *ibid.* VI. tav. X.
 — 525. *a.* A. Hirt. Bilderbuch. I. taf. XI. 3; Millin. Mythol. Gallerie XXXII. 108; Th. Panofka. Bilder ant. Lebens. VII. 2.—*b.* v. Stackelberg. Gräber der Hellenen. Taf. XXVI; Th. Panofka. Bilder. XII. 1.—*c.* G. Micali. Mon. ined. XXIII.—*d.* Mon. ant. pop. ital. CVII.
 — 526. A. Becker. Gallus (2) III, 204; W. Ramsay. Rom. antiquit. p. 400; Ant. Rich. Diction. p. 357.
 — 527. *a, b.* R. Mus. Borb III. tav. XXX; I. tav. XXIII.—*c, d.* Th. Hope. Costume. II, 276.
 — 528. Pitture d'Ercol. I. tav. XXXV; Th. Panofka. Bilder. Taf. XVI. 5.
 — 529. *a, b.* G. Micali. Mon. ant. pop. ital. CXIII. 8; XXXVII. 12.—*c.* R. Mus. Borb. I. tav. XXXI.—*d.* *Ibid.* XIII. tav. XII.—*e.* X. tav. IV.—*f.* II. tav. XXV.—*g.* X. tav. XLII.—*h.* G. Micali. Mon. ant. CVII.
 — 530. *a.* R. Mus. Borb. V. tav. XIX.—*b.* *Ibid.* I. tav. VII.—*c.* X. tav. XXXVIII.—*d.* XII. tav. II.—*f.* I. tav. II.—*g.* XI. tav. XXIII.—*e, h.* XII. tav. XXXIV.
 — 531. *a.* Th. Hope. Costume II. 236.—*b.* G. Micali. Mon. ant. pop. ital. XLVII. 3.
 — 532. R. Mus. Borb. IV. tav. A.
 — 533. G. Micali. Mon. ant. CXIV.
 — 534. R. Mus. Borb. VI. tav. XXVIII.
 — 535. *Ibid.* I. tav. XII.
 — 536. H. Krieg v. Hochfelden. Gesch. der Militär-Architectur. Stuttgart. 1859. Fig. 7. (p. 24).
 — 537. *a, c, d.* Mus. Etrusc. Greg. I. tav. XIV. 1. 1 a; 1 b; 2 b.—*b.* Micali. Mon. Ant. pop. ital. CXIII. 3. 4.
 — 538. *a—h.* Th. Hope. Costum. II, 266; 272. Cp. Veteres arcus etc. fol. 28.

ПОПРАВКИ:

Страниц. 48 стр. 15: «стр. 10 и 11» слѣд. добавить: 1-й части.

- 198 стр. 20: между *stoa* и *basilikai* запятой ненужно, и на стр. 23 вмѣсто «стоя и базилики» д. б. базилики. (Название свое базилики получили отъ бывшаго въ Аѳинахъ трибунала, въ которомъ разбирались дѣла по религіи подъ предсѣдательствомъ архонта базилевса (царя) и который поэтому назывался *στοα βασιλεως* или *τοῦ βασιλεως* (царскимъ портикомъ); название же *στοα βασιλική* Греки никогда не употребляли. См. Schnaase. *Gesch. der bild. Künste* II, 358, 2 изд.)
- 235 къ примѣч. 2-му слѣд. прибавить: J. C. Ginzrot. *Die Wagen und Fuhrwerke der Griechen und Römer und anderer alten Völker nebst der Bespannung, Zäumung und Verzierung ihrer Zug,—Reit—und Lastthiere*. München 1817 (съ рисунками).
- 381 стр. 14. вм. «Петрей» д. б. Петры (Петра древн. городъ въ сѣверной части Аравіи, у Грековъ—Петреѣ).
- 345 стр. 6. вм. «сивилльскія» д. б. сивиллинскія, или сивилинны, т. е. книги сивиллы (прорицательницы); стр. 14 вм. «гаруспиціевъ» д. б. гаруспексовъ; тоже и на стр. 351-й.

ОГЛАВЛЕНИЕ 2-Й ЧАСТИ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ДРЕВНІЕ НАРОДЫ ЕВРОПЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Народы сѣверовосточной Европы (и сѣверовосточной Азіи). Стр. 1—32.

Общія замѣчанія 1—5. Одежда 6. Украшенія 10. Вооруженіе 12. Постройки 16. Города 17. Могила 17. Судостроеніе 19. Утварь 19.— Народы европейской Сарматіи 21. Ихъ одежда и вооруженіе 24. Постройки 31. Утварь 32.

ГЛАВА ВТАРАЯ.

Народы сѣверной, средней и западной Европы (Скандинавы, Бритты, Германцы, Гельветы, Галлы). Стр. 33—100.

Общія замѣчанія 33—42.—Одежда 43. Уборы и украшенія 53. Одежда друидовъ и жрецовъ 59. Одежда вождей и знатныхъ 61. Вооруженіе 63. Каменные орудія 65. Бронзовое оружіе 67. Военное устройство 70.— Постройки 71. Жилища 73. Укрѣпленія 74. Судостроеніе 75. Могила 76. Друидическія памятники 79.— Утварь: Сосуды 84. Мебель 87. Игры 88. Колесницы 88. Жервенная утварь 89.—Народы Испаніи (Иберы): Общія замѣч. 91. Одежда и вооруженіе 95. Постройки 98. Утварь 99.—Гимнезии или Балеарцы 99.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Народы Греціи. Стр. 100—244.

Общія замѣчанія 100—108.—Одежда и украшенія 109. Ткани и изготовленіе одежды 111. Мужская одежда 114 и 118. Женская одежда 116 и 121. Мужскіе головные уборы и обувь 124. Женскіе—125. Прически 127. Украшенія 129. Обрядовое значеніе одежды: а) въ семейной жизни 133; б) въ общественной—134 (Симпозіи и сисситіи; свадебные и погребальные обряды; в) въ государственной—137. Вооруженіе 141. Греческій доспѣхъ и его отлечіе отъ восточнаго 143. Щиты и шлемы 144. Кирасы и наконечники 145. Оружіе 147. Составъ войска 149.—Религіозный бытъ 158. Оракулы 161. Празднества и игры 164. Сценическій костюмъ 169.—Постройки 172. Древнѣйшія сооруженія 173. Расположеніе греческаго дома 179. Храмы 181. Характеристика дорическаго и іоническаго архитектур. стиля 184. Коринтскій стиль и хорегическія памятники 191. Надгробные памятники 195. Общественныя зданія: театры 193. Одеоны 195. Гипподромъ 193. Стадіи 196. Гимназіи 196. Бани 197. Рынки 198. Крѣпостныя постройки 199.—Осадныя машины 200.—Кораблестроеніе 200

Утварь 206. Гончарныя издѣлія 208. Сосудоваяніе (вазы) 209. Посуда: а) хозяйственная 213; б) кухонная 216; в) столовая 217; г) застольная 218. Сосуды для благовоній 221. Корзины 222. Лампы 223. Мебель 223.—Солнечные и водяные часы 228.—Игральныя приборы и игры 228.—Музыкальные инструменты 230.—Приборы для гимнастическихъ упражненій 233.—Колесницы и экипажи 235.—Сельско-хозяйственные приборы и орудія 236.—Охотничьи снаряды 237.—Монета 238.—Воинскій снарядъ 239.—Богослужебная утварь: идолы 240; алтари 242; треношники 243; жертвенныя орудія 244. Погребальная утварь 244.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Народы Италіи. Стр. 245—491.

Общая замѣчанія 245—254.—Одежда: ткани и изготовленіе одежды 256. Одежда Этрусковъ 259. Римская одежда: тога 263; туника 266; прочіе виды мужской одежды 268. Обувь 270. Женская одежда 271.—Украшенія: а) Этрусковъ 277; б) Римлянъ 282. Женскія прически 283. Туалетныя принадлежности и драгоценныя вещи 285. Обрядовое значеніе одежды: а) вообще 288, б) въ семейной и общественной жизни 296 (брачныя обряды 297; погребальный церемоніаль 305); в) въ государственной (одежда должностныхъ лицъ) 307.—Вооруженіе 316. Шиты 317. Шлемы 319. Кирасы 320. Наножники 323. Мечи и копыя 324. Военная одежда 326. Знамена 329. Составъ войска 331. Награды и наказанія 338. Триумфъ 339.—Культь 342. Жрецы и жрицы 346. Братства: салийскихъ жрецовъ 348; арваловъ 349. Институтъ Весталокъ 349. Коллегія авгуровъ и гаруспесковъ 351; феціаловъ 352; понтифексовъ 353. Богослужебныя обряды 354. Народныя игры и зрѣлища, ихъ происхожденіе и виды 358. Цирковыя игры 361; сценическія—363 (театральныя костюмы 364); амфитеатральныя: боя гладиаторовъ 367; звѣринныя травли и навмахи 370.—Постройки: древнѣйшія сооруженія 371. Формы римской архитектуры 375. Дома 381. Расположеніе римскаго дома 385. Усадьбы и виллы 392. Гробницы: этрускія 195; римскія 399. Мавзолеи императоровъ 401. Храмы: архитектура этрускихъ храмовъ 402. Римскіе храмы 404 (Пантеонъ 406). Общественныя зданія: форумы 409. Базилики и туріи 418. Septa Julia 420. Цирки 420. Театры 422. Амфитеатры 425. Термы 427. Дороги, мосты и водопроводы 428. Укрѣпленія вообще 432 (Обрядъ при основаніи города 433. Устройство лагеря 434. Осадныя постройки и машины 435).—Судостроеніе 463.—Триумфальныя арки и монум. колонны 441.—Утварь (Состояніе ремесленной промышленности) 443. Сосуды 448 (этрускія вазы). Хозяйственная, столовая и кухонная посуда 455. Лампы и канделябры 459.—Мебель 463 (триакличей 467). Игральныя приборы 469. Музыкальные инструменты 470.—Гимнастическіе приборы 473.—Колесницы 474. Портшезы 475. Экипажи и повозки 475.—Сельскохозяйственныя орудія 477.—Sella curulis 478. Избирательныя таблички 479.—Писчій матеріалъ и принадлежности для письма (свитки: volumina) 450.—Деньги 481.—Пожарный снарядъ 484—Орудія наказанія 485.—Метательныя снаряды 485.—Богослужебная утварь: идолы 487; алтари 488; жертвенныя сосуды и орудія 488.—Саркофаги и пеплохранильницы 491.

Указатель рисунковъ 493—504.

Поправки.

ИЗДАНИЯ К. СОЛДАТЕНКОВА.

Аванасьева.....	Народныя Русскія сказки. 4 части Изд. 2.	6 р.
—.....	Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 3 части . . .	8 р.
Берга.....	Записки объ осадѣ Севастополя. 2 части.	2 р. 50 к.
—.....	Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ)	7 р.
Вейса.....	Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ вре- менъ. Т. I, Ч. I. Пер. В. Чаева.	4 р.
Вольскаго.....	Историческое народно-хозяйственное значеніе обработа- нныя крестьянами-собственниками.	2 р. 50 к.
Геттиера.....	Исторія всеобщ. литерат. XVIII вѣка. Т. III, Кн. I. Перев. А. Пыпина и А. Плещеева.	2 р.
Грановскаго.....	Сочиненія. 2 части	2 р.
Ешевскаго.....	Сочиненія. 3 части.	6 р.
Забѣлина.....	Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи 1 и 2-ая части; за каждую	2 р.
—.....	Куницово и древній сѣтунскій ставъ.	2 р.
Кавелина.....	Сочиненія. 4 части.	5 р.
Каррьера.....	Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III и IV. Перев. Е. Корша.	16 р.
Ключевскаго.....	Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ. . .	2 р.
Кольцова.....	Стихотворенія. Изд. 6.	20 к.
Куглера.....	Руководство къ исторіи искусства. Перев. Е. Корша. Ча- сти I и II.	10 р.
—.....	Руководство къ исторіи живописи. Перев. И. Васильева. . .	7 р.
Лотце.....	Мифрокозмиъ. 3 части. Перев. Е. Корша	6 р. 50 к.
Любке.....	Исторія пластики. Перев. В. Чаева	6 р.
Огарева.....	Стихотворенія. Изд. 3.	50 к.
Попова.....	Россія и Сербія. 2 части.	4 р.
Рихтера.....	Вліяніе цѣллулярной патологіи.	1 р.
Тацита.....	Лѣтописъ. 2 тома. Перев. К. Кронеберга.	1 р. 50 к.
Трачевскаго.....	Польское безкоролье.	3 р.
—.....	Испанія XIX вѣка. Часть I-я.	2 р. 50 к.
Тэиъ.....	Чтенія объ искусствѣ. Переводъ А. И. Чудинова	2 р.
Тренделенбурга.....	Логическія изслѣдованія. 2 части.	4 р.
Фета.....	Стихотворенія. 2 части	2 р.
Фрикена.....	Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христі- анскаго искусства. Часть I-я.	1 р.
Фюстель-Куланжъ.....	Гражданскія общины античнаго міра. Переводъ Е. Корша. . .	2 р. 50 к.
Чичерина.....	Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2 и 3. за каждую . .	3 р.
—.....	Нѣсколько современныхъ вопросовъ.	1 р.
—.....	О народномъ представительствѣ.	3 р.
—.....	Областные учрежденія.	3 р.
—.....	Опыты по исторіи русскаго права.	1 р.
—.....	Очерки Англіи и Франціи.	1 р.
Шекспира.....	Драматическія сочиненія. Перев. Н. Кетчера. Ч. 1—7-ая; за каждую.	1 р.
Шилова.....	Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи С. Со- ловьева. Съ 6-ю родословными таблицами.	3 р.